

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919838 2

100

Г. Марков

РУССКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

1869

00017

СЕНТЯБРЬ.

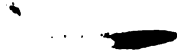
СОДЕРЖАНІЕ:

- I. САМОЗВАНЕЦЪ СТЕПАНЪ МАЛЫЙ. (Окончаніе.) В. Макушева.
- II. ПРОЦЕССЪ ЛЕЗЮРКА И ВОПРОСЪ О ВОЗОВНОВЛЕНІИ УГЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ. (Окончаніе.) М. С. Гольденвейсера.
- III. СУДЬБЫ ПАПСКОЙ ВЛАСТИ ПРИ НАПОЛЕОНЪ I. Е. М. Оеоктистова.
- IV. ПУТЕШЕСТВІЕ ЦЕСАРСКАГО ПОСОЛЬСТВА ИЗЪ ВѢНЫ ВЪ МОСКВУ ВЪ 1655 ГОДУ. Переводъ съ сербскаго К. Петковича.
- V. ПЕМБЕ. Разказъ изъ эпиро-албанской жизни. К. Н. Леонтьева.
- VI. ЯПОНИЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ХРИСТИАНСКОЙ МИССИИ. Иеромонаха Николая.
- VII. ЕЛТОНСКИЙ СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛЬ. Д. П. Гаврилова.
- VIII. ПОЛЬСКІЕ АГЕНТЫ ВЪ ЦАРЪГРАДѢ. Гл. П. В. И. Кельсѣва.
- IX. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ. Густава де-Моллиари.
- X. ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНИХЪ ЗАКОНОВЪ О ПРАВОСЛАВНОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ ВЪ РОССИИ. П. К. Щербальскаго.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

БУЛГАМШТОНСКИЙ ВИКАРІЙ. Романъ. Соч. Антони Тредана. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. I—VIII.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ,

издаваемый

М. БАТКОВИЧЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о)
На Страстномъ бульварѣ.
1869.

V. 11

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
660017
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1913 L

САМОЗВАНЕЦЪ СТЕПАНЪ МАЛЫЙ*

ПО АКТАМЪ ВЕНЕЦІЯНСКАГО АРХИВА.

IV. Самозванецъ въ Черногоріи.

Удаленіе самозванца въ Черногорію Венеція приписывала принятымъ ею противъ него и его приверженцевъ мѣрамъ. Генеральный проведиторъ въ Далмаціи не замедлилъ сообщить пограничнымъ турецкимъ властямъ „объ изгнаніи“ Степана Малаго изъ венеціянскихъ владѣній,** а баилъ, по приказанію сената, представилъ Портѣ меморію,*** въ которой, восхваляя энергическія мѣры Венеціи, заставившія самозванца „бѣжать“ въ Черногорію, говоритъ: „Итакъ онъ находится теперь въ рукахъ подданныхъ Бластательной Порты, которая сумѣетъ расположить ихъ къ уничтоженію этого злостнаго авантюриста, столь искусно умѣвшаго привлечь ихъ на свою сторону. Желательно было бы чтобы не произошло новыхъ беспорядковъ; но негодованіе, съ которымъ самозванецъ покинулъ венеціянскія владѣнія, и обнаруженная имъ вражда къ подданнымъ Республики, населяющимъ смежныя съ Черногоріей долины, заставляютъ опасаться набѣговъ послушныхъ его волѣ Черногорцевъ, которые

---

* См. №№ 7 и 8 *Русск. Вѣсти*.

** Письма Ревьера къ боснійскому визирю, Мехмеду, отъ 17-го апрѣля и 4-го мая 1768, и къ Мехмедъ-шахъ скадарскому, отъ 26-го апрѣля.

*** Копія при депешѣ отъ 1-го іюля 1768, № 22.

уже расположены къ месту за блокированіе ихъ со стороны венеціанскихъ владѣній.“ Представляя эту меморію, Джустиціанъ увѣрялъ Рейсъ-эффенди что Венеція будетъ усердно помогать Турціи противъ самозванца и мятежныхъ Черногорцевъ, и побуждалъ его къ неотлагательнымъ и рѣшительнымъ противъ нихъ мѣрамъ; а дабы дать болѣе силы своимъ настояніямъ, онъ поднесъ ему подарокъ во 189 піастровъ, обѣщая щедрое вознагражденіе со стороны Республики, если онъ поддержитъ ея настоянія и убѣдитъ султана дѣйствовать энергически противъ Черногоріи. * Вскорѣ желаніе баила исполнилось: султанъ, получивъ донесеніе беглербея румелійскаго о Степанѣ Маломъ и патріархѣ Печьскомъ, возбуждающихъ Черногорцевъ противъ Турокъ, приказалъ немедленно отрядить значительный корпусъ Бостанджи, назначенный первоначально къ границамъ Польши, и послать его на соединеніе съ румелійскими войсками, получившими приказаніе спѣшить къ границамъ Босны и Албаніи. ** Эти войска, числомъ 18.000, соединившись съ мѣстною милиціей, должны были немедленно вступить въ Черногорію. Папашамъ было предписано вступить въ сношенія съ венеціанскими властями въ Далмаціи и Албаніи и дѣйствовать согласно съ ними, а баилу Порты выражала надежду что и „республика окажетъ ей все свое содѣйствіе къ уничтоженію самозванца и его приверженцевъ“. ***

Мы оставили Степана Малаго въ Нѣгушахъ, куда онъ переселился изъ Майнъ. Отсюда онъ отправился въ одну изъ плодороднѣйшихъ и населеннѣйшихъ нахій Черногоріи, въ Цермницу. Онъ обложилъ каждый домъ податью, которую должно было внести до Петрова дня. Здѣсь онъ показалъ впервые примѣръ той строгости, съ которою въ послѣдствіи преслѣдовалъ воровъ: онъ приказалъ сначала бить уличеннаго въ воровствѣ по пяткамъ, потомъ повѣсить его за ноги, а за тѣмъ за руки; послѣ двухчасоваго мученія его спали съ дерева и наложили на него пеню въ 40 цекюловъ, въ пользу обокраденнаго имъ лица. Отсюда Степанъ Малый отправился въ Виръ, на Скадарскомъ озерѣ, гдѣ

* Донесеніе Джустиціана дожу, отъ 1-го іюня 1768, № 22.

** То же отъ 8-го іюня 1768, № 24.

*** То же отъ 15-го іюня 1768, № 25.

присутствовалъ на обычномъ базарѣ, и черезъ Мирацъ возвратился въ Нѣгушцъ.*

Здѣсь въ домѣ губернатора Іова Станова, въ которомъ онъ поселился, самозванецъ праздновалъ въ Петровъ день память Петра Великаго и угощалъ Черногорцевъ; на другой день онъ отправился въ Цетинье, гдѣ торжественно праздновалъ именины наслѣдника цесаревича Павла Петровича, будто бы своего сына.

Въ это время посланникъ нашъ въ Вѣнѣ, князь Голицынъ, получилъ отъ нашего двора приказаніе отправить тайно въ Черногорію надежное лицо съ присланною къ нему изъ С.-Петербурга грамотой императрицы, въ которой, удостовѣряя въ смерти Петра III, Екатерина II требовала отъ Черногорцевъ изгнанія самозванца, дерзнувшаго принять имя покойнаго царя. Голицыну было приказано дѣйствовать какъ можно осторожно и скрытно, дабы захватить самозванца врасплохъ и нечаяннымъ появленіемъ русскаго чиновника съ царскою грамотой сильнѣе подѣйствовать на умы Черногорцевъ. Но посланникъ нашъ не умѣлъ сохранить тайны, и прежде чѣмъ совѣтникъ посольства, Юрій Меркъ, выѣхалъ изъ Вѣны, въ Константинополь уже знали о предполагавшейся его повѣздкѣ въ Черногорію: французскій посланникъ, сообщившій объ этомъ Портѣ, воспользовался случаемъ дабы набросить тѣнь подозрѣнія на Россію и выставить ее виновницей происшедшихъ въ Черногоріи смуть. Обрѣсковъ, не знавшій еще ничего о порученіи данномъ Голицыну, былъ поставленъ въ весьма неловкое положеніе и принужденъ былъ выслушивать саркастическія замѣчанія Рейсъ-эффенди.**

Голицынъ счелъ нужнымъ поручить Мерка покровительству Венеціи, а она уведомила немедленно генеральнаго проведитора въ Далмаціи объ отъѣздѣ въ Черногорію русскаго чиновника, приказавъ ему слѣдить за нимъ. Ночью 5-го іюля в. ст. Меркъ прибылъ на одномъ бокезскомъ суднѣ въ Боку Которскую. При самомъ входѣ въ нее къ нему явился венеціанскій чиновникъ съ запрещеніемъ высадиться на берегъ безъ особаго на то разрѣшенія генеральнаго проведитора. Вслѣдствіе своихъ настояній, Меркъ былъ наконецъ высаженъ

* Доклесенія Рейвера дожу, №№ 178 и 180.

** Депеша Джустициала отъ 1-го іюня и 1-го іюля 1768, №№ 23 и 28.

въ Которѣ, гдѣ Реньеръ озаботился о присланіи ему помѣщенія. Боясь отправиться въ Черногорію, Меркъ просилъ Реньера дозволить владыкѣ Саввѣ и черногорскимъ главарямъ прибыть къ нему въ Которѣ. Черногорцы, узнавъ объ его пріѣздѣ, также просили генеральнаго проведитора о дозволеніи имъ прибыть на свиданіе съ русскимъ посланникомъ хотя бы въ одно изъ городскихъ предмѣстій. Но Реньеръ былъ неумолимъ: онъ предлагалъ Мерку конвой до черногорской границы, но не соглашался дозволить Черногорцамъ прибыть въ Которѣ, а чтобы никто изъ нихъ не пробрался къ нему тайно, онъ приказалъ бдительно сторожить его. Проведя бесполезно нѣсколько дней въ Которѣ, Меркъ, не исполнивъ возложеннаго на него порученія, возвратился чрезъ Дубровникъ въ Венецію. *

Сохранившаяся въ бумагахъ Реньера переписка его съ пограничными турецкими властями ясно показываетъ что обѣщаніе Венеціи помогать Туркамъ противъ Черногорцевъ было искренне: сообщая пашамъ извѣстія о самозванцѣ, поставляя провіантъ для турецкихъ войскъ, ** генеральный проведиторъ въ то же время блокировалъ Черногорію, строго запретивъ всякое съ нею сообщеніе. Напрасно Черногорцы, напоминая о своихъ услугахъ Венеціи, молили и грозили. Собравшись на скупшину въ Нѣгуши, всѣ черногорскіе главари подписали 7-го іюля слѣдующее любопытное „доношеніе“, отправленное къ Реньеру въ Которѣ: ***

„Пишемъ тебѣ это письмо мы весь народъ, находящійся въ Черной горѣ, Кучахъ, Билопавличахъ, Пиперахъ, Ровцахъ, Васоевичахъ, Братонажичахъ, Клименти и всѣхъ Бердахъ, мы, всегда оказывавшіе услуги дожу и его государству и всегда, когда вамъ было нужно, находившіеся на службѣ и приходившіе къ вамъ на помощь въ разныя времена, когда вы воевали съ Турками, да и потомъ всегда васъ закрывавшіе съ турецкой стороны, какъ свидѣльствуютъ о томъ многіе имѣющіеся у

* Донесеніе Реньера отъ 9-го іюля 1768, № 181 и его письмо къ бау отъ 23-го того же мѣсяца. Его же письма къ бегалербю румелийскому, боснійскому визирю и скадарскому пашѣ, отъ 7-го и 18-го іюня и 1-го августа 1768 г.

** Письмо его же къ Мехмеду, скадарскому пашѣ, отъ 4-го іюля 1768 г., вмѣсто просимыхъ 30.000 окъ сухарей, предлагаетъ 36.000 окъ муки.

*** „Преузвизенному господину властелину мистецками, Анонію Рекиру, генералу отъ Далмачіе и Алабаніе“. Въ бумагахъ Реньера.

насъ аттестаты вашихъ первыхъ генераловъ и дожевы грамоты съ обѣщаніемъ намъ ежегодныхъ субсидій. За эти услуги, оказанныя нами вамъ въ прежнія времена, вы не только не смотрите на насъ какъ на своихъ сослуживцевъ и вѣрныхъ союзниковъ, но безъ всякой нашей вины принимаете насъ за неприятелей, и не только не даете намъ постановленнаго, но еще на свои деньги призываете на насъ турецкую силу. Если вы сердитесь что мы держимъ этого чело­вѣка, то мы думаемъ что насъ никто не держитъ и не защищаетъ, кромѣ Бога, а потому мы сами по себѣ и вольны въ своей землѣ держать даже Турчина, а не только своего брата христіанина, да притомъ такого который оказалъ намъ столько добра, а въ добавокъ еще чело­вѣка изъ царства Московскаго, служить которому мы должны и обязаны всегда до послѣдней капли крови, служить и умереть за него: къ тому насъ обязываетъ единство вѣры, закона и языка. Если Богу будетъ угодно чтобы всѣ мы умерли, то и тогда мы не можемъ отступить (отметнути се) отъ Московскаго царства, пока хоть одинъ изъ насъ останется въ живыхъ. Но мы слышали что въ вашемъ городѣ находится нѣкая особа, присланная къ намъ изъ Россіи, и вы не пропускаете ее къ намъ. А потому усердно просимъ тебя отпустить его къ намъ сегодня вечеромъ или завтра рано утромъ, чтобы онъ передалъ нашей землѣ и нашему народу возложенное на него порученіе. Если же къ утру вы не пошлете къ намъ этого чело­вѣка и по-прежнему будете возбранять намъ мирно проходить чрезъ вашу землю, какъ дружескую, въ ваши города, то постойте и вполне надѣйтесь, говоримъ мы тебѣ, что съ Божіею помощію и нашимъ оружіемъ мы проложимъ путь къ морю; ибо не вы сами завоевали эти города и земли, но мы проливали за нихъ кровь нашу. Пусть съ тебя взыскиваетъ дожъ будущіе убытки, а мы не виноваты, если ты насъ не послушаешь. Помоги!

„Дано въ Нѣгушахъ, въ понедѣльникъ, 7-го іюля 1768.

„PS. И знай, что мы—мы. Если мы въ чемъ провинились то отвѣтимъ и здѣсь, и на другомъ мѣстѣ; а ты боишься что никогда не сможешь.“

Это „доношеніе“ скрѣплено черногорскою печатью и написано слѣдующими главарями: губернаторомъ Іовомъ Радоничемъ, воеводою рѣчьскимъ Илиєю Дрекаловичемъ, воеводою Андреемъ Джорашковичемъ, воеводою Моисеемъ Пламенцемъ, воеводою бѣлопавличскимъ Мичко, воеводою Степаномъ Мартиновичемъ, воеводою пиперскимъ Стояномъ, сердаремъ Вуколомъ Вукотичемъ, воеводою всѣхъ Климентъ, Муелесомъ, воеводою ускочскимъ Николаемъ, главаремъ (князь) балевицкимъ Премомъ, главаремъ васоевичскимъ Вукаиломъ и главаремъ ровачскимъ Минутиномъ.

Ровно за два года предъ этимъ, 6-го іюля 1766 г., когда Антоній Ревьеръ прибылъ въ Которъ, главари Нѣгущей отравили къ нему прошеніе, въ которомъ жаловались что за оказанныя ими нѣкогда Венеціи услуги Черногорцы не только не получаютъ положенныхъ субсидій, но и претерпѣваютъ всякаго рода притѣсненія отъ которскаго проведитора, Лаврентія Паруты. „Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Которъ, а выше него Черная гора“, писали нѣгущскіе главари, „никакому народу не было такой муки и неволи какъ намъ въ нынѣшнія времена отъ которскаго начальства.... *Богъ высоко, а яснѣйшій дождь далеко* (защо е Богъ високо, а преведри принципъ далеко) и не можетъ знать о нашихъ страданіяхъ и о нашей неволѣ.“ Затѣмъ они жаловались что Черногорцевъ не пускаютъ въ Которъ, что они должны покупать у контрабандистовъ по высокой цѣнѣ соль и вино, что солдаты бьютъ приходящихъ на базаръ Черногорокъ и что Гербяне отняли у нихъ соловарни и луга, которыми они владѣли со временъ Ивана Черноевича. „Такою милостью мы получаемъ“, прибавляли нѣгущскіе главари, „за наши услуги. Когда мы были нужны яснѣйшему дождю, тогда Черногорцевъ не считали разбойниками и злыми людьми, но яснѣйшій дождь платилъ имъ жалованье, и они вѣрно служили ему.“

Молва о появленіи въ Черногоріи русскаго царя распространилась по всей Турціи, и изъ всѣхъ областей ея стали стекаться къ самозванцу приверженцы и помощники: въ числѣ ихъ были и Славяне, и Албанцы, и Греки. Беглербей румелійскій доносилъ Портѣ, что даже изъ отдаленной Моречи высаживаются подъ разными предлогами на берега Албаніи Греки, отправляющіеся потомъ въ Черногорію. Самозванецъ, по его словамъ, получалъ помощь не только людьми, но и деньгами, и въ такомъ огромномъ количествѣ, что могъ сорить ими. Беглербей увѣдомлялъ также Порту, что самозванецъ разослалъ къ пограничнымъ пашамъ письма, въ которыхъ, предсказывая большіе перевороты имѣющіе совершиться въ Турціи въ ближайшемъ будущемъ, приглашалъ ихъ принять его сторону дабы избѣгнуть неминуемой гибели.“

Порта подозрѣвала Россію въ тайной поддержкѣ Черногорцевъ. Обрѣсковъ получалъ ноту, въ которой были формулованы обвиненія противъ Россіи, и на которую онъ отвѣчалъ такъ:

„Въ нотѣ, врученной мнѣ на этихъ дняхъ, говорится, что мятежные жители Черногоріи нѣсколько лѣтъ тому назадъ предложили Россіи вступить въ ея подданство, что они отправили тогда одного изъ ихъ епископовъ въ Россію съ просьбой о покровительствѣ, что Россія, принявъ ихъ предложеніе подъ условіемъ чтобы впредь гавары этихъ мятежниковъ находились подъ ея управленіемъ (sotto la direzione Russiana), поручила присланному ими епископу приказать гаварямъ собрать войско и снабдить его всѣмъ необходимымъ, и на этотъ конецъ вручила этому епископу значительную сумму денегъ,—что она же, Россія, старается всячески усилить Черногорцевъ, и что Баистательная Порта, узнавъ обо всемъ этомъ, надѣется что, даже и въ такомъ случаѣ когда эти свѣдѣнія окажутся достоверными, не послѣдуетъ разрыва между обѣими дружественными державами. Вручая эту ноту моему первому драгоману, Баистательная Порта изъявила желаніе имѣть отъ меня обстоятельный отвѣтъ. Я нижеподписавшійся, кавалеръ и министръ, и совѣтникъ ея величества императрицы Всероссійской, прошу Баистательную Порта обождать отвѣта на ея запросъ до прибытія нашего курьера, и тогда, по полученіи ожидаемыхъ отъ нашего двора бумагъ, я представлю обстоятельное объясненіе, откуда и какимъ образомъ возникли эти слухи дошедшіе до Баистательной Порты.“*

Военныя приготовленія въ Боснѣ и Албаніи противъ Черногоріи подвигались впередъ, хотя медленно. Было предположено образовать два большіе лагеря въ Граховѣ и въ Скутари, и въ первомъ сосредоточить 40.000, а во второмъ 50.000 войска. Бакируя Черногорію со стороны Босны и Албаніи, турецкіе военачальники должны были отправить къ Черногорцамъ ультиматумъ съ требованіемъ уплаты дани за истекшія семь лѣтъ и выдачи самозванца, патріарха и владыки Саввы. Если Черногорцы исполнять эти требованія, то наши должны были приостановить военныя дѣйствія до новыхъ приказаній. Въ противномъ же случаѣ они имѣли одновременно съ двухъ сторонъ вторгнуться въ Черногорію и предать ее огню и мечу, не оставивъ камня на камнѣ и истребивъ всѣхъ Черногорцевъ съ семи-лѣтняго возраста. **

* Эта нота Обрѣскова, въ италянскомъ переводѣ, была препровождена Джустицианомъ къ дожу при донесеніи отъ 17-го августа 1768 года, № 33. У меня имѣется только италянскій переводъ, за точность котораго не могу ручаться.

** Донесенія Ст. Вуровича изъ Новаго отъ 26-го и 27-го іюля 1768 г. и поаковника Степана Ваича изъ Вераики отъ 27-го того же мѣсяца и года.

Антоній Новаковичъ, комендантъ форта Опусъ (на Неретвѣ), доносилъ Реньеру, отъ 12-го августа, о военныхъ приготовленияхъ въ Боснѣ слѣдующее: „Семь пашей назначены для покоренія Черногоріи; двое изъ нихъ трехбунчужные — визирь боснійскій и беглербей румелійскій; этотъ послѣдній будетъ главнокомандующимъ арміею; остальные паши суть: Класскій, Новобазарскій и три албанскихъ. Силы боснійскаго визира простираются до 10.000, а беглербея румелійскаго до 25.000; Класскій паша приведетъ съ собою 1.000, а Новобазарскій—2.000 солдатъ; подъ начальствомъ Арнауци-башей будетъ состоять 20.000 Албанцевъ. Только военачальники и аги будутъ на лошадяхъ. Каждый мусульманинъ долженъ быть вооруженъ ружьемъ, пистолетомъ, саблей и турецкимъ ножомъ. Касса боснійскаго визира состоитъ изъ 1.700 кесъ или кошельковъ (каждый во 125 цекиновъ). Каждый Турокъ долженъ взять съ собою въ походъ 10 окъ сухарей, мяса, риса, и все ему необходимое. По истощеніи этого запаса, визирь будетъ снабжать ихъ на счетъ кассы. Каждый городъ поставилъ извѣстное количество военныхъ снарядовъ. Въ Никшичѣ образованъ складъ военныхъ и сѣстныхъ припасовъ. По прибытіи сюда визира, будетъ составленъ планъ атаки Черногоріи. Изъ Никшича будетъ взято нѣсколько пушекъ.“ *

22-го августа прибылъ въ Скутари беглербей Румелійскій, Мехмедъ-паша. Извѣщая Реньера о назначеніи своемъ главнокомандующимъ турецкою арміею противъ Черногоріи и напоминая ему объ обязательствѣ Венеціи не давать убѣжища Черногорцамъ на своей территоріи, беглербей пишетъ:

„Въ числѣ земель завоеванныхъ Оттоманскою имперіею находится такъ-называемая Черная Гора, населенная людьми преступными и кровожадными.

„Въ настоящее время появился тамъ вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ также Печскій патріархъ, бѣжавшій въ эту страну отъ преслѣдованій за свои незаконныя и преступныя дѣяствія. Съ обычнымъ своимъ лукавствомъ и чрезвычайною дерзостью, онъ поднялъ знамя возмущенія, распустивъ предварительно слухъ о высокомъ происхожденіи неизвѣстнаго. Такія извѣстія дошли до свѣдѣнія моего государя изъ

* *Antonio Novacovich, soprintendente. Forte Opus, 12 Agosto 1768.*

Скутари, Служа, Подгорицы и остальной Румелии, и я самъ доведъ о возмущеніи этихъ жителей (Черногорцевъ)... Узнавъ объ этомъ, могущественный монархъ, государь мой, своимъ царскимъ умомъ рѣшилъ наказать этотъ непослушный народъ и привести его въ прежнее послушаніе. Собственно-ручнымъ султанскимъ рескриптомъ я былъ избранъ и назначенъ привести въ исполненіе это намѣреніе. Подъ покровительствомъ Божиимъ, я отправился къ мѣсту назначенія и прибылъ сюда въ Скадаръ въ понедѣльникъ 22-го августа. Здѣсь пробуду нѣсколько дней, въ ожиданіи пока соединятся войска и будутъ исполнены мои распоряженія.“

24-го августа беглербей съ двадцатитысячнымъ корпусомъ отправился въ Подгорицу, куда черезъ два дня скадарскій паша привелъ еще 15.000 солдатъ; сюда же спѣшили еще двое пашей съ пятью тысячами Албанцевъ. Въ свитѣ скадарскаго пашы отправился въ Подгорицу венеціанскій вице-консулъ въ Скадрѣ. Ему было сообщено что турецкія войска займутъ три пограничныя венеціанскія общины и разорять ихъ, если онѣ не перестанутъ помогать Черногорцамъ. Въ то же время беглербей приказалъ отправить къ генеральному проведатору десять венеціанскихъ подданныхъ (три Майнота, шесть Бранчей и одинъ Поборянинъ) доставленныхъ къ нему въ кандалахъ изъ Константинополя вмѣстѣ съ двадцатью Черногорцами.

15-го августа выступилъ изъ Травника боснійскій визирь; 21-го онъ прибылъ въ Мостаръ, откуда черезъ Невесинье (24-го числа) и Гацко (26-го) спѣшилъ въ Никшичъ.

Такимъ образомъ у черногорскихъ границъ одновременно появились двѣ равносильныя турецкія арміи, боснійская и албанская. Аттаковавъ одновременно Черногорію съ двухъ сторонъ, онѣ должны были соединиться внутри ея, — планъ, осуществленный Омеръ-пашой въ послѣднюю черногорскую войну.

Доносъ дожу о сосредоточеніи турецкихъ войскъ у границъ Черногоріи, Реньеръ прибавляетъ что, по свѣдѣніямъ полученнымъ имъ отъ Селамъ-аги, посланнаго къ нему турецкимъ главнокомандующимъ съ жалобой на Бокезовъ, помогающихъ Черногорцамъ, беглербей пробудетъ въ Подгорицѣ десять дней, въ ожиданіи пока соединятся всѣ войска, численность которыхъ простирается до 45.000; здѣсь будетъ военный совѣтъ; потомъ онъ пошлетъ къ Черногорцамъ

ультиматумъ съ требованіемъ чтобы въ десятидневный срокъ они покорились и выдали ему самозванца, патріарха Печскаго Василія, сердаря и еще трехъ другихъ главныхъ приверженцевъ Степана Малаго; по прошествіи этого срока, если его требованія не будутъ исполнены, онъ вторгнется въ Черногорію и предастъ мечу всѣхъ жителей имѣющихъ болѣе семи лѣтъ. Беглербей надѣется что ему не придется обнажить шпаги противъ Черногоріи, въ противномъ же случаѣ онъ начнетъ военныя дѣйствія прежде всего противъ приверженнаго самозванцу племени Кучей, а потомъ противъ остальныхъ Черногорцевъ.

Взаимное недовѣріе Турціи и Венеціи подало поводъ къ обмѣну нотъ. По приказанію сената, Портѣ сообщено, „что генеральному провектору предписано охранять со всею бдительностію черногорско-венеціанскую границу, дабы рѣшительно воспрепятствовать бѣгству Черногорцевъ, особенно же наиболѣе преступныхъ изъ нихъ, строго воспретивъ венеціанскимъ подданнымъ всякое съ ними общеніе“. Далѣе, Порты завѣрялась въ искренности Венеціи и въ необходимости для обоихъ государствъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ дѣйствовать дружно и согласно противъ Черногоріи; вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалось недоумѣніе что Порты двинула къ границамъ Далмаціи столь значительную армію, которая превышаетъ силы необходимыя для усмиренія горцевъ.

Порты отвѣчала увѣреніями въ своей дружбѣ и искренности къ Венеціи и торжественно объявляла что *сосредоточеніе силъ на границахъ Далмаціи не имѣетъ другой цѣли кромѣ болѣе легкаго усмиренія Черногорцевъ.*

При извѣстіи о приближеніи турецкихъ войскъ къ ихъ границамъ, Черногорцы собрались на скупшину въ Цермницѣ; но она не привела ни къ какому результату: одни предлагали покориться Туркамъ, другіе же напротивъ защищать до послѣдней капли крови „царя Петра“. Видя такую нерѣшительность, самозванецъ собралъ скупшину въ Цетиньѣ и приказалъ всѣмъ безъ различія Черногорцамъ взяться за лопаты и другія орудія и идти строить траншеи для защиты отъ Турокъ. *

Собравъ 1500 Черногорцевъ, самозванецъ отправился къ Острогу и началъ укрѣплять границу со стороны Никшича:

* Довѣсеніе Павла Матутиновича Реньеру (изъ Котора).

Черногорцы строили траншеи, рыли каналъ отъ горы у Дрестиной воды до Никшичской долины, баррикадировали дороги. Самозванецъ отправилъ въ Цуды и Везево доверенныхъ лицъ, дабы вооружить всѣхъ способныхъ носить оружіе; Пльшивцы, Бѣлопавличы и Берда (подъ начальствомъ капитана Иава) спѣшили къ нему на соединеніе. Такимъ образомъ въ распоряженіи самозванца было до 5.000 Черногорцевъ. Ему удалось задержать двухъ курьеровъ беглербея румелийскаго съ письмами къ визирю боснійскому и узнать чрезъ то планъ военныхъ дѣйствій Турокъ. *

Въ то время когда самозванецъ напрягалъ всѣ силы Черногоріи дабы дать отпоръ Туркамъ, Венеція подсылала къ нему шпионовъ, слѣдившихъ за его дѣйствіями, и мучила Черногорцевъ, убѣждала ихъ покориться султану и выдать Степана Малаго и патриарха Василія, дабы избѣгнуть неминуемой гибели. Ей удалось образовать партію противную войнѣ: во главѣ этой партіи стоялъ владыка Савва, вѣрный слуга Венеціи; но эта партія не пользовалась популярностью, а престарѣлый владыка, опозоренный прозвищемъ „латинянина“, былъ ненавидимъ народомъ, все болѣе и болѣе примыкавшимъ къ мнимому царю. Вотъ въ какихъ чертахъ изображаетъ самъ Савва отношенія свои къ Черногорцамъ и Венеціанцамъ въ письмѣ къ маіору Македоніи, въ первыхъ числахъ сентября 1768 г.

„Вы знаете сколько зла и неволи потерпѣлся въ этотъ годъ я, несчастный старецъ владыка, и знаете отъ кого, и все за правду Божию, а не по своей винѣ. Я не могу слышать неправды которую говорятъ о моемъ яснѣйшемъ дождѣ: поѣтому я объявлялъ и говорилъ что нѣтъ истины въ распространяемой молвѣ, что дождь добрый, мудрый и уважаемый государь, что онъ можетъ съ честью отвѣтить всякому царю и королю. Преданность дожу я доказалъ и дѣломъ, пославъ генеральному проведитору письмо полученное мною отъ русскаго резидента въ Константинополь. Когда узнали объ этомъ Черногорцы, напустилась на меня дѣлая тысяча и хотѣли убить меня. Я затворился въ домъ, а они кричали: „выходи сюда, латинянинъ!“ Я не выходилъ. Они грабили и злочинствовали, поставили стражу въ монастырѣ и десять недѣль никуда меня не выпускали, боясь что я убѣгу въ Которъ; потомъ освободили меня, но запретили писать генеральному проведитору или кому-либо другому, грозя мнѣ въ противномъ случаѣ

* Relazione di confidente spedito nel Montenegro, отъ 5-го сентября 1768 г.-

смертью. И я не смѣлъ писать, и все сидѣлъ подъ арестомъ въ горѣ и неволи. И никто, кромѣ Бога, не знаетъ моей неволи которую нельзя ни описать, ни словами передать. Но, слава Богу, есть за кого терпѣть, за моего яснѣйшаго дожа, которому я вѣрно служилъ цѣлыхъ 50 лѣтъ; съ тѣхъ поръ какъ живу на его землѣ, я всегда былъ его вѣрнымъ слугою. Клянусь что я никогда предъ нимъ не провинился, и да накажетъ меня Богъ, если изъ-подъ крылъ его я пойду куда-либо: я въ его власти, и пусть дѣлаетъ со мною что хочетъ. Я поручаю себя вамъ, какъ правому и вѣрному слугѣ яснѣйшаго дожа: попросите его отъ меня чтобъ онъ принялъ какія-либо мѣры, да не погибну я старецъ. Я ни въ чемъ ни виновать, клянусь Богомъ и Пресвятою Богородицей. Я говорилъ и подданнымъ (венеціанскимъ) и Черногорцамъ что ихъ ожидаетъ, и все это исполнилось, и они расквашиваются, но уже поздно. Говорили что генеральный проведиторъ послалъ мнѣ 3.000 цекиновъ *мыта* съ протоппомъ Латковичемъ, и что я оставилъ эти деньги въ Поборяхъ у монахини, тетки попа Коста, и послали къ ней вооруженныхъ людей, ограбили ее, расхитили все ея имущество и 120 цекиновъ, за то что она говорила правду....“

Нѣтъ сомнѣнія что эта враждебная самозванцу партія нѣсколько тормозила его дѣйствія; но общая опасность вскорѣ соединила всѣхъ Черногорцевъ; къ нимъ пришли на помощь ихъ единоплеменники изъ Албаніи и Босны. Всего собралось до 10.000 воиновъ.

Самозванецъ съ 1.500 Черногорцевъ укрѣпился въ траншеяхъ подъ Острогомъ на рѣкѣ Сидницѣ, притокѣ Морачи, впадающей въ Бояну, текущую въ Скадарское озеро. Острогъ, находящійся противъ Никшича, укрѣпленъ природою: узкій проходъ между двумя стѣнами горъ можетъ вмѣстить только четырехъ всадниковъ рядомъ. Здѣсь, какъ и въ прошлую войну, Черногорцы ожидали непріятели, рѣшившись воспрепятствовать соединенію двухъ турецкихъ армій. Самозванецъ воодушевлялъ своихъ Черногорцевъ что турецкое войско составлено изъ разнаго сброда людей, утомленныхъ походомъ, и что при первомъ натискѣ оно разбредетъ. Но его предсказаніе не исполнилось. 4-го сентября, по турецкимъ извѣстіямъ, или 5-го, по венеціанскимъ, отрядъ боснійской арміи атаковалъ Черногорцевъ и, послѣ получасовой жаркой битвы, опрокинулъ ихъ къ Оздриничамъ, на полдня разстоянія отъ мѣста сраженія. Черногорцы покинули свой лагерь и спасались бѣгствомъ, оставивъ раненыхъ на

произволь неприятеля. Ихъ потери ранеными, убитыми и взятыми въ плѣнъ были довольно значительны. Въ числѣ послѣднихъ находился попъ Степо изъ Нѣгушей. Наиболѣе пострадали въ этой битвѣ Бѣлопавличи: болѣе сотни ихъ попались въ плѣнъ къ Туркамъ. Разказываютъ что самозванецъ при переправѣ чрезъ рѣку былъ настигнутъ двумя Турками, но успѣлъ отбиться и спастись бѣгствомъ. *

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ доносимъ Портѣ боснійскій визирь о побѣдѣ одержанной имъ надъ Черногорцами подъ Острогомъ:

„Въ четвергъ, 1-го сентября, мы прибыли со всеми побѣдоносными войсками въ Никшичскій лагерь и съ согласія преславнаго паши румелійскаго напали съ трехъ сторонъ на возведенное самозванцемъ Степаномъ Малымъ на неприступной скалѣ укрѣпленіе надъ Острожскимъ проходомъ, простирающимся отъ Никшича чрезъ Черногорію до Александри въ Албаніи, и 23-го числа того же мѣсяца мы овладѣли этимъ укрѣпленіемъ и опустошили и сожгли все чтѣ было возможно.

„Самозванецъ около получаса защищался храбро, но потомъ, какъ мы узнали отъ плѣнныхъ, бѣжалъ въ монастырь, находящійся въ томъ же проходѣ. Одинъ изъ монастырей былъ взятъ приступомъ и разоренъ; другой, построенный на вершинѣ горы и уважаемый невѣрными Черногорцами подобно храму Воскресенія въ Иерусалимѣ, былъ осаждаемъ двое сутокъ, но по причинѣ трудности мѣстоположенія и сильныхъ его укрѣпленій, мы не могли его взять. Въ этомъ монастырѣ находился самозванецъ; но вскорѣ, по свидѣтельству очевидцевъ, онъ бѣжалъ оттуда, а потому мы отступили и овладѣли горными укрѣпленіями, взявъ при этомъ много головъ и языковъ.“

Визирь отправилъ, какъ трофеи, два знамени съ крестомъ и головы, носы и уши неприятелей. По показанію плѣнныхъ, у самозванца было болѣе 10.000 воиновъ, православныхъ и католиковъ, изъ Черногорцевъ, Босняковъ, Албанцевъ и венеціанскихъ подданныхъ. При этомъ визирь высказывалъ опасеніе чтобы Черногорія не стала второю Мальтой.

* Домесеніе Ревьера дожу № 195. Домесеніе Андреа Македоніи изъ Жупы отъ 6-го сентября 1768.

„Благодаря Богу,“ пишетъ визирь, „собрание невѣрныхъ разсѣяно, и они наказаны!“

Извѣстіе объ этой побѣдѣ было возвѣщено въ Константинополѣ пушечными выстрѣлами. На показъ народу были выставлены 25 головъ и множество носовъ и ушей непріателей. Первому вѣстнику султанъ подарилъ пять кестъ, а каймаканъ двѣ; кромѣ того, ему былъ назначенъ пожизненный пенсіонъ. Послы французскій, англійскій и венеціанскій спѣшили съ поздравленіями къ великому визирю. Но радость Турокъ была непродолжительна: вскорѣ пришли иныя извѣстія, по коимъ эта побѣда была далеко не рѣшительна; сами даже турецкіе сановники стали сомнѣваться въ правдивости донесенія визира, тѣмъ болѣе что онъ самъ высказывалъ опасенія чтобы Черногорія не сдѣлалась второю ненавистною Туркамъ Мальтой.

Впечатлѣніе произведенное на Черногорцевъ пораженіемъ подъ Острогомъ было весьма неблагоприятно для самозванца: противъ него поднялся ропотъ; стали говорить о необходимости покориться Туркамъ и спасти себя выдачей имъ Степана Малаго, Печьскаго патріарха и еще нѣкогого Якова, пришедшаго шесть мѣсяцевъ тому назадъ въ Черногорію изъ окрестностей Карлштадта и выдававшего себя за русскаго генерала, посланнаго будто бы нашимъ дворомъ на помощь самозванцу. * Чужа, вѣроятно, опасность, Степанъ Малаый неизвѣстно куда скрылся; говорили даже что онъ переданъ Туркамъ.

Побѣда подъ Острогомъ открыла Туркамъ дорогу въ Черногорію. Они истребляли все попадавшееся имъ на пути. Девять деревень въ Нахіяхъ Кучи, Клименти и Пипери были ими сожжены. Нѣсколько лошадей, нагруженныхъ головами убитыхъ Черногорцевъ и Черногорокъ, отправлено въ Скутари. Дѣвушки и мальчики отведены въ плѣнъ. Турки проникли до той самой рѣки Черноевичи, съ которой въ послѣднюю войну Омеръ-паша послалъ въ Цетинье свой ультиматумъ. **

24-го сентября вторгся въ Черногорію Мехмедъ-паша Скадарскій съ 12.000 Албанцевъ; къ нимъ присоединились 5.000 беглербея румелійскаго и Али-паша изъ Джакова съ 1.500

* Донесеніе Ренъера № 195.

** Донесеніе Павла Матутиновича.

человѣкъ. Они сожгли сначала деревню Лодину, состоявшую изъ ста домовъ; подвигаясь впередъ, они грабили по дорогѣ все что могли; затѣмъ сожгли селеніе Глухидоль въ 1.600 домовъ и взяли 54 головы, немедленно отправленные Мехмедъ-пашою къ беглербею въ Забьяку (Sabiassa).

На слѣдующій день проливной дождь, шедшій всю ночь и весь день, смочилъ ружья, фешки съ порохомъ и сухари; войско стало жаловаться и роптать, и Мехмедъ-паша принужденъ былъ распустить его по домамъ. Донося объ этихъ происшествіяхъ, венеціанскій консулъ въ Скадрѣ, Андрей Дуодо прибавляетъ: „Не думаю чтобы въ нынѣшнемъ году они снова предприняли походъ въ Черногорію; вѣроятно, отложить до весны. Беглербей остается на зимовку въ Подгорцѣ“. *

Такъ кончилась эта кампанія противъ Черногорію, предпринятая съ такими огромными приготовленіями. Результаты не оправдали ожиданія. Султанъ былъ недоволенъ главнокомандующимъ, беглербеемъ румелійскимъ, обвинялъ его въ недостаткѣ энергіи, и въ порывѣ гнѣва послалъ даже капиджи за его головой. Но потомъ вернулъ его и простилъ беглербея изъ уваженія къ его сану и къ родственнымъ узамъ соединявшимъ его съ нимъ. Главнымъ виновникомъ немилости, въ которую впалъ беглербей, былъ боснійскій визирь, по интригамъ котораго онъ былъ отозванъ, и окончательное замѣреніе Черногорію было поручено его сопернику. Онъ получалъ отъ Порты приказаніе покончить поскорѣе съ Черногоріей, во что бы то ни стало, довольствоваться немногими заложниками и не настаивать на количествѣ дани. Порта не только простила Черногорцевъ, но и приняла ихъ подъ свое особое покровительство: она стала требовать чтобы Венеція дозволила имъ по-прежнему входить въ ея Албанію. По венеціанскимъ донесеніямъ, виновникомъ такой милости султана къ Черногорцамъ былъ скадарскій паша. Но которскій проведиторъ, знавшій нерасположеніе Черногорцевъ къ Венеціи и опасавшійся ихъ мщенія, не уступалъ требованіямъ Порты. По его настоянію, была представлена великому визирю нота (26-го ноября), въ которой требовалось чтобы Порта дала категорическое объявленіе объ окончательномъ усми-

* Донесеніе А. Дуодо отъ 28-го сентября 1868 при депешѣ Редера за № 197.

реніи Черногоріи и приняла на себя отвѣтственность за могущіе произойти на венеціанско-черногорской границѣ безпорядки: только подъ этими условіями Венеція соглашалась дозволить Черногорцамъ доступъ въ свою Албанію. Рейсъ-эффенди, послѣ долгаго молчанія, ограничился простымъ устнымъ увѣреніемъ что Черногорія дѣйствительно усмирена. *

Венеція, предложившая свои услуги Портѣ для усмиренія Черногоріи, никакъ не разчитывала что султанъ, принявшійся такъ горячо за это дѣло, остановится на полудорогѣ; она понимала что Черногорцы, избавившись отъ Турокъ, отмстятъ ей за всѣ мѣры принятыя ею противъ нихъ во время войны, а потому усилила пограничную стражу и отправила войско подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Вирцбурга, для усмиренія возмущившихся общинъ Венеціанской Албаніи. При приближеніи войска, Поброри покорились; Бранчи, послѣ краткаго сопротивленія, были обезоружены, а Майны оставлены жителями, удалившимися въ Черногорію. Главные приверженцы Степана Малаго были казнены. Этими мѣрами Венеція окончательно раздражила противъ себя Черногорцевъ, отъ главарей коихъ она получила письма наполненныя угрозами.

За все это время мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о Степанѣ Маломъ и сербскомъ патріархѣ. Изъ венеціанскихъ донесеній видно что Черногорцы увѣряли турецкихъ пашей въ ихъ бѣгствѣ въ Майны, а біографъ Степана Малаго разказываетъ что Черногорцы распустили слухъ будто онъ убитъ въ сраженіи, и „для подтвержденія своихъ словъ, отправили 18-го и 19-го апрѣля 1769-го къ беглербею 60 главарей, которые и представили ему лошадь, подаренную самозванцу патріархомъ, его саблю и плащъ“. По словамъ этого автора, беглербей не повѣрилъ черногорскимъ главарямъ и приказалъ всѣхъ ихъ заковать въ кандалы. Несмотря на кажущуюся правдивость этого разказа, мы имѣемъ полное право не довѣрять ему: 1) Черногорцы не могли послать къ беглербею въ апрѣлѣ 1769 года лошади, убитой самимъ самозванцемъ въ сентябрѣ 1768 года, и 2) беглербей не могъ рѣшиться на подобный поступокъ съ черногорскими главарами послѣ того какъ Порта

* Донесенія Джустициана отъ 16-го ноября, 1-го и 16-го декабря 1768 и 1-го января 1769.

не только даровала амнистію Черногорцамъ, но даже приняла ихъ подъ свое покровительство.

Лѣтомъ 1769 года Черногорцы возобновили набѣги на турецкія деревни въ Герцеговинѣ. Сообщая объ этомъ Портѣ, венеціанскій агентъ старался убѣдить великаго визира въ необходимости возобновить войну съ Черногоріей; но Рейтс-эффенди отнесся недовѣрчиво къ общенному извѣстію и отвѣчалъ что по донесеніямъ турецкихъ пашей спокойствіе на черногорской границѣ не было нарушено. *

11-го августа въ деревню Зоашъ, близъ Турецкаго порта Спича, пограничнаго съ Пастровичами, прибыли изъ Анконы два судна, одно греческое, другое бокезское, подъ командой бывшаго плацъ-маіора Будвы, Луки Кьюды. На этихъ судахъ находились генераль-маіоръ князь Юрій Васильевичъ Долгоруковъ, съ тридцатью человѣками свиты, въ числѣ коихъ былъ Иванъ Васильевичъ Княжевичъ, уроженецъ Новаго, съ давняго времени поселившійся въ Триестѣ. Немедленно по прибытіи ихъ въ портъ, спустился съ горъ отрядъ Черногорцевъ въ 600 человѣкъ съ вьючными лошадьми. Навьючивъ около ста бочекъ ружейнаго пороху и столько же вьюковъ олова, Черногорцы снова поднялись на горы. вмѣстѣ съ нами отправился Долгоруковъ со свитой, а высадившіе ихъ корабли немедленно вышли въ море.

Узнавъ отъ Пастровичей о высадкѣ Русскихъ подъ Спичемъ, которскій проведиторъ Чиконья немедленно отправилъ къ его берегамъ галеру, разослалъ повсюду шпіоновъ и издалъ приказъ строго запрещавшій жителямъ венеціанской Албаніи принимать какое-либо участіе въ дѣлахъ Черногоріи.

Неожиданное появленіе Черногорцевъ въ окрестностяхъ Спича перепугало Турокъ. На встрѣчу имъ былъ высланъ отрядъ въ 700 человѣкъ подъ начальствомъ коменданта Бара (Antivari); стали наскоро укрѣплять портъ. Цѣлые два дня, 14-го и 15-го августа, продолжался бой между Черногорцами и Турками. Вспыхнуло возстаніе въ Спичѣ. Главою его былъ приверженецъ Степана Малаго, Милошъ Тамбаша. Турки сожгли его домъ. Православные Спичане жгли дома своихъ согражданъ католиковъ, остававшихся вѣрными Туркамъ. ** Всего было сожжено Турками 70 православныхъ домовъ, а

* Донесеніе Джустициана отъ 3-го іюля 1769, № 71.

** Донесеніе генеральнаго проведитора, Доминика Комдуальера

православными 34 католическихъ (и столько же разграблено). Четверо православныхъ Спичанъ было убито въ стычкѣ, одинъ повѣшенъ, и одинъ изрубленъ въ куски; много ранено. Изъ католиковъ только двое были ранены. Черногорцы блокировали Спичъ. Въ прокламаціи коменданта Бара была отпущена во сто декиновъ голова каждого бунтовщика, особенно же Милоша Тамбаши, и объявлялась амнистія всакому кто добровольно покорится.

Между тѣмъ Долгоруковъ черезъ Берчеди (Цермичской нахи), гдѣ онъ оставилъ часть экипажа для охраненія военныхъ снарядовъ и изготовленія пулъ, прибылъ въ Цетинье. Въ свитѣ его находились полковникъ, подполковникъ, майоръ, два капитана и 30 нижнихъ чиновъ. И. В. Княжевичъ служилъ ему переводчикомъ.

17-го августа собралась въ Цетиньѣ скупщина. На ней были прочтены вѣрительная грамота о посольствѣ Долгорукова и другая, въ которой императрица Екатерина II призывала Черногорцевъ къ войнѣ съ Турками, общая имъ помощь и защиту. Черногорцы торжественно поклялись быть вѣрными Россіи и воевать съ Турками. Затѣмъ была прочтена третья грамота, въ которой Степанъ Малый уличался въ самозванствѣ.

Скрываясь въ неприступныхъ скалахъ селенія Граджане, онъ возбуждалъ народъ противъ Долгорукаго и его свиты, увѣряя что онъ не посолъ русскій, а орудіе ненавистныхъ латинянь; но вслѣдствіе настояній Долгорукова долженъ былъ прибыть въ Цетинье. Верхомъ на конѣ, въ блестящей одеждѣ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, самозванецъ спустился съ горъ на Цетинское поле. Черногорцы встрѣтили его салютами изъ ружей и криками: „Благо намъ! Вотъ нашъ государь!“ * Долгоруковъ приказалъ его обезоружить

(1768—1771), отъ 22-го августа 1769 г. № 39. Позднѣе, 23-го октября 1769, № 47, Ковдуальмеръ доносилъ, что по собранннмъ свидѣніямъ, Долгоруковъ хотѣлъ высадиться въ Пастровичахъ, венеціанской общинѣ, но вслѣдствіе убѣжденій одного изъ мѣстныхъ жителей, Марка Давыдовича, съ которымъ имѣлъ по этому случаю объясненіе сопутствовавшій Долгорукову Черногорецъ Раданъ Пламенацъ, капитанъ русской службы, высадка была совершена на турецкой территоріи, подъ Спичемъ.

* Этнхъ словъ нѣтъ въ венеціанскихъ доношеніяхъ: мы ихъ заимствуемъ изъ „Storia del Step. Piccolo“.

и вручилъ его шпагу губернатору Черногоріи. Его заковали въ кандалы и посадили въ одну изъ монастырскихъ келій подъ стражей двухъ русскихъ солдатъ. * Начался допросъ. Долгоруковъ угрозами требовалъ чтобы самозванецъ открылъ свое настоящее имя и свою родину. Онъ отвѣчалъ сначала что онъ малѣйшій въ мірѣ, потомъ что онъ родомъ изъ Янины, и наконецъ что онъ происходитъ изъ далматинской фамиліи Раичевичей.

Распуская скупшину, Долгоруковъ роздалъ четыреста цекловъ и приказалъ Черногорцамъ быть готовыми по первому его призыву. На этой скупшинѣ присутствовалъ сербскій патріархъ, которому Долгоруковъ оказывалъ почести подобающія его сану; Савва же, подъ предлогомъ болѣзни, не явился на скупшину. Кондульмеръ предполагаетъ что эта болѣзнь была вымышленная, и что Савва опасался принимать на ней какое-либо участіе. ** Мы раздѣляемъ мнѣніе генеральнаго провектора: Савва дѣйствительно могъ опасаться что затѣянное Долгоруковымъ дѣло не удастся и что Степанъ Малый не преминетъ выместить свою злобу на немъ, какъ на соучастникъ въ попыткѣ низвергнуть его; кромѣ того, Савва былъ напуганъ самими Венеціанцами: лишь только Долгоруковъ отправился въ Черногорію, извѣстный уже намъ Вракень, по порученію Чиковъи, написалъ къ нему письмо, въ которомъ напоминалъ ему о недавнемъ обѣщаніи не принимать иностранцевъ и грозя въ противномъ случаѣ гнѣвомъ Венеціи. ***

21-го августа въ предмѣстье Котора прибылъ нѣкто,

* Биографъ Степана Малаго разказываетъ (и этотъ разказ внесенъ въ черногорскія исторіи) о находчивости самозванца въ такія затруднительныя обстоятельствахъ, въ какія онъ былъ въ то время поставленъ; случилось что его заключили въ одну изъ келій верхняго этажа монастыря, а Долгоруковъ находился въ нижнемъ. „Видите ли“, говоритъ онъ стражѣ, „что самъ Долгоруковъ признаетъ меня императоромъ: иначе онъ помѣстилъ бы меня не выше, а ниже себя“, и т. п. Мы имѣемъ полное право сомнѣваться въ достоверности этого разказа: Степанъ Малый могъ бы говорить такъ съ Черногорцами, а не съ Русскими солдатами; и притомъ сомнительно чтобъ онъ могъ объясняться по-русски, а его сербскую рѣчь едва ли бы поняли.

** Донесеніе Кондульмера отъ 8-го сентября 1769 г., № 44.

*** То же отъ 22-го августа 1869 г., № 38.

называвшій себя русскимъ подполковникомъ, барономъ Сарстафомъ (Sarstaf), въ сопровожденіи своего слуги и двухъ Черногорцевъ. Говоря что онъ прибылъ въ Черногорію изъ Анковы съ княземъ Долгоруковымъ, онъ требовалъ чтобъ его впустили въ городъ, въ портъ котораго онъ былъ намѣренъ нанять корабль для возвращенія въ Италію. Чрезвычайный проведиторъ Чиконья возбранилъ ему входъ въ городъ подъ тѣмъ предлогомъ что сообщеніе съ Черногоріей не дозволено вслѣдствіе существовавшей будто бы въ ней заразы, и онъ долженъ былъ возвратиться въ Цетинье. На такой поступокъ Чиконья, одобренный Кондульмеромъ, по противный международному праву, жаловался, по приказанію нашего двора, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Италіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ маркизь Маруцци, въ нотѣ поданной имъ въ венеціанскій сенатъ 15-го декабря 1769 года: „Ея императорское величество, всемилостивѣйшая моя государыня“, писалъ Маруцци, „приказала мнѣ заявить вашей свѣтлости и вашимъ превосходительствамъ о справедливомъ ея негодованіи на противозаконный поступокъ чрезвычайнаго проведитора Котора, не пропустившаго *одного изъ ея офицеровъ, который долженъ былъ отправиться въ С.-Петербургъ съ важными депешами.*“

Появленіе князя Долгорукова въ Черногорію съ царскими грамотами и военными снарядами возбудило сильныя опасенія какъ въ Туркахъ, такъ и въ Венеціанцахъ. Чиконья доносилъ Кондульмеру (отъ 19-го сентября), что въ Гадкѣ, Зубцахъ, Граховѣ и другихъ пограничныхъ съ Черногоріей мѣстностяхъ сосредоточено около двухъ тысячъ турецкихъ солдатъ, и что въ случаѣ надобности готовится двинуться къ черногорской границѣ боснійскій паша съ значительными силами; а по донесеніямъ Буровича изъ Новаго, боснійскій паша прибылъ на краткое время въ Зубцы, увѣщевалъ православныхъ жителей не измѣнять султану и приказалъ священнику привести всѣхъ поголовно къ присягѣ въ вѣрности Портѣ. Но всѣ эти распоряженія паша не могли успокоить край, взволнованный слухами о прибытіи въ Черногорію царскаго посланника и объ обѣщаніи Россіи послать въ Адриатику сильный флотъ для освобожденія нашихъ единоплеменниковъ отъ турецкаго ига. Въ Черногорію стали стекаться волонтеры не только изъ Албаніи, Босніи и Гердеговины, но также и изъ венеціанскаго приморья, преимуще-

ственно изъ Рисано и Новаго. Въ этомъ послѣднемъ городѣ были арестованы Буровичемъ Савва Радманъ и Трипо (Трифонъ) Вилоревичъ, вербовавшіе и отправлявшіе въ Черногорію волонтеровъ, и отправлены въ которскую тюрьму. По донесеніямъ Давыдовича, отправленнаго шпиономъ въ Черногорію по приказанію Кондульмера, при Долгоруковѣ находилось двѣнадцать венеціанскихъ подданныхъ: Княжевичъ, Лука Кьюда съ братомъ и др. „Много также дезертировъ изъ пограничныхъ венеціанскихъ войскъ“, прибавляетъ Давыдовичъ; „но Итальянцевъ принимаютъ неохотно, тогда какъ Славянами весьма дорожатъ“. Дѣйствительно, Итальянцами пренебрегали, какъ видно изъ того что Долгоруковъ выдалъ Давыдовичу 28 итальянскихъ дезертировъ. По словамъ того же венеціанскаго шпиона, Долгоруковъ разослалъ въ Албанію, Герцеговину и Боснію эмиссаровъ, которые убѣждали народъ оставаться въ покоѣ, исправно платить Туркамъ подати и готовиться тайно къ одновременному всеобщему возстанію по первому сигналу. Узнавъ о прибытіи въ Которъ генеральнаго проведитора, Долгоруковъ просилъ Давыдовича устроить съ нимъ свиданіе; но шпионъ Кондульмера, по данному приказанію, убѣдилъ его отказаться отъ этого желанія. „Таковы извѣстія, полученныя мною тотчасъ же по прибытіи моемъ въ Которъ,“ пишетъ *Кондульмеръ* дожу:

„Я отдалъ немедленно необходимыя приказанія для воспрепятствованія дезертирамъ и мѣстнымъ жителямъ переходить въ Черногорію, и на другой день по моемъ призывѣ, то-есть 20-го октября, я отправилъ тайнаго и вѣрнаго эмиссара, родомъ Черногорца, искренняго друга Антонія Альберти, капитана здѣшней славянской милиціи. Онъ донесъ мнѣ что нѣскольکو дней тому назадъ Долгоруковъ съ патриархомъ и владыкою Саввой покинулъ Цетинье и со всею своею свитой отправился въ Станевичи. Въ Цетиньѣ оставленъ Степанъ Малый, и въ одной изъ церквей, охраняемой стражею, сокрытъ привезенный Долгоруковымъ запасъ пороха.

„Столь неожиданное извѣстіе, важное по своимъ послѣдствіямъ, было вскорѣ подтверждено прибытіемъ Русскихъ въ Станевичи, куда на слѣдующую ночь былъ тайно приведенъ Степанъ Малый. Я отправилъ туда немедленно довѣренное лицо, Вракьена, которому поручилъ поведаться съ владыкою Саввой и отъ имени его, Вракьена, дружески замѣтить владыкѣ, что его поведеніе противно обязательствамъ даннымъ имъ дожу, и посоветовать ему какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ Русскихъ, пребываніе коихъ въ Черногорію можетъ быть для него весьма опасно.

„Исполнивъ въ точности порученіе, посланецъ принесъ отвѣтъ владыки, извинявшагося что онъ не можетъ ничего сдѣлать, потерявъ всякую власть въ Черногоріи....“

Вскорѣ послѣ этого устнаго отвѣта Саввы было получено 22-го октября письмо его къ пограничному комиссару Бракъ-ену: изъясняя радость по случаю прибытія въ Которъ генеральнаго проведитора и возобновляя увѣренія въ преданности Венеціи, онъ жаловался на свою старость и нищету и просилъ о дозволеніи посѣтить свою паству въ венеціанской Албаніи; при этомъ онъ упоминалъ о намѣреніи Долгорукова отправиться въ Цермницу. „Дай Богъ чтобъ это оправдалось!“ восклицаетъ Кондольмеръ при этомъ послѣднемъ извѣстіи. Онъ опасался что присутствіе Русскихъ въ Станевичахъ причинитъ новыя волненія въ недавно усмирённыхъ общинахъ Поборяхъ, Бранчахъ и Майнахъ.

Ночью, 24-го октября, Долгоруковъ со всею своею свитой сѣлъ на венеціанскій корабль у мыса Язи, въ разстояніи одной мили отъ Будвы. Степанъ Малый сопровождалъ его до берега моря. При прощаніи они обнялись, и самозванецъ возвратился въ Станевичи къ епископу Саввѣ, откуда отправился въ Нѣгуши и поселился здѣсь въ домѣ черногорскаго губернатора. Біографъ Степана Малаго разказываетъ что Долгоруковъ подарилъ ему на прощаніи русскій мундиръ и приказалъ народу слушаться его по-прежнему.

Страшная буря застигла въ морѣ корабль Новлянина Лазаря Яковича, на которомъ находился Долгоруковъ со свитой, и съ большимъ трудомъ достигъ онъ Анконы, потерявъ мачты и руль.

Венеція, вѣрная своему слову, продолжала сообщать Туркамъ получаемыя ею извѣстія о всемъ что происходило въ Черногоріи, пограничнымъ пашамъ—черезъ посредство генеральнаго проведитора, Портъ—черезъ агента Джустианана. Джустиананъ не преминулъ представить великому визирю полученный имъ отъ Кондольмера италіанскій переводъ манифеста императрицы Екатерины II къ Черногорцамъ, при томъ, въ которой между прочимъ писалъ: „По отступленіи турецкихъ войскъ отъ границъ Черногоріи, осталось въ Черногорцахъ нерасположеніе къ Венеціанцамъ за ихъ сношенія съ турецкими пашами, и для удержанія ихъ (Черногорцевъ) въ предѣлахъ долга (in dovere), нужно было прибѣгнуть къ фирманамъ, которые никогда не были исполняемы. Нынѣ слышно что этотъ

народъ снова взволнованъ прибытіемъ нѣсколькихъ Русскихъ, высадившихся на турецкихъ берегахъ и пробравшихся къ нимъ безъ всякаго сопротивленія. Баилъ убѣждалъ въ необходимости принять рѣшительныя мѣры для поддержанія спокойствія въ пограничныхъ турецкихъ и венеціанскихъ областяхъ. Рейсъ-эффенди былъ удивленъ получивъ Екатерининскій манифестъ, и приказалъ немедленно перевести его на турецкій языкъ. На слѣдующій день онъ представилъ его вмѣстѣ съ нотою Джустиніана въ диванъ. Какое впечатлѣніе произвели эти документы на Порту, баилъ не могъ узнать, вслѣдствіе упорнаго молчанія великаго визиря. Пришлось искать иныхъ, окольныхъ путей. Джустиніанъ отправляетъ къ одному изъ кадиескіеровъ (законовѣдовъ) присутствовавшихъ въ диванѣ сладости и одежды для его жены, и узнаетъ что Порта, пораженная тяжкою болѣзнію въ жизненныхъ частяхъ ея, пренебрегаетъ этою язвою на ея оконечностяхъ (то-есть Черногоріей), предоставляя заботу о ней пограничнымъ пашамъ.

По отъѣздѣ Долгорукова, оставившаго Степану Малому 200—300 цекіновъ, началась распря между нимъ и черногорскими главарями, по поводу военныхъ снарядовъ и сукна находившихся въ Цетиньѣ: главари не хотѣли дозволить самозванцу распорядиться ими, и онъ долженъ былъ отправиться туда въ сопровожденіи губернатора и молодаго епископа Арсенія, дабы укротить непослушныхъ, которымъ онъ грозилъ висѣлицей. Изъ Цетинья онъ отправился въ Цермницу.

По предписанію дожа, отъ 18-го ноября, генеральный проведиторъ долженъ былъ принять мѣры для занятія войсками монастыря Станевичей, принадлежавшаго черногорскому владыкѣ, но находившагося на венеціанской территоріи. Исполненіе плана, составленнаго генераломъ Ферро и одобреннаго полковникомъ Диксономъ, поручено было полковнику Раде Майне, съ 200 солдатами изъ мѣстной милиціи. Ночью, 4-го декабря, онъ отправился по скалистымъ, узкимъ дорогамъ къ монастырю, но былъ замѣченъ черногорскими пастухами, по первому выстрѣлу коихъ собралось въ Станевичи до 2.000 Черногорцевъ, готовыхъ къ бою. Раде Майне долженъ былъ отступить къ Поборамъ, а оттуда въ Майны, гдѣ безъ сопротивленія занялъ владычный монастырь. Станевичи остались въ рукахъ Черногорцевъ.

19-го января 1770 г. повѣренный нашъ въ дѣлахъ, маркизъ

Маруцци, представилъ въ венеціанскій сенатъ ноту, въ которой жаловался что республика не пропускаетъ чрезъ свои владѣнія русскихъ курьеровъ. „На этихъ дняхъ“, пишетъ онъ, „прибылъ курьеръ, который долженъ былъ отправиться въ Черногорію. Онъ обратился къ шкиперу одного судна, отправлявшагося въ Которъ, съ просьбою взять его съ собою; но ему отвѣтили что строго запрещено принимать иностранныхъ пассажировъ безъ особаго разрѣшенія магистрата.“ Кавалеръ Маруцци, полагая что вышепомянутый магистратъ упустилъ исключить изъ этого запрещенія подданныхъ ея императорскаго величества, августѣйшей ея государыни, согласно съ заявленіями данными ему въ отвѣтъ на ноту отъ 15-го декабря 1769 г., далъ знать помянутому магистрату о затрудненіяхъ поставляемыхъ этому курьеру, прося немедленно приказать чтобъ ему было тотчасъ же дано судно, ибо не въ обычаѣ задерживать курьеровъ и подвергать ихъ формальностямъ. Магистратъ отвѣтилъ что это не въ его власти. Напоминая дожу и сенату о недавно данномъ ему обѣщаніи свободнаго пропуска чрезъ венеціанскія владѣнія русскихъ подданныхъ, Маруцци требовалъ немедленнаго исполненія этого обѣщанія въ данномъ случаѣ и необходимыхъ распоряженій по этому предмету на будущее время. Сенатъ удовлетворилъ настояніямъ Маруцци, и нашъ курьеръ отправился изъ Венеціи на суднѣ Пасквале Мисича изъ Перцаньи (близъ Котора). 10-го февраля онъ высадился на берегъ въ Цавтатъ (Ragusa Vecchia), откуда въ сопровожденіи брата судовождина и другаго Перцаньйота, Осина Бискучи, прибылъ въ Новый, а оттуда въ Которъ. Былъ воскресный день (12-го числа), и народъ толпился на площадяхъ. Вѣсть о прибытіи русскаго офицера быстро разнеслась по городу и переходила изъ устъ въ уста съ разными толками насчетъ его мисіи. Генеральный провекторъ былъ встревоженъ и немедленно призвалъ къ себѣ русскаго офицера. Въ предъявленныхъ имъ паспортахъ, русскомъ за подписью князя Голицына, и италянскомъ, выданномъ маркизомъ Маруцци, онъ значился капитаномъ русской службы, Степаномъ Бредаковичемъ. На его просьбу пропустить его въ Черногорію Кондуальмеръ отвѣчалъ отказомъ, и этотъ отказъ основывалъ, на положительныхъ предписаніяхъ дожа отъ 7-го сентября и 16-го декабря 1769 года. Видя непреклонность генеральнаго

проведитора, нашъ курьеръ долженъ былъ возвратиться въ Венецію на боксскомъ суднѣ, хозяину коего было строго запрещено высаживать его на берегъ, гдѣ бы то ни было, въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Такъ обманывала насъ Венеція, дававшая одновременно обѣщанія нашему повѣренному въ дѣлахъ о свободномъ пропускѣ чрезъ ея владѣнія русскихъ подданныхъ и предписанія далматинскимъ властямъ совершенно противоположныя этимъ обѣщаніямъ. Видя что никакія ноты не помогутъ, Марудци вторично отправилъ изъ Венеціи того же самаго курьера, но на этотъ разъ такъ тайно, что генеральный провекторъ узналъ о его прибытіи въ Черногорію только тогда, когда онъ уже успѣлъ исполнить свое порученіе: „Этотъ офицеръ“, доносилъ Кондульмеръ дожу отъ 11-го апрѣля, „пославъ въ Черногорію съ цѣлью разузнать дѣйствительно ли она предана Россіи, возобновить связи съ православными жителями Албаніи и другихъ турецкихъ областей и приготовить задуманное повсемѣстное возстаніе.“

Въ концѣ февраля, если вѣрить показаніямъ венеціанскихъ шпионовъ, было получено въ Черногоріи письмо графа Орлова, въ которомъ онъ укоряетъ бурто бы черногорскихъ главарей за дурной приѣмъ оказанный князю Долгорукову, риковавшему будто бы жизнью и свободой, и увѣщаетъ ихъ надѣяться на Россію и быть готовыми къ войнѣ, обѣщая въ непродолжительномъ времени явиться къ нимъ на помощь. Въслѣдствіе этого извѣстія, Кондульмеръ, дабы воспрепятствовать ожидаемой высадкѣ Русскихъ, отправилъ двѣ галеры Дона и Боллини и столько же галеотовъ крейсировать въ водахъ Перасто, Будвы и Пастровичей, и поручилъ галерѣ Бембо съ двумя другими галеотами охранять входъ въ Боторскую бухту.

Ожиданіе скорого прибытія русскаго флота къ берегамъ Албаніи было всеобщее. Турки укрѣпляли Баръ. Говорили что Долгоруковъ написалъ письмо къ главарю албанскаго племени Миридитовъ, Джамеркъ Фанелло, съ которымъ познакомился въ Черногоріи, и что въ этомъ письмѣ онъ увѣщевалъ его приготовить возстаніе въ Албаніи, увѣряя его что императрица рѣшила освободить отъ турецкаго ига всѣхъ христіанъ въ Оттоманской имперіи. Появленіе Русскихъ у береговъ Мореи и возстаніе Грековъ заставляли радостно трепетать сердца христіанъ въ Албаніи, Черногоріи

и Боснѣ. Кондальмеръ опасался волненій даже въ Венеціанскомъ приморьѣ, и сенатъ, раздѣляя его опасенія, предписалъ ему произвести наборъ рекрутовъ въ Далмаціи для усиленія гарнизоновъ Будвы, Котора и Новаго.

Въ Черногоріи появился новый русскій эмиссаръ, нѣкто Марко Войновичъ, сербскій уроженецъ, находившійся уже пятнадцать лѣтъ на русской службѣ и имѣвшій въ то время чинъ штабсъ-капитана. Это былъ давнишній знакомецъ и пріятель Степана Малаго. Онъ отправился изъ Венеціи въ Триестъ и потомъ въ Рѣку (Fiume), гдѣ сѣлъ на корабль, высадившій его въ Суторинѣ, на турецкой территоріи, близъ Новаго. Ему было поручено вступить въ сношенія съ главарями Подгорицы и убѣдить ихъ сдать это укрѣпленіе Черногорцамъ.

Въ Триестѣ вооружались русскіе крейсера, подъ руководствомъ двухъ турецкихъ подданныхъ, Куртовича изъ Попова (въ Герцеговинѣ, близъ Новаго) и Петра Андровича изъ Скадра; въ половинѣ мая вышли изъ Триеста два крейсера, каждый съ 22—24 матросами изъ Бокезовъ и Истрианъ, подъ начальствомъ Ивана Княжевича и Ивана Бѣлича, а въ концѣ іюня появились у береговъ венеціанской Албаніи. Еще раньше ихъ вышли изъ того же порта четыре другіе крейсера, одинъ подъ начальствомъ Англичанина, а остальные—Грековъ. Говорили что на кораблѣ Княжевича находился сербскій патриархъ, бѣжавшій изъ Черногоріи съ Долгоруковымъ.

Турки укрѣпились какъ въ Герцеговинѣ, такъ и въ Албаніи. Въ половинѣ мая прибыли въ Гацко Алибегъ Ченгичъ для набора рекрутъ. Требинскій паша, Солиманъ, вызванъ былъ боснійскимъ визиремъ въ Травникъ, куда уже прибыли другіе начальники турецкихъ мѣстностей пограничныхъ съ Черногоріей. На военномъ совѣтѣ положено было собрать въ Никшичѣ наблюдательный корпусъ. Въ началѣ іюня турецкія войска стянулись къ границамъ Черногоріи, образовавъ два главные лагеря, одинъ въ Никшичѣ, другой въ Гацкѣ, по 2.500 человекъ каждый.

По удаленіи изъ Черногоріи Долгорукова, самозванецъ вмѣстѣ съ владыкою Саввой переселился въ Цермацу, откуда этотъ посажденій писалъ умильные письма къ генеральному провектору Далмаціи.

Степанъ Малаый вступилъ въ самыя цѣлныя сношенія со скадарскимъ Мехметъ-пашою: между ними завязалась

востоянная переписка, и посланцы наши безпрестанно приходили въ Черногорію. Подозрѣвали что паша намѣренъ передаться Русскимъ при первомъ появленіи нашихъ кораблей у береговъ Албаніи. Дабы скрыть отъ Порты свои тайныя сношенія съ самозванцемъ, Мехметъ-паша жаловался что венеціянскіе подданные помогаютъ Черногорцамъ грабить пограничныя турецкія селенія, и что Венеція снабжаетъ ихъ деньгами.

Послѣ продолжительныхъ дружественныхъ сношеній скардарскаго пашы съ самозванцемъ и тайнаго его покровительства Черногорцамъ, случилось слѣдующее происшествіе, которое ставить насъ въ недоумѣніе: въ апрѣлѣ 1770 года Мехметъ-паша пригласилъ къ себѣ воеводу Кучей, самаго многочисленнаго и храбраго черногорскаго племени, Илью Дрекаловича, пользовавшагося между своими большимъ довѣріемъ, подъ предлогомъ выкупа заложниковъ за 900 цекіновъ; когда довѣрчивый Илья явился къ пашѣ, его убили вмѣстѣ съ двумя спутниками, взяли не только находившіяся при немъ деньги, но и богатые его одежды и оружіе, а голову его Мехметъ-паша отправилъ въ Константинополь. Послѣ такого вѣроломнаго поступка пашы, Кучи возстали, и Степанъ Малый снабжаетъ ихъ порохомъ и оловомъ. Вслѣдъ за этимъ начинается рядъ непріязненныхъ дѣйствій Черногорцевъ противъ Турокъ. Самозванецъ собираетъ Цермичанъ и Люботинякъ и приказываетъ имъ готовиться къ походу въ Спичъ, гдѣ ожидали высадки Русскихъ. Точно такое же приказаніе было отдано остальнымъ Черногорцамъ, собраннымъ въ Цетиньѣ. Непріязненныя дѣйствія начались въ первыхъ числахъ іюня: болѣе трехъ сотъ Черногорцевъ напали на Зубцы, но должны были отступить съ потерей пяти убитыхъ и двѣнадцати раненыхъ. 16-го іюля Черногорцы напали на албанскую деревню Шестане, населенную магометанами и католиками, сожгли шесть домовъ, убили трехъ Турокъ и одного католика, и сами потеряли четверыхъ убитыми.

Совершенно иначе поступали Черногорцы въ отношеніи къ Венеціи. Еще въ мартѣ самозванецъ издалъ указъ, которымъ, подъ страхомъ смерти, запрещалось нападать на венеціянскія владѣнія даже въ такомъ случаѣ, когда Черногорцы были бы оскорблены подданными дожа. Онъ обѣщалъ имъ удовлетвореніе путемъ законнымъ. Если вѣрять венеціянскимъ извѣстіямъ, то въ іюнѣ черногорскій губернаторъ

обращался къ пограничному комиссару Вракъену съ просьбой пропустить его вмѣстѣ съ нѣкоторыми главарями къ графу Орлову, дабы узнать окончательную волю императрицы насчетъ Черногорцевъ, повидимому ею забытыхъ....

Всѣми ожидаемая высадка Русскихъ въ Спичѣ не осуществилась, и съ наступленіемъ осени турецкія войска отступили отъ границъ Черногоріи....

Въ это время случилось съ самозванцемъ несчастіе, обрекшее его съ тѣхъ поръ на бездѣйствіе. Прокладывая въ Цермницѣ новую дорогу, онъ имѣлъ неосторожность подойти къ минѣ, которую тотчасъ же взорвало, и онъ былъ опасно раненъ въ руку, грудь и голову. Черногорцы отнесли его на носилкахъ въ монастырь Берчели; былъ призванъ хирургъ: онъ спасъ самозванцу жизнь, но зрѣнія не могъ ему возвратить.

Здѣсь, въ монастырѣ Берчели, провелъ остатокъ дней своихъ самозванецъ, поддерживая дружественныя сношенія со скадарскимъ пашою и завязавъ новыя съ Дубровницкою республикой. О характерѣ этихъ послѣднихъ трудно судить по венеціянскимъ донесеніямъ. Изъ нихъ мы узнаемъ только то что въ августѣ 1771 г. былъ задержанъ въ Которѣ извѣстный корсаръ Милошъ Замбаши, родомъ изъ Спича, служившій неоднократно посредникомъ между Степаномъ Малымъ и Дубровникомъ, и что при немъ была найдена официальная дубровницкая переписка съ самозванцемъ, съ бѣглымъ майнотскимъ монахомъ Θεодосіемъ, въ то время его секретаремъ, и съ какимъ-то Осипомъ Серайліею.

Слѣпой, больной, Степанъ Малый управлялъ Черногоріей до своей смерти, не покидая монастыря Берчели. Строгими мѣрами онъ успѣлъ внушить Черногорцамъ уваженіе къ чужой собственности и тѣмъ оставилъ по себѣ вѣчную память. Черногорцы любятъ передавать путешественникамъ тотъ самый разказъ о Степанѣ Маломъ, который былъ записанъ его современникомъ: „По дорогѣ изъ Котора въ Цетинье онъ разсыпалъ 10 цекиновъ и бросилъ пистолетъ въ серебряной оправѣ. Каждый день проходило много народу по этой дорогѣ, и никто не смѣлъ прикоснуться къ этимъ вещамъ. Такъ прошло много недѣль.“

Биографъ Степана Малаго утверждаетъ что самозванецъ былъ убитъ своимъ слугою, подкупленнымъ скадарскимъ визиремъ, Мехмедомъ. Слугу этого звали Стакко; онъ былъ

родомъ Грекъ, попался въ Моревъ въ плѣвъ къ Туркамъ, и былъ приведенъ Мехмедомъ въ Скадаръ, откуда вмѣстѣ съ одинадцатью товарищами бѣжалъ въ Черногорію. Онъ понравился Степану Малому, который, отославъ его товарищей въ монастырь въ Орахово, удержалъ его при себѣ. Станко прожилъ при немъ цѣлый годъ и узналъ все его слабости. Однажды, напоивъ его до пьяна и уложивъ въ постель, онъ перерѣзалъ ему горло во время сна и бѣжалъ, затворивъ за собою дверь на ключъ и сказавъ домашнимъ чтобы не беспокоили его хозяина до его возвращенія, ибо онъ себя чувствуетъ не совсѣмъ хорошо. Прошелъ день, а Станко не возвращался. Послали за игуменомъ, бывшимъ въ другомъ монастырѣ, и когда, по его приказанію, выломали дверь, увидѣли Степана Малаго съ перерѣзаннымъ горломъ утопавшимъ въ крови. Между тѣмъ Станко бѣжалъ въ Орахово, откуда вмѣстѣ съ товарищами перебрался въ деревню Сеопы на Скадарскомъ озерѣ, и потомъ благополучно прибылъ въ Скадаръ. Паша простилъ ему его бѣгство и подарилъ *токи*, богато украшенныя серебромъ, цѣною въ 18 цекановъ.

Степанъ Малый, по приказанію владыки, былъ погребенъ въ церкви Святителя Николая, въ монастырѣ Берчели.

Это случилось въ 1774 году. Старецъ Савва пережилъ самозванца восемью годами (умеръ въ 1782 году).

Кто же былъ этотъ самозванецъ? На допросъ онъ называлъ себя Далматинцемъ Раичевичемъ. Но можно ли вѣрить показанію челоуѣка, десять разъ, по собственному признанію, перемѣнявшаго имя и прозвище? Еслибы Степанъ Малый дѣйствительно прозывался Раичевичемъ и былъ родомъ изъ Далмаціи, то мѣстныя венеціанскія власти, конечно, не преминули бы разыскать его родственниковъ и чрезъ ихъ посредство уличить его предъ Черногорцами въ самозванствѣ. Далмація для Степана Малаго была страной новою: нѣтъ никакихъ слѣдовъ сношеній его съ Далматинцами (припомнимъ, что тогдашнія границы Далмаціи доходили только до дубровницкихъ владѣній). Впрочемъ, отвергая показаніе Степана Малаго, мы должны оставить всякую надежду отыскать его настоящее имя,—но не родину. По единогласному показанію современниковъ, объяснявшихся съ самозванцемъ

на единственномъ языкѣ который онъ зналъ, сербскомъ, онъ говорилъ на *боснійскомъ нарѣчїи*. Всѣ его привычки, весь образъ его жизни переносятъ насъ въ *Турцію*. Его рѣчь, письменная и устная, обличаетъ въ немъ *монаха*.... Онъ былъ хорошій вѣздокъ и умѣлъ владѣть оружіемъ,—а таковы именно православные монахи въ Турціи: монахи—капитаны, монахи—воеводы. Припомнимъ „Герцеговачскаго коменданта“ архимандрита Никифора Дучича.... Издавна ходили и доселѣ ходятъ въ Россію за собираніемъ милостыни православные монахи изъ турецкихъ областей. При какомъ-нибудь почтенномъ старцѣ-іероманхѣ или, пожалуй, даже архимандритѣ изъ Босны прибылъ въ Россію около 1760 года молодой, умный посаушникъ, наглядѣлся у насъ и наслушался всякой всячины и вернулся на родину—разыграть роль Отрепьева....

ВИКЕНТІЙ МАКУШЕВЪ.

ПРОЦЕССЪ ЛЕЗЮРКА

И

ВОПРОСЪ О ВОЗОБНОВЛЕНІИ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ *

VI.

Вдова Лезюрка и ея дѣти не переставали и послѣ окончанія всѣхъ процессовъ добиваться возстановленія добраго имени невинно-осужденнаго, и возобновляли эти просьбы при каждомъ новомъ правительствѣ, начиная отъ директоріи до второй имперіи.

Въ 1806 году императоръ Наполеонъ I обратилъ вниманіе на прошеніе поданное ему родственниками Лезюрка и проводилъ его къ министру юстиціи съ приказаніемъ доложить ему сущность дѣла и свое заключеніе. Министръ юстиціи поручилъ составить докладъ прокурору Жироде. Жироде составилъ записку, въ которой высказалъ что невиновность Лезюрка недостаточно обнаружена, и что вообще пересмотръ процесса невозможенъ по закону когда осужденный уже не находится въ живыхъ. На основаніи этого доклада, императорскимъ постановленіемъ отъ 6-го августа 1806 года просьба Лезюрковъ была оставлена безъ послѣдствій.

Послѣ реставраціи снова было отвергнуто прошеніе поданное семействомъ Лезюрка на имя короля Людовика XVIII, вслѣдствіе тѣхъ же юридическихъ соображеній. Тогда

---

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 7 и 8.

просители обратились съ петиціей въ обѣ палаты. Въ палатѣ перовъ, какъ и въ палатѣ депутатовъ, судьба несчастнаго семейства встрѣтила весьма живое сочувствіе, и въ обѣихъ палатахъ принята была въ декабрѣ 1821 г. резолюція о przeprowadеніи петиціи къ министру юстиціи, причемъ выражено было желаніе чтобы представленъ былъ проектъ новаго закона, распространяющаго силу ст. 443 кодекса уголовного судопроизводства (возобновленіе въ случаѣ двухъ противорѣчащихъ одинъ другому приговоровъ) и на тотъ случай когда одинъ или оба осужденные не находятся болѣе въ живыхъ. Резолюціи палатъ были предложены на обсужденіе государственнаго совѣта, который, согласно съ заключеніемъ докладчика по этому дѣлу, извѣстнаго юриста и члена кассационнаго суда Занджакоми, резолюціей отъ 30-го іюля 1822 года, нашелъ невозможнымъ удовлетворить просьбу семейства Лезюрка, равно какъ и измѣненіе въ его пользу закона, такъ какъ послѣ смерти осужденныхъ представляется невозможнымъ возобновить дѣло согласно правиламъ устнаго процесса.

Около того же времени разсматривалось въ министерствѣ финансовъ другое ходатайство семейства Лезюрка, о возвращеніи неправильно - конфискованнаго имѣнія осужденнаго. Конфисковать имѣніе Лезюрка судъ не имѣлъ права, ибо еще въ 1790 году отмѣнены были всякія общія конфискаціи имущества осужденныхъ. Приговоръ 18 термидора IV г., осудившій Лезюрка, опредѣлилъ лишь взыскать съ его имущества убытокъ казны и частныхъ лицъ причиненный ограбленіемъ почты, убытокъ, дѣйствительная цифра котораго простиралась до 75.000 фр. Вслѣдствіе этого на все имѣніе Лезюрка былъ наложенъ секвестръ, который, несмотря на всѣ старанія вдовы Лезюрка, не только не былъ снятъ, но въ 1802 году, по административному распоряженію, превращенъ въ дѣйствительную конфискацію, такъ что семейство невинно-казненнаго лишено было и всякихъ средствъ къ пропитанію. Собственность Лезюрка заключалась въ одномъ довольно значительномъ недвижимомъ имѣніи. Это имѣніе было съ 1802 года отдано въ арендное содержаніе съ платой по 10.000 фр. въ годъ, а въ 1810 году продано отъ казны за 185.000 фр. частному лицу, которое вслѣдъ затѣмъ перепродало его за 234.000 фр. Правительство реставраціи признало попятѣишую неправильность такой споліаціи несчастнаго семейства, и принимая во вниманіе что по судебному приговору Лезюркъ

обязанъ возвратитъ лишь ограбленную сумму, изъявило готовность выплатитъ семейству Лезюрка все что было отнято сверхъ этой суммы съ процентами. Подробныя исчисления похищенной во время убійства суммы и дальнѣйшіе расчеты убытковъ понесенныхъ семействомъ Лезюрка вслѣдствіе секвестра и конфискаціи всего ихъ имѣнія затянулись на очень продолжительное время. Лишь въ 1835 году эта процедура окончательно заключена. Лезюркамъ было выплачено обратно 492.000 фр., за вычетомъ 74.596 фр., то есть стоимости разграбленной почты. Лезюрки тогда же предоставили себѣ искать и эту сумму, послѣ того какъ восстановлена будетъ формальнымъ образомъ невиновность казненнаго. Еслибы кассационный судъ въ 1868 году призналъ Лезюрка осужденнымъ вслѣдствіе судебной ошибки, казнѣ пришлось бы выплатитъ его дочери 75.596 фр. съ процентами съ 1796 года, что составило бы, если считать по шести процентовъ, болѣе четырехъ милліоновъ франковъ.

Вѣрныя цѣли всей своей жизни, вдова и дѣти Лезюрка продолжали и послѣ этого свои ходатайства о пересмотрѣ дѣла. При июньской монархіи усилія эти остались совершенно безуспѣшными, несмотря на тщательныя изысканія о процессѣ многихъ извѣстныхъ адвокатовъ и на многія изданныя по этому поводу книги и брошюры. Въ 1850 году законодательное собраніе Французской республики разсматривало новую петицію дочери Лезюрка, Виргиніи, единственной оставшейся до сихъ поръ въ живыхъ. Коммиссія назначенная по этому поводу, высказавъ въ своемъ докладѣ глубокое убѣжденіе въ невиновности Лезюрка, выразила мнѣніе что это нескончаемое дѣло можетъ получить удовлетворительное разрѣшеніе не иначе какъ по принятіи новаго закона, дозволяющаго пересмотръ процесса относительно умершихъ. Проектъ такого закона былъ около того же времени внесенъ въ палату гг. Ріансей и Фавро. Этотъ законопроектъ, по простествіи еще шестнадцати лѣтъ, получилъ наконецъ силу закона 29-го іюня 1867 г.

Вслѣдъ за принятіемъ этого закона, коимъ разрѣшалось возобновленіе процессовъ относительно умершихъ, съ тѣмъ чтобы самый пересмотръ происходилъ въ кассационномъ судѣ, отъ дочери Лезюрка поступила просьба о пересмотрѣ, которая и принята кассационнымъ судомъ какъ удовлетворяющая всѣмъ условіямъ новаго закона. Разсмотрѣніе дѣла и изготовленіе доклада было возложено на члена кассационнаго

суда г. Фостена Эли, одного изъ самыхъ почтенныхъ членовъ французской магистратуры, пользующагося большимъ авторитетомъ не только во Франціи, но и во всей Европѣ, извѣстнаго своими превосходными и громадными трудами по исторіи и догматикѣ французскаго уголовного права. Нѣсколько мѣсяцевъ самаго усидчиваго труда понадобились г. Фостену Эли для ознакомленія со всѣми актами процесса покрытыми вѣковой пылью. Наконецъ дѣло назначено было къ слушанію на 3-е декабря 1868 года. Многочисленная и избранная публика стеклась въ этотъ день въ залу засѣданія кассационнаго суда, въ ту самую залу въ которой семьдесятъ два года до того засѣдалъ Сенскій ассизный судъ, и гдѣ произнесенъ былъ роковой приговоръ надъ Лезюркомъ.

Изложивъ всѣ обстоятельства запутаннаго дѣла, на сколько они сохранились въ письменныхъ актахъ, почтенный докладчикъ перешелъ къ самой оцѣнкѣ ихъ и высказалъ свое личное мнѣніе о вопросѣ подлежащемъ разрѣшенію суда. Эта часть доклада замѣчательна по спокойному, безпристрастному и строго-юридическому изложенію. Г. Фостенъ Эли высказался прямо въ пользу удовлетворенія просьбы просительницы. Онъ поставилъ для разрѣшенія два вопроса: 1) Виновенъ ли Лезюркъ въ томъ преступленіи за которое осужденъ судебнымъ приговоромъ? 2) Если онъ невиновенъ, то вытекаетъ ли доказательство этой невинности изъ противорѣчія между приговоромъ надъ нимъ и приговоромъ надъ Дюбоскомъ, и можно ли сказать что два эти приговора несогласимы? Г. Фостенъ Эли началъ съ разсмотрѣнія перваго вопроса. Онъ доказывалъ что по всѣмъ даннымъ имѣющимся о Лезюркѣ, объ его прежней безукоризненной жизни, объ его вполне обеспеченномъ матеріальномъ положеніи и объ его характерѣ, нельзя допустить чтобъ онъ рѣшился на преступленіе и сговорился на него съ отъявленными преступниками, съ которыми онъ и не имѣлъ ничего общаго. Разобравъ затѣмъ въ подробности показанія всѣхъ свидѣтелей признавшихъ Лезюрка въ лицо, докладчикъ указалъ какъ мало вообще заслуживаютъ вѣры подобныя показанія людей думающихъ признать незнакомаго имъ человѣка, котораго они видѣли одинъ разъ, мелькомъ и не имѣя никакого побужденія запомнить въ точности черты его лица. На сколько свидѣтели эти могли ошибиться, доказывается ихъ же показаніями относительно Гено, Брюэ и Берраара, которыхъ они

также (нѣкоторые весьма рѣшительно) признали въ лицо, между тѣмъ какъ несомнѣнно доказано что они ихъ никогда въ глаза не видали. Если эти свидѣтели и послѣ того, въ процессѣ Дюбоска, такъ настойчиво утверждали всѣ, кромѣ одного, что они не ошибались, то это объясняется просто тѣмъ что ихъ совѣсть была не спокойна, и они старались заглушить ее, увѣряя самихъ себя и другихъ что Лезюркъ не палъ жертвой ихъ роковаго заблужденія. Разобравъ затѣмъ случай съ книгой Леграна, г. Фостенъ Эли указалъ на то что никакая теорія уликъ и доказательствъ не можетъ одобрить того положенія, будто бы подсудимый, представивъ какое-либо доказательство въ свое оправданіе, превращаетъ это доказательство въ сильную противъ себя улику единственно потому что доказательство это недостаточно подтвердилось на судѣ. Важнѣйшимъ и самымъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ невиновности Лезюрка служатъ показанія всѣхъ дальнѣйшихъ подсудимыхъ по этому дѣлу, начиная отъ Куріоля, которые дѣлали свои признанія въ торжественную минуту смерти, когда уже не могло быть у нихъ никакого интереса извращать истину, причемъ разказъ одного вполнѣ подтверждался разказомъ другаго.

„На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ и соображеній, заключаю эту часть своего доклада г. Фостенъ Эли, приходимъ къ столь сильной презумпціи въ пользу Лезюрка, что она почти равняется достовѣрному доказательству, хотя это все-таки не есть достовѣрность юридическая, требуемая закономъ. Но возможно ли достигнуть этой достовѣрности послѣ того какъ семидесятидвулѣтняя пыль накопилась на тѣхъ слѣдахъ которые вы призваны отыскать? Возможно ли чтобы разсѣялись всякія темноты, когда предъ нами уже не могутъ возобновиться тѣ словесныя пренія на основаніи которыхъ сложилось убѣжденіе присяжныхъ, когда единственнымъ нашимъ руководствомъ служить лишь письменное производство, которое притомъ служило основаніемъ не самого приговора, а лишь постановленія о преданіи суду,—производство, которое не имѣло значенія юридическаго доказательства какъ письменное слѣдствіе въ старомъ процессѣ? Но въ этомъ положеніи, которое вытекаетъ изъ самой силы вещей и которое законъ не считаетъ болѣе препятствіемъ къ передачѣ дѣла на ваше рѣшеніе, должны ли вы ожидать, должны ли вы требовать болѣе совершеннаго доказательства

чѣмъ то которое даетъ вамъ это письменное производство? Мы не отрицаемъ что тутъ есть затруднительный пунктъ, который вы взвѣсите со свойственною вамъ мудростью.“

Окончивъ такимъ образомъ свои изысканія по вопросу о невиновности Лезюрка, на сколько она вытекаетъ изъ извѣстныхъ теперь обстоятельствъ дѣла, г. Фостенъ Эли перешелъ къ разсмотрѣнiю втораго и главнаго вопроса подлежавшаго разрѣшенiю кассационнаго суда, на сколько два приговора произнесенные надъ Лезюркомъ и Дюбоскомъ должны быть признаны противорѣчащими одинъ другому? Сущность соображеній докладчика по этому вопросу заключалась въ слѣдующемъ:

По дѣлу объ убійствѣ лiонскаго курьера имѣется пять судебныхъ приговоровъ: 1) отъ 18-го термидора IV г., коимъ осуждены на смерть Курiоль, Лезюркъ и Бернаръ; 2) отъ 17-го жерминаля V г., осудившій на смерть Лабарда (Дюроша); 3) отъ 23-го фруктидора VI г., осудившій Видала; 4) отъ 1-го нивоза IX г., осудившій Дюбоска, и наконецъ 5) отъ 29-го плувиоза XII г., осудившій Русси. Такимъ образомъ за преступленiе совершенное 8-го флореала IV г. осуждены были на смерть семь человекъ, не считая Рижара и жены Дюбоска, осужденныхъ на галеры за укрывательство. Спрашивается, сколько непосредственныхъ участниковъ убiйства считалось въ то время когда производилось предварительное слѣдствiе? Изъ всѣхъ обвинительныхъ актовъ по этому дѣлу, за исключенiемъ одного, видно что обвиненiе всегда держалось того мнѣнiя что въ убiйствѣ участвовали непосредственно пять человекъ: четверо всадниковъ видѣнныхъ многими свидѣтелями въ Льерсенѣ и Монжеронѣ и пятый (Лабордъ) ѣхавшій въ почтовой каретѣ. Одинъ только обвинительный актъ, противъ Дюбоска, отступилъ отъ этого предположенiя. Основываясь на одномъ только показанiи имѣвшемся въ дѣлѣ, обвинительный актъ противъ Дюбоска предполагаетъ что преступленiе совершено болѣе чѣмъ пятью лицами. Показанiе на которомъ основано это предположенiе есть показанiе супруговъ Шампо. Оно заключалось въ слѣдующемъ: жена Шампо въ самомъ первомъ своемъ показанiи, разказавъ какимъ образомъ 8-го флореала четверо неизвестныхъ, остановившихся въ ихъ трактирѣ въ Льерсенѣ, выѣхали оттуда въ восьмомъ часу вечера и какъ одинъ изъ нихъ вернулся въ 8¼ часовъ за забытою имъ саблей и поспѣшно

уѣхалъ какъ только показался почтовый экипажъ, добавила къ этому слѣдующее: „Въ это самое время прибыли въ нашъ трактиръ еще двое всадниковъ; они приказали накормить своихъ лошадей, выпили бутылку вина и спросили ее, свидѣльницу, хороша ли дорога до Мелена, и есть ли по дорогѣ лѣсъ, на что она отвѣтила что дорога хороша, а лѣсу нѣтъ. Затѣмъ они спросили есть ли въ Меленѣ гостиница Галера, и когда они могутъ туда прибыть, на что она имъ отвѣтила что они могутъ туда пріѣхать около 10 часовъ, то есть чрезъ полтора часа.“ Мужъ Шампо, въ показаніяхъ данныхъ спустя нѣсколько времени, подтвердилъ сущность показанія своей жены относительно этихъ двухъ всадниковъ, прибавивъ слѣдующее: онъ спросилъ этихъ неизвѣстныхъ, принадлежать ли они къ одной компаніи съ четырьмя путешественниками уѣхавшими впередъ; отвѣчали что нѣтъ, и они ихъ не знаютъ. Затѣмъ они спросили его о случившемся незадолго предъ тѣмъ около Льерсена нападеніи на большой дорогѣ; онъ имъ сказалъ что убійство не было совершено, и что преступники схвачены; неизвѣстные переглянулись и сказали: „вотъ какъ!“ Затѣмъ они спросили его, узнаеть ли онъ спустя недѣлю двѣ тѣхъ четырехъ путешественниковъ которые, какъ онъ имъ разказывалъ, были тутъ и уѣхали впередъ; онъ отвѣчалъ что не узнаеть. Затѣмъ они спросили, не знаетъ ли онъ хорошей гостиницы въ Меленѣ,—вопросъ, который предлагали и прежніе четыре путешественника, и сказали: „Мы остановимся тамъ же гдѣ четыре гражданина о которыхъ вы намъ говорите“. *Чрезъ полчаса* неизвѣстные выѣхали по дорогѣ въ Меленѣ. Свидѣтель замѣтилъ что эти двое, какъ и прежніе четверо, имѣли каждый по два пистолета. Шампо сказалъ что двое неизвѣстныхъ уѣхали прежде чѣмъ возвратился за своею саблей одинъ изъ прежнихъ четырехъ, тогда какъ жена его сказала что эти двое прибыли вслѣдъ затѣмъ какъ возвратившійся за саблей снова поспѣшно уѣхалъ. Жена Шампо узнала этихъ двухъ въ Брюэ и Бернаръ.

Это-то показаніе супруговъ Шампо дало поводъ обвинителю Дюбоска предположить что въ убійствѣ участвовали болѣе чѣмъ пять человѣкъ. Предположеніе это было выставлено въ виду того что Дюбоскъ доказывалъ что онъ не можетъ быть судимъ, такъ какъ до него пять человѣкъ уже осуждены по этому же дѣлу. Въ дальнѣйшихъ производ-

ствахъ по вопросу о возобновленіи дѣла относительно Лезюрка, большая часть лицъ высказывавшихся противъ возобновленія также ссылались на показаніе супруговъ Шампо, выводя изъ него что убійство совершено шестью, а не пятью лицами, и что стало-быть осужденіе Любоска не исключаетъ виновности Лезюрка.

Г. Фостенъ Эли подробно разобралъ показаніе Шампо и доказалъ что на основаніи его никакъ нельзя измѣнить первоначальнаго предположенія о совершеніи убійства пятью лицами. Нѣтъ ничего удивительнаго что по большой дорогѣ проѣхали, кромѣ четырехъ, еще два всадника. Никто ихъ не видѣлъ вмѣстѣ съ этими четырьмя, напротивъ, по всѣмъ остальнымъ показаніямъ видно что отъ Парижа до Льерсена ѣхали только четверо, а этихъ двухъ никто не видалъ въ Монжеронѣ; стало-быть они пріѣхали въ Льерсенъ по другой дорогѣ. Слѣдователи производившіе изысканіе по горячимъ слѣдамъ не придали никакого значенія показанію супруговъ Шампо и заключили что убійство совершено пятью лицами. На возвратномъ пути въ Парижъ ихъ видѣли въ числѣ пяти. Всѣ дальнѣйшія показанія какъ осужденныхъ, такъ и свидѣтелей показывавшихъ о личностяхъ преступниковъ (Бребанъ, Ринаръ и Шеронъ), подтверждаютъ вполне что въ убійствѣ участвовали пять человѣкъ. Наконецъ, еслибы даже допустить невозможное предположеніе что двое путешественниковъ видѣнныхъ въ Льерсенѣ супругами Шампо участвовали также въ убійствѣ, то это не можетъ имѣть никакого вліянія на вопросъ о невиновности Лезюрка, ибо Лезюркъ осужденъ на основаніи показаній свидѣтелей видѣвшихъ его въ числѣ четырехъ; эти показанія относятся ко времени предшествовавшему появленію двухъ новыхъ лицъ. Стало-быть изысканія должны относиться исключительно къ опредѣленію того кто были эти четверо, видѣнные многими свидѣтелями вмѣстѣ въ Льерсенѣ и Монжеронѣ, и нѣтъ никакой надобности доискиваться, присоединились ли къ нимъ за Льерсеномъ еще двое или нѣтъ. Кто же изъ семи осужденныхъ былъ въ числѣ этихъ четырехъ? Прежде всего слѣдуетъ устранивъ Бернара и Лабора; Лабора, какъ извѣстно, ѣхалъ въ почтовомъ экипажѣ, а Бернаръ вовсе не принималъ непосредственнаго участія въ убійствѣ, а только снабдилъ убійцъ, зная ихъ умыселъ, верховыми лошадьми. Изъ остальныхъ пяти, Куріоль, Русси и

Видаль несомнѣнно были въ числѣ четырехъ; это явствуетъ изъ ихъ собственныхъ признаній, а также изъ показаній свидѣтелей которые признали ихъ въ лицо. Четвертый, стало-быть, былъ или Лезюркъ, или Дюбоскъ. Обстоятельства послужившія основаніемъ къ обвиненію того и другаго доказываютъ несомнѣнно что виновность одного исключаетъ виновность другаго. Обвиненіе противъ Лезюрка основывалось на слѣдующемъ: Лезюркъ признанъ былъ семью свидѣтелями за одного изъ четырехъ всадниковъ видѣнныхъ ими 8-го флореала; всѣ эти свидѣтели одною изъ характеристическихъ чертъ, по которой они признали въ Лезюркѣ этого четвертаго всадника, выставили его свѣтлорусые волосы, шрамъ надъ правымъ глазомъ и слѣдъ поврежденія на большомъ пальцѣ лѣвой руки; въ немъ признали того который первый прибылъ въ трактиръ Эврара, въ Монжеронѣ, и заказалъ обѣдъ для четверыхъ; Шампо призналъ въ немъ того который поправлялъ у него шпору, найденную потомъ на мѣстѣ преступленія. Дюбоскъ обвинялся на основаніи слѣдующихъ уликъ: онъ былъ однимъ изъ четырехъ всадниковъ видѣнныхъ 8-го флореала по дорогѣ въ Меленъ; въ день убійства онъ носилъ свѣтлорусый парикъ, похожій цвѣтомъ на волосы Лезюрка; у него, также какъ у Лезюрка, былъ шрамъ надъ правымъ глазомъ и слѣдъ поврежденія на большомъ пальцѣ лѣвой руки; по показанію Куріоля, Дюбоскъ заказалъ у Эврара обѣдъ для четверыхъ; Дюбоскъ обломилъ свою шпору и скрѣпилъ ее ниткой у Шампо, а затѣмъ потерялъ эту шпору на мѣстѣ преступленія. Всѣ эти факты и еще нѣкоторые другіе были выставлены уликами сначала противъ Лезюрка, а потомъ противъ Дюбоска.

Ссылаясь на практику кассационнаго суда, г. Фостенъ Эли указалъ что ст. 443 кодекса угол. суд. можетъ имѣть приложеніе и къ тому случаю когда шесть подсудимыхъ признаны нѣсколькими последовательными приговорами виновными въ такомъ преступленіи, которое, какъ дознано, было совершено лишь пятью лицами. Далѣе г. Фостенъ Эли оставался на слѣдующемъ затрудненіи: изъ настоящаго дѣла видно что Лезюркъ, по вердикту присяжныхъ, признанъ участникомъ въ самомъ совершеніи убійства, между тѣмъ какъ изъ вердикта присяжныхъ относительно Дюбоска явствуетъ что онъ признанъ виновнымъ лишь въ томъ что онъ пособлялъ преступникамъ въ совершеніи убійства на самомъ

мѣствѣ преступленію. Буквальный смыслъ этихъ двухъ вердиктовъ указываетъ какъ будто Лезюркъ и Дюбоскъ признаны виновными не въ одномъ и томъ же дѣланіи, а въ двухъ различныхъ. Еслибы кассационный судъ при разсмотрѣніи вопроса о возобновленіи обязанъ былъ исключительно руководствоваться буквальнымъ смысломъ вердиктовъ присяжныхъ, не касаясь существа дѣла, тогда не могло бы быть рѣчи объ уничтоженіи обвинительнаго приговора противъ Лезюрка. Но почтенный докладчикъ указалъ и тутъ на практику кассационнаго суда, по которой вопросъ о противорѣчій между двумя приговорами разрѣшается не по сравненію только буквального смысла вердикта присяжныхъ, а на основаніи самихъ фактовъ послужившихъ основаніемъ къ обвиненію. Г. Фостенъ Эли указалъ далѣе на то что въ то время когда производилось это дѣло, судъ съ присяжными былъ явленіемъ новымъ, и искусство постановки вопросовъ для присяжныхъ еще не дошло до той точности и опредѣлительности которая выработалась лишь дальнѣйшею практикой. Поэтому, и въ виду несомнѣнныхъ указаній что обвиненіе противъ Дюбоска вытекало изъ тѣхъ же самыхъ фактовъ которые вмѣнены были въ вину Лезюрка, никоимъ образомъ нельзя предположить чтобы присяжные осудившіе Дюбоска имѣли именно въ виду примирить противорѣчіе между обвиненіемъ его и Лезюрка. Вотъ почему существенное различіе въ формулѣ обвиненія того и другаго отнюдь не устраняетъ внутренняго противорѣчія между ними.

Г. Фостенъ Эли окончилъ свой длинный докладъ слѣдующими словами: „Мы указали на всѣ затрудненія представляющіяся по этому дѣлу. Вы ихъ оцѣните. Встрѣтите ли вы препятствіе къ пересмотру въ тѣхъ немногихъ пунктахъ которые остались неразъясненными? Но такое препятствіе вытекаетъ изъ самого закона дозволившаго пересмотръ рѣшенія присяжныхъ въ томъ случаѣ когда возобновленіе устнаго процесса уже невозможно. Это значило бы признать что законъ 29-го іюня 1867 на практикѣ не приложимъ и что, созданный главнымъ образомъ въ виду настоящаго процесса, законъ этотъ въ сущности ничѣмъ не облегчилъ тѣхъ затрудненій которыя прежде встрѣчало возстановленіе доброй памяти Лезюрка. Но вѣтъ; законъ предвидѣлъ что такого рода исключительная процедура какъ пересмотръ

рѣшенія присяжныхъ на основаніи однихъ письменныхъ актовъ сопряженъ съ большими трудностями; тѣмъ не менѣе онъ допустилъ такой пересмотръ и ввѣрилъ его исключительно вамъ (кассационному суду), предполагая что вы сумеете преодолѣть эти трудности и добраться до истины сквозь мракъ неизбежно покрывающій давно минувшій процессъ. Кассационный судъ, безъ сомнѣнія, обязанъ твердо охранять авторитетъ судебного рѣшенія, на которомъ главнымъ образомъ основывается твердость и непоколебимость общественнаго зданія. Но подвергается ли этотъ принципъ какой-либо опасности вслѣдствіе настоящаго процесса? Не доказываетъ ли напротивъ продолжительность этого дѣла что этотъ принципъ у насъ тщательно оберегается? Оправданіе этого принципа заключается не въ чемъ иномъ какъ во всеобщей пользѣ. Но всеобщая польза вовсе не требуетъ чтобы рѣшеніе признанное ошибочнымъ тѣмъ не менѣе удержано было въ силѣ. Есть принципъ еще высшій чѣмъ принципъ непоколебимости судебного рѣшенія, это абсолютный принципъ правосудія. Судьи могутъ только подняться въ уваженіи народа если они исправятъ ошибки которыя, хотя рѣдко, но могутъ вкратъ въ ихъ рѣшенія. Правосудію нашихъ дней можетъ только принести честь, если оно возьметъ на себя исправить ошибку суда совершенную еще въ прошедшемъ столѣтіи.“

VII.

Кассационный судъ по дѣлу Лезюрка выслушалъ двухъ адвокатовъ: г. Бозеріана, явившагося повѣреннымъ отъ имени дочери и другихъ потомковъ Лезюрка, и г. Гуссе, который, на основаніи закона, былъ самимъ судомъ назначенъ въ качествѣ защитника памяти Дюбоска. Этимъ распоряженіемъ кассационный судъ какъ бы напередъ призналъ несогласность между приговорами надъ Лезюркомъ и Дюбоскомъ.

Г. Бозеріанъ говорилъ очень долго; его рѣчь наполнила два засѣданія кассационнаго суда. Рѣчь эта, хотя и отличается свойственнымъ французской адвокатурѣ паэосомъ и въ особенно чувствительныхъ мѣстахъ сопровождалась даже слезами оратора, тѣмъ не менѣе была плодомъ добросовѣстнаго изученія дѣла во всѣхъ его подробностяхъ. Фактическое

изложеніе было вполне убѣдительно. Можно лишь сказать, что послѣ искусной защиты со стороны такого докладчика какъ г. Фостенъ Эли, подробный разборъ г. Бозеріана былъ отчасти излишенъ. По этому самому и мы не станемъ излагать содержаніе защитительной рѣчи г. Бозеріана, а приведемъ изъ нея лишь нѣкоторыя любопытныя подробности касающіяся самого Лезюрка и дальнѣйшей судьбы его семейства.

Нѣкто Леруа и графъ Ноёе, содержавшіеся въ тюрьмѣ въ одно время съ Лезюркомъ, по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ, оставили объ этомъ времени свои воспоминанія. „Я узналъ Лезюрка въ тюрьмѣ“, сообщаетъ Леруа, „и былъ искренно тронутъ судьбой его несчастнаго семейства; его жена и дѣти, которыя были маленькіе амуры, посѣщали его ежедневно. Я былъ очевидцемъ сцены когда подсудимыхъ повели въ судъ: плачь, рыданія и стоны раздирали душу. Лезюркъ, хранившій глубокое молчаніе, сталъ на колѣни и сказалъ: „Боже Великій! Ты знаешь что я невиненъ; уповаю на Тебя, Ты сдѣлаешь чтобъ объ этомъ узнали и люди.“

Когда присяжные произнесли свой приговоръ, разказывалъ г. Бозеріанъ, Лезюркъ страшно поблѣднѣлъ и упалъ почти безъ чувствъ на свою скамейку; но затѣмъ онъ собрался съ силами, поднялся и, смотря прямо въ лицо присяжнымъ и судьямъ, сказалъ: „Безъ сомнѣнія, преступленіе въ которомъ меня обвиняютъ есть страшное преступленіе и заслуживаетъ смерти; но если ужасно убивать на большой дорогѣ, то не менѣе ужасно употреблять во зло законъ и поражать невиннаго. Придетъ время когда невинность моя станетъ очевидною, и тогда кровь моя упадетъ на голову присяжныхъ меня осудившихъ и судей которые на нихъ повліяли.“ Куріоль въ свою очередь вскричалъ: „Присяжные ошиблись; не на мой счетъ, я виновенъ. Но Лезюркъ и Бернаръ невиновны.“ Г. Бозеріанъ доказывалъ что Бернаръ въ глазахъ Куріоля не могъ не казаться невинною жертвой, ибо все его участіе въ преступленіи ограничивалось доставленіемъ лошадей для убійцы.

Лезюркъ отправился на казнь одѣтый весь въ бѣломъ. Вступивъ на эшафотъ, онъ еще разъ громко протестовалъ противъ своего осужденія и призвалъ Бога въ свидѣтели

своей невинности; послѣднія его слова были воззваніемъ къ суду потомства. *

Семейство Лезюрка состояло изъ жены его и трехъ малолѣтнихъ дѣтей, дочерей Меланіи-Августины и Виргиніи и сына Александра. И жена, и дѣти всю жизнь свою посвятили стараніямъ о возстановленіи добраго имени Лезюрка. На первыхъ порахъ они нашли дѣятельнаго и ревностнаго помощника въ лицѣ г. Добантона, того самого который первый привлекъ Лезюрка къ суду и, убѣдившись въ послѣдствіи въ его невинности, приписывалъ его смерть главнымъ образомъ своей винѣ. Онъ до самой смерти своей не оставлялъ семейства Лезюрка, и всѣ петиціи поданныя по дѣлу Лезюрка во время первой имперіи были его сочиненіемъ.

* Въ *Уголовной Лѣтописи* находимъ еще слѣдующія интересныя свѣдѣнія. О личности Лезюрка печатные источники даютъ мало свѣдѣній. Объ его семейной и общественной жизни въ Дуэ ничего неизвѣстно за исключеніемъ лишь немногихъ официальныхъ данныхъ. Въ Парижѣ, куда Лезюркъ переселился въ началѣ 1795 года вмѣстѣ съ женой и тремя дѣтьми, онъ велъ жизнь открытую и праздную. Приобрѣтъ здѣсь много искреннихъ друзей, въ особенности между художниками, съ которыми всего охотнѣе сходилса, онъ въ нихъ оставилъ по себѣ память человека благороднаго, великодушнаго, уважаго и сообщительнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысленнаго и въ некоторой степени тщеславнаго. Дальнѣйшія сохранившіяся о немъ частныя свѣдѣнія относятся исключительно къ тому времени когда дѣло приняло безнадежный для него оборотъ. Этотъ ударъ онъ встрѣтилъ съ мужествомъ и присутвіемъ духа, достойными лучшей участи. Наканунѣ своей смерти онъ, прощаясь съ женой и дѣтьми, старалса поддержать въ нихъ бодрость и надежды на лучшее будущее; говорилъ что его невинность не можетъ не обнаружиться, и съ него, хотъ и послѣ смерти, будетъ снято позорное нареканіе. (Эта оценка послѣдняго прощанія набросана была карандашомъ Илеромъ Ледрю, и рисунокъ, сколько извѣстно, до сихъ поръ сохранился въ семействѣ каменнаго.) Утромъ въ день казни, Лезюркъ самъ обрѣзалъ себѣ волосы и отослалъ ихъ женѣ при слѣдующей запискѣ:

„Когда будешь читать эти строки, меня уже не станетъ: безжаостный ножъ прекратитъ мою жизнь которую я посвятилъ было тебѣ. Но такова моя участь, и избѣжать ея я не могу; а долженъ быть казненнымъ. Я переношу несчастье съ твердостью и мужествомъ достойнымъ человека. Я надѣюсь что и ты послѣдуешь моему примѣру. Твоя жизнь не принадлежитъ тебѣ, но дѣтямъ твоимъ и твоего мужа, если только онъ тебѣ былъ дорогъ. Это мое послѣднее завѣщаніе.

Въ 1811 году жена и дѣти Лезюрка добились аудіенціи у императора Наполеона и выслушали изъ собственныхъ устъ его отказъ въ ихъ просьбѣ. Александръ Лезюркъ, разка- зываетъ г. Бозеріанъ, наклонилъ на минуту голову; но за- тѣмъ, поднявъ ее, попросилъ у императора одной милости,

„Тебѣ передадутъ мои волосы—сохрани ихъ, и когда дѣти наши подростутъ, раздѣли между ними: это единственное наследство ко- торое я вамъ оставляю.

„Прощай навсегда. Моя послѣдняя мысль будетъ принадлежать тебѣ и нашимъ несчастнымъ дѣтямъ.“

Письмо это было надписано: „Вдовѣ Лезюркъ“. Къ своимъ друзья- мъ Лезюркъ писалъ: „Истина осталась не обнаруженною: я умираю жертвой ошибки. Могу ли я надѣяться что вы къ моей женѣ и къ моимъ несчастнымъ дѣтямъ сохраните ту же дружбу которую вы мнѣ всегда оказывали—ихъ не оставите и поддержите? Благодарю гражданина Гинье за всѣ его усилія спасти меня. Примите всѣ мой послѣдній привѣтъ.“

Своему другу Бодару, который пришелъ съ нимъ проститься, Ле- зюркъ сказалъ: „Другъ мой, ты знаешь, способенъ ли я на преступ- леніе; ты знаешь на сколько я невнимателенъ въ преступленіи которое мнѣ приписываютъ, и все-таки черезъ нѣсколько часовъ я долженъ бу- ду перейти въ вѣчность.“ Оставшись одинъ, онъ занялся приведеміемъ въ порядокъ дѣлъ; въ одномъ изъ составленныхъ имъ при этомъ счетовъ значалось: „Долженъ двадцать ливровъ гражданину Лаграму, который не мало способствовалъ тому чтобы меня зарѣзали; но я прощаю ему отъ всего сердца, какъ и вообще моимъ убійцамъ.“ Оставляя тюрьму, Лезюркъ написалъ письмо къ Дюбоску, которое просилъ напечатать въ газетахъ. Содержаніе его слѣдующее: „Вы, вмѣсто котораго я умираю, удовольствуйтесь этою жертвою, и если когда-либо попадете въ руки правосудія, припомните моихъ трехъ покрытыхъ позоромъ сиротъ и ихъ безутѣшную мать, не дайте ихъ горя, причиною котораго послужило несчастное сходство.“ (Было ли это письмо напечатано, намъ неизвѣстно.) Въ утро казни Ле- зюркъ просилъ чтобы ему дозволили надѣть бѣлую одежду, какъ вышній знакъ его невинности. На тюремномъ дворѣ онъ уже на- шель Куріоля и Бернара. Первый, казался, сохранялъ всю свою смелію и присутствіе духа и готовъ былъ съ твердостью принять заслуженное наказаніе; что касается Бернара, онъ почти помышля- ся отъ страха, его держали подъ руки два служителя. Когда всѣ трое сѣли въ телегу которая должна была доставить ихъ на мѣсто казни, Куріоля всталъ и, указывая собравшейся толпѣ на Лезюрка, воскликнулъ: „Я виновенъ, Лезюркъ же невиненъ!“ Онъ повторялъ это до самаго эшафота. Лезюркъ первый положилъ голову подъ гильотину, за нимъ посаждовали Куріоля и Бернара...

дозволить ему вступить въ ряды французской арміи и пролить свою кровь въ очищеніе памяти его отца. Эта просьба была принята, и онъ отправился въ походъ въ Россію, гдѣ и погибъ.

Мать и сестры долго пережили его. Жена Лезюрка умерла въ 1842 году, завѣщавъ обѣимъ дочерямъ продолжать неутомимо старанія и хлопоты. Въ 1846 году старшая сестра Меланія-Августина, получивъ новый отказъ послѣдовавшій послѣ самыхъ благоприятныхъ обѣщаній, съ отчаянія рѣшилась на самоубійство и бросилась въ Сену, гдѣ и утонула. Другая дочь, Виргинія, которой теперь около 80-ти лѣтъ, свято исполнила до конца лежавшій на ней долгъ.

Г. Гуссе, адвокатъ памяти Дюбоска, въ своей рѣчи доказывалъ также что приговоръ надъ Лезюркомъ и приговоръ надъ Дюбоскомъ несогласимы между собой, а потому одинъ изъ нихъ долженъ быть признанъ невиновнымъ. Но невиновнымъ долженъ быть признанъ Дюбоскъ, такъ какъ большинство свидѣтелей показывавшихъ на судѣ упорно отрицали чтобы Дюбоскъ имѣлъ сходство съ Лезюркомъ и чтобы они ошиблись относительно послѣдняго. Впрочемъ, весь тонъ рѣчи г. Гуссе показываетъ что онъ самъ не вѣрилъ въ то что говорилъ и только исполнялъ возложенную на него обязанность.

VIII.

Разбирательство кассационнаго суда окончилось заключеніемъ генераль-прокурора г. Делангла. Такъ какъ это заключеніе, само по себѣ весьма замѣчательное, имѣло рѣшительное вліаніе на исходъ дѣла, то мы считаемъ необходимымъ изложить здѣсь существенное его содержаніе: „Разсматриваемый во всей своей совокупности“, говорилъ г. Делангла,—

„процессъ Лезюрка затрогиваетъ вопросы которые весьма близко касаются порядка и непоколебимости государства: безопасность гражданъ, честь семействъ, неприкосновенность судебного рѣшенія, уваженіе къ судебной организаціи страны. Съ юридической точки зрѣнія кругъ вопросовъ суживается. Частный интересъ не сталкивается ли въ данномъ случаѣ съ интересомъ публичнымъ? Суровость законодательной формулы можетъ ли быть примирена со внушеніями гуманности? Законъ, безстрастный и безкорыстный законъ, можетъ ли удовлетворить стремленіямъ и надеждамъ семейства, сѣзь сомнѣнія, несчастнаго, по которое,

можетъ-быть, слишкомъ склонно принять свои продолжительныя страданія за право? Такова задача которую я поставилъ себѣ разрѣшить вмѣстѣ съ вами, господа, не обращая вниманія на толки и агитацію вызванныя этимъ дѣломъ и на тѣ предрѣшенія которыя издавна старались навязать по этому дѣлу обществу. Я не стану также возражать на воззванія къ чувствамъ и совѣсти кассационнаго суда, съ коими обращались къ нему нѣкоторые писатели, забывшіе что вся сила магистратуры заключается въ ея достоинствѣ и независимости, предъ которыми законодатель вмѣнилъ каждому въ обязанность преклоняться, не столько въ интересѣ судей, сколько въ интересѣ самого общества. Когда же правосудіе нуждалось у насъ въ возбужденіяхъ извнѣ дабы исполнить свою обязанность? Когда оказывалось нужнымъ, когда въ особенности было дозволено предписывать напередъ судьямъ какое употребленіе они должны сдѣлать изъ власти сосредоточенной въ ихъ рукахъ? Чѣмъ важнѣ дѣло, чѣмъ сильнѣе вниманіе которое должно возбудить рѣшеніе, тѣмъ менѣе слѣдуетъ вдаваться въ постороннія соображенія, которыя всегда приведутъ къ двусмысленному выводу. Лишь сохраняя вполнѣ за вашими сужденіями ихъ юридическій характеръ, лишь тщательно остерегаясь преступить предѣлы начертанный для васъ законодателемъ, вы придете къ рѣшенію достойному васъ, къ рѣшенію служащему отраженіемъ и дополненіемъ закона, вѣрными хранителями котораго вы служите.

„Съ 1796 года и до сихъ поръ защитники семейства Лезюрка не переставали повторять на всѣ лады что процессъ этотъ не былъ веденъ съ тою умѣренностью и спокойствіемъ которыхъ требовала его исключительная важность; что президентъ Сенскаго трибунала, дурно понимая свои обязанности, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ относительно Лезюрка выказалъ непріязнь и пристрастіе; что онъ значительно стѣснилъ свободу защиты; что онъ производилъ на присяжныхъ одностороннее давленіе; что послѣдніе, мало подготовленные къ своей обязанности, произнесли свой вердиктъ главнымъ образомъ подъ влияніемъ мысли что нужно обезопасить большую дорогу отъ злодѣевъ посредствомъ ужасающаго удара, не заботясь особенно о томъ на кого этотъ ударъ упадетъ. Если рѣшеніе 18 термидора IV г., семьдесятъ два года считавшееся воплощеніемъ истины, должно быть теперь уничтожено какъ ошибочное, то по крайней мѣрѣ слѣдуетъ показать что рѣшеніе это, разложенное на свои первоначальные элементы, ни въ чемъ не грѣшило противъ тѣхъ правилъ на основаніи которыхъ слагается человеческое убѣжденіе въ уголовномъ судѣ. Президентъ трибунала, Гоёе, не былъ однимъ изъ тѣхъ импровизованныхъ судей, созданныхъ революціей 1793 года, которые получили свои мѣста въ вознагражденіе за свой патриотизмъ, не обладая ни знаніями, ни опытностью, ни умѣренностью. Гоёе и до революціи занималъ

почетное мѣсто между адвокатами состоявшими при парламентѣ (судѣ) въ Реннѣ. Послѣ революціи онъ сдѣлался членомъ верховнаго трибунала. Затѣмъ онъ былъ министромъ юстиціи, президентомъ гражданскаго трибунала въ Парижѣ, президентомъ уголовнаго трибунала, президентомъ кассационнаго суда и наконецъ членомъ директоріи. Будучи членомъ законодательнаго собранія, онъ произнесъ однажды рѣчь по поводу судебной организаціи, въ которой высказалъ что въ дѣлѣ уголовнаго суда должно не столько заботиться объ избѣжаніи опасности которую представляетъ для общества оправданіе виновныхъ, сколько несравненно большей опасности которую представляетъ возможность осужденія невиновнаго. Неужели будетъ слишкомъ смѣло сказать что юристы одушевленные такими чувствами, одаренный столь выдающимися способностями, соединялъ въ себѣ всѣ условія необходимыя для правильнаго управленія засѣданіемъ по уголовному дѣлу? Но помимо личныхъ достоинствъ президента, въ правильномъ веденіи убѣждаетъ насъ внимательное ознакомленіе съ актами этого дѣла. Изъ нихъ мы узнаемъ что засѣданіе продолжалось три дня и три ночи; что было выслушано 80 свидѣтелей со стороны защиты; что права защиты были примѣнены въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; что обвиняемые воспользовались всѣми гарантіями предоставляемыми правомъ, справедливостью, гуманностью и честностью публичнаго суда. Что же касается присяжныхъ, то какой фактъ можетъ лучше свидѣтельствовать объ ихъ пронацѣпительности и безпристрастіи какъ самый вердиктъ ими постановленный? Изъ шести обвиняемыхъ двое (Гено и Брюэ) были оправданы, несмотря на свидѣтельскія показанія ихъ учивавшія, и въ настоящее время не подлежатъ сомнѣнію что приговоръ произнесенный надъ Куріоломъ, Бернаромъ и Ршаромъ воздалъ каждому по заслугамъ. Собственное ихъ признаніе вполне оправдало произнесенный надъ ними приговоръ. Неужели же Лезюркъ не раздѣлилъ участи Гено и Брюэ лишь по тѣмъ причинамъ которыя выставляютъ его защитниками? Нѣтъ ли другихъ и лучшихъ тому объясненій? Десять свидѣтелей на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ заявляютъ безъ колебанія и съ твердою увѣренностью что 8-го флореала они видѣли Лезюрка въ Монжеронѣ и Льерсенѣ въ группѣ всадниковъ направлявшихся по дорогѣ въ Меленъ. Достоверность этихъ свидѣтелей не была никѣмъ подвержена сомнѣнію. Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ относиться съ недоувѣрчивостью къ показаніямъ о тождествѣ лица, когда эти показанія относятся къ человѣку котораго свидѣтели видѣли лишь мимоходомъ. Иной полагаетъ что онъ видѣлъ такого-то человѣка и утверждаетъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, а между тѣмъ онъ введенъ въ заблужденіе своими собственными воспоминаніями. Основать на такихъ показаніяхъ смертный приговоръ значитъ рисковать

возможностью судебной ошибки, и это-то соображеніе, безъ сомнѣнія, побудило присяжныхъ оправдать Брюэ и Гено. Но положеніе Лезюрка въ процессѣ было далеко не такъ просто. Вспомнимъ про двѣ важныя улики оказавшіяся противъ него помимо показаній о тождествѣ его съ однимъ изъ убійцъ. На мѣстѣ преступленія была найдена шпора половинная и перевязанная ниткой. Одинъ изъ свидѣтелей утверждалъ что нитку для перевязанія этой самой шпоры онъ далъ одному изъ всадниковъ, и что этотъ всадникъ былъ Лезюркъ. Понятно что это показаніе, если вѣрить его искренности, должно было имѣть рѣшительное вліяніе на умы присяжныхъ. Вторая улика: Лезюркъ спрашиваютъ какъ провелъ онъ время въ день 8-го флореала; Лезюркъ сначала отвѣчаетъ что онъ ничего не помнитъ; но спустя два дня воспоминанія его оживляются, и онъ утверждаетъ что все утро отъ 9 до 2 часовъ онъ провелъ въ магазинѣ Леграна, и что вечеръ того же дня онъ провелъ у одной женщины по имени Клотильда Даржансъ. Если факты эти будутъ доказаны, тогда нѣтъ болѣе основанія привлекать его къ суду; ошибка свидѣтелей показывавшихъ противъ него несомнѣнна; невозможно чтобы въ 2 часа его видѣли въ Льерсенѣ. Но извѣстно что произошло на судѣ при повѣркѣ этого *alibi* Лезюрка. Въ книгѣ Леграна оказалась очевидная поправка. Этого мало. Леграна, который сначала сказалъ что Лезюркъ дѣйствительно былъ у него въ день 8-го флореала, спросили, не выдали ли онъ съ кѣмъ-нибудь послѣ вызова въ судъ по дѣлу Лезюрка, и не было ли ему указано въ чемъ должно состоять его показаніе? Легранъ отвѣчалъ что онъ видѣлся съ защитникомъ Лезюрка, который, разсмотрѣвъ его книгу, сказалъ ему что на основаніи книги онъ можетъ утверждать что Лезюркъ былъ у него 8-го. Легранъ добавилъ еще что другіе свидѣтели, Альденгофъ и Илеръ, которые тоже свидѣтельствовали объ *alibi* Лезюрка, также какъ и онъ основывали свои показанія на предварительной справкѣ въ его книгу, въ которой оказалась извѣстная поправка. Прибавьте къ этому обстоятельству насчетъ ложнаго паспорта найденнаго на Лезюркѣ при арестованіи, неблагопріятныя свѣдѣнія насчетъ его образа жизни, а также то что спустя четыре дня послѣ совершенія преступленія, онъ, вмѣстѣ съ Куріолемъ, завтракалъ у Ришара, осужденнаго по тому же дѣлу какъ укрыватель. Теперь я спрашиваю васъ, есть ли какой-нибудь поводъ объяснять осужденіе Лезюрка тѣмъ что будто бы правосудіе было направлено на фальшивый путь пристрастіемъ президента, невѣжествомъ присяжныхъ и настроеніемъ общественнаго мнѣнія встревоженнаго дерзкимъ преступленіемъ? Очевидно что всѣ эти толкованія суть не что иное какъ химера.

„Итакъ, всѣ обстоятельства этого процесса вполнѣ убѣждаютъ насъ что вердиктъ присяжныхъ о Лезюркѣ былъ результатомъ весьма сильныхъ уликъ. Теперь посмотримъ,

имѣется ли въ этомъ роковомъ процессѣ одинъ изъ тѣхъ странныхъ, необъяснимыхъ случаевъ, которые спутываютъ обыкновенный ходъ человѣческихъ дѣлъ и превращаютъ судебный приговоръ освѣщенный искреннимъ убѣжденіемъ честныхъ гражданъ въ ошибку на вѣки прискорбную, въ общественное, такъ сказать, преступленіе.“

Г. Делангль, разобравъ всѣ обстоятельства относящіяся до поимки и суда надъ прочими сообщниками Куріоля и ихъ признаній, которыя, по его мнѣнію, не могутъ заслуживать большой вѣры, остановился въ особенности на процессѣ Дюбоска. Процессъ этотъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ формальнымъ пересмотромъ процесса Лезюрка. Семейство Лезюрка имѣло на судѣ своего адвоката, который вмѣшивался во всѣ дѣйствія происходившія на судѣ, направляя ихъ въ интересъ своихъ кліентовъ. Президентъ и прокуроръ не только этому не противились, но напротивъ сами всячески старались о томъ чтобы выяснить существованіе ошибки насчетъ Лезюрка. Съ этою цѣлью Дюбоска нарядили даже въ парикъ приворованный къ прическѣ Лезюрка. Спрашивается, могло ли правосудіе сдѣлать что-нибудь болѣе въ интересъ семейства Лезюрка? Было ли хоть что-нибудь упущено что могло бы служить къ подтвержденію его невиновности! Не была ли напротивъ выказана безпримѣрная ревность и притомъ въ ущербъ законной защитѣ Дюбоска? Свидѣтели, за исключеніемъ одного, не признали однако Дюбоска и остались при своихъ прежнихъ показаніяхъ относительно Лезюрка. Дюбоскъ, съ своей стороны, ничуть не скрывалъ что онъ преступникъ; онъ почти хвасталъ своимъ обычнымъ ремесломъ; онъ не отрицалъ и своего знакомства съ остальными убійцами; но онъ упорно настаивалъ на томъ что въ этомъ убійствѣ онъ не участвовалъ. Онъ до самой смерти продолжалъ утверждать то же самое. Г. Делангль доказывалъ что разказъ о томъ будто онъ сознался своему защитнику лишень всякаго основанія.

Г. Делангль перешелъ затѣмъ къ изложенію всѣхъ дальнѣйшихъ производствъ, вызванныхъ неутомимыми усиліями и ходатайствами семейства Лезюрка. Генераль-прокуроръ придаетъ огромное значеніе тому что эти ходатайства встрѣчати почти постоянно энергическое противоудѣйствіе въ лицѣ самыхъ замѣчательныхъ юристовъ и государственныхъ людей Франціи. Г. Делангль, обратилъ особенное вниманіе на

резолуцію императора Наполеона I отъ 6-го августа 1806, отвергнувшю ходатайство Лезюрковъ согласно съ мнѣніемъ особаго докладчика по этому дѣлу, г. Жироде, которому поручено было изучить дѣло во всей подробности и изложить свое мнѣніе. Ораторъ счелъ нужнымъ произнести по этому поводу панегирикъ основателю имперіи, доказывая что императоръ принималъ близко къ сердцу дѣло правосудія и что, отвергнувъ ходатайство Лезюрковъ, онъ, безъ сомнѣнія, поступилъ такъ на основаніи зрѣлаго сужденія. Въ подтвержденіе того какъ императоръ Наполеонъ заботился о правомъ судѣ и объ участи невинно пострадавшихъ вслѣдствіе судебной ошибки, генераль-прокуроръ привелъ слѣдующій фактъ. Въ 1806 году двое подсудимыхъ, Гарсонъ и Эленбергъ, были осуждены по обвиненію въ кражѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда они уже находились на галерахъ, противъ нихъ возникло новое обвиненіе въ грабежѣ съ насиліемъ. При слѣдствіи открылось что сообщникомъ Гарсона не только по этому, но и по прежнему преступленію, былъ не Эленбергъ, а третье лицо. Но это третье лицо не могло уже быть привлечено къ суду вслѣдствіе истеченія уголовной давности. Такимъ образомъ, для возобновленія дѣла о невинно-осужденномъ Эленбергѣ недоставало существеннаго элемента требуемаго закономъ для возобновленія: существованія двухъ судебныхъ приговоровъ исключających одинъ другой. Министръ юстиціи затруднялся вслѣдствіе того возбудить въ кассационномъ судѣ вопросъ о пересмотрѣ процесса Эленберга и представилъ объ этомъ императору, предлагая помиловать Эленберга. Но императоръ, отвергнувъ предложеніе о помилованіи, которое можетъ быть даровано лишь дѣйствительно виновному, и декретомъ отъ 20-го декабря 1813 года, *предписавъ* кассационному суду войти въ разсмотрѣніе дѣла и разрѣшить пересмотръ, несмотря на отсутствіе формальнаго повода требуемаго закономъ. Этотъ случай доказываетъ ясно, по мнѣнію г. Делангля, что императоръ Наполеонъ, еслибъ онъ былъ убѣжденъ въ справедливости просьбы Лезюрковъ, не стѣснился бы тѣмъ что буква закона противилась пересмотру. Разбирая дальнѣйшія производства по дѣлу Лезюрка возникшія вслѣдствіе ходатайствъ о пересмотрѣ при послѣдующихъ правительствахъ, г. Делангль привелъ мнѣнія юристовъ и государственныхъ людей высказывавшихъ по этому предмету

свои воззрѣнія большею частію неблагопріятныя для просителѣй. Изъ этихъ мнѣній особеннаго вниманія заслуживаетъ докладъ г. Ватименіа, секретаря государственнаго совѣта, которому поручено было рассмотреть дѣла, когда оно, въ 1821 г., передано было въ государственный совѣтъ вслѣдствіе резолюціи объ этомъ обѣихъ палатъ. Г. Ватименіа доказываетъ сначала что приговоры надъ Лезюркомъ и Любоскомъ не противорѣчатъ одинъ другому очевиднымъ образомъ и, судя по тексту приговоровъ, одинъ можетъ быть принятъ за сообщника другаго. Притомъ ст. 443 кодекса можетъ имѣть примѣненіе лишь при жизни обоехъ осужденныхъ. Дабы удовлетворить просьбѣ Лезюрковъ пришлось бы поэтому изготovitъ законопроектъ о распространеніи ст. 443 и на тѣ случаи, когда одинъ или оба осужденные уже не находятся въ живыхъ. Это, по мнѣнію г. Ватименіа, было бы весьма неудобно въ видахъ поддержанія принципа непоколебимости судебного рѣшенія. „Но, рассуждаетъ онъ далѣе, есть еще одно соображеніе которое должно имѣть самое рѣшительное вліяніе на рѣшеніе настоящаго вопроса. Мнѣ кажется что было бы весьма опасно предпринять созданіе новаго закона имѣя въ виду отдѣльный случай. Невозможно чтобы тѣ кои стануть обсуждать новый законопроектъ освободились вполнѣ отъ того вліянія которое неминуемо должно производить на ихъ умы данный случай. Вмѣсто того чтобы подняться, какъ подобаетъ законодателю, до общихъ соображеній и объять всѣ отдѣльныя случаи, разсужденіе должно по необходимости остановиться на болѣе низменномъ уровнѣ и сузиться въ тѣсныхъ предѣлахъ случая, который занимаетъ всѣ умы. Помимо этого, мнѣ кажется что дѣло Лезюрка представляетъ неудачный поводъ для того чтобы послужить основаніемъ къ общей законодательной мѣрѣ, имѣющей цѣлью предоставить больше средствъ къ очищенію невинности отъ позора несправедливаго осужденія. Я не нахожу чтобъ ошибочность приговора IV года была достаточно доказана. Человѣкъ котораго узнали девять свидѣтелей, который находился въ близкихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ преступниковъ, который прибѣгнувъ къ подложнымъ средствамъ чтобъ установить недоказанное *alibi*, такой человѣкъ въ моихъ глазахъ не становится невиннымъ потому только что его объявляютъ невиннымъ другіе осужденные. Люди понимающіе истинную справедливость и умѣющіе

противостоятъ минутнымъ увлеченіямъ общественнаго настроенія должны, по - моему, такъ взглянуть на дѣло Лезюрка: виновность его подлежитъ большому сомнѣнію, такому сомнѣнію которое должно было бы непременно повести къ его оправданію, еслибы судебный приговоръ еще только предстоялъ, но которое не было бы достаточнымъ для разрѣшенія пересмотра, еслибы такой пересмотръ допускался закономъ." Извѣстно что государственный совѣтъ принялъ это заключеніе г. Ватименія, подкрѣпленное мнѣніемъ высказаннымъ по этому же предмету другимъ извѣстнымъ юристомъ, г. Занджакоми.

Обозрѣвъ всѣ прежнія производства, г. Делангль перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса, насколько въ настоящее время, когда нѣтъ болѣе формальныхъ препятствій со стороны закона, дѣло Лезюрка можетъ быть допущено къ пересмотру. Изъ текста закона (ст. 443) и многихъ рѣшеній по этому поводу кассационнаго суда слѣдуетъ, что пересмотръ можетъ быть допущенъ когда фактъ, въ которомъ двое обвинены двумя различными приговорами, былъ единый, нераздѣльный, который не могъ быть совершенъ двумя лицами иначе какъ въ качествѣ сообщниковъ. Изъ этого толкованія вытекаетъ двоякое послѣдствіе: 1) *если при сопоставленіи двухъ приговоровъ, кажущихся противорѣчивыми, оказывается что тотъ и другой могутъ быть удержаны въ силѣ, тогда судъ обязанъ оставить оба эти приговора неприкосновенными;* 2) *несогласность двухъ приговоровъ должна быть очевидна съ перваго взгляда: коль скоро для установленія несогласности необходимо предварительное обсужденіе и судебныя пренія, то такой случай уже не подходитъ подъ букву и духъ закона установленнаго въ ст. 443 кодекса.* Такой случай уже не есть, по мнѣнію г. Делангля, та истина которая, вытекала сама собою изъ простаго сопоставленія двухъ приговоровъ, схватываетъ, такъ сказать, судью за горло и не позволяетъ ему никакихъ колебаній. Авторитетъ судебного рѣшенія можетъ и долженъ уступить одной лишь очевидности. Итакъ въ процедурѣ пересмотра прежде всего требуется чтобы кассационный судъ призналъ несогласность двухъ приговоровъ; затѣмъ уже слѣдуетъ пересмотръ самого дѣла по существу. Законъ 1867 г., соединившій объ эти процедуры въ кассационномъ судѣ для случаевъ пересмотра процессовъ объ умершихъ осужденныхъ, ни въ чемъ не измѣнилъ однако самого

порядка процедуры. И для кассационнаго суда обязательно прежде всего убѣдиться насколько данные два приговора несогласимы между собой, и лишь убѣдившись въ этомъ, онъ приступаетъ къ данному случаю. Г. Делангль приходитъ къ убѣжденію въ невозможности пересмотра, на томъ основаніи что приговоръ надъ Лезюркомъ и приговоръ надъ Дюбоскомъ не несогласимы между собою: первый признаетъ виновнымъ *въ прямомъ и непосредственномъ участіи* въ убійствѣ, второй же въ томъ только что онъ *помогалъ и содѣйствовалъ* главнымъ виновникамъ, причемъ присяжные отвѣтали отрицательно на вопросъ о прямомъ участіи Дюбоска.

Г. Делангль окончилъ свое заключеніе слѣдующимъ образомъ:

„Общественное мнѣніе ревностно придерживается слѣдующей идеи, не допуская никакихъ противъ нея возраженій: „если изъ совокупности фактовъ вытекаетъ что Лезюркъ дѣйствительно невиновенъ въ преступленіи и что онъ поплатился жизнью за свое роковое сходство съ однимъ изъ убійцъ, то слѣдуетъ возстановить его доброе имя нисколько не затрудняясь формой двухъ приговоровъ отъ IV и IX годовъ, ибо въ подобномъ случаѣ слѣдуетъ смотрѣть на сущность дѣла, а не на форму. Законъ 1867 г. былъ предложенъ и вѣтированъ именно въ виду процесса Лезюрка; поэтому нельзя допустить чтобъ эта законодательная мѣра осталась безплодною вслѣдствіе второстепенныхъ затрудненій относящихся до толкованія этого самаго закона.“ Это разсужденіе внушено самымъ почтеннымъ и благороднымъ чувствомъ. Весьма естественно что въ порывѣ сочувствія къ несчастію честнаго сердца хотятъ устранить причину несчастія и возмущаются, находя препятствіе въ томъ самомъ законѣ который считается средствомъ спасенія въ этомъ дѣлѣ. Но кассационный судъ не можетъ присоединиться къ этому порыву необдуманнаго великодушія. Поставленный хранителемъ закона, онъ долженъ поддержать его точное, буквальное примѣненіе. Въ неукоснительномъ исполненіи этой обязанности кассационный судъ почерпаетъ весь свой почетъ, всю свою силу. Что станется, если, по внушенію состраданія, кассационный судъ станетъ распространять смыслъ закона 1867 г. дальше его предѣловъ? если, вопреки своему главному назначенію предвращать произволь, онъ первый подастъ въ этомъ примѣръ? Кому неизвѣстно что самые дурные обычаи и преданія шли изъ хорошее начало. Omnia mala exempla ex bonis initiis orta. Когда вступаешь на ложный путь, тогда трудно остановиться. Для кассационнаго суда существуетъ всегда одинъ только вопросъ: можетъ ли быть примѣненъ законъ или нѣтъ? Въ этой дилеммѣ заключается основное правило

его образа дѣйствій. Установивъ порядокъ пересмотра относительно умершихъ осужденныхъ и вѣривъ этотъ пересмотръ исключительно кассационному суду, законодатель руководствовался тѣмъ разумнымъ соображеніемъ что только этимъ путемъ возможно избѣгнуть ложныхъ толкованій и тѣхъ злоупотребленій коимъ отличался нашъ старый процессъ дѣйствовавшій до 1789 года. Законодатель понималъ что судопроизводство гдѣ властвуетъ законъ и одинъ только законъ, одно можетъ удержать въ предначертанныхъ имъ предѣлахъ установленныя имъ исключенія изъ основнаго правила о непрекаемости приговора присяжныхъ. Ибо нельзя не повторять еще и еще разъ что пересмотръ уголовныхъ дѣлъ, какъ бы ни были строги установленныя для этого закономъ условія, есть отступленіе отъ одного изъ фундаментальныхъ положеній публичнаго права. Слѣдующее разсужденіе, извлеченное изъ самой сути уголовного закона, можетъ доказать справедливость указаннаго правила и необходимости быть весьма строгимъ при его примѣненіи. Когда законодатель установилъ судъ присяжныхъ и предоставилъ оному рѣшать безапелляционно вопросы касающіеся чести, свободы и жизни гражданъ, онъ, безъ сомнѣнія, надѣялся, что съ помощью гарантій предоставленныхъ имъ защитѣ обвиняемаго, устранена будетъ возможность ошибокъ, столь часто повторявшихся при прежнемъ порядкѣ судопроизводства. Но законодатель не могъ питать твердой и непоколебимой въ этомъ увѣренности: онъ зналъ слишкомъ хорошо что человѣческій судъ подверженъ ошибкамъ. Тѣмъ не менѣе законодатель установилъ лишь три случая пересмотра, ибо въ каждомъ изъ этихъ случаевъ есть прямая очевидность что судъ присяжныхъ впалъ въ заблужденіе, и что приговоръ имъ произнесенный не имѣетъ основанія. Въ этихъ случаяхъ, судебный приговоръ, какъ бы ни была доказана его несправедливость, остается неприкосновеннымъ. Что же было причиною такого строгаго постановленія? Неужели отсутствіе гуманности и заботливости объ истинно праведномъ судѣ? Конечно нѣтъ. Законъ установилъ такъ, потому что при всякой другой системѣ авторитетъ суда присяжныхъ, ежедневно оспариваемый,—ибо ежедневно приговоры его болѣе или менѣе сопряжены съ ошибками,—былъ бы рѣшительно подорванъ въ глазахъ общества. Нѣтъ такого учрежденія которое устояло бы противъ нападковъ постоянно повторяющихся. При всякой другой системѣ исчезла бы безопасность общества; интересы гражданъ, ихъ состояніе, ихъ честь подвергались бы безпрестанно случайностямъ произвола. Общественное зданіе пошатнулось бы въ самомъ своемъ основаніи.

„Когда присяжные впадаютъ въ ошибку, то, въ этихъ случаяхъ, специально предвидѣнныхъ и точно опредѣленныхъ закономъ, есть одинъ только путь къ исправленію ошибки, это путь помилованія. Государь, въ этомъ случаѣ, становится какъ Провидѣніе между осужденнымъ и наказаніемъ и, выполняя

свое конституціонное право, возстановляетъ, насколько отъ него зависитъ, правосудіе отклонившееся на ложный путь. Вотъ какимъ образомъ, чрезъ разумную комбинацію учрежденій и властей, смягчается зло которое проистекаетъ единственно изъ немощи человѣческаго ума. Пожертвовать для устраненія такого зла самою организаціей правосудія и тѣми учрежденіями на которыхъ основывается благосостояніе общества, значило бы пожертвовать интересу отдѣльнаго лица интересомъ всего общества. Вотъ это было бы зломъ действительно непоправимымъ. Нашъ законъ не преслѣдуетъ мертвыхъ за совершенныя ими преступленія. До 1867 года не позволялось также вызывать мертвыхъ чтобы доказывать ихъ невиновность, если она не выяснилась очевидно и сама собой. Думали что мертвые, призванные предъ другою, высшій судъ, покончили всякіе расчеты съ судомъ человѣческимъ. Новый законодатель не остановился предъ этимъ препятствіемъ. Изъ соображеній гуманности, онъ открылъ семейству невинно-осужденнаго путь до того закрытый. Но это благодѣяніе даровано новымъ закономъ не безусловно, и судебныя рѣшенія не предоставлены безконтрольнымъ нападеніямъ всякаго кто вздумаетъ оспаривать ихъ. Законъ, въ своемъ безпристрастіи, ограждаетъ всѣ интересы. Дерзновенно возбудить пререканіе, элементы котораго теряются во мракѣ прошедшаго, значить рисковать бесплоднымъ раздраженіемъ равъ которія временемъ давно залѣчены. Покорность волѣ судьбы есть въ такихъ случаяхъ самый разумный путь который должно избрать. Должно предоставить общественному мнѣнію возстановить добрую память тѣхъ которые не могутъ быть оправданы болѣе формальнымъ образомъ. Мы можемъ утѣшаться мыслию что подобное оправданіе имѣеть мѣсто всегда, какъ только справедливость судебного приговора становится сомнительною.

„По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы думаемъ что въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ законныхъ поводовъ къ пересмотру, и мы предлагаемъ суду, да благоволитъ онъ отвергнуть просьбу Виргиніи Лезюркъ о возстановленіи добраго имени ея отца.“

IX.

17-го декабря 1868 г. провозглашено было рѣшеніе кассационнаго суда, коимъ закончился этотъ во многихъ отношеніяхъ безпримѣрный процессъ. Вотъ текстъ этого рѣшенія:

Принимая во вниманіе что принципъ авторитета присвоеннаго окончательному судебному рѣшенію не допускаетъ оспариванія того что рѣшено окончательно судомъ;

что ст. 443 кодекса уголовного судопроизводства въ новой ея редакціи допускаетъ исключеніе изъ этого правила и

пересмотръ уголовного дѣла лишь въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: когда послѣ осужденія за смертоубійство предполагаемая жертва преступления оказывается въ живыхъ; когда послѣ осужденія за преступленіе или проступокъ одинъ изъ свидѣтелей былъ осужденъ за ложное показаніе противъ подсудимаго—два условия не имѣющія примѣненія къ настоящему дѣлу, — и наконецъ третій случай указываемый просительницей, который закономъ формулованъ такъ: „когда послѣ осужденія за преступленіе или проступокъ новымъ приговоромъ будетъ признанъ виновнымъ въ томъ же фактѣ другой подсудимый, и оба эти приговора не могутъ быть согласены, и противорѣчіе между ними служитъ доказательствомъ невинности одного или другого изъ обвиненныхъ“;

что это послѣднее правило указываетъ что исключительное право пересмотра имъ допускаемое предоставляется лишь въ томъ случаѣ если кассационный судъ признаетъ предварительно что приговоръ представленный на его обсужденіе находится въ противорѣчіи не съ показаніями свидѣтелей, заявленіями соосужденныхъ или другими документами процесса, а именно съ другимъ приговоромъ относящимся къ одному и тому же факту и съ нимъ несогласнымъ;

что просительница доказываетъ противорѣчіе на томъ основаніи что преступленіе было совершено лишь пятью лицами; что въ числѣ этихъ лицъ былъ одинъ 32 лѣтъ со свѣтлорусыми волосами и блѣднымъ лицомъ; что этотъ послѣдній былъ Дюбоскъ, но что Жозефъ Лезюркъ, вслѣдствіе своего сходства съ послѣднимъ, былъ принятъ за него во время перваго слѣдствія, что и было, причиною осужденія Лезюрка; что въ послѣдствіи Дюбоскъ былъ судимъ и осужденъ къ смертной казни за то же преступленіе. А между тѣмъ лишь одинъ изъ нихъ, Дюбоскъ или Лезюркъ, былъ виденъ въ Монжеронѣ и Льерсенѣ; что поѣтому лишь одинъ изъ нихъ могъ присутствовать на мѣстѣ преступленія, изъ чего слѣдуетъ что два приговора произнесенные надъ обоими между собою несогласимы;

но принимая во вниманіе что, такъ какъ не было свидѣтелей самого совершенія преступленія, никто не можетъ съ достовѣрностію опредѣлить число лицъ участвовавшихъ въ его совершеніи, и возможно что къ четыремъ лицамъ видѣннымъ въ Льерсенѣ присоединились, по вызвѣдъ ихъ оттуда, другіе, которые приняли участіе въ двойномъ убійствѣ и затѣмъ отъ нихъ отдѣлились;

что, съ другой стороны, допустивъ даже, какъ доказываетъ просительница, что только одинъ, Дюбоскъ или Лезюркъ, могъ находиться на мѣстѣ преступленія и участвовать въ его совершеніи, противорѣчіе между двумя приговорами имѣло бы мѣсто лишь въ томъ случаѣ еслибы Дюбоскъ и Лезюркъ были оба обвинены въ непосредственномъ совершеніи убійства;

принимая во вниманіе, относительно Лезюрка, что присяжные IV г. признали что двойное убійство и грабежъ совершились, и что Лезюркъ уличенъ въ томъ что безъ вызова со стороны убитыхъ и не въ положеніи необходимой обороны участвовалъ въ совершеніи убійства, что достаточно подтверждаетъ его присутствіе на мѣстѣ преступленія, и что онъ приговоренъ къ смертной казни, согласно тогдашнимъ законамъ, какъ прямой участникъ убійства;

но, что касается Дюбоска, то онъ, будучи судимъ въ IX г., основывалъ свою защиту на невозможности осудить его за тотъ же фактъ въ коемъ обвиненъ Лезюркъ;

что, далѣе, изъ семи свидѣтелей, которые въ IV г. узнали въ Лезюркѣ человѣка со свѣтлорусыми волосами и блѣднымъ лицомъ, котораго они видѣли въ Монжеронѣ и Льерсеви до убійства, и которые были снова призваны въ судъ при процессѣ Дюбоска и поставлены съ послѣднимъ лицомъ къ лицу, — шестеро продолжали утверждать что человѣкъ съ свѣтлыми волосами былъ Лезюркъ, а не Дюбоскъ; что седьмая свидѣтельница, Альфруа, одна только отреклась отъ своего перваго показанія, утверждая что она прежде ошибалась, и что Дюбоскъ былъ тотъ человѣкъ о которомъ шла рѣчь; что это послѣднее показаніе подкрѣплялось заявленіями сдѣланными по этому же предмету другими изъ осужденныхъ; что, кромѣ того, на Дюбоска указали какъ на одного изъ четырехъ которые запаслись въ Парижѣ лошадьми долженствовавшими привезти убійцъ на мѣсто преступленія, а также какъ на одного изъ тѣхъ которые принимали участіе въ дѣлѣ добычи;

что въ виду этого пререканія и будучи вызываемы выбрать между Лезюркомъ и Дюбоскомъ, присяжные признали что Дюбоскъ не былъ прямымъ участникомъ убійства, и на дополнительные вопросы отвѣчали что Дюбоскъ съ обдуманнѣмъ заранее намѣреніемъ пособлялъ главнымъ виновнымъ въ совершеніи преступленія;

что, согласно тогдашнему закону о пособничествѣ, на основаніи котораго осужденъ Дюбоскъ, дѣйствія въ которыхъ онъ признавъ виновнымъ заключались или въ приготовленіи къ преступленію и облегченіи главнымъ виновнымъ ихъ преступнаго замысла, или же въ помощи главнымъ виновнымъ на самомъ мѣстѣ преступленія;

принимая во вниманіе что присяжные, отвѣтивъ утвердительно на эти альтернативные вопросы и отрицательно на вопросъ о прямомъ участіи, нисколько не подтвердили чтобы пособничество Дюбоска заключалось въ дѣйствіяхъ совершенныхъ на самомъ мѣстѣ преступленія; что напротивъ этотъ отвѣтъ позволяетъ предположить что участіе Дюбоска выразилось въ дѣйствіяхъ предшествовавшихъ и подготовлявшихъ преступленіе;

принимая во вниманіе что въ преступленіи совершенномъ тѣлою шайкой, задолго предумышленномъ, вдали отъ мѣста

совершенія, и требовашемъ продолжительныхъ и многочисленныхъ приготовленій, такое пособничество можетъ выразиться подъ различными формами, въ различныхъ мѣстахъ и въ разное время; что каждое пособничество, если ихъ нѣсколько, можетъ состоять изъ различныхъ дѣйствій; что, по этому, пособничество въ коемъ признанъ виновнымъ Дюбоскъ не предполагаетъ непременно его присутствія ни въ Монжеронѣ, ни на мѣстѣ преступленія; что, такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія просительницы, оба приговора не противорѣчатъ одинъ другому и могутъ быть соглашены;

принимая наконецъ во вниманіе, что когда правосудіе признано рѣшить вопросъ о виновности подсудимаго, невиновность послѣдняго должна быть предполагаема доколь противное не будетъ доказано и всякое сомнѣніе должно быть истолковано въ его пользу; но этотъ принципъ не можетъ имѣть примѣненія къ тому случаю, когда подсудимый былъ осужденъ судебнымъ рѣшеніемъ вошедшимъ въ законную силу, и когда процессъ ведется уже не противъ подсудимаго, а противъ рѣшенія его осудившаго;

что въ этомъ случаѣ законная презумпція ограждаетъ судебное рѣшеніе, и эта презумпція падаетъ только предъ доказательствами, родъ и способъ приведенія коихъ напередъ опредѣленъ закономъ;

въ виду того что по смыслу ст. 443 просьба о пересмотрѣ можетъ быть удовлетворена не иначе какъ въ случаѣ доказаннаго противорѣчія между двумя приговорами;

что въ настоящемъ дѣлѣ этого условія не существуетъ;

что нѣтъ поэтому законнаго повода войти въ подробное разсмотрѣніе дѣла по существу,

судъ оставляетъ просьбу Виргиніи Лезюркъ о пересмотрѣ процесса Жозефа Лезюрка безъ послѣдствій.

Изложивъ въ подробности процессъ Лезюрка, въ особенности все то чтѣ имѣетъ отношеніе до юридической стороны дѣла, мы считаемъ излишнею оцѣнку справедливости рѣшенія французскаго кассационнаго суда, отъ 17-го декабря 1868 года. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ что рѣшеніе это вполне законно въ виду положеній французскаго законодательства по этому предмету, смыслъ и основаніе коихъ мы старались разъяснить для читателей неюрисстовъ въ замѣчаніяхъ предпосланныхъ изложенію процесса. А для рѣшеній кассационнаго суда не можетъ и не должно существовать другой мѣрки справедливости, кромѣ строгаго соответствія буквѣ и духу закона.

М. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРЪ.

СУДЬБЫ ПАПСКОЙ ВЛАСТИ

ПРИ НАПОЛЕОНѢ I

L'eglise romaine et le premier empire (1800—1811), par le comte d'Haussonville.

Борьба Наполеона I съ папскою властью затрогивала столько важныхъ вопросовъ, касалась такихъ вѣками укоренившихся вѣрованій и предубѣжденій что трудно было бы вообще ожидать отъ европейскихъ писателей надлежащаго безпристрастія при обсужденіи этого событія. Но настоящее время особенно неблагоприятно для подобной задачи, ибо поразительное сходство замѣчается между тѣмъ что происходило тогда и что совершается предъ нашими глазами. Судьба Пія VII во многомъ напоминаетъ судьбу нынѣ царствующаго папы. Оба они, при вступленіи на престолъ, обнаруживали либеральныя наклонности и стремились сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ потребностями времени. Подобно своему предшественнику, Пію IX очутился съ самаго начала среди грозныхъ смуть, охватившихъ почти всё государство западной Европы; подобно ему познакомился онъ съ изнаніемъ, утратилъ большую часть своихъ владѣній и долженъ страшиться окончательнаго паденія власти, столь дорогой римскимъ первосвященникамъ; подобно ему, поставленъ въ тѣсную зависимость отъ Франціи. Удивительно ли что затрогивая событія, совершившіяся въ началѣ текущаго столѣтія,

многочисленные писатели проникаются тотчасъ же всѣми политическими и религіозными страстями, столь сильно раздраженными въ настоящую минуту, и которыя нерѣдко дѣлаютъ ихъ совершенно неспособными различить истину? Если даже Тьеръ, который въ своей *Истории консульства и имперіи* видимо склонялся на сторону Наполеона при изображеніи его распри съ римскою куріей, является теперь жаркимъ поборникомъ папской власти, то чего же ожидать отъ другихъ, гораздо болѣе расположенныхъ къ притязаніямъ клерикальной партіи? Въ послѣднее время явилось много драгоценныхъ документовъ относящихся къ событію о которомъ идетъ рѣчь, и первое мѣсто между ними занимаютъ, конечно, собственная корреспонденція императора Наполеона и въ высшей степени любопытные мемуары кардинала Коксальви. Люди безусловно сочувствующіе свѣтскому владычеству папъ или исполненные вражды къ порядку вещей господствующему нынѣ во Франціи, усердно старались воспользоваться ими въ одномъ и томъ же смыслѣ: привлечь сочувствіе къ Пію VII, выставляя на видъ всѣ тяжкія и, по мнѣнію ихъ, незаслуженныя бѣдствія, испытанныя имъ, а также доказать что только искреннею твердостью, упорствомъ и отреченіемъ отъ всякихъ уступокъ папская власть въ состояніи оградить свои интересы. Къ числу подобныхъ же произведеній принадлежитъ и замѣчательная книга г. д'Оссонвиля, заглавіе коей выписано выше, книга, которая, несмотря на предвзятую мысль, господствующую въ ней, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія по богатству фактовъ и таланту обнаруженному авторомъ.

Мы полагаемъ, однако, что какъ ни искусны софизмы, расточаемые приверженцами Ватикана, они не въ состояніи произвести впечатлѣнія на того кто захочетъ отнестись къ вопросу вполне безпристрастно. Событія представляются ему совершенно въ иномъ свѣтѣ чѣмъ тотъ какимъ стараются искусственно окружить ихъ. Они убѣдительно говорятъ намъ что Пію VII, въ многознаменательной борьбѣ своей съ Наполеономъ, отстаивалъ энергически только интересы своей свѣтской власти, и что не было такихъ уступокъ въ сферѣ интересовъ духовныхъ которыя казались бы ему слишкомъ тяжкими чтобы спасти ее. Въ виду грозной опасности онъ прибѣгалъ къ соглашенію, отступалъ шагъ за шагомъ, насилывалъ свою совѣсть, измѣнялъ обязанностямъ и призванію

пастыря церкви, и все-таки остался побѣжденнымъ. Наученный этимъ опытомъ, Пій IX избралъ другой путь, тѣмъ болѣе что ему приходится имѣть дѣло уже не съ властолюбиемъ одного человѣка, а съ сознаниемъ цѣлыхъ массъ, тяготящихся деспотизмомъ папской власти. Онъ объявилъ непримиримую войну всему современному развитію человечества, онъ клеймитъ свободу совѣсти, религіозную терпимость, политическую свободу, научныя изслѣдованія несогласныя съ ультрамонтанскою теоріей „гнусными и пагубными заблужденіями“; онъ возвѣщаетъ свою собственную непогрѣшимость и неприкосновенность свѣтскихъ владѣній римскаго престола, требуетъ чтобы народъ и государи безусловно подчинились его авторитету, и созываетъ теперь соборъ, на которомъ намѣревается возвести въ религіозный догматъ всѣ эти манифестаціи противъ основныхъ принциповъ современнаго общества и прогресса. Папская власть какъ бы поставляетъ себѣ задачей торжественно подтвердить и оправдать всѣ укеры противъ ея нетерпимости и фанатизма. Она хочетъ увѣрить что, тогда какъ все измѣняется вокругъ нея, она одна не подчиняется духу времени, стоитъ выше человѣческихъ страстей и является хранительницей вѣчныхъ и неизблемыхъ истинъ, внѣ коихъ нѣтъ счастья и спасенія для человечества. Чтобы судить до какой степени основательны притязанія такого рода, мы считаемъ нелишнимъ разсказать здѣсь одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи папской власти, который лучше всего показываетъ, имѣетъ ли она право на ту роль съ которою выступаетъ нынѣ предъ глазами изумленнаго общества.

I.

Пій VI, вынужденный противъ воли покинуть Римъ, скончался изгнанникомъ въ послѣднихъ числахъ августа 1799 года. Избраніе его преемника происходило среди грозныхъ переворотовъ потрясшихъ всю Италію, и въ которыхъ Папская область не участвовала, подобно другимъ государствамъ. Воспользовавшись блестящими побѣдами Суворова, Австрійцы успѣли прибрать къ своимъ рукамъ лучшія ея земли и, вѣроятно потому что въ то время еще не былъ изобрѣтенъ

догмать о неприкосновенности владѣній Св. Петра, императоръ Францъ съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти готовился разыграть ту роль которая, на нашихъ глазахъ, возбуждала столько нареканій противъ Виктора-Эммануила. Онъ распоряжался въ легатствахъ полновластнымъ господиномъ; даровавъ дозволеніе конклаву открыть засѣданія въ бенедиктинскомъ монастырѣ, на небольшомъ островкѣ Св. Георгія въ Венеціи, онъ не скрывалъ что и эта незначительная милость должна быть куплена весьма тяжкою цѣной, а именно избраніемъ на римскій престолъ одного изъ его кандидатовъ. Никогда еще кардиналы не находились въ такомъ затруднительномъ положеніи: отвергнуть требованія Вѣнскаго кабинета значило окончательно потерять легатства, а удовлетворить имъ было опасно по той причинѣ что новый папа могъ добровольно отказаться отъ этихъ легатствъ въ пользу Австріи. Но не даромъ Италіяны слывуть тонкими и искусными политиками! Члены священноі коллегіи разчитали очень вѣрно что событія совершавшіяся въ то время далеко еще не служили послѣднимъ словомъ великой драмы разыгрывавшейся на Аппенинскомъ полуостровѣ, что должны были возникнуть новыя войны, новые перевороты, и что едва ли побѣда, въ такомъ случаѣ, останется за Габсбургскимъ домомъ. Благоразуміе требовало заранѣе расположить къ себѣ того изъ противниковъ которому судьба предвѣщала наиболѣе успѣховъ: вотъ побужденія заставившія конклавъ остановить свой выборъ на кардиналѣ Кіарамонти, возложившемъ на себя тиару подъ именемъ Пія VII.

Новый папа казался именно такимъ человѣкомъ какой требовался среди тогдашнихъ обстоятельствъ. Онъ извѣстенъ былъ, правда, только однимъ событіемъ въ своей жизни, но событіе это выставяло его въ весьма выгодномъ свѣтѣ: вскорѣ по заключеніи Кампоформітскаго мира всѣ римскіе прелаты, находившіеся въ легатствахъ, спѣшили спастись бѣгствомъ при приближеніи французскихъ войскъ; одинъ только кардиналъ Кіарамонти, тогдашній епископъ Имболы, радушно встрѣтилъ побѣдителей и обратился даже къ народу съ пастырскимъ посланіемъ, въ которомъ восхвалялъ демократическія и республиканскія учрежденія и говорилъ что Цизальпінская республика не уступитъ въ славу древнимъ Спартѣ и Аѣинамъ. Этотъ поступокъ былъ очень сочувствененъ оцѣненъ генераломъ Бонапарте и вообще произвелъ не

малое впечатлѣніе во всей Италіи. Для многихъ казалось совершенно необыкновеннымъ дѣломъ что прелать, воспитанный въ старыхъ понятіяхъ, умѣлъ такъ ловко привороваться къ новымъ идеямъ и не устрасился высказать ихъ публично. Но если образъ дѣйствій кардинала Кіарамонти являлся тогда предосудительнымъ во мнѣніи его товарищей, то теперь именно на этомъ образѣ дѣйствія опирались, главнымъ образомъ, права его на папскій престолъ. Если необходимо было провозгласить римскимъ первосвященникомъ чловѣка внушавшаго довѣріе полководцу, въ то время уже руководившему судьбами Франціи, чловѣка чуждаго фанатической вражды къ возникавшему порядку вещей, то трудно было одѣлать, повидимому, болѣе удачный выборъ. Лица близко знавшія его имѣли основательныя причины опасаться чрезмѣрной мягкости его характера, готовности безусловно подчиняться постороннему вліянію, совершеннаго незнакомства съ дѣлами свѣтскаго управленія, но и эти недостатки легко устранялись съ самаго начала. Если Пію VII суждено было очутиться въ чужихъ рукахъ, то по крайней мѣрѣ это были твердыя и надежныя руки. Ни для кого не составляло тайны что безграничнымъ вліяніемъ при немъ долженъ былъ пользоваться старинный его другъ, кардиналъ Консалви, одинъ изъ тѣхъ членовъ римской куріи къ которымъ по справедливости примѣнялось названіе *moitié cygne, moitié renard*. Кардиналъ Консалви пользовался уже значительнымъ вліяніемъ при прежнемъ папѣ и составилъ себѣ репутацію искуснаго и опытнаго государственнаго чловѣка. Въ Римѣ называли его не иначе какъ *сиреною*; Французы отзывались о немъ въ послѣдствіи что онъ „*insinuant comme un ragfish*“. Онъ обладалъ не только обширными свѣдѣніями и рѣдкими способностями, но и отличался находчивостью среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и особеннымъ умѣньемъ обращаться съ людьми. „Скромный, пріятливый и даже вкрадчивый, говорить о немъ г. д'Оссонвилъ, онъ былъ для всѣхъ крайне пріятнымъ собесѣдникомъ. Всякія приличныя развлеченія всегда нравились ему. Съ ранней молодости онъ былъ ревностнымъ поклонникомъ искусства; общество образованныхъ и остроумныхъ женщинъ казалось ему особенно привлекательнымъ. Кардиналъ Консалви не думалъ скрывать это: онъ старался когда-то привлечь къ себѣ вниманіе извѣстныхъ своею красотою и изяществомъ

римскихъ дамъ, и воспоминаніе о нихъ услаждало даже зрѣлые его годы; въ мемуарахъ своихъ онъ говоритъ безъ малѣйшаго смущенія о вѣчной дружбѣ, связывавшей его съ принцессой Русполи, умершей восемнадцати лѣтъ отъ роду. Она была, по словамъ его, образцомъ всѣхъ добродѣтелей и отличалась столько же безупречною нравственностью сколько умомъ. Конечно, восклицаетъ кардиналъ, Богу угодно было испытать чрезмѣрную чувствительность моего сердца этою тяжкою потерей! Такимъ остался онъ до заката своихъ дней, и никто лучше его не могъ служить представителемъ отжившаго, но изящнаго типа, извѣстнаго въ обществѣ XVIII вѣка подъ названіемъ „un parfait galant homme“. Кардиналъ Консальви занялъ при Пій VII, тотчасъ по вступленіи его на престолъ, должность государственнаго секретаря.

Римская курія обольщала себя самыми заманчивыми надеждами: она твердо вѣрила въ возможность возвратить утраченныя ею области и снова упрочить во Франціи вліяніе римскаго первосвященника. Залогомъ этого служили для нея намѣренія и цѣли великаго полководца, который не за долго предъ тѣмъ, совершивъ государственный переворотъ 18-го брюмера, сталъ во главѣ правительства своей страны. Наполеонъ менѣе всего былъ религіознымъ человѣкомъ; онъ относился совершенно безразлично къ католицизму, протестантизму и всякому другому исповѣданію; во время первой италіанской кампаніи онъ постоянно отзывался въ донесеніяхъ своихъ директоріи о папской власти какъ объ „испорченной машинѣ, которая впала въ презрѣніе у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ“; но по мѣрѣ того какъ развивалась и созрѣвала въ немъ мысль сдѣлаться главою французской націи, онъ все болѣе убѣждался что общество не можетъ существовать безъ религіи, если не хочетъ впасть въ безвыходную анархію и хаосъ. Религія, въ глазахъ его, должна была служить однимъ изъ могущественныхъ политическихъ учрежденій чтобы дѣйствовать на массы; далѣе этого не простиралась его помыслы. Нельзя не замѣтить весьма рѣзкаго различія, которое обнаруживается во всѣхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ Наполеона когда онъ былъ лишь простымъ генераломъ, и когда принялъ на себя званіе перваго консула: въ этотъ позднѣйшій періодъ онъ тщательно избѣгалъ богохульных выхонокъ и того легкомысленнаго тумленія надъ догматами вѣры, которому предавался тогда высшее парижское

общество. Явившись снова, послѣ египетской экспедиціи, на поляхъ Италіи, онъ прежде всего обращается къ духовенству съ просьбой отслужить торжественный молебень „объ очищеніи этой страны отъ еретиковъ Англичанъ и невѣрныхъ мусульманъ“. Австрійцы, какъ говорить онъ въ одной изъ своихъ прокламацій, особенно опозорили себя тѣмъ что не устрашилися прибѣгнуть къ содѣйствию Турокъ. Въ Миланѣ Наполеонъ собралъ около себя всѣхъ прелатовъ и канониковъ этого города и держалъ къ нимъ слѣдующую рѣчь, которая была немедленно распространена повсюду: „Я желаю лично выразить вамъ чувства одушевляющія меня относительно католической религіи; твердо убѣжденный что только одна эта религія можетъ обезпечить истинное благоденствіе народовъ и служить опорой для правительствъ, я намѣренъ всегда и повсюду оказывать ей ревностное покровительство. Объявляю что буду считать врагомъ общественнаго спокойствія всякаго кто посягнетъ на дорогія намъ вѣрованія и подвергну его самой строгой карѣ.... Въ прежнее время, находясь среди васъ, я не могъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, ибо былъ лишь послушнымъ орудіемъ правительства которое отнюдь не заботилось о торжествѣ католицизма, но теперь обстоятельства перемѣнились.... Франція, наученная опытомъ, открыла наконецъ глаза; она убѣдилась что религія должна служить единственнымъ прочнымъ якоремъ, на который слѣдуетъ ей опереться среди одолюющихъ ее волненій и смуть.... Надѣюсь, что при свиданіи съ новымъ папой, мнѣ удастся отстранить всѣ препятствія затруднявшія доселѣ сближеніе моего отечества съ римскимъ престоломъ....“ Г. д'Оссонвиль замѣчаетъ что сподвижники Наполеона, окружавшіе его въ то время когда онъ произносилъ эти слова, не могли, вѣроятно, воздержаться отъ улыбки при воспоминаніи что точно такія же рѣчи слышали они отъ него въ Каирѣ, что точно также восхвалялъ онъ улемамъ достоинства религіи Магомета, но не въ томъ дѣло. Грозный завоеватель достигъ какъ нельзя лучше своей цѣли. Заявленіе, сдѣланное имъ, подняло надежды Ватикана, и что же удивительнаго въ томъ? Если многіе наивные люди были убѣждены что Наполеонъ чуждъ всякихъ честолюбивыхъ замысловъ и старается приобрѣсти власть единственно съ цѣлю разыграть въ послѣдствіи роль Монка, то и для папы простительно было утѣшаться мыслию что искреннее

религіозное чувство одушевляло этого загадочнаго чело-
вѣка.

Переговоры начались немедленно, и переговоры эти въ высшей степени назидательны, какъ для характеристики самаго Наполеона, такъ и для опредѣленія той роли которой держалась папская власть въ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и критическихъ періодовъ своего существованія. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ: въ рядахъ французскаго правительства находился человекъ, который былъ, повидимому, особенно пригоденъ для задуманнаго дѣла, ибо самъ принадлежалъ нѣкогда къ духовному сословію и вполне проникся видами и намѣреніями перваго консула. Мы говоримъ о Талейранѣ. Но Наполеонъ не довѣрялъ ему, опасаясь что онъ или окажетъ чрезвычайную уступчивость римскому престолу изъ желанія примириться съ нимъ, или же, по старой памяти, обнаружитъ враждебныя къ нему чувства. Уполномоченными своими избралъ онъ государственнаго совѣтника Порталиса, отличнаго юриста и оратора, но отличавшагося печальною шаткостью убѣжденій, и аббата Бернье, который принадлежалъ, конечно, къ числу самыхъ неблаговидныхъ личностей того времени. Сначала яростный легитимистъ и одинъ изъ предводителей вавдейскаго возстанія, потомъ приверженецъ директоріи, онъ съ такимъ увлеченіемъ передался теперь на сторону новаго правительства что не поколебался даже, какъ увидимъ въ послѣдствіи, служить ему шпиономъ. Представителемъ римской куріи былъ монсеньюръ Спина, но въ скоромъ времени, когда обнаружилось сильное разногласіе между Римомъ и Парижемъ, тяжкія обязанности эти возложены были на самого кардинала Консалви.

Лишь только кардиналъ прибылъ въ Парижъ, какъ долженъ былъ убѣдиться что дѣло было несравненно труднѣе чѣмъ полагали вначалѣ папа и его совѣтники. Конечно, Наполеонъ хотѣлъ возстановить католическую религію во Франціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ твердо убѣжденъ что уже этимъ самымъ оказываетъ великую услугу Риму, и что онъ одинъ, а не римскій первосвященникъ, имѣетъ право предъявлять свои требованія. Для него представлялось вполне яснымъ что папская власть давно уже отжила свой вѣкъ, и если теперь онъ вступалъ въ союзъ съ нею, то не иначе какъ подъ условіемъ чтобъ она послужила орудіемъ

въ его рукахъ; власть эта никоимъ образомъ не должна была помышлять о восстановленіи своего прежняго вліянія въ странѣ, которая только что выходила изъ громаднаго переворота, совершенно измѣнившаго ея политическій и гражданскій бытъ; напротивъ, ей слѣдовало примѣниться къ новымъ обстоятельствамъ и заранее приготовиться къ мысли о необходимости уступокъ съ своей стороны, а что касается вопроса какъ далеко должны были простираться эти уступки, то единственнымъ компетентнымъ судьей могъ быть тутъ повелитель Франціи. Вотъ съ какимъ взглядомъ приступалъ Наполеонъ къ переговорамъ, обнаруживая твердое намѣреніе ни на одинъ шагъ не отдаляться отъ него. По его приказанію выработаны были проектъ конкордата, главнѣйшія основы коего заключались въ слѣдующемъ: новое распределеніе епархій; назначеніе епископовъ свѣтскою властью; посвященіе ихъ папой; обѣтъ строгаго ихъ подчиненія установленному правительству; содержаніе духовенства на счетъ казны; отреченіе его отъ всякихъ притязаній на церковныя имущества конфискованныя во время революціи, и т. д. Даже люди наиболѣе враждебные памяти Наполеона сознаются что выработанный имъ конкордатъ какъ нельзя лучше соответствовалъ потребностямъ французскаго общества, ибо въ существенныхъ своихъ основаніяхъ сохранился почти неизмѣненнымъ до нашего времени. Какимъ же образомъ отвелась къ нему римская курія? Она порицала доселѣ все что совершилось во Франціи послѣ 1789 года; она не признавала никакихъ измѣненій касавшихся правъ и положенія духовенства, и можно было предположить что теперь, когда впервые приходилось ей возвысить свой голосъ въ этомъ важномъ вопросѣ, она выступитъ съ энергическимъ заявленіемъ всегда дорогихъ для нея принциповъ. Но кардиналъ Консалви разгадалъ уже челоуѣка съ которымъ имѣлъ дѣло. Онъ понималъ что желѣзная воля перваго консула не склонится ни предъ какимъ противодѣйствіемъ, а между тѣмъ отъ него, отъ этого перваго консула, зависило осчастливить римскій престолъ, возвративъ ему утраченныя имъ области. Интересы духовные отступили тотчасъ же предъ интересами свѣтскими. Чтобы спасти эти послѣдніе, уполномоченные папы обнаруживаютъ тотчасъ же изумительную покорность, шагъ за шагомъ отступаютъ они предъ рѣшительнымъ *non possumus* могучаго диктатора, склоняясь на убѣжденія или не держа протестовать противъ явнаго насилія.

Были въ сущности два вопроса, противъ которыхъ кардиналъ Консальви счелъ нужнымъ возражать съ особенною силой. Онъ настаивалъ, во первыхъ, чтобы католическая религія во Франціи была признана *господствующею религіею* государства. Такъ какъ онъ заявилъ при этомъ что папа не въ состояніи сдѣлать тутъ ни малѣйшей уступки, то переговоры могли прерваться не достигнувъ результата, но замѣтивъ что перспектива такого рода отнюдь не устрашаетъ перваго консула, римскій уполномоченный счелъ благоразумнѣе смягчиться. Католическая религія признана была только „религіею значительнаго большинства Французовъ (de la grande majorité des Français)“. Затѣмъ, когда зашла рѣчь о публичномъ отправленіи богослуженія въ странѣ, кардиналъ Консальви не допускалъ никакого вмѣшательства въ это дѣло со стороны свѣтской власти; Наполеонъ считалъ необходимымъ, напротивъ, подчинить его извѣстнымъ административнымъ предписаніямъ; страсти были сильно возбуждены съ той и другой стороны, споръ снова грозилъ окончиться разрывомъ, но вдругъ, и совершенно неожиданно, французское правительство показало видъ что отказывается отъ своихъ требованій. Такъ какъ конкордатъ былъ впопыхъ готовъ, то оставалось теперь только подписать его. Для выполненія этой формальности назначены были со стороны Наполеона братъ его, Иосифъ, аббатъ Бернье' и г. Крете, со стороны же папы кардиналъ Консальви, монсиньоръ Спина и аббатъ Казелли. Но лишь только сошлись уполномоченные, какъ произошла поразительная сцена, которую г. д'Оссонвиль изображаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Аббатъ Бернье полагалъ не совсѣмъ приличнымъ приступать къ подписанію конкордата въ гостиницѣ, гдѣ помещался государственныи секретарь Пія VII, и предложилъ этому послѣднему, по порученію перваго консула, отправиться въ назначенный день, какъ говорилось тогда, къ „гражданину“ Иосифу. „Мы покончимъ все дѣло, говорилъ аббатъ,—въ какую-нибудь четверть часа, ибо намъ предстоитъ лишь приложить свои подписи и обмѣняться взаимными поздравленіями.“ Онъ показалъ при этомъ кардиналу номеръ *Монитера*, въ которомъ французское правительство извѣщало уже публику о заключеніи конкордата. Извѣщеніе это было сдѣлано въ такихъ словахъ: „Кардиналъ Консальви совершенно успѣлъ въ порученіи для котораго прибылъ въ Парижъ.“ Слѣдующій день, 14-го іюля, былъ днемъ величайшаго патріотическаго празднества во Франціи, и первый консулъ намѣревался, по

словамъ того же Бернье, объявить въ этотъ день за торжественнымъ обѣдомъ, на который приглашено было болѣе трехсотъ человекъ, о состоявшемся договорѣ, который превышалъ своею важностью и значеніемъ подобный же договоръ Франциска I и Льва X. Дѣйствительно, ровно въ четыре часа, какъ было условлено, аббатъ Бернье, со сверткомъ бумагъ въ рукахъ, заѣхалъ за Консалви, и оба отправились къ гражданину Иосифу. Братъ генерала Бонапарте встрѣтилъ кардинала весьма радушно и въ свою очередь замѣтилъ что дѣло будетъ покончено въ нѣсколько минутъ. Тотчасъ же аббатъ Бернье развернулъ документъ и показавъ уполномоченному то мѣсто гдѣ ему слѣдовало подписаться. Но каково же было изумленіе Консалви, когда, бросивъ машинально взглядъ на бумагу, онъ убѣдился что ему представляли вовсе не тотъ трактатъ который былъ выработанъ комиссіей и принятъ первымъ консуломъ! Въ трактатѣ, находившемся теперь предъ его глазами, многія статьи были измѣнены совершенно и прибавлено даже нѣсколько такихъ о которыхъ не было и рѣчи... Смущеніе кардинала достигло крайнихъ предѣловъ, и онъ прямо объявилъ что не въ состояніи принять эту новую и совершенно неизвѣстную ему редакцію. Иосифъ показалъ видъ что удивленъ не менѣе его; въ несвязныхъ словахъ увѣрялъ онъ что ему ничего не было извѣстно о ходѣ дѣла, что только въ этотъ самый день онъ возвратился изъ деревни и изъ словъ своего брата могъ заключить что переговоры приведены къ вполне удовлетворительному результату. Г. Кретѣ утверждалъ почти то же самое, и наконецъ очередь дошла до аббата Бернье, который одинъ продолжалъ хранить упорное молчаніе. Вынужденный наконецъ объясниться, онъ замѣтилъ, съ крайне смущеннымъ видомъ, что дѣйствительно возраженія кардинала вполне справедливы, но что первый консулъ приказалъ ему замѣнить одинъ трактатъ другимъ, ибо остался недоволенъ трудомъ комиссіи и считалъ себя въ правѣ отказать отъ него, пока еще конкордатъ не былъ утвержденъ офиціальнымъ образомъ. Понятно, что кардиналу Консалви не предстояло большого труда оспаривать подобную теорію; онъ отвергнулъ ее съ негодованіемъ; но чѣмъ особенно былъ возмущенъ онъ, такъ это продажей, пущеною въ ходъ чтобы воспользоваться его доверчивостью. Иосифъ старался смягчить его, выставляя на видъ всѣ печальныя послѣдствія которыя бы замедлили бы произойти отъ внезапнаго прекращенія переговоровъ. Необходимо было, по словамъ его, снова придти къ соглашенію и заняться этимъ безотлагательно въ тотъ же день; это было необходимо главнымъ образомъ вслѣдствіе замѣтки появившейся въ *Монитеръ*, и вслѣдствіе намѣренія перваго консула объявить за торжественнымъ обѣдомъ слѣдующаго дня о подписаніи конкордата. Легко понять, говорилъ Иосифъ, какому негодованію и ярости (это были точныя его слова)

предается его братъ, не любившій отступать ни предъ какими препятствіями, если окажется что по вопросу такой важности онъ напечаталъ въ официальной газетѣ ложное извѣстіе.

„Убѣжденный этими доводами, кардиналъ согласился снова приступить къ совѣщаніямъ. Они открылись тотчасъ же, въ пять часовъ пополудни. Такъ какъ уполномоченные надѣялись что пренія не затанутся долго, то они не отпустили своихъ людей и не приказали откладывать экипажи, а между тѣмъ имъ пришлось просидѣть за работой не только цѣлую ночь, но даже слѣдующее утро до полудня.“

Дѣло кончилось тѣмъ что уполномоченный папы опять вынужденъ былъ согласиться на многія и весьма важныя уступки. Но по-прежнему оставался одинъ пунктъ,—мы говоримъ о публичномъ отправленіи богослуженія во Франціи,—гдѣ онъ не считалъ возможнымъ измѣнить своему первоначальному убѣжденію. Напрасно противники кардинала старались дѣйствовать на него и аргументами, и угрозами: и то, и другое оказывалось безуспѣшнымъ. Приближалась роковой часъ обѣда, первый консулъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ что ему принесутъ совершенно готовый текстъ трактата, и вдругъ вмѣсто того получаетъ онъ извѣстіе что трактатъ не подписанъ, и что нѣтъ даже надежды на возможность такого соглашенія которое могло бы вполнѣ удовлетворить его. Гроза разыгралась тотчасъ же надъ головой несчастнаго Консалви... Онъ не въ состояніи былъ уклониться отъ присутствія на празднествѣ, и лишь только вошелъ въ ярко освѣщенную залу, наполненную множествомъ народа, какъ первый консулъ встрѣтилъ его громовою рѣчью: „Итакъ, кардиналъ, вы рѣшились прервать переговоры? Пусть будетъ по-вашему. Я не нуждаюсь въ Римѣ, не нуждаюсь въ папѣ. Если Генрихъ VIII, не обладавшій двадцатою долей моего могущества, успѣлъ измѣнить религію въ своемъ государствѣ, то, конечно, мнѣ удастся сдѣлать это еще гораздо легче. Измѣнивъ религію во Франціи, я измѣню ее и въ Европѣ, повсюду куда простирается моя власть. Римъ пойметъ тогда какія громадыя утраты ожидаютъ его. Онъ будетъ проливать слезы, но уже поздно. Вы можете ѣхать назадъ, вамъ не зачѣмъ здѣсь оставаться....“ Всѣ присутствовавшіе были поражены этими словами, и самъ Консалви былъ смущенъ ими не менѣе другихъ. Онъ приводилъ въ свое оправданіе что римскій дворъ не скушался на уступки и достаточно обнаружилъ

жастное желаніе свое удовлетворить требованіямъ французскаго правительства, что онъ отказался отъ самыхъ дорогихъ своихъ притязаній, что въ одномъ, только въ одномъ пунктѣ считаетъ онъ дѣломъ совѣсти и долга настаивать на коренныхъ своихъ принципахъ.... Первый консулъ не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій. „Или все, или ничто, упорно повторялъ онъ; я считаю дѣло конечнымъ, и Римъ будетъ кровавыми слезами оплакивать свое заблужденіе.“ Неизвѣстно, рѣшился ли бы Наполеонъ привести въ исполненіе свою угрозу, еслибы не вмѣшался въ дѣло австрійскій посланникъ графъ Кобенцель: тотчасъ же по окончаніи обѣда, онъ употребилъ все краснорѣчіе свое чтобъ умиловать грознаго диктатора, стараясь выставить на видъ какъ повредилъ бы онъ своей славѣ, еслибъ отказался отъ задуманнаго имъ великаго предпріятія и лишилъ Францію неопредѣленное время успокоенія въ религіи. Неотступнымъ убѣжденіямъ его удалось наконецъ вырвать слѣдующія слова у перваго консула: „Пожалуй, пусть снова приступятъ къ переговорамъ, но, повторяю, я не соглашусь ни на малѣйшую уступку: или уполномоченный папы оставитъ спорный пунктъ безъ измѣненій, или отправится туда откуда прѣхалъ....“ Затѣмъ онъ повернулся спиной къ посланнику и покинулъ залу.

Въ этой сценѣ поражаетъ прежде всего самоувѣренность съ которою Наполеонъ говорилъ о намѣреніи своемъ перемѣнить религію во Франціи. Сильно ошибся бы тотъ кто счелъ бы это не болѣе какъ уловкой съ его стороны, грубою попыткой запугать и смутить своего противника; напротивъ, и въ описываемое нами время, точно такъ же какъ гораздо позднѣе, и даже въ бесѣдахъ съ самыми близкими людьми, предъ которыми ему не зачѣмъ было рикать, онъ не переставалъ высказывать мысль что совершенно отъ его воли зависѣло заставить Францію усвоить протестантизмъ и отказаться отъ старинныхъ своихъ вѣрованій. Было ли то опьяненіе своимъ могуществомъ или пренебреженіе къ націи вручившей ему свою судьбу, но фактъ представляется несомнѣннымъ. Съ другой стороны, и самъ папа, и его совѣтники были не менѣе убѣждены что Наполеонъ въ состояніи выполнить свою угрозу: отсюда ихъ робкій трепетъ предъ диктаторомъ (кардиналъ Консалви говорить въ своихъ мемуарахъ что испытывалъ предсмертное

томленіе, les angoisses de la mort, почти всякій разъ когда ему приходилось видѣться съ нимъ), отсюда ихъ угодливость и возмутительная лесть которыми они старались подслужиться ему. Еще въ то время когда генераль Бонапартъ довольствовался титуломъ перваго консула и колебался возложить на себя императорскую корону, римскіе прелаты не утомлялись повторять что только въ немъ слабая и угнетенная католическая церковь видитъ своего защитника и покровителя, что онъ избранъ Провидѣніемъ разыграть роль Карла Великаго. Подобно Карлу Великому, онъ долженъ былъ укрѣпить подъ своею сѣнью католицизмъ и облагодѣтельствовать папу, соединивъ снова подъ его властью всѣ земли принадлежавшія нѣкогда римскому престолу: если обратимъ вниманіе на это послѣднее обстоятельство, то увидимъ что сравненіе было прибрано отнюдь не дурно.... Удивительно ли послѣ того, что всякая оппозиція Рима разлеталась въ прахъ предъ могучею волею Наполеона? Съ самаго начала постановилъ онъ себѣ непремѣннымъ правиломъ не останавливаться рѣшительно ни предъ какими средствами въ борьбѣ съ притязаніями папской власти. Такъ, въ вопросѣ о конкордатѣ, который чуть было не вызвалъ, какъ мы показали выше, прекращенія начатыхъ переговоровъ,—когда кардиналъ Консальви еще разъ не счелъ возможнымъ согласиться на заявленныя ему требованія, первый консулъ вдругъ, и вопреки всѣмъ прежнимъ своимъ заявленіямъ, обнаружилъ необыкновенную уступчивость. Онъ согласился принять конкордатъ, въ которомъ статья, возбуждавшая столько ожесточенныхъ споровъ, была изложена въ весьма неясныхъ выраженіяхъ, но римскій дворъ не замедляя убѣдиться по истеченіи нѣсколькихъ недѣль въ какой степени было бы безсмысленно для него торжествовать побѣду. То была лишь отсрочка, разчитанная съ цѣлью выиграть дѣло другимъ и болѣе вѣрнымъ путемъ.

Дѣйствительно, первый консулъ желалъ теперь только отдѣлаться поскорѣе отъ Консальви. Первая часть задачи была выполнена съ замѣчательнымъ успѣхомъ; что же касается до второй, то-есть какимъ образомъ конкордатъ долженъ былъ примѣненъ на дѣлѣ, то для этого требовалось имѣть въ Парижѣ представителемъ папы челоуѣка еще болѣе уклончиваго и податливаго. Наполеонъ выразилъ самое настойчивое требованіе чтобы папскимъ легатомъ во Францію

назначенъ былъ кардиналъ Капрара. Римская курія пришла въ немалый ужасъ отъ подобнаго желанія, противиться которому не представлялось однако никакой возможности. Дѣло въ томъ что Капрара давно уже подвизался на дипломатическомъ поприщѣ, но приобрѣлъ себѣ извѣстность только бездарностью и позорною слабостью характера. Онъ былъ аккредитованъ когда-то въ Вѣнѣ, при дворѣ Иосифа II, и императоръ вертѣлъ имъ какъ хотѣлъ, почти никогда не слыша отъ него ни одного слова въ возраженіе противъ своихъ реформъ, возбуждавшихъ явное негодованіе Рима: но если престарѣлый кардиналъ трепеталъ предъ Иосифомъ, то чего же было ожидать отъ него когда онъ встрѣтится съ Наполеономъ? Не было ли извѣстно къ тому же что онъ оказывался одинаково безсильнымъ не только предъ проявленіями гнѣва, но и предъ ласками, особенно когда эти ласки соединялись съ матеріальными для него выгодами? А между тѣмъ обстоятельства требовали въ Парижѣ энергическаго человѣка: правда, конкордатъ былъ заключенъ, но еще не подвергся ратификаціи, и являлось весьма основательное опасеніе что французское правительство прибѣгнетъ къ новымъ условіямъ съ цѣлью показать его значеніе и смыслъ. Къ тому же, одинъ важный пунктъ въ высшей степени смущалъ папу: назначеніе епископовъ предоставлено было главѣ государства, но римская курія никоимъ образомъ не допускала мысли чтобы эти епископы были избраны изъ рядовъ такъ-называемаго конституціоннаго духовенства (*clergé constitutionnel*), которое во время революціи разорвало всякую связь съ Римомъ и продолжало доселѣ держаться внѣ всякаго общенія съ нимъ. Папа считалъ долгомъ совѣсти отказать въ утвержденіи подобныхъ епископовъ, а между тѣмъ первый консулъ видимо склонялся въ ихъ пользу: вотъ первое и весьма важное столкновеніе долженствовавшее возникнуть тотчасъ по прибытіи Капрары въ Парижъ. А таковъ ли онъ былъ дипломатъ чтобы выдержать съ успѣхомъ приближавшуюся грозу?

Изъ письма отправленнаго легатомъ къ Консальви вскорѣ послѣ того какъ онъ вступилъ въ сношенія съ Наполеономъ, видно какимъ образомъ Капрара опредѣлялъ свой предстоящій образъ дѣйствій: „Человѣкъ, которому суждено вести переговоры съ первымъ консуломъ, говорилъ Капрара, никогда не долженъ забывать что онъ имѣетъ дѣло съ

правителемъ парализовавшимъ, если позволительно такъ выразиться, всѣ другія европейскія державы, задумавшимъ самыя невозможныя, повидимому, планы и исполнившимъ ихъ одною съ поразительнымъ счастьемъ. Вотъ почему, всякій разъ какъ заявляетъ онъ какое-нибудь опредѣленное и настоящеяе требованіе, *нужно не раздражать его, а заботиться соглашеніи путемъ уступокъ...* Лишь только отвѣчаю я ему отказомъ, имъ овладѣваетъ раздраженіе, и онъ готовъ при бѣгнутахъ къ крайнимъ мѣрамъ. Меня не покидаетъ постомъ мысль что я аккредитованъ при государствѣ, гдѣ католическая религія не признается господствующею, и гдѣ она да леко еще не упрочена. Всѣ вліятельныя здѣсь лица далеко не расположены къ ней, и лишь одинъ первый консулъ заботится объ ея интересахъ....“ Изъ этого письма видно что Наполеонъ отнюдь не ошибся настаивая на назначеніи кардинала Капраны. Онъ имѣлъ въ немъ именно такого челоука какого было ему нужно, и рѣшился тотчасъ же приступить къ дѣйствіямъ, пуская попеременно въ ходъ или повелительныя требованія, или обманъ, противъ котораго ни папа, ни представитель его въ Парижѣ никогда не дерзнулъ выступить съ протестомъ. Отправляясь на первую торжественную аудіенцію къ нему, кардиналъ твердо вознамѣрился, согласно инструкціямъ полученнымъ имъ изъ Рима, приносить присяги которая въ прежнее время установлена была для легатовъ *a latere*. Съ цѣлью устранить возникшіи по этому поводу споры, условлено было что онъ произнесетъ нѣсколько словъ на латинскомъ языкѣ, не заключающихъ въ себѣ никакихъ положительныхъ обязательствъ; но на другой же день *Мониторъ*, описывая пріемъ сдѣланный генераломъ Бонапарте легату, не только возвѣстилъ что этимъ послѣднимъ была произнесена ненавистная для него присяга, но даже напечаталъ полный ея текстъ. Какъ ни неприятна была эта исторія кардиналу, онъ весьма благоразумно рѣшился не считать ее достаточно важною чтобы поднимать изъ за нея шумъ; но вскорѣ постигла его несравненно болѣе тяжкія испытанія. Ничто не мѣшало теперь обнаруженію конкордата; первый консулъ объявилъ однако что обнаруженъ его не иначе какъ вмѣстѣ съ именами вновь назначенныхъ епископовъ. Понятны причины побуждавшія его дѣйствовать такимъ образомъ. Наполеонъ весьма справедливо утверждалъ что не можетъ положиться на духовенство

которое во время революціи покинуло свое отечество, возвратилось теперь назадъ съ затаенною враждою противъ новаго порядка вещей и не переставало мечтать о восстановленіи династіи Бурбоновъ; только тѣ лица духовнаго сословія которыя открыто присоединились къ перевороту могли послужить опорой его власти: вотъ въ чемъ заключалось великое ихъ достоинство въ его глазахъ и, конечно, первый консулъ не былъ расположенъ пожертвовать ими ради того что они измѣнили доктринамъ римскаго престола. Кардиналъ Капрара имѣлъ съ нимъ по этому поводу нѣсколько бурныхъ совѣщаній. Сначала онъ выступилъ съ положительнымъ отказомъ, но на этотъ счетъ у Наполеона были аргументы производившіе всегда весьма сильное впечатлѣніе. „Хотите ли, воскликнулъ онъ, чтобъ я уничтожилъ все сдѣланное до сихъ поръ? Хотите ли чтобы Франція разорвала всякія связи съ римскимъ престоломъ и обратилась къ протестантству?“ Несчастный кардиналъ, услышавъ эту угрозу, такъ рѣзко звучавшую нѣкогда въ ушахъ Консалви, спѣшилъ сдѣлать первую уступку: онъ соглашается именемъ папы утвердить назначеніе епископовъ изъ рядовъ конституціоннаго духовенства, но съ непремѣннымъ условіемъ чтобы предварительно они покаались въ своихъ заблужденіяхъ. „Было бы слишкомъ надменно потребовать отъ нихъ этого, возражаетъ первый консулъ, и было бы позорнымъ слабодушіемъ съ ихъ стороны подчиниться подобному требованію!“ Но какъ же быть въ такомъ случаѣ? Неужели Римскій престолъ недостаточно доказалъ готовность свою удовлетворить желаніямъ французскаго правительства, неужели нужны еще новыя жертвы и притомъ такія которыя несовмѣстны ни съ его совѣстью, ни съ принципами? „Если такъ, отвѣчаетъ грозный собесѣдникъ кардинала, то бесполезно продолжать разговоръ. Мое рѣшеніе принято неизмѣнно: или все, или ничего. Я хочу назначить десять епископовъ изъ рядовъ конституціоннаго духовенства и не допускаю никакихъ объясненій, никакихъ возраженій, ибо твердо убѣжденъ что папа дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ своихъ враговъ...“ Послѣ каждаго изъ подобныхъ совѣщаній являлись къ Капрарѣ ближайшіе совѣтники Наполеона, разговарившіе на различные лады ту же тему, старавшіеся заставить, смутить его, угрожавшіе ему самыми печальными послѣдствіями, если онъ будетъ упорствовать въ своихъ

софизмахъ (*sophistiqueries théologiques*, по презрительному выраженію перваго консула). „Трудно изобразить всѣ мученія испытываемыя мною въ теченіе послѣдней недѣли, писалъ онъ въ Римъ: я плакалъ, молился, потрясалъ небо и землю, но земля и небо остались глухи къ моимъ мольбамъ....“

Событія доказали что политика, которой слѣдовалъ въ это время Наполеонъ въ сношеніяхъ своихъ съ Римомъ, была безошибочно вѣрною. Онъ зналъ что чѣмъ энергичнѣе будетъ его образъ дѣйствій, тѣмъ большую наклонность къ уступкамъ обнаружитъ римская курія, и приметъ на себя даже инициативу этихъ уступокъ. Послѣ мучительныхъ колебаній, кардиналъ Капрара предложилъ покончить дѣло такимъ образомъ чтобъ епископы, противъ назначенія коихъ представлены были возраженія папскимъ правительствомъ, принесли не письменное, а устное покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ, не предъ нимъ, легатомъ папы, а предъ двумя французскими іерархами, принадлежавшими къ рядамъ вѣрнаго Риму духовенства. Первый консулъ одобрилъ эту комбинацію и назначилъ для упомянутой церемоніи Бернье, только что возведеннаго въ санъ епископа орлеанскаго, и Пансемона, епископа ваннскаго. Но и тутъ грустное разочарованіе ожидало Капрару. Отреченіе, о которомъ идетъ рѣчь, происходило безъ свидѣтелей, и кардиналъ никакъ не могъ добиться чтобъ о немъ упомянуто было въ официальной газетѣ, а конституціонные епископы (*evêques constitutionnels*) публично похвалялись въ послѣдствіи что они и не думали выполнять предъявленнаго имъ требованія и остаются неизмѣнно вѣрными своей прежней доктринѣ. Теперь возникъ другой вопросъ, о подобномъ же отреченіи лицъ принадлежавшихъ къ низшему духовенству, но первый консулъ (*il gran console*, какъ называли его римскіе прелаты) считалъ послѣ всего совершившагося крайне неумѣстнымъ возбуждать его. Если Ватиканъ, говорилъ онъ, не настаивалъ на публичномъ покаяніи епископовъ, то съ какой стати вздумалъ бы онъ домогаться этого отъ священниковъ? Не достаточно ли было бы чтобъ они обязались предъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ дѣйствовать въ духѣ конкордата? Наполеонъ понималъ очень хорошо что папское правительство не осмѣлится начать распри по этому вопросу, имѣвшему для него теперь уже второстепенное значеніе....

Но самый тяжкій ударъ папѣ готовился въ минуту

обнародованія конкордата. Прежде чѣмъ важный документъ этотъ получилъ силу закона, онъ былъ представленъ на обсужденіе трибунала, а на ряду съ нимъ представлены такъ-называемые органическіе законы (*les lois organiques du concordat*), о которыхъ Римскій дворъ не имѣлъ до послѣдней минуты ни малѣйшаго понятія. Въ законы эти включено было все что грозило нѣкогда вызвать безвыходное столкновеніе между французскимъ правительствомъ и кардиналомъ Консалви: они содержали самыя подробныя предписанія относительно публичнаго отпращенія богослуженія во Франціи. Очевидно было что первый консулъ, не успѣвшій достигнуть по упомянутому вопросу соглашенія съ Ватиканомъ, вознамѣрился разрѣшить его собственною инициативой и властью, безъ всякаго участія со стороны римскаго двора. Теперь только объяснилась та непостижимая уступчивость которую обнаружилъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ Наполеонъ. „Извѣстія полученныя нами изъ Парижа, писаль къ легату кардиналъ Консалви, до такой степени потрясли папу что онъ рѣшительно неизнаваемъ. Я трепещу за его здоровье и даже за самую жизнь. Если даже генераль Мюрать, проѣзжавшій недавно чрезъ Римъ, содрогнулся при взглядѣ на него, то вы можете составить себѣ понятіе о нашихъ чувствахъ!...“ Что же оставалось дѣлать? Протестовать? Папа дѣйствительно выступилъ съ протестомъ, но какое значеніе могъ имѣть онъ въ вопросѣ который, по твердому убѣжденію перваго консула, касался исключительно свѣтской, а не духовной власти? Самъ римскій первосвященникъ не предавалъ ни малѣйшей практической важности своему поступку и искалъ себѣ утѣшенія лишь въ сокроенныхъ бесѣдахъ со своими приближенными. Однажды вырвалось у него признаніе, которое слишкомъ любопытно чтобы не упомянуть о немъ здѣсь: „Сегодня въ разговорѣ со мной, пишетъ г. Какд, французскій посланникъ въ Римѣ, папа воскликнулъ: „Увы! католики пользуются спокойствіемъ и свободой только во владѣніяхъ правительствъ еретическихъ или невѣрныхъ. Католики въ Россіи, Англіи и Пруссіи не причиняютъ намъ ни малѣйшихъ безпокойствъ; они испрашиваютъ наставленій, бумалъ и затѣмъ поступаютъ вполне безмятежно, согласно съ правилами церкви.... Не таково положеніе наше въ другихъ странахъ, прибавилъ папа, обращая мысленно ко Франціи: тамъ прибѣгаютъ къ нашему содѣйствию чтобы

„производить непрерывныя нововведенія, которыя несогласны ни съ нашею совѣстью, ни съ честью. Всякія возраженія со стороны римскаго престола отвергаются съ негодованіемъ, гнѣвомъ, а что касается до просьбъ, то мы слышимъ ихъ не иначе какъ вмѣстѣ съ угрозами...“

Чтобъ уяснить рельефнѣе отношенія Наполеона къ римской куріи, мы должны упомянуть здѣсь еще объ одномъ, въ высшей степени замѣчательномъ, фактѣ, хотя онъ относится къ нѣсколько позднѣйшему періоду, а именно къ тому когда Наполеонъ только-что возложилъ на себя императорскую корону. Въ органическихъ законахъ было сказано между прочимъ что „для всѣхъ церквей Франціи должна быть одна литургія и одинъ катехизисъ“. Папа не возражалъ противъ составленія общаго катехизиса, ибо былъ твердо убѣжденъ что важный вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ помимо духовной власти и безъ особаго одобренія со стороны Рима, но не таковъ былъ на этотъ счетъ образъ мыслей Наполеона. Не желая встрѣтить и тутъ какихъ-либо возраженій, онъ повернулъ дѣло совершенно инымъ образомъ. Послѣ долгихъ совѣщаній съ министромъ народнаго просвѣщенія, г. Порталисомъ, онъ рѣшился признать обязательнымъ для Франціи старинный катехизисъ Боссюэта, который не могъ быть, конечно, отвергнутъ куріей, но въ которомъ допущено было лишь одно существенное измѣненіе. Оно касалось свѣтской власти и преимущественно отношеній французскихъ подданныхъ къ своему новому правительству. Вотъ какимъ образомъ этотъ предметъ былъ изложенъ въ появившейся теперь книгѣ:

В. Въ чемъ состоятъ обязанности христіанъ относительно своихъ государей и преимущественно обязанности наши къ нашему императору Наполеону I?

О. Христіане вообще къ своимъ государямъ, а мы въ особенности къ Наполеону I, должны относиться съ любовью, уваженіемъ, повиновеніемъ, вѣрностью, должны нести военную службу, уплачивать налоги, необходимые для защиты имперіи и охраненія престола; мы должны также возносить молитвы о благоденствіи нашего монарха и о свѣтскомъ и духовномъ процвѣтаніи государства.

В. Почему лежатъ на насъ эти обязанности относительно нашего императора?

О. Вопервыхъ, потому что Богъ, который создаетъ и представляетъ имперію Своею властію, надѣливъ императора всѣми дарами и въ мирѣ, и въ войнѣ, постановилъ его

нашимъ государемъ, содѣлалъ его представителемъ Своего могущества, Своимъ образомъ и подобіемъ на землѣ. Поклоняться и служить нашему императору значитъ, слѣдовательно, то же самое что поклоняться и служить самому Богу. Вотъ вторыхъ, потому что Господь нашъ Иисусъ Христосъ и Своимъ ученіемъ, и примѣромъ уяснилъ намъ въ чемъ состоитъ долгъ нашъ предъ нашимъ государемъ: Онъ платилъ установленные налоги и, повелѣвая воздавать Божіе Богу, повелѣлъ мнѣ съ тѣмъ воздавать Кесарево Кесарю.

В. Нѣтъ ли еще другихъ особенныхъ причинъ которыя предписываютъ намъ любить императора Наполеона?

О. Да, эти причины существуютъ, ибо среди трудныхъ обстоятельствъ онъ явился избранникомъ Божіимъ чтобы возстановить религію нашихъ предковъ и оказать ей покровительство. Императоръ Наполеонъ упрочилъ общественный порядокъ и охраняетъ государство своею могучею рукой.

В. Чему подвергаются тѣ которые измѣняютъ своимъ обязательствамъ относительно императора Наполеона?

О. По словамъ апостола Павла, они противятся порядку вещей установленному самимъ Богомъ и подвергнутся въ будущей жизни вѣчнымъ мукамъ, и т. д.

Если вспомнимъ о настроеніи умовъ которое господствовало въ описываемое время во Франціи, то не трудно понять что подобный катихизисъ долженъ былъ произвести весьма странное впечатлѣніе на публику. У Боссюэта, жившаго при одномъ изъ могущественныхъ королей царствовавшихъ Божіею милостью, сказано было объ отношеніяхъ поданныхъ къ государямъ только слѣдующее: „*В.* Что предписываетъ намъ еще четвертая заповѣдь? *О.* Почитать всѣхъ начальниковъ, пастырей, царей, сановниковъ и другихъ.“ Эти скромныя слова, вполне удовлетворившія Лудовика XIV, столь чувствительнаго къ своей власти, разрослись теперь въ огромное толкованіе, въ которомъ говорилось прямо что не признавать Наполеона I особымъ избранникомъ Божіимъ на землѣ значило заслужить на томъ свѣтѣ муки ада. Вотъ какое понятіе о себѣ старался внушить, устами пастырей церкви, человекъ захватившій власть среди революціонныхъ бурь и котораго многочисленная партія не могла по совѣсти считать иначе какъ похитителемъ престола! Стоило произвести революцію чтобы сдѣлать такой скачокъ отъ Боссюэта къ г. Порталису! И любопытнѣе всего что изумительныя притязанія, съ которыми выступалъ Наполеонъ, были прикрыты авторитетомъ римскаго престола, ибо въ заглавіи новаго катихизиса было сказано прямо что папскій легатъ

удостоилъ его своимъ полнымъ одобреніемъ.... Какъ могла случиться подобная диковина? Впервые объяснена она теперь г. д'Оссонвилемъ, съ помощію неопровержимыхъ документовъ доказавшимъ что все это дѣло было устроено втайнѣ отъ папы, который положительно приказывалъ своему уполномоченному не принимать никакого участія въ обнародованіи книги, если она не будетъ предварительно представлена на разсмотрѣніе Ватикана. Но, по замѣчанію автора разбираемой нами книги, папа былъ далеко, а Наполеонъ близко. Кардиналъ Капрара зналъ по опыту какъ неудобно возбуждать гнѣвъ повелителя Франціи, а съ другой стороны, опытъ же научилъ его что подобная борьба не имѣла никакого смысла, ибо римская курія всегда оканчивала тѣмъ что соглашалась на всѣ требованія французскаго правительства. Къ чему же въ такомъ случаѣ начинать борьбу, и не благоразумнѣе ли заслужить расположеніе могущественнаго государя чтобы пользоваться его щедротами и милостями? Что расчетъ кардинала былъ вполнѣ вѣренъ, доказательствомъ этого служить слѣдующее письмо, адресованное Наполеономъ къ принцу Евгенію Богарне въ ту самую минуту когда появился катехизисъ: „Я охотно готовъ купить дворецъ принадлежащій кардиналу Капрарѣ въ Болоньѣ; если бы даже пришлось мнѣ переплатить нѣсколько сотъ тысячъ франковъ лишнихъ, я не пожалѣю этихъ денегъ, лишь бы только помочь старику въ его затруднительномъ положеніи. Прикажите моему интенданту устроить это дѣло. Мнѣ извѣстны всѣ недостатки Капрары, но все-таки это человѣкъ на котораго мы можемъ совершенно положиться....“ Смыслъ приведенныхъ нами словъ не нуждается, кажется, въ комментаріяхъ: дѣйствительно, папскій легатъ совершенно продалъ себя французскому правительству (вскорѣ послѣ того Наполеонъ наградилъ его весьма доходнымъ мѣстомъ архіепископа Миланскаго, по-прежнему оставляя его при себѣ въ Парижѣ), но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ чтобы лучше была роль римской куріи, не находившей ни одного слова возраженія когда Наполеонъ рѣшился воспользоваться ею какъ подножіемъ для своей власти....

Намъ предстоитъ теперь упомянуть о самомъ важномъ событіи, которымъ подслужилась она ему на этомъ пути. Въ маѣ 1804 года, Наполеонъ, долго таившій свои мысли отъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, вдругъ высказалъ

кардиналу Капранъ желаніе свое чтобы папа прибылъ въ Парижъ короновать его императорскою короной. Не станемъ говорить о весьма понятныхъ побужденіяхъ руководившихъ имъ въ этомъ случаѣ, но обратимъ вниманіе на обстоятельства среди которыхъ возникло подобное требованіе. Не болѣе какъ за мѣсяць предъ тѣмъ, страшная вѣсть объ умерщвленіи герцога Энгіенскаго поразила ужасомъ Европу. Трудно изобразить тяжкое впечатлѣніе которое было порождено этимъ событіемъ повсюду, хотя только двѣ державы—Россія и Пруссія—имѣли мужество публично заклеймить его своимъ порицаніемъ. Но и въ самой Франціи, гдѣ Наполеонъ привыкъ встрѣчать только грубую лесть, онъ не могъ не замѣтить что звѣрскій поступокъ его возбудилъ содроганіе и ужасъ, что люди, которыхъ нельзя было заподозрить въ расположеніи къ Бурбонамъ, не рѣшались въ этомъ случаѣ принять его сторону. Какое-то ледяное смущеніе и сдержанность господствовали вокругъ перваго консула и преслѣдовали его даже въ семейномъ кругу; никто не осмѣливался порицать его, но всѣ видимо тяготились разговоромъ съ нимъ и неохотно отвѣчали на его шутки и любезности. Съ тонкимъ чутьемъ своимъ Наполеонъ не могъ не замѣтить что жестоко оскорбилъ общественное мнѣніе, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія что въ этомъ заключалась одна изъ причинъ заставившихъ его дорожить прибытіемъ въ Парижъ главы католической церкви: если самъ папа согласится возложить на него корону, то кто изъ католиковъ дерзнетъ бросить ему въ лицо имя злополучнаго герцога Энгіенскаго? Вотъ роль которую предназначалъ Наполеонъ папской власти, роль вполнѣ заслуженная ея угодливостью и потворствомъ. Ни въ депешахъ Капраны, ни въ корреспонденціи Піа VI, ни въ мемуарахъ Консалви нѣтъ ни одного намека на событіе взволновавшее тогда Европу, и вмѣсто того чтобы выступить отголоскомъ оскорбленныхъ чувствъ всего просвѣщеннаго міра, папа пытается отвѣчать отказомъ, ссылаясь на свое слабое здоровье, на трудность дальняго пути и т. п. Но пора было бы знать ему какой вѣсь имѣли такіа отговорки въ глазахъ Наполеона: онъ не только не могли имѣть успѣха, но должны были еще болѣе унижить достоинство и значеніе того кто рѣшался прибѣгать къ нимъ. Чтобы судить какимъ образомъ самые рылые католики относились тогда къ жалкимъ дѣйствіямъ

своего первосвященника, достаточно привести слѣдующія слова графа де-Местра, писанныя имъ изъ Петербурга: „Здѣсь сильно издѣваются надъ добрякомъ (bonhomme) папой, который, къ чести его, дѣйствительно очень добръ, хотя грустно видѣть что на престолѣ сидитъ добрякъ въ такую эпоху когда нужно было бы великаго человѣка.... Злодѣянiя Александра Борджіи менѣе возмутительны чѣмъ постыдное отступничество его слабаго преемника.... Не могу приискать словъ чтобы выразить печаль которую причиняетъ мнѣ поступокъ задуманный папой. Если онъ выполнитъ свое намѣреніе, то лучше бы онъ умеръ.... Отъ всего сердца желалъ бы я чтобъ этотъ несчастный первосвященникъ отправился ужъ кстаті на Санъ-Доминго короновать Дессалина. Когда человѣкъ въ его положеніи до такой степени забываетъ о своемъ призваніи и обязанностяхъ, то пусть же онъ позорится окончательно и снизоидетъ на роль полшинеля.....“

Выраженія рѣзки, но они выходятъ отъ человѣка который ознаменовалъ всю свою дѣятельность изступленною преданностью римскому престолу. Если де-Местръ разсуждалъ такимъ образомъ, то что же сказать о другихъ? Стоитъ ли удивляться, если даже, по словамъ самого Консальви, члены дипломатическаго корпуса въ Римѣ называли Пія VII не иначе какъ „императорскимъ капелланомъ“? Онъ вполне заслужилъ подобное названіе, ибо не обнаружилъ въ это время ни малѣйшей самостоятельности въ сношеніяхъ своихъ съ Франціей. Въ самомъ началѣ, правда, папа вздумалъ предъявить свои условія: онъ настаиваетъ, вопервыхъ, чтобъ императоръ отказался отъ органическихъ законовъ и чтобы конституціонные епископы, по прибытіи его въ Парижъ, явились къ нему съ повинною головою. Онъ настаиваетъ далѣе чтобы въ официальномъ приглашеніи содержалось обязательство удовлетворить упомянутымъ сейчасъ требованіямъ, и чтобы письмо это доставлено было въ Римъ двумя нарочно назначенными для того епископами. Онъ настаиваетъ, наконецъ, на измѣненіи формы присяги которую Наполеонъ долженствовалъ произнести при своемъ коронованіи: въ присягѣ этой говорилось, между прочимъ, что императоръ будетъ уважать и ограждать свободу вѣроисповѣданій, чего никоимъ образомъ не хотѣлъ допустить римскій дворъ. „Католическая религія“, писалъ кардиналъ Консальви въ

Парижъ, „по самой сущности своей не можетъ допускать терпимости, и не слѣдуетъ ласкать себя надеждой чтобы затрудненіе, о которомъ идетъ рѣчь, могло быть отстранено въ присутствіи папы. Онъ никогда не согласится на это, и скорѣе встанетъ съ своего мѣста и выйдетъ изъ церкви чѣмъ выслушаетъ подобную присягу изъ устъ императора.“ Но Наполеону нечего было „ласкать себя надеждами“,—онъ не надѣялся, а былъ твердо увѣренъ что римскому двору никогда не удастся осуществить притязанія о которыхъ упомянули мы сейчасъ. Начать съ того что, вмѣсто двухъ епископовъ съ чрезвычайнымъ полномочіемъ, которыхъ ожидали въ Римѣ, явился туда съ пригласительнымъ письмомъ генералъ, далеко не пользовавшійся виднымъ положеніемъ въ кругу приближенныхъ Наполеона,—генералъ Кафорелли. Въ письмѣ своемъ императоръ не давалъ никакихъ обѣщаній, не принималъ на себя никакихъ обязательствъ, а ограничивался лишь тѣмъ что въ весьма лаконическихъ выраженіяхъ звалъ папу для предстоявшей торжественной церемоніи въ Парижъ. „Вы принесли намъ ядъ (с'est du poison que vous nous avez apporté là)“, воскликнулъ съ негодованіемъ Пій VII. Одно время онъ готовъ былъ отказаться отъ поѣздки, но поступокъ такого рода показался саишкомъ отважнымъ римской куріи, которая успѣшила убѣдить его что, быть-можетъ, при личномъ свиданіи ему удастся достигнуть многого, чего нельзя было выиграть дипломатическими переговорами. Тщетное самообольщеніе, которому едва ли серьезно вѣрили даже тѣ которые предавались ему.

Подробности пребыванія Пія VII въ Парижѣ слишкомъ хорошо извѣстны чтобы нужно было останавливаться на нихъ. Упомянемъ лишь о самыхъ замѣчательныхъ сценахъ въ которыхъ выразились отношенія Наполеона къ римскому первосвященнику. Онъ привалъ его не въ столѣцѣ, а въ открытомъ полѣ, близъ Фонтенебло, въ охотничьемъ платѣѣ и окруженный стаею гончихъ и борзыхъ собакъ. Папа приказалъ остановить карету лишь только завидѣвъ императора, и успѣшилъ выйти чрезъ лѣвую дверцу; дорога была покрыта грязью, и онъ колебался одно время ступить въ нее ногою, обутою въ бѣлый шелковый чулокъ. „Пришлось однако рѣшиться на это“, восклицаетъ съ торжествомъ адъютантъ Наполеона, Савари, тотъ самый который распорядился недавно казнить герцога Энгиенскаго, и которому

сочли вполне приличнымъ поручить теперь первую роль при приѣмѣ папы. Все было предусмотрено и разчитано заранее. Когда папа прошелъ нѣсколько шаговъ, императоръ, въ свою очередь, приблизился къ нему, и они поцѣловались. Императоръ долженъ былъ отвезти Пія VII въ Фонтенебло въ своей собственной каретѣ, но кто изъ нихъ первый займетъ мѣсто? Вотъ тутъ-то выказалась съ полнымъ блескомъ изобрѣтательность Савари! Карета подъѣхала такимъ образомъ что Наполеонъ и папа очутились по ея сторонамъ; оба могли, слѣдовательно, войти въ нее одновременно; императоръ сѣлъ съ праваго боку, а папѣ одинъ изъ камергеровъ указалъ помѣститься лѣвѣ. Въ Фонтенебло государи встрѣчены были на парадной лѣстницѣ Жозефиной, императорскимъ семействомъ и всѣмъ дворомъ. Радостное чувство, разказываетъ одинъ изъ очевидцевъ, сіяло на лицѣ императора, когда онъ поднимался вверхъ, держа за руку Пія VII, и взоры его какъ бы говорили присутствовавшимъ: „смотрите, вотъ моя добыча!“ Вслѣдствіе ли случайности или съ умысломъ, во главѣ поѣзда находился отрядъ мамелюковъ, взятыхъ когда-то Наполеономъ изъ Египта, и зрѣлище этихъ людей, въ роскошныхъ восточныхъ костюмахъ, заставляло думать что дѣло идетъ о встрѣчѣ какого-либо главы магометанской религіи, а отнюдь не папы. Вся наружность Пія VII обнаруживала, по словамъ г. де-Прадта, смущеніе, которое естественно испытываетъ всякій человѣкъ попавъ въ совершенно чуждый ему міръ. Смѣсь множества духовныхъ лицъ съ толпою военныхъ, гремѣвшихъ саблями и поражавшихъ своими блестящими мундирами, представляла необыкновенно рѣзкій контрастъ. На вопросъ Фуше какъ понравилась ему Франція, папа отвѣчалъ: „Благодареніе Богу! я проѣхалъ ее среди колѣнопреклоненнаго народа....“

Во все пребываніе Пія VII въ Парижѣ Наполеонъ былъ къ нему весьма любезенъ и внимателенъ, но постоянно стараясь однако держать его на второмъ планѣ и не упуская никакого случая обнаруживать предъ нимъ собственное превосходство. Такъ, напримѣръ, всѣ замѣтили что онъ заставилъ его долго прождать себя въ соборной церкви въ день коронаціи и самъ возложилъ на себя корону, а не преклонился для этого предъ папой. Все что могло бы возбудить въ народѣ чрезмѣрный энтузіазмъ къ римскому первосвященнику было тщательно отстранено: въ праздникъ Рождества

Христова онъ вынужденъ былъ отслужить обѣдню въ простой приходской церкви, а не въ соборѣ Богоматери (Notre Dame), для избѣжанія слишкомъ пышной церемоніи. Нечего и говорить что ему не удалось выполнить ни одного изъ своихъ притязаній: конституціонные епископы не явились къ нему съ отреченіемъ, Наполеонъ произнесъ именно ту присягу которая породила столь сильное неудовольствіе въ Римѣ; онъ, разумѣется, не хотѣлъ и слышать объ отгнѣнн органическихъ законовъ. Не разъ и по многимъ важнымъ вопросамъ происходили горячія объясненія между императоромъ и папой, но привели лишь къ тому что этотъ послѣдній окончательно убѣдился въ невозможности поборотъ своего собесѣдника. Онъ слышалъ много двусмысленныхъ обѣщаній, слышалъ много громкихъ фразъ объ уваженіи Наполеона къ папской власти, но за обѣщаніями никогда не слѣдовало исполненія, а фразами прикрывалось лишь твердое намѣреніе не дѣлать никакихъ уступокъ. „Мы все отдали и ничего не получили въ обмѣнъ“, — вотъ печальное сознаніе вырвавшееся изъ устъ самого Пія VII. Онъ возвратился въ Римъ совершенно разочарованный и даже, по словамъ кардинала Консальви, значительно умаленный въ собственныхъ глазахъ.

Читателямъ будетъ, конечно, любопытно ознакомиться съ тѣмъ положеніемъ которое создано было Наполеономъ для французскаго духовенства. Однажды вырвались у него грубыя и циническія слова: „Нѣтъ такой вещи“, воскликнулъ онъ, „которой не удалось бы мнѣ сдѣлать при помощи моихъ жандармовъ и моихъ священниковъ!“ Въ признаніи этомъ заключалась огромная доля правды, ибо Наполеонъ съ самаго начала привыкъ смотрѣть на лица духовнаго сословія какъ на своихъ чиновниковъ, требуя отъ нихъ безусловной покорности своей волѣ и не прощая имъ ни малѣйшаго проявленія самостоятельности. Уже въ 1804 году приказано было подчинить всѣ окружныя посланія и циркуляры епископовъ строгой цензурѣ префектовъ, причемъ возникали часто въ высшей степени странныя столкновенія. Такъ какъ епархіи были весьма обширны и заключали въ себѣ по два и по три департамента, то епископъ зависѣлъ одновременно отъ вѣсколькихъ префектовъ: иные изъ этихъ префектовъ были ревностными ультрамонтанами, другіе исповѣдывали протестантизмъ; были между ними даже и Евреи. Несмотря

на то, пастырскія посланія должны были непремѣнно пройти чрезъ руки упомянутыхъ лицъ, а такъ какъ трудно было ожидать чтобъ они одинаково выразили имъ свое одобреніе, то посланія эти, по большей части, и не появлялись въ свѣтъ. Немного позднѣе запрещены были всѣ періодическія изданія духовнаго содержанія, и на мѣсто ихъ возникъ одинъ officialный *Journal des curés*. Но, возбраняя духовенству пользоваться свободой слова и печати, Наполеонъ побуждалъ его, съ другой стороны, проповѣдывать, и проповѣдывать очень много, когда дѣло касалось правительственныхъ интересовъ. „Послѣ каждой побѣды“, говоритъ г. д'Оссонвиль, „префекты спѣшили доставить епископамъ военные бюллетени императора съ предписаніемъ читать ихъ въ церквахъ и служить молебствія. Молебствія эти сопровождались обыкновенно проповѣдью или посланіемъ, содержаніе коихъ намѣчено было, въ главныхъ чертахъ, министромъ духовныхъ дѣлъ, или даже рукой самого императора. Если врагами были Русскіе, то повелѣвалось разглагольствовать преимущественно о схизматическихъ вѣрованіяхъ этого народа, который не признаетъ власти папы и не задумался отдѣлиться отъ католической церкви. Особенно же должно было духовенство питать вражду и ненависть своей паствы къ протестантской Англіи. Епископамъ Вандеи и западныхъ департаментовъ, поддерживавшихъ нѣкогда, во время революціонныхъ смуть, тѣсныя сношенія съ коварнымъ Альбіономъ, ставилось это въ непремѣнную обязанность....“ Затѣмъ епископы имѣли полную свободу упражняться въ краснорѣчіи когда дѣло касалось восхваленія императора Наполеона, но это былъ крайне скользкій путь, на которомъ свѣтское начальство никогда почти не считало себя удовлетвореннымъ. Выговоры и замѣчанія съ его стороны сыпались щедрою рукой. „Вы недостаточно хвалите императора“, замѣтилъ однажды парижскій префектъ, г. Реаль, епископу аквитанскому. — „Дайте же мнѣ въ такомъ случаѣ настоящее мѣрило“, возразилъ удивленный прелатъ. — „Это не въ моей власти.“ — „Желаете ли вы чтобъ я послѣдовалъ примѣру одного изъ моихъ собратьевъ, который возбудилъ даже неудовольствіе его величества своею непомѣрною лестью?“ — „Зачѣмъ же такія крайности?“ — „Въ такомъ случаѣ, постораю снова, гдѣ же мѣрило съ которымъ я могъ бы сообразовать свои похвалы?...“ Префектъа были вообще народъ чрезвычайно

требовательный. Какъ-то одинъ изъ нихъ, префектъ Авейронскій, сильно обидѣлся что всѣ сосѣдніе епископы разрѣшили своей паствѣ въ постный день ѣсть скоромное, а епископъ его департамента не послѣдовалъ ихъ примѣру: онъ увидѣвъ въ этомъ оскорбленіе самому себѣ и объявилъ прямо, что если несчастный прелать не образумится, то на будущее время ни одно изъ его посланій не пройдетъ чрезъ цензуру.

Въ самомъ началѣ, когда Наполеонъ не былъ еще увѣренъ въ настроеніи духовенства, онъ заблагоразсудилъ отдать его повсюду въ своихъ владѣніяхъ подъ надзоръ жандармеріи. Въ письмахъ своихъ къ министру Порталису, говоря о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ тѣхъ или другихъ епископовъ, онъ постоянно ссылается на донесенія окружнаго жандармскаго начальства. Въ послѣдствіи предосторожность эта оказалась уже излишнею, ибо духовенство совершенно вошло въ роль предназначенную для него императоромъ. Оно не только отказывается отъ всякой самостоятельности, но весьма нерѣдко принимаетъ на себя обязанности считавшіяся доселѣ удѣломъ полицейскихъ агентовъ. Узнавъ однажды о какихъ-то безпокойствахъ въ Вандеѣ, Наполеонъ сдѣлалъ строгій выговоръ епископу ориенскому за то что не получилъ отъ него никакого извѣщенія на этотъ счетъ, между тѣмъ какъ епископъ (Бернье, участвовавшій въ заключеніи конкордата) „самъ принадлежалъ нѣкогда къ шуанамъ и долженъ хорошо знать всѣхъ подозрительныхъ лицъ этой партіи“. Вѣроятно, Бернье повинился, ибо въ послѣдующемъ письмѣ своемъ Наполеонъ поручаетъ ему слѣдить за заговорщиками и собственною властью подвергать ихъ аресту. Съ теченіемъ времени, убѣдившись что ему нѣтъ ни малѣйшаго основанія опасаться какой-либо оппозиціи со стороны духовнаго сословія, императоръ видимо начинаетъ уже мѣнѣ дорожить конституціоннымъ духовенствомъ и обращается къ прелатамъ и священникамъ которыхъ долго считалъ приверженцами павшей династіи. Покорность ихъ ему была столь же безгранична, а между тѣмъ это были люди съ громкими именами, вращавшіеся нѣкогда въ избранномъ обществѣ, и которые могли прилать не мало блеску его двору своими изящными манерами. Приближенные Наполеона роптали на это оскорбительное, по ихъ мнѣнію, предпочтеніе и даже прямо высказывали ему свое неудовольствіе, но у него всегда былъ одинъ отвѣтъ: „Вы ровно ничего не понимаете

въ этомъ; только люди стараго поколѣнія умѣютъ хорошо *служить* (il n'y a que les gens de vieille race pour savoir bien servir).“ Жестокое, но вмѣстѣ справедливое слово, ибо каждый изъ французскихъ іерарховъ мечталъ лишь о томъ чтобы заслужить расположеніе грознаго властелина своимъ раболѣпиемъ предъ нимъ.

Соображая все сказанное выше, не трудно составить понятіе о направленіи и дѣйствіяхъ папской политики въ изложенный нами періодъ. Вѣрный своимъ предубѣжденіямъ, г. д'Оссонвилъ становится безусловно на сторону Піа VII: онъ выставляетъ его человѣкомъ проникнутымъ принципами 1789 года, всегда готовымъ на уступки духу времени, но имѣвшимъ дѣло съ такимъ грубымъ произволомъ что никакія уступки съ его стороны не казались достаточными. „Борьба сильного со слабымъ, говоритъ нашъ авторъ, принадлежитъ вообще къ крайне неприятнымъ и печальнымъ зрѣлищамъ; но невольно проникаешься негодованіемъ, когда сила прибѣгаетъ еще къ хитрости и обману.“ Правда, образъ дѣйствій Наполеона отличался весьма часто возмутительнымъ цинизмомъ, но мы никакъ не можемъ согласиться чтобъ и роль папской власти способна была возбуждать симпатію и участіе. Замѣтимъ, вопервыхъ, что Наполеонъ былъ вполне правъ въ большей части своихъ основныхъ требованій, ибо если даже Лудовикъ XIV энергически отвергнулъ кѣкогда неумѣстныя притязанія римскаго престола, то еще болѣе долженъ былъ сдѣлать это новый государь Франціи, на другой день послѣ переворота радикально измѣнившаго политическій и гражданскій ея строй. Глава католической церкви подчинился необходимости, подчинился отнюдь не по убѣжденію, ибо Піи VII, вопреки доводамъ г. д'Оссонвила, оставался вполне вѣренъ теоріямъ своихъ предшественниковъ и отступалъ шагъ за шагомъ лишь вынужденный къ тому обстоятельствами. Мы не думаемъ порицать подобный образъ дѣйствій съ его стороны, но что поистинѣ возмутительно, такъ это постыдное привиженіе римской куріи предъ Наполеономъ, грубая лесть которую расточала она ему, готовность ея служить орудіемъ его планамъ даже въ тѣ минуты когда онъ приводилъ въ содроганіе всю Европу своимъ наглымъ презрѣніемъ къ законности и праву. На основаніи всего предшествовавшаго можно безошибочно предположить, что еслибы борьба не выходила изъ предѣловъ чисто

духовныхъ интересовъ, то нѣтъ такой жертвы которую папа и его совѣтники не рѣшились бы принести Наполеону. Они охотно склонялись къ его аргументамъ и столь же охотно мирились съ его насиліемъ и обманамъ. Но лишь только (мы увидимъ это сейчасъ) затронуты были интересы свѣтскіе, лишь только началъ Наполеонъ угрожать не первосвященнику, а свѣтскому государю, какъ тѣ же самые люди приходятъ въ ярость, отказываются отъ всякихъ сдѣлокъ и проклинаютъ то предъ чѣмъ еще недавно униженно преклонялись. Вотъ зрѣлище которое представляла тогда папская власть, и мы не думаемъ чтобъ оно могло возбудить уваженіе къ ней даже самыхъ ревностныхъ католиковъ....

II.

Дѣйствительно, во всѣхъ первоначальныхъ своихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, римскій престолъ былъ неотступно поглощенъ одною завѣтною мыслью, хотя и не всегда дерзалъ высказывать ее открыто. Возвращеніе утраченныхъ легатствъ — вотъ забота не дававшая ни минуты спокойствія римской куріи. Наполеонъ хорошо зналъ, конечно, эту слабую сторону своихъ мнимыхъ друзей, и ловко пользовался ею чтобы держать ихъ въ зависимости отъ себя. Онъ остерегался давать какія-нибудь положительныя обѣщанія, но въ критическія минуты, когда папское правительство обнаруживало поползновенія къ самостоятельности, у него вырывались, какъ бы невзначай, намеки и заявленія, жадно ловимыя кардиналомъ Капрарою, который тотчасъ же сообщалъ о нихъ въ Римъ, гдѣ они постоянно производили отличный эффектъ. Однажды, напримѣръ, за параднымъ обѣдомъ, Наполеонъ вдругъ обратился къ легату съ вопросомъ: „Признайтесь, хотѣлось бы вамъ легатствъ?“ У того, разумѣется, замерло сердце отъ этихъ словъ, и онъ началъ подробно объяснять какъ необходимы легатства для римскаго престола. „Посмотримъ, посмотримъ,“ отвѣчалъ императоръ. Въ другой разъ, въ самый разгаръ пререканій о назначеніи конституціонныхъ епископовъ, уже самъ Капрара отважился начать съ Наполеономъ разговоръ [о томъ же предметѣ и получилъ въ отвѣтъ: „Миръ былъ созданъ не въ одинъ день, а также и храмъ Св. Петра; пусть папа полагается на

меня....“ Всѣ эти двусмысленныя выраженія были истолковываемы Римомъ въ смыслъ весьма благопріятномъ для его притязаній.

Замѣтимъ, впрочемъ, что папское правительство сдѣлало съ самаго начала громадную ошибку, — ошибку, заключающуюся въ томъ что, желая снискать расположеніе повелителя французской націи, само внушало ему теорію послужившія крайне опаснымъ орудіемъ въ его рукахъ. Не даромъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, сравнивало оно Наполеона съ Карломъ Великимъ и старалось увѣрить что католическая религія держится только его могущественнымъ покровительствомъ. Наполеонъ, который и безъ того имѣлъ чрезчуръ высокое понятіе о своей власти, охотно поддавался этимъ увѣреніямъ; мало-по-малу онъ до такой степени проникся ими что считалъ ихъ за непреложную аксіому; но такъ какъ вопросъ объ отношеніяхъ Карла Великаго къ свѣтскому владычеству папы еще до сихъ поръ представляется однимъ изъ весьма спорныхъ историческихъ вопросовъ, то нечего удивляться что онъ рѣшилъ его по-своему.

По твердому убѣжденію Наполеона, Карлъ Великій старался возвысить духовное значеніе папы и собралъ подъ его скипетромъ нѣсколько областей, но никогда не признавалъ его самостоятельнымъ государемъ и поставилъ его въ вассальныя къ себѣ отношенія. Если такъ было цѣлое тысячелѣтіе тому назадъ, когда папство пользовалось неомнѣннымъ авторитетомъ въ глазахъ всего католическаго міра, то почему же не можетъ это повториться теперь, когда оно отжило свой вѣкъ, и когда громъ Ватикана давно уже сдѣлался безсильнымъ? Ничто не мѣшало похоронить совсѣмъ это одряхлѣвшее учрежденіе, и если Наполеонъ рѣшался еще искусственно поддерживать его, то не было ли уже одно это большимъ благодѣяніемъ съ его стороны? Отнынѣ онъ, мечтавшій о всемірной монархіи подобно Карлу Великому (котораго называлъ не иначе какъ *Charlemagne, mon predecesseur*), будетъ руководить политическими судьбами Европы, а Пію VII долженъ принадлежать первый голосъ во всемъ что касается сферы духовныхъ интересовъ; римскій первосвященникъ воспользуется своимъ вліяніемъ чтобы служить видамъ основателя новой династіи, а этотъ послѣдній явится твердою опорой его власти. При такомъ положеніи дѣлъ совершенно бесполезно для папы мечтать о самостоятельности

въ политическомъ отношеніи: какой еще нужно ему лучшей гарантіи, какъ дружба властелина Франціи и почти всей западной Европы? У нихъ будутъ общіе друзья и общіе враги, они должны идти однимъ путемъ, словомъ, папа снизойдетъ на роль вассала, а еслибы подобная перспектива показалась для него унизительною, то развѣ выгоднѣе потерять и то что Наполеонъ находилъ еще возможнымъ сохранить за нимъ по своему рѣдкому великодушію?... Теоріи эти могли не нравиться въ Римѣ, но не безразсудно ли было требовать чего-нибудь бѣльшаго отъ человѣка которому сами же римскіе прелаты постоянно толковали, что еслибы не онъ, то католическая религія потерпѣла бы тяжкія пораженія, что не на словахъ, а на дѣлѣ слѣдуетъ ему явиться вторымъ Карломъ Великимъ? И какъ рѣшить теперь кто изъ нихъ вѣрнѣе понималъ призваніе и дѣятельность средневѣковаго государя?

Наполеонъ не имѣлъ обыкновенія долго таить свои планы въ головѣ, а спѣшилъ тотчасъ же примѣнять ихъ на практикѣ. Точно также и теперь. Едва папа возвратился изъ Парижа, сильно разочарованный въ тщетныхъ усиліяхъ возвысить свой духовный авторитетъ, но тѣмъ болѣе убѣжденный что будетъ вознагражденъ за это расширеніемъ своего свѣтскаго могущества, какъ произошло событіе которое должно было отрезвить его отъ этихъ несбыточныхъ надеждъ. Наполеонъ приготовлялся къ своему знаменитому походу 1805 года противъ Австріи; онъ считалъ необходимымъ занять главнѣйшіе стратегическіе пункты на Аппенинскомъ полуостровѣ, и вотъ, не считая даже нужнымъ предупредить папское правительство, отрядъ французскихъ войскъ, вождь начальствомъ генерала Гувіона-Сенъ-Сира, вступаетъ въ городъ Авикоу и начинаетъ распорядиться тамъ какъ прилично побѣдителямъ. Негодование папы и его совѣтниковъ, когда, вмѣсто ожидаемыхъ легатствъ, получено было ими это печальное извѣстіе, не знамо никакихъ границъ; римскій дворъ спѣшилъ принять тогъ, ясно показывавшій что теперь, по крайней мѣрѣ, онъ считалъ себя оскорбленнымъ въ самыхъ дорогихъ и священнѣйшихъ своихъ интересахъ.... Какая вдругъ непреклонная энергія, какой потокъ рѣзкихъ и твердыхъ возраженій! „Я не оставляю васъ одного на приступѣ, объявилъ Пій VII своему государственному секретарю,—я также готовъ жертвовать своею особою и

не отступать ни предъ какими опасностями....“ Онъ самъ пишетъ къ Наполеону, и кардиналъ Консальви бомбардируетъ Талейрана запальчивыми протестами. Но увы! Вся эта тревога послужила лишь къ тому что дала поводъ императору Французовъ высказать впервые вполне ясно и опредѣлительно теорію о которыхъ мы упоминали выше. Онъ сдѣлалъ это въ двухъ письмахъ, одинаково замѣчательныхъ. Приведемъ прежде то изъ нихъ которое было адресовано имъ къ его послу въ Римѣ, кардиналу Фешу: „Я получилъ отъ папы самое смѣшное (*la plus ridicule*) и самое бессмысленное посланіе; эти люди считали меня, вѣроятно, окончательно погибшимъ. Я занялъ Анкону, ибо ничего не было сдѣлано для защиты этого города, да еслибъ и сдѣлали что-нибудь, то, вѣроятно, безъ всякаго успѣха. Растолкуйте хорошенько, что я не намѣренъ сносить насмѣшекъ надъ собою и не потерплю въ Римѣ уполномоченныхъ отъ Россіи и Сардиніи.... Я набоженъ, но однако не до ханжества. Не я, а эти глупцы (*ces imbeciles*) позорятъ религію. Скажите Консальви, скажите самому папѣ, что если они ставятъ моего посланника въ необходимость покинуть Римъ, то у меня хватитъ средствъ поддержать его тамъ силою. Неужели ничего нельзя уладить добромъ съ этими людьми (*avec ces hommes-là*)?... Они сдѣлались посмѣшищемъ всѣхъ правительствъ и народовъ; они не хотѣли слѣдовать моимъ совѣтамъ и предполагали, вѣроятно, что Русскіе и Англичане стали бы лучше уважать нейтралитетъ папы! Для папы я — Карлъ Великій, ибо подобно Карлу Великому вошу на своей головѣ короны Франціи и Ломбардіи, и имперія моя соприкасается съ Востокомъ: пусть же онъ сообразуется, въ сношеніяхъ со мною, съ этимъ взглядомъ. Если въ Римѣ будутъ вести себя хорошо (*si l'on se conduit bien*), я ничего не измѣню по вѣнжности, въ противномъ же случаѣ сдѣлаю папу простымъ епископомъ.... Нѣтъ, говоря по правдѣ, ничего бессмысленнѣе римскаго двора!“ Съ самимъ Піемъ VII Наполеонъ говорилъ нѣсколько болѣе сдержаннымъ тономъ, нѣсколько не измѣняя однако сущности своихъ требованій. „Ваше святѣйшество, писалъ онъ ему, — легко можете избѣгать всякихъ затрудненій, шествуя постоянно по прямому пути и не обнаруживая угодливости предъ державами которыя, въ религіозномъ отношеніи, считаются еретическими и не находятся въ общеніи съ католическою церковью, а въ отношеніи

политическомъ, слишкомъ далеки отъ вашего государства, не могутъ помочь ему и навлекутъ на васъ только бѣдствія. Вся Италия должна подчиняться моимъ законамъ. Я не посагну, впрочемъ, на неприкосновенность римскаго престола и готовъ даже вознаграждать его за ущербы которые могъ бы онъ потерпѣть отъ движенія моихъ войскъ чрезъ его владѣнія. Но при этомъ выставляю непремѣннымъ своимъ условіемъ чтобы ваше святѣйшество питали такое же уваженіе къ моей свѣтской власти, какое я питаю къ вашей власти духовной, и чтобы вы разорвали всякую связь съ еретиками, исполненными вражды къ нашей религіи. *Ваше святѣйшество считается государемъ Рима, но я его императоръ: мои враги должны быть вашими врагами.* Неприлично поэтому чтобы уполномоченные Англичанъ, Русскихъ, Шведовъ и короля Сардинскаго имѣли пребываніе въ вашихъ владѣніяхъ, а также чтобы военныя или коммерческія суда упомянутыхъ правительствъ находили доступъ въ приморскіе порты Римской области. Какъ глава нашей религіи (*comme chef de notre religion*), я всегда буду исполненъ къ вамъ той же привязанности которую обнаруживалъ вамъ доселѣ при всѣхъ обстоятельствахъ, но не забывайте что я долженъ дать отвѣтъ Богу, восхотѣвшему рукою моею возстановить вѣру.... Знаю что вы сами желаете только добра, но васъ окружаютъ недостойные люди, которые, вмѣсто того чтобы заботиться объ устраниніи золъ возникшихъ въ послѣднее время, стараются умножить ихъ.... Еслибъ я сидѣлъ сложа руки, то мнѣ не удалось бы, конечно, преобразовать религію во Франціи на столько что нынѣ нѣтъ страны гдѣ могла бы она творить столько добра, пользоваться такимъ почетомъ и уваженіемъ. Люди увѣряющіе васъ въ противномъ обманываютъ васъ и призываютъ на самихъ себя губельныя бѣдствія....“

Эта отважная рѣчь, эти смѣлыя притязанія поразили Римъ какъ громомъ. Теперь дѣло шло не о томъ уже чтобы ограбить какую-нибудь Анкону отъ французскихъ войскъ, теперь папское правительство имѣло предъ собою цѣлую программу, начертанную рукою грознаго завоевателя, которая лишала его всякой самостоятельности на будущее время. Пій VII спѣшитъ опровергнуть странныя теоріи, изложенныя въ приведенныхъ нами письмахъ, горько соболѣзнулъ о томъ что онъ самъ, и совершенно безсознательно, старался

зародить и укрѣпить ихъ въ умѣ императора. „Ваше величество, говоритъ онъ, именуете себя императоромъ Рима. Съ чисто апостольскою откровенностію отвѣчаемъ вамъ что папы, сдѣлавшіеся государями Римской области столько вѣковъ тому назадъ что никакая другая власть на землѣ не можетъ поспорить съ ними давностію происхожденія, никогда не признавали надъ собою ничего авторитета. Мало того, ни одинъ изъ императоровъ не отваживался доселѣ предъявлять какія бы то ни было права на Римъ. Ваше величество весьма могущественны: вы были избраны, коронованы и признаны императоромъ Французовъ, но не императоромъ Рима. Римскаго императора не существуетъ и не можетъ существовать, если у главы католической церкви не будетъ отнята его свѣтская власть. Мы знаемъ что существуетъ императоръ Римлянъ, но это не болѣе какъ почетный титулъ, признанный всею Европой и вами за императоромъ Германскимъ и который не можетъ принадлежать одновременно двумъ государямъ.... Ваше величество утверждаете что наши отношенія къ вамъ должны сдѣлаться точно такими же какія существовали между нашими предшественниками и Карломъ Великимъ. Но Карлъ Великій нашелъ Римъ уже въ рукахъ папъ. Онъ только призналъ и подтвердилъ, безъ всякихъ оговорокъ, права ихъ на принадлежавшія имъ владѣнія, расширивъ эти владѣнія еще другими областями, но никогда не думалъ присвоивать себѣ какое-либо первенство надъ папами, еслибы даже считалъ ихъ простыми свѣтскими государями.... Съ тѣхъ поръ протекло цѣлое тысячелѣтіе, и мы считаемъ нынѣ совершенно бесполезнымъ восходить къ столь отдаленнымъ временамъ....“ Было большою наивностію со стороны Пія VII думать, что если онъ побѣдитъ Наполеона на почвѣ историческихъ фактовъ, то заставить его этимъ самымъ отказаться отъ заявленныхъ имъ требованій. Примѣръ Карла Великаго служилъ Наполеону лишь предлогомъ, долженствовавшимъ хотя отчасти оправдать его въ глазахъ католической Европы, но не подражаніе, конечно, а другія и гораздо болѣе важныя побужденія руководили имъ, когда онъ рѣшался теперь поставить Римъ въ тѣсную зависимость отъ себя. Вся сѣверная часть Италіи уже была соединена съ Французскою имперіей, Тоскана и другія центральныя государства вынуждены были также признать надъ собою власть императора, и наконецъ на югѣ,

въ Неаполитанскомъ королевствѣ, родной братъ его, Иосифъ, не задолго предъ тѣмъ занялъ престолъ изгнанныхъ Бурбоновъ: такимъ образомъ только небольшая Римская область препятствовала объединенію всего полуострова подъ рукою одного могущественнаго повелителя. „Подобный порядокъ вещей не могъ быть терпимъ,“ утверждалъ Наполеонъ въ послѣдствіи, когда писалъ свои мемуары на островѣ Св. Елены, — и дѣйствительно, во имя чего этотъ сынъ революціи, привыкшій попираť самыя законныя права, сталъ бы церемониться теперь съ протестами и возраженіями римскаго первосвященника? Во имя уваженія къ духовному его авторитету. Но развѣ свѣтлый умъ его могъ быть отуманенъ нелѣпыми увѣреніями будто бы авторитетъ этотъ неразрывно связанъ со свѣтскимъ владычествомъ. Во имя боязни оскорбить ревностныхъ католиковъ? Но развѣ онъ не зналъ какъ глубоко упало значеніе папской власти, развѣ не самъ онъ озаботился еще весьма недавно нанести ей послѣдній нравственный ударъ, представивъ Европѣ назидательное зрѣлище папы и кардиналовъ унижавшихся предъ нимъ до полнаго забвенія своего сана и обязанностей.

Несмотря на протесты Ватикана, Наполеонъ вознамѣрился тотчасъ же перейти отъ словъ къ дѣлу. Прежде всего потребовалъ онъ удаленія изъ Рима г. Джаксона, бывшаго англійскаго посланника при сардинскомъ королѣ, который хотя и проживалъ тамъ частнымъ человѣкомъ, но подъ рукою бдительно слѣдилъ за событіями и доносилъ о нихъ англійскому правительству. Едва ли, впрочемъ, самъ императоръ Французовъ придавалъ серіозное значеніе пребыванію этого дипломата въ столицѣ папы, но онъ возбудилъ преслѣдованіе противъ него единственно съ цѣлью заявить предъ всею Европою о тѣхъ подчиненныхъ отношеніяхъ въ которыхъ находился къ нему римскій дворъ. Столкновеніе на этотъ разъ было кое-какъ улажено: г. Джаксонъ, вслѣдствіе убѣдительныхъ просьбъ и увѣщаній кардинала Консальви, добровольно удалился изъ Рима. Но лишь только устранена была одна опасность, какъ возникла уже другая, а именно, Наполеонъ настаивалъ на удаленіи изъ Римской области всѣхъ вообще подданныхъ Россіи, Англій и Швеціи и на закрытіи приморскихъ портовъ судамъ этихъ державъ. „Папа не долженъ знать, воскликнулъ онъ, существуютъ ли на свѣтѣ Россійская имперія и Англійское королевство...“ — „Но это значило

бы потребовать отъ меня," возражалъ Пій VII, „чтобъ я, безъ всякой нужды и причины, пожертвовалъ интересамъ многочисленныхъ католиковъ обитающихъ въ предѣлахъ Англіи и Россіи, и вступилъ въ открытую вражду съ государствами не причинившими мнѣ ни малѣйшаго зла, тогда какъ самъ мой повелѣваетъ мнѣ жить со всеми въ мирѣ и согласіи.“ Римскій первосвященникъ прикрывался такимъ образомъ религіозными своими обязанностями: совершенно тщетная уловка, ибо именно на этомъ самомъ вопросѣ оный, какъ увидимъ, не замедлилъ показать въ послѣдствіи какъ мало въ сущности дорожилъ ими. Вначалѣ, впрочемъ, папское правительство твердо рѣшилось не уступать: послѣ совѣщанія съ конгрегаціей, въ которой приняли участіе всѣ находившіеся въ Римѣ кардиналы, Пій VII поручилъ своему государственному секретарю, кардиналу Консальви, написать отвѣтъ, содержащій въ себѣ твердый и положительный отказъ на требованія заявленныя императоромъ Французовъ. Но этотъ смѣлый поступокъ сдѣлалъ только то что гнѣвъ Наполеона обратился отнынѣ преимущественно на Консальви; самого папу цѣнилъ оный вообще не высоко; изъ личнаго знакомства съ нимъ оный вынесъ убѣжденіе что то былъ старикъ добрый, кроткій, съ весьма ограниченными умственными способностями и безъ всякой силы воли; если теперь, не безъ основанія полагалъ оный, Пій VII оказывается столь несговорчивымъ, то очевидно потому что находятся подъ вліяніемъ болѣе энергическихъ и отважныхъ людей, во главѣ коихъ стоитъ государственный секретарь. Посолъ Наполеона въ Римѣ, кардиналъ Фешъ, старался особенно ревностно укрѣпить его въ этомъ мнѣніи, и вотъ самыя рѣзкія угрозы обрушаются тотчасъ же на несчастнаго Консальви. „Скажите ему, говоритъ императоръ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что ни одна изъ его продѣлокъ не ускользнетъ отъ меня, что я зорко слѣжу за нимъ. Оный отвѣтитъ мнѣ головой за всѣ свои козлы, и я прикажу арестовать его среди Рима.“ Но и самому папѣ приходится не легче: Наполеонъ объявляетъ прямо, что „рано или поздно вынужденъ будетъ наказать его“ (je serai tôt ou tard obligé de le punir), и отказывается отнынѣ отъ всякихъ прямыхъ, непосредственныхъ съ нимъ сношеній.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, римскій дворъ, обыкновенно столь изворотливый и находчивый,

совершенно терзаетъ голову среди угрожающихъ ему невагодъ и дѣлаетъ одну неловкость за другою. Если еще онъ могъ держаться какъ-нибудь, то избѣгая по возможности всякихъ столкновеній съ Франціей, а между тѣмъ онъ самъ подаетъ ей поводъ къ обвиненіямъ противъ себя. Такъ напримѣръ, Іосифъ утвердился на неаполитанскомъ престолѣ и требовалъ чтобы папа призналъ его официальнымъ образомъ: кому могло придти въ голову что папское правительство выберетъ именно тогдашнія критическія обстоятельства чтобы напомнить о вассальныхъ отношеніяхъ въ которыхъ долженствовалъ будто бы находиться къ нему Неаполь! Устарѣлыя притязанія эти давно уже утратили всякій смыслъ, и если теперь римскій дворъ снова выступалъ съ ними, то вѣроятно только для соблюденія формальности. Во всякомъ случаѣ подобный образъ дѣйствій отличался крайнею неумѣстностью, ибо ставилъ Римъ въ непріязненныя отношенія къ Наполеону. Папа долженъ былъ горько оплакивать свою ошибку, когда войска короля Іосифа вдругъ вторгнулись въ Чивитта-Веккію и овладѣли этимъ городомъ, и когда, одновременно съ тѣмъ, округи Беневентскій и Понте-Корво объявляены были неотъемлемымъ достояніемъ Франціи! Не оставалось болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія что Наполеонъ рѣшился, не смущаясь никакими препятствіями, выполнить во всѣхъ подробностяхъ программу зародившуюся въ его головѣ вскорѣ послѣ возвращенія папы изъ Парижа.... Сопѣтники Піа VII полагали что существуетъ одно лишь средство предотвратить грозу—настоять на выходѣ въ отставку кардинала Консалви. Противъ этого кардинала былъ особенно раздраженъ императоръ и почти исключительно ему одному приписывалъ всѣ несогласія свои съ Римомъ: не позволительно ли было надѣяться, слѣдовательно, что онъ будетъ оказывать болѣе уваженія къ главѣ католической церкви и не захочетъ довести его до отчаянія, если удалится съ политическаго поприща человекъ успѣвшій заслужить непримиримую ненависть Наполеона? Піи VII охотно согласился на упомянутую мѣру, но по совершенно другимъ причинамъ: онъ былъ болѣзненно раздраженъ послѣдними дѣйствіями императора Французовъ и, какъ всегда бываетъ съ людьми слабого характера, бросился изъ одной крайности въ другую, то-есть считалъ долгомъ обнаруживать отнынѣ столько же непреклоннаго упорства, сколько прежде показывалъ

покорности и смиренія. Его личное самолюбіе было задѣто самымъ чувствительнымъ образомъ, и ему хотѣлось показать что онъ гораздо болѣе самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ привыкли о немъ думать.

Вотъ почему съ выходомъ въ отставку кардинала Кональви ничего, повидимому, не измѣнилось въ настроеніи римскаго двора. Новый государственный секретарь, кардиналъ Казони, издалъ, немедленно по вступленіи своемъ въ должность, сильный протестъ противъ захвата Беневента и Понте-Корво, слѣдствіемъ чего былъ опять-таки цѣлый рядъ насильственныхъ мѣръ со стороны Наполеона, а именно, занятіе всего побережья Римской области, конфискація англійскихъ товаровъ и всѣхъ главнѣйшихъ доходовъ принадлежавшихъ папской казнѣ въ Чивитта-Веккиа и Анконѣ. По всему вѣроятію, императоръ Французовъ не ограничился бы только этими мѣрами, еслибы другіе и гораздо болѣе важные планы не поглощали всего вниманія его въ упомянутое время. Онъ готовился къ войнѣ съ Пруссіей. Начиная борьбу на сѣверѣ Европы, онъ долженъ былъ избѣгать всякихъ замѣшательствъ на Аппенинскомъ полуостровѣ, и вотъ почему въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду не предпринимается имъ ровно ничего что могло бы потревожить папское правительство, но люди близко знавшіе Наполеона не могли сомнѣваться что это не болѣе какъ затишье предъ грозой, и что онъ не замедлитъ воспользоваться новыми блестящими побѣдами чтобы окончательно выяснитъ отношенія свои къ папѣ. Дѣйствительно, лишь только битвы при Іенѣ и Ауэрштедтѣ открыли ему путь къ Берлину, какъ онъ вспомнилъ что въ Дрезденѣ проживаетъ бывшій папскій нунцій при петербургскомъ дворѣ, монсеньоръ Арещо, и потребовалъ его къ себѣ. Вотъ разговоръ, происшедшій между ними:

— Что вы дѣлаете въ Дрезденѣ?

— Послѣ удаленія моего изъ Петербурга, его святѣйшество приказалъ мнѣ остановиться въ Дрезденѣ, чтобы быть въ готовности отправиться снова въ Россію, когда явится возможность возобновить дружескія отношенія съ тамошнимъ правительствомъ; вскорѣ затѣмъ вспыхнула война, и святѣйшій отецъ выразилъ желаніе чтобы я не покидалъ Дрездена, но не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ сближенію съ Россіей до тѣхъ поръ пока не установленъ будетъ прочный миръ между этою державою и Франціей.

„— Папѣ нѣтъ никакого дѣла до Россіи.

„— Вашему величеству не безызвѣстно что въ странѣ этой находится болѣе четырехъ милліоновъ католиковъ, и ради ихъ папа считаетъ необходимымъ имѣть тамъ своего представителя.

„— Но развѣ въ Россіи нѣтъ католическихъ епископовъ? Къ чему же еще нуженъ нунцій?“

Послѣ этого вполне справедливаго замѣчанія, Наполеонъ перешелъ прямо къ главной цѣли побудившей его вызвать къ себѣ монсиньора Арещо.

„— Я знаю, сказалъ онъ,— что Римъ наполненъ моими врагами. Самъ папа святой человекъ, но люди недоброжелательные заставляютъ его дѣлать все что имъ хочется; подобно кардиналу Консальви, они толкуютъ ему въ превратномъ смыслѣ мои требованія, и тогда этотъ добрякъ приходитъ въ такое раздраженіе что говоритъ о готовности своей скорѣе погибнуть чѣмъ уступить. Но, Боже мой, кому приходитъ въ голову угрожать ему погибелью? Если онъ не подчинится моей волѣ, то, конечно, я отниму у него свѣтскую власть, но все-таки буду уважать его какъ главу церкви. Въ сущности нѣтъ ровно никакой необходимости для папы быть государемъ въ Римѣ. Самые лучшіе и достойные его предшественники никогда не были свѣтскими правителями. Я назначилъ бы ему милліона три франковъ чтобъ онъ могъ съ честью поддерживать свое положеніе, посадилъ бы въ Римѣ короля или сенатора, а всю остальную область раздѣлилъ бы на нѣсколько герцогствъ. Но вмѣсто того я желаю только чтобъ онъ приступилъ къ италянскій конфедераціи, имѣлъ бы одинаковыхъ со мною друзей и враговъ. Во мнѣ долженъ онъ видѣть настоящаго покровителя церкви, а потому, если хочеть пользоваться свѣтскою властью, пусть во всемъ слѣдуетъ за мною, и онъ сохранитъ въ такомъ случаѣ свои владѣнія, ибо необходимо чтобы Римъ принадлежалъ еще ему и теперь какъ въ прежнее время. Но возвратимся къ главному: чрезъ три дня вы должны какъ можно поспѣшнѣе отправиться въ Римъ и передать папѣ требованіе мое чтобъ онъ приступилъ къ конфедераціи....

„— Ваше величество позволите мнѣ напомнить вамъ что папа, будучи отцомъ всѣхъ вѣрующихъ, не можетъ находиться въ пріязни съ одними изъ нихъ и во враждѣ съ другими: призваніе его вполне мирное, а потому онъ не въ состояніи объявить кому-нибудь войну, не нарушивъ этимъ самихъ священныхъ своихъ обязанностей.

„— Но я вовсе и не требую чтобъ онъ вступалъ въ войны, а хочу только чтобъ онъ закрылъ свои порты Англичанамъ и не пускалъ ихъ въ свои владѣнія, а такъ какъ онъ не имѣетъ средствъ защищать порты и крѣпости, то пусть, для охраненія, отдастъ ихъ мнѣ. Въ Римѣ совершенно потеряна голова. Тамъ вывелись великія личности временъ Льва X.

Повѣрьте, что Ганганелли дѣйствовалъ бы иначе. Какъ могла придти имъ въ голову мысль что я соглашусь оставить между Италіанскимъ и Неаполитанскимъ королевствами порты и крѣпости, которыя въ военное время легко попадутъ въ руки Англичанъ и компрометтируютъ безопасность моихъ государствъ и моихъ народовъ? Я хочу пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ въ своемъ домѣ. Папа короновалъ меня не королемъ, а императоромъ Франціи, стало-быть я наследовалъ права не королевскія, а права Карла Великаго.... Объясните же все это Пію VII, и вы окажете ему огромную услугу, но помните, что все должно быть окончено къ первому январю: или папа согласится, и тогда онъ не потеряетъ ничего, или же отвѣтитъ отказомъ, и въ такомъ случаѣ я отниму у него Римскую область. Отлученіе отъ церкви теперь не въ модѣ, и мои солдаты не откажутся пойти за мной туда куда я поведу ихъ....“

Монсеньоръ Ареццо не только выслушалъ покорно всю эту рѣчь и не осмѣлился отказать отъ даннаго ему порученія, но при разставаніи нашелъ даже средство весьма тонкимъ образомъ польстить Наполеону.

— Куда долженъ будетъ, спросилъ онъ,—прибыть уполномоченный папы, въ Берлинъ, Варшаву или С.-Петербургъ? Ваше величество изволите такъ быстро подвигаться впередъ....

— Нѣтъ, въ Парижъ, отвѣчалъ улыбаясь Наполеонъ, видимо довольный этимъ комплиментомъ.

Но едва только монсеньоръ Ареццо прибылъ въ Римъ, и не успѣли еще выясниться результаты его поѣздки, какъ случилось происшествіе, которое чуть было не сдѣлало посольство его совершенно бесполезнымъ. Декретомъ 30-го марта 1806 года императоръ присоединилъ къ Италіанскому королевству Венеціанскую область, уступленную ему Австріей по Пресбургскому миру, и такъ какъ для сѣверной Италіи уже въ прежнее время заключенъ былъ конкордатъ съ римскимъ дворомъ, то Наполеонъ требовалъ теперь чтобъ и во вновь присоединенныхъ областяхъ папа подтвердилъ сдѣланное имъ назначеніе нѣсколькихъ епископовъ. Папское правительство, обыкновенно столь покорное Наполеону во всемъ что касалось чисто духовныхъ дѣлъ, отвѣчало на этотъ разъ отказомъ, нисколько не думая скрывать что отказъ былъ вызванъ нарушеніемъ свѣтскихъ правъ Пія VII. Не дожидаясь какой приѣмъ будетъ сдѣланъ требованіямъ общеннымъ въ Римъ чрезъ монсеньора Ареццо, а можетъ-быть съ цѣлью понудить къ выполненію этихъ требованій, императоръ рѣшился дать полную волю своему гнѣву. Его

затрудняю лишь то обстоятельство что онъ давно уже превралъ всякія непосредственныя сношенія съ папою и не могъ, следовательно, обратиться къ нему съ письмомъ даже самаго желюбезнаго содержания. Тогда придумана была имъ слѣдующая хитрость: онъ адресовалъ письмо къ принцу Евгенію Богарне, съ тѣмъ чтобы принцъ, какъ будто отъ себя и конфиденціальнымъ путемъ, сообщилъ его для свѣдѣнія Пія VII. Вотъ это замѣчательное посланіе: „Я убѣдился, пишетъ Наполеонъ, что въ послѣднее время папа вздумалъ угрожать мнѣ. Полагаетъ ли онъ что права престола менѣе священны чѣмъ права тиары? Короли были прежде чѣмъ папы. До меня доходятъ слухи что въ Римѣ хотятъ повѣстить всему міру о бѣдствіяхъ будто бы причиняемыхъ мною религіи. Безумцы! Имъ, вѣроятно, неизвѣстно что нѣтъ клочка земли въ Германіи, Италіи и Польшѣ, гдѣ не сдѣлано было бы мною религіи столько же добра, сколько папа принесъ ей зла, не съ дурнымъ умысломъ, конечно, а вслѣдствіе раздражительныхъ совѣтовъ нѣсколькихъ тупоумныхъ людей которые его окружаютъ. Они задумали протестовать противъ меня предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Забавная мысль эта объясняется только совершеннымъ непониманіемъ нашей эпохи. Она запоздала цѣлою тысячею годами. Еслибы папа осмѣлился прибѣгнуть къ подобному поступку, то онъ пересталъ бы быть для меня папою. Я смотрѣлъ бы на него какъ на антихриста, посланнаго возбуждать смуты на земахъ и причинять бѣдствія людямъ. Я отстранилъ бы подвластные мнѣ народы отъ всякаго общенія съ нимъ и поставилъ бы въ Римѣ свою полицію.... Чего добивается папа своимъ протестомъ ко всѣмъ христіанамъ? Хочетъ ли онъ лишить меня престола, отлучить меня отъ церкви? Думаетъ ли онъ, что оружіе выпадетъ изъ рукъ моихъ солдатъ и что подданные мои бросатся на меня съ кинжалами? Безумные папы проповѣдывали когда-то эту гнусную доктрину. Или, быть-можетъ, святѣйшій отецъ рѣшился обстричь мнѣ волосы и запереть меня въ монастырь? Не считаетъ ли онъ меня за Лудовика Благочестиваго?... Нѣтъ, Пію VII слижкомъ зналаася: духовныя лица не созданы для свѣтскаго управленія. Пусть лучше подражаютъ они примѣру Св. Петра, Св. Павла и другихъ святыхъ апостоловъ, которые неизмѣримо выше всякихъ Юліевъ, Бонифаціевъ, Григоріевъ и Львовъ.... Римскій дворъ имѣетъ въ виду не благо церкви, а смуты въ ея

средѣ, смуты, которыя помогли бы ему извратить понятія о различіи между властью духовною и свѣтскою. Мнѣ приходится краснѣть за всѣ глупости сдѣланныя мною въ угоду римскому двору, и не далеко, быть-можетъ, время, когда я низведу папу на степень простаго епископа, совершенно равнаго другимъ епископамъ въ моихъ владѣніяхъ. Я не колеблюсь соединить духовенства галликанское, италіянское, германское, польское въ общемъ соборѣ для устройства церковныхъ дѣлъ помимо всякаго внимательства папы.... Во всякомъ случаѣ, въ послѣдній разъ вступаю теперь въ пренія съ римскою поповщиною (avec la grétraille romaine), ибо твердо убѣжденъ что можно презирать ее, не обращать на нее никакого вниманія и все-таки спасти свою душу....“ Получивъ это грозное посланіе, принцъ Евгенийъ тотчасъ же послѣшилъ препроводить его цѣликомъ къ Пію VІІ, съ особымъ извѣщеніемъ отъ себя, которое начиналось проницательскими, по самой наивности своей, словами: „Святѣйшій отецъ, прилагаемое здѣсь письмо не предназначалось для свѣдѣнія вашего святѣйшества....“ Принцъ Евгенийъ ревностно убѣждалъ папу прекратить распрю и подчиниться волѣ императора Французовъ, ибо, говорилъ онъ, „нельзя допустить чтобы мухи привязывались ко льву и жалили его безнаказанно....“

Цѣль Наполеона, когда онъ писалъ приведенное нами сейчасъ письмо, была вполне ясна: всѣ угрозы и оскорбленія, такъ щедро расточаемыя имъ, вовсе не имѣли въ виду, запугавъ противника, склонить его къ соглашенію и уступкамъ; напротивъ, теперь онъ только и желалъ того чтобы папа, доведенный до послѣдней степени раздраженія, отвѣчалъ отказомъ и далъ ему поводъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Въ Римѣ хорошо понимали это, и никогда еще роль римскаго двора не была такъ жалка и постыдна какъ въ эту критическую для него минуту! Дѣло въ томъ, что ни у кого не хватило бы духу порицать всякое другое правительство, которое, сознавая свою безпомощность и безсиліе, преклонилось бы предъ грознымъ завоевателемъ, но для правительства папскаго отнюдь не могло существовать подобнаго оправданія. Папа постоянно повторялъ что въ распрѣ его съ императоромъ Французовъ замѣшаны были духовные интересы первостепенной важности, что онъ не въ состояніи былъ сдѣлать никакой уступки не

причинивъ огромнаго вреда религіи и не опозоривъ самого себя предъ христіанскимъ обществомъ. По собственнымъ его словамъ, вступити въ непріязненныя отношенія къ государствамъ не сдѣлавшимъ ему никакого зла значило утратить всякія права на призваніе, въ силу коего римскій первосвященникъ выставалъ себя поборникомъ общаго мира, братской любви и согласія. Основной принципъ папской власти затронуть былъ возникшею распрей — вотъ теорія которую постоянно проповѣдывалъ Пій VII. И что же видимъ мы теперь? Мы видимъ что римскій дворъ, запуганный угрозами и не сомнѣваясь въ ихъ немедленномъ исполненіи, вдругъ обнаруживаетъ готовность удовлетворить всѣмъ заявленнымъ ему требованіямъ! Можетъ ли быть что-нибудь поучительнѣе этого рѣзкаго противорѣчія между дѣйствіями и словами, противорѣчія, доказавшаго самымъ нагляднымъ образомъ что папское правительство готово было толковать о религіозныхъ своихъ обязанностяхъ до тѣхъ лишь поръ пока могло это дѣлать вполнѣ безопасно для себя, но что оно нисколько не задумывалось жертвовать ими всякій разъ когда надѣялось спасти ихъ цѣной свѣтскіе свои интересы? Получивъ ругательное (иначе нельзя назвать его) письмо Наполеона, — письмо исполненное самыхъ безпощадныхъ насмѣшекъ надъ папскою властью, — Пій VII счелъ первымъ своимъ долгомъ назначить чрезвычайнаго уполномоченнаго для переговоровъ съ Тюльерійскимъ дворомъ. Европѣ пришлось присутствовать при любопытномъ зрѣищѣ, какъ одинъ изъ противниковъ показываетъ всѣми своими дѣйствіями что не намѣренъ поставлять никакихъ предѣловъ своей уступчивости и склонности къ соглашенію, а другую изыскиваетъ, напротивъ, средства чтобы сдѣлать соглашеніе невозможнымъ. Такъ напримѣръ, папа избралъ представителемъ своимъ кардинала Литту. Наполеонъ объявляетъ что онъ не можетъ одобрить подобный выборъ, что уполномоченнымъ римскаго двора долженъ быть непременно одинъ изъ французскихъ кардиналовъ — кардиналъ Бейяна (Bayanne). Несмотря на невѣроятность требованія чтобы иностранное правительство не имѣло даже права само выбрать человека которому вѣрало защиту своихъ интересовъ, папа соглашается. Рабская покорность эта нисколько не порадовала, конечно, императора Французовъ, и вотъ онъ придумываетъ новое затрудненіе: кардиналу Бейяну

объявляютъ что съ нимъ не хотятъ даже и начинать переговоры, если онъ заранѣе не заявитъ что вполнѣ одобряетъ основные пункты программы представленной въ Римъ французскимъ правительствомъ. И это новое требованіе нисколько не смутило папу. Забывъ какъ краснорѣчиво доказывалъ онъ еще весьма недавно что было бы непростительно съ его стороны пожертвовать интересами ирландскихъ католиковъ, Піѹ VII спѣшитъ сообщить въ Парижъ о готовности своей слѣпо сообразоваться съ политикою императора Французовъ, имѣть съ нимъ общихъ друзей и враговъ, изгнать изъ своихъ владѣній Англичанъ, закрыть доступъ кораблямъ ихъ въ свои порты и даже сдѣлать что-нибудь болѣе (*mais s'il fallait quelque chose de plus, il y consentira*), лишь бы только не пришлось ему принимать непосредственное участіе въ войнѣ.... Подобная покорность поистинѣ могла привести въ отчаяніе! Неужели не было, однако, никакихъ средствъ побудить римскій дворъ къ противодействию? Наполеонъ рѣшается прибѣгнуть еще къ одной попыткѣ: въ то время когда переговоры уже начались, кардиналъ Бейянгъ узналъ что французское правительство сочло нужнымъ измѣнить свою программу, присоединивъ къ ней два маленькія требованія, изъ коихъ одно состояло въ томъ чтобы на будущее время, во всѣхъ войнахъ, папа дѣйствовалъ, сухопутными и морскими своими силами, заодно съ Франціей, а второе, чтобы въ сферѣ духовныхъ своихъ обязанностей воздерживался отъ всякихъ дѣйствій способныхъ возбудить смуту между народами подвластными императору Наполеону.... Намъ кажется вполнѣ несомнѣннымъ что папа подчинился бы и этимъ послѣднимъ требованіямъ, еслибы не убѣдился, наконецъ, что за ними послѣдуетъ безконечный рядъ другихъ, до тѣхъ поръ пока онъ не будетъ уравненъ со всѣми остальными епископами, и дѣйствительно, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Шампаньи, объявилъ прямо что Тюльерійскій кабинетъ предоставляетъ себѣ право присоединить, въ теченіи переговоровъ, еще нѣсколько условій къ тѣмъ которыя уже были имъ заявлены. Піѹ VII понялъ намекъ, и отозвалъ своего уполномоченнаго. Не ему слѣдовательно принадлежитъ заслуга что онъ не поставленъ былъ въ необходимость удивлять Европу своими военными биллютенами....

Наполеонъ уже прежде говорилъ, что если совѣщанія не приведутъ ни къ какому результату, то это послужитъ

„прекраснымъ поводомъ отнять у папы его владѣнія“ (ce serait une belle occasion de lui ôter ses Etats de Rome). Теперь этотъ прекрасный случай наконецъ представился. Разумѣется, вся вина за неуспѣхъ переговоровъ была возложена исключительно на папское правительство. „Дерзости (les impertinences) римскаго двора, писалъ Наполеонъ къ Мюрату, не имѣютъ никакихъ границъ, и я горю нетерпѣннѣе покончить съ нимъ.“ Съ непроницаемою тайной сдѣланы были всѣ приготовления къ занятію Рима, состоявшія въ томъ что отряды французскихъ войскъ, сосредоточенные въ Перуджіо и въ Фолинью, должныствовали двинуться одновременно къ папской столицѣ, подъ начальствомъ генерала Миоллиса, распуская повсюду на своемъ пути слухъ, будто бы они идутъ на соединеніе съ неаполитанскою арміею. Затѣмъ, по вступленіи ихъ въ городъ, генералу Миоллису приказано было тотчасъ же занять крѣпость Св. Ангела и объявить римскимъ властямъ что онъ имѣетъ порученіе очистить Римъ отъ разбойниковъ и недоброжелателей Франціи, во множествѣ нашедшихъ тамъ пріютъ: „Въ случаѣ же какой-либо попытки бунта, писалъ Наполеонъ, необходимо тотчасъ же подавить его картечью и прибѣгнуть къ спасительнымъ примѣрамъ строгости.“ Все произошло именно такъ, какъ было условлено заранее. Французскія войска вступили въ Римъ 8-го февраля 1808 года, расположились въ городской крѣпости и отнюдь не скрывали что они не думаютъ покинуть ее добровольно. Генералъ Миоллисъ не поколебался даже принять нѣсколько мѣръ, въ высшей степени поражавшихъ папское правительство: такъ напримѣръ, онъ объявилъ что при Піѣ VII могутъ отнынѣ находиться лишь тѣ кардиналы которые были уроженцами Римской области, всѣ же остальные должны немедленно выѣхать изъ города и „понести такимъ образомъ (слова Наполеона) вполне заслуженное наказаніе за зловредную свою дѣятельность“. Изгнанію подвергся между прочимъ и кардиналъ Доріа-Памфили, замѣстившій не задолго предъ тѣмъ кардинала Казони въ должности государственнаго секретаря, такъ что папа, совершенно противъ воли, долженъ былъ теперь облечь этимъ званіемъ престарѣлаго кардинала Габриелли. Вторая мѣра касалась включенія малочисленной папской арміи въ ряды французскихъ войскъ. Мѣра эта возвѣщалась слѣдующимъ приказомъ: „Императоръ Наполеонъ выражаетъ свое удовольствіе войскамъ его

святѣйшества за вполне исправное ихъ состояніе; отнынѣ не будутъ они получать приказаній ни отъ священниковъ, ни отъ женщинъ, ибо солдатамъ прилично находиться подъ командой такихъ же солдатъ. Они могутъ быть увѣрены что имъ не придется уже возвратиться подъ знамена духовнаго сословія: императоръ поставитъ во главѣ ихъ генераловъ вполне достойныхъ по своей храбрости высокой чести командовать ими....“ Всѣ другія распоряженія были въ томъ же родѣ: французскія власти не рѣшились еще изгнать римскаго первосвященника изъ его дворца, но весьма тщательно старались показать ему что политическая роль его окончилась, что онъ пересталъ быть самостоятельнымъ государемъ.

Среди этихъ обрушившихся на него бѣдствій, папское правительство, обыкновенно столь враждебное къ гласности и привыкшее видѣть въ ней одно изъ страшнѣйшихъ злоупотребленій нашей эпохи, горько сѣтовало что не имѣло подъ рукою сотни журналовъ и газетъ въ которыхъ могло бы излить свою скорбь и негодованіе предъ Европой. Увы, ни одному изъ его протестовъ не удалось появиться въ печати, ибо Наполеонъ уже заблаговременно принялъ необходимыя предосторожности на этотъ счетъ! Тогда Пій VII рѣшился разослать тайно ко всемъ италіянскимъ епископамъ циркуляръ, въ которомъ ревностно убѣждалъ ихъ отказывать въ повиновеніи французскому владычеству, и нужно сознаться что никакой документъ не компрометтировалъ такъ сильно его достоинства и не выставлялъ его образа дѣйствій въ столь непривлекательномъ свѣтѣ. Пій VII какъ будто совершенно забылъ о прошедшемъ: онъ забылъ что нѣсколько лѣтъ тому назадъ приходилъ въ восторгъ отъ заключенія конкордата съ Франціей, что похвалялся нѣкогда мнимымъ сочувствіемъ своимъ къ принципамъ 1789 года, что расточалъ самую утонченную лесть Наполеону, какъ единственной надежной опорѣ католической религіи, и что еще весьма недавно готовился сѣбно идти за Наполеономъ во враждебныхъ дѣйствіяхъ его противъ Англіи.... Все это изгладилось теперь изъ памяти римскаго первосвященника, и вотъ какимъ посланіемъ разразился онъ: „Нынѣшнее французское правительство было всегда и завѣдомо врагомъ духовной власти и покровителемъ всякихъ сектъ и всякихъ исповѣданій. Формула его присягъ, его политическихъ учрежденій, гражданскій его кодексъ, его законы, дѣйствія исполнены одина-

коваго индифферентизма ко всемъ религіямъ, не исключая и еврейской: подобная система, не допускающая никакого религіознаго чувства, въ высшей степени оскорбительна и противна религіи католической, апостолической и римской, которая, будучи божественнаго происхожденія, по этому самому одна только вполнѣ истинна и не можетъ вступать въ соглашеніе съ какою-либо другою, подобно тому какъ Христосъ не можетъ соединиться съ Вааломъ, свѣтъ со тьмою, истина съ ложью, благочестіе съ безвѣріемъ. Столь хваленая вѣротерпимость императора Французовъ служитъ ему свидѣательно лишь предлогомъ для вмѣшательства въ духовныя дѣла, ибо обнаруживая уваженіе ко всякимъ безъ различія сектамъ, со всеми ихъ заблужденіями, французское правительство не почитало въ сущности никакихъ правъ, постановленій и законовъ религіи католической....“ Наполеонъ могъ бы присоединить къ этимъ словамъ прекрасный комментарий въ формѣ писемъ адресованныхъ къ нему въ различное время папою, изъ которыхъ даже послѣднее, полученное за два мѣсяца до изложенной нами катастрофы, величало его оплотомъ христіанской религіи и исполнено было самыхъ вѣжныхъ къ нему чувствъ. Не странно ли было что только теперь, когда генералъ Миоллисъ вошелъ въ Римъ съ французскими солдатами, у Пія VII вдругъ отверзлись глаза, и онъ узрѣлъ порокъ и нечестіе тамъ гдѣ видѣлъ до тѣхъ поръ только доблесть и ревностныя заботы о торжествѣ католицизма! И послѣ этого онъ еще надѣялся что кто-нибудь повѣритъ его искренности и придетъ въ содроганіе отъ его бессильныхъ громовъ! Императоръ Французовъ не считалъ впрочемъ нужнымъ вступать въ публичное препирательство съ римскимъ первосвященникомъ, ибо полицейскія мѣры казались ему вполнѣ достаточными чтобъ одержать полную побѣду. Вѣрный слуга его, генералъ Миоллисъ, дѣйствовалъ безъ всякихъ церемоній: такъ напримѣръ, получивъ извѣстіе объ упомянутомъ нами сейчасъ посланіи папы къ италіянскимъ епископамъ, онъ поспѣшилъ освѣдомиться кѣмъ былъ подписанъ этотъ документъ, и узнавъ что подъ нимъ находилась подпись государственнаго секретаря, кардинала Габриелли, тотчасъ же приказалъ арестовать его и отправить въ городъ Сингаалью. Пію VII долженъ былъ понять теперь, что если ему и не препятствуютъ имѣть при себѣ министровъ, то подъ тѣмъ только условіемъ чтобы министры эти

существовали лишь по имени, чтобъ они отказались отъ всякаго участія въ дѣлахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несли строгую отвѣтственность за всякое дѣйствіе не согласное съ видами и намѣреніями французскаго правительства. Одно позднѣйшее событіе еще разъ подтвердило эту истину: по удаленіи кардинала Габріелли, папа назначилъ преемникомъ ему кардинала Пакку (того самого который послѣ 1814 года ознаменовалъ возстановленіе законнаго правительства кровавою реакціей), и новый государственный секретарь издалъ рѣзкій протестъ противъ сформированія Французами національной гвардіи въ главнѣйшихъ городахъ Римской области. На другой же день явился къ нему, отъ имени генерала Миоллиса, два офицера, сообщившіе ему что онъ долженъ покинуть Римъ въ теченіи двадцати четырехъ часовъ. Кардиналъ Пакка нашелъ средство тотчасъ же увѣдомить объ этомъ папу, и вотъ какимъ образомъ изображаетъ онъ, въ своихъ мемуарахъ, происшедшую по этому поводу сцену: „Черезъ нѣсколько минутъ дверь моего кабинета отворилась съ шумомъ, и на порогъ появился его святѣйшество; мнѣ пришлось тогда быть очевидцемъ явленія, которое у медиковъ извѣстно подъ названіемъ *horrification*. Бываетъ что въ минуту неистоваго гнѣва, волосы поднимаются дыбомъ, зрѣніе покрывается туманомъ. Папа находился именно въ такомъ положеніи, и хотя на мнѣ была кардинальская одежда, онъ не узналъ меня. — „Кто тутъ?“ спросилъ онъ громовымъ голосомъ.... Я назвалъ себя по имени и поцѣловалъ его руку. „Гдѣ офицеръ?“ продолжалъ папа, и замѣтивъ наконецъ его, воскликнулъ: „ступайте къ вашему генералу и скажите ему „что мнѣ надоѣло переносить оскорбленія со стороны чловѣка осмѣливающагося называть себя католикомъ. Я хорошо понимаю настоящую цѣль этихъ насилій: лишивъ меня „всѣхъ моихъ совѣтниковъ, хотятъ отнять у меня средства „защищать мои духовныя и свѣтскія права, но я запрещаю „моему министру слушаться приказаній беззаконной власти. „Пусть будетъ извѣстно вашему генералу, что если онъ вознамѣрится силою вырвать отсюда кардинала, то ему придется „прежде выломать всѣ двери....“ Французскій офицеръ, видимо смущенный этою сценой, попросилъ перевести ему слова его святѣйшества, такъ какъ онъ не понималъ по-италіянски, и обѣщался передать ихъ въ точности генералу Миоллису. Лишь только вышелъ онъ, какъ папа воскликнулъ:

„Побѣдите г. кардиналъ“, и схвативъ меня за руку, отправился со мной по лѣстницѣ къ своимъ комнатамъ, среди толпы служителей, которые оглашали воздухъ радостными кликами....“

Очевидно что подобное положеніе дѣлъ не могло держаться долго, и Наполеонъ успѣшилъ положить ему конецъ. Въ самый разгаръ новой войны своей съ Австріей, онъ подписалъ, 17-го мая 1809 г., въ Шенбруннѣ декретъ слѣдующаго содержанія: „Принимая въ соображеніе что Карлъ Великій, императоръ Французовъ и августѣйшій нашъ предшественникъ, даровалъ римскимъ епископамъ нѣсколько областей только въ видѣ леновъ, вслѣдствіе чего Римъ не переставалъ составлять часть его имперіи; что съ той эпохи это смѣшеніе двойкаго рода правъ служило и продолжаетъ служить источникомъ смутъ и распрей, предоставляя возможность первосвященникамъ пользоваться духовнымъ своимъ вліяніемъ чтобы поддерживать свѣтскія притязанія; что такимъ образомъ интересы религіозные, по существу своему вѣчные и неизмѣнные, перемѣшались съ интересами земными, которые мѣняются сообразно обстоятельствамъ времени и политическимъ соображеніямъ; что всѣ предложенія, сдѣланныя нами съ дѣлюю согласовать безопасность нашихъ армій, спокойствіе и благосостояніе нашихъ народовъ, достоинство и цѣлость нашей имперіи со свѣтскими притязаніями папы не могли осуществиться, постановляемъ: Ст. I. Папская область присоединяется къ Французской имперіи. Ст. II. Частныя помѣстья папы будутъ увеличены такимъ образомъ чтобы могли приносить ему два милліона франковъ ежегоднаго дохода.“ Одновременно съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе объ удаленіи Піа VII изъ Рима. Въ послѣдствіи Наполеонъ старался доказать что онъ никогда не приказывалъ арестовать папу, что онъ хотѣлъ, напротивъ, оставить его въ Римѣ, и что не его вина, если генералъ Міолаисъ и другіе не поняли смысла данныхъ имъ инструкцій, но г. д'Оссонвилъ, многочисленными выдержками изъ собственныхъ писемъ императора, весьма убѣдительно выставляетъ всю несостоятельность подобныхъ увѣреній.

Послѣднія сцены пребыванія Піа VII въ Римѣ до такой степени любопытны что мы рѣшаемся остановиться на нихъ съ нѣкоторою подробностью. Извѣстіе о шенбруннскомъ декретѣ получено было тамъ 10-го іюня, но такъ какъ папа

давно уже ждалъ его со дня на день, то имѣлъ возможность заранее обдумать свой образъ дѣйствій. По обстоятельномъ совѣщаніи съ остававшимися около него кардиналами, онъ рѣшился отвѣчать на насильственный поступокъ императора Французовъ послѣднею отчаянною мѣрою, находившеюся еще въ его обладаніи,—мѣрою, которая въ отдаленныя, давно забытыя времена поражала трепетомъ и ужасомъ христіанскіе народы, но въ дѣйствительности коей, увы, сомнѣвались теперь, вѣроятно, даже самые ревностные сподвижники Пія VII,—а именно отлученіемъ отъ церкви. Булла съ этою цѣлью изготовлена была за нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и папа подписалъ ее тотчасъ послѣ того какъ трехцвѣтное знамя взвилось на крѣпости Св. Ангела. Многие, и прежде всего Французы, были убѣждены что папа постарается придать какъ можно болѣе торжественную обстановку задуманной имъ церемоніи, увѣряли, будто бы онъ самъ, съ буламою въ рукахъ и при колокольномъ звонѣ, появится въ праздникъ Св. Петра на улицахъ Рима, но ничего подобнаго не случилось, и вообще нельзя не замѣтить что роль Пія VII и его совѣтниковъ, какъ бы ни увѣряли въ противномъ католическіе писатели, отличалась весьма мизернымъ характеромъ. Вся ихъ энергія была направлена на то чтобъ обмануть бдительность французской полиціи и наклеивать въ ночное время на городскихъ стѣнахъ папскіе циркуляры и прокламаціи, которые на разсвѣтъ, съ отнюдь не меньшимъ рвеніемъ, были сдираемы агентами Міоллуса. И булла съ отлученіемъ отъ церкви была возвѣщена точно такимъ же потаеннымъ образомъ, но на этотъ разъ французскій генералъ рѣшился обратиться съ насильственнымъ дѣйствіемъ противъ самого папы, то-есть схватить его и вывезти изъ Рима....

Пій VII уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ въ Квириналь, который представлялъ своего рода крѣпость, ибо всѣ входы въ него были тщательно заперты днемъ и ночью, и стража бдительно слѣдила за движеніями непріятельскихъ солдатъ. Провикнуть въ этотъ дворецъ, не возбудивъ публичнаго скандала, представлялось дѣломъ весьма не легкимъ, но не было такихъ трудностей которыя остановили бы рвеніе жандармскаго генерала Раде, избраннаго самимъ императоромъ для столь щекотливаго порученія. Онъ нашелъ средство завязать сношенія съ нѣкоторыми изъ служителей папы и

рѣшился, въ ночь съ 5-го на 6-е юня, ворваться въ Квириналь одновременно съ трехъ сторонъ съ помощію высокихъ лѣстницъ. Маневръ былъ выполненъ весьма удачно, но все-таки не безъ шума, который прежде всего достигъ до слуха государственнаго секретаря, кардинала Пакка, посѣдившаго предувѣдомить папу объ угрожавшей ему опасности.

„Когда вслѣдъ затѣмъ, рассказываетъ г. д'Оссонвиль, Пакка вмѣстѣ съ кардиналомъ Дююи вошелъ въ спальню Піа VII, то нашелъ его уже одѣтымъ и готовившимся отправиться въ залу назначенную для аудіенцій. „Слава Богу“, воскликнулъ папа, „я нахожусь въ обществѣ надежныхъ друзей.“— „Настала минута“, отвѣчалъ Дююи, „показать истинное мужество и обратиться съ мольбою ко Всевышнему чтобъ Онъ по-могъ вашему святѣйшеству послужить достойнымъ образомъ для всѣхъ насъ.“ Между тѣмъ шумъ въ смежныхъ комнатахъ увеличивался, раздавались удары топоровъ и ружейныхъ прикладовъ, которыми солдаты генерала Раде выламывали запертыя двери. Пакка предложилъ Пію VII удалиться въ находившуюся по близости частную его капеллу, но Французы были уже близко, они потрясли дверь самой спальни, а потому присутствовавшіе должны были остаться на мѣстѣ, чтобы не показать виду будто они пытались спастись бѣгствомъ. Папа сѣлъ на софу, находившуюся противъ входа, сдѣлавъ знакъ обоимъ кардиналамъ чтобъ они сѣли около него и затѣмъ приказалъ отворить дверь. Раде вошелъ въ комнату, не зная еще гдѣ и въ чьемъ присутствіи онъ находится, но вскорѣ однако догадался объ этомъ по смущенному виду нѣкоторыхъ изъ своихъ спутниковъ, знавшихъ въ лицо Піа VII; онъ посѣдѣлъ снять шляпу, удалилъ солдатъ и оставилъ при себѣ только офицеровъ и вѣсколькихъ сержантовъ, расположившихся вдоль стѣны съ опущенными ружьями. Такимъ образомъ двѣ группы очутились лицомъ къ лицу: во главѣ одной изъ нихъ генералъ Раде со шляпою въ рукахъ, въ высокихъ ботфортахъ, при саблѣ, въ костюмѣ воина только-что удачно кончившаго штурмъ, во прочемъ съ почтительнымъ выраженіемъ на лицѣ, и окруженный своимъ штабомъ; прямо противъ него папа, въ сапожѣ простомъ одѣяніи, около него два кардинала, а позади домашняя прислуга. Обѣ группы пристально смотрѣли другъ на друга. Молчаніе длилось болѣе пяти минутъ....

4 „Очевидно что генералъ Раде былъ крайне смущенъ; ему

стоило большаго труда собраться съ духомъ; баѣдность покрывала его лицо, нѣсколько разъ пытался онъ говорить, но слова не выходили изъ его устъ.... Наконецъ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и съ глубокимъ поклономъ объявилъ святѣйшему отцу что принужденъ выполнить тяжкую обязанность возложенную на него присягой и долгомъ. Папа подымаеся при этихъ словахъ и спросилъ его съ достоинствомъ: „Что вамъ нужно? Зачѣмъ въ это необычное время смутилъ вы мое спокойствіе?“—„Святѣйшій отецъ, я являюсь къ вашему святѣйшеству съ предложеніемъ отъ имени моего правитель-ства отказаться отъ свѣтской власти: если вы отвѣтите со-гласіемъ, я не сомнѣваюсь что дѣло уладится какъ нельзя лучше и что императоръ окружитъ васъ всевозможнымъ почетомъ....“ Предложеніе такого рода, сдѣланное Пію VІІ въ собственномъ его дворцѣ жандармскимъ генераломъ, кото-рый силою ворвался въ этотъ дворецъ, не поражало, конечно, ничѣмъ неожиданнымъ, ибо папа слышалъ его уже не разъ отъ лицъ гораздо болѣе значительныхъ чѣмъ тѣ кото-рыя находились теперь въ его присутствіи; но простой сол-датъ, повторившій его теперь, представлялъ собою олице-творенную угрозу прибѣгнуть тотчасъ же къ грубой силѣ. Пію VІІ однако не смутился. „Если присяга и долгъ вѣрно-сти“, сказалъ онъ, „повелѣваютъ вамъ исполнять приказанія императора, то размыслите что и мы не менѣе должны охра-нять права святѣйшаго престола, съ которыми связываетъ насъ столько обязательствъ. Мы не въ состояніи ни усту-пить, ни отказаться отъ того что собственно не принад-лежитъ намъ. Свѣтскія владѣнія составляютъ достояніе цер-кви, и мы лишь временно управляемъ ими. Императоръ мо-жетъ изрубить насъ въ куски, но не заставитъ насъ испол-нять его требованія. Послѣ всего что было нами сдѣлано для него, могли ли мы ожидать подобнаго обращенія съ на-ми?“ Смущеніе генерала Раде всрастало. „Я знаю, святѣй-шій отецъ“, сказалъ онъ, „что императоръ многимъ обязанъ вамъ.“—„Да, онъ обязанъ намъ многимъ и даже несравнен-но больше чѣмъ вы полагаете: но въ чемъ же состоитъ ва-ше порученіе?“—„Святѣйшій отецъ, если рѣшеніе ваше не измѣнено, я вынужденъ увести васъ съ собою.“—„Дѣйстви-тельно, сынъ мой“, отвѣтилъ папа, „порученіе такого рода и привлечетъ на васъ благословеніе Бога.... Такъ вотъ“, про-должалъ онъ, „благодарность за всѣ мои услуги! Такъ вотъ

„награда за великое мое потворство императору и французской церкви!...“

Пій VII просилъ чтобъ ему было дано два часа времени для необходимыхъ приготовленій къ отъѣзду, но получилъ отказъ, ибо французскія власти особенно заботились о томъ чтобы все было окончено прежде чѣмъ проснется городъ. „Взявъ только молитвенникъ и крестъ, который постоянно носилъ на груди, папа сѣлъ на кровать, ибо чувствовалъ изнеможение и усталость. Когда все было готово къ отъѣзду, онъ сошелъ внизъ по парадной лѣстницѣ Квиринала, опираясь на руку генерала Раде. Французскія войска стояли въ боевомъ порядкѣ на обширной площади Монте-Кавалло, но никого изъ жителей не видѣлось ни на улицахъ, ни въ окнахъ домовъ. Пій VII остановился на крыльцѣ и благословилъ Римъ. Было четыре часа утра; совершенное безмолвіе господствовало повсюду.... Генералъ Раде посадилъ папу и кардинала Пакку въ карету съ опущенными сторами у оконъ, заперъ на ключъ ея дверцы, потомъ вскочилъ на козлы и приказалъ почталіону ѣхать черезъ *Porta del popolo*. Значительный отрядъ жандармовъ слѣдовалъ позади....“

Похищеніе папы совершилось такъ быстро что въ первое время никто на пути не зналъ о томъ, но вскорѣ вѣсть распространилась, и во многихъ городахъ и мѣстечкахъ, черезъ которые проѣзжали путешественники, значительныя толпы народа ожидали ихъ, старая нетерпѣніемъ убѣдиться собственными глазами въ совершившемся событіи. Обстоятельство это не мало беспокоило генерала Раде, опасавшагося какихъ-либо демонстрацій, но вскорѣ онъ придумалъ столько же удобный, сколько и остроумный способъ избѣжать ихъ: „Завидя любопытныхъ, доносилъ этотъ генералъ военному министру, я тотчасъ же начиналъ кричать имъ чтобъ они становились на колѣни, ибо святой отецъ хочетъ преподать имъ свое благословеніе, и потомъ вдругъ приказывалъ почталіону погонять изъ всѣхъ силъ; такимъ образомъ толпа оставалась еще колѣнопреклоненною, между тѣмъ какъ мы скакали уже во весь опоръ. Мнѣ постоянно удавалась эта хитрость.“ Несравненно труднѣе было догадаться куда слѣдовало везти папу, ибо Наполеонъ не сдѣлалъ никакихъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ. Сначала, черезъ Флоренцію, Геную, Мондови и Риволи, препроводили его въ Гренобль, гдѣ и провелъ онъ болѣе недѣли, но затѣмъ стало наконецъ извѣстнымъ что

императоръ избралъ мѣстопробываніемъ для него Савонну. Для полной характеристики разказаннаго нами эпизода, замѣтимъ здѣсь что Наполеонъ принялъ энергическія мѣры чтобы никакія точныя и подробныя свѣдѣнія о немъ не могли достигнуть Франціи. Газетамъ предписано было соблюдать строгое молчаніе, а официальный журналъ ограничился лишь слѣдующею лаконическою и правдивою замѣткой объ участіи римскаго первосвященника: „Папа самъ постарался сдѣлать бесполезнымъ пребываніе свое въ Римѣ, гдѣ нѣкоторые изъ его приверженцевъ угрожали навлечь на него не малыя бѣдствія. Онъ выѣхалъ оттуда, безъ вѣдома императора, и прибылъ въ Савонну: его величество повелѣлъ принять, помѣститъ его и обходиться съ нимъ со всѣмъ уваженіемъ подобающимъ несчастію.“ Извѣщеніе такого рода показалось далеко неудовлетворительнымъ, и долго еще публика продолжала съ жаднымъ любопытствомъ слѣдить за *Монитеромъ*, надеясь встрѣтить въ немъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія хотя бы о кратковременномъ пребываніи Пія VII въ Гренобль. Наконецъ-то, разказываетъ г. д'Оссонвилль, изобрѣтательный умъ министра полиціи Фуше нашелъ средство успокоить общество. Въ *Монитеръ* появилось письмо изъ Гренобля отъ 1-го августа 1809 года, то-есть именно отъ того дня, когда папа, вслѣдствіе приказаній императора, вынужденъ былъ покинуть этотъ городъ и отправиться въ Савонну. Обычные читатели официальной газеты тотчасъ же набросились на нее, въ надеждѣ удовлетворить свое любопытство, но каково же было изумленіе однихъ и негодованіе другихъ, когда они прочитали въ упомянутомъ письмѣ слѣдующія строки: „Умы „сильно заняты здѣсь появленіемъ неизвѣстнаго пресмыкающагося, которое, судя по оставленнымъ имъ слѣдамъ, должно отличаться огромными размѣрами.“ Слѣдовало на цѣломъ полустолбцѣ описаніе пути, пройденнаго этимъ пресмыкающимся, которое, возбудивъ сильный переполохъ въ народѣ, скрылось наконецъ въ какой-то рѣчкѣ....“

III.

Самые ревностные поборники папской власти не въ состояніи, конечно, отрицать, что катастрофа, совершившаяся съ нею, встрѣчена была повсюду въ Европѣ съ невозмутимымъ равнодушіемъ. Ни правительства, ни свѣтское

общество, ни само духовенство не сочли нужнымъ заявить какимъ бы то ни было путемъ свое сочувствіе къ ней, и было бы недобросовѣстно оспаривать что явленіе это имѣло весьма глубокіе корни, а не условивалось лишь какими-нибудь временными и преходящими обстоятельствами. Католическая теорія гласитъ что папа долженъ быть вполнѣ самостоятельнымъ государемъ для того чтобы никакое постороннее вліяніе не могло стѣснить свободу его дѣйствій при выполненіи имъ духовныхъ своихъ обязанностей, но никогда еще несостоятельность этой теоріи не была обнаружена съ такою поразительною силою какъ при Наполеонѣ I. Развѣ римскій первосвященникъ, воссядая спокойно на своемъ престолѣ, не сдѣлался первымъ слугою императора Французовъ и не снизошелъ на роль послушнаго орудія его политики? Развѣ въ послѣдствіи, вмѣсто того чтобы проповѣдывать согласіе и миръ, не готовился онъ принять участіе въ распряхъ терзавшихъ Европу? Развѣ въ то время какъ всѣ народы испытывали бѣдствія отъ ненасытнаго честолюбія одного человѣка, покусился онъ хотя однажды выступить съ протестомъ противъ этого грубаго нарушенія права, противъ этого презрительнаго обращенія съ людскою независимостью и свободой? Нѣтъ, и тогда, точно также какъ и во всѣ эпохи своего существованія, папство не знало болѣе драгоцѣннаго интереса какъ интересъ собственнаго властолюбія, для огражденія коего всѣ средства были ему одинаково хороши. Можно ли же удивляться что ни откуда не возвысился теперь голосъ на его защиту?

Къ тому же Европа была слишкомъ занята непрерывными переворотами совершавшимися въ ея средѣ, а собственно Италия имѣла всѣ причины не только не скорбѣть, но радоваться удаленію Пія VII. Несчастные жители Римской области не вѣрили своимъ глазамъ сравнивая новые порядки съ тѣми которые господствовали у нихъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, ибо Наполеонъ не щадилъ энергіи и средствъ для возрожденія страны. Необычайная дѣятельность закинула тотчасъ повсюду: не далѣе какъ въ 1808 году былъ открытъ чрезвычайный кредитъ для развитія мануфактуръ, коммиссія инженеровъ и агрономовъ приступила къ осушенію понтійскихъ болотъ, во всѣхъ городахъ возникали школы, и т. д. „Достаточно провести нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, говорить г. д'Оссонвиль, котораго никакъ нельзя

заподозрять въ пристрастіи къ Наполеону, чтобы составить себѣ понятіе о ревностныхъ заботахъ императора сдѣлать французское владычество какъ можно болѣе выгоднымъ для римскаго народа. Никакія пышныя надписи не напоминаютъ потомству о многочисленныхъ памятникахъ, новыхъ дорогахъ и всякаго рода другихъ предпріятіяхъ, начатыхъ и приведенныхъ къ окончанію въ то время, ибо, какъ случается весьма часто, предпріятія эти были приписаны въ послѣдствіи возстановленному папскому правительству, которое приложило къ нимъ только послѣднюю руку. Но сами Римляне отдавали тогда полную справедливость просвѣщенной дѣятельности графа Турнона (французскаго губернатора Рима) и генерала Миоллиса; они были изумлены и вмѣстѣ съ тѣмъ признательны видя во главѣ своей администраторовъ отличавшихся столько же рвеніемъ сколько и неподкупною честностью.“

Наполеонъ низвергнувъ папскую власть достаточно компрометтировавъ ее предъ Европой и заставивъ ее убѣдиться въ собственномъ безспіи. Проклятіе, которое въ послѣднюю минуту бросила она въ лицо своему врагу, окончилось позорнымъ *fiasco*. До такой степени было оно неудачно, что самъ Пій VII никогда въ послѣдствіи не любилъ вспоминать о немъ. Но будучи твердо убѣжденъ что папство отжило свое время, Наполеонъ не могъ въ то же время отдѣлаться отъ извѣстнаго рода симпатіи къ нему. Его деспотической натурѣ нравилась эта власть, стремившаяся руководить безусловно религіозными убѣжденіями многочисленныхъ народовъ и заявлявшая притязанія на непогрѣшимость. Онъ былъ бы не прочь чтобы власть эта сохранила свой авторитетъ, созданный вѣками, но подъ тѣмъ только условіемъ чтобы она вполне подчинилась его видамъ и получала отъ него внушенія и правила для всѣхъ своихъ дѣйствій. Въ такомъ случаѣ папа все-таки не остался бы, конечно, въ Римѣ,—вопросъ о свѣтской его власти былъ окончательно рѣшенъ въ умѣ императора,—но онъ могъ бы избрать пребываніемъ своимъ Реймсъ или Авиньонъ и оттуда содѣйствовать, такъ сказать, духовному порабоженію Европы подъ владычествомъ Наполеона. „Не можетъ быть никакого сомнѣнія, замѣчаетъ г. д'Оссонвилль, что чудовищная химера о господствѣ надъ совѣстью католическихъ народовъ и о возстановленіи Западной Имперіи, давно уже обольщавшая этого изумительнаго человѣка,

окончательно созрѣла и сложилась въ его головѣ именно послѣ катастрофы постигшей Пія VII. Для исполненія этого плана онъ нуждается теперь только въ рѣшительной побѣдѣ надъ послѣднимъ изъ своихъ противниковъ на материкѣ Европы, надъ императоромъ Александромъ. На другой же день послѣ какого-нибудь блестящаго договора, заключеннаго въ стѣнахъ С.-Петербурга или Москвы, не замедлил бы появиться декретъ, который провозгласилъ бы что и духовная власть папы должна быть подчинена волѣ императора Французовъ.... Какой путь былъ бы избранъ Наполеономъ для утвержденія повсемѣстнаго преобладанія своего въ дѣлахъ католическаго исповѣданія? Какими средствами надѣялся этотъ грозный завоеватель восторжествовать надъ матеріальнымъ и нравственнымъ противодѣйствіемъ ему различныхъ частей римской церкви въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Южной Америкѣ и на Востокѣ, куда не простиралось его вліяніе? Трудно рѣшить этотъ вопросъ, ибо императоръ не счелъ нужнымъ объяснить въ своихъ запискахъ пути задуманные имъ для совершенія столь необычнаго предпріятія. Онъ унесъ свою непостижимую тайну въ могилу....“

Заставить Пія VII подчиниться своей волѣ или же побудить его къ добровольному отреченію отъ своего сана — вотъ мысль которая не переставала занимать императора Французовъ съ того времени какъ Римъ былъ присоединенъ къ его владѣніямъ. Съ этою цѣлью началъ онъ переговоры въ Савоннѣ, и въ то же самое время повелѣлъ всѣмъ безъ исключенія кардиналамъ собраться въ Парижъ, ибо ему хотѣлось заручиться что, въ случаѣ избранія новаго папы, выборъ падетъ на челоуѣка котораго онъ могъ бы считать вполне преданнымъ. Обращеніе Наполеона съ упомянутыми прелатами доказало еще разъ до какой степени онъ, безъ всякой нужды и видимой пользы и единственно подъ вліяніемъ деспотическихъ инстинктовъ своей натуры, способенъ былъ оскорблять людей даже тогда когда собственные интересы побуждали его жить съ ними въ добромъ согласіи. Огромное большинство кардиналовъ не помышляли о какой бы то ни было оппозиціи императору; они воздерживались отъ всякихъ сношеній съ папою, съ благодарностью приняли назначенное имъ жалованье, усердно посѣщали дворъ и салоны важнѣйшихъ французскихъ сановниковъ, и вообще все показывало что въ рѣшительную минуту

они явятся усердными слугами своего новаго влаетелина. Былъ между ними лишь одинъ, а именно Консалви, державшій себя независимо, какъ обнаружилось это при первомъ же свиданіи его съ Наполеономъ,—свиданіи слушкомъ интересномъ, чтобы не упомянуть о немъ здѣсь подробно со словъ г. д'Оссонвиля:

„Консалви представлялся императору не одинъ, а вмѣстѣ съ четырьмя другими кардиналами, не задолго предъ тѣмъ явившимися въ Парижъ: то были Пьетро, Пиньятели, Салудцо и Дююи. Кардиналъ Фешъ поставилъ ихъ отдѣльно отъ остальныхъ, уже съ давняго времени находившихся въ столицѣ Франціи. Дворъ былъ въ полномъ сборѣ. Является императоръ съ обычною своею свитою королей, королевъ, принцевъ и принцессъ крови и всѣхъ сановниковъ государства. Кардиналъ Фешъ выступаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и начинаетъ представлять ему по старшинству вновь прибывшихъ прелатовъ. „Кардиналъ Пиньятели“, провозглашаетъ онъ громкимъ голосомъ: Наполеонъ произнесъ открыто „Неаполитанецъ“, и прошел мимо.—„Кардиналъ Пьетро“, продолжаетъ Фешъ. Императоръ приостановился на минуту. „Вы потолстѣли, сказалъ онъ, я помню васъ когда вы прѣзжали сюда съ папой на мою коронацію...“ Фешъ представляетъ третьяго: „кардиналъ Дююи.“—„Испанецъ“, отвѣчаетъ Наполеонъ.—„Съ острова Майорки“, поспѣшилъ перебить испуганный прелатъ, какъ бы отрекаясь отъ своего отчества. Императоръ продолжалъ подвигаться впередъ, и приблизившись къ Консалви, воскликнулъ прежде чѣмъ тотъ былъ названъ ему: „А, кардиналъ Консалви, какъ вы похудѣли. Я не узналъ бы васъ....“—„Года идутъ, ваше величество; вотъ уже цѣлый десятокъ протекло ихъ съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь представляться вамъ.“—„Правда, ровно десять лѣтъ тому какъ мы подписали конкордаты въ этой самой залѣ. И къ чему же послужилъ онъ? Все разлетѣлось прахомъ. Римъ все захотѣлъ потерять и дѣйствительно потерялъ. Надо сознаться что я сдѣлалъ ошибку вытѣснивъ васъ изъ министерства. Еслибы вы оставались на мѣстѣ, то дѣла не зашли бы такъ далеко.“ Консалви былъ въ высшей степени смущенъ этими послѣдними словами, заставлявшими подражывать будто онъ порицалъ образъ дѣйствій принятый папой послѣ его выхода въ отставку. Волненіе его было такъ сильно что онъ почти ничего не видалъ предъ собою, но тѣмъ не менѣе, помышляя только объ истинѣ и чувствѣ собственнаго достоинства, возразилъ: „Ваше величество, еслибы я оставался на мѣстѣ, то исполнилъ бы свой долгъ.“ Наполеонъ пристально посмотрѣлъ на него и потомъ, отодвинувшись немного въ сторону и расхаживая взадъ и впередъ, началъ длинный монологъ, высчитывая всѣ обвиненія свои

противъ папы и доказывая какъ сильно повредилъ Пій VII самому себѣ не захотѣвъ присоединиться къ его системѣ. Очутившись подъ концы своей рѣчи снова лицомъ къ лицу съ Консалви, Наполеонъ остановился и повторилъ: „Нѣтъ, еслибы вы оставались на мѣстѣ, дѣла не зашли бы такъ далеко.“ И на этотъ разъ, подъ вліяніемъ того же чувства, кардиналъ отвѣчалъ съ не меньшею твердостью: „Прошу, ваше величество, вѣрить мнѣ что я исполнилъ бы свой долгъ....“ Императоръ бросилъ на него еще болѣе суровый взглядъ, и не возразивъ ни слова, началъ попрежнему расхаживать изъ стороны въ сторону, повторяя свои жалобы противъ римскаго престола, который не имѣлъ уже ни одного изъ великихъ людей составлявшихъ некогда его гордость и славу; затѣмъ, приблизившись вдругъ къ кардиналу Піетро, онъ воскликнулъ въ третій разъ: „еслибы Консалви оставался государственнымъ секретаремъ, то дѣла не зашли бы такъ далеко“. Бывшій министръ Пія VII уже дважды выступалъ съ рѣзкимъ опроверженіемъ и теперь могъ бы промолчать, но заботливость о чувствѣ своего достоинства и чести заставили его преступить границы. „Императоръ, разказываетъ онъ въ своихъ запискахъ, находился довольно далеко отъ меня; я поспѣшно приблизился къ нему, и взявъ его за руку, воскликнулъ: „я уже имѣлъ честь докладывать вашему величеству что исполнилъ бы неуклонно свой долгъ“. Смѣлый поступокъ этотъ сильно поразилъ всѣхъ присутствовавшихъ, и самъ Наполеонъ былъ не мало удивленъ имъ. „Повторяю,“ съ живостью возразилъ онъ кардиналу, „что сознаніе долга не позволяло бы вамъ пожертвовать духовными интересами интересамъ свѣтскимъ!“ Сказавъ это, онъ окончательно прервалъ съ нимъ разговоръ.“

Приведенная нами сцена доказываетъ что бывшій государственный секретарь Пія VII имѣлъ мужество возвышать свой голосъ тамъ, гдѣ все работало предъ императоромъ, но не слѣдуетъ однако думать въ оппозиціи своей онъ отваживался пренебрегать совершенно внушеніями благоразумія и осторожности. Напротивъ, то была оппозиція крайне умѣренная и едва ли не имѣвшая въ виду единственно соблюденіе приличій. Консалви прибылъ въ Парижъ въ то самое время когда тамъ былъ возбужденъ вопросъ о расторженіи брака Наполеона съ Жозефиной и о бракосочетаніи его съ эрцгерцогиней Марією-Луизою: мы сожалѣемъ что не можемъ остановиться подробно на этомъ интересномъ эпизодѣ пролившемъ столь яркій свѣтъ на характеръ высшаго французскаго духовенства, которое не сочло даже нужнымъ посоветоваться съ папой и вполнѣ удовлетворяло требованіямъ императора (замѣтимъ, между прочимъ,

что однимъ изъ поводовъ къ разводу послужило заявленіе Наполеона будто бы онъ „противъ воли“ вступилъ въ супружество съ Жозефиной). Нисколько не возражая противъ состоявшагося рѣшенія, Консальви полагалъ, однако, что мѣнѣе папы непременно должно быть спрошено въ дѣлѣ такой важности, и что такъ какъ этого не было сдѣлано, то кардиналы не могли присутствовать при обрядѣ новаго бракосочетанія, но только тринадцать изъ его товарищей согласились присоединиться къ нему; что же касается до остальныхъ, составлявшихъ значительное большинство, то у нихъ рѣшительно не хватило духу причинить непріятность императору. Впрочемъ и самъ Консальви, и его друзья, тщательно избѣгали всякаго скандала: еслибы, говорили они, не было прислано имъ приглашеніе подъ предлогомъ тѣсноты залы, въ которой долженствовала происходить церемонія, то отсутствіе ихъ не возбудило бы никакихъ толковъ и не было бы вовсе замѣчено публикой. Но Наполеонъ не допускалъ подобной, какъ казалось ему, дерзости и когда доложили ему о намѣреніи кардиналовъ, воскликнулъ: „Вздоръ, они не осмѣютъ.“ Въ день назначенный для торжества, лишь только вступилъ онъ въ капеллу, какъ лицо его омрачилось гнѣвомъ. „Гдѣ кардиналы? спросилъ онъ главнаго каноника, аббата Прадта: — я ихъ не вижу.“ „Значительное большинство ихъ находится въ церкви, отвѣчалъ Прадтъ, а что касается другихъ, то болѣзнь помѣшала имъ явиться сюда по такой дурной погодѣ....“ — „А, глупцы (ah, les sots!).... Дѣйствительно ихъ нѣтъ. Глупцы!“ повторялъ императоръ съ мрачнымъ взглядомъ, въ которомъ ясно выражалась жажда мести, и месть не заставила долго ожидать себя. На другой же день несчастные прелаты, устрешенные, вѣроятно, достигшими до ихъ слуха угрозами, послѣшили во дворецъ принести свои поздравленія новобрачнымъ, „и легко вообразить,“ говорить самый храбрый изъ нихъ, Консальви, „съ какимъ чувствомъ ожидали мы появленія императора въ главной залѣ, наполненной кардиналами, министрами, членами сената и законодательнаго корпуса, придворными дамами и всѣми высшими сановниками.“ Но вдругъ среди этой многочисленной толпы появился адъютантъ, который объявилъ тринадцати провинившимся кардиналамъ чтобъ они немедленно вышли вонъ, что императоръ не желаетъ ихъ видѣть. Приказаніе было нарочно передано такимъ образомъ чтобы всѣ

существовавшіе могли его слышать, но это грубое оскорбленіе служило лишь предвѣстіемъ гораздо болѣе суровыхъ мѣръ, долженствовавшихъ поразить Консальви и его товарищей. Наполеонъ не замедлялъ обратиться со слѣдующимъ письмомъ къ министру духовныхъ дѣлъ: „Нѣкоторые изъ кардиналовъ не захотѣли присутствовать при брадѣ моего бракосочетанія. Этимъ оскорбили они меня лично. Я желаю знать ихъ имена, ибо намѣренъ дать отставку этимъ людямъ (*mon intention est de donner à ces individus leur démission*), а также прекратить имъ выдачу пенсій, ибо съ нынѣшняго дня не признаю ихъ кардиналами. Представьте мнѣ декретъ, на основаніи коего я могъ бы принять упомянутое выше рѣшеніе.“ Одновременно съ тѣмъ министру полиціи Фуше приказано было арестовать и отправлять въ тюрьму всякаго изъ упомянутыхъ прелатовъ, который осмѣлился бы носить по-прежнему кардинальскую одежду. Какъ ни были поразительны эти мѣры, нужно было считать ихъ еще сравнительно мягкими, ибо Консальви утверждаетъ что въ первую минуту раздраженія Наполеонъ хотѣлъ разстрѣлять его, какъ главнаго зачинщика, и согласился измѣнить свое намѣреніе только вслѣдствіе настоятельныхъ убѣжденій своихъ приближенныхъ....

Министръ духовныхъ дѣлъ г. Бюго-де-Преамеене собралъ тринадцать виновныхъ и сообщилъ имъ что своимъ отсутствіемъ на церемоніи они хотѣли, вѣроятно, бросить тѣнь на законность совершившагося брака, чтобы тѣмъ самымъ подать въ послѣдствіи поводъ оспаривать права наследника Наполеона I: кардиналы съ жаромъ отвергли подобное толкованіе ихъ поступка. Они доказывали въ одинъ голосъ что не помышляли ни о какихъ демонстраціяхъ и протестахъ, а усвоили себѣ извѣстный образъ дѣйствій лишь изъ уваженія къ главѣ церкви, чтобы не поставить себя въ неловкое положеніе относительно его. Консальви тутъ же предложилъ послать императору коллективное письмо, въ которомъ были бы выражены одушевляющія ихъ чувства. Въ письмѣ этомъ кардиналы говорили самымъ положительнымъ образомъ что не думаютъ оспаривать законность брака и возбуждать какія-либо сомнѣнія въ вопросѣ о престолонаследіи. Но все это не привело ни къ чему. Наполеонъ оставался непреклоннымъ. „Объявите имъ, писалъ онъ своему министру, что они должны были сообразоваться

въ своихъ дѣйствіяхъ съ большинствомъ своихъ товарищей, что безъ папы и сами по себѣ они не значатъ ровно ничего, что въ теперешнемъ ихъ поступкѣ я усматриваю тотъ самый духъ буйства который они обнаруживали въ теченіе десяти лѣтъ, который вынудилъ меня занять французскими войсками Римъ, и подъ вліяніемъ коего внушили они папѣ мысль выступить противъ меня съ отлученіемъ отъ церкви, служащимъ посмѣшищемъ современникамъ точно такъ же какъ будетъ оно служить посмѣшищемъ потомству." Кардиналы сложили съ себя знаки своего достоинства и облеклись въ простое священническое одѣяніе, вслѣдствіе чего и начали въ обществѣ называть ихъ кардиналами *черными* (cardinaux noirs), въ отличіе отъ кардиналовъ *красныхъ* (cardinaux rouges). Черезъ нѣсколько дней послѣ того отправили ихъ по двое въ города Реймсъ, Мезьеръ, Ретель, Седанъ, С. Кантенъ и Шарльвиль: всѣ они были отданы тамъ подъ строгій надзоръ полиціи.

Преслѣдованіе, о которомъ мы говоримъ, не только отличалось въ высшей степени ненавистнымъ характеромъ, но было положительно бессмысленно, ибо его не вызывала никакая необходимость. Почти то же самое слѣдуетъ сказать и о преслѣдованіяхъ обрушившихся вскорѣ на папу. Пій VII проживалъ въ Савоннѣ, во дворцѣ тамошняго епископа, и двое лицъ—префектъ графъ Шаброль и одинъ изъ церемоніймейстеровъ императора графъ Салматорисъ—получили приказаніе заботиться чтобы не только не нуждался онъ ни въ чемъ необходимомъ, но былъ даже окруженъ подобающею его сану роскошью. Они отдѣлали заново дворецъ, одѣли прислугу въ блестящую ливрею, выписали изъ Парижа лошадей и экипажи, и предложили папѣ 100.000 франковъ ежемѣсячнаго содержанія, но всѣ эти издержки нисколько не трогали Пія VII. Онъ упорно хотѣлъ оставаться бѣднымъ изгнанникомъ, между тѣмъ какъ императоръ видимо желалъ чтобы ничто въ его обстановкѣ не напоминало объ изгнаніи. Даже прислугѣ своей папа строго запретилъ пользоваться милостями французскаго правительства. Тогда приславъ былъ въ Савонну генераль Цезарь Бертъе, родной братъ князя Ваграмскаго, съ особеннымъ порученіемъ придать какъ можно болѣе блеску панскому двору, но и эта попытка осталась столь же безуспѣшною. Уполномоченные Наполеона постоянно повторяли Пію VII что нисколько не намерена

стѣснять его свободу дѣйствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускали къ нему далеко не всѣхъ кого желалъ бы онъ видѣть, и даже бѣльшая часть адресованныхъ на его имя писемъ не были доставляемы по назначенію.

Императоръ могъ бы оставить изгнаннаго первосвященника спокойно доживать свой вѣкъ, ибо не имѣлъ, повидимому, причины опасаться серьезныхъ затрудненій съ его стороны. Какую важность представляли, въ самомъ дѣлѣ, протесты, возрщанія, возраженія Пія VII, когда громадное большинство католическаго духовенства какъ бы совершенно забыло о верховномъ пастырѣ своей церкви и рабски преклонялось предъ могущественнымъ государемъ? Въ Италіи оно обнаружиле, правда, духъ сопротивленія, но достаточно было нѣсколькихъ ударовъ чтобы подавить въ самомъ зародкѣ всѣ подобныя попытки. Во Франціи также возникали сомнѣнія при назначеніи новыхъ епископовъ, но мы ни изъ чего не видимъ чтобы Наполеонъ чрезмѣрно смущался ими. Онъ перемѣщалъ епископовъ изъ однихъ епархій въ другія и замѣщалъ открывавшіяся вакансіи нѣсколько не заботясь о согласіи папы, и если нѣкоторые члены духовенства, какъ напримѣръ дядя императора, кардиналъ Фешъ, считали невозможнымъ подчиняться безусловно его волѣ, то находилось тотчасъ же множество другихъ, пользовавшихся несомнѣннымъ авторитетомъ, которые съ совершенно спокойною совѣстью слѣдовали по указанному имъ пути. Когда Фешъ не захотѣлъ быть архіепископомъ парижскимъ, то едва ли подобный примѣръ могъ быть заразителенъ со стороны чловѣка, случайно сдѣлавшагося „княземъ церкви“ и котораго Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе прерывать въ богословскихъ спорахъ слѣдующимъ образомъ: „Гдѣ вы научились этому? Не въ Италіи ли, въ то время какъ вы старались пожить тамъ продовольствіемъ моихъ солдатъ (Фешъ занималъ нѣкогда должность провіантмейстера арміи находившейся подъ начальствомъ генерала Бонапарте)? Не жайте же говорить людямъ изучившимъ дѣло, въ которомъ вы не смыслите ровно ничего. Ихъ голосъ для меня важенъ, но о вашемъ образѣ мыслей я забочусь очень мало.“ Вмѣсто Феша явился кардиналъ Мори, который съ восторгомъ согласился занять парижскую кафедру. То былъ чловѣкъ неспособный отступать ни предъ какими крайностями для выполненія воли императора, какъ видно между

прочимъ изъ слѣдующаго анекдота, разказаннаго о немъ г. д'Оссонвилемъ: „Г. Пакье (тотъ самый который въ послѣдствіи, при Лудовикѣ Филиппѣ, былъ канцлеромъ и президентомъ палаты перовъ) разказывалъ въ нашемъ присутствіи что, назначенный въ то время префектомъ полиціи, онъ встрѣтилъ однажды, въ корридорахъ фонтенеблоскаго дворца, кардинала Мори, который сказалъ ему дружескимъ и весьма довольнымъ тономъ: „императоръ удовлетворилъ теперь двумъ „самымъ настоятельнымъ потребностямъ столицы! Имѣя надежную полицію и надежное духовенство онъ можетъ не тревожиться за сохраненіе общественнаго порядка, ибо архіепископъ парижскій тоже въ своемъ родѣ префектъ полиціи....“ Вспомнимъ, что говорилъ это не какой-нибудь ничтожный, мелкій честолюбецъ, а человекъ стоявшій нѣкогда во главѣ французскаго духовенства, считавшійся его гордостью и славой, и занимавшій видное мѣсто въ учредительномъ собраніи 1789 года: если такія личности являлись рабскими угодниками Наполеона, то, кажется, ему смѣло можно было стремиться къ достиженію своей цѣли.

Но въ томъ то и дѣло что императоръ Французовъ не довольствовался тѣмъ что отнялъ у папы свѣтскія его владѣнія и держалъ его въ пѣнну у себя; онъ хотѣлъ чтобы глава католической церкви явился послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Только этимъ объясняется неистовый его гнѣвъ, когда сдѣлался извѣстнымъ протестъ Пія VII противъ упомянутаго нами назначенія кардинала Мори архіепископомъ парижскимъ и противъ перемѣщенія Османа, епископа города Нанси, во Флоренцію. Папа не одобрялъ поступка обоихъ предатовъ, согласившихся принять каедедры помимо его разрѣшенія, и издалъ по этому случаю рѣзкое посланіе, которое доставлено было имъ окольными путями, но не произвело на нихъ никакого дѣйствія. Лишь только узнавъ о томъ императоръ, какъ вознамѣрился прибѣгнуть къ новымъ гоненіямъ противъ своей жертвы. Содержаніе Пія VII было уменьшено до 1.200 франковъ въ мѣсяцъ, у него отняли экипажи, лошадей и большую часть прислуги. „Нѣтъ никакой необходимости, писалъ Наполеонъ къ префекту г. Шабролю, чтобы папа велъ съ кѣмъ-нибудь корреспонденцію. Чѣмъ менѣе будетъ онъ занятъ дѣломъ, тѣмъ лучше. Пришлите мнѣ списокъ лицъ находящихся при немъ, съ обозначеніемъ тѣхъ которые исполняютъ обязанности секретарей, чтобъ я

могъ тотчасъ же ихъ удалить и такимъ образомъ воспрепятствовать ему распространять ядъ; прикажите не отправлять никакихъ писемъ папы въ сѣверную Италію, Неаполь, Тоскану и Францію; а письма адресованныя на его имя присылайте для просмотра сюда.“ По приказанію императора, г. Шаброль явился ночью во дворецъ занимаемый Пиемъ VII и объявилъ что долженъ захватить всѣ его бумаги. Нѣсколько сыщиковъ нарочно были присланы изъ Парижа чтобы ничто не могло укрыться при этомъ случаѣ, и дѣйствительно, обыскъ былъ произведенъ такъ тщательно что даже собственное платье папы не избѣгло его. Г. Шаброль отобралъ у изгнанника бумагу, чернила, перья, всѣ книги и даже молитвенникъ. Одновременно съ тѣмъ парижскій главный викарій, г. Астрозъ, игравшій главную роль при передачѣ кардиналу Мори и епископу Осману адресованнаго къ нимъ папскаго посланія, былъ посаженъ въ тюрьму, изъ которой вышелъ только послѣ низверженія имперіи.

Съ тѣхъ поръ папа обреченъ былъ въ Савоннѣ на томительное одиночество. Всѣ лица сопровождавшія его въ изгнаніе разосланы были по другимъ городамъ или наполняли мрачную темницу въ Финистрелле; не получая ни газетъ, ни писемъ, онъ не зналъ ровно ничего о томъ что происходитъ въ мірѣ; общество его составляли только начальникъ жандармеріи Лагорсъ и изрѣдка услаждавшій его своими посвѣщеніями префектъ г. Шаброль. Здоровье папы, всегда крайне слабое, не устояло противъ этихъ испытаній, и одно время овладѣло имъ даже умопомѣшательство, отъ котораго, къ счастью, онъ излѣчился; даже своему доктору, италіянку Портѣ, онъ не могъ довѣряться вполне, ибо этотъ человѣкъ завѣдомо служилъ шпиономъ французскаго правительства. И среди этихъ бѣдствій, Пій VII вынужденъ былъ непрерывно выслушивать все одни и тѣ же увѣщанія графа Шаброля: „какую неуывдаемую славу снискалъ бы глава католическаго міра и какія великія услуги оказалъ бы онъ религіи, согласившись переселиться въ Парижъ чтобы руководить оттуда интересами церкви, между тѣмъ какъ преемникъ Карла Великаго принималъ бы на себя, въ тѣсномъ союзѣ съ первосвященникомъ, заботы о дѣлахъ Европы! Не было ли бы то однимъ изъ средствъ избранныхъ Провидѣніемъ чтобы водворить всемірную церковь и упрочить повсюду господство истинной вѣры?... Не странно ли что

святѣйшій отецъ не хочетъ понять что именно ему суждено свыше выполнить, при теперешнихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, столь высокое призваніе?...“ Стараясь убѣжденіями и угрозами склонить Пія VII къ своимъ планамъ, Наполеонъ задумалъ въ то же время приготовить осуществленіе ихъ еще другимъ путемъ. Въ 1811 г. созванъ былъ въ Парижѣ такъ-называемый національный соборъ (conseil national) изъ представителей высшаго духовенства, задачей коего было опредѣлить отношенія французской церкви къ папской власти. Мы не будемъ останавливаться здѣсь подробно на интересныхъ преніяхъ происходившихъ въ средѣ этого собранія и убѣдительно доказавшихъ что огромное большинство его членовъ не отличалось вовсе самостоятельностью своихъ дѣйствій. Программа совѣщаній начертана была самимъ императоромъ: только трое изъ присутствовавшихъ—епископы Гента, Труа и Турне—дерзнули оспаривать ее, и когда оказалось что они намѣрены непреклонно упорствовать въ оппозиціи, Наполеонъ приказалъ безъ церемоніи арестовать ихъ и бросить въ темницу, краснорѣчиво засвидѣтельствовавъ этимъ какого рода свобода господствовала при немъ въ совѣщательныхъ собраніяхъ. Остальные единодушно приняли декретъ, продиктованный имъ правительствомъ, и главнѣйшія постановленія коего заключались въ слѣдующемъ: епископскія кафедры ни въ какомъ случаѣ не могутъ оставаться незамѣщенными болѣе одного года; императоръ назначаетъ епископовъ, которые обращаются къ папѣ съ просьбой о посвященіи, но если въ теченіе шести мѣсяцевъ не послѣдуетъ отвѣта отъ святѣйшаго отца, то посвященіе совершается однимъ изъ митрополитовъ.

Важная мѣра, о которой мы говоримъ, нужна была для того чтобы, въ ожиданіи рѣшенія папской власти—согласится она, или нѣтъ, послужить цѣлямъ императорской политики,—ослабить до послѣдней степени связи соединявшія съ нею французское и италіянское духовенство. Рѣшено было, что нѣсколько кардиналовъ отправятся въ Савонну съ порученіемъ представить Пію VII декретъ, самостоятельно будто бы выработанный національнымъ соборомъ. Наполеонъ постарался, разумѣется, остановить при этомъ свой выборъ на такихъ лицахъ которыя не только заявляли ему до сихъ поръ безусловную преданность, но приняли формальное обязательство употребить все свое вліяніе чтобы расположить

Пія VII къ соглашенію. Злополучный папа съ радостью узналъ объ ихъ прибытіи, въ надеждѣ что они сообщатъ ему подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о происходившемъ соборѣ, но въ этомъ отношеніи они остались неизмѣнно вѣрны заученной ими роли. Декретъ національнаго собора выставленъ былъ совершенно свободнымъ и самостоятельнымъ его дѣломъ, ничего не было упомянуто о заключеніи въ теңиду трехъ предатовъ, и уполномоченные съ необыкновеннымъ рвеніемъ старались убѣдить святѣйшаго отца, что если теперь вознамѣрится онъ отвѣчать отказомъ, то не только навлечетъ новыя бѣдствія на самого себя, но и заставитъ всю католическую церковь оплакивать его упорство. Послѣ долгихъ колебаній, Пій VII согласился на всѣ заявленныя ему требованія. „Мы всегда считали императора вѣрнымъ нашимъ сыномъ, воскликнулъ онъ: правда, сынокъ своеразвѣвъ, но все-таки онъ сынъ....“ Что побудило папу къ подобному образу дѣйствій? Было ли то свѣдѣніемъ испытанныхъ имъ гоненій, или опять-таки проявленіемъ той уступчивости, которую онъ оказывалъ уже не разъ, когда дѣло касалось исключительно духовныхъ интересовъ? Душевное настроеніе Пія VII въ описываемое время слишкомъ мало извѣстно намъ, чтобы мы могли составить о немъ вѣрное понятіе.

Но кто бы могъ подумать что императоръ не только не остался доволенъ состоявшимся соглашеніемъ, вызваннымъ его собственною инициативой, но рѣшилъ не давать ему никакого хода! Объясненія столь странной загадки нужно искать въ характерѣ этого удивительнаго человѣка, который, всякій разъ какъ удавалось ему вырвать у своихъ противниковъ, начиналъ тотчасъ же сожалѣть что удовлетворился полумѣрою, а не потребовалъ всего, и спѣшилъ поправить дѣло предъявленіемъ новыхъ притязаній, новыхъ требованій. Переговоры съ папой были внезапно прерваны. Черезъ посредство г. Шаброля было заявлено ему что онъ долженъ или отказаться отъ своего сана, какъ „неспособный пользоваться имъ“ (*à se demettre, comme incapable, de ses fonctions de souverain pontife*), или же принять программу императора формулованную такимъ образомъ: Папа и его преемники должны будутъ клятвенно обязаться предъ своимъ вѣществомъ на престолъ не предпринимать ничего противъ правилъ опредѣляющихъ положеніе галликанскаго духовенства. Имъ будетъ предоставлено назначеніе только

третьей части членовъ священной коллегіи, назначеніе же двухъ остальныхъ третей должно принадлежать католическимъ государямъ. Папа выразить, въ особомъ посланіи, строгое порицаніе кардиналамъ не захотѣвшимъ присутствовать при бракосочетаніи императора. Онъ изберетъ резиденціей своею Парижъ и будетъ получать отъ французскаго правительства два милліона франковъ на содержаніе своего двора и т. д. На этотъ разъ, въ виду подчиненной роли на которую осудила его политика Наполеона, Пій VII отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ: немедленнымъ слѣдствіемъ того было повелѣніе привести его въ Фонтенебло, куда онъ былъ доставленъ едва живой, измученный нравственными и физическими недугами....

Мы замѣтили сейчасъ что склонность къ соглашенію, обнаруженная папой, повела лишь къ тому что внушила императору надежду окончательно восторжествовать надъ его упорствомъ, и онъ предвидѣлъ уже время когда ему удастся достигнуть этой цѣли. „Всѣ вопросы, матеріальные и нравственные, политическіе и военные, говоритъ Тьеръ, сосредоточивались теперь для него въ одномъ великомъ, всепоглощающемъ вопросѣ, а именно въ войнѣ съ Россіей. Еслибы остался онъ побѣдителемъ императора Александра, то низвергнулъ бы въ Европѣ всякое сопротивленіе своей волѣ — открытое и явное. Какое значеніе имѣлъ бы тогда этотъ бѣдный, изгнанный священнослужитель, причинившій ему столько хлопотъ? Никакого, или почти никакого. Церковь вынуждена была бы признать надъ собою господство цезаря....“

Дѣйствительно, какъ ни можетъ показаться страннымъ, но дальнѣйшія судьбы папской власти зависѣли главнымъ образомъ отъ исхода войны предпринятой противъ Россіи. Лишь только Наполеонъ привезъ съ собою въ Парижъ извѣстіе о страшномъ пораженіи постигшемъ его, какъ поспѣшилъ тотчасъ же измѣнить свои отношенія къ Пію VII. Онъ предвидѣлъ что ему предстоитъ борьба съ соединенными силами всей Европы, которая готовилась уже отвѣчать на призывъ Александра свергнуть такъ долго тяготѣвшее надъ нею иго, и главнѣйшею его заботой было удержать отъ коалиціи своего тестя, императора Австрійскаго. Не было такой лести которой не расточалъ бы онъ ему въ это время. Императоръ Францъ интересовался судьбой папы и за

нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ возвысилъ свой голосъ въ его пользу. Тогда Наполеонъ отвѣчалъ ему грубымъ отказомъ, но теперь рѣшился самъ сдѣлать первый шагъ къ примиренію, возобновивъ съ своимъ плѣнникомъ прерванные переговоры. Не желая показать виду что подобный образъ дѣйствій былъ вынужденъ у него тяжкими обстоятельствами, онъ выставилъ въ началѣ тѣ же самыя требованія которыя были заявлены имъ предъ походомъ 1812 года, и когда Пій VII снова отвѣчалъ отказомъ, когда ничего нельзя было, по видимому, ожидать отъ возникшихъ совѣщаній кромѣ взаимнаго раздраженія страстей, Наполеонъ, ни разу не выдавшійся съ папой со времени своей коронаціи въ 1804 году, рѣшился самъ отправиться въ д'Фонтенебло. „18-го января 1813 года, говоритъ г. д'Оссонвиль, устроена была охота въ лѣсу по близости отъ Мелёна. Вдругъ, въ срединѣ дня, императоръ потребовалъ дорожную карету, и покинувъ свою свиту, приказалъ вести себя въ Фонтенебло, куда императрица, съ своей стороны, должна была пріѣхать почти въ одно время съ нимъ. Наступила ночь. Папа, окончивъ ужинъ, бесѣдовалъ по обыкновенію съ кардиналами и епископами жившими во дворцѣ, когда внезапно отворились двери его кабинета, и появился императоръ. Всѣ присутствовавшіе со смущеніемъ поспѣшили выйти изъ комнаты. Наполеонъ обнялъ папу, поцѣловалъ его и обошелся съ нимъ вообще дружескимъ образомъ. Совѣщанія были отложены до другаго дня; они происходили съ глазу на глазъ между императоромъ и папой и продолжались нѣсколько дней сряду. Никто другой не былъ допущенъ къ нимъ, и секретарь Наполеона, г. Фенъ (Fain), былъ призванъ лишь въ самую послѣднюю минуту, чтобъ изложить письменно основные пункты состоявшагося договора.“ „Очевидно, замѣчаетъ г. Прадтъ, что императоръ задумалъ покончить дѣло быстрымъ и рѣшительнымъ ударомъ, что онъ разчитывалъ на эффектъ который произведетъ на папу его личное присутствие: обаяніе его еще было въ полной силѣ, и никто не предвидѣлъ острова Эльбы, а еще менѣе Св. Елены....“ Что происходило въ потаенныхъ бесѣдахъ между двумя противниками? Никто не знаетъ этого въ точности. Большая часть подробностей, обнародованныхъ по этому поводу въ первые годы реставраціи, лишены всякаго основанія. Несмотря на увѣренія автора брошюры *Bonaparte et les Bourbons*, совершенно ложно будто бы

Наполеонъ, въ порывѣ гнѣва, осмѣлился ударить папу и влачить его за волосы: все это гнусныя выдумки, слишкомъ привычныя духу партій. Слѣдуетъ ли довѣрять съ другой стороны архіепископу мехельнскому, который хотя и сознается что споры отличались иногда крайнимъ раздраженіемъ, но утверждаетъ въ то же время что „съ той и другой стороны соблюдаемы были самыя дружескія и приличныя сану обоихъ собесѣдниковъ формы“? Піи VII, къ которому не рѣшались обращаться съ распросами даже его приближенныя, и который вообще не любилъ говорить объ этомъ свиданіи въ Фонтенебло, постоянно отрицалъ однако чтобъ ему нанесено было какое-нибудь оскорбленіе. Онъ давалъ только понять что императоръ обнаружилъ, въ бесѣдахъ съ нимъ, „высокомѣріе и презрѣніе и упрекалъ его даже въ невѣжествѣ относительно духовныхъ дѣлъ“. Съ своей стороны, Наполеонъ, въ запискахъ продиктованныхъ имъ на островѣ Св. Елены, не упоминаетъ почти ничего о переговорахъ съ папой: онъ ограничивается лишь замѣчаніемъ что обнаружилъ при этомъ случаѣ „несравненно болѣе терпѣнія чѣмъ это совмѣстно было съ его положеніемъ и характеромъ“. При самыхъ тщательныхъ стараніяхъ, мы не нашли однако въ многочисленныхъ документахъ, находившихся предъ нашими глазами, ничего что могло бы послужить къ уясненію противорѣчащихъ показаній Наполеона и Піи VII, но если подробности совѣщаній остаются не вполне извѣстными, то по крайней мѣрѣ результатъ ихъ сдѣлаался тотчасъ же достояніемъ публики.“

Разсматривая текстъ конкордата, подписаннаго въ Фонтенебло, нельзя не убѣдиться что императоръ отказался отъ многихъ изъ своихъ прежнихъ требованій: онъ не настаивалъ уже на томъ чтобы папа утвердилъ свое пребываніе именно въ Парижѣ, чтобы назначеніе большинства членовъ священноі коллегіи принадлежало католическимъ государямъ, чтобы выражено было порицаніе кардиналамъ не присутствовавшимъ при бракосочетаніи, и т. д., но взамѣвъ того и папа дѣлаалъ огромныя уступки. Онъ согласился не выѣзжать изъ Франціи и поселиться въ Авиньонѣ, соглашался предоставить назначеніе епископовъ почти исключительно правительству (отказъ имъ въ посвященіи имѣлъ силу только въ теченіе шести мѣсяцевъ, послѣ чего они были посвящаемы митрополитами); соглашался, наконецъ, навсегда удалить отъ себя кардиналовъ Пакку и Піетро, которыхъ Наполеонъ

считалъ главными виновниками буллы изрекавшей противъ него отлученіе отъ церкви.

Итакъ папская власть осталась все-таки побѣжденною въ роковой борьбѣ съ государемъ, котораго она сама провозгласила преемникомъ Карла Великаго. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія что еще не такія испытанія ожидали ее, еслибы не ударъ которому подвергся Наполеонъ на поляхъ Россіи! Защитники папства утверждаютъ что Пій VII представилъ поразительный примѣръ пастыря церкви, который, оставаясь вѣренъ своему высокому призванію, предпочелъ лучше испытать гоненія и преслѣдованія чѣмъ преклониться предъ игомъ угрожавшимъ порабощеніемъ всему цивилизованному міру, но именно этому-то и противорѣчатъ факты подробно изложенные нами. Всякій безпристрастный читатель легко убѣдится изъ нихъ, что не было такой жертвы которую не согласилась бы принести римскій первосвященникъ чтобы спасти свое свѣтское владычество. Никогда еще несостоятельность теорій лежащихъ въ основѣ папской власти не обнаруживалась болѣе убѣдительно и нагляднымъ образомъ. Католическіе писатели не могутъ не сознавать этой истины, а потому старанія ихъ обращены преимущественно на то чтобы пробудить симпатіи къ злополучной участи Пія VII. Конечно, участь эта неволью вызываетъ сочувствіе. Нельзя воздержаться отъ него при видѣ дряхлаго и больнаго старика, который еще недавно былъ независимымъ государемъ и вдругъ осужденъ владѣть свои дни въ изгнаніи, испытывая лишенія и обиды, не имѣя около себя никого изъ своихъ друзей.... Но состраданіе къ Пію VII какъ къ человѣку не въ состояніи заставить насъ позабыть что онъ выражалъ собою извѣстный принципъ, служилъ представителемъ власти, а какова была эта власть во всѣ времена, когда ничто не стѣсняло ея свободы? Въ Наполеонѣ поражаетъ насъ его грубый произволъ, непопулярное властолюбіе, его презрѣніе къ независимости народовъ и къ человѣческому достоинству: но развѣ папство было одушевляемо не такими же инстинктами? Развѣ самыя дорогія и заветныя стремленія націй имѣли какое-нибудь значеніе въ его глазахъ, какъ скоро шло дѣло объ его эгоистическихъ интересахъ? Развѣ не готово было оно, въ свою очередь, попираеть независимость и свободу и преслѣдовать цивилизацію, развѣ идеаломъ его не служить точно

также духовное и политическое порабощеніе человѣчества? Вѣдь и Наполеонъ на островѣ Св.Елены вызываетъ невольное участіе, которое замолкаетъ тотчасъ же при мысли какія бы еще сильнѣйшія бѣдствія и невзгоды причинилъ онъ міру, еслибы суждено было ему выполнить до конца свои замыслы. Точно также и судьба Ця VII оставляетъ насъ равнодушными, когда отъ изгнаннической его жизни обращаемся къ поздѣйшему періоду его торжества, къ этому мрачному времени реакціи, ознаменованному неустовою враждой къ разуму и свободѣ.

Е. ФЕОКТИСТОВЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ВѢНЫ ВЪ МОСКВУ

ВЪ 1655 ГОДУ

Во время первой войны между Польшею и Россіей за Малороссію, польскій король Янъ Казиміръ, находясь въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ ему въ одно время пришлось давать отпоръ Русскимъ, двигавшимся съ сѣверо-востока и занимавшимъ города Литовскаго Княжества почти безъ выстрѣла, и Шведамъ, напиравшимъ съ сѣверо-запада и успѣвшимъ овладѣть Варшавой вмѣстѣ съ Краковомъ, обратился къ германскому императору Фердинанду III съ просьбой о содѣйствіи къ заключенію мира съ Московскимъ дворомъ. Императоръ согласился принять на себя посредничество, и 27-го іюня (н. ст.) 1655 года отправилъ посольство въ Москву къ царю Алексѣю Михайловичу.

Это посольство составляли Алегретъ Алегретичъ и Теодоръ фонъ-Леонахъ со свитой изъ двадцати четырехъ особъ, въ числѣ коихъ находился дубровницкій дворянинъ Францискъ Гундуличъ, сынъ знаменитаго поэта и автора *Османиды*, дослужившійся до чина маршала въ австрійскихъ войскахъ. Онъ составилъ весьма интересныя записки о путешествіи посланниковъ изъ Вѣны въ Москву, о пребываніи ихъ въ Россіи и о переговорахъ между русскими и польскими полномочными; эти записки найдены недавно случайно между старыми бумагами библіотеки рагузскаго дворянина графа Бальда Басселья Гоцце и напечатаны въ рагузскомъ литературномъ сборникѣ *Dubrovník, Zabavnik Dubrovacke Narodne Stionice* за 1868 годъ. Онѣ написаны

по-итальянски, но текстъ испещренъ въ разныхъ мѣстахъ славянскими фразами, что объясняется привычкой Рагузинцевъ вмѣшивать въ итальянскую рѣчь славянскія слова и фразы, и наоборотъ, а также и желаніемъ автора скрыть смыслъ нѣкоторыхъ рѣзкихъ сужденій и отзывовъ насчетъ посланниковъ и другихъ предметовъ.

Рукопись на бумагѣ заключаетъ въ себѣ восемнадцать листовъ обыкновеннаго формата; письмо довольно аккуратное и четкое. Она не есть, впрочемъ, автографъ Гундулича, а копія, сдѣланная, по всей вѣроятности, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, что видно изъ пробѣловъ которые переписчикъ оставилъ на многихъ мѣстахъ текста, не разобравъ и не понявъ оригинала.

Записки напечатаны въ дубровницкомъ *Сборникѣ* не въ оригиналѣ, а въ сербскомъ переводѣ, и предлагаемый здѣсь русскій переводъ сдѣланъ съ печатнаго сербскаго текста.

К. ПЕТКОВИЧЪ.

Путевой дневникъ рагузскаго дворянина Франциска Гундулича, сопровождавшаго посольство германскаго императора Фердинанда III къ царю Алексію Михайловичу.

Изъ Вѣны мы выѣхали въ два часа пополудни, поѣхали на пути въ Штокау, четыре мили отъ Вѣны, дворецъ князя Пухамъ, старинное зданіе, украшенное великолѣпною живописью, ночевали въ Кутенштофъ, деревнѣ отстоящей отъ помянутаго дворца на три мили. На слѣдующее утро мы вступили въ Моравію, а къ обѣду пріѣхали въ Знаймъ и пошли слушать обѣдную въ іезуитской церкви. Ночевала въ Будювицѣ (Budweis) у полковника Виларія. На слѣдующій день мы прибыли въ Пирницъ, имѣніе князя Колаальто, который весьма учтиво пригласилъ насъ обѣдать къ себѣ въ замокъ. Ихъ два брата, настоящіе джентльмены. Предъ сумерками мы прибыли въ Иглау, чешскій городъ, довольно пространный, но мало населенный. На другой день имѣли обѣдъ въ Нѣмецкомъ Бродѣ, а ночлеги въ Янковѣ. Отъ Янкова мы повернули къ Шастѣ, оставивъ по лѣвую сторону Кутенбергъ, гдѣ имѣются рудники, и къ обѣду прибыли въ Колинъ: здѣсь мы осматривали источникъ Лабы (Эльбы), а ночевали въ Чешскомъ Бродѣ, городъ много пострадавшемъ въ прошлую войну со Шведами, подобно всѣмъ остальнымъ городамъ.

На слѣдующій день, въ субботу, въ полдень, мы пріѣхали въ Прагу и остановились въ гостиницѣ „Zum Wilden Mann“. Здѣсь, чрезъ посредство г. Алегретича, я имѣлъ честь представиться великому бурграфу князю Мартиничу, угостившему насъ прекраснымъ обѣдомъ, причемъ я познакомился также съ его младшимъ братомъ княземъ Максимилианомъ. Мы обѣдали также два раза у графа Колоредо, у котораго великолѣпный дворецъ съ замѣчательнымъ садомъ.

6-го іюня мы покинули Прагу, а къ ночи прибыли въ Бельморъ, разрушенный городъ въ трехъ миляхъ отъ Праги; на другой день пополудни были въ Ловершичѣ, а къ ночи прибыли въ Освѣкъ, гдѣ сѣли въ лодки и плыли по рѣкѣ Молдавъ и Эльбѣ до Дрездена, резиденціи саксонскаго герцога. Взглянь по Эльбѣ взоръ плѣняется видомъ разбросанныхъ всюду кругомъ замковъ, городковъ, великолѣпныхъ садовъ и богатыхъ деревень. Въ особенности поражаетъ взоръ путешественника замокъ Кенигштейнъ, построенный на вершинѣ каменистой и отвѣсной горы. Въ немъ

постоянно помѣщается гарнизонъ изъ 300 человекъ, и замокъ этотъ занимаетъ такое обширное пространство земли что жители могутъ пахать и имѣть хлѣбъ на два года; есть внутри ключевая вода и роща. Саксонскій герцогъ держитъ въ этомъ замкѣ свою казну, а солдаты гарнизона живутъ вмѣстѣ со своими семействами и хозяйствомъ, такъ какъ для каждаго изъ нихъ назначено особое мѣсто пребыванія, и никто не можетъ выходить изъ стѣнъ замка. Дрезденъ, весьма красивый и укрепленный городъ, разделенъ на двѣ части рѣкою Эльбой, чрезъ которую перекинута великолѣпная каменная мостъ. Мы сдѣлали визитъ герцогу; онъ, вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ, принялъ насъ весьма ласково и удержалъ у себя обѣдать. Мы просидѣли за столомъ отъ 3-хъ до 9-ти часовъ, въ продолженіи которыхъ подано было шестьдесятъ различныхъ блюдъ. Герцогъ отвѣдалъ всѣхъ блюдъ и прикладывался къ кубкамъ съ виномъ девятнадцать разъ, а три раза засыпалъ за столомъ, — дѣло странное и невѣроятное для старика которому болѣе восьмидесяти лѣтъ. Я довелъ бы себя до весьма сквернаго положенія, еслибы не догадался пить воду, и всѣ гости, ваявшіеся подъ столомъ отъ пьянства, удивлялись, видя меня трезвымъ. Герцогъ отправилъ насъ обратно въ своей каретѣ, запряженной шестерней, и мы вернулись домой въ веселомъ расположеніи духа. На другой день послѣ обѣда мы наняли лодку, помѣстившись въ ней весьма удобно и продолжали свой путь къ Гамбургу, плывя внизъ по Эльбѣ, но для ночлега приставали всякій разъ къ берегу. Первую ночь провели въ Мейсенѣ, городъ замѣчательномъ громадною церковью построенною женою императора Оттона. Въ трехъ миляхъ далѣе, на правомъ берегу Эльбы, лежитъ городъ Мюльбергъ, оставшійся неразореннымъ во время послѣдней нѣмецкой войны, по той причинѣ что въ немъ женщины, всѣ безъ исключенія, отличаются легкимъ поведениемъ. Въ трехъ миляхъ далѣе отъ Мюльберга, у самаго берега, лежитъ городъ Торганъ, въ которомъ мы замѣтили обширный царскій дворецъ. А еще на три мили далѣе показывается городъ Виттенбергъ, извѣстный какъ своимъ университетомъ, такъ и гробницей Мартина Лютера, которую я видѣлъ въ большой церкви. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ женщины чрезвычайно красивы и одѣваются богато и со вкусомъ.

Затѣмъ на пути я видѣлъ Окенъ, Барби, Бернбургъ, Шим-

пакъ и Шальцъ, гдѣ добывается соль; все это небольшіе и разрушенныя города.

Вслѣдъ затѣмъ мы прибыли въ Дѣвинъ (Магдебургъ), одинъ изъ знаменитѣйшихъ имперскихъ городовъ и резиденцію императора Оттона. Во время послѣдней войны онъ былъ взятъ приступомъ генераломъ Тилли и разрушенъ до основанія, такъ что никакое живое существо не спаслось оттуда. Сохранился въ цѣлости только громадный соборъ, заключающій въ себѣ много замѣчательныхъ вещей, между прочимъ трапезу главнаго алтаря, которая вся изъ одного куска мрамора, длиною 21 и шириною 10 мочъ падеи. Въ этомъ соборѣ находится также гробница императора Оттона изъ прекраснаго бѣлаго мрамора; золото же, украшавшее ее, а равно и всѣ церковныя сокровища были расхищены солдатами. Находятся тутъ еще другіе бронзовые монументы, весьма искусно отлитыя, съ надписями.

Предъ главнымъ алтаремъ стоитъ большой, круглый, бѣлый камень, на которомъ отрѣзали голову епископа Удона; на немъ еще замѣтны слѣды крови, которыхъ, какъ бы въ укоръ злодѣямъ, никакъ нельзя стереть. Здѣсь намъ показывали лѣсенку, уже гнилую, о которой есть преданіе что она служила Жидамъ, когда они распинали нашего Спасителя, и которую императоръ Оттонъ привезъ съ собою, возвращаясь изъ Иерусалима. Однакомъ не много дорожатъ этою древностью, ибо позволяли намъ отламывать отъ нея куски, сколько намъ было угодно, чтѣ, впрочемъ, вовсе неудивительно, такъ какъ жители совершенно равнодушны къ церковнымъ вещамъ. Осмотрѣвъ этотъ городъ, мы продолжали далѣе свое путешествіе, переночевали въ какой-то деревнѣ, откуда на другой день къ полудню прибыли въ Лауенбургъ, а отсюда на слѣдующее утро въ Гамбургъ, пройдя благополучно путь отъ Дрездена, 72 мили, въ восемь дней.

Въ Гамбургѣ мы пробыли пять дней, чтобъ изготовить себѣ и нашей свитѣ необходимую одежду. Гамбургъ—вольный городъ, большой, красивый и хорошо населенный. Въ немъ пребываетъ больше купцовъ чѣмъ во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ, а потому и славится онъ своимъ богатствомъ, вслѣдствіе чего жители, гордые, высокомерные, запрашиваютъ страшныя цѣны за свои товары. По причинѣ большой и выгодной торговли собралось здѣсь такое множество Жидовъ изъ Португаліи, какого не видно ни въ одномъ приморскомъ

городѣ. Въ гостиницахъ грабятъ немилосердно, въ особенности иностранцевъ. Городъ укрѣпленъ и окруженъ каналомъ. Онъ часто подвергается наводненіямъ, причиняющимъ ему значительные убытки.

Зданія древней архитектуры, какъ будто бы изъ стекла, на подобіе старинныхъ церквей; въ гостиныхъ, какъ лучшее украшеніе, держатъ множество мѣдной посуды и подсвѣчниковъ изъ латуни и олова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на подобіе Венеціи, пересекаютъ городъ каналы, а дома построены на сваяхъ и кажутся какъ будто висятъ на воздухѣ. Городъ отстоитъ отъ моря на 28 миль, соединяется съ нимъ Эльбой, по которой поднимаются корабли въ 1.000 таловъ. Въ гавани, простирающейся до середины города, я насчиталъ до 150 такихъ большихъ кораблей, а меньшимъ и числа нѣтъ. Эти суда большею частию приходятъ изъ Голландіи, Бельгіи, Португаліи, Даніи, Норвегіи, Швеціи и изъ всѣхъ приморскихъ городовъ и крѣпостей Балтійскаго моря. Окрестности Гамбурга представляютъ землю весьма плодородную, хорошо обработанную и украшенную прекрасными садами.

Городской сенатъ прислалъ къ намъ съ привѣтствіемъ троихъ изъ своихъ старѣйшинъ, которые поднесли намъ въ даръ боченокъ рейнскаго вина, боченокъ пива, одну стерлядь въ 80 фунтовъ, одну семгу въ 40 фунтовъ, четыре барана и одну корову, и все это въ знакъ своей преданности и любви къ особѣ императора.

Отъ Гамбурга до Любека считается 10 миль сухимъ путемъ, которыя мы проѣхали въ одинъ день. Здѣсь встрѣтилъ насъ съ двумя экипажами императорскій посланникъ, Фридрихъ Бремсенъ, человекъ съ отличными образованіемъ. Пробывъ въ Любекѣ восемь дней, мы имѣли случай осмотрѣть его подробно. Городъ имѣетъ прекрасное мѣстоположеніе, и на сколько превосходитъ Гамбургъ въ отношеніи зданій, доброты и вѣжливости своихъ жителей, на столько уступаетъ ему въ торговлѣ, числѣ жителей и богатствѣ. Женщины въ обоихъ этихъ городахъ носятъ большія соломенные шляпы на подобіе зонтиковъ, поля которыхъ спускаются имъ на плеча и закрываютъ лица, что кажется весьма безобразно на видъ, но ихъ платья довольно удобны и красивы. Здѣсь Жидовъ не такъ жалуютъ какъ въ Гамбургѣ. Есть нѣсколько красивыхъ церквей, съ рѣдкими образами. Въ соборной церкви, въ одной часовнѣ, налѣво отъ главнаго

агара, особенно бращаетъ на себя вниманіе Распятіе, но неизвѣстно чье это произведеніе. Здѣсь церкви, хотя и въ рукахъ лютеранъ, содержатся въ чистотѣ и порядкѣ, тогда какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ лютеранскіе храмы (грязные и запущенные) похожи на воровскіе притоны.

Покончивъ здѣсь свои дѣла, мы погрузили на судно свои вещи и свиту, а сами отправились до Травемунда сухимъ путемъ, такъ какъ эта дорога короче на три мили. Въ Травемундѣ мы пробыли шесть дней въ ожиданіи хорошей погоды, и наконецъ, въ воскресенье 1-го августа, при довольно свѣжемъ западномъ вѣтрѣ, снялись съ якоря и поплыли къ Ревелю, куда прибыли послѣ шестидневнаго плаванія, пройдя 250 миль, потому что, благодаря Бога, имѣли постоянно попутный вѣтеръ. Во время нашего плаванія мы замѣтили много отъ насъ нѣсколько острововъ, берега Швеціи и ея столицу Стокгольмъ.

Зимой это море замерзаетъ, и можно по немъ ѣздить въ саняхъ. Двѣ ночи я провелъ безъ сна, чтобы любоваться необыкновенною краткостью тамошнихъ лѣтнихъ ночей, и замѣтилъ что съ заката до восхода солнца только четыре часа, а считая утреннюю и вечернюю зарю, можно сказать что лѣтомъ тамъ вовсе нѣтъ ночей. Зимой же, напротивъ, дни коротки столько, сколько ночи лѣтомъ. Нужно замѣтить что это море отъ Ревеля дальше къ востоку прѣсное, что, по моему мнѣнію, происходитъ отъ того что въ него вливается большое число рѣкъ.

Прибывъ въ ревельскую гавань, мы тотчасъ отправили своего дворецкаго со шведскими паспортами къ городскому коменданту, чтобы получить позволеніе выйти на берегъ. Комендантомъ Ревеля былъ какой-то Тиролецъ, по имени „Prince de la Tour“; онъ прислалъ къ намъ своего секретаря и свою карету, но г. Алегретичъ не принялъ присланной кареты, и мы отправились въ гостиницу въ наемномъ экипажѣ. Здѣсь мы приняли визиты нѣкоторыхъ почетныхъ гражданъ; комендантъ же воздерживался до самаго нашего выѣзда, претендуя чтобы мы первые посѣтили его, чего впрочемъ мы не сдѣлали, и онъ былъ вынужденъ привѣтствовать насъ первый и пріѣхалъ въ парадной формѣ, сопровождаемый двадцатью всадниками. Въ тотъ самый день, день нашего выѣзда, мы отдали ему визитъ. Онъ принялъ насъ съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи всѣхъ гражданъ, изъ

коихъ многіе были на лошадяхъ, при звукѣ трубъ и литавровъ, съ распущенными знаменами и пушечными выстрѣлами. А за версту отъ города провожали насъ всѣ конные граждане. Такимъ образомъ мы продолжали свой путь въ семнадцати экипажахъ къ Нарвѣ, отстоящей отъ Ревеля на 30 миль; дорога ровная и хорошая, вдоль которой ничто не привлекаетъ вниманія путешественника, и ничего не видно кромѣ кое-какихъ деревенскихъ хижинъ, называемыхъ намѣстномъ языкѣ „кове“.

Языкъ здѣшняго народа не имѣетъ ничего сроднаго съ другими языками, только нѣкоторыми звуками, и то весьма слабо, напоминаетъ нѣмецкій; большая часть жителей язычники и боготворятъ солнце, деревья и скалы. Женщины одѣты весьма странно; онѣ похожи на Индіанокъ; а дѣвцы носятъ косу, какъ у насъ (въ Рязскомъ округѣ) мужчины, ихъ поясы украшены кольцами и колокольчиками изъ латуни, которые издаютъ звонъ при движеніи. На плечахъ (сверхъ рубахи), въ видѣ плаща, носятъ кусокъ бѣлаго полотна, спускающійся ниже груди; этотъ народъ чрезвычайно бѣденъ.

Въ воскресенье утромъ мы пріѣхали въ Нарву, пообедали, а къ тремъ часамъ ночи прибыли въ Ямъ (Ямбургъ), гдѣ намъ нужно было провести девять дней въ ожиданіи инструкцій отъ новгородскаго коменданта. Ямбургъ—небольшой городокъ изъ 60 домовъ. Въ немъ стоитъ эскадронъ кавалеріи, носящій имя находившагося тогда тамъ полковника, который держитъ въ своей конюшнѣ 50 отличныхъ лошадей. Здѣсь нѣтъ ничего замѣчательнаго кромѣ того что женщины два раза въ недѣлю ходятъ въ баню совершенно голыя, иногда прикрываясь зеленымъ хвоемъ.

Послѣ девяти-дневнаго ожиданія, мы пустились въ дальнѣйшій путь и въ семь дней прибыли въ Нѣшикъ по рѣкѣ Лугѣ на трехъ лодкахъ, такъ какъ вода была низкая. Рѣка Луга изобилуетъ отличною рыбой всѣхъ сортовъ. Здѣсь въ первый разъ насъ встрѣтили русскіе чиновники.

Одинъ царскій комиссаръ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу съ 50 солдатами на лошадяхъ и, по обмѣнѣ обычныхъ привѣтствій и учтивостей, мы продолжали свой путь къ Новой Русси, мы трое въ каретахъ, а всѣ прочіе верхами. Въ Новой Русси есть соленое озеро трехъ миль въ окружности; жители варятъ эту воду и добываютъ изъ нея отличную бѣлую соль. Въ субботу утромъ мы оставили Новую Русь, поѣхали на восьми лодкахъ и, имѣя хорошій попутный

вѣтеръ, прибыли въ Новгородъ въ 6 часовъ пополудни; но въ тотъ вечеръ не дозволили намъ войти въ городъ. На слѣдующее утро, когда мы вышли на берегъ, приступилъ къ намъ намѣстникъ городского начальника и, послѣ обычныхъ привѣтствій, предложилъ намъ пять лошадей, на которыхъ мы дошли до назначенной намъ квартиры въ сопровожденіи 2.000 человѣкъ въ военномъ парадѣ.

Нужно замѣтить здѣсь что съ нашего прибытія въ Нѣшкѣ русское правительство начало содержать насъ на свой счетъ, доставляя намъ всякій день въ достаточномъ количествѣ говядину, домашнюю птицу, вино, пиво, водку и пр.

Этотъ городъ Русскіе называютъ Великимъ Новгородомъ; на самомъ же дѣлѣ это не что иное какъ обширный городъ съ деревянными плохими постройками, за исключеніемъ одной части, окруженной стѣною, въ окружности четырехъ итальянскихъ миль, и которую называютъ Каменградъ (Кремль), куда иностранцамъ входъ запрещенъ.

Въ Новгородѣ больше 300 церквей и 170 монастырей мужскихъ и женскихъ. Городъ дѣлится на три части: восточную, гдѣ мы имѣли свое пребываніе, и западную, подразделяющуюся на двѣ части, то-есть Каменградъ и его предмѣстье, составляющее третью часть; между этими двумя частями протекаетъ рѣка, которая придаетъ особенную красоту этой мѣстности, а особенно Кремлю, возвышающемуся надъ всѣмъ городомъ. На западъ тянется озеро, по направленію къ морю, кругомъ необозримая равнина, однимъ словомъ, мѣстоположеніе очаровательное. Здѣсь такъ много лягушекъ, что почти въ каждомъ домѣ держатъ ихъ до 200, двѣа ихъ ручными, и убивать ихъ считаютъ несчастіемъ. Находится здѣсь также множество большихъ пауковъ, которыхъ жители считаютъ зловредными, такъ что никто не смѣетъ ни убивать ихъ, ни прикасаться къ нимъ. Исключая городского начальника и нѣсколькихъ царскихъ купцовъ, другихъ важныхъ особъ здѣсь нѣтъ. Это мѣсто лишено всякой промышленности, но плодородно и изобилуетъ всякаго рода хлѣбомъ, домашнею и дѣсною птицей, а въ особенности рыбой.

Въ продолженіе іюня, іюля и августа жары бываютъ здѣсь невыносимыя, и за это время успѣваютъ созрѣвать всякаго сорта плоды; здѣсь много дынь, грушъ, яблоковъ и вишенъ. Съ начала сентября по 15-е октября погода бываетъ тихая, но

большую частію дождливаа, а съ октября до мая холодъ жестокій, и замерзають озера и рѣки. Достоинно замѣчанія что отъ Новгорода на разстояніи двухъ миль вода не только не замерзаетъ зимой, но даже кое-гдѣ видно теченіе, и въ это время бываетъ въ ней болышой уловъ рыбы. При наступленіи весны, отъ таянія снѣга и льда, земля, будучи ровною, покрывается водой, и жители принуждены ѣздить на лодкахъ, а зимой на саняхъ.

Осужденнаго къ повѣшенію ведутъ не связаннымъ, и всякій при встрѣчѣ съ нимъ даетъ ему восковыя свѣчи, которыя онъ несетъ въ рукахъ до мѣста казни, гдѣ палачъ обматываетъ ему вокругъ шеи одинъ конецъ веревки, а другою конецъ перебрасываетъ черезъ верхнюю перекладину и безъ помощи лѣстницъ самъ поднимаетъ его руками. Здѣсь господствуетъ еще обычай, который между образованными народами даль бы поводъ думать что заключаетъ въ себѣ какую-нибудь политическую цѣль, а именно, чиновники, чуть ли не всякій день, вызываютъ гражданъ и бьются съ ними на кулакахъ, какъ это дѣлають въ Венеціи Castelani и Niccoloti. Всѣ жители Новгорода принадлежать къ восточному вѣроисповѣданію. 16-го сентября мы выѣхали изъ Новгорода на шести лодкахъ... * а 17-го октября прибыли въ Москву. 14-го, въ четвергъ, мы остановились въ домѣ боярина князя Черкаскаго, гдѣ пробыли до воскресенья, а въ этотъ день въѣхали торжественно въ столицу. На полмилю за городомъ выѣхали къ намъ на встрѣчу два царскіе комиссара со множествомъ народа и съ 2500 всадниками, прекрасно одѣтыми, большая часть которыхъ состояла изъ придворныхъ вельможъ, при звукѣ трубъ и литавръ. Прежде всего приступилъ къ намъ царскій оберъ-штабмейстеръ съ 30 лошадьми, изъ коихъ три, въ богатой сбруѣ, были назначены для насъ, а изъ нихъ отличалась особенно богатымъ убранствомъ та которая предназначалась для г. Алгретича; за тѣмъ приблизились царскіе комиссары въ богатѣйшихъ костюмахъ и на прекрасныхъ лошадяхъ: они привѣтствовали насъ отъ имени царя съ обычною имъ въживостію. Здѣсь произошелъ между нами споръ объ этикетѣ: кому прежде слѣзть съ лошади, имъ или намъ,—споръ продолжавшійся цѣлые два часа. Наконецъ, вида нашу неуступчивость, они первые слѣзли съ лошадей.

* Въ этомъ мѣстѣ рукописи есть пробыль.

Тогда комиссары, согласно ихъ обычаю, прочитали намъ царское привѣтствіе. Послѣ чего мы сѣли на лошадей и подъ проливнымъ дождемъ въѣхали въ городъ и отправились вмѣстѣ съ комиссарами въ домъ назначенный для нашего пребыванія. Этотъ домъ, построенный на сводахъ, лежитъ въ Китай-городѣ, недалеко отъ Кремля, въ которомъ помѣщается царскій дворъ.

Все время, вплоть до нашего представленія царю, мы оставались дома, какъ бы въ тюрьмѣ, не смѣя видѣться и говорить ни съ кѣмъ: царь не возвращался еще съ войны. На третій день послѣ нашего прѣзда переѣзжали нашихъ комиссаровъ, и мы никакъ не могли открыть причину этого поступка. Одинъ изъ нихъ былъ бояринъ по имени Василій Шинювичъ, человекъ пріятный и добрый; а другой Шведъ, въ качествѣ переводчика, лѣтъ 30, человекъ съ прекрасными манерами. Хотя мы и не нуждались въ переводчикѣ, однако этотъ Шведъ часто съ нами обѣдалъ, и мы воспользовались этимъ случаемъ чтобъ узнать чрезъ него многое какъ о Москвѣ, такъ и вообще о Русской державѣ. Между прочимъ онъ намъ сообщилъ что въ годъ можно доѣхать до того края, гдѣ ловятъ и бьютъ соболей, черныхъ лисицъ и другихъ животныхъ съ драгоценными мѣхами, тогда какъ Москвичи, напротивъ, увѣрили насъ будто на это нужно употребить шесть лѣтъ. Эта страна называется Сибирью, откуда купцы, ѣдущіе за мѣхами, возвращаются обыкновенно къ Рождеству. Онъ намъ сообщилъ также что года два тому назадъ Русскіе открыли въ Сибири какой-то народъ, находящійся на довольно высокой степи образованія, обитающій въ красивыхъ и удобныхъ домахъ и носящій красивую одежду; но не успѣли еще уразумѣть его языкъ и узнать его вѣроисповѣданіе. Въ Сибири живутъ также Самоѣды, народъ похожій больше на звѣрей чѣмъ на людей; они язычники и поклоняются деревьямъ, скаламъ и даже воловьимъ козамъ. Питаются рыбой, мясомъ въ сыромъ видѣ и спятъ на снѣгу. Всѣ они подданные царя, и многіе изъ нихъ живутъ въ Москвѣ.

19-го декабря царь прибылъ въ одинъ монастырь, находящійся въ трехъ миляхъ отъ Москвы, а на слѣдующій день имѣлъ торжественный въездъ въ столицу. Онъ завернулъ по дорогѣ въ монастырь, чтобы провести (?) тамъ праздникъ Св. Николая, котораго въ Россіи весьма уважаютъ.

Итакъ, 20-го декабря долженъ былъ совершиться торжественный въездъ царя въ Москву, и намъ, по особой милости царя, позволено быть его зрителями: мы помѣстились на ружейный выстрѣлъ отъ того мѣста гдѣ должна была происходить эта процессія.

Все почти народонаселеніе Москвы высыпало въ поле. Поставили на позицію 50 пушекъ для салюта. Въ полдень отъ города вышли поклониться царю туземные и иностранные купцы съ подарками. Изъ гражданъ, бѣдные поднесли ему хлѣбъ-соль, а богатые—серебряные кубки, соборей, бархатъ, сукно, шелковыя матеріи и т. д., все цѣной около 50.000 талеровъ. Царь приказалъ нести эти дары предъ собою чтобы всѣ могли видѣть ихъ. Онъ всѣхъ благодарилъ за поднесенные подарки, давалъ имъ цѣловать руку и назначилъ день когда они должны придти къ нему обѣдать. Такъ встрѣчаютъ царя всякій разъ когда онъ возвращается изъ похода.

У воротъ Кремля, чрезъ которыя царю предстояло проходить, стояли большіе сосуды со святою водою для крошенія ея, а кругомъ все было устлано зеленымъ сукномъ. Патриархъ встрѣтилъ его съ духовенствомъ, въ полномъ облаченіи, со святыми образами и хоругвями. Поровнявшись съ царемъ, патриархъ прочиталъ ему молитву и надѣлъ ему на голову корону. Затѣмъ было пропѣто нѣсколько гимновъ, и патриархъ снялъ корону съ головы царя. Въ эту минуту царь началъ что-то шептать на ухо патриарху, и мы говорили что онъ предъ нимъ исповѣдывался. Послѣ этого процессія двинулась далѣе, при пѣніи разныхъ церковныхъ гимновъ, а царь шелъ за нею пѣшкомъ, съ открытою головою, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ двумя боярами. Мы дивились такому смиренію и такой рабской покорности царя, шедшаго съ непокрытою головою при страшномъ морозѣ. Приблизившись къ мѣсту, гдѣ мы стояли, царь приказалъ, довольно громко, чтобы мы слышали, спросить о здоровьѣ имперскихъ посланниковъ. Такое отличіе было принято всѣми присутствовавшими за особенную намъ оказанную честь, потому что прежде ни съ какими другими посланниками этого не дѣлалось, и даже не позволялось имъ смотрѣть на царскій въездъ въ Москву. Слѣдуя царскому примѣру, патриархъ тоже посмотрѣлъ на насъ благосклонно и благословилъ насъ. За царемъ вели чудную лошадь, запряженную въ богатые санн,

открытыя полостью съ золотыми украшеніями; а предъ нами шли 3.000 мушкетеровъ и ѣхали 500 всадниковъ, похотѣвшихъ на нашихъ драгунъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ подарковъ, вели предъ царемъ еще 50 прекрасныхъ лошадей, изъ коихъ шесть были подарены ему княземъ Еленштейномъ, а шесть датскимъ королемъ. Въ царской свитѣ шло множество бояръ въ великолѣпныхъ платьяхъ. Самъ же онъ былъ одѣтъ въ бѣлую шелковую одежду, подбитую сибирскимъ лисьимъ мѣхомъ: онъ прекрасенъ на видъ, двадцати восьми лѣтъ, хорошо сложенъ и роста выше средняго. Прежде чѣмъ войти въ крѣпость, царь останавливался подъ навѣсомъ, пока духовенство пропѣло *Тебе Бога явили*, при звукѣ трубъ, барабановъ и пр.

Изъ всего этого замѣчательнаго торжества, меня больше всего поразили рѣдкое смиреніе и набожность этого могущественнаго царя. По окончаніи торжества, мы вернулись домой въ саняхъ, вмѣстѣ съ нашими комиссарами, довольные случаемъ позволившимъ намъ посмотреть на необыкновенныя и невиданныя нами дотола вещи и обычаи, хотя при этомъ намъ пришлось потерпѣть немало отъ жестокаго мороза.

21-го декабря, въ день Св. апостола Ѳомы, комиссары въ первый разъ сѣли съ нами за столъ, что они сдѣлали, я думаю, не безъ приказанія его величества. Когда немного поразгорячились, начали пить здравицы царя, цезаря и ихъ семействъ, а также за патріарха и другихъ вельможъ и сановниковъ. Въ разговорѣ одинъ изъ комиссаровъ сообщилъ намъ о томъ какъ царь освѣдомился о нашемъ здоровьѣ и какъ онъ, узнавъ что г. Алгретичъ родомъ Славянинъ, весьма обрадовался, и было ему пріятно слышать что онъ будетъ въ состояніи говорить съ нимъ безъ переводчика, на славянскомъ языкѣ. При этомъ комиссаръ, человекъ умный, замѣтилъ что всѣ державы поступали бы благоразумно еслибы заботились выбирать въ посланники людей знающихъ языкъ того народа къ которому посылаются, потому что не всегда можно полагаться на переводчиковъ, особенно въ важныхъ и деликатныхъ дѣлахъ. Понимая другъ друга, мы могли пускаться въ дружественныя и разные разговоры, а это обстоятельство, что касается дѣла нашего посольства, было чрезвычайно полезно какъ имъ, такъ и намъ. Съ другими же посланниками, не знавшими русскаго языка и

хотѣвшими употреблать переводчиковъ, Русскіе не соглашались вести переговоры, говоря имъ: „Еслибы вы знали по-славянски, мы вели бы съ вами переговоры, но такъ какъ вы не знаете, то подождите пока выучитесь.“

25-го декабря, въ день Рождества Христова, въ субботу, мы имѣли первую аудіенцію у царя, о чемъ были извѣщены за три дня ранѣе, чрезъ одного боярина. Въ эти три дня мы вели переговоры о царскомъ титулѣ, и было рѣшено, послѣ долгихъ преній, что назовемъ царя „великимъ княземъ“, какъ было написано въ письмѣ цезаря къ нему. Прежде всего представлены были подарки привезенные нами отъ императора: два золотыя блюда цѣною въ 1.000 гульденовъ, три куска шелковой матеріи, часы вмѣстѣ съ зеркаломъ, шелковое бѣлое одѣяло, вышитое золотомъ, все вмѣстѣ цѣной въ 3.000 гульденовъ. Отправляясь на аудіенцію, мы узнали что намъ не позволено имѣть при себѣ шпаги дальше двора; этому распоряженію мы долго противились, но напрасно. Намъ прислали двое саней, покрытыхъ дорогами полостями, однѣ для двухъ посланниковъ, а другія для меня; для свиты же привели лошадей. Отъ нашей квартиры до царскаго дворца стояли въ два ряда мушкетеры, на разстояніи одной милы, съ знаменемъ и барабанами.

Подѣхавъ ко дворцу, мы нашли тамъ множество солдатъ, а пространство до первой комнаты было занято людьми въ богатыхъ костюмахъ. Когда мы вошли въ первую комнату, подошли къ намъ два боярина и привѣтствовали насъ отъ имени царя. Эта комната была завалена платьемъ, подбитымъ драгоценными сибирскими мѣхами. У дверей залы, гдѣ царь насъ ожидаетъ, встрѣтили насъ два боярина и ввели во внутрь. Эта зала была наполнена боярами. Дойдя до половины залы, насъ остановили у столба, возвышающагося на самой серединѣ, откуда мы сдѣлали поклонъ царю, сидѣвшему на тронѣ въ царскомъ облаченіи, со скипетромъ въ рукѣ и съ короной на головѣ. Его одежда была вся унизана жемчугомъ, золотомъ и драгоценными камнями, тронъ весь позолоченный, подножіе и всѣ столбы покрыты серебряными бляхами, а полъ залы былъ устланъ дорогами персидскими коврами. У трона стояли четыре человѣка, по два съ каждой стороны, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ большими бѣлыми шапками на головахъ и съ золотыми асабардами въ рукахъ. Немного ближе къ трону стояли, съ одной стороны, тесть

царя съ державнымъ яблокомъ въ рукѣ, а съ другою, оди́нъ изъ первыхъ бояръ съ жезломъ въ рукѣ.

Когда мы сдѣлали поклонъ царю, великій канцлеръ сказалъ: „Римскій императоръ Фердинандъ III, твой дорогой и возлюбленный братъ, прислалъ этихъ своихъ посланниковъ....“ * Затѣмъ нашъ первый посланникъ привѣтствовалъ царя отъ имени императора по-нѣмецки. При этомъ царь всталъ, благодарилъ за дружбу къ нему императора, спросилъ о здоровьи „своего дорогаго и возлюбленнаго брата императора“, а также и о нашемъ здоровьи. Послѣ сего мы всѣ подошли и поцѣловали его руку. Великій же канцлеръ прочиталъ списокъ привезенныхъ нами подарковъ, которые царь тотчасъ приказалъ выставить предъ собою. Наконецъ, царь спросилъ посланниковъ, имѣютъ ли они что говорить. Они отвѣчали что имѣли бы говорить съ нимъ секретно, на что царь замѣтилъ что ихъ желаніе будетъ въ свое время удовлетворено. Этимъ наша аудиенція окончилась, мы поклонились царю и вернулись на свою квартиру прежнимъ порядкомъ.

Спустя часъ царь прислалъ намъ изъ своего дворца обѣдъ, причемъ также особую тарелку, вилку и ножъ для г. Агретича. Такъ какъ былъ день постный для нихъ, то обѣдъ состоялъ изъ превосходной рыбы, приготовленной на ихъ манеръ. Такъ окончилась первая наша аудиенція.

На другой день къ ночи пришелъ къ намъ великій канцлеръ и имѣлъ секретный разговоръ съ посланниками; онъ часто приходилъ къ намъ для подобныхъ разговоровъ. 27-го декабря мы были другой разъ у царя, и онъ насъ принялъ въ другой залъ, гораздо меньше той въ которой мы имѣли нашу первую аудиенцію, а потому мы могли лучше разглядѣть его. У него лицо бѣлое, румяное, волосы русые, носъ вздернутый, онъ живаго, веселаго характера, исполненъ величія, однимъ словомъ, красивый мужчина. Въ этотъ разъ мы застали у царя опять множество бояръ. По окончаніи обычныхъ привѣтствій, наши посланники выразили царю благодарность за посланный имъ обѣдъ. Затѣмъ онъ объявилъ намъ чрезъ великаго канцлера что избралъ четырехъ бояръ которые вмѣстѣ съ канцлеромъ будутъ вести переговоры съ нашими посланниками, за что они выразили свою благодарность.

* Здѣсь въ рукописи есть пробыль.

Послѣ этого отвели насъ въ другую комнату, гдѣ мы нашли означенныхъ четырехъ бояръ и тутъ же приступили къ переговорамъ съ великимъ канцлеромъ, продолжавшимся три часа, послѣ чего насъ отвезли домой; такъ окончилось и второе засѣданіе. 29-го декабря было третье засѣданіе, а 30-го—четвертое. 3-го января 1656 года было шестое собраніе, за которымъ слѣдовало еще нѣсколько другихъ. 8-го числа того же мѣсяца полномочные опять собрались, и такъ какъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ согласились, то обѣ стороны рѣшили отправить къ императору нарочныхъ чтобъ извѣстить его о достигнутыхъ результатахъ: наши избрали прапорщика Николая Минчетича, Венгерца, а они одного дьяка, которые, въ сопровожденіи трехъ слугителей, отправились въ Вѣну 18-го января.

28-го января шведскіе посланники представлялись царю и при этомъ подносили ему отъ своего короля разные подарки, цѣной въ 15.000 гульденовъ. (Это были серебряныя позолоченныя вещи, а несли ихъ на рукахъ 60 человѣкъ.)

Еще съ 28-го прошлаго декабря я началъ чувствовать себя не совсѣмъ хорошо, но все какъ-то крѣпился до 18-го января, а въ этотъ день былъ принужденъ лечь въ постель. Черезъ десять дней только я могъ выпросить медика, какого-то Нѣнца Германа, человѣка способнаго и веселаго. Въ день же нашего славнаго патрона Св. Власія, я всталъ съ постели, а въ половинѣ марта совсѣмъ выдоровѣлъ.

9-го апрѣля было Вербное Воскресеніе, день, который Русскіе празднуютъ съ особеннымъ торжествомъ. Считаю не лишнимъ описать здѣсь это правдство.

Божественная служба начинается крестнымъ ходомъ, въ которомъ принимаютъ участіе царь со своимъ дворомъ и патриархъ съ духовенствомъ. Крестный ходъ направляется къ церкви называемой „Іерусалимскою“, по выходѣ изъ которой останавливается подъ однимъ навѣсомъ, и тамъ патриархъ прежде всего даетъ царю свое благословеніе, а потомъ приступаетъ къ совершенію предписанныхъ на этотъ день обрядовъ, продолжающихся цѣлые два часа; потомъ патриархъ раздаетъ священныя пальмы сначала царю, а за нимъ боярамъ, всѣмъ по старшинству.

Затѣмъ патриархъ садится на осла, котораго царь, идя пѣшкомъ, ведетъ за узду; царю предшествуетъ дружина солдатъ, постилающая ему подъ ноги куски пестрой матеріи, а

предъ солдатами тавуть колесницу, на которой воткнута гѣть, увязанная яблоками и другими мелочами, а вокруг колесницы идетъ толпа поющихъ мальчиковъ. Такимъ образомъ процессія возвращается въ царскій дворець. И при этомъ случаѣ намъ дали позволеніе смотрѣть на празднество, чего напрасно домогались шведскіе посланники. Въ Великую Субботу прибылъ въ Москву посланникъ отъ Польскаго короля, по имени Петръ Раленскій, со свитой изъ 30 человекъ. На четвертый день было дозволено ему представиться царю, насъ же онъ посѣтилъ только тогда, когда откланялся царю, и то не безъ предварительныхъ переговоровъ. Прощаясь съ г. Алегретичемъ, онъ вручилъ ему два письма, одно отъ польскаго короля, а другое отъ польскаго великаго канцлера, и отправился на свою квартиру, отстоящую отъ нашей на добрую италянскую милю.

1-го мая пришелъ къ намъ великій канцлеръ и объявилъ отъ имени его величества, что, такъ какъ не вернулись еще изъ Вѣны ни нашъ прапорщикъ Минчичъ, ни ихъ курьеръ, а его величество долженъ ѣхать въ Смоленскъ, то чтобъ и мы тоже приготовились въ дорогу и вернулись къ императору, не имѣя здѣсь больше никакого дѣла; до нашего же выѣзда царь звалъ насъ къ себѣ обѣдать. На это г. Алегретичъ отвѣтилъ: „Мы не прочь уѣхать, но не можемъ удалиться отсюда прежде чѣмъ вернутся люди посланные нами къ императору.“ Вслѣдствіе этого отвѣта царь созывалъ совѣтъ, а на шестой день, чрезъ того же великаго канцлера, объявилъ намъ что мы должны ѣхать, окончивъ дѣла для которыхъ были посланы; въ случаѣ же если на дорогѣ получимъ отъ императора какой-нибудь отвѣтъ, то можемъ опять вернуться. Мы напрасно противились, сколько могли; были принуждены ѣхать. Напрасно также мы просили позволенія ѣхать чрезъ Смоленскъ: намъ указали на дорогу чрезъ Новгородъ и Ригу.

14-го мая мы отправились на царскій обѣдъ, на который были приглашены всѣ бояре и придворные. Прежде всего насъ ввели въ залу, гдѣ мы застали царя сидящаго на тронѣ и поклонились ему; затѣмъ перешли въ другую залу, гдѣ заставили насъ ждать цѣлые три часа. Наконецъ повели насъ въ ту самую залу въ которой мы имѣли нашу первую аудіенцію, самую лучшую въ царскомъ дворцѣ. Здѣсь мы увидѣли царя на тронѣ, а предъ нимъ накрытый столъ, за

которымъ онъ самъ сидѣлъ и который возвышался четырьмя ступенями надъ прочими столами, разставленными вокругъ. По правую сторону отъ царя, за особеннымъ столомъ сидѣли сынъ царя...*, прекрасный 15-ти-лѣтній юноша, и царевичи сибирскій и татарскій, которые не заслуживали даже быть слугами помянутаго королевича. По лѣвую сторону былъ третій столъ, за которымъ помѣстились мы съ нашею свитой, комиссары и нѣсколько бояръ, а кругомъ, за другими столами, заняли мѣста остальные бояре и придворные. Изъ всѣхъ столовъ особенно бросался въ глаза одинъ, помѣщенный насупротивъ царя, за которымъ сидѣло около 60 человекъ нищихъ. Мы были чрезвычайно тронуты, видя такую доброту и милость царя, тѣмъ болѣе еще что онъ посылалъ имъ кушанье и питье со своего стола и съ знаменитѣйшими изъ своихъ бояръ. Дѣло достойное всякой похвалы!

У дверей, на возвышенномъ мѣстѣ, помѣщались музыканты, которые играли на инструментахъ и пѣли по-ихънему.

Посреди залы, у столба поддерживающаго потолокъ, стояла четырехугольная этажерка для серебряной посуды, вся поволоченная, которую оцѣнивали во 100.000 гульденовъ.

Когда мы усѣлись за столъ, царь сталъ посылать намъ со своего стола хлѣбъ, питье и кушанья, а бояринъ, который принесилъ намъ все это, всякій разъ произносилъ: „Царь и великій князь шлетъ вамъ это“. Эта формула произносилась всѣмъ кругомъ по порядку. Только тѣ трое которые сидѣли по правую его руку подходили одинъ послѣ другаго къ царю всякій разъ, когда онъ хотѣлъ что предложить имъ. Подавая имъ пить, царь держался слѣдующаго порядка: молодому королевичу давалъ три стакана, сибирскому два, а татарскому одинъ; такой же порядокъ соблюдался и при подачѣ имъ кушаній. Къ половинѣ обѣда царь подозвалъ къ себѣ всѣхъ посланниковъ, бояръ и царевичей и, вставая съ своего мѣста, съ открытою головою и съ большимъ бокаломъ въ рукѣ, провозгласилъ здравицу за императора, говоря: „Пью за здоровье моего дражайшаго брата Фердинанда III, желаю ему здоровья, долголѣтня и продолженія между нами, какъ и между нашими предками, братской любви и дружбы, чтобы мы общими силами уничтожили общихъ враговъ святой вѣры католической.“ Сказавъ это, царь осушилъ бокалъ.

* Въ рукописи на этомъ мѣстѣ пробѣлъ.

Затѣмъ велѣлъ откупорить двѣ большія бутылки испанскаго вина и подалъ самъ двумъ нашимъ посланникамъ по стакану чтобъ они выпили за здоровье своего императора. Когда очередь дошла до меня, я просилъ царя дать мнѣ воды вмѣсто вина, и онъ съ удивленіемъ спросилъ, какъ я могу безъ вреда пить столько воды, на что я поспѣшилъ отвѣтить что я давно привыкъ къ этому. Послѣ насъ приступили за полученіемъ чаши по порядку остальные гости: сначала царевичи, за ними бояре, а потомъ и прочіе гости. Пріятно было смотрѣть, какъ приступали къ царю съ бокалами въ рукахъ, одни за другими, гости со всѣхъ столовъ. Послѣ всѣхъ приступили польскіе дворяне (перекрещенные), которымъ царь сказалъ: „Выпейте это вино за здоровье императора, моего дражайшаго брата, и бейте челомъ.“ Выпивъ свои бокалы, они упали на колѣни и ударили челомъ о полъ. Послѣ всего этого г. Алегретичъ предложилъ заравицу въ честь царя и по его примѣру всѣ, одинъ за другимъ, выпили за здоровье царя. Повторяя такимъ образомъ тостъ за тостомъ, всѣ по-рядочно нагрузились, а наши совершенно опьянѣли.

Будучи навеселѣ и въ пьяномъ видѣ, г. Алегретичъ рискнулъ приблизиться къ царю и вступилъ съ нимъ въ разговоръ, во такъ какъ языкъ у него безпрестанно путался, то царь сдѣлалъ мнѣ зналъ подойти къ нему и при моемъ содѣйствіи сталъ съ нимъ разговаривать. Послѣ этого царь звалъ меня къ себѣ всякій разъ, когда хотѣлъ сказать что кому, повторяя мнѣ часто слѣдующія слова: „Припоминай хорошенько то что я здѣсь говорю, чтобы ты могъ въ точности передать императору и его совѣтникамъ, а также и твоимъ товарищамъ, когда они отрезвятся, ибо они теперь навеселѣ и не понимаютъ того что я имъ говорю.“ На что я ему отвѣчалъ какъ могъ лучше и приличнѣе, и все это на своемъ природномъ языкѣ, а царь говорилъ по-русски. Когда же отвели на свои мѣста нашихъ посланниковъ, потому что они съ трудомъ держались на ногахъ, я остался продолжать разговоръ съ царемъ, который, схвативъ меня за руку, сталъ повторять порученіе чтобъ я не забылъ передать въ точности императору все что отъ него слышалъ и видѣлъ. Онъ говорилъ со мною и о другихъ вещахъ, подарилъ мнѣ своею рукой драгоценное блюдо и тутъ же при мнѣ приказалъ великому канцлеру выдать мнѣ также другое блюдо, которое было мнѣ назначено прежде въ даръ. Когда же въ знакѣ

благодарности я поцѣловалъ у него руку, онъ сказалъ мнѣ: „ты добрый молодецъ и будешь еще лучшимъ воиномъ“. За эти слова я выразилъ царю свою благодарность самымъ вѣжливымъ образомъ. Въ продолженіе нашего разговора царь часто и охотно повторялъ какой онъ другъ императора, что только изъ любви къ нему воздерживался отъ совершеннаго уничтоженія Поляковъ и заключилъ съ ними перемиріе, и готовъ заключить и миръ, чего не сдѣлалъ бы ни для кого другаго. „Я имѣлъ намѣреніе свидѣться съ императоромъ, продолжалъ онъ, чтобъ условиться съ нимъ о томъ, какъ бы мы уничтожить общаго врага нашей вѣры, чтобы непріятель не радовался нашему несчастью, а печалился нашимъ счастьемъ.“ Хотя царь не высказался прямо кто это врагъ, но было очевидно что подъ этимъ онъ разумѣлъ Шведовъ, что въ послѣдствіи и подтвердилось. При этомъ онъ еще сказалъ что удивляется тому какъ императоръ позволяетъ своимъ подданнымъ служить въ рядахъ шведскихъ войскъ, намекая въ особенности на какого-то Вольдемара. Я отвѣчалъ царю что удивляться этому явленію не слѣдуетъ, потому что Германія обширная страна, и въ ней много императорскихъ непріятелей и отступниковъ истинной вѣры, которые за свое упорство были изгнаны и, не находя нигдѣ убѣжища, переходили и продолжаютъ переходить на службу императорскихъ враговъ; мое объясненіе вполне удовлетворило царя.

Такъ какъ была уже ночь, а наши не были въ состояніи ѣхать верхомъ, то царь уступилъ мнѣ свою карету, запряженную шестерней, причемъ онъ замѣтилъ мнѣ что такой милости и такого отличія онъ не оказывалъ еще никакимъ другимъ посланникамъ. Дѣйствительно, на это отличіе всѣ смотрѣли какъ на особую честь. Мало того, онъ велѣлъ лучшимъ своимъ боярамъ и даже своему дядѣ проводить насъ до кареты, а самъ смотрѣлъ въ это время изъ окна и кланялся намъ. Я же одинъ за всѣхъ отвѣчалъ на вѣжливости и благодарилъ каждого за предупредительность, за что царь меня очень полюбилъ. Мы отправились домой сопровождаемые факелами, барабанами и придворными людьми, къ большому удивленію туземныхъ и иностранныхъ зрителей: всѣ говорили единогласно, что они не помнятъ чтобы когда-нибудь другіе посланники удостоивались подобнаго царскаго благоволенія. По возвращеніи домой всѣ бросились на

постели какъ мертвые, а еслибы не посчастливилось имъ освободиться отъ груза рвотой, то полопали бы. Не успѣли еще посланники лечь въ постели, какъ явился къ нимъ бояринъ съ новымъ питьемъ, но они были какъ мертвые, безъ всякаго сознанія, и бояринъ удалился.

На другой день, дядя царя, Симеонъ Лукіяновичъ, человекъ веселый и пріятный, и великій канцлеръ присылалъ узнавать: хорошо ли мы спали и здоровы ли.

18-го мая насъ позвали во дворецъ и вручили намъ дорожные листы. Въ этотъ день бояринъ Петръ Шереметевъ принесъ намъ на квартиру обѣдъ отъ царя.

На другой же день царь прислалъ намъ въ подарокъ соболи мѣха, каждому по его чину, то-есть: двумъ посланникамъ 64 десятка, мѣръ 8, остальнымъ по три и по два десятка. 21-го мая (въ воскресенье) мы оставили Москву послѣ обѣда, въ нашемъ экипажѣ, съ четырьмя повозками и 30 лошадыми. Предъ сумерками мы прибыли въ Никольское, гдѣ и остались на ночлегъ.

На другой день, чуть свѣтъ, явился къ намъ Василій Семеновъ, состоявшій при насъ комиссаромъ въ Москвѣ, съ приказаніемъ отъ царя не трогаться дальше и ждать пріѣзда князя Юрія Ивановича, царскаго постельника, который и не замедлил прибыть. Князь человекъ съ пріятными манерами, знающій хорошо латинскій языкъ. Онъ намъ объявилъ что царь чрезъ два дня отправляется въ армию, и что желаетъ чтобы мы присутствовали при его отъѣздѣ.

Вернувшись опять на нашу старую квартиру, мы ждали тамъ царскаго отъѣзда четыре дня, пользуясь его щедрымъ гостепріимствомъ. Въ четвертъ, въ день Вознесенія, царь выѣхалъ. Предъ церковью Св. Троицы, называемою Іерусалимскою, была приготовлена для насъ трибуна, уставная персидскими коврами, откуда мы смотрѣли на шествіе царя и его придворныхъ. Предъ царемъ шло около шести тысячъ человекъ солдатъ, за ними бояре, а потомъ служители, ведшіе тридцать прекрасныхъ лошадей, и три кареты, изъ коихъ одна была вся позолоченная, на англійскій манеръ; въ срединѣ ея былъ тронъ.

Подъ однимъ деревяннымъ навѣсомъ, нарочно для этой цели выстроеннымъ, встрѣтили и благословили царя патриархи антиохійскій и московскій. Затѣмъ всѣ тѣ которые не могли были присутствовать царю приступили къ его рукѣ,

одинъ за другимъ, по чину, кланяясь ему въ землю; первымъ приступилъ царицѣ. По окончаніи этой церемоніи царица пѣшкомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ намъ, сѣла въ богатое кресло и позвала насъ къ себѣ: мы поцѣловали у него руку. Мнѣ повѣрили порученіе не забыть передать императору все что онъ мнѣ прежде говорилъ, и приказалъ великому канцлеру выдать намъ еще по нѣскольку десятковъ собольихъ мѣховъ. Простившись такимъ образомъ и поцѣловавъ у него руку, мы возвратились къ нашей трибунѣ, а онъ сѣлъ на лошадь и тронулся въ путь, сопровождаемый своими боярами, при звукѣ трубъ и литавръ. Шествіе заключала царская гвардія въ великолѣпныхъ костюмахъ: каждая сотня имѣла одежду особаго цвѣта. Патриархи оставались на своихъ мѣстахъ и благословляли народъ пока всѣ не прошли.

26-го мая мы выѣхали изъ Москвы, а къ вечеру прибыли въ Никольское, какъ и въ первый разъ; здѣсь переночевали, а на другой день съ разсвѣтомъ отправились къ Новгороду. 8-го іюня мы были въ Бронницѣ, 9-го въ полночь въ монастырѣ Св. Георгія, не далеко отъ Новгорода, гдѣ имѣли отдыха полтора дня, а 11-го числа съ попутнымъ вѣтромъ прибыли въ деревню Боръ, гдѣ ночевали. Отсюда мы отправились въ деревню Солцу, гдѣ имѣли ночлеги, и продолжая далѣе свое путешествіе безъ всякихъ остановокъ, 15-го іюня, въ праздникъ Тѣла Господня, мы прибыли въ Псковъ. Здѣсь нагналъ насъ курьеръ, посланный отъ нашего прапорщика Минчетича, который на возвратномъ пути изъ Вѣны встрѣтилъ царя въ Смоленскѣ и получилъ отъ него проводника къ намъ. Это обстоятельство чрезвычайно насъ обрадовало, тѣмъ болѣе что мы не переѣзжали еще на шведскую территорию. На другой день прибыли самъ Минчетичъ, и изъ насѣмъ привезенныхъ имъ намъ мы увидѣли что намъ нужно было вернуться къ царю и ждать его въ Полоцкѣ; но по причинѣ болѣзни г. Алэгретича мы пробыли въ Псковѣ восемь дней. 23-го іюня мы тронулись въ дорогу, а 25-го прибыли въ Опочку, укрѣпленный городъ. 26-го іюня выѣхали изъ Опочки, а къ ночи прибыли въ одну деревню не далеко отъ Полоцка, гдѣ много потерпѣли отъ комаровъ; здѣсь мы пробыли восемь дней. 8-го іюля прибыли въ Полоцкъ и были, по царскому приказанію, приняты торжественно. Полоцкъ, городъ литовскій, принадлежалъ Польшѣ до настоящей

войны; въ немъ дома деревянные. Здѣсь іезуиты имѣютъ церковь и домъ, первая разрушена. Во время польскаго владычества іезуитамъ принадлежали здѣсь 8.000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ.

4-го іюля прошло черезъ Полоцкъ къ Литвѣ 30.000 человекъ войска съ военными запасами на шесть мѣсяцевъ. На слѣдующій день пріѣхалъ самъ царь, котораго мы ждали съ большимъ нетерпѣніемъ. Наканунѣ царскаго пріѣзда въ Полоцкъ, военный начальникъ приказалъ снять католическое распятіе находившееся надъ городскими воротами: этотъ варварскій поступокъ я видѣлъ своими глазами. Общественное мнѣніе утверждало что это нечестіе совершилось безъ ведома царя, который, какъ человекъ образованный и умѣренный, не позволилъ бы подобнаго беззаконнаго дѣла. Вторая русская армія, подъ начальствомъ князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, двигалась на Ингрелію и Нарву, третья въ Корелію, противъ Шведовъ, четвертая противъ Поляковъ, пятая противъ Татаръ, и шестая, наконецъ, сосредоточивалась около Архангельска для наблюденія за Англичанами, которыхъ подозрѣвали въ союзѣ со Шведами. Всего войска вмѣстѣ было больше 350.000 человекъ.

20-го іюля, въ четвергъ, мы имѣли аудіенцію у царя, послѣ долгихъ преній насчетъ его титула: бояре претендовали чтобы императоръ назвалъ царя: „*Dux Smolicensis, Severiensis, Altae Russiae et magni Ducatus Lituaniae*“, а императоръ, какъ посредникъ между царемъ и Польшей, не хотѣлъ согласиться. И на этотъ разъ царь желалъ оставить насъ у себя обѣдать; но такъ какъ г. Алегретичъ не совсѣмъ хорошо чувствовалъ себя, то обѣдъ прислали намъ на квартиру. Наша аудіенція происходила въ домъ іезуитовъ, въ которомъ царь остановился. Мы застали царя на тронѣ и съ нимъ его тайныхъ совѣтниковъ.

По врученіи царю г. Алегретичемъ императорскихъ писемъ, насъ перевели въ другую комнату, гдѣ мы оставались цѣлый часъ. Наконецъ вышелъ къ намъ первый царскій столыникъ, Федоръ Михайловичъ, человекъ съ прекрасными манерами, вѣжливый какъ самый образованный Италіанецъ, и повелъ насъ къ царю, котораго мы застали за столомъ. Онъ подовалъ къ себѣ посланниковъ, меня и переводчика. Царь выразилъ г. Алегретичу свое сожалѣніе что императоръ не хочетъ признать полнаго его титула. Въ то же время

Илья Даниловичъ, тесть царя, и Борисъ Ивановичъ, * своякъ его, спросили меня о томъ же предметѣ; а имъ отвѣчалъ какъ могъ лучше. Затѣмъ царь спросилъ: сохранить ли къ нему императоръ навсегда дружбу, и правда ли что бранденбургскій курфирстъ послалъ въ помощь Шведамъ 8.000 человекъ, и выразилъ также свое удивленіе что императоръ не отвѣчалъ ему на нѣкоторые вопросы которые онъ представилъ ему чрезъ своего курьера. Далѣе онъ намъ сказалъ что намѣренъ отправить свое посольство къ императору, а между тѣмъ поручаетъ намъ отправить нарочныхъ извѣстить императора что онъ думаетъ ударить на Шведовъ выѣстъ съ Поляками и намѣренъ просить, чрезъ особое посольство, Датскаго короля сдѣлать то же самое, а потому чтобъ и императоръ согласился идти на Шведовъ.

На все это Алегретичъ отвѣчалъ какъ подобало. Мнѣ же царь приказалъ перевести въ точности этотъ разговоръ Леонаху, который не понималъ по-славянски, а переводчикъ, какой-то новокрещенный Курляндецъ, былъ небольшою знатокъ нашего языка.

Послѣ всего этого царь велѣлъ привести столько кубковъ сколько было насъ присутствовавшихъ, и вставъ изъ-за стола, съ непокрытою головою, предложилъ здравицу за императора, съ пожеланіемъ чтобы дружба между ними сохранялась навсегда, какъ и между ихъ вредками. При этомъ онъ каждому налилъ по бокалу, начиная со старшихъ по чину. Послѣ тостовъ царь пожаловалъ насъ новыми подарками и рекомендовалъ намъ своихъ посланниковъ, которые должны были пріѣхать въ Вильну для заключенія мира съ Поляками. Поднявавъ у него руку, мы вернулись на свою квартиру вмѣстѣ съ своимъ комиссаромъ.

22-го іюля прибылъ изъ Варшавы парламентаръ польскаго короля и на другой день имѣлъ аудіенцію у царя. Онъ также прислалъ намъ сказать что имѣетъ отъ своего короля письмо для г. Алегретича, которое онъ долженъ вручить лично, когда будетъ ему позволено.

28-го іюля царь выступилъ въ Динабургъ со всею арміею, и въ тотъ же день приехалъ къ намъ къ ужину польскій парламентаръ Чернинскій, который на слѣдующее утро отправился въ Вильну, куда и мы посѣдовали за нимъ 27-го іюля,

* Морозовъ.

Путешествіе изъ Варшвы въ Москву въ 1655 году. 161
съ дарскими комиссарами и въ сопровожденіи 10,000 чело-
вѣкъ пѣхоты и кавалеріи.

8-го августа мы прибыли въ Вильну. До войны этотъ го-
родъ славился своимъ обширнымъ предместьемъ и прекрас-
ными каменными зданиями и церквами, а теперь все лежитъ
въ пепелъ и развалинахъ.

10-го августа прибыли польскіе полномочные.

Лицапредставителей: императорскіе полномочные: Illustrissimi
D. Alligrettus de Aligretti et Joannes Teodoricus a Leopah.
Польскіе полномочные: Joannes Casimirus Krasienski pala-
tinus Plosceviensis, Christophorus Zaciska maresciallus Magni
Ducis Livoniae, Joannes Zaciska nominatus episcopus Valaen-
sis, Cyprianus Paulus Brostovski referendarius, Stanislaus
Serbojevski starosta Gabojenski. Русскіе полномочные: князь
Николай Ивановичъ Дрозевскій, * ближній бояринъ и на-
мѣстникъ астраханскій; князь Иванъ Ивановичъ Добановъ-
Ростовскій, окольникій и намѣстникъ разанскій; Василій
Александровичъ Кавалоконъ (?), окольникій; дьякъ Герасимъ
Семеновичъ Дохтуровъ; дьякъ Еремъ Родіоновичъ Гурьевъ. **

Предварительныя условія:

1) Русскіе полномочные требуютъ чтобы Поляки не оста-
вались въ Вильнѣ; эти повѣдніе противятся, и только при
нашемъ посредствѣ соглашаются занять позицію внѣ Вильны
на разстояніи двухъ миль.

2) Пренія о присягѣ и титулѣ привели къ слѣдующему за-
ключенію: Польскому королю дать титулъ „королевское вели-
чество“, а Русскому царю „царское величество“. Польскіе же
и русскіе полномочные поклялись что обѣ воюющія стороны
будутъ воздерживаться отъ всякихъ неприязненныхъ дѣйствій
другъ противъ друга во время мирныхъ переговоровъ, не
обращая вниманія на то будетъ ли заключенъ окончатель-
ный миръ или нѣтъ.

3) Гдѣ слѣдуетъ полномочнымъ собраться для перегово-
ровъ о мирѣ? После долгихъ разсужденій рѣшено было по-
ставить въ полѣ, на разстояніи одной мили отъ города, три
палатки въ формѣ треугольника: одну для насъ, другую для
Русскихъ и третью для Поляковъ, а въ срединѣ треугольни-
ка четвертую палатку, подъ именемъ „дарекой“, для общихъ
засѣданій.

Первое засѣданіе открылось 23-го августа, во вторникъ.

* Очевидно ошибка; уполномоченнымъ былъ князь Иванъ Никитичъ
Одескскій.

** Вѣсто Юрьевъ.

Русскіе прибыли въ сопровожденіи трехъ тысячъ человекъ кавалеріи, двухъ драгунскихъ полковъ и трехъ пѣхотныхъ. Польскіе же полномочные, напротивъ, явились съ нѣсколькимъ дворянами и со свитой своихъ служителей, всего около трехъ сотъ человекъ. Русскіе первые начали говорить, стараясь всѣми силами доказать что право на ихъ сторонѣ, и что поэтому Богъ даровалъ имъ побѣду. Поляки же, съ своей стороны, начали горячо опровергать ихъ доводы, такъ что пренія сдѣлались весьма оживленными и продолжались четыре часа. Наконецъ наши прекратили ихъ пренія, доказывая имъ что они напрасно тратятъ время въ спорахъ о дѣлѣ которое не касается главнаго предмета. Тогда Русскіе изложили свои требованія, состоявшія въ слѣдующемъ: 1) такъ какъ царь всюду одержалъ побѣду надъ Поляками, то требуетъ отъ нихъ уступки завоеванныхъ областей, то-есть воеводство Смоленскаго, Сѣверскаго, Полоцкаго и Литовскаго; 2) кромѣ уступки этихъ земель царь требуетъ еще 10 милл. руб. какъ вознагражденіе за военные издержки. На этихъ условіяхъ Россія готова заключить съ Польшей вѣчный миръ и дружбу. Поляки потребовали чтобъ имъ представили означенныя условія письменно. На этомъ окончилось первое засѣданіе.

На второмъ засѣданіи, 24-го августа, Поляки отвѣтили на русскія требованія, говоря что Россія должна возвратить имъ всѣ области несправедливо отнятыя у нихъ, и кромѣ того уплатить имъ еще десять милліоновъ рублей за разореніе означенныхъ областей. Русскіе отвѣчали на это что они готовы отказаться отъ десяти милліоновъ рублей, если Польша уступитъ имъ все Литовское княжество. Неумѣренные требованія со стороны Русскихъ сдѣлали безуспѣшными какъ это, такъ и слѣдующее засѣданіе. На четвертомъ засѣданіи Русскіе ограничились требованіемъ лишь той части Литвы которая была завоевана ихъ войсками. При этомъ они, просивъ всѣхъ присутствовавшихъ выйти изъ палатки, кромѣ меня и польскихъ полномочныхъ, представили этимъ посѣднимъ, подъ величайшимъ секретомъ, что если они желаютъ добиться легко отъ царя мира, то пусть польскій народъ провозгласитъ его свѣдѣть королемъ по праву наслѣдства еще при жизни Казимира, а до смерти этого послѣдняго царь будетъ называться „Покровителемъ Польши и Литвы“ и обязывается хранить въ цѣлости ихъ права и привилегіи и поддерживать и защищать ихъ вѣроисповѣданіе.

Въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ прошли безъ всякой пользы три засѣданія, такъ какъ Поляки постоянно твердили что о такомъ странномъ и неумѣстномъ представленіи они не только не могутъ ничего рѣшить, но даже не имѣютъ и полномочія вступать въ какіе бы то ни было переговоры. Между прочимъ они приводили слѣдующіе доводы: 1) что Поляки должны быть свободны при избраніи своего короля; 2) что при жизни нынѣшняго короля они не могутъ избрать другаго; 3) что польскій король долженъ принадлежать къ католическому римскому исповѣданію, и наконецъ 4) что польскій народъ не признаетъ никогда за своимъ королемъ права наслѣдства.

Выслушавъ доводы, представленные польскими полномочными, Русскіе отвѣчали что они доложатъ объ этомъ царю и будутъ ждать его приказаній. Такимъ образомъ было устроено преніе объ этомъ предметѣ на этотъ разъ.]

4-го сентября, въ понедѣльникъ, были возобновлены мирные переговоры. На этомъ засѣданіи Русскіе представили свой ultimatum. Польша уступаетъ на вѣчныя времена Русскому царю княжества: Смоленское, Сѣверское, Полоцкое съ Верхнею Россіей (Бѣлоруссіей), Волынь и Подолію, такъ чтобы новую границу между двумя государствами составляли рѣки Двина, Днѣстръ и Бугъ. А вмѣсто десяти милліоновъ вознагражденія за военныя издержки, царь удерживаетъ за собою Литовское княжество на 20 лѣтъ. Поляки потребовали отъ Русскихъ изложить имъ письменно свои требованія чтобы приготовить на оныя отвѣтъ къ слѣдующему засѣданію, укоряя ихъ при этомъ за ихъ безстыдство требовать уступки и такихъ областей какъ Волынь и Подолія, до которыхъ русскія войска не доходили.

На слѣдующемъ засѣданіи, 6-го сентября, Поляки объявили что они не могутъ дать никакого отвѣта на русскія требованія и только на просьбу нашихъ посланниковъ согласились уступить Русскому царю Дорогобужъ, Бѣлый, Себежъ и еще одну крѣпость. Русскіе встрѣтили это предложеніе съ хохотомъ и, разпаленные гнѣвомъ, сказали что послѣ этого напрасно разсуждать дальше о мирѣ. Поляки на это отвѣчали: „Какъ вамъ угодно, если вы желаете мира, вотъ вамъ миръ, а если нѣтъ, то мы готовы драться.“ Тогда Русскіе, показывая видъ что они слишкомъ раздражены, чтобы напутать Поляковъ, велѣли снять палатки. На слѣдующій день,

наканунѣ Рождества Пресвятыя Богородицы, Русскіе опять поставили палатки, и мы замѣтили, къ большой и неожиданной нашей радости, что на этомъ засѣданіи двѣа пошли лучше, потому что обѣ стороны выказали умѣренность. Прежде всего Поляки обѣщали уступить Россіи Сѣверскую и Смоленскую области; а что касается Украины и Верхней Россіи (Бѣлоруссіи), то съ обоюднаго согласія рѣшили ожидать инструкцій отъ своихъ дворовъ. По этому случаю засѣданія были приостановлены на три недѣли. 28-го сентября позвали насъ на засѣданіе. Но мы были крайне удивлены что Русскіе опять завели рѣчь объ избраніи царя на польскій престолъ, вмѣсто того чтобы заняться переговорами относившимися прямо къ миру. Наши посланники воспротивились серьезно этому, объявивъ рѣшительно что они присланы не для того чтобы заниматься избраніемъ царя на польскій престолъ, но какъ посредники для заключенія мира между Россіей и Польшей, и что они не примутъ участія въ засѣданіяхъ на которыхъ будетъ говоритья объ этомъ предметѣ. Это заявленіе серьезно смутило Русскихъ, а также и нѣкоторыхъ изъ Поляковъ, а потому переговоры объ этомъ щекотливомъ предметѣ были снова отложены до получения инструкцій отъ вѣнскаго двора и короля польскаго. Между тѣмъ русскіе полномочные приходили тайкомъ къ нашимъ, прося ихъ о поддержкѣ и обѣщая имъ большіе подарки. Г. Алегретичъ въ нѣсколькихъ словахъ высказалъ имъ свое мнѣніе, говоря что онъ ни за что въ мирѣ не отступитъ отъ предписанныхъ ему инструкцій своего императора. Тѣмъ не менѣе, на каждомъ засѣданіи Русскіе выставляли этотъ вопросъ какъ главное основаніе и какъ единственное условіе для заключенія мира. На засѣданіи 24-го октября Русскіе предложили письменно Полякамъ касательно этого предмета слѣдующіе пункты:

1. Царь обѣщаетъ покровительствовать римско-католической вѣрѣ и сохранять въ неприкосновенности права и привилегіи дворянства.
2. Его величество царь и по избраніи на польскій престолъ будетъ исповѣдывать восточную православную вѣру, а потому можетъ строить церкви восточнаго исповѣданія въ предѣлахъ Польскаго королевства вездѣ гдѣ ему будетъ угодно.
3. Уніатамъ будетъ позволено возвратиться въ нѣдра православной церкви, если они того пожелаютъ.
4. Православные будутъ сравнены съ католиками во-всѣхъ гражданскихъ и духовныхъ правахъ.

5. Послѣ своей коронаціи, какъ польскій король, царь возвратитъ польской коронѣ великое княжество Литовское, но ничего больше.

6. Какъ о коронаціи, такъ и о церемоніалѣ оной царь условится съ польскими посланниками въ Москвѣ.

7. Царь не уступитъ никогда Польшѣ Украины и казаковъ, такъ какъ они добровольно подчинились Россіи.

8. По заключеніи мира будутъ возвращены Польшѣ военнопленные, пушки, церковныя одежды и все что можетъ быть возвращено.

9. Послѣ своего коронованія на польскій престолъ царь намѣревается завоевать и присоединить къ Польшѣ Швецію, Ливонію и Царьградъ. Наконецъ, царь не обязывается жить постоянно въ Польшѣ, но попеременно то въ Россіи, то въ Польшѣ, по своему усмотрѣнію.

Поляки, соглашавсь въ принципѣ на избраніе царя на польскій престолъ, требовали чтобы предварительно рѣшенія этого вопроса Русскіе возвратили имъ всѣ отнятыя у нихъ области. На это Русскіе ни за что не соглашались. Наши же посланники, видя невозможность склонить обѣ стороны къ заключенію мира, предложили имъ, на засѣданіи 3-го ноября, заключить перемиріе до собранія польскаго сейма, не означая времени когда таковой соберется. Это предложеніе было принято единогласно. Главныя пункты перемирія были слѣдующіе:

1. Такъ какъ оказалось невозможнымъ достигнуть заключенія мира при посредствѣ полномочныхъ его императорскаго величества, то заключено перемиріе формальнымъ торжественнымъ образомъ и съ полнаго обоюднаго согласія.

2. Обѣ стороны обязываются ударить вмѣстѣ на Шведовъ и Пруссаковъ, въ случаѣ если сіи послѣдніе не покорятся польской коронѣ или пристанутъ къ Шведамъ противъ Поляковъ или Русскихъ.

3. Польскимъ войскамъ будетъ дозволенъ проходъ чрезъ области, занимаемыя Русскими.

4. Царь обязываетъ отправить своихъ полномочныхъ на польскій сеймъ для возобновленія переговоровъ о мирѣ.

Слѣдующіе затѣмъ два дня мы употребили на визиты и обѣды, на которыхъ и простились съ Русскими вмѣстѣ съ Поляками. 6-го ноября Русскіе вернулись къ своему царю, а мы рѣшили отправиться въ Варшаву въ сопровожденіи Поляковъ, чтобы посѣтить короля и переговорить съ нимъ. 8-го ноября 1656 года съ Божіею помощію мы выѣхали изъ Вѣны.

П Е М Б Е *

РАЗКАЗЪ ИЗЪ ЭПИРО-АЛВАНСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

„Я долго лежалъ распростертый на ложѣ равнодушія.

„Оно не казалось мнѣ жесткимъ, и никакіе сны Эдема не сходили на хладную главу мою.

„Но внезапно явилась предо мною дѣвушка нѣжнаго возраста. Одежда ея была проста; однако и въ ней она казалась прекрасною, какъ золотой сосудъ наполненный душистымъ напиткомъ.

„Обходя комнату искусными кругами, она уподобалась молодой змѣйкѣ играющей въ цвѣтущихъ кустахъ.

„Имя твое, Пембе, есть цвѣтъ розы, самаго прекраснаго изъ цвѣтовъ.

„Ты сладка и свѣжа какъ зерна гранаты, облитыя розовою водою и посыпанныя сахаромъ.

„Я не ищю ни долговѣчности, ни богатаго содержанія; пусть жизнь моя будетъ кратка и содержаніе бѣдно; но чтобъ я могъ покойно веселиться съ тобой.

„Я молчу, Пембе. Пусть соловей громко поетъ о любви своей въ садахъ персидскихъ. Я не буду слѣдовать его примѣру. Я лучше буду вѣть какъ бабочка: безгласная, сгараетъ она на любимомъ ею пламени!“

Такъ, засвѣтивъ лампу, писалъ ночью въ своей приемной молодой албанскій бей Гайрединъ.

---

* Пембе, женское, мусульманское имя. Значить: *темно-розовая, малиновая.*

Гайрединъ-бей былъ женатъ, а тапдовщица Пембе пришла съ своею теткой и съ другими Цыганами-музыкантами изъ Битоли.

Гайредину было тогда двадцать шесть лѣтъ, а Пембе шестнадцать.

Гайрединъ-бей былъ изъ старой дворянской * семьи Эпира; домъ отца его и теперь стоитъ на горѣ въ селеніи Дельвино; онъ обнесенъ стѣной, въ которой до сихъ поръ видны бойницы для ружей. Село съ селомъ, родъ съ другимъ родомъ и семья съ семьей вели еще недавно кровавые войны.

Мирный путникъ любитъ на веселый видъ Дельвино, на зеленые холмы и бѣлая жилища его, но бойницы черкѣютъ едва замѣтными щелями въ простыхъ сельскихъ стѣнахъ, и гордый духъ албанскаго вождя неукротимъ какъ и прежде.

Албанецъ любитъ лишь войну, корысть и гостепріимство; еще недавно онъ одинаково былъ чуждъ и Турку, и Греку, и одинаково другъ имъ, когда ему это было выгодно.

Въ личныхъ дѣлахъ албанскій горецъ вѣренъ дружбѣ и слову; онъ любитъ кровь и месть и не боится смерти.

Его одежда прекрасна даже и въ бѣдности, и поступь его изящна и легка.

Старый отецъ Гайредина, Шекаръ-бей, имѣлъ всѣ лучшія свойства своихъ соотчичей, но не имѣлъ ихъ злобы и корыстолюбія. Онъ былъ веселъ и добръ; кормилъ безъ нужды огромную прислугу на три разные стола, потому что мусульмане не хотѣли ѣсть съ Греками, а Греки съ мусульманами, и ни мусульмане, ни Греки не хотѣли ѣсть съ Цыганами, которыхъ онъ тоже не гналъ со двора.

Простодушное гостепріимство его славилось повсюду, и нищій находилъ у него въ людской вочлегъ и пищу, точно такъ же какъ бей и купецъ въ его селамлыкѣ. **

Когда его посѣщали христіане, онъ давалъ имъ полную свободу обращенія: ни сидѣлъ самъ на диванѣ неподвижно два часа, какъ дѣлаютъ другіе старые Турки, стѣсная

* У Албанцевъ до сихъ поръ существуетъ нечто въ родѣ феодалской аристократіи.

** Селамлыкъ—та часть дома въ которой принимаются чужіе мужчины.

своею важною усталыхъ путниковъ и гостей, которымъ хочется размять ноги. Нѣтъ! Онъ гулялъ по комнатамъ, вставалъ и садился какъ хотѣлъ, и просилъ всѣхъ дѣлать то же, говоря: „Что значить слово *франкъ*? Слово *франкъ*, я узналъ отъ людей ученыхъ, значить свободный человекъ, равный другимъ. Вотъ въ этомъ смыслѣ и я франкъ. Свобода! Дѣлай что хочешь въ моемъ домѣ! Спи не спи, ѣшь не ѣшь.... Сиди, ходи.... Это значить—франкъ!“

Христіанъ онъ любилъ больше чѣмъ любить ихъ другіе мусульмане; въ жизни его былъ одинъ великій случай, отъ котораго по гробъ не могло остыть доброе чувство.

Еще онъ былъ очень молодъ, когда отецъ его подарилъ ему въ рабы прелестную сироту-Гречанку, взятую въ плѣнъ на островахъ во время борьбы за независимость Элады.

Ей было всего четырнадцать лѣтъ, и звали ее Мариго. Когда Шекиръ, самъ еще почти мальчикъ, остался съ нею наединѣ, Мариго заплакала, и простирая къ нему руки, сказала: „Господинъ мой, я твоя. У меня нѣтъ ни отца, ни матери; ихъ убили; дѣлай со мной что хочешь. Только одно слово я тебѣ скажу. Пожалѣй ты меня, я боюсь!“

Шекиръ оставилъ ее въ покоѣ; потомъ уже ласками, подарками, братскимъ участіемъ, онъ склонилъ ее къ сближенію. Разъ преодолевъ свой дѣтскій страхъ, рабыня пристрастилась къ Шекиру всѣми силами души. Вѣрованій ея не касался никто: она продолжала ходить въ церковь, и въ посты ее кормили особо. Старые родители Шекира тѣшились на доброту сына, и на ребяческій первый страхъ, и послѣ на покорную привязанность маленькой Гречанки. „Дѣти, малыя дѣти!“ говорили, смѣясь, другъ другу отецъ и мать Шекира. Когда женили Шекира-бея на богатой дѣвицѣ, жизнь рабыни, конечно, стала хуже, но не надолго. Скоро пришлось ей щедро заплатить своему господину за его благодушіе и любовь.

Въ сорокъ восьмомъ году возстала противъ султана вся южная Албанія. Турки требовали отъ Албанцевъ набора въ султанское войско и податей, которыя свободнымъ горцамъ казались непомерными. Албанская знать не забыла еще какъ измѣннически разстрѣлялъ паша въ Битолиѣ возмущившихся Арсмана и Вели-бея, пригласивъ ихъ туда примириться. Албанцы согласились всѣ притвориться сначала покорными и выставить начальниками людей простыхъ, но не менѣе ихъ

самих способных быть вождями. Кровавая борьба возгорьлась около Дельвино, Аргирокастро и Яникъ. Бунтовщиковъ велъ къ побѣдамъ простой селянинъ Гюнна-Лекка. * Албанцы вездѣ громили султанскіе отряды; но правильная сила взяла, наконецъ, верхъ надъ народнымъ ополченіемъ.... Запертый сераскиромъ въ Ланурьѣ, Гюнна-Лекка думалъ лишь о собственномъ спасеніи. Люди его одинъ за другимъ покидали его. Сераскиръ рѣшился тогда нанести послѣдній ударъ мятежу. Въ Дельвино, въ Берать, въ Тепеленъ и въ другія селенія и чифтауки ** албанскіе ворвались Турки и начали хватать и вязать богатыхъ беевъ, которыхъ давно подозрѣвали въ тайной помощи возставшимъ. Схватили Башьяръ-бей, Тахиръ-бей, трехъ сыновей Тахиръ-абаза, Абдуль-бей-Жокка; а въ Дельвино не нашли стараго дѣда Гайредина, и взяли Шекиръ-бей, отца его. Жена Шекиръ-бей была въ то время беременна; когда услышала она крики женщины, пальбу, страшные голоса солдатъ и плачь дѣтей, младенецъ умеръ въ ней, а за нимъ умерла и она сама, безъ мужа и свекра, на рукахъ Мариго. Шекиръ-бей и всѣхъ другихъ албанскихъ беевъ Турки, связавъ, отправили въ Царьградъ; гдѣ ихъ ждала тюрьма, а можетъ-быть и смерть. Похоронивъ свою госпожу, Мариго взяла на руки маленькаго Гайредина и поѣхала въ Царьградъ. Тамъ, выждавъ минуту когда сераскиръ-паша выѣзжалъ верхомъ изъ воротъ своихъ, она схватила его лошадь за узду, и подавая ему сына, сказала:

- Убей, паша, и насъ, когда хочешь погубить отца его!
- Ты христіанка? спросилъ сераскиръ, котораго поразили ея красота и отчаяніе.
- Да, сказала Мариго.
- Рабыня? спросилъ сераскиръ.
- Да, отвѣчала Мариго.
- Если ты христіанка и рабыня, и любишь его такъ, и не

* Гюнна-Лекка, разбитый, убѣжалъ въ Фессалию; отдался самъ турецкому начальству, былъ прощенъ, получилъ даже начальство надъ иррегулярнымъ отрядомъ и служилъ доаго неслѣдъ того Туркамъ; убитъ въ 52 году на войнѣ противъ Черногорцевъ.

** Чифтауки—имѣніе, собственное помѣстье; противопоставляется *кауфу* (собственности мечетей и церквей) или *милляку* (государственной собственности),

ищешь своей воли, такъ, я думаю, Шакиръ-бей хорошій человекъ, и мы отпустимъ его.

Возвратившись въ свое имѣнiе, Шекиръ-бей сказалъ Мариго:

— Теперь я вдовъ; пусть гавъ Божiй разразитъ меня, если я возьму когда иную жену, кромѣ тебя, Мариго.... Ты будешь моя жена и моя радость. Ходи въ церковь, а я буду ходить въ мечеть; держи постъ, а я буду держать Рамазанъ.

Такъ Мариго стала законною супругой Шекиръ-бея; а Гайрединъ и прежде былъ законнымъ; дѣти рабы, по закону мусульманскому, дѣти того же отца, и обиды имъ нѣтъ никакой.

Въ 54 году, когда Гривасъ хотѣлъ освободить Эпиръ отъ турецкаго ига, Шекиръ-бею пришлось послужить султану мечомъ. Онъ не грабилъ и не жегъ христіанскихъ селъ, подобно другимъ Албанцамъ; онъ только съ отрядомъ башибузуковъ принялъ участіе въ нападеніи Абди-паши на селеніе Коцильдъ, въ которомъ заперся Гривасъ, на двухъ-часовомъ разстояніи отъ Янины.

Шекиръ-бей первый замѣтилъ что въ тылу турецкаго отряда спускается съ горъ въ разсыпную толпа паликаровъ, посланныхъ греческимъ капитаномъ Зѣрвою на помощь Гривасу. Абди-паша гордился и не хотѣлъ отступить, но Шекиръ-бей уговорилъ его, зная лучше мѣстность, и небольшой султанскій отрядъ былъ спасенъ.

Благодарилъ его султанъ и взялъ за это его сына въ Константинополь на обученье.

Гайрединъ обучался тамъ европейской вѣжливости; выучился хорошо по-турецки и по-персидски, и немного по-французски; греческій же языкъ ему былъ какъ родной съ дѣтства. Въ Янинѣ и настоящіе Турки по-турецки не знаютъ, а говорятъ по-гречески.

Вызвалъ старый Шекиръ-бей сына въ Дельвино и былъ радъ его успѣхамъ, однако сказалъ:

— Не сдѣлай тебѣ служить писцомъ при пашахъ; это дѣло царградскихъ *пуштовъ*; пишутъ, пишутъ они, а Турція все несчастная, и все Франки и Русскіе въ ней командуютъ. Ты живи здѣсь своими доходами, и я тебя скоро женю. А какъ султанъ обучать тебя велѣлъ и сдѣлалъ человекомъ, такъ ты можешь ему и мечомъ послужить, какъ служилъ отецъ твой....

Гайредину сначала жалко было расстаться съ Босфоромъ, съ кайками, которые, какъ стрѣлы мчась по тихому проливу, везутъ веселыхъ людей, съ гуляньями и музыкой, съ театрами въ Перѣ, съ друзьями и съ богатыми банями цареградскими. Но противорѣчить отцу онъ не могъ, остался и при-
выкъ.

Невѣсту нашель ему отецъ богатую. Звали ее Эмине, и она была по роду и родству еще знатнѣе Гайредина: однимъ барановъ у отца ея Абдуль-паши были тысячи...

Самъ Абдуль былъ ужь очень старъ, но еще бодръ; почетное названіе паши онъ получилъ не по чину и долгой выслугѣ, а въ одинъ годъ за службу противъ Гриваса; онъ былъ жаденъ и жестокъ; одинъ видъ его былъ страшенъ; и ростъ, и дородство, и злые глаза на выкатъ, все въ немъ было чтобы наводить ужась. Сколько селъ христіанскихъ сжегъ и ограбилъ онъ, преслѣдуя Гриваса! Сколько мирной крови пролилъ! Янинскіе Турки говорили что сабля его заговорена однимъ святымъ шейхомъ, удивляется, когда Абдуль прочтетъ молитву, и достааетъ издали бѣгущую жертву.

Дочь его, Эмине-ханумъ, жена Гайредина, ни чуть на него не была похожа; она была тихая и добрая женщина.

Уже у Эмине было двое дѣтей отъ Гайредина: мальчикъ Иззединъ и дѣвочка грудная, когда Гайрединъ-бей встрѣтилъ Пембе на еврейской свадьбѣ.

Еврей Ишуа былъ самъ богатый янинскій банкиръ, и паши, и консулъ не пренебрегали его знакомствомъ.

Гайредина онъ зналъ давно и не разъ давалъ ему денегъ а Гайрединъ всегда въ срокъ уплачивалъ ему или изъ отцовскихъ доходовъ, или изъ женинаго имѣнія.

Ишуа выдавалъ младшую сестру свою за молодаго Еврея, Марко, телеграфнаго чиновника Порты.

Свадьба была богатая, одни одѣла атласныя, шитыя знаменитымъ золотымъ янинскимъ шитьемъ, стоили пять тысячъ піастровъ.

II.

Не задолго до свадьбы Марко съ сестрой Ишуа, Гайрединъ-бей соскучился въ своихъ горахъ и пріѣхалъ одинъ безъ жены и дѣтей, въ Янику, гдѣ у него былъ свой домъ

съ видомъ на озеро и на древнюю крѣпость поросшую плу-
щомъ.

Въ тотъ же день посѣтилъ его одинъ Грекъ, докторъ Пе-
тропулаки. Онъ былъ знакомъ съ нимъ еще въ Констан-
тинополѣ, а когда Петропулаки, самъ родомъ Эпиротъ, пе-
реселился на житье въ Янину, Гайрединъ-бей сталъ всегда
прибѣгать къ нему, когда кто въ домѣ былъ нездоровъ. Они
были очень дружны съ Петропулаки.

Петропулаки былъ человѣкъ еще молодой и холостой; одѣ-
вался онъ фрейтомъ; высокая шапка его была по послѣдней
модѣ. Онъ выписалъ ее изъ Корфу, и безъ перчатокъ и рин-
се-пез на улицу не выходилъ.

Докторомъ считался онъ знающимъ, воспитывался въ Па-
рижѣ и Германіи, приобрѣлъ много денегъ, несмотря на то
что Янина полна докторами, и любилъ повеселиться. Чело-
вѣкъ онъ былъ души не дурной, и легко привязывался къ
тѣмъ кого долго лѣчилъ; такъ полюбилъ онъ и семью Гай-
редина. Сверхъ того отецъ Гайредина, Шекиръ-бей, сдѣлалъ
много пользы роднымъ доктора во время прежнихъ безо-
радковъ.

Когда Петропулаки пришелъ къ бей, первое дѣло сталъ
онъ упрекать его за фустанеллу.

— Сними ты этотъ варварскій костюмъ! сказалъ онъ ему.—
Человѣкъ ты образованный, а одѣваешься какъ простой.

Гайрединъ, краснѣя, отвѣчалъ ему что онъ только въ де-
ревнѣ носитъ „простую одежду“, а что въ Янинѣ онъ одѣ-
вается по-европейски.

Докторъ съ чувствомъ приложилъ руку къ сердцу и ска-
залъ, закрывая глаза:

— Я тебя люблю и уважаю, Гайрединъ-бей, и прошу тебя...
переодѣйся скорѣе. Ты знаешь, я человѣкъ крайне нервный,
и фустанелла раздражаетъ меня, особенно на человѣкѣ та-
кой хорошей фамиліи и столь образованномъ какъ ты...

Гайрединъ переодѣлся; вмѣсто расшитой тончайшимъ зо-
лотымъ шитьемъ куртки съ откидными рукавами, вмѣсто
пышной фустанеллы и красныхъ чарухъ,* онъ надѣлъ сврое
пальто и брюки. Это платье было куплено имъ готовое у
Жида для представительности въ Янинѣ.

— Вотъ это дѣло другое, воскликнулъ Петропулаки, наводя

* Весьма красивая обувь.

на бѣднаго Гайредина рипсе-пез;—благодарю теба за пріязнь, бей-эффенди мой. Теперь я вижу передъ собой человека, а не дикаго звѣря. Ты прости мнѣ, я говорю это тебѣ какъ другу; я и родные мои отцу твоему жизнью обязаны, быть-можетъ.... Ни вы, Албанцы, ни мы, Греки, не пойдемъ впередъ, пока послѣднюю фустамеллу не выбросить за окно мужикъ въ самой отдаленной деревнѣ. Посмотри въ Европѣ, всакій хлѣбопашецъ такъ же одѣтъ какъ консулъ или по-сланникъ.... Все одно....

— Да, это, конечно, такъ, отвѣчалъ Гайрединъ;—пора бы всѣ эти закосячивыя вещи бросить; я и въ деревнѣ ношу потому что, знаешь, народу это пріятнѣе....

Поговорили они еще по-пріятельски и собрались вмѣстѣ на свадьбу къ Ишуа, докторъ во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и круглой шляпѣ, а Гайрединъ въ стромъ пальто и фескѣ.

Свадьбы въ Янинѣ празднуютъ и Евреи, и Греки ночью.

На еврейскихъ свадьбахъ гости жениха собираются у жениха въ домѣ и веселятся до полуночи, а въ полночь съ зажженными свѣчами идутъ въ домъ невесты. Выведутъ изъ внутреннихъ покоевъ невесту; поставятъ ее вмѣстѣ съ женихомъ предъ камнемъ, покроютъ ихъ обоимъ бѣлымъ покрываломъ. Читается молитва; новобрачнымъ даютъ пить вино; женихъ разбиваетъ стаканъ о камень; мужчины кругомъ поютъ; къ головѣ молодыхъ прикладываютъ по нѣсколь-ку разъ живаго пѣтуха.... Обрядъ конченъ, и шествіе трогает-ся опять съ зажженными свѣчами по тихимъ улицамъ. Музыка играетъ впереди; дѣти поютъ, пляшутъ и кричатъ вокругъ музыкантовъ. Толпа идетъ медленно; невесту под-держиваютъ подъ руки, она должна быть слаба, потрясена, убита.... Она не смѣетъ поднять глазъ на веселую толпу....

Въ домѣ молодаго опять всѣ пьютъ, ѣдятъ, поютъ и пля-шутъ до разсвѣта....

На свадьбѣ сестры Ишуа все было такъ, какъ бываетъ у другихъ, но все было богаче и веселѣе.

На свадьбѣ, кромѣ доктора и бей, былъ еще французскій консулъ и многіе богатые Греки и Евреи.

Гайрединъ-бей сидѣлъ на диванѣ въ залѣ, между француз-скимъ консуломъ и докторомъ Петропулаки, когда хозяйка дома подошла къ нимъ и спросила почитаемо, не при-кажутъ ли они палесть цимгистрамъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ французскій консулъ.

И Пембе начала танцовать, зная колокольчиками. *

Она плясала долго; выгибалась назадъ, кружилась и при-
сѣдала, опять кружилась, и опять выгибалась назадъ какъ
тростникъ.... То шла медленно и окромно, нагибая бѣдную
голову на сторону, то опять неслась, трепетала всѣмъ тѣ-
ломъ подъ звонъ мѣди, и вдругъ остановилась предъ консу-
ломъ, улыбаясь и зная.

Консулъ далъ ей наполеондоръ. Она остановилась предъ
беемъ, и Гайрединъ далъ ей двѣ лиры; докторъ съ досадою и
презрѣніемъ вынулъ пять франковъ.

— Какой варварскій обычай! оказалъ ому Гайредину. —
Какъ могли позволить этимъ побродягамъ просить деньги у
гостей!... Пригласить на свадьбу и грабить!...

— Нѣтъ! отвѣчалъ Гайрединъ, которому Пембе уже попра-
вилась нежного:—зачѣмъ же у бѣдняковъ отнимать хорошій
случай!...

— Чтѣ вы говорите, докторъ? спросилъ французскій консулъ.

— Я ненавижу наше азіатство, наше здѣшнее варварство...
отвѣчалъ Петропулаки. — Чтѣ значитъ этотъ танецъ? Это
можетъ занимать какихъ-нибудь ремесленниковъ или турец-
кихъ солдатъ, а не насъ.... И вашему сіятельству вовсе не
весело смотрѣть на такія презрѣнныя вещи послѣ парижска-
го кордебалета!...

— Нѣтъ, отвѣчалъ французскій консулъ, — я, напротивъ
того, люблю азіатскія вещи. Европа мнѣ надоела; je me sens
mieux lorsque je vois des choses qui ont un cachet à eux.... Ког-
да я служилъ въ Алжирѣ и дѣлалъ сирійскую экспедицію, я
почти всегда, когда могъ, одѣвался по-арабски. Въ вашей
странѣ мнѣ многое нравится!...

— Ваше сіятельство слишкомъ добры, отвѣчалъ Петро-
пулаки.

— Кордебалетъ мнѣ надоелъ, продолжалъ Французъ, — а
этотъ танецъ имѣетъ сходство съ испанскою какучей или
болеро....

— Конечно, возразилъ, склоняясь, докторъ,—сходство съ

---

* Строго говоря, танцовщицы или, во-здѣшнему, *укилистры*, ко-
торымъ платятъ въ Витоліи и Яшиѣ, зная не колокольчиками, а
мѣдью или медьными тарелочками, прилаженными къ платью.

болеро поразительное, но надо видеть Фанни-Эльслеръ, а не эту несчастную Пембе....

— Фанни-Эльслеръ въ послѣднее время была очень толста... Tandis que cette petite morveuse de Pémbe me semble....

— Не отрицай ея граціи, я только говорю что эти блѣдныя лица не въ моемъ вкусѣ.

— Это дѣло вкуса, сказалъ консуль. — Вы докторъ и, конечно, матеріалистъ, а я люблю дѣвушекъ такихъ какъ эта Пембе: блѣдныхъ, болѣзненныхъ и воздушныхъ.... Поди сюда, мое дитя.... вотъ тебѣ еще деньги, купи себѣ хорошее платье и новый тамбуричь.... Ah! la pauvre! Elle est bien heureuse maintenant.

Докторъ сказалъ консулу что у него, должно-быть, предоброе сердце.

— Vous le crouez? спросилъ консуль съ презрѣніемъ.

Гайредину было очень пріятно что такой просвѣщенный человекъ, Французъ и консуль, хвалить Пембе. Послѣ этихъ похвалъ танцовщицъ и всему азіатскому, онъ сталъ смѣлѣе.

Консуль вскорѣ удался. Гости пошли за невѣстой и привели ее.

Послѣ консула Гайрединъ былъ выше всѣхъ по званію. По его предложенію, хозяинъ опять заставилъ плясать Пембе, которую отправили внизъ вѣсть со слугами. Когда она кончила и почтительно присѣла на землю предъ нимъ, прикладывая руку ко лбу, онъ далъ ей еще нѣсколько золотыхъ.

Уже стало свѣтать, и съ горъ надъ Яниной подулъ прохладный вѣтерокъ, когда Гайрединъ-бей сѣлъ на лошадь, которую подвелъ ему его молодой Арабъ.

Провъзжая по двору, онъ въ толпѣ слугъ и гостей увидалъ Пембе; она сидѣла, пригорюнившись, на камнѣ, и при утреннемъ свѣтѣ лицо ея показалось ему еще блѣднѣе и грустнѣе.

III

Мѣсяца три Гайрединъ-бей не видалъ Пембе. Онъ жилъ въ своемъ имѣніи, собиралъ деньги съ сельчанъ, шутилъ съ маленькимъ Иззединомъ (безъ ума любилъ онъ своего сына), ласкалъ свою жену. Поднимался съ горъ утренній вѣтеръ, онъ вставалъ, пилъ воду съ вареньемъ, билъ въ ладони, и Арабъ

приносилъ ему наргиле подъ деревянный навѣсъ балкона. Жарче и жарче грѣло солнце къ полудню обнаженные холмы; громче и громче пѣли тысячи цикады на высокихъ дубахъ Дельвино, и дальнія бѣлыя села, какъ груды мѣла, утопали въ знойномъ воздухѣ долинъ.

Наставалъ обѣдъ, и сонъ приходилъ своимъ чередомъ. Добрая жена вставала когда молодецъ мужъ входилъ въ гаремъ; она спрашивала его покорно: „что угодно тебѣ, господиный мой?“ а когда мужъ просилъ ее съестъ и обращался къ ней съ ласковою рѣчью, добрая душа ея веселилась, и свѣтаѣ становилась очи. И она уже не рабой законной, а милой подругой говорила ему: „Что ты мало ѣшь, мой дорогой, моя душка! Кушай, кушай на здоровье, ягненокъ ты мой, очи ты главы моеи....“

А Гайрединъ, вздохнувъ вздохомъ счастья, отвѣчалъ ей, привлекая ее на грудь свою: „Ты, султанша моя, на радость дана мнѣ Богомъ. Про тебя сказалъ пророкъ: „тамъ юныя дѣвы будутъ глядѣть скромными очами, дѣвы, которыхъ предѣстей не осквернялъ никогда ни человекъ, ни духъ созданный изъ чистаго огня. Онѣ будутъ подобны гиацнту и жемчугу.“

Старый Шекиръ-бей любовался на нихъ; прѣзжалъ не разъ и тестъ Гайдерина, Абдуль-паша, на лихомъ жеребцѣ, съ двадцатью молодцами. Кто пѣшій, кто на конѣ, всѣ на подборъ красовались за нимъ, во всю дорогу пѣли пѣсни о томъ какъ Гривасъ вышелъ въ Эпиръ, и какъ съ нимъ и съ его Греками бились албанскіе мусульмане....

Долго бы такъ прожилъ Гайрединъ-бей и не увидалъ бы долго Пембе, еслибы черезъ три мѣсяца не выбрали его въ члены большого идаре-меджауса, * который со всего вилаета обирался въ Янну судить вмѣстѣ съ пашой о дѣлахъ.

Когда въ Янну представили списки всѣхъ мусульманъ и немусульманъ, которыхъ жители назначали въ это присутствіе, паша не совсѣмъ былъ доволенъ тѣмъ что нашелъ въ нихъ имя Шекиръ-бея. „Не по сердцу мнѣ эта албанская голова упрямая!“ сказалъ онъ; а вычеркнуть его имени изъ списка не посмѣлъ.... Однако сдѣла эти смыслили люди, и они дошли до Шекиръ-бея; Шекиръ-бей сказалъ смелу:

— Пускай лучше тебя замесутъ въ списки. Ты человекъ

* *Идаре-меджаусъ*— административный совѣтъ новаго устроитва.

молодой и лучше моего обойдешься съ ними; а я вмѣстѣ съ пашой народъ обманывать не хочу. Мнѣ дороги не нужны, а и безъ дорогъ проживу хорошо. А имъ нужны дороги чтобы войска водить на Грековъ и на насъ, если которые изъ насъ вспомнятъ о старой свободѣ албанской. Пусть отрываютъ народъ отъ работъ полевыхъ и гонять камни ломать, дорогъ ови хорошихъ не построятъ; придетъ осень, побегутъ ручьи, и вся дорога ихъ грязью станетъ, по которой лошадамъ труднѣе будетъ ходить чѣмъ по камнямъ; а народъ отъ работъ оторвутъ, и будетъ селяннъ проклаивать опять власть султана; и возстанетъ опять, когда тотъ кому слѣдуетъ скажетъ ему „возстань!“ А мы, албанскія толстая головы, опять за него будемъ биться, и женъ, и дѣтей вашихъ сиротами оставимъ.

Когда узналъ народъ что не старикъ поѣдетъ въ Янину на совѣтъ, а Гайрединъ, многіе пожалѣли. Иные, не только изъ Албанцевъ, но и христіане говорили: „что Гайрединъ!“

А другіе сказали: „что Гайрединъ, что старикъ, все равно. Люди они оба хорошие: а житія намъ лучше не будетъ, сколько совѣтовъ ни собирай.“

А сельскій учитель, Грекъ, который прожилъ три года въ Ашинахъ, сказалъ деревенскимъ Грекамъ еще хуже:

— Гляжу я на васъ и дивлюсь, какіе вы всѣ варвары, деревенскіе люди! Кажется, какъ бы не просвѣтитесь вамъ: скоро во всемъ Эпирѣ не будетъ ни одного безграмотнаго Грека; деревни ни одной нѣтъ безъ школы.... Знайте вы, чѣмъ хуже для васъ, тѣмъ лучше! Такіе бѣи какъ Шекиръ-бей и Гайрединъ для васъ хуже всякаго врага, потому что они честные и добрые люди, а вамъ нужны изверги, вамъ пытка нужна, чтобы въ васъ кровь заиграла, и чтобы вы людьми стали. Добрый бей, честный паша великое несчастье для Грековъ!

Крестьяне надъ его словами задумались, и одинъ старикъ сказалъ:

— Не бойся, учитель, и мы люди! И мы знаемъ что мы Греки, и съ Туркомъ не помирать насъ ни Гайрединъ, ни Шекиръ-бей. А время наше не пришло, ты самъ это знаешь....

Въ ударе-меджлисъ нашлось много дѣла: распределение новыхъ податей; разборъ жалобъ крестьянъ на беевъ и беевъ на крестьянъ, или жалобъ крестьянъ на Жидовъ, которые въ послѣднее время скупили у уныхъ беевъ *цифтлики*;

разсужденія о томъ гдѣ начать проводить дороги по ущельямъ и стремнинамъ гористаго вилаета; Турки янинскіе жаловались что правительство не заводитъ имъ гимназій.

— Намъ нужны прежде всего языки, говорили богатые беи,—намъ нуженъ турецкій языкъ котораго мы не знаемъ: это языкъ правительства, девлета; * намъ нуженъ греческій языкъ: это языкъ здѣшнихъ жителей; намъ нуженъ французскій: это языкъ европейскаго просвѣщенія.... Мы во всемъ отстали отъ Грековъ. У Грековъ были благодѣтели которые разбогатѣли въ Россіи и Молдавіи и завѣщали имъ милліоны на устройство школъ въ Эпирѣ, а за насъ кому же думать какъ не падишаху? Но падишахъ не думаетъ о насъ; онъ строитъ себѣ дворцы.

— Падишахъ сталъ гауромъ, отвѣчали на это беи улемы.—Падишахъ празднуетъ день своего рожденія какъ невѣрные короли. Всѣми дѣлами правятъ хитрецы Фуадъ и Аали-паша... Ужь, слышно, жень и дочерей нашихъ стали считать и записывать въ списки ихъ имена. Въ Эдирне-вилаетѣ ** ужь сдѣлали это, и ли одна собака не рѣшилась стать на порогѣ своего дома и обнажить мечъ на защиту святыни своего гарема.

Умы были давно въ волненіи; въ Критѣ Греки уже подняли знамя возстанія; въ народѣ ходили ложные слухи о томъ что Русскіе уже двинули несметныя войска къ Дунаю, что Сербскій князь скоро нападетъ на Боснію, что Черногорія готова къ бою, будто Франція помогаетъ Россіи и увозитъ на своихъ пароходахъ семьи Грековъ изъ Крита чтобы легче и успѣшнѣе было Грекамъ лить мусульманскую кровь. „И тутъ гауръ, и здѣсь гауръ!“ говорили Турки. „Приходитъ конецъ царству правовѣрныхъ, и Врата Блаженства (Царьградъ) скоро будутъ отверсты для свирѣпныхъ псовъ Московіи!“

Вздыхали радостнѣе старые Греки въ неприступныхъ селахъ горныхъ округовъ, и поднимая глаза къ небу, говорили: „Да здравствуетъ Россія, надежда наша! Да здравствуетъ единственный столбъ православія въ мірѣ! Россія дала намъ не только свою поддержку, она дала намъ дружбу Америки, она даетъ намъ теперь дружбу Франціи, она спасетъ насъ несчастныхъ отъ Турка!“

* *Девлетъ*—государство.

** *Эдирне*—Адріанополь.

Старуха, слушая мужа, шептала молитву Божіей Матери, а сынъ, молодой *памикаръ*, сверкая очами, уже хватался за рукоятку ятагана.

Албанцы одни изъ всѣхъ жителей Эпира оставались непроницаемы; необузданная, молодецкая воля ждала молча слова богатыхъ дворянъ, вождей своихъ, и вымолви вожди это слово, безъ разбору полилась бы и христіанская, и турецкая кровь....

— Пойдешь со мною на султана въ Константинополь? сказалъ когда-то одинъ Грекъ своему знакомому Албанцу.

— Въ адъ пойду! отвѣчалъ Албанецъ, обнажая ножъ: — скажи только сколько лиръ золотыхъ ты мнѣ дашь за это?

Въ такое-то трудное время пришлось Гайредину засѣдать въ шаре-меджлисъ янишскомъ.

Феимъ-паша, Черкесъ, предсѣдавшій самъ въ этомъ совѣтѣ, былъ человѣкъ блестящаго ума и высокаго свѣтскаго воспитанія. Онъ былъ не разъ посломъ при европейскихъ дворахъ, имѣлъ ленты и Св. Анны, и Почетнаго Легіона, и Османія 1-й степени, который дается только мусульманамъ. Жизнь его была исполнена событій. Рожденный въ глухомъ кавказскомъ аулѣ, онъ былъ проданъ родными за тысячу піастровъ одному могущественному пашѣ, который сражался въ Греціи, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ Греками и отпущенъ ими съ отрѣзанными ушами.

— Живи, звѣрь, сказалъ ему тотъ капитанъ который отсѣкъ ему уши, — живи, звѣрь, и помни что такое Эллины! Мы хотимъ чтобы младенцы ваши трепетали въ утробѣ Турчанокъ, когда произнесено будетъ слово „Эллины“. Живи!

И старикъ жилъ долго и помнилъ Грековъ.

Съ раннихъ лѣтъ Феимъ-Черкесъ всосалъ ненависть ко всему что носить имя Грека.

Ребенокъ Феимъ былъ красивъ, умиленъ, смѣлъ и хитеръ. Старый паша, воспитавшій его, звалъ его „сыномъ“ и гордился имъ. Онъ вывелъ Феима на дорогу, женилъ его на дѣвицѣ султанской крови и скончался на рукахъ его. Феимъ шелъ впередъ уже самъ. Сорока шести лѣтъ онъ былъ уже великимъ визиремъ и палъ лишь потому что не сумѣлъ угодить французскому послу. Тогда ему дали вилаеть и приказали мудро сочетать осмотрительность съ энергіей. Съ этимъ общимъ правиломъ и онъ былъ согласенъ, но Фуада и Ами, низвергнувшихъ его, онъ ненавидѣлъ и не слушалъ, и

увѣренный въ личной силѣ своей, не разъ рвалъ въ клочки ихъ предписанія.

Возмущенный вліяніемъ Французовъ на дѣла Турціи, онъ, послѣ паденія своего, соединился съ тою старою турецкою партіей которая ненавидитъ реформы въ пользу христіанъ, не зажигаетъ плошекъ на минаретахъ въ день рожденія султана, мечтаетъ вырѣзать всѣхъ Грековъ и Болгаръ, но считаетъ ихъ и Русскихъ все-таки выше Франковъ, за то что они не исказили, какъ исказили Франки, данныхъ имъ свыше книгъ. Феимъ-паша соединился съ партіей которая неуклонно содержитъ Рамазанъ, не пьетъ вина и говоритъ что Турція гнѣетъ съ того ужаснаго дня, когда султанъ Махмудъ обогриль цареградскіе камни кровью великихъ янычаръ.

Партія эта, нѣ видная и слабая въ мирное время, можетъ еще стать ужасною въ смутную годину и подъ рукою просвѣщеннаго вождя.

Феимъ-паша соединился съ этою партіей, несмотря на то что говорилъ по-французски какъ Парижанинъ, несмотря на то что былъ посломъ въ Вѣнѣ, Петербургъ и Лондонъ, несмотря на то что у него было въ теченіи его жизни двѣ жены изъ христіанокъ, одна Гречанка, которая задушила въ ваннѣ его Араба-евнуха изъ-за гаремной распри, а другая — Франуженка, которую онъ самъ разъ едва было не убилъ: такъ нестерпимъ былъ ея буйный нравъ; несмотря наконецъ на то что любилъ стихи Байрона и романы Жоржъ-Занда.

Прибывъ къ своей новой должности, на которую онъ смотрѣлъ какъ на изгнаніе, Феимъ-паша держалъ себя съ недоступною гордостью, смѣялся надъ Фуадомъ, сочинялъ стихи на Французовъ, ласкалъ хаджей и ѣздилъ на поклоны къ старому шейху, который въ городѣ считался святымъ. Во время Рамазана паша ѣлъ и курилъ днемъ, но только запершись даже и отъ жены своей и довѣряясь лишь одному слугѣ своему, Армянину.

Съ Греками онъ обращался сначала холодно, но не дерзко (онъ не забывалъ осторожности); французскаго и австрійскаго консуловъ онъ принималъ въ туфляхъ и получалъ за это выговоръ изъ Царьграда; съ англійскимъ обошелся крайне почтительно, но сдержанно; а русскаго, на зло Фуаду, принималъ съ распростертыми объятіями, шутилъ и смѣялся съ нимъ, не выпускалъ отъ себя часа два, и даже, провожая его

до дверей, сказалъ ему съ радушиемъ: „Croyez moi, mon cher consul, qu'un Russe et un Turc s'entendront toujours mieux entre eux qu'avec ces messieurs-là.... Nous sommes plus larges, plus generaux, moins mesquins...“

— Къ тому же, прибавилъ онъ,—я вѣдь землякъ вамъ, Кавказецъ.

Французъ и Австриецъ выходили изъ себя.

Таковъ былъ Феимъ-паша, Черкесъ. Когда Гайрединъ-бей въ первый разъ представился ему, паша принялъ его сначала гордо и сухо, сурово и разсѣянно; приложилъ руку къ фескѣ въ отвѣтъ на его почтительный поклонъ; пошевелился съ кресла и молча указалъ ему на дальнй диванъ. Гайрединъ сѣлъ. Паша позвонилъ, спросилъ себѣ чубукъ, а Гайредину не предлагалъ даже ни папиросы, ни кофею; занимаясь при немъ долго дѣлами, звалъ дефтердара и отпускалъ его, звалъ муавина, звалъ мехтубчи-эффенди *, прикладывалъ печать, и только мимоходомъ, между двумя телеграммами, изъ которыхъ одну онъ съ презрѣнiемъ бросилъ на диванъ (она была отъ Аали-паши), спросилъ у смущеннаго и оскорбленнаго Албанца:

— Какъ здоровье вашего отца?

Скоро послѣ этого вопроса вошелъ въ бѣлой чалмѣ мюфетимъ, по новому уставу предсѣдатель и глава всѣхъ судовъ вилаетскихъ, полудуховный сановникъ, назначаемый самимъ Шейхъ-уль-исламомъ. Паша стремительно кинулся ему на встрѣчу, не далъ ему прикоснуться къ своей полѣ и прикоснулся, низко нагнувшись, самъ къ его халату, посадилъ около себя съ тысячами привѣтствій и поклоновъ, ударилъ въ ладоши (колокольчика онъ не тронулъ) и приказалъ скорѣе подать воды съ варевьемъ, кофе и два чубука.

Гайрединъ всталъ, поклонился и вышелъ глубоко оскорбленный.

— Кто этотъ мальчикъ? спросилъ мюфетимъ.

— Новый членъ нашего идаре-меджлиса, албанскій бей, изъ старой и богатой семьи....

— Какихъ молодыхъ стали выбирать! Ему не больше двадцати двухъ лѣтъ, сказалъ мюфетимъ.

* *Дефтердаръ*—казначей, *муавинъ*—помощникъ, въ родѣ чиновника по особымъ порученiямъ; *мехтубчи*—правитель канцелярiи паша.

— Нѣтъ, я думаю, больше. Онъ кажется молодъ, потому что бѣлокурый и брѣветъ бороду.

— Странный народъ эти Албанцы, замѣтилъ мюфеташъ.— Съ виду точно Греки въ фустанеллахъ, и у нихъ свой языкъ.

— И своя вѣра, отвѣчалъ паша съ презрѣніемъ,—или, лучше сказать, у нихъ нѣтъ ни вѣры, ни совѣсти. Въ другихъ частяхъ Албаніи они ставятъ свѣчки въ христіанскихъ церквахъ и держатъ посты, какъ гауры, тамъ обрѣзываются какъ мы и празднуютъ Рамазанъ, а здѣсь всѣ *бекташи*, * скрываютъ свои обряды и пьютъ вино какъ свиньи. На этотъ варварскій народъ надѣяться нечего....

— *Пекъ, пекъ бабарликъ* (ужасное варварство)! со вздохомъ согласился мюфеташъ.

IV.

Не прошло и недѣли послѣ разлуки Гайрединъ-бея съ его гаремомъ, какъ докторъ Петропулаки позвалъ его на холостую вечернюю пирушку. Съ тѣхъ поръ какъ французскій консулъ похвалилъ Пембе, и доктору она стала больше нравиться; онъ позвалъ Цыганъ на свой вечеръ. Цыгане эти, съ которыми ѣздилъ Пембе, знала немного и европейскую музыку. Отъ захожденія солнца и до утренней зари не умолкали скрипки, кларнеты и тамбурины въ просторномъ домѣ доктора. Все веселилось; былъ тутъ Корфіотъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, Цукала, который звалъ себя археологомъ, были двое консульскихъ драгомановъ, былъ одинъ родственникъ доктора, молодецкій аѳинскій студентъ, щеголь такой что въ Яванѣ и не видали еще. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ къ отцу и на всѣхъ смотрѣлъ свысока. Былъ еще одинъ пожилой членъ того же меджаса въ которомъ пріѣхалъ засѣдать Гайрединъ, семейный и умный человекъ, Киръ Костаки Джимпуло. Онъ и часовщикъ оживляли всѣхъ; только старикъ, рослый, крѣпкій на вино и осторожный, удивлялъ всѣхъ достоинствомъ съ которымъ онъ умѣлъ пировать и шутить, а Цукала опянѣлъ сразу и сталъ какъ изступленный. Къ утру Гайрединъ-бей былъ безъ ума отъ Пембе. Пропаяла она разъ

* *Бекташи*, такъ иногда зовутъ истые Турки ту ересь которой привержены многіе Албанцы, и которая сходна съ ересью персидскихъ *шиитовъ*.

и звена колокольчиками, ужь не просто остановилась предъ беємъ, какъ на еврейской свадьбѣ, а сѣла, улыбаясь, на его колѣни. Бей смутился немного, особенно когда всѣ закричали „браво!“ Онъ далъ ей золотой, она сошла съ его колѣнъ, прошла еще разъ кругомъ комнаты и сѣла къ старику; старикъ тоже скоро отпустилъ ее. Такъ она обошла всѣхъ поочередно; но когда дошла очередь до студента, то онъ долго держалъ ее и твердилъ ей: „Пембека моя! Пембула моя! Какъ ты мила!“ Онъ говорилъ ей это по-гречески, а она кромѣ „благодарю“ да „здравствуй“ по-гречески ничего не знала. Этимъ бѣдный мальчикъ такъ надѣвалъ ей, несмотря на то что былъ очень свѣжъ и красивъ, что она другой разъ во весь вечеръ не подпускала его къ себѣ и говорила ему: *гидъ! гидъ!* (Ступай вонъ!)

Всѣ уже были выпивши; выпилъ и Гайрединъ, но на столикъ чтобы не забыться, а лишь повеселѣть. Джимопудо подавалъ всѣмъ примѣръ веселья. Онъ приказывалъ чтобы слуги доктора прежде всѣхъ подавали сладости и кофе, и вино Пембе, какъ дѣлаютъ Европейцы съ дамами.

За нимъ и докторъ, надѣвъ лорнетъ, пытался быть любезнымъ; студентъ становился предъ Цыганкой на колѣна, несмотря на то что она кричала ему: „гидъ! гидъ!“

Цукала былъ вѣд себя; онъ кидался изъ угла въ уголъ, плясалъ предъ Пембе, съ разбѣгу вскакивалъ на диванъ и соскакивалъ съ него, декламировалъ предъ Пембе трагическіе стихи:

„Гдѣ ты? Гдѣ я? Огонь и кровь! О ужасъ!...
 О ужасъ днѣи моихъ и жизни преступленья!
 Томись душа моя въ безвыходномъ томяньи!
 Воми!...“

Пембе слушала съ насмѣшкой и прикладывала руку ко лбу и сердцу. Такъ и видѣлъ бей на лицѣ ея: „Какой чудакъ этотъ гяуръ!“ Внимательна Пембе была только къ хозяину дома, къ Джимопудо и къ Гайредину. Гайрединъ какъ увидалъ что всѣ съ ней шутятъ и обращаются нарочно какъ съ госпожой, ободрился тоже и забылъ свою мусульманскую скромность. Она отдыхала на диванѣ, онъ сѣлъ около нея и спросилъ у ней зачѣмъ она гонить студента. „Красивый мальчикъ“, сказалъ онъ ей по-турецки. Кромѣ Джимопудо и

двухъ драгомановъ никто этого языка не зналъ, а они всѣ трое ушли въ другіе покои.

— Зачѣмъ ты гонишь этого мальчика? спросилъ опять Гайрединъ.

— Мальчикъ, отвѣчала Пембе.

— Чѣмъ моложе, тѣмъ лучше, сказалъ Гайрединъ.

— Нѣтъ; я такихъ молодыхъ не люблю, сказала Цыганка.— Тѣ люди у которыхъ борода растеть больше знаютъ.

Что за угрюмое и что за усталое лицо было у ней, когда она такъ льстила Гайредину.

— У старыхъ больше денегъ, сказалъ съ усмѣшкой бей.

— Я не деньги люблю, а человѣка! отвѣчала Пембе.

— Не деньги? сказалъ бей: — а если я тебѣ новое платье сдѣлаю, ты будешь рада... не лги!

— Сдѣлай, отвѣчала она,—это ужь старо. Да еще мнѣ курточку золотую нужно.

И все говорила она тихо, не спѣша, и въ глаза ему глядѣла, точно тоскуя или болѣя отъ усталости и пляски.

Не долго просидѣли они одни; Цукала прибѣжалъ какъ безумный, крича: „Evviva! Да здравствуетъ нашъ добрый бей!“ и закрылъ его вмѣстѣ съ Пембе полотняною покрывкой съ дивана. Пембе хотѣла было оттолкнуть его, но бей тихо удержалъ ее и подъ полотномъ приблизилъ губы свои къ ея губамъ. Пембе поцѣловала его крѣпко, а потомъ сбросила полотно и сказала:

— Цукала, ты что? съ ума сошелъ сегодня...

— Zito! да здравствуетъ Пембе-ханумъ! закричалъ археологъ, поднимая бокалъ...

— Zito... Пембе! кричалъ студентъ.

— Гремь музыка въ честь бей! воскликнулъ хованецъ.

Музыка заиграла, бокалы поднялись и чокнулись.

— Zito Пембе! закричали всѣ Греки.

Пембе благодарила всѣхъ, не смущаясь.

Заужиномъ Пембе сидѣла съ господами, а другихъ музыкантовъ и старуху, тетку ея, которая играла на тамбуричѣ, отправили внизъ вѣсть со слугами. Часовщику пришла мысль посадить Пембе за столъ; докторъ взялъ ее самъ подъ руку и повелъ впередъ. Пембе немного испугалась, и отталкивая его, озиравалась и спрашивала:

— Не варъ? Не варъ? * Куда онъ меня ведетъ?...

* „Что такое? Что есть?“

Гайрединъ, смѣясь, успокоилъ ее, и какъ только она поняла что отъ нея ничего не требуютъ, а хотѣть лишь величать ее, тотчасъ же приняла опять свой задумчивый и суровый видъ. Дѣтская непринужденность ея обращенія снова во все время ужина пльняла Гайредина. Хозяинъ посадилъ ее около себя; Джимопуло самъ накладывалъ ей кушанья; совѣтовалъ ей кушать руками, не стѣсняясь: „мы люди старые, не брезгаемъ этимъ, а молодые простать тебѣ это за твои черные глаза“, говорилъ старикъ. Но Пембе ничего не ѣла; разъ взяла пальцемъ немного мозга изъ головы барашка и чуть касалась губами вина, которое ей безпрестанно предлагали. Она все время глядѣла на Гайредина и улыбалась, когда онъ улыбался ей.

— Паша мой! сказала она ему наконецъ тихо, подъ звукъ стакановъ и шумъ разговора: — паша мой! а паша мой?

— Чего ты хочешь? спросилъ Гайрединъ.

— Люблю тебя! отвѣчала Пембе.

Гайрединъ покраснѣлъ и съ радостью замѣтилъ что никто не слышалъ ее словъ.

— Паша мой, сказала Пембе я больна, кузумъ,—* паша мой.

— Чѣмъ же ты больна, дочь моя? спросилъ Гайрединъ.

— Лихорадка давно у меня; оттого я такъ худа. Потрогай мои руки, паша мой, видишь какія онѣ нѣжныя. Я прежде не была такъ худа. И послѣ, если пройдетъ лихорадка, я стану опять красивая и толстая.

Словъ Пембе не слышалъ никто, но движеніе нея, когда она взяла руку Пембе, не скрылось отъ другихъ гостей.

— Нашъ бей идетъ впередъ! закричалъ хозяинъ дома.—Люблю бей, который умѣетъ устраивать дѣла свои! Да здравствуетъ бей! Zito! Да здравствуютъ Албанцы, друзья наши!

Всѣ Греки закричали „Zito“, и Гайрединъ благодарилъ Грековъ и за себя, и за народъ свой.

— Постоите, сказалъ Цукала, всталъ, простеръ руку и началъ такъ: — Албанцы, добрые сосѣди Грековъ, издревле обожали свободу, подобно намъ. Албанцы, по моему взгляду,

---

* Кузумъ, по-турецки, барашекъ, агнепокъ; ласкательное слово, которое не только Турки, но и христіане, особенно женщины, часто употребляютъ на востокѣ. Слово это у нихъ звучитъ очень душно.

не что иное какъ древніе Пелазги. Элины, устремившись съ востока гораздо поздне...

— Довольно, замѣтилъ Джимопуло, — избавьте насъ теперь отъ археологіи и политики. Здѣсь у насъ другія заботы. Я вижу что Пембе ничего не кушаетъ. Выпьемъ лучше еще разъ за здоровье Пембе и пожелаемъ ей долго жить, расти и выйти за мужъ за здороваго молодца вотъ съ такими плечами.... Живи, моя бѣдная дѣвушка! прибавилъ старикъ и погладил Пембе по головкѣ.

Всѣ стали опять пить за здоровье Цыганочки, которая очень почтительно и прилично благодарила всѣхъ, но сама отъ вина опять отказалась.

Часовщикъ не хотѣлъ успокоиться; онъ былъ совсѣмъ пьянъ и предложилъ тостъ за православіе, который всѣми Греками былъ принятъ съ восторгомъ, кромѣ Джимопуло и одного изъ драгомановъ (австрійскаго); они переглянулись; драгоманъ пожалъ плечами, а Джимопуло всталъ и хотѣлъ сказать что-то, но греческій драгоманъ, пламенный молодой Корфіотъ, выпивъ свой бокалъ, произнесъ:

— Да здравствуетъ православіе! Пусть оно идетъ впередъ, развивается на погибель всѣмъ врагамъ своимъ!... (Онъ взглянулъ съ дружескою насмѣшкой на своего австрійскаго товарища)....

Всѣ еще разъ выпили, вставши; и Гайрединъ, и Пембе тоже встали и приложили бокалы къ губамъ.

Разгоряченный виномъ, криками и музыкой, которая въ это время опять заиграла, Корфіотъ хотѣлъ продолжать свою рѣчь о православіи (скрытый смыслъ ея понималъ всякій), но Джимопуло возвысилъ голосъ и сказалъ твердо, внятно и внушительно:

— Мнѣ кажется, мы больше окажемъ уваженія и преданности святой религіи, которую исповѣдуемъ, если не будемъ упоминать о ней на пирушкѣ.

Всѣ замолчали, и ужинъ кончился уже безъ новыхъ политическихъ намековъ.

Во время ужина, подъ столомъ Гайрединъ нѣсколько разъ клалъ въ руку Пембе золотыя монеты, такъ что къ разсвѣту у нея собралось столько денегъ, сколько нужно бѣдой дѣвушкѣ въ Турціи на приданое.

Она шепотомъ благодарила его и клала деньги въ карманъ своей курточки.

— Зачѣмъ же ты пляшешь такъ много когда ты больна? спросилъ онъ ее тихо, пока Греки шумѣли и спорили.

— Хлѣбъ нуженъ, милый папа мой; тетка меня бьетъ, когда я не пляшу.... отвѣчала она.

Уже разсвѣтало, когда кончилась пирушка. Всѣ гости, кромѣ Гайредина и стараго Джимопуло, были такъ пьяны что слуги развели ихъ по домамъ; а хозяинъ уснулъ на диванѣ, не простившись съ гостями.

Джимопуло и Гайрединъ вышли вмѣстѣ пѣшкомъ. Слуги ихъ шли впередъ съ погашенными фонарями; заря занималась уже надъ горою. Въ домахъ просыпались, и изъ старыхъ Гречанокъ многія уже вышли на пороги жилищъ своихъ съ пряжей и шитьемъ. Очаги начинали дымиться; въ дальнемъ лагерѣ слышался рожокъ, и одна молодая христіанка, больная, блѣдная и грустная, вынесла на улицу своего ребенка и стала качать его въ люлькѣ.

Проходя мимо нея, Гайрединъ сказалъ старику Джимопуло:

— Какъ рано трудятся эти люди!

Блѣдная женщина подняла на нихъ усталый взоръ и сказала съ досадою:

— Чтò жь дѣлать! мы не беи и не купцы, намъ гулять некогда....

— Правду она говоритъ, сказалъ Гайрединъ.

— Правду говоритъ, повторилъ Джимопуло.—И хорошо дѣлаетъ бѣдный народъ нашъ что трудится. Ему нужны покойствіе, мирный трудъ, промышленность и школы, и большой грѣхъ берутъ на душу тѣ люди которые хотятъ увлечь Грековъ несбыточными надеждами. Несчастные Критяне! Несчастные будемъ и мы если послѣдуемъ ихъ примѣру, или словамъ такихъ дураковъ какъ этотъ Корфіотъ....

— Да! сказалъ Гайрединъ: — часъ онъ выбралъ не хорошій чтобы пить за вашу вѣру.

Джимопуло проводилъ бея до дверей его дома и простился съ нимъ. Уходя, онъ напомнилъ Гайредину что спать имъ придется мало, потому что завтра будетъ меджлисъ....

— Будемъ проводить шоссе, сказалъ онъ, улыбаясь.

— На бумагѣ? прибавилъ, тоже улыбаясь, Гайрединъ.

— Наше дѣло бумага, сказалъ Джимопуло.—Пусть другіе разбиваютъ скалы и мѣсятъ грязь. Это дѣло самыхъ большихъ людей и самыхъ простыхъ, а мы, ни самые большіе, ни самые малые, должны заниматься бумагой....

Джимопуло такъ понравился Гайредину что онъ просилъ его зайти, послѣ отдыха, чтобы посоветоваться съ нимъ о многомъ до засѣданія въ меджлисъ.

Спать Гайрединъ уже не могъ; велѣлъ закрыть ставни и подать себѣ лампу, наргиле и кофе; заперся и, раздѣвшись, сталъ писать стихи.

Еще въ Константинополѣ училъ его персидской поэзіи одинъ старый Турокъ, и еще тогда старикъ говорилъ ему: „читай, читай, мой сынъ, персидскіе стихи. Персидскій языкъ это сахаръ языковъ. Стихи великое дѣло! Стихами и самъ пророкъ нашъ написалъ Ал-Коранъ. Стихъ для души человѣческой то же что пѣніе птицы въ саду. Человѣкъ-стихотворецъ, мой сынъ, самъ уподобляется саду, наполненному душистыми цвѣтами.“

V.

Для черезъ два послѣ пирушки доктора, Пембе пришла къ Гайредину вмѣстѣ съ теткой и съ однимъ скрипачомъ. Набѣдилась, нарумянилась, насурмила немного брови, надѣла новое лиловое платье съ большими яркими букетами. По улицѣ она, какъ слѣдуетъ Турчанкѣ, открытая не ходила, а всегда въ *шилакъ** и черномъ *передѣсе***. Гайрединъ не узналъ ея. Но только произнесла она „паша мой“, какъ сердце бѣе уже забилось сильнѣе. Тетка сказала что онѣ пришли за обѣщаннымъ платьемъ и золотую курточкой. Гайрединъ щедро одарилъ ихъ, но просилъ не ходить другой разъ безъ зова, чтобы народъ не замѣтилъ, и обѣщалъ чрезъ недѣлю пригласить ихъ на пляску или къ себѣ въ домъ, или на островъ Янинскаго озера, гдѣ монастырь Св. Пантелеймона.***

Онъ не хотѣлъ сразу обнаружить много чувства. Его удерживали и стыдъ, и осторожность.

Всю эту недѣлю Гайрединъ прожилъ ожиданіемъ. Одинъ

* *Шилакъ*—покрывало, вуаль.

** *Передѣсе*—турецкій самопъ.

*** Въ этомъ монастырѣ былъ убитъ знаменитый Али-паша Янинскій. Въ монастыри на Востокѣ имѣютъ обычай ѣздить не только на богомолье, но и для пирушекъ.

разъ въ теченіе этихъ дней проѣхалъ онъ съ нѣсколькими другими Турками и съ Джимопуло по тому бѣдному предмѣстью гдѣ жила Пембе въ глиняной мазанкѣ. На радость его, она стояла на своемъ порогѣ и поклонилась имъ. Старикъ Джимопуло поклонился ей вѣжливо, приложивъ руку къ фескѣ, и спросилъ благодушно и шутливо о здоровьи:

— Какъ твоя лихорадка, дочь моя? Молодой надо быть здоровою, сказалъ онъ ей по-турецки.

Другіе бей не обратили на это вниманія, а Гайрединъ проѣхалъ впередъ и чуть видно кивнулъ ей головой, даже не глядя на нее.

Подъ вечеръ онъ и всѣ его спутники возвращались по той же дорогѣ въ городъ. Какъ только вѣхали въ предмѣстье, Гайрединъ пропустилъ всѣхъ беевъ и Джимопуло впередъ, нарочно сталъ поправлять то узду, то стремя, и когда потерялъ ихъ всѣхъ изъ виду за поворотомъ, прищипорилъ лихаго коня своего, и гремя по скользкимъ камнямъ мостовой, понесся вскачь мимо бѣдной мазанки. Она уже ждала его у дверей.

— Добрый вечеръ, моя милая! сказалъ онъ ей, не останавливаясь. — Прощай, до субботы!

— Добрый вечеръ, кузумъ паша мой, отвѣчала дѣвушка, вышла за порогъ и провожала его долго глазами.

Увидѣвъ что переулочъ пустъ, онъ еще разъ обернулся, и еще разъ издали поклонился ей.

Въ субботу Пембе, по приглашенію его, плясала на островѣ Явннскаго озера.

Гайрединъ хотѣлъ пригласить на островъ всѣхъ тѣхъ Грековъ которые были на пирушкѣ доктора, но Джимопуло отговорилъ его.

— Бей-эфенди мой! Немного будетъ намъ добра отъ этихъ Корфіотовъ.... Пригласите лучше турецкихъ чиновниковъ. Это будетъ и вамъ, и мнѣ полезнѣе. Теперь время смутное.

Гайрединъ послушался его. Пембе танцевала на островѣ съ такимъ одушевленіемъ и съ такою выразительностью какой еще не видалъ въ ней никто. Она была уже не въ прежнемъ старомъ платьѣ, а въ новомъ малиновомъ съ восточными пестрыми разводами и въ новой курточкѣ расшитой густо золотомъ и блестками; на бѣдной головкѣ ея былъ газовый желтый платочекъ съ цареградскою бахромой удивительной работы.

— Хорошая дѣвушка эта Пембе! Аферимъ, Пембе! Аферимъ, * дочь моя! говорили турецкіе чиновники.

Гайрединъ опять осыпалъ ее золотомъ. Дня черезъ два послѣ этого Пембе опять пришла къ нему съ теткой, благодарила его, поцѣловала его руку и сказала, что послѣ всѣхъ щедротъ его, у нея будетъ хорошее приданое, и что на ней собирается жениться тотъ музыкантъ который играетъ на скринкѣ.

— Ты, папа мой, судьбу мою сдѣлалъ, говорила она, и опять цѣловала его руку.

Гайрединъ только тутъ понялъ какъ дорога она ему. Онъ началъ уговаривать ее не выходить такъ рано замужъ и обѣщалъ со временемъ или дать ей на приданое гораздо больше того что она собрала, или даже взять ее къ себѣ въ гаремъ.

Старуха-тетка только этого и ждала.

— Не нужно намъ денегъ, сказала она,—она тебя любитъ, во снѣ тебя видитъ. Только и говорить: „не господимъ онъ мнѣ, онъ мнѣ отецъ!“ Возьми ее къ себѣ въ гаремъ. Она все знаетъ, и жену твою почитать будетъ какъ старшую сестру.... Возьми ее, папа!

На эту же ночь Пембе осталась ночевать у Гайредина.

Съ этихъ поръ Пембе начала часто ходить къ нему. Онъ сталъ оставлять ее у себя на цѣлые дни. Настала осень, начались дожди, морозы и длинные вечера, затопились веселые каминны. Гайрединъ не скучалъ съ нѣжною баядеркой. Съ женой ему бывало много скучнѣе. Жена его была не разговорчива. Угощала его, кормила, подавала ему сама старательно чубукъ; хорошо смотрѣла за хозяйствомъ; но не разъ проходили цѣлые дни въ деревнѣ, а онъ не слышалъ отъ нея ничего кромѣ: „ба! какъ жарко!“ либо „ба! какъ холодно!“ А если случалось что онъ ей говорилъ: „Сегодня жарко!“ она отвѣчала, важно покачивая головой: „Жарко. Лѣто теперь.“

Не такова была Пембе. Смѣяться сама, она, правда, почти никогда не смѣялась; изрѣдка улыбнется Гайредину, когда захочетъ приласкаться, и скажетъ:

— Поцѣлуй же меня, бѣдаую, папа мой....

За то бей смѣялся съ ней много и надъ ней самой тѣшился, сердечно любуясь на ея ребячества.

* Прекрасно! Хвалю!

Увидала она разъ на улицѣ сквозь рѣшетчатое окно гарема разнощика сладостей что зовется шекерджи. Помучила она бѣднаго старика!

„Шекерджи!“ звонко кричить она ему изъ окна. Старикъ ставитъ подставку на земь, смотритъ „гдѣ зовутъ“, а Пембе ужъ изъ другаго, дальняго окна другимъ голосомъ: „шекерджи!“ Смотритъ и туда разнощикъ. Никого нѣтъ, никто не выходитъ покупать. Постоаль и пошелъ. Опять кричать: „шекерджи!“ Пембе опять его зоветъ, опять прячется, пока наконецъ старикъ началъ проклинать и браниться. Тогда она послала купить у него пѣтушковъ сахарныхъ. Зимой, сидя съ Гайрединомъ у очага, Пембе то разказывала ему о себѣ и о родныхъ своихъ, и о томъ что она успѣла видѣть на дѣтскомъ вѣку своемъ, то забавляла его всякими распросами.

— Паша, а милый паша мой! говорила она.—Правда это, милый паша мой, что которые Турки свинину ѣдятъ, такъ Богъ ихъ наказываетъ, и они по ночамъ свиньями становатся и бѣгають?

— Кто тебѣ это сказаль? спрашиваль бей.

— Мнѣ это Елена, другая танцовщица наша, христіанка, говорила.

— Елена ничего не знаетъ, кузумъ Пембе, она въ школу не ходила. Какъ это можетъ человекъ свиньей стать. Это дѣтскія слова, дитя мое!

— Смотри ты! съ удивленіемъ воскликнула Пембе.—А я вѣдь думала это правда. Елена сказывала Греки такъ всѣ говорить.... А я еще хочу тебѣ одно слово сказать, паша мой. Сказать?

— Говори.

— Греки всѣ злые?

Гайрединъ смѣлся.

— Отчего всѣ? Есть и у нихъ добрые люди, во всякой вѣрѣ есть люди добрые.

— А кто добрый? Киръ-Костаки Джимопуло добрый? Я такъ думаю что онъ добрый. Увидить меня, кланяется: „доброе утро, говорить, Пембе“.

— Костаки добрый, и другіе есть христіане добрые. У меня мать была христіанка, она тоже была женщина добрая, сладкой души, тихая женщина!

— Ба! Что ты говоришь! Твоя мать была христіанка!

Гайрединъ разказывалъ ей не разъ какъ мать спасла его отца, она сама просила сызнова все это повторить, и какъ только доходилъ Гайрединъ до того мѣста какъ мать его схватила подъ устцы лошадь сераскура, Пембе вскакивала и, хлопая руками, восклицала:

— Эй в'аллахъ! Простилъ султаны! простилъ! Хорошій былъ человекъ сераскуръ! Хорошая женщина была твоя мать! Эй в'аллахъ!

Видя ея радость, Гайрединъ съ восторгомъ обнималъ ее, и Пембе продолжала свои распросы и замѣчанія.

— Вотъ какой здоровый папась идетъ по улицѣ. Здоровый папась! Борода большая какая! Взяла бы я его и зарыла бы въ землю!

— За что? спрашивалъ Гайрединъ.

— За то что онъ не нашей вѣры.

— Смотри ты, какая злая дѣвушка! Вѣдь и онъ человекъ, и онъ въ одного Бога вѣруетъ. Ты такихъ худыхъ словъ не говори.

— Нѣтъ, ты, папа мой, скажи мнѣ зачѣмъ не всѣ люди одной вѣры? Пусть бы всѣ какъ мы были. Такъ я скажу: нашъ законъ очень хорошій. Жену ты свою любишь, и меня возьмешь въ гаремъ и будешь любить. А у гауровъ все одна жена. Старая, старая она станетъ; а онъ все любить ее. Дурной законъ. Зачѣмъ это такъ?

— Аллахъ знаетъ что нужно, объяснилъ ей Гайрединъ: — онъ видитъ „какъ черная мурашка черной ночью ползетъ по черному камню!“

— Это въ книгахъ сказано?

— Въ книгахъ, отвѣчалъ Гайрединъ.

— А! въ книгахъ! восклицала серьезно Пембе. — Прекрасныя слова! Очень я люблю слышать хорошія слова.

Весь городъ зналъ о связи Гайдерина съ Цыганкой; но виду ему никто не показывалъ. Только Джимопуло и доктору Петропулаки онъ доверялся самъ; при нихъ у него Пембе плясала и пѣла открыто. Она просилась совсѣмъ бросить свое ремесло и перейти на житье въ его домъ. Но онъ не хотѣлъ на это согласиться, не предупредивъ жену.

Пембе продолжала плясать по разнымъ домамъ, а когда Гайрединъ задерживалъ ее у себя, тетка говорила всѣмъ что Пембе больна.

Музыканты поправили свои дѣла, наняли квартиру получше

и поближе къ дому Гайредина; даже другія двѣ танцовщицы, христіанки Елена и Мариго, одѣлись за-ново на деньги бѣя. Онъ и ихъ ласкалъ и дарилъ, чтобы все жалѣли Пембе и уважали ее.

Докторъ хвалилъ бѣя за эти дѣла и говорилъ ему:

— Жизнь есть вездѣ, другъ мой. Женщины есть и въ гнусной Янниѣ нашей. Надо умѣть отыскать ихъ. Я поклонникъ Эпикура и хвалю тебя за то что ты умѣешь наслаждаться прекраснымъ! Хвалю! Хвалю! Клянусь тебѣ что я хвалю тебя.

Джимопуло, напротивъ того, качалъ головой и говорилъ:

— Не хорошо!

Не хорошо было одно: Пембе возненавидѣли слуги бѣя. Сначала она и ихъ забавляла: мѣшалась во все; считала куръ и утокъ; заглядывала въ шкапы; сама ходила на колодезь за водой; люди смѣялись. А потомъ она стала ужъ слишкомъ часто посылать ихъ туда-сюда. „Иди!“ говорила такъ повелительно. Иногда и въ спину толкаетъ, или за рукавъ дернетъ грубо. Больше всѣхъ не влюбилъ ее Юсуфъ, молодой Арабъ, который ходилъ за беємъ. Онъ и самъ былъ сердитый и самолюбивый лгуны. Въ кухнѣ люди нарочно заставляли его разказывать всякія небылицы, и онъ часто забывалъ самъ чтò говорилъ день тому назадъ; то онъ нашелъ два года тому назадъ на ярмаркѣ 5.000 піастровъ и все ихъ отдалъ взаимно добрымъ людямъ безъ росписокъ; то нашелъ всего 50 піастровъ; то убивалъ трехъ разбойниковъ; то казался что самъ съ ними ходилъ на добычу; то онъ служилъ два года тому назадъ у англійскаго купца-богача, пилъ съ нимъ кофе, влюбилъ въ себя его жену. „А мужъ чтò?“ — „Мужъ хотѣлъ убить и меня и ее“, разказывалъ онъ одинъ разъ. А другой разъ говорилъ: „Гдѣ ему, дураку, знать! онъ не зналъ.“

Съ этимъ Юсуфомъ больше всѣхъ поссорилась Пембе въ домѣ бѣя. Сначала онъ ей льстилъ.

— Ханумъ! * говорилъ онъ ей, угощая ее, когда она приходила раньше бѣя и скучала безъ него. — Ханумъ-эфендимъ! Возьметъ тебя за себя нашъ бей, я думаю что возьметъ. Я тогда отъ тебя моей службой наживу много денегъ.

— Чтò жъ ты, дурачокъ, съ деньгами сдѣлаешь? смѣялась Пембе.

* Ханумъ, госпожа.

— Куплю барановъ и пойду считать ихъ въ горы въ большой новой фустанеллѣ! Всѣ позавидуютъ и скажутъ: „Аманъ! Аманъ! Это вѣдь Юсуфъ! Другаго нѣтъ у насъ такого!“

Пембе доставала Юсуфу денегъ отъ бей, Юсуфъ угощалъ ее; все было сначала хорошо. Но какъ стала она посылать его безпрестанно то за халвой, то за сардинками, Юсуфъ началъ обижаться и разъ сказалъ: „Довольно тебѣ ѣсть да лакомиться! Надоѣла ты мнѣ!“

Пембе пожаловалась бей, бей побранилъ Юсуфа; а Юсуфъ пошелъ вездѣ разказывать что бей прибилъ его, честнаго слугу, изъ-за Пембе, и что Пембе не дѣвушка, а шайтанъ, дьяволъ!

Скоро чрезъ Юсуфа и до семьи Гайредина стали доходить о немъ и о Пембе худые слухи.

VI.

Жизнь восточныхъ городовъ не шумна и не спѣшна. Въ Янивѣ по улицамъ не гремятъ экипажи, и дома кажутся погруженными въ непробудный сонъ.

Но кто хочетъ трудиться, найдетъ себѣ довольно дѣла и въ этихъ странахъ. Гайрединъ-бей не былъ лѣнивъ. Пользуясь совѣтами Джимопуло, которому не все было ловко говорить и дѣлать самому, онъ приносилъ довольно много пользы, и паша сталъ гораздо внимательнѣе обращаться съ нимъ. Однажды оставилъ онъ его у себя на долго, и раскрывъ предъ нимъ карту Эпира и Сѣверной Албаніи, спрашивалъ его мнѣнія о дорогахъ и о политическомъ настроеніи страны. Гайрединъ о духѣ населенія отвѣчалъ уклончиво, но о дорогахъ говорилъ такъ хорошо, что Феимъ-паша пожалъ ему крѣпко руку и благодарилъ его. Почтительная скромность, благодушіе и достоинство, съ которыми держалъ себя молодой бей, стали тоже нравиться пашѣ, и онъ даже разъ сказалъ ему:

— Я бы васъ гдѣ нибудь мутесарифомъ* сдѣлалъ.

Гайрединъ отвѣчалъ что отецъ его уже старъ и некому заниматься имѣніемъ.

Другой разъ паша хотѣлъ испытать его и сказалъ невзначай:

---

* *Мутесарифъ*, губернаторъ; ниже чѣмъ *сали* (генералъ-губернаторъ, намѣстникъ).

— Албанцы ваши, я думаю, не забыли времянь Гіонни-Лекка и другія возстанія.

— Времена Гіонни-Лекка отъ насъ далеки, паша господивъ мой, отвѣчалъ бей.

— Не такъ далеки! сказалъ паша.

— А времена Гриваса еще ближе, паша господивъ мой.

— Конечно, времена Гриваса ближе! согласился паша, не сводя глазъ, и отпустилъ его ласково.

Времена Гриваса казались точно близкими. Имперія опять стояла на краю гибели. Въ Критѣ упорнѣе прошлогодняго стояли гордые Греки за свои поправныя права. Одинъ паша смѣнялъ другаго на обгагреномъ кровью островѣ; войско за войскомъ слали Турки въ Критъ; но бунтъ не утихалъ, и дерзкіе парходы выбирали самые бурные дни чтобы быстрѣе вѣтра уходить отъ султанской эскадры и везти подмогу непокорнымъ. Азия кипѣла, взоры государственныхъ людей всего міра были устремлены съ беспокойствомъ и вниманіемъ на Эпиръ. Турки вездѣ думали видѣть измѣну и подкопы и ожесточались сильнѣе и сильнѣе....

Легче и легче дышалъ отважный Грекъ на высокихъ стремнинахъ Эпирскихъ горъ. Уже въ округѣ Аграфы показались клефты....

Цѣлый пикетъ турецкій въ небольшой горной казармѣ вызвали ночью Греки, и скрылись. Раздраженіе росло.

Феимъ-паша не падалъ духомъ; напротивъ того, онъ сталъ спокойнѣе, и какъ будто ждалъ съ радостью волненія, чтобъ имѣть отраду жестоко подавить его своею рукой.

Однажды Гайрединъ-бей позднимъ вечеромъ сидѣлъ одинъ у очага и читалъ царградскія газеты, спрашивая себя: правда ли все это что пишутъ въ нихъ, правда ли будто Пруссія, Америка и Россія рѣшились измѣнить строй Европы. Онъ спрашивалъ себя что станется съ его дикою родиною, свободна ли будетъ она, подѣлятъ ли ее сосѣди, если Вратамъ Блаженства (Константинополя) суждено пасть. Въ дверь постучался поздній гость. Съ удивленіемъ велѣлъ бей Юсуфу впустить его, и увидалъ старика Джимопуло. Онъ самъ несъ фонарь, платье его было мокро отъ дождя.

У Джимопуло былъ молодой братъ, патріотъ и писатель, который долго жилъ въ Корфу и печаталъ пламенные статьи противъ Англіи и Турціи. Еще юношей, въ Корфу, во времена протектората, онъ одинъ изъ первыхъ кинулся на

протестантскаго священника который у раки Св. Спиридона осмѣлился смѣяться надъ мощами и просвѣщать по-своему народъ. Молодой Джимопуло одинъ изъ первыхъ кинулся на проповѣдника, разорвалъ ему одежду, и когда тотъ успѣлъ скрыться въ крѣпость, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ которые весь день осаждали ее, требуя выдачи дерзкаго попа. Онъ былъ замѣченъ Англичанами, и хотя лордъ-коммисаръ и сдѣлалъ всѣ уступки корфіотскому народу, изгналъ священника и прибавилъ вездѣ объявленія о томъ что отнынѣ будетъ строго охраняться святыня народнои вѣры Грековъ, но молодой энтузіастъ остался у него на худомъ счету и скоро покинулъ Корфу.

Младшій Джимопуло имѣлъ греческій паспортъ и съ нимъ, немного спустя послѣ разгара критскаго движенія, являлся не разъ въ Эпиръ, исчезалъ и являлся вновь. Къ его несчастью, Турки имѣли основаніе не признавать его греческимъ подданнымъ и слѣдили за нимъ ворко. Въ тотъ вечеръ когда старшій братъ его пришелъ къ Гайредину, онъ узналъ что его обвиняютъ въ сношеніяхъ съ „разбойниками“ (такъ звали Турки народъ поднявшійся въ Аграфъ). Надо было снѣшить; старшій Джимопуло, который всегда держалъ себя вдалекѣ отъ восторженнаго брата, но любилъ и жалѣлъ его по узамъ крови, не теряя присутствія духа, рѣшился спасти его. Гибель энтузіаста была бы бесплодною жертвою для родины. Живя на свободѣ, онъ могъ еще потрудиться для нея и перомъ, и словомъ, и рукою.

Джимопуло не сказалъ Гайредину что братъ его *сдѣлалъ*; сказалъ лишь въ чемъ его такъ жестоко и несправедливо подозрѣваютъ. Гайрединъ понялъ его.

Албанецъ вѣрнѣе другу и любить все лихое. Не долго думалъ Гайрединъ, послалъ Юсуфа за шампанскимъ на другой конецъ города, призвалъ сеуса-Грека, велѣлъ ему снести къ младшему Джимопуло албанскую одежду и записку, которую написалъ ему братъ дрожащею рукою, умоляя ее сжечь, и чрезъ полчаса молодой Джимопуло уже былъ тутъ и съ жаромъ благодарилъ бѣа.

— Мы друзья съ вашимъ братомъ, отвѣчалъ добрый Гайрединъ.

Юсуфъ вернулся съ шампанскимъ раньше чѣмъ ожидали. Гайрединъ заранѣе уже спряталъ молодаго Грека, вышелъ какъ бы ненарочно самъ навстрѣчу Юсуфу и послалъ его въ другую лавку за сардинками.

— Давки заперты, сказалъ Юсуфъ.

— Иди, осель, сказалъ ему бей,—и пусть отпрутъ. Перелѣзь черезъ заборъ и стучись въ заднюю дверь. А если не-принесешь сардинокъ, не жди отъ меня добра.

Юсуфъ съ негодованіемъ потрясъ одежду на груди своей и сказалъ себѣ: „Опять эту Цыганку кормить и поить онъ хочетъ!“

За сардинками Юсуфъ ходилъ полтора часа; съ сердцовъ зашелъ еще въ одну кофейню; курилъ тамъ долго, пилъ и пѣлъ какъ „Юсуфъ-Арабъ воевалъ“; смѣшилъ Грековъ и, наконецъ, вздохнувъ, всталъ и сказалъ:

— Судьбы у тебя нѣтъ, Юсуфъ. Все у тебя есть: судьбы только нѣтъ.

Когда она вышла изъ кофейни, радуясь что Пембе голодна и ждетъ сардинокъ, младшій Джимопуло былъ уже далеко.

Въ албанской одеждѣ, на лошади бея, и съ однимъ только провожатымъ Грекомъ, скакалъ онъ въ темнотѣ по камнямъ до той горной деревни, гдѣ надѣялся найти друзей. Сто разъ и онъ, и слуга бея были на краю гибели; лошади скользили по стремнинамъ; луна свѣтила слабо сквозь дождливую облака; но къ утру они были уже на мѣстѣ, и когда бѣглецъ хотѣлъ дать денегъ сеусу, тотъ сказалъ ему съ упрекомъ:

— Вы за что хотите дать мнѣ денегъ? Я радъ и тому что христіанскую душу спасъ. Нашъ бей и Турокъ, а пожалѣлъ васъ; что же, скажите, хуже мнѣ Турка быть? Я, слава Господу Богу, самъ христіанинъ православный. А вамъ я желаю, господинъ мой, добраго пути!

Изъ деревни до деревни добрался осторожно младшій Джимопуло до морскаго берега, и чуть живой отъ качки и волненія, переѣхалъ на рыбацкѣй парусной лодкѣ въ Корфу.

Юсуфъ принесъ домой сардинки со страхомъ. „Ну, какъ дастъ онъ мнѣ добрый кулакъ!..“ думалъ онъ. Но у бея всѣ были веселы; самъ бей читалъ газеты у камина съ Джимопуло и смѣялся.

— Молодецъ, Юсуфъ, сказалъ Джимопуло.—Сказано, Арабъ-ага! Такого нѣтъ въ Якинѣ другаго. Открывай сардинки, и пробку пусти на воздухъ.

И бей не сказалъ ничего Юсуфу; только велѣлъ не отлучаться ни на минуту отъ дверей, чтобы не ходить звать его, когда будетъ нужно.

Джимопуло посовѣтовалъ бею распорядиться такъ, а то Юсуфъ замѣтитъ что лошадей и сеуса нѣтъ.

Когда Джимопуло ушелъ, Юсуфъ уже былъ такъ утомленъ что заснулъ на мѣстѣ, а сеусъ вернулся на разсвѣтѣ и убралъ лошадей.

Черезъ два, три дня на квартирѣ младшаго Джимопуло былъ обыскъ, его требовали въ Порту. Греческій консулъ протестовалъ, основываясь на томъ что младшій Джимопуло не раѣя, а греческій подданный. Старшій братъ на вопросъ паша отвѣчалъ, ни мало не смущаясь, что онъ не знаетъ гдѣ братъ, но полагаетъ что онъ долженъ быть въ сторонѣ Загоръ, потому что три дня тому назадъ онъ поутру зашелъ проститься съ нимъ и еще спрашивалъ у него, „стоить ли братъ для такого маалаго путешествія паспортъ отъ греческаго консула“. „А я, паша, господинъ мой, сказалъ ему что не стоить.“

— Это было не совсѣмъ правильно, замѣтилъ ирачно паша.

— И неправильно, и неразумно, отвѣтилъ Джимопуло, улыбаясь и не сводя глазъ съ грознаго правителя. — Неразумно, потому что, зная молодость и шальную голову моего брата, я долженъ былъ бы побережь себя и заставить его взять паспортъ.... Но онъ обманулъ и меня!

— Не беспокойтесь, сказалъ паша благосклонно. — Мы знаемъ и васъ, и вашего брата!

И отпустилъ его.

Въ Загорахъ младшій Джимопуло не отыскался. Греческій консулъ тоже не могъ найти его и удивлялся что онъ не взялъ паспорта.

Старшій братъ вездѣ отзывается о бѣглецѣ сухо, и вскорѣ вѣрный человекъ доставилъ въ Порту секретное письмо Костаки къ брату въ Корфу. „Любезный другъ и братъ мой Маполи,“ писалъ онъ,—

„съ грустью узналъ я о томъ что ты обманулъ меня и тайно бѣжалъ въ Корфу. Мнѣ кажется, ты бы сдѣлалъ лучше, еслибы взялъ тескере въ Портѣ. Ты бы долженъ былъ подумать и о моей семьѣ, которая тебѣ всегда оказывала столько дружбы и братской любви. Ты знаешь, я не раздѣляю вашихъ мечтаній о „великой идеѣ“. Конечно, въ Турціи несправосудія еще много; подати мѣстами обременительны; запятѣ грабятъ тайкомъ народъ; таково положеніе дѣлъ во всей Турціи; въ Эпирѣ сверхъ того селянинъ не имѣетъ собственности и состоитъ до сихъ поръ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ беямъ. Но и Турція идетъ впередъ; народу

нашему необходимы цивилизация и мирный труд; покорностию султану и благоразумною защитой наших прав мы скорее достигнемъ благоденствія нежели возстаніями и кровавыми жертвами. Не вѣрь, дорогой братъ, въ торжесто несчастныхъ Критянь; противъ нихъ вся Европа, и однъ единоувѣренная Россія не можетъ вступить въ ужасную борьбу со всѣмъ міромъ для того чтобы поддержать ихъ. Повѣрь мнѣ, я лью горькія слезы надъ судьбой моихъ соотчичей; но для того чтобъ я могъ пожертвовать дорогою семьей моею и моимъ благоденствіемъ, я долженъ вѣрить въ будущее....

„Когда ваша „великая идея“ восторжествуетъ, не сую, а буду радъ. И во мнѣ течетъ кровь Мильтиадовъ и Кристидовъ! Но теперь я служу султану, я получаю деньги за мой трудъ, и повѣрь мнѣ что и на этомъ поприщѣ можно дѣлать добро своему народу. Ты молодецъ и полонъ энтузіазма; я старъ, имѣю семью и лично отъ Турокъ, кромѣ добра, ничего не видалъ. Предъ неожиданнымъ побѣгомъ твоимъ, который, безъ сомнѣнія, компрометтировалъ и меня, ты просилъ у меня денегъ для вашихъ предпріятій; я отказалъ; ты просилъ пожертвовать, по крайней мѣрѣ, для женъ и дѣтей критскихъ, для этихъ невинныхъ созданій которые терпятъ нужду и голодъ въ Греціи,—я не могу рѣшиться и на это: если турецкое начальство узнаетъ это, оно не повѣритъ чистотѣ моихъ намѣреній и скажетъ что я жертвую не для женъ и дѣтей критскихъ, а на оружіе и продовольствіе бунтующимъ!“

Затѣмъ слѣдовало прощанье, поклоны и просьбы не писать, чтобъ еще болѣе не компрометтировать родныхъ. Поэтому было нѣсколько похвалъ пашѣ....

Паша прочелъ это письмо при нѣсколькихъ приближенныхъ своихъ.

Турки слушали съ напряженнымъ любопытствомъ. Старый дефтердаръ былъ очень доволенъ и воскликнулъ съ уваженіемъ:

— Умный, очень умный человѣкъ!

— Да! очень умный человѣкъ, отвѣчалъ паша съ улыбкой.— Такой умный человѣкъ что вѣрно это письмо не случайно попало въ наши руки! И невиннымъ женамъ, и дѣтямъ Критянь онъ, конечно, найдетъ средство послать деньги.

— Однако это только думать можно, возразилъ старикъ,— а доказать нельзя.

— Очень жаль что доказать нельзя, сказалъ паша.

И велѣлъ отправить письмо по адресу, и къ Джимонуло не только не переимѣнился, но сталъ къ нему еще внимательнѣе. Джимонуло и это замѣтилъ.

VII.

Не задого до Рождества у Турокъ начался Рамазанъ. Гайрединъ собрался посѣтить свою семью. Простившись съ Пембе, молодой бей тронулся въ путь; до имѣнія отца было двое сутокъ ѣзды; ночи были зимнія, длинныя; по горамъ надо было ѣхать шагомъ, подъ дождемъ; надо было сидѣть въ грязныхъ, холодныхъ хатахъ до разсвѣта; въ хатахъ не спалося; очагъ дымилъ; вѣтеръ рвалъ ставни съ оконъ, врываясь въ щели и разносилъ дымъ по комнатамъ.

Всю ночь бей курилъ, пилъ кофе и думалъ о Пембе.

„Уговорю ли я жену взять ее въ гаремъ и жить съ ней мирно.“

Онъ нѣсколько боялся своенравія Пембе; но за то вспоминалъ что она умна, а жена, думалъ онъ, стоворчива. Иногда, оставаясь одинъ, вспоминая о ребячествахъ Пембе. „Она будетъ тѣшить жему, и жена будетъ хорошо жить съ ней!“ думалъ онъ, радуясь.

То вспоминалъ онъ Иззедина; вспоминалъ какъ Иззединъ еще два года тому назадъ былъ малъ, говорилъ дурно и, показывая пальцемъ на луну, звалъ ее къ себѣ. А теперь Иззединъ каждый вечеръ бѣжитъ барановъ считать, играетъ съ агнятами, и проситъ уже чтобъ ему купили ятаганъ.

Съ такими веселыми мыслями легки показались ему и тягости зимняго пути.

Когда онъ пріѣхалъ, отецъ далъ ему ласково поцѣловать свою руку, пригласилъ сѣсть, и велѣлъ самъ подать ему наргиме. Замѣтилъ Гайрединъ только одно: старикъ посмотрѣлъ на него изподлобья, когда сказалъ ему: „Я думаю, ты весело пожилъ въ Яникѣ?“

Ужь не узналъ ли онъ про Пембе?

Все были рады Гайредину въ домѣ: жена, дѣти, слуга... Весь домъ оживился и поднялся встрѣчать его. Пока онъ шелъ по лѣстницѣ, сколько рукъ хватили его руку и цѣловали ее, поздравляя съ пріѣздомъ! Двѣ прислужницы, молодая Гречанки, изъ сосѣдняго села, которыя мыли бѣлье на гаремъ его, и тѣ подошли стыдливо къ рукѣ его и сказали:

— Живи, господиновъ нашъ, живи до глубокой старости!

Онъ благодарилъ его за подарки, которые онъ, по природной добротѣ своей, еще прежде прислалъ всемъ слугамъ.

Собравшись съ духомъ, онъ сказалъ на утро женѣ своей о томъ что хочетъ взять къ себѣ танцовщицу. Эмине-ханумъ, ни слова не говоря, заплакала.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ тронутый бей.

— О горькой судьбѣ моей плачу! отвѣчала жена.

— Какая же твоя судьба? сказалъ Гайрединъ съ досадой.

— Судьба моя горькая! отвѣчала Эмине-ханумъ.

И больше ничего, кромѣ рыданій, не слыхалъ отъ нея Гайрединъ цѣлый день.

Все веселье Гайредина пропало; ужъ и мальчика онъ не радъ былъ видѣть. Вздыхалъ, оставаясь одинъ, и отецъ становился ему въ тягость, когда звалъ его говорить о хозяйствѣ или политикѣ.

— Будетъ война! говорилъ старикъ.

— Думаю что будетъ! подтвердилъ Гайрединъ.

И Богъ знаетъ сколько и такой отвѣтъ казался ему тяжель.

— Будетъ война! продолжалъ старикъ.—Какихъ народовъ, какихъ государствъ нѣтъ на свѣтѣ! Очень много есть девлетовъ. Есть и малые девлеты. Много смѣху намъ было, когда въ пятьдесятъ четвертомъ году услышали мы что Сардинъ-девлетъ воюетъ! Ну, Франція большой девлетъ, Англія; Россія очень большой девлетъ... Про нашу благословенную Богомъ страну я ужъ и не говорю... Двадцать и болѣе народовъ покорны падишаху! Ну, пусть бы еще Грандебуръ* девлетъ воевалъ. У нихъ Фридрихъ былъ король знаменитый и кралицу нѣмедкую много разъ побѣждалъ. Это я все знаю! А ты скажи, государь мой, не на смѣхъ ли это сказано: „Сардинъ-девлетъ“ съ большими вмѣстѣ на войну собрался и на Крымъ пошелъ! Много смѣху намъ тогда было. Старикъ молла тогда заболѣлъ отъ смѣха. Только скажи ему „Сардинъ-девлетъ!“

— Теперь это все перемѣнилось, отвѣчалъ Гайрединъ, черезъ силу улыбаясь отцу.

Видѣлъ старикъ что сынъ не веселъ, но говорить ему о Пембе, о которой давно зналъ по слухамъ, не хотѣлъ. „Либо гнѣваться на него, либо молчать. Помолчу до времени!“ говорилъ себѣ Шекиръ-бей.

Эмине-ханумъ послала своихъ служанокъ за Юсуфомъ,

* Грандебуръ;—Бранденбургъ, Пруссія.

покрылась, вышла къ нему и спрашивала у него какова Пембе.

— Цыганка, одно слово! сказалъ Юсуфъ. — Открытая при людяхъ пляшетъ. На колѣни ко всемъ Грекамъ садится.

— Душа у нея хорошая? спросила Эмине.

— Самая злая! отвѣчалъ Юсуфъ и разказалъ опять какъ бей будто бы прибилъ его за нее. — Звонче монастырскаго колокола ухо мое зазвенѣло! увѣрялъ онъ, и осыпалъ проклятіями злую Цыганку.

Эмине-ханумъ не повѣрила всему что говорилъ Юсуфъ, она знала давно какъ много онъ лжетъ; но вечеромъ сама завела разговоръ съ мужемъ и сказала ему:

— Твоя Пембе злая, и ты сталъ злой. Ты Юсуфа прибилъ за нее, говорятъ наши дѣвушки въ гаремъ;—а прежде ты слугъ никогда не билъ.

— Я Юсуфа прогоню, отвѣчалъ бей блѣднѣя. — А что она злая и безпутная, ты не вѣрь.

— Цыганка она, танцовщица, какой же ей быть? сказала Эмине.

— Она не Цыганка; она арнаутской крови и родилась въ Битоліи, отвѣчалъ бей. — А что она танцовщица, это не бѣда. Возьму ее въ гаремъ мой, тогда предъ другими она танцовать не будетъ. А предъ тобой пусть танцуетъ. Тебя веселить она будетъ и тебя слушаться. Она дѣвушка умная и будетъ служить тебѣ, султанша ты моя.

Эмине опять заплакала и сказала мужу:

— Возьми ее въ гаремъ, а я уйду къ отцу, пойду къ кади, и поставлю башмакъ мой предъ кади носкомъ впередъ, и скажу: „не стерпеть этого душа моя. Я моего мужа люблю.“ Разведетъ меня съ тобой кади, а ты живи съ Цыганкой и женись на ней, если нѣтъ у тебя стыда, и если сѣдой отцовской бороды тебѣ вовсе не жаль!

Видѣлъ съ большимъ горемъ и старый Шекиръ-бей что у сына въ гаремѣ раздоръ; онъ узнавалъ все чрезъ вѣрныхъ старыхъ слугъ, которые душевно дѣлали его печаль. Не хриѣлъ онъ и сына дорогаго огорчить, и невѣстку кроткую обидѣть.

Думалъ онъ крѣпко обо всемъ этомъ и сказалъ сыну:

— Пора бы тебѣ въ Янину ѣхать. Только, какъ погода станетъ лучше, не прислать ли мнѣ тебѣ жену и дѣтей? Жена твоя также давно въ вилаетъ не была. Пусть не скучаетъ. Скоро

будетъ Байрамъ; пусть она съ тобой конецъ Рамазана проведетъ, въ дружескіе дома походить и повеселится. Ты и къ Гречанкамъ ее отпустиай, въ хорошіе, честныя дома.... Ну, что скажешь объ этомъ моемъ словѣ?

Гайрединъ не сталъ противорѣчить отцу, и велѣлъ женѣ обираться какъ только перестанутъ дожди.

Радъ онъ ея прїѣзду въ Янину не былъ; но все еще надѣялся уговорить ее не разставаться съ нимъ и взять въ домъ Пембе.

VIII.

Дорогой Гайредину пришла мысль принять предложеніе Феимъ-паши и поступить на службу. Мѣстъ было много еще незанятыхъ; паша желалъ побольше новыхъ чиновниковъ чтобъ управлять ими по-своему. Уѣхалъ бы Гайрединъ въ новое мѣсто, взялъ бы Иззедина съ собой; потомъ прїѣхала бы и Пембе туда. А жена не требовала бы развода, соскучилась бы безъ него и уступала бы по-немножку.

Возвратясь въ Янину, онъ засталъ Пембе очень больною, и ему было очень горько видѣть что она лежитъ на бѣдномъ одрѣ, и что ей вѣтъ покоя отъ шума и тѣсноты. Перевести ее въ домъ къ себѣ предъ прїѣздомъ жены онъ не могъ.

Тогда у него еще больше разгорѣлась охота поступить на службу и уѣхать скорѣе изъ Янины.

Онъ сказалъ объ этомъ дефтердару, и старикъ взялся напомнить пашѣ о прежнихъ предложеніяхъ. Гайрединъ не ждалъ отказа, но паша велѣлъ ему передать „что часъ тотъ прошелъ. Надо было тогда принять, когда говорили. У султана много есть чиновниковъ.“

Послѣ этого оскорбленія и Гайрединъ возненавидѣлъ пашу, а Феимъ-паша опять сталъ обращаться съ нимъ дурно. Гайрединъ въ первомъ же засѣданіи меджлиса отказался приложить печать къ одному дѣлу которое находилъ неправымъ.

— Для чего мы засѣдаемъ здѣсь? спросилъ паша.—Скажите!

— Съ вашего позволенія, для того, я такъ думаю про себя.... чтобъ облегчить подданныхъ падишаха и не обременять ихъ.... отвѣчалъ Гайрединъ.

Извинился еще разъ и все-таки не приложилъ печати.

Дѣло прошло и безъ его печати.

Этого мало. Паша сказалъ однажды что всѣ видятъ въ какомъ порядкѣ при немъ стала полиція. Гайрединъ, выслушавъ это, разказалъ какъ въ ханѣ на дорогѣ жаловался ему со слезами греческій мальчикъ на то что запліе *, нанявъ у него лошадь на шесть часовъ ѣзды, заставлялъ его пѣшкомъ бѣгать за собой все время; не хотѣлъ ѣхать шагомъ, а когда прѣхалъ на мѣсто, то далъ ему пощечину вмѣсто платы и выгналъ его. Потомъ Гайрединъ прибавилъ еще какъ разъ запоздалъ ночью въ деревнѣ и заѣхалъ въ глушь гдѣ кромѣ колючихъ кустовъ не было ничего. Темнота была страшная, и кромѣ одного дальняго огонька не было видно ничего. Такъ пробылъ Гайрединъ около часу; хоть и зналъ что отповскій домъ близко, но ужъ и лошадь сама боялась идти впередъ. Услыхалъ онъ, наконецъ, что свистеть кто-то пѣсю: сталъ звать, замолкъ человекъ; обѣщалъ Гайрединъ деньги, звалъ, просилъ, клялся что онъ не воръ и не разбойникъ, обѣщалъ еще больше денегъ: пришелъ наконецъ молодой пастухъ Влахъ, и какъ узналъ его, такъ поцѣловалъ его руку и обрадовался. „Чего же ты боялся? спросилъ я его“, разказывалъ Гайрединъ. „Думалъ я, говоритъ онъ мнѣ, что это запліе нарочно притворяется и зоветъ меня чтобы на мой счетъ въ ханѣ *раки* выпить или денегъ съ меня взять. Такъ они съ нами дѣлають.“

— А пастухъ этотъ, продолжалъ еще Гайрединъ, — такъ бѣденъ что отъ хозяина тридцать піастровъ въ годъ получаетъ, и когда далъ я ему золотую лиру, то онъ просилъ меня размѣнять ее на мелочь; боялся, не обочаи бы его другіе, потому что онъ лиры никогда еще не видалъ!...

Паша съ бѣшенствомъ слушалъ эти разказы; но Гайрединъ держалъ себя такъ почитательно, говорилъ такъ скромно такъ часто прибавлялъ „паша господинъ мой“, и даже такъ вѣжливо и лукаво прибавлялъ:

— Все это я сказалъ вашему превосходительству лишь для того чтобы высокія ваші попеченія о видаетѣ не были безплодны, чтобъ отъ васъ не скрывалось зло.

Такъ онъ все это сказалъ хорошо что паша могъ только выговорить.

* *Zaplie*—турецкій жандармъ.

— Грекамъ и Влахамъ тоже нельзя всегда вѣрить.... Не правда ли, Киръ-Костаки? спросилъ онъ у Джимопуло....

— Конечно, отвѣчалъ Костаки, — во всякомъ народѣ есть ложь, но чтѣ бей говорить, это правда, къ сожалѣнію.

На другой день Гайредину было дано знать что его исключили изъ медреса. „Я не чиновникъ,“ сказалъ онъ, „это противъ устава!“ Но огорчить его это не могло. Домашнія мученія его были много сильнѣе.

Скоро весь гаремъ его подвинулся изъ Дельвино. Старухи Арабки, молодая Гречанки-прислужницы, всѣ верхами сопровождали Эмине-ханумъ. Сама она попеременно съ евнухомъ везла на сѣдлѣ Изведина. Вкругомъ ѣхали вооруженные слуги, около женщинъ шли пѣшкомъ провожатые и сводили вожь усты лошадей на стремнинахъ.

Толпою, со смѣхомъ, говоромъ и ржаньемъ, вѣхали они въ широкія ворота на дворъ Гайредина. Оживился домъ, но души радостной у хозяина не было! Бей не долго думалъ, онъ опять сталъ говорить о Пембе, а жена опять стала плакать и грозить разводомъ.

Двѣ недѣли Гайрединъ видался съ Пембе у одной старой Гречанки въ бѣдномъ домикѣ предмѣстія. На горе его былъ Рамазанъ, и весь день проводить ему слѣдовало дома, не гуляя и не работая: нельзя было ѣсть, нельзя было пить до ночи. Это бы онъ терпѣлъ, потому что отдыхалъ ночью въ бѣдномъ домикѣ съ Пембе, и съ нею вмѣстѣ ужиналъ тамъ, но днемъ нельзя было и наргиле спросить дома, и въ кофейню идти и курить было непристойно.

Чтѣ было дѣлать? Онъ пытался спать, и не могъ спать крѣпко и долго.

Жена его тоже, видя тоску его, ревновала и жаловалась. Родные ея посѣщали гаремъ и своими наговорами и совѣтами еще больше растравляли рану любви ея.

Была у нея старуха-тетка, богатая женщина, старуха такая смѣлая что не знала людскаго страха, а только Бога и закона боялась.

— Я тебѣ скажу про себя, кузумъ Эмине, говорила она, — я никого не боюсь. Знаешь ты чтѣ такое русскій консуль? Россія — великій девлетъ.... Сильнѣе Русскихъ нѣтъ народа. И на здѣшняго консула ты не смотри что онъ молодой и худенькій. И онъ московскій человекъ. Замерзло озеро въ Яницѣ. Паша не велѣлъ людямъ ходить по льду, и народъ

на островѣ безъ хлѣба остался; кто пошелъ по льду? Московъ первый пошелъ, а за нимъ и другіе, и людямъ хлѣбъ отнесли! Наши солдаты выючили разъ муловъ, а онъ ѣхалъ одинъ верхомъ.... Жеребецъ подъ нимъ огонь. Наши видятъ, каваса нѣтъ съ нимъ. Значить: не знаемъ его лица, и не даютъ дороги. А онъ, собака Московъ, отъѣхалъ назадъ, и какъ пустить на нихъ жеребца. И солдаты, и мулы, и выюки попадали.... А онъ, собака невѣрная, и проѣхалъ! Очень я разсердилась на него за солдатъ нашихъ. Встрѣтила его въ переулкѣ, и остановилась. Смотри, говорю я, что я тебя сдѣлаю. И стала кричать на него: „собака, свинья, собачій сынъ, Московъ-гауръ, зачѣмъ ты сюда зашелъ? Зачѣмъ, дьяволъ, въ городъ нашъ заѣхалъ!..“ Поглядѣлъ онъ на меня, сухой человекъ, глаза большіе, страшные. А я его еще больше срамитъ стала и руками на него машу. А онъ усмѣхнулся и пошелъ. Это я тебѣ говорю, я никого не боюсь! А мужа почитаю... Мужъ мой тихій и боится меня. „У моей жены, говоритъ, палка въ рукѣ какъ у Абдула-паши (у твоего отца) сабля, молитвой заговорена. Никуда отъ ея палки не уйдешь!“ Вотъ я кака! Злая я, кузумъ Эминс. А законъ знаю. Вижу что постарѣла. Сама на прошлый Байрамъ мужу Черкешенку купила. Три тысячи піастровъ дала! Сама слушала ночью не храпитъ ли, сама мочила ей подошвы водой и ставила на полъ босую, гладѣла, красивый ли слѣдъ ея ножка даетъ. Ей шестнадцать лѣтъ, и она нѣжна какъ цвѣтокъ садовый! И стала она мнѣ какъ дочь. На чемъ я сплю, спитъ и она на томъ; я пью кофе, и она пьетъ; какой хлѣбъ я ѣмъ, и она такой же ѣстъ. Бью я ее въ худой часъ, лгать я не стану. Да она молода, ума еще нѣтъ, за это я ее и бью.

Видѣла Эмине-ханумъ что отъ тетки совѣта добраго ей не дожидаться, потому что старуха больше о себѣ говоритъ хотѣла да хвалиться, а не совѣты давать.

— Законъ, законъ, говоритъ,—и у пророка было много женъ!

Эмине сказала ей:

— Иное дѣло раба-Черкешенка, купленная отъ отца и матери; иное дѣло Цыганка которая безъ яшмака при людяхъ плететь!

Тетка сейчасъ согласилась.

— Правда, говоритъ,—иное дѣло Черкешенка! Умная ты, Эмине.... Ты все равно, вижу, какъ я!

И стали говорить о другомъ. И всѣ Турчанки говорили: „Иное дѣло Черкешенка! Иное дѣло эта Пембе безстыднаа!“

Только одна бѣдная старушка говорила ей отъ души: „покорись“, и говорила ей все такъ тепло и сердечно что стала было склоняться и Эмине-ханумъ.

— Покорюсь я ему! вздыхала она, и слушала дряхлую старушку.

Старушка сидѣла предъ нею сгорбившись, вся въ морщинахъ, тряслась и говорила:

— Кузумъ-кузумъ! Смотри на меня, милая ханумъ! Я богатства не знала какъ ты! Было мнѣ двадцать лѣтъ, и ушелъ мой мужъ въ солдаты при султанѣ-Махмудѣ, и убили его на Дунаѣ. А я хлѣба не имѣла, и стала съ нужды продавать себя; узналъ меня Риза-бей, и говорить: „возьму я ее, бѣдную, къ себѣ“, и взялъ. Были у меня и дѣти отъ Риза-бея. И жена его жалѣла меня. Съ молоду она добрая была, а по-старѣла и сердитѣе стала. А я ее жалѣла; мои дѣти померли всѣ, а за ея дѣтьми хожу. Стара я стала, чуть хожу; дѣти ея большія стали, разошлись туда-сюда, и Риза-бей заболѣлъ и умеръ. А я за внучатами ихъ хожу. Иногда она ругаетъ меня, и бьетъ крѣпко мою сгорбленную спину старую, а за Мехмедомъ моимъ, за внучкомъ ея, я все смотрю. Плачу много и все смотрю. И дороже мнѣ внучата ея жизни моей. Мехмедъ мой, Мехмедъ мой маленькій! Частъ я не вижу его, мальчика моего, умирать хочу. И добрый мой Мехмедъ, кузумъ Эмине! „На комъ“, говоритъ бабушка, „женить тебя, Мехмедъ мой?“ А онъ, дитя неразумное: „На нянькѣ, говоритъ, моей.“ Это онъ, свѣтикъ мой, на мнѣ хочетъ жениться. Вотъ, ханумъ, какова моя доля! А я добра ихъ не забуду. Покорись ты ему, наградить тебя Богъ за это, и въ ней ты слугу вѣрную найдешь на старость!... Покорись ему!

„Покорюсь?“ думала Эмине, и велѣла позвать къ себѣ Пембе. Посмотрѣла ее, поговорила, но какъ увидала что Пембе смѣло глядитъ на нее, и кофе пьетъ какъ султанша, не торопясь, а больше всего, какъ увидала на ней золото и шелкъ отъ щедротъ Гайредина, такъ сердце ея какъ будто упало. „Не могу!“ сказала она, и опять задумала развестись. Послала объ этомъ вѣсть и свекру, и отцу, и мужу опять сказала:

— Я разведусь съ тобой.

— Разведись, сказалъ Гайрединъ и ушелъ изъ дома.

Старики, какъ узнали о томъ что Эмине хочетъ развестись съ мужемъ, тотчасъ же прѣехали оба въ Янину. Всѣ родные горой поднялись на молодого бѣя. Отецъ Гайредина, какъ ни былъ добръ, а позвалъ сына и сказалъ ему грозно: „Ты позорить меня сталъ по всему вилаету.“ Гайрединъ покорно вынесъ брань отца, но тестю сказалъ: „Я твою дочь не гоню, она сама противъ мужа идетъ и сраму хочетъ. А я въ гаремѣ своемъ господинъ, какъ и ты въ своемъ. И я тебя не боюсь.“

Какъ звѣрь сталъ Абдуль-паша. Онъ и дорогой не клаятъ и не ругалъ позорно зятя только потому что вѣдалъ вмѣстѣ съ Шекиръ-беемъ и уважалъ его. А тутъ, послѣ этихъ словъ, онъ уже не хотѣлъ видѣть зятя, заперся въ конакѣ своемъ огромномъ, и чубуки ломалъ, и людей всѣхъ въ ужасъ привелъ, восклицая: „Какое мнѣ зло ему сдѣлать? какое зло, чтобъ онъ дрожалъ и просилъ у меня пощады!“

Обдумавъ, призвалъ онъ Цыганъ, и давалъ имъ деньги чтобъ они увезли изъ Янины Пембе. Но онъ былъ скупъ, давалъ не такъ-то много, и Цыгане думали что отъ Гайредина они больше наживутъ чѣмъ отъ стараго звѣря. Клялись, и пошу хотѣли у старика цѣловать, и клялись что Пембе дѣвушка вольная, живетъ вмѣстѣ съ теткой, пристала къ нимъ и отстала; а силой увести ее не можетъ никто.

Посылалъ Абдуль-паша и за самой Пембе, и за теткой ея, но онѣ не пошли и сказали:

— Онъ человекъ большой и грозный; боишься, не сдѣлалъ бы онъ намъ какого худа.

Абдуль-паша до крови прибилъ слугу который принесъ ему этотъ отвѣтъ и выгналъ его изъ дома.

— Поди, жалуйся на меня пашѣ! сказалъ онъ ему.—Теперь царство наше стало царствомъ гяуровъ и попродажъ, бей теперь не бей, и паша не паша! Было иное время! Позвалъ бы я тогда двухъ-трехъ молодыхъ и сказалъ бы имъ: „Эй, хорошіе молодцы мои! Увезите эту дѣвку въ горы, зарѣжьте ее и заройте въ землю.“ И увезли бы ночью, и зарѣзали, и зарыли; и знали бы объ этомъ всѣ люди, отъ Превезы и до Шкодры, и никто бы не сказалъ мнѣ худа. А теперь консулы за нами какъ волки бѣгають!

Узналъ Юсуфъ что Абдуль-паша говоритъ: „хорошо бы

зарѣзать Пембе! Пришелъ, поклонился Абдуль-пашѣ и предложилъ себя для этого дѣла.

— Вы меня послѣ въ Элладу отправьте, сказалъ онъ, — чтобы меня не наказали. А я это одѣлаю!

— Вошь! Собака! закричалъ на него паша и привсталъ съ дивана.

Убѣждалъ Юсуфъ и разказывалъ по кофейнямъ что Абдуль давалъ ему 20.000 піастровъ чтобы зарѣзать Пембе.

На другую ночь Пембе плясала у мехтубчи; Гайрединъ пребылъ тамъ до разсвѣта, и возвратившись, заснулъ въ своемъ селамыкѣ, не заходя даже въ гаремъ.

Въ эту ночь Шекиръ-бей повидался съ Абдуломъ и успокоилъ его немного.

— Пойдемъ вмѣстѣ къ вали-пашѣ и поклонимся ему чтобы Цыганку послали отсюда въ изгнаніе, сказалъ Шекиръ-бей Абдулу.

Феимъ-паша привалъ ихъ хорошо; почтилъ ихъ года и званіе, какъ того требовали причія; и много спрашивалъ о краѣ и о духѣ народа.

Наконецъ, Шекиръ-бей заговорилъ о Пембе.

Паша давно зналъ обо всемъ этомъ, но показалъ видъ что въ первый разъ это слышитъ, и очень жалѣлъ что такъ случилось.

Абдуль ободрился и сказалъ слово „сюрюнь“, что значитъ *изгнаніе*.

— Это дѣло домашнее, отвѣчалъ паша, и сталъ объяснять старикамъ что тѣ времена прошли, когда бей, потому что онъ бей, могъ выгонять людей изъ города и даже рѣзать ихъ. Говорилъ это Феимъ-паша и разгорячался все сильнѣе и сильнѣе....—Для девлета нашего всѣ подданные султана равны. Времена несправедливостей и самоуправства утекли въвѣсть съ кровью крамольныхъ янычаръ въ воды Босфора! Турція теперь принята торжественно въ семью европейскую, и слуга султана сумѣеть заставить уважать законъ!

Абдуль-паша молчалъ угрюмо.

— Такъ новый законъ, сказалъ онъ наконецъ, — велитъ чтобы старый воинъ былъ наравнѣ съ распутною Цыганкой? Хорошій законъ....

— Законъ данный государемъ нашимъ.... возразилъ, благдаѣя, генераль-губернаторъ, и всталъ съ своего кресла.

— Такъ я проклинаю всѣ ваши новости! закричалъ старый

Абдуль. — Я знаю одинъ законъ; древній обычай моей родины.... Вы погубили исламъ; вы погубили весь народъ мусульманскій. Вы погубили насъ....

Феимъ-паша смотрѣлъ на изступленнаго старика молча и надменно, перебирая четки. Какъ на безсильнаго стараго пса глядѣлъ онъ на него.

Шекиръ-бей кинулся къ намѣстнику и схватилъ его полу....

— Простите другу моему, онъ старикъ.... Онъ говоритъ по-старому *à la Turcal*... Злобы нѣтъ въ его сердцѣ.... Горе и обида ожесточили его душу.... Онъ вѣрный слуга султану.... Его родъ всегда служилъ вѣрно государю нашему....

Феимъ-паша отступилъ надменно отъ Шекиръ-бея и отвѣчалъ ему:

— Я ему прощаю: его родъ точно всегда вѣрно служилъ. Я вамъ окажу: вѣрно ли вашъ родъ служить? Вѣрно ли служить вашъ сынъ?... Вы знаете за что удалилъ я его изъ медресы? Идите, теперь у меня есть другія дѣла, и готовьте сына вашего въ дальній путь. Не Цыганку я пошлю въ изгнаніе, а вашего Гайредина. Пусть знаетъ онъ какъ дружить съ Греками, нашими злѣйшими врагами, и какъ спастись заговорщиковъ ночью въ арнаутской одеждѣ....

Сказавъ это, паша позволилъ и велѣлъ кликнуть своихъ чиновниковъ съ бумагами. А старики удалились въ безмолвіи домой.

IX.

Абдуль-паша, какъ только возвратился въ своей домъ, тотчасъ послалъ за дочерью и сказалъ ей:

— Ты мнѣ не дочь, если не поѣдешь за мною въ мой чифликъ. Брось его! Пусть онъ придетъ и поклонится намъ. Я разведу тебя съ нимъ и найду тебѣ мужа честнаго.

Эмине-ханумъ покорилась отцу, взяла дѣтей и въ тотъ же день уѣхала съ отцомъ изъ Янины.

Шекиръ-бей, сидя одинъ, горько плакалъ. Когда сынъ воротился домой, Шекиръ-бей передалъ ему печальныя вѣсти объ изгнаніи и объ отъѣздѣ жены.

— Судьба! сказалъ Гайрединъ, блѣднѣя, и сѣлъ: ноги его не держали.

Стали они совѣщаться и спрашивать: кто бы могъ довести

дѣло Джимопуло до паши? Призвали сеуса-Грека и заклали его всѣмъ святымъ сказать правду. Грекъ, прослезаясь, признался что въ пьяномъ видѣ говорилъ о бѣготѣ Джимопуло съ кавасами, хваля доброту бей. Между кавасами былъ одинъ Турокъ; должно-быть, онъ передалъ.

— Вотъ тебѣ награжденье, сказалъ старый Шекиръ-бей сеусу.—Я тебя теперь въ домъ моему видѣть не могу.

И далъ ему денегъ.

Одумавшись, Шекиръ-бей рѣшился ѣхать въ Царьградъ чтобы спасти сына. Какъ ни тяжело было ему пускаться въ дальній путь, сынъ былъ дороже покоя преклонныхъ лѣтъ.

Слезы его бѣжали ручьемъ при одной мысли что Гайредина ошлютъ въ Сирію или Каменистую Аравію, гдѣ у него не будетъ ни отца, ни жены, ни друга!

Ѣхать онъ собрался, но денегъ было мало. По добротѣ своей, Шекиръ не любилъ тѣснить Грековъ которые жили на его землѣ и часто отсрочивалъ имъ платежи. Въ это лѣто дождей было мало; кукуруза не родилась, и собрать ему съ нихъ было почти нечего.

Послали за банкиромъ Ишуа; но Гайрединъ и безъ того за эти три мѣсяца задолжалъ ему много, потому что не хотѣлъ показывать дома какъ дорого стоить ему Пембе, и не бралъ денегъ на это ни отъ отца, ни отъ тестя.

Ишуа сначала сказалъ что принесетъ сейчасъ 30.000 пиастровъ. Ушелъ, и не вернулся. Къ вечеру послали за нимъ, его не было дома; на другой день была суббота; въ воскресенье утромъ онъ обѣщалъ опять принести, а вечеромъ прислалъ сказать что поссорился съ племянникомъ съ которымъ у него до тѣхъ поръ все было сообще, и что племянникъ унесъ ключъ отъ кассы.

Сѣлъ старикъ на лошадь и поѣхалъ самъ къ Ишуа. Опять Ишуа не было дома. Шекиръ-бей вернулся оскорбленный и разсерженный. Уходя изъ дома Еврея, онъ произнесъ нѣсколько угрожающихъ словъ. Ишуа испугался этихъ словъ и пришелъ самъ съ извиненіями; но Албанцы выругали его какъ нельзя хуже, а Гайрединъ хотѣлъ гнать его изъ дома палками. Ишуа подалъ жалобу въ Порту.

— Дурной часъ пришелъ на насъ, сынъ мой! воскликнулъ Шекиръ-бей.

Гайрединъ долго сидѣлъ какъ убитый; но вдругъ, оправившись, вспомнилъ о Джимопуло, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ

къ нему. Дорогой, еще не доѣзжая до его дома, онъ увидалъ его на улицѣ.

Киръ-Костаки самъ, узнавъ случайно въ конакѣ наши о ссорѣ Гайредина съ Ишуа, шелъ къ Гайредину съ деньгами.

— Возьмите, возьмите! сказалъ онъ старому Шекиру: — и знайте, что и между Греками есть такіе что помнятъ добро.

Старикъ и Гайрединъ долго обнимали и благодарили его.

— И въ немъ, ты самъ знаешь, течетъ ваша кровь! говорилъ съ восторгомъ старикъ, указывая на сына.

Джимопуло тѣмъ труднѣе было дать деньги эти что онъ, какъ и предсказывалъ Феимъ-паша, давно уже нашелъ средство тайно отправить для Критянъ большую сумму.

На другой день Шекиръ-бей взялъ въ конакѣ паспортъ и уѣхалъ въ Царьградъ въ самый ненастный и дождливый день. Сынъ провожалъ его до перваго хама и со слезами видѣлъ какъ скрылся за скалами отецъ, и какъ зимній холодный дождь ливня лилъ на его старую голову.

Жалобу Ишуа оставили въ Портѣ безъ вниманія.

Пашѣ довольно было и того что онъ сдѣлалъ Гайредину; въ тотъ же день какъ уѣхалъ старый Шекиръ, онъ послалъ въ Царьградъ бумагу, въ которой чернилъ Гайредина какъ только могъ.

Гайрединъ, возвратившись въ городъ послѣ проводовъ отца, пошелъ прямо къ той Гречанкѣ у которой онъ послѣднее время видался съ Пембе, и послалъ за любимою дѣвушкой, думая подѣлать съ ней горькій часъ.

Пембе пришла съ теткой. Тетка, какъ вѣдьма, сѣла на корточки у жаровни и стала грѣть свои красныя руки надъ угольями.

Пембе смѣялась и ласкала бѣя.

Гайрединъ, глядя на нее, забылъ все свое горе, и обнимая ее, спросилъ у нея наконецъ нѣчто завѣтное, о чемъ онъ еще не спрашивалъ ея:

— Поѣдешь ли со мной, моя жизнь, въ Аравію? И тамъ, агневокъ мой, добрые люди есть. Тамъ нашъ Пророкъ родился; туда люди на молитву ходять. Съ тобой, Пембе, изгнаніе не будетъ мнѣ изгнаніемъ, и ни отца, ни жены я не буду жалѣть, когда ты будешь со мной, моя сладкая дѣвушка!

Пембе молчала и глядѣла на тетку.

— Поѣдешь? спросилъ опять Гайрединъ.—Что жъ ты молчишь?

— Она жалветъ тебя, паша мой, сказала съ улыбкой тетка. — Отъ жалости говорить не можетъ. Слышали мы вчера отъ людей будто тебѣ хотять „сюррюнъ“ сдѣлать, и всю ночь обѣ отъ слезъ и отъ страха не спали.

— Пусть не жалветъ, я самъ не жалю себя, если она поѣдетъ со мною....

Переглянулись еще Пембе съ теткой, и Пембе, вставъ и поцѣловавъ руку бая, сказала ему:

— Ты, паша мой, человекъ большой; тебѣ и въ Аравіи хорошо будетъ жить. А я сирота. Тетка моя не пуститъ меня съ тобой. Кто за нею, бѣдною старухой, будетъ смотрѣть, кузумъ-паша мой? Какъ она смотрѣла за мною, такъ и маѣ надо теперь смотрѣть за ней, кузумъ-паша мой! Я теперь цѣлаю глаза твои и руки, и благодарю тебя за то что ты мою судьбу сдѣлалъ....

Послѣ нея заговорила тетка.

— Узнали ваши родные въ Битоліи, сказала она, — что у Пембе, по милости твоей, и деньги, и вещи есть, сосватали ее тамъ и зовутъ насъ на родину.

— Правда? спросилъ Гайрединъ у Пембе.

— Правда, паша мой. И я, сирота, благодарю тебя, отвѣчала коварная Пембе.

Гайрединъ не далъ ей руки.... Вся душа его содрогнулась отъ гнѣва и горести.

Помолчавъ съ минуту, онъ всталъ, вышелъ вонъ и уѣхалъ въ свой опустѣлый чифтаикъ ждать уныло что пошлетъ ему Богъ, обрушившій столько бѣдъ на его голову.

Х.

На слѣдующій день Греки праздновали Рождество Христова. Закружили всѣ лавки свои, и ночь подъ праздникъ провели въ церквахъ, молясь и приобщаясь Св. Таинъ.

Въ ту же ночь Турки отдыхали отъ дневнаго поста своего, курили, ѣли и кончали дѣла. Фемъ-паша спросилъ себя на разсвѣтъ свѣжаго хлѣба, но ему отвѣчали что свѣжаго хлѣба нѣтъ, что всѣ хлѣбники-христиане и заперли пекарни на три дня.

— На три дня? воскликнулъ паша съ удивленіемъ и гнѣвомъ.

Чиновники сказали ему что такъ ведется здѣсь съ древ-

нихъ времянь, и самъ Али-паша, тиранъ эпирскій, уважалъ этотъ обычай Грековъ.

— И войско будетъ ѣсть три дня сухой хлѣбъ? спросилъ Феимъ-паша.

— И войско.

Не повѣрилъ Феимъ-паша, послалъ за полковникомъ, и полковникъ повторилъ ему то же.

— Мы знаемъ это и привыкли, сказалъ онъ.

Паша тотчасъ же послалъ за тремя самыми богатыми хлѣбниками и грозно велѣлъ имъ отворить лавки и печь свѣжіе хлѣбы для войска и для всѣхъ Турокъ.

— Не можемъ, отвѣчали хлѣбники, кланаясь.

— Я велю вамъ! закричалъ паша.

— Не можемъ, повторили хлѣбники.— Намъ вѣра не велитъ работать эти дни, и мы, паша господинъ нашъ, работать не будемъ.

Паша пришелъ въ изступленіе и воскликнулъ:

— Я покажу вамъ всѣмъ здѣсь, и Арнаутамъ, и Грекамъ, каковъ у васъ паша! Я покажу вамъ, что у меня не пойдете вы по дорогѣ Критянъ! Вонъ отсюда!

И приказалъ безъ суда схватить этихъ трехъ хлѣбниковъ, и посадивъ въ цѣпяхъ на лошадей, отправить немедленно въ дальній городъ Бератъ и заключить тамъ въ тюрьму. Они не имѣли времени проститься съ семьями; ихъ взяли когда они только что, причастившись, шли изъ церкви.

Поднялась вся православная Янина. Одинъ за другимъ бѣжали Греки другъ къ другу, къ богатымъ купцамъ своимъ, къ митрополиту и консуламъ. Толпа народа съ благословеніями шла за тремя изгнанниками далеко за городъ. Собрались старшины у митрополита. Робкій старецъ заплакалъ горько, выслушавъ ихъ разказы и сужденія. Страшно ему было вступитъ въ борьбу съ могучимъ намѣстникомъ, но просьбы и угрозы общины еще сильнѣе трогали и пугали его. „Лучше отъ Турокъ пострадать чѣмъ отъ укоровъ своей паствы!“ сказалъ онъ наконецъ и поѣхалъ въ Порту.

Дрожащимъ голосомъ и со слезами на дряхлыхъ очахъ, молилъ онъ пашу возвратитъ изгнанниковъ и не касаться того обычая котораго самъ Али-паша не дерзалъ касаться.

Феимъ-паша отказалъ ему.

Еще шумнѣе и ожесточеннѣе заговорили Греки.

— Мы не бунтуемъ, кричали они:—но церкви нашей даны

права въ первый день паденія Византіи самимъ султаномъ-Магометомъ-Завоевателемъ. Мы отстоимъ права наши!

— Я покажу Грекамъ каковъ у нихъ паша! повторялъ намъ станикъ, и велѣлъ тайно войсковымъ начальникамъ усилить обходы и стражу и быть готовымъ на все.

— Мы отстоимъ права наши! восклицали Греки всѣ заодно.

Весь городъ былъ въ движеніи. Турецкіе фанатики осматривали свои ятаганы и ружья; встрѣчались молча на улицѣ толпа Грековъ съ кучей Турокъ, молча взглядывали одни на другихъ, но какъ!—и молча продолжали путь. На всѣхъ перекресткахъ въ эти три смутные дня слышались зловѣщіе разговоры: Шло, разказывали Турки, десять Грековъ пьяныхъ вечеромъ безъ огня, запліе спросилъ ихъ: „куда вы идете пьяные съ пѣснями?“ „На твою погибель!“ отвѣчали они, разбили объ его голову незажженный фонарь и разбѣжались.

Въ июль мѣствъ Греки разказывали, какъ во время крестнаго хода, когда митрополитъ остановился предъ русскимъ консульствомъ и по обычаю прочелъ молитву, кинулись толпой сосѣдніе Турчата (наученные большими) на пѣвчихъ мальчиковъ, засыпали ихъ камнями и разбѣжались сквозь толпу.

„Часовые перестали отдавать честь русскому и греческому консуламъ“, говорили на базарѣ христіане.

Юзъ-баши встрѣтилъ съ обходомъ толпу гулявшихъ христіанъ, заспорилъ съ ними, и обнаживъ саблю, сказалъ:

— Если и эти дѣла пройдутъ вамъ, какъ многое прошло, все-таки дождусь я и того часа когда сабля эта пройдетъ сквозь вашу грудь.

Говорили что паша осмѣлился не принять обоихъ православныхъ консуловъ, когда они пришли сдѣлать ему свои замѣчанія.

Громче всѣхъ говорилъ честный Джимопуло. Слушаясь его совѣтовъ, старецъ-митрополитъ привезъ ключъ отъ соборной церкви къ пашѣ и вручилъ его ему, говоря что митрополитъ въ Янивѣ больше вѣтъ, и что онъ, послѣ оскорбленій нанесенныхъ вѣрѣ и общинѣ греческой, сношеній съ нимъ имѣть не можетъ. Вслѣдъ за духовнымъ пастыремъ пришли всѣ христіанскіе члены ударе-меджлиса и судовъ: уголовнаго, торговаго и гражданскаго, и подали въ отставку.

Джимопуло обратился къ пашѣ съ рѣчью спокойною и твердою:

— Мы лишимся довѣрія нашихъ соотчичей, сказалъ онъ, — если останемся послѣ этого позора членами судовъ и совѣтовъ султанскихъ. Ваше превосходительство знаете что его величество султанъ изволилъ дать намъ права не для того чтобы мы сами потеряли ихъ нашимъ равнодушіемъ. Поддерживая ихъ, мы сообразуемся съ волей того кто намъ даровалъ ихъ!

Паша повернулся къ Грекамъ спиной и повторилъ опять: — Я докажу что здѣсь не будетъ Крита!

Къ слѣдующей ночи не только выборные члены судовъ и совѣтовъ, но и всѣ мелкіе чиновники изъ Грековъ, писаря, драгоманъ и служащіе на телеграфной станціи и въ таможенныхъ, подали въ отставку.

Телеграммы со всѣхъ сторонъ неслись въ Царьградъ; писались спѣшныя донесенія во всѣ европейскія столицы.

Паша не дремалъ и по нѣскольکو часовъ подъ рядъ проводилъ самъ на телеграфной станціи, отвѣчая на запросы съ береговъ Босфора....

Волненіе умовъ росло въ столицѣ вилаета, а изъ дальнихъ округовъ въ то же время прилетали вѣсти отъ которыхъ пахло уже порохомъ и кровью.... Наконецъ и западные консулы вмѣшались и совѣтовали уступить: ибо для самой Порты невыгодны смятенія....

Раздираемый нѣмымъ бѣшенствомъ, Феимъ-паша уступилъ. На третью сутки раздался по мостовой, со стороны Берата, стукъ копытъ, и изгнанники вернулись въ среду ликующаго народа.

Феимъ - паша уныло простился со своею ролью просвѣщеннаго; но грознаго патриота и правителя Эмира. Онъ понималъ что послѣ этой неудачи его царству здѣсь конецъ.... Все что было оскорблено имъ въ этомъ дѣлѣ, все что лично было ему враждебно, поднялось на него въ Царьградѣ. Вселенскій патріархъ вступился за право митрополита; греческія газеты привлекали взоры на самоуправство пашей. Фанариоты, и тѣ роптали. Драгоманъ посольствъ сожалѣлъ официально въ приемной великаго визиря о неосторожномъ обращеніи Феима съ народными страстями. Паши, у которыхъ не было мѣсть, спѣшили заявить свои надежды. Не дремали и старые албанскіе бей: Абдуль-паша писалъ спѣшныя письма къ роднымъ и друзьямъ своимъ въ столицу, обвиняя пашу какъ безумца и закятаго врага Албанцевъ.

Шекирь-бей хлопоталъ за сына. Но болѣе всего вредилъ Феиму одинъ престарѣлый министръ, котораго Феимъ оскорбилъ когда-то своимъ остроуміемъ.

Старикъ этотъ былъ съ нимъ друженъ, и вздумавъ подражать Европейцамъ, просилъ его, какъ человека знающаго, сочинить ему гербъ на новую карету. „Вы были судьей и воиномъ не разъ“, сказалъ ему Феимъ, и прислалъ ему рисунокъ герба: вѣсы и мечъ, а внизу девизъ по-французски: *ress et vainc!* По-турецки же слово *пезевенез* хуже чѣмъ подлець!

Феимъ-паша зналъ все это; онъ готовился къ отъѣзду и забылъ о Гаїрединѣ и объ его ссылкѣ.

XI.

Скоро Феимъ-паша уѣхалъ изъ Янины; его замѣнилъ другой, съ которымъ успѣлъ сдружиться въ Царѣградѣ старый Шекирь-бей. Они пріѣхали вмѣстѣ. Объ изгнаніи Гаїредина уже не было и рѣчи; новый паша обѣщалъ старику выгнать изъ вилаета Пембе безъ всякаго суда и разговоровъ; но, по пріѣздѣ въ Янину, онъ узналъ что Пембе уѣхала сама. Шекирь-бей сказалъ сыну:

— Поѣдемъ къ Абдуль-пашѣ. Помиришь съ женой. Ты забьешь и дѣтей своихъ!

Гаїрединъ поѣхалъ съ нимъ къ тестю и привезъ назадъ жену и дѣтей. Иззедину онъ былъ очень радъ и крѣпко обнималъ его и ласкалъ цѣлый день; но къ женѣ уже не лежало сердце его, и часто думалъ онъ про себя:

„Пустыня Аравіи была бы лучше родины, еслибы *та дѣвушка* была со мной въ пустынѣ!“

Видѣли все: и жена, и отецъ, и родные, что бей молчитъ и тоскуетъ, и не знали что дѣлать съ нимъ.

Однажды Шекирь-бей откровенно говорилъ о сынкѣ съ новымъ пашой.

— Послушай меня, сказалъ ему генераль-губернаторъ: — Не излащивай ты дома души его! Пошли ты его на Грековъ съ баша-бузуками въ горы. Хоть „сюрюнь“ ему и не сдѣлали, а все же мнѣніе о немъ худое въ Стамбулѣ. А пойдеть онъ на Грековъ, такъ эти мысли измѣнятся.

Шекирь-бей поблагодарилъ пашу и сказалъ сыну какъ будто отъ себя:

— Вотъ, пришло тебѣ время послужить султану мечомъ и очистить имя твое!

Гайредину было все равно. Онъ принялъ начальство надъ сотней башу-бузуковъ и выступилъ въ Аграфу. Ему не пришлось и сразиться съ клефтами. Не прошло и трехъ недѣль какъ его убили.

Онъ ѣхалъ подъ вечеръ впереди своего отряда по ущелью. Съ обѣихъ сторонъ стояли высокіе камни. Свѣтъ падалъ густой, и вѣтеръ грозно ревалъ на встрѣчу Албанцамъ.

Гайрединъ ѣхалъ шагомъ, укрываясь буркой, и улыбка мечты его были далеки отъ боеваго дѣла. Онъ съ горькою думой вспомнилъ иную непогоду, веселый очагъ и окна своего дома, которыя напрасно рвалъ вѣтеръ,—вечерній дождь надъ темною мостовой и бѣдную Пембе.

Такъ мечталъ Гайрединъ, когда греческая пуля, пущенная изъ-за дальняго куста, пресѣкла его жизнь. Онъ упалъ на шею лошади, не сказавъ ни слова. Башу-бузуки разбѣжались, и только двое старыхъ слугъ привезли его тѣло къ отцу.

Такъ кончилъ жизнь свою добрый Гайрединъ.

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

Я П О Н І Я

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

ХРИСТИАНСКОЙ МИССІИ

Отправившись въ Японію въ званіи настоятеля консульской церкви, съ миссіонерскою цѣлю, я старался, въ продолженіи моего восьмилѣтняго пребыванія тамъ, изучить японскую исторію, религію и духъ японскаго народа, чтобъ узнать въ какой мѣрѣ осуществимы тамъ надежды на просвѣщеніе страны евангельскою проповѣдью. Чѣмъ больше я знакомился со страной, тѣмъ больше убѣждался что очень близко время когда слово Евангелія громко раздастся тамъ и быстро повеселится изъ конца въ конецъ имперіи.

Въ этой тридцати-пяти-милліонной имперіи крайняго Востока все какъ-то чудно, все не по-нашему, но вмѣстѣ и не по-восточному. Какъ мы понимаемъ Востокъ? Абсолютный деспотизмъ сверху и безотвѣтное раболѣпство снизу, невѣжество, отупѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ невозмутимое самодовольство и гордость, а вслѣдствіе этого неподвижность,—вотъ понятія которыя у каждаго изъ насъ неразрывно связаны съ понятіемъ о восточныхъ государствахъ. Тѣмъ болѣе, повидимому, означенныя качества должны бы принадлежать Японіи, какъ странѣ очень древней и, во все время своего существованія, имѣвшей сношенія почти исключительно съ однимъ Китаемъ, отсталость и неподвижность котораго вошли въ пословицу. И что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ въ Японіи? Императорская династія здѣсь, правда, считается, какъ почти вездѣ на Востокѣ, имѣющею божественное происхожденіе, но

деспотами, въ томъ смыслѣ какой мы привыкли соединять съ этимъ словомъ, императоры никогда не были. Я встрѣтилъ въ исторіи лишь одного императора, въ періодъ наиболѣе цвѣтущаго состоянія Японіи, который взглянулъ было на свою власть какъ на принципъ полнѣйшаго самовольства, и вслѣдствіе того сталъ охотиться на людей съ лукомъ и стрѣлами и дѣлать тому подобныя дурачества, но его постигла внезапная смерть, и исторія очень недвусмысленно говоритъ о причинѣ этой внезапности. Другой, наследникъ престола, показывалъ наклонность сдѣлаться подобнымъ императоромъ, но за эту наклонность государственный совѣтъ прямо лишилъ его права на престолъ. Вообще объ императорской династіи въ Японіи (она одна отъ самаго основанія имперіи, съ 667 г. до Р. Хр.) можно не обинуясь сказать что она блистательно исполнила свой долгъ: дала странѣ очень хорошее гражданское устройство,—лучшее чѣмъ то которое существуетъ теперь не по винѣ императоровъ,—доставила народу военную славу завоеваніемъ корейскихъ государствъ, ввела его въ сношенія съ Китаемъ и чрезъ то даровала странѣ хоть то образованіе которое выработалъ до нея Китай, и, наконецъ, жертвуя собой, своимъ божественнымъ авторитетомъ, внесла въ имперію буддизмъ, болѣе высшую форму религіознаго сознанія чѣмъ древнѣйшая религія Японцевъ—*синту*, обожаніе духовъ предковъ.

Ковчивъ свою миссію, и какъ будто истощенная ею, императорская династія впала въ бездѣтельность, въ апатію, и Японія, не задумываясь долго, создала себѣ новую форму правленія. Вышло кѣчто очень оригинальное: императоръ, по видимому, продолжалъ быть тѣмъ же императоромъ; титуламъ и почести на словахъ и въ книгахъ остались за нимъ, но власть перешла къ болѣе живымъ и сильнымъ дѣятелямъ—сѣогунамъ (сѣогуны въ буквальномъ переводѣ: генералъ). Съ этими властителями Японія уже не много церемонилась: сѣогунскихъ династій, менѣе чѣмъ въ продолженіе 700 лѣтъ (съ 1186 г.), у нея перебивалось шесть, причемъ только тѣ изъ сѣогуновъ держались крѣпко и прочно, кто удовлетворялъ національнымъ потребностямъ. Это ли деспотизмъ? И гдѣ же безответность и рабство? Начните говорить съ людьми разныхъ сословій, спуститесь до крестьянина самаго глухаго околотка, и вы удивитесь здравому и вѣдѣть независимому образу мыслей народа о своемъ правительствѣ. Самый строгій образъ правленія былъ устанавливаемъ послѣднею,

низверженною въ прошломъ году, сѣогунскою династіею. Японія была опутана сѣтью шпіоновъ; самыя суровыя мѣры были приняты для устраненія сношеній съ иностранцами. Но первое относилось почти исключительно къ обузданію удѣльныхъ князей; второе, по понятію сѣогуновъ, очень основательному триста лѣтъ тому назадъ, предупреждало страну отъ завоеванія ея иностранцами. Что же касается до народа, то онъ имѣлъ гораздо болѣе условій къ сознанію своей гражданской свободы чѣмъ народы многихъ государствъ въ Европѣ. И при всемъ томъ какъ еще недоволенъ былъ народъ существовавшимъ порядкомъ вещей! Интересно было послушать какъ купецъ негодовалъ на такіа-то и такіа-то пошлины, правду сказать, вовсе не обременительныя, какъ крестьянинъ ропталъ за взиманіе повинностей, какъ всѣ презрительно отзывались о чиновникахъ, которые „почти всѣ даже зятки берутъ, такіе они негодные!“ какъ вообще весь народъ корилъ правительство за бѣдность страны, между тѣмъ какъ нищихъ почти не видно, и каждую ночь, въ любомъ городѣ, улицы увеселительныхъ домовъ стонуть отъ музыки и пляски. Это ли восточное безгласное раболѣпство предъ властелинами?

Изъ сказаннаго уже видно отчасти что Японцы вовсе и не ступѣлый и не невѣжественный народъ. Правда, образованіе здѣсь не высоко и не глубоко, но за то оно разлито почти равномерно по всѣмъ слоямъ народа. Конфуцій здѣсь альфа и омега ученой мудрости, нозато онъ, будучи задолбленъ до послѣдней буквы ученымъ Японцемъ, небезызвѣстенъ и послѣднему простолюдину, который по немъ, большею частью, учится читать и писать. Про другія страны міра до послѣдняго десятилѣтія и самыя ученые Японцы почти ничего не знали; но за то и въ отдаленной деревушкѣ вы не найдете такого невѣжды который бы не зналъ кто такой Іоритомо, Іосидуне, Кусуноки, Масасинге и прочіе историческіе дѣятели, или не сумѣлъ бы сказать, на сѣверъ или на западъ отъ него лежитъ Едо, Міако и другіе важныя мѣстности. Весной вы идете по улицѣ и видите толпы ребятишекъ пускающихъ змѣя; васъ заинтересовала чудовищная рожа намалеванная на змѣѣ: спросите у ребятишекъ кто нарисованъ,—они наперерывъ другъ предъ другомъ поспѣшатъ разказать что это Кіёмори, или Такаудзи, или кто другой, и будьте увѣрены, они разкажутъ исторію удовлетворительно: мать или старшій братъ, готова имъ змѣя, позаботились въ то же время ознакомить ихъ съ этими

историческими лицами; а часто короткая повѣсть объ нихъ напечатана тутъ же на оборотѣ листа. Вотъ остановились на улицѣ двѣ дѣвушки и разсматриваютъ картинки въ книжкѣ; одна изъ нихъ хвастается предъ своею подругой покупкой которую только что сдѣлала: это какой-нибудь историческій романъ. Покупать книги здѣсь, впрочемъ, нѣтъ особенной надобности: здѣсь такое множество общественныхъ библиотекъ и такъ баснословно дешево берутъ за чтеніе книгъ, причемъ даже не нужно трудиться ходить въ библиотечку, потому что книги разносятся ежедневно по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ! Полюбопытствуйте заглянуть въ эти библиотечки: вы увидите почти исключительно военно-историческіе романы (таковъ вкусъ народа воспитанный вѣковыми междуусобными смутами), и вы не найдете книги въ дѣвственной чистотѣ; напротивъ, онѣ истрепаны, такъ что въ иномъ мѣстѣ невозможно и прочесть написанное: несомнѣнный признакъ что японскій народъ читаетъ. Да, число грамотныхъ и читающихъ въ Японіи не уступитъ количеству таковыхъ въ любомъ изъ западныхъ государствъ Европы (о Россіи я и не говорю!), и это несмотря на то что самыя простыя японскія книги писаны наполовину китайскими знаками. Вѣдь чтобъ овладѣть процессомъ чтенія ихъ нужно убить три-четыре года! И при всемъ томъ Японцы прилежно учатся читать. Этотъ ли народъ можно назвать отупѣлымъ? Что же касается до гордости, самодовольства и неподвижности, то событія послѣдняго пятнадцатилѣтія служатъ нагляднымъ доказательствомъ того что Японцамъ чужды и эти качества въ тѣхъ размѣрахъ въ какихъ мы приписываемъ ихъ восточнымъ народамъ. Правда, у Японцевъ много національной гордости, и они не могутъ не имѣть ея: въ продолженіи двадцати пяти вѣковъ существованія ихъ имперіи, они ни разу не согнули своей шеи подъ чужое ярмо; ни разу даже перемѣнчивыи жребій войны не далъ имъ случая усомниться въ своемъ превосходствѣ надъ другими націями. Напротивъ, всякій разъ когда они сталкивались съ Айними, съ Кореей и даже съ Китаемъ, они лишь торжествовали успѣху своего оружія. Первые, наконецъ, окончательно покорились имъ, или ушли отъ нихъ на Курильскіе острова; Корея дѣлае вѣка несла имъ дань; самый Китай, по временамъ, заискивалъ и пресмыкался предъ ними; словомъ, исторія ихъ вѣшнихъ сношеній, до послѣдняго времени, всегда неизмѣнно оставалася

лишь исторіей побѣдъ и торжества. Прибавьте къ этому ученіе ихъ національной религіи, остающейся и до сихъ поръ и завѣрающей ихъ что они произошли отъ боговъ, что Японія вѣчная любимица боговъ, что прочія страны что-то къ роду пустырей созданныхъ богами какъ бы случайно и потому заброшенныхъ безъ всякаго вниманія. Удивительно ли что Японцы до послѣдняго времени смотрѣли на иноземцевъ какъ на варваровъ, не очень высоко цѣнили ихъ силы и даже строили планы подчиненія себѣ всего свѣта? Но увы! даже и въ тѣ времена самодовольства и гордости, въ параллель къ партіи слишкомъ высоко мечтавшей объ Японіи, была партія совершенно противоположная ей. Нанугавнымъ католическими пропагандистами XVI столѣтія, Японцамъ глубоко запала въ душу мысль что Европейцы непременно имѣютъ намѣреніе завоевать ихъ страну, и въ каждомъ китобой, случайно появившемся у ихъ береговъ, чмъ безпрестанно мерещился шпионъ подглядывающій что дѣлается у нихъ. А сколько тревоги надѣлали когда-то наши Хвостовъ и Давыдовъ! Какъ Японія затевелась и стала вооружаться! Какую громкую славу приобрѣли себѣ здѣсь эти два немного взбалмошные лейтенанта, и какой ужасъ навели на всѣхъ, начиная отъ Кунашира до Кіусіу! И какъ они подняли кредитъ Россіи въ глазахъ Японцевъ: и Англія сдѣлалась одною изъ русскихъ губерній, и весь свѣтъ предпринялъ завоевать нашъ царь заодно съ турецкимъ султаномъ! Наконецъ, чему я не хотѣлъ вѣрить, пока самъ не прочиталъ въ очень серіозной японской книгѣ, были Японцы до того боявшіеся иностранцевъ что предлагали проектъ провести по всемъ бережьямъ Японіи каналы, чтобъ избѣжать плаванія по морю гдѣ ходятъ иностранныя суда, и правительство уже приступало къ исполненію этого проекта, по крайней мѣрѣ посылало инженеровъ осматривать мѣста удобныя для проведенія каналовъ. Это ли гордость и самонадѣянность! А что говорятъ событія послѣдняго времени? Едва прошло пятнадцать лѣтъ съ открытія Японіи для Европейцевъ, и посмотрите какъ измѣнился духъ правительства и народа. Не говоря уже о правительствѣ, почти каждый удѣльный князь выбивается изъ силъ чтобы завести у себя пароходъ, достать европейское военное оружіе, обучить солдатъ европейской военной тактикѣ, приобрести молодыхъ людей свѣдущихъ въ европейскихъ языкахъ и наукахъ. Какъ встре-

пенуся народъ, какъ всё ясно увидѣли свою отсталость, и какъ искренно и энергично стараются поправить дѣло! Какъ всё хотятъ видѣть, знать, изучить европейское! Живущіе въ Японіи знаютъ съ какимъ самоотверженіемъ молодые люди добиваются случая попасть за границу; безъ преувеличенія можно сказать, что еслибы была матеріальная возможность, полъ-Японіи уѣхало бы за границу учиться. Похоже ли все это на Китай, который дѣлалъ столѣтія знакомъ съ Европейцами, и при всемъ томъ до сихъ поръ воображаетъ что не ему слѣдуетъ учиться отъ Европейцевъ, а что, напротивъ, Европейцы пріѣзжаютъ позаимствоваться отъ него свѣтомъ мудрости. Когда-то Японія со всею готовностію и охотою приняла китайскую цивилизацію; шестнадцать вѣковъ она неизмѣнно была подъ ферулою этой цивилизаціи и прониклась ею, повидимому, до мозга костей. Вездѣ, начиная отъ постройки дома до религиозныхъ убѣжденій, вездѣ и во всемъ копировка Китая; своего собственнаго Японцы не изобрѣли ровно ничего, кромѣ развѣ сѣогунскаго званія, и то оправдываемаго ими на основаніи подходящихъ примѣровъ изъ китайской исторіи. Даже подъ сомнѣніемъ, ихъ Синту не есть ли тоже заимствование древнѣйшей китайской религіи; все это, если хотите, доказываетъ мелкость японскаго народнаго генія (а быть-можетъ и то что геній народа вообще не можетъ развиться безъ взаимодѣйствія другихъ народовъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ случай убѣдиться что Японцы одарены удивительною упругостію духа. Весь наплывъ китайской цивилизаціи былъ какъ будто чѣмъ-то допущеннымъ по уговору на время. Теперь она не нужна, и Японцы легко и свободно бросаютъ ее, какъ сбрасываютъ устарѣлое платье, и смѣлою, можно сказать, дерзкою рукою хватаются за все европейское. Взгляните что дѣлается въ настоящую минуту: они, ни болѣе ни менѣе, трудятся пересадить на свою почву англійскую конституцію, съ ея выборными, съ ея парламентомъ, съ ея королевскою властію; да, говорятъ, и то еще мало; „хотѣли-де ввести американскій образъ правленія, да не могли справиться съ нимъ, немного раненько для страны“. Конечно, еще сомнительно, вѣ-время ли имъ и англійская конституція; ихъ возня съ нею что-то очень напоминаетъ мартышку и очки: въ одно полугодіе прошлаго года они ужъ успѣли два раза редижировать свою конституцію, не считая разныхъ подскребокъ и

подчистокъ, встрѣчающихся въ официальныхъ газетахъ. Но я хочу указать лишь на то какъ Японцы живы и свѣжи духомъ, и какъ быстро они откликнулись на призывъ европейской цивилизаціи.

Какая же у этого народа религія, и какъ онъ относится къ ней? Японскій народъ, наравнѣ съ китайскимъ, справедливо укоряють въ атеизмѣ, или въ индифферентности къ дѣламъ вѣры. Но что за причина этихъ качествъ, повидимому, совершенно несвойственныхъ народамъ полуобразованнымъ? Тотъ ли это атеизмъ что по временамъ охватываетъ и европейское общество, приводя въ смущеніе благочестивыя души и возбуждая горячую дѣятельность апологетовъ вѣры? Нѣтъ, совершенно другой. Въ Европѣ атеизмъ всегда служитъ въ извѣстной мѣрѣ характеристическимъ указателемъ успѣха въ наукахъ, поднятія умовъ на высшую ступень развитія. Первые поставившіе ногу на эту ступень, въ порывахъ безотчетной радости вѣнчающей успѣхъ, провозглашаютъ на всѣ лады торжество ума человѣческаго, его всемогущество, его высшую авторитетность, не хотая оглянуться ни на что другое, хладнокрово взвѣсивъ свою находку и указать ей приличное мѣсто въ кругу знаній человѣческихъ. Толпа сбѣгается на зовъ этихъ глашатаевъ и вторитъ имъ, часто не понимая въ чемъ дѣло. Но вотъ на ту же ступень взошли и люди болѣе хладнокровные, ступили туда, наконецъ, хранители и истолкователи богооткровенной истины, разсмотрѣли въ чемъ дѣло, сличили новое открытіе съ ученіемъ вѣры и, къ удивленію массы, это открытіе оказалось не только не противорѣчащимъ вѣрѣ, но подтверждающимъ ея истинность. Принимаютъ народы плодъ науки въ кругъ своихъ знаній, еще крѣпче привязываются душою къ своей неизмѣнной, спасительной истинѣ, и продолжаютъ свой путь, и дѣлые вѣрка будутъ идти. Много разъ слабодушные будутъ имѣть случай преткаться на этомъ пути, но не исчерпаютъ народы безбрежнаго океана божественной мудрости, не возвысятся, не покичится человѣческое знаніе надъ истинами религіи, и не истощитъ человѣческая нравственность ея идеаловъ святости. Не то въ языческихъ странахъ вообще, не то и въ Японіи. Здѣсь атеизмъ высшихъ обществъ и индифферентизмъ низшихъ происходитъ прямо и положительно отъ недостаточности религіозныхъ ученій, отъ того что народъ исчерпалъ ихъ до дна, и они больше не удовлетворяютъ его.

Вотъ *сикту*. Что это за религія? Поклоненіе духамъ предковъ, начиная съ самыхъ первыхъ боговъ въ мірѣ. Что же это за боги? Видны въ нихъ могущество, мудрость, величіе и тому подобныя качества? Ни одного; это просто слабые смертные, даже безъ тѣхъ чувственно-привлекательныхъ качествъ которыми боги Греціи когда-то вдохновляли поетовъ и художниковъ къ созданію неподражаемыхъ образцовъ классическаго искусства. Если японскіе боги иногда творятъ, то этотъ актъ совершенно не вѣжета съ другими ихъ дѣйствіями, облачающими въ нихъ образцовое тупоуміе. Самый первый богъ явился въ мірѣ случайно, уже послѣ того какъ хаосъ раздѣлился и образовалъ небо и землю. О дѣйствіяхъ этого бога и слѣдовавшихъ за нимъ пяти поколѣній неизвѣстно ровно ничего. Лишь боги седьмаго поколѣнія начали творить. „Внизу, должно-быть, есть земля,“ сказалъ Изанаги, стоя вмѣстѣ съ богиней Изанамі на небесномъ мосту. Онъ погрузилъ небесный жезлъ внизъ; съ поднятаго жезла капнула капля и образовала островъ. Изанаги и Изанамі сошли на него и стали обходить кругомъ, онъ въ одну сторону, она въ другую. Когда сошлись, она первая сказала пріѣтствіе. Изанаги разсердился за непочтительность, такъ какъ ему должно было принадлежать первое слово, и боги обошли островъ снова. На этотъ разъ Изанамі придержала языкъ. Послѣ первыхъ объясненій, оказалось что они могутъ быть мужемъ и женою; но какъ? Къ счастью, откуда-то взялась очень живая птичка, известная въ Россіи подъ именемъ симицы, сѣла предъ ними и научила ихъ супружеству. Тогда они стали раждать японскіе острова; первожденнымъ они были недовольны, такъ онъ оказался весьма небольшимъ (островъ Авадзи); они родили побольше и т. д., наконецъ, родили горы, лѣса, моря и животныхъ. Изъ всѣхъ ихъ дѣтей Аматерасуками оказалась самою красивою, и они послали ее управлять небомъ: это богиня солнца. Но ихъ сынъ Сосано, къ неудовольствію родителей, оказался совершеннымъ грубіаномъ и забіякой; бить, сокрушать, приводить въ слезы было его любимымъ занятіемъ; родители послали его за это въ адъ. Предъ отходомъ туда, Сосано попросился сходить на небо, повидаться со своею старшею сестрой. Сестра испугалась его прихода, думая что онъ замыслилъ отнять у нея владѣнія, и встрѣтила его вооруженная съ ногъ до головы, но Сосано успѣлъ увѣрить ее

въ невѣжествѣ своихъ намѣреній и оставленъ былъ погостить. Ему, однако, не терпѣлось безъ проказъ: то онъ вытопчетъ рисовыя поля сестры, загнавши на нихъ лошадей, то, подкравшись къ окну у котораго она сидитъ за ткацкимъ станкомъ, нечаянно испугаетъ ее до того что она до крови уколетъ себѣ руку челнокомъ. Наконецъ онъ окончательно вывелъ ее изъ терпѣнія, когда сдѣлалъ одно крупное неприличіе въ ея парадной комнатѣ, въ которой она приготовилась праздновать осенній урожай. Безъ малѣйшей опаски, она вошла и сѣла чтобы начать праздничную трапезу, но, о ужасъ! запахъ пренесносный, и новое платьѣ все испачкано! Огорченная до глубины души, богиня солнца ушла въ пещеру и заворилась навсегда. Можно себѣ представить что сталося съ несчастнымъ міромъ: все погрузилось въ мракъ; ни дня, ни ночи; всѣ бродятъ оцупью. Боги думали было что Аматерасу посердится и выйдетъ. Не тутъ-то было! Она не на шутку разсердилась. Боги были не глупы, знали чѣмъ выманить свою любимицу. Они собрались у входа пещеры, насадили зеленыхъ деревьевъ и увѣшали ихъ разными прелестями, заманчивыми для женскаго глаза, какъ-то: зеркаломъ, ожерельями; тутъ же посадили пѣтуха, заставили его пѣть, а сами ударили плясовую. Не вытерпѣла богиня, отодвинула камень чтобы взглянуть въ отверстіе; но въ ту же минуту рука ея очутилась въ сильныхъ дланяхъ бога силы, который заранѣе поставленъ былъ на стражѣ у входа; какъ ни упиралась богиня, но была вытащена; тутъ ее окружили соломяною веревкой, пристали съ просьбой: „не уходи, не уходи опять!“ и тутъ же обѣщались примѣрно наказать негодяя Сосано. Аматерасу не заставила себя долго упрашивать, и вотъ міръ до сихъ поръ наслаждается солнечнымъ свѣтомъ. А Сосано пришлось плохо: ему скрутили руки назадъ, выщипали ему длинную бороду и сбросили съ неба. Онъ, впрочемъ, не потерялся и на землѣ. Онъ упалъ въ теперешнюю провинцію Идзумо; злѣсь набрелъ на плачущихъ старика и старуху; при вопросѣ о чемъ плачутъ, они объяснили что семиголовый змѣй переѣлъ всѣхъ ихъ дѣтей: теперь очередь за послѣднею дочерью. Сосано обѣщался убить змѣя, если они потомъ отдадутъ за него дочь; старики съ радостію согласились. Тогда Сосано велѣлъ построить семь палатокъ и въ каждыя поставить по бочкѣ вина, а самъ спрятался и сталъ ждать; змѣй пришелъ, ощутилъ запахъ

вина, вложилъ въ каждый шалашъ по головѣ и натянулся до-пьяна, такъ что заснулъ. Тогда Сосано сталъ рубить его въ куски; когда дошелъ до хвоста, его сабля, при ударѣ, зазубрилась; онъ осмотрѣлъ хвостъ внимательнѣй и нацѣлъ въ немъ саблю, которую и препроводилъ въ подарокъ сестрѣ Аматерасу. За тѣмъ женился, построилъ домишко и сталъ жить-поживать; даже сложилъ пѣсенку про свое веселое житье, извѣстную и донынѣ. Въ Идзумо онъ пользуется особенно усерднымъ почитаніемъ. А Аматерасу продолжала жить по-своему: воспитавъ сына Сосано и усыновивъ его, она хотѣла было отправить его на землю, но этотъ отказался, предоставивъ свои права сыну, Ниниги. Аматерасу и послала Ниниги въ Японію, отдавъ ему эту страну въ потомственное владѣніе. Съ нимъ она отправила большую свиту, наказавъ ей хранить господина и вѣрно служить ему; вручила также внуку, при прощаньи, зеркало, мечъ и осмигранный драгоценный камень, какъ знаки его достоинства. Ниниги сошелъ на землю, заблудился было здѣсь, но, по счастью, встрѣтившійся богъ путей Сарудихико проводилъ его въ Хіунга (на островъ Кіусіу), гдѣ онъ и поселился. Его дѣти: Хоносусо и Хоходэми раздѣлили между собою занятія: первый удилъ рыбу, второй охотился за звѣрями, и каждый изъ нихъ былъ очень счастливъ въ своей ловлѣ. Однажды они, для пробы, помѣнялись орудіями охоты; но Хоносусо ничего не досталъ въ горахъ и возвратилъ лукъ и стрѣлы брату; а Хоходэми не только ничего не поймалъ на рыбной ловлѣ, но и уду потерялъ; въ вознагражденіе онъ сдѣлалъ брату своему новую уду, но тотъ ничего не хотѣлъ вмѣсто своей прежней и настойчиво требовалъ ее. Хоходэми, въ горести бродя по берегу моря, встрѣтился съ однимъ старикомъ, который, узнавъ причину его печали, сдѣлалъ коробъ и въ немъ спустил Хоходэми на дно морское. Здѣсь Хоходэми нашелъ великолѣпный дворецъ морскаго бога, который хорошо принялъ его и женилъ на своей дочери. Чтобы найти удочку, собраны были рыбы, у одной замѣченъ былъ ротъ пораненнымъ, и удочка оказалась у ней. Три года прожилъ здѣсь Хоходэми, и когда, наконецъ, захотѣлъ отправиться на землю, морской богъ снабдилъ его на всякій случай двумя шариками, имѣвшими свойство, когда бросить тотъ или другой въ море, возвышать или уменьшать морской приливъ. Возвратясь на землю, Хоходэми, при помощи

этихъ шариковъ, одолѣвъ брата, закрѣпилъ за собою власть и сталъ мирно царствовать. Но при рожденіи сына, онъ лишился своей жены. Тоётоми, почувствовавъ приближеніе родовъ, сказала мужу: „я беременна; выбравъ бурный день, построй мнѣ на берегу родильный шалашъ, и ожидай.“ Входя въ приготовленный шалашъ, Тоётоми запретила мужу идти за нею; но Хоходэми, подстрекаемый лыбопытствомъ, пробрался къ шалашу и сталъ подсматривать: онъ увидѣлъ лежащаго дракона, обхватившаго ребенка. Замѣтивъ что за нимъ подсмотрѣли, драконъ быстро ушелъ въ море. Такъ какъ шалашъ еще не успѣлъ покрыть, когда Тоётоми пришло время родить, то новорожденный названъ былъ Фукиаваседзу (непокрытый). Отъ Аматерасу до него включительно пять поколѣній: это и есть такъ-называемыя поколѣнія земныхъ боговъ. Вотъ нить главныхъ событій космогоніи сину. Но генеалогія боговъ этимъ далеко не оканчивается, а скорѣе только здѣсь начинается. Къ семи поколѣніямъ небесныхъ боговъ Японцы почти не обращаются, земныхъ боговъ, за исключеніемъ высоко-читимой Аматерасу, то же рѣдко утруждаютъ молитвами: эти области очень высоки и неподходящи для обыденнаго богопочитанія. При всемъ томъ Японія полна богами. Откуда же они? Очевидно откуда. Съ сыномъ Фукиаваседзу, Дзинму, первымъ въ ряду микадо, начинается достовѣрная исторія Японіи. Дзинму перешелъ съ Кіусіу на Ниппонъ, которымъ тогда владѣли Айны, дрался съ ними, былъ на первый разъ отгѣсненъ, потомъ успѣлъ отнять у нихъ значительную часть территоріи и утвердился на Ниппонѣ: все это дѣйствія очень обычныя для простыхъ смертныхъ завоевателей, но въ то же время Дзинму былъ сынъ бога, потомокъ Аматерасу и чрезъ нее небесныхъ боговъ, очевидно что онъ и самъ богъ. Занимъ въ той же степени боги всѣ его преемники, до нынѣшняго микадо, о которомъ Японцы выражаются что „только пожелаай онъ, небесный огонь сейчасъ же падетъ и попадетъ всѣхъ иностранцевъ“. И вотъ, слѣдовательно, рядъ боговъ уже болѣе доступныхъ для каждаго, потому что эти боги болѣе знакомы съ земными дѣлами. Изъ ряда императоровъ, микадо ознаменовавшіе себя чѣмъ-либо особенно полезнымъ для отечества чтутся съ особеннымъ усердіемъ. Напримѣръ, Хациманъ. Кто же такой Хациманъ, которому такое множество храмовъ въ Японіи, и въ честь котораго устраиваются такіа великолѣпныя

военныя процессіи? Это бывшій микадо Воодзинъ. Вы развѣртываете исторію, прочитываете про Воодзина и, правду говоря, не находите ничего особеннаго: онъ былъ изъ очень обыкновенныхъ микадо. Но вы забыли главное; взгляните въ исторію предшествовавшаго микадо: это была мать Воодзина, Дзингу, завоевавшая Корею; а завоевала-то собственно не она, а Воодзинъ, которымъ она была беременна въ ту пору. Всякому извѣстно какъ это было; императрица совсѣмъ ужъ приходило время родить, когда она собиралась въ Корею, но она взяла на берегу простой камушекъ, заткнула его за поясъ и сказала: „да не родится дитя пока я съ побѣдой не вернусь въ отечество“, и дитя не родилось, оно только перемѣстилось на болѣе удобную, по его мнѣнію, квартиру. Дзингу во время похода была вооружена; между прочимъ одинъ изъ рукавовъ ея платья замѣчали постоянно наполненнымъ чѣмъ-то; всѣ думали что тамъ у нея нужныя въ походѣ вещи: ремешки, веревочки и т. п., но всѣ ошибались: тамъ и былъ Воодзинъ, только не въ рукавѣ, а въ рукѣ. Итакъ не великая ли услуга отечеству и вмѣстѣ не дивная ли сила божественная завоевать государство будучи еще въ тѣлѣ матернемъ? Понятно послѣ этого отчего Хацимана такъ усердно чтутъ военные, считающіе его по преимуществу своимъ богомъ. Предки микадо боги и самого микадо и всего народа вообще. Но съ неба вмѣстѣ съ Ниниги пришло много великихъ мужей; ихъ потомки живутъ и доселѣ, и чтутъ ихъ какъ своихъ фамильныхъ боговъ; но дѣянія тѣхъ мужей принесли пользу всему отечеству, поэтому и весь народъ, за исключеніемъ самого микадо, обязанъ чтить ихъ, и чтить. Наконецъ весь японскій народъ, если разобрать его родословную, божественнаго происхожденія: всѣ въ концѣ концовъ происходятъ отъ Изанаги и Изанамы, поэтому всѣ боги, и каждый человѣкъ обязанъ чтить своихъ предковъ какъ боговъ, молить ихъ о покровительствѣ, приносить имъ жертвы; степенью богопочтенія къ предкамъ обуславливается для каждаго домашнее счастье или несчастье. Входя въ японскій домъ и любопытствуя взглянуть на божницу, вы всегда найдете бумажку съ именами и жертвы предъ нею; на вопросъ о значеніи бумажки, вы узнаете что на ней имена домашнихъ пенатовъ. Иногда тутъ же стоитъ безобразный, законченный идолъ: это непременно предокъ, чѣмъ-нибудь особенно хорошимъ ознаменовавшій

себя для рода. Часто этотъ предокъ заинтересуетъ васъ своимъ каррикатурнымъ, уморительнымъ видомъ; вамъ хотѣлось бы приобрести его для коллекціи рѣдкостей: не стѣсняйтесь, предложите цѣну подороже чѣмъ за обыкновенную куклу, вамъ продадутъ его. Чѣмъ ниже общественное положеніе человѣка, тѣмъ больше у него боговъ, потому что, кромѣ своихъ пенатовъ, онъ чтитъ знаменитыхъ предковъ людей высшихъ сословій; наоборотъ же не бываетъ. Для императора было бы постыдно воздавать поклоненіе предкамъ какой-нибудь другой фамиліи, какими бы заслугами они ни ознаменовали себя; нѣкоторые императоры, правда, унижали себя до этого, но это всегда считалось скандаломъ и возбуждало народное осужденіе. Для членовъ знатной фамиліи, напримѣръ Фудзивара, Минамото, Такра, было бы постыдно чтить боговъ какого-нибудь купца. Но есть боги и изъ низкихъ сословій чтимые всѣмъ народомъ, это люди ознаменовавшіе себя особенно великими заслугами, напримѣръ Хидеёси. Есть также множество мѣстныхъ боговъ, возникшихъ изъ невысокаго званія; напримѣръ, такой-то открылъ въ горѣ золотую руду и потрудился для разработки ея; натурально что и по смерти онъ покровительствуетъ этой горѣ и работающимъ на ней; мѣстные рудокопы строятъ ему храмъ и приносятъ жертвы; отъ рудокоповъ мало-по-малу почитаніе переходитъ въ народъ, и вся мѣстность незамѣтно приобретаетъ новаго бога-протектора. Это дѣлается особенно легко и скоро, если богъ заявитъ себя какимъ-нибудь чудомъ; а мало ли средствъ чудодѣйства? Приснитъся кому во снѣ и сказать нравственное наставленіе или пропѣть стихокъ, блеснуть подъ вечеръ синимъ огонькомъ въ окрестности, окликнуть кого нечаянно въ уединенномъ мѣстѣ, прошумѣть страннымъ звукомъ между деревьями, когда нѣтъ вѣтра: богъ можетъ быть увѣренъ что все это примется въ должномъ смыслѣ, быстрою молвой пройдетъ въ народъ, и слава его упрочится. Наконецъ чествуются и боги заовредные, для того чтобъ умолить ихъ не дѣлать зла. Напримѣръ, въ эпоху предшествовавшую возникновенію сѣогуновъ, когда придворные сановники завели обычай играть особами микадо какъ пѣшками, употребляя, для удобства въ игрѣ, микадо малолѣтковъ, или и взрослыхъ, но слишкомъ явно тупоумыхъ, былъ одинъ микадо, по имени Сютоку; пока онъ былъ ребенкомъ, онъ

царствовалъ; но лишь только достигъ совершеннѣвѣтїа, его убрали съ престола. Сютоку былъ строптивъ: онъ поднялъ бунтъ, привелъ въ смятеніе столицу и окрестности, но не былъ настолько талантливъ чтобъ одолѣть враговъ: его разбили, взяли въ плѣнъ и заточили. Спокаялся бѣдный въ своемъ неповиновеніи, въ знакъ раскаянія переписалъ одинъ молитвенникъ, вмѣсто туши, собственною кровью и послалъ его въ столицу; но ему съ презрѣніемъ отослали этотъ даръ обратно. Тогда онъ, исполненный отчаянія и неописанной злобы, изрекъ: „молю боговъ чтобы мнѣ переродиться дьяволомъ, на мученіе Японіи“; со скрежетомъ зубовъ, съ насупленными бровями, изъ-подъ которыхъ сверкали самыя зловѣщія молніи, съ отросшими волосами, въ лохмотьяхъ, онъ бродилъ съ этого времени одинокій по дебрямъ и наконецъ умеръ въ такомъ состояніи духа. Смерть его не замедлила обнаружиться для Японіи самыми бѣдственными ударами: булты, голодъ, наводненія, все свидѣтельствовало что Сютоку началъ свой страшный разчетъ съ отечествомъ. Очевидно что ему немедленно должны были построить храмъ, учредить богослуженіе, и едва только этимъ успѣли унять его свирѣпость. Между самими богами существуетъ субординація, такъ что есть боги начальствующие, есть боги служащіе у другихъ на посылкахъ и побѣгущахъ. У нѣкоторыхъ боговъ служатъ исполнителями ихъ воли тѣ или другія животныя, такъ что если богъ сердитъ на кого-нибудь, то насылаетъ на него своихъ посланцевъ: обезьянъ, оленей и т. д., которые у наказуемаго разрушаютъ домъ, портятъ садъ, опустошаютъ поле.

Вотъ сущность сянту. Очевидно что эта религія можетъ принадлежать лишь очень грубому и невѣжественному народу, народу стоящему на той степени умственнаго развитія, когда онъ, побуждаемый присущимъ челоуѣку религіознымъ чувствомъ, ищетъ предмета поклоненія, но не въ состояніи возвыситься своимъ умомъ надъ окружающимъ міромъ и готовъ воздать божескія почести всему что его поразитъ и возбудитъ его удивленіе. Въ немъ умственнаго сознанія пробудилось лишь на столько что онъ не кланяется первой попавшейся на глаза старой ели или причудливой формы камню; онъ безотчетно понавѣлъ существованіе другаго міра, духовнаго, и превосходство этого міра надъ матеріальнымъ; но духъ поразилъ его лишь въ частныхъ, близкихъ явленіяхъ,

и онъ падаетъ и преклоняется предъ ними, и себя самого и всю природу ставитъ въ зависимость отъ нихъ.

Не удивительно поэтому что синту не оказалъ почти никакого сопротивленія буддизму при переходѣ сего послѣдняго въ Японію. Японцы въ то время завоевали Корею (въ 200 г. по Р. Хр.) и познакомились съ Китаемъ; чрезъ эти столкновения умственный горизонтъ ихъ невольно расширился, и синту оказался неудовлетворяющимъ болѣе религіознымъ потребностямъ народа. И какимъ высокимъ ученіемъ долженъ былъ показаться здѣсь на первый разъ буддизмъ, эта лучшая изъ языческихъ религій, геркулесовы столбы человѣческихъ усилій составить себѣ религію, руководствуясь тѣми темными остатками богооткровенныхъ истинъ которые сохранились у народовъ послѣ разсвѣнія вавилонскаго! Синту почти безъ ропота и сопротивленія уступило свое мѣсто новой религіи, и не будь особаго обстоятельства, его и слѣдовъ нынѣ не было бы въ Японіи. Это обстоятельство заключается въ гибкости буддизма и способности его приноровляться къ обычаямъ страны, куда онъ является; а все это вытекаетъ изъ его основнаго догмата перерожденія. „Клянусь, что буду рождаться въ разныхъ невѣжественныхъ странахъ для привлеченія ихъ къ спасенію“, клялись будды и бодисатвы. Итакъ, Аматерасу была тотъ же будда, Хацимаъ тотъ же будда, всѣ японскіе боги будды и бодисатвы, раждавшіеся, примѣнительно къ умственному и нравственному состоянію Японскаго народа, совершенно въ другихъ видахъ чѣмъ въ Индіи, раждавшіеся для того чтобы „завязать связь съ народомъ“ и чрезъ то приготовить его къ воспріятію истиннаго ученія будды. „Связь“ (ин-енъ) тоже основное ученіе буддизма; не завязавши связи, будда не спасаетъ никого, а чтобы завязать ее, онъ можетъ рождаться во всевозможныхъ видахъ. Такимъ образомъ буддизмъ нарекъ японскимъ богамъ свои имена, принялъ ихъ подъ этими именами даже въ свои храмы, и зажилъ роскошно въ Японіи. Но синту отъ этой снисходительности и покровительства приходилось не легко. Онъ конфузился предъ своимъ щеголеватымъ сосѣдомъ, предъ его выскокуміемъ, предъ пышностію его храмовъ, предъ обиіемъ его молитвенниковъ; и вотъ онъ началъ изъ кожи лѣзть чтобы поправиться: построилъ себѣ храмы на подобіе буддійскихъ, сочинилъ великолѣпныя церемоніи, живописные костюмы, а

самое главное: принялся толковать свое учение на всевозможные лады. Если въ буддизмѣ поражаютъ васъ иногда толстые молитвенники наполненные ничѣмъ инымъ какъ похвалами заглавію этихъ же самыхъ молитвенниковъ, то у синтускихъ экзегетовъ вы найдете цѣлые томы толкованій на отрывки изъ древней японской исторіи,—толкованій, гдѣ каждый слогъ, каждая буква историческаго текста дали случай къ сплетенію самыхъ хитрыхъ и невѣроятныхъ аллегорій. Но увы! по этому скользкому пути со своею легкою ношею синтускіе экзегеты не замедлили спуститься до полнѣйшаго отрицанія всего. Самое отъявленное безвѣріе было результатомъ ихъ пытливости. „Быль довременный хаосъ; въ немъ случайно зародилась искра огня и капля воды; отъ взаимодѣйствія этихъ двухъ элементовъ хаосъ сгустился и принялъ шаровидныя формы; отъ припека огнеобильнаго шара (солнца) на водообильный, (землю) въ послѣднемъ, когда онъ былъ еще въ состояніи грязи, зародились разныя живыя существа; человекъ, какъ самое высшее существо, образовался въ лучшемъ изъ болотъ, то-есть болѣе мягкомъ и обильномъ грязью.“ Вотъ сущность ученія японскихъ матеріалистовъ, смѣю увѣрить, ни въ логикѣ, ни въ силѣ аргументовъ ничѣмъ не уступающихъ европейскимъ. Синту, повидимому, должно бы было не поздоровиться отъ этихъ дружески-медвѣжьихъ услугъ, но ничуть не бывало. Дѣло въ томъ что, вопервыхъ, нельзя встрѣтить ни одного экзегета который бы, при рѣшительномъ отрицаніи всего содержанія синту, тѣмъ не менѣе не направался къ поддержанію его и къ сплетенію ему самыхъ выспренныхъ похвалъ. Фактъ съ перваго взгляда странный, но въ сущности весьма простой и естественный: синту изъ религіи обратился у экзегетовъ въ національное, чисто гражданское учрежденіе; всѣмъ мельчайшимъ подробностямъ его приписано самое высокое значеніе для поддержанія народнаго духа, для развитія гражданскихъ добродѣтелей и утвержденія могущества Японіи на вѣки вѣчныя; въ этихъ видахъ превозносятся похвалами предки, выдумавшіе такое мудрое учрежденіе, и въ концѣ концовъ синту рекомендуется для вѣчнаго храненія и послѣдованія. Повторныхъ, тѣ же самыя приверженцы синту рассмотрѣли хорошо и буддизмъ, и напали въ немъ Ахиллесову пятю, и не одну; съ тою же разрушающею критикою они обратились и къ нему, но уже не для

поддержанія, а для разрушенія и поруганія его, какъ иноземнаго учрежденія, зловреднаго для Японіи; всѣ буддійскія чудовищныя чудеса, всѣ его безобразныя легенды, его скучнѣйшій рай и ни съ чѣмъ несообразный адъ,—все это подвергнуто насмѣшкѣ и отрицанію, и такимъ образомъ для буддизма сдѣлалось наконецъ невозможнымъ, хотя бы онъ и желалъ того, окончательно подавить и уничтожить своего противника. Въ такомъ видѣ синту существуетъ и теперь, то-есть по наружности какъ будто религію, но въ сущности, для рационалистовъ, какъ народная школа добродѣтелей; эти рационалисты хотятъ въ то же время чтобы народъ вѣрилъ въ синту какъ въ религію, но народъ на столько же вѣритъ на сколько они сами; а въ добавокъ, не возвысившись до заносчивыхъ тенденцій рационалистовъ, не видитъ въ немъ и школы, и вышеприведенное выраженіе: „пожелай микадо, и небесный огонь попадетъ всѣхъ иностранцевъ“, въ устахъ Японцевъ имѣетъ самый проничиескій смыслъ.

Буддизмъ, возникшій на почвѣ Индіи какъ противодѣйствіе браминской кастности и угнетенію низшихъ классовъ высшими, былъ въ этомъ отношеніи проповѣдью духовнаго равенства и любви въ языческомъ мірѣ; съ другой стороны, какъ проповѣдь человека изъ наследника престола сдѣлавшагося нищимъ, онъ, естественно, явился проповѣдью суетности всего земнаго, нестяжательности и нищенства. Эти двѣ характерныя черты, съ которыми буддизмъ явился въ устахъ перваго своего проповѣдника, обезпечили для него будущіе успѣхи: первая влекла къ нему сочувствіе народныхъ массъ, вторая доставила ему множество способныхъ приверженцевъ и дѣятелей. Въ дальнѣйшемъ развитіи эти черты приняли другой видъ и доведены до крайности и нечлвчностей. Существовавшее въ темномъ преданіи между Индійцами понятіе о имѣющемъ явиться на землѣ любвеобильномъ Искупителѣ рода человѣческаго мало-по-малу отнесено было къ самому Шакьямуни: въ его лицѣ буддисты нашли своего богочеловѣка, спедшаго съ неба и воплотившагося для наученія людей. Но такъ какъ буддизмъ явился на почвѣ браминскаго пантеизма и самъ оказался безсильнымъ отрѣшиться отъ него, то и въ буддѣ индійская фантазія не могла выработать единоличнаго владыку міра. Онъ, правда, является съ чертами свойственными Богу, но вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ какъ онъ буддѣ безконечное множество, и

каждый изъ нихъ дошелъ до этого блаженнаго состоянiя своими заслугами; каждому человѣку, въ свою очередь, предстоитъ рядомъ множества градацiй выродиться въ будду. Эта лѣстница, идущая отъ человѣка вверхъ, ведетъ къ состоянiю будды; но почему же не продолжить ее и внизъ? И вотъ, при склонности къ пантеистическому воззрѣнiю на мiръ, при непониманiи природы и ея отношенiй къ человѣку, и при безсознательномъ, свойственномъ человѣку состраданiю къ низшимъ существамъ, окончательно опредѣляется идея метампсихоза: весь животный мiръ по существу отождествляется съ буддой; мало того, лѣстница простирается еще ниже: изобрѣтаются разныхъ степеней ады, населяются живыми существами и тоже ставятся въ связь съ буддой. Дурной человѣкъ, въ наказанiе за свои грѣхи, рождается животнымъ или посылается въ адъ; спустя извѣстное время, положенное для очищенiя грѣховъ перваго рожденiя, онъ снова рождается человѣкомъ, и если живетъ на этотъ разъ добродѣтельно, то по смерти можетъ опять родиться на землѣ уже царемъ или другимъ великимъ лицомъ; если опять ведетъ себя хорошо, то идетъ въ рай, откуда вновь можетъ придти на земаю бодисатвой или буддой. Такимъ образомъ небесный, земной и преисподнiй мiры являются огромною лабораторiей, въ которой безчисленные роды существъ кушать, рождаются, перерождаются и въ концѣ концовъ всѣ дѣлаются буддами. Такъ далеко зашли послѣдователи Шакьямуни, развивая его простую первоначальную идею любви и равенства. Въ развитiи другой, столь же простой и естественной, идеи нестяжательности, они тоже не замедлили придти къ самымъ крайнимъ и неожиданнымъ выводамъ. Трудъ тяжелъ на Востокѣ; тамъ склонность къ стяжанiю не мучитъ человѣка; было бы чѣмъ утолить голодъ и жажду, а затѣмъ нѣтъ выше наслажденiя какъ лежать или сидѣть подъ тѣнистымъ деревомъ, предоставивъ теченiе мыслей волѣ фантазiи. Но мысли тоже могутъ иногда или причинять огорченiе, или волновать: поэтому еще лучше если онъ какъ бы останавливаются и замираютъ въ своемъ теченiи, если, однимъ словомъ, человѣкъ погружается въ безчувствiе, въ безсознательность: тогда онъ погружается въ ничто, но въ этомъ-то погруженiи и есть дѣлающее существованiе человѣка. Такое безсознательно спокойное состоянiе

называется созерцаніемъ; ему приписываются высокія качества непосредственнаго вѣдѣнія всего и сила управлять всѣмъ, такъ какъ въ этомъ состояніи человѣкъ, отрѣшаясь отъ себя, сливается въ одно со всѣмъ и можетъ владѣть тѣмъ съ чѣмъ слить. Это состояніе поставлено цѣлю всѣхъ и всего; будды потому и будды что достигли возможности во всякое время погрузиться въ это состояніе, и оно считается ихъ высочайшимъ блаженствомъ. Мимоходомъ, на пути развитія этихъ главныхъ началъ, буддизмъ сочинилъ для своихъ послѣдователей правила нравственности, поражающія иногда своею чистотою и строгостію, иногда своею чудовищностію; сочинилъ также чудовищныя и самыя невѣроятныя легенды и чудеса; все это, взятое вмѣстѣ, облеклось въ огромную литературу и въ правильное религиозное общество, съ своимъ богослуженіемъ, съ своими храмами, монастырями, наконецъ со своими искусствами, живописью, скульптурою и архитектурою. Все это, въ періодъ гоненія на буддизмъ въ Индіи, хлынуло на сѣверъ и затопило Китай и корейскія государства, откуда не замедлило перейти въ Японію.

Мы уже видѣли что синту безъ сопротивленія отступилъ на первый разъ предъ новою вѣрой, и Японцы съ радостію приняли ее. Да и могло ли быть иначе? Вмѣсто слабыхъ, сомнительнаго авторитета боговъ, буддизмъ выставлялъ для поклоненія высшее существо, оседшее на землю для спасенія людей; грубымъ, почти не оформленнымъ понятіямъ нравственности противопоставилъ свою тончайшую казуистику; предъ грубыми формами наружнаго богопочитанія щегольнулъ великолѣпіемъ богослужебной обстановки; устнымъ преданіямъ синту противопоставилъ свою широкую литературу, тогда уже переведенную на китайскій языкъ. Последнее обстоятельство имѣло двойную выгоду для буддизма въ Японіи; съ одной стороны, оно убѣждало Японцевъ къ принятію буддизма примѣромъ Китая, предъ цивилизаціей котораго тогда преклонялись Японцы; съ другой, оно пресѣкало для Японцевъ всякую возможность скептическаго изслѣдованія обстоятельствъ происхожденія самого буддизма, такъ какъ китайскіе буддисты переводили на свой языкъ, натурально, лишь то что было въ пользу буддизму, а не противъ него. Буддизмъ, однако, не вполнѣ пришелся по духу Японцамъ; это обнаружи-

лось скоро по введеніи его, когда Японцы начали развивать его по-своему, выдумывая одна за другою секты, что, очевидно, обнаруживало стремленіе выработать ученіе согласное съ коренными свойствами народа. Въ этой работѣ Японцы не останавливались ни предъ какими затрудненіями и дошли, наконецъ, до совершенныхъ противорѣчій другъ другу. Многія секты и въ Японіи уже забыты. Я укажу изъ существующихъ на болѣе важныя. Вотъ *зенсіу*. Какъ секта перешедшая изъ Китая, она любитъ хвалиться своимъ правотвѣріемъ, своею неиспорченностію. Претензія не очень основательная; все чѣмъ зенсіу можетъ похвалиться, это развѣ древность: секта эта, очевидно, есть порожденіе переходной эпохи въ буддизмъ, когда простота первоначальнаго ученія Шакьямуни была уже утрачена, но окончательно буддизмъ еще не опредѣлился, еще не выяснилась личность будды, не только какъ учителя, но и какъ дѣятельнаго помощника людей въ созиданіи спасенія. Зенсіу есть проповѣдь самоумерщвленія, въ видахъ достиженія способности созерцанія; но этотъ актъ приуроченъ къ тому состоянію будды, когда онъ самъ еще не былъ буддой, а только упражнялся въ подвигъ самоумерщвленія; такимъ образомъ здѣсь человекъ беретъ на себя своими силами, лишь по примѣру будды, а не при содѣйствіи его, достигнуть верховнаго блаженства. Въ практическомъ примѣненіи суть этой секты: *зазенъ*, сидѣніе, по примѣру будды, въ извѣстномъ положеніи, для упражненія въ самозабвеніи и приобрѣтенія способности созерцанія. Чтобы содержать себя во всегдашней готовности къ этому подвигу, сектанты ограждены самыми строгими предписаніями касательно пищи и вѣшняго поведенія; дисциплинарная сторона развита здѣсь до мельчайшихъ тонкостей. По теоріи все не дурно. Но какъ на дѣлѣ? Можетъ ли народъ предаваться *зазену*? Это невысказимо. Займись Японія *зазеномъ* недѣлю, въ другую она вымереть съ голоду. Соблюдается ли *зазенъ* хоть въ монастыряхъ? Говорятъ, будто есть такіе монастыри гдѣ назначается въ году нѣсколько недѣль или дней для *зазена*; въ это время монахи, ежедневно по нѣскольку часовъ, сидятъ, собравшись въ одной камнатѣ, и предаются созерцанію, при чемъ, такъ какъ подъ тяжестію блаженныхъ ощущеній головы монаховъ, особенно молодыхъ, начинаютъ клониться, игумень съ орудіемъ, очень чувствительнымъ для бритой головы и плечъ, безпрестанно ходитъ

между ними и вызываетъ созерцателей къ дѣйствительности. И на эту ничтожную формальность сведено все ученіе зенсію! При всемъ томъ это одна изъ самыхъ распространенныхъ сектъ въ Японіи! *Монтосію*, другая весьма распространенная секта, обязана своимъ происхожденіемъ Японіи и составляетъ совершенную противоположность зенсію.

Секта монтосію отбросила весь буддійскій аскетизмъ и ухватилась лишь за идею любви будды къ міру. Здѣсь о самоумерщвленіи и помину нѣтъ; сами бонзы женятся и ѣдятъ мясо и все что угодно. Всѣ подвиги человѣка представляются ничтожными: для спасенія требуется лишь вѣра въ будду. Будь человѣкъ страшнымъ злодѣемъ, но скажи только разъ: „наму Амида буцу“ (поклоняюсь буддѣ Амидѣ),—и онъ спасенъ. Ученіе о любвеобиліи будды, о готовности его спасти человѣка по первому призыву, о недостаточности собственныхъ силъ человѣка для спасенія и о благодати (*таріки*) невольно изумляетъ; слушая въ храмѣ иную проповѣдь, можно забытья и подумать что слышишь христіанскаго проповѣдника. Ужъ не отъ христіанъ ли заимствовано это ученіе? Но при изслѣдованіи оказывается что оно рѣшительно самобытное въ Японіи и составляетъ лишь развитіе идеи объ искупительной миссіи будды. Но при этомъ возвышенномъ ученіи о любви будды къ міру, самъ будда нисколько не измѣняется: онъ остается тѣмъ же мнѣчески безобразнымъ и невѣроятнымъ лицомъ. Оттого-то монтосію, съ своимъ высокимъ ученіемъ о благодати, принесла Японіи гораздо болѣе зла чѣмъ всѣ другія секты. Дозволивъ бонзамъ семейную жизнь, эта секта тѣмъ самымъ разрѣшила имъ всѣ матеріальныя заботы и поставила ихъ наравнѣ съ мірскими людьми. Это, повидимому, неважно; при возникновеніи секты въ этомъ представлялась даже лучшая ея сторона, такъ какъ чрезъ это устранялась зазорность поведенія бонзъ. Но никто не предложилъ вопроса: что будетъ, если бонзы монтосію выступятъ на поле дѣятельности во имя матеріальныхъ интересовъ, но съ полнымъ невѣріемъ въ душѣ? Никто не подумалъ какъ страшна можетъ быть въ устахъ бонзъ фраза: „сколько ни грѣши, скажи только: „наму Амида буцу“,—и тебѣ все прощено“. Дѣйствительно, въ періодъ долгой неурядицы, бывшей предъ династіей Токугава, бонзы монтосію двигали цѣлыми арміями. „Шагъ впередъ — въ рай, шагъ назадъ — въ адъ“, кричали они своимъ войскамъ и

производили страшныя битвы, страшныя грабительства и опустошенія. Сами не вѣруя ни во что, но двигая невѣжественными массами увлеченныхъ фанатиковъ, они грозили испровергнуть все государство. Только Нобунага могъ унять ихъ, и то какими средствами! Разъ цѣлая шляпка была наполнена ушами и носами отрѣзанными у ихъ побѣжденной арміи и отправлена въ ихъ главную квартиру; а когда взята была и она, то 20.000 бонзъ и ихъ защитниковъ было сожжено разомъ! Вотъ еще секта: *xokkesiу*, тоже получившая начало въ Японіи. Эта секта есть дань хвалы и удивленія Японцевъ одному молитвеннику, по имени Мѣохоренгекѣ, тому самому молитвеннику въ которомъ будда, собираясь умирать, объявилъ торжественно что „все чему онъ прежде училъ, все это ложь, что онъ старался лишь красивымъ сплетеніемъ обмановъ привлечь къ себѣ людей, какъ завлекають дѣтей игрушками, что истинно только то что онъ скажетъ теперь, а теперь онъ скажетъ вотъ что: „всѣ люди одѣлаются буддами“, — что это ученіе до того важно что стоить только назвать имя молитвенника, въ которомъ оно изложено, и человекъ спасенъ“. Молитвенникъ наполненъ описаніемъ недѣльных чудесъ, въ родѣ слѣдующаго: къ буддѣ, когда онъ преподавалъ это ученіе, прилетѣли съ неба, въ своихъ великолѣпныхъ дворцахъ, два другіе будды, давшіе клятву всегда слетать на землю для слушанія ученія. Сидятъ они рядкомъ, и живой будда проповѣдуетъ. Когда онъ высказался, ученики, естественно, были ошеломлены и казались невѣрившими. Трое буддъ, для подтвержденія истины, высунули языки, которые оказались до того длинными что пронизали десять тысячъ міровыхъ сферъ; въ такомъ положеніи они просидѣли предъ учениками десять тысячъ лѣтъ; затѣмъ втянули языки обратно и крякнули всѣ разомъ, отъ чего потряслись всѣ міры, въ заключеніе щелкнули пальцами, отъ чего также потряслись всѣ міры. Могли ли послѣ этого сомнѣваться слушатели, и можно ли не обождать книгу, ученіе которой засвидѣтельствовано такими чудесами? И каждая изъ сектъ опирается на незыблемое для буддиста основаніе: каждая имѣетъ свои символическія книги въ канонѣ священнои буддійской литературы. Эта литература такъ обширна и разнообразна что въ ней есть книги совершенно противоположныя одна другой. Это какъ нельзя лучше обнаруживаетъ происхожденіе буддійской

литературы отъ многочисленныхъ авторовъ, часто враждебныхъ другъ другу; но каждый авторъ, стараясь придать вѣсъ своему произведенію, озаботился приписать его буддѣ, такъ что по наружности все и вышло ученіемъ будды, изреченнымъ лишь въ разныя времена и при разныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, на основаніи одного и того же ученїа будды, можно воздвигать самыя противорѣчащїя секты, и никто не смѣетъ укорить за это, такъ какъ каждая секта укажетъ на непререкаемый доводъ въ священной книгѣ. Нѣтъ ничего рѣзче, на примѣръ, такого нововведенїа какъ допущеніе брака бонзъ въ монгосїи, такъ какъ до монаха Сиррана никто изъ бонзъ никогда не думалъ жениться; но посмотрите какъ легко было сдѣлать и этотъ шагъ на основаніи буддїйской литературы. Въ одной изъ священныхъ книгъ, перечисляющихъ обѣты бодисатвы Кваннона, есть обѣтъ его: „буду воплощаться и въ тѣлѣ женщины чтобы руководить смертныхъ“. Правда, этого было бы еще недостаточно чтобы Сиррану жениться; но въ книгахъ есть также непочислимое множество примѣровъ явленїа буддъ и бодисатвъ сватымъ людямъ во снѣ, для сообщенїа имъ своей воли: отчего же и Сиррану не увидѣть чудеснаго сна? Онъ и увидѣлъ: является ему бодисатва Кусе (другое имя Кваннона) и вручаетъ четыре стиха, значенїе которыхъ слѣдующее: „подвижникъ, женись въ награду за твои подвиги! Я сдѣлаюсь тѣломъ „драгоцѣнной дѣвицы и сочетаюсь съ тобой; изукрашенная, я буду вести людей къ рожденію въ рай“. Сирранъ въ то время былъ еще послушникомъ и не имѣлъ особеннаго авторитета. Но нужно же было такъ случиться что въ ту же ночь и его учитель, всѣми уважаемый старецъ Хооненъ увидѣлъ во снѣ какой сонъ снится Сиррану! Нужно же было такое стеченїе обстоятельствъ что на слѣдующее утро Хоонена посѣтилъ одинъ изъ первыхъ придворныхъ сановниковъ и завелъ разговоръ такого свойства что въ заключенїе самъ предложилъ одну изъ своихъ дочерей въ замужество какому-нибудь монаху, и нужно же было этой дочери называться именно „драгоцѣнная дѣвица“! Развѣ во всемъ этомъ не ясно какъ день промышленїе Кваннона о спасенїи людей? Сирранъ женится, и новая секта пошла щеголять по свѣту. Возьмемъ еще примѣръ. „Нембуцу“ (спасенїе чрезъ благодать) въ той обширности въ какой оно развито Хооненомъ и Сирраномъ, правда, ученїе новое; но все же оно

довольно твердо можетъ быть основано на нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ самого канона, если взять ихъ безотносительно къ другимъ. На чтѣ бы, кажется, искать другихъ основаній? Но посмотрите на чемъ оно болѣе всего опирается. Вотъ одинъ послушникъ, старавшій желаніемъ узнать какимъ путемъ легче всего достигнуть блаженства будущей жизни, затворившись въ кумирнѣ Аматерасу, молится объ откровеніи ему этого пути; послѣ семидневной молитвы, ночью онъ видитъ на яву: открываются дверцы кивота, гдѣ была статуя богини, выходятъ два мальчика и говорятъ ему: „Аматерасу теперь нѣтъ дома, но она намъ наказала, что если въ ея отсутствіе кто станетъ молиться объ указаніи вѣрнаго способа къ избѣжанію будущихъ перерожденій и смерти, то чтобы мы учили: отвергнувъ собственныя тысячеобразныя дѣйствія, вѣщимъ сердцемъ призывать Амиду, всею душою подвизаться въ нембуцу; этимъ непремѣнно достигнется рай будущей жизни и высочайшее успокоеніе.“ Вотъ другому является сама Аматерасу и поетъ: „кто призываетъ будду Амиду, тотъ не говори что я богиня этого государства“. Вотъ, во время спора Хоонена съ другими бонзами о своемъ нембуцу, статуя Амиды издаетъ ослабляющій блескъ, вотъ четки одного послѣдователя Хоонена сіяютъ лучезарнымъ свѣтомъ въ ночной темнотѣ, вотъ Хооненъ своимъ: „наму Амида буду“ вызываетъ изъ озера дракона, и пр. Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ выдуманныхъ чудесъ, оновъ, пѣсенъ боговъ. Всѣ секты наперерывъ одна предъ другой стараются щеголять чудесами, одни другихъ величѣе, одни другихъ фантастичнѣе. Наглость дошла до того что указываютъ чудеса тамъ гдѣ каждый собственными глазами можетъ видѣть, или ушами слышать что чуда нѣтъ: тамъ на морской водѣ написаны китайскіе знаки: „мѣо-хо-рен-ге-кѣ“, здѣсь птицы поютъ: „наму Амида буду“, тамъ въ небѣ, при заходѣ солнца, постоянно является фигура Амиды и пр. Бонзы до того привыкли къ выдумкамъ и обманамъ что расточаютъ ихъ даже тамъ гдѣ нѣтъ въ нихъ никакой нужды: я читалъ одно жизнеописаніе будды, гдѣ авторъ прѣблагочестиво увѣряетъ что за матерью будды въ приданое даны были, между прочимъ, семь полныхъ воровъ „голландскихъ рѣдкостей“, а когда она забеременела буддой, то другая жена царя, изъ зависти, чтобъ убить въ ней младенца, обратилась къ одному изъ христіанъ, которые,

Какъ извѣстно, всѣ кодзуны, чтобы при помощи его волхвовой испортить свою соперницу; и съ мельчайшими подробностями описанъ способъ волхвованія христіанина, приложенъ даже его портретъ, и изображено какъ онъ погибъ среди волхвованія, пораженный небесными силами.

Кромѣ синту и буддизма, въ Японіи существуетъ еще конфуціанизмъ, хотя не въ видѣ особой религіозной секты, а въ видѣ нравственно-богословской школы. Я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ и о немъ. Конфуцій привлекаетъ прежде всего красотой своей литературной рѣчи, его фраза исполнена лаконизма и силы и по временамъ блещетъ красками остроумныхъ метафоръ. Все это дѣлаетъ Конфуція неподражаемымъ образцомъ литературнаго языка въ Китаѣ вотъ уже болѣе двадцати вѣковъ. Если заглянуть подъ эту привлекательную оболочку, то вы увидите почти всегда какую-нибудь мысль прямо или не прямо направленную къ утвержденію системы пяти отношеній. Эти отношенія—господина и слуги, отца и сына, мужа и жены, брата и брата, друга и друга—и составляютъ сущность Конфуціева ученія, то что доставило Конфуцію славу величайшаго мудреца, неподражаемаго учителя, полубога. Около этого столпа мудрости толпятся тысячи комментаторовъ, принося ему въ дань свои таланты и всю свою жизнь; каждое слово его ученія разобрано и истолковано на тысячу ладовъ; въ каждой фразѣ, случайно вымолвленной имъ, найденъ глубокой, многоразличный смыслъ, и вы, читая, невольно и сами находите его, и удивляетесь глубинѣ мудрости, сами не замѣчая того что удивляетесь, быть-можетъ, не Конфуцію, а его остроумному толкователю. Это дерево конфуціанизма, питаемое постоянно приливомъ свѣжихъ соковъ и разросшееся въ теченіе вѣковъ до невѣроятнаго объема, составляетъ дѣйствительно нѣчто величественное и грандіозное: такъ мы любуемся устарѣлымъ вѣковымъ дубомъ, обросшимъ десятками пающей, съ ихъ обильною и свѣжею листвою. Но что въ самомъ дѣлѣ сдѣлало Конфуція такимъ великимъ въ Китаѣ? Онъ жилъ въ одну изъ самыхъ тревожныхъ эпохъ китайской исторіи, когда государство, бывшее прежде монархическимъ, раздѣлилось на множество независимыхъ княжествъ: князья непрерывно ссорились между собою, народъ стоналъ отъ опустошительныхъ войнъ и всякаго рода безурядицы. Такія времена всегда сопровождаются нравственнымъ

упадкомъ: вѣроломство, эгоизмъ всѣхъ родовъ, забвеніе даже кровныхъ отношеній и связей—самыя обычныя явленія въ подобное время. Въ такое-то время явился Конфуцій. Онъ не былъ творцомъ какого-нибудь новаго ученія,—да Китай и не былъ расположенъ тогда слушать что-либо новое,—онъ лишь тронуть былъ до глубины души бѣдственнымъ состояніемъ своего отечества, грозившимъ изъ хронической болѣзни обратиться въ смертельную, и старался вызвать къ сознанію соотечественниковъ времена здраваго состоянія Китая. Какъ великій человекъ, онъ не только инстинктивно понималъ, но и сознательно выразилъ духовныя потребности и идеалы Китайской націи; но, какъ истинный Китаецъ, неспособный къ высоко-идеальному мышленію, онъ не далъ своему отечеству системы ученія построенной строго-логически, но вѣмъ законамъ формальнаго мышленія; онъ, напротивъ, держался всегда практической почвы. Онъ изучилъ и изложилъ древнюю исторію Китая и древніе обычаи, которыми, по его понятію, поддерживались добрая нравственность и благосостояніе государства,—церемоніи, музыку, поэзію (народныя пѣсни). Ученики же его, кромѣ того, постарались записать его нравственные афоризмы и представили такимъ образомъ въ болѣе наглядной формѣ его ученіе, почерпнутое изъ изученія древняго быта Китайцевъ. Такимъ образомъ въ книгахъ Конфуція выразился не частный человекъ, но выразился самъ Китай въ его характеристическихъ хорошихъ чертахъ, въ томъ что онъ явилъ добраго изъ своей природы. Въ эпоху матеріальнаго и нравственнаго истощенія Китая, предъ нимъ поставленъ былъ живой портретъ его самого во времена физическаго и нравственнаго здоровья. Могъ ли Китай не узнать самого себя и не полюбить себя въ прежнемъ видѣ, а полюбивъ, не поставить себя предъ собою какъ образецъ на вѣчныя времена? Съ теченіемъ вѣковъ, быть-можетъ, характеръ Китайцевъ могъ бы принять новые оттѣнки, нравственность опредѣлиться точнѣе, формы жизни измѣниться: но сочиненія Конфуція уже успѣли сдѣлаться канонически-непогрѣшимыми, его предписанія обязательными, самъ Конфуцій предметомъ религіознаго поклоненія.

Въ концѣ III столѣтія по Р. Х., при первомъ знакомствѣ Японіи съ Китаемъ, ученіе Конфуція не замедлило перейти въ Японію. Но странно было бы думать что оно займетъ здѣсь то же мѣсто какъ въ Китаѣ. Здѣсь ученіе Конфуція

было пересаднымъ растеніемъ, и самъ онъ явился не какъ представитель народа и истолкователь его мыслей ему самому, а просто какъ знаменитый ученый, предъ которымъ, конечно, не могли не благоговѣть необразованные въ то время Японцы, но который не поразилъ ихъ до забвенія личныхъ чувствъ и мыслей. Его творенія, по совершенству языка и нравственному направленію, легли въ основу школьнаго образованія; его легенды дали начало кое-какимъ суевѣріямъ. Но школа у Японцевъ вовсе не имѣетъ такого великаго значенія какъ у Китайцевъ, гдѣ все государство управляется школярами; суевѣрій у Японцевъ, своихъ и буддійскихъ, такъ много что два-три конфуціева въ этомъ числѣ какъ капля въ морѣ. Такимъ образомъ вліяніе Конфуція собственно на народъ въ Японіи очень слабо. Гораздо больше его вліяніе на такъ-называемый классъ „ученыхъ“ (*дзюся*), существующій здѣсь хотя не въ видѣ правильно организованной корпораціи, но съ правомъ наследственности и съ нѣкоторыми особенными гражданскими правами. Этотъ классъ, можно сказать, есть дань Японіи китайской мудрости и особенно Конфуцію. Для „ученыхъ“ писанія Конфуція имѣютъ, или по крайней мѣрѣ должны имѣть, такую же силу непререкаемаго авторитета какъ для бонзъ буддійскіе молитвенники, для синтускихъ жрецовъ — *кодзюки* (самая древняя исторія). Главная обязанность этихъ ученыхъ быть преподавателями въ дворянскихъ гимназіяхъ. Здѣсь-то, въ этихъ гимназіяхъ, молодые Японцы, по кодексу конфуціевыхъ церемоній, научаются тѣмъ пріемамъ вѣжливости и внѣшняго благоприличія которые насъ такъ удивляютъ въ нихъ; здѣсь они научаются слагать китайскія пѣсенки, что также считается необходимымъ для образованнаго человѣка; наконецъ, здѣсь же уясняются въ ихъ сознаніи правила нравственности и гражданскихъ добродѣтелей, начертанныя въ человѣческомъ сердцѣ. Но даетъ ли Конфуцій отвѣты на разные теоретическіе вопросы, такъ же присущіе душѣ человѣческой какъ и понятія нравственности? Учитъ ли онъ о началѣ міра и человѣка, о высшемъ Существовѣ, о назначеніи человѣка? Нисколько. Извѣстно что, при вопросахъ своихъ учениковъ о подобныхъ предметахъ, онъ отдѣлывался самыми уклончивыми отвѣтами, въ родѣ слѣдующаго: „мы не знаемъ и земнаго, какая же польза говорить о небесномъ?“ Его „небо“, употреб-

ляемое имъ для выраженія всего вышшаго, имѣеть до того неопредѣленный смыслъ что невозможно понять, разувѣть ли онъ подъ нимъ что-либо личное или безличное. Итакъ его послѣдователи, пробуждаемые къ умственной дѣятельности разными сентенціями вызывающими на размышленіе, но оставаемые безъ руководства въ самомъ началѣ умственнаго самоопредѣленія, берутъ каждый для себя что кому нравится, то случай, то жизненный духъ, то личное или безличное небо и, варьируя на разные лады свой принципъ, рѣшаютъ сами, какъ умѣють, философско-богословскіе вопросы о мірѣ и человѣкѣ. Благодаря Конфуцію, они стали выше синту и буддизма; онъ далъ имъ оружіе діалектики, развилъ въ нихъ критическій духъ, побуждающій ихъ относиться съ насмѣшкой или презрѣніемъ къ этимъ ученіямъ; но, разрушивъ прежнія религіозныя вѣрованія, Конфуцій въ то же время ничего не далъ въ замѣну ихъ: умъ его послѣдователя — пропасть, покрытая сверху легкимъ хворостомъ умствованій; при первомъ прикосновеніи здраваго смысла хрупкая поверхность ломается и открываетъ пустоту. Оттого-то въ Японіи никто такъ не способенъ къ принятію европейскіхъ ученій какъ послѣдователи Конфуція. Вѣками приученные ставить себя высоко надъ другими по своему умственному превосходству, они, обыкновенно, свысока относятся и къ Европейцамъ, пока не попадетъ въ ихъ голову какая-нибудь европейская мысль: тогда ихъ теоріи разомъ летятъ вверхъ дномъ, ихъ прежній кумиръ разбивается въ дребезги, они смиренно низводятъ себя на степень учениковъ и дѣлаются искренними и горячими приверженцами новаго ученія.

Все сказанное доселѣ можно формуловать въ слѣдующихъ словахъ: японскій народъ слишкомъ уменъ, развитъ и свѣжъ, а его религіи слишкомъ отстали и недѣльны чтобы могли удовлетворять его. Но показываетъ ли японскій народъ склонность къ принятію христіанской религіи? Обратимся къ фактамъ, прямо отвѣчающимъ на этотъ вопросъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ XVI столѣтія въ первый разъ португальское судно пристало къ берегамъ Японіи. Японцы такъ хорошо приняли иностранцевъ и показали имъ такъ способными къ принятію христіанства что Францискъ Ксаверій, другъ и сподвижникъ Лойолы, при первомъ извѣстіи о нихъ, вскипѣлъ желаніемъ посвятить себя апостольскому

труду между ними. Блестящій успѣхъ сопровождалъ его труды. По слѣдамъ его нахлынули толпы португальскихъ и испанскихъ монаховъ разныхъ орденовъ, и всѣ имѣли успѣхъ: въ двадцать пять лѣтъ христіанство охватило весь юго-востокъ Японіи. Уже европейскіе проповѣдники стали вести себя какъ дома, уже прелаты съ пышностію являлись среди народа, уже они отправили японскихъ князей къ его святѣйшеству въ качествѣ смиренныхъ поклонниковъ и разчитывали когда вся Японія будетъ у подножія престола намѣстника Христова. Вдругъ страшное гоненіе,—и въ Японіи ни души христіанской. Чтѣ за причина? Взглянемъ на тогдашнія событія японской исторіи. До появленія Европейцевъ, Японія долго была терзаема непрерывными междоусобіями: то было несчастнѣйшее для нея время правленія сѣогунской династіи Асикага. Императоры давно были заброшены, и объ нихъ никто не думалъ; сѣогунъ наслаждался выгодами своего положенія и не имѣли ни времени, ни охоты вникать въ дѣла правленія; кванрёо (регенты), на попеченіе которыхъ оставлены были дѣла правленія, но которые, какъ богатые князья, и сами имѣли средства жить не хуже сѣогуновъ, тѣнулись за послѣдними; забытая и заброшенная власть не находила себѣ пріюта. А между тѣмъ въ странѣ установилась удѣльная система. Японія была полна князьями, имѣвшими свои собственныя поземельныя доходы, свои арміи и свои широкія права. Почти не чувствуя надъ собою контрола, князья, естественно, дрались кто съ кѣмъ хотѣлъ и кто съ кѣмъ могъ, безъ устали и безъ всякой жалости къ народу. За князьями дрались и бонзы, и какъ дрались! Горе тому противъ кого они вооружались: это были самые злые и неотвязчивые враги. Въ это время всеобщей драки и сумятицы, въ незамѣтномъ уголкѣ Японіи явился крошечный князекъ, который, когда всѣ дрались одинъ на одинъ, задалъ себѣ задачей драться со всѣми и всѣхъ одолѣть; и онъ дрался со всѣми, одолѣлъ всѣхъ и сдѣлался властителемъ Японіи, хотъ и не принялъ титула сѣогуна, который былъ тогда слишкомъ опозлелъ чтобъ заинтересовать Нобунага. При этомъ-то Нобунага показали въ Японіи Европейцы. Онъ оцѣнилъ пришельцевъ, понялъ выгоду сношеній съ ними и привѣтствовалъ ихъ. Скоро между этими пришельцами замѣчены были и проповѣдники новой вѣры. Нобунага, конечно, не вѣрилъ ничему изъ отечественныхъ

религіозныхъ ученій; онъ не былъ расположенъ принять и христіанскую вѣру, его боевая натура была неспособна къ мирнымъ религіознымъ размышленіямъ; но онъ не могъ не понять неизмѣримаго превосходства христіанской религіи предъ японскими суевѣріями. Притомъ же ему такъ надоѣли его вѣчные враги, бонзы, и изъ-за нихъ онъ такъ возненавидѣлъ буддизмъ что, не думая долго, онъ со всею охотой далъ европейскимъ миссіонерамъ полное право распространять новую вѣру и даже самъ построилъ для нихъ христіанскій храмъ въ столицѣ (въ 1574 г.). Преждевременная смерть положила конецъ дѣятельности Нобунага. Ему наследовалъ Хидеёси, сынъ простолюдина, пробившій себѣ дорогу къ верховной власти. Онъ также на первый разъ казался покровительствующимъ христіанству; между тѣмъ онъ зорко слѣдилъ за пропагандистами и изучалъ ихъ. А послѣдніе уже успѣли выявить всѣ тѣ качества которыя были причиной изгнанія католическихъ миссіонеровъ въ разныя времена изъ многихъ странъ. Съ умноженіемъ христіанъ, высшее японское общество вдругъ почувствовало присутствіе въ странѣ новаго рода аристократіи и было возмущено и оскорблено: отъ князей стали поступать жалобы что христіанскіе епископы, при встрѣчахъ, не уступаютъ имъ дороги и вообще ведутъ себя крайне заносчиво и гордо. Не ограничиваясь дѣлами религіи, католическіе епископы стали являться и на поприщѣ политическихъ интригъ; еще Нобунага пользовался ихъ сладкорѣчіемъ и нравственнымъ вліяніемъ для привлеченія на свою сторону князей-противниковъ. Все это не имѣло бы еще особенной важности, и христіанскіе проповѣдники, стоявшіе во всякомъ случаѣ гораздо выше туземныхъ бонзъ, не были бы выгнаны изъ страны, еслибы не соображенія особаго рода. Для Европы тотъ вѣкъ былъ вѣкомъ непревѣрнаго открытія новыхъ странъ и вѣстѣ вѣкомъ ужасающихъ политическихъ неправдъ. Испанія, одна изъ самыхъ могущественныхъ державъ того времени, была особенно бичомъ Божиимъ для новооткрытыхъ народовъ. Вспомнимъ, для образца, разрушительные подвиги Кортеса и Пизарро. Въ 1522 году пала Мексиканская имперія, а въ 1533 году Перуанская. Обѣ эти имперіи въ цивилизаціи и силѣ малымъ чѣмъ уступали Японіи, и съ гостепріимствомъ приняли испанскихъ рыцарей, за что эти рыцари отплатили имъ безсовѣстѣйшимъ коварствомъ, поправіемъ всѣхъ правъ туземцевъ,

подчиненіемъ ихъ иноземному владычеству и обращеніемъ всѣхъ гражданъ въ самыхъ несчастныхъ рабовъ. Не забудемъ при этомъ что съ завоевателями всегда неразлучно были миссіонеры, и сами завоеватели дѣйствовали якобы во имя креста. Могъ ли провинцальный Хидеёси не узнать и не опѣнить какъ должно этотъ духъ европейской и по преимуществу испанской политики, не вывести изъ примѣра другихъ новооткрытыхъ странъ назидательнаго урока для своего отечества и вслѣдствіе того не принять рѣшительныхъ мѣръ къ огражденію его отъ участи завоеванныхъ государствъ? Европейскіе писатели взваливаютъ вину изгнанія христіанства изъ Японіи то на одного испанскаго капитана, расхваставшагося предъ Хидеёси обширностію владѣній своего короля и объясниваго ему способъ завоеванія Новаго Свѣта, то на Англичанина Адамса, интриговавшаго противъ Испанцевъ; * мы думаемъ что ни тотъ, ни другой не заслуживаютъ чести или безчестія считаться виновниками такого важнаго историческаго событія. Хидеёси и, слѣдовавшій за нимъ, другой гонитель христіанъ, Іеясу, были вовсе не такія лица у которыхъ можно перевернуть всю систему убѣжденій однимъ хвастливымъ разговоромъ или пустою интригой. Хидеёси, для котораго было мало Японіи, который еще генераломъ въ арміи Нобунага строилъ планы расширенія японскаго могущества, завоеваніемъ иноземныхъ государствъ, планы, въ послѣдствіи отчасти и приведенные имъ въ испол-

---

* Католическіе писатели, напримѣръ Шаравуа, не стѣсняются объяснять перемѣну расположенія Хидеёси къ христіанамъ слѣдующимъ образомъ: „Хидеёси былъ до крайности развратенъ. Во время походовъ, когда неудобно было возить съ собою гаремъ, онъ назначалъ особыхъ чиновниковъ, обязанностію которыхъ было собирать каждый вечеръ по окрестностямъ молодыхъ и красивыхъ дѣвицъ. Когда онъ былъ на Кіусіу въ походѣ противъ Симаду, чиновники, по обычаю, отправились на аюваю, но были съ безчестіемъ выгнаны изъ деревень населенныхъ христіанами. Вечеромъ они доложили объ этомъ Хидеёси, который, по обычаю, былъ пьянъ, и взбѣшенный деспотъ сейчасъ же велѣлъ изготовить къ подписи эдиктъ объ изгнаніи христіанства изъ страны.“ Все это чистая ложь. Во всей жизни Хидеёси, изученной нами по лучшимъ японскимъ исторіямъ, мы встрѣтили всего одинъ фактъ когда онъ недоброосужденно завладѣлъ дочерью своего разливателя чая; но и этотъ разливатель чая не былъ христіанинъ.

неніе завоеваніемъ Кореи, конечно, съ перваго появленія иностранцевъ, не могъ не заинтересоваться ими, не изучать ихъ нравовъ, ихъ намѣреній и ихъ политику. „Христіанская религія хороша, но она не годится для моей страны“, былъ короткій отвѣтъ Хидеёси одному епископу, протестовавшему противъ его запретительныхъ эдиктовъ. И этотъ отвѣтъ достаточно характеризуетъ образъ мыслей Хидеёси. Онъ зналъ христіанство и цѣнилъ его, но въ то же время находилъ нужнымъ изгнать его. Какая причина? Иной не могло быть кромѣ той что онъ считалъ христіанство опаснымъ для страны. Ему нужно было собственно не изгнаніе христіанства, а изгнаніе Европейцевъ, прекращеніе интимныхъ сношеній съ ними и чрезъ то огражденіе страны отъ ихъ амчности. Пожаловаться на безрезонность и самодурство японскихъ гонителей христіанства нельзя: это не были взбалмошные Нероны, Галеріи; они считали обязанностію сами знакомиться съ христіанствомъ и изучали его такъ безпристрастно что прямо находили его хорошимъ и не стѣснялись говорить это самимъ врагамъ. Чья вина что христіанство являлось имъ на половину политическою интригой самаго опаснаго свойства? Существуютъ факты очень недвусмысленнаго характера, показывающіе что подозрѣнія Японцевъ были основательны. Вотъ наиболѣе извѣстный и достовѣрный изъ нихъ: по смерти одного удѣльнаго князя, когда, за нѣкоторыя вины, имущество его было конфисковано, въ его домѣ совершенно неожиданно найденъ былъ сундукъ наполненный драгоценными и дорогими подарками и корреспонденціей, открывшей что князь былъ въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ съ папой и собирался предать свое отечество во власть иноземцевъ. Іеясу, сподвижникъ и наперсникъ Хидеёси, хорошо понявшій его планы, издалъ новые эдикты противъ христіанъ. При Іеясу европейскіе пропагандисты принуждены были окончателно удалиться изъ страны; но туземные христіане еще находили возможность скрываться на югѣ Японіи. Въ правленіе внука Іеясу, Іемицу, спустя двадцать пять лѣтъ по изгнаніи Европейцевъ, нѣсколько авантюристовъ, бѣжавшихъ на югъ болшею частію отъ политическихъ преслѣдованій, воспользовались тѣмъ что христіанство успѣло уже пустить въ странѣ глубокія корни, и задумали возбудить возстаніе противъ правительства. Мѣстные обстоятельства благоприятствовали имъ: подданные двухъ мѣстныхъ князей были

вздражены противъ нихъ за дурное управленіе; множество тайныхъ христіанъ, разсыянныхъ по ближайшимъ округамъ, были крайне недовольны правительствомъ за религиозное поведеніе. Зачинщики возстанія озаботились дать своему дѣлу, для большей прочности, религиозный характеръ; пущено было въ ходъ подложное пророчество, указывавшее что наступило время, самимъ Богомъ опредѣленное для завоеванія христіанами религиозной свободы. Когда народъ былъ достаточно наэлектризованъ, зачинщики дѣла открыто взялись быть его руководителями, и Симабарасское возстаніе вспыхнуло. Противъ возмутившихся крестьянъ, построившихъ себѣ крѣпость и затворившихся въ ней съ женами и дѣтьми (всего до 80 тысячъ) двинуты были регулярныя войска сначала ближайшихъ князей, потомъ болѣе отдаленныхъ, наконецъ сѣогунъ долженъ былъ послать самыхъ опытныхъ и искусныхъ своихъ генераловъ и огромныя военныя силы; но и тутъ осажденные уступили скорѣе голоду чѣмъ силѣ и искусству противниковъ. Наконецъ, крѣпость была взята, и 30 тысячъ человекъ все до одного казнены, такъ какъ никто не хотѣлъ пройти по образу Богоматери съ Младенцемъ и тѣмъ засвидѣтельствовать свое вѣроотступничество. Съ этихъ поръ на христіанскую вѣру легло новое нареканіе, будто она учитъ противленію властямъ. И она была запрещена подѣлѣннѣйшими угрозами: „пока солнце восходитъ съ востока, христіанскій проповѣдникъ не явится болѣе въ странѣ“, „хотя бы самъ Богъ христіанскій пришелъ въ Японію, — и ему голова долой“, — въ такихъ и подобныхъ выраженіяхъ написаны послѣдніе эдикты противъ христіанъ. Такимъ образомъ: христіанская вѣра есть искусство колдовать, христіанская вѣра возмущаетъ народъ противъ правительства, она открываетъ иностранцамъ путь къ завоеванію страны: вотъ понятія которыя Японецъ соединялъ съ понятіемъ о христіанствѣ. Такъ два съ половиной вѣка глумился Японецъ надъ христіанствомъ; въ такомъ видѣ жило оно въ сознаніи Японца вплоть до послѣдняго времени.

При появленіи американской и русской эскадръ у береговъ Японіи въ 1853 году, вся Японія, естественно, была крайне встревожена: люди болѣе образованные ждали отъ иностранцевъ неприяельскихъ, завоевательныхъ дѣйствій, народъ же въ ужасомъ смотрѣлъ на каждаго иностранца какъ на колуну и поминутно ждалъ отъ него чудесъ. Но волею-неволею

Японцы должны были вступить въ сношенія съ иностранцами. При заключеніи трактатовъ, они покушались, по крайней мѣрѣ, выговорить запрещеніе распространять въ ихъ странѣ христіанскую вѣру; но имъ отвѣчали, какъ графъ Муравьевъ-Амурскій: „если я убѣжденъ въ истинности моей вѣры, я не могу не говорить этого; отъ васъ самихъ заставить слушать меня или не слушать“. И Японцы принуждены были дать иностранцамъ полную свободу въ постройкѣ ихъ храмовъ и отправленіи богослуженія. Католическіе миссіонеры, вслѣдъ за заключеніемъ трактатовъ, толпой прибыли изъ Китая. Изъ трехъ открытых портовъ Йокохамы, Хакодате и Нагасаки, они обратили особенное вниманіе на послѣдній; въ окрестностяхъ его они ожидали найти слѣды древняго христіанства и не ошиблись; несмотря на всѣ ужасы предшествовавшихъ гоненій, въ народѣ еще сохранились темныя христіанскія преданія; такимъ образомъ католическіе миссіонеры нашли уже подготовленную почву, и здѣсь былъ основанъ ихъ главный постъ, подъ управленіемъ епископа. Чтобы судить объ ихъ успѣхѣ, выпишываю изъ японской брошюры: *Тоого умва дзакѣо симацу*, слѣдующія данныя, относящіяся къ 1867 г.: „въ Ураками (въ сосѣдствѣ съ Нагасаки) свыше 2.000 обращенныхъ; въ помѣстьяхъ Оокура свыше 100, въ Фукабори, въ области Хири, свыше 1.500; въ Такахата, Симабара, Амакуса, Хирадо—сколько тысячъ въ точности неизвѣстно.“ Въ Йокохамѣ и окрестностяхъ количество обращенныхъ также неизвѣстно. Въ Хакодате миссія основана 1867 г. и особенныхъ успѣховъ пока не видно. Протестантскіе миссіонеры далеко отстали отъ католическихъ; они стали наѣзжать лишь съ 1859 г., и насколько успѣли въ бытность тайкуновъ, данныхъ тоже нѣтъ; но что успѣхи были, объ этомъ свидѣтел

---

* Авторъ брошюры, поклонникъ Конфузія, изучалъ христіанскую вѣру подъ руководствомъ одного изъ протестантскихъ пасторовъ въ Нагасаки. Онъ адресовался къ пастору съ заднею мыслію — узнать христіанство для того чтобы потомъ успѣшнѣе напасть на него. Изъ этого сорта Японцевъ образуются самые ревностные христіанъ. Къ сожалѣнію, протестантскій миссіонеръ не сумѣлъ воспользоваться случаемъ: за то Японецъ хорошо пользуется полученными уроками, выставляетъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ дѣйствія протестантскихъ и католическихъ миссіонеровъ и бранитъ христіанство, котораго онъ, разумѣется, ни на волосъ не помыслитъ.

ствуеъ та же брошюра: „въ то время какъ католическіе миссіонеры обращали людей низшаго и средняго классовъ, протестантскіе обращали большею частію людей средняго и высшаго классовъ“, говоритъ авторъ. Но что же тайкунское правительство? Чтобъ оно, все основанное на шпіонствѣ, не знало объ этихъ дѣйствіяхъ миссіонеровъ, нельзя предположить. Что же оно сдѣлало во имя своихъ страшныхъ законовъ противъ христіанства? Выписываю изъ брошюры то что служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но прежде считаю нужнымъ объяснить начало дѣла. Мать служанки англійскаго консула въ Нагасаки сдѣлалась христіанкой. Когда ея сосѣди по деревнѣ узнали объ этомъ, то стали грозиться что сожгутъ ея домъ, если она не броситъ колдовства, то-есть христіанства. Мать пересказала это дочери, дочь пожаловалась англійскому консулу, а этотъ—губернатору. Послѣдній долженъ былъ изслѣдовать дѣло и волею-неволею найти множество христіанъ. „За вѣроотступничество“, читаемъ въ вышеупомянутой японской брошюрѣ, „въ Ураками нѣсколько жителей, по приказанію губернатора, было арестовано 13-го числа 6-го мѣсяца прошлаго (1867) года и заключены въ тюрьму. При этомъ въ часовнѣ, въ Ураками, были конфискованы образа и прочія вещи и сданы деревенскому старостѣ. Полицейскіе служители вернулись съ 70 человѣками въ мѣсто жительства губернатора; 6 или 7 изъ нихъ, однако, остались въ домѣ старосты въ Ураками. Остальные вѣроотступники, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, учинили возстаніе, напали съ бамбуковыми жопьями на домъ старосты, взяли обратно свои образа и захватили двухъ чиновниковъ и двухъ полицейскихъ служителей, о которыхъ объявили что будутъ держать ихъ заложниками и не выдадутъ до тѣхъ поръ, пока имъ не будутъ возвращены ихъ товарищи, заключенные въ тюрьму. Въ этомъ положеніи дѣла, остальные вѣроотступники были предоставлены себѣ самимъ, и аресты прекратились. 14 числа на Козима была построена большая тюрьма, и въ нее посажены вышеозначенные 70 и нѣсколько другихъ арестантовъ.... Такъ какъ въ помѣстьяхъ Оомура, въ Ураками, также оказались вѣроотступники, то, 7-го мѣсяца прошлаго года, свыше 100 человѣкъ ихъ было арестовано и посажено въ тюрьму. Арестованные и заключенные въ тюрьму были ежедневно, по приказанію губернатора, призываемы, и предъ ними

излагаемо было все зло извращенной религиі, но безъ всякаго успѣха; твердые въ своемъ упорствѣ, они не показывали ни какого знака переменны мыслей; напротивъ, они просили чтобъ имъ было позволено свободное и безпрепятственно исповѣданіе римско-католической религиі. При такомъ положеніи дѣлъ, когда губернаторъ и чиновники не знали что дѣлать, 14-го числа 8-го мѣсяца были поспѣшно позваны губернаторомъ жрецы семи храмовъ синсіу и двухъ зенсіу и когда они явились, у нихъ было спрошено, нѣтъ ли какогонибудь средства заставить этихъ отступниковъ въ Уракамъ переменить ихъ мысли. Жрецы сказали что они дадутъ отвѣтъ по внимательномъ обсужденіи предмета. На слѣдующій день они сказали что употребить все свое стараніе побудить отступниковъ разомъ переменить ихъ мысли 19-го числа Дайкванъ и судьи сопровождали жрецовъ въ Ураками; но, несмотря на всѣ ихъ увѣщанія, отступники упорные до крайности, не обратили на нихъ никакого вниманія. Ихъ упорство происходитъ отъ снисходительности съ которою до сихъ поръ обращались съ ними. Въ половинѣ девятаго мѣсяца заключенные притворились переменившимъ свои мнѣнія и были выпущены на свободу; но они опять обратились къ прежнему, и число ихъ ежедневно возрастаетъ. Выпущенные были отданы на поруки въ Ураками, и ничего больше. Пользуясь снисходительностью, которую оказывали имъ, они запаслись изъ часовни деньгами разошлись секретно по всѣмъ направленіямъ и дѣлаютъ операціи, или раздавая милостыню бѣднымъ, или совершая чудеса, такъ что въ короткое время сотни новообращенныхъ были приобрѣтены въ разныхъ мѣстахъ....“ Вотъ въ что сдѣлано тайкувскимъ правительствомъ противъ христіанской вѣры въ продолженіи четырнадцати лѣтъ. Гдѣ преобладающая ненависть къ христіанамъ, какъ къ колдунамъ, какъ къ противникамъ власти и измѣнникамъ отечеству? Ея и поминивъ нѣтъ. Ненависть эта еще отражается въ сознаніи частнаго лица, автора брошюры, предубѣжденнаго противъ христіанства; нагасакскій же губернаторъ, какъ видно, тѣшилъ христіанъ просто потому что, въ виду закона строго запрещающаго христіанство, не могъ не сдѣлать чего-нибудь послѣ того какъ его такъ необдуманно натолкли на христіанъ сами же христіане, и сдѣлавъ оныя, ну не признаться, очень мало. (за принятіе христіанства,

древне-японскому закону, полагается казнить распятіемъ на крестѣ и прободеніемъ копьями). Все же это,—и смотрѣніе сквозь пальцы на умноженіе христіанъ, и милостивое обращеніе съ обнаруженными христіанами,—было, разумѣется, не личнымъ дѣломъ самого губернатора Нагасаки, а лишь исполненіемъ инструкцій данныхъ изъ Едо.

Новое правительство, образовавшееся въ началѣ прошлаго года, также запретило Японцамъ принятіе христіанства. Но здѣсь основная причина запрещенія совершенно другаго свойства чѣмъ всѣ прежнія побужденія. Тайкуна уничтожили. Нужно поднять императора изъ праха въ которомъ онъ пресмыкался доселѣ предъ тайкунами. Но чѣмъ подпереть эту дряхлую развалину минувшаго величія? Средство подъ рукой: стоить лишь придать больше блеска и торжественности древней религіи, по счастью, еще не совсѣмъ погибшей. Предметъ этой религіи — прамые предки императора и, въ лицѣ ихъ, самъ онъ; самый важный и торжественный пунктъ ея ученія — врученіе власти надъ Японіей, на вѣки вѣчные, праотцу микадо и всему его потомству. Слушая это ученіе, кто же станетъ сомнѣваться въ правахъ императора на власть? И вотъ громко грянулъ синтускій барабанъ, звонко звякнули литавры, присаясь и смѣло взглянувъ кругомъ, затаивъ свою неизмѣнную героическую пѣснь жрецъ. Думалъ ли „путь боговъ“ имѣть эту минуту торжества, — онъ, почти исчезнувшій подъ ударами буддизма? А теперь приходится помѣняться ролями: буддизмъ, какъ иностранная религія, испытываетъ къ себѣ презрѣніе и пренебреженіе. И какое презрѣніе! Императорскимъ указомъ велѣно выбросить изъ синтускихъ кумирень всѣ буддійскія принадлежности, въ теченіе вѣковъ вкравшіяся въ нихъ, а буддійскимъ божамъ предписано не смѣть молиться синтускимъ богамъ и даже имѣть у себя въ храмахъ ихъ изображенія. И какое пренебреженіе! Въ новой конституціи, разосланной для руководства по всей имперіи, значитса, между прочимъ, „департаментъ духовныхъ дѣлъ“, и его попеченіямъ поручены исключительно дѣла синту, а о буддизмѣ хоть бы слово! И все это несмотря на то что въ Японіи всѣ, начиная отъ самого императора до поденщика, буддисты, что буддійскими храмами утыкана Японія, что буддійскихъ божъ сотни тысячъ, что, словомъ, не замѣчать буддизма въ странѣ можетъ развѣ сумашедшій. Есть ли же кака

возможность христіанской вѣрѣ ждать для себя пріязни въ такое время? И можно ли удивляться что и новымъ правительствомъ повторено запрещеніе принимать ее? Не нужно ли, напротивъ, удивляться тому оботоительству что правительство, почти въ то же время какъ запрещаетъ, даетъ весьма ясно понять что оно вовсе не имѣетъ въ виду серьезно преслѣдовать свою мысль? А факты какъ нельзя лучше подтверждаютъ послѣднее. Укажу эти факты. Указъ, которымъ новое правительство запретило христіанство, начинался такъ: „христіанская нечестивая вѣра по-прежнему запрещается“. Слово „нечестивая“, по всѣмъ правиламъ грамматики, относилось къ христіанской религіи. Когда указъ былъ вывѣшенъ публично на доскахъ, иностранные министры подали протесты противъ названія христіанской религіи нечестивою. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Хингаси-Кузе, далъ отвѣтъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ писалъ онъ прусскому повѣренному въ дѣлахъ, г. фонъ-Брандту: „Я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ прошедшаго 5-го мѣсяца, 26-го числа. Вы выражаете неудовольствіе по поводу текста того изъ указовъ, обнародованныхъ новымъ правительствомъ послѣ совершившихся весной нашихъ государственныхъ перемѣнъ, въ которомъ говорится что „христіанская религія по-прежнему запрещается“ и пр. Но такъ какъ это смѣшеніе понятій произошло отъ того что до сихъ поръ у насъ о запрещенныхъ нашими законами христіанской религіи и нечестивой религіи (нечестивою религіей, *dassai*, называется та которая коловодствомъ и подобными средствами развращаетъ человѣческое сердце и пр.) говорили заодно, не раздѣляя ихъ, то прошу понять что нечестивою религіей не названа именно христіанская религія.“ Между тѣмъ, еще до отправленія отвѣтовъ къ иностраннымъ министрамъ, новымъ распоряженіемъ велѣно было по всей Японіи перемѣнить текстъ указа на публично вывѣшенныхъ доскахъ, отдѣливъ весьма ясно христіанскую религію отъ нечестивой. Вотъ другой фактъ. При сдачѣ Нагасаки правительству микадо, прежній губернаторъ сдалъ и не рѣшенное дѣло о нѣсколькихъ христіанахъ содержавшихся еще въ тюрьмѣ. Новый губернаторъ рѣшилъ разослать ихъ по ближайшимъ княжествамъ и отдать тамъ подъ надзоръ мѣстныхъ властей. Когда съ этою дѣлю христіане (11-го іюля прошлаго года) посажены были на судно, въ Нагасаки рав-

разнеслась молва что ихъ увозятъ съ тѣмъ чтобы часть утопить въ морѣ, часть обезглавить, а остатокъ отвезти на одинъ изъ сосѣднихъ острововъ въ каторжную работу. Иностранные консулы, живущіе въ Нагасаки, послали къ губернатору коллективную ноту, спрашивая съ какими намѣреніями вывезены христіане, и выражая надежду что съ ними не будетъ поступлено безчеловѣчно и безславно для Японіи въ глазахъ образованнаго міра. Губернаторъ отвѣчалъ что „христіане вывезены въ территорію Цёосіу и Буинго, съ тѣмъ чтобы отдать ихъ подъ надзоръ; что японское правительство не намѣрено оскорблять челоуѣчество истребленіемъ невинныхъ людей, что прочіе христіане, оставшіеся въ городѣ, не будутъ притѣсняемы, что тѣ христіане вывезены съ тѣмъ чтобы предупредить безпорядки, могущіе возникнуть отъ столкновенія ихъ съ послѣдователями другихъ сектъ въ сосѣдствѣ; что японское правительство благодаритъ консуловъ за ихъ добрыя внушенія и челоуѣчественныя побужденія“ (*The Nagasaki Times* 1868, July 6 (18), № 4). Иностранные министры въ Йокохамѣ, встревоженные вѣстями изъ Нагасаки, также подали нѣсколько протестовъ противъ жестокаго обращенія съ христіанами. Хингаси-Кузе, въ томъ же письмѣ часть котораго приведена выше, отвѣчалъ г. фонъ-Брандту слѣдующее: „Вы нѣсколько разъ писали мнѣ касательно христіанъ появившихся въ области Хизень, въ деревнѣ Ураками, и я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ. Военныя смуты, мѣшавшія обсужденію дѣла, были причиною этого невольнаго замедленія. Прошу великодушно извинить. Нечестивая вѣра, употребляющая колдовство, развращающая челоуѣческое сердце, подрывающая основы нашего государственнаго быта, всегда была запрещена нашимъ правительствомъ; но принявшихъ христіанство ссылать въ заточеніе, топить, жечь, варить въ маслѣ,—такіе безчеловѣчные поступки никогда не были въ намѣреніяхъ нашего правительства, и ваши представленія объ этомъ, какъ я догадываюсь, возникли изъ вышеупомянутаго смѣшенія понятій (о христіанской и нечестивой вѣрахъ), или же изъ неосновательныхъ слуховъ. Отложите же ваши сомнѣнія и представьте это дѣло въ настоящемъ свѣтѣ вашему правительству.“ Рѣшаюсь привести и еще письмо Хингаси-Кузе къ г. фонъ-Брандту, относящееся одинаково къ объясненію вышеупомянутаго указа и къ оправданію нагасакакаго дѣла. „Въ текстѣ недавно

обнародованнаго указа касательно христіанской религіи подъ рядъ поставлены: „христіанская нечестивая религія“. Отсюда произошло ошибочное понятіе, будто именно христіанская религія названа нечестивою. Послѣ этого, та и другая раздѣлены на двое, какъ вамъ это извѣстно. Религія, называвшаяся христіанскою 300 лѣтъ тому назадъ, употребляла колдовство, развращала человѣческое сердце, производила безпорядки, за это она и была строго запрещена; а по всему этому и народъ съ того времени смотреть на нее какъ на нечестивую вѣру. Подобную вѣру и въ настоящее время наше правительство никакъ не можетъ допустить. Того же что христіанская вѣра — правильная вѣра, народъ до сихъ поръ не понимаетъ; а въ то время, когда оны еще находится въ такомъ невѣдѣніи, вдругъ разрѣшить ее несогласно съ правительственными пользами. Нужно бы было разсудить, разобрать что правильно и что нечестиво, но этому помѣшали военныя смуты. Поэтому относящіяся къ этому предмету постановленія не приведены въ точность, и нельзя поручиться чтобы въ разныхъ мѣстахъ государства не было разницы въ образѣ дѣйствій. Но такъ какъ съ этого времени мы имѣемъ войти въ еще болѣе дружественную связь съ вашимъ государствомъ, и такъ какъ подвергать жестокимъ пресѣдованіямъ нашихъ людей, принявшихъ вѣру вашего государства, было бы несогласно съ дружественностію отношеній, то въ настоящее время наше правительство разсудило и рѣшило съ этихъ поръ не постановлять крутыхъ законовъ противъ христіанъ, а обращаться съ ними милостиво.“ (Письмо отъ 27-го числа 11-го мѣсяца прошлаго года.) Въ какомъ смыслѣ нужно понимать и въ какомъ дѣйствительно понимаютъ эти и подобныя деклараціи нынѣшняго японскаго правительства представители иностранныхъ державъ, миссіонеры и Японскій народъ, видно изъ слѣдующихъ небывалыхъ до прошлаго года фактовъ. Уже въ христіанскихъ церквахъ, наравнѣ съ иностранными министрами и другими иностранными христіанами, открыто молятся Богу японскіе христіане (а самъ видѣлъ это въ минувшую католическую и протестантскую Пасху, въ Йокохамѣ). Уже о принявшихъ христіанскую вѣру Японцахъ сами миссіонеры извѣщаютъ во все услышаніе въ періодическихъ изданіяхъ, называя Японцевъ по именамъ, или описывая ихъ такъ что всякій, кто пожелаетъ, тотчасъ можетъ найти ихъ (см. *The Record of the*

presbyterian Church in the U. S. of America, for June 1869 g. The Foreign Missionary, June 1869; New-York).

Что же значить что японское правительство и запрещаетъ христіанство, и въ то же время игнорируетъ заведенныхъ христіанъ? Что другое, какъ не то что японское правительство сознаетъ всю слабость и бесполезность своихъ указовъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоящіе теперь во главѣ правительства нѣсколько удѣльныхъ князей и масса молодежи, успѣвшей или вѣтъ побывать за границей, но во всякомъ случаѣ знакомой болѣе или менѣе съ иностранными науками и порядками, разумеется, еще не знаютъ хорошо христіанской вѣры (да и когда было узнать ее въ пятнадцать лѣтъ, въ продолженіи которыхъ Японцы не успѣли притти въ себя, ослабленные блескомъ наружныхъ атрибутовъ европейской цивилизациі), но они видятъ и чувствуютъ что имъ не защититься отъ этой могучей силы которая такъ властно господствуетъ надъ Европой и Америкой. Какъ атеисты, они, по всей вѣроятности, удивляются этому факту и готовы предложить иностранцамъ тотъ вопросъ который нѣкогда задалъ Нобунага католическимъ миссіонерамъ: „Ужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣруете?“ Но много ли нужно для того чтобъ убѣдиться что въ Европѣ и Америкѣ дѣйствительно вѣрують и вѣрують искренно и глубоко? Тѣ, которые такъ быстро перешли относительно иностранцевъ отъ презрѣнія къ уваженію и отъ ненависти къ глубокой симпатіи, и которые съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стараются переимать и заучивать все иностранное, развѣ замедлятъ окончательно убѣдиться что христіанская вѣра вовсе не колдовство, не ученіе противоправительственное, не орудіе къ завоеванію чужихъ странъ, а напротивъ, чистое, духовное ученіе, единственная истинная религія на землѣ? Предположимъ даже медленный, постепенный ходъ. Вотъ взоръ Японцевъ пока прикованъ къ оболочкѣ европейской цивилизациі: пароходамъ, пушкамъ, вѣшной постройкѣ конституцій; но всѣ эти молодые люди,—ихъ тысячи,—изучающіе теперь европейскіе языки, ужели всѣ они и вѣчно будутъ заниматься лишь пушками и пароходами? Не пойдутъ ли они дальше? Не заглянутъ ли они глубже и въ европейскую исторію, и въ юридическое право, и во внутренней строй европейскихъ государствъ? И что же они встрѣтятъ? Вездѣ христіанскую религію! И могутъ ли они отдѣлаться отъ знакомства съ нею, основой воиъхъ

науку и всего государственнаго быта Европы, предпринявъ пересадить къ себѣ и эти науки, и этотъ бытъ? Они, есмь и захотѣли, не могли бы этого сдѣлать; но они и не захотятъ. Японцы очень далеки отъ раскольниковаго упорства въ невѣжествѣ и нежеланіи знать резоны противной стороны; живущіе въ Японіи знаютъ какъ Японецъ радъ всегда приобрести Библию, и съ какимъ удовольствіемъ показываетъ онъ ее и читаетъ изъ нея тирады своимъ друзьямъ, хотя бы ни онъ самъ, ни его пріатели не были нисколько расположены вѣровать въ написанное: ужь одно то что эта книга почитается Европейцами магически влечетъ къ ней Японца. Чтѣ же касается до запрещенія христіанства во имя синту, изъ-за необходимости поддерживать авторитетъ микадо, то это запрещеніе не устоитъ долго, какъ не продлится долго настоящій порядокъ вещей, если только не ждуть окончательнаго разстройства Японіи. Чтѣбъ убѣдиться въ этомъ, взглянемъ на характеръ современной японской революціи.

Сѣогунъ дома Токугава долго были предметомъ ненависти князей: не по праву пришлась имъ желѣзная рука сѣогунъвъ, затворившихъ ихъ въ Едо какъ въ клѣткѣ. Но князья должны были сносить свою участь: на сторонѣ сѣогунъвъ была вся нація, пора же ей было, наконецъ, осушить кровь и перевести духъ послѣ долгихъ кровопролитій которыми угощали ее князья во взаимныхъ распрахъ при предшествовавшихъ сѣогунскихъ династіяхъ. Но вотъ Японія входитъ въ сношенія съ иностранцами: явились у сѣогуна другія дѣла, повѣяло новымъ духомъ; оказалось невозможнымъ долѣе держать на привязи около трехсотъ удѣльныхъ князей скупченныхъ въ Едо; они были распущены. Нѣкоторые изъ нихъ, вздохнувъ вольною грудью, скоро расправили онѣмѣные члены, и пошла работа! Тосама (князья добывшіе себѣ лены еще прежде династіи Токугава) особенно не могли простить своего униженія; имъ нужно было, во чтѣ бы то ни стало, разчитаться съ сѣогунами. И вотъ выступили на сцену всѣ тѣ громкіе принципы которые, обыкновенно, и прежде пускались въ дѣло при подобныхъ случаяхъ: и возстановленіе правъ ограбленной и униженной императорской династіи, и безпорядки правленія, и стовъ будто бы страдающаго народа. Было бы ни съ чѣмъ несообразною ошибкой полагать что современною революціей Японія обязана вторженію къ нее иностранцевъ. Эта революція

давно уже готовилась. Еще задолго до Европейцевъ князь, сколько возможно было, интриговали противъ сѣогуновъ, подкупамн, подъ видомъ подарковъ, завлекали на свою сторону дворецъ микадо, жившій въ нищетѣ, старались какъ будто ненавѣренно развращать и идиотить сѣогуновъ. Приходъ иностранцевъ лишь на нѣсколько лѣтъ ускорилъ взрывъ. Въ началѣ прошлаго года произошло открытое столкновение тайкуна и его приверженцевъ съ коалиціей враждебныхъ князей, завладѣвшихъ императорскимъ флагомъ; нѣсколько незначущихъ комбинацій доставили князьямъ побѣду. Никто не приписалъ ей на первый разъ рѣшительнаго значенія. Сѣогуны обладали огромною собственною арміею и довольно большимъ флотомъ; на его сторонѣ были его гофудай (князья получившіе лены отъ Токугава) и даже значительная часть тосама; за него готовы были душу положить его удѣльные подданные и особенно его Едо; самъ сѣогуны на этотъ разъ, какъ нарочно, былъ человекъ извѣстныхъ талантовъ. Все ждали что онъ за стыдъ перваго пораженія заплатитъ врагамъ сторицею. Но, къ общему изумленію, онъ сложилъ съ себя власть, велѣлъ разойтись войскамъ, оставилъ Едо и, въ видѣ смиренна кающагося въ своихъ преступленіяхъ предъ императоромъ, удалился на свою родину, въ княжество Мито. Глубокое огорченіе и даже ропотъ большей половины Японіи сопровождали его. А враги торжествовали. Они великодушно оставили ему жизнь, отягую было у него императорскимъ указомъ, и принялись распорядиться Японіей: сочинили конституцію, потомъ другую, написали народу множество указовъ и приказовъ, показали своего 15-ти-лѣтняго микадо иностраннымъ министрамъ, смѣнили служащихъ въ тайкунскихъ городахъ, выславъ, на мѣсто прежнихъ чиновниковъ, звавшихъ свое дѣло, какихъ-то недолѣтковъ. Повидимому, все пошло своимъ чередомъ. Предъ именемъ микадо все пошло, все, кромѣ части арміи сѣогуна, его флота и одного князя, самаго рьянаго изъ его защитниковъ. Флотъ стоялъ въ бездѣйствіи; строптивыя войска стали дѣйствовать въ разсыпную, но они не были страшны безъ главы и безъ опредѣленнаго плана; страшенъ былъ князь, „этотъ врагъ отечества, разбойникъ, измѣнникъ, злодѣй“, какъ именовало его правительство. Но вотъ и онъ смирился, подалъ покорное прошеніе и наложилъ на себя арестъ. Множество сѣверныхъ

князей, его сосѣдей, стали ходатайствовать за него; „умильнымъ слезнымъ челобитьямъ“ не было конца. Чего бы, кажется, лучше простить его, доставить миръ потрясенной было Японіи и оставить ее насладиться плодами либеральной конституціи. Но не то нужно было ководамъ движенія; не объ отечествѣ они хлопотали. Я уже сказалъ что во главѣ современнаго движенія стоятъ нѣсколько сильныхъ удѣльныхъ князей и образованная молодежь, изъ разныхъ княжествъ. Ее можно назвать авангардомъ Японіи на полѣ цивилизаціи: она полна платоническихъ мечтаній о будущемъ величіи своего отечества и въ самомъ дѣлѣ думаетъ ввести у себя англійскую конституцію; но она сама лишь слѣпое орудіе въ рукахъ другой силы, а эта сила два-три удѣльные князя (Сацума, Цёосіу, Тоса), изъ которыхъ каждый питаетъ самыя существенныя надежды на преемство упраздненной единоличной власти. Но овладѣть верховньювластію одному изъ трехсотъ претендентовъ, особенно когда многіе изъ нихъ равны между собою по матеріальнымъ силамъ, трудная задача. Древняя практика указала превосходное средство въ этомъ затрудненіи: нужно ослабить опасныхъ совмѣстниковъ, направивъ ихъ другъ на друга. И вотъ Аидзу, несмотря ни на какія просьбы, не прощается; Сендай, Йонезава, Сёонай и другіе сильные сѣверные князья, несмотря ни на какія отговорки, посылаются на Аидзу; послы за послами отъ этихъ князей окачутъ въ Міяко и обратно. Уже князья готовы были противъ своей воли идти на своего собрата: грозное имя микадо нудило ихъ къ тому; но одно обстоятельство измѣнило все. Совершенно случайно открытъ былъ планъ ководовъ революціи, имѣвшій основною мыслию именно ослабить сѣверныхъ князей возбуждивъ между ними раздоры. Роли быстро измѣнились: сѣверные князья казнили или выгнали изъ своихъ предѣловъ микадскихъ пословъ, разосланныхъ для повужденія къ скорѣйшему вооруженію, провозгласили съ своей стороны южныхъ князей врагами отечества, соединили свои силы съ Аидзу, всѣ вмѣстѣ заключили клятвенный союзъ противъ южанъ, и полилась кровь. Обѣ воюющія партіи клеймили другъ друга самыми позорными именами, обѣ въ одно и то же время провозглашали своимъ принципомъ возстановленіе императорской власти, очищеніе отечества отъ бунтовщиковъ и возведеніе его на высокую степень могущества и славы. Долго разыгрывалась

эта кровавая драма. Южане имѣли на своей сторонѣ всѣ шансы превосходства; въ ихъ рукахъ былъ императоръ: его имени безпрекословно подчинялись четыре пятыхъ Японіи, по его зову шли огромныя арміи на сѣверъ, по его приказу всѣ покорные князья предоставили въ его распоряженіе свои пароходы и парусныя суда, его именемъ выпускались кредитные билеты, и купцы принуждались мѣнять на нихъ серебро и золото, нужныя правительству на военныя издержки. Но не столько все это, сколько недостатки общаго плана дѣйствій у противниковъ помогъ наконецъ южанамъ взять перевѣсъ. Въ концѣ прошлаго года сѣверные князья одиѣ за другимъ покорились. Только Инамото, адмиралъ тайкунскаго флота, выдержалъ свою роль; съ одиннадцатю судами, во главѣ 5.000 отважнѣйшихъ воиновъ Японіи, онъ выгналъ изъ Хакодате императорское правительство, а изъ Мацмая князя, и завладѣлъ всѣмъ островомъ Эзо. Нынѣ Южане принудили къ покорности и этого послѣдняго изъ своихъ противниковъ: Инамото побѣжденъ. Но волненіе едва ли этимъ окончится. По всей вѣроятности, война не замедлитъ загорѣться на другомъ пунктѣ. Южанъ до сихъ поръ связывалъ общій интересъ — общіе враги. Для общаго дѣла каждый изъ нихъ пока терпѣливо пряталъ своекорыстіе подъ благовидною мантией имперіализма. Нѣтъ этихъ враговъ, они не замедлятъ перессориться между собою; не перессорься они, выступятъ на сцену еще другіе князья. Уже ли можно думать что хламиды считая изъ доскутковъ иноземной конституціи, безъ всякаго вниманія къ національному характеру и требованіямъ страны, придется по вкусу всѣмъ 300 гордыхъ и своеобразныхъ вассаловъ? Кажется, можно сказать навѣрное, что начавшееся волненіе уляжется лишь тогда, когда выступитъ на сцену человекъ съ печатью яркаго таланта на челѣ, въ свое собственное имя станетъ во главѣ движенія, властною рукою укажетъ всѣмъ и всему приличное мѣсто и поведетъ свою націю впередъ. Но такого таланта пока не видно ни на той, ни на другой сторонѣ, и это отсутствіе вождя еще заставляетъ взоры многихъ обращаться на прежняго сѣогуна. Еще не вѣрится чтобъ онъ погибъ бесслѣдно, еще приписываютъ ему глубокіе планы и ждутъ что онъ выступитъ на сцену, но уже выступитъ грозно и славно. Или пусть бы этимъ талантомъ оказался самъ микадо: это было бы истиннымъ благословеніемъ Неба для Японіи. Тогда не

нужно бы было ни ходуль синтуизма, ни какихъ другихъ искусственныхъ приемовъ, тогда и безъ того князья скоро и послушно утихли бы, какъ утихаютъ расшумѣвшіеся дѣти предъ грознымъ учителемъ. Но можетъ ли высохшая мумія оживиться, или увядшее дерево дать плодъ? Двадцатипяти-вѣковая династія, не освѣжаемая притокомъ свѣжей крови и свѣжихъ силъ, въ продолженіи послѣднихъ 1.000 лѣтъ производила лишь полуидіотовъ, или самыхъ незначительныхъ личностей, и теперь, въ лицѣ своего пятнадцати-лѣтняго представителя, по свидѣтельству иностранныхъ очевидцевъ, нисколько не измѣнила себя.

ПЕРМОНАХЪ НИКОЛАЙ,

Настоятель японской консульской церкви.

ЕЛТОНСКИЙ СОЛЯНОЙ ПРОМЫСЕЛЪ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Пароходъ привезъ насъ къ вечеру знойнаго майскаго дня въ Камышинъ, лежащій въ 180 верстахъ ниже Саратова, на правомъ берегу Волги. Тотчасъ же пересѣвъ на лодку, мы отправились на другой (лѣвый) берегъ Волги, въ Николаевскую слободу, огромное государственное селеніе лежащее повыше Камышина. Намъ предстояло переплыть верстъ двѣнадцать по руслу и разливу Волги, еще не вошедшей въ берега. Долго поднимались мы вверхъ, подъ высокими скалистыми правымъ берегомъ, и потомъ пошли въ перерѣзъ къ низменному лѣвому берегу, принадлежащему уже Астраханской губерніи (Царевского уѣзда). Благодаря прекрасной тихой погодѣ, мы совершили этотъ переездъ часа въ два съ небольшимъ; во время вѣтра, какъ намъ говорили, переправа медленна, сопряжена съ опасностію и иногда положительно невозможна. При высокой еще водѣ, хотя замѣтно сбывавшей, мы могли подѣхать къ самой слободѣ, лежащей на берегу прежняго русла или рукава Волги, называемаго Воложкой. Огромные амбары для складовъ хлѣба и соли чернѣли на берегу, противъ котораго стоитъ роца, залитая водой и отдѣляющая русло Волги отъ Воложки. Въ обыкновенную воду мѣсто причала лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ слободы.

Въ концѣ Николаевской слободы, столь знакомой солянымъ торговцамъ, стоитъ первый *улетъ* солевознаго тракта

отъ Волги до Елтонскаго солянаго озера. Это входъ въ соляное царство.

Разстояніе отъ Николаевской слободы до Елтона составляетъ 130 верстѣ; на этомъ протяженіи идетъ такъ-называемый солевозный трактъ, ширина котораго равняется десяти верстамъ. По этому тракту ѣдутъ рѣдкіе посѣтителѣ Елтона, но главное назначеніе тракта—провозъ соли отъ озера къ Волгѣ. Въ меженную воду, когда Николаевская пристань дѣлается неудобною, подвозъ идетъ къ лежащей верстахъ въ 18 ниже Николаевской слободы Грякинскоѣ пристани, къ которой отдѣляется вѣтвь солевознаго тракта, въ 18 верстѣ длины и пять верстѣ ширины. Такимъ образомъ вся площадь солевознаго тракта составляетъ до 1.400 кв. верстѣ. Значительная ширина тракта объясняется необходимостію продовольствовать воловъ, везущихъ соль, подножнымъ кормомъ. По приблизительному исчисленію, отъ 3.000 до 5.000 воловъ ежедневно продовольствуются этимъ кормомъ въ теченіи четырехъ-пяти мѣсяцевъ, съ мая по октябрь; между тѣмъ трава изобильна и сочна только въ первыя недѣли весны, потомъ отъ жаровъ и пыли быстро желтѣетъ и сохнетъ.

Ночью выѣхали мы въ плоскую безграничную степь, среди которой лежитъ Елтонъ, нанявъ лошадей въ николаевскомъ уметѣ. Уметъ этотъ чистенькій домикъ малороссійскаго типа, съ гладкимъ глинянымъ поломъ и выбѣленными стѣнами, съ дворомъ, хозяйственными постройками и садикомъ. Все здѣшнее населеніе, какъ въ Николаевской слободѣ, такъ и въ уметахъ и хуторахъ астраханской степи, состоитъ изъ коренныхъ Малороссовъ, переселенныхъ и переселившихся сюда такъ давно что они забыли и о времени переселенія и о мѣстѣ родины. Говоръ и обычаи тѣмъ не менѣе остались почти неизмѣнны; мы замѣтили только что съ проѣзжающими жители говорятъ довольно чисто по-русски, но между собой сохраняютъ употребленіе малороссійскаго говора. При малонаселенности степи и совершенномъ отсутствіи великорусскаго племени, перенесенныя сюда условія стараго быта переселенцевъ, вѣроятно, останутся надолго безъ измѣненій. Коренное здѣшнее населеніе, Киргизы, сохраняютъ кочевую жизнь, близко уметовъ и хуторовъ безъ надобности не держатся, съ переселенцами отношеній имѣютъ не много. Главное ихъ кочевье Рымы-пески, верстахъ

въ 150 отъ Николаевской и верстахъ въ 90 отъ Елтона. Киргизы нанимаются иногда въ работники, почти исключительно въ пастухи, или для ухода за скотомъ и вьзды; склонны воровать лошадей и скотъ, иногда и съ насиліемъ, но, впрочемъ, вообще ведутъ себя довольно спокойно, объ открытыхъ грабежахъ не слышно, и надзоръ за ними, повидимому, довольно строгій.

За границами солевознаго тракта раскиданы кое-гдѣ хутора, и есть одно небольшое селеніе верстахъ въ 30 отъ Елтона. На огромномъ пространствѣ солевознаго тракта поселены только такъ-называемые *уметчики*. Названіе это требуетъ разъясненія.

Земля кругомъ Елтона и пространство отъ Елтона до Николаевской составляли издавна собственность казны и приписаны были къ соляному промыслу. Промыселъ до 1863 года разрабатывался хозяйственно казной. Огромная операція перевозки соли на Волгу чрезъ совершенно безводную, безлѣсную и безлюдную степь требовала устройства особыхъ средствъ; надобно было также доставить способы и для разъѣздовъ лицъ завѣдывавшихъ промысломъ и контролировавшихъ операцію. Съ этою цѣлью въ прошломъ столѣтіи переведены были сюда изъ малороссійскихъ губерній казенные крестьяне и поселены въ различныхъ пунктахъ солевознаго тракта; каждое семейство получило особое поселеніе, на каждое поселеніе отведено 104 десятины земли, и при каждомъ устроены отъ казны колодцы, составляющіе первую необходимость для слѣдованія транспортовъ, ибо на всемъ трактѣ нѣтъ ни одной рѣчки, ни одного открытаго ключа прѣсной воды. Поселенцы освобождены отъ всѣхъ податей, повинностей и рекрутства и обязаны только поддерживать въ чистотѣ колодцы, убирать падалъ, давать пріютъ больнымъ извозчикамъ и принимать, для ухода и сбереженія, заболѣвшихъ воловъ; кромѣ того, восемь изъ этихъ поселеній, расположенныя по прямой линіи отъ Николаевской до Елтона, обязаны, за опредѣленную плату, возить въ Елтонъ и обратно почту, а также проѣзжающихъ по дѣламъ службы чиновниковъ, и имѣть станціонную комнату. Описанныя поселенія носятъ названіе *уметовъ*; глава поселенной въ уметѣ семьи (разросшейся нерѣдко въ нѣсколько семей) носить титулъ *уметчика* и отвѣтствуетъ за порядокъ и исполненіе предписанныхъ правилъ въ уметѣ. Званіе уметчика передается наследственно,

съ утвержденія начальства, которое можетъ также смѣнять уметчика и назначать вмѣсто него другаго члена семьи. Исключеніе изъ состава уметовъ дѣлается или по просьбѣ исключаемого (весьма рѣдко), или вслѣдствіе распоряженія начальства, по неисправности или дурному поведенію исключаемого, который въ такомъ случаѣ приписывается въ общее состояніе государственныхъ крестьянъ. Вновь въ составъ уметовъ изъ другихъ сословій не поступаютъ, ибо, вслѣдствіе увеличенія населенія, всегда есть довольно кандидатовъ на опустѣвшій почему-либо уметь. Размножившіяся и выдѣлившіяся (*de facto*), но не исключившіяся семьи пристраиваютъ себѣ новыя избы и остаются при прежнемъ уметѣ, находясь подъ вѣдѣніемъ одного общаго главы и считаясь официально въ одномъ семействѣ. Въ этихъ случаяхъ допускаются между уметчиками соглашенія и сдѣлки, съ утвержденія начальства.

Уметы не имѣютъ никакой общественной организаціи; населеніе ихъ крѣпко соляному промыслу и подвѣдомственно единственно учрежденіямъ завѣдующимъ соляною частью, то-есть мѣстному акцизному управленію и министерству финансовъ.

Положеніе уметчиковъ вообще удовлетворительно, и охотниковъ на перемѣну этого положенія мало. Свободные отъ всякихъ повинностей, податей, знающіе только одно свое не сложное и благосклонное къ ихъ нуждамъ акцизное начальство, они считаютъ себя въ привилегированномъ положеніи. Хлѣбопашество и особенно скотоводство доставляютъ имъ достаточныя средства жизни; хотя надѣлъ во 104 дес. для нѣкоторыхъ уметовъ, казалось бы, нѣсколько скуденъ, но при безпрепятственной пастьбѣ собственного скота уметчиковъ на всемъ пространствѣ тракта, скотоводство вознаграждаетъ съ излишкомъ за этотъ недостатокъ. Говорятъ что эта льгота, въ существѣ справедливая и необходимая, даетъ иногда поводъ къ злоупотребленію: уметчикъ беретъ на пастьбу чужой скотъ подъ видомъ собственного. Это злоупотребленіе, впрочемъ строго преслѣдуемое, по нашему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не должно бы служить поводомъ къ отнятію у поселенцевъ права пасты скотъ на трактовой землѣ; лишеніе этого права, въ мѣстности гдѣ нѣтъ никакихъ другихъ средствъ жизни, при прикрѣпленіи

къ мѣсту, равнялось бы, въ многолюдныхъ уметахъ, разоренію, а между тѣмъ, допуская даже возможность развитія сказанныхъ злоупотребленій, ущербъ казны во всякомъ случаѣ совершенно ничтоженъ.

Всѣхъ уметовъ нынѣ 22. Уметчиковъ и ихъ семействъ 201 лицо мужскаго и 201 женскаго пола.

Солевозный трактъ съ уметами составляетъ одну часть соляной области; другую образуетъ, находящееся на восточномъ концѣ тракта, озеро съ окружающею его землей. Озеро имѣетъ форму овала, почти въ 17 верстѣ длины и $12\frac{1}{4}$ версты ширины; окружность озера около 44 верстѣ, площадь до 160 кв. верстѣ; поясъ земли, въ 15 верстѣ ширины, окружающій озеро, принадлежитъ также къ промыслу; часть этого пояса, въ 5 верстѣ ширины отъ берега, назначена собственно для потребностей самого промысла и кордонной стражи; никто посторонній не имѣетъ права переступить эту черту и приближаться къ озеру безъ особаго разрѣшенія начальства; единственный открытый путь къ озеру—черезъ солевозный трактъ и Елтонскую пристань, предъ которою учреждена особая застава (повѣрочный пунктъ); конные вооруженные стражники день и ночь охраняютъ кордонную линію постоянными разѣздами. Остальная затѣмъ часть земли, лежащая за предѣлами кордонной линіи, составляетъ оброчную статью казны.

Такимъ образомъ пространство всей соляной области составляютъ: солевозный трактъ до 1.400 кв. верстѣ, площадь озера до 160 верстѣ, окружающій озеро кордонный поясъ до 250 кв. верстѣ и остальной, 10-ти-верстной ширины, поясъ до 950 кв. верстѣ, всего до 2.760 кв. верстѣ, или 287.500 десятинъ. Кромѣ уметовъ, на всемъ этомъ пространствѣ находятся только четыре двора кордонныхъ стражниковъ, по одному на 15 верстѣ кордонной линіи, и одно поселеніе на берегу Елтона, у конца солевознаго тракта; поселеніе это называется Елтонскою пристанью, или Промысловъ, и содержитъ въ себѣ десятка три домовъ, большею частію назначенныхъ для потребностей казеннаго управленія и промысла.

Озеро, всѣ принадлежащія къ нему земли, солевозный трактъ, уметы и живущіе въ нихъ люди находятся въ административномъ завѣдываніи министерства финансовъ; весь этотъ соляной промыселъ составляетъ, внутри Астраханской губерніи, какъ бы особый, отдѣльный отъ общей

губернской администраціи округъ, и завѣдывается саратовскимъ губернскимъ акцизнымъ управленіемъ, какъ вслѣдствіе большей близости къ Саратову и большаго удобства въ сообщеніи съ Саратовомъ нежели съ Астраханью, такъ и потому что вся добываемая на Елтонѣ соль идетъ на Саратовъ, а не на Астрахань, имѣющую свои соляные промыслы. Мѣстное управленіе солянымъ промысломъ состоитъ изъ старшаго и четырехъ младшихъ смотрителей, 18 домострожиковъ и вахтеровъ, 21 пѣшаго и 18 конныхъ нижнихъ чиновъ кордонной стражи. Все содержаніе мѣстнаго управленія обходится, какъ мы слышали, около 10.000 руб. въ годъ, что составляетъ менѣе 2% дохода получаемого казной отъ промысла. Одинъ изъ смотрителей исполняетъ полицейскія обязанности на пристани и на всемъ трактѣ, на правахъ становаго пристава, и подчиненъ, въ этомъ отношеніи, непосредственно астраханскому губернатору.

Съ разсвѣтомъ представилась глазамъ нашимъ безотраднaя картина плоской степи, съ низенькою полусгорѣвшею уже травой; ни деревцо, ни кустикъ, ни возвышеніе, ни ручеекъ не оживляютъ этой печальной мѣстности. Изрѣдка попадаются едва замѣтныя углубленія степи въ которыхъ еще не совсѣмъ пересохла весенняя вода, называемыя здѣсь „лиманами“: на нихъ трава посвѣжѣе и годится для сѣнокоса. На всемъ пространствѣ отъ Волги до Елтона едва ли найдется болѣе десятка тощихъ деревьевъ, кое-какъ выросшихъ близъ колодезевъ, и едва три кургана, остатки древнихъ татарскихъ кочевковъ, въ которыхъ, по разказамъ уметчиковъ, скрыты старинныя клады. Вода для питья добывается только изъ колодезевъ, и то не совсѣмъ прѣсная: чѣмъ ближе къ Елтону, тѣмъ замѣтнѣе въ ней соленый вкусъ. Вправо отъ дороги, версть пятьдесятъ не доѣзжая Елтона, виднѣется вдали Горькое озеро, на глазомѣрѣ версть 25 въ окружности; горько-соленая вода его никуда негодна кромѣ, можетъ-быть, лѣкарственнаго употребленія; соли озеро не осаждаетъ, и потому никакого промысла на немъ нѣтъ. Вѣроятно, изслѣдованіе этого значительнаго резервуара могло бы указать возможность извлечь изъ него какую-нибудь пользу, выработкою ли солей и щелочей, или лѣкарственнымъ употребленіемъ воды.

Опредѣленной дорожной линіи по солевозному тракту нѣтъ; всякій ѣдетъ гдѣ находитъ болѣе удобнымъ; множество колеи

прорѣзано на всей десяти-верстной ширинѣ тракта соляными транспортами, тянущимися непрерывно отъ Елтона къ Волгѣ. Дорога совершенно ровная, вообще довольно гладкая, и въ сухое время была бы удобна для ѣзды, еслибы не пыль лежащая густымъ слоемъ на всей степи. Поднимаемая вѣтромъ и тяжелыми ногами воловъ, она буквально ослѣпляетъ и задушаетъ ѣдущаго, пробирается всюду, на платье и за платье, въ чемоданы и ящики. Вѣтеръ, легко разыгрывающійся въ ровной степи, образуетъ настоящія пыльные тромбы; мы нѣсколько разъ видѣли какъ пыльные столбы крутятся, словно на оси, мчались по степи, и что замѣчательно, иногда не по направленію вѣтра, но въ разныя стороны, какъ бы играя и рѣзвясь.

Зной и засуха постоянныя явленія здѣшняго лѣта, вследствие совершеннаго отсутствія лѣсовъ и водъ. Надобно думать что эти условія климата, въ соединеніи съ дурнокачественною водою, дѣйствуютъ не совсѣмъ хорошо на здоровье жителей; уметчики, условія жизни которыхъ вообще не хуже, если не лучше, чѣмъ у большинства русскихъ крестьянъ, не могутъ похвалиться здоровьемъ; тѣ которыхъ мы видѣли вообще сложены не сильно, многіе даже хилы; лихорадки и тифоидальныя горячки нерѣдки; въ путешествіи нашемъ мы застали въ одномъ уметѣ бѣольшую половину жителей больными горячкою, а остальныхъ переболѣвшими тою же болѣзнію. Медицинская часть въ недавнее время получила нѣкоторое устройство на промыслѣ: въ Елтонской пристани для рабочихъ есть больница и врачъ, посѣщающій, въ случаѣ нужды, и уметы.

Нельзя сказать однакоже чтобы, при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ степи, въ ней было мертво; постоянное слѣдованіе огромныхъ каравановъ съ солью, безпрестанно являющихся на горизонтѣ и неопытнымъ глазомъ часто принимаемыхъ за деревни или рощи (при плоскости степи всякій выдающійся предметъ съ непривычки кажется неестественно великъ: высокій кустъ полыни примешь за дерево, большую птицу за звѣра), нѣсколько оживляетъ степь; мамелькіе суслики то-и-дѣло сплужутъ по дорогѣ; множество хищныхъ птицъ плавающихъ въ воздухѣ и сидящихъ по сторонамъ дороги доказываетъ что здѣсь не мало для нихъ добычи; степные кулики и кулички, разныя мелкія птицы носятя постоянно по сторонамъ дороги. Уметчики сильно

жалуются на сусликовъ: по словамъ ихъ, хлѣбопашество идетъ неуспѣшно именно отъ этихъ звѣрковъ, населяющихъ степь въ неисчислимомъ количествѣ. Истребляютъ сусликовъ однимъ доступнымъ, но мало успѣшнымъ способомъ: заливаніемъ водою въ норахъ. Одинъ уметчикъ говорилъ намъ что весной 1868 года онъ уничтожалъ такимъ образомъ штукъ по двѣсти сусликовъ въ сутки.

Нигдѣ намъ не случилось видѣть такого множества огромныхъ и красивыхъ орловъ какъ въ Елтонской степи; они часто сидятъ на самомъ краю дороги „словно конна“, по здѣшнему выраженію, и равнодушно смотрятъ на проходящій и проѣзжающій народъ.

Ничѣмъ не задержанное путешествіе наше продолжалось часовъ четырнадцать; скоро по выѣздѣ изъ послѣдняго почтового умета мы примѣтили на восточномъ краю горизонта какъ будто легкой темноватый паръ. „Тамъ Елтонъ“, объявилъ намъ ямщикъ, и тутъ же объяснилъ что Киргизы за сто верстъ и болѣе примѣчаютъ Елтонъ, потому что изъ него будто бы подымается черный дымъ. По мѣрѣ приближенія къ озеру, растительность начинаетъ исчезать, и кругомъ озера верстъ на пять солонцовая земля почти совершенно бесплодна. Скоро завидѣлась и свинцовая поверхность озера, окаймленная бѣлою какъ снѣгъ, блестящею полосой. Елтонское поселеніе или пристань лежитъ на юго-западномъ берегу озера, саженьхъ во ста отъ края озера; вся мѣстность совершенно плоская и почти на одномъ уровнѣ съ поверхностью озера. Первое впечатлѣніе чрезвычайно грустно: небольшое поселеніе почти ступшевывается среди огромной плоскости, желтобурая земля безъ признака зелени, кое-гдѣ какъ бы политая бѣловатыми струйками соли, грязный берегъ озера, точно посыпанный искорками соли, а по краямъ покрытый сплошь бѣлымъ слоемъ, невыносимо сверкающимъ на солнцѣ; матовая, красновато-лиловая поверхность озера, слегка колеблющаяся при вѣтрѣ, но колеблющаяся плавно, мертво, безъ брызговъ, безъ ряби; противоположный берегъ, скрывшійся въ мгlistомъ туманѣ огромные бѣловато-грязные бугры соли наваленной на берегу, и къ этому зной безъ тѣни и вихри ѣдкой пыли, — вотъ главные черты обрисовавшейся предъ нами картины, револьно напомнившей „Богомъ сожженную“ страну Мертваго моря.

Но если природа не дала этому мѣсту богатствъ растительности, за то наградила его неисчислимымъ запасомъ одного изъ драгоценнѣйшихъ для человѣка матеріаловъ—прекрасной, чистой, какъ снѣгъ бѣлой соли.

Елатонъ по всей площади своей одинаково богатъ солью. Глубина воды по всему озеру одинакова и можетъ, при тихой погодѣ, считаться повсемѣстно вершковъ въ двѣнадцать, такъ что озеро поднимаетъ только мелкія плоскородныя лодки (дощаники); въ вѣтеръ глубина различныхъ частей озера быстро измѣняется; густая, сильно насыщенная минеральными частицами вода отгоняется вѣтромъ отъ одного берега и приливаетъ къ противоположному; на одномъ берегу дно озера обнажается или, по крайней мѣрѣ, глубина воды уменьшается до 1, 2 и 3 вершковъ, на другомъ она возрастаетъ до 17, 20 и болѣе вершковъ. Говоря „дно“, мы разумѣемъ твердый соляной слой лежащій подъ водою, а какъ глубоко находится настоящее, почвенное дно озера, объ этомъ, кажется, никто не знаетъ. Обыкновенно лежащій подъ водою соляной пластъ выламывается не болѣе какъ на аршинъ глубины; далѣе ломка дѣлается затруднительною вследствие чрезвычайной крѣпости окристаллизовавшейся соли; говорятъ, пробовали когда-то пробить сколь возможно глубже соляной слой, но далѣе 1½ сажени опытъ не могъ продолжаться. Намъ разказывали что будто бы гдѣ-то на озерѣ есть два или три провала, недосыгаемой глубины, извергающіе постоянно холодную, прозрачную воду, но повѣрить, этотъ разказъ намъ не удалось.

Елатонъ не выпускаетъ ни одного цстока, но принимаетъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, всѣ съ горько-соленою водою; всѣ эти рѣчки коротки, и ихъ верховья въ сосѣдствѣ озера.

Образованіе (садка) соляныхъ слоевъ происходитъ, такъ сказать, на глазахъ зрителя: насыщенная солями озерная вода, называемая здѣсь техническимъ именемъ *раны*, подъ вліяніемъ воздуха и солнца непрерывно осаждаетъ на дно соляныя частицы, увлекающія съ собою и черноватая частицы или которымъ проникнута *рана*: вѣроятно, этотъ иль образуется изъ постоянно носящейся надъ озеромъ, какъ и надъ всею степью, густой пыли и изъ грязи наносимой въ озеро рѣчками и весенними и осенними потоками. Замѣчательно, что выломанный кусокъ соли, имѣющій обыкновенно цвѣтъ и видъ грязнаго льда, полежавъ на солнцѣ, очищается

и бываетъ безъ всякой обмывки или очистки; прекрасные, бѣлоаморфной чистоты куски соляныхъ кристалловъ, которые намъ показывали, были сперва грязно-синяго цвѣта и получали чистый бѣлый цвѣтъ только полежавъ нѣсколько дней на солнцѣ.

Такъ какъ наносъ или бываетъ главнымъ образомъ разъ въ году, по стаянiи снѣговъ, то соляные слои одного года замѣтно отдѣляются отъ слоевъ другого года болѣе грязною полосой соли. Лучшимъ и удобнѣйшимъ для ломки слоевъ считается прошлогоднiй, затѣмъ третьегоднiй; слой образовавшiйся за три года считается уже не столь выгоднымъ для разработки, по трудности выломки, а слой текущаго года недостаточно еще сплоченъ и крѣпокъ. Толщина осаждающагося въ теченiи года слоя различна; доходить, говорятъ, до 1½, и двухъ вершковъ; тотъ который мы видѣли (перiода 1867 г.) былъ немного болѣе вершка; среднею толщиною можно, вѣроятно, считать одинъ вершокъ. Принимая эту толщину, можно предполагать что весь осаждаемый въ теченiи года соляной слой образуетъ на 160-ти-верстной площади озера, въ среднемъ разчетѣ, до 20 милл. куб. аршинъ, а если положить въ кубическомъ аршинѣ 20 пудовъ осадки (Елтонское управленiе принимаетъ, на основанiи опытовъ, въ кубическомъ аршинѣ усохшей въ буграхъ соли 26 пудовъ), то годовая осадка можетъ составить до 400 милл. пуд.; въ этой массѣ можно считать до 75%, то-есть до 300 милл. пудовъ чистой соли.

Рапа во время осажденiя соли довольно мутна и слегка пузырится, точно кипитъ; цвѣтъ ея въ стаканѣ не отличается отъ цвѣта обыкновенной мутноватой озерной воды, но въ озерѣ, при легкомъ вѣтрѣ, обыкновенный свинцовый цвѣтъ поверхности измѣняется въ розовато-лиловый, а при сильномъ вѣтрѣ дѣлается грязно-малиновымъ, почему нѣкоторые заключаютъ о присутствiи въ рапѣ инфузорiй. Не входя въ обсужденiе вѣроятности этого предположенiя, замѣтимъ только что ни въ илѣ, ни въ соляныхъ пластахъ ничего близкаго къ тому цвѣту нѣтъ. Сильное насыщенiе рапы минеральными частицами замѣтно и на вкусъ, и на осажанiе. Противный, чрезвычайно ѣдкiй вкусъ ея соединяетъ въ себѣ горечь, солоноватость и кислоту; острота раствора такова что на языкѣ и губахъ остается впечатлѣнiе обжога, и если

продержать воду только минуту во рту, то навѣрное сойдетъ кожа; окунутая въ рапу на минуту рука покрывается соляною корою, и долго чувствуешь на кожѣ сухость и какое-то стягиваніе. Опущенная въ воду вещь, вѣтка или нитка, быстро покрывается соляными кристаллами; мы видѣли что на тонкихъ бичевкахъ и палочкахъ въ сутки или двое образуется правильный и весьма красивый наростъ кристалловъ въ полвершка толщиной, имѣющій видъ толстой стеариновой свѣчи, покрытой рѣзью. Густота рапы столь велика что рабочіе на аршинной глубинѣ передвигаются медленно и съ трудомъ; дощаники слабо слушаются руля. Озеро никогда не замерзаетъ, хотя зимніе морозы доходятъ до 25° по Р. и болѣе, но рапа становится въ это время только гуще и ѣдче, такъ что соприкосновеніе ея съ обнаженнымъ тѣломъ во время морозовъ не безопасно: кожа мгновенно обжигается и мертвѣетъ. Намъ разказывали что однажды подобная случайность имѣла слѣдствіемъ потерю члена, пораженного гангреной.

Соль Елтонскаго озера въ томъ видѣ какъ вынимается изъ озера неудобна въ пищу; ей необходимо полежать нѣсколько мѣсяцевъ на открытомъ воздухѣ чтобы вполне очиститься отъ постороннихъ примѣсей; обыкновенно вынутая соль лежитъ на берегу годъ и болѣе; никакихъ другихъ средствъ очистки употреблять не нужно. Послѣ годовой лежки, соль дѣлается изъ сине-грязной бѣлой и блестящей какъ свѣтъ, совершенно годною къ употребленію и приятною на вкусъ.

Откуда получаетъ озерная вода насыщающія ея частицы? Конечно, не намъ рѣшать этотъ вопросъ, требующій научныхъ изслѣдованій. Здѣшніе жители вообще держатся того мнѣнія что соляныя части извлекаются изъ окружающей мѣстности весенними водами, стекающими въ озеро. Дѣйствительно, земля кругомъ озера содержитъ много соли; но однако не думаемъ чтобъ она могла стекать въ такомъ огромномъ количествѣ какое нужно для насыщенія озера; къ тому же, по достовѣрнымъ наблюденіямъ, ни глубина рапы, ни уровень солянаго дна, въ теченіи многихъ лѣтъ, не потерпѣли замѣтныхъ измѣненій, тогда какъ при постоянномъ сильномъ притоцѣ соли извнѣ соляныя пласты должны бы нарастать и подниматься, особенно въ тѣхъ мѣстахъ озера на которыхъ никогда не производилась ломка соли,

то-есть на девяти десятыхъ поверхности озера. Другіе полагаютъ что солянымъ растворомъ питаютъ озеро глубокіе внутренніе источники его, о которыхъ мы упоминали выше, но самое существованіе этихъ источниковъ ничѣмъ еще не подтверждено. Среднее и, вѣроятно, наиболѣе близкое къ истинѣ мнѣніе заключается въ томъ что часть соли доставляется въ озеро береговыми весенними водами, а другая — раствореніемъ запасовъ соли лежащихъ въ самомъ озерѣ. Какъ бы то ни было, но ежегодное образованіе новой осадки не подлежитъ сомнѣнію. Преданіе, и то весьма сомнительной достовѣрности, говоритъ что на памяти людей былъ только одинъ годъ въ которой ни рапы, ни садки соли въ озерѣ не было.

Казна, въ отношеніи Елтонскаго озера, имѣетъ двойственный интересъ хозяина-собственника и сборщика солянаго акциза. Интересы эти прямо противоположны одинъ другому: интересъ хозяина подрывается интересомъ акцизнаго сбора, сокращающаго потребленіе соли и стѣсняющаго свободное добываніе и движеніе добытой соли. Противорѣчіе это, въ дѣйствительности, смягчается и почти уничтожается тѣмъ что интересъ хозяина-собственника совершенно подавляется интересомъ акцизнаго сбора: все устройство дѣла, всѣ правила соляной операціи, все управленіе его направлены къ извлеченію и обезпеченію акцизнаго сбора; этотъ характеръ дѣла достаточно опредѣляется уже однимъ тѣмъ что хозяйственный доходъ казны отъ продажи Елтонской соли (попудая плата) установленъ однообразно въ 1 коп. съ пуда, а акцизная пошлина въ 30 к. съ пуда; слѣдовательно, въ общей суммѣ годоваго дохода отъ елтонскаго промысла хозяйственный доходъ можетъ составлять только до 3¼%, менѣе тридцатой доли.

До 1863 года, какъ мы упомянули, промыселъ эксплуатировался самимъ казеннымъ управленіемъ. Цифры казенной добычи соли на Елтонѣ за послѣдніе годы казеннаго хозяйства были слѣдующія:

За 1858 годъ.....	500.000 пудовъ.
„ 1859 „	5.000.000 „
„ 1860 „	3.000.000 „
„ 1861 „	4.000.000 „
„ 1862 „	4.000.000 „

По прекращеніи казеннаго хозяйства, оставались на

мѣсть значительные запасы соли, и добываніе ея, предъ переходомъ въ частныя руки, остановилось до ликвидаціи казенныхъ запасовъ. Съ 1865 года началась добывка и развозка соли частными лицами, на основаніи особыхъ правилъ и условій съ казной.

Результаты частной добычи были слѣдующіе:

За 1865 годъ	1.770.000 пудовъ.
" 1866 "	5.850.000 "
" 1867 "	7.350.000 "

Въ 1868 году, по мнѣнію соледобывателей, добыча должна быть менше 1867 года, вслѣдствіе избытка въ предложеніи, зависящаго какъ отъ накопленія запасовъ въ предыдущіе года, такъ и отъ соперничества астраханскихъ промысловъ.*

По официальнымъ даннымъ, печатаемымъ въ приложеніяхъ къ государственной росписи, было оплачено акцизомъ и попудномъ платой въ 1866 году до 1.400.000 пудовъ и въ 1867 году до 2.360.000 пудовъ. Въ 1866 году еще, кажется, оставались для продажи запасы казенной соли. Дѣйствительный выпускъ соли въ 1867 году, вѣроятно, былъ болѣе показанной цифры, ибо значительная часть акциза отсрочивается за залога.

Существующее устройство промысла, правила и способы добычи соли и контроль операціи мы изложимъ въ общей связи.

На очень близкомъ разстояніи отъ береговъ соль добывать невыгодно, вслѣдствіе сильной примѣси ила, малой глубины рапы и невозможности проводить на столь малой глубинѣ дощаники къ мѣстамъ склада. Добываніе начинается въ полуверстѣ, верстѣ, даже въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ береговаго материка. Чтобы доставить выломанную соль на лодкѣ къ мѣстамъ складки, находящимся довольно далеко на береговомъ материкѣ, отъ этихъ мѣстъ устроены каналы, врѣзывающіяся въ озеро до того пункта гдѣ глубина воды уже достаточно значительна для подъема дощаника. Бока канавъ, вдающихся саженъ на 80 и болѣе въ берегъ, обдѣланы и укрѣплены; каналы идутъ параллельно одна другой и перпендикулярно къ береговой линіи озера;

* На дняхъ намъ случилось узнать что въ 1868 году выломано только до 3.500.000 пудовъ соли.

длинные полуостровки береговой земли, остающіеся между канавами, служатъ для склада добытой соли, и называются *точками*. Для удобства развозки соли, точки прорѣзаны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ боковыми канавами. Добыча соли дозволяется только на той части озера гдѣ устроены каналы и точки. Всѣхъ каналовъ и точекъ десять; каждая канава со своимъ точкомъ образуетъ особый участокъ (канавой точка считается находящаяся съ правой его стороны). Канавы и точки устроены только на одной части берега, юго-западной, прямо противъ пристани, и всѣ вмѣстѣ занимаютъ по прямой линіи берега 1.357 погонныхъ саженъ протяженія, то-есть не болѣе $\frac{1}{16}$ части всего протяженія береговой линіи озера (22.000 саж.). Ширина канавъ достаточна только для того чтобы разойтись двумя дощаникамъ, то-есть отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ саженъ, средняя глубина до 11 вершковъ. Ширина точекъ различна, измѣняясь отъ 70-ти до 180-ти саженъ. Каждому участку отводится на озерѣ площадь для ломки насупротивъ канавы участка или, по крайней мѣрѣ, по возможности ближе къ ней; ширина отводимой площади приблизительно соответствуетъ ширинѣ участковъ по береговой линіи, а углубленіе этой площади въ озеро номинально считается до середины его, на двѣ же едва ли когда доходить далѣе $3\frac{1}{2}$ верствъ отъ берега. Границы участковъ на озерѣ хотя и указываются управленіемъ, но на двѣ мало наблюдаются, ибо, вопервыхъ, при огромномъ, далеко превышающемъ потребность содержаніи соли въ участкахъ, въ строгомъ наблюденіи общей и частныхъ границъ нѣтъ никакой надобности; вовторыхъ, наибольшее удобство и выгода работы преимущественно зависятъ отъ направленія и силы вѣтра, а не отъ свойства дна, вездѣ одинаково изобильнаго солью. Мы уже замѣтили выше что вѣтеръ совершенно измѣняетъ глубину рапы; при очень низкой рапѣ, невозможно ни промывать выломанную соль, ни вести дощаники. При очень глубокой рапѣ, густота ея дѣлаетъ выломку и выемку соли очень тяжелою, а стояніе рабочихъ въ такомъ растворѣ выше пояса нестерпимо, и вредно вліяетъ на здоровье. Поэтому взаимное соглашеніе соледобывателей безпрепятственно дозволяетъ хозяевамъ одного участка работать въ извѣстныхъ случаяхъ на площади принадлежащей въ другомъ участкѣ, и наоборотъ. Въ тихую погоду всякому выгодно работать на своемъ участкѣ, но тихая

погода рѣдка въ плоской степи, гдѣ вѣтеръ ходитъ безпрестанно.

Устройство участка, то-есть вырытіе и укрѣпленіе канавы и обдѣлка точка могутъ обойтись приблизительно отъ 8-ми до 15-ти тысячъ рублей. Нынѣшніе участки устроены казною издавна и, правду сказать, кажутся уже въ довольно ветхомъ видѣ.

Казна дозволяетъ добытку соли въ означенныхъ десяти участкахъ тѣмъ лицамъ которые приняли ихъ въ содержаніе. Въ другихъ мѣстахъ озера и другимъ лицамъ не дозволено не только добывать соль, но даже и переходить за кордонную линію.

Участки отдаются въ содержаніе ежегодно, предъ началомъ весны, лицамъ изъявившимъ на то желаніе. Обязательныя условія, кромѣ соблюденія общихъ правилъ торговли и промысловъ, заключаются въ непремѣнной выломкѣ не менѣе 200.000 пудовъ на участокъ и въ платежѣ, при выпускѣ соли изъ пристани, 31 коп. съ каждаго пуда (30 коп. акциза и одна копейка попудной платы за соль). Разсрочки платежа допускаются на общихъ основаніяхъ платежа акцизовъ. Управление даетъ мѣсто для помѣщенія рабочихъ и для складки соли въ бугры, пользованіе подножнымъ кормомъ, колодцами и пріютъ для заболѣвшаго рабочаго скота въ умѣтахъ.

Подробныя правила отдачи участковъ публикуются ежегодно.

Въ 1868 году пять участковъ достались промышленникамъ-купцамъ и пять—крестьянскимъ артелямъ.

Добываніе соли обыкновенно начинается съ половины мая. Ломщики соли подражаются заблаговременно. Всѣ они исключительно изъ крестьянъ Пензенской губерніи, волостей Нижнеомовскаго, Наровчатскаго и Керенскаго уѣздовъ, издавна занимающихся этою работою. Въ разрѣшенный для начала работъ день, съ пяти часовъ утра поднимается флагъ на казенномъ дворѣ, и партіи рабочихъ отправляются на дощаникахъ на отведенныя для ломки мѣста. Каждая партія рабочихъ дѣлится на три части: ломщики, сойдя съ лодокъ въ воду, часто выше колѣна, ломаютъ соль желѣзными пешнями, и большіе куски, неудобные для подъема, раздробляютъ; другіе подхватываютъ разбитую соль на лопаты, перевертываютъ ее нѣсколько разъ въ водѣ, для отмычки грязи, и

сбрасываютъ на дощаникъ; по нагруженіи дощаника, третья часть рабочихъ отвозитъ соль къ точкѣ, и сбросивъ ее тамъ, возвращается за новымъ грузомъ. Партія въ десять рабочихъ, съ тремя дощаниками, при благоприятной глубинѣ рапы, доставляетъ въ обычный дневной срокъ работы до 10 грузовъ на точкѣ. Относительно вѣса соли погружаемой на одинъ дощаникъ мѣрныя различны: по отзыву рабочихъ артельщиковъ, на дощаникъ наваливается отъ 300 до 500 пудовъ, а по отзыву хозяевъ, купцовъ и чиновниковъ — отъ 100 до 250 пудовъ. Полагаемъ что цифра 250 пудовъ будетъ наиболее вѣроятною среднею.

Съ полудня до двухъ часовъ работа прекращается, и послѣ обѣда солеломка производится мало, а идутъ болѣе другія работы: перелопачиванье, перевозка въ бугры и кладка бугровъ.

По привозѣ на точкѣ, соль перебрасывается и переворачивается, чтобы лучше осушилась и очистилась (перелопачивается, по мѣстному выраженію), сваливается въ кучи и ожидаетъ перевозки на материкъ, къ мѣсту назначенному для складки бугровъ, вообще по возможности близкому къ точкамъ. Кладка бугровъ требуетъ особеннаго вниманія промышленниковъ, ибо бугры должны образовать правильную геометрическую фигуру, доступную для вычисленія объема и нормального вѣса солянаго бугра. Плотность и вѣрность кладки, и даже величина бугра, могутъ имѣть существенное вліяніе на исчисленіе акциза, какъ увидимъ ниже. Величина бугровъ различна: 50, 80, 100 т. и болѣе пудовъ, то-есть, по нормальному вѣсу 26 пудовъ въ кубическомъ аршинѣ, отъ 70 до 150 куб. сажень.

Кладкою соли въ бугры заканчивается первая часть соляной операціи: соль въ бугрѣ лежитъ нѣсколько мѣсяцевъ, болѣею частію не менѣе года, а нерѣдко и болѣе, провѣтривается, сохнетъ, постепенно очищается, и за тѣмъ уже обращается въ продажу. Въ буграхъ соль ничѣмъ не охранена отъ пыли и дождей и скоро покрывается толстою грязною корою, ни на что негодною; на квадратную сажень поверхности, потеря на корѣ можетъ составлять отъ 5 до 10 пудовъ, приблизительно отъ 2% до 5% всей соли лежащей въ бугрѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ о рабочихъ-солеломцахъ, которыхъ дѣло оканчивается сыпкой соли.

Работа ломщиковъ очень тяжела: она идетъ цѣлые часы на палачемъ солнцѣ, въ постоянно наклонномъ, согнутомъ положеніи тѣла, почти по поясъ въ ѣдкой рапѣ; если время благоприятно, то отдыха нѣтъ ни въ праздники, ни въ воскресенье. Несмотря на то что ноги защищены сапогами и смоленою дерюгою, поверхность даже здоровой кожи часто изъязвляется, открываются старыя раны и язвы, а тѣмъ болѣе не зажившія недавнія поврежденія кожи. Помѣщенія для рабочихъ суть не что иное какъ отвратительныя земляныя норы, душныя въ засуху, сырыя и смрадныя въ дождь, населенныя тарантулами и посвящаемыя ядовитыми фаланками; о другихъ насѣкомыхъ и говорить уже нечего. Пища дается, по видимому, довольно изобильная, но свѣжую провизію на Етону нѣ имѣть трудно, а въ посты и невозможно; вяленая, часто попортившаяся уже рыба и прошлогодній пророслый картофель составляютъ главное кушанье. Вода для питья солоноватая, изъ колодезѣ, едва ли здоровая; купаться нѣтъ ни малѣйшей возможности. Не мудрено что лихорадочныя и изнурительныя болѣзни не рѣдки. По крайней мѣрѣ, впрочемъ, для больныхъ есть помощь: съ 1868 года при госпиталѣ находится врачъ.

Работа, на которую не пойдетъ никто кромѣ свыкшихся съ ней отъ малыхъ лѣтъ, работа тяжелая и нездоровая, казалась бы, должна хорошо вознаграждаться; но, къ удивленію нашему, мы услышали что заработная плата почти та же какъ вообще для чернорабочаго средней и сѣверной полосы Россіи, то-есть отъ 40 до 60 р. за рабочій періодъ съ мая по октябрь. Крестьяне объясняютъ это тѣмъ что соляная работа, при недостаточности земель, есть единственный привычный имъ промыселъ для поддержанія семействъ и, главное, для платежа податей и сборовъ; что хозяева етонскихъ участковъ договариваются съ рабочими въ то время когда послѣдніе наиболѣе нуждаются въ деньгахъ, въ сроки требованія казенныхъ сборовъ, и даютъ тѣмъ болѣе задатку, чѣмъ менѣе назначается заработная плата; что самая потребность въ рабочихъ по годамъ крайне неравномѣрна, и многіе изъ крестьянъ боятся дорожиться, чтобъ не остаться безъ работы и, слѣдовательно, не лишиться единственнаго источника дохода. При вздорожаніи цѣны рабочаго, солепромышленникъ можетъ найти для себя выгоднымъ сократить добычу соли до обязательнаго минимума, то-есть до 200.000 пудовъ. Для

этого размѣра добычи достаточно 30—40 рабочихъ въ дѣло, а для 10 участковъ 300 — 400; остальные же 400 или 500 рабочихъ, занимающихся солеломкой, остались бы въ такомъ случаѣ безъ заработковъ. Возможно что на пониженіе цѣны имѣютъ вліяніе и не вездѣ еще исчезнувшіе обычаи волостныхъ старшинъ и писарей, такъ какъ всѣ рабочіе контракуются на мѣстѣ жительства, и изъ задатковъ, при самомъ заключеніи контрактовъ, уплачиваются сборы.

Мы упомянули выше что нѣкоторые соляные участки снимаются крестьянами. Эти сьемщики изъ тѣхъ же Пензенцевъ которые работаютъ на озерѣ. Обыкновенно участокъ снимается артелью, хотя бы номинально и считалось хозяиномъ одно лицо. Нѣтъ сомнѣнія что при сьемкѣ участка людьми, въ тонкости знающими дѣло и въ одно время хозяевами и рабочниками, добываніе соли можетъ идти успѣшнѣе, и издержки производства должны уменьшиться; казенное управленіе, съ своей стороны, не требуя никакихъ особыхъ обезпеченій при отдачѣ участка, дѣлаетъ пріобрѣтеніе ихъ доступнымъ всѣмъ безъ различія, и лучшее тому доказательство есть содержаніе половины промысла крестьянами. Тѣмъ не менѣ результаты нынѣшняго положенія дѣла во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительны. Совершенное отсутствіе оборотнаго капитала заставляеть сьемщика-крестьянина ограничивать до крайности число рабочихъ, которыхъ ему не на что содержать, и добывать деньги крайне невыгодно, иногда разорительною запродажей будущей соли. Работа на крестьянскихъ участкахъ, гдѣ въ ней неотлучно участвуютъ и хозяинъ, и его пайщики, гораздо тяжеле чѣмъ на купеческихъ участкахъ, а содержаніе рабочихъ хуже. Участокъ совершенно въ рукахъ торговцевъ кредитующихъ артель въ счетъ платы за соль; всѣ выгоды артельной работы идутъ не въ пользу хозяина участка, артельщиковъ или рабочихъ, а въ пользу оптоваго купца или кулака-коммиссіонера. Достаточно сказать что въ 1868 году одинъ изъ сьемщиковъ-крестьянъ запродавалъ свою соль за 0,8 к. съ пуда, не считая, конечно, акциза и попутныхъ, тогда какъ одинъ издержки добытки и свалки въ бугры составляютъ здѣсь отъ 0,6 до 1,5 к. съ пуда.

Можно думать что арендованіе участковъ крестьянскими артелями имѣетъ значительное вліяніе и на пониженіе заработной платы, и на ухудшеніе содержанія рабочихъ. Артельщики, сами и хозяева и рабочники, не жалуютъ себя ни въ

работѣ, ни въ пищу, ни въ помещеніи, лишь бы сберечь лишнюю копѣйку; никакія жалобы и протесты въ артельной работѣ невозможны, равно какъ и принудительныя мѣры. Примѣръ крестьянскихъ участковъ естественно имѣеть ваіаніе и на положеніе купеческихъ участковъ.

Переходимъ къ другой части соляной операціи. Соль лежитъ годъ-другой въ бугрѣ, просохла, очистилась, неприкосновенно сохранена двойнымъ надзоромъ акцизной стражи и участковаго хозяина; наступило время пускать ее въ продажу. Большую частію соледобыватели, не производя сами торговли солью, продаютъ ее купцамъ большими партіями, прямо изъ бугровъ, съ тѣмъ чтобы покупщикъ принялъ на себя какъ уплату акциза и попутныхъ казѣнъ, такъ и перевозку соли на Волгу и дальнѣйшую доставку соли куда пожелаетъ. Для отвоза соли изъ бугровъ предварительно нанимаются извозчики. Соль возится не иначе какъ на парныхъ воловыхъ подводахъ; пара воловъ запрагается въ большую, крѣпко устроенную фуру, имѣющую сходство съ домовыми дрогами употребляемыми въ городахъ, но гораздо шире дрогъ и выше. Фуры, волаы и погонщики нанимаются въ хуторахъ и селеніяхъ астраханской степи у поселившихся тамъ издавна хохловъ. Въ предложеніи подвода, повидимому, недостатка не бываетъ. Подвода поднимаетъ отъ 40 до 110 пудовъ соли, въ среднемъ же разчетѣ до 60 пудовъ, и совершаетъ, съ этимъ грузомъ, [перевѣздъ до Волги дней въ 6, 7 и даже боаѣе, смотря по состоянію дороги и кормовъ, такъ что одна подвода можетъ въ теченіи пяти лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ мая до октября, доставить къ Волгѣ до 10 грузовъ или, среднимъ числомъ, до 600 пудовъ соли. Плата за перевозку условливается по-пудно; весной, когда дорога не грязна и, главное, подножнаго корму вездѣ достаточно, съ пуда берется 5—7 копѣекъ. по мѣрѣ выгорания и выбиванія травы, цѣна провоза возрастаетъ до 10, 12 и иногда доходитъ до 18 к. съ пуда.

Какъ скоро условія между покупщикомъ и соледобывателемъ кончены, подводы наняты, покупщикъ или самъ соледобыватель предъавляетъ объ отпускѣ соли изъ назначеннаго бугра мѣстному акцизному начальству, съ представленіемъ квитанцій въ уплатѣ акциза или взносѣ узаконенныхъ залоговъ на требуемое количество соли, и приводитъ нанятыхъ имъ подводы для предварительной перевѣски пустыхъ фуръ. Перевѣска фуръ и, въ послѣдствіи, самой соли дѣлается

весьма быстро на такъ-называемыхъ кантарныхъ вѣсахъ. На Елтонской пристани имѣтъ шесть кантарей; каждый кантарный сарай имѣтъ двое вѣсовъ, съ двумя особыми воротами при каждомъ; на площадкѣ между вѣсами помѣщается чиновникъ, записывающій вѣсъ каждой фуры по показанію вѣсовыхъ стрѣлокъ. По взвѣсѣ и выпускѣ фуръ вождики отправляются къ буграмъ, предъявляютъ конгрмарку на число взвѣшенныхъ фуръ, ломаютъ и грузятъ соль и, по нагрузкѣ, возвращаются къ кантарямъ для перевѣски груза и выпуска изъ пристани. По взвѣшенію фуръ съ грузомъ исчисляется вѣсъ взятой изъ бугра соли, и исчисленіе это служитъ основаніемъ для расчета акциза. Затѣмъ транспортъ получаетъ накладную и выпускается изъ пристани, но непременно по направленію солевознаго тракта, на учрежденный въ началѣ тракта, верстахъ въ 3 отъ пристани, повѣрочный пунктъ. Число фуръ повѣряется въ этомъ пунктѣ съ накладными, и затѣмъ транспортъ выпускается на дальнѣйшее слѣдованіе, которое уже совершенно зависитъ отъ воли хозяевъ, а пропущенная соль становится предметомъ свободнаго развоза и торгова.

Такимъ образомъ, по прибытіи на Волжскую пристань, соль получаетъ слѣдующую стоимость, по издержкамъ производства: *наименьшая* стоимость: $\frac{1}{2}$ к. съ пуда за добычу и складку въ бугры; 5 коп. съ пуда за провозъ; $\frac{1}{2}$ коп. на разныя мелочныя издержки, на убыль въ буграхъ, на расструску въ пути и т. п., всего 6 коп. на пудъ; *наибольшая* стоимость: $1\frac{1}{2}$ к. съ пуда за добычу и складку, 17 к. за провозъ, $\frac{1}{2}$ к. на прочія издержки—всего 19 к. съ пуда; *среднею* можно считать 10—12 коп. на пудъ, а съ попудною платою 11—13 к. за пудъ. Далѣе надобно опредѣлить сумму акцизной пошлины; хотя она и положена въ 30 к. съ пуда соли, но способы исчисленія могутъ въ дѣйствительности нѣсколько измѣнить нормальную цифру. Не бесполезно подробнѣе изложить эти способы.

Акцизъ исчисляется, особо съ каждого бугра, на двоякомъ основаніи: по предполагаемому нормальному вѣсу соли въ бугрѣ и по дѣйствительному вѣсу соли опредѣленному на кантаряхъ.

Всякій бугоръ имѣтъ правильную геометрическую фигуру (обыкновенно крутобокая усѣченная пирамида, имѣющая основаніемъ четырехсторонній прямоугольникъ), и потому

объемъ его вычислить не трудно. Вѣсъ кубической единицы объема (сажени) опредѣляется пробой; высѣкаютъ изъ бугра правильный кубическій кусокъ и вѣсятъ его. На основаніи опытовъ, въ елатонскомъ промыслѣ считаютъ въ кубическомъ аршинѣ соли 26 пудовъ; умноженіе вѣса кубической единицы на число единицъ, въ бугрѣ изчисленное, дастъ нормальный вѣсъ бугра. Если при перевѣсѣ соли, сыпанной изъ бугра въ фуры, вѣсъ ея оказывается выше опредѣленнаго по геометрическому измѣренію, или и ниже, но не болѣе какъ на 7%, то акцизъ взыскивается съ дѣйствительно вывѣшеннаго числа пудъ. Но если дѣйствительный вѣсъ всей взятой въ бугрѣ соли ниже вѣса опредѣленнаго геометрическимъ способомъ болѣе чѣмъ на 7%, что весьма легко можетъ быть, вслѣдствіе невѣрности или небрежности въ укладкѣ бугра, вслѣдствіе потера соли, проникнувшей пылью и грязью на поверхности бугра, вслѣдствіе раструски при сынкѣ бугра на фуры, то акцизъ взыскивается по числу пудъ геометрически исчисленному, со скидкой лишь 7% этого числа. Такъ напримѣръ: если во всемъ бугрѣ, вѣсъ котораго геометрически изчисленъ во 100 т. пудовъ, оказалось 90 т. пудовъ, то акцизъ взыскивается за 93 т. пудовъ; если же дѣйствительнаго вѣса оказалось не менѣе 93 т. пудъ, то акцизъ взыскивается по дѣйствительному вѣсу. Изъ семипроцентной скидки, четыре съ половиной процента полагаются на убыль въ буграхъ, а 2½% на раструску въ пути до пристани. Такъ какъ солепромышленники и солеторговцы обыкновенно исключаютъ изъ платы вощикамъ провозную цѣну убывшей въ пути соли, то нѣкоторые полагаютъ что 2½% на раструску должны идти въ пользу вощиковъ. Не входя въ разсмотрѣніе того такъ ли слѣдуетъ понимать это правило, замѣтимъ только что это толкованіе, усложняя расчеты, въ существѣ не можетъ служить въ пользу вощиковъ, потому что условія ихъ съ хозяевами опредѣляются добровольнымъ соглашеніемъ; слѣдовательно всякая льгота, или наоборотъ всякое отягощеніе вощика непременно войдутъ въ расчетъ при условіяхъ соглашенія. Если вощикъ желаетъ получить начисто за одну повѣзку, напримѣръ, 6 р., то имѣя въ виду вычетъ на раструску, онъ будетъ просить 6 руб. 20 к., а если раструску въ размѣрѣ 2½% беретъ на себя казна, то вощикъ согласится взять фуру ровно за 6 р. Замѣтимъ что при отдѣленіи изъ 7% особой части

собственно на раструску въ пути, возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли сбавку $2\frac{1}{2}\%$ допускать и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительный вѣсъ бугра окажется выше нормальнаго. Если слѣдуетъ, то сбавка $2\frac{1}{2}\%$ становится уже самостоятельной и довольно важною льготой, * а не частію общей семи-процентной льготы, которая примѣняется только въ случаяхъ когда нормальный вѣсъ выше дѣйствительнаго; если не слѣдуетъ, то почему же путевая раструска, допускаемая при одномъ вѣсѣ бугра, не допускается при другомъ? Вѣдь и условія пути, и свойства и способы перевозки въ обоихъ случаяхъ одинаковы. Мы не хотѣли бы чтобы наше замѣчаніе было принято какъ враждебное объясненной льготѣ. Напротивъ, всякой льготѣ въ соляномъ акцизѣ мы въ высшей степени сочувствуемъ; но для настоящей пользы всякой льготы изъ нея должны быть устранены недоразумѣнія или односторонности.

Какъ бы то ни было, но въ общемъ расчетѣ цѣлаго бугра, акцизъ никогда не можетъ быть менѣе 30 к. съ пуда дѣйствительно пущенной въ торговый оборотъ соли, ибо взимается прежде всего съ дѣйствительнаго вѣса выпущенной соли, но можетъ быть и долженъ быть, въ общемъ расчетѣ, выше 30 к., ибо въ извѣстныхъ случаяхъ взимается съ нормальнаго количества вѣса, превышающаго дѣйствительный выпускъ. Это превышеніе можетъ быть тѣмъ значительнѣе что расчетъ акциза дѣлается не по цѣлому участку могущему заключать нѣсколько бугровъ, но по каждому бугру отдѣльно, и чѣмъ дробнѣе единицы расчета, тѣмъ чаще ошибки противъ исчисленій, вообще обращающіяся въ пользу акциза. Какъ велико дѣйствительное превышеніе акциза противъ арифметической таксы 30 коп. съ пуда, сказать трудно; тутъ вліяютъ тысячи второстепенныхъ и часто даже независящихъ отъ людей причинъ; составъ рапы, состояніе атмосферы и температуры и т. п. Вообще полагаютъ что въ общемъ расчетѣ превышеніе никогда не составитъ болѣе 5% акциза и никогда менѣе 2% , т.-е. отъ 0,6 до $1\frac{1}{2}$ к. на пудъ. Можетъ-быть, всего ближе было бы, для общихъ расчетовъ, принять 1 коп. на пудъ.

* $2\frac{1}{2}\%$ въ годовомъ выпускѣ соли, считая его въ $2\frac{1}{2}$ милл. пудовъ, составлять 87.500 пудъ: по 30 к. съ пуда, льгота будетъ составлять 20.250 рублей.

Мы должны при этомъ оговориться что превышеніе акциза будетъ почти ничтожно, если выше объясненную $2\frac{1}{2}\%$ льготу распространить и на тѣ бугры въ коихъ дѣйствительный вѣсъ оказался не ниже нормальнаго.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ что дѣйствительная цѣна соли въ моментъ окончательной доставки ея на Волгу составляетъ, съ акцизомъ и попутными, въ наибольшемъ разчетѣ до 51 коп., въ наименьшемъ до 38 коп. и въ среднемъ до 43 к. съ пуда. Набавляя на среднюю цѣну 1 коп. накладныхъ разнаго рода издержекъ и 10% коммерческаго барыша, выводятъ что средняя цѣна соли въ Николаевской или Гринкинѣ могла бы быть около 49 коп. за пудъ. Приблизительная вѣрность этого исчисления доказывается тѣмъ что въ Саратовѣ, издержки доставки въ который лишь на 2—3 коп. превышаютъ доставку къ Николаевской пристани, обыкновенная цѣна соли колеблется около 50 коп. за пудъ. Такимъ образомъ акцизная пошлина въ первоначальной торговой цѣнѣ соли составляетъ болѣе 60%, или около двухъ третей.

Едва ли необходимо упоминать что дѣйствительныя торговыя цѣны, въ данномъ случаѣ, могутъ зависеть не только отъ пропорціи предложенія и требованія, но и отъ постороннихъ обстоятельствъ, измѣняющихъ самыя условія реальной цѣны. Въ этомъ отношеніи на колебаніе цѣнъ можетъ между прочимъ имѣть вліяніе, какъ мы замѣтили выше, самый порядокъ содержанія участковъ. Артели крестьянъ-содержателей, не имѣя иногда никакихъ средствъ вести дѣло, даже кормиться, закупаютъ соль въ буграхъ спекуляторамъ-торговцамъ за пониженныя цѣны (0,8; 0,9 коп. за пудъ, само собою разумѣется, безъ доставки, акциза и попутныхъ), въ то время какъ состоятельные держатели держатся въ цѣнѣ 1—1,2 коп. за пудъ.

Мѣры принятыя противъ корчемства на Елатонѣ кажутся вполне достаточными, пожалуй, даже съ излишкомъ. Мѣстность въ высшей степени благоприятна для отвращенія корчемства. Озеро лежитъ въ открытой, голой, безлюдной степи, кругомъ вѣтъ ни одного селенія, постоянная стража вдоль всего берега озера имѣетъ обязанность самую простую, удобоисполнимую: не пропускать *никого* на берегъ озера; тутъ не можетъ быть ни ошибки, ни недоразумѣнія кого пропустить и кого не пропускать; ясныя слѣды на олонцоватомъ грунтѣ обличаютъ всякое вночное похождение, хотя

бы и скрывшееся отъ ночнаго дозора; да и что можно украсть ночью изъ озера, безъ пособія дощаниковъ, камавъ и цвструментовъ? пудъ, два грязной и на половину негодной къ употребленію соли, самое свойство которой послужитъ къ вѣрнѣйшему обличенію вора. Одинъ изъ смотрителей непрерывно объѣзжаетъ кордонную линію для повѣрки стражи. Единственный открытый путь къ Елтону по солевозному тракту обезпеченъ вполне сосредоточеніемъ на небольшомъ пространствѣ всей дѣятельности надзора. Ни одна фура, ни одна пара воловъ не можетъ оставаться въ предѣлахъ пристани по спущеніи вечерняго флага и до поднятія утренняго; бугры и точки охраняются караульными; ни одна фура не можетъ придти днемъ брать соль, не будучи предварительно взвѣшена и отвѣчена и не получа контрамарки отъ смотрителя завѣдующаго кантаремъ; ни одна нагрузившаяся фура не можетъ миновать кантаря и не можетъ пройти чрезъ повѣрочную заставу безъ записки въ накладную. Не говоря о томъ что личный составъ управленія, по общему единогласному отзыву, исключаетъ даже всякую мысль о послабленіи, злоупотребленіи, сколько-нибудь значительна, невозможны уже и потому что для нихъ необходимо было бы полное соглашеніе и всѣхъ лицъ составляющихъ акцизный надзоръ, отъ управляющаго до вахтера, и всѣхъ солепромышленниковъ, вощиковъ и торговцевъ, зорко слѣдящихъ другъ за другомъ. Замѣчательно, что въ ближайшихъ къ Елтону мѣстностяхъ мы почти не встрѣчали въ употребленіи елтонской соли, по крайней мѣрѣ въ небогатомъ классѣ, составляющемъ большинство населенія. Употребляется обыкновенно какая-то нечистая, грубая соль, Богъ вѣсть откуда и какъ попадающая въ торговлю и потребленіе, но конечно продающаяся гораздо дешевле елтонской.

Всѣ изложенныя выше наблюденія сводятся, въ главныхъ чертахъ, къ слѣдующему:

Вопервыхъ, огромный соляной бассейнъ, могущій, при ничтожныхъ издержкахъ добыванія ($\frac{1}{2}$ —1 коп. на пудъ), давать ежегодно десятки, а пожалуй и сотни милліоновъ пудовъ чистой, прекрасной соли, лежащій вблизи главнаго водянаго пути центральной и восточной полосы Имперіи, выпускаетъ въ торговый оборотъ и въ народное потребленіе два, много три милліона пудовъ. Между тѣмъ большинство населенія этой полосы принуждено ограничивать до крайняго предѣла

употребленіе соли въ пищу и лишено возможности пользоваться солью для потребностей сельскаго хозяйства.

Восторжизъ, мѣстные условія елтонскаго промысла, въ высшей степени благоприятныя для точнаго и правильнаго сбора акцизной пошлины, вполне обезпечиваютъ казну отъ соляной контрабанды, при самыхъ незначительныхъ издержкахъ на надзоръ. Всякій пудъ выпущенной съ Элтона соли непременно положить свою 31 коп. въ казну.

И благосостояніе населенія, и доходы государственной казны, при такихъ условіяхъ дѣла, настоятельно требуютъ развитія елтонскаго промысла, разумной и широкой разработки драгоцѣннаго источника, не даромъ названнаго Киргизами *золотою горой*. *

Что же препятствуетъ этому развитію и какъ отстранить препятствія?

Въ другой статьѣ мы постараемся представить посильный разборъ этого вопроса, не претендуя, конечно, на безошибочность нашихъ соображеній, но ручаясь за ихъ искренность и добросовѣтность.

Д. ГАВРИЛОВЪ.

---

* Такъ, какъ мы, смыслъ слова *Елтонъ*.

ПОЛЬСКІЕ АГЕНТЫ

ВЪ ЦАРЪГРАДѢ *

II.

Я уже сказалъ что познакомился съ Черкесами у полковника Иордана. Онъ давалъ имъ завтраки и рисовался связями *Hôtel Lambert* съ Кавказомъ. На завтракахъ этихъ бывали мелкіе чиновники французскаго посольства, редакторъ *Courrier d'Orient*, Корсиканецъ Петри, очень добрый, веселый малый, котораго судьба съ парижскихъ бульваровъ занесла въ грязный Царьградъ, и который издавалъ свою газету для просвѣщенія Турокъ и для проведенія либеральныхъ началъ на Востокъ. Фуадъ-паша и Аали-паша постоянно давали ему предостереженія, онъ постоянно ихъ облачалъ и отстаивалъ принципы 89-го года, что не мѣшало ему, подъ польскимъ руководствомъ, вопіять противъ каждаго греческаго или славянскаго движенія и вездѣ видѣть русскія интриги. Петри ревностно ратовалъ за Черкесовъ, которые какъ аристократической польской партіи, такъ и Туркамъ, и Французамъ казались народомъ рыцарскимъ, благороднымъ, свободолюбивымъ. Врагъ феодализма на Западѣ, Петри снисходительно отзывался о немъ на правомъ флангѣ Кавказа. Врагъ всякаго неравенства, человекъ который съ отвращеніемъ протягивалъ руку всякимъ маркизамъ, князьямъ и графамъ своей родины, скорбѣлъ душой о черкесскихъ *ниш*. Либераль и прогрессистъ,

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 6.

толковавшій объ эманципаціи женщинъ (разумѣется съ французской точки зрѣнія), онъ рѣшительно ничего не имѣлъ противъ черкесскаго торга собственными дочерьми и дочерьми своихъ вассаловъ, находя, опять-таки съ польскаго глоса, что эти черкесскія дѣвушки, продаваемые въ гаремы родителями и князьями, составляютъ этимъ себѣ карьеру, а что *croisement de race* дѣло въ сущности хорошее, доказывается-де и наукой. Вообще Петри былъ добрый малый и Французъ съ головы до пятокъ, которому на страшномъ судѣ едва ли что-нибудь вѣннется въ вину. Затѣмъ на завтракахъ присутствовали, тоже агенты польской аристократіи, воспитанники нашей Холмской униатской семинаріи, протоіерей Мальчинскій и діаконъ Лавросевичъ, пріѣхавшіе проповѣдовать Болгарамъ унию и яко бы западную цивилизацію со всеми ихъ послѣдствіями: съ любовью къ Турціи и къ Польшѣ, съ благоговѣніемъ къ Франціи, съ латинскою азбукой, съ несоблюденіемъ постовъ, съ ненавистью къ Россіи и съ перестройкой православнаго обряда на латинскій манеръ, потому что, какъ-де ужъ всеми великими мыслителями доказано, восточный обрядъ есть не что иное какъ отсталость, средневѣковое варварство, а латинскій обрядъ величайшій двигатель прогресса. Но о дѣятеляхъ унии и о ихъ похожденияхъ между Болгарами я разкажу отдѣльно. Кромѣ ихъ отъ времени до времени наѣзжали въ Царѣградъ отцы іезуиты. Отцовъ іезуитовъ въ Царѣградѣ тогда было много; это были большею частію Французы, Италіяны, Нѣмцы, которые въ сущности ничего не дѣлали, развѣ что въ годъ улавливали какихъ-нибудь двухъ Армянъ, полтора Болгарина, одного Грека. Вообще католическое духовенство въ Царѣградѣ немного полезнаго дѣлаетъ для Рима. Энергія ли у него ослабла, или выборъ мисіонеровъ неудаченъ, или, наконецъ, людямъ восточной Европы по самой природѣ ихъ противенъ католицизмъ, но обращеній вообще очень немного. Православные заѣсъ охотнѣе идутъ въ мусульманство чѣмъ въ католицизмъ, несмотря на то что мусульмане вообще не пропагандисты, а въ Европейской Турціи даже большіе индеференты. Іезуиты бывавшіе у Иордана были Поляки. Изъ нихъ особенно замѣтенъ былъ одинъ артиллерійскій полковникъ польскихъ войскъ 1832 года, раненый подъ Остроленкой, нѣсколько лѣтъ проросидѣвшій въ какихъ-то италіанскихъ

монастыряхъ, потомъ долгое время проживавшій въ Парижѣ, въ известной Rue de Poste, и тоже, разумѣется, ничего тамъ не дѣлавшій, „пока не требовалъ поста къ священной жертвѣ Аполлонъ“. Полковникъ, знавшій отчасти по-латыни, по-итальянски, по-французски, по-польски и, разумѣется, не имѣвшій даже понятія о славянскихъ нарѣчiachъ, вдругъ былъ, по распоряженію вышедшему изъ *Hôtel Lambert*, откомандированъ въ Царьградъ на службу римской церкви и „святому“ польскому дѣлу.

Вотъ въ этой-то компаніи сидѣли дикіе Черкесы въ своихъ чекменахъ съ позументами, толковали о „политыкъ“ и убѣждались часъ отъ часу что приходитъ время, когда самъ падишахъ рѣшается спасти правовѣрныхъ отъ гнета варваровъ *Moskovъ*, что самъ „френсисъ падишахъ Напливунъ“ только о нихъ и думаетъ, и что „ингулисъ кралица“ не сегодня, завтра велитъ всѣмъ своимъ войскамъ и самому великому визирю Пальмерстону освободить Кавказъ. Швейцарская конституція была переведена на турецкій языкъ для употребленія Черкесовъ.

Черкесское дѣло меня сильно заинтересовало. Хотя я и былъ рьяный революционеръ и готовъ былъ голову положить за такъ-называвшееся тогда освобожденіе Россіи и введеніе въ ней социалистскихъ и федеративныхъ порядковъ, но какъ Русскому, мнѣ польскія продѣлки крѣпко не нравились. Не знаю каковы теперь новые русскіе эмигранты, но до 1862 года наши эмигранты, что бы они ни писали противъ правительства, какъ бы они ни дѣйствовали, все-таки прежде всего были Русскими. Герцень не охотно, противъ своего желанія и даже противъ своего убѣжденія, протянулъ руку Полякамъ (единственно на томъ основаніи что у насъ съ Поляками одинъ-де общій врагъ — правительство); что онъ не вѣрилъ въ возможность отдѣльнаго существованія Польши, это доказывается между прочимъ цѣлымъ рядомъ его статей въ *Колоколъ*, писанныхъ до 1862 года, за которыя его такъ ругала польская эмиграционная печать, проповѣдовавшая даже будто онъ издаетъ *Колоколъ* на сумы III-го отдѣленія. Русскіе эмигранты никогда не могли сойтись съ польскими иезуитами. Мартыновъ, объѣзжавшій угорскую и галицкую Русь, съ цѣлью побудить базилианъ (уніатскихъ монаховъ) пропагандировать унію и возобновить уніатскій образъ дѣйствій, былъ заклятой врагъ Поляковъ. Это я знаю отъ тѣхъ базилианъ съ которыми онъ велъ

переговоры. Извѣстный іезуитъ Гагаринъ не только открыто заявлялъ и заявляетъ,—если онъ живъ,—нерасположеніе свое къ Полякамъ, не только не пошелъ въ агенты польской аристократической партіи, но даже не поселился и въ Царѣградѣ, а отправился въ Бейрутъ и тамъ завелъ униатскую семинарію для Болгаръ. Наконецъ, русскіе іезуиты отличаются отъ польскихъ тѣмъ что они всѣ ревностные поборники восточнаго обряда во всей его чистотѣ. Разница между ними и православными состоитъ въ признаніи главенства папы. Вообще говоря, Римъ очень мало выигрываетъ отъ перехода Русскихъ въ католицизмъ и положительно проигрываетъ отъ вступленія ихъ въ братство Іисусово.*

Черкесскій вопросъ меня заинтересовалъ, и я постарался сблизиться съ Черкесами чтобъ изучить ихъ. Прежде всего меня поразила неаѣдность зятви *Hôtel Lambert*. Была ли возможность предположить чтобъ Англія и Франція, не вступавшія фактически и за Польшу, вступились за какія-нибудь, положимъ и рыцарскія, но все-таки до невѣроятности дикія горныя племена праваго фланга. Польскіе магнаты, разумѣется, твердили всѣмъ власть имущимъ въ Парижѣ и Лондонѣ что Кавказъ естественная крѣпость Россіи на югѣ, что владѣя Кавказомъ, мы очень легко можемъ хозяйничать по нашему благоусмотрѣнію въ Азіатской Турціи и Персіи, но нельзя же было предположить чтобъ Англичане безкорыстно подали Черкесамъ помощь, ввели бы у нихъ швейцарскую конституцію и приложили ревностныя заботы о внесеніи къ нимъ цивилизаціи.

Иорданъ показывалъ Черкесовъ, рисовался ими, но очень ревниво наблюдалъ чтобъ они ни съ кѣмъ кромѣ его не сблизались. Очень важно и очень покровительственно толковалъ онъ имъ что для нихъ все будетъ сдѣлано, все будетъ устроено, что въ Лондонѣ уже завелся какой-то клубъ черкесофиловъ, гдѣ собираются капиталы на покупку ружей, что для нихъ уже заказаны пушки, и Черкесы, народъ въ сущности столько же наивный сколько и хитрый, какъ всѣ дикари, отдались безусловно его руководству. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ сблизиться съ ними, мнѣ наконецъ удалось заманить ихъ къ себѣ. Главный *миш*, проживавшій

* См. мою статью въ *Отеч. Записк.* 1866 г., *Униатскіе агитаторы.*

тогда въ Константинополь, молодой человекъ, Исмаиль-бей, сынъ Сефера-паши, бѣжавшій, какъ и отецъ его, изъ русской службы, явился ко мнѣ, разумеется, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ: Черкесъ никогда не придетъ въ гости одинъ, боясь засады. Съ нимъ пришелъ старикъ, одинъ изъ пословъ къ королеви Викторіи. Я сказалъ имъ прямо и откровенно что на помощь Англій разчитывать имъ трудно. Они подумали и согласились.

— Да мы, сказали они,—охотно помирились бы съ Русскими; только зачѣмъ Русскіе хотятъ переселить за Кубань казаковъ?

Тутъ израненный старикъ вытащилъ изъ-за пазухи письмо генерала Филиппона, смыслъ котораго состоялъ въ томъ что Русскіе не будутъ мѣшаться ни въ дѣла Черкесовъ, ни въ ихъ самоуправленіе, если только они передвинутъ свои границы до такихъ-то и такихъ-то мѣстностей. Очевидно было что вопросъ состоялъ въ томъ чтобъ отнять у Черкесовъ возможность разбойничать, и что русское правительство желало занять край, по мѣрѣ возможности, безъ пролитія лишней крови, внести миръ и хотя какой-нибудь надзоръ.

— Отчего же вы не соглашаетесь на это? спросилъ я.

Исмаиль-бей, малый очень тупой и ограниченный, не умѣлъ ничего отвѣтить. Старикъ засучилъ рукава, показал свои раны и сказалъ: „это за его отцовъ и дѣдовъ“. Онъ прибавилъ что и молодежь не согласится, такъ какъ молодежь у нихъ теперь вся перешла въ мусульманство, христіанство забыло и очень привержено къ вѣрѣ Магометовой, а потому не можетъ потерпѣть чтобы христіане властвовали надъ мусульманами, тогда какъ вотъ здѣсь, въ Турціи, они видятъ что падишахъ и мусульмане властвуютъ надъ райей.

— Да наконецъ, замѣтилъ онъ,—и сами казаки переселяться не хотятъ. Они прислали къ намъ стариковъ съ просьбой чтобы мы не уступали своихъ земель.

Блестящая мысль блеснула въ моей восторженной агитаторской головѣ. Это была мысль вполне эмигрантская, и я сообщая ее моимъ читателямъ какъ обращикъ проектовъ слагающихся въ умѣ людей оторванныхъ отъ всякой живой почвы.

— Такъ вы съ казаками, стало-быть, пріятели?

— Какъ же не пріятели! отвѣчали мнѣ:—казаки люди хорошіе, такіе же делибаші * какъ и мы.

* Дели по-турецки значитъ безумный, рыжий; башы, откуда рус-

— И вы съ ними мирно живете?

— Да; они хорошіе люди. Ну, разумеется, случается по сосѣдству, иногда они насъ, иногда мы ихъ. Они и сами бунтовали противъ Московъ.*

Я вспомнилъ что дѣйствительно даже и въ *Колоколъ* что-то писалось и печаталось о недовольствѣ Черноморцевъ на распоряженіе о переселеніи ихъ за Кубань.

— Такъ бунтовали? спросилъ я съ радостью.

— Бунтовали. Девять генераловъ (должно-быть атамановъ) сослано было въ Сибирь, а одинъ генералъ былъ разстрѣлянъ.

На сколько это было правда, я не знаю. Черкесы, какъ и всѣ дикари, вообще отащачаются умъемъ не понимать событій или преувеличивать ихъ.

— Ну, хорошо. Съ чѣмъ же они присылали къ вамъ пословъ?

— Да они предлагали вступить въ союзъ съ нами и общими силами вооружиться противъ Московъ. Они намъ говорили, „что если Черкесы встанутъ противъ Московъ, то и мы присоединимся къ вамъ“.

— Такъ послушайте, сказалъ я,—чего же вамъ лучшаго желать? Видь вы уже заводите у себя федерацію въ родѣ Швейцарской, примите въ нее и вашихъ сосѣдей Черноморцевъ; къ вашей федераціи приставутъ Волга, Донъ, Уралъ: на Волгѣ еще есть казацкій элементъ, можетъ-быть и Малороссія откликнется.

У меня въ головѣ колеса заходили. Начитавшись тогда разныхъ бредней о федеративномъ началѣ въ русскомъ народѣ, я сталъ мечтать о возможности начать такую федерацію съ Кавказа. Тогда много писалось о либеральномъ направленіи Стеньки Разина, Пугачева, о сочувствіи народа къ общинному началу, о прирожденномъ русскому народу стремленіи къ абсолютному равенству, о республиканскомъ духѣ славянскихъ народовъ. Планы и мечты разыгрались великолѣпно. Я ихъ тутъ же изложилъ Черкесамъ, въ это и послѣдующія свиданія.

ское *башка* и татарское *башлыкъ*—голова. *Делибашъ*—удалая голова, сорви-голова, смѣльчакъ.

* Черкесы насъ называютъ вообще Русъ или Урусъ; разговоръ происходилъ по-турецки, а Турки, въ память Московскаго государства, называютъ насъ Московами.

— Какъ бы было хорошо, говорилъ я,—укрыть у васъ въ горахъ самое популярное въ Россіи духовенство, духовенство независимое отъ свѣтской власти, старообрядское. Старообрядцы построили бы у васъ въ горахъ монастырь (я тогда былъ еще очень мало знакомъ со старообрядцами лично, и зналъ ихъ больше по книжкамъ; я былъ Русскимъ тогдашней моды; я судилъ о русскомъ народѣ изъ четырехъ стѣнъ кабинета, по журнальнымъ статьямъ и упражненіямъ стила тогдашнихъ юношей, отрицавшихъ все и вся). Затѣмъ, устроивъ такой центръ вліянія на народъ, можно бы было печатать тамъ прокламаціи, издавать журналъ, книги, устраивать склады оружія; туда можно будетъ собрать все недозвольное, то-есть талантливѣйшее въ Россіи....

Черкесамъ мысль моя начинала нравиться; они стали входить во вкусъ. Но чѣмъ больше я съ ними сближался, тѣмъ болѣе начиналъ разочаровываться въ своихъ пріятныхъ грезахъ. Особенно неприятно подѣйствовало на меня одно обстоятельство: Черкесы никакъ не могли мнѣ объяснить почему они не вошли до сихъ поръ въ союзъ съ Черноморскими казаками, которые, по ихъ же словамъ, хотѣли сблизиться съ ними. Наконецъ я добился. Оказалось, что всѣ эти семь племенъ праваго фланга, предполагаемый Кавказскій Союзъ, находятся между собою въ весьма непріязненныхъ отношеніяхъ; что въ то время когда явилась къ нимъ черноморская депутація, какой-то Убыхъ застрѣлилъ у какого-то Шансуга корову; Шансугъ пристрѣлилъ за это перваго попавшагося Убыха. За это человекъ десять Убыховъ забрались въ ближайшее село и перерѣзали тамъ все что можно перерѣзать, или увезти въ плѣвъ. Затѣмъ пошла потасовка, а когда она кончилась, время уже было пропущено. Потомъ рассказали они мнѣ и другое обстоятельство. При феодальномъ бытѣ этихъ племенъ, у нихъ существуетъ непримиримая вражда между *ними*, такая же вражда какую мы видимъ между польскими магнатами. Имъ не дѣло отечества дорога, а дороги фамилльные интересы. А эти интересы состоятъ въ томъ что во всякомъ національномъ дѣлѣ каждый *нимъ* хочетъ играть главную роль и хочетъ чтобъ инициатива была его. Стоить его сосѣду предложить что-нибудь, онъ становится въ оппозицію, не потому что предложеніе худо, а потому что оно не имъ сдѣлано. У Черкесовъ, какъ и у Поляковъ, не было партій во имя принциповъ, а только личныя партіи.

У Поляковъ, напримѣръ, есть партія Чарторыйскаго, которая въ принципахъ ничѣмъ не различается отъ партіи Замойскаго, тѣмъ не менѣе есть Поляки которые вѣруютъ въ Замойскаго и отрицаютъ Чарторыйскаго. Демократической партіи у Поляковъ нѣтъ, но есть партіи: Мѣрославскаго въ Парижѣ, Жабицкаго въ Лондонѣ, и затѣмъ у каждаго польскаго генерала есть своя партія, а тѣмъ болѣе если этотъ генералъ имѣетъ состояніе и связи, то-есть можетъ протектировать. Я часто съ удивленіемъ наблюдаю какъ легко у Поляковъ совершаются переходы изъ партіи въ партію. Положимъ, напримѣръ, что Чарторыйскій пристроилъ какого-нибудь эмигранта къ мѣстечку при желѣзныхъ дорогахъ и на обзаведеніе далъ ему франковъ пятьдесятъ, и эмигрантъ дѣлается величайшимъ приверженцемъ Чарторыйскихъ. Но на желѣзной дорогѣ онъ не ужился, какъ вообще эмигранты не уживаются нигдѣ, и опять является къ Чарторыйскому съ просьбой пристроить его при телеграфѣ. Чарторыйскій даетъ ему рекомендательное письмо, и эмигрантъ пристраивается, но при телеграфѣ не уживается, а заявляетъ свое желаніе сдѣлаться наборщикомъ или учителемъ математики. Чарторыйскій и тутъ ему помогаетъ, и помогаетъ вовсе не изъ какихъ-либо политическихъ расчетовъ, а просто такъ какъ помогаетъ большая часть вліятельныхъ эмигрантовъ своимъ землякамъ, по землячеству и изъ состраданія, въ глубинѣ души презирая ихъ. Видя что такого молодца тащутъ, не вытаскишь, Чарторыйскій, наконецъ, отказывается отъ него. Тотъ начинаетъ огорчаться, ворчать и додумывается до того что Чарторыйскіе въ сущности аристократы,—а аристократія, какъ извѣстно, загубила Польшу. И вотъ, недовольный переходитъ въ лагерь Браницкаго, или Мѣрославскаго, или Босака, или кого-нибудь другаго. Въ Галацѣ долгое время былъ я знакомъ съ атаманомъ украинскихъ казаковъ, папомъ Адамомъ Вележинскимъ, Полякомъ и католикомъ, какъ и все его почтенное воинство. Вележинскій былъ *bon vivant*, богатый помѣщикъ, охотникъ, поэтъ, котораго украинофильское настроеніе, такъ называвшаяся тогда хлопоманія, подбило завести казакскій таборъ и, во имя братства, равенства и свободы, то-есть во имя чистыхъ революціонныхъ началъ, воевать противъ Москалей и провозгласить самостоятельность и

независимость Южно-Руссовъ даже отъ самой Польши, за что панъ Адамъ или батька-атаманъ, какъ звали его кievскіе студенты и житомирскіе гимназисты, чуть-чуть не былъ повѣшенъ кievскими жандармами жонда. Пріѣхалъ онъ въ Галацъ кое-съ-какими деньгами, купилъ домикъ, завелъ псарню, завелъ экипажи, и чтобы прокормить кое-какъ своихъ воиновъ, предложилъ имъ ѣздить извозчиками. Это было бы выгодно и для него лично, и для нихъ тоже, потому что всѣ сидѣли безъ дѣла. Вележинскій былъ человекъ который прежде всего готовъ былъ подѣлиться послѣднею рубашкой съ земляками и который менѣе чѣмъ кто-либо способенъ былъ эксплуатировать ихъ. Но, къ несчастью, онъ былъ совершенно не хозяинъ; экипажи не приносили ему дохода, собаки его разоряли, эмигранты высасывали изъ него послѣднюю копѣйку. Кончилось все тѣмъ что онъ сталъ распродавать экипажи и наконецъ долженъ былъ пойти въ лѣсничіе къ какому-то помѣщику. Въ теченіе нашего полутора-годоваго знакомства я имѣлъ случай наблюдать процессъ охлажденія казаковъ къ ихъ батькѣ и атаману. По мѣрѣ того какъ онъ переставалъ помогать имъ, все отъ него отшатывалось и отшатывалось. Партія Вележинскаго распадалась, потому что Вележинскій разорялся, и потому что вслѣдствіе этого разоренія одна за другой прерывались его связи съ вліятельными галацкими личностями.

Между тѣмъ Черкесы все похаживали да похаживали ко мнѣ слушать мои проповѣди о томъ что, если они хотятъ устроиться по тому плану который я имъ изложилъ, то имъ необходимо принять какія-нибудь мѣры чтобы *они* между собой не ссорились. Черкесы, особенно старикъ, сильно задумались, и наконецъ заявили мнѣ что едва ли они справятся съ республиканскимъ устройствомъ, что единственный способъ, единственное средство соединить племена есть учрежденіе монархіи съ аристократическою конституціей, такъ какъ никакой *они* не согласится дать серьезное право голоса своимъ вассаламъ. Монархъ этотъ или султанъ, какъ они говорили, долженъ быть во всякомъ случаѣ не изъ Черкесовъ, потому что если выбрать одного *они* въ султаны, то всѣ другіе обидятся. Поэтому нужно чтобы султаномъ былъ иностранецъ, и такой иностранецъ, говорили они, который зналъ бы по-французски, по-англійски и всякіе другіе языки, и который бы зналъ всякую цивилизацію, „циви-

лизатсіонъ“ (какъ говорится по-турецки), и затѣмъ тонкими намеками, искоса поглядывая на меня, сказали, что самое важное условіе султанства, — это то что султанъ долженъ сдѣлаться мусульманиномъ. Намеки эти повторялись не разъ, и все яснѣе и яснѣе.... Вдругъ узналъ про это Іорданъ; гвалтъ и ужасъ поднялся въ аристократической партіи, Черкесовъ запугали; Черкесамъ сказали что если они „Москова“ выберутъ въ султаны, то Московъ навѣрно предастъ ихъ русскому правительству. Черкесы между собой перессорились. Большинство осталось по-прежнему на польской сторонѣ, а меньшинство не смѣло ходить ко мнѣ.

Между тѣмъ моя кандидатура на кавказскій престолъ произвела дѣйствіе совершенно неожиданное. Между польскимъ агентствомъ и Hôtel Lambert пошла дѣятельная переписка. Пушки стали отливаться проворнѣе; сборомъ денегъ въ Лондонѣ стали спѣшить, и Поляки провозгласили что Кавказъ состоитъ, въ федеративномъ отношеніи къ Польшѣ. По этому случаю даже былъ вырѣзанъ гербъ Кавказа рядомъ съ гербомъ Польши. Гербъ Польши, какъ извѣстно, бѣлый орелъ на красномъ полѣ. Къ нему присоединилася гербъ Литвы, такъ-называемый *погонъ* (всадникъ на бѣломъ конѣ). Послѣ повстанья приклеили къ этому гербу изъ политическаго разчета гербъ южной Руси—Михаила Архангела. Кавказскій гербъ, который ужъ я не знаю откуда взялся, прикинулъ на особомъ щитѣ къ остальнымъ тремъ, помѣщающимся на одномъ. Этотъ гербъ былъ очень красивъ: на зеленомъ полѣ три бѣлыя стрѣлы, перекрещивающіяся посрединѣ; одна идетъ вертикально, а двѣ другія наискось, въ родѣ буквы *ж*; острія стрѣлъ вверхъ. Надъ ними семь бѣлыхъ звѣздъ должны были означать семь племенъ праваго фланга.

Наконецъ давно ожидаемыя ружья и пушки благополучно прибыли въ Константинополь. Пушки отправлены были на Кавказъ съ польско-французскою экспедиціей, а ружья, купленныя на англійскія деньги, Черкесамъ не достались: не предупредивъ своихъ союзниковъ и не спросивъ ихъ разрѣшенія, Поляки присвоили ихъ себѣ и отправили въ Польшу. Добрались ли эти ружья до Польши или пропали при экспедиціи Милковскаго, я не знаю, но что Черкесамъ они не достались, это положительно вѣрно.

Между тѣмъ русское правительство, раздраженное попыткой

Черкесовъ вмѣшать въ кавказское дѣло западную Европу, или просто рѣшившись кончить эту безконечную войну, стало дѣйствовать на правомъ флангѣ энергически. Иордану были присланы съ Кавказа два лоскута бумаги, которые послѣ лежали напоказъ всей цареградской публикѣ въ редакціи *Courier d'Orient*. Черкесы разказывали что эти два лоскута бумаги были сняты съ труповъ двухъ стариковъ, будто бы повѣшенныхъ Русскими при взятіи какого-то аула, и будто они были прибиты къ груди повѣшенныхъ гвоздями; кровавыя пятна были ясны на нихъ и по угламъ были видны слѣды гвоздей. Надписи на этихъ бумажкахъ были сдѣланы по-татарски: „Ступайте жаловаться англійской кралицѣ“. Лица хорошо знающія кавказское дѣло говорили мнѣ что это фактъ невозможный, что подобныя выходки вовсе не въ духѣ русскаго солдата, и что у насъ никогда не прибѣгали къ подобнымъ мѣрамъ. Если въ самомъ дѣлѣ эти лоскуты были поддѣлкой, pour étonner l'opinion publique, какъ выражался Петри, то они не достигли дѣла, ибо не произвели въ Царѣградѣ никакого впечатлѣнія. Французы говорили что въ Алжирѣ выдѣлывались и не такія штуки. Поляки, служившіе въ Алжирѣ, тоже не приходили въ содраганіе, припоминая какъ маршалъ Пелисье выкуривалъ Арабовъ изъ пещеръ, вырубалъ цѣлыя роши масличъ и финиковъ, и какъ Французы вообще поступали съ Арабами и съ Кабилами. Австрійцы тоже не особенно возмущались: память Ганау, свѣтлаго публично венгерскихъ дамъ и перевѣшавшаго въ нѣсколько мѣсяцевъ столько людей, сколько въ два года польскаго возстанія во всѣхъ земляхъ бывшей Рѣчи Посполитой не было ни перевѣшано, ни разстрѣляно, была слишкомъ свѣжа. Англичане, только что усмирившіе Индійцевъ, смотрѣли на ярлычки какъ на нѣчто знакомое. Они поглаживали бакенбарды и бороды, ничего не говоря, но соображая что въ Индіи прибѣгалось далеко не къ такимъ мѣрамъ. Турки тоже не особенно изумлялись московскому варварству.

Русскіе войска подвигались; испуганные *пши* бросились за совѣтомъ къ Полякамъ.

— Мы хотимъ покориться, сказали они,—иначе ничего не подѣлаешь. Московъ силенъ, падишахъ нейдетъ; ни „Напаивуль“, ни „красица“ не помогаютъ намъ; мы хотимъ покориться.

Поляки убѣждали Черкесовъ, говоря что для народа рыцарскаго было бы стыдно и позорно покориться варварамъ, которые внесутъ къ нимъ грабежъ, разбой, кнуты, плети, Сибирь; которые нагоняютъ къ нимъ грабителей-становыхъ (извѣстно что Поляки помѣшаны на томъ что русская администрація упражняется исключительно въ грабежъ, и что если есть русскіе богачи, то ихъ капиталы состоятъ изъ денегъ награбленныхъ въ Польшѣ или на Кавказѣ), что Черкесы утратятъ всѣ свои воинственныя и благородныя наклонности; что ихъ семейный бытъ не будетъ ничѣмъ обезпеченъ; что на Кавказѣ все вздорожаетъ; что, наконецъ, самъ падишахъ стамбульскій отъ нихъ отступится.

— Но мы не можемъ не покориться, говорили Черкесы.

— Такъ выселяйтесь съ Кавказа, убѣждали Поляки, переходите въ Турцію; предъ лицомъ цивилизованнаго міра заявите протестъ противъ русскаго варварства. Цѣлый міръ видитъ московскую неправду, какъ Москва въ своей ненасытимой жадности къ завоеваніямъ подавляетъ гордые и независимыя племена. Не можетъ быть чтобы при первой вѣсти о вашемъ выселеніи Франція и Англія, которая уже и теперь грозитъ Московамъ войною за насъ, не приняла энергическихъ мѣръ для вашего спасенія. А еслибъ и не такъ, то, повѣрьте, султанъ васъ не оставитъ: ему нужны такіе храбрые воины какъ вы. Вамъ дадутъ землю, вамъ построятъ дворы: живите себѣ. А если васъ расселятъ между этими измѣнниками, Болгарами да Сербами, которые одной вѣры съ Московомъ и которые къ ней тянутъ, то вотъ вамъ и вашимъ дѣтямъ прекрасный случай отомстить вашимъ дикимъ гонителямъ.

Я много толковалъ съ Поляками во время ихъ переговоровъ съ Черкесами. Я говорилъ имъ что они дѣлаютъ не только глупость, но преступленіе, подбивая несчастныхъ переселяться въ Турцію. Я имъ указывалъ на участь крымскихъ Татаръ. Я имъ указывалъ на ободранныхъ Ногайцевъ, которымъ турецкое правительство дало кое-какія избы на счетъ райи и руками райи, но не дало ни земледѣльческихъ орудій, ни скота (если и давало, то въ ничтожномъ количествѣ), и которые мерли съ голоду и отъ тифа. Доводы мои, разумѣется, ни къ чему не повели, и Черкесы двинулись.

Голодъ, тифъ, разбой по южному и по западному берегу

Чернаго моря; голодъ, тифъ и разбой по всему Дунаю. Сегодня у Черкесовъ оружіе отбирають, завтра раздають имъ оружіе.

Черкесъ, какъ и польскій шляхтичъ, работы не любитъ. Голодная толпа идетъ по улицѣ, входитъ въ лавку; одинъ торгуетъ кусокъ мыла, другіе набиваютъ себѣ карманы всѣмъ чѣмъ попало, несмотря на крики испуганнаго купца. Толпы сидятъ на улицахъ, толпы сидятъ на пристави.

Въ лѣсу, подлѣ Славскаго скита, около Тульчи, засѣла толпа съ кинжалами. Провѣдали про это наши мужички старообрядцы, помолились Богу, взяли дручки (дубины), исколотили Черкеса.

У Черкесовъ отняли оружіе. Болгаре зашевелились. Черкесамъ опять отдали оружіе.

А голодъ, да тифъ, да разбой идутъ своимъ чередомъ....

В. КЕЛЬСЕВЪ.

(До слѣд. №)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

I.

Въ ту минуту когда социализмъ, прерывая вынужденное двадцатилѣтнее молчаніе, захватываетъ трибуны публичныхъ собраній чтобы снова подвергнуть вопросу собственность и всю организацію общества и доказать еще разъ что наложить молчаніе на какую-либо секту не значитъ еще упразднить ее, не безынтересно будетъ прослѣдить въ какомъ положеніи находятся во Франціи теоріи и преподаваніе политической экономіи. Хотя политическая экономія во Франціи и не обладаетъ такою выдающеюся личностью какъ г. Стюартъ Милль въ Англіи, тѣмъ не менѣе служенію ея посвящаетъ себя весьма почтенный личный составъ, засѣдающій въ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ и образующій Политико-Экономическое Общество. Гг. Мишель Шевалье, Ипполитъ Пасси и его племянникъ Фредерикъ Пасси, Луи Ребо, Ренуаръ, Жозефъ Гарнье, Курсель-Сенель, Бодрильяръ и нѣкоторые другіе составляютъ, конечно, главный штабъ науки, имѣющій серіозныя достоинства и дающій возможность Франціи выдерживать съ успѣхомъ соперничество съ Англіей и Германіей на почвѣ политической экономіи. Надо замѣтить, однако, что французскимъ экономистамъ не достаетъ оригинальности, и мнѣ кажется что причиною тому, по крайней мѣрѣ отчасти, вліяніе Академіи. Всѣ они добиваются, — и это желаніе весьма понятное, — чести

поставить на своихъ визитныхъ карточкахъ почетный титулъ: „членъ Института“, а вслѣдствіе этого боятъ себя скомпрометтировать развивая новыя теоріи, которыя могутъ не понравиться знаменитому, но нѣсколько отсталому ареопагу, въ члены коего они такъ пламенно желаютъ попасть. Безъ сомнѣнія, чтенія, которыя производятся въ академическихъ засѣданіяхъ по субботамъ академиками или кандидатами на академическое кресло, бываютъ весьма интересны: для примѣра укажу на монографію г. Луи Ребо о мануфактурной промышленности и на историческій взглядъ г. Бодрильяра на роскошь между Римлянами и въ средніе вѣка, но все это вылито въ условную и нѣсколько пошлую форму. Мнѣ кажется что оригинальность англійскихъ писателей и ученыхъ много зависитъ отъ того что въ Англии нѣтъ официальныхъ академій, и что ученныя корпораціи ея ограничиваются свободными обществами.

Къ счастью, политическая экономія имѣетъ другое, болѣе жизненное средоточіе чѣмъ Институтъ; средоточіе это—Политико-Экономическое Общество, которое существуетъ уже около четверти столѣтія, и число членовъ котораго постоянно увеличивается. Въ настоящую минуту оно имѣетъ около двухъ сотъ членовъ и между всѣми политико-экономическими обществами, конечно, самое значительное. Оно не имѣетъ иныхъ собраній кромѣ своихъ ежемѣсячныхъ обѣдовъ, но пренія слѣдующія за этими обѣдами, отчеты коихъ печатаются въ *Journal des Economistes*, нерѣдко представляютъ высокій интересъ. Сверхъ того, многіе ученые и любознательные иностранцы, между которыми вы очень часто встрѣтите Русскихъ, бываютъ на этихъ собраніяхъ и дѣлаютъ полезныя сообщенія. Пренія происходятъ за десертомъ, безъ всякой торжественной обстановки. Даже предметъ преній не назначается заранее: его выбираютъ тутъ же въ засѣданіи изъ списка предложенныхъ вопросовъ. Въ нынѣшнемъ году Общество обсудило такимъ образомъ вопросы о монетной единицѣ, о сбереженіяхъ, о патентахъ на изобрѣтенія, объ эмиграціи и колонизаціи, объ устройствѣ акціонерныхъ обществъ. Какъ видите, все это вопросы скорѣе практическіе чѣмъ принадлежащіе къ области чистой теоріи. Но надо сознаться, чисто-теоретическіе вопросы интересуютъ весьма немногихъ, и обсуждать ихъ серьезно и съ нѣкоторою пользою можно только съ перомъ въ рукѣ. Напротивъ того, практическіе вопросы доступны

всякому, особенно когда люди спеціальные, инженеры, negociанты, финансисты и другіе приносят имъ дань своей опытности и познаній. Не принимая на себя полного анализа этихъ преній, я представляю тѣ пункты ихъ которые, по моему мнѣнію, могутъ особенно заинтересовать вашихъ читателей.

Вопросы относящіеся къ монетѣ принадлежать къ числу тѣхъ которые чаще всего занимаютъ Политико-Экономическое Общество. Докладъ составленный въ минувшемъ мартѣ г. де-Паріе, отъ имени комиссіи коей поручено было изслѣдованіе вопроса о монетной единицѣ, естественно оживилъ пренія по этому предмету. Комиссія высказалась въ пользу *одной* золотой единицы, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ что одна золотая единица гораздо благопріятнѣе двойкой (то-есть золотой и серебряной) для монетнаго объединенія, что она была бы гораздо выгоднѣе для нашей внѣшней торговли, и наконецъ, что съ нею гораздо скорѣе можно было бы установить внутреннее обращеніе прочное и удобное. Что же касается до средствъ которыми слѣдуетъ руководствоваться при замѣнѣ единицы двойкой одною золотою (извѣстно что теперь можно безъ различія расплачиваться золотою или серебряною монетою), то комиссія предлагаетъ запретить или ограничить выдачу серебряныхъ пяти-франковыхъ монетъ, опредѣливъ во 100 фр. наибольшую сумму принатіе которой серебряною монетою было бы обязательно для заимодавца при полученіи имъ уплаты съ должника. Наконецъ комиссія предлагаетъ, какъ средство къ объединенію, установленіе золотой 25-ти-франковой монеты. Монета эта была единодушно принята международною монетною конвенціей 1867 года. И дѣйствительно, она могла бы согласовать между собою монетныя системы нѣкоторыхъ великихъ державъ. Англійскій соверень стѣитъ 25 фр. 20 сент.; волу-иглъ (*half-eagle*) Соединенныхъ Штатовъ стѣитъ пять долларовъ или 25 фр. 85 сент.; десять австрійскихъ гульденовъ стѣитъ 24 фр. 70 сент. Впрочемъ, надо замѣтить, что Англія до сихъ поръ отказывалась содѣйствовать объединенію уменьшеніемъ цѣнности соверена до 25 фр. Сомнительно также чтобъ эта монета была столь же удобна для нашей публики какъ 20-ти-франковая. Въ Бельгіи попыткамъ было ввести ее, но потомъ оставили. За то и двойкая единица все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія. Англія отказалась отъ нея въ 1816 году, Голландія

въ 1847, Португалія въ 1855 и нѣкоторыя германскія государства въ 1857. Общее стремленіе въ настоящее время, въ пользу котораго высказалось и большинство комиссія, есть принятіе золота за монетную единицу и обращеніе серебра въ разнѣнную монету, или посредствомъ уменьшенія достоинства серебряной монеты, какъ сдѣлано съ разнѣнными монетами въ два франка, въ одинъ франкъ и въ 50 сантимовъ, или посредствомъ установленія *maximum*, выше котораго можно отказываться отъ принятія въ уплату серебряной монеты, какъ предлагаетъ поступить комиссія, предполагая *maximum* во 100 фр. Но очевидно что эта мѣра была бы недостаточна, еслибы серебро стало появляться снова въ такомъ изобиліи что уплата серебромъ сдѣлалась бы выгоднѣе чѣмъ уплата золотомъ. Вотъ почему комиссія предлагаетъ ограничить и даже вовсе отбѣнуть выдѣлку серебряныхъ пяти-франковыхъ монетъ, хотя и признаетъ что золотыя пяти-франковыя монеты представляютъ много неудобствъ, и въ особенности то что онѣ очень скоро стираются. По словамъ одного изъ членовъ комиссіи, для поддержанія въ исправномъ видѣ въ продолженіе ста лѣтъ одного килограмма золота въ пяти-франковыхъ монетахъ нужно было бы издержать отъ 180 до 200 франковъ, между тѣмъ какъ поддержаніе одного килограмма въ 20-ти-франковыхъ монетахъ требуетъ не болѣе 12 или 15 фр. Очевидно, было бы предпочтительнѣе чеканить серебряную пяти-франковую монету, повишая ея достоинство, какъ сдѣлано съ монетами низшей цѣнности. Хотя дѣло дволкой единицы имѣетъ еще на своей сторонѣ довольно много защитниковъ, между которыми самый настойчивый г. Боловскій, одна золотая единица имѣетъ на своей сторонѣ значительный перевѣсъ, и въ пользу ея оказывается въ Политико-Экономическомъ Обществѣ несомнѣнное большинство. Вопросъ объ образованіи капитала послужилъ также поводомъ къ интереснымъ преніямъ. Вамъ извѣстно что во мнѣніи социалистовъ капиталъ все еще остается тираномъ. Въ публичныхъ собраніяхъ 1869 года, какъ нѣкогда въ клубахъ 1848 года, въ этомъ отношеніи господствовало полнѣйшее единодушіе. Разница только въ томъ что самое понятіе о капиталѣ нѣсколько уяснилось. Въ 1848 году серьезно изыскивались средства обойтись безъ капитала. Нынѣ социаллисты понимаютъ что, такъ какъ капиталъ состоитъ изъ

совокупности матеріаловъ производства, строеній, машинъ, орудій, суровья и пр., то нечего и думать о средствахъ обойтись безъ него, и что невозможно было бы, напримеръ, выдѣлывать нитками безъ машинъ и въ особенности безъ хлопка. Итакъ объ оправданіи капитала уже нѣтъ болѣе рѣчи, но высказывается желаніе подчинить капиталъ труду. Одни выражаютъ мнѣніе что нужно устроить рабочія ассоціаціи, которыя получали бы необходимый капиталъ посредствомъ соціальной ликвидаціи или инымъ какимъ путемъ, и члены которыхъ раздѣляли бы между собою результаты производства, исключительно въ качествѣ рабочихъ, въ соразмѣрности съ трудомъ, причемъ сумма необходимая для поддержанія капитала взималась бы просто съ продукта предпріятія. Другіе, болѣе умѣренные, держатся того мнѣнія что рабочіе, хозяева предпріятія, могли бы занимать капиталъ который имъ понадобится, причемъ усилія должны быть направлены къ тому чтобъ изыскать средства для постепеннаго уменьшенія таксы процентовъ, такъ чтобы наконецъ, при содѣйствіи усовершенствованнаго банка, принудить капиталъ къ безпроцентной ссудѣ. Очевидно что эти теоретики-соціалисты имѣютъ весьма смутное понятіе о законахъ дѣйствующихъ при устройствѣ предпріятій, и что они, сами того не замѣчая, своимъ стараніемъ подчинить въ предпріятіяхъ капиталъ труду, подражаютъ Станарелю, который перемѣщалъ сердце изъ лѣваго бока въ правый. И дѣйствительно, если желаютъ чтобы трудъ управлялъ производствомъ, то необходимо также чтобы трудъ подлежалъ ответственности и, если предпріятіе потерпитъ убытки, что, къ несчастію, случается иногда, то необходимо чтобы эти убытки пали на трудъ. Но возможно ли это? Теперь, когда предприниматель промышленности или акціонерное общество ведетъ дурно свои дѣла, то заимодавцы его раздѣляютъ между собою его капиталъ или то что остается отъ этого капитала. Если ответственности будетъ подлежать трудъ, то въ состояніи ли будутъ заимодавцы раздѣлить между собою рабочихъ? Разсуждая логически, не слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ предоставить имъ право продавать съ аукціона ответственныхъ членовъ рабочей ассоціаціи, если таковой доведется обанкротиться? Если имъ не предоставятъ этого права, кто же захочетъ давать кредитъ на какой бы то ни было краткій срокъ рабочей ассоціаціи, въ которой капиталъ „подчиненъ труду“?

Такимъ образомъ, если вы заставите теоретиковъ-соціалистовъ пройти черезъ Каудинокія ущелія логики, то они принуждены будутъ придти къ тому странному заключенію что единственное средство къ достиженію господства труда есть подчиненіе рабочихъ, въ случаѣ надобности, новому работву. Итакъ, у капитала невозможно отнять руководство предпріятіями, ибо онъ одинъ можетъ принять на себя дѣйствительную отвѣтственность, ибо онъ одинъ можетъ доставить заимодавцамъ прочную гарантію. Но нельзя ли уменьшить его барыши или дать въ нихъ долю рабочимъ, замѣняя заработную плату участіемъ въ производствѣ? Относительно этого пункта отвѣчать не трудно: очевидно что если заработная плата замѣнится долей въ барышахъ, то рабочій долженъ довольствоваться вознагражденіемъ когда производство будетъ реализовано, и что ему придется не получать ничего или получать очень мало, если производство не будетъ реализовано или реализуется по низкой цѣнѣ. Но рабочіе, насколько мы ихъ знаемъ, непремѣнно требуютъ заработной платы еженедѣльно или по крайней мѣрѣ каждыя двѣ недѣли, и отнюдь не расположены подвергать себя риску получить половину, или четверть, или еще меньше, если дѣла идутъ дурно. Значитъ, замѣна заработной платы долей въ барышахъ ни въ какомъ случаѣ не понравится имъ, что бы ни толковали теоретики-соціалисты. Остается уменьшеніе доли капитала въ производствѣ предпріятій. Но это уменьшеніе главнымъ образомъ зависитъ отъ количества капитала которымъ можно располагать. Если капиталистовъ много, и если между ними происходитъ сильная конкуренція, то они довольствуются меньшимъ вознагражденіемъ. Значитъ, необходимо умножить капиталы. Какимъ образомъ? Что бы ни говорили соціалисты, умножить капиталы возможно только одновременнымъ развитіемъ производства и сбереженія. Производить и сберегать часть результатовъ производства,—вотъ единственное средство создавать капиталы, и до сихъ поръ никто еще не придумалъ другаго. Затѣмъ,—и относительно этого пункта происходила пренія въ Политико-Экономическомъ Обществѣ,—можетъ ли сбереженіе считаться трудомъ, и трудъ этотъ заслуживаетъ ли вознагражденія? Эту тему въ особенности поддерживалъ г. Курсель-Сенель. Вопросъ этотъ, признаюсь, по моему мнѣнію, далеко не имѣетъ той важности какую приписываетъ ему г. Курсель. Несомнѣнно что

сбереженіе можно считать трудомъ, выполненнымъ съ помощью нравственныхъ способностей. Способности эти: духъ предусмотрительности, нравственная сила сдерживающая наклонности подстрекающія насъ къ умноженію нашихъ настоящихъ наслажденій, дѣйствуютъ въ дѣлѣ сбереженія, и можно сказать что они совершаютъ нравственный трудъ, продуктъ коего есть капиталъ. Но этимъ ничего не разрѣшается относительно вопроса о процентахъ или о вознагражденіи за капиталъ. Даже въ такомъ случаѣ еслибы капиталъ не приносилъ никакого дохода или никакого процента, все-таки было бы полезно накапливать его, имѣя въ виду будущія потребности. Молодой человѣкъ, или человѣкъ зрѣлый имѣлъ бы еще надобность откладывать сбереженія на случай несчастія, болѣзни или неизбѣжной случайности — старости. Нравственному труду сбереженія вознагражденіемъ служить самъ капиталъ, и еслибы онъ даже не доставлялъ ни дохода, ни процентовъ, то уже одного этого вознагражденія достаточно было бы чтобы побудить людей къ сбереженію. Происхожденіе дохода или процента иное. Когда составился капиталъ, то его или оставляютъ безъ дѣйствія, или же пускаютъ въ производство, употребляя на свои собственные предпріятія или ссужая имъ другихъ. Оставляя его безъ дѣйствія, вы имѣете его всегда подъ рукою, въ своемъ распоряженіи, и ограждены отъ рисковъ неизбѣжныхъ при всякомъ производствѣ. Употребляя его или ссужая имъ другихъ, вы не можете имѣть его въ вашемъ распоряженіи, и онъ подвергается риску. Доходъ или процентъ служитъ вознагражденіемъ за лишеніе, которое переносятъ или которому подвергаются владельцы капитала, переставая имѣть его въ своемъ полномъ распоряженіи; онъ же служитъ для покрытія риска, коему подвергается всякій капиталъ затраченный въ производство. Вотъ существенные элементы дохода и процента, и вотъ что никогда не позволить вознагражденію за капиталъ, затраченный въ производство, упасть до нуля, наперекоръ всѣмъ усовершенствованнымъ банкамъ которые могли бы придумать социалисты. Но съ другой стороны, несомнѣнно что устройство предпріятій на акціяхъ даетъ капиталисту, покупающему акціи или облигаціи, возможность, хотя и съ нѣкоторою потерей, получить свой капиталъ, въ случаѣ нужды, снова въ свое распоряженіи скорѣе чѣмъ еслибы онъ затратилъ его на обыкновенное предпріятіе. Очевидно

также что рискъ соединенный съ предпріятіемъ можетъ быть уменьшенъ, и что онъ уменьшается преимущественно когда увеличивается общественная безопасность, если и не можетъ быть устраненъ совершенно. Итакъ можно надѣяться что съ усовершенствованіемъ устройства предпріятій и цивилизаціи вообще, такса процентовъ и доходы съ капитала будутъ понижаться, если и нельзя надѣяться, какъ бы того желали теоретики-соціалисты, чтобъ они обратились въ ничто. Въ окончательномъ результатѣ, доходы или проценты, которые можетъ доставить употребленіе капитала, имѣютъ такъ мало вліянія на его сформированіе, что именно тѣ страны гдѣ вознагражденіе за капиталъ всего слабѣе, каковы Голландія, Шотландія, Швейцарія, дѣлаютъ наиболѣе сбереженій и производятъ, разумѣется относительно, наибольшее количество капиталовъ. Почему такъ? Потому, повторяю еще разъ, что капиталъ самъ по себѣ,—независимо отъ дохода или процентовъ которые онъ можетъ доставить когда его затрачиваютъ въ предпріятія или когда имъ ссужаютъ другихъ,—есть достаточное вознагражденіе за трудъ сбереженія. Тѣмъ не менѣе человѣка, который произвелъ капиталъ своимъ сбереженіемъ, никогда не заставляютъ затратить его въ производство или отдать въ ссуду, если не предложатъ ему вознагражденія которое возмѣстило бы лишеніе, испытываемое имъ при утратѣ полной возможности распоряжаться своимъ капиталомъ, и премію которая бы покрыла рискъ, коему подвергается капиталъ затраченный въ производство. Вотъ, по моему мнѣнію, настоящая теорія о вознагражденіи за капиталъ, и въ ней, я полагаю, можно найти всѣ необходимые аргументы для отвѣта соціалистамъ, которые пожелали бы принудить капиталъ къ безмездной затратѣ или ссудѣ.

Третій интересный вопросъ, занимавшій Политико-Экономическое Общество есть устройство акціонерныхъ обществъ и права акціонеровъ участвовать въ руководствѣ этими предпріятіями. Права эти вообще соразмѣрны съ количествомъ вкладовъ, и вся разница только въ опредѣленіи *minimum* и *maximum*. Такъ напримѣръ, въ большей части акціонерныхъ компаній, преимущественно крупныхъ, къ участию въ общихъ собраніяхъ допускаются только акціонеры имѣющіе *minimum* три или пять акцій; но затѣмъ каждый имѣетъ въ своемъ распоряженіи столько голосовъ, сколько у него акцій или, говоря другими словами, подача голосовъ пропорціональна

суммѣ вклада, по крайней мѣрѣ до *maximum*, который обыкновенно опредѣляется до десяти акцій. Сверхъ этого числа, будь у васъ 50, 100 или 1.000 акцій, вы не имѣете уже болѣе десяти голосовъ. Рациональна ли такая система? Сообразна ли она съ принципами политической экономіи? Нѣкоторые члены одобряли ее безусловно, другіе утверждали, приводя болѣе или менѣе философскіе аргументы, что всѣ голоса должны быть *равны*, какова бы ни была сумма вкладовъ; нѣкоторые, наконецъ, поддерживали принципъ пропорціональности, безъ *maximum* и *minimum*, какъ единственно соответствующій принципу собственности. Предположимъ, сказалъ одинъ изъ членовъ, что общество съ капиталомъ во 100.000 фр. основано шестью лицами; пятеро внесли въ него по 10.000, а шестой 50.000. Если установить *равенство* голосовъ, то что же изъ этого выйдетъ? То что на двѣхъ шестой акціонеръ будетъ лишень части своихъ правъ въ пользу остальныхъ. Выйдетъ, какъ будто каждый положилъ въ общество шестую часть 100.000 фр. или около 16.500. Крупный акціонеръ лишится управленія суммой въ 33.500 фр., составляющею разность между 50.000 и 16.500, а остальные раздѣлятъ ее между собою. Это не что иное какъ коммунизмъ. На практикѣ же принципъ коммунистскій есть существенно анти-экономическій. *Maximum* отнимаетъ у крупныхъ капиталистовъ охоту брать значительное количество акцій въ какомъ-либо предпріятіи, и вслѣдствіе этого препятствуетъ переведенію въ акціи крупной собственности. *Minimum* лишаетъ мелкаго акціонера всякаго внимательства въ управленіе предпріятіемъ, которымъ онъ заинтересованъ, и окончательный результатъ есть ослабленіе контроля, который собраніе акціонеровъ имѣетъ надъ администраціей. А именно эта недостаточность контроля акціонеровъ и есть главная причина дурнаго управленія акціонерными обществами и катастрофъ, коимъ они подвергались. Итакъ, желательно было бы чтобы принципъ пропорціональности, безъ *maximum* и *minimum* былъ принятъ, хотя бы оттого и пришли въ отчаяніе поборники равенства и сторонники коммунизма.

До начала преній, Политико - Экономическое Общество верѣдко получаетъ интересныя сообщенія отъ своихъ членовъ или отъ иностранцевъ, допускаемыхъ въ его собранія. Такимъ образомъ въ последнемъ засѣданіи г. Бенаръ сообщилъ ему о преніяхъ происходившихъ въ нидерландскихъ

палатахъ относительно собственности изобрѣтеній. Нидерландское правительство, нѣсколько времени тому назадъ, предложило законодательному собранію проектъ объ отмѣнѣ патентовъ на изобрѣтенія. Проектъ этотъ былъ принятъ обѣими палатами значительнымъ большинствомъ голосовъ. Г. Бенаръ радовался этому постановленію нидерландскихъ палатъ какъ нѣкому прогрессу, но не всѣ раздѣляли его мнѣніе. Конечно, законоположенія о патентахъ на изобрѣтенія еще весьма не совершенны и часто возбуждаютъ основательныя жалобы; но тѣмъ не менѣе правда что изобрѣтенія не создаются сами собою, что они требуютъ настойчивыхъ усилій и употребленія въ дѣло самыхъ высокихъ умственныхъ способностей. Это трудъ требующій вознагражденія, и такое вознагражденіе за услугу, оказанную изобрѣтателемъ, право собственности даетъ ему въ болѣе правильной соразмѣрности чѣмъ могли бы то сдѣлать національныя награды. Отмѣните патенты обезпечивающіе, хотя и въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ, собственность изобрѣтеній, и вы увидите что число ихъ неизбѣжно уменьшится; успѣхи промышленности сдѣлаются медленнѣе, если не остановятся совершенно. Неудобство происходящее отъ того кажется ничтожнымъ въ такихъ странахъ каковы, напримѣръ, Голландія и Швейцарія, которыя могутъ довольствоваться имостранными изобрѣтеніями и которыя полагаютъ даже выгоднымъ для себя присвоивать ихъ безмездно. Но независимо отъ недобросовѣстности подобнаго присвоенія, оно имѣетъ еще то неудобство что убиваетъ въ странѣ духъ изобрѣтательности, развивая въ ней подражательность и контрафакцію; тѣмъ самымъ оно ставитъ промышленность въ безвыходное положеніе подчиненности, заставляя ее вѣчно слѣдовать за чужимъ прогрессомъ, не принимая на себя его инициативы. Вотъ чего не поняли нидерландскія палаты, и правду сказать, нѣтъ причины радоваться ихъ постановленію. Въ Англіи, въ послѣднюю сессію парламента, г. Макъ-Фи, бывшій президентъ ливерпульской торговой палаты, предложилъ также отмѣну патентовъ на изобрѣтенія, но предложеніе это было отвергнуто. „Отмѣна патентовъ на изобрѣтенія, сказалъ г. Говардъ, была бы ударомъ благосостоянію страны, ибо только совершенствомъ своихъ промышленныхъ способовъ производства Англія можетъ выдерживать соперничество съ иностранцами.“

„Если бы патенты были отменены въ Англіи, сказалъ г. Мондела, то изобрѣтатели перенесли бы свои изобрѣтенія во Францію и въ Соединенные Штаты, а Англіи пришлось бы только копировать усовершенствованія, инициатива коихъ перешла бы на будущее время къ этимъ двумъ странамъ.“ Правительство одобрило это послѣднее мнѣніе, и г. Макъ-Фи взялъ назадъ свое предложеніе.

Другой членъ Общества, г. Симоненъ, объѣхавшій Соединенные Штаты, сообщилъ нѣкоторыя интересныя подробности о результатахъ запретительной системы принятой тамъ во время междоусобной войны. Результаты эти должны удовлетворить протекціонистовъ относительно привоза, который, уменьшаясь съ каждымъ годомъ, упалъ съ 432 милліоновъ долларовъ въ 1866 г., до 391 въ 1867 и до 349 въ 1868; но они должны быть менѣе по-сердцу правительству, таможенные доходы коего уменьшились подѣ влияніемъ чрезмѣрнаго повышенія пошлинъ; и дѣйствительно, они упали со 179 милліоновъ долларовъ въ 1866 году до 176 милліоновъ въ 1867, и до 164 въ 1868; наконецъ земледѣльцы, рудокопы, лѣсоводы и пр., доставлявшіе предметы мѣны, съ помощью коихъ уплачивался привозъ, еще менѣе должны радоваться, ибо отпущекъ уменьшился съ 414 милліоновъ долларовъ въ 1866 г. до 334 въ 1867 и до 269 въ 1868. И это снова доказываетъ истину экономической аксіомы, что „продукты уплачиваются продуктами“, и что „всякое препятствіе полагаемое привозу служить препятствіемъ и для отпущка“. Соединенные Штаты и покупаютъ менѣе у Европы, и продаютъ ей менѣе. Еслибы Россія не приняла, подобно Соединеннымъ Штатамъ, покровительственной системы, то продукты ея земледѣлія заняли бы на европейскихъ рынкахъ мѣсто оставшееся праздымъ вслѣдствіе искусственнаго ограниченія мѣны между Европой и Соединенными Штатами; но Россія не заняла его, и имъ пользуются Турція и Дунайскія Княжества. Вѣроятно, Американцы рано или поздно замѣтятъ ошибку которую они сдѣлали, стѣсняя великолѣпный рынокъ представлявшійся имъ въ Европѣ, и понизятъ свой тарифъ, но тогда имъ трудно будетъ захватить снова потерянную ими почву. Имъ будетъ еще труднѣе возвратитъ себѣ то мѣсто которое занималъ нѣкогда ихъ торговый флотъ. „Въ числѣ пароходовъ, совершающихъ рейсы между Нью-Йоркомъ и европейскими портами, говоритъ г. Симоненъ, нѣтъ ни одного американскаго.

Ни одна компанія, ни одинъ арматоръ Союза не владѣтъ ни однимъ изъ этихъ многочисленныхъ парусныхъ судовъ. Парусный флотъ ихъ также все болѣе и болѣе исчезаетъ изъ европейскихъ портовъ. Американцы, которыхъ называли нѣкогда „морскими извозчиками“, потому что они плавали скорѣе и брали за перевозъ дешевае, уступили нынѣ свое мѣсто флотамъ Англии, сѣверной Европы, Италіи и Франціи. Такъ въ 1868 году въ Нью-Йоркскій портъ вошло 4.861 судно, изъ коихъ только 2.095 носили американскій флагъ. Благодаря покровительственнымъ тарифамъ, цѣна ручной работы и суровья возвысилась въ Соединенныхъ Штатахъ до такой степени что тамъ нѣтъ болѣе возможности съ выгодой строить парусныя или паровыя суда.“

Надо замѣтить также что паденіе навигаціи было относительно сильнѣе паденія земледѣльческаго отпуска. Это объясняется конкуренціей которую американскій флотъ встрѣтилъ нынѣ со стороны флотовъ тѣхъ странъ гдѣ установилась свободная торговля, каковы Англія, Франція, Голландія, Норвегія и пр.; между тѣмъ какъ главная земледѣльческая соперница Америки, Россія, удержала запретительную систему. Считаю лишнимъ повторять что паденіе американскаго флота подъ вліяніемъ покровительственной системы не только прискорбно въ экономическомъ отношеніи, но не менѣе опасно и въ отношеніи политическомъ. До междуусобной войны торговый флотъ Соединенныхъ Штатовъ былъ многочисленнѣе англійскаго, а извѣстно что торговый флотъ есть разсадникъ военнаго. Въ настоящее время Соединенные Штаты принадлежать уже къ второстепеннымъ морскимъ державамъ.

Еслибы преподаваніе политической экономіи было болѣе распространено, то, можетъ-быть, цивилизованныя націи избѣжали бы этихъ горькихъ опытовъ или, по крайней мѣрѣ, воспользовались бы ими. Но хотя о политической экономіи много толкуютъ, и даже по временамъ обращаютъ къ ней лестныя рѣчи, когда приходится прибѣгать къ ея помощи для противодѣйствія социализму, однако о распространеніи ея заботятся очень мало. Впрочемъ во Франціи замѣтенъ нѣкоторый прогрессъ въ этомъ отношеніи. До 1848 года въ ней было только двѣ кафедръ политической экономіи: въ *Collège de France* и въ консерваторіи искусствъ и ремеслъ; теперь такая же открыта въ парижской школѣ правовѣдѣнія, гдѣ преподаваніе поручено отличному

профессору г. Батби, и мало-по-малу преподаваніе этой науки вводится во всѣхъ провинціальныхъ юридическихъ факультетахъ. Добросовѣстные преподаватели, гг. Фредерикъ Пасси, Даметь, Викторъ Модестъ и многіе другіе, обыкновенно по приглашенію торговыхъ палатъ, читали публичные курсы въ главныхъ городахъ Франціи и привлекали своими лекціями многочисленныхъ слушателей. Конечно, этого еще недостаточно; лучи свѣта проливаемые этими курсами еще слишкомъ слабы, если принять въ соображеніе массу мрака которую предстоитъ разсвѣять, и глубину коей обнаружили послѣдніа пренія въ публичныхъ собраніяхъ; тѣмъ не менѣе курсы эти составляютъ серіозный прогрессъ, и должно надѣяться что дѣло на этомъ не остановится. Знаменитый социалистъ Сенъ-Симонъ приказывалъ своему слугѣ будить себя ежедневно слѣдующими словами: „Вставайте, графъ, и подумайте что вамъ предстоитъ совершить великіа дѣла.“ Экономистамъ также предстоитъ нынѣ во Франціи совершить великіа дѣла. Съ одной стороны, они должны противопоставить оплотъ приливу социализма, съ другой бороться противъ реакціи протекціонизма, который попытается воспользоваться возстановленіемъ парламентскаго правленія чтобы снова увлечь страну въ колею запретительной системы. Эта двоякая обязанность, конечно, очень тяжела, но нужно ли присовокуплять что наука живетъ и двигается впередъ только посредствомъ борьбы, и что политическая экономія въ особенности обязана самыми значительными изъ своихъ успѣховъ противникамъ, которые оспаривали у нея названіе науки, или которые стремились опровергнуть истину ея доказательствъ?

Мысль эта весьма удачно развита въ превосходномъ сочиненіи напечатанномъ на дняхъ г. Легарди-де-Болье, профессоромъ Брюссельскаго музея промышленности, подъ заглавіемъ: *La propriété et sa rente dans leurs rapports avec l'économie politique et le droit public.* (Собственность и ея рента въ ихъ отношеніяхъ къ политической экономіи и къ публичному праву.) Г. Легарди-де-Болье, десять лѣтъ тому назадъ, пораженъ былъ страшнымъ несчастіемъ — слѣпотой. Это не помѣшало ему продолжать свои занятія и издавать сочиненія. О немъ въ особенности можно сказать что наука доставляетъ утѣшеніе. И дѣйствительно, наука дала ему силы перенести съ необыкновенною ясностью души тягостный ударъ его поразившій.

Онъ до конца былъ самымъ вѣрнымъ сотрудникомъ журнала *Economiste belge*, изданіе котораго продолжалось четырнадцать лѣтъ и прекратилось 1-го января нынѣшняго года. *Economiste belge* былъ органомъ небольшой группы гласатаевъ и приверженцевъ политической экономіи въ Бельгіи и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ орудій пропаганды свободной торговли. Не безъ нѣкотораго волненія посвящаю я ему здѣсь нѣсколько строкъ, въ видѣ надгробной рѣчи. Въ Россіи у него было небольшое число постоянныхъ подписчиковъ. Позвольте мнѣ обратиться къ нимъ, отъ моего имени и отъ имени моихъ сотрудниковъ, съ выраженіемъ нашей искренней признательности за ихъ вниманіе, и извините мнѣ это краткое отступленіе. Возвращаясь къ г. Легарди де-Болье; онъ весьма справедливо замѣчаетъ что со времени изданія пресловутаго сочиненія Прудона, характеризующагося извѣстнымъ афоризмомъ: „собственность есть кража“, экономисты начали серьезно заниматься теоріей собственности. „Хотя всѣ экономисты, говоритъ онъ, со времени Кене и Адама Смита, согласно доказывали необходимость собственности, однако весьма немногіе изъ нихъ, и въ томъ числѣ особенно Жозефъ Дрозъ, пытались доказать ея законность до 1848 года, когда право собственности подверглось ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны различныхъ коммунистскихъ и социалистскихъ сектъ.“ Въ прежнее время предметомъ этимъ занимались только одни юристы, и ихъ способъ возрѣнія на собственность и опредѣленіе ея были весьма недостаточны. По ихъ мнѣнію, законъ *создаетъ* собственность, изъ чего логически вытекаетъ слѣдствіе что законодатель можетъ также ее упразднить или ограничить. Такъ понималъ это дѣло бывшій аміенскій адвокатъ, сдѣлавшійся законодателемъ, Максимиліанъ Робеспьеръ, составляя слѣдующую знаменитую статью своей „Декларациі правъ челоуѣка“: „Собственность есть право, которое имѣетъ каждый гражданинъ, пользоваться благами, кои обезпечиваетъ ему законъ“. Сдѣлайте нѣкоторую натяжку въ этомъ опредѣленіи, и вы безъ труда извлечете изъ него коммунизмъ. Экономисты, анализуя собственность, утвердили ее на основаніяхъ гораздо болѣе прочныхъ и широкихъ. По ихъ мнѣнію, законъ не создаетъ собственности: онъ гарантируетъ ее, онъ упрочиваетъ ее посредствомъ преміи, которая называется налогомъ, когда уже она создана трудомъ.

Или, лучше сказать, труд создал цѣнности, составляющія предметъ собственности, и эти цѣнности, совокупность коихъ составляетъ богатство, онъ умножаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ лучше обезпечена ему собственность. Итакъ законодателю нечего вѣдѣваться въ формированіе собственности; онъ долженъ заботиться только о томъ чтобы гарантировать ее какъ можно дѣйствительнѣе и при возможно меньшихъ расходахъ. Вотъ экономическая теорія собственности изложенная въ нѣсколькихъ словахъ. Г. Легарди де-Болье разсматриваетъ принципъ собственности въ ея примѣненіяхъ, столь различныхъ и разнообразныхъ; онъ изучаетъ собственность почвы, рудниковъ, водъ, и наковедь литературную собственность и собственность изобрѣтеній, и хотя его книга не заключаетъ въ себѣ никакой теоріи собственно ему принадлежащей, но она представляетъ одно изъ лучшихъ изложеній, когда-либо напечатанныхъ, экономической теоріи собственности.

Другое сочиненіе заслуживающее вниманія (оно вышло въ прошедшемъ году) есть *Précis d'économie politique rationnelle* вашего соотечественника, г. Матвѣя Волкова. Г. Волковъ писатель независимый и оригинальный, и книга его заключаетъ въ себѣ превосходные анализы экономическихъ явленій. Главная мысль его та что всѣ вольности доступны развитію, за исключеніемъ одной которая, напротивъ того, свѣдуетъ попыткѣ движенію, по мѣрѣ того какъ возрастаетъ населеніе: это *свобода занятія пустопорожнихъ мѣстъ* (*liberté de l'emplacement*) „Свобода эта, говоритъ онъ, существуетъ въ странахъ гдѣ значительная часть территорія остается необработанною, что мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи. Если тамъ и были классы общества не пользовавшіеся ею, то потому только что они находились въ состояніи рабства или прикрѣплены были въ предѣлахъ, которые имъ запрещено было переступить. Вотъ почему въ той части Американскаго Союза гдѣ не было невольничества, рабочіе, наименѣе вознаграждаемые, получали плату, сообразно съ тѣмъ что они могли бы добыть своимъ трудомъ поселясь на собственный счетъ на пустопорожней землѣ, не имѣвшей почти никакой цѣнности. Одной возможности предоставленной рабочему поселиться гдѣ-либо на свой собственный счетъ уже достаточно для поддержанія высокой заработной платы. Эта-то

высокая заработная плата даетъ средства къ сбереженіямъ, благодаря коимъ возможно переселеніе; такимъ образомъ, пока существуетъ изобиліе пустопорожнихъ мѣстъ, высокая заработная плата и возможность рабочему трудиться на свой собственный счетъ суть вмѣстѣ и причина и слѣдствіе одна другой.“ Для того чтобы свобода занятія земель, говорить въ заключеніе г. Волковъ, „могла развиваться, необходимо чтобы никакое препятствіе политическое, правительственное, административное или происходящее отъ различія обычаевъ, нравовъ, языка, вѣрованій и пр. не стѣсняло рабочихъ трудящихся на свой счетъ на даровыхъ мѣстахъ, въ странахъ уже цивилизованныхъ, но властвующихъ еще плодородными и никому не принадлежащими пространствами земли.... Примѣръ мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ такса заработной платы въ какомъ-либо населенномъ городѣ опредѣляется таксою выгоды какую можно получить на незанятыхъ земляхъ наиболее отдаленныхъ штатовъ. При подобныхъ условіяхъ одно только разстояніе — принимая въ расчетъ издержки и время необходимое для передвиженія — было бы причиной разницы заработной платы въ различныхъ странахъ. Но препятствія происходящія отъ разстоянія уменьшаются непрерывно, благодаря усовершенствованію сообщеній. Успѣхи человечества стремятся, безъ сомнѣнія, къ соединенію различныхъ національностей; но идея абсолютнаго космополитизма, необходимаго для окончательнаго усовершенствованія гармоніи интересовъ, остается тѣмъ не менѣе утопіей, идея коей полезна потому только что убѣждаетъ насъ въ возможности постояннаго прогресса въ дѣлѣ соглашенія между интересами различныхъ классовъ общества.“ Я полагаю, конечно, что подъ словомъ „соединеніе, національностей“ г. Волковъ разумѣетъ не смѣшеніе ихъ, но только пониженіе или уничтоженіе преградъ ихъ раздѣляющихъ. Точно также, экономическій космополитизмъ отнюдь не означаетъ политическаго объединенія. Правительство не можетъ расширяться до безконечности, и непременно ослабѣетъ, если перейдетъ то что можно назвать его естественными границами; но нѣтъ причины чтобы различныя и совершенно независимыя одно отъ другаго правительства не согласились между собой для доставленія націямъ благъ сообщенія все болѣе и болѣе свободнаго и обоюднаго пользованія всеми вольностями, со включеніемъ и свободы занятія

пустопорожнихъ мѣсть. Во всякомъ случаѣ, сочиненіе г. Волюва выходитъ изъ разряда обыкновенныхъ и заслуживаетъ вниманія всѣхъ читающихъ политико-экономическія книги.

Могу рекомендовать также краткій и изящный перечень основныхъ понятій экономической науки, обнародованный однимъ изъ сотрудниковъ *Revue des deux Mondes*, г. Клаве, подъ заглавіемъ: *Principes de l'Economie politique*. Г. Клаве занимается обыкновенно вопросами о лѣсоводствѣ и рассматриваетъ ихъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Рѣдкій талантъ его популяризовать свой предметъ и дѣлать его привлекательнымъ вполнѣ выказался въ этой небольшой книжкѣ.

Далѣе заслуживаетъ вниманія сборникъ статей по различнымъ экономическимъ вопросамъ, которыя г. Генри Бодрильяръ, пользуясь досугомъ предоставленнымъ ему болѣе или менѣе добровольнымъ удаленіемъ отъ главнаго редакторства *Constitutionnel*, собралъ подъ заглавіемъ: *Economie politique populaire*. Г. Бодрильяръ былъ не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ въ политической печати; онъ не одаренъ темпераментомъ полемиста, но излагаетъ ясно и методически экономическіе вопросы, и что рѣдко встрѣчается, онъ ученый безъ малѣйшаго педагогизма. Его можно упрекнуть въ нѣкоторыхъ длиннотахъ и сказать что онъ, подобно Гомеру, иногда дремлетъ; а, какъ вамъ извѣстно, дремота писателя заразительна для его читателей. Но когда онъ бодрствуетъ, то пишетъ страницы ученныя и интересныя. Біографіи Жакара, изобрѣтателя ткацкихъ станковъ носящихъ его имя, и Филиппа де-Жирара, изобрѣтателя механической шерстяной филатуры, представляютъ поразительную картину борьбы и бѣдствій вынесенныхъ изобрѣтателями и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивое и убѣдительное слово о пользѣ машинъ.

Вотъ еще маленькая книжка, въ подражаніе англійскимъ популярнымъ изданіямъ, носящая заглавіе: *L'Epargne ou puissance des gros sous* г. де-Летана; она заслуживаетъ распространенія между рабочими классами всѣхъ странъ для убѣжденія ихъ въ пользѣ сбереженій и застрахованія жизни.

Полныхъ трактатовъ о политической экономіи не появляется вовсе, но надо сказать правду, что изданіе подобныхъ книгъ встрѣчаетъ весьма мало поощреній. Въ послѣдніе

десять лѣтъ ихъ издано было довольно много; таковы сочиненія г. Курсель - Сенеля, г. Вильдоме, многихъ другихъ и наконецъ г. Амбруаза Клемана, который присоединилъ къ курсу политической экономіи изложеніе принциповъ политики и нравственности, разсматриваемыхъ съ экономической точки зрѣнія. Но сочиненія эти по большей части остались непрочитанными. Никогда еще нельзя было сказать съ такою справедливостью какъ нынѣ, что *длинные сочиненія насъ пугаютъ*, и слишкомъ часто случается что, издавая толстую книгу, авторъ не *обнародуетъ* своей идеи, а скрываетъ ее. Вотъ почему издаются нынѣ только *résumés* или монографіи о томъ или другомъ специальномъ вопросѣ. Изъ этихъ монографій книга графа Парижскаго о Союзахъ Рабочихъ въ Англіи пріобрѣла заслуженный успѣхъ. Я представилъ вамъ отчетъ объ этой книгѣ,* не оставшейся безъ вліянія на движеніе происходящее нынѣ во Франціи въ пользу введенія англійскихъ *Trades Unions*, подъ названіемъ *синдикальныхъ палатъ*. Укажу еще одну монографію, трактующую о кооперативныхъ обществахъ и ссудныхъ банкахъ, г. Шарля д'Ассальи, умершаго спустя нѣсколько дней по изданіи своей книги, носящей заглавіе: *Le Paupérisme et les associations ouvrières en Europe*. Книга г. д'Ассальи не безъ достоинствъ, но она нѣсколько запоздала: увлеченіе, которое возбуждали кооперативныя ассоціаціи для производства и потребленія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прекратилось даже между рабочими классами. Сдѣлалось очевидно что общества такого рода могли существовать только въ видѣ исключенія, и что они не заключали въ себѣ «рѣшенія соціальной проблемы». Большая часть тѣхъ которыя были основаны во Франціи или для производства, или для потребленія, пали, увлекая подъ конецъ въ своемъ паденіи кредитныя общества устроившіяся для ихъ снабженія и поддержки. Они пали, во первыхъ, по причинѣ затрудненій сопряженныхъ съ устройствомъ и управленіемъ всякой ассоціаціи, во вторыхъ, по причинѣ враждебныхъ капиталу ученій, которыми социализмъ пропиталъ ихъ членовъ. На основаніи этихъ ученій, они отказывали уму и капиталу, которые вмѣстѣ съ трудомъ суть необходимые факторы всякаго производства, въ достаточномъ вознагражденіи. Вотъ почему умъ и капиталъ не оказали имъ

* См. Русскій Вѣстникъ № 6.

своего содѣйствія, и такимъ образомъ можно было удостовѣриться въ живости афоризма который составили социалисты, пародируя Сивса: „Что такое трудъ? Ничто. Чѣмъ онъ долженъ быть? Всѣмъ.“ Трудъ, безъ сомнѣнія, есть нѣчто, но съ условіемъ содѣйствія ума и капитала. Одинъ онъ ничто, и это слишкомъ ясно доказала прискорбная участь всѣхъ рабочихъ ассоціацій которыя вздумали примѣнить къ практикѣ социалистскія ученія. Единственныя рабочія ассоціаціи живущія и процвѣтающія суть тѣ которыя рѣшительно устранили отъ себя язву социализма, а сложились и организовались какъ обыкновенныя акціонерныя общества, съ тою только разницею что онѣ предоставляютъ своимъ акціонерамъ право постепенно и мелкими суммами вносить цифру своего вклада. Такимъ образомъ дѣйствовали рочдалскіе *Equitable pions* въ Англіи, и *Общество каменщиковъ-рабочихъ*, выстроившее новую станцію Орлеанской желѣзной дороги. Эти рабочія ассоціаціи допускаютъ въ свои члены только рабочихъ которые въ состояніи внести свою долю капитала; онѣ занимаютъ съ процентами, наперекоръ теоріи о даровомъ кредитѣ, нужны имъ капиталы, и вербуютъ рабочихъ, не принадлежащихъ къ ассоціаціи, выдавая имъ, — о, ужасъ! — заработную плату, какъ будто заработная плата и не бывала ненавистнымъ орудіемъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ! За то на конгрессѣ *Международной ассоціаціи рабочихъ* въ Брюсселѣ ихъ осыпали упреками; имъ говорили что онѣ создаютъ новую касту, тѣмъ болѣе опасную что она „одною ногою стоитъ въ лагерѣ буржуазіи, а другою въ лагерѣ рабочихъ, и въ окончательномъ результатѣ поддерживаетъ эксплуатацію послѣднихъ“. Но несмотря на эти горькіе упреки, рабочія ассоціаціи, достигшія цвѣтущаго состоянія, продолжаютъ предпочитать свою экономическую практику теоріямъ социалистовъ. Безъ сомнѣнія, лучше было бы еслибъ онѣ согласились умереть, слѣдуя рецептамъ социалистской медицины, чѣмъ жить, не исполняя оныхъ. Но что прикажете дѣлать, совершенства нѣтъ на землѣ, и вотъ почему кооперативныя ассоціаціи, на которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ социалисты возлагали свои лучшія надежды, нынѣ наполняютъ ихъ сердца горечью. Какъ бы то ни было, опытъ доказываетъ что эти ассоціаціи могутъ жить, съ условіемъ позабыть все чему ихъ научилъ социализмъ; но опытъ доказываетъ также что даже и при этомъ условіи онѣ могутъ размножаться очень медленно, ибо число

рабочихъ располагающихъ достаточнымъ сбереженіемъ и могущихъ употребить его на какое-либо промышленное предприятие, всегда связанное съ рискомъ, весьма ограничено. Масса или вовсе не имѣетъ сбереженій, или имѣетъ весьма небольшія, для которыхъ она ищетъ (и дѣлаетъ весьма хорошо) помѣщенія болѣе вѣрнаго чѣмъ то какое ей могутъ предложить кооперативныя ассоціаціи. Итакъ вотъ еще панацея, несостоятельность коей доказана опытомъ. Въ настоящую минуту въ ходу другая панацея, — организація международныхъ стачекъ, имѣющихъ цѣлю поставить повсюду предпринимателей въ зависимость отъ рабочихъ. Эту панацею *Международная ассоціація рабочихъ* приняла на себя обязанность распространить, и мы видимъ ее снова въ нынѣшнемъ году на Базельскомъ конгрессѣ въ томъ видѣ какъ она представилась намъ два года тому назадъ на Лозаннскомъ конгрессѣ и въ прошедшемъ году на конгрессѣ Брюссельскомъ. Но мнѣ кажется, я не впаду въ большую ошибку, если скажу что опытъ докажетъ несостоятельность ея, какъ онъ доказалъ несостоятельность всѣхъ прочихъ фантазій, на которыя, увы! такъ плодотворно воображеніе социалистовъ.

Не утопія ли также мысль доставить обоимъ поламъ одинаковыя гражданскія и политическія права, или иначе, эманципировать женщинъ? До сихъ поръ этотъ тезисъ поддерживали только *синіе чулки* возмутившіеся и болѣе или менѣе возмутительные; но вотъ г. Джонъ Стюартъ Милль явился на поддержку его со своимъ мощнымъ талантомъ и непререкаемымъ авторитетомъ. Г. Казеттъ перевелъ на французскій языкъ его послѣднее сочиненіе: *Подчиненность женщинъ*. Можно раздѣлять и не раздѣлять мнѣнія знаменитаго англійскаго экономиста, но невозможно не преклониться предъ удивительными способностями наблюденія и анализа которыя онъ выказалъ въ этомъ небольшомъ томикѣ. Я не думаю чтобы наши дамы стали охотно читать эту защитительную рѣчь написанную въ ихъ пользу; онѣ предпочитаютъ романы Жоржа Занда, если онѣ ученые, и романы г. Понсона дю-Терая, если онѣ неученыя, но для любителя анализа и здравой логики едва ли можно найти чтеніе болѣе привлекательное. Книга эта, подобно *Свободѣ* того же автора, есть произведеніе образцовое. Я не думаю чтобы возможно было серьезно оспаривать положеніе г. Стюарта Милля что необходимо

уничтожить преграды которыми духъ мужской монополіи окружилъ самыя возвышенныя профессіи дабы лишить женщинъ доступа къ нимъ. Г. Стюартъ Милль утверждаетъ что женщины не менѣе мужчинъ способны быть врачами, адвокатами, судьями и даже государственными людьми; но даже еслибъ этого и не было, какъ справедливо замѣчаетъ онъ, еслибъ и нашлись нѣкоторыя профессіи къ которымъ женщины не были бы способны или были бы менѣе способны чѣмъ мужчины, что жъ бы вышло изъ этого? То что женщины, будучи не въ состояніи выдерживать въ нихъ соперничества мужчинъ, болѣе или исключительно способныхъ занимать означенныя профессіи, не стали бы заниматься ими, вотъ и все! Не видимъ ли мы, напримеръ, что нѣкоторыя профессіи становятся монополіей одного какого-либо племени или одного особаго класса людей, хотя доступъ къ нимъ не запрещенъ никому; такъ напримеръ, во Франціи, мѣдники набираются изъ Овернцевъ, трубочисты изъ Савояровъ, а мѣнялы исключительно Евреи. Итакъ, если есть профессіи приличествующія только мужчинамъ, то запрещеніе женщинамъ заниматься ими не будетъ ли настоящимъ законодательнымъ плеоназмомъ? А если есть профессіи къ которымъ женщины такъ же способны какъ и мужчины, или даже болѣе, то запрещеніе имъ доступа къ этимъ профессіямъ развѣ не будетъ дѣйствительнымъ ущербомъ для общества и цивилизаціи? Найдется еще много пунктовъ, относительно коихъ юридическое положеніе женщинъ могло бы быть преобразовано. Развѣ не чудовищно что мужъ, дѣвяти и пѣница, можетъ, въ образованнѣйшихъ странахъ, въ качествѣ администратора имуществомъ, захватить плоды трудовъ жены. Не забудемъ что въ Англіи, напримеръ, изъ трехъ милліоновъ замужнихъ женщинъ 800.000 живутъ своею работою. Злоупотребленія происходящія отъ существующей системы обратили уже на себя вниманіе общественнаго мнѣнія, и г. Россель Горней въ послѣднюю сесію парламента представилъ билль, названный „биллемъ о покровительствѣ имуществу замужнихъ женщинъ“ и имѣющій цѣлю положить конецъ означеннымъ злоупотребленіямъ. На основаніи этого билля, замужней женщинѣ предоставляется право заключать условія, прибрѣтать собственность и владѣть ею точно такъ же, какъ еслибъ она не была связана узами супружества. Палата общинъ приняла билль

г. Росселя Горнея, но онъ не прошелъ вторымъ чтеніемъ въ палатѣ лордовъ. Но это не болѣе какъ отсрочка, и требованія г. Стюарта Милля будутъ удовлетворены по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Можетъ-быть, г. Стюарта Милля можно упрекнуть за преувеличеніе вліянія которое неравномѣрность законодательства будто бы имѣетъ на положеніе женщины; законы, какъ бы они дурны ни были, имѣютъ ограниченное дѣйствіе, и въ нравахъ существуетъ *vis mediatrix*, которая въ значительной степени исправляетъ ихъ несовершенства и недостатки. Словомъ, женщина не до такой степени „раба“ какъ ее представляетъ г. Стюартъ Милль, и въ низшихъ классахъ, гдѣ она переноситъ дурное обращеніе вслѣдствіе своей слабости, никакая реформа законодательства не можетъ значительно улучшить ея положеніе, если только она не доставитъ ей такихъ же крѣпкихъ кулаковъ какими надѣлалъ мужина. Но, за исключеніемъ этихъ увлеченій, книга г. Стюарта Милля заслуживаетъ серіознаго вниманія, и чтеніе ея доставитъ истинное наслажденіе, какъ тиранамъ, противъ которыхъ она направлена, такъ и жертвамъ, дѣло которыхъ она защищаетъ.

Интересна также, хотя и возбуждаетъ грустное чувство, книга, подъ заглавіемъ: *Recherches economiques, historiques et statistiques sur les guerres contemporaines 1853—66* (экономическія, историческія и статистическія изслѣдованія о современныхъ войнахъ 1853—66), изданная г. Леруа Болье, по внушенію вождей Лиги Мира. Г. Леруа Болье излагаетъ сначала причины войнъ: Крымской, Италіанской, Американской, Шлезвигской и Германской, и прочитавъ это ясное и подробное изложеніе, вы задаете себѣ вопросъ, ужели невозможно было избѣжать этихъ войнъ, ужели результаты доставленные ими стоили тѣхъ громаднхъ пожертвованій людьми и капиталами, съ какими онѣ были сопряжены? Пожертванія поистинѣ громадныя! Г. Леруа Болье исчисляетъ, по самымъ умѣреннымъ выводамъ, что война нанесла въ этотъ тринадцатилѣтній періодъ цивилизованному міру прямого убытка въ 1.743.000 человѣкъ и въ 47 миллиардовъ 830 милл. фр. Изъ этого числа Крымская война поглотила 784.991 человѣка, убитыми и умершими отъ ранъ или болѣзней, и восемь съ половиной миллиардовъ франковъ, изъ коихъ, по его вычисленію, четыре миллиарда приходятся на долю Россіи. Потери причиненныя перерывомъ торговли, кризисы

вызванные войной, потеря труда такого числа здоровых и сильных людей, отвлеченных от земледѣлія и промышленности на поля битвъ, не упоминаются въ этомъ громадномъ итогѣ. Но возможно ли воспрепятствовать войнѣ? Не есть ли она неизбѣжный бичъ, какъ чума, холера или землетрясеніе? Конечно, нѣтъ! Война не имѣетъ въ себѣ ничего роковаго, по крайней мѣрѣ въ новѣйшее время, ибо она зависитъ отъ цивилизованныхъ народовъ. Еслибы цивилизованные народы поняли что война для всѣхъ и каждаго составляетъ огромный вредъ, еслибы вслѣдствіе этого общественное мнѣніе возстало противъ войны съ такою же энергіей съ какою оно возстало противъ невольничества, пытки и тому подобныхъ остатковъ прежняго варварства, то война могла бы быть упразднена по крайней мѣрѣ между цивилизованными народами. Но общественное мнѣніе цивилизованнаго міра еще не дошло до этого, хотя оно въ этомъ отношеніи и совершило въ послѣднее время неоспоримые успѣхи. Въ ожиданіи, такъ какъ пока нѣтъ еще надежды на упраздненіе войны, необходимо озаботиться облегченіемъ ея бѣдствій, какъ тѣхъ которыя переносятъ мирныя населенія, такъ и тѣхъ коимъ подвергаются сами сражающіеся. Справедливость требуетъ указать прогрессъ совершившейся въ этихъ двухъ отношеніяхъ и которому не придаетъ настоящей цѣны г. Леруа Болье. Такимъ образомъ народное право гораздо лучше прежняго охраняетъ нынѣ личность и собственность мирныхъ населеній; законы войны сдѣлались гуманнѣе на морѣ и на сушѣ, хотя и не въ равной мѣрѣ, но не далеко время, когда предложеніе, сдѣланное г. Мерси, государственнымъ секретаремъ Соединенныхъ Штатовъ, во время Восточной войны, о неприкосновенности морской собственности и торговли, сдѣлается закономъ междунаrodnаго права цивилизованныхъ націй, когда война, вслѣдствіе этого, будетъ не болѣе какъ поединкомъ между арміями и флотами, снабженными орудіями, само совершенство коихъ все болѣе и болѣе будетъ сокращать борьбу. Значенія этого прогресса въ орудіяхъ войны также не признаетъ г. Леруа Болье, повторяющій общія мѣста, принятыя за истину въ массѣ публики. Безъ сомнѣнія, прискорбно видѣть что цивилизованныя націи посвящаютъ плодъ своихъ сбереженій на непрерывное возобновленіе боевыхъ принадлежностей, на замѣну гладкоствольныхъ пушекъ наръвными,

или желѣзныхъ и мѣдныхъ орудій стальными, обыкновенныхъ ружей штуцерами Шасспо, Альбина, Пибоди, Ремингтона и пр. Но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что эти преобразованія ведутъ къ результатамъ которые въ извѣстной мѣрѣ должны радовать самихъ друзей мира. Во-первыхъ, ошибочно предположеніе будто бы усовершенствованіе орудій войны дѣлаетъ борьбу на полѣ битвы смертоноснѣе. Германская война, на примѣръ, въ которой игольчатая ружья „надѣлали чудесъ“, была одною изъ тѣхъ гдѣ наибольшіе результаты были достигнуты съ наименьшею потерей людей. Конечно, если мы допустимъ что на полѣ битвы обѣ арміи одинаково рѣшились побѣдить или умереть, то онѣ погибли бы всѣ до единого человѣка, но въ этомъ отношеніи оружіе, которымъ онѣ дѣйствуютъ, не имѣло бы значенія: онѣ могли бы истребить одна другую луками и дротиками точно такъ же какъ ружьями Шасспо и пушками Круппа. Но въ дѣйствительности происходитъ иначе. Никакая армія не пойдетъ на полное истребленіе, и та, которая менѣе готова на смерть, отступаетъ скорѣе. Здѣсь прежде всего вопросъ о нравственной силѣ. Когда оружіе несовершенно, то борьба продолжительнѣе, такъ какъ нужно болѣе времени чтобъ армія понесла потери довольно серіозныя чтобъ ослабить ея нравственное состояніе и принудить ее къ уступкѣ. При усовершенствованномъ оружіи результатъ этотъ достигается скорѣе,—вотъ и вся разница! Сказанное о сраженіи вполне примѣняется и къ войнѣ. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ съ одной стороны, усовершенствованному оружію съ другой, достигается въ нѣсколько мѣсяцевъ и даже въ нѣсколько дней результатъ, котораго прежде невозможно было достигнуть въ нѣсколько лѣтъ. Итакъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, и въ особенности съ точки зрѣнія экономической, развѣ не составляетъ прогресса обстоятельство сокращающее время войны и стало быть продолжающее время мира? Пусть не допускаютъ употребленія оружія подобнаго разрывнымъ снарядамъ, безъ пользы увеличивающимъ раны ими наносимыя; справедливости этого никто не оспариваетъ, и нельзя въ восхвалять Россію за великодушную инициативу принятую ею въ этомъ отношеніи, но Англія, быть-можетъ, не безъ основанія отказалась на С.-Петербургской международной конвенціи приступить къ какому-либо соглашенію, дѣлю оружія было бы воспрепятствованіе усовершенствованію орудій

войны. Подобно всемъ прогрессамъ, и этотъ, что бы ни говорили нѣкоторые друзья мира, обращается въ пользу цивилизаціи и самого мира. Во всякомъ случаѣ можно по справедливости выразить сожалѣніе что правительства посвящаютъ слишкомъ исключительное вниманіе прогрессу орудій войны, и сравнительно слишкомъ мало заботятся объ улучшеніи и хорошемъ содержаніи своего личнаго военного состава.

Другое заблужденіе, которое г. Леруа Болье раздѣляетъ съ большею частью филантроповъ, состоитъ въ томъ будто бы прогрессъ въ орудіяхъ войны уменьшаетъ значеніе личной храбрости, и что „мужество“ солдатъ играетъ меньшую роль въ сраженіи съ тѣхъ поръ какъ усовершенствовались орудія разрушенія. Напротивъ того, прогрессъ орудій войны требуетъ *болѣе мужества* отъ солдата, и притомъ еще мужества высшаго свойства. Для удостовѣренія въ этомъ достаточно самаго простаго разсужденія. Усовершенствованныя орудія хватаютъ *далѣе*, и прицѣлъ ихъ *острѣе*. Какое же дѣйствіе имѣетъ на полѣ битвы соединеніе этихъ двухъ прогрессовъ? Увеличеніе *напряженія и продолжительности* риска, которому подвергается солдатъ, а повтому отъ него требуется болѣе того рѣдкаго мужества которое слагается изъ нравственной силы, самоотверженія и хладнокровія, и которымъ, говоря мимоходомъ, по сознанію специалистовъ, русскій солдатъ обладаетъ въ высшей степени. По мѣрѣ усовершенствованія оружія, эта нравственная сила, дѣлающая полкъ непоколебимымъ подъ неприятельскою картечью, приобретаетъ болѣе цѣны, ибо, повторяю еще разъ, *побѣда остается за арміей которая выдерживаетъ долѣе риска истребленія*, усиленный и сосредоточенный благодаря усовершенствованію оружія. Итакъ *качества* солдата имѣютъ нынѣ гораздо болѣе значенія, что бы ни говорилъ г. Леруа Болье, а отнюдь не менѣе. Это обстоятельство, имѣть сомнѣнія, приведетъ, наконецъ, къ значительнымъ перемѣнамъ въ способѣ вербовки армій, и перемѣны эти отнюдь не будутъ заключаться, какъ предполагаютъ иные демократы, въ замѣнѣ постоянныхъ армій національными ополченіями. Солдатъ, напротивъ того, будутъ набирать тщательнѣе, платить имъ будутъ больше, и удерживать ихъ подъ знаменами какъ можно долѣе, чтобы имѣть

отборный личный составъ, хотя бы этотъ личный составъ и былъ малочисленнѣе.

Есть, впрочемъ, пунктъ, относительно котораго я готовъ вполне согласиться съ г. Леруа Болье, хотя не совсѣмъ, по тѣмъ причинамъ, которыя онъ выставляетъ. Дѣло идетъ о содержаніи личнаго состава армій и, если можно такъ выразиться, о починкахъ которыхъ онъ требуетъ. Г. Леруа Болье, излагая докладъ доктора Ченса и многихъ другихъ военныхъ врачей, ставитъ на видъ что непріятельскій огонь есть наименьшій изъ рисковъ угрожающихъ жизни солдата въ военное время. Такъ напримѣръ, въ Крымскую войну, число убитыхъ непріателемъ во французской арміи было 10.240 на 95.615 умершихъ; въ англійской арміи 2.755 на 22.182, наконецъ въ піемонтской арміи только 12 убитыхъ на 2.194 умершихъ. По американскимъ статистическимъ даннымъ, Сѣверъ, во время междуусобной войны, потерялъ 180.000 умершими отъ болѣзней и 97.000 отъ ранъ. По свидѣтельству тѣхъ же самыхъ врачей, болѣшую часть этихъ болѣзней можно было предупредить или излѣчить, еслибъ интендантское управленіе было лучше организовано, еслибы число хирурговъ, врачей и ихъ помощниковъ находившихся при арміи было значительнѣе, еслибы госпитали были устроены лучше. По словамъ знаменитой миссъ Нитингаль, можно было бы спасти 96 изъ 100 умершихъ отъ болѣзней въ англійской арміи во время Восточной войны; и г. Леруа Болье, опираясь на врачебные авторитеты, приходитъ къ заключенію что изъ 1.750.000 человекъ унесенныхъ у цивилизованныхъ націй войнами, можно было бы спасти 1.200.000. Съ точки зрѣнія интересовъ человечества, цифра эта имѣетъ свою важность; не менѣе важна она и съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ. Всякому извѣстно что новый рекрутъ далеко не можетъ сравняться съ опытнымъ солдатомъ, уже выдержавшимъ огонь. Итакъ, еслибы госпитали, эти *мастерскія для починки армій*, были лучше организованы, еслибъ интендантское вѣдомство было исправнѣе, еслибы больные были малочисленнѣе, еслибы раненые пользовались лучшимъ уходомъ и выздоравливали скорѣе, арміямъ не нужно было бы такого числа рекрутовъ, онѣ стали бы дешевле, а *утильность* ихъ была бы выше. Вотъ почему, какъ съ военной, такъ и съ филантропической точки зрѣнія, *ассоціаціи для вспоможенія раненымъ на*

войны имѣютъ особенную важность, Изъ книги *La guerre et l'humanité au XIX siècle* („Война и челоѡколюбіе въ XIX вѣкѣ“) г. Леонса Казенова я узналъ, что въ Россіи ассоціація для вспомоцествованія раненымъ на войнѣ, основанная подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Императрицы, имѣетъ до 8.000 членовъ, съ ежегоднымъ доходомъ въ 369.000 фр. Нельзя не порадоваться этому учрежденію. Но должно замѣтить только, что одно содѣйствіе частныхъ лицъ при этомъ недостаточно; необходимо чтобы сами правительства приняли дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ, чтобы они улучшили свое интендантское вѣдомство и врачебную часть армій; чтобы они убѣдились что хорошее содержаніе и *починка* ихъ личнаго состава столь же важны для военныхъ операцій какъ и усовершенствованіе орудій войны. Ибо искусный и многочисленный личный составъ врачебной части и хорошо устроенные госпитали оказываютъ арміи такую же услугу, какую хорошіе машинисты и исправная мастерская для починокъ оказываютъ мануфактурѣ.

II.

Перехожу теперь къ двумъ сочиненіямъ маленькаго формата, достоинство которыхъ не слѣдуетъ опредѣлять по ихъ наружному виду и которыя заключаютъ въ себѣ въ высшей степени интересный отчетъ о положеніи и результатахъ нашей пенитенціарной системы; одно изъ нихъ *Prison et détenus* (Тюрьмы и заключенные) А. Корна, другое *De l'abolition de l'emprisonnement* (Объ отмигнѣннѣ тюремнаго заключенія) Эдуарда Денре.

Ежегодно, когда министерство юстиціи печатаетъ свой отчетъ объ уголовной статистикѣ, общественное вниманіе сосредоточивается на фактѣ, котораго никакъ не могутъ скрыть звучныя фразы отчета о преуспѣяніи администраціи юстиціи. Фактъ этотъ есть постоянно возрастающее число въ которыхъ преступленій. Такимъ образомъ въ 1867 году двѣ пятыхъ изъ числа обвиненныхъ судомъ присяжныхъ были осуждены повторно, а число рецидивовъ предъ исправительными трибуналами увеличилось на 5,000 сравнительно съ прошедшимъ годомъ. Какимъ причинамъ слѣдуетъ приписать

этотъ прискорбный прогрессъ? Вотъ вопросъ который возбуждался постоянно, и относительно котораго двѣ названныя книги представляютъ намъ рѣшительныя указанія. Если число впавшихъ во вторичное преступленіе увеличивается, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ чудовищнаго положенія нашей пенитенціарной системы, несмотря на попытки, правда, весьма неловкія, къ улучшенію оной; это зависитъ отъ того что заключеніе, въ томъ видѣ какъ оно существуетъ въ огромномъ большинствѣ тюремъ во Франціи, вмѣсто исправленія преступника, окончательно развращаетъ его. Выходя изъ тюрьмы, онъ становится болѣе порочнымъ чѣмъ прежде и менѣе способнымъ добывать себѣ честнымъ образомъ пропитаніе; къ этому нужно прибавить что полицейскій надзоръ, которому онъ подчиненъ, представляетъ большія затрудненія и лишаетъ его возможности добыть себѣ правительныя средства существованія. Такимъ образомъ, тюрьмы ежегодно вносятъ въ общество по нѣскольку тысячъ освобожденныхъ преступниковъ, окончательно въ ней развратившихся и увеличивающихъ собою зловредную армію преступленія.

Мы объяснимъ себѣ вполне, почему *тюрьмы* развращаютъ заключенныхъ вмѣсто того чтобы исправить ихъ, если рассмотримъ, по указаніямъ гг. Корна и Денре, каково нынѣшнее положеніе тюремъ во Франціи, какія системы въ нихъ господствуютъ, и какими средствами онѣ управляются.

Во Франціи существуетъ пять разрядовъ тюремъ: 1) Временныя тюрьмы (*maisons ou chambres de dépôt ou de sûreté*), назначенныя для временнаго помѣщенія преступниковъ, въ ожиданіи перевода ихъ въ постоянную тюрьму, и для содержанія тѣхъ которые, такъ или иначе, нарушаютъ порядокъ въ публичныхъ мѣстахъ. Такихъ *chambres de dépôt* 2.149, не считая полицейскихъ постовъ, при коихъ находятся такъ-называемые *vidons*, куда первоначально запираютъ нарушителей порядка. 2) Арестантскіе и исправительные дома, гдѣ помѣщаются присужденные къ тюремному заключенію на срокъ менѣе года; число ихъ простирается до 402. Въ продолженіе 1866 года 230.571 человекъ содержались въ *maisons de dépôt* и въ арестантскихъ домахъ, одни въ продолженіи нѣсколькихъ дней и даже нѣсколькихъ часовъ, другіе въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; среднимъ числомъ населеніе арестантскихъ домовъ простиралось до 20.460. 3) Центральныя

дома, гдѣ содержатся заключенные обоюго пола приговоренные къ тюремному заключенію болѣе чѣмъ на годъ, приговоренные къ заточенію (*réclusion*) и женщины приговоренныя къ каторжной работѣ: (Тюремное заключеніе въ собственномъ смыслѣ, *l'emprisonnement*, есть наказаніе которое налагается отъ одного дня и до пяти лѣтъ. Заточеніе, *réclusion*, есть такое тюремное заключеніе которое налагается отъ пяти и до десяти лѣтъ. Каторжная работа, *travaux forcés* для женщинъ есть тюремное заключеніе, которое, подобно *réclusion*, не можетъ быть менѣе пяти лѣтъ, но можетъ быть и вѣчное.) Всѣхъ центральныхъ домовъ 26, и въ нихъ 31-го декабря 1868 года было 18.053 заключенныхъ. 4) Галеры и колоніи, въ которыхъ мушкеты подчиняются каторжной работѣ. Галеры находятся только въ Тулонѣ, гдѣ работаютъ до 1.594 человекъ, и двѣ пенитенціарныя колоніи, одна въ Гвианѣ, гдѣ находится 4.966 ссыльныхъ, и другая въ Новой Каледоніи, гдѣ число таковыхъ простирается до 428. Наконецъ 5) исправительныя воспитательныя заведенія, гдѣ содержатся дѣти обоюго пола, которыя, совершивъ какой-либо проступокъ до шестнадцатилѣтняго возраста, объявляются проступившимися безъ разумія. Ихъ считаютъ до 60, съ населеніемъ въ 7.734 заключенныхъ. Такова статистика нашихъ пенитенціарныхъ заведеній.

Посмотримъ же каковы эти заведенія. Начнемъ съ временныхъ тюремъ и арестантскихъ домовъ. Нѣсколько времени тому назадъ, во время бульварныхъ беспорядковъ, нѣкоторыя изъ задержанныхъ лицъ напечатали въ газетахъ разказы, въ которыхъ они съ негодованіемъ изображали грязныя клоаки полицейскихъ бюро въ которые ихъ загоняли, и гдѣ недостатокъ воздуха и самая возмутительная нечистота заставляли ихъ страшно страдать. Описанія эти не только вѣрны относительно *viols* полицейскихъ бюро, но они вѣрны и относительно большей части временныхъ тюремъ и арестантскихъ домовъ. Вотъ что говоритъ г. Корнъ:

„Въ самыхъ большихъ городахъ лица отводимыя въ *dépôt*, — пьяницы, бродяги, преступники задержанные на мѣстѣ преступленія, а по временамъ и весьма почтенные граждане захваченные по ошибкѣ, большею частью помѣщаются какъ попало въ залахъ безъ свѣта и воздуха. Въ Аміенѣ, напримеръ, кельи устроены въ стѣнахъ старой и темной башни. Туда бросаютъ иногда по семи и восьми человекъ пьяныхъ,

больныхъ, неопрятныхъ до крайности. Если кто-нибудь изъ нихъ начнетъ буянить и драться, то отдѣлить его отъ товарищей можно только запирая его на ступеняхъ узкой витой лѣстницы, спускающейся до уровня глубокихъ погребовъ нынѣ заложенныхъ. Въ Парижѣ комнаты для арестантовъ, примыкающія къ каждому полицейскому посту, превращаются по временамъ въ заразительныя клоаки. Дено полицейской префектуры нынѣ перестроено, и хотя свѣта и воздуха тамъ все-таки недостаточно, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ отличный видъ, сравнительно съ его прежнимъ ужаснымъ положеніемъ. Но еслибы пожелали сдѣлать изъ него нѣчто въ родѣ всесвѣтнаго центра, гдѣ самыя зловредныя преступники, притекающіе въ Парижъ со всѣхъ сторонъ, могли бы встрѣчаться и знакомиться, то его не расположили бы иначе. Ихъ тамъ до сотни и болѣе въ обширной залѣ. Они то и дѣло приходятъ туда и уходятъ оттуда. Это отребіе всѣхъ профессій, позоръ и опасность для города. Ихъ содержатъ вмѣстѣ, въ совершенной праздности, въ продолженіе цѣлыхъ дней и даже цѣлыхъ недѣль. Они успѣваютъ познакомиться между собою, сговориться, и какъ только выходятъ на свободу, то соединяются для новыхъ преступленій. Въ дено полицейской префектуры воры-новички научаются отъ посѣдѣвшихъ въ воровствѣ преданіямъ профессіи, ловкимъ *штукамъ*, наиболее безопасному образу дѣйствій, узнаютъ сборные пункты и надежныхъ укрывателей. Арміи преступленія пополняются здѣсь безпрерывно. Дѣти отдѣлены отъ взрослыхъ, но содержатся вмѣстѣ, безъ надзора, въ соседней залѣ, и понятнo что тотъ кто наиболѣе изоцился въ развратѣ приобретаетъ наиболѣе вліянія надъ своими товарищами. Такое же смѣшеніе въ отдѣленіи отведенномъ для женщинъ, тѣ же послѣдствія обоюднаго разврата. Стараются не смѣшивать проститутокъ съ прочими заключенными, но самыя развратныя изъ нихъ не всегда попадаютъ въ списки полиціи. Есть тамъ, правда, нѣсколько отдѣльныхъ каморокъ, но онѣ далеко не удовлетворяютъ потребностямъ размѣщенія. Въ нихъ сажаютъ людей, слывущихъ опасными, и такихъ которымъ хотятъ оказать снисхожденіе, не помѣщая ихъ въ общей залѣ. Но тѣснота тамъ такая что во многихъ изъ этихъ каморокъ помѣщаютъ по два заключенныхъ разомъ, что, по всѣмъ пенитенціарнымъ теоріямъ, есть наихудшій способъ заключенія. То же самое смѣшеніе и тѣснота господствуютъ въ такъ-называемыхъ *promenoirs*, нѣчто въ родѣ прямоугольныхъ клѣтокъ, числомъ около дюжины, которыя помѣщаются на маленькомъ дворѣ окруженномъ огромными зданіями. Въ каждой изъ этихъ клѣтокъ, имѣющихъ не болѣе 30 квадратныхъ метровъ пространства, помѣщается отъ десяти до пятнадцати заключенныхъ.“

Арестантскіе дома также неудовлетворительны. Такъ какъ большая часть ихъ старинные форты, выстроенные исключительно въ видахъ защиты, то стѣны ихъ толщины громадной, и отверстія въ нихъ очень рѣдки. По лѣстницамъ и по узкимъ извилистымъ корридорамъ можно пробираться только съ большимъ трудомъ. Дворы, гдѣ они есть, окружены со всѣхъ сторонъ зубцами и бойницами. Нерѣдко тамъ нѣтъ ни воздуха, ни простора, и большею частью всѣ разряды заключенныхъ тамъ перемѣшаны.

Прочтите, напримѣръ, описаніе арестантскаго дома Сенъ-Дени:

„Вообразите себѣ на пространствѣ относительно сжатомъ, пересѣченномъ широкимъ водостокомъ, открытымъ сверху, по которому струится черная, зловонная вода переполненная нечистотами, скопленіе разрушающихся зданій, стѣны коихъ, съ растреснувшеюся известью, покрыты, какъ бы проказой, широкими пятнами отъ осадка селитры. Большая часть замъ низки и тѣсны: въ нѣкоторыя едва проникаетъ свѣтъ, и воздухъ, и уровень почвы ниже уровня дворовъ. Стропила и балки на потолкахъ развѣхались и какъ бы готовятся рухнуть; оказалось необходимымъ подпереть ихъ во многихъ мѣстахъ. Мѣста до такой степени мало что нѣкоторыя спальни пришлось на день превратить въ мастерскія. Койки лежатъ одна на другой, и чугунныя печи распостраиваютъ зимой вредную теплоту. Столовыхъ нѣтъ, и во всякое время года обѣдать приходится на дворѣ. Неопрятность заключенныхъ, большая часть коихъ старые и немощные, нищіе и бродяги, выше всякаго описанія. Для поправленія этихъ недостатковъ нѣтъ никакихъ средствъ. Директоръ тюрьмы сообщилъ мнѣ, когда я ее осматривалъ, что онъ позволилъ разъ двумъ заключеннымъ надѣть бумажныя фуфайки, и они проносили ихъ полгода, не снимая, такъ что потомъ ихъ пришлось сжечь. Въ нихъ завелось такъ много насѣкомыхъ что, по энергическому выраженію директора, онѣ ходили безъ посторонней помощи.“

Устройство арестантскихъ домовъ, несмотря на страсть къ объединенію характеризующую французскую администрацію, далеко не однообразно во Франціи. Отсюда неравенство въ примѣненіи наказаній, смотря по тому подвергаются ли имъ заключенные въ той или другой тюрьмѣ. Такъ, 1-го января 1866 года, изъ 394 арестантскихъ домовъ въ департаментахъ, 46 были устроены для одиночнаго заключенія, 22 только частію для одиночнаго заключенія, 159 въ видахъ системы смѣшаннаго заключенія и наконецъ во 167 всѣ различные

классы заключенныхъ были смѣшаны между собою. Работа вообще организована очень дурно, или даже вовсе не организована, такъ что въ нѣкоторыхъ домахъ приговоренные къ простому исправительному наказанію могутъ подвергаться въ продолженіи года одиночному тюремному заключенію безъ работы, что составляетъ жесточайшую изъ всѣхъ пытокъ.

Перейдемъ къ центральнымъ домамъ, наиболее важнымъ съ точки зрѣнія уголовныхъ наказаній, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ населеніе преступниковъ осужденныхъ ассизнымъ судомъ и приговоренныхъ къ долгосрочному наказанію. Прочитавъ описаніе этихъ жалкихъ убѣжищъ, вы поймете почему несчастные населяющіе ихъ развращаются тамъ, а не улучшаются, и почему они доставляютъ арміи преступленія все возрастающій контингентъ рецидивистовъ.

Изъ 26 центральныхъ домовъ, 18 назначены для мужчинъ и заключаютъ въ себѣ 14.795 человекъ, а 8 для женщинъ, гдѣ таковыхъ содержится 3.258. Только немногіе изъ этихъ домовъ были выстроены со специальнымъ ихъ назначеніемъ. Большая же часть ихъ помѣщена, подобно арестантскимъ домамъ, въ старыхъ аббатствахъ или замкахъ. Въ каждомъ находится по нѣскольку сотъ заключенныхъ. Тѣснота и неудобства господствуютъ въ нихъ. Таковы, на примѣръ, дома въ Клермонѣ, Меленѣ, Гальтонѣ и Кадильякѣ. Въ Гальтонѣ въ 1865 году фосфорныя испаренія, поднимавшіяся изъ мастерской гдѣ приготовлялись химическія спички, причиняли частыя болѣзни рабочимъ занимавшимся въ сосѣднихъ мастерскихъ. Въ нѣкоторыхъ спальняхъ койки поставлены чрезвычайно близко одна къ другой, и не вездѣ устроена надлежащая вентиляция. Въ центральныхъ домахъ соблюдается удовлетворительная чистота относительно строеній и утвари, но тѣлесная чистота остается въ крайнемъ небреженіи. Всякій заключенный беретъ ванну при вступленіи въ тюрьму, затѣмъ онъ долженъ погружаться въ воду два раза въ годъ, когда перемѣняетъ свое зимнее платье на лѣтнее, и наоборотъ. Позволительно думать, какъ замѣчаетъ г. Корзъ, что этого недостаточно. Еще неизвинительнѣе пренебреженіе къ ежедневному умыванію лица и рукъ. Въ спальняхъ не имѣется воды. Какъ только встанутъ заключенные съ постели, они отправляются въ свои мастерскія и садятся за работу. Умываться они могутъ только выходя на тюремный дворъ. Но въ продолженіе получасоваго отдыха двумъ-тремъ стамъ

человѣкамъ невозможно умыться, когда въ ихъ распоряженіе предоставляется только одинъ крайъ, да въ добавокъ у нихъ нѣтъ ни мыла, ни полотенецъ. Затѣмъ, въ дождливые дни они не выходятъ на дворъ, въ морозы крайъ не дѣйствуетъ. Итакъ они поневолю не умываются. Единственный предметъ туалета который обязателенъ для нихъ есть гребенка; но прятать ее имъ некуда, кромѣ маленькаго мѣшка, куда они кладутъ также свою ложку и хлѣбъ. Такъ по крайней мѣрѣ ведется въ тюрьмѣ Лооса, и исключенія изъ подобнаго порядка вещей весьма рѣдки.

Работа введена въ тюрьмахъ министромъ Шалталемъ, и это большое благодѣяніе. Работа поддерживает дисциплину лучше всякаго наказанія, она ограждаетъ до нѣкоторой степени нравственность заключенныхъ, и благодаря ей же, оказалось возможнымъ доставить заключеннымъ нѣкоторыя удобства. Въ 1848 году ее отменили на короткое время, въ угоду рабочимъ, которые роптали на конкуренцію чинимую имъ работой заключенныхъ, но вскорѣ оказалось необходимымъ возстановить ее. Было бы еще лучше, еслибы заключеннымъ не навязывали занятій къ которымъ они неспособны, и въ особенности еслибъ ихъ не обременяли чрезмѣрною работой. Какъ бы то ни было, вотъ какимъ образомъ организована эта работа. Одинъ предприниматель промышленности беретъ на себя эксплуатацію работы въ центральныхъ домахъ, за исключеніемъ пяти домовъ, гдѣ введена система регаліи, и гдѣ работа сдается съ публичныхъ торговъ. Конечно, заключенный получаетъ только часть заработной платы обозначенной въ контрактѣ. Если онъ подчиненъ исправительному наказанію, то получаетъ пять десятыхъ, если же приговоренъ къ заключенію за преступленія, то четыре, и наконецъ, три, если онъ подвергнутъ каторжной работѣ. Наказанные повторно лишаются одной или двухъ десятыхъ за каждое прежнее осужденіе, и такъ далѣе до одной десятой, которая во всякомъ случаѣ остается въ пользу заключеннаго. Доля преступника раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна, подъ названіемъ *réserve disponible*, идетъ на покупку добавочныхъ стѣстныхъ припасовъ и платья, употребленіе коихъ дозволено правилами, и на продажу коихъ имѣетъ исключительное право предприниматель, а другая половина, подъ названіемъ *réserve de réserve*, откладывается для выдачи осужденному при

выходѣ его изъ тюрьмы. Въ 1866 году *pécule disponible* въ центральныхъ домахъ простиралось до 875.946 фр. или по 13 сантимовъ въ день, а *pécule de réserve* до 670.827 фр. или по 7 сантимовъ въ день среднимъ числомъ. Работа продолжается ежедневно 11 или 12 часовъ; заключеннымъ даютъ только два часа на обѣдъ и прогулку, отъ 9 до 10 часовъ утромъ, и отъ 4 до 5 вечеромъ. Съ 1839 года между ними введена была система безмолвія. Этимъ имѣлось въ виду предупредить вредное вліяніе ихъ другъ на друга, но излишне было бы прибавлять что, несмотря на непрерывныя наказанія, соблазна слишкомъ силенъ, и они бесѣдуютъ между собою знаками или шепотомъ какъ только отвернется надзиратель. Вотъ въ чемъ заключается ихъ отдохновеніе. Послѣ обѣда и ужина ихъ выводятъ на дворъ, гдѣ проложены узкія дорожки вымощенныя дикимъ камнемъ или кирпичами. По этимъ дорожкамъ они должны прохаживаться въ продолженіе часа гуськомъ, то-есть одинъ вслѣдъ за другимъ. Здѣсь, такъ же какъ и въ мастерскихъ, они должны соблюдать полное безмолвіе. По воскресеньямъ расхаживанье это продолжается цѣлый день, прерываясь только богослуженіемъ и обѣдомъ. Если идетъ дождь, то заключенные сидятъ въ мастерскихъ предъ своими инструментами, не касаясь ихъ. Такъ какъ по праздникамъ съ ними больше хлопотъ, то ихъ отправляютъ въ спальни въ шесть часовъ вечера. Впрочемъ и по буднямъ ихъ отправляютъ туда въ семь часовъ, и они лежатъ въ постелѣ лѣтомъ до шести часовъ утра, зимой до семи, то-есть въ продолженіе двѣнадцати и даже тринадцати часовъ. Нѣсколько знакомые съ тюремными обычаями легко могутъ представить себѣ къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ подобная система.

Пища заключенныхъ въ большей части тюремъ крайне недостаточна; оттого она разрушаетъ физическую силу и нравственную энергію. Заключенный, утомленный и ослабѣлый, работаетъ дурно и даже, какъ говоритъ г. Кюрнъ, подобно лошади навьюченной не по силамъ, которая вдругъ останавливается и не идетъ далѣе, отказывается положительно работать. Тогда его сажаютъ въ карцеръ. Тамъ, за исключеніемъ двухъ дней въ недѣлю, когда онъ получаетъ свою обычную скудную порцію (хлѣбъ, супъ и овощи), ему даютъ ежедневно только 750 .граммовъ (около двухъ фунтовъ) хлѣба. Большая часть карцеровъ дурно освѣщена и лишена воздуха

Бываютъ такіе, какъ напримѣръ въ центральномъ домѣ Лооса, гдѣ воздухъ и свѣтъ проникаютъ только сквозь траппъ, который приподнимается днемъ чрезъ каждыя два часа. Запахъ тамъ отвратительный, и зловоніе усиливается еще отъ ужасной вонючей, которая во многихъ тюрьмахъ не замѣнена еще ватеръ-клозетами. Въмѣсто постели въ карцерѣ положены доски и одѣяло. Наказаніе еще усиливается оковами на рукахъ и ногахъ. Заключенный осужденъ на полнѣйшее бездѣйствіе. Онъ проводитъ дни и ночи лежа или сидя въ тяжелой дремотѣ, и такъ продолжается иногда цѣлые мѣсяцы. Кромѣ карцера, употребляются еще различныя наказанія, души изъ холодной воды, насильственная прогулка. Осужденные на послѣднюю должны иногда въ продолженіе цѣлой недѣли ходить безъ отдыха. Употребляются также колодки различныхъ формъ. Прибѣгаютъ наконецъ, и очень часто, къ лишенію пищи людей и безъ того ослабѣвшихъ отъ недостаточнаго содержанія. Ничего или почти ничего не дѣлается для нравственнаго исправленія или обученія заключенныхъ, изъ коихъ большая часть не умѣютъ ни читать ни писать. Въ большей части тюремъ нѣтъ даже наставника. Въ 1865 году былъ наставникъ въ тюрьмѣ Лооса, которому поручено было просвѣщать 1.200 заключенныхъ въ центральномъ домѣ, да еще обучать 316 дѣтей въ исправительномъ заведеніи Св. Бернарда. Сверхъ того у него была должность въ канцеляріи. Несчастный, утраченный такимъ множествомъ обязанностей, ничего не дѣлалъ и только пьянствовалъ. Тѣмъ не менѣе воспитанники Св. Бернарда и въ отсутствіе его посѣщали школу. Постановленіе было выполняемо! Точно также, вопреки распоряженію 1844 года, въ большей части центральныя домовъ нѣтъ библиотекъ. Если даже и случается что гдѣ-нибудь есть библиотека, то или она остается недоступною заключеннымъ, или книги подобраны такимъ образомъ что ими не могутъ пользоваться невѣжественные и полуграмотные люди. Какимъ же образомъ подобная система не развратила бы осужденныхъ? Имъ запрещено всякое удовольствіе, всякое честное развлеченіе. Они необузданно предаются самымъ постыднымъ скотскимъ увлеченіямъ. Въ пресыщеніи самыхъ гнусныхъ страстей они ищутъ забвенія своей горькой участи. Это страшное существованіе кладетъ неизгладимое клеймо на каждого кто имѣлъ несчастье переносить его. Тюремный чиновникъ

почти всегда сразу узнаеть, даже по простествіи долгаго времени, человека который проживалъ нѣкогда въ центральномъ домѣ. Во время заключенія недостатокъ воздуха придаетъ лицу какой-то поблеклый видъ; тѣло становится одутловатымъ, слабымъ, походка медленною, а если она ускоряется, то походить на движенія человека который расхаживаетъ по тѣсному пространству и боится задѣть за что-нибудь. Локти какъ бы приросли къ туловищу, глаза потуплены въ землю, и даже разговаривая, заключенный избѣгаетъ смотрѣть прямо въ глаза своему собесѣднику. Прибавимъ къ этому что заключенные ненавидятъ другъ друга, и что дурныя чувства ихъ развиваются вслѣдствіе шпионства къ которому ихъ причають въ тюрьмахъ.

„Въ одномъ изъ отдѣленій Дантова *Ада*,—говорить въ заключеніе г. Корнъ, у котораго я заимствую это мрачное описаніе центральныхъ домовъ,—изображены грѣшники, которыхъ безъ отдыха и устали бичуютъ демоны. Наши центральные дома представляютъ намъ зрѣлище болѣе страшной казни. Здѣсь сами жертвы безъ сожалѣнія и отдыха бичуютъ другъ друга, и самая боль только раздражаетъ до неистовства ихъ безумную ярость.“

„Тюремное заключеніе, говоритъ въ свою очередь г. Денре, только собираетъ вмѣстѣ всѣ гнусныя свойства человѣческія, нумеруетъ ихъ, снабжаетъ ярлыками, и потомъ пускаетъ ихъ снова въ оборотъ съ процентами порока капитализованными со времени исполненія приговора.“

Можно ли удивляться, если населеніе заключенныхъ, подчиненное подобной системѣ, становится жертвой исключительной смертности? Между тѣмъ какъ средняя цифра смертности свободнаго населенія, со включеніемъ стариковъ и дѣтей, изъ коихъ умираетъ самое значительное число, исчисляется во Франціи въ 2,29 %, въ центральныхъ домахъ, гдѣ нѣтъ дѣтей и гдѣ стариковъ очень мало, смертность была 4,22 % въ 1866 году, въ 5,10 % въ 1865 и 5,30 % въ 1864 г. Въ 1863 году центральный домъ Болье терялъ 12,09 на ст изъ своего личнаго состава; въ 1866 году Кадиалька терялъ 8,48. Принимая въ расчетъ отсутствіе дѣтей и ничтожное число стариковъ находящихся въ центральныхъ домахъ можно вывести заключеніе что смертность тамъ втрое значительнѣе обыкновенной.

Тѣ изъ заключенныхъ, которые не умираютъ, вносятъ, и

освобожденіи своемъ, только развратъ въ общество, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуеетъ все возрастающая цифра рецидивовъ. И можетъ ли быть иначе? Мы видѣли уже какъ заботится тюрьма объ ихъ нравственномъ улучшеніи. Чѣмъ становятся они по выходѣ своемъ изъ оной? Они отправляются въ мѣсто назначенное имъ для жительства, гдѣ и поступаютъ подъ надзоръ полиціи. На основаніи декрета 8-го декабря 1851 года, правительство имѣетъ право назначить мѣсто гдѣ долженъ жить осужденный по истеченіи срока его наказанію. Администрація установила формальности коими свидѣствуется неотлучное пребываніе заключеннаго въ назначенномъ ему мѣстѣ для жительства. Онъ не можетъ переселяться оттуда безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ живетъ, всѣмъ извѣстно кто онъ; всѣ отъ него устраниются, и онъ не можетъ найти себѣ работы, какъ бы онъ того ни желалъ. Да и всегда ли онъ въ состояніи въ мѣстѣ назначенномъ ему для пребыванія употребить въ дѣло ремесло которому онъ научился въ тюрьмѣ? Легко можетъ случиться что единственная промышленность, которая извѣстна ему, вовсе не существуетъ въ томъ городѣ куда его поселили. Такимъ образомъ тюрьмы выпускаютъ въ общество тысячи людей скованныхъ цѣпью надзора; въ ожиданіи случая къ новому преступленію, они ведутъ жизнь тревожную, полную отчаянія; они убѣгаютъ изъ мѣста своего жительства какъ дикіе звѣри, разламывающіе клетку, и разсыпаются куда попало.

„У насъ“, говорили тридцать лѣтъ тому назадъ гг. де-Бомонъ и де-Токвиль (и замѣчанія ихъ вѣрны и въ настоящую минуту) въ сочиненіи *Пенитенціарная система въ Соединенныхъ Штатахъ*, „осужденный по выходѣ изъ тюрьмы встрѣчаетъ повсюду одни только препятствія и затрудненія. Полицейскій надзоръ, которому онъ подчиненъ, приковываетъ его къ одному мѣсту, откуда онъ не смѣетъ двинуться, если не желаетъ подвергнуться новому наказанію. Онъ принужденъ проживать въ мѣстности, гдѣ первое преступленіе его офиціально извѣстно, и гдѣ все содѣйствуетъ къ лишенію его необходимыхъ средствъ для жизни.“

Можетъ случиться, правда, что онъ имѣетъ небольшую сумму денегъ, которая выдается ему по прибытіи его въ мѣсто назначенное ему для жительства, но суммы этой, по большей части,

ему достаетъ только на прожитокъ въ теченіи нѣсколькихъ дней или недѣль. Въ 1865 году, изъ 1.000 освобожденныхъ, пятьсотъ восьмидесяти четыремъ, по прибытіи ихъ на мѣсто жительства, выданы были заработанныя ими въ тюрьмѣ деньги; 213-ти пришлось по сту франковъ на человѣка. Остальнымъ этихъ денегъ едва достало на путевыя издержки и одежду; а 24-мъ изъ нихъ оказалось необходимымъ выдать пособие. Но, по справедливому замѣчанію г. Денре, еслибы даже сумма заработанныхъ денегъ была для всѣхъ осужденныхъ гораздо значительнѣе, то и тогда положеніе ихъ было бы немногимъ лучше. Стоитъ принять въ соображеніе что дѣлается съ людьми которые, и не будучи подвергнуты наказанію и выпущены изъ тюрьмы, вдругъ получаютъ, послѣ продолжительнаго стѣсненія и бѣдности, въ свое распоряженіе значительную сумму. Посмотрите, какъ употребляютъ свое жалованье моряки по возвращеніи изъ продолжительнаго крейсерства, и что дѣлаютъ со своими деньгами охотники нанимающіеся за другихъ въ военную службу. Ужели можно требовать чего-нибудь много отъ освобожденныхъ изъ тюрьмы? Обладаніе относительно большою суммой денегъ по выходѣ изъ тюрьмы не заключаетъ ли въ себѣ такихъ соблазновъ противъ которыхъ не устоитъ самая твердая воля? Этотъ внезапный переходъ отъ самаго стѣснительнаго рабства къ свободѣ не уничтожаетъ ли часто самыхъ лучшихъ намѣреній? Заработанныя въ тюрьмѣ деньги не становятся ли средствомъ къ удовлетворенію преступныхъ страстей и пороковъ, которые такъ долго были сдавлены?

Вслѣдствіе этого полученная сумма издерживается скоро, и что тогда приходится дѣлать освобожденному изъ тюрьмы, въ виду настоятельной необходимости жить чѣмъ-нибудь? Тюрьма не исправила его нравственности, напротивъ ухудшила ее; а жестокая опека, тяготѣвшая надъ нимъ, отнюдь не научила его *самоуправленію* въ такой степени, чтобъ онъ могъ самъ промыслить о себѣ, если даже допустимъ что онъ вступаетъ въ общество безъ всякаго позорнаго клейма и безъ полицейскаго надзора. Что жъ ему приходится дѣлать, какъ не вступить снова на прежнее поприще преступленія? И вотъ почему легионъ освобожденныхъ, ежегодно выпускаемыхъ изъ тюремъ въ общество, обращается почти въ полномъ составѣ въ контингентъ арміи преступленія.

Осужденные на временную или вѣчную каторгу отправ-

ляются, какъ мы уже видѣли, на тулонскія галеры или въ пенитенціарныя колоніи Гвіаны и Новой Каледоніи. Тулонскія галеры остаются тѣмъ же чѣмъ онѣ были въ XVIII столѣтіи. Преступники также скованы по-парно одною цѣпью и ночью всѣ вмѣстѣ приковываются *au grand ratas*. За малѣйшее уклоненіе отъ постановленныхъ правилъ ихъ наказываютъ палками. Но они работаютъ на чистомъ воздухѣ, могутъ разговаривать съ товарищами; вотъ почему преступники большею частію предпочитаютъ работу на галерахъ пребыванію въ центральныхъ домахъ, и вслѣдствіе этого стараются даже совершить болѣе тяжкое преступленіе. Впрочемъ, галерныя работы предполагается упразднить и замѣнить ссылкой въ заморскія пенитенціарныя колоніи. Перемена эта предписана декретомъ 27-го марта 1852 года и закономъ 30-го мая 1854 года, въ силу коего основана пенитенціарная колонія въ Гвіанѣ. Но если мысль была хороша, то исполненіе ея, какъ часто случается во Франціи, нисколько ей не соответствовало. Для учрежденія этой пенитенціарной колоніи избрали страну, гдѣ, какъ доказано было многими прискорбными опытами, Европеецъ не въ состояніи переносить земляной работы. Сверхъ того предпріятіе выполнялось съ крайнею поспѣшностью. Изъ свѣдѣній обнародованныхъ въ 1857 году морскимъ министромъ видно, что не было сдѣлано никакихъ приготовленій для помѣщенія тамъ новыхъ поселенцевъ. Едва переселенцы эти ступили на берегъ, какъ начался рядъ бѣдственныхъ перемѣненій по всѣмъ закоулкамъ этой земли, обреченной проклятію. Едва устроится тамъ заведеніе, какъ на него нападаетъ болотная лихорадка, истребляетъ половину населенія, и остальную половину приходится перемѣщать. Желтая лихорадка въ нѣсколько приемовъ уносила многочисленныя жертвы, а въ официальномъ сообщеніи желтая лихорадка представляется какимъ-то непредвидѣннымъ бѣдствіемъ, какъ будто до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ въ Каиеннѣ, тогда какъ она существуетъ тамъ почти постоянно. Правда, сообщеніе заявляетъ съ видимымъ удовольствіемъ что климатъ Гвіаны вполне удобенъ для Азіятцевъ и Негровъ. Вотъ выраженные цифрами результаты этого опыта, свидѣтельствующіе что для значительнаго числа ссыльныхъ присужденіе къ каторжной работѣ обратилось въ смертный приговоръ. Съ 1852 года до августа 1866 было отправлено въ Гвіану 17.017 человекъ,

между коими было значительное число политическихъ преступниковъ. 6.806 человекъ умерло; 809 бѣжали или пропали безъ вѣсти. Подобные результаты повелѣвъ заставили сознаться что мѣсто ссылки избрано было крайне опрометчиво, и тогда задумали ссылку въ Гвиану замѣнить ссылкой въ Новую Каледонію, которая хотя и отдѣлена отъ Франціи бѣльшимъ пространствомъ, но гдѣ климатъ не губителенъ для Европейцевъ.

Что касается до молодыхъ заключенныхъ, которые, по смыслу закона, должны быть помѣщаемы въ воспитательно-исправительныя заведенія, то они подчинены самымъ разнообразнымъ системамъ заключенія. Такъ, напримѣръ, относительно тѣхъ что содержались въ тюрьмѣ Ларокеттъ, были сдѣланы опыты одиночнаго заключенія. Опытъ этотъ повелъ къ такимъ страшнымъ результатамъ (бѣльшая часть несчастныхъ выходившихъ изъ этого такъ-называемаго воспитательнаго заведенія поражали своимъ невѣжествомъ и тупоуміемъ) что былъ оставленъ, и молодые заключенные переведены изъ тюрьмы Ларокеттъ въ земледѣльческія колоніи, между коими нѣкоторыя, и въ особенности колонія Меттре, заслуживаютъ всякой похвалы, но многія изъ нихъ еще далеки отъ совершенства.

Таково настоящее положеніе пенитенціарной системы во Франціи. Прибавимъ къ этому что недостаточный и дурно организованный личный составъ, завѣдующій ею, не въ состояніи устранить зло проистекающее отъ несовершенства матеріальнаго устройства и отъ недостатковъ системы. Вотъ что говоритъ, между прочимъ, г. Корнъ:

„Извѣстно ли вамъ сколько служащихъ состоитъ при центральномъ домѣ, заключающемъ въ себѣ отъ 1.000 до 1.200 заключенныхъ? Всего-на-все шесть, а именно: директоръ, инспекторъ, врачъ, наставникъ, духовникъ и главный смотритель. Правда, затѣмъ слѣдуетъ довольно большое число сторожей, но если очень часто главные начальники не исполняютъ своихъ обязанностей, то какъ мало можно полагаться на подчиненныхъ имъ агентовъ! Нерѣдко случается что послѣдніе не только подчиняются нѣкоторымъ изъ преступниковъ, но и не всегда недоступны для подкупа. Оказалось необходимымъ запретить имъ вступать въ разговоры съ тѣми которые поручены ихъ надзору, и ежедневно переводить ихъ изъ одной мастерской въ другую. Опасаются чтобы заключенные не имѣли на нихъ вреднаго вліянія, а о полезномъ

вліяніи ихъ на заключенныхъ кѣтъ и рѣчи. Вышихъ чиновниковъ можно упрекнуть въ бездѣйствіи и неспособности. Назначеніе ихъ производится иногда съ крайнею опрометчивостью: важныя мѣста раздаются по протекціи людямъ, конечно, весьма почтеннымъ, но рѣшительно неспособнымъ къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Еще недавно мы видѣли что заведываніе тюрьмами сначала Сѣвернаго департамента, потомъ департамента Па-де-Кале, вновь устроенными и требовавшими особенныхъ хлопотъ, было поручено отставному жандармскому полковнику, изувѣченному и неспособному заниматься чѣмъ бы то ни было!⁴

Это прискорбное положеніе вещей требуетъ настоятельнаго исправленія. О немъ ежегодно напоминаетъ администрація постепенно увеличивающееся число преступниковъ впадающихъ въ новыя преступленія. Къ несчастію, публика мало знакома съ пенитенціарными вопросами, и за исключеніемъ двухъ замѣчательныхъ сочиненій, разбираемыхъ мною, и появившихся недавно, мало найдется книгъ которыя бы излагали эти вопросы популярно. Попытки, впрочемъ, были уже сдѣланы для перемѣны системы, недостатки коей слишкомъ очевидны, но между этими попытками одна, имѣвшая цѣлю ввести повсюду одиночное заключеніе, основывалась на ложной и безчеловѣчной системѣ (съ 1854 года оставлена мысль о примѣненіи ея иначе какъ въ видѣ исключенія); другая же, напротивъ, — я разумѣю пенитенціарныя колоніи, организованныя въ странѣ или за моремъ, — была основана на вѣрной идеѣ, но примѣнена съ крайнею небрежностью и неосмотрительностью. Такимъ образомъ о пенитенціарной системѣ Франціи можно смѣло сказать что въ ней все нужно переделывать или создать вновь.

Одиночное заключеніе, имѣющее многочисленныхъ сторонниковъ, основано, какъ я замѣтилъ выше, на ложной идеѣ, а именно, что „удиненіе ведетъ къ нравственному улучшенію“, тогда какъ оно есть величайшая изъ пытокъ. Впрочемъ оно отнюдь не такъ ново какъ воображаютъ. Одиночное заключеніе есть не что иное какъ *in pace*, придуманное средневѣковыми монахами и почитавшееся даже въ то время слишкомъ жестокимъ наказаніемъ. „Честъ изобрѣтенія этой новой казни, говоритъ Дуазель въ своихъ *Institutions Coutumières*, принадлежитъ пріору монастыря Св. Мартина *des Champs*, по имени Матье. Король, извѣстясь объ этихъ истязаніяхъ,

ужаснулся, и мы узнаемъ изъ парламентскихъ регистровъ что въ 1350 году было предписано чтобъ аббаты и прочіе настоятели посѣщали заключенныхъ дважды въ мѣсяцъ и дозволяли прочимъ монахамъ, по ихъ назначенію, посѣщать ихъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю.“ Конечно, нынѣшнія кельи свѣтлѣе и опрятнѣе средневѣковыхъ монастырскихъ *in pace*, но страданіе переносимое въ одиночествѣ то же самое. „Какое дѣло, справедливо замѣчаетъ г. Депре, подъ землей или на поверхности ея находится могила куда бросаютъ живаго человѣка? Мракъ, сырость, заразительный воздухъ суть только второстепенныя свойства такого убѣжища. Главная, настоящая мука есть одиночество, налагаемое на существо рожденное для того чтобы жить въ обществѣ, и которое безъ общества обойтись не можетъ? Физическая пытка отмѣнена, но ужели прогрессъ заключается въ замѣнивъ ея нравственною пыткой?“ „Иногда принимаютъ за человѣколюбіе, продолжаетъ г. Депре, то что есть не болѣе какъ видоизмѣненіе варварства. Тотъ самый у кого совѣсть спокойна, потому только что руки у него не запятнаны кровью, кто считаетъ себя кроткимъ, потому что онъ устраняетъ отъ себя стоны страданія и вопли истязуемыхъ, придумываетъ казни превышающія человѣческія силы, казни, которыя по своей продолжительности и своимъ результатамъ страшнѣе всего что могли когда-либо придумать самые утонченныя палачи. Страданіе поражающее тѣло, по необходимости, весьма ограничено; страданіе поражающее душу безпредѣльно. Тотъ кто принимается за тѣло сокрушить его очень скоро, кто беретъ за душу не можетъ, что бы онъ ни дѣлалъ, сокрушить ее разомъ; какія бы средства онъ ни употреблялъ для истязанія души, она будетъ биться гораздо долѣе чѣмъ тѣло.“ Но улучшаетъ ли по крайней мѣрѣ это мучительное, противуестественное положеніе, называемое одиночествомъ, того несчастнаго котораго ему подвергаютъ? Откуда можетъ послѣдовать такое улучшеніе? Ошибочно предполагать чтобы заключенный, натура невѣжественная и зараженная порокомъ, воспользовался удивленіемъ чтобъ одуматься и заняться нравственными размышленіями. Опытъ свидѣтельствуетъ что одни изъ нихъ тупѣютъ, другіе сходятъ съ ума, и что значительное число ихъ впадаетъ въ мрачное отчаяніе, доводящее до самоубійства. Въ Мазасской

тюрьмъ, гдѣ одиночное заключеніе нѣсколько смягчено, и приняты всѣ предосторожности противъ попытокъ къ самоубійству, такихъ случаевъ было однако 61 въ продолженіи шестнадцати лѣтъ. Кто пожелаетъ узнать обычныя слѣдствія продолжительнаго одиночнаго заключенія, тотъ пусть прочтетъ слѣдующій потрясающій разказъ г. Корна, и конечно, по прочтеніи его, всякій спроситъ, ужели заключеніе въ одиночной тюрьмѣ не есть „медленная пытка“, болѣе утонченная чѣмъ древняя, грубая пытка варварскихъ временъ, имѣвшая по крайней мѣрѣ то достоинство что она была коротка:

„Въ 1865 году я видѣлъ въ Лоосѣ молодаго человѣка 22 лѣтъ, присужденнаго къ десятилѣтней каторжной работѣ за попытку поджечь тюрьму. Два года онъ сидѣлъ въ кельѣ, едва возвышавшейся надъ уровнемъ почвы. Въ двухъ метрахъ отъ его окна возвышалась стѣна, не допускавшая воздуха и свѣта. Тамъ, имѣя единственнымъ товарищамъ воробья и горлицу, единственнымъ занятіемъ вязаніе стѣтъ, единственнымъ развлеченіемъ французскій лексиконъ, онъ прозябалъ, блѣдный, истомленный, постыжаемый только сторожемъ и въ двѣ недѣли разъ духовникомъ. Изъ этой кельи, расположенной въ углу двора, онъ не имѣлъ даже утѣшенія видѣть издали проходящаго человѣка или слышать какой-нибудь шумъ. Въ сравненіи съ могилой, въ которую онъ былъ заключенъ, мазацкія кельи шумны и оживлены. Для своей ежедневной прогулки онъ имѣлъ только пространство оставшаеся свободнымъ между его кельей и стѣной, отдѣлявшею ее отъ остальной тюрьмы. Пространство это имѣло не болѣе двухъ метровъ ширины на семь метровъ длины. Когда я посѣтилъ его келью, то замѣтилъ въ углу три хлѣба почти не тронутые. Повидимому, въ продолженіи трехъ дней, онъ со своими воробьемъ и горлицей не съѣли его и фунта. Супъ, розданный нѣсколько часовъ тому назадъ, стоялъ нетронутый. При входѣ моемъ онъ всталъ, и стоялъ прислонясь къ стѣнѣ, въ положеніи робкаго и запуганнаго ребенка. Я заговорилъ съ нимъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ односложными словами; онъ не жаловался; напротивъ, онъ находилъ что всѣ очень добры къ нему. Меня глубоко поразило, какъ много времени было нужно ему чтобы понять самыя простыя фразы, потомъ обдумать ихъ и выразить какую-нибудь мысль. Когда происходитъ обвалъ въ рудникѣ, и въ какой-нибудь подземной галлерей остается живой человѣкъ, то ослабѣвшій голосъ его только съ продолжительными колебаніями доходить до слуха тѣхъ что спрашиваютъ его въ тревожномъ ожиданіи. Такимъ образомъ, разговаривая съ этимъ человѣкомъ, который стоялъ рядомъ со мной, котораго я могъ касаться моею рукой, я воображалъ

себѣ, по продолжительному промежутку между его отвѣтами и моими вопросами, что его голосъ выходилъ изъ значительной глубины, какъ голосъ человѣка живо погребеннаго подъ громадными массами. И дѣйствительно, безмолвіе и неподвижность, тяготѣвшія надъ нимъ, отдѣляли его отъ остальнаго человѣчества гораздо болѣе чѣмъ могли бы то сдѣлать самые густые слои земли или камня. Если этотъ несчастный возвратится когда-нибудь въ общество, что въ состояніи онъ будетъ дѣлать? Чего въ правѣ будутъ отъ него требовать? Всякая воля, всякая предусмотрительность были въ немъ задавлены и уничтожены. Это существо изувѣченное, которое бросать въ міръ, и которому навязнуть тяжкую обязанность жить, отнявъ у него все что могло бы ему содѣйствовать въ исполненіи этой обязанности, — силу физическую и нравственную, живое чувство отвѣтственности.“

Итакъ, нынѣ отказались уже отъ введенія въ общее употребленіе, по крайней мѣрѣ относительно заключенныхъ на долгія сроки, системы, не дѣйствительность которой относительно нравственнаго улучшенія и варварство, какъ бы оно ни прикрывалось филантропическими формами, слишкомъ очевидно доказаны опытомъ. Самые просвѣщенные спеціалисты, къ числу коихъ принадлежитъ и г. Корнъ, держатся того мнѣнія что одиночное заключеніе должно быть примѣняемо только къ тѣмъ обвиняемымъ и осужденнымъ которыхъ необходимо отдѣлять въ ихъ собственномъ интересѣ, облегчая по возможности это одиночество; можно примѣнять его также къ приговореннымъ на короткій срокъ, съ тѣмъ чтобы сократить его еще болѣе, и наконецъ, въ видѣ наказанія, къ непокорнымъ преступникамъ. Но по устраненіи одиночнаго заключенія, какъ наказанія общаго и нормальнаго, къ какой системѣ наказанія прибѣгнуть? Настоящее положеніе вещей невыносимо, и оно не можетъ продолжаться до безконечности, не подвергая съ каждымъ днемъ все большіе риски общественную безопасность; но чѣмъ же замѣнить его? Гг. Корнъ и Денре предлагаютъ систему земледѣльческой колонизаціи, уже примѣняемую въ Меттре и другихъ мѣстахъ къ молодымъ заключеннымъ, колонизаціи внутри страны и за моремъ, смотря по важности преступленій и строгости приговора. Возражаютъ что результаты этой системы, въ томъ видѣ какъ она примѣнялась до сихъ поръ, были губельны, что она сдѣлалась для болѣе части тѣхъ которые были ей подвергнуты смертнымъ приговоромъ; но

въ Гвианѣ причиною такого неуспѣха былъ дурной выборъ помѣщенія и небрежность администраціи. То же можно сказать и о попыткѣ замѣнить центральные дома пенитенціарными колоніями въ Корсикѣ. Тамъ съ 1865 года устроены были пенитенціарныя заведенія въ Кіавари, Казабіандѣ и Кастелуччо, на свободномъ пространствѣ и въ самыхъ живописныхъ мѣстностяхъ, но по крайней опрометчивости, избраны были именно такія мѣста гдѣ съ особенною силой свирѣпствуетъ *malaria*. Результатомъ этого была такая смертность которая по временамъ оставала за собою казенскую; въ Казабіандѣ она достигла въ 1865 году 24%, въ Кіавари 57%. Замѣчательно, что уже по устройствѣ пенитенціарнаго заведенія замѣтили что въ Казабіандѣ на нѣсколько миль въ окружности нѣтъ воды годной для питья. Вслѣдствіе этого, по послѣднимъ донесеніямъ, несмотря на всѣ расходы для очищенія воздуха, смертность простирается отъ 7% до 8% ежегодно. За то другія попытки примѣненія къ осужденнымъ работъ на чистомъ воздухѣ удались вполнѣ. Центральныи домъ въ Клерво, сказано въ статистическомъ отчетѣ о тюрьмахъ 1865 года, употребляетъ въ окружающихъ его лѣсахъ партіи заключенныхъ для рубки и перевозки лѣса частію для потребностей заведенія, частію для лѣснаго или общиннаго управленія. Партіи заключенныхъ выстроили въ 1854 и 1855 годахъ полотно Мюльгаузенской желѣзной дороги. Лѣсопромышленники ежегодно приглашаютъ на работу заключенныхъ. Каторжники содержащіеся въ Беллѣ также занимаются лѣсными и земляными работами. Въ обоихъ домахъ почти не бываетъ попытокъ къ побѣгу; въ Беллѣ ихъ совсѣмъ не было, и въ послѣднія пять лѣтъ въ Клерво было только три случая.“

Опираясь на результаты этихъ опытовъ, г. Денре предлагаетъ отмѣнить тюремное заключеніе въ его нынѣшнемъ видѣ и замѣнить его пенитенціарнымъ заключеніемъ, какъ внутри страны, такъ и въ заморскихъ колоніяхъ. Считаю долгомъ указать на это мнѣніе специалистовъ, и съ своей стороны полагаю что оно заслуживаетъ серіознаго вниманія. Каковъ бы, впрочемъ ни былъ взглядъ на эту систему, во всякомъ случаѣ гг. Денре и Корнъ вполнѣ заслуживаютъ признательности за то что они обратили общественное вниманіе на прискорбное положеніе и губельные результаты нынѣ

дѣйствующей пенитенціарной системы. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, политическіе вопросы, поглощавшіе все вниманіе журналистики привыкшей заниматься болѣе лицами чѣмъ дѣлами, оставляли въ тѣни эти двѣ превосходныя монографіи. Но зло, разоблачаемое гг. Депре и Корномъ, такъ велико что общество принуждено будетъ рано или поздно озаботиться его устраненіемъ.

Г. ДЕ-МОЛИНАРИ.

Парижъ.

20-го (8-го) сентября 1869.

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНИХЪ ЗАКОНОВЪ

О ПРАВОСЛАВНОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ

ВЪ РОССІИ

Въ продолженіе послѣднихъ 10—12 лѣтъ не разъ и съ разныхъ сторонъ было заявлено о необходимости коренныхъ реформъ въ положеніи православнаго духовенства и вообще по вѣдомству которое называется у насъ духовнымъ. Объ этомъ заявляли свѣтскіе и духовные журналы, объ этомъ написаны цѣлыя книги, объ этомъ давно слышались настоятельные толки во всѣхъ слояхъ, во всѣхъ кругахъ нашего общества, не исключая самого духовенства. Духовенство, по крайней мѣрѣ бѣлое, едва ли даже не настоятельнѣе всѣхъ прочихъ сословій выражало желаніе реформы, и это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія что духовное сословіе никогда и нигдѣ не отличалось страстію къ нововведеніямъ, и что сдержанность и осторожность суть характеристическія его черты какъ вездѣ такъ и у насъ. И однакожь, не взирая на это, въ послѣдніе годы, едва ли не каждый священникъ, особенно деревенскій, послѣ получаса разговора съ вами, переходилъ къ обсужденію своего положенія, къ обсужденію горькому, а иногда и не чуждому раздраженія. Подъ вліяніемъ такихъ именно чувствъ написаны появившіяся за границей сочиненія: *Описаніе сельскаго духовенства* (1858), *Объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи* (1864), *О бѣломъ и черномъ духовенствѣ* (1866), приписываемыя, какъ извѣстно, лицамъ изъ бѣлаго духовенства, или по крайней мѣрѣ принадлежащимъ по рожденію къ этому классу. Эти сочиненія не чужды односторонности; они

сильно проникнуты духомъ придирчивости и раздраженія, но эти самые недостатки не доказываютъ ли что недовольство своимъ положеніемъ нашего духовенства и желаніе реформъ достигли значительныхъ размѣровъ? Одно появленіе этихъ книгъ знаменательно. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить себѣ появленіе этихъ рѣзкихъ, горькихъ критикъ, послѣ долгаго благодушнаго безмолвія? Не есть ли это неволь-но вырвавшійся вопль давно наболѣвшихъ ранъ? Скажутъ: авторы этихъ книгъ имѣли личныя причины къ жалобамъ, къ досадамъ, къ раздраженію. Былъ слухъ что анонимные, но не неизвѣстные авторы этихъ книгъ имѣли много неприяностей послѣ, но не прежде появленія ихъ въ свѣтъ. Притомъ первый по времени изъ этихъ авторовъ могъ еще ослѣпляться надеждой что покрывало анонима не будетъ съ него снято; но тѣ кто послѣ того давали позволеніе печатать въ Берлинѣ, Лейпцигѣ или Лондонѣ свои сочиненія, знали чѣмъ они рискуютъ, а потому невозможно не предполагать съ ихъ стороны другой, болѣе глубокой и менѣе личной потребности высказаться. „Мнѣ“, говоритъ авторъ книги *О блгоумъ и черноумъ духовенствѣ*, „отъ своего сочиненія нельзя ожидать никакихъ выгодъ. Въ финансовомъ отношеніи я уже многоюшко истратилъ на него денегъ; еще болѣе потратился на напечатаніе; но продажа книги будетъ самая ограниченная; тутъ, кажется, счастливъ буду я, если не понесу убытка въ нѣсколько сотъ рублей. О литературной авторской извѣстности тоже нечего думать: моеи фамилии и не будетъ напечатано на книгѣ; за границей ею интересоваться нѣтъ никому надобности; проникнетъ ли сочиненіе мое въ Россію, многими ли читается, узнаютъ ли имя автора, еще *темна*, какъ говорятъ, *вода во облацѣхъ воздушныхъ*.... Притомъ, правду сказать, кажется, надобно мнѣ и желать, да я и принимаю мѣры къ тому, чтобъ о моемъ авторствѣ и даже существованіи не догадывались.“ Такая осторожность весьма понятна: въ свое время ходили слухи что авторы сочиненій *О сельскоумъ духовенствѣ* и *Объ устройствѣ духовныхъ училищъ* едва не подверглись весьма серіознымъ неприяностямъ. Не смотря однакожь на эти случаи, отнюдь не располагающіе къ откровенному обсужденію вопроса о положеніи нашего духовенства, не смотря на затрудненія которыя по этому вопросу представляла цензура, его весьма часто касались и прямо и косвенно, и въ свѣтскихъ и въ

духовныхъ журналахъ; а такъ какъ эти статьи, замѣтки и газетныя корреспонденціи нерѣдко отличались большимъ знаніемъ дѣла, то невольно приходитъ на мысль что наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ выходили изъ-подъ пера лицъ принадлежащихъ къ духовному сословію. Значить желаніе реформъ не есть единичное желаніе той или другой безпечальной головы. Это желаніе всеобщее, судя по многочисленности заявленій, и очень сильное, если принять въ соображеніе рискъ который сопряженъ съ обнародованіемъ подобныхъ заявленій для ихъ авторовъ.

Но скажутъ, если такъ всеобщѣ было желаніе духовенства ввести преобразование въ дѣла до него касающіяся, то съ чьей же стороны встрѣчалось до сего времени препятствіе? Неужели верховная власть, обратившая наконецъ вниманіе на крѣпостныхъ крестьянъ, оставалась безучастною къ духовенству? Неужели, рѣшившись развязать сложный, мудреный и въ высшей степени щекотливый вопросъ крестьянскій, она отступала предъ трудностію, повидимому гораздо меньшею, внести нѣсколько новыхъ лучшихъ началъ въ жизнь духовнаго сословія?... Прежде чѣмъ отвѣчать на эти вопросы намъ необходимо указать на одно обстоятельство имѣющее первенствующую важность въ дѣлѣ которое насъ занимаетъ.

Со времени первыхъ вѣковъ христіанства, монашество приобрѣло большое уваженіе въ глазахъ вѣрующихъ, и это очень естественно. Если ученіе Христа заключается по преимуществу въ торжествѣ духа надъ плотью, и если результатами онаго должно быть развитіе въ человѣкѣ духовно-нравственныхъ качествъ въ противоположность инстинктамъ матеріальнымъ и животнымъ, то, естественно, особаго почитанія должны были заслуживать люди покидавшіе всѣ радости міра для уединенія, молитвы и лишеній. Это были истинные подвижники. Сбросивъ съ себя всѣ свѣтскія узы, отвергнувъ тѣ уступки и уговоры которыя неизбѣжно дѣлаетъ на каждомъ шагѣ человѣкъ живущій между людьми, даже самый твердый и неуклончивый, преданные непрестанному созерцанію, все болѣе и болѣе укрѣпляясь въ одной поглотившей ихъ мысли, эти пустынники являлись и самыми энергическими бойцами за слово Божіе. Уже на первомъ Никейскомъ соборѣ рѣчь шла о цѣломудріи и чистотѣ жизни служителей церкви, но это не касалось законнаго брака. Нельзя не замѣтить что во времена апостоловъ епископами были безразлично и женатые, и не

женатые люди; въ *Правилахъ Св. Апостолъ* (п. 5) говорится: „Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, да не *изгонитъ жены своей* подѣ видомъ благоговѣнія“, и далѣе (п. 40) говорится что епископа, если онъ имѣетъ собственное имущество, а иногда *жену и дѣтей*, нельзя лишать права завѣщать имъ свое имѣніе; наконецъ, пунктомъ 51 тѣхъ же *Правиль* постановляется извергать изъ священнаго чина епископа, пресвитера или діакона, который *удаляется отъ брака*, и мясъ, и вина не ради подвига воздержанія, но по причинѣ гнушенія, забывъ что вся добро и зѣло и что Богъ, создавая человѣка, мужа и жену сотворилъ ихъ, и такимъ образомъ хулу клеветаетъ на созданіе“. Повидимому, преданія самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства относительно женатыхъ епископовъ держались долго и упорно. Одно изъ постановленій шестаго вселенскаго (Трульскаго) собора свидѣтельствуетъ что въ то время существовали и управляли епархіями подобныя епископы, и хотя помянутый соборъ неодобрительно выражался объ этомъ, но оговаривалъ притомъ: „Сіе же глаголемъ не по отложенію или превращенію апостольскаго законоположенія, но прилагая попеченіе о спасеніи и о преуспѣяніи людей на лучшее“. Что касается монашества, то хотя оно и пользовалось подобающимъ ему уваженіемъ, ему не предоставлялось однакоже никакого участія въ управленіи церковью, „ибо опыты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства“. Такъ именно постановилъ соборъ *бывшій, въ храмѣ Премудрости слова Божія*. Вотъ что гласитъ этотъ соборъ: „Хотя донынѣ нѣкоторые архіереи *нисшедшіе* въ монашескій соборъ усиливались пребывать въ высококомъ служеніи архіерейства и таковыя дѣйствія оставляемы были безъ вниманія; но сей святыи и вселенскій соборъ... опредѣлилъ: еще который епископъ, или кто иной архіерейскаго сана, восхощетъ внити въ монашеское житіе и стати на мѣсто покаянія, таковой впредь уже да не взыскуетъ употребленія архіерейскаго достоинства. Ибо обѣты монашествующихъ содержатъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства или начальствованія: они обѣщаютъ не иныхъ пасты, но пасомыми быти. Того ради, какъ выше речено, постановляемъ: да никто изъ находящихся въ сословіи архіереевъ и пастырей не низводитъ самъ себя на мѣсто пасомыхъ и кающихся. Аще же кто дерзаетъ сотворити сіе, послѣ провозглашенія и

приведенія въ извѣстность произносимаго нынѣ опредѣленія, даковый самъ себя устранивъ отъ архіерейскаго мѣста, да не возвращается въ прежнее достоинство, которое самымъ дѣломъ отложилъ.*

Но въ теченіи времени отношенія измѣнились, какъ между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, такъ и между епископами и пресвитерами.

Въ первые вѣка христіанства признавалось весьма небольшое различіе между этими двумя званіями. Первоначально епископы избираемы были пресвитерами изъ своей среды, но уже въ V вѣкѣ они становятся независимы отъ клира и избираются не священниками, но епископами. Одновременно съ усиленіемъ власти епископовъ, званіе это болѣе и болѣе закрывалось для блага духовенства и обращалось въ достоинство монаховъ. Однако тщательныя изысканія въ церковной исторіи показываютъ, что если уже въ V вѣкѣ бывали епископы изъ монаховъ, то въ продолженіе еще многихъ столѣтій потомъ они бывали и изъ блага духовенства. Изъ числа константинопольскихъ патріарховъ въ XII вѣкѣ десять не состояли въ монашествѣ.* Что касается Россіи, то когда христіанство проникло къ намъ, нѣкоторыя первоначальныя преданія были уже утрачены. Назначеніе епископовъ не зависѣло болѣе отъ клира, въ санъ епископскій удостоивались лица исключительно изъ монашеской среды, а власть ихъ надъ подчиненнымъ духовенствомъ естественно приняла свойственный времени характеръ грубости, суровости и даже насилія. Къ сожалѣнію, должно сказать что успѣхи просвѣщенія и общежитія недостаточно измѣнили этотъ характеръ и въ послѣдствіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія что въ настоящее время ни одинъ архіерей не обращается съ подчиненными ему священниками такъ, какъ, напримѣръ, патріархъ Никонъ или, гораздо поздыѣ его, митрополитъ Арсеній (Мацѣевичъ); но нельзя не замѣтить что и до нынѣ не всѣ епархіальные начальники перестали говорить *ты* своимъ подчиненнымъ, и что далеко не вездѣ еще вывелся обычай земныхъ поклоновъ со стороны этихъ послѣднихъ, вовсе не установленный канонами и формально запрещенный духовнымъ регламентомъ. Книги о духовенствѣ изданныя за границей рѣзко указываютъ на крайнее высокомеріе со стороны

* См. въ Правосл. Обзор. 1862 г. О безбрачїи и монашествѣ.
т. IXXIII.

начальствующихъ и на крайне унижительныя формы смиренія со стороны подчиненныхъ. Смирненіе есть, конечно, одна изъ высшихъ христіанскихъ добродѣтелей, но оно должно протекать изъ сердца; а если формы, въ которыя оно облекается, кажутся оскорбительными, если человекъ, уступаая этимъ формамъ, въ душѣ протестуетъ противъ нихъ; то очевидно, цѣль не достигается, и вмѣсто добродѣтели является лицемеріе, а вмѣсто преданности и уваженія къ тѣмъ кто ихъ требуютъ — раздраженіе. Священники очень хорошо знаютъ также что церковныя законы не закрываютъ имъ пути къ епископскому сану, и что единственно обычаи устранили ихъ отъ онаго. Поэтому, естественно, обычаи этотъ кажется имъ несправедливымъ и подлежащимъ отмене. Они были недовольны и тѣмъ что въ рукахъ монаховъ до самаго послѣдняго времени находилось завѣдываніе учебною частію и духовною цензурою, что нѣкоторые монастыри, игумнами коихъ состоятъ лица власти имѣющія, иногда присвоивали себѣ чудотворныя образа искони принадлежавшія приходскимъ или кафедральнымъ церквамъ,—словомъ, если между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ и не замѣчался тотъ рѣзкій антагонизмъ, о которомъ свидѣтельствуютъ вышепомянутыя заграничныя сочиненія, то по крайней мѣрѣ установились такія отношенія, при которыхъ интересы тѣхъ и другихъ далеко не тождественны: вотъ на что мнѣ казалось нужнымъ обратить вниманіе читателя чтобы поставить его на вѣрную точку зрѣнія. Теперь намъ легче будетъ отвѣчать на выше поставленный вопросъ: неужели свѣтская власть не хотѣла никогда обратить вниманіе на духовное сословіе и произвести въ положеніи этого сословія преобразованія требуемыя временемъ?

Люди набожныя, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ, любятъ взваливать на свѣтскую власть все что они находятъ предосудительнаго въ церковныхъ дѣлахъ. Свѣтская власть, по словамъ ихъ, стѣсняетъ власть духовную, небрежетъ благостояніемъ духовенства и недостаточно поддерживаетъ духовную проповѣдь матеріальною силой. Такія сѣтованія слышатся и въ средѣ духовенства, но преимущественно высшаго и монашествующаго. Мы не помнимъ чтобы въ книгахъ или журналахъ издаваемыхъ лицами блага духовенства были когда-либо заявляемы сѣтованія на упраздненіе патріаршества, о чемъ такъ сильно скорбѣли и еще

скорбятъ монашествующіе и свѣтскіе клерикалы. Петру Первому ставятъ въ укоръ учрежденіе монастырскаго приказа; но эта мѣра должна была не нравиться лишь монахамъ, особенно облеченнымъ властію, а блага духовенства она вовсе не касалась. Последнее могло при этомъ учрежденіи только выиграть, потому что новозаведенному приказу вѣнено было въ обязанность, между прочимъ, заводить школы для священно-служительскихъ дѣтей. Нареканія на духовный регламентъ, какъ поставившій духовенство въ нѣкоторую зависимость отъ свѣтской власти, раздавались, сколько извѣстно, тоже не со стороны блага духовенства; дѣйствительно, читая это постановленіе самымъ внимательнымъ образомъ, и во многихъ отношеніяхъ не сочувствуя ему, мы не находимъ въ немъ ничего стѣснительнаго для священниковъ. За то въ немъ очень рѣзко говорится о самовластіи патріарха и о неподобающихъ епископскому сану почестяхъ. При Екатеринѣ, когда послѣдовало перечисленіе монастырскихъ имѣній въ государственныя, монашество, въ лицѣ Арсенія Мацѣевича, протестовало самымъ рѣзкимъ образомъ, между тѣмъ какъ блага духовенство оставалось равнодушно къ этому распоряженію какъ его не касающемуся.

Сказаннаго достаточно чтобъ уяснить себѣ что возрѣнія монашествующаго и блага духовенства на значеніе свѣтской власти въ дѣлахъ духовнаго управленія далеко не тождественны. Имѣя въ виду вышеизложенное, понятно значеніе возраженій которыя иногда приходится слышать по поводу законоположеній по дѣламъ духовенства. Слыша порицанія, надо прежде всего справиться, со стороны чернаго или блага духовенства они раздаются, со стороны управляющихъ или управляемыхъ? Непреложны и неизмѣнны только догматы, они составляютъ религію; но странно было бы требовать чтобы законы касающіеся имущества или гражданскихъ отношеній между лицами церковной іерархіи оставались неизмѣнными съ первыхъ вѣковъ христіанства. Такъ напримѣръ, противники законовъ Петра и Екатерины относительно монастырскихъ имѣній ссылаются на постановленіе шестаго вселенскаго собора ограждающаго неприкосновенность монастырскихъ имущества; надо думать однакоже что это постановленіе не исключаетъ толкованій, если преподобный Нилъ Сорскій на Московскомъ соборѣ 1503 года позволилъ себѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказаться противъ непосредственнаго

управленія монаховъ принадлежавшими монастырямъ имѣніями. А если статья на точку зрѣнія этого преподобнаго, чтимаго нашею церковью, то Дмитрій Свеченовъ, поддерживавшій его идеи въ 1763 году, и Арсеній Мауфевичъ, противоборствовавшій имъ, явятся предъ нами въ совершенно новомъ освѣщеніи. * Невольно мы спросимъ себя: кто же тѣ что

* Въ книгѣ *О быломъ и черномъ духовенствѣ* мы находимъ слѣдующее извѣстіе: когда было поднятъ, но еще не разрѣшенъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, въ *Православномъ Собесѣдникѣ* появилось нѣсколько статей и, между прочимъ, одна проповѣдь, въ которой выражено было сочувствіе начинанію правительства. Духовное начальство было однакоже недовольно такими заявленіями, и тогдашній оберъ-прокуроръ написалъ редактору названнаго журнала письмо, въ которомъ онъ выражался между прочимъ слѣдующимъ образомъ:

„... Вы ссылаетесь на одобрительныя письма полученныя вами. Они ничего не доказываютъ, потому что до меня доходятъ отзывы не только словесныя, но и письменныя, совершенно противоположнаго содержанія. Также мало говорить въ пользу *Православнаго Собесѣдника* сочувствіе выраженное ему свѣтскими журналами. Эти самыя изданія многими доказали свое непріязненное расположеніе къ *церкви* (?), и теперь очевидно радуются уступкѣ несправильно сдѣланной ею духу міра; а въ то же время другія изданія, болѣе искреннія, не окрываютъ что они желаютъ еще большаго униженія церкви (?). Статья г. Щапова подала поводъ редактору *Русскаго Дневника* объявить что у него есть множество актовъ, свидѣтельствующихъ о жалкомъ положеніи бывшихъ монастырскихъ крестьянъ; потребовались хлопоты съ моей стороны чтобъ остановить изданіе этихъ актовъ. Итакъ, единственное и несомнѣнное послѣдствіе нѣкоторыхъ статей *Православнаго Собесѣдника* то что мы имъ поставлены въ затруднительное положеніе, которое происходитъ особенно отъ невозможности отстаивать и оправдать многія мысли ими выражаемыя. Церковь наша проповѣдовала человеколюбивое обращеніе и съ рабами, и съ крѣпостными людьми...; но какое бы могъ имѣть значеніе церковный судъ надъ крѣпостнымъ состояніемъ, когда сама церковь пользовалась онымъ (?).“

Письмо, изъ котораго приведены эти строки, писанное, повидимому, вовсе не съ цѣлію защищать освобожденіе монастырей отъ печальнаго права управлять рабами и крѣпостными людьми“, заключаетъ въ себѣ однако тяжелый укоръ этому праву и его защитникамъ изъ числа монашескаго братіи. Что же касается до упрековъ въ нерасположеніи къ *церкви* нѣкоторыхъ журналовъ, то мы не знаемъ какіе именно изъ нихъ имѣлъ въ виду г. оберъ-прокуроръ, но знаемъ что

прославляютъ Арсенія какъ мученика, а съ другой стороны называютъ пресвященнаго Димитрія предателемъ и распускаютъ о немъ ядовитыя легенды? Повторяемъ: въ отзывкахъ о законоположеніяхъ касающихся духовенства необходимо строго справаются, изъ всего ли этого сословія, или же только отъ части его раздаются похвалы и порицанія.

Стремленіе людей посвятившихъ себя служенію алтаря къ отдѣльному существованію и къ устройству себя въ видѣ касты есть явленіе не новое и не исключительно русскому духовенству принадлежащее. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, даже въ до-христіанскую пору, духовенство обладало бѣльшимъ количествомъ знаній въ сравненіи съ прочими сословіями, наибольшимъ развитіемъ, наибольшимъ вліяніемъ на людей,—а этого довольно чтобы положеніе его сдѣлалось исключительнымъ и первенствующимъ, которое, разумѣется, желательнo было удержать за собою. Въ Россіи же сверхъ этихъ общихъ причинъ были и особливныя. Патріархъ вѣдалъ, какъ извѣстно, не только духовенство въ прямомъ и точномъ значеніи этого слова, но и семейства духовныхъ; его приказы управляли землями приписанными къ церквамъ и монастырямъ, равно какъ проживавшими на нихъ всякаго званія людьми. У патріарха были свои бояре, свои окольничьи, приказные, посадскіе, крестьяне; онъ пользовался въ отношеніи ко всѣмъ этимъ землямъ и людямъ властію судебною и распорядительною, а въ извѣстныхъ предѣлахъ и законодательною, такъ что Петръ Великій не безъ основанія говорилъ что патріархъ есть царь свѣтскому царю равный. Его царство было заброшено въ географическомъ отношеніи, но тѣмъ естественнѣе ему было стремиться сплотить это царство какими-либо другими узами и, за невозможностію обвести оное физическими границами, стараться обособить его въ отношеніи юридическомъ. Изъ официальныхъ и неоспоримыхъ документовъ явствуетъ что уже въ половинѣ XVII вѣка наше духовенство составляло наследственное сословіе: въ одномъ изъ постановленій Московскаго собора 1667 года преподается

очень нерѣдко называютъ нерасположеніемъ къ церкви то что въ дѣйствительности есть лишь неодобреніе церковнаго управленія. Замѣтимъ также что подобное смѣшеніе понятій заключается и въ утвержденіи будто *церковь* пользовалась крѣпостными правами.

священникамъ совѣтъ обучать дѣтей своихъ „да будутъ достойны въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нимъ церкви и церковному мѣсту“. Дѣло было сѣдовательно сдѣлано и завершено, ибо если мѣста при церквахъ предполагалось давать по наслѣдству, то не ясно ли что духовное начальство, въ огражденіе своихъ подчиненныхъ, должно было не допускать конкуренціи постороннихъ лицъ? И дѣйствительно при царѣ Алексѣѣ, какъ видно изъ *Полнаго Собранія Законовъ*,* уже было обращено вниманіе на то что многіе изъ священно- и церковно-служительскихъ дѣтей живутъ „безъ мѣстъ при церквахъ и безчинствуютъ“, а что эти люди жили при церквахъ не случайно, явствуетъ изъ изслѣдованія Знаменскаго напечатаннаго въ № 1 *Православнаго Обозрѣнія* 1867. Священническіе сыновья, братья и племянники, которые не могли получить священно-служительскихъ мѣстъ, говоритъ онъ, стремились въ причетники (а не въ другое какое-нибудь состояніе), и вотъ начало того что нынѣ называется въ духовномъ сословіи жить „на родственномъ пропитаніи“. Безъ сомнѣнія изъ видовъ достойныхъ уваженія духовенство заботилось о размноженіи церкви, но чрезвычайное размноженіе ихъ было причиной ихъ бѣдности и скудости причтовъ. При нѣкоторыхъ церквахъ, говоритъ Знаменскій, приходъ состоялъ изъ 15 дворовъ, а были и такіе гдѣ число прихожанъ не превышало даже 6 человѣкъ. Если же приходъ былъ позначительнѣе, то тамъ навѣрное было и нѣсколько священниковъ, и цѣлая толпа причетниковъ: на 200 дворовъ бывало не менѣе пяти священно-служителей и не менѣе пятидесяти церковно-служителей, и нѣтъ сомнѣнія что всѣ они были родственники другъ другу, члены всѣмъ имъ общаго *духовнаго сословія*. Все это была *одна семья*, но каково было жить ея членамъ! Посомшковъ, современникъ Петра Великаго, описалъ рѣзкими чертами и бѣдность, и невѣжество священниковъ, которые ни образомъ жизни, ни общественнымъ положеніемъ почти не отличались отъ крестьянъ, и вотъ почему какъ Петръ, такъ и его отецъ, верстали молодыхъ церковниковъ въ нижніе военные чины, вотъ почему русское общество, по мѣрѣ того какъ оно образовывалось, богатѣло и получало гражданскія права, словомъ, переростало свое духовенство, ускользало

* П. С. З. №№ 5.882 и 6.066.

изъ-подъ вліянія релігіозныхъ идей. Радикальное преобразование духовнаго управления и расторженіе духовной касты было необходимою уже въ первой половинѣ XVIII вѣка, а святѣйшій синодъ продолжалъ все болѣе и болѣе замыкать духовенство. 18-го ноября 1781 года онъ издалъ указъ съ запрещеніемъ отдавать священно- и церковно-служительскихъ дѣтей въ подъячіе по коллегіямъ и канцеляріямъ „подъ лишеніемъ чиновъ своихъ и подѣ безпощаднымъ наказаніемъ“, а свѣтское правительство съ своей стороны, тяготясь скученностію духовнаго сословія, подвергало оное рекрутскимъ наборамъ, опредѣляло на казенные заводы, отдавало даже помѣщикамъ съ тѣмъ чтобы быть за ними „яко крѣпостнымъ, вѣчно“. * Во второй половинѣ царствованія Екатерины обозначился было поворотъ въ законодательствѣ по дѣламъ духовенства; 9-го января 1779 года разрѣшено было принимать церковно-служительскихъ дѣтей въ канцелярскія должности, ** а 29-го марта 1784 года повелѣно было за пополненіемъ всѣхъ должностей при церквахъ дѣтьми духовныхъ лицъ предоставлять имъ избрать такой родъ жизни какой сами захотятъ, то-есть вступить въ службу или вступить въ купечество, въ мѣщане, записаться въ цѣхи и т. п. *** До какой степени не красна была жизнь нашего духовенства, и какъ по издаши указа 1784 года обрадовалось оно возможности покинуть свою касту, видно изъ того что въ одномъ только Орловскомъ намѣстничествѣ записалось изъ числа дѣтей духовнаго званія въ купечество 194 человекъ, въ мѣщанство 743 и въ государственные крестьяне 280, да разославо по другимъ губерніямъ для записки въ разныя состоянія 54 человекъ, да еще ожидалось 997 человекъ. **** Къ сожалѣнію, послѣ кончины императрицы выходъ изъ духовнаго сословія снова былъ запертъ. До послѣднихъ указовъ эта замкнутость покоилась главнѣйше на слѣдующихъ трехъ постановленіяхъ:

а) „Дѣти лицъ бѣлаго духовенства причисляются по родителямъ своимъ къ духовному вѣдомству, не подлежа обязанности избирать другой родъ жизни (Св. Зак. т. IX, зак. о сост. ст. 274).“

* Тамъ же № 9.977.

** П. С. З. № 14.831.

*** Тамъ же № 15.978.

**** П. С. З. № 16.092.

б) „Люди податныхъ состояній... допускаются къ поступленію въ бѣлое духовенство не иначе какъ по удостовѣренію епархіальнаго начальства въ недостаткѣ по его вѣдомству лицъ духовнаго званія къ замѣщенію должностей... (Тамъ же, ст. 270.)“

в) „Если кто изъ священническихъ и дьяконскихъ дѣтей, обрацаемыхъ духовнымъ начальствомъ за излишествомъ въ распоряженіе губернскаго правленія для избранія рода жизни, изъявивъ желаніе вступить въ гражданскую службу, не опредѣлится въ теченіе 6 мѣсяцевъ по полученіи отъ губернскаго правленія на сіе свидѣтельства..., то такому сей срокъ продолжается еще на полгода съ правомъ приискать мѣсто уже въ другой губерніи, и съ выдачей на то надлежащаго вида. Но кто по истеченіи вторичнаго полугодоваго срока ни въ гражданскую, ни въ военную службу не поступитъ, таковой, по распоряженію казенной палаты, записывается непременно въ одно изъ податныхъ состояній, по его избранію“ (тамъ же, ст. 291). По указу 28-го ноября 1857 года тотъ же срокъ распространень и на увольняемыхъ изъ духовнаго званія по прошеніямъ.

Есть люди, по мнѣнію которыхъ такая отчужденность лицъ духовнаго званія полезна. Замкнутость духовнаго сословія, говорятъ они, сообщаетъ ему характеръ большой семьи, поддерживаетъ между ея членами патріархальныя отношенія и воспитываетъ въ нихъ привязанность къ своему сословію и къ своему званію, причемъ обыкновенно воспоминается разказъ о томъ что бѣдный дьячокъ не согласился выпустить въ міръ своего брата, сдѣлавшагося въ послѣдствіи святителемъ Тихономъ, хотя едва имѣлъ средства пропитать его... Но подобныхъ примѣровъ, повидимому, не много, а официальные свидѣтельства, какъ выше замѣчено, говорятъ что, какъ только изданъ былъ указъ 1784 года, священно- и церковно-служительскія дѣти массами кинулись не только въ купцы и мѣщане, но и въ государственные крестьяне.

Есть и другіе аргументы у хвалителей замкнутости духовнаго сословія. Міръ погрязъ въ пороки и злѣ, говорятъ они: пусть же особнякомъ держится хоть небольшая группа избранныхъ и мудрыхъ. Но если дѣйствительно міръ стремится къ гибели, то не слѣдуетъ ли протянуть ему руку спасенія? Если толпа безумцевъ мчится къ пропасти, то не должны ли

мудрые, буде они въ то же время и добрые, кинутся въ среду этихъ безумцевъ и смѣшаться съ ними чтобъ остановить ихъ? Такъ по крайней мѣрѣ дѣлали апостолы и такъ дѣлають миссіонеры, эти *любцы челоукоу*.

Все это очень хорошо понимаетъ наше бѣлое духовенство, и мы не рискуемъ ошибиться, сказавъ что оно тяготеетъ исключительностію своего положенія и вмѣняемому ему въ обязанность неподвижностію. Еслибы нужны были доказательства, мы могли бы привести ихъ очень много изъ книгъ о духовенствѣ напечатанныхъ за границей, писанныхъ людьми принадлежащими или принадлежавшими къ духовному сословію, изъ газетныхъ корреспонденцій, исходящихъ изъ такого же источника и даже изъ нѣкоторыхъ духовныхъ журналовъ; но мы предпочитаемъ черпать изъ источниковъ еще болѣе авторитетныхъ, — изъ офиціально представленныхъ епархіальными начальниками мнѣній по случаю задуманной реформы. Вотъ что писалъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ и просвѣщенныхъ нашихъ пастырей, преосвященный херсонскій:

„Въ Малороссіи, въ прежнія времена, не было наследственныхъ сословій. Хотя народъ и раздѣлялся на казачество и посполство, но это раздѣленіе не было слишкомъ рѣзко, и главное, не было наследственно: и казакъ и посполитакъ были ширые братья и легко становились одинъ на мѣсто другаго. Никакая должность и званіе не давали правъ наследственныхъ. Дѣти войсковаго старшины и духовенства, гетмана и простаго казака, были ни болѣе ни менѣе какъ казаки. Все преимущество чиновничьихъ дѣтей и священническихъ состояло въ томъ что они удобнѣе могли получать образованіе и потомъ достигать различныхъ степеней въ казачкой и въ духовной службѣ. Въ ту или другую обращались по собственному выбору и склонностямъ. При такомъ положеніи дѣлъ, сколько бы ни было дѣтей священническихъ и чиновничьихъ, ни то ни другое сословіе отъ того не умножалось, а умножалось одно общее народонаселеніе. Нынѣ у насъ совсѣмъ другое. При строгомъ разграниченіи сословій, каждое изъ нихъ необходимо разрастается и умножается. А какъ въ сословіяхъ служебныхъ штаты должностныхъ мѣстъ не умножаются, а стараются даже сокращать ихъ, то пролетаріатъ угрожаетъ не въ одномъ духовенствѣ, а и въ другихъ сословіяхъ привилегированныхъ.“

Точно также преосвященные курскій и нижегородскій, нижегородскій духовный комитетъ и собраніе благочинныхъ

Рижской епархіи, свидѣтельствовали о неудобствахъ нынѣшняго сословнаго устройства благаго духовенства.

Съ особенною яркостью изобразилъ эти неудобства недавно умершій кіевскій генералъ-губернаторъ. Въ запискѣ, представленной официальнымъ путемъ въ 1866 году, перечисливъ постановленія опредѣляющія юридическое положеніе этого сословія, генералъ Безакъ говорилъ:

„Этимъ русское духовенство не только измѣнено въ ветхое и застѣное левитство, но даже болѣе того: оно приведено въ такое положеніе въ отношеніи къ прочимъ сословіямъ, въ какое поставленъ былъ Израильскій народъ въ отношеніи къ язычникамъ и Самарянамъ; чѣмъ болѣе духовенство было изолируемо отъ общества, тѣмъ болѣе, этимъ самымъ, оно удалялось отъ его симпатіи, а по мѣрѣ того какъ рвались связи духовенства съ обществомъ, болѣе и болѣе затруднялся дѣятельности священно-служительскимъ доступъ въ другіе роды службы и дѣятельности. Вслѣдствіе сословной отчужденности духовенства, общество наконецъ стало относиться даже враждебно къ лицамъ духовнаго званія, переходившимъ на службу гражданскую или учебно-гражданскую, подобно тому какъ оно не симпатично смотритъ на допущеніе Евреевъ въ государственную службу. Отсюда возникло странное явленіе въ христіанскомъ обществѣ, именно что дѣти пастырей христіанской церкви, переходя въ другіе роды общественной службы, вынуждены скрывать отъ общества свое происхожденіе, стыдиться званія своихъ отцовъ, какъ будто дѣти какихъ-либо преступниковъ: явленіе небывалое прежде у насъ и невозможное въ протестантскомъ обществѣ.... Испросить себѣ увольненіе изъ духовнаго званія не то же ли значить что испросить причисленіе въ податное сословіе? Справедливо ли такое положеніе дѣтей православнаго духовенства? Испытываетъ ли другое какое сословіе подобное стѣсненіе въ выборѣ рода жизни и дѣятельности? Дѣти военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, дѣти потомственныхъ и личныхъ дворянъ, опредѣляются ли въ государственную службу, или остаются внѣ оной, обращаясь къ частнымъ занятіямъ,—они сохраняютъ права свободнаго сословія и преимущества усвоеннаго званія ихъ родителей. Не то съ дѣтьми священно- и церковно-служителей: состоя въ духовной службѣ, или только причисляясь къ ней, они пользуются правами свободнаго сословія; сыновья священниковъ и діаконовъ принадлежатъ даже къ личнымъ дворянамъ, повидимому; но лишь только кто изъ нихъ захочетъ оставить родъ службы къ которой прикрѣпленъ своимъ рожденіемъ, лишь только захочетъ перейти въ разрядъ дѣйствительно свободныхъ лицъ,—онъ теряетъ всѣ права и преимущества своего прежняго званія, за исключеніемъ опредѣленія въ гражданскую службу въ шестимѣсячный срокъ, и причисляется въ одно изъ *податныхъ*

сословія, какъ будто совершившій уголовное преступленіе. Можно сказать что духовенство православное должно службой пріобрѣсть своимъ дѣтямъ такія права которыя могли бы быть для него родовыми или потомственными. Но представляется ли эта возможность, когда высшеіе роды духовной службы не принадлежатъ къ семейному духовенству, когда, съ другой стороны, ни санъ священника или протоіерея, ни долговременная служба въ этомъ санѣ, ни соединяемая съ нимъ должности благочиннаго, члена духовнаго правленія, или консисторіи, законоучителя гимназіи, или профессора университета, духовныхъ академій и семинарій не могутъ дать дѣтямъ духовнаго лица хотя того права которымъ пользуется сынъ всякаго коллежскаго регистратора и прапорщика, то-есть правъ личнаго дворянства или почетнаго гражданства, какъ при поступленіи въ гражданскую службу, такъ и въ оной? Сынъ чиновника 14-го класса или прапорщика не прикрѣпленъ къ какому-либо роду службы, свободно вступаетъ въ ту или другую, а если и не вступаетъ въ службу, все же не лишается правъ почетнаго гражданства, не причисляется къ податному сословію, — а сынъ протоіерея или священника, въ случаѣ неопредѣленія въ гражданскую службу, становится *податнымъ*. При затруднительномъ и съ такою опасностію сопряженномъ выходѣ изъ духовнаго званія, естественно, православное наше духовенство замыкается само въ себя и возрастаетъ въ несообразномъ потребностямъ церкви количествѣ; лишенное средствъ умножать свое благосостояніе свободными промыслами, оно истощаетъ и тѣ средства какія можетъ доставить общество дѣйствительнымъ членамъ причта, бѣднѣетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и нравственно.... Дѣти низшихъ воинскихъ чиновъ давно уже освобождены отъ прикрѣпленія къ своей службѣ, какъ бесполезнаго для службы и отяготительнаго для родителей. Совершилось и освобожденіе отъ крѣпости сословія крестьянскаго. Не пора ли, для пользы русскаго края и русскаго въ немъ дѣла, снять уже крѣпость и съ духовнаго сословія?*

Не желая продолжать подобныя выписки, весьма достаточныя для уясненія дѣла, мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей на одно обстоятельство сильно способствовавшее къ ухудшенію положенія у насъ блага духовенства. Мы говоримъ объ искусственномъ возвышеніи монашества и о привлеченіи въ черное духовенство силъ нравственныхъ и матеріальныхъ изъ всего духовнаго сословія. Выше было уже сказано, что, въ силу стародавнаго обычая, всѣ высшія мѣста духовной іерархіи издавна занимаютъ монашествующіе; не только всѣ епархіальные начальники, но всѣ ректоры академій и семинарій еще недавно принадлежали къ черному духовенству. Этого условія одного достаточно чтобъ образовать въ

средѣ духовенства еильное стремленіе къ поступленію въ монашество. Но церковныя лѣтописи гласятъ что въ недавно миновавшее время многіе іерархи прибѣгали къ совершенно произвольнымъ мѣрамъ чтобы привлечь въ монашество наиболѣе даровитыхъ людей изъ числа своихъ подчиненныхъ. Такъ напримѣръ, лучшихъ, даровитѣйшихъ студентовъ въ духовныхъ академіяхъ они уговаривали вступать въ монашество, оказывали предпочтеніе студентамъ соглашавшимся надѣть черную рясу противъ тѣхъ кои хотя и были достойнѣе, но дѣлаемыхъ имъ предложеній не принимали, и т. п. Изъ *Житія* преосвященнаго Гавріила митрополита петербургскаго оказывается что для полученія такового обѣщанія употребляли иногда и насиліе. Архимандритъ Гедеонъ (Кривоскій), управлявшій Московскою (Троицко-Сергіевскою) академіей въ пятидесятыхъ годахъ прошедшаго вѣка, далъ *указъ* постричь учителя Петрова (въ послѣдствіи преосвященнаго Гавріила), а такъ какъ тотъ уклонялся, то послѣдоваль вторичный *указъ*, причемъ ректоръ приказаль объявить ему „что уже отговоркамъ внимать не будетъ“. И это былъ не единичный случай. „Въ Московской академіи, говоритъ авторъ *Житія преосвященнаго Гавріила новгородскаго и с.-петербургскаго*, при выборѣ каждаго учителя, кромѣ другихъ достоинствъ имѣли тогда (въ царствованіе Елисаветы) въ виду расположеніе къ монашеству, и брали даже иногда обѣщаніе съ поступающаго на должность что онъ пострижется въ монашество.“ Митрополитъ Платонъ, по словамъ исторіографа Троицко-Сергіевской академіи, отдавалъ рѣшительное предпочтеніе учителямъ-монахамъ предъ бѣльцами и нѣкоторыхъ изъ нихъ убѣждалъ принять монашество „со слезами“. Въ помянутой исторіи академіи приведены слѣдующія любопытныя французскія строки учителя Петра Зернова къ этому святителю: „Quoique je n'ai jamais eu l'inclination d'être moine, monseigneur, mais si vous voulez, si (vous) commandez de l'être, j'y consens et vous obéis pour vous témoigner jusqu'à quel point j'estime l'honneur de vos commandemens.“ Петръ Зерновъ сдѣлался въ послѣдствіи архіепископомъ казанскимъ подъ именемъ Павла, и вѣроятно не раскаивался въ уступкѣ сдѣланной желанію московскаго владыки, но такой способъ поступленія въ монашество едва ли можно назвать каноническимъ. Замѣтимъ при этомъ что хотя по духовному регламенту постригать въ монахи дозволяется не ранѣе тридцати-

лѣтняго возраста, но Гавріиль былъ постриженъ 28 лѣтъ, а покойный митрополитъ московскій Филаретъ 27 лѣтъ. Изъ недавно напечатаннаго отрывка изъ *Записокъ* юрьевского на- стоятеля Фотія мы видимъ что 28 лѣтъ онъ былъ уже архи- мандритомъ.

Итакъ, и отступленіе отъ закона, и насиліе не оста- наивали нѣкоторыхъ изъ владыкъ, когда дѣло шло о томъ чтобъ усилить монашество даровитымъ братомъ. Мос- ковскій митрополитъ Платонъ особенно оставилъ по себѣ память въ этомъ отношеніи. Конечно, система которой онъ слѣдовалъ можетъ быть до известной степени оправдана желаніемъ выдвинуть способныхъ людей и открыть имъ путь къ высшимъ ступенямъ іерархіи; но мы видѣли что цер- ковные правила не закрываютъ пути къ этимъ ступенямъ и бѣлому духовенству: почему же не выдвигаютъ подобнымъ образомъ даровитѣйшихъ людей между священниками? На- противъ, явное предпочтеніе оказываемое монашеству, стремленіе сосредоточить въ немъ всѣ умственныя силы духовенства, не можетъ не отражаться прискорбнымъ обра- зомъ на остальной части этого сословія. Если лучшіе люди изъ его среды приглашаются, переманиваются и даже похи- щаются въ ряды монашества, не слѣдуетъ ли ожидать что въ этой средѣ обнаружится оскудѣніе духовныхъ силъ?... Но ближайшее знакомство съ церковнымъ управленіемъ открыва- етъ намъ что оно своими распоряженіями способствовало не только духовному, но и матеріальному обнищанію бѣ- лаго духовенства. Заграничныя книги, о которыхъ мы говорили выше, наполнены примѣрами что различныя мѣры, вызыва- ющія приношенія со стороны мирянъ, были многими влады- ками принимаемы едва ли не исключительно въ пользу мо- настырей и нерѣдко въ ущербъ церквамъ и бѣлому духо- венству. Такъ напримѣръ, чудотворный образъ Иверской Божіей Матери, по свидѣтельству автора книги *О бѣломъ и черномъ духовенствѣ*, принадлежалъ прежде Архангельскому собору и отобранъ былъ у него преосвященнымъ Платономъ. Можетъ- быть, это распоряженіе обратилось не въ ущербъ московской церкви и было вызвано основательными административны- ми соображеніями, но согласимся по крайней мѣрѣ что оно отнимаетъ право кричать противъ „ограбленія“ церквей и монастырей Екатериною.

Посмотримъ далѣе. Наступило время затруднительное для администраціи вообще. Въ обществѣ пробудился духъ критики. Правительство, уступая требованію времени, мало-помалу предоставило частнымъ людямъ право гласно и печатно обсуждать дѣйствія административныхъ властей, законодательство существующее и тѣ мѣры которыя вырабатывались еще въ правительственныхъ сферахъ. По всѣмъ предметамъ правительственной дѣятельности цензура становилась болѣе и болѣе снисходительною, а наконецъ предварительное ея дѣйствіе было и вовсе устранено. Духовное управленіе одно не дѣлало въ этомъ отношеніи никакихъ уступокъ и до сего времени укрывается за предварительною цензурой. Невозможно скрыть что это неблагопріятно дѣйствуетъ на людей серіозныхъ и въ то же время просвѣщенныхъ. Еще весьма недавно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* говорилось: „цензура полезна или бесполезна, нужна или не нужна. Если она полезна и нужна, то надо возстановить ее вездѣ. Если же она не полезна и не нужна, то она не нужна и не полезна и въ дѣлахъ церковныхъ.“ Опасаются что свободное слово подкопаетъ основы церкви? Нѣтъ. Церковь незыблемѣ всего существующаго на землѣ. Чего же опасаются въ такомъ случаѣ? Чтѣ желаютъ охранить (предполагая что цензура можетъ охранять что-нибудь)? Многіе утверждаютъ что духовная цензура имѣетъ своею задачей охранять и ограждать не религію, а духовную администрацію, не догматы, а существующіе порядки. Далѣе, многіе спрашиваютъ, почему наше духовенство, особенно бѣлое, ничѣмъ не заявило себя во время разрѣшенія крестьянскаго вопроса? Казалось бы, какъ оставаться сельскимъ священникамъ безмолвными въ то время когда обсуждался вопросъ такъ близко имъ знакомый, смыслъ котораго всего естественнѣе было бы имъ объяснять своимъ духовнымъ чадамъ, и который также важенъ съ христіанской какъ и съ государственной точки зрѣнія? Повидимому такъ слѣдовало бы, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Можно сказать по справедливости что въ этомъ дѣлѣ наше духовенство *блистало своимъ отсутствіемъ*. Но прибавимъ, это было не по винѣ священниковъ. *Православный Собесѣдникъ* попробовалъ было коснуться крестьянской реформы, но мы знаемъ уже что онъ подвергся за это порицанію; тогдашній оберъ-прокуроръ синода, въ письмѣ о которомъ мы уже упоминали выше,

выражался слѣдующимъ образомъ: „Въ заключеніе скажу вамъ откровенно что самое участіе академическихъ ректоровъ и профессоровъ въ разсужденіяхъ о преходящихъ современныхъ вопросахъ весьма странно. Когда они проникнуты важностію своей обязанности, состоящей въ томъ чтобы воспитывать дѣлателей для нивы Господней, образцовъ и проповѣдниковъ для міра во злѣ лежащаго, будущую соль земли, — гдѣ найдутъ они время спускаться съ такого высокаго служенія въ человѣческіе споры, въ житейскія дѣла...“ Какъ ни возвышенна точка зрѣнія указанная оберъ-прокуроромъ, но духовенство не увидило бы, кажется, своего служенія предъ Богомъ любви и милосердія указывая что съ христіанской точки зрѣнія нельзя не сочувствовать освобожденію рабовъ. Глубокое безмолвіе въ которое облеклось по этому вопросу наше духовенство послѣ случая съ *Православными Собесѣдниками* было замѣчено съ прискорбіемъ, а письмо г. оберъ-прокурора, случайно огласившись, подало поводъ къ новымъ нареканіямъ на духовное управленіе, которое, вспомянувъ свои помѣщичьи права на монастырскихъ крестьянъ, какъ бы присоединялось къ защитникамъ крѣпостнаго права.

Въ дѣйствительности такого сочувствія вѣроятно не было, и положеніе принятое нашимъ духовнымъ управленіемъ при разрѣшеніи крѣпостнаго вопроса справедливѣе, кажется, приписываютъ, съ одной стороны, преувеличенному желанію уклоняться отъ всего исходящаго отъ „лежащаго во злѣ міра“. Нельзя не согласиться что въ приведенныхъ словахъ бывшаго оберъ-прокурора, въ которомъ онъ говоритъ отъ имени святѣйшаго синода, и сымается на него, проглядываетъ духъ чрезмѣрной брезгливости къ міру, который едва ли слѣдуетъ усвоивать бѣлому духовенству, связанному съ міромъ многими нитями. Мы видѣли что нѣкоторые архипастыри сами не одобряютъ отчужденности нашего духовнаго сословія. Къ сожалѣнію, вліяніе ихъ и имъ подобныхъ не господствовало въ нашемъ церковномъ управленіи, которое ставъ однажды на невѣрный путь, слѣдовало по немъ далѣе и далѣе. Образовавъ изъ подвѣдомыхъ себѣ лицъ особое сословіе, входивыя и выходивыя двери коего были тщательно охраняемы, оно пошло далѣе и ввело обычай наследственности духовныхъ должностей, вопреки самымъ положительнымъ постановленіямъ церкви. „Понеже мы увидѣли что въ Армянской странѣ

пріемяются въ клиръ только тѣ кто суть изъ священническаго рода, въ чемъ иудейскимъ обычаямъ послѣдуютъ.... то полагаемъ, да не будетъ отнынѣ позволено желающимъ возвести нѣкоторыхъ въ клиръ впредь взирать на родъ производимаго.“ Такъ гласить канонъ и, разумѣется, никто не отмѣнялъ его, но на самомъ дѣлѣ у насъ давно уже водворился „иудейскій обычай“ и священнодѣйствуетъ одно колено Левіино. Еще въ прошедшемъ вѣкѣ право прихожанъ избирать себѣ священниковъ мало-по-мало потеряло значеніе. Далѣе, въ томъ же вѣкѣ, къ епархіальнымъ начальникамъ начали поступать на разрѣшеніе вопросы о правахъ собственности священниковъ и церковно-служителей на дома построенные ими на церковныхъ земляхъ. Дома были частные, а земля церковная; наследники-владѣльцы этихъ домовъ не сходились въ цѣнахъ за нихъ съ новыми ставленниками, и споры ихъ нерѣдко восходили до епархіальныхъ властей. Эти послѣднія нашли удобнымъ путь соглашеній и предлагали новымъ ставленникамъ жениться на дочеряхъ владѣльцевъ помянутыхъ домовъ; сыновей же этихъ владѣльцевъ пристраивали къ другимъ церквамъ въ качествѣ священниковъ, діаконовъ или причетниковъ.

Священникъ, задумавъ оставить приходъ, разказываютъ люди компетентные, вмѣстѣ съ прошеніемъ о томъ, обыкновенно ходатайствовалъ о предоставленіи его мѣста его сыну, племяннику, внуку или кому-либо изъ родственниковъ, либо, что бывало чаще, о зачисленіи онаго за дочерью, внучкой или племянницей, которой при этомъ прискивался женихъ, и имя его прописывалось въ прошеніи. Случалось что упразднившаяся за смертію духовнаго лица мѣсто оставляемо было коллективно за его семействомъ, которое нанимало отъ себя кого-либо для исполненія требъ и состояло такимъ образомъ какъ бы дѣйствительно въ званіи *духовнаго лица* многіе годы. Не разъ было печатно заявляемо что епархіальные начальники назначали какъ бы въ приданое за воспитанницами духовныхъ женскихъ училищъ нѣкоторые приходы; утверждали что священники, діаконы и причетники уговаривались между собою обвѣнчать своихъ дѣтей, когда тѣ были еще несовершеннолѣтними, съ тѣмъ чтобъ утвердить за ними такой-то приходъ. Такимъ образомъ въ практикѣ нашего духовнаго управленія начиналъ утверждаться принципъ наследственности должностей. Дѣло дошло до того что

заботѣ объ устройствѣ судьбы лицъ духовнаго вѣдомства жертвовали прихожанами. Духовныя потребности послѣднихъ перестали приниматься въ расчетъ; заботились лишь о томъ чтобы пристроить такого-то, или такую-то. Въ Отчетѣ обер-прокурора св. синода за 1867 годъ * мы находимъ слѣдующія поановѣсныя и правдивыя слова: „Практика обнаружила весьма многія печальныя явленія въ жизни церкви и ея управленія. На священно-служительскія мѣста поступали весьма часто лица только на основаніи родства или обязательства содержать смѣщенныхъ или осиротѣвшихъ, а не по достоинству. Затѣмъ между временемъ зачисленія открывшагося мѣста и дѣйствительнымъ замѣщеніемъ его проходили весьма большіе промежутки, въ ожиданіи совершеннолѣтія сироты-дѣвцы или сироты-мальчика, смотря по тому за кѣмъ зачислялось мѣсто.“ И какое пагубное вліяніе на семейныя отношенія долженъ былъ имѣть этотъ сильно утвердившійся въ послѣднее время обычай! Изъ такихъ неправильно данныхъ обязательствъ, читаемъ мы въ томъ же Отчетѣ, „возникали нестроенія въ семейной жизни духовенства, во множествѣ случаевъ переходившія въ тяжбыя дѣла. Подобныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ просьбами о предоставленіи мѣстъ за сиротами или родственниками, въ послѣдніе три года восходило въ святѣйшій синодъ около 300; еще болѣе разсматривалось и рѣшалось въ епархіальномъ управленіи и судѣ“.... Въ одномъ изъ мнѣній присланныхъ епархіальными начальниками по случаю замышлявшихся преобразованій, мы между прочимъ читаемъ слѣдующее: „Множественно случалось что на предложеніе взять въ замужество какую-нибудь сиротку, иной изъ нихъ (посвящаемыхъ) отвѣчалъ что онъ согласенъ взять какую угодно, только бы дано было мѣсто получше, и нисколько не помышляетъ ни о предлежащихъ обязанностяхъ, ни о качествахъ будущей своей жены. Такіе отзывы не подтверждаютъ восхваляемой привязанности къ священному званію. Еслибы дѣйствительно она была сильна и чиста, то надлежало бы заключить что въ нашемъ званіи много людей чтущихъ высоко свое назначеніе, преданныхъ долгу, даже не чуждыхъ самоотверженія. Опять горькій опытъ не позволяетъ и на семь успокоиться: кто и говорилъ о своей привязанности къ родному званію, и тотъ, поступая на

* См. Православное Обзорніе 1869 г. № 2.

мѣсто, какъ будто совсѣмъ забываетъ о ней и своею судьбой тяготится, съ окружающими и домашними начинаетъ ссориться, наконецъ дѣлаетъ такія дѣла, о которыхъ крестьяне, жалуясь на него, выражаются что и они постыдились бы дѣлать ихъ.“

Затѣмъ говорить ли о плачевномъ матеріальномъ положеніи нашего блага духовенства? Этотъ вопросъ былъ разсматриваемъ людьми болѣе насъ компетентными. Тѣмъ не менѣе намъ случалось слышать отзывы которые требуютъ новыхъ разъясненій. Лица недовольныя послѣдними указами касающимися духовенства находятъ что въ сущности бѣлое духовенство наше не такъ бѣдно какъ нынѣ говорятъ (а недавно они сами кричали о томъ); что бѣдность причина духовному званію, что обезпеченность рождаетъ наклонность къ лѣни и эпикуреизму, что ничего нѣтъ оскорбительнаго для сельскихъ священниковъ въ томъ что по образу своей жизни они приравнены къ крестьянамъ, и что если оказывать матеріальное пособіе, то слѣдовало бы оказать оное не бѣлому, а черному духовенству и монастырямъ „ограбленнымъ правительствомъ“....

Мы видѣли уже что если монастыри были „ограблены“, то и въ ихъ пользу совершались распоряженія которыя подходятъ подъ такую же квалификацію, съ тою разницею что въ вознагражденіе за свои недвижимыя имѣнія монастыри получили постоянный доходъ, тогда какъ о подобномъ вознагражденіи Архангельскаго собора за отнятіе образа Иверской Божіей Матери ничего неизвѣстно.... Но оставимъ это. Правительство, „ограбивъ“ монастыри (примѣръ, которому послѣдовала вся Европа), назначило на каждаго монаха по 24 рубля въ годъ, — сумма крайне скудная по нынѣшнему масштабу, но которая покажется не столь ничтожною когда припомнимъ различіе въ цѣнахъ теперешнихъ съ цѣнами за сто лѣтъ назадъ. По штатамъ 1763 года полковому священнику въ артиллеріи назначалось всего 60 руб. въ годъ, * безъ квартиры, а священникъ челоѣкъ семейный, и для него бѣдность не есть добровольно принятый на себя подвигъ. Но монахи, сверхъ помянутаго содержанія и помѣщенія, получали еще изъ государственныхъ имѣній и прислугу, не лично, правда, а для общихъ монастырскихъ

* См. *Книгу Штатовъ*, № 11.797.

надобностей. Какъ бы то ни было впрочемъ, но эта прислуга облегчала монахамъ труды и представляла немаловажную цѣнность. По крайней мѣрѣ, по отбѣнѣ у насъ личной обязательной службы, повинность которой лишились монастыри была замѣнена ежегодною суммой въ 307.850 р., * которая, будучи раздѣлена по числу монаховъ (3.306) и монахинь (2.342) въ штатныхъ монастыряхъ, составитъ на каждое лицо почти по 55 руб. въ годъ. Такимъ образомъ каждый монахъ получаетъ отъ правительства, при готовомъ помѣщеніи, около 62 руб. въ годъ. Но казна отпускаетъ суммы ассигнуемыя на монастыри по штатному въ нихъ числу монаховъ, какого не бываетъ не только въ бѣдныхъ, но даже въ богатыхъ монастыряхъ, что, вмѣстѣ съ приношеніями богомольцевъ, съ доходами отъ луговъ, рыбныхъ ловель, мельницъ и тому подобныхъ угодій, наконецъ при условіи общезжительства (условіи наиболѣе приличномъ для монастырской жизни), дѣлаетъ существованіе братіи даже самыхъ бѣдныхъ обитателей, по крайней мѣрѣ, обеспеченнымъ.

Но нельзя сказать того же о бѣломъ духовенствѣ, и особенно сельскомъ, самомъ многочисленномъ. По отчету оберъ-прокурора за 1861 годъ, ** въ Россіи было 37.979 соборныхъ и иныхъ церквей, а если исключить монастырскія, — 37.130. На это число церквей числилось священнослужителей 50.394, *** въ числѣ коихъ 12.444 дьякона, а общее число всего бѣлаго духовенства съ причетниками простирается до 126.164. Извѣстно что часть священно- и церковно-служителей получаетъ денежное содержаніе, а другая пользуется церковными землями. Что касается первыхъ, то въ 1862 году предположено было отпустить 3.727.987 руб. 45 коп., распредѣлив ихъ между 17.547 причтами, что составитъ съ небольшимъ по 213 руб.; а такъ какъ изъ суммы приходящейся на причтъ половина назначается священнику, то окажется что каждый изъ сихъ послѣднихъ получаетъ по 106—107 р., — средства крайне скудныя для человѣка семейнаго. А что сказать о причетникахъ которые въ совокупности получаютъ четвертую часть суммы ассигнуемой на причтъ?

* Отчетъ оберъ-прокурора за 1861 годъ.

** Новѣйшихъ отчетовъ мы не имѣемъ въ виду; впрочемъ, въ цифрахъ, которыя приводимъ, не могло произойти большой перемѣны.

*** Неизвѣстно, включены ли въ это число іеромонахи.

Посмотримъ, не лучше ли обезпечены причты тѣхъ церквей которыя имѣютъ земли. Такихъ земель положено по 36 десятинъ на каждую приходскую церковь, изъ коихъ на долю священника приходится половина. Итакъ сельскій священникъ надѣленъ землею въ томъ же размѣрѣ какъ крестьянинъ имѣющій трехъ сыновей, а причетникъ, пользующійся лишь четвертою частью церковной земли, хотя бы семейство его состояло изъ десяти человѣкъ, имѣетъ надѣлъ почти равный мужику-одиночкѣ. Положеніе по истинѣ крайнее,—а духовное начальство, какъ уже сказано, причисляетъ къ приходамъ разныхъ вдовъ и сиротъ *духовнаго званія!*... Дивится ли послѣ этого что сельское духовенство прибѣгаетъ къ разнымъ прижимкамъ и вымогательствамъ, къ поборамъ и попрошайничеству?... Нужда, голодъ, крайность обезоруживаютъ и уголовные законы!

Вотъ почему и въ средѣ правительства, и въ просвѣщенной части общества, стала въ послѣдніе годы созрѣвать мысль о необходимости радикально измѣнить положеніе блага духовенства. Само духовенство начало стыдиться тѣхъ средствъ которыми оно пополняло скудныя, дарованныя ему закономъ средства къ существованію; оно увидѣло что, пребывая въ своемъ сословномъ уединеніи, оно отстало отъ жизни, что эта жизнь сложилась въ такія формы съ которыми совершенно несовмѣстимы особенности быта духовнаго сословія; что при существующихъ условіяхъ для сына сельскаго священника недоступенъ не только университетъ, но и гимназія, по цѣнамъ за ученіе въ нихъ; что, вращаясь въ необразованной средѣ, сельское духовенство, а частію и городское, потеряло пониманіе тѣхъ интересовъ которые наполняютъ жизнь каждаго образованнаго человѣка, и что безъ соприкосновенія съ этою жизнью и съ цивилизаціей современнаго міра,—не взирая на темныя ихъ стороны,—невозможно быть *врачомъ душъ*, въ чемъ однакожъ и состоитъ призваніе священника. Но кто произведетъ ту глубокую и сложную реформу которая сдѣлалась настоятельною необходимостью блага духовенства? Само духовное высшее управленіе? Мы видѣли что оно всегда было одушевлено наилучшими желаніями, но въ томъ именно и состоитъ странная особенность нашей духовной администраціи что наилучшія намѣренія всегда внушали ей самыя плачевныя мѣры. Не естественно ли желать отдѣлать овецъ отъ козлицъ? А между тѣмъ это желаніе привело къ организованію

касты. Не похвально ли не выпускать „въ бурное море житейское“ молодыхъ людей, натурально падкихъ къ соблазну? Однако это уваженія достойное опасеніе заперло всѣ выходы изъ духовнаго сословія и породило въ немъ скученность и нищету. Не почтенна ли цѣль отбирать цвѣтъ людей для приготовленія ихъ къ занятію высшихъ ступеней духовной іерархіи, дабы ввѣрить имъ высшее наблюденіе за самыми священными интересами? Но это породило антагонизмъ между бѣлыми и черными духовенствомъ и, въ добавокъ къ нищетѣ матеріальной, породило между служителями церкви нищету духовную. Какъ не обезпечить старость, вдовство и сиротство? Но мы видѣли что это привело къ симоніи. Что можетъ быть почетнѣе намѣренія доставить дешевое, но солидное образованіе дочерямъ священно- и церковно-служителей, будущимъ женамъ и матерямъ священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ? Но учрежденіе особыхъ училищъ для дѣвиць *духовнаго званія* (!) сдѣлалось новымъ камнемъ въ зданіи организованнаго по „образцу іудейскому“ духовенства. Не лучше ли было бы употребить свое вліяніе (а оно велико) на устраненіе изъ общихъ, такъ-называемыхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, того дѣйствительно непохвальнаго духа который въ нихъ господствовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ?

Въ настоящее царствованіе сдѣланы многія пособія бѣлому духовенству. Содержаніе причтовъ соборныхъ, то-есть безприходныхъ, значительно увеличено; соборные протоіереи получали прежде отъ 142 до 542 р., нынѣ получаютъ отъ 400 до 700 р., священникамъ и протодіаконамъ содержаніе возвышено съ 95—285 до 250—400 р. Въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ обязательныя работы крестьянъ замѣнены денежными суммами, и этою замѣной очень довольно мѣстное духовенство; на пенсіи и одновременныя пособія ассигнуется съ 1866 года по 288.000 р.; на преобразование духовно-учебной части по полтора милліона, отпускаемыхъ впрочемъ по мѣрѣ дѣйствительнаго совершенія этого преобразования. Всѣ эти пожертвованія, кромѣ послѣдняго, хотя ихъ нельзя назвать маловажными, не могли однакожь въ достаточной степени улучшить положеніе нашего духовенства даже въ матеріальномъ отношеніи; а мы видѣли что кромѣ бѣдности было много и другихъ источниковъ зла. Бѣдность была лишь

однимъ изъ послѣдствій чрезвычайной замкнутости этого сословія; слѣдовательно необходимо было наложить руку на тѣ перегородки которыя отдѣляли его отъ другихъ гражданъ Россіи.

Книга *О сельскомъ духовенствѣ* произвела глубокое впечатлѣніе, и хотъ она во многихъ частностяхъ жестка, раздражительна и даже одностороння, хотъ, по мнѣнію нашихъ zelanti, она наполнена клеветами и заслуживала быть сожженою рукою палача, однако вскорѣ по ея появленіи, а именно въ 1859 году, оберъ-прокуроръ синода пожелалъ имѣть мнѣнія епархіальныхъ начальниковъ о состояніи духовно-учебныхъ заведеній и о средствахъ къ ихъ улучшенію. Это было началомъ цѣлаго ряда правительственныхъ заботъ, соображеній и мѣръ, которыя разрѣшились радикальнымъ преобразованиемъ духовныхъ школъ, семинарій и академій. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ преобразованы учебныя программы; существовавшая въ нихъ многопредметность, обуславливающая поверхностность въ занятіяхъ, устранена; обучение направлено къ тому чтобы доставить воспитанникамъ прежде всего общечеловѣческое образованіе, и потомъ усилить спеціальныя богословскіе предметы. Единичное и нерѣдко деспотическое управленіе монаховъ-ректоровъ духовныхъ семинарій ослаблено учрежденіемъ учебныхъ совѣтовъ изъ преподавателей (духовнаго званія и свѣтскихъ), которымъ дано между прочимъ право избранія кандидатовъ на преподавательскія и начальническія должности, и которые назначаютъ конкурсы для замѣщенія преподавательскихъ кафедръ. Наконецъ доступъ въ учебныя заведенія духовнаго вѣдомства въ принципѣ открытъ для молодыхъ людей всѣхъ сословій.

Это послѣднее обстоятельство касается не столько самихъ учебныхъ заведеній о коихъ мы говоримъ, сколько вопроса объ исключительности духовнаго сословія. Но потому именно что оно затрогивало заматерьяый вопросъ объ исключительности и замкнутости духовнаго сословія, преобразование духовныхъ училищъ должно было бороться съ большими затрудненіями. Особо составленный для этого преобразования комитетъ выработалъ къ началу 1862 года уставъ, въ которомъ хотъ и предполагалось допускать въ духовныя училища дѣтей всякаго званія, но только желающихъ „по собственному внутреннему побужденію и по желанію родителей посвятить себя на служеніе церкви, и подающихъ

благою надежду къ тому по собраннѣмъ о нихъ свѣдѣніямъ“. Очевидно, комитетъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, желавшаго чтобы люди всякаго званія могли посвящать себя служенію алтаря, но очевидно и то что приведенною оговоркою могли воспользоваться люди не желавшіе допущенія новыхъ элементовъ въ наше духовенство. Это обстоятельство выставлено было на видъ однимъ изъ свѣтскихъ членовъ комитета, г. Филипповымъ, столь же хорошо знакомымъ съ богословскими вопросами какъ и съ практикою нашего духовнаго управленія. „Дѣти духовнаго званія принимаются и будутъ приниматься, написалъ онъ въ мнѣніи поданномъ по этому вопросу, безъ всякаго разбора ихъ свойствъ, а о дѣтяхъ другихъ сословіи предполагается собирать справки: есть ли у нихъ сердечная готовность посвятить себя служенію церкви? Но впервыхъ, кто же будетъ собирать эти свѣдѣнія и отъ кого? Вотъ вторыхъ, въ какомъ же возрастѣ предполагаютъ принимать въ духовныя училища дѣтей другихъ сословіи, чтобы можно было увѣриться въ готовности ихъ посвятить себя служенію церкви?“

Въ новыхъ уставахъ уже не встрѣчается оговорокъ относительно дѣтей свѣтскихъ родителей. Законъ открываетъ безъ всякихъ условій двери семинаріи и академіи для всѣхъ выдержавшихъ экзаменъ.... Въ такомъ случаѣ можно бы спросить, зачѣмъ существовать особымъ учебнымъ заведеніямъ, не состоящимъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія? Зачѣмъ сохраненіе этого раздѣленія на *свѣтскія* и *духовныя* учебныя заведенія? Въ этомъ отношеніи мнѣнія многихъ лицъ духовнаго званія идутъ далѣе новаго закона. Такъ, напримѣръ, нижегородскій духовный комитетъ и общее собраніе благочинныхъ Рижской епархіи заявляли официальнымъ путемъ, что слѣдуетъ закрыть низшія и среднія учебныя заведенія духовнаго вѣдомства, а учредить лишь особые спеціальныя богословскіе курсы для молодыхъ людей желающихъ посвятить себя духовному званію, къ какому бы впрочемъ сословію они ни принадлежали. Такая мѣра, заключалъ нижегородскій комитетъ, „а) откроетъ дѣтямъ духовенства свободный путь къ труду на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности, а дѣтямъ другихъ сословіи столь же свободный доступъ къ духовнымъ должностямъ; б) сдѣлаетъ современемъ наше духовенство общенароднымъ и приблизитъ насъ къ тому порядку избранія

пастырей какой значала былъ въ церкви православной, и в) съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ-быть и дѣйствительно возвыситъ уровень богословскаго образованія и дастъ народу Русскому пастырей больше по призванію нежели по нуждѣ и происхожденію.“ Благочинные Рижской епархіи заявляли съ своей стороны чтобы для приготовления къ служенію алтаря учреждены были при университетахъ богословскіе факультеты. Вотъ замѣчательныя слова собранія этихъ благочинныхъ :

„Опытные педагоги замѣчаютъ у насъ въ Россіи особенную разьединенность духовнаго образованія съ свѣтскимъ и почитаютъ великимъ несовершенствомъ нашихъ русскихъ университетовъ недостатокъ въ нихъ богословскихъ факультетовъ. Отъ того-то такъ и не твердо, такъ и колеблется наше русское образованіе. Богословскій факультетъ въ лицѣ профессоровъ дѣйствуетъ на все ученое сословіе университета, какого дѣйствія никакъ не можетъ имѣть одинъ профессоръ богословія, нынѣ существующій въ нашихъ университетахъ, а чрезъ студентовъ дѣйствуетъ на другихъ ихъ собратій. Религіозныя истины сообщаются въ ученыхъ сферахъ профессоровъ и распространяются, укрѣпляются въ кругу студентовъ и переходятъ чрезъ нихъ въ жизнь, въ общество; дѣло святой вѣры преуспѣваетъ, и церковь утверждается. Отдѣльно существующія духовныя академіи и семинаріи не могутъ имѣть такого сильнаго вліянія ни на общество, ни на университеты и другія училища, съ которыми не имѣютъ непосредственной связи, существуя отдѣльною, самостоятельною, обособленною отъ общества жизнію. Самыя же университеты безъ богословскаго факультета не могутъ вполне соответствовать своей дѣлу и представлять всеобщность (universitas) познаній, когда въ немъ не достаетъ дѣлаго отдѣла наукъ, и наукъ важнѣйшихъ—богословскихъ.... Съ другой стороны, это будетъ чрезвычайно плодотворно для церкви и духовенства, потому что откроетъ доступъ къ поступленію на служеніе алтарю всѣмъ желающимъ, привлечетъ таланты и дѣятелей усердныхъ на ниву Господню, а для дѣтей лицъ духовнаго званія откроетъ ходъ ко всѣмъ родамъ общественной дѣятельности, сообразно со способностями и наклонностями какими кого Богъ наградилъ.“

Нельзя не признать вполне правильною мысль заключающуюся въ этихъ строкахъ. Но недавнее прошлое нашихъ гимназій и университетовъ пугало самыхъ просвѣщенныхъ между іерархами. Одинъ изъ нихъ, нижегородскій преосвященный Нектарій, написалъ на предположеніе тамошняго духовнаго комитета слѣдующее мнѣніе, которое мудрено было не принять во вниманіе при составленіи новаго устава:

„Раздѣляя мнѣніе комитета о замкнутости нашего сословія и о вредныхъ слѣдствіяхъ сего для церкви и государства, раздѣляю мнѣніе и о мѣрахъ къ уничтоженію этой замкнутости и о благотворныхъ слѣдствіяхъ сего. Но эта благотворная реформа не иначе можетъ быть допущена какъ съ крайнею осмотрительностію. Я полагаю что о ней не должно быть и рѣчи безъ крѣпкаго и полнаго убѣжденія въ томъ что образованіе въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ вполнѣ православно. Конечно, самые интересы государства требуютъ того чтобы въ нашихъ свѣтскихъ заведеніяхъ отнюдь никогда не повторялись тѣ жалкія явленія которыя въ послѣдніе годы дали Русскому народу и православнои церкви горестное основаніе подозрѣвать наше гимназическое и особенно университетское образованіе въ направленіи не только не-христіанскомъ, но даже противномъ всякому общественному и семейному порядку; поэтому можно надѣяться что правительство, ради самого себя и ради государства, приметъ всѣ мѣры къ тому чтобы на будущее время преподаваніе и воспитаніе въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ не только было вполнѣ согласно съ ученіемъ христіанской церкви.... но и всецѣло проникалось имъ, какъ главнымъ жизненнымъ началомъ своимъ. Но въ такомъ великомъ, въ такомъ важномъ для церкви дѣлѣ какъ упомянутая реформа, мало одной надежды,—нужны самая надежная гарантія, самое вѣрное ручательство, самыя очевидныя данныя....“

Повидимому, тѣ соображенія которыя заключаются въ приведенныхъ нами словахъ нижегородскаго преосвященнаго о не вполнѣ еще благонадежномъ состояніи нашихъ университетовъ и опасеніе новыхъ колебаній въ общей системѣ народнаго просвѣщенія побудили правительство сохранить,—вѣроятно на время,—особое духовно-учебное управленіе.

Между тѣмъ, пока совершалось,—вначалѣ съ крайнею медленностію,—преобразование духовно-учебныхъ заведеній, послѣдовало нѣсколько другихъ распоряженій прямо или косвенно касавшихся духовнаго сословія и которыя всѣ проникнуты однимъ общимъ направленіемъ,—стремленіемъ открыть сыновьямъ священно- и церковно-служителей выходъ изъ духовнаго званія. Мысль воспользоваться въ интересахъ Россіи излишкомъ лицъ духовнаго сословія въ западномъ краѣ осуществлена первоначально графомъ Муравьевымъ. По его ходатайству послѣдовало въ 1864 году Высочайшее повелѣніе о принятіи въ гражданскую службу церковно-служительскихъ дѣтей,* затѣмъ новый уставъ гимназій обнародо-

* *Собр. указ. и распор. правит. 1864 г. № 89.*

важный въ 1864 году открылъ духовенству возможность безъ всякихъ предварительныхъ ходатайствъ и разрѣшеній помѣщать своихъ дѣтей въ свѣтскія учебныя заведенія; въ правилахъ для поступленія въ военную службу сдѣланы * нѣкоторыя облегченія, указаны средства для поступленія въ начальныя военныя школы. ** Во всѣхъ, какъ этихъ, такъ и другихъ, правительственныхъ распоряженіяхъ замѣчается стремленіе открыть выходы скученной, запертой массѣ церковно- и священно-служительскихъ дѣтей ко всякаго рода общественной дѣятельности, а также желаніе замѣнить касту священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ людьми посвящающими себя алтарю по призванію или хотъ по собственному желанію. Въ то же время выработывалась мѣра болѣе общая и болѣе глубокая, которая наконецъ и осуществлена въ двухъ Высочайшихъ указахъ обнародованныхъ 16-го апрѣля и 26-го мая нынѣшняго года.

Еще въ 1862 году, по волѣ Государя Императора, образовано было Особое Присутствіе для изысканія средствъ къ улучшенію быта духовенства, къ увеличенію его личныхъ и гражданскихъ правъ и преимуществъ, къ открытію дѣтямъ священно- и церковно-служителей путей для обезпеченія своего существованія и духовенству—способовъ ближайшаго участія въ приходскихъ и сельскихъ школахъ. Это Присутствіе, подъ предсѣдательствомъ с.-петербургскаго митрополита, было составлено изъ наличныхъ членовъ синода, изъ нѣкоторыхъ министровъ и главно-управляющихъ, изъ синодскаго обер-прокурора и его товарища, а дѣлопроизводство было возложено на тайныхъ совѣтниковъ графа Толстаго и Батюшкова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домонтовича. Дѣло возложенное на это Присутствіе было обширное и важное. Въ январѣ 1863 Присутствіе разослало къ епархіальнымъ архіереямъ приглашеніе доставить ему свои мнѣнія, а также мнѣнія мѣстнаго духовенства *въ подлинникъ* по предметамъ подлежащимъ разрѣшенію. Эти мнѣнія поступили окончательно въ продолженіе 1863 и 1864 годовъ. Намъ неизвѣстны *вполнѣ* отзывы полученныя Особымъ Присутствіемъ изъ различныхъ епархій, но судя по выдержкамъ изъ нихъ которыя

* *Собр. указ. и распор. прав.* 1866 г. № 60.

** Тамъ же № 49.

находятся предъ нами, многіе изъ нихъ очень замѣчательны. Мы уже видѣли мнѣнія рижскихъ благочинныхъ, нижегородскаго комитета и тамошняго преосвященнаго по самому важному изъ вопросовъ предложенныхъ ихъ обсужденію, по вопросу объ открытіи доступа въ духовное званіе людямъ всѣхъ сословій и званій. Сходно съ ними высказались и нѣкоторые другіе. Преосвященный херсонскій полагалъ что необходимо уничтожить преграду отдѣляющую среднія сословія (личное дворянство, духовенство, почетное гражданство) отъ низшихъ, и переходъ изъ однихъ въ другія сдѣлать совершенно свободнымъ и для всѣхъ удобнымъ. „Это значить, писалъ преосвященный, не то, чтобы среднія сословія притиснуть къ низшимъ, а то, чтобы низшія сословія возвысить до среднихъ, до почетнаго гражданства. Тогда дѣти чиновника и поселанина, священника и купца, причетника и ремесленника, будутъ одинаково гражданами, подданными русскаго Царя, и, по достиженіи совершеннолѣтія, обратятся туда гдѣ болѣе въ нихъ нужды и гдѣ, по ихъ понятію, имъ выгоднѣе, займутся тѣмъ къ чему кто болѣе способенъ. Тогда для дѣтей и чиновниковъ, и духовенства откроется дѣйствительно обширное поприще, гдѣ всякій можетъ найти себѣ болѣе для него удобное и болѣе выгодное занятіе и имѣть соответственное себѣ мѣсто. Тогда сословія не будутъ умножаться, государство будетъ имѣть столько чиновниковъ сколько ему нужно, и столько священниковъ и причетниковъ сколько необходимо для служенія церковнаго. Дѣти тѣхъ и другихъ увеличатъ только общее народонаселеніе государства, но не будутъ увеличивать ни чиновнаго, ни духовнаго сословія.“ Курскій преосвященный также предлагалъ открыть въ духовное званіе свободный входъ изъ всѣхъ сословій. „Тогда, писалъ онъ, въ это званіе пойдутъ тѣ которымъ оно нравится, которые почувствуютъ внутреннее къ нему призваніе, а изъ сего званія, также свободно, конечно до рукоположенія, будутъ выходить всѣ тѣ которые или не способны къ нему, или не любятъ его.“ Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія онъ ссылался на христіанскую церковь въ древности, въ которой, по его словамъ, не было духовенства какъ отдѣльнаго потомственнаго сословія, и никто ей не поставилъ въ упрекъ что у пресвитеровъ и епископовъ ея были родственниками землепашцы и ремесленники, сама же она отъ каждаго клирика требовала, въ семь отношеніи, только того чтобъ его домашніе всѣ были

вѣры православной. Такъ и у насъ, какъ скоро къ церковнымъ должностямъ откроется доступъ мірянамъ, сословная вражда, еслибъ она гдѣ и была, должна угаснуть, а съ нею разрушатся и препятствія для духовныхъ къ переходу на поприще дѣятельности гражданской. Другіе допускали вступленіе иныхъ элементовъ въ духовное сословіе лишь съ ограниченіемъ: митрополитъ кievскій полагалъ возможнымъ допускать мірянь поступать только на причетническія мѣста, съ тѣмъ чтобъ они сами считались въ составѣ духовенства, а дѣти не причислялись къ духовному сословію. Наконецъ весьма многіе выражали желаніе чтобы священно- и церковно-служительскія дѣти получили возможность выходить изъ духовнаго сословія, чѣмъ косвенно устранялись бы преграды замыкавшія духовенство съ его семействами въ отдѣльную наследственную касту.

Такимъ образомъ правительство могло убѣдиться что въ средѣ духовенства, даже высшаго, оно встрѣтитъ союзниковъ въ дѣлѣ расторженія духовной касты; что же касается до блага духовенства, то съ его стороны съ увѣренностію можно было ожидать сочувствія мѣрамъ клонившимся столько же къ его пользѣ, сколько и къ выгодамъ церкви. Можно сказать, не опасаясь опроверженій, что въ послѣдніе годы, въ средѣ блага духовенства нашего, въ его взглядахъ на вещи, въ пониманіи собственнаго положенія и отношенія къ другимъ сословіямъ, произошли существенныя, хотя и не кидаящіяся въ глаза перемѣны. Допущеніе его участвовать вмѣстѣ съ прочими сословіями въ земскихъ собраніяхъ, начавшіеся нѣсколько лѣтъ тому назадъ епархіальные съѣзды, многіе комитеты и попечительства существующіе по епархіямъ и даже благочиніямъ, наконецъ участіе общества и печати въ дѣлахъ касающихся этого сословія не могли не произвести освѣжающаго дѣйствія, послѣдствія котораго осязательно выразились нѣсколькими полезными нововведеніями въ духовномъ управленіи, какъ-то выборомъ благочинныхъ, назначеніемъ имъ содержанія въ замѣну тайно взимавшихся доходовъ, учрежденіемъ въ нѣсколькихъ епархіяхъ эмеритальныхъ кассъ и т. п. Словомъ, сѣмя обширной реформы, которая приготавливалась, должно было, какъ можно было ожидать, пасть на подготовленную уже отчасти почву. 26-го мая послѣдовалъ Высочайшій указъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ: „Дѣти

лицъ православнаго духовенства не принадлежать къ духовному званію и пользуются съ самаго рожденія: священно-служительскія — правами дѣтей личныхъ дворянъ, а церковно-служительскія дѣти — правами личныхъ почетныхъ гражданъ; дѣти же низшихъ церковно-служителей (сторожей и т. п.) должны приписаться къ какому-нибудь городскому или сельскому обществу, съ увольненіемъ ихъ лично отъ податей и рекрутства.“

Какъ ни мало вѣроятнымъ можетъ показаться что дѣло, которое подготовлялось цѣлыми вѣками и къ которому не рѣшались приступить въ продолженіе многихъ десятилѣтій, разрѣшается парю строкъ, — однако это такъ. Вышеприведенными постановленіями настоящаго царствованія облегчены были выходъ изъ духовнаго сословія и вступленіе въ оное: оставалось только произнести приговоръ о небытіи этого сословія.

Законъ 26-го мая не касается однакожь очень важной стороны предполагаемой реформы, — стороны экономической, — а улучшение матеріальнаго положенія бѣлаго духовенства стало вопіющею необходимостію. На многія причины бѣдности этого сословія было уже нами указано; здѣсь кстати будетъ указать еще на одну, и очень важную. Многочисленность церквей есть, безъ сомнѣнія, говоря вообще, добрый признакъ; но вотъ постановленіе Стоглаваго Собора, которое приводитъ г. Знаменскій въ любопытномъ изслѣдованіи своемъ *О приходскомъ духовенствѣ на Руси*: * „подобаетъ вельми епископу коемуждо въ своей области бреши.... и не попуска-ти мірскимъ людямъ новыхъ церквей поставляти, а старыя церкви презирати и небрегомъ держати. Многи бо челоувѣцы не Бога ради церкви создаютъ, но тщеславія ради и гордости.... и не могутъ удовольѣти или устроить тѣхъ св. мѣстъ святыми иконами и книгами и свѣщами и служащими священники и діаконы и прочими причетники; аще ли сначала возмогутъ, а по малѣ времени оскудѣвають.“ Не только убогія, но запустѣвшія и разрушающіяся отъ небреженія церкви были не рѣдкостью въ Россіи и въ тѣ отдаленныя эпохи которыя у насъ любятъ выставлять примѣромъ благочестія. Такъ напримѣръ, говоритъ г. Знаменскій, въ XVI вѣкѣ, когда открылись въ Балахнѣ соляные промыслы, число

* *Правосл. Обзорніе* 1867 г. № 1.

церквей тамъ возрасло до 50; но стали бѣднѣть промышленники соорудившіе эти церкви, оскудѣли и стали рушиться храмы; въ 1674 году ихъ было только 30, а въ первой половинѣ XVIII вѣка—15. Корпоративное устройство нашего бѣлаго духовенства побуждало епархіальныхъ начальниковъ заботиться о сооруженіи новыхъ церквей чтобы доставлять мѣста несоразмѣрно большому количеству священниковъ и причетниковъ. Отыскивался щедрый храмостроитель, и нѣсколько семействъ духовнаго сословія находило пріютъ; но не надолго. Богачъ умираетъ, и церковь теряетъ средства къ существованію. Вотъ почему и Петръ I, подобно членамъ Стоглаваго Собора, писалъ: „Всякому здраворазсудному извѣстно какое то небреженіе славѣ Божіей въ лишнихъ церквахъ и во множествѣ поповъ.“* Вотъ почему онъ постановилъ указомъ 25-го апрѣля 1711 года „въ попы и во дьяконы не посвящать вновь и въ прибыль, но идѣже единъ попъ былъ, тамъ и нынѣ единъ да будетъ, такожь разумѣя и о дьяконѣ. Гдѣ явится скудный приходъ, тамъ дьякона не посвящать и попа другаго не ставить, хотя прежде бывало по два попа.“** Въ установленной Петромъ присягѣ архіереи обязывались „церквей свыше потребности, для прихотей, не строить“. Къ подобной мѣрѣ пришлось прибѣгнуть и въ наше время.

Тѣ изъ нашихъ читателей которые слѣдили за газетами въ 1866 и 1867 году, знаютъ что вопросъ о мѣрахъ клонящихся къ этой цѣли былъ поднятъ въ общественныхъ и земскихъ собраніяхъ. Толковали много, но вообще обнаружено было мало расположенія къ пожертвованіямъ въ пользу духовенства: явленіе прискорбное, одинъ изъ плачевныхъ результатовъ отдѣльности этого сословія! Что же оставалось дѣлать правительству? Назначить общій налогъ въ пользу духовенства, рѣшительно объявляютъ наши zelanti. Конечно, это очень не трудно предлагать, но при теперешнемъ составѣ причтовъ пришлось бы въ иныхъ мѣстахъ брать по 25, 30 и даже болѣе копѣекъ съ десятины, на что не легко рѣшиться. Къ тому же спрашивается: выигравъ въ отношеніи матеріальномъ, не потеряло ли бы наше духовенство въ симпатіи и уваженіи къ себѣ? Это опасеніе становится вѣроятнымъ послѣ приѣма сдѣланнаго въ весьма многихъ мѣстностяхъ предложенію о пожертвованіяхъ въ пользу духовенства.

* Полн. Собр. Зак. № 4.122.

** Полн. Собр. Зак. № 2.352.

Поэтому правительству было естественно прежде всего прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ которыя принимаемы были во времена Петра I: къ сокращенію числа лицъ составляющихъ причты и числа самыхъ причтовъ.

Указъ 16-го апрѣля 1869 года допускаетъ соединеніе существующихъ малолюдныхъ и бѣдныхъ приходоѡ съ другими, дабы уравнивать приходы и доставить каждому изъ нихъ возможность быть самостоятельнымъ. Для достиженія этой цѣли указывается распредѣлить городскія и сельскія приходскія церкви на двѣ категоріи: самостоятельныя и приписныя, изъ коихъ только при первыхъ на будущее время должны состоять причты. Относительно такого раздѣленія постановляется сообразоваться съ разстояніемъ одной церкви отъ другой и церквей отъ селеній, съ удобствами сообщеній, съ помѣстительностію храмовъ, съ нравственно-религіознымъ состояніемъ прихожанъ и степенью ихъ привязанности къ своимъ церквамъ. Въ случаѣ предположенія о соединеніи двухъ приходоѡ или упраздненіи какого-либо одного изъ нихъ, законъ повелѣваетъ объяснять на какомъ изъ указанныхъ въ уставѣ духовныхъ консисторій основаній существующую въ упраздняемомъ приходѣ церковь предполагается обратить въ приписную, имѣя при этомъ въ виду что на первый разъ дозволяется сохранять нѣкоторыя условія самостоятельныхъ церквей за тѣми которыя подлежали бы отчисленію къ приписнымъ, и даже оставлять при нихъ прежній приходъ, а если прихожане найдутъ средства обезпечить причтъ, то оставлять имъ и причтъ. Составленіе такихъ предположеній и вообще росписаній на приходы согласно новому закону возложено на губернскія присутствія по обезпеченію духовенства, предсѣдаемыя мѣстными архіереями. Вообще предположено дѣйствовать въ этомъ отношеніи какъ можно бережливѣе, осторожливѣе, сообразно съ дѣйствительными потребностями, а не по какимъ-либо отвлеченнымъ, напередъ преподаннымъ правиламъ. Можно было бы развѣ пожелать чтобы росписание приходоѡ, предварительно представленія въ Высочайше утвержденное присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства, было сообщено прихожанамъ, дабы и ихъ голосъ былъ выслушанъ. Что касается состава причтовъ, то въ приходскихъ церквахъ онъ будетъ впредь ограниченъ двумя лицами: священникомъ (настоятелемъ) и причетникомъ въ званіи псаломщика. Но и въ этомъ отношеніи губернскимъ

присутствіямъ предоставляется дѣлать изъятія: въ случаѣ дѣйствительной надобности, они въ правѣ допускать при настоятеляхъ еще священниковъ помощниковъ и двойное число причетниковъ, причемъ сверхъ штатнаго числа церковнослужителей не воспрещено, разумѣется, приходу навѣщать и другихъ церковниковъ, которые, однако, отнюдь не должны считаться лицами духовнаго сословія. Не запрещено также быть въ приходскихъ церквахъ и дяковамъ, но съ тѣмъ чтобы содержаніе ихъ было обезпечено приходомъ, и чтобы они были возводимы въ этотъ санъ изъ штатныхъ псаломщиковъ.

Таково содержаніе указа 16-го апрѣля касательно обезпеченія причтовъ въ матеріальномъ отношеніи. Извѣстно что въ нѣкоторыхъ, особенно центральныхъ губерніяхъ, сельскіе приходы весьма многочисленны, и что числу ихъ не соответствуетъ густота населенія. Приходы въ какихъ-нибудь 300, даже 250 душъ обоего пола вовсе не рѣдкость; мы слышали о приходахъ не превышающихъ 150 душъ. Очевидно, такіе приходы не въ состояніи обезпечить бытъ своего духовенства. По новому положенію такихъ необезпеченныхъ причтовъ не будетъ; священникъ, пользующійся нынѣ 18 десятинами земли, будетъ имѣть 36 десятинъ, если его церковь попадетъ въ число самостоятельныхъ и если къ ней приписется еще другая; а такъ какъ при этомъ причтъ уменьшится, то все удвоенное количество церковныхъ земель, то-есть 72 десятины, раздѣлится между священникомъ и псаломщикомъ, изъ коихъ первый будетъ имѣть, безъ сомнѣнія, не меньше 50 десятинъ. Происходящее отъ этого улучшеніе матеріальнаго положенія духовенства очевидно; но свѣтуютъ что часть духовенства должна будетъ остаться за штатомъ. Надобно надѣяться однако что мѣстныя губерскія присутствія озаботятся чтобы число такихъ лицъ было по возможности мало, чтобы причты сокращались естественно смертію, а не оставленіемъ за штатомъ, и чтобы оставлены были за штатомъ только священно- и церковно-служители на именѣ достойные. Отъ устраненія этихъ послѣднихъ выиграетъ качество духовенства въ общемъ своемъ составѣ. Законъ 16-го апрѣля требуетъ чтобы на будущее время на мѣста псаломщиковъ были опредѣляемы лишь такія лица „которые по познаніямъ и способностямъ могутъ быть возведены въ послѣдствіи въ санъ священника“, а когда не только

священниками, но и причетниками въ нашихъ сельскихъ церквяхъ будутъ люди окончившіе полный курсъ богословскаго (а съ преобразованиемъ семинарій, и общечеловѣческаго) образованія и достаточно обеспеченные, тогда наше духовенство займетъ въ средѣ общества подобающее ему мѣсто; тогда оно въ состояніи будетъ вліять на мірянъ и утверждать между ними слово Божіе не требуя искусственныхъ подпоръ, не высылая полиціи противъ раскольниковъ, и не расточая безплодныхъ жалобъ на грѣховность современнаго человѣка.

Какъ отнеслось общественное мнѣніе къ постановленіямъ такъ радикально измѣняющимъ положеніе нашего духовенства? Едва ли мы ошибемся, сказавъ что вообще общество не оцѣнило всей обширности этой реформы, чему причиной отчасти краткость и такъ-сказать скромная внѣшность послѣднихъ указовъ, а отчасти отвычка интересоваться дѣлами касающимися духовенства и церкви. Чтобы понять какъ глубоко захватываютъ эти указы, надо съ достаточною ясностію представить себѣ положеніе созданное исторіей нашему бѣлому духовенству. Законъ называетъ его сословіемъ; но члены другихъ сословій не обязываются къ такому-то роду жизни и къ такому-то занятію. Дворянинъ можетъ служить и не служить, онъ можетъ быть земледѣльцемъ, равно какъ и артистомъ, заниматься промыслами или наукой, сдѣлаться литераторомъ, аферистомъ, адвокатомъ; всѣ поприща ему открыты, безъ лишенія сословныхъ его правъ; законъ не обязываетъ также члена купеческаго или городского сословія непременно торговать, а крестьянина пахать землю. Но сынъ священника или дьякона обязанъ тоже служить церкви, или же выписаться изъ своего сословія, что до послѣднихъ указовъ было сопряжено съ большими затрудненіями. Слѣдовательно духовенство составляло не сословіе, а касту въ точномъ значеніи этого слова; нѣкоторое подобіе положенію въ какое оно было поставлено закономъ можно приискать за послѣднее время только въ учрежденіи военныхъ поселеній и пахатныхъ солдатъ. Тамъ тоже люди предназначались наслѣдственно къ опредѣленному роду занятій и ни о чемъ другомъ не должны были помышлять. Но такое положеніе нетерпимо съ современной точки зрѣнія. Послѣ 19-го февраля 1861 года никакая обязательная служба невозможна, и въ упраздненіи этой обязательности заключается

существенное сходство послѣднихъ указовъ о духовенствѣ съ Положеніемъ 19-го февраля. Это новый шагъ къ полнотѣ правосудія Русскаго народа.

Вотъ почему тѣ которые дали себѣ трудъ выискнуть въ значеніе послѣдней реформы или горячо рукоплещуть ей, или же горько ее порицають. Если вѣрить послѣднимъ, то расторженіе духовной касты грозитъ лишить храмы священно- и церковно-служителей. Священно- и церковно-служительскія дѣти, по ихъ словамъ, покинуть путь своихъ отцовъ, а изъ другихъ сословій не будетъ ни желающихъ, ни достойныхъ сдѣлаться служителями алтара. Но еслибы дѣйствительно было справедливо что только ярмо необходимости приводитъ людей на священно-служительскія мѣста, то это было бы печальнымъ опроверженіемъ вообще распространеннаго мнѣнія о религіозности Русскаго народа! Мы видимъ что во всѣхъ остальныхъ странахъ міра духовенство пополняется изъ людей всякаго званія и всѣхъ состояній: почему же думать что только въ Россіи надо насильственнымъ образомъ вручать человѣку пастырскій посохъ? Нѣтъ; видя какъ полны наши храмы, какія массы приношеній ежегодно вызываетъ у насъ церковное чувство, какія толпы людей принимаютъ на себя подвигъ паломничества, мы думаемъ и твердо увѣрены что не будетъ недостатка въ людяхъ благочестивыхъ, желающихъ по внутреннему влеченію удостоиться духовнаго сана. Не оттолкнетъ ли ихъ скудость и униженное положеніе духовенства? Но новыя постановленія улучшаютъ и матеріальный бытъ, и общественное положеніе священниковъ и причетниковъ. Правда, и послѣ нынѣшней реформы духовенство будетъ еще гораздо менѣе обезпечено чѣмъ люди посвятившіе себя нѣкоторымъ другимъ занятіямъ; но и между различными свѣтскими карьерами не всѣ одинаково выгодны; педагогическая карьера не представляетъ такой обезпеченности какъ служба въ акцизномъ управленіи; военные, литераторы не могутъ разчитывать на такіе доходы какъ адвокаты; однако есть у насъ и учителя, и офицеры, и литераторы. Не унизительно ли для человѣческаго достоинства предполагать что денежная выгода составляетъ все, а внутреннее призваніе ни во что не ставитъ! Во всякомъ случаѣ позволительно желать только одного — еще большей обезпеченности церковныхъ причтовъ, но никакъ не на слѣдственности мѣсть при церквахъ. Это положительно

запрещено законами, это—злоупотребленіе осужденное вселенскими соборами, это порицаемый ими „іудейскій обычай“.

Можно, кажется, думать что просвѣщеннѣйшая часть нашего духовенства смотритъ именно съ этой точки зрѣнія на реформы о которыхъ мы говоримъ. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключать по тону органовъ нашего духовенства, гдѣ мы встрѣчаемъ по большей части отзывы хоть и сдержанные, но болѣе или менѣе благоприятные. Это добрый знакъ. Зная вліяніе на эту часть періодической печати епархіальныхъ начальниковъ, можно думать что не малая доля нашихъ преосвященныхъ сочувствуетъ расторженію духовной касты. И точно, они должны радоваться снятію съ нихъ тяжелой, неблагодарной и не подобающей имъ обязанности администровать цѣлое сословіе въ 500 или 600 тысячъ чело-вѣкъ обоого пола. Ихъ вѣдѣнію, какъ церковныхъ правителей, подлежатъ только лица посвятившія себя, въ какомъ бы то ни было чинѣ, служенію духовному, а заниматься устройствомъ ихъ браковъ и наследствъ, наблюдать за благопріятіемъ ихъ женъ и сестеръ, прискивать ихъ дочерямъ жениховъ, все это не имѣетъ ничего общаго съ ихъ духовною миссіей. Да будетъ отнынѣ Божіе Богови и кесарево кесареви.

П. ЦЕБАЛЬСКІЙ.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФИИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 р.

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые полтора года его существованія. Цѣна 30 к., съ перес. 50 к.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. А. А. Аваньева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССІИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 к., съ пересылкой 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драпусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа, Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудравцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1869 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящія изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1869 году стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **цѣна пятнадцать рублей**; съ доставкою на домъ въ Москвѣ **пятнадцать рублей**; съ почтовою пересылкою во всѣмѣхъ Россіи **шестнадцать рублей**.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ Австрію, Вѣна, Варію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герман. Почт. Союза 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Геельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородныя адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1869 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1869 годъ, казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: Москвѣ, безъ доставки на домъ, **двѣнадцать рублей** съ доставкою на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкою въ другіе города **пятнадцать рублей** сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, Страстномъ бульварѣ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можетъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, Невскомъ проспектѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и Б.) на Страстномъ бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

1869

662017

О К Т Я Б Р Ъ .

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

- I. НАШИ ОХРАНИТЕЛИ И НАШИ ПРОГРЕССИСТЫ.
В. П. Безобразова.
- II. ПОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗАПАДНАГО КРАЯ ВЪ МЯ-
ТЕЖѢ 1861—1863 ГОДОВЪ. Гл. IX—XIII. С. А. Рай-
ковского.
- III. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ЛАЖЕЧНИКОВЪ. Л. Нелю-
бова.
- IV. ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ РАСКОЛА. IV.
Н. И. Субботина.
- V. ГУМБОЛЬДТОВЪ ПРАЗДНИКЪ. В.
- VI. ПАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Часть третья. Гл. I—
XVI. В. В. Крестовскаго.
- VII. КОММИССІЯ УЛОЖЕНІЯ. *Сборникъ Русскаго Исто-
рическаго Общества*, т. IV, Спб., 1869 г. II, III.
- VIII. РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА. *Церков-
ное пѣніе въ Россіи. (Опытъ историко-техническаго
изложенья.)* Г. А. Лароша.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- БУЛГАМТОНСКІЙ ВИКАРІЙ. Романъ. Соч. Антоми Троя-
лопа. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. IX.— XVI.

ОБЪ ИЗДАНИИ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ВЪ 1870 ГОДУ.

Вслѣдствіе новой почтовой таксы, оказывается возможнымъ возстановить прежнія, для подписчиковъ болѣе выгодныя условія подписки:

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1870 году стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

За доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почтоваго Союза.	Р.	К.
Въ Бельгію.	16	—
Во Францію и Данію.	18	50
Въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію.	20	—
Въ Швейцарію	21	—
Въ Италію.	22	—

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 7 р. 75 к., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 85 коп.

НАШИ ОХРАНИТЕЛИ

И

НАШИ ПРОГРЕССИВЫ

(Посвящается Н. С. Корсакову.)

Земля и воля. П. Л. I. Русская деревня въ 1868 г. П. Земскія и судебнo-мировыя учрежденія. С.-Петербургъ. 1868 г.
Движеніе законодательства въ Россіи. Д. ст. с. Григорія Блавака. С.-Петербургъ. 1869 г.

Газета Вѣсть.

Голосъ изъ земства. А. Кошелева. Вып. I. Москва. 1869 г.

Нѣсколько словъ о вольнонаемномъ трудѣ въ сельскомъ хозяйствѣ въ черноземной полосѣ Россіи. Кн. В. И. Васильчикова. (Въ журналѣ Русское Сельское Хозяйство.) Москва. 1869 г.

Журналъ Отечественныя Записки. 1869 г.

I.

Просимъ извиненія у читателей что не можемъ лучше начать нашей статьи, какъ сухимъ описаніемъ одного факта, котораго намъ недавно довелось быть очевидцами и который отлично характеризуетъ современный ходъ нашей общественной жизни.

Для земляныхъ работъ на одной изъ сооружаемыхъ желѣзно-дорожныхъ линій было приглашено подрядчикомъ до тысячи рабочихъ изъ разныхъ губерній, не обильныхъ урожаями и промыслами. Условія найма были заключены съ рабочими въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ, когда народъ въ этихъ, такъ-называемыхъ голодныхъ, мѣсяцѣхъ бываетъ согласенъ на

всякія условія, лишь бы получить задатки, которые и были выданы. Земляныя работы на желѣзныхъ дорогахъ весьма тяжки, хотя для привычнаго къ нимъ и сильнаго народонаселенія Вологодской и Новгородской губерній не кажутся столь тяжкими какъ для изнѣженнаго и слабосильнаго подмосковнаго народа, вовсе къ нимъ неспособнаго. Поэтому платы за земляныя работы весьма высоки въ сравненіи со всякими другими заработками.

Высота этихъ платъ, тяжкія зимнія обстоятельства, разныя льстивыя словесныя обѣщанія заподражавшихъ лицъ и наконецъ безграмотность и довѣрчивость упомянутыхъ рабочихъ не позволили имъ выкнуть въ характеръ условій заключаемыхъ съ ними отъ имени подрядчика. Условія эти, хотя и облеченныя большею частію въ форму письменныхъ контрактовъ, оказались совершенно противузаконными по своему содержанию и возмутительными по своимъ послѣдствіямъ. Достаточно знать главныя черты контрактовъ по которымъ рабочіе были подряжаемы на желѣзную дорогу чтобъ убѣдиться въ ихъ безусловной незаконности и потому необязательности для рабочихъ, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ были свидѣтельствуемы въ волостныхъ правленіяхъ и, за безграмотностью, подписываемы третьими лицами. По буквѣ этихъ контрактовъ, землекопы должны были работать съ 1-го мая по 1-е ноября 1869 г.; *цѣну за свою работу въ теченіи всего этого срока они обязывались получить по заслугѣ*, другими словами, рабочіе продавали свой шестимѣсячный трудъ за вознагражденіе назначаемое безусловно *по усмотрѣнію* подрядчика. Такимъ образомъ договоръ о личномъ наймѣ былъ заключенъ безъ соблюденія перваго и неотъемлемаго условія законности всякаго такого договора, безъ всякаго обозначенія цѣны найма. Однако и этого показалось еще мало для лишенія рабочихъ всякихъ правъ на то или другое вознагражденіе и для установленія полнаго кабальнаго произвола хозяина надъ рабочими; контракты выговариваютъ далѣе въ пользу него право во всякое время, по своему усмотрѣнію, понижать получаемую каждымъ рабочимъ плату, если, какъ буквально сказано въ контрактахъ, онъ не будетъ работать наравнѣ съ другими рабочими, поставленными рядомъ съ нимъ на одной работѣ, не только по нерадѣнію и лѣности, но даже *по недостатку силъ*, а эти другіе рабочіе поставяемые хозяиномъ рядомъ могутъ быть (какъ это и

дѣлается) самые отборные люди, исключительно силачи-богатыри. Въ силу этого правила, хозяинъ можетъ, по своему произволу, понижать разъ назначенную имъ плату хотя бы до одной копейки въ день. Уже этихъ двухъ изложенныхъ нами правилъ совершенно достаточно чтобы, съ экономической точки зрѣнія, превратить договоръ личнаго найма въ отношенія крѣпостнаго къ своему господину, ибо у вольнонаемнаго рабочаго не можетъ быть никакого иного экономического интереса трудиться кромѣ полученія вознагражденія за трудъ, и единственное противодѣйствіе его экономическому безсилію сравнительно съ рядчикомъ-капиталистомъ заключается въ его условномъ правѣ соглашаться и не соглашаться на предлагаемый ему размѣръ вознагражденія. Съ юридической точки зрѣнія, договоры о личномъ наймѣ безъ обозначенія цѣны самымъ положительнымъ образомъ воспрещены нашими (какъ, вѣроятно, и всякими другими) законами; впрочемъ, такіе договоры въ юридическомъ отношеніи были бы бессмысленны, ибо безъ цѣны личнаго найма нѣтъ никакого предмета для договора, нѣтъ объекта права, нѣтъ въ сущности никакого договора и никакого юридическаго акта. Никому не воспрещается въ государствѣ входить, по обоюдному согласію, въ самыя нелѣпыя и даже незаконныя гражданскія сдѣлки; такія сдѣлки могутъ быть не преслѣдуемы государствомъ, но дѣло въ томъ что онѣ не могутъ быть охраняемы и приводимы въ исполненіе принудительною государственною властью, то-есть не имѣютъ законной силы. Это такъ ясно что не стоило бы объ этомъ и говорить, еслибы, какъ мы сейчасъ увидимъ, многие еще не думали у насъ иначе. Противузаконныя и несогласныя съ свободною гражданскою сдѣлкой свойства контрактовъ съ нашими землекопами не ограничивались одними вышеупомянутыми правилами. Рабочіе до истеченія срока найма, если только можно назвать эти отношенія наймомъ, не имѣютъ права ни подъ какимъ предлогомъ отказать и вообще уклоняться отъ работъ, и при этомъ за всякій прогульный и недоработанный день (въ случаѣ ухода съ работъ до срока) взыскивается съ рабочаго въ видѣ штрафа 1 р. 50 к., а подрядчикъ выговорилъ себѣ право во всякое время уволить рабочаго за непослушаніе, грубость, лѣнь, нерадѣніе и за нарушеніе спокойствія въ артели,

разчитавъ рабочаго по день увольненія. Какъ ни суровыѣти условія въ отношеніи къ рабочимъ, какъ ни жестоко можетъ оказаться взысканіе съ нихъ штрафа по 1 руб. 50 к. за каждый недоработанный и прогульный день, когда плата за каждый рабочій день назначается единственно по усмотрѣнію хозяина (напримѣръ 20 к. или 10 к. въ день), однако эти условія все-таки не были бы противузаконны и противны характеру вольнаго найма, еслибы къ нимъ не было присоединено еще одно условіе. За неповиновеніе, дерзости и вообще за оскорбленія нанесенныя рабочими хозяину (въ томъ числѣ значить и за всѣ случаи дающіе ему право увольнять рабочихъ до срока), онъ выговариваетъ себѣ право суда надъ рабочими, разбирательства степени ихъ вины, назначенія за каждый проступокъ денежныхъ штрафовъ, или же право, по своему только усмотрѣнію (а не по требованію рабочихъ), предавать ихъ законному суду. Мало этого, контракты присвоиваютъ *хозяину, или всякому доверенному отъ него лицу, право судебной расправы и наказанія* (денежными штрафами) во всѣхъ случаяхъ мелкаго воровства (въ первый и во второй разъ, а въ третій—право оштрафованія со стороны хозяина и сверхъ того преданія законному суду), то-есть право судебной расправы и наказанія за преступленія уголовнаго свойства. Если рабочимъ учинено воровство крупное (въ контрактахъ не сказано что должно разумѣть подъ мелкимъ и крупнымъ воровствомъ), то рабочій лишается всѣхъ заработанныхъ имъ денегъ, то-есть лишается своей собственности, которая по закону принадлежитъ ему неотъемлемо, какое бы ни было имъ совершено преступленіе, хотя бы даже смертоубійство. Рабочій лишается своей собственности въ пользу лица которое въ иномъ случаѣ могло даже вовсе не пострадать отъ его преступленія, * и даже до преданія суду по закону. Такимъ образомъ хозяинъ земляныхъ работъ присвоилъ себѣ *право конфискаціи*, которое даже и верховной государственной власти принадлежитъ только въ исключительномъ случаѣ политическихъ преступленій. Изъ всего сказаннаго ясно что описываемые нами контракты не

* Въ практикѣ высказанное въ контрактахъ право хозяина и всѣхъ доверенныхъ его лицъ судить и наказывать рабочихъ за воровство было толкуемо распорядителями работъ даже такъ что оно распространяется не на одно воровство *хозяйскаго имущества*, а на *всякіе* случаи воровства рабочихъ и между рабочими.

только никогда не могут имѣть законной силы, но могутъ быть даже преслѣдуемы правительствомъ въ уголовномъ судебномъ порядкѣ, за присвоеніе себѣ частными лицами правъ государственной и судебной власти. Рядчики могутъ подлежать наказанію, въ точности обозначенному въ Уложеніи о наказаніяхъ.

Всѣ прочія условія выраженныя въ контрактахъ подрядчика съ рабочими хотя и не воспрещаются закономъ и прямо не противны сущности свободнаго договора, но чрезвычайно жестоки для рабочихъ и, въ случаѣ своего примѣненія, при отсутствіи перваго необходимаго условія всякаго вольнонаемнаго труда, то-есть опредѣленія его цѣны, открываютъ хозяину безграничный просторъ для самой безжалостной промышленной эксплуатаціи рабочихъ. Именно: рабочіе, подряченные даже изъ дальнихъ губерній (иные за 1.000 верстъ), обязаны начать работать не позже какъ чрезъ однѣ сутки по прибытіи на работы, и даже въ эти однѣ сутки, полагаемая на отдыхъ послѣ изнурительнаго пѣшаго перехода, они обязаны изготовить всѣ инструменты для слѣдующаго дня; въ противномъ случаѣ, за всякій лишній день отдыха взыскивается какъ за прогульный (1 р. 50 к.); деньги выданныя впередъ на издержки перехода обращаются на счетъ будущихъ рабочихъ платъ; работа должна начинаться до восхода солнца и оканчиваться послѣ заката, на отдыхъ полагается въ день отъ 1½ до 2 часовъ, такъ что рабочіе могутъ быть принуждены работать, по точной силѣ контрактовъ, 16 часовъ и даже болѣе, или быть оштрафованы, какъ за неповиновеніе: такъ выходитъ по буквѣ контракта, и неисполненіе его можетъ зависѣть только отъ великодушія хозяина. Далѣе рабочіе не имѣютъ права отказываться отъ работы въ праздники, за что получаютъ никакъ не болѣе обыкновенной платы въ размѣрѣ рабочаго дня (то-есть опять по усмотрѣнію хозяина); въ случаѣ порчи хозяйскихъ инструментовъ, рабочіе платятъ за нихъ хозяину по цѣнѣ имъ назначенной. При всей крайней строгости для рабочихъ этихъ и другихъ условій, хозяинъ выговорилъ себѣ право на нѣкоторую задержку въ разчетѣ съ ними по окончаніи договорнаго срока.

Однимъ словомъ, всѣ правила контрактовъ, въ своихъ общихъ основаніяхъ, устанавливаютъ, на весь договорный срокъ, полное гражданское безправіе одной стороны въ отношеніи

къ другой, а въ своихъ подробностяхъ—съ необыкновенною точностью предусматриваютъ, подъ угрозой самыхъ тяжкихъ для рабочихъ послѣдствій, всѣ возможные, даже мало вѣроятные и независящяе отъ злаго умысла рабочихъ убытки подрядчика. Для огражденя рабочихъ отъ убытковъ, въ случаѣ злаго умысла, вины или неисправности хозяина, не выговорено рѣшительно ничего, кромѣ двухъ условій: 1) относительно хорошей пищи, которая производится на хозяйскій счетъ независимо отъ денежной рабочей платы, и 2) относительно прокормленя рабочихъ на счетъ хозяина послѣ срока договора въ теченіи десяти дней безъ выдачи рабочей платы, и съ выдачей рабочей платы по 20 к. въ день послѣ десяти дней, на случай задержки разчета со стороны хозяина по окончаніи работъ. Право на вознагражденіе рабочихъ въ случаѣ неисправности хозяина въ разчетѣ не только не требовало этого послѣдняго, оговореннаго въ пользу рабочихъ условія, но это условіе служитъ только къ ограниченію права рабочихъ установленнаго самимъ закономъ. Размѣръ вознагражденя по закону былъ бы въ этомъ случаѣ гораздо значительнѣе чѣмъ по условію. Неисправность хозяевъ въ разчетахъ съ рабочими, въ особенности когда они приведены за 1,000 верстъ, и когда въ теченіи договорнаго срока имъ выдается только половина слѣдующей имъ платы, какъ въ нашемъ случаѣ, есть вопіющее зло, противъ котораго желательно видѣть дѣйствіе всей строгости законовъ и власти. Что касается выговоренной въ контрактахъ хорошей пищи, то также не требовалось на это особаго условія, ибо, по самому характеру земляныхъ работъ, прямой интересъ хозяина заставляетъ его давать рабочимъ какъ можно болѣе сытную и обильную пищу (мясную), также точно какъ ямщика до-сыта кормить своихъ лошадей безъ всякаго съ ихъ стороны о томъ уговора. Итакъ, два единственные условія какъ будто ограждающія права рабочихъ оказываются совершенно прозрачными, и одно изъ нихъ скорѣе обиднымъ для нихъ чѣмъ выгоднымъ.

Вотъ каковы были контракты заключенные подрядчикомъ земляныхъ работъ съ рабочими въ занимающемъ насъ случаѣ. Очевидно что этими контрактами, въ случаѣ признанія ихъ со стороны публичной власти, устанавливался порядокъ не только экономическихъ, но даже нравственныхъ и юридическихъ отношеній на сооружаемой линіи желѣзной дороги,

совершенно подобный крепостному праву и немислимый между лицами граждански-равноправными. Для полной характеристики этого факта, взятого изъ окружающей нас действительности, нужно присовокупить что напечатанныя на контракты цензурныя и полицейскія разрѣшенія печатать бланки контрактовъ и также произвольно, съ изумительною смѣлостью, сдѣланный на нихъ огромными литерами заголовокъ: „Договоръ на основаніи установленныхъ правилъ о наймѣ рабочихъ“, были толкуемы распорядителями работъ и прикащиками такимъ образомъ что эти контракты преподаны и утверждены правительствомъ и даже *высшимъ* (какъ при этомъ выражались)!

Самые неправильныя и противузаконныя договоры могутъ быть однакоже въ практикѣ исправлены благоразуміемъ и добросовѣстностью исполнителей и могутъ не привести ко всемъ послѣдствіямъ истекающимъ изъ ихъ буквы; потому необходимо знать какъ были исполняемы наши контракты въ самомъ дѣлѣ. Исполненіе оказалось для рабочихъ еще хуже самой буквы условій. Контракты сдѣлались въ рукахъ распорядителей работъ и прикащиковъ такими страшными орудіями угнетенія рабочихъ что, послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ тяжкой работы, они, по счетамъ хозяина, не только не имѣли ничего получить отъ него за свою работу, сверхъ путевыхъ издержекъ и задатковъ, но оставались предъ нимъ въ значительныхъ долгахъ.

Такіе результаты вычисленій конторы подрядчика, удивившіе рабочихъ, составляютъ однако не что иное какъ математически точныя выводы, сдѣланныя на основаніи контрактовъ. Когда размѣры рабочей платы зависѣли отъ усмотрѣнія хозяина, и когда также точно отъ расположенія духа его довѣренныхъ лицъ зависѣло назначеніе разнообразныхъ штрафовъ, то при такихъ данныхъ не требовалось слишкомъ головоломныхъ ариметическихъ выкладокъ чтобы вывести съ величайшею точностью весьма почтенныя цифры долговъ рабочихъ хозяину, даже когда они находились на работахъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, работали ежедневно и виновны только въ прогульныхъ дняхъ, въ ничтожной порчѣ инструмента, въ грубомъ словѣ и пр. На помощь такимъ ариметическимъ выкладкамъ явились отчасти и нѣкоторыя остроумныя операціи распорядителей конторъ, которыхъ уже нельзя было предвидѣть въ буквѣ контрактовъ: такъ

напримѣръ, рабочимъ выдавалось по праздникамъ въ счетъ платы вино въ такомъ количествѣ что на другой день они не въ состоянїи были съ похмѣлья работать, и этотъ день записывался въ прогульный, со штрафомъ въ 1 р. 50 к. Въ такихъ видахъ выгодно было бы выдавать рабочимъ вино даже даромъ, какъ это потомъ и дѣлалось.

Рабочіе хотя и не тотчасъ и даже, при своей доверчивой темнотѣ, не скоро, но наконецъ таки замѣтили какъ ихъ эксплуатируютъ. Несмотря на словесное обѣщаніе при наймѣ назначить имъ плату послѣ трехдневнаго испытанія ихъ силъ, исполненіе этого обѣщанія откладывалось со дня на день, и наконецъ, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ работы, рабочіе не могли добиться по какой цѣнѣ они работаютъ. Не исполнялось также другое обѣщаніе, заявленное въ контрактахъ, выдать имъ разчетныя книжки, по которымъ они, по крайней мѣрѣ, могли бы знать сколько имъ слѣдуетъ за работу и сколько на нихъ насчитывается штрафовъ, если ужъ они попали въ такое положеніе въ которомъ не могутъ имѣть никакого голоса и никакой защиты закона въ своемъ дѣлѣ. Наконецъ рабочіе выбились изъ силъ и узнали что положеніе ихъ не безвыходное, что существуютъ нынѣ въ Русскомъ государствѣ власть и сила могущія защитить отъ насилія самыхъ слабыхъ и самыхъ темныхъ людей. Рабочіе обратились къ мѣстному мировому судѣ; но тутъ въ дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла возникли недоразумѣнія, которыя его чрезвычайно осложнили* и которыя однакоже составляютъ самую характеристическую страницу этой печальной исторїи.

Вслѣдствіе отсутствія участковаго мирового судьи, рабочіе обратились къ исправлявшему временно его должность почетному мировому судѣ, который, не успѣвъ вникнуть въ сущность дѣла, постановилъ поспѣшное рѣшеніе, впрочемъ извинительное, вслѣдствіе окружавшихъ судью обстоятельствъ. Это поспѣшное рѣшеніе послужило поводомъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ недоумѣніямъ и домогательствамъ со стороны

* Судебное производство этого дѣла, до сихъ поръ продолжающееся, разрослось, запуталось вслѣдствіе разныхъ случайныхъ и не случайныхъ обстоятельствъ, почти не касаясь юридической стороны дѣла; мы излагаемъ только нѣкоторыя, самыя существенныя его черты.

подрядчика, несмотря на ясность дѣла, не допускавшю тѣни сомнѣнія относительно правоты рабочихъ. Сперва они хлопотали только объ объявленіи имъ со стороны подрядчика какихъ-нибудь цѣвъ на работу и даже не хотѣли отходить отъ него, хотя и имѣли безспорное на то право. Въ послѣдствіи, видя что они напрасно *положились во всемъ на совѣсть подрядчика* (какъ они выражались въ своихъ просьбахъ), когда онъ не соглашался установить плату, они стали просить объ увольненіи отъ работъ и о выдачѣ имъ паспортовъ, задержанныхъ хозяйскою конторой. Самымъ безмятежнымъ образомъ отправились рабочіе къ мировому судѣ для подачи своей просьбы; но ихъ было 150 человекъ, и достаточно было этой толпы на улицѣ чтобы поднять былъ крикъ что *рабочіе бунтуютъ*, и чтобы мирового судью стали осаждать требованіями *объ усмирении бунта* (sic). Мировой судья, не разобравъ силы и характера договоровъ между рабочими и подрядчиками, опредѣлялъ, что просьбы рабочихъ неосновательны и противузаконны, что они немедленно должны возвратиться на работы и продолжать ихъ безпрекословно, по указаніямъ хозяина, что сверхъ того за самовольное оставленіе работъ (то-есть за приходъ къ мировому судѣ съ жалобой) долженъ быть взысканъ съ каждаго изъ нихъ штрафъ по 1 р. 50 к. (въ день) въ пользу хозяина, и что затѣмъ послѣдній долженъ въ теченіе трехъ дней объявить рабочимъ цѣвы по которымъ они на него работаютъ. Подрядчикъ и этого не исполнилъ, несмотря на судебное постановленіе, которымъ онъ остался доволенъ, и несмотря на подписку по которой онъ обязался предъ судьею его исполнить; когда же рабочіе, повинувась безпрекословно судебному опредѣленію, рѣшившему дѣло противъ нихъ, пожелали, по крайней мѣрѣ, чтобы оно было исполнено со стороны подрядчика, со стороны довольной рѣшеніемъ, чтобы наконецъ, послѣ трехъ-четырехмѣсячныхъ мученій, имъ было сказано по какой цѣвѣ ихъ насильственно заставляютъ работать, и когда подрядчикъ никакъ не хотѣлъ повиноваться судебному рѣшенію, тогда они стали отказываться работать и требовали своего увольненія (выдачи паспортовъ). Тогда со стороны подрядчика и распорядителей снова раздалась вопли о бунтѣ, и полиція, усиливъ себя мѣстною военною командою, приведенною на земляныя работы, заставила несчастныхъ людей работать подъ страхомъ ружейныхъ

выстрѣловъ, какъ въ былые дни возстаній крестьянъ противъ барщины. Рабочіе * конечно безпрекословно повиновались, порядокъ былъ восстановленъ, хотя никому и въ голову не приходило что никакого беспорядка не было, и что единственнымъ нарушителемъ порядка былъ въ этомъ случаѣ только хозяинъ работъ, а рабочіе ничего иного не требовали какъ подчиненія его закону, именемъ котораго было постановлено судебное рѣшеніе. Можно ли говорить о крайней деморализаціи нашего рабочаго класса подъ влияніемъ будто бы новыхъ учрежденій Россіи, когда эти землекопы, узнавъ о существованіи инстанціи контролирующей дѣйствія мировыхъ судей, рѣшились послать жалобу въ уздский мировой съѣздъ, и узнавъ о противузаконности заключенныхъ съ ними договоровъ, стали добиваться возможно скорѣйшаго увольненія отъ работъ, то-есть отъ своего кабальнаго положенія? Можно ли удивляться что, узнавъ о возможности этого освобожденія, они уже не стали соглашаться ни на какія цѣны предложенныя имъ потомъ подрядчикомъ? Можно ли говорить о нравственномъ развращеніи народа, потому только что у этихъ людей *не лежало больше сердце* (какъ они выражались) *къ этимъ работамъ*, къ которымъ ихъ незаконнымъ образомъ принуждали? Если можно тутъ удивляться чему-нибудь, такъ это долготерпѣнію рабочихъ, которые, несмотря на всю свою темноту, не нарушили порядка, хотя и не мудрено имъ было бы выйти изъ себя противъ насилія и произвола ихъ распорядителей.

Мировой съѣздъ, какъ иначе и быть не могло, отмѣнилъ въ кассационномъ порядкѣ упомянутое выше судебное постановленіе, какъ неправильное, и передалъ дѣло другому судѣ. Послѣдній призналъ договоры рабочихъ съ подрядчиками не имѣющими никакой законной силы и потому не обязательными. По точному и буквальному смыслу дѣйствующихъ узаконеній и по самому простому здравому смыслу, рабочіе должны были получить немедленное увольненіе отъ подрядчика и, сверхъ того, какое-нибудь вознагражденіе за время нахожденія на работѣ (отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ). Подрядчикъ, однакоже, никакъ не соглашался

---

* Всего было до 1.000 человекъ, но не всѣ участвовали въ подачѣ прошеній.

добровольно подчиниться этому требованію справедливости и закона. Овъ и его защитники истощили всё мѣры чтобы затянуть и запутать дѣло, сбить съ толку рабочихъ и судью: то они старались вывести всѣхъ изъ терпѣнія, то обольстить своею щедростью и миролюбіемъ; наконецъ они даже пытались запугать представителей судебной власти. Было бы скучно разказывать всё перипетіи этого дѣла, до сихъ поръ не окончившагося. Хотя подрядчикъ не заслуживалъ никакого снисхожденія, однако мировой судья, въ интересахъ сооруженія желѣзной дороги и обѣихъ сторонъ, велъ продолжительные переговоры о мировой сдѣлкѣ и старался склонить подрядчика устроить свои отношенія къ рабочимъ на законныхъ основаніяхъ, а рабочихъ оставаться на работахъ на этихъ новыхъ условіяхъ. Миролюбивыя усилія судебной власти не имѣли однакоже успѣха. Въ то время какъ сторона подрядчика была вооружена дѣломъ аравой прикащиковъ-техниковъ и всякихъ *доверенныхъ лицъ*, озлобленныхъ что рабочіе смѣютъ имѣть свое сужденіе и отыскивать право, въ то время какъ сторона подрядчика позволяла себѣ дерзости на судѣ, придумывала со дня на день, съ часу на часъ новыя махинаціи противъ правильнаго отправленія правосудія (уговаривала, напримеръ, судью отложить судебное разбирательство подъ видомъ своей рѣшимости на мировую сдѣлку, а въ дѣйствительности чтобы воспользоваться отерочкой для избѣжанія представленія необходимыхъ документовъ, или для проволочки), въ это самое время рабочіе, измученные и полуголодные, но полные безусловнаго довѣрія къ судебной власти, спокойно ожидали рѣшенія своей судьбы, ни разу, ни единымъ словомъ, ни единымъ движеніемъ не нарушивъ законнаго порядка. Всѣ страхи полиціи, ожидавшей безпорядковъ отъ грубой и раздраженной толпы, окружавшей въ теченіе недѣли судебную камеру, оказались напрасны.

Въ высшей степени краснорѣчивое и поучительное для нашего времени зрѣлище представляла эта мирная толпа людей, * покрывавшая площади и улицы въ ожиданіи судебного приговора, толпа могучая своею физическою силой—народъ изъ Вологодской, Новгородской и Смоленской губерній,—

---

* Въ судебномъ разбирательствѣ участвовало до 300 человекъ, но много другихъ рабочихъ было заинтересовано исходомъ этого дѣла.

не менѣе могучая и своимъ неробкимъ духомъ, стойкостью характера и умственными способностями, хотя и совершенно темная въ школьномъ и промышленномъ образованіи и безусловно покорная малѣйшему проявленію власти и закона. Еще болѣе любопытно было тутъ же зрѣлице другой кучки людей, взволнованныхъ и неумолкавшихъ толковать на всѣ лады объ опасности положенія, о необходимости чтобы полиція была *на чеку!* Въ то время какъ со всѣхъ сторонъ старались внушить страхъ административнымъ властямъ, ординарнымъ и исключительнымъ, осведомлялись о благонадежности боевыхъ рядовъ, разсылались во всѣ концы телеграммы, въ это самое время эта грозная толпа силачей только испускала вздохи и съ умиленіемъ крестилась въ ожиданіи судебнаго рѣшенія, снимала шапки предъ каждымъ порядочно одѣтымъ прохожимъ, въ томъ числѣ и предъ каждымъ посланнымъ отъ хозяина, приправляла свои возраженія лично ему самыми ласкательными русскими выраженіями, непрерывно оговариваясь: „мы твое степенство ни въ чемъ не винимъ, твои люди насъ обидѣли, они и тебя въ грѣхъ ввели, а ты человекъ хорошій“, и пр., бросалась на колѣна предъ мировымъ судьей, и наконецъ, утомленная безуспѣшнымъ ходомъ дѣла и голодомъ, безмятежно засыпала вокругъ его дома съ одѣвми только золотыми грезами о выдачѣ ей паспортовъ! Таковъ былъ бунтъ и таковы были злоумышленники, противъ которыхъ уже призывались энергическія мѣры.

Когда никакія миролюбныя усилія склонить подрядчика къ добровольному увольненію рабочихъ и къ разчету съ ними безъ суда не удалось, хотя рабочіе согласны были на всякій разчетъ, и даже сами показывали всѣ забранныя ими впередъ деньги чтобы только какъ-нибудь освободиться отъ этой кабалы, тогда мировой судья сталъ постановлять формальныя рѣшенія о немедленной выдачѣ паспортовъ рабочимъ. При безусловномъ отказѣ въ предъявленіи со стороны подрядчика какихъ бы то ни было данныхъ и документовъ для разчета, судья вынужденъ былъ назначать вознагражденіе за работу на основаніи данныхъ заключавшихся въ дѣлопроизводствѣ; сторона подрядчика съ необычайнымъ упорствомъ не указывала никакихъ цѣнъ по которымъ она согласна была сдѣлать разчетъ. Вида неудачу всѣхъ своихъ ухищреній, сторона подрядчика предложила наконецъ мировую сдѣлку, которая была принята рабочими и утверждена

судей: 1) Подрядчикъ обязывался въ теченіе трехъ сутокъ выдать паспорта рабочимъ и разчитать ихъ по совѣсти. 2) Если онъ этого не исполнить, то рабочіе могутъ обратиться снова къ судебной власти. Но даже и эта мировая сдѣлка, на которую рабочіе согласились по чрезвычайному своему мягкосердечію, не была исполнена подрядчикомъ, который самъ ее предложилъ и подписался. Паспорта рабочихъ пришлось получать не иначе какъ принужденіемъ, посредствомъ исполнительнаго листа, а расчетъ будетъ снова производиться судебнымъ порядкомъ, и можно даже сомнѣваться чтобы рабочіе когда-нибудь получили какое-нибудь вознагражденіе за свою работу.

Мы рассказали фактъ изъ самой живой дѣйствительности; мы не только ничего не преувеличили въ нашемъ разказѣ, а скорѣе многое смягчили и умалили. Этотъ фактъ, безъ сомнѣнія, любопытенъ самъ по себѣ; описанныя замѣшательства между подрядчикомъ и рабочими, затруднившія ходъ желѣзнодорожныхъ работъ, непосредственно относились къ нѣсколькимъ стамъ рабочихъ, были разбираемы мировыми судебными учрежденіями двухъ губерній и косвенно затронули интересы подрядчиковъ и рабочихъ (до 12.000 человекъ) на всей сооружаемой линіи. Намъ извѣстно что и на другихъ линіяхъ возникали подобныя же замѣшательства, и въ другихъ мѣстахъ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ приходилось выдерживать такую же борьбу съ тѣмъ же самымъ зломъ. Въ иныхъ мѣстахъ оно, можетъ-быть, только тѣветъ, и пока еще не достигнуто судебною властію. Это зло никакъ не случайное и не исключительное. Тотъ самый подрядчикъ о которомъ была рѣчь имѣетъ земляныя работы на нѣсколькихъ сооружаемыхъ линіяхъ; его прикачки и распорядители люди бывалые; они не придумали собственнымъ умомъ какихъ-нибудь новыхъ отношеній къ рабочимъ, а были скорѣе изумлены новизною судебныхъ возрѣній на эти отношенія; типографскіе станки печатали тысячи, можетъ-быть десятки тысячъ бланковъ вышеописанныхъ чудовищныхъ договоровъ, и ихъ содержаніе, что называется, выработалось на практикѣ. Нынѣ исчисляють до 125 и даже до 150 тысячъ рабочихъ нужныхъ для сооруженія всѣхъ уже начатыхъ линій желѣзныхъ дорогъ; эти рабочіе созываются изъ всѣхъ краевъ Россіи; въ близкомъ будущемъ насъ ожидаетъ гораздо большее

развитіе желѣзнодорожныхъ работъ, отъ безостановочнаго хода которыхъ зависятъ всѣ экономическіе успѣхи Россіи и ея благоденствіе. Посреди биржевой спекуляціи на желѣзнодорожныя бумаги, конкуренція между строителями, ежедневно возрастаая, будетъ вынуждать ихъ, съ одной стороны, привлекать рабочихъ (отчасти и переманивать другъ у друга, какъ это уже дѣлается) всякими обольстительными обѣщаніями, съ другой стороны, всячески наверстывать свои убытки на ихъ счетъ. Итакъ возникшія на желѣзныхъ дорогахъ замѣшательства между радчиками и рабочими уже сами по себѣ довольно любопытны и составляютъ крупную главу въ движеніи современной экономической жизни Россіи.

Описанный нами фактъ несравненно однако важнѣе по своему всеобщему нравственному смыслу. Какъ ни значителенъ общественный фактъ взятый самъ по себѣ, но еще болѣе значенія имѣютъ для насъ понятія связываемыя съ нимъ въ окружающемъ обществѣ. Всякій фактъ самъ по себѣ можетъ быть исключителенъ и случаенъ; понятія вызываемыя имъ въ обществѣ уничтожаютъ его исключительность и случайность, ибо только въ этихъ понятіяхъ заключаются силы разрушающія нравственные элементы изъ которыхъ сложился фактъ, или наоборотъ расплещающія эти элементы и превращающія единичный фактъ, вслѣдствіе необходимости его повторенія, въ общественное зло.

Какъ ни печально описанное нами положеніе рабочихъ-землекоповъ на сооружаемой желѣзной дорогѣ, но этотъ случай могъ бы сопровождаться несравненно болѣе потрясающими душу обстоятельствами, быть несравненно ужаснѣе, и все-таки оставаться только случаемъ годнымъ развѣ для хроники мѣстныхъ происшествій. Нѣсколько сотъ человѣкъ претерпѣли въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ непріятности отъ недобросовѣстнаго и неразумнаго съ ними обращенія; въ это время они ѣли и пили даже лучше чѣмъ многія сотни тысячъ ихъ соотечественниковъ; въ самомъ крайнемъ случаѣ они безвозвратно потеряли бы свои четырехмѣсячные заработки. Ежедневно бываетъ и у насъ, и вездѣ, гораздо худшее; объ этомъ одномъ не стоило бы говорить. Тѣ же самые люди могли бы окончательно погибнуть на неудачномъ пробномъ поѣздѣ, вслѣдствіе какихъ-нибудь неотвратимыхъ и непредвидѣнныхъ случайностей, какого-нибудь испортившагося клапана или винта паровой машины,

и мы пожалѣли бы этихъ людей, упомянули бы о нихъ въ газетахъ, можетъ-быть собрали бы пожертвованія на ихъ семейства, и на другой же день все забыли бы. Забыли бы, конечно, въ предположеніи что нѣтъ причинъ по которымъ бы могли быть всегда испорчены винты и клапаны на всѣхъ паровозахъ этой желѣзной дороги, въ предположеніи что нѣтъ причинъ по которымъ бы несчастный случай долженъ былъ повторяться съ каждымъ поѣздомъ. Но мы, конечно, заговорили бы совсѣмъ иначе, еслибъ узнали что есть причины, по которымъ не только на этой одной линіи, но на всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ винты и клапаны въ паровозахъ не могутъ быть благонадежны. Несчастный случай съ пробнымъ поѣздомъ получилъ бы совсѣмъ другое для насъ значеніе, еслибы, напримѣръ, онъ изобличилъ что всѣ металлы, чугуны, желѣзо и сталь, изъ которыхъ выдѣлываются клапаны и винты для русскихъ паровозовъ, не годны для этого употребленія. А еслибы къ тому же мы узнали что тѣ же негодные металлы идутъ на всѣ машины и сооруженія Россіи? Конечно, тогда наши заботы не ограничились бы сборомъ подаяній на погибающихъ отъ неблагонадежныхъ русскихъ механизмовъ, и мы востарались бы изслѣдовать и удалить зловредныя причины полагающія неблагонадежный матеріалъ въ самыя основы нашей промышленной дѣятельности.

Не однимъ желѣзомъ сооружаются желѣзныя дороги: желѣзо само есть созданіе рукъ человѣческихъ. Только отъ этихъ рукъ и только отъ интересовъ, понятій и общественныхъ отношеній, которыми руки приводятся въ дѣйствіе, которыми онѣ такъ или иначе направляются, зависитъ судьба не только дорогъ, но и судьба всего предпринимаемаго человѣческимъ трудомъ. Въ основахъ всякаго общественнаго дѣла мы найдемъ тѣ же самыя интересы, понятія, общественныя отношенія, которыя такъ или иначе организуютъ работу на желѣзныхъ дорогахъ. Понятія съ которыми относятся люди къ общественнымъ явленіямъ, вотъ тотъ матеріалъ изъ котораго эти явленія выливаются; ложныя и невѣжественныя понятія, вотъ тотъ недоброкачественный матеріалъ, тѣ неблагонадежныя клапаны и винты, которые общество, желающее прочности и успѣха своимъ предпріятіямъ, должно изгонять изъ своихъ сооруженій.

Понятія изъ которыхъ сложились договоры между подряд-

чиномъ и нашими землекопами и всѣ послѣдующія между ними пререканія, понятія которыя носились въ обществѣ около этой исторіи, вотъ недоброкачественный нравственный матеріалъ, который, къ сожалѣнію, входитъ въ составъ всѣхъ нашихъ общественныхъ явленій. Никакихъ исключительныхъ личностей, съ исключительно-алчными наклонностями, тутъ на сценѣ не было; скорѣе напротивъ, это были люди съ самыми обыкновенными влеченіями и понятіями. Что же это за понятія? Это понятія нашего стараго общественнаго быта, основаннаго на крѣпостномъ правѣ и по необходимости связаннаго со всяческимъ порабощеніемъ одной слабой личности произволомъ другой, болѣе сильной; этотъ бытъ разстраивается и разлагается посредствомъ другихъ понятій, самихъ по себѣ далеко не новыхъ, но которыя приходится называть новыми. Эти понятія, разрушающія старый порядокъ, суть понятія о гражданской равноправности въ государствѣ, о безусловной равноправности самой слабой и самой ничтожной личности въ сравненіи съ самою сильною и значительною, понятія о призваніи государства охранять эту равноправность отъ насилія и обмана, о благѣ государства основанномъ на возможно болѣе свободномъ и самостоятельномъ развитіи каждой человѣческой личности. Этими новыми понятіямъ оказываются по необходимости враждебными старыя понятія о призваніи государства охранять права нѣсколькихъ личностей на счетъ многихъ, о благѣ государства основанномъ на произволѣ нѣсколькихъ и угнетеніи многихъ. Эти новыя начала нашего гражданского и экономическаго быта и заявили себя въ описанномъ нами случаѣ въ лицѣ мировыхъ судебныхъ учрежденій; они взяли въ совершившемся фактѣ верхъ надъ понятіями стараго быта, хотя и одолѣли ихъ не сразу и не безъ борьбы. Ничего исключительнаго и случайнаго не было и въ средѣ самихъ представителей новыхъ началъ быта; напротивъ того, и въ этой средѣ видимъ шаткость, броженіе и борьбу понятій, новое взяло пока верхъ, но не безъ значительныхъ затрудненій. Мы надѣемся что эти побѣды будутъ съ каждымъ днемъ возрастать, какой бы гвалтъ ни подымали сочувствователи и охранители стараго порядка.

Въ описанномъ нами случаѣ всего любопытнѣе и поучительнѣе видѣть эту борьбу старыхъ началъ жизни съ новыми. Определить и исчислить силы той и другой стороны —

первый вопросъ всякой борьбы; точное сознание ихъ есть уже само-по-себѣ сила предъ противникомъ.

Въ чемъ же сказались силы стараго порядка? Онѣ заявили себя здѣсь никакъ не въ корыстномъ желаніи распорядиться самовластно чужою личностью и воспользоваться безъ всякаго права чужимъ добромъ. Страсти этого рода, безъ сомнѣнія, довольно стары, но едва ли онѣ когда-нибудь изсякнутъ въ человѣческомъ родѣ, и потому также точно можно признать ихъ всегда юными и не дряхлѣющими. Силы стараго порядка заявили себя здѣсь гораздо болѣе въ томъ полномъ невѣдѣніи какое выказали всѣ эти люди относительно возможности существованія въ государствѣ препонъ самоуправству, въ томъ крайнемъ упрямствѣ съ которымъ они защищали свой произволь, какъ нѣчто законное, какъ право. Наконецъ силы стараго порядка сказались самымъ разительнымъ образомъ въ томъ изумленіи съ которымъ были встрѣчены самые обыкновенные, основанные на самомъ простомъ здоровомъ смыслѣ и на самомъ ясномъ гражданскомъ законѣ приговоры судебной власти. Эти люди и до сихъ поръ не вѣрятъ чтобы признаніе незаконности устроенныхъ ими отношеній къ рабочимъ не было только исключительнымъ, *филантропическимъ* взглядомъ (какъ они при этомъ выражались) случайно выдавагоса мирового судьи, заразившаго своими тлетворными понятіями и другихъ судей, и даже мѣстную администрацію. Они и до сихъ поръ не вѣрятъ чтобы дѣло могло оставаться въ этомъ видѣ, чтобы нельзя было распоряжаться трудомъ на кабальномъ основаніи и справляться съ простымъ народомъ домашнимъ порядкомъ, чтобы нельзя было наказывать его за уголовныя преступленія по личному усмотрѣнію заинтересованныхъ лицъ. Надо было видѣть ошеломленіе всѣхъ этихъ людей, чуть-чуть не смотрѣвшихъ на мировыхъ судей какъ на какихъ-то самозванцевъ, и отказывавшихся вѣрить чтобъ это не были какія-то временныя учрежденія, дни которыхъ сочтены. И все это послѣ трехлѣтняго періода дѣйствій новой судебной власти! Но стоить ли говорить о подобныахъ людяхъ? Ихъ невѣжество и привычка смотрѣть свысока и съ презрѣніемъ на необразованное мужичье, привычка тѣмъ болѣе въ нихъ закоренѣлая, чѣмъ ближе они сами къ нему стоятъ по своему происхожденію и умственному уровню, служатъ достаточнымъ объясненіемъ ихъ

непониманія новаго порядка и инстинктивной къ нему вражды. Гораздо болѣе занимательны для насъ рѣчи въ томъ же самомъ духѣ произносившіяся въ кругу нѣкоторыхъ такъ-называемыхъ образованныхъ людей, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ дѣлу. Не отказывая, въ избыткѣ своего либерализма, въ сочувствіи *великодушныя* (?) намѣреніямъ представителей судебной власти относительно рабочаго класса, они однакоже говорили что съ русскими рабочими такъ обращаться еще нельзя и опасно. Казалось, слушая ихъ, что необходимость въ требованіи добровольнаго съ обѣихъ сторонъ соглашенія на договоръ для признанія его обязательности есть необычайное, *слишкомъ передовое*, утопическое желаніе, когда одна изъ сторонъ безграмотнѣе, необразованнѣе и слабѣе другой. Мы слышали техниковъ, людей по своему образованію принадлежащихъ къ интеллигенціи страны, которые упорно доказывали невозможность строить желѣзные дороги при соблюденіи общихъ гражданскихъ законовъ о контрактахъ и невозможность сохраненія порядка и благочинія на желѣзныхъ дорогахъ безъ присвоенія ихъ распорядителямъ нѣкоторыхъ правъ судебной власти.* Нѣкоторые изъ этихъ господъ были даже серіозно убѣждены что прежній порядокъ судебной расправы желѣзно-дорожныхъ компаній и распорядителей работъ (дистанціонныхъ начальниковъ) и полиціи по мелкимъ тяжбамъ рабочихъ (даже съ самими распорядителями и съ подрядчиками) и по ихъ про-

---

* Нужно замѣтить, что если наши законы о личномъ наймѣ и требуютъ нѣ котораго пересмотра, который, впрочемъ, само-собою разумѣется, никогда не можетъ нарушить основныхъ началъ гражданского права и судебной власти (какъ того могутъ иныя желать), то эти законы и нынѣ никакъ не препятствуютъ установленію отношеній къ рабочимъ сообразныхъ техническимъ особенностямъ этихъ работъ. Формальные договоры могутъ быть замѣняемы разчетными книжками, которыя однакоже необходимы для обезпеченія интересовъ какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ. Главное затрудненіе, постоянно указываемое строителями желѣзныхъ дорогъ, это невозможность назначать платы землекопамъ безъ предварительнаго испытанія ихъ силъ; но это затрудненіе можетъ быть легко обойдено посредствомъ заключенія окончательныхъ условій (по разчетнымъ книжкамъ) послѣ прибытія рабочихъ на мѣста работъ и испытанія ихъ, а до тѣхъ поръ подрядчики достаточно обезпечены выдачей задатковъ. Такъ, впрочемъ, и дѣлается многими строителями.

ступкамъ сохраняетъ свою силу до сихъ поръ. Многие пламенно желаютъ чтобъ этотъ порядокъ, существовавшій до судебной реформы, былъ восстановленъ. Далѣе, весьма, повидимому, образованные люди, въ другихъ случаяхъ готовы отличиться самыми филантропическими и даже демократическими демонстраціями и статейками въ пользу необходимости улучшения быта рабочихъ классовъ въ Европѣ вообще, и въ Россіи въ особенности, эти самые люди объясняютъ что однакоже увольненіе людей до срока окончанія работъ, увольненіе, хотя бы и вполне законное и справедливое, можетъ деморализовать русскихъ рабочихъ; эти-де русскіе рабочіе, не понявъ въ чемъ дѣло, поймутъ одно, что они могутъ всегда кинуть работу до срока контрактовъ. * Но еслибы даже и проявились такіа неправильныя желанія относительно освобожденія отъ исполненія законныхъ контрактовъ, то развѣ такіа же точно желанія не бываютъ и въ кругу самыхъ образованныхъ людей, домогающихся нарушать невыгодные для нихъ договоры? Развѣ подобныя недобросовѣстныя домогательства служили когда-либо поводомъ къ отказу въ правосудіи по другимъ законнымъ домогательствамъ? Развѣ не желательно чтобы въ средѣ рабочаго класса пруспѣвали законность, гражданское сознаніе своихъ правъ и обязанностей, чтобъ они научались опытомъ различать между трудомъ налагаемымъ на нихъ по противузаконному и по законному принужденію? Но мало ли что мы слышали! Намъ говорили даже что крайне вредно объяснять русскимъ рабочимъ что они плохо живутъ, что они должны бы имѣть лучшую обстановку своего быта. Землянки въ которыхъ они живутъ на желѣзныхъ дорогахъ гораздо болѣе похожи на помѣщенія для домашняго скота чѣмъ на человѣческія жилища; и хотя это не по вкусу распорядителей работъ, но мы не перестанемъ твердить что желательно устройство другаго рода помѣщеній (напримѣръ, подвижныхъ бараковъ). Смыслъ думать что только русскіе рабочіе способны уживаться въ этихъ землянкахъ, гдѣ не всегда есть даже солома для подстилки вмѣсто матрацевъ. Наконецъ, мы слышали что

---

* Дѣйствительно были на той же линіи, вслѣдствіе недоразумѣній, ходатайства правильно законтрактованныхъ рабочихъ объ увольненіи ихъ, но они были принуждены остаться и остались, вслѣдствіе состоявшихся противъ нихъ приговоровъ мировыхъ судей.

рабочіе никогда не стали бы домогаться увольненія отъ работу, еслибъ это не случилось въ лѣтніе мѣсяцы, когда рабочія платы чрезвычайно высоки, и когда строители желѣзныхъ дорогъ стали перебивать рабочихъ другъ у друга. И тутъ опять нѣтъ ничего ни особенно дурнаго, ни свойственнаго только русскимъ рабочимъ. Кто же не готовъ оставаться при занятіяхъ, когда они для него особенно выгодны, и кто же не старается освободиться отъ нихъ, когда они дѣлаются невыгодными! Сколько людей во всѣхъ классахъ хлопчуть всякій день о своемъ увольненіи отъ договоровъ сдѣлавшихся невыгодными, заводятъ тяжбы по самымъ неправильнымъ претензіямъ, и никто не говоритъ о ихъ деморализаціи и нравственномъ упадкѣ! И почему же не пожелать чтобы нашъ рабочій классъ имѣлъ свою долю участія въ исключительныхъ барышахъ представляемыхъ нынѣ желѣзно-дорожными предпріятіями въ Россіи? Подобный случай для возвышенія уровня народнаго благосостоянія не скоро у насъ повторится. Благопріятныя для рабочихъ условія нынѣшней эпохи тѣмъ болѣе важны что самое крутое возрастаніе рабочихъ платъ не будетъ разорительно для капиталистовъ, какъ это бываетъ въ другихъ случаяхъ, и обуздаетъ сверхъ того излишнюю спекуляцію по желѣзно-дорожнымъ предпріятіямъ.

Говоря о силахъ стараго порядка, не забудемъ упомянуть что все это дѣло, сперва колебавшееся между противоположными на него взглядами самихъ представителей судебной власти, произвело своимъ дальнѣйшимъ законнымъ ходомъ на значительную часть публики и даже мѣстной административной сферы впечатлѣніе какой-то новизны, какого-то новаго смѣлаго шага въ дѣйствіяхъ судебныхъ учрежденій и въ отношеніяхъ власти къ народу.

Въ чемъ же проявились силы новаго порядка? Онѣ торжественно заявили свое дѣйствіе въ томъ духѣ, въ какомъ поступали и держали себя въ отношеніи къ противной сторонѣ и къ суду рабочіе,—эта тупая, безформенная, по мнѣнію однихъ, распущенная и деморализованная, по мнѣнію другихъ, народная масса. Все нами сказанное выше достаточно характеризуетъ этотъ духъ, отъ котораго вѣяло самыми отрадными впечатлѣніями въ этой тягостной исторіи. Требовать отъ людей, попавшихъ въ руки самыхъ тертыхъ промышленниковъ прямо изъ новгородскихъ и вологодскихъ пустынь, чтобы они знали всѣ законы о контрактахъ и тонкости

судебной процедуры, было бы смѣшно и даже нелѣзно. Едва ли можно обратиться съ такими требованіями къ самымъ развитымъ рабочимъ классамъ западной Европы. Можно ли было ожидать чтобъ эти темные люди сразу поняли ту гражданскую неправомѣрность въ которую вознамѣрились ихъ поставить, когда самый типъ простолюдина-гражданина возникъ у насъ со вчерашняго дня и иногда слишкомъ смутно представляется даже сознанію людей стоящихъ на вершинахъ общественнаго образованія? Эта темная масса съ полнымъ довѣріемъ отнеслась къ судебной власти, только отъ закона ожидала защиты, нисколько не помышляя протирать свои жалобы далѣе его границъ; она съ ежедневно возрастающею стойкостью сознавала законность своихъ правъ. Чего же намъ больше чтобъ уповать на будущее? Неужели лучше грубое насиліе, преступленія или побѣги, въ которыхъ искали облегченія своей участи тѣ же самые люди, обезнадеженные найти какую-нибудь законную защиту своихъ правъ? Безъ сомнѣнія, между этими нѣсколькими стами человекъ были люди права безпокойнаго и буйнаго, но они вынуждены были подчиняться общему настроенію. Вотъ силы новаго порядка; это настоящія силы, безъ которыхъ самыя возвышенныя новыя начала гражданского быта, провозглашенныя закономъ, могутъ остаться надолго мертвою буквой.

Мы представили отрывокъ изъ происходящей около насъ повседневной борьбы стараго и новаго быта Россіи; сейчасъ мы увидимъ ту же борьбу на иной аренѣ и при иныхъ условіяхъ.

II.

Если описанные нами факты сколько-нибудь любопытны, то только потому что они какъ нельзя болѣе обыкновенны и обыденны, что въ нихъ нѣтъ ничего исключительнаго по отношенію къ современной жизни нашего общества. Все вопіющее и отрадное въ этихъ фактахъ ежеминутно повторяется около насъ въ томъ или другомъ видѣ, въ той или другой степени. Съ этимъ долженъ согласиться всякій безпристрастный и практически знакомый съ жизнью читатель: не согласится только тотъ кто непремѣнно хочетъ смотрѣть на дѣйствительность сквозь призму разныхъ

умозрѣній или личныхъ интересовъ, заглушившихъ въ немъ голосъ истины и разсудка.

Тѣ же общественныя нужды, силы, понятія, которыя отпечатлѣлись во взятомъ нами образцѣ нашего современнаго быта, заявляютъ себя одинаково во всѣхъ однородныхъ его явленіяхъ. Иначе и быть не можетъ, когда тѣ же самые русскіе люди которые работаютъ и распоряжаются на желѣзныхъ дорогахъ, тѣ же, съ тѣми же самыми инстинктами, привычками и влеченіями, работаютъ и распоряжаются на фабрикахъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, ораторствуютъ въ гостиницахъ, ученыхъ обществахъ и газетахъ. Если есть что-нибудь поражающее въ нашемъ разказѣ, то это происходитъ только потому что самые обыкновенные, ежеминутные факты дѣлаются ощутительными лишь когда они собраны вмѣстѣ, въ одно цѣлое, со всѣми своими типическими чертами.

Посмотримъ же теперь какъ относится къ этой дѣйствительности, къ этой трудной исторической борьбѣ наша современная литература, эта носительница идей должествующихъ освѣщать и облегчать пути для совершающагося въ обществѣ нравственнаго переворота, ободрять и воодушевлять силы новаго порядка въ его неизбежныхъ схваткахъ со старымъ порядкомъ, смягчать дѣйствіемъ высшихъ понятій, чуждыхъ личнымъ страстямъ и интересамъ, горечь и ожесточеніе повседневной борьбы общества. Послушаемъ сужденія кружковъ наиболѣе выдающихся въ литературѣ послѣдняго времени шумомъ своихъ рѣчей, рѣзкостью и самоувѣренностью приговоровъ надъ современнымъ теченіемъ русской жизни, крайнимъ недовольствомъ ею и смѣлостью своихъ попытокъ къ коренному ея исправленію.

Съ нѣкоторыхъ поръ выступила наружу въ нашей журналистикѣ и высказывается съ особенною энергіей одна особенная струя мнѣній, впервые на Руси открыто заявляющая себя какъ политическая партія, съ опредѣленнымъ систематическимъ образомъ мыслей по всѣмъ государственнымъ вопросамъ и какъ будто съ готовою программой дѣйствій. Эта партія выдаетъ себя охранительницей затраченныхъ исторіей крупныхъ интересовъ, вѣчныхъ историческихъ стихій не только русскаго, но и всякаго человѣческаго общества: началъ религіи, нравственности, собственности, патриотизма. Этимъ она еще болѣе возбуждаетъ къ себѣ любопытство.

Какъ бы ни было велико стремленіе общества въ нѣкоторыя историческія эпохи къ передѣлкѣ своего государственнаго строя, все-таки охранительная партія всегда ближе къ дѣламъ своей страны чѣмъ партія прогрессивная. Избытокъ элементовъ самосохраненія, и добрыхъ, и злыхъ, всегда такъ великъ въ обществѣ, охранительный цвѣтъ всегда заключаетъ въ себѣ особенную притягательную силу.

Отъ всякой охранительной партіи мы въ правѣ ожидать наиболѣе спокойнаго и миролюбиваго обсуждения дѣйствительности и наиболѣе преемственной политической программы, то-есть наименѣе удаляющейся отъ настоящаго къ будущему, наименѣе допускающей перерывы и скачки въ устройствѣ и дѣятельности государственныхъ учреждений, однимъ словомъ, наименѣе радикальной. Все это привыкли соединять люди всѣхъ странъ и всѣхъ мнѣній съ понятіемъ объ охранительной или консервативной партіи. Но уже въ этомъ наши охранители отличаются отъ всякихъ консервативныхъ партій своими исключительными особенностями. Ни съ какой стороны не слышатся нынѣ такія ожесточенныя осужденія всего русскаго общества какъ изъ этого лагеря, ни откуда не рекомендуются такіе радикальные способы исправленія сложившагося и слагающагося государственнаго порядка, какъ отсюда; ни откуда, наконецъ, не раздаются болѣе зловѣщія предсказанія.

Упадокъ нравственнаго и экономическаго быта русскаго народа вообще и низшаго (преимущественно сельскаго) класса въ особенности, полная деморализація и обѣднѣніе крестьянъ, уменьшеніе производительности, въ особенности земледѣльческой, доводящее нѣкоторыя мѣстности до голодной смерти, антагонизмъ сословій порождающій сѣмена вражды и междуусобій въ народѣ; короче говоря, оскуднѣніе народной жизни въ Русскомъ государствѣ, съ очевидными признаками близкихъ политическихъ переворотовъ, — вотъ сжатый очеркъ той мрачной картины Россіи, какую изображаютъ предъ нами публицисты такъ-называемой охранительной партіи. * Этотъ очеркъ есть, кажется, довольно вѣрный общій

---

* См. газету *Вѣсть* за 1868 и 1869 гг.; *Земля и Воля* П. Г.; *Движеніе законодательства въ Россіи* Григорія Блава. Мы никакъ не можемъ отнести къ той же группѣ сочиненій *Голосъ изъ земства* А. И. Кошелева; хотя эта книга и была встрѣчена самымъ

выводъ изъ всѣхъ воплей о бѣдственномъ положеніи отечества, непрерывно оглашающихъ воздухъ съ этой стороны. Въ видѣ примѣра приведемъ нѣкоторыя имѣющіяся у насъ подъ руками рѣчи этихъ господъ. Вотъ, напримеръ, что говоритъ человекъ, вообще отличающійся благонамѣренностью своего образа мыслей и умѣренностью своихъ выраженій: „.... Мы указали на господствующую въ настоящее время и день ото дня усиливающуюся въ народѣ нравственную и экономическую распущенность. Независимо отъ увеличенія числа всякаго рода проступковъ и преступленій, отъ усиленія пьянства, отъ всеобщаго разстройства крестьянскихъ и помѣщичьихъ хозяйствъ, распущенность эта выражается еще въ другихъ видахъ, неблагоприятно влияющихъ на экономическій бытъ народа. Къ числу этихъ неблагоприятныхъ результатовъ слѣдуетъ причислить ослабленіе вообще въ народномъ сознаниіи чувства повиновенія младшихъ старшимъ; разстройство вслѣдствіе того семейныхъ узъ и, какъ непосредственное послѣдствіе этого явленія, непрерывные семейные раздѣлы.... Въ настоящее время не только отдѣльные крестьяне, но и цѣлыя крестьянскія общества, на бумагѣ несущія громкое названіе собственниковъ, въ дѣйствительности живутъ изо дня въ день, со страшными лишеніями, угнетаемые недоумками и долгами и обыкновенными спутниками ихъ—ростовщиками и кулаками.“ *

„Разсматривая неутѣшительное положеніе въ которое поставлена теперь деревня, въ особенности въ нечерноземной полосѣ, когда помѣщики удаляются изъ своихъ имѣній, закрывая или, по крайней мѣрѣ, значительно сокращая хозяйство, а крестьяне бѣдствуютъ отъ недостатка заработковъ, отъ неурожаевъ и надеждъ, а болѣе отъ собственной безпеч-

громкимъ сочувствіемъ со стороны газеты *Вѣсть*, но она очевидно принадлежитъ, по всѣмъ стремленіямъ автора и по предшедшей его дѣятельности во крестьянскому вопросу, совсѣмъ къ другому току мыслей.

* См. *Земля и воля*, стр. 57. Книжка эта, составленная болѣею частью изъ статей печатавшихся въ газетѣ *Вѣсть*, лучше всего резюмируетъ взгляды и программу всей этой группы публицистовъ. Сверхъ того, искренность и относительная умѣренность убѣжденій этого автора даютъ возможность вѣрнѣе оцѣнить сущность представляемой имъ струи мнѣній.

ности и непредусмотрительности, каждый из нас пожелает, конечно, дать себѣ болѣе ясный и полный отчетъ о причинахъ приведшихъ къ этому положенію.“ * „Спрашивается, не находится ли крестьянинъ въ положеніи лица которому досталось наслѣдство обремененное долгами, превышающими цѣнность самого наслѣдства, и не выгодно ли въ такомъ случаѣ отказаться отъ наслѣдства? Множество упраздненныхъ тяголъ, постоянные отказы отъ земли, уменьшеніе сельскаго народонаселенія, столь быстрое что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже возвращается помѣщику часть крестьянскаго надѣла за сокращеніемъ съ 1861 г. числа душъ на $\frac{1}{5}$; все это служить лучшимъ отвѣтомъ.... Землю всѣ хотятъ навалить другъ на друга.... Чтѣ же это за собственность отъ которой наиболѣе заинтересованные въ обладаніи ею наперерывъ отказываются и которую насильно другъ на друга наваливаютъ....“ ** „Потерю, которая теперь происходитъ отъ несвоевременной уборки сѣна и хлѣбовъ въ однѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ, слѣдуетъ считать десятками миллионѣвъ рублей, уже не говоря о томъ что при невозможности своевременной уборки, самое хозяйство дѣлается бесполезнымъ или даже совершенно невозможнымъ....“*** „Помѣщиковъ упрекаютъ въ томъ что они въ настоящее время стремятся въ государственную службу, и что счастливые обладатели мѣстъ съ казеннымъ содержаніемъ рѣдко выходятъ въ отставку для того чтобы на покой заняться своимъ хозяйствомъ, а лишь ищутъ болѣе прибыльныхъ мѣстъ. Нужно ли удивляться этому? Съ одной стороны, доходы съ имѣній въ сѣверныхъ губерніяхъ сдѣлались равными нулю или обратились въ минусъ, и жизнь въ деревнѣ сопряжена съ болѣшими чѣмъ прежде затрудненіями, неприяностями и лишениями, а съ другой—содержаніе по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія возвышено, по нѣкоторымъ вѣдомствамъ даже въ четыре или пять разъ противъ прежняго. *Прежде деревня служила эмблемою лѣни и безмятежнаго покоя. Люди предпочитавшіе душевное спокойствіе шумной городской жизни увѣжали отдохнуть въ деревню. Теперь наоборотъ: теперь деревня представляетъ гораздо болѣе сильныхъ ощущеній и*

* *Земля и воля*, стр. 16.

** Тамъ же, стр. 24.

*** Тамъ же, стр. 42.

можетъ скорѣе разстроить нервы чѣмъ городъ. Въ городахъ все-таки есть защита для личности и собственности; въ деревнѣ грубятъ, воруютъ, обманываютъ, грабятъ, и каждаго разъ кланяйся, пиши, потѣсай къ мировому судья или посреднику, къ становому приставу или даже волостному старшинѣ, большею частію за нѣсколько десятковъ верстъ.... Послѣдствіемъ этого является та странная аномалія что никто не хочетъ быть больше собственникомъ, и всѣ просятся, подъ видомъ государственной службы, въ управители и прикащики. Теперь выгодноѣе быть акцизнымъ чиновникомъ чѣмъ владѣть винокуреннымъ заводомъ. Не одинъ помѣщикъ средней руки завидуетъ въ настоящее время положенію становаго пристава, и иной крупный землевладѣлецъ, принужденный жить въ деревнѣ, охотно промѣнялъ бы свое существованіе на жизнь мелкаго чиновника въ городѣ. Дѣйствительно, если, независимо отъ самыхъ средствъ къ жизни, принять въ соображеніе то огромное различіе, ту противоположность относительно всякихъ вообще удобствъ жизни, обезпеченія личности и имущества, медицинскаго пособія, средствъ къ воспитанію дѣтей и т. п., которое существуетъ у насъ между деревнею и городомъ, то переселеніе помѣщиковъ въ города дѣлается вполне понятнымъ. *Равновѣсіе нарушено*, и по естественному закону природы масса переходитъ туда куда влечетъ ее центръ тяжести.“*

Имѣя полное основаніе предполагать что авторъ этихъ строкъ вполне владѣетъ мѣрою своихъ словъ, всякій мыслящій человекъ долженъ содрогнуться предъ нарисованною имъ картиной страны, въ которой сельское хозяйство — это первое условіе развитія всякой промышленности—погибаетъ, въ которой не только никто не хочетъ быть собственникомъ, но даже самое льготное (крестьянское) землевладѣніе, едва созданное государствомъ, съ большими жертвами, признается самимъ земледѣльцемъ только бременемъ. Каково же государство, въ которомъ всѣ подданные вынуждены переходить на жалованье казны, совершенно истощенной въ источникахъ своего существованія? Хотя авторъ, не желающій, по его словамъ, ничего преувеличивать, и дѣлаетъ, въ видѣ крайней уступки безпристрастію, нѣкоторое различіе въ пользу черноземнаго юга въ сравненіи съ неплодороднымъ сѣверомъ,

* *Земля и воля*, стр. 60—63.

тѣмъ не менѣе описанное имъ положеніе есть не что иное какъ разложеніе и паденіе государства; это положеніе не въ примѣръ ниже чѣмъ въ какомъ находилась Франція въ эпоху революціоннаго террора, когда, несмотря вообще на разрушеніе экономическаго порядка, конфискованныя земли покупались нарасхватъ и землевладѣніе не считалось только бременемъ. Читатель готовъ перекреститься, что онъ читаетъ это сочиненіе внутри Россіи, которая, по его непосредственнымъ наблюденіямъ, еще не совсѣмъ разлагается, а не за границей, откуда онъ, прочитавъ эти мрачныя строки, по всей вѣроятности, никогда не рѣшился бы вернуться, если только въ немъ нѣтъ охоты быть свидѣтелемъ позора своего отечества и заняться исключительно плачемъ по немъ на грудѣ его развалинъ! Болѣе, кажется, въ подобную историческую эпоху государства дѣлать въ немъ нечего, и мы удивляемся что автору еще приходитъ на мысль желать того или другаго для улучшенія порядковъ въ Россіи. Дабы всякому извѣстное, цвѣтущее положеніе нѣкоторыхъ хозяйствъ и даже цѣлыхъ мѣстностей въ Россіи не смягчило общаго впечатлѣнія ужаса этой картины, авторъ спѣшитъ прибавить что во всемъ на свѣтѣ бываютъ исключенія, что таковы могутъ быть нѣкоторые большіе центры населенія, пользующіеся исключительными промышленными и торговыми выгодами посреди всеобщаго разоренія, но что подобныя случайныя противорѣчія нисколько не уничтожаютъ вѣрности общей начертанной имъ картины: „такъ и подъ палачимъ тропическимъ солнцемъ,“ говоритъ онъ, „нѣкоторыя возвышенности покрыты вѣчнымъ льдомъ, и изъ-подъ сѣверныхъ снѣговъ бьютъ теплые ключи, вызывая вокругъ себя пышную растительность“.* Авторъ напрасно давалъ себѣ трудъ оговаривать то что разумѣется само собою; кто же не знаетъ что и въ послѣднія времена паденія Западной Римской имперіи, посреди всеобщаго разстройства экономическаго быта, навѣрное были промышленники и хозяева, и цѣлые центры населенія, отлично обдѣлывавшіе свои дѣла. Почему же не быть такимъ счастливымъ исключеніямъ и въ нынѣшней Россіи, хотя бы она и погибала безвозвратно?

Такъ разсуждаютъ самые умѣренныя публицисты охранительной партіи. Каковы же должны быть неумѣренныя,

* Земля и воля, стр. 65.

которые къ тому же составляютъ большинство въ этомъ лагерѣ? Все на ту же тему бѣдственнаго положенія Россіи, съ первыхъ строкъ сильныхъ руководящихъ газетныхъ статей, намъ говорятъ, напимѣръ, что „неурядица въ сельскомъ быту грозитъ сдѣлаться общемо неурядицей въ государствѣ“.* „Наиболѣе разительный фактъ настоящихъ общественныхъ отношеній нашихъ крестьянъ есть несостоятельность крестьянскаго сословія, какъ сословія, въ массѣ къ *защитѣ и соблюденію своихъ собственныхъ интересовъ*. Эта несостоятельность обличаетъ, конечно, не природную неспособность, а недостатокъ свойственный историческому возрасту нашего крестьянскаго сословія. Даже могучая пружина собственного интереса,—повторяемъ, въ массахъ,—оказывается безсильною чтобъ одолѣть неумѣлость и неразвитость ихъ общественной воли и сознанія.“** По поводу одного разказа объ участіи крестьянъ въ дѣятельности земскихъ учрежденій говорится: „На первый взглядъ эта мрачная картина представляется какимъ-то *хаосомъ произвола надъ олтѣвщицмъ населеніемъ*. Но при ближайшемъ вниманіи, въ этомъ хаосѣ являются разчлененія: есть силы дѣйствующія, есть силы страдательныя; повидимому, произволь организованъ; инстанктъ сопротивленія (то-есть, хаосу и произволу) доведенъ до крайности, обезсиленъ, подавленъ.“*** Далѣе непрерывно, со всѣми возможными вариантами, говорится о *безвыходномъ* положеніи всего нашего крестьянства, о порванной между помѣщиками и крестьянами, низшими рабочими и высшими образованными классами, всякой нравственной связи, о возникающей въ крестьянствѣ ненависти къ дворянству, „къ преобладающей власти дворянъ“, „къ на все искуснымъ дворянамъ“, о необходимости принятія чрезвычайныхъ, оправдываемыхъ лишь чрезвычайными обстоятельствами государственныхъ мѣръ и объ устройствѣ исключительно сильной, какой-то *спеціальной*, въ родѣ диктаторской, власти въ нашемъ сельскомъ мѣрѣ,**** для устраненія неурядицы и водворенія гражданскаго порядка въ этомъ хаосѣ. Зло такъ глубоко и такъ велико, по объясненію нашихъ охра-

* *Вѣсть*, 1869 г. 16-го апрѣля.

** *Вѣсть*, 1869 г. 16-го мая.

*** Тамъ же.

**** *Вѣсть*, 1869 г. 13-го апрѣля.

ителей, что съ необходимостью сильной чрезвычайной власти, выходящей изъ ряда обыкновенныхъ государственныхъ властей, и съ необходимостью чрезвычайныхъ административныхъ мѣръ должны примириться даже самые гуманные люди, даже они сами, представители охранительной партіи, идеаль которыхъ такъ далеки отъ всякой административной опеки, и которые только скрѣпя сердце могутъ согласиться на какія бы то ни было антилиберальныя мѣры. Это ясно, и въ этихъ случаяхъ нѣтъ надобности ни въ какихъ оговоркахъ и оправданіяхъ. Кто же можетъ этого не понять, кто же изъ людей искренно любящихъ свое отечество способенъ не сочувствовать этимъ трагическимъ терзаніямъ гуманной и либеральной совѣсти, вынужденной для спасенія отечества дѣйствовать вопреки своимъ возвышеннымъ идеаламъ? Но *salus republicae ultima lex*—верховный законъ спасенія отечества отпускаетъ всякую политическую совѣсть! Истинному патриоту остается, кажется, только благодарить, слыша пламенныя рѣчи этихъ спасителей отечества, имѣющихъ еще, на краю его гибели, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ ожиданіяхъ роковой катастрофы, твердость и величіе духа не лишать насъ послѣдней надежды на возможность спасенія: „Мы не принадлежимъ, говорятъ они, къ числу людей прикрывающихъ свое равнодушіе или свою умственную лѣнь маниловскими надеждами: „все перемелется — мука будетъ“. Мы не отказываемся отъ вѣрованія въ крайнюю необходимость человѣческой воли и мысли въ народной жизни, элемента нравственныхъ силъ въ прогрессѣ. Мы не можемъ помириться съ мыслию что предъ нашими глазами готовятся, *можетъ-быть*, въ крестьянскомъ сословіи такія затрудненія и неурюстройства въ будущемъ, размѣры которыхъ нельзя и предвидѣть, и что мы этого не замѣчаемъ потому что закрываемъ глаза. Чего же желать? Мы желаемъ чтобы истина, если тревожныя указанія ошибочны, разсѣяла ихъ, и съ ними вмѣстѣ разсѣяла и всеобщую тревогу; если же тревожныя указанія истинны, то мы желаемъ чтобы правительство и общество смѣло и прямо взглянули на зло и дружно дали ему отпоръ.“*

Нѣтъ сомнѣнія насчетъ безотрадности чувствъ и мыслей нашихъ охранителей; вышепрписанныя слова *можетъ-быть*

* *Вѣсть*, 1869 г. 24-го мая.

(можетъ-быть готовятся великія государственныя затрудненія), эти слова очевидно объясняются ихъ великодушіемъ, состраданіемъ къ не довольно твердымъ духомъ читателямъ. Сами же они, эти мощные духомъ и самоотверженные граждане, во глубинѣ своей патриотической души, находятъ положеніе несравненно болѣе отчаяннымъ чѣмъ они его намъ представляютъ; сами они даже вовсе не надѣются на спасеніе. Это очевидно изъ всѣхъ ихъ словъ, которыя они всячески сдерживаютъ, но которыя иногда прорываются противъ ихъ героической воли. Такъ, по поводу событій потрясающихъ основы государственнаго строя въ Испаніи и заставляющихъ ихъ обратиться со словомъ вразумленія къ этой странѣ, а гораздо болѣе къ своему, еще болѣе несчастному отечеству, они говорятъ: „итакъ, анархія, безсиліе власти, — ни республика, ни монархія, — явная неспособность создать что-либо для замѣны даже такой власти какъ изгнанное правительство королевы Изабеллы II, таковы до сихъ поръ плоды революціи, которую однако привѣтствовали съ восторгомъ, какъ новую эру свободы, благоденствія, могущества.“ Указавъ причины бѣдствій Испаніи, — распространеніе въ школахъ и обществахъ принциповъ революціи и политическаго равенства, — они поневолѣ обращаютъ свои взоры къ Россіи: „Исторія даетъ намъ ежедневные уроки; будемъ ли презирать ихъ?“... „Обращая взоры къ нашему отечеству, не можемъ не повторить того что (не) разъ развито нами подробно. У насъ замѣчается сильная склонность къ общественной нивелировкѣ. Къ сожалѣнію, идея политическаго равенства получила не малое развитіе и въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ.“ * Итакъ, анархія, безсиліе власти, ни республика, ни монархія, невозможность создать что-либо даже взамѣнъ этой слабой власти, кое-какъ поддерживающей порядокъ около насъ, вотъ что насъ ожидаетъ не сегодня, такъ завтра, долженъ прибавить всякій сколько-нибудь проницательный читатель. Глубокое внутреннее сознаніе коренныхъ недуговъ, поразившихъ не только наше народное хозяйство, но и всѣ отправления государственнаго организма, и ожиданіе еще болѣшихъ, почти неотвратимыхъ народныхъ бѣдствій въ недалекомъ будущемъ, прорываются на всякомъ шагѣ въ сужденіяхъ охранительной печати, о чемъ бы она

* *Вѣсть*, 1869 г. 20-го марта.

ни заговорила: объ отправленіи правосудія, о мѣстной администраціи, о народномъ образованіи, о военной оборонѣ государства и т. д. По поводу безпорядковъ между студентами нѣкоторыхъ нашихъ университетовъ, наши консервативные публицисты невольно заговариваютъ о всеобщей революціи, объ ученіяхъ всюду вызывающихъ социальныя броженія и революціи, о коммунистской пропагандѣ, * даже о баррикадахъ, начавшихся въ другихъ странахъ подобными же безпорядками въ школахъ ** и т. д. Гораздо болѣе ничтожныя происшествія, какая-нибудь личная перемѣна въ составѣ университетскихъ преподавателей, простое сложение съ себя профессоромъ должности декана, по тѣмъ или другимъ личнымъ соображеніямъ, представляются ихъ прозорливымъ умамъ знаменіями времени, слѣдствіемъ движеній прокравшихся, „при содѣйствіи тайныхъ и явныхъ зловредныхъ соучастниковъ“, даже въ оплоты нашего воспитанія; *** извѣстія о принимаемыхъ правительствомъ энергическихъ мѣрахъ къ вооруженію арміи новыми ружьями внушаютъ имъ опасенія (которыя, при всей боязни консервативнаго публициста распространить тревогу въ публикѣ, также срываются съ его устъ) что мы совсѣмъ несостоятельны къ защитѣ Россіи отъ нападенія, могущаго ежедневно разразиться, что мы даже едва ли можемъ быть готовы къ войнѣ ранѣе пяти лѣтъ. **** Даже нѣтъ недостатка въ знаменіяхъ грядущихъ событій, всегда съ религіознымъ трепетомъ принимаемыхъ русскимъ народомъ, бичахъ Божіихъ, болѣзняхъ, надежахъ, неурожаяхъ, даже моровой (сибирской) язвы! † На все это указывается, съ подобающимъ вразумленіемъ, вѣтряной толпѣ.

Мы не можемъ болѣе сомнѣваться въ безотрадности собственнаго душевнаго настроенія нашихъ охранителей, далеко превосходящей мѣру ихъ мрачныхъ предостереженій, и они напрасно даютъ себѣ трудъ съ негодованіемъ отбрасывать отъ себя упреки въ алармизмъ, въ излишнемъ запугиваніи, въ чемъ ихъ дѣйствительно упрекаютъ недалководные

* *Вѣсть*, 1869 г. 28-го мая.

** *Вѣсть*, 1869 г. 22-го марта.

*** *Вѣсть*, 1869 г. 25-го мая.

**** *Вѣсть*, 1869 г. 8-го апрѣля.

† *Земля и Воля*, стр. 18.

люди. * Имъ не было даже никакой надобности оправдывать себя въ этомъ отношеніи, какъ они это неоднократно дѣлали, политическою мудростью всѣхъ вѣковъ и народовъ, опираться на авторитеты Пифагора, Гераклита, Демокрита, Сократа, Платона, Аристотеля, Полибія, Цицерона и г. Чичерина, проповѣдывавшихъ противъ государственной анархіи, и рекомендовать намъ для нашего назиданія *Исторію политическихъ ученій* послѣдняго. ** И безъ этихъ ученыхъ ссылокъ, мы охотно готовы вѣрить что наши охранители гораздо хуже думаютъ чѣмъ говорятъ.

Еслибы, впрочемъ, оставалось какое-нибудь сомнѣніе относительно ожидаемыхъ охранителями послѣднихъ дней Россійской Имперіи, какъ неизбѣжной развязки нынѣшняго ея положенія, то чистосердечный членъ, l'enfant terrible этой партіи, г. Григорій Бланкъ, устраняетъ всякое недоумѣніе. Заявляя себя „искренно любящимъ свое отечество сыномъ, имѣющимъ долгомъ и цѣлю стремиться къ разъясненію правды, на сколько Богъ далъ ему на то способностей“, онъ цѣликомъ раскрываетъ намъ эту правду и прямо, не обинуясь, во всеуслышаніе говорить: „что препятствуетъ благоденствію нашего отечества?“ „*Постоянное и постепенное направленіе всего государства къ революціи*“, поддерживаемое даже закономъ поставленными властями, распространеніе во всемъ народѣ этихъ преступныхъ идей, этого яда называемаго народною деморализаціей, вкорененіе между нашимъ сельскимъ населеніемъ Прудоновскаго ученія о собственности и вражды къ дворянству,—вотъ какъ отвѣчаетъ г. Бланкъ на поставленный имъ вопросъ. Какъ на непреложное послѣдствіе всего этого положенія, онъ указываетъ на *красную республику*, и приводитъ въ доказательство справедливости этого страшнаго пророчества наши нынѣшнія сельскія общины, которыя представляютъ собою, по его словамъ, видъ отдѣльныхъ маленькихъ республикъ. *** Послѣ всего этого надо удивляться, и можно приписать только исключительному усердію этого вѣрнаго сына отечества, что онъ еще останавливаетъ Россію на этомъ роковомъ пути свершенія ея историческихъ судебъ, и совѣтуетъ еще испытать, для ея спасенія „отъ настоящаго бѣдственнаго положенія“, нѣкоторыя *коренныя мѣры*

* *Вѣсть*, 1869 г. 24-го мая.

** *Вѣсть*, 1869 г. 15-го мая.

*** *Движеніе законодательства въ Россіи*, стр. 7, 10, 21, 25, 42, 67.

противъ гидры революціи, мѣры постоянныя, систематическія и неусыпныя, болѣе дѣйствительныя чѣмъ преслѣдованія путемъ обыкновенной карательной судебной власти, * то-есть *лѣры чрезвычайныя*. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи всѣ члены охранительной партіи какъ нельзя болѣе согласны между собою. При всемъ избыткѣ своихъ неудержимыхъ симпатій, громко ими высказываемыхъ, къ самымъ либеральнымъ движеніямъ и людямъ нашего вѣка, отъ Маколея до Грановскаго, ** они вынуждены требовать диктатуры, отъ которой не отказывались самые гуманные и либеральные люди, когда дѣло шло объ уничтоженіи анархіи и спасеніи отечества!

Да не посѣтуютъ на насъ читатели за длинноту нашихъ выписокъ и подробность изысканій на консервативной нивѣ. Слушая въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ежедневно то же самое, въ самомъ ускоренномъ темпѣ и съ самымъ усиленнымъ crescendo, слыша вмѣстѣ съ тѣмъ постоянные упреки въ апатію и легкомысленномъ равнодушіи ко всѣмъ этимъ злобѣщнымъ предсказаніямъ и знаменіямъ, мы обязаны наконецъ отдать себѣ и публикѣ ясный отчетъ въ стремленіяхъ, цѣляхъ и задачахъ этой довольно у насъ новой и столь шумливой группы мыслителей и патріотовъ.

Прежде чѣмъ произносить судъ надъ этимъ новымъ явленіемъ въ нашемъ обществѣ, мы должны постараться какъ можно точнѣе опредѣлить мѣсто занимаемое имъ среди разнообразныхъ теченій нашей умственной жизни. Съ этою цѣлю, сравнимъ взгляды охранительной партіи на нынѣшнее положеніе русскаго общества со взглядами другой, наиболѣе ей противоположной струи литературныхъ мнѣній, такъ-называемой *прогрессивной*. Намъ приходится дать это почетное въ своемъ родѣ наименованіе печати, воззрѣнія которой будутъ сейчасъ нами изложены, чтобы какъ-нибудь отличить ее отъ консервативной, хотя сами наши прогрессисты, выступая на политическомъ поприщѣ съ гораздо большею скромностью чѣмъ охранители, никогда не выдаютъ себя за партію и не говорятъ отъ имени партіи. Они проповѣдуютъ большею частью только отъ имени *новыхъ людей, новаго поколѣнія*, и потому имъ присвоиваютъ обыкновенно наименованіе *новыхъ людей*, которое и сами

* Тамъ же, стр. 15.

** См. многочисленныя статьи *Вѣсти* о Грановскомъ.

они часто употребляютъ. Быть политической партией до сихъ поръ составляетъ у насъ исключительную привилегію нашихъ новѣйшихъ охранителей.

Охранители и прогрессисты всеконечно находятся, какъ имъ и причлещтуетъ быть, въ самыхъ враждебныхъ между собою отношеніяхъ; послѣдніе не отзываются о первыхъ иначе какъ съ величайшимъ презрѣніемъ, а первые питаютъ къ послѣднимъ самую непримиримую ненависть. Охранительная партія обвиняетъ прогрессистовъ въ распространеніи яда радикализма и нигилизма. Принятіе противъ этого яда чрезвычайныхъ правительственныхъ мѣръ есть цѣль стремленій и усилій охранителей, цѣль давшая имъ организацию партіи. Кажется, трудно себѣ представить отношенія болѣе опредѣленные и болѣе враждебныя.

Между тѣмъ,—можно ли было это думать?—наши охранители и прогрессисты совершенно сходятся въ своихъ воззрѣніяхъ на современное положеніе вещей въ нашемъ отечествѣ. Самое непримиримое во всякой другой странѣ представляетъ у насъ, на нашей миролюбивой почвѣ, самое умиленное зрѣлище братскаго единодушія. Рѣзкость и горечь осужденія современнаго русскаго быта и общества со стороны нашей консервативной печати находятъ что-либо подобное себѣ только въ произведеніяхъ прогрессивной литературы;* мы сказали *что-либо подобное*, ибо все-таки крайность пессимизма нашихъ охранителей далеко превосходитъ пессимизмъ нашихъ прогрессистовъ. Впрочемъ, какъ бы ни показалось это иному странному, законы расширившіе у насъ свободу слова несравненно болѣе развязали языкъ нашей охранительной печати нежели прогрессивной. Послѣдняя стала даже гораздо

---

* См. между прочимъ *Отечественныя Записки* за 1869 г., которыми мы руководствовались, какъ сравнительно умѣреннымъ органомъ нашей прогрессивной литературы, во всѣхъ нашихъ о ней сужденіяхъ. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* вниманіе наше обратило на себя преимущественно статьи: „Когда благоденствовалъ русскій мужикъ и когда начались его бѣдствія“, „Обозрѣніе 1868 года“, „Признаки времени“, „Наши общественныя дѣла“, „Современныя замѣтки“, „Письма изъ провинціи“, Н. Гурина. Мы не успѣли ознакомиться съ другими органами нашей прогрессивной журналистики, такъ же какъ и охранительной; на сколько намъ извѣстно, крайніе отгѣнки ихъ еще болѣе сходятся между собою чѣмъ въ нашихъ примѣрахъ.

блѣднѣе и робчѣе прежняго. Одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ вождей консервативной партіи, г. Гр. Бланкъ, со свойственнымъ ему прямодушіемъ, самъ открыто заявляетъ что возрожденіемъ его къ литературной дѣятельности мы обязаны только гласности и свободѣ водвореннымъ новыми законами о печати, безъ которыхъ, по его словамъ, было бы невозможно изданіе его новаго обширнаго сочиненія, сравниваемого имъ самимъ съ *зерномъ горчицы*. * Если самый крайній и самый искренній въ рядахъ своей партіи писатель ощутилъ нѣкоторую льготу для изложенія своихъ горькихъ мыслей о современной Россіи, то тѣмъ паче могли воспользоваться этою свободой всѣ болѣе умѣренные его союзники.

Не только въ крайностяхъ своего недовольства ходомъ дѣлъ въ Россіи сходятся между собою наши охранители и прогрессисты, что еще не было бы такъ странно встрѣтить во всякихъ крайнихъ отбѣнкахъ политической мысли, но они сходятся даже въ самомъ существенномъ содержаніи своихъ осужденій, даже въ указаніи на тѣ же якобы факты, одинаково мрачно представляемые тѣми и другими, и одинаково ими оплакиваемые. Весьма часто мы находимъ даже тождество въ выраженіяхъ и словахъ. Такъ же точно какъ наша неоконсервативная печать, наши прогрессисты преимущественно сосредоточиваютъ свое вниманіе на современномъ экономическомъ упадкѣ Россіи, сопутствующемъ и обусловливающимъ упадокъ нравственныхъ народныхъ силъ, на бѣдствіяхъ этого упадка, преимущественно въ крестьянскомъ бытѣ, на опасномъ антагонизмѣ низшихъ рабочихъ и высшихъ капитальныхъ классовъ, наконецъ на всеобщемъ духовномъ и вещественномъ *оскуднѣніи* и *оголеніи* русской жизни въ послѣдніе годы, ** какъ они выражаются, чрезвычайно близко подходя къ *народной деморализаціи* охранителей.

Какъ ни трудно всему этому повѣрить, но нѣсколько оборотиковъ сужденій нашей новѣйшей прогрессивной литературы о бѣдственномъ положеніи Россіи подтверждаютъ все выше сказанное.

Вотъ, напримѣръ, какъ живописуется нынѣшнее экономическое разстройство внутри Россіи:

* См. *Движеніе законодательства въ Россіи*. Предисловіе.

** См. между прочимъ *Отечественныя Записки*, 1869 г., № 3, „Письма изъ провинціи“, Гурикъ.

„....Постепенное отоцаніе провинціи уже начинаетъ сказываться во всемъ. Несмотря на общее затишье, несмотря на отсутствіе какихъ бы то ни было домогательствъ, чувствуется что провинція какъ будто перестаетъ жить, что она расплывается не доходами, а капиталомъ. Повсюдная дороговизна свидѣлствуетъ что даже выраженіе „откуда что возьмется“ скоро сдѣлается преданіемъ, сохранившимъ свой авторитетъ развѣ только въ глазахъ станovýchъ приставовъ и исправниковъ; всеобщее равнодушіе, апатія, лѣнь доказываютъ что та же самая участь постигаетъ, ежели уже не постигла, и плоды умственные. „Нѣтъ дѣятелей, нѣтъ дѣлъ, некуда идти!“ жалуются люди стоящіе у самаго источника провинціальной производительности, какъ матеріальной, такъ и умственной. Оказывается, стало-быть, что безмолвіе и отсутствіе инициативы вовсе не такое драгоценное явленіе какъ можно было ожидать. Каждый провинціалъ чувствуетъ что въ его существованіе закралась *небывалая досель тяжесть*, каждый видитъ себя опутаннымъ какими-то сѣтями, которыхъ онъ ни распутать, ни разорвать не можетъ. Куда бы онъ ни ступилъ, вездѣ его нѣчто гнететъ и гложетъ, и въ то же время все, даже это гнетущее, такъ ему постыло, такъ противно, такъ само по себѣ ничтожно, ни на что бы онъ не смотрѣлъ, ни къ чему бы не прикоснулся.“ *

Подъ этою тирадой, написанною никакъ не въ шутку и безъ всякой ироніи, конечно не отказался бы подписаться самый умѣренный публицистъ охранительной партіи; она живо напоминаетъ собою вышеприведенные нами отрывки изъ охранительной литературы, напримѣръ сравненіе прежней идиллической деревни съ нынѣшнею деревней разстраивающею нервы. Это безспорно тотъ же самый мотивъ.

Или, далѣе, разказывая оскудѣніе русской жизни въ послѣднее время, тотъ же авторъ восклицаетъ:

„....И вотъ тѣ размалеванныя стѣнки, которыя казались намъ несокрушимыми укрѣпленіями, разлетѣлись при первомъ дуновеніи вѣтра и сразу обнаружили изумленному міру *наше умственное и матеріальное убожество*....“

Точь-въ-точь подобно охранительной печати, говоря о послѣднихъ годахъ нашей государственной и общественной жизни какъ объ эпохѣ какого-то ея паденія, и выдвигая на первый планъ, въ своихъ періодическихъ обзорѣніяхъ, разныя народныя несчастія: неурожаи, пожары, преступленія,

* *Отечественныя Записки*, № 3, „Письма изъ провинціи“, стр. 136.

смертные случаи и т. д., наши прогрессисты дают **всѣмъ** этимъ явленіямъ значеніе хроническихъ болѣзней, **гложущихъ** съ нѣкоторыхъ поръ нравственныя и матеріальныя основы русскаго общества и распространяющихся къ тому же прогрессивно. Подобно охранителямъ, и наши „новые люди“ **повѣствуютъ** о знаменіяхъ, *признакахъ времени*, въ которыхъ видятъ какъ бы предвѣстниковъ еще жесточайшихъ бѣдствій, угрожающихъ со дня на день нашему отечеству. * За всякій несчастный случай въ родѣ лѣснаго пожара, столкновенія двухъ вагоновъ, неудавшагося ученаго диспута, дѣла со скопцами, воровства казенной соли, кражи платковъ на улицахъ и т. д., они готовы ухватиться какъ за какіе-то апокалипсическіе знаки времени, — этой годины тяжкихъ историческихъ испытаній **ниспосланныхъ** на русскій народъ. Посреди самаго обыкновеннаго перечня подобныхъ происшествій, они восклицаютъ **напримѣръ**:

„...И здѣсь (въ лѣсныхъ пожарахъ 1868 года), какъ и относительно голода, сказалась наша народная безпомощность, наше неумѣнье, непривычка управлять своими дѣлами. Горѣвшихъ лѣсовъ никто не хотѣлъ тушить: одни потому что рабочимъ силамъ, отрывавшимся для этого отъ другихъ занятій, надобно было платить, а у владѣльцевъ лѣсовъ денегъ нѣтъ, или они даже не хотѣли платить. И тѣ и другіе вмѣстѣ ждали всего, какъ и всегда ждутъ, **свыше**. Но лѣсу и безъ того становится у насъ мало, а если его будутъ истреблять еще и пожары, то рано или поздно послѣдствіе этого отразится тяжелымъ образомъ для всѣхъ — въ видѣ общихъ засухъ, обмелвнія рѣкъ и озеръ и недостаткомъ топлива и строительныхъ матеріаловъ.“ **

Или, **напримѣръ**, вотъ какъ выражается другой публицистъ по поводу именно признаковъ времени:

„...Хищничество, вотъ наслѣдіе завѣщанное намъ крѣпостнымъ правомъ; вотъ стихія которая движетъ нами, предъ которою мы пресмыкаемся и рабѣльствуемъ, которую мы во всякое время готовы обожествить. Прежнія пресловутыя поговорки въ родѣ: „съ сильнымъ не борись“, „куда Макаръ телятъ не гонялъ“, „куда воронъ костей не заносилъ“, **не смотря на ихъ ясность и знаменательность, представляютъ лишь слабыя образчики той чудовищной терминологіи которую выработало современное хищничество**. Эта терминологія

* См. между прочимъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1869 г., № 1, „Обозрѣніе 1868 года“ и „Признаки времени“.

** См. *Отечеств. Зап.* 1869 г., № 1, „Обозрѣніе 1868 г.“, стр. 180.

вся сплошь какое-то дикое, озлобленное цирканье, въ которомъ нельзя отличить ни одного членораздѣльнаго звука, но которое и во оубъ заставляетъ насъ цѣпенять.... А еще говорить: нѣтъ крѣпостнаго права. Нѣтъ, оно есть, но има ему хищничество. Это единственная сила притягивающая къ себѣ современнаго человѣка, это единственное понятие *на счета котораго не существуетъ разногласія.*" *

Дѣйствительно, незамѣтно разногласія между самыми отъявленными противниками, готовы прибавить мы. Не слышатся ли весьма явственно въ только-что приведенныхъ строкахъ отголоски хаоса произвола надъ оубмѣвшимся населеніемъ, изображеннаго въ одномъ изъ вышеприведенныхъ отрывковъ охранительной печати? Въ этомъ отрывкѣ нѣтъ недостатка даже въ нечленораздѣльно дѣйствующихъ стихахъ и т. д.

Тотъ же авторъ продолжаетъ:

„...Всю общественную ниву заплонило хищничество, всю ее, вдоль и поперекъ, избороздило оно своимъ проклятымъ плугомъ. Нѣтъ уголка въ цѣломъ мірѣ гдѣ не раздавались бы жалобы на упадокъ жизненнаго уровня, гдѣ не слышалось бы вопля: „нѣтъ убѣжища отъ хищничества! некуда скрыться отъ него!“ Головы несомнѣнно мѣдныя, и тѣ тронулись имъ, и тѣ поняли что слабость презрѣнна, и что только сила, грубая, неразумная сила имѣетъ право на существованіе....“ **

Не то же ли это самое что „въ деревнѣхъ грубятъ, воруютъ, обманываютъ, грабятъ, и всякій разъ кланяйся, пиши, и т. д.“, какъ описываетъ намъ современное положеніе русской деревни одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ консервативныхъ писателей (см. выше)?

Прогрессивный авторъ заключаетъ: „Меня ужасаетъ эпоха, ужасаетъ историческое положеніе, въ которомъ *погибаетъ столько живыхъ существъ...*, а въ томъ числѣ и хищниковъ....“ ***

Другой прогрессивный авторъ, обозрѣвая разныя явленія нашей общественной жизни, восклицаетъ:

„Нѣтъ, читатель, не Америку все это напоминаетъ, а скорѣе Среднюю Азію, куда насъ судьба влечетъ съ неотразимой

* *Отеч. Зап.* 1869 г., № 1, „Признаки времени“, стр. 207.

** Тамъ же, стр. 215.

*** Тамъ же, стр. 219.

силой, такъ какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ Англичанъ, мы, Русскіе, естественные цивилизаторы средне-азиатскихъ странъ. Наша цивилизація дѣйствительно всего ближе подходитъ къ ташкентской и хивинской цивилизаціямъ, такъ что, если Богъ не допуститъ самимъ намъ въ этихъ странахъ оташкентиться и охивиниться, то мы обрусимъ ихъ очень скоро, и тогда уже будемъ дѣйствовать всѣ сообща. Покуда же будемъ уповать и надѣяться что не всегда же въ нашихъ общественныхъ дѣлшкахъ съ перваго же взгляда будетъ въ глаза бросаться что-то такое неклепное и неладное.“ *

Всего примѣчательнѣе въ раскрываемой нами связи возрѣвнѣй охранительной и прогрессивной печати на современное общество, сходство ихъ отзывовъ о русскомъ крестьянинѣ, который своими нынѣшними бѣдствіями всего болѣе озабочиваетъ тѣхъ и другихъ, и которому, кажется, не удалось угодить обоимъ лагерямъ.

Указывая на постоянное и неуклонное, по ея мнѣнію, ухудшеніе матеріальныхъ и нравственныхъ условій жизни русскаго крестьянина въ теченіи всей тысячелѣтней исторіи Русскаго государства по сей день, несмотря даже на недавнее его освобожденіе, прогрессивная печать выражается такимъ образомъ: **

„... То же самое что совершилось съ новгородскимъ крестьянствомъ совершилось въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ съ крестьянствомъ всѣхъ нашихъ губерній и областей. Куда бы вы ни обратились въ глушь нашего сельскаго народонаселенія, вы вездѣ найдете ту же бѣдность, то же полуголодное существованіе, то же отупѣніе. Если здѣсь исторія не скажетъ вамъ такъ ясно и несомнѣнно какъ относительно Новгорода что въ прошедшемъ всѣ эти люди жили гораздо лучше и счастливѣе чѣмъ теперь, то то же самое скажетъ вамъ народное преданіе, наконецъ вамъ самимъ не трудно будетъ это понять, сообразивъ тѣ причины которыя въ продолженіе извѣстнаго вамъ историческаго времени дѣйствовали и дѣйствуютъ къ разрушенію ихъ благосостоянія. Все это приводитъ къ вопросу объ отношеніи современной цивилизаціи къ крестьянству. Трудно убѣдиться въ томъ чтобъ она принесла ему какую-нибудь пользу въ прошедшемъ, и можно сильно сомнѣваться чтобъ она и напредки могла быть ему полезною, если только будетъ продолжаться все въ томъ же направленіи.... Современная цивилизація

* *Отеч. Зап.*, 1869 г., № 2. „Наши общественныя дѣла“, стр. 394.

** *См. Отеч. Записки*, 1869 г., № 1. „Когда благодѣйствовалъ русскій мужикъ и когда начался его бѣдствіа“.

обобрала и мануфактурнаго или вообще городскаго рабочаго, и обобрала его, можетъ-быть, еще болѣе чѣмъ крестьянина, но она не убила въ немъ смысла, напротивъ, развила въ немъ широкое пониманіе ненормальнаго современнаго общественнаго порядка, вызвала его на борьбу съ нимъ, изоцряетъ его способности для этой борьбы, даетъ средства продолжать ее и наконецъ подкрѣпляетъ надеждой ранѣе или позже одержать побѣду. Сельскій рабочій остается въ томъ же тупомъ пониманіи къ окружающему въ какомъ онъ находился назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Нельзя сказать чтобы результаты громаднхъ перемѣнъ совершающихся въ обществѣ совершенно не проникали въ глубь и глушь его изолированной жизни, но они доходятъ до него процессомъ слишкомъ медленнымъ и постепеннымъ и слишкомъ мало видоизмѣняютъ обыкновенную обстановку его жизни. Среди всеобщаго непростаннаго движенія онъ одинъ остается какимъ-то несокрушимымъ обломкомъ прошедшаго, ходячею исторіей давно вымершихъ поколѣній. Въ его жизни какъ будто окаменѣли нравы и обычаи древняго времени; въ своей морали онъ точно механически воспроизводитъ все тѣ же старыя добродѣтели и пороки своихъ предковъ; наконецъ онъ также смиренно какъ и они покоренъ своему жребію и съ тѣмъ же волевымъ терпѣніемъ несетъ наложенное на него ярмо. При этомъ нельзя опустить изъ виду что и въ будущемъ для сельскихъ работниковъ не представляется ничего лучшаго....“

Затѣмъ, доказывая неуклонное историческое ухудшеніе нашего крестьянскаго быта, авторъ разсуждаетъ такъ:

„Какъ бы ни велика была тяжесть наложенная на народъ прошедшими вѣками, нести эту тяжесть все-таки легче, когда есть твердое убѣжденіе что эта тяжесть не можетъ увеличиться ни на волосъ болѣе, что напротивъ она будетъ убывать съ каждымъ днемъ, нежели нести эту тяжесть безъ всякаго просвѣта въ будущемъ, подъ страхомъ постояннаго опасенія что каждый новый день можетъ увеличивать ея бремя и довести его, наконецъ, до полнаго изнеможенія идти далѣе... Наша цивилизація доселѣ остается какимъ-то случайнымъ, блудящимъ огонькомъ, который освѣщаетъ очень незначительное число людей стоящихъ наверху семидесятимилліонной массы народа, грѣетъ еще меньшее число....“

Итакъ, нѣтъ надежды и на лучшее будущее; наша современная цивилизація прогрессивно ухудшаетъ положеніе нашего общества вообще и крестьянства въ особенности. Рядомъ историческихъ соображеній своего рода, которыхъ мы здѣсь приводить не будемъ, авторъ приходитъ къ общему выводу, составляющему отвѣтъ на его вопросъ: когда благоденствовалъ русскій мужикъ? По его мнѣнію, матеріальныя

и политическія условія благосостоянія были всего благопріятнѣе для русскаго крестьянина въ теченіе удѣльнаго періода, гораздо даже благопріятнѣе чѣмъ нынѣ.

Тема о неуклонномъ оскудѣніи у насъ крестьянскаго быта подъ дѣйствиємъ современныхъ успѣховъ нашей гражданственности разрабатывается съ наименьшимъ усердіемъ и успѣхомъ въ охранительной литературѣ,* а подъ блистательнымъ выводомъ о наибольшемъ благополучіи мужичка въ удѣльномъ періодѣ (въ особенности сравнительно съ періодомъ послѣ 1861 г.), мы увѣрены, съ величайшимъ наслажденіемъ подписался бы самый крайній публицистъ охранительной партіи, г. Гр. Бланкъ. Этотъ писатель также занимается теперь историческими этюдами о нашемъ крестьянскомъ состояніи,** и хотя онъ съ особенною любовью останавливается на гораздо позднѣйшемъ періодѣ развитія холопства и кабальнаго права, именно на періодѣ чистаго крѣпостнаго права, но онъ былъ бы, по всей вѣроятности, не прочь отодвинуть свои историческіе идеалы нѣсколько назадъ, къ самымъ первообразамъ этого права, онъ согласился бы на это тѣмъ скорѣе что за такую ничтожную уступку онъ получилъ бы въ свою пользу *неуклонное ступнѣе и прогрессивное развитіе стадныхъ наклонностей народныхъ массъ* съ удѣльнаго періода и по днесь. До этого историко-физиологическаго закона развитія русскаго народа г. Бланкъ, вѣроятно, еще не додумался въ своихъ историческихъ изысканіяхъ, или, по крайней мѣрѣ, при всей своей искренности и смѣлости не рѣшился повѣдать это открытіе міру. Столь любимая имъ *„высокая идея связи власти съ повинненіемъ“*, осуществившаяся, по его мнѣнію, въ совершенствѣ въ формахъ крѣпостнаго права,*** по всей вѣроятности, находила для себя, если и болѣе суровыя, то вполне соответствующія формы и въ удѣльномъ періодѣ. Коммунистскія и социалистскія ученія и распространеніе чтенія Прудона между крестьянами, такъ пугающія пылокое воображеніе г. Гр. Бланка въ новѣйшей Россіи, были, конечно, совершенно невѣдомы удѣльной. Сверхъ всего этого, онъ, къ своему вящему удовольствію, найдетъ въ вышеприведенномъ прогрессивномъ сочиненіи

* См. *Земля и воля*, П. Л., между прочимъ гл. III—VI.

** *Движеніе законодательства въ Россіи*. Отдѣлъ I.

*** *Движеніе законодательства*, стр. 37.

нападки на современное развитіе промышленнаго духа и пролетаріата, отчасти и на зловредныхъ экономистовъ, а онъ самъ всегда съ увлеченіемъ поноситъ эти явленія, чуждыя крѣпостному праву, и не слишкомъ долюбиваетъ экономистовъ, которые, вѣроятно, и по его мнѣнію, не менѣе чѣмъ по убѣжденію прогрессистовъ, создали господство капитала и промышленную эксплуатацію рабочихъ въ новейшей исторіи. Даже во многихъ подробностяхъ развитія историческихъ мотивовъ у обоихъ писателей замѣчательное сходство. Такъ, между прочимъ, г. Бланкъ доказываетъ преимущества стариннаго быта русскаго народа (при Калитѣ) тѣмъ что „холопы повкуснѣ ѣли у своихъ господъ“, а превосходство пицци русскаго народа въ старину и постепенное ея ухудшеніе составляютъ одно изъ главныхъ историческихъ положеній вышеупомянутаго изслѣдованія объ эпохѣ благоденствія русскаго мужика. Г. Бланку не достаетъ только приводимаго прогрессивною печатью доказательства этого новаго тезиса; г. Бланкъ не знаетъ что упадокъ матеріальнаго благосостоянія русскаго народа произошелъ вслѣдствіе исчезновенія дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и рыбъ въ озерахъ и рѣкахъ, и потому вслѣдствіе уменьшенія животныхъ элементовъ пицци въ Россіи и возрастанія на счетъ ихъ растительныхъ, какъ это блистательно доказывается въ прогрессивной статьѣ. По всей вѣроятности, еслибы корифей охранительной партіи зналъ этотъ физиологическій законъ исторіи, онъ заговорилъ бы болѣе смѣлымъ, прогрессивнымъ языкомъ о неуклонномъ отупѣніи русскаго мужика, очевидно обусловленномъ растительною пищею крестьянъ; но виновать ли г. Бланкъ что онъ не посвятилъ себя, подобно нашимъ „новымъ людямъ“, естественнымъ наукамъ, и въ то время какъ они были заняты изученіемъ законовъ о питаніи животныхъ и растений, онъ принужденъ былъ изучать тощія русскіе законы того времени о питаніи крѣпостныхъ людей!

Въ высшей степени замѣчательно что во взглядѣ на русскаго мужичка лишь относительно одного этого пункта современные наши прогрессисты, при всемъ своемъ народолюбіи, оказываются болѣе пессимистами чѣмъ охранители; но не даромъ же наши „новые люди“ объявляютъ себя реалистами и позитивистами, съ пренебреженіемъ откидывая отъ себя всякія устарѣлыя замашки идеализаціи народнаго быта. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они гораздо умѣреннѣе консервативной

печати, какъ это можно было уже видѣть изъ представленныхъ нами отрывковъ той и другой литературы. * Если откинуть кое-какія крупныя слова, испещряющія прогрессивныя произведенія и составляющія, какъ извѣстно, неотъемлемую принадлежность языка и нравовъ нашихъ „новыхъ людей“, а можетъ-быть даже и главный ихъ форсъ, то ихъ умѣренность и благонравіе не будутъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Всякая тѣнь сомнѣнія относительно большей умѣренности прогрессистовъ устраняется тѣми благодушными размышленіями, тѣми свѣтлыми полосками, которыми они весьма часто окаймляютъ свои мрачныя картины современной эпохи. Такъ напримѣръ, въ заключеніи одной весьма безотрадной прогрессивной выходки противъ золъ настоящаго времени, мы читаемъ: „...Покуда же будемъ уповать и надѣяться что не всегда въ нашихъ общественныхъ дѣлшшкахъ съ перваго же взгляда будетъ въ глаза бросаться что-то такое неклепкое и неладное. Уповать и надѣяться намъ на это тѣмъ болѣе позволительно что, несмотря на всѣ несомнѣнныя безобразія въ общемъ ходѣ нашихъ общественныхъ дѣлъ, въ частностяхъ мы замѣчаемъ не мало уклоненій въ хорошую сторону.“ ** Вслѣдъ за этимъ указывается съ сочувствіемъ на нѣкоторыя утѣшительныя явленія нашей жизни.

Никакими, даже самыми узкими свѣтлыми полосками не озаряются темные горизонты міросозерцанія въ охранительномъ лагерѣ; ему видѣются только черныя точки. Если и проглянетъ когда-нибудь лучъ радости посреди ихъ плача и воплей, то развѣ по поводу какихъ-нибудь извѣстій совершенно частнаго и почти домашняго характера (при назначеніи, напримѣръ, должностныхъ лицъ), очевидно не могущихъ служить для серьезныхъ политическихъ мыслителей значительнымъ утѣшеніемъ посреди всеобщаго и неуклоннаго упадка государства.

Если мы убѣдились что наши охранители въ душѣ своей

* Мы не имѣли подъ рукой всей прогрессивной литературы, можетъ-быть и представляющей исключенія изъ высказываемаго нами взгляда; но мы за то основывали наши сужденія на самыхъ распространенныхъ въ публикѣ и потому наиболѣе имѣющихъ практическое значеніе произведеніяхъ.

** *Отечественныя Записки* 1869 г., № 2. „Наши общественныя дѣла“, стр. 394.

еще болѣе безнадежны чѣмъ на словахъ, то съ другой стороны легко можемъ убѣдиться въ совершенно противномъ относительно прогрессистовъ: они далеко не такъ страшно смотрятъ на все окружающее, какъ это кажется, и потому гораздо уживчивѣе чѣмъ всякіе охранители. Извѣстно что самыя свирѣпыя Базаровы, по собственному ихъ признанію, вполне примиряются со всякою средой, если только получаютъ въ свое неограниченное распоряженіе, для своихъ безжалостныхъ секцій, достаточное количество лягушекъ; надо надѣяться что не скоро еще истощится запасъ этихъ животныхъ. А до тѣхъ поръ мы можемъ съ полнымъ спокойствіемъ смотрѣть на дѣйствіе этихъ не слишкомъ опасныхъ инстинктовъ разрушенія! Впрочемъ, сама публика уже свылась съ приемами „новыхъ людей“, и они уже не кажутся ей такъ страшны какъ въ бывшее время, тѣмъ болѣе что, благодаря господствующему въ прогрессивной печати тону, публика всегда, въ самыя трагическія минуты негодованія прогрессистовъ, можетъ недоумѣвать, серьезно или насмѣхъ они говорятъ. Сатирической элементъ, впрочемъ, занимаетъ такое видное мѣсто въ нашей прогрессивной литературѣ что ея веселость чрезвычайно смягчаетъ ея нравы и удобряетъ самыя злыя ея вдохновенія. Во всякомъ случаѣ она не въ примѣръ лучше наполняетъ досуги нашей столь еще досужей публики чѣмъ заклинанія охранительной печати, до сихъ поръ не обогатившей исторію русской словесности ни однимъ сатирикомъ.

Въ окончательномъ результатѣ, какъ ни близки между собою пессимистскія рѣчи прогрессистовъ и охранителей, впечатлѣнія производимыя первыми несравненно менѣе тревожны и болѣе мягки, а въ дѣйствіяхъ публицистики весь вопросъ во впечатлѣніи испытываемомъ отъ нея публикой.

Наши изысканія чрезвычайно приблизили охранительный лагерь къ прогрессивному. Но и безъ нашей помощи, они сами собой уже сходились и братались. Часто въ послѣднее время оба лагеря ссылались другъ на друга и заимствовали другъ у друга свѣдѣніями и аргументами для подкрѣпленія своихъ воззрѣній на современную эпоху. Такъ, напримѣръ, главный органъ охранительной печати излагалъ самыя безотрадные свои взгляды на безвыходное положеніе нашихъ крестьянъ прямо опираясь на свѣдѣнія изъ прогрессивныхъ

источниковъ. * А вотъ что между прочимъ читаемъ въ самомъ видномъ органѣ нашихъ прогрессистовъ: **

„... Въ провинціи не въ рѣдкость и теперь встрѣтить апологистовъ добраго стараго времени; огромное большинство подобныхъ апологистовъ, конечно, представляетъ собой ходячія вѣтряныя мельницы, которыя мелаютъ всякій вздоръ, какой случайно попадетъ на языкъ; но есть и такіе у которыхъ по временамъ прорываются нѣкоторыя признаки мысли. Какъ и слѣдуетъ ожидать, апологисты эти вертятся исключительно около крѣпостнаго права, *этого единственнаго явленія нашего прошлаго которое представляло собой нѣчто сложившееся и окрѣпшее.* По мнѣнію апологистовъ, крѣпостное право хотя и не въ полной мѣрѣ, но все-таки до известной степени прикрывало жизнь отъ наводовъ, случайностей и сюрпризовъ. Прежде, говорятъ апологисты крѣпостнаго права, каждый по крайней мѣрѣ зналъ гдѣ онъ находится; каждый имѣлъ возможность опредѣлить тѣ границы въ которыхъ его не могъ достигнуть сюрпризъ. Оттого жизнь держалась тверже, и нельзя было не считаться съ нею; въ провинціи не назъжали канканирующие сорванцы, которые даже и до того не могутъ додуматься что человѣческая дѣятельность должна управляться мыслию, а не похотью. Бывали, конечно, и прежде люди нестерпимые, и даже, пожалуй, они составляли большинство, но они все-таки знали чего хотѣли, да и другихъ въ заблужденіе не вводили. Теперь же, куда ни взглянете, кажется и свободнѣе и легче дышать стало, да не дышется да и все тутъ! А отчего? Оттого, милостивые государи, что жизнь оголилась, что со всѣхъ сторонъ ее такъ и заноситъ всякаго рода неожиданностями! Въ этомъ разсужденіи есть громадная и глубокая неправда; *но съ точки зрѣнія непосредственныхъ результатовъ, въ немъ все-таки слышится какое-то подобіе истины. Какъ ни ужасно представить себѣ жизнь стоящую подъ защитой крѣпостнаго права, но еще невыносимѣе, еще больнѣе сознавать полное оголеніе жизни.* Въ самомъ дѣлѣ, куда ни обратите взоры, вездѣ вы услышите жалобу на то что жизнь вышла изъ старой колеи, а новой колеи не находить; вездѣ увидите людей изнемогающихъ подъ игомъ неизвѣстности, ищущихъ къ чему пріурочиться и не находящихъ убѣжища. Это до такой степени вѣрно что даже тѣ которымъ именно слѣдовало бы дышать легче, и тѣ пришли къ недоумѣнію: отчего въ самомъ дѣлѣ не дышется легче? *Не рѣдкость даже встрѣчать бывшихъ крѣпостныхъ людей которые со вздохами вспоминаютъ о крѣпостномъ правѣ...*“

* См. передовую статью въ *Вѣсти* 1869 г., 17-го мая.

** *Отечественныя Записки* 1869 г., № 3. „Письма изъ провинціи“, стр. 196 и 197.

Послѣднее заявленіе было рѣшительно предвосхищено у прогрессистовъ охранительною литературой, и ей, по всей справедливости,—мы обязаны заявить это въ качествѣ безпристрастнаго критика,—принадлежитъ честь этого чуднаго открытія. Не заходя далеко назадъ, мы находимъ въ охранительной печати еще 1867 года слѣдующую рѣчь вложенную въ уста одного благочестиваго старца, бывшаго крѣпостнаго: * „Даль намъ Батюшка Царь волюшку, да въ прокъ, вишь ты, неидеть она намъ, потому что разума нашего не хватаетъ. Такъ помолимся, православные христіане, да даждь намъ Царь Небесный, съ Пресвятою Своею Богородицею Заступницею, еще ума-разума, дабы волюшка наша насъ не стубила.“

Таково трогательное единеніе заклѣтыхъ враговъ въ самомъ чувствительномъ для каждаго изъ нихъ вопросѣ. Въ этой братской пирушкѣ, которой мы не позволяемъ себѣ дать трагическое названіе оргіи, въ этой легкой, веселой пирушкѣ сыгранной на счетъ столь мало угодившаго обоимъ quasi-недрузамъ, нынѣ столь отупѣвшаго и разореннаго русскаго мужичка, рѣчи той и другой стороны такъ между собою перемѣшаны что даже не разберешь кому принадлежить какое слово; во всякомъ случаѣ, прогрессисты говорятъ за охранителей не хуже ихъ самихъ.

Нельзя не благословить успѣховъ нашего времени, какъ бы дурно ни говорили о немъ наши охранители и прогрессисты. Неурядица и междуусобіе, которыя, по словамъ первыхъ, готовы распространиться изъ деревни на все русское государство, не проникаютъ, однакоже, въ русскую литературу. Тутъ неожиданная гармонія! Нельзя, можетъ-статься, не благословить созрѣвшихъ плодовъ естественныхъ наукъ и позитивизма, такъ превозносимыхъ съ нѣкоторыхъ поръ нашими „новыми людьми“. Не благодаря ли имъ поблекли метафизическіе идеалы, чуждые терпимости и компромиссамъ; и не поставилъ ли на ихъ мѣсто реализмъ позитивной школы, какъ извѣстно, отказавшейся отъ изысканія первыхъ причинъ явленій, мирные непосредственные результаты дѣятельности! Не одинъ ли г. Блякъ остается непреклонно вѣрнымъ стариннѣ и своему политическому идеалу со всѣмъ пыломъ своей первой любви!...

* См. *Земля и воля*, II. Л. стр. 60.

III.

Итакъ, мы посреди возрастающаго упадка матеріальныхъ и нравственныхъ силъ государства, посреди полнѣйшей народной деморализаціи, предвѣщающей жесточайшій кризисъ, котораго послѣдствія даже невозможно теперь измѣрить! Для предупрежденія этихъ роковыхъ событій нужно коренное лѣченіе, нужны чрезвычайныя правительственныя мѣры и чрезвычайныя власти. И это говорятъ не школьники, не салонныя болтуны, не алармисты, но люди, повидимому, серіозные, именующіе себя представителями крупныхъ интересовъ Россіи!

Однако, позвольте, дайте же одуматься прежде чѣмъ рѣшиться на диктатуру, какъ бы ни довѣряли мы благонамѣренности рукъ желающихъ взять ее на свою отвѣтственность; позвольте хоть немного осмотрѣться. Говорятъ: время не терпитъ. Но такъ ли намъ въ самомъ дѣлѣ плохо и будетъ ли плоше безъ вашего кореннаго лѣченія, которое, извините, иногда бываетъ зловреднѣе для большаго организма чѣмъ даже самый недугъ. Чрезвычайныя мѣры всегда страшны, и весьма извинительна робость такихъ смиренныхъ гражданъ каковы всѣ русскіе люди.

Охранительная партія, проповѣдая о необходимости коренныхъ мѣръ и чрезвычайныхъ властей, указываетъ на экономическій упадокъ Россіи, обнаружившійся будто бы въ послѣднее время и постоянно усиливающійся преимущественно въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ помѣщичьемъ, такъ и крестьянскомъ. Сельское хозяйство, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ первоначальные матеріальные источники развитія всякой промышленности и сверхъ того нравственныя силы обновленія всего общественнаго организма. Кто же сомнѣвается въ этомъ? Но есть ли какая-нибудь истина въ той мрачной картинѣ которую рисуютъ предъ нами наши охранители? Мы обращаемся исключительно къ нимъ и оставляемъ пока въ сторонѣ прогрессистовъ, которые вообще интересуютъ насъ гораздо менѣе. На это у насъ очень много причинъ, которая отчасти уже можно было видѣть изъ предыдущаго и которая еще болѣе выясняется въ послѣдствіи.

Мы не видимъ и, надо правду сказать, никто серіозно не

видитъ, кромѣ сподвижниковъ охранительной литературы, экономического упадка Россіи и болѣе и болѣе разverzающейсѣ будтобы предъ нею пропасти, такъ же точно какъ мы не видимъ и никто не видитъ, кромѣ гг. Бланка и К°, въ нашихъ сельскихъ обществахъ, устроенныхъ въ силу Положеній 19-го февраля 1861 г., федераціи мелкихъ республикъ, готовыхъ превратиться со дня на день въ одну красную республику. Такими небылицами можно пугать развѣ только малыхъ ребятъ и выжившихъ изъ ума старушекъ. Эти небылицы годны только какъ предлогъ взывать къ чрезвычайнымъ административнымъ мѣрамъ. Мы могли бы освободить себя отъ разбора вопроса объ экономическомъ и всякомъ другомъ упадкѣ Россіи; ни наши задачи и дѣла въ настоящемъ трудѣ, ни само дѣло, какъ оно выставляется самою же охранительною партіей, не требуютъ чтобы мы занимались вопросомъ: упала Россія или не упала, упадетъ она завтра еще болѣе или не упадетъ? Здѣсь со стороны охранителей заведена рѣчь вовсе не для какого-нибудь ученаго изслѣдованія экономического положенія Россіи, а просто въ интересахъ извѣстныхъ политическихъ мнѣній. Однако, для нѣкотораго противодѣйствія страннымъ понятіямъ ежедневно распространяемымъ пессимистами охранительной партіи, и въ особенности для характеристика этой партіи, мы готовы сообщить нѣсколько замѣтокъ по вопросу о современномъ экономическомъ положеніи Россіи.

Чтобы можно было повѣрить упадку производительности вообще и земледѣлія въ особенности, нужно чтобы такой чудовищный, противорѣчащій здравому смыслу фактъ былъ доказанъ какими-нибудь точными статистическими данными, обнимающими всю Россію. Это въ особенности необходимо когда мы имѣемъ предъ собою рядъ несомнѣнныхъ фактовъ доказывающихъ совершенно противное. Между тѣмъ не только всѣмъ извѣстно что статистика Россійской Имперіи не процвѣтаетъ, но даже сама охранительная печать, въ лицѣ наиболѣе добросовѣстныхъ своихъ писателей, * громко заявляетъ свое полное пренебреженіе ко всякимъ общимъ статистическимъ свѣдѣніямъ; по ея мнѣнію, всѣ эти свѣдѣнія, въ особенности по сельскому хозяйству, такъ у насъ плохи что представляютъ „просторъ для всякой недобросовѣстной

* См. *Земля и воля*, П. Л., стр. 67—70.

подтасовки чиселъ и фактовъ". * Откуда же господа охранители почерпаютъ данныя для своихъ необычайныхъ выводовъ? Если они не ограничиваются возгласами и общими фразами, то они обыкновенно основываютъ свои соображенія и мрачныя пророчества на разныхъ частныхъ случаяхъ, заимствованныхъ то изъ Петергофскаго, то изъ Сапожковскаго, то изъ Порховскаго уѣздовъ и истолкованныхъ въ самомъ превратномъ экономическомъ духѣ. Эти такъ-называемыя самоличныя наблюденія, а въ сущности фантастическія представленія дѣйствительности, распространяются ими въ одинъ мигъ на всю необъятную Россію. Наконецъ, иногда, въ противорѣчіе самимъ себѣ, они приводятъ колонны цифръ, которыми сами же, по собственному ихъ объясненію, не вѣрятъ. ** Они идутъ освѣдомляться о бѣдственномъ положеніи Россіи и его причинахъ въ ученіяхъ семи мудрецовъ Греціи и проходятъ полнымъ молчаніемъ непрерывно появляющіяся въ послѣднее время точныя мѣстныя изслѣдованія современныхъ экономическихъ явленій по цѣлымъ областямъ Россіи. Эти изслѣдованія, совершенныя никакъ не путемъ официальной и полицейской статистики, не могутъ подвергнуться упреку въ официальной лжи (любимое выраженіе охранителей, мало однакоже приличное для знамени подъ которымъ они дѣйствуютъ), но результаты этихъ трудовъ никакъ не ладятся съ ихъ взглядами на наше современное народное хозяйство. *** Охранительная печать возводитъ, напримѣръ, мѣтныя неурожаи послѣднихъ лѣтъ въ хроническій голодъ Россіи. Между тѣмъ неурожаи всегда посѣщали Россію (напомнимъ достопамятныя, можно сказать, историческіе неурожаи западнаго края въ прошедшемъ царствованіи), съ тою только разницей что въ прежнее время они не вызывали къ себѣ общаго народнаго вниманія и благотворительности, и оставляли слѣды только въ народной памяти и въ счетахъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Говоря о неурожаяхъ какъ о повальномъ голодѣ современной Россіи, люди предсказывавшіе въ пятидесятыхъ годахъ, подобно г. Григорію Бланку, голодъ,

* Тамъ же.

** Такovy способы доказательствъ въ книжкѣ *Земля и воля*, составляющей самое полное изложеніе, со стороны охранительной партіи, бѣдственнаго положенія Россіи.

*** На нѣкоторыя изъ этихъ изслѣдованій будетъ указано нами ниже.

какъ послѣдствіе упраздненія крѣпостнаго права, воображаютъ теперь что они въ самомъ дѣлѣ торжествуютъ. Но суѣба не захотѣла дать имъ даже и этой печальной и, конечно, никому незавидной побѣды. При мѣстныхъ неурожаахъ, многіе и къ тому же самые важныя въ хлѣбопашественномъ отношеніи края имѣли въ послѣднее время самые счастливыя по своему обилію годы. Нынѣшній же годъ, едва ли не повсемѣстно въ Россіи, какъ нарочно, блистательнымъ образомъ пристыдитъ людей предрекавшихъ неуклонное паденіе нашего земледѣльческаго производства. Пора бы, впрочемъ, перестать говорить объ урожаахъ и неурожаахъ въ томъ смыслѣ въ какомъ это дѣлается у насъ. Всякая самая плодородная земля, безъ искусственной поддержки ея составныхъ частей, истощается; урожаи и неурожаи, какимъ бы случайнымъ благополучіемъ или бѣдствіемъ они ни казались, подвержены за значительные періоды непреложному закону равновѣсія. Только успѣхи въ технической обработкѣ земли могутъ постоянно поддерживать и усиливать ея производительность, и только самое рациональное хозяйство, составляющее у насъ пока рѣдкое исключеніе, можетъ вовсе избѣгнуть неурожаевъ. Никакая, хотя бы даже сплошная шестидневная барщина сама собою не въ силахъ увеличить въ землѣ количество необходимыхъ для хлѣбныхъ растений питательныхъ веществъ, а при приѣмахъ нашего земледѣлія барщина могла только истощить землю, что она въ черноземныхъ краяхъ и сдѣлала. Это, кажется, азбука агрономической науки. Къ сожалѣнію, ея не хотятъ знать краснорѣчивые глашатаи нашихъ крупныхъ землевладѣльческихъ интересовъ. Нельзя не упомянуть здѣсь объ одномъ любопытномъ фактѣ изобличающемъ необыкновенную шаткость и изворотливость аргументаціи нашихъ пессимистовъ. Когда имъ было указано на небывалый доселѣ вывозъ хлѣба изъ Россіи въ 1867 г., въ очію опровергнувшій общій упадокъ нашей земледѣльческой производительности, то они сдѣлали возраженіе изумительное своею смѣлостью: они стали доказывать что вслѣдствіе чрезвычайнаго возвышенія цѣны на хлѣбъ въ 1867 г., были проданы до чиста всѣ многолѣтніе накопленные про черный день старинные запасы не только помѣщиковъ, но и зажиточныхъ крестьянъ, вывезшихъ будто бы на базары въ томъ году всѣ свои послѣднія одонья, * хотя никто не слышалъ о

* *Земля и Воля*, стр. 70.

такимъ всеобщемъ у насъ явленіи въ 1867 г., хотя извѣстно что хлѣбъ не можетъ сохраняться (безъ освѣженія или обмѣна на новыя зерна) въ амбарахъ *въ теченіи четверты столѣтія*. И что же? Несмотря на выскребленные въ 1867 г. до чиста амбары, вывозъ хлѣба въ 1868 г. не утихалъ, обѣщаетъ продолжаться и въ 1869 г. и изобличить громадными своими цифрами за нѣсколько лѣтъ чрезвычайное возрастаніе земледѣльческаго производства въ Россіи. Изъ этого одного публицисты охранительной партіи могли бы убѣдиться, если только они желаютъ въ чемъ-нибудь убѣдиться, какъ вѣрны ихъ пророчества и какъ признанное ими съ величайшимъ наесомъ невозможнымъ (продолженіе сильнаго заграничнаго отпуска хлѣба послѣ 1867 г.) сдѣлалось возможнымъ съ легкостію, безъ всякихъ даже рекомендованныхъ ими чрезвычайныхъ мѣръ. Мы остановились на этомъ фактѣ только потому что охранительная печать выказала особенное ожесточеніе и самоувѣренность въ этомъ спорѣ о вывозѣ хлѣба изъ Россіи.* Кому же, кто мало-мальски посвѣщаль Россію въ послѣдніе годы, неизвѣстно что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ послѣ освобожденія крестьянъ помѣщичье хозяйство сократилось, но что тутъ же посѣвы крестьянъ (на земляхъ нанимаемыхъ и покупаемыхъ ими сверхъ надѣла, повсемѣстно съ величайшимъ увлеченіемъ) расширились, едва ли не удвоились. Самое сокращеніе помѣщичьихъ запашекъ во многихъ случаяхъ не уменьшило количества производимаго помѣщиками хлѣба. Наконецъ въ огромной части Россіи земледѣліе, и крестьянское и помѣщичье, возрасло въ неслыханныхъ прежде размѣрахъ, если и не всегда интенсивно, то экстенсивно. Мы противопоставляемъ эти наблюденія, наши личные и множества другихъ лицъ, мѣстныхъ жителей и путешественниковъ, хотя не подкрѣпленные колоннами цифръ, ** разсужденіямъ основаннымъ, какъ намъ говорятъ, на такихъ же самоличныхъ наблюденіяхъ, почерпнутыхъ въ разныхъ развалившихся и обанкротившихся господскихъ усадьбахъ и соглашенныхъ между собою искусственно въ духъ

* См. *Вѣсть*, 1868 г.

** Въ 1867 г. мы производили, по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго и Волею Экономическаго Общества, изсѣдованія о хлѣбной торговлѣ въ бассейнахъ Вятки и Вѣлой и также за Ураломъ. Нужно подождать трудовъ всѣхъ экспедицій скарженыхъ этимъ обществомъ, къ сожалѣнію, запоздавшихъ.

охранительной партіи. Спросите хлѣбныхъ торговцевъ любого края Россіи, и они вамъ скажутъ что запасы хлѣба нынѣ существующіе въ торговлѣ не могутъ и сравниться съ тѣми которые были десять лѣтъ тому назадъ, что купецъ который закупаетъ теперь ежегодно количество хлѣба закупавшееся тогда первостатейнымъ торговцемъ считается мелкимъ торгашомъ. Такіе отзывы слышали мы отъ хлѣбныхъ торговцевъ всего восточнаго нашего края (губерніи Вятской, Казанской, Пермской, Уфимской) еще въ 1867 г. Хлѣбъ сталъ идти въ послѣдніе годы въ чрезвычайномъ изобиліи изъ мѣстностей прежде почти не участвовавшихъ въ движеніи всемірной торговли, напимѣръ изъ восточной части бассейна рѣки Бѣлой и дальше съ востока, изъ Ставропольской губерніи и пр.

Правда, въ нѣкоторыхъ краяхъ могли произойти, подъ вліяніемъ круто измѣнившихся разнообразныхъ условій экономической жизни, такіе перевороты въ ходѣ дѣлъ, издавна установившемся, что они нерѣдко внушаютъ даже близко знакомымъ съ ними людямъ впечатлѣнія противоположнаго дѣйствительности. Такъ въ послѣдніе годы подобный переворотъ въ торговлѣ земледѣльческими продуктами произошелъ въ Вятской губерніи, но производство ихъ тамъ скорѣе возрасло чѣмъ уменьшилось. Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Волжскомъ и Балтійскомъ бассейнахъ и развитіе торговли и отпуски въ прибалтійскихъ портахъ потянули къ послѣднимъ земледѣльческіе продукты Вятской губерніи (даже сѣверной ея части), шедшіе прежде къ Архангельскому порту, котораго вывозъ парализованъ недостаткомъ путей сообщеній между Волжскимъ и Сѣверо-Двинскимъ бассейнами; сверхъ того закупъ этихъ продуктовъ для Архангельскаго порта получилъ въ послѣдніе годы совсѣмъ новое направленіе; архангельскіе негоціанты стали, минуя мѣстныхъ торговцевъ, обогащавшихся прежде посредничествомъ въ этомъ дѣлѣ, покупать свой товаръ прямо у крестьянъ. Еслибы, по ряду этихъ обстоятельствъ, поговорить только съ нѣкоторыми увѣздными хлѣбными торговцами Вятской губерніи, сидящими теперь сложа руки, то легко можно было бы придти къ ошибочному заключенію что земледѣльческая производительность въ Вятской губерніи чрезвычайно упала въ послѣдніе годы. Таковы бывають экономическіе „факты“ выведенные единственно на основаніи самоличныхъ впечатлѣній

и ощущеній, безъ анализа ихъ причинъ, въ особенности когда подъ эти впечатлѣнія подсовываются превратныя экономическія понятія, какими отличается охранительная печать. Не слышали ли мы, да не слышимъ ли и теперь, жалобы на безденежье, несмотря на излишество бумажныхъ денегъ, угнетающее Россію и производящее совершенно противоположныя этимъ жалобамъ экономическія недуги?

Подъ дѣйствіемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, и благоприятныхъ и неблагоприятныхъ для успѣховъ нашего сельскаго хозяйства, оно дѣйствительно претерпѣло въ теченіи послѣдняго десятилѣтія много потрясеній, выдвинувшихъ многіе затраченныя въ немъ интересы изъ прежней вѣковой колеи на другіе пути. Новыя условія времени должны, хотя и постепенно, но кореннымъ образомъ измѣнить экономическій бытъ Россіи, къ несомнѣнно лучшей будущности. Таковы между прочимъ упраздненіе обязательнаго труда, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, свобода переселенія рабочихъ, нѣсколько увеличившаяся въ сравненіи съ прежнимъ безусловнымъ закрѣпощеніемъ. Съ другой стороны, были и до сихъ поръ отчасти продолжаютя обстоятельства усилившія естественныя затрудненія нашего земледѣлія; эти обстоятельства, впрочемъ, не обращаютъ на себя никакого вниманія въ охранительной печати. Таковы потрясенія денежнаго обращенія, возмутившія нормальное движеніе всѣхъ цѣнъ, крайніе недостатки податной системы, покровительный тарифъ, необходимость ликвидаціи стародавнихъ долговъ и пр. До какой степени люди выступающіе подъ знаменемъ охранительныхъ началъ и земледѣльческихъ интересовъ мало чувствительны къ дѣйствительнымъ и самымъ важнымъ затрудненіямъ земледѣлія, это всего ярче можно видѣть изъ ихъ равнодушія къ разстройству нашей денежной системы и ко всѣмъ финансовымъ нашимъ недугамъ. Коренные недостатки податной системы, всего болѣе нынѣ разстраивающіе бытъ крестьянъ, проходятся даже полнымъ молчаніемъ, а между тѣмъ тяжесть повинностей лежащихъ на крестьянахъ дѣлается съ каждымъ днемъ невыносимѣе. Другія обстоятельства, напротивъ, временно облегчили затрудненія сельскаго хозяйства. Таковы чрезвычайные вывозы хлѣба за границу, усиленное таможенное покровительство свеклосахарному производству, американскій хлопковый кризисъ давшій толчокъ льноводству и пр. Подъ дѣйствіемъ всѣхъ упомянутыхъ событій

и обстоятельствъ различные личные интересы связанные съ разными отраслями сельскаго хозяйства и различныя мѣстныя условія ихъ развитія значительно измѣнились и перемѣстились. Нѣтъ сомнѣнiя что крупныя и мелкiе сельскiе хозяева, землевладѣльцы и земледѣльцы, должны были, чтобы воспользоваться къ своей выгодѣ новыми условiями времени, во многомъ измѣнить характеръ своей дѣятельности и еще болѣе должны будутъ измѣнить его въ будущемъ. Одни пертерпѣли болѣе, другiе менѣе, для однихъ новыя условiя оказались даже особенно благопрiятны, другiе не въ состоянiи были съ ними справиться, и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (каковъ напримѣръ подмосковный сѣверный край) потребовалось для противодѣйствiя невыгоднымъ условiямъ времени приложенiе къ хозяйству сильнѣйшихъ вещественныхъ и умственныхъ капиталовъ,—въ особенности оборотнаго капитала; потребовалось знакомство съ рациональнымъ хозяйствомъ, умѣющимъ сознательно примѣнять культуры къ мѣстнымъ естественнымъ и экономическимъ обстоятельствамъ; потребовалась строгiй коммерческiй расчетъ; всего этого не оказалось въ наличности, если не у всѣхъ, то у очень многихъ хозяевъ. Но даже и о такихъ мѣстностяхъ никакъ нельзя сказать чтобы земледѣлiе въ нихъ упало; скорѣе оно только не усилилось подобно другимъ краямъ, менѣе неблагопрiятнымъ по своему плодородiю для хозяйства дѣйствующаго безъ оборотныхъ капиталовъ, безъ всякихъ агрономическихъ познанiй. Отсталость земледѣлiя поражаетъ у насъ также вслѣдствiе сравненiя съ другими необычайно усилившимися въ тѣхъ же мѣстностяхъ отраслями промышленности. При упомянутыхъ неблагопрiятныхъ условiяхъ, земледѣлiю трудно процвѣтать, напримѣръ, въ губернiяхъ Московской и Владимiрской, отчасти Тверской и Ярославской, когда фабричная промышленность, искусственно подстрекаемая таможеннымъ тарифомъ, и обилiе отхожихъ промысловъ усиленно отвлекаютъ руки отъ земледѣлiя. Въ особенности за самое недавнее время слѣдуетъ упомянуть о фактѣ, долженствующемъ имѣть громадныя послѣдствiя въ земледѣльческомъ и экономическомъ бытѣ этихъ мѣстностей. Домашнее и ручное фабричное производство (тканье и пряденье) быстро вытѣсняется механическимъ, и соединенiе земледѣльческихъ занятiй съ фабричными дѣлается съ каждымъ днемъ менѣе и менѣе возможнымъ. Народъ болѣе и болѣе переселяется изъ своихъ избъ на

фабрики. Однако даже и въ этихъ мѣстностяхъ, имѣющихъ въ свою пользу исключительную высоту цѣнъ продуктовъ, земледѣліе въ общей сложности, сравнительно съ прежнимъ его положеніемъ (за десять лѣтъ), конечно, не упало, и общее количество воздѣлываемой земли никакъ не уменьшилось (между прочимъ упомянемъ о чрезвычайномъ усиленіи льноводства во Владимірской губерніи). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ этихъ мѣстностей крестьяне стали удобрять и воздѣлывать свою собственную землю хуже нежели при крѣпостномъ правѣ, когда строгіе помѣщики принуждали ихъ къ усиленному труду не только на господской запашкѣ, но и на крестьянской землѣ. Но если и существуютъ такіе случаи, то они совершенно исключительные и рѣшительно ничего не доказываютъ въ пользу процвѣтанія земледѣлія въ прежнее время сравнительно съ нынѣшнимъ.

Какъ бы то ни было, все указанное нисколько не позволяетъ говорить о какомъ-то упадкѣ земледѣлія въ Россіи, характеризующемъ будто бы современное ея положеніе и предвѣщающемъ ей неисчислимыя бѣдствія въ будущемъ, такъ же какъ невозможно было говорить по случаю нѣсколькихъ мѣстныхъ неурожаевъ и падежей о повальномъ голодѣ. Скорѣе совсѣмъ напротивъ, должно радоваться заявившимъ свою силу посреди многихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ времени естественнымъ, физическимъ и нравственнымъ элементамъ развитія у насъ земледѣлія, обещающимъ ему самую блистательную будущность. Не нужно забывать что до сихъ поръ сельское хозяйство было у насъ предметомъ наименьшихъ правительственныхъ заботъ, и что оно постоянно приносилось въ жертву другимъ отраслямъ народной дѣятельности.

Публицисты охранительной партіи конечно правы, когда, высказываясь, можетъ-быть съ большею откровенностью нежели имъ слѣдовало, въ интересахъ своей партіи, жалуются что русская деревня не можетъ болѣе служить для помѣщика *эмблемою лѣни и безлѣтжнаго покоя*, какъ было прежде, и что она теперь только *разстраиваетъ нервы* тѣхъ что хотятъ жить въ ней по-прежнему! * Въ этомъ ли главная причина неудовольствія господъ охранителей? Кто же не согласится съ вами что для помѣщика, желающаго извлечь наибольшій доходъ изъ своего имѣнія, оно болѣе не

* См. выше выписки изъ *Земли и Воли*, П. Л., стр. 61.

можетъ служить *эмблемою лѣни и безматежнаго покоя*, хотя и тутъ надо оговориться что не всѣ же добрые хозяева добраго стараго времени, желавшіе извлечь наибольшую выгоду изъ барщины, довѣряли примѣненіе мѣръ усиливавшихъ ея производительность исключительно рукамъ своихъ прикащиковъ. Что же касается до тѣхъ землевладѣльцевъ которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, ищутъ въ своихъ усадьбахъ только отдохновенія, то трудно понять что мѣшаетъ имъ предаваться покою или лѣни и теперь. Впрочемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, и въ этомъ безусловно правъ нашъ проговорившійся публицистъ, что въ доброе старое время можно было получать порядочный доходъ отъ русской деревни нисколько не нарушая своего самаго безматежнаго покоя, и можно было даже откладывать часть этого дохода въ такія мѣста гдѣ капиталы росли сами собою съ необыкновенною быстротою. Теперь этого нельзя, теперь, чтобы получить самый ничтожный доходъ отъ своей земли, хоть посредствомъ раздачи ея въ наемъ за безцѣнокъ, или чтобы денежный капиталъ далъ самый ничтожный процентъ, приходится сообразить, позаботиться, похлопотать, и невозможно только лѣниться. Но неужели все это доказываетъ паденіе Россіи? Отъ неприятныхъ ощущеній испытываемыхъ вами по случаю этихъ переменъ до разложенія Россійской Имперіи еще очень далеко. Эти неприятыя ощущенія доказываютъ только что условія русскаго экономическаго быта болѣе и болѣе примыкаютъ къ западно-европейскимъ и всемірнымъ.

Относительно разстройства нервовъ въ современной русской деревнѣ замѣтимъ что условія причиняющіе этотъ недугъ бываютъ весьма разнообразны: у одного нервы бываютъ разстроены именно тѣмъ что благотвѣтельно дѣйствуетъ на нервы другаго. Одинъ способенъ впасть въ тоску и раздраженіе отъ одного вида старинной барщины и сопровождавшихъ ее сценъ; нервы другаго, выдерживавшіе самые драматическіе моменты этихъ сценъ, потрясаются отъ малѣйшаго звука веселой пѣсни которая, безъ особаго ея разрѣшенія, раздастся нынѣ въ деревнѣ. Одинъ приходитъ въ негодованіе что предъ нимъ слишкомъ мало снимается крестьянскихъ шапокъ, другой возмущается низкопоклонствомъ и стадными наклонностями нашего сельскаго люда. Мы уже видѣли какъ мало удалось этому люду угодить на новѣйшихъ

своихъ доброжелателей всякаго цвѣта, какъ бы однако ни были разнообразны чувства съ которыми наѣзжаютъ въ русскую деревню то одни, то другіе ея доброжелатели. Нельзя никакъ сказать чтобы вкусы, во имя которыхъ протестуютъ противъ нея наши охранители, господствовали въ средѣ русскихъ помѣщиковъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ, не только образованныхъ, но и мало образованныхъ. Всякій знакомый съ бытомъ нашего помѣстнаго дворянства хорошо знаетъ что то ожесточеніе, которое, по словамъ нашихъ охранителей и нашихъ прогрессистовъ, господствуетъ будто бы въ этомъ сословіи противъ своего современнаго положенія, существуетъ только въ печати, и вопли раздающіеся въ литературѣ составляютъ въ дѣйствительности исключенія, каждый день болѣе рѣдкія. Эти исключенія были бы еще рѣже, если бы пессимизмъ охранительной печати не поддерживалъ въ нѣкоторой части публики настроенія, противъ котораго не всѣ и не всегда могутъ устоять. Неизбѣжны затруднительныя обстоятельства нѣкоторыхъ нашихъ землевладѣльцевъ, расплачивающихся нынѣ за свои, и еще чаще за чужіе грѣхи, не могутъ не наводить унынія, бороться съ которымъ есть, безъ сомнѣнія, первое призваніе журналистики, въ особенности консервативной. Впрочемъ надо вообще удивляться, къ чести нашего дворянскаго сословія, преимущественно средняго, какъ быстро оно сжилось съ новыми нравственными условіями своего быта, такъ круто измѣнившимся; еще болѣе надо удивляться какъ силятся отнять у него эту честь люди говорящіе во имя его интересовъ и привилегій. Въ числѣ преимуществъ нашего дворянства, нравственные и умственные преимущества, поставившія его столь высоко въ народномъ мнѣніи, конечно, заслуживаютъ болѣе вниманія чѣмъ всякія искусственныя привилегіи нынѣ для него скорѣе невыгодныя чѣмъ льготныя. А въ числѣ нравственныхъ преимуществъ нашего первенствующаго сословія, самоотверженіе, съ которымъ оно всегда являлось впереди всѣхъ государственныхъ реформъ, есть конечно лучшая его краса; самоотверженіе съ которымъ оно дѣйствовало въ крестьянской реформѣ и съ которымъ до сихъ поръ выдерживаетъ ея послѣдствія есть самый доблестный его историческій подвигъ. И эту доблесть хотятъ уничтожить для потомства!

Мимоходомъ скажемъ что не только дѣйствительность, но и самыя ходячія объ ней понятія въ обществѣ діаметрально

противоположны тому что разказываютъ ораторы нашей охранительной партіи о русской деревнѣ. Всѣми на свѣтѣ, даже иностранцами побывавшими въ Россіи, признано что нѣтъ убѣжища болѣе успокоительнаго для души и нервовъ какъ русская деревня; исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ только западный край, возмущенный племенной рознью и событіями именно чуждыми общему складу русской жизни. Глубокій миръ, почіющій на русской деревнѣ, превосходить все что только въ этомъ родѣ извѣстно въ какой бы то ни было странѣ; конечно, при этомъ надо оставить въ сторонѣ сравненія всякихъ иныхъ физическихъ и общественныхъ прелестей сельской жизни. Это впрочемъ соизнается всѣми, ибо несмотря на чрезвычайныя нынѣшнія облегченія заграничныхъ путешествій, несмотря на привычку къ нимъ, развившуюся въ нашемъ высшемъ классѣ почти до болѣзненности, и наконецъ несмотря на дѣйствительныя очарованія множества лѣтнихъ резиденцій въ западной Европѣ, все-таки никогда не жило столько людей въ русскихъ деревняхъ и помѣщичьихъ усадьбахъ какъ теперь, * никогда не наѣзжало къ намъ лѣтомъ столько иностранцевъ, какъ въ послѣдніе годы, и многіе пріѣзжаютъ просто для удовольствія, чтобы провести время въ деревнѣ. Само собою разумѣется что не можетъ быть пріятно пребываніе въ деревнѣ тѣмъ немногимъ помѣщикамъ которые выбиваются нынѣ изъ силъ чтобы извлечь изъ своего хозяйства прежніе доходы, продолжая его на прежнихъ основаніяхъ и будучи совершенно несостоятельными матеріально и умственно къ измѣненію своихъ хозяйственныхъ пріемовъ. Въ такомъ положеніи находятся, напримѣръ, столь многочисленныя у насъ помѣщичьи-хозяйки стараго времени. За то не должно забывать что русская деревня не представляетъ нынѣ ни для кого и тѣхъ опасностей съ которыми бывало сопряжено для нѣкоторыхъ и даже для многихъ пользованіе крѣпостнымъ правомъ, возводимымъ нынѣ нѣкоторыми писателями въ какую-то аркадскую идиллію. Эта сторона прежняго нашего сельскаго быта, омрачавшагося изрѣдка, при всемъ миролюбіи русскаго народа, кровавыми событіями, теперь совсѣмъ забыта и какъ будто никогда не существовала. И слава Богу

* Лучшимъ доказательствомъ служатъ постоянно возрастающій нашъ помѣщичьихъ домовъ и возведеніе дачъ вблизи отъ желѣзныхъ дорогъ.

что она забыта; но когда предъ нами рисуютъ идеалю этого быта, то поневолю заставляютъ вспоминать о томъ что хотѣлось бы навсегда забыть!...

Намъ говорятъ объ отсутствіи всякаго комфорта въ современной помѣщичьей деревенской жизни,—медицинскихъ пособій, способовъ воспитанія, путей сообщеній,—о пожарахъ, грабежахъ, эпидемическихъ болѣзняхъ на людяхъ и на скотѣ. Но скажите, ради Бога, когда же все было у насъ иначе или лучше, и когда же пособія противъ всѣхъ упомянутыхъ золъ были въ большемъ изобиліи чѣмъ нынѣ? Если мы упоминаемъ обо всѣхъ этихъ наивныхъ сѣтованіяхъ, которыхъ образчики были приведены нами выше, то только для характеристики пессимизма охранительной печати; почти нельзя повѣрить чтобы всѣ эти разговоры не были шуткой. Съ гораздо большею основательностію и наперекоръ жалобамъ охранителей на русскую деревню было замѣчено* челоуѣкомъ, не менѣе ихъ знакомымъ съ Россіей и юго-западною Европой, и къ тому же въ книгѣ весьма недавно ими превознесенной, что наши мелкіе и даже средніе города отличаются отъ запада Европы недостатками удобствъ жизни гораздо болѣе чѣмъ деревня. Во всѣхъ этихъ жалобахъ на недостатокъ въ русскомъ помѣщичьемъ бытѣ комфорта и обстановки необходимой для образованнаго челоуѣка мы видимъ одну только серіозную черту: возвышеніе уровня потребностей въ нашемъ отечествѣ, и можемъ только радоваться что рано или поздно бѣлая настоятельность въ требованіяхъ отъ жизни усилитъ заботливость о способахъ ихъ удовлетворенія. Надо сознаться что расточительность и неразборчивость въ средствахъ жизни умѣли иной разъ окружать сельскій бытъ прежняго времени роскошью и прихотями, становящимися нынѣ рѣдкостью въ дворянской средѣ. Кто же сверхъ того не знаетъ что, при отсутствіи всякой законной защиты личности и собственности и при полномъ разгулѣ приказнаго произвола, нѣкоторымъ личностямъ удавалось въ былое время очертить около себя кругъ заколдованный противъ всякой чужой обиды и чужаго самовластія, но развѣ эти исключительныя льготы жизни доказываютъ что ея уровень понизился нынѣ, когда такіа льготы стали невозможны? Неужели мы пожалѣемъ обо всѣхъ

* См. *Голосъ изъ земства*, А. И. Кошелева, о городахъ и горожанъ, стр. 107.

этихъ удобствахъ стараго быта и назовемъ упадкомъ Россіи что ихъ становится съ каждымъ днемъ менше; неужели мы будемъ сѣтовать что приходится ѣхать къ мировому посреднику или судѣ * чтобъ искать для себя законной охраны наравнѣ съ сосѣдомъ, вмѣсто охраны посредствомъ грубой силы или болѣе просвѣщенныхъ компромиссовъ съ бюрократіей? Можно ли, какъ это однакоже дѣлается, сравнивать случайнаго несостоятельнаго представителя новѣйшей судебной власти съ образцовыми и случайными представителями прежнихъ судебныхъ порядковъ, затруднявшихъ самыя лучшія намѣренія самыхъ лучшихъ людей?

Намъ говорятъ о дороговизнѣ и неблагонадежности нашихъ рабочихъ рукъ, о распущенности нашего рабочаго класса, преимущественно сельскаго, парализующихъ будто бы всякіе промышленные успѣхи, всякое развитіе сельскаго хозяйства и доказывающихъ будто бы лучше всего нравственный и экономической упадокъ Россіи. Рѣчь идетъ не вообще о порокахъ, нравственной и умственной отсталости рабочаго класса,—кто же ихъ не знаетъ и какой же благомыслящій человекъ не желаетъ улучшеній на этомъ пути?—рѣчь идетъ о такихъ порокахъ, о такомъ настроеніи духа въ рабочихъ массахъ, при которыхъ всякое правильное промышленное предпріятіе въ сельскомъ хозяйствѣ невозможно, и хозяевамъ остается только бѣжать изъ своихъ имѣній. Вотъ между прочимъ какъ выражается не разъ цитованный нами умѣренный писатель охранительной школы:

„Въ настоящее время *не подлежитъ уже болѣе сомнѣнію* что вообще уровень энергіи труда въ вышедшемъ изъ-подъ опеки крестьянинѣ значительно *понижился по вѣзмъ направленія и во вѣзмъ видамъ*. Всякій трудъ, въ особенности трудъ чисто матеріальный, трудъ чернорабочаго, требуетъ матеріальныхъ и нравственныхъ усилій, которымъ человекъ добровольно подвергаетъ себя только тогда, когда онъ бываетъ къ тому вынужденъ. Въ человекѣ не развитомъ это понужденіе, эта необходимость трудиться дѣйствуетъ только тогда, *когда наступаетъ моментъ удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей жизни*, когда даютъ себя чувствовать голодъ, стужа, необходимость укрыть себя и свое семейство отъ вліянія непогоды. По мѣрѣ развитія человека, побудительныя причины къ труду принимаютъ болѣе широкій и возвышенный характеръ и наконецъ достигаютъ того что чело-

* См. выше, *Земля и Воля*, стр. 61.

вѣкъ трудится уже не для достиженія какихъ-либо выгодъ или удобствъ, а *въ нравственномъ сознаниіи высокаго значенія труда*. Но нашъ крестьянинъ еще такъ мало развитъ что въ немъ побудительными причинами къ труду служатъ лишь *необходимость удовлетворенія самыхъ ближайшихъ и неотлагаемыхъ жизненныхъ потребностей*. Что касается наслажденій, то для большинства народа они заключаются пока еще въ пьянствѣ. *И вотъ крестьянинъ, не будучи болѣе обязанъ трудиться по требованію своего бывшаго опекуна и не будучи побуждаемъ къ труду непосредственно крайнею необходимостью, сталъ трудиться меньше и потреблять непродуцируемо больше.*^{*}

Читая эти строки, можно подумать что онѣ написаны не о русскихъ крестьянахъ, а о неграхъ, или даже о гораздо низшей человѣческой расѣ, ибо даже и негры, по сознанию человѣческаго достоинства и нравственныхъ и экономическихъ побужденій къ труду, стоятъ выше существъ описанныхъ авторомъ; даже о неграхъ говорили въ такомъ духѣ только защитники невольничества, и только въ былое время. Слава Богу, мы довольно знаемъ русскихъ рабочихъ чтобы признать всю эту картину не только преувеличенною, но неправильною отъ перваго слова до послѣдняго, и не можемъ объяснить ее себѣ иначе какъ совершеннымъ незнакомствомъ автора съ русскимъ народомъ. Онъ могъ извлечь свои наблюденія только изъ быта какихъ-нибудь исключительныхъ уродовъ, какіе, конечно, вездѣ найдутся. Какъ поразителенъ контрастъ всего этого описанія свойствъ русскаго рабочаго класса съ тѣмъ обрачикомъ отношеній рабочихъ, и именно крестьянъ, къ рядчикамъ, который мы представили въ началѣ нашей статьи! А этотъ обрачикъ весьма крупный, живописующій настроеніе тысячъ рабочихъ изъ весьма различныхъ краевъ Россіи. Это настроеніе господствуетъ, безъ сомнѣнія, между ста двадцатью пятью тысячами людей находящихся нынѣ на желѣзныхъ дорогахъ. Мы можемъ также указать на другіе положительно извѣстные намъ факты, столь же рѣзко противорѣчащіе обвиненіямъ сыплющимся на рабочій классъ въ печати. Эти факты относятся къ обширному уральскому краю, славящемуся къ тому же издавна безпокойнымъ духомъ своего заводскаго народонаселенія. Какія страданія это народонаселеніе, ни разу не нарушившее законнаго порядка, вытерпѣло отъ горнозавод-

^{*} *Земля и Воля*, II. Я., стр. 28—30.

скаго кризиса и отъ недобросовѣстности нѣкоторыхъ заводоуправленій, трудно повѣрить, не выдавъ самолично этихъ страданій, какъ мы ихъ видѣли.* Но и тутъ слышались горькія жалобы на рабочихъ со стороны людей претерпѣвшихъ, по своей собственной винѣ, несостоятельность въ заводскомъ хозяйствѣ. Вотъ въ какомъ превратномъ видѣ можно описывать дѣйствительность, говоря даже тономъ непогрѣшительной увѣренности и самаго добросовѣстнаго убѣжденія. Энергія къ труду русскаго крестьянина понизилась *во всякъ направленіяхъ и во всякъ видахъ!* Объ этомъ говорятъ намъ какъ о фактѣ *всякъ извѣстномъ и не подлежащемъ никакому сомнѣнію!* Изъ нашего разказа не трудно усмотрѣть какъ легко имѣть дѣло съ нашими рабочими, какъ легко побудить ихъ къ труду, къ труду притомъ самому тяжкому, каковы земляныя работы на желѣзныхъ дорогахъ, и какъ эти люди еще мало притязательны. По нашему разказу можно также судить и о степени деморализаціи нашего сельскаго населенія, если только не угодно будетъ называть деморализаціей,—какъ это впрочемъ непрерывно дѣлается,—обращеніе простолюдина къ судебной власти и раздраженіе противъ работы къ которой его противузаконно принуждаютъ! А между тѣмъ мы слышимъ отъ охранительной печати что никакіе контракты съ нашими рабочими невозможны, что они не соглашаются на полученіе рабочихъ книжекъ,—рабочихъ книжекъ обезпечивающихъ ихъ собственные интересы,—что для благонадежныхъ отношеній къ нашимъ рабочимъ недостаточно общихъ обезпеченій гражданскаго права! Кто же не знаетъ что бываютъ разные случаи, и что могутъ быть отказы безграмотныхъ рабочихъ въ приѣмъ книжекъ. Но до сихъ поръ изъ практики мировыхъ учрежденій мы знаемъ, что приходилось непрерывно взыскивать съ рядчиковъ за нежеланіе ихъ имѣть эти книжки и связывать себя какими-либо формальными условіями съ рабочими. Изъ сообщенныхъ нами фактовъ можно было также видѣть вполне благонадежный духъ оживляющій нашъ рабочий классъ, безусловно чуждый тому возмутительному настроенію, тому антагонизму сословій, который хотятъ ему навязать его благожелатели со *всяхъ* сторонъ.

* См. *Уральское горное хозяйство*, В. П. Безобразова. С.-Петербургъ, 1869 г.

Замѣчательны доводы вышеприведеннаго разсужденія, на которомъ, при всей его оригинальности, невозможно не остановиться, такъ какъ это разсужденіе непрерывно повторяется около насъ на всѣ лады. Откуда взялъ авторъ что нашъ селянинъ не нуждается въ работѣ для удовлетворенія самыхъ первыхъ и необходимыхъ своихъ жизненныхъ потребностей? Неужели онъ не знаетъ что даже въ самыхъ плодородныхъ многоземельныхъ краяхъ крестьянскій надѣлъ недостаточенъ самъ по себѣ не только для полного обезпеченія насущнаго человѣческаго существованія крестьянскаго семейства, но даже для исполненія всѣхъ лежащихъ на немъ государственныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей и для удовлетворенія необходимѣйшихъ нуждъ? Еслибы была какая-нибудь истина въ сдѣланномъ предположеніи, то откуда взялись бы десятки тысячъ сельскаго народонаселенія стремящагося изъ всѣхъ краевъ Россіи на желѣзные дороги, за тысячи верстъ, на самыя тяжкія работы? Рабочія платы на желѣзныхъ дорогахъ высоки, это правда; но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что всякій рабочий согласится скорѣе на мѣньшую плату, съ тѣмъ чтобъ остаться дома и на полевой работѣ, нежели идти за тысячу верстъ на желѣзную дорогу. На странномъ предположеніи что русскій селянинъ не ощущаетъ никакой нужды въ работѣ построена цѣлая аргументація, открывающая широкій просторъ для самыхъ смѣлыхъ выводовъ относительно положенія нашего сельскаго хозяйства. Впрочемъ этотъ взглядъ на обезпеченность быта русскаго крестьянина, будто бы уничтожающую въ немъ, при его нравственной деморализаціи, всякія человѣческія побужденія къ труду, находится въ прямомъ противорѣчій съ другими мыслями, высказанными тою же охранительною печатью, о *безнуждномъ* положеніи нашего сельскаго народонаселенія, доводящемъ его до голодной смерти и угрожающемъ потрясеніями государству. Одно изъ двухъ; или наконецъ надо предположить всего менѣе возможное третье, то-есть что русскій народъ принадлежитъ къ низшей человѣческой расѣ, не имѣющей никакого нравственнаго побужденія къ труду. Такія очевидныя противорѣчія, испещряющія труды нашей охранительной публицистики, когда заходитъ рѣчь о фактахъ, допускаются только особою логикой фанатическихъ партій, готовыхъ хвататься за всякую мысль, за всякій признакъ мысли, для

достиженія исключительныхъ цѣлей своей агитаціи и пропаганды. И на такихъ умозаключеніяхъ возводятся цѣлыя системы несомнѣнныхъ признаковъ паденія Русскаго царства! Чтобы сколько-нибудь изгладить рѣзкость впечатлѣнія производимаго даже на мало разсудительнаго и незнакомаго съ Россіей читателя упомянутымъ выше противорѣчіемъ, * оставалось приравнять русскаго крестьянина къ низшей человѣческой расѣ, которая оказывается, несмотря на тысячелѣтнее свое государственное существованіе, еще неспособною трудиться иначе какъ *по принужденію физической силы, по требованію своего бывшаго опекуна, то-есть помещика, вооруженнаго крѣпостнымъ правомъ*. На это мы уже считаемъ излишнимъ возражать.

Охранительная печать постоянно жалуется на дороговизну у насъ труда. Еслибъ она была нѣсколько менѣе враждебна и чужда экономической наукѣ, то она бы знала что дороговизна труда сама по себѣ не только не есть зло, а признается за величайшее благо и за одно изъ первыхъ условій народнаго и государственнаго преуспѣванія. Высота рабочихъ платъ только въ такомъ случаѣ разстраиваетъ народное хозяйство, когда ей не соответствуютъ другія цѣны, что можетъ впрочемъ причинять лишь временныя потрясенія. Чрезвычайное возвышеніе у насъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты восстанавливаетъ безъ ущерба сельскому рабочему классу** необходимое равновѣсіе этихъ цѣнъ съ рабочими платами, нарушенное разными обстоятельствами (преимущественно выпусками бумажныхъ денегъ) въ прошедшемъ десятилѣтіи. Но охранительная литература, забывая защищаемые ею интересы и свои противорѣчія, говорила, если не ошибаемся, и о возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ какъ о народномъ бѣдствіи; именно въ первую эпоху этой внезапной дороговизны раздавались самые отчаянные крики о повальномъ голодѣ и объ упадкѣ земледѣлія въ Россіи.

Полное незнаніе дѣйствительности и незнаніе даже дурныхъ сторонъ быта нашего рабочаго класса изобличается

* Это противорѣчіе наполняетъ собою все содержаніе книжки *Земля и Воля*.

** За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, въ которыхъ крестьяне прикупающіе хлѣбъ и не имѣющіе стороннихъ заработковъ весьма стѣснены высотой хлѣбныхъ цѣнъ и постоянно возрастающими денежными повинностями.

между прочимъ какъ въ приведенныхъ выше строкахъ, такъ и во всей охранительной литературѣ, жалобами на неблагонадежность и нравственную распущенность преимущественно сельскихъ (а не фабричныхъ) рабочихъ. Между тѣмъ, при всѣхъ добрыхъ качествахъ нашихъ фабричныхъ рабочихъ, и при всей прирожденной даровитости народонаселеній въ которыхъ мѣстностей къ фабричному и ремесленному дѣлу, фабричный рабочій классъ у насъ наиболѣе нравственно испорченъ и неблагонадеженъ. Сами фабриканты, даже поддерживавшіе агитацію въ пользу государственной необходимости искусственнаго развитія у насъ фабричной промышленности, сознаются нынѣ что фабричная жизнь развращаетъ нашъ народъ, и что самые крупные фабричные заработки не улучшаютъ прочнымъ образомъ не только нравственнаго, но даже матеріальнаго его благосостоянія. * До сихъ поръ земельная осѣдлость и полу-сельскій характеръ быта большинства нашего фабричнаго народонаселенія много спасали его нравственные силы и поддерживали его экономическую состоятельность. Добавимъ, что даже и эта относительная испорченность фабричнаго рабочаго класса не помѣшала блистательнымъ успѣхамъ нашей фабричной промышленности и постоянному приливу къ ней новыхъ капиталовъ. Не споримъ, что многіе наши сельскіе хозяева, воспитанные исключительно въ понятіяхъ обязательнаго труда, никакъ не могутъ справиться съ вольнонаемными рабочими, что, чуждые всякимъ коммерческимъ основаніямъ хозяйства, они терпятъ только убытки тамъ, гдѣ, при тѣхъ же самыхъ мѣстныхъ условіяхъ, даже безъ всякихъ агрономическихъ свѣдѣній, подлѣ нихъ, или въ ихъ же имѣніяхъ, вслѣдъ за ними, на томъ же самомъ дѣлѣ, получаютъ барыши люди другаго воспитанія: купцы, мѣщане, крестьяне. Должно ли признать всѣ улучшенныя сельско-хозяйственныя орудія негодными только потому что многіе помѣщики разорились на покупкѣ машинъ?

Къ какимъ неправильнымъ заключеніямъ объ усиливаю-

* Поразительное обогащеніе многихъ крестьянъ (въ промышленныхъ губерніяхъ) даже при крѣпостномъ правѣ и быстрое накопленіе между ними огромныхъ капиталовъ обуславливалось различными отхожими промыслами, подрядами и торговлей. Эти занятія позволяютъ даже бѣднымъ людямъ, наживя небольшія деньги и кредитъ, дѣлаться самостоятельными хозяевами въ своемъ промыслѣ.

щейся въ послѣднее время такъ-называемой деморализаціи нашего крестьянства ведетъ незнаніе нравственныхъ условій его быта, тому служатъ доказательствомъ жалобы на возрастающіе нынѣ семейные раздѣлы, какъ на результатъ и причину нравственнаго растлѣнія крестьянъ. * Раздѣлы, временно весьма убыточные для крестьянъ, совершенно необходимы какъ одно изъ коренныхъ противодѣйствій тому домашнему деспотизму (въ особенности угнетавшему женскій полъ) и тѣмъ противоестественнымъ, безнравственнымъ отношеніямъ половъ, которыя были привиты къ крестьянскому семейству регламентаціями крѣпостнаго права и казенною администраціей. Въ Малороссіи каждый членъ семейства, вступая въ бракъ, тотчасъ отдѣляется и получаетъ свой домъ и свое самостоятельное хозяйство, и мы видимъ что тамъ нравственныя отношенія половъ и положеніе женщины несравненно выше чѣмъ въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Наконецъ, замѣтимъ, что въ высшей степени странно видѣть именно нынѣ въ духѣ нашего рабочаго народонаселенія затрудненія для промышленныхъ успѣховъ нашего отечества и для его благоденствія въ сравненіи съ другими странами, когда извѣстны повсемѣстныя замѣшательства въ отношеніяхъ рабочихъ классовъ къ промышленности въ западной Европѣ, и когда у насъ нѣтъ и тѣни этихъ замѣшательствъ. Враждебное настроеніе и домогательства рабочихъ массъ въ западной Европѣ принимали неоднократно самыя угрожающіе размѣры, и съ ними должны бороться капиталы и высшіе классы, побѣждая трудности своего положенія только своею чрезвычайною энергіей и значительными жертвами. Между тѣмъ условія промышленной дѣятельности въ западной Европѣ выставляются предъ нами какъ гораздо болѣе благопріятныя чѣмъ условія той же дѣятельности въ Россіи, долженствующей будто бы, безъ радикальнаго излѣченія своихъ недуговъ, коренящихся преимущественно въ рабочемъ классѣ, отступить къ Азіи! Самая умѣренная справедливость заставляетъ сказать что мы не испытываемъ ничего подобнаго затрудненіямъ въ отношеніяхъ къ рабочимъ какія претерпѣваютъ нынѣ всѣ другія страны и какія не мѣшаютъ однакоже процвѣтанію тамъ всѣхъ отраслей промышленности. Впрочемъ наши просвѣщенные сельскіе хозяева, именемъ

* См. *Земля и воля*, стр. 56.

которых говорить охранительная печать, нисколько къ тому не призванная, отзываются съ особенными похвалами о благонадежности нашихъ рабочихъ; здѣсь мы съ благодарностью должны указать на любопытныя свѣдѣнія опубликованныя недавно кн. В. И. Васильчиковымъ и выведенныя на основаніи продолжительнаго практическаго опыта. *

Все нами сказанное не мѣшаетъ, конечно, видѣть многіе печальные недостатки быта нашего низшаго рабочаго народонаселенія и желать устраненія многихъ крайне невыгодныхъ для успѣховъ его благосостоянія условій его быта; но главнѣйшіе изъ этихъ недостатковъ, каковы нравственная распущенность, нисколько впрочемъ не однозначная съ деморализаціей, расточительность, непредусмотрительность и даже пьянство, столько же свойственны всѣмъ другимъ слоямъ нашего общества, хотя это нисколько не даетъ права говорить объ его всеобщемъ и неуклонномъ нравственномъ упадкѣ. Всякій долженъ желать улучшенія условій благосостоянія нашего крестьянскаго народонаселенія, возвышенія уровня его насущнаго существованія и пробужденія высшихъ потребностей жизни, но эта крайняя и печальная неприхотливость и сносливость русскаго рабочаго относительно всей обстановки его быта, конечно, въ большей части случаевъ не затрудняютъ, а облегчаютъ хозяйственныя распоряженія большинства нашихъ хозяевъ и рядчиковъ, при нынѣшнемъ уровнѣ ихъ собственнаго промышленнаго образованія. Мы никакъ не видимъ чтобы всѣ вопіющіе противъ нашего рабочаго класса были сами чужды его экономическимъ порокамъ; точно также мы не видимъ чтобы они желали мѣръ всего болѣе способныхъ улучшить нашъ народный бытъ.

Далѣе намъ говорятъ что въ настоящее время въ Россіи всѣ отказываются отъ поземельной собственности, что отъ нея бѣгутъ даже наиболѣе заинтересованные въ ней люди (земледѣльцы), что крестьяне насильно наваливаютъ другъ на друга свои надѣлы, и это возбуждаетъ будто бы самыя жаркіе споры на сельскихъ сходахъ, и т. д. Въ заключеніе всѣхъ подобныхъ фактовъ насъ спрашиваютъ: „Не находится ли крестьянинъ въ положеніи лица которому досталось

* См. „Нѣсколько словъ о вольно-наемномъ трудѣ“. въ журналѣ *Русское Сельское Хозяйство*.

наслѣдство обремененное долгами, превышающими цѣнность самаго наслѣдства, и не выгоднѣ ли въ такомъ случаѣ отказать отъ наслѣдства? * Мы бы желали видѣть изумленіе и смѣхъ нашихъ крестьянъ, еслибы кто-нибудь пришелъ къ нимъ на сельскую сходку съ подобнымъ предложеніемъ; мы бы желали чтобъ они за насъ на него отвѣтили. Само собою разумѣется, что еслибы было какое-нибудь правдоподобіе въ описанномъ положеніи, то пришлось бы отчаяться въ будущемъ Русскаго государства гораздо болѣе самихъ господъ охранителей, еще возлагающихъ надежды на чрезвычайныя правительственныя мѣры, очевидно безсильныя противъ подобнаго зла. Но намъ остается изумляться источникамъ, изъ которыхъ могли быть почерпнуты всѣ эти свѣдѣнія. Намъ извѣстно совершенно противоположное. Не будемъ говорить о хлѣбородныхъ краяхъ, гдѣ крестьяне закупаютъ и нанимаютъ земли въ огромныхъ размѣрахъ, и гдѣ цѣны на нихъ быстро возросли въ послѣдніе годы. Но въ коротко извѣстныхъ намъ неплодородныхъ и даже бесплодныхъ и чисто промышленныхъ мѣстностяхъ, даже въ селеніяхъ гораздо болѣе обеспеченныхъ фабриками и промыслами нежели земледѣіемъ, крестьяне съ преувеличенною, съ предразсудочною страстью привязаны къ землѣ. Кому же неизвѣстны господствующія даже въ этихъ мѣстностяхъ стремленія крестьянъ къ пріобрѣтенію большихъ надѣловъ и трудности, съ какими приходилось бороться прежде при составленіи уставныхъ грамотъ, а теперь при разверстаніи и выкупныхъ сдѣлкахъ, когда помѣщики желаютъ уменьшенія надѣловъ. Вопреки приведенному отрывку консервативныхъ свѣдѣній о Россіи, надо удивляться какъ мало до сихъ поръ расположены крестьяне воспользоваться наступающимъ для нихъ правомъ отказа отъ надѣловъ. А преувеличенный страхъ этихъ отказовъ, значительно поддержанный слухами, напоминающими агитацію охранительной партіи, уже побудилъ въ некоторыхъ помѣщикахъ поспѣшить выкупомъ и сдѣлать самую невыгодную для себя уступку. Нѣчто подобное было и въ 1861 году, когда многими было ожидаемо, и скорѣе предсказываемо чѣмъ ожидаемо, бунтъ крестьянъ по случаю освобожденія! Настроеніе духа, ничѣмъ не объяснимое и возникающее иногда безъ всякой причины, при

* См. *Земля и Воля*, стр. 24 и 25.

отчаянных возгласах наших пессимистовъ, при легковѣрїи нѣкоторыхъ глухихъ слоевъ нашей публики ко всякому слуху, въ особенноти печатному, служить часто къ распространенію самыхъ фальшивыхъ, не оправдываемыхъ никакими фактами понятій. Всякій знаетъ что такое паника, противъ которой часто никто не можетъ устоять, даже тѣ кто положительно знаютъ что распространяемые слухи не имѣютъ никакого основанія. Впрочемъ о паникѣ еще не можетъ быть у насъ и рѣчи. Но во многихъ извѣстныхъ намъ случаяхъ самыя превратныя понятія о малоцѣнности поземельной собственности и выгоды цѣныхъ помѣщеній капитала и самое дѣтское неумѣнье распорядиться своимъ имуществомъ при новыхъ экономическихъ условіяхъ нашего быта дѣйствительно приводили къ продажѣ имѣній за безцѣнокъ. Подобныя явленія заразительны; достаточно одной исключительной продажи чтобы потрясти цѣны земель въ цѣломъ уѣздѣ, иногда въ цѣлой губерніи. Вѣроятно, каждому извѣстны такіе случаи, сами по себѣ уже дающіе поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ. Но не эти одни обстоятельства причинили колебанія и неправильности въ цѣнахъ на земли и недвижимыя имущества, какія мы замѣчаемъ у насъ въ послѣдніе годы: многія событія, и событія самыя радостныя, каковы въ особенноти освобожденіе крестьянъ и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, кореннымъ образомъ измѣнили и до сихъ поръ продолжаютъ измѣнять условія цѣнности земли и извлеченія изъ нея доходовъ. Также точно разнообразныя обстоятельства времени измѣнили условія всѣхъ другихъ видовъ затраты капиталовъ, между прочимъ сдѣлали доступнымъ для некоммерческой публики и даже для самыхъ недостаточныхъ классовъ прежде совсѣмъ имѣ неизвѣстное помѣщеніе денегъ и самыхъ мелкихъ сбереженій въ бумажныхъ и биржевыхъ цѣнностяхъ. Эти обстоятельства по необходимости должны были отразиться на цѣнахъ недвижимыхъ имуществъ. Упомянемъ здѣсь, въ числѣ причинъ потрясенія въ цѣнахъ земель, о ликвидаціи старыхъ долговъ, въ которыхъ были запутаны наши землевладѣльцы. Эта сторона переворота совершившагося въ бытѣ нашего землевладѣльческаго класса, преимущественно средняго, имѣетъ громадное значеніе, едва ли не большее чѣмъ самое упраздненіе крѣпостнаго права, и между тѣмъ она постоянно упускается изъ виду во всѣхъ пессимистскихъ сужденіяхъ о современномъ положеніи нашего землевладѣнія и

сельскаго хозяйства. Кажется повсемѣстно, но въ особенности въ центральныхъ губерніяхъ, замѣтно нынѣ значительное переселеніе въ города мелкихъ землевладѣльцевъ-дворянъ, не расположенныхъ заниматься земледѣліемъ; безъ крѣпостнаго права жизнь сдѣлалась для нихъ болѣе дорогою и неудобною въ деревнѣ чѣмъ въ городѣ. Они поспѣшили продать свои имѣнія, скупаемыя нынѣ во множествѣ лицами другихъ сословій. На мѣстѣ прежнихъ хозяйствъ возникаютъ новыя, совсѣмъ на иныхъ основаніяхъ и на иныхъ условіяхъ пользованія землей. Безпрерывно образуются, то раздробленіемъ крупныхъ имѣній, то соединеніемъ въ однѣхъ рукахъ скупленныхъ мелкихъ участковъ, совершенно новыя недвижимыя имущества и новыя единицы землевладѣнія. Это образованіе новыхъ недвижимыхъ имуществъ и новаго класса землевладѣльцевъ идетъ весьма быстро, какъ это можно видѣть сравнивъ списки избирателей земскихъ собраній за два трехлѣтія. Бываютъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ и отказы крестьянъ отъ надѣловъ, или передача ихъ другимъ членамъ обществъ съ переселеніемъ въ другія мѣста, на фабрики, въ города; но случаи эти до сихъ поръ весьма малочисленны, и надо ожидать что они будутъ съ каждымъ годомъ возрастать. Въ нѣкоторой степени надо желать усиленія этого движенія. Извѣстно что значительная часть нашего сельскаго населенія была искусственно привязана и приписана къ сельскому быту, имѣя постоянные промыслы въ другихъ краяхъ Россіи, иногда за нѣсколько тысячъ верстъ. Если наконецъ состоится столь давно ожидаемое преобразование системы прямыхъ податей съ отмѣной круговой поруки, то водвореніе въ городскихъ центрахъ людей приписанныхъ нынѣ къ сельскимъ обществамъ должно значительно возрасти. Нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такой чрезмѣрно великой пропорціи сельскаго населенія сравнительно съ городскимъ какъ въ Россіи; усиленіе городского населенія на счетъ сельскаго есть непреложный законъ развитія промышленности, и Россія не можетъ быть исключеніемъ. При этомъ не надо еще забывать что значительное число людей въ нашихъ селахъ носятъ только официальное званіе крестьянъ, а въ сущности уже нѣсколько поколѣній тому назадъ перестали быть крестьянами. Успѣхи законодательства измѣняютъ это неестественное положеніе вещей и должны еще болѣе измѣнить его въ будущемъ. Всѣ бѣгло-указанныя

нами обстоятельства *потрясли* нормальное движеніе у насъ цѣны на земли въ послѣдніе годы; быстрыя возвышенія ихъ въ нѣкоторыхъ краяхъ такъ же бывають часты и поразительны какъ и паденія. Напримѣръ, въ мѣстностяхъ неплодородныхъ и почти внезапно превращенныхъ ходомъ торговли и развитіемъ желѣзныхъ путей въ захолустья (какъ напримѣръ нѣкоторыя части Новгородской губерніи) земли могли вдругъ потерять, на нѣкоторое время, всякую продажную цѣну. Вообще до сихъ поръ, сколько мы знаемъ, господствуетъ у насъ большая неправильность въ цѣнахъ на земли, и это вполне обусловлено всѣмъ характеромъ нашей эпохи. Все нами сказанное, кажется, не имѣетъ ничего общаго съ обезцѣненіемъ поземельной собственности въ Россіи, а напротивъ есть неизбѣжное послѣдствіе движенія и успѣховъ у насъ европейской цивилизаціи; отъ этихъ успѣховъ могутъ отказываться только наши прогрессисты, какъ они это и дѣлають, а никакъ не охранители.

Сельское хозяйство и землевладѣніе всюду въ Европѣ претерпѣвають кризисъ, зависящій отъ особенныхъ условій нашего времени. Многія жалобы заявляемыя сельскими хозяевами и землевладѣльцами другихъ странъ тѣ же самыя какія слышатся и у насъ,* ибо причины одинаковы. Эти общія причины времени не позволяютъ болѣе сельскому хозяйству оставаться при прежней рутинѣ, заставляютъ значительно преобразовать самыя формы землевладѣнія и вызываютъ соотвѣтствующія законодательныя реформы. Къ этимъ общимъ причинамъ присоединились у насъ въ Россіи еще особенныя. Но великія преобразованія нынѣшняго царствованія и благодатныя силы русской земли уже не замедлили оказать свое дѣйствіе въ усиленіи производительности нашего земледѣлія, несмотря на то что до сихъ поръ спеціальныя интересы собственно сельскаго хозяйства были у насъ пренебрегаемы. Замѣчательно что охранительная партія, по видимому столь заботливая о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, звела въ свою политическую программу запретительный и покровительный таможенный тарифъ, составляющій въ нашемъ законодательствѣ одну изъ величайшихъ несправедливостей относительно сельскаго хозяйства; она принимала

---

* См., между прочимъ, L. de Lavergne: „L'enquête agricole“ (*Revue des deux Mondes*, 1868 г.).

участіе въ таможенной агитаціи, клонившейся къ самымъ неблагоприятнымъ для нашего земледѣлія результатамъ, и отчасти ихъ достигнувшей...

То же самое что мы говорили о сельскомъ хозяйствѣ, можетъ быть сказано и относительно всѣхъ другихъ отраслей нашей народной дѣятельности, въ которой наши пессимисты видятъ только всеобщее оскудѣніе силъ. Во всемъ нынѣшнемъ историческомъ періодѣ, начиная съ Восточной войны, Россія перенесла не мало экономическихъ недуговъ, изъ которыхъ самый главный и самый коренной всего менѣе занимаетъ собою охранительную печать. Мы говоримъ о разстройствѣ денежной системы. Эта болѣзнь серьезная, способная разстраивать даже такіе крѣпкіе экономическіе организмы каковы Сѣверо-Американскіе Штаты, и она продолжается у насъ до сихъ поръ. Естественныя силы нашего народнаго хозяйства и государства, здороваго въ своихъ основныхъ стихіяхъ, превозмогли до сихъ поръ многія экономическія страданія, которыя сопровождаютъ этотъ недугъ. Реформы и общій духъ нынѣшняго царствованія дали большій просторъ нашимъ народнымъ силамъ, и снявъ множество препонъ ихъ свободному развитію, уже въ короткое время принесли свои плоды. Мы вкушаемъ эти плоды, несмотря на множество препятствій и враждебныхъ элементовъ, которые реформы должны были поборотъ, и съ которыми онѣ еще до сихъ поръ не совсѣмъ раздѣлались. Многія государственныя мѣры только что вступили въ дѣйствіе, другія, тѣсно съ ними связанныя, едва задуманы. При многихъ экономическихъ замѣшательствахъ, мы видимъ несомнѣнные признаки увеличенія народнаго богатства и промышленной дѣятельности; не говоря о многомъ другомъ, укажемъ на нѣкоторые особенно бросающіеся въ глаза факты: всѣ государственные доходы, какъ отъ прямыхъ, такъ и отъ косвенныхъ налоговъ, неуклонно возрастаютъ, несмотря на крайніе недостатки нашей податной системы; таможенные доходы и всѣ обороты по иностранной торговлѣ чрезвычайно усилились, несмотря на запретительную систему нашего тарифа; то же самое оказывается относительно пассажирскаго и товарнаго движенія и доходовъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ. Не хотѣтъ видѣть обильныхъ плодовъ нашего времени могутъ только люди до того мрачно смотрящіе на нашъ народъ что они отказываютъ ему даже въ способ-

ности имѣть самыя первоначальныя человѣческія побужденія, или люди покрывающіе проклятіями все движеніе цивилизаціи образованнаго міра и убѣжденные что результатомъ этого движенія можетъ быть прогрессивное отупѣніе народныхъ массъ!

Мы уже видѣли образчики подобныхъ оригинальныхъ воззрѣній и можемъ привести еще одинъ особенно куріозный и, однако, прекрасно характеризующій направленіе мыслей, насъ занимающее. Г. Бланкъ, отличающійся даже въ рядахъ охранителей чернымъ взглядомъ на настоящее и будущее Россіи, говоритъ что „главный двигатель въ человѣческомъ воззрѣніи есть усердіе“. * Это совершенно новое экономическое начало, на которомъ онъ воздвигаетъ все зданіе своихъ государственныхъ воззрѣній, открыто имъ при изученіи устройства крестьянскаго состоянія въ Россіи до нынѣшняго столѣтія. Описывая это кабальное устройство самыми радужными цвѣтами, съ увлеченіемъ доходящимъ до паэоса, авторъ выражается, между прочимъ, такъ: „усердіе не приобрѣтешь иначе какъ сердцемъ, справедливою доброю, соединенною непремѣнно съ справедливою строгостью, чтобы лѣнивые, нахальные и порочные не брали верха надъ трудящимися, смиренными и добрыми. Если же допустить баловство и послабленіе между крестьянами, какіе они будутъ земледѣльцы или работники? Трудъ имъ на умъ не пойдетъ; праздность и развратъ съѣдятъ все ихъ достойное, своевольство доведетъ до буйства, начнутъ таскать добро у сосѣда-помѣщика, у своей братьи, а кончатъ конокрадствомъ, грабежомъ и совершеннымъ разбоемъ..... **

„Устройство крѣпостнаго состоянія въ Россіи заимствовано правительствомъ изъ нашей самобытности и обычаевъ, десятковъ вѣковъ вкоренившихся, а не изъ подражанія иностраннымъ постановленіямъ или изъ своевольныхъ умозрѣній.“ ***

На устройствѣ крѣпостнаго состоянія покоился, согласно историческимъ изысканіямъ г. Бланка, весь государственный порядокъ прежняго времени, „твердая связь власти съ подчиненностью, основанная на обоюдной пользѣ“, связь и

* *Движеніе законодательства въ Россіи*, отдѣлъ I, стр. 40.

** Тамъ же.

*** Тамъ же, стр. 50.

единство правительства съ народомъ, связь и единство всего нашего общественного строя! *

„Для каждаго государства полезнѣе совѣстливое совершенствованіе родныхъ учрежденій (то-есть, совершенствованіе крѣпостнаго права) нежели слѣпое подражаніе иностранцамъ, иногда слѣшкомъ заботливо и настойчиво навязывающимъ свои *несостоятельныя утопіи*.“ **

Рядомъ такихъ мыслей, самый искренній и самый энергическій дѣятель нашей охранительной публицистики переходитъ отъ стараго порядка Россіи къ новому, начавшемуся съ обнародованіемъ великаго акта 19-го февраля 1861 года, который, по словамъ г. Бланка, „измѣнилъ издавна сложившіяся основы народной русской жизни“ и былъ „безспорно корнемъ всѣхъ преобразованій“ нынѣшняго царствованія. ***

„Что же далѣе?“ спрашиваетъ нашъ публицистъ смѣло раскрывающій предъ нами корень всѣхъ современныхъ язвъ нашего отечества, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ цѣлою главой, **** описывающею результаты новаго государственнаго порядка Россіи, созданнаго реформами, корень которыхъ въ упраздненіи крѣпостнаго права. Эти результаты составляютъ, подъ перомъ автора, самый рѣзкій контрастъ съ описанною имъ гармоніей стараго порядка. Не стало болѣе зыждительнаго начала кабальнаго и крѣпостнаго права, и государственное *древо Россіи покрылось волчуками*, употребляя мѣткое выраженіе автора. Что же далѣе? Ненормальность отношеній помѣщиковъ и крестьянъ и врывательство чуждыхъ произволовъ въ хозяйство и собственность, неподвижность въ хозяйственныхъ улучшеніяхъ, народная нравственность упадающая до страшной деморализаціи, голодъ, самоуправство и своеволие крестьянъ несоотвѣтствующее благоустройству монархіи, крестьянское самоуправленіе служащее къ усилению разрушительнаго вліянія социалистическихъ и коммунистическихъ ученій, бѣдственное положеніе отечества. † Вотъ, собственными выраженіями автора, результаты цѣлаго ряда реформъ, изъ которыхъ „каждая,

* Тамъ же, стр. 37—50.

** Тамъ же, стр. 50.

*** Тамъ же, стр. 64.

**** Тамъ же, стр. 50—75.

† Тамъ же, стр. 50—64.

только начиная приводиться въ исполненіе, уже несетъ въ самой себѣ зародышъ новаго послѣдовательнаго преобразованія⁴, какъ онъ весьма справедливо выражается.

„Какъ частныя подданства (отчины) ведутъ къ идеѣ общей совокупленной государственной отчины; такъ частныя социальныя общины (коммуны), * съ самостоятельнымъ самоуправленіемъ волостей, при сліяніи въ нихъ всѣхъ классовъ народа, ведутъ къ общей конфедеративной республикѣ волостей или штатовъ.“ **

Такъ категорически резюмируетъ охранительный публицистъ различіе стараго и новаго государственнаго порядка въ нашемъ отечествѣ, и теперь для насъ дѣлается совершенно яснымъ въ чемъ заключаются несостоятельныя утопіи разрушающія старый порядокъ и губящія Россію. Мы теперь вполне сознаемъ что такое *усердіе*, полагаемое, какъ главное начало, въ основу государственнаго и экономическаго порядка,—усердіе одной части народа къ другой, подвластныхъ ко властвующимъ. Мы понимаемъ почему возникающій у насъ новый порядокъ, нисколько не соответствующій и даже противоположный этому идеалу вотчиннаго средневѣковаго государства, долженъ казаться пучиною бѣдствій для такъ называемой охранительной партіи, гидрою революціи и красною республикой, хотя и революція, и республика, въ своей исторической дѣйствительности, гораздо ближе подходили къ народамъ вотчиннаго государства, къ деспотизму гражданскихъ и экономическихъ отношеній основанныхъ *на усердіи*, нежели къ законному государству и къ порядку гражданской свободы, столь противоположнымъ вотчинному государству.

Наконецъ теперь мы знаемъ къ чему должны клониться *коренныя жьры*, долженствующія, по ученію г. Бланка и всей охранительной партіи, спасти наше отечество, возстановить единство власти съ народомъ и гармонию русскаго государственнаго порядка.

Нельзя не быть благодарнымъ за этотъ откровенный языкъ самаго крайняго, но за то и самаго послѣдовательнаго публициста охранительной партіи; онъ значительно облегчаетъ нашъ трудъ.

* То-есть, сельскія общества и волости устроенныя Положеніями 19-го февраля 1861 года.

** *Движеніе законодательства въ Россіи*, стр. 50-

Измѣнить въ людяхъ столь закоренѣлыя политическія убѣжденія, какъ эти, нѣтъ никакой возможности и даже надобности. Всякіе люди Богу нужны, и всякіе, даже самыя крайніе отгвѣнки политическихъ убѣженій исполняютъ свою роль и приносятъ свою пользу въ общей экономіи политической жизни, въ особенности когда они заявляютъ себя съ такою ясностію и искренностію. Г. Бланкъ не сегодня только импровизовалъ свою политическую систему; со своимъ крѣпкимъ и стойкимъ міросозерцаніемъ, онъ человекъ вчерашняго дня, un homme de la veille, какъ говорятъ Французы. Онъ еще наканунѣ упраздненія крѣпостнаго права пророчилъ бѣдствія Россіи съ освобожденіемъ крестьянъ; его нынѣшняя стойкость, говоримъ это безъ малѣйшей тѣни проиіи, можетъ быть вмѣнена ему только въ заслугу. Захотѣтъ разубѣдить такихъ людей было бы ребячествомъ, и не въ этомъ могутъ заключаться отношенія печати къ какимъ бы то ни было политическимъ партіямъ.

Все чего мы можемъ желать, это ясно видѣть и понимать совершающіяся предъ нами явленія нашей политической жизни, и въ особенности чтобы общественное мнѣніе, не принадлежащее никакимъ партіямъ и лагерямъ, укрѣплялось у насъ точнымъ анализомъ и сознаніемъ этихъ явленій.

Ни за какой самый крайній пессимизмъ нельзя обвинять людей и партіи. Всякая дѣйствительность, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на нее, заключаетъ въ себѣ свѣтъ и тѣни; видѣть болѣе свѣта, или болѣе густыя тѣни зависитъ отъ того или другаго личнаго настроенія и даже темперамента. Въ самомъ черномъ, также какъ и въ самомъ свѣтломъ представленіи той же самой дѣйствительности можетъ быть истина. Вопросъ заключается только въ томъ гдѣ каждый видитъ свѣтъ и тѣни, добро и зло, ихъ причины и способы къ улучшенію положенія дѣлъ? Самыя крайнія обличенія общественной жизни, въ которой всегда есть какія-нибудь язвы, и даже великія и глубокія язвы, могутъ быть только плодотворны для жизни. Когда какая-нибудь политическая партія осуждаетъ существующій порядокъ, то для общественнаго мнѣнія весь интересъ этихъ осужденій состоитъ не въ самыхъ осужденіяхъ, а въ побужденіяхъ къ нимъ, то-есть мы хотимъ знать чего эта партія хочетъ и къ чему клонится ея дѣятельность. Тогда только мы знаемъ какое мѣсто

занимаетъ эта партія въ нашей политической жизни, и какъ мы должны къ ней относиться, а въ этомъ, и ни въ чемъ иномъ, все дѣло, когда идетъ рѣчь о политическихъ партіяхъ. Хотя крайній пессимизмъ наименѣе приличествуетъ партіи именуемой себя охранительною, хотя это такъ-называвшееся когда-то на цензурномъ языкѣ „представленіе общества въ слѣшкомъ грустномъ видѣ“ достигаетъ у нашихъ охранителей крайностей находящихъ для себя соотвѣтствіе только въ средѣ прогрессистовъ, которымъ, какъ выразился когда-то одинъ знаменитый нашъ прогрессистъ, *ничего не остается больше дѣлать какъ преувеличивать*, однакоже мы не станемъ дѣлать изъ этого пессимизма укора нашимъ охранителямъ. Мы сдѣлали нѣсколько возраженій на распространяемыя ими невѣрные мнѣнія о современномъ положеніи нашего народнаго хозяйства, но мы сами такъ мало расположены ко всякому крайнему оптимизму что готовы даже найти нѣкоторую долю истины въ сѣтованіяхъ охранительныхъ публицистовъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе умѣренныхъ, на неудовлетворительное движеніе нашего экономическаго быта. Еслибы мы могли найти въ охранительной печати болѣе вѣрное обсужденіе причинъ нашихъ экономическихъ недуговъ, мы готовы были бы даже радоваться ея пессимизму. Такъ далеки мы отъ всякаго самообольщенія, заражающаго нѣкоторыя наши сферы. Но мы не менѣе далеки и отъ всякаго сочувствія къ вотчинному государству, и намъ не менѣе противна всякая тѣнь попытокъ къ восстановленію какого бы то ни было подобія этого государства. Намъ остается нѣсколько ближе ознакомиться съ путями, по которымъ желаетъ охранительная партія вести русское общество къ избавленію отъ его современныхъ бѣдствій.

IV.

Читатели уже могли отчасти видѣть въ какомъ духѣ разсматриваетъ охранительная печать современное положеніе Россіи, почему это положеніе представляется ей бѣдственнымъ, и въ какомъ направленіи рекомендуются охранительныя мѣры для спасенія насъ отъ окончательной гибели.

Корень всѣхъ современныхъ золъ оказывается въ государственныхъ реформахъ, одна за другою слѣдовавшихъ,

начиная съ упраздненія крѣпостнаго права. Этотъ взглядъ, съ полною искренностью и рѣзкостью высказанный самымъ смѣлымъ бойцомъ консервативнаго лагеря, проникаетъ съ тѣми или другими оттѣнками, подъ тѣми или другими покровами, всю охранительную литературу.

Самый умѣренный и сдержанный публицистъ этой партіи, соединившій въ одно цѣлое всё ея воззрѣнія, прямо объясняетъ въ предисловіи къ своей книгѣ что она посвящена описанію несбывшихся надеждъ и ожиданій, жертвъ и государственнаго разстройства, сопровождавшихъ приведеніе въ дѣйствіе Положеній 19-го февраля 1861 года. * Вся его книга, по его собственнымъ словамъ, есть не что иное какъ *плачъ по убитымъ и изувѣченнымъ* этою побѣдой, которую онъ, конечно не безъ горькой ироніи, называетъ тутъ же блестящемъ.** Эта книга есть дѣйствительно систематическое изображеніе яко бы плачевныхъ результатовъ крестьянской реформы и всѣхъ связанныхъ съ нею преобразованій. Перечисляя всѣ современные несчастія Россіи, авторъ непрерывно возвращается къ этимъ преобразованіямъ и ставитъ имъ въ укоръ всяческое зло въ нашемъ отечествѣ.

По каждому вопросу, по поводу каждаго обличенія и осужденія дѣйствительности писателями охранительной печати, призываются къ отвѣту новыя государственныя учрежденія и общественныя порядки ими созданныя. Общая причина безвыходнаго положенія крестьянъ и неурядицы ихъ быта, готовой превратиться въ общую неурядицу всего государства, кроется-де въ „коренныхъ принципахъ легшихъ въ основаніе общественнаго устройства сельскаго состоянія“***

Когда говорится о недостаткахъ отправленія правосудія въ государствѣ, растлевающихъ народную нравственность, о слабости обвинительной власти въ преслѣдованіи преступленій, тотчасъ заходитъ рѣчь о неблагонадежномъ устройствѣ новыхъ судебныхъ учрежденій и прокуратуры, объ отсутствіи въ нихъ талантовъ и опытности, обусловленномъ самымъ характеромъ учрежденій. **** Руководящія

* *Земля и Воля*, стр. II.

** Тамъ же, стр. I.

*** *Вѣсть*, 1860 г. 18-го апрѣля.

**** См. между прочимъ *Вѣсть*, 1860 г. 3-го апрѣля, 26-го апрѣля и 22-го мая.

статьи по этимъ предметамъ начинаются такими громкими словами: „Наша судебная дѣтопись дала въ послѣднее время новыя указанія на то что новыя суды не чужды, къ сожалѣнiю, нѣкоторыхъ важныхъ недостатковъ, между прочимъ *вредно вліяющихъ на отправленіе правосудія.*“ * При этихъ постоянныхъ жалобахъ на новое устройство судебной части говорится иной разъ съ сожалѣніемъ даже о прежнихъ судебныхъ порядкахъ, напримѣръ, даже объ уничтоженіи прежняго порядка производства слѣдствій полиціей; читатель не можетъ иначе объяснить себѣ дѣлу подобныхъ ретроспективныхъ взглядовъ какъ въ смыслѣ указанія что прежняя слѣдственная часть была удовлетворительнѣе нынѣшней. Подобнымъ образомъ обсуждаются всѣ новыя учрежденія и реформы, хотя, конечно, при этомъ на всякомъ шагѣ говорится: „мы сочувствуемъ великимъ началамъ крестьянской реформы“, „можемъ ли мы не сочувствовать новой судебной власти“, и пр. и пр.; но читатель можетъ только дивиться для какой надобности потребовалось это сочувствіе и для чего оно заявляется. Угрожая намъ полною несостоятельностью военной обороны государства, охранительные публицисты ищутъ причины этого долженствующаго ужасать всякое русское сердце обстоятельства въ новѣйшихъ военныхъ реформахъ. ** При этомъ они выражаются такъ: „Конечно, гласные военные суды, грамотные солдаты и т. п. (*тому подобное*), все это прекрасно; но, если не ошибаемся, все это дѣло второстепенное; если не ошибаемся, первая потребность, для которой существуетъ армія,—сражаться. На этомъ основаніи мы позволимъ себѣ выразить мнѣніе что *безграмотный*, но хорошо вооруженный солдатъ во всякомъ случаѣ *болѣе солдатъ*, то-есть болѣе удовлетворитъ своему назначенію чѣмъ солдатъ грамотный, но плохо вооруженный. Гласный судъ дѣло въ высшей степени хорошее; но выигрывать сраженія возможно и безъ гласнаго суда.“ *** и т. д.

Нынѣшняя акцизная система, уничтожившая одно изъ величайшихъ золъ стараго порядка, виновата, *въ самыхъ даже своихъ основаніяхъ*, въ развитіи пьянства. **** Съ особенною

* *Вѣсть*, 1869 г. 22-го мая.

** *Вѣсть*, 1869 г. 9-го и 24-го апрѣля.

*** *Вѣсть*, 1869 г. 24-го апрѣля.

**** *Вѣсть*, 1869 г. 20-го мая.

любовью расточаются обвиненія не столько противъ злоупотребленій этой системы, противъ *какого-либо* неправильнаго примѣненія здравыхъ началъ положенныхъ въ ея основаніе, сколько противъ самой системы. Вражда и антагонизмъ сословій, революціонныя наклонности къ общественной нивелировкѣ, абсентеизмъ лучшихъ людей высшихъ классовъ порождены земскими учрежденіями. Теперешній характеръ этихъ учрежденій оказывается даже несомнѣваемымъ съ монархическимъ порядкомъ вещей! * Именно на земскія учрежденія и на ихъ нивелирующія, демократическія наклонности указываетъ охранительная публицистика въ своемъ торжественномъ вразумленіи, обращенномъ ко всему нашему отечеству, чтобъ оно вырвало изъ своихъ нѣдръ революціонные элементы, свергнувшіе Испанію въ анархію!

Итакъ во всѣхъ ужасахъ нашего времени виноваты реформы, новыя учрежденія и возникшая въ средѣ ихъ и благодаря имъ общественная дѣятельность, виноваты даже не въ своихъ частностяхъ, подробностяхъ, ошибкахъ, неисправностяхъ, а виноваты въ общемъ своемъ духѣ, ходѣ и направленіи.

Охранительные публицисты съ негодованіемъ отбрасываютъ отъ себя подобное обвиненіе, которое уже не разъ произносилось противъ нихъ со стороны другихъ органовъ печати. Такъ напримѣръ, по поводу упрека въ сочувствіи крѣпостному праву, они говорятъ: „О крѣпостномъ правѣ не было и нѣтъ рѣчи. Еслибы крѣпостные порядки были хороши повсемѣстно, тогда не зачѣмъ было бы ихъ отмѣнять. Но дѣло не въ томъ, хороши или не хороши были крѣпостные порядки, они отошли уже въ вѣчность, и *живымъ людямъ до нихъ нѣтъ дѣла*; дѣло же состоитъ въ томъ, хороши или не хороши нынѣшніе порядки, среди которыхъ живымъ людямъ приходится жить и дѣйствовать? Какъ изъ того что нынѣшніе порядки не хороши нельзя выводить заключенія что прежніе были лучше, такъ же точно изъ того что прежніе были не хороши нельзя заключать что въ нынѣшнихъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ недостатковъ, и что указаніе этихъ недостатковъ есть іереміада по поводу крестьянской реформы и фарисейство.“ ** Кто же не знаетъ

* *Вѣсть*, 16-го мая и 20-го марта 1869 г.

** *Вѣсть*, 4-го мая 1869 г.

что о восстановленіи крѣпостнаго права вѣтъ и не можетъ быть рѣчи, и что крѣпостные порядки въ букввальномъ смыслѣ этого слова отошли уже въ вѣчность, хотя возможны по нимъ іереміады, обращиковъ которыхъ мы, кажется, достаточно видѣли выше. Но совсѣмъ не въ этомъ дѣло, скажемъ и мы въ свою очередь. Самыя горькія іереміады по безвозвратно погибшимъ временамъ извинительны и способны только вызвать состраданіе и даже нѣкоторое сочувствіе въ публикѣ, когда плачутъ люди дѣйствительно обиженные крутою переměной времени, хотя бы даже обида была воображаемая, а переměна необходимая для страны. Но когда этими іереміадами занимается печать и за нею дѣлая партія, то публика имѣетъ право не видѣть въ этомъ плачѣ ничего иного какъ одинъ изъ способовъ агитаціи для приобрѣтенія чего-либо еще не безвозвратно погибшаго, ибо иначе плачъ былъ бы бессмысленъ. Разумѣется, наши охранители не ошибаются въ томъ что о крѣпостномъ правѣ не можетъ быть теперь никакой рѣчи, но они нисколько не ошибаются когда заводятъ рѣчь о дѣломъ гражданскомъ и государственномъ строѣ который былъ основанъ на крѣпостномъ правѣ и на началахъ логически и практически съ нимъ тѣсно связанныхъ. Этотъ строй далеко не отошелъ въ вѣчность, до него есть дѣло живымъ людямъ. Великодушными усиліями правительства, на мѣстѣ этого строя водворяется нынѣ новый, но для того чтобъ окончательно водвориться, онъ долженъ выдержать самую упорную борьбу съ элементами стараго порядка, никакъ не погибшими безвозвратно. Обычай, преданія, учрежденія стараго государственнаго строя могутъ многимъ нравиться, и на сколько они нравятся и на сколько по нимъ плачутъ, на столько далека или близка побѣда новаго порядка. До этого уже, конечно, есть дѣло живымъ людямъ, и имъ позволительно интересоваться и даже сильно тревожиться мнѣніями охранителей стараго государственнаго строя.

Цѣлый рядъ реформъ и новыхъ учрежденій, болѣе или менѣе зрѣло задуманныхъ, болѣе или менѣе послѣдовательныхъ въ своихъ подробностяхъ, болѣе или менѣе удачныхъ въ своемъ исполненіи, но связанныхъ между собою одними общими началами, одними общими идеями, однимъ общимъ движеніемъ, чего сами охранители отвергать не могутъ, этотъ рядъ реформъ и новыхъ учрежденій постепенно созидаетъ новый порядокъ

и вызываетъ около себя общественную дѣятельность, которая претворяетъ общія отвлеченныя начала, общія законодательныя нормы въ живую дѣйствительность. Въ этихъ новыхъ учрежденіяхъ и во всей этой общественной дѣятельности не только могутъ быть, но и есть недостатки, и даже весьма крупныя. Ихъ безпрестанно со всѣхъ сторонъ изобличаютъ и бичуютъ съ такою живостью и энергіей, съ какою, конечно, никогда не дерзали трогать старые порядки. И этими изобличеніями и бичеваніями никто не въ правѣ быть не доволенъ, — въ нихъ самихъ одно изъ жизненныхъ условій новаго государственнаго строя. Но если вы видите только недостатки въ новомъ порядкѣ, если въ общемъ его движеніи вы видите только смуту и анархію, если общій характеръ новыхъ учреждений вы обвиняете въ несовмѣстимости съ монархіей, когда, — вы это хорошо знаете, — монархію крѣпко держится весь Русскій народъ безъ малѣйшаго изъятія, то можемъ ли мы иначе понимать ваши слова какъ въ томъ смыслѣ что вы ведете ожесточенную борьбу противъ новаго порядка, что вы стараетесь вслѣдствіе уронить его въ глазахъ общества, хотя бы вы и не желали возвратиться къ крѣпостному праву, въ чемъ мы не сомнѣваемся. *„Изъ того что нынѣшніе порядки не хороши нельзя выводить заключенія что прежніе были лучше.“* Говоря это, вы были бы совершенно правы, еслибы мы не знали о какихъ новыхъ и о какихъ старыхъ порядкахъ здѣсь весь вопросъ. Еслибы въ старомъ порядкѣ не было крѣпостнаго права, а въ новомъ не было уничтоженія этого ненавистнаго права, то вы бы могли говорить во имя чего-нибудь третьяго, но этого въ настоящемъ случаѣ нѣтъ. Приходится, каковы бы ни были старые и новые порядки, выбирать между ними и только между ними, ибо если въ будущемъ вы найдете какую-нибудь возможность создать что-нибудь третье, то уже въ прошедшемъ это невозможно. Въ прошедшемъ — упраздненіе крѣпостнаго права принадлежитъ къ прошедшему (вы сами это сказали), — вы непременно должны остановиться на вашъ выборъ на томъ, или на другомъ. Еслибы отъ этого выбора не зависѣлъ выборъ ближайшаго будущаго, то объ этомъ не стоило бы говорить. Но отъ выбора между двумя, только двумя порядками, зависитъ нѣкоторое продолженіе того или другаго въ будущемъ и это не можетъ не беспокоить столько же васъ, какъ и всѣхъ насъ, то-есть публику.

Вы говорите, что вамъ нужны арміи выигрывающія сраженія. Кому же онѣ не нужны, какое бы у каждаго ни было мнѣніе объ устройствѣ войска. Но разсуждая о нашихъ военныхъ реформахъ, вы прежде всего считаете нужнымъ заявить, что предпочитаете арміи выигрывающія сраженія безъ грамотныхъ солдатъ и безъ гласныхъ судовъ и *тому подобнаго* арміямъ съ тѣми и другими, но не выигрывающимъ сраженій. Кто же опять съ этимъ не согласенъ, но всякій, кажется, имѣетъ право заключить изъ вашихъ собственныхъ словъ, что вамъ болѣе нравятся арміи выигрывающія сраженія безъ грамотныхъ солдатъ и безъ гласныхъ судовъ чѣмъ *арміи выигрывающія сраженія съ тѣми и съ другими*. Иначе зачѣмъ же бы вы объ этомъ заговорили, когда вы не хуже насъ знаете что могутъ быть побѣдоносныя арміи и съ грамотными солдатами, и съ гласными судами. Вы даже знаете что арміи безъ грамотныхъ солдатъ, гласныхъ судовъ и тому подобнаго не въ состояніи выдержать боя противъ армій столь же хорошо вооруженныхъ, но съ грамотными солдатами, гласными судами и тому подобнымъ, каковы теперь всѣ европейскія арміи. Изъ вашихъ разсужденій не въ правѣ ли мы заключить что вы не любите и не хотите именно грамотныхъ солдатъ, гласныхъ судовъ и тому подобнаго, составляющаго неотъемлемую принадлежность новаго государственнаго порядка Россіи, ибо мы никакъ не можемъ и не хотимъ допустить чтобы вы не хотѣли побѣдоносныхъ русскихъ армій. А другаго выбора тутъ опять нѣтъ. Но ваше сочувствіе къ неграмотнымъ солдатамъ и къ негласнымъ судамъ ни сколько бы насъ не тревожило, еслибы немисливо было возрожденіе подъ формою *гласныхъ судовъ*—судовъ *негласныхъ* и подъ именемъ *грамотныхъ* солдатъ—солдатъ *неграмотныхъ*. Не возвращаясь къ крѣпостному праву, можно долго не имѣть ни грамотныхъ солдатъ, ни гласныхъ военныхъ судовъ. Можно также начать учить солдатъ грамотѣ и вводить гласность въ суды, но такимъ образомъ, безъ такихъ необходимыхъ условій грамотности и гласности, и съ такими примѣсами стараго порядка вещей, напримѣръ со шпицрутенами въ солдатскихъ школахъ и съ допущеніемъ однихъ воинскихъ начальниковъ въ гласные суды, что грамотные солдаты и гласные суды будутъ значиться только въ приказахъ, а сраженія будутъ считаться призрачными съ грамотными солдатами и съ

гласными судами. Даже легко можетъ случиться что, по объясненію охранительныхъ публицистовъ, онѣ будутъ считаться проигранными *вслѣдствіе грамотности и гласности*. Прибавимъ, что и безъ шпицрутеновъ, а безъ недопущенія публики въ суды можно достигнуть тѣхъ же результатовъ совершенно другими приемами: можно въ солдатскихъ школахъ и въ военныхъ судахъ завести такую распущенность и допустить такія нарушенія военной дисциплины, что говорить о несомвѣстимости дисциплины и доброкачественнаго войска со школою и судомъ будетъ еще легче. Этого рода приемы, къ тому же гораздо болѣе благовидные, тѣмъ болѣе удобоисполнимы, что для примѣненія ихъ на помощь инымъ охранителямъ могутъ явиться и иные прогрессисты....

Таковы же точно отношенія охранительной печати ко всѣмъ другимъ нашимъ реформамъ. Нисколько не желая возстановить крѣпостное право, можно парализовать развитіе всѣхъ добрыхъ плодовъ его упраздненія. На что могли бы, напримѣръ, годиться гражданская свобода и равноправность, объявленныя въ законахъ, еслибы люди получившіе ихъ не могли найти для нихъ защиты въ самостоятельной судебной власти? Что такое была бы самостоятельность суда, еслибы его члены зависѣли въ своемъ существованіи отъ прихоти всякаго сильнаго человѣка, и такъ далѣе?

Таковы отношенія охранительной печати къ новому государственному порядку Россіи; отношенія эти мы имѣемъ полное право назвать вредными для этого порядка и для его дальнѣйшаго развитія. Этотъ вредъ нисколько не уменьшается тѣмъ что охранительная партія непрерывно выражаетъ свое сочувствіе великимъ началамъ и идеямъ положеннымъ въ основаніе всѣхъ реформъ нашего времени. Онъ не устраняется и восторгами предъ либеральными движеніями и учрежденіями другихъ странъ, осуществляющихъ тѣ же самыя начала и идеи. Мы имѣемъ право вовсе не принимать даже въ расчетъ все это сочувствіе и все эти восторги, когда каждая живая русская форма и дѣйствительность, въ которыхъ проявляются эти начала, возбуждаютъ въ сочувствителяхъ только брань и ожесточеніе. Кто же не знаетъ что можно находить грамотность, гласность и тому подобное прекрасными, но прекрасными только до тѣхъ поръ пока ихъ у насъ нѣтъ. Также точно

можно восхищаться чужими либеральными учреждениями и вмѣстѣ съ тѣмъ находить что они никуда не пригодны для своего народа, массы котораго принадлежать-де къ инымъ ступенямъ цивилизаціи или къ инымъ человѣческимъ расамъ...

Чтобы сдѣлать еще болѣе осязательнымъ положеніе занимаемое охранительною партіей въ нашемъ обществѣ, намъ остается взглянуть на ея политическую программу, на перечень ея практическихъ требованій и предлагаемыхъ ею государственныхъ мѣръ. Можетъ-быть, не взирая на общій духъ воодушевляющей дѣятельности этой партіи или, лучше, вопреки этому духу (какъ это иногда случается), окажется что-нибудь и хорошее въ ея программѣ.

Матеріалъ нашъ для обсужденія охранительной программы не богатъ. Мы болѣе всего слышимъ о необходимости чрезвычайныхъ и коренныхъ мѣръ и чрезвычайныхъ властей, сильныхъ, прилежныхъ, энергическихъ, но эти мѣры и власти показываютъ намъ болѣею частію окруженными непроницаемою тайной общихъ фразъ о спасеніи отечества. Чѣмъ въ большемъ туманѣ представляются намъ эти мѣры и власти, тѣмъ, конечно, оныя кажутся намъ страшнѣе, когда мы знаемъ общее направленіе мыслей предлагающихъ ихъ публицистовъ. Кое-какіе намеки на общее содержаніе охранительной программы мы можемъ однако извлечь изъ нѣкоторыхъ частныхъ мѣръ указываемыхъ этою партіей, хотя даже эти намеки болѣе отрицательнаго чѣмъ положительнаго свойства.

Въ книжкѣ, которая выражаетъ собою самыя умѣренныя требованія охранительной партіи и которая такъ много намъ помогла, рассматриваются разныя мѣры предлагаемыя съ разныхъ сторонъ для укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія нашего новаго государственнаго и экономическаго порядка и для устраненія остатковъ стараго. Авторъ доказываетъ безполезность, несостоятельность и вредъ всѣхъ этихъ мѣръ, необходимость которыхъ считается почти безспорною всѣми людьми мыслящими и желающими блага Россіи и преуспѣванія новаго ея строя; авторъ при этомъ не предлагаетъ ничего своего для врачеванія описаннаго имъ безнадежнаго экономическаго положенія Россіи. * Такъ, между прочимъ, оныя выставляетъ трудности отнѣны круговой поруки сельскихъ

* См. *Земля и Воля*, П. I., стр. 76.

обществѣ по податамъ и повинностямъ, * насильственно и искусственно поддерживающей общинное владѣніе, которое самъ авторъ находитъ вреднымъ для нашего сельскаго быта. Далѣе онъ доказываетъ невозможность облегченія податей, угнетающихъ нынѣ крестьянскій трудъ и свободу личности; онъ доказываетъ даже неминуемо вредное дѣйствіе этого облегченія на нравственность нашихъ крестьянъ, способныхъ, по его мнѣнію, трудиться только вслѣдствіе вѣншихъ побужденій, ** то-есть принужденія. Онъ силится доказать мечтательность всякаго болѣе рациональнаго распредѣленія у насъ податной тяжести, и даже вредъ большей свободы въ распредѣленіи и разселеніи нашего крестьянскаго народонаселенія. *** Онъ распространяется о бесполезности для нашего сельскаго хозяйства развитія поземельнаго кредита, при предполагаемой имъ невозможности вести хозяйство съ нашимъ вольнонаемнымъ трудомъ; **** вмѣсто развитія кредита онъ предлагаетъ изданіе *Сельскаго устава*, долженствующаго уберечь сельское хозяйство отъ разрушительнаго дѣйствія вольнонаемнаго труда и замѣнить посредствомъ казенной администраціи судебную и полицейскую охрану, неспособную будто бы достаточно оградить хозяевъ въ ихъ отношеніяхъ къ рабочимъ. † Этотъ сельскій уставъ настоятельно требуется въ охранительной печати, хотя до сихъ поръ содержаніе его намъ не объяснено; но сказаннаго достаточно чтобы понять что этотъ уставъ, долженствующій замѣнить собою охрану суда и полиціи противъ нарушеній свободы и собственности, не можетъ быть ни чѣмъ инымъ какъ административною опекой и регламентаціей сельско-хозяйственныхъ работъ. Такова мѣра предлагаемая писателями сочувствующими, по ихъ словамъ, великимъ началамъ гражданской свободы и собственности, писателями непрерывно негодующими на бюрократическія замашки администраціи! Авторъ доказываетъ далѣе бесполезность, даже вредъ для успѣховъ нашего сельскаго хозяйства усовершенствованныхъ орудій и желѣзныхъ дорогъ, со тщательностью

* Тамъ же, стр. 87.

** Тамъ же, стр. 155.

*** Тамъ же, стр. 89—94.

**** Тамъ же, стр. 116—124.

† Тамъ же, стр. 124.

объясняя намъ нѣкоторыя дурныя стороны ихъ развитія въ нашемъ отечествѣ. * Совершенно подобнымъ же образомъ „признавая справедливымъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія“ распространеніе грамотности въ народѣ, онъ однакоже ограничивается въ своей главѣ о народныхъ училищахъ только пространнымъ изложеніемъ двухъ темъ: во-первыхъ, „что одной грамотности не достаточно для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня народа“, въ чемъ, конечно, всякій достаточно убѣжденъ и безъ него, и во-вторыхъ, что „для распространенія въ народѣ просвѣщенія необходимы матеріальныя средства, и что прежде всего (то-есть прежде школъ) слѣдуетъ желать чтобы народъ сдѣлался трудолюбивѣе, бережливѣе и богаче.“ Какъ бы ни были читатели согласны со всѣмъ этимъ, но они все-таки не могутъ понять почему развитіе этихъ темъ должно доказать намъ необходимость или пользу народныхъ школъ, а скорѣе не совершенно противное. По этому предмету охранительная печать выражается даже гораздо рѣзче нашего умѣреннаго автора; она неоднократно проповѣдовала съ совершенною ясностью что распространеніе просвѣщенія въ народѣ превышаетъ наши настоящія средства, и что, кромѣ того, школа не можетъ противоdѣйствовать нравственной распущенности нашего крестьянства, что она нисколько не въ силахъ искоренить самыя дурныя его свойства. ** Эта тема разрабатывается съ особенною любовью нашими охранителями, и мы, конечно, не можемъ изъ этого заключить объ особенной ихъ ревности къ народному образованію, къ народнымъ школамъ, которыя болѣе всего могутъ дать нашему народу силы воспользоваться и для себя, и для государства всѣми новыми учрежденіями.

Самыя жестокіе удары охранительной партіи устремлены постоянно на наше самоуправленіе, на это слабое, только что зародившееся, во всемъ покорное закону и уже заподозрѣнное въ мятежъ, въ общественной смутѣ, въ республиканскихъ наклонностяхъ русское самоуправленіе. Охранительная печать, въ лицѣ всѣхъ своихъ органовъ и публицистовъ, настойчиво указываетъ при всякомъ случаѣ на необходимость ограниченія дѣятельности учрежденій которыя возникли на мѣстѣ

* Тамъ же, стр. 125—133.

** См. между прочимъ *Вѣсть*, 1869 г. 23-го марта и 1-го мая.

прежней чисто бюрократической или приказной системы администраціи и которыя до сихъ поръ существуютъ у насъ только въ зачаткахъ. Эти зачатки, какъ они еще ни слабы, особенно дороги всей современной Россіи, пріятней ихъ съ единодушною признательностью къ правительству. Съ этими учрежденіями соединено много упованій, ибо только они способны замѣнить чѣмъ-нибудь стройнымъ и прочнымъ прежною неурядицу мѣстной администраціи и прежнее разстройство мѣстнаго хозяйства. Какія ни случались мелкія столкновения органовъ нашего самоуправленія съ казенною администраціей, столкновения неизбежныя и неотвратимыя, нельзя не сказать что наше общество отличается величайшею умѣренностью во всѣхъ этихъ своихъ новыхъ отношеніяхъ, такъ часто щекотливыхъ и трудныхъ. Стремленіе къ непогрѣшимой законности въ своихъ дѣйствіяхъ господствуетъ въ нашемъ самоуправленіи, и едва ли когда-нибудь было имъ нарушено иначе какъ по недоразумѣнію, или развѣ по личному злоупотребленію. Образование новыхъ органовъ общественной власти, взамѣнъ бюрократическихъ, шло у насъ весьма медленно; эти органы до сихъ поръ всего менѣе страдаютъ излишнею самобытностью и независимостью своихъ членовъ. Вся новая система мѣстнаго общественнаго управленія требуетъ еще дальнѣйшаго развитія во многихъ своихъ частяхъ, возникшихъ въ разное время, разрозненно и подъ вліяніемъ разнородныхъ государственныхъ элементовъ. Тѣмъ не менѣе благодарное общество нисколько не тревожитъ правительства никакими преждевременными или непомѣрными домогательствами. Не можетъ быть болѣе скромныхъ требованій чѣмъ тѣ какія до сихъ поръ были заявляемы всѣми слоями нашего общества въ кругу учреждений новаго самоуправленія. Нельзя же желать чтобы въ сферѣ созданной именно въ качествѣ общественной среды, независимой отъ казенной администраціи, никогда не слышалось никакого иного звука кромѣ единозвучія съ голосомъ администраціи. И этой-то, только что слагающейся общественной жизни уже грозятъ ударамъ!

Всего болѣе говорится въ охранительной печати объ *ограниченіи* крестьянскаго самоуправленія, но въ выраженіяхъ болѣею частью столь неопредѣленныхъ что они не позволяютъ близко ознакомиться съ предлагаемыми мѣрами, а только пугаютъ тѣхъ кому дорога какаѣ-нибудь самостоя-

тельная общественная организація въ государствѣ, и кого страшитъ административная опека. Еслибы рѣчь шла только о введеніи волостныхъ судовъ въ общую систему судебныхъ учрежденій и крестьянскаго сословнаго самоуправленія въ общую безсословную систему мѣстнаго земскаго самоуправления, еслибы рѣчь шла о согласованіи и развитіи весьма разнокалиберныхъ нынѣ мѣстныхъ административныхъ и хозяйственныхъ инстанцій, то это не могло бы испугать никого, кромѣ тѣхъ кто вообще не желаютъ никакихъ успѣховъ на этомъ поприщѣ. Но рѣчь ведется постоянно объ ограниченіяхъ и только объ ограниченіяхъ.

По этой части обозначились въ охранительной программѣ двѣ мѣры, положительнымъ образомъ формулируемыя, и обѣ эти мѣры только подтверждаютъ общія стремленія партіи. Предлагается ввести *надзоръ за крестьянами специальными административными лицами*, совершенно изъятымъ изъ нынѣшней общей системы нашего самоуправления; эти лица должны замѣнить мировыхъ посредниковъ. Это новое учрежденіе противопоставляется охранительной печатью предположенію о распредѣленіи власти мировыхъ посредниковъ между мировыми судьями, земскими учрежденіями и отчасти полиціей, что было бы самымъ естественнымъ дальнѣйшимъ шагомъ въ согласованіи и развитіи новыхъ нашихъ мѣстныхъ властей. Эта специальная административная власть, проектируемая въ охранительной программѣ, входитъ, сколько можно понять, въ разрядъ чрезвычайныхъ мѣръ задуманныхъ для обузданія нашей анархіи. * Маленькое объясненіе къ этому проекту окончательно его характеризуетъ. Намъ говорятъ что организація упомянутой *сильной и прочной власти надъ крестьянами* встрѣтитъ теперь затрудненія только потому что было упущено правительствомъ время, когда можно еще было (послѣ Положеній 19-го февраля 1861 года) учредить *вотчинную полицію*. Нельзя, конечно, не радоваться что было упущено это время, какъ выражаются охранители, но нельзя же и не опасаться власти должествующей, болѣе или менѣе, разыграть роль вотчинной. Нельзя не страшиться проекта, по самой своей цѣли предназначеннаго къ тому чтобы какъ-нибудь обойти трудности

* *Вѣсть*, 1869 г., № 103.

водворенія средневѣковыхъ вотчинныхъ порядковъ. Очевидно что подобная власть была бы однимъ изъ самыхъ жестокихъ ударовъ нанесенныхъ всей системѣ нашего мѣстнаго самоуправленія, какъ оно до сихъ поръ было задумано въ благихъ намѣреніяхъ правительства.

Есть еще другая мѣра пользующаяся особеннымъ расположеніемъ, и любовью охранительной партіи и проектированная въ видахъ огражденія крупныхъ интересовъ собственности въ земскихъ учрежденіяхъ противъ натиска демократическихъ его элементовъ и также для противодѣйствія абсентеизму лучшихъ людей, не находящихъ теперь будто бы достаточно мѣста для своей дѣятельности. Такою мѣрой должно быть введеніе въ составъ земскихъ учрежденій невыборныхъ членовъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, дѣлающихся гласными въ силу своихъ имуществъ. Мы совершенно понимаемъ что можно было говорить объ этой мѣрѣ до открытія земскихъ учрежденій. Но теперь, когда характеръ ихъ дѣйствій обозначился, когда обнаружилось что вездѣ въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ всецѣло господствуютъ образованные и состоятельные люди, и прочіе члены не подчиняются имъ только въ рѣдкихъ случаяхъ недоувѣрія къ господству тѣхъ или другихъ лицъ, а никакъ не вслѣдствіе какого-нибудь демократическаго настроенія массъ, эта мѣра, не имѣя въ свое оправданіе никакой общепользующей цѣли, клонилась бы только къ созданію привилегіи. Если не всегда преобладаютъ въ земской дѣятельности лучшіе люди, то въ этомъ не виноваты никто болѣе ихъ самихъ, и всего менѣе виноваты земскія учрежденія. Къ сожалѣнію, лучшіе люди всѣхъ партій и всѣхъ красокъ бываютъ у насъ обыкновенно разрознены болѣе всѣхъ, а худшіе люди болѣе всѣхъ соединены.

Теперь фізіономія партіи именующей себя *охранительною* достаточно предъ нами опредѣлилась. Она не имѣетъ никакихъ признаковъ принадлежащихъ партіямъ дѣйствительно охранительнымъ или консервативнымъ. Вся дѣятельность нашихъ охранителей заключается въ противодѣйствіи новому порядку въ нашемъ отечествѣ и въ защитѣ стараго; такая дѣятельность имѣетъ на политическомъ языкѣ другое имя, она называется *реакціей*, хотя не было ни одной реакціонной партіи которая бы сама себя такъ именовала, и которая бы не называла себя *консервативною*. Но намъ нѣтъ никакой надобности путать, въ угоду нашимъ

реакціонерамъ, политическій лексиконъ и тѣмъ смѣшивать понятія. Между охранительными, по преимуществу зидительными, элементами и реакціонными, по преимуществу разрушительными, нѣтъ ничего общаго; представители однихъ являются первыми друзьями успѣховъ или прогресса общества, охранителями его движенія, а представители другихъ—его первыми врагами. Роли, кажется, совершенно различныя.

Когда мы нашей реакціонной литературѣ, выступающей подъ знаменемъ охранительной, дадимъ принадлежащее ей имя, тогда всѣ ея возрѣнія и движенія сдѣлаются для насъ какъ нельзя болѣе понятными. Разлагается и погибаетъ не Россія, а старый порядокъ или, лучше, всѣ гнилые его элементы; революціонныя, деморализующія стихіи въ нашемъ отечествѣ—это начала новаго порядка, разрушающія старыя начала. Новый порядокъ, создаваемый желаніями правительства и усиліями всего народа, обогащаетъ государство, но разоряетъ старый порядокъ и интересы не хотящіе признавать новый порядокъ. Вотъ и экономическій упадокъ, и оскудѣніе жизни, производимые новыми учрежденіями, то есть оскудѣніе и упадокъ не государства, а его стараго порядка.

Требованіе какихъ бы то ни было *коренныхъ* правительственныхъ мѣръ, радикальнаго лѣченія, немислимо съ точки зрѣнія консервативной политики, но то же самое требованіе совершенно на своемъ мѣствѣ въ желаніяхъ сторонниковъ стараго порядка, готовыхъ достигнуть своихъ цѣлей во что бы то ни стало, хотя бы даже цѣною государственныхъ потрясеній. Крутыя мѣры, скачки и перерывы въ государственной дѣятельности какъ нельзя болѣе во вкусъ реакціонныхъ партій, которымъ всего менѣе нуженъ постепенный, прогрессивный ходъ государственной машины, а всего болѣе нужно возвращеніе къ старому порядку, или по крайней мѣрѣ, если это невозможно, то нужны задержки и замѣшательства въ государственномъ дѣлѣ. Такова тактика всѣхъ реакціонныхъ партій на свѣтѣ.

Точно также теперь понятенъ и какъ нельзя болѣе естественъ крайній пессимизмъ литературы выдающей себя за охранительную, пессимизмъ, какъ мы видѣли, сближающій и почти отождествляющій, въ возрѣніяхъ на дѣйствительность, нашихъ охранителей съ ихъ заклятыми врагами прогрессистами. Самыя консервативныя и самыя крайнія

прогрессивныя партіи могутъ быть болѣе или менѣе близки между собою въ отвлеченномъ постиженіи своихъ политическихъ идеаловъ, но на практической почвѣ, въ своихъ требованіяхъ отъ дѣйствительности, консервативныя партіи, хотя бы самыя прогрессивныя, и радикальныя партіи, хотя бы самыя умѣренныя, никогда не могутъ между собою сдружиться. Въ противоположность этому, реакціонныя партіи и прогрессивныя (или, лучше, радикальныя), не имѣя ничего общаго въ своихъ политическихъ идеалахъ, какъ нельзя лучше могутъ сойтись въ своемъ образѣ дѣйствій и потому въ своихъ практическихъ взглядахъ на окружающую дѣйствительность. Даже ближайшія политическія программы у нихъ могутъ быть одинаковы. Тѣ и другія требуютъ радикальнаго леченія общества и государства. Тѣ и другія одинаково крайне недовольны дѣйствительностью и непримиримые ея враги. Наконецъ, одинаково неразборчивыя на средства, тѣ и другія могутъ какъ нельзя лучше оказывать взаимную помощь. Кому неизвѣстна обычная тактика всѣхъ реакціонныхъ и радикальныхъ партій, агитирующихъ заодно подъ общимъ лозунгомъ: „чѣмъ хуже тѣмъ лучше“. Современная политическая исторія служить тому блистательнымъ подтвержденіемъ. Такъ-называемая партія движенія въ Италіи, всячески противодействуя умѣренно-конституціонной политикѣ Кавура и піемонтскаго правительства, поддерживала махинаціи Австріи до такой степени что ея вожди были часто принимаемы за австрійскихъ агентовъ. Прусская юнкерская партія покровительствовала коммунисту и демагогу Лассалю и даже сама высылала его противъ Шульце-Делича, организовавшаго всѣ товарищества рабочихъ въ Германіи. Либеральная и въ полномъ смыслѣ благонамѣренная дѣятельность этого экономиста должна была выдержать страшную борьбу съ демагогическою агитаціей, производившеюся на деньги партіи которая называетъ себя консервативною.

Такова непреложная логика всѣхъ политическихъ партій въ мірѣ; она не могла не проявиться отчасти и у насъ. Отечественные элементы для радикальныхъ и ультра-прогрессивныхъ политическихъ партій крайне у насъ слабы и скудны, а потому и логика политической жизни не могла еще осуществиться во всей своей послѣдовательности и во всѣхъ своихъ крайностяхъ. За то, съ другой стороны, неразвитость нашихъ политическихъ стихій ведетъ къ такимъ куріозамъ,

которые мы уже отчасти видали, каких, впрочем, нигде не встретишь. Организованных радикальных партий на нашей отечественной почве мы не имеем; потому тактика реакционных стихий должна была ухватиться за то что было в наличности.

Люди поставившие, какъ они сами заявляютъ, задачей всей своей политической дѣятельности противодѣйствовать распространенію радикальных и анархическихъ идей въ наше общество, сходятся въ своихъ сужденіяхъ объ окружающей дѣйствительности со средою изъ которой изливаются эти, по ихъ же мнѣнію, тлетворныя идеи. Они сходятся такъ что публика можетъ легко ошибаться кто предъ нею говорить—охранители или прогрессисты. Не забудемъ,—и это заслуживаетъ особеннаго вниманія, — что наша охранительная печать видитъ корень всей народной деморализаціи и всѣхъ тревожащихъ ее революціонныхъ элементовъ именно и только въ этой прогрессивной русской средѣ, и постоянно устраняетъ отъ отвѣтственности всякія чужеземныя и иноплеменные революціонныя партіи дѣйствующія на нашихъ окраинахъ. Между тѣмъ, именно въ той области гдѣ деморализующія идеи прогрессистовъ должны бы, казалось, представляться охранителямъ наиболѣе вредоносными, то-есть въ сужденіяхъ объ явленіяхъ текущаго дня, о результатахъ совершающихся государственныхъ преобразованій, охранители проповѣдуютъ то же самое что и прогрессисты. Первые даже говорятъ иногда со словъ вторыхъ. Если выкинуть изъ лексиконовъ той и другой стороны термины, коммунисты, социалисты, нигилисты и крѣпостники, то мы едва ли сумеемъ отличить нашихъ охранителей отъ нашихъ прогрессистовъ въ ихъ разговорахъ объ обстоятельствахъ нашей практической жизни. Однако это не во всемъ такъ, и дружба вчерашнихъ отъявленныхъ враговъ имѣетъ свои границы, на которыя неизлишне здѣсь указать.

Чего хотятъ и чего добиваются наши новые люди? Ихъ литература, которая только и подлежитъ нашему сужденію, не даетъ никакого объясненія на этотъ вопросъ. Сосредоточивъ всѣ свои „труды“ на естественныхъ наукахъ, методахъ человѣческаго мышленія и на отвлеченныхъ вопросахъ о вселенной, они какъ будто совсѣмъ покинули практической политической міръ, которымъ мы въ настоящемъ случаѣ только и заняты. Они посвѣщаютъ этотъ міръ только

изрѣдка, наиздами и, какъ кажется, исключительно съ увеселительными цѣлями.

Совершенно сходясь съ реакціонною печатью въ своихъ сужденіяхъ о нравственномъ разлаганіи и экономическомъ упадкѣ современной Россіи, наши прогрессисты, такъ же какъ и эта печать, представляютъ въ самомъ плачевномъ видѣ дѣятельность всѣхъ нашихъ новыхъ учреждений, или, какъ они выражаются, непосредственные результаты нашихъ реформъ. При этомъ самые безпощадные приговоры произносятся не столько надъ государственною и казенною дѣятельностью, сколько надъ общественною и частною. Самыя ядовитыя стрѣлы пускаются прогрессистами въ наше самоуправленіе, и эти стрѣлы какъ будто доставляютъ имъ наибольшее удовольствіе. Изобличенія самоуправленія, и не только въ его злоупотребленіяхъ и ошибкахъ, а въ общемъ его движеніи, могутъ быть признаны такою же любимою темой въ прогрессивной, какъ и въ консервативной литературѣ.

Вотъ, на примѣръ, какъ начинается одно изъ обзорныхъ нашихъ общественныхъ дѣлъ:

„Не разъ уже было говорено что въ дѣлахъ нашего общественнаго, управленія или такъ-называемаго самоуправления, происходитъ что-то такое неладное и неклеиное, до такой степени неладное, что многіе считаютъ и въ настоящее время вполне примѣнимою къ намъ фразу сказанную будто бы славянскими уполномоченными слишкомъ тысячу лѣтъ назадъ, а именно „что земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ.“*

Въ дѣлахъ нашего земства и во всякой общественной, не казенной нашей дѣятельности, наши прогрессисты замѣчаютъ постоянно только *неладное* и *неклеиное*, и винятъ въ этомъ не элементы противодѣйствующіе частной инициативѣ, и даже не силы стараго порядка, а главнымъ образомъ силы общественныя и новыя.

Приведемъ еще отзывъ о земскихъ собраніяхъ и о присяжныхъ засѣдателяхъ.

„Отовсюду, со всѣхъ концовъ Россіи, въ извѣстные сроки съѣзжаются въ свои маленькіе уѣздные центры различные депутаты, гласные и уполномоченные, для свободнаго обсуждения общественныхъ дѣлъ. Люди различныхъ сословій, различныхъ положеній въ обществѣ, усаживаются по-братски въ

* *Отечественныя Записки*, 1869 г., № 2, стр. 378.

одной общей комнатѣ, за однимъ общимъ столомъ, за которыми спорятъ, мѣняются мыслями, обсуждаютъ разные вопросы. Казалось, чего бы лучше? Но вѣдь мы видѣли только переднюю сторону медали; посмотримъ же и заднюю.... На земскія собранія, изъ сорока гласныхъ, къ назначенному сроку собирается еле-еле человекъ двѣнадцать, пятнадцать, да и тѣ, не дождавшись закрытія засѣданія, всѣ разѣзжаются по своимъ деревнямъ. Присяжные засѣдатели идутъ только потому въ судъ что штрафъ за неявку очень уиѣ жестокъ, да и то случается что потихоньку, обманомъ, удаляютъ изъ залы и скрываются такъ что съ семью собаками не отыщешь, и т. д.*

Правда, что самыя сильныя порицанія прогрессивной печати смягчаются значительною долей комизма и даже нѣкотораго добродушія. Сатира прогрессистовъ караетъ иногда и дѣйствительное зло въ новыхъ порядкахъ, положительнымъ образомъ опасное для ихъ успѣховъ. Это отчуждаетъ прогрессистовъ отъ охранителей, которые гораздо радикальнѣе относятся къ нашему новому государственному строю. Хотя трудно добратъся чего собственно желаютъ наши прогрессисты, но можно по нѣкоторымъ признакамъ думать что они не совсѣмъ желаютъ гибели новымъ учрежденіямъ и крушенія всѣмъ нашимъ реформамъ. Посреди беззавѣтнаго свиста раздающагося изъ этого лагеря и находящаго для себя созвучія только въ самыхъ крайнихъ рядахъ нашихъ реакціонеровъ, слышатся иногда слова сочувствія важнѣйшимъ событіямъ нашего времени—упраздненію крѣпостнаго права и судебной реформы; эти слова заставляютъ полагать что, какъ ни крѣпко вѣруютъ наши прогрессисты въ блаженство русскаго мужика въ удѣльномъ періодѣ и въ его бѣдствія посреди современной цивилизаціи, они все-таки не пожелали бы, ни для него, ни для себя, возвращенія отъ нынѣшняго порядка гражданской свободы и суда къ удѣльной кабалѣ и расправѣ. И это, кажется, все что можно сказать относительно политической программы нашихъ прогрессистовъ. По тѣмъ или другимъ причинамъ, наша прогрессивная литература не имѣетъ никакой политической программы; съ шумомъ заявляя свое недовольство существующимъ порядкомъ, она не дѣлаетъ даже и намековъ, не только на какую-нибудь совокупность государственныхъ мѣръ, но даже на какое-нибудь направленіе ихъ которое могло бы удовлетворить ея желаніямъ и

* Тамъ же, стр. 394.

цѣлямъ. Если какія-нибудь государственныя мѣры и предполагаются ею, то только случайно, въ разныхъ статьяхъ, имѣющихъ отношенія къ общему духу партій и выражающихъ личныя мнѣнія авторовъ; такъ напримѣръ, недавно въ одной обширной статьѣ доказывалась необходимость замѣнить всѣ частныя дома терпимости казенными. Съ какимъ бы увлеченіемъ авторъ ни доказывалъ невозможность оставленія этого промысла въ частныхъ рукахъ и его по преимуществу государственный характеръ, нельзя же смотрѣть на эту мѣру какъ на необходимую принадлежность того радикальнаго лѣченія Россіи о которомъ поговариваютъ прогрессисты, и подъ которымъ ничего положительнаго, повидимому, не подразумѣвается.

Окончательные, ближайшіе результаты дѣятельности того и другаго лагеря на литературной почвѣ одни и тѣ же: каждый по-своему силится подорвать довѣріе къ новымъ общественнымъ силамъ, только что получившимъ бытіе, благодаря условіямъ новой государственной эпохи. Каждый по-своему, на сколько можетъ и разумѣетъ, старается набросить тѣнь на проблески новаго гражданскаго и государственнаго быта, открывшагося предъ нашимъ отечествомъ. Въ этихъ проблескахъ каждый по-своему видитъ только смуту и безобразіе, оскуднѣніе и оголеніе жизни; въ этихъ еле-еле пробудившихся къ самобытности и самосознанію силахъ русскаго человѣка каждый находитъ или анархическія, противныя духу монархіи наклонности, или дикія влеченія, болѣе хивинскія и ташкенскія чѣмъ европейскія,—выражаясь языкомъ нашихъ прогрессистовъ, который, безъ сомнѣнія, пришелся бы по вкусу и охранителей. Вотъ посреди какихъ двухъ теченій или пучинъ (выражаясь уже консервативнымъ языкомъ г. Бланка) приходится русскому обществу работать надъ разрѣшеніемъ трудныхъ задачъ нынѣшней эпохи. Какое дѣло людямъ выносящимъ на своихъ плечахъ эту трудную работу для до различія источниковъ этихъ теченій, сливающихся въ дружный потокъ и одинаково размывающихъ основанія созидаемаго зданія. Какая необходимость знать что съ одной стороны восхваляются англійскія политическія учрежденія, пригодныя для лучшей расы людей, и превозносятся великія европейскія начала собственности и гражданской свободы, мало совмѣстимыя съ русскою натурой, которая можетъ трудиться только по внѣшнему

принужденію, а съ другой—намъ вѣреваются открыть примиреніе капитала съ трудомъ и тѣмъ спасти погибающую безъ этого открытія всемірную цивилизацію?

Нечего удивляться когда органы враждебныхъ Россіи чужеземныхъ партій готовы рукоплескать и нашимъ реакціонерамъ, и нашимъ прогрессистамъ. Съ извѣстной точки зрѣнія самый отъявленный чужеземный феодалъ можетъ протянуть руку самому крайнему русскому радикалу и самый неустовый чужеземный демагогъ—русскому реакціонеру. Недавно охранительная партія дала новое свидѣтельство своего истиннаго характера. Вспомнимъ фактъ, описаніемъ котораго мы начали нашу статью. Органъ лже-охранительной партіи уже успѣлъ опубликовать описанное нами происшествіе съ землекопами въ такомъ видѣ что рабочіе „уходятъ съ желѣзныхъ дорогъ цѣлыми сотнями, отказываясь отъ обязательствъ и добровольно заключенныхъ условій“. * Этотъ случай приводится какъ доказательство въ цѣломъ рядѣ обширныхъ статей, объясняющихъ что своеволие нашихъ рабочихъ выходитъ нынѣ изъ всякихъ границъ, что вольнонаемный трудъ при нынѣшнихъ условіяхъ у насъ невозможенъ, что „хозяева не имѣютъ даже возможности обращаться къ суду, такъ какъ рабочіе при наймѣ отказываются отъ заключенія какихъ бы то ни было условій и хозяева волею-неволею должны подчиняться ихъ производу“. Еслибы мы не были очевидцами разказаннаго нами происшествія, мы бы никогда не повѣрили чтобы можно было представить его въ такомъ превратномъ свѣтѣ даже подѣ влияніемъ самой неудержимой политической страсти. Послѣ подробнаго нашего разказа, за точность котораго мы отвѣчаемъ, считаемъ излишнимъ возражать что бы то ни было. Но этотъ обращикъ выходящей за границы всякаго вѣроятія безцеремонности мнимо-охранительной печати производитъ на насъ, съ другой стороны, и весьма успокоительное впечатлѣніе. Еслибы могло по человѣческой слабости, сопутствующей самому твердому убѣжденію, зарониться въ насъ какое-нибудь сомнѣніе относительно справедливости всѣхъ изложенныхъ нами взглядовъ на эту *охранительную* печать, то оно должно исчезнуть послѣ этого крупнаго факта. Не всѣ ли безъ изытія разговоры о деморализаціи рабочихъ и о неблагонадежности

* См. *Вѣсть*, № 209 (передовая статья).
т. LXXIII.

у насъ вольнонаемнаго труда подобны настоящему *консервативному* разказу о бѣгствѣ рабочихъ съ желѣзной дороги? И можно ли послѣ этой новой выходки такъ-называемой консервативной печати сомнѣваться въ закоренѣлости и ослабленіи реакціонныхъ элементовъ находящихся въ ея основѣ? Всякое реакціонное движеніе въ существѣ своемъ вредно. Но бывають историческія эпохи, когда реакція по крайней мѣрѣ естественна и понятна; такова была великая реакціонная эпоха послѣ французской революціи, Наполеоновскихъ войнъ и Вѣнскихъ трактатовъ, надвѣвавшая столько зла Европѣ послѣдующими революціонными движеніями, ею, и только ею, вызванными. Но можетъ ли быть эпоха въ которую реакція была бы болѣе противуестественна чѣмъ нынѣ въ Россіи?

Какъ всѣ совершившіяся великія государственныя реформы нашего времени не были созданіями какой-либо партіи, такъ и исполненіе ихъ и возникшая около нихъ общественная дѣятельность не были и не могутъ быть дѣломъ партіи. Реформы были послѣдствіемъ исторической необходимости, сознанной и правительствомъ, и обществомъ. Надъ ихъ усерднымъ исполненіемъ мы видимъ работу всего русскаго общества, всей здоровой общественной сѣды, которая, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, не принадлежитъ ни къ какому кружку и ни къ какому знамени, кромѣ знамени Россіи и ея обновленія. Твердая вѣра въ прочность совершающагося предъ нами дѣла не мѣшаетъ однако зорко слѣдить за тѣми неблагонадежными матеріалами которые слагаются съ разныхъ сторонъ втѣсниться въ новое государственное зданіе, зорко слѣдить за неблагонадежными понятіями, распространяемыми въ общественной атмосферѣ, долженствующей вскормить новый порядокъ.

ВЛАДИМІРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

Августъ 1869 г.

С. Псково.

ПОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗАПАДНАГО КРАЯ

ВЪ МЯТЕЖЪ 1861—1863 ГОДОВЪ *

IX.

Дворянство западнаго края рѣзко раздѣляется на двѣ части: дворянъ-помѣщиковъ и шляхту, хотя и признанную въ дворянскомъ достоинствѣ Россійской Имперіи, нерѣдко при помощи незаконныхъ документовъ, но не имѣющую собственности и находящуюся въ полной зависимости отъ дворянъ-землевладѣльцевъ.

Число помѣщиковъ западнаго края, по 10-й народной переписи 1857 года ** (последней предъ освобожденіемъ крестьянъ), дополненной свѣдѣніями собранными официальнымъ путемъ въ 1859 году, простиралось почти до 16 $\frac{1}{2}$ тысячъ (не считая въ томъ числѣ безземельныхъ дворянъ владѣвшихъ крѣпостными людьми). Изъ нихъ на сѣверо-западный край приходилось 10.951, на юго-западный—5.449.

Такимъ образомъ, во всей массѣ дворянства западныхъ губерній, простирающейся свыше 400 т. (а съ личными дворянами свыше 480 т.), помѣщики составляли всего 4,2 $\frac{0}{0}$, но количество ихъ распределено было далеко не равномерно въ сѣверной и южной полосахъ. Въ юго-западномъ краѣ, гдѣ, благодаря дѣятельности Дмитрія Гавриловича Бибикова,

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1860 г. №№ 1, 2 и 3-й.

** *Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи*, Тройницкаго. Спб. 1861 г.

безземельная шляхта цѣлыми массами исключалась изъ дворянства, и гдѣ кромѣ того значительно преобладало крупное землевладѣніе, число помѣщиковъ составляло въ массѣ тамошняго дворянства до 7%, между тѣмъ какъ въ сѣверо-западномъ оно едва доходило до 3,4%, такъ что на трехъ помѣщиковъ приходилось до 100 бездомныхъ шляхтичей.

Помѣщики и безземельные дворяне составляли въ краѣ, какъ и нынѣ, одно политическое тѣло, замкнутое и обособленное отъ прочаго населенія своею народностью. Это тѣло, съ присовокупленіемъ къ нему горсти тѣхъ ксендзовъ которые признаютъ себя Поляками да чиновниковъ польскаго происхожденія принадлежащихъ почти сплошь къ безземельной шляхтѣ, и составляетъ собственно то чтò называется *польскою партией* западнаго края. Излишне доказывать что партія эта имѣетъ у насъ значеніе не этнографическое, а чисто политическое: народность въ ней лишь знамя вокругъ котораго группируется масса людей, политическая программа которыхъ заключается въ систематическомъ отрицаніи права Россіи на западный край и въ претензіи безраздѣльно въ немъ господствовать. Такая партія въ краѣ съ русскимъ населеніемъ, которое перенесло отъ нея больше страданій чѣмъ наши предки во время татарскаго ига отъ ханскихъ баскаковъ, не могла не стать ненавистною коренному мѣстному населенію.

При полной отчужденности отъ населенія, въ польской партиі выработалась въ возрѣвнѣи на Россію и Русскихъ полная солидарность, которая такъ краснорѣчиво высказывалась въ періодъ польскаго преобладанія въ 1861—1863 годахъ. Солидарность эта служила главнымъ объединяющимъ началомъ польскаго дворянства: и крупный панъ, и кучеръ его пользующійся званіемъ потомственнаго дворянина Россійской Имперіи, и канцеляристъ поддерживаемый паномъ въ своей служебной дѣятельности, одинаково непріязненны ко всему Русскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и одинаково чувствуютъ себя непризнанными хозяевами западнаго края. У всѣхъ у нихъ витаютъ въ мечтахъ преданія былаго времени, когда шляхтичъ былъ въ краѣ властелиномъ, а убійство хлопа и попа не всегда считалось уголовнымъ преступленіемъ. У всѣхъ у нихъ свѣжо въ памяти что всѣ попытки пановъ къ „освобожденію“ края отъ московскихъ порядковъ встрѣчались населеніемъ непріязненно, что

крестьяне, столь повидимому кроткіе и покорные, при всякомъ революціонномъ покушеніи пановъ, съ энергіей и самоотверженіемъ обнаруживали свои истинныя чувства, заявляли свою преданность Россіи, а при дозволеніи властей, вязали ясновельможныхъ повстанцевъ и учреждали противъ нихъ сельскіе караулы. Мѣстное коренное населеніе, по чувству своей солидарности съ Россіей и по здравому смыслу, никогда иначе и не смотрѣло на польскій мятежъ противъ правительства какъ на злоумышленіе Поляковъ противъ самого населенія. Паны знаютъ по опыту что всѣ льстивыя рѣчи ихъ къ крестьянину, всѣ старанія отвлечь его отъ долга къ Царю и отечеству — потерянный трудъ, и что для достиженія цѣли имъ приходится, и то почти всегда неудачно, дѣйствовать или чрезъ своихъ агентовъ переодѣтыхъ въ крестьянское платье, или же чрезъ тѣхъ немногихъ ксендзовъ которые пользуются довѣріемъ прихожанъ. При всемъ этомъ паны помнятъ что, какъ ни приниженъ былъ закрѣпощенный хлопь, онъ хранилъ въ себѣ убѣжденіе что панскія злоупотребленія возможны оттого только что они закрыты отъ правительства, и никогда не упускалъ изъ виду что за нимъ стоитъ несокрушимый оплотъ въ единоплеменной ему Россіи.

Польское дворянство фактически дѣлится на высшее, состоящее изъ помѣщиковъ и вліятельныхъ по положенію лицъ, и низшее, *голоту* *, польскихъ плебеевъ, безусловно зависящихъ отъ пановъ и, ради насущнаго хлѣба, дѣйствующихъ по программѣ своихъ патроновъ. Помѣщикъ, мало-мальски зажиточный, окруженъ цѣлою ватагой этой голи. При мелкомъ фольварковомъ хозяйствѣ, которое въ такомъ ходу въ сѣверо-западномъ краѣ, *голота* представляетъ собой панамъ неисчерпаемый источникъ для комплектованія личнаго состава арендаторовъ, экономовъ и управляющихъ. Кто жила въ западномъ краѣ, тому извѣстно что должности лакеевъ, дворниковъ, кучеровъ у пановъ исполняютъ весьма часто дворяне, что масса дворянъ занимается хлѣбопашествомъ и реме-

---

* *Голь*; такъ въ западныхъ губерніяхъ прозывается населеніемъ безземельное дворянство: прозвище старинное, встречающееся въ официальныхъ актахъ еще прошлаго столѣтія, разумется, не въ тѣхъ которые писаны были въ польскихъ учрежденіяхъ.

слами, ничѣмъ кромѣ языка (и то исковерканнаго на польскій ладъ мѣстнаго нарѣчія) не отличааясь отъ крестьянъ и мастеровыхъ, отправляетъ низшія должности при костелахъ, при клубахъ; не говоримъ уже про цѣлую ватагу мелкихъ чиновниковъ изъ дворянъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ края. Между этими двумя классами польскаго государства въ русскомъ краѣ нѣтъ равенства, но нѣтъ и мысли объ антагонизмѣ: за совершеннымъ почти отсутствіемъ тамъ русскаго землевладѣнія и за невозможностію для безземельнаго дворянства, безъ опасенія умереть съ голоду, пристать въ краѣ къ какой-нибудь иной силѣ, кромѣ помѣщицей, голоѣта волей-неволей служить слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ пановъ. Въ спокойное время она, за грошовое вознагражденіе, тянетъ панскую лямку и вноситъ крупный процентъ за арендованіе фольварковъ; а когда паны признаютъ выгоднымъ для себя тревожить правительство агитаціей, голоѣта, по ихъ велѣнію, надѣваетъ польско-патріотическую маску и, очертя голову, волей-неволей пускается на самыя рискованныя предпріятія. Рабская зависимость голоѣты отъ польскихъ помѣщиковъ и отсутствіе русскаго землевладѣнія служатъ главною причиною препятствующею безземельному дворянству разстаться съ польскими мечтаніями, слиться съ народомъ, обрусѣть, и утратить такимъ образомъ нынѣшнее политическое значеніе, сдѣлать польскихъ помѣщиковъ сословіемъ окончательно изолированнымъ, для котораго не оставалось бы иного выбора какъ искренно примириться съ дѣйствительностію. Распускаемая панами, ради понятныхъ интересовъ, вѣсти, будто въ западномъ краѣ между дворянами есть, на подобіе Царства Польскаго, партіи *бѣлая* и *красная*, и будто къ первой принадлежатъ помѣщики, къ послѣдней голоѣта, не болѣе какъ политическая утка, которую пускаютъ въ ходъ для того чтобы ввести въ заблужденіе людей незнакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ краѣ. При той организаціи польскаго дворянства какаа сложилась въ западныхъ губерніяхъ, вся польская партія сосредоточивается въ рукахъ помѣщиковъ, которые держатъ массу безземельной шляхты въ ежовыхъ рукавицахъ, и безъ положительнаго приказанія которыхъ шляхта не посмѣетъ и шевельнуться. Паны принадлежатъ къ партіи *бѣлыхъ*; къ

этой же партіи волей-неволей принадлежить и вся масса шляхты. Мы съ своей стороны не сдѣлали ни шагу чтобъ облегчить забитой и загнанной гольдѣбѣ возможность выйти изъ зависимости пановъ и примкнуть къ населенію. Безземельная шляхта столь же враждебна теперь Россіи, и Русскому народу какъ и паны, но паны враги русскаго господства по принципу, голота же вслѣдствіе искусственнаго отвлеченія ея отъ кореннаго населенія края и включенія въ среду враждебную государству, на такихъ основаніяхъ, при которыхъ *ей нѣтъ иного исхода* кромѣ непрекословнаго повинненія панамъ.

Паны всеми мѣрами стараются и стараются вовлечь русское общество въ заблужденіе, будто голые шляхтичи, въ качествѣ пролетаріевъ, составляетъ революціонный элементъ края, они же, землевладѣльцы, лишь орудіе въ ихъ рукахъ. Панамъ удалось, въ періодъ 1833—1861 годовъ, пропагандой такого рода въ средѣ русскаго общества, которое было лишено положительныхъ свѣдѣній не только о сущности польскаго вопроса, но и о характерѣ мятежа 1832 года, вовлечь въ обманъ многихъ изъ нашихъ вліятельныхъ въ ту пору лицъ и тѣмъ парализовать правительственную систему имѣвшую въ виду возстановленіе въ западномъ краѣ „русскихъ началъ“. Мятежъ 1863 года обнаружилъ интригу; но не успѣли еще зажить нанесенныя имъ раны, какъ паны выступили на старый путь и затянули прежнюю пѣсню.

Никто не станетъ отрицать дѣятельнаго участія голоты въ демонстраціяхъ и мятежѣ; но для вѣрнаго уясненія причины волненій потрясавшихъ наши западныя губерніи, а съ ними и всю Россію, нужно опредѣлить самый характеръ этого участія.

Манифестаціи и мятежъ въ 1861—1863 годахъ вызваны были и поддерживались помѣщиками, видѣвшими въ этомъ, въ числѣ прочаго, средство къ фактическому упраздненію Положенія 19-го февраля; подвластная имъ безземельная шляхта, поддерживаемая допанами шляхтичей-чиновниковъ, гимназистовъ и студентовъ, была лишь ихъ орудіемъ. Дабы рѣшиться на борьбу съ Россіей, агитаторамъ нужны были прежде всего большія денежныя средства, затѣмъ поддержка въ заграничной печати, тоже требующая, помимо умственной подготовки, весьма значительныхъ затратъ; средства эти доставлялись главнымъ образомъ помѣщиками. Голотѣ

пожертвованія были, разумѣется, не по силамъ. Далѣе, чтобы поднять революціонную агитацію въ западномъ краѣ, гдѣ недостатка въ войскахъ не было, агитаторамъ нужно было имѣть на столько серьезное вліяніе въ административныхъ сферахъ чтобы сдѣлать волненіе возможнымъ. Какое же вліяніе могла бы имѣть раскинутая по всему краю масса мелкихъ арендаторовъ, экономовъ, дворецкихъ, лакеевъ и канцеляристовъ, изъ которыхъ состоитъ безземельное дворянство, еслибы помѣстное дворянство оказалось враждебнымъ мятежу и двинулось рука объ руку съ администраціей? Какъ рѣшилась бы приближенная, забитая шляхта, вполне зависящая отъ своихъ пановъ, поднять революціонное знамя, когда паны требуютъ спокойствія? Кто станетъ серьезно утверждать чтобы въ краѣ, гдѣ все коренное населеніе и Евреи враждебны мятежу, гдѣ администрація употребляла всѣ усилія для поддержанія порядка, чтобы въ такомъ краѣ возможны были буйныя демонстраціи и даже вооруженный мятежъ, еслибы паны были солидарны, въ своихъ стремленіяхъ, съ консервативнымъ направленіемъ администраціи и крестьянъ? Для усмиренія такого волненія бездомныхъ голышей совершенно достаточно было бы нѣсколькихъ исправниковъ съ сотскими.

Отъ аргументаціи переходимъ къ фактамъ. Изъ предыдущихъ очерковъ мы видѣли что починъ во всѣхъ демонстраціяхъ принадлежалъ помѣщикамъ и именно самымъ крупнымъ: во главѣ агитаціи стали по большей части предводители дворянства. Эти господа подали шляхтѣ примѣръ неповиновенія властямъ, заставили ее облечься въ трауръ и пѣть революціонныя пѣсни въ костелахъ, а за тѣмъ и на улицахъ. Когда цѣль крупнаго дворянства была достигнута, и безземельная шляхта была приведена въ полное волненіе, по дорогамъ въ дальнія губерніи стали отъ времени до времени виднѣться тройки, конвоируемыя жандармами, которые сопровождали голоту, мелкопомѣстныхъ шляхтичей да приходскихъ ксендзовъ, уличенныхъ въ агитацію, на жительство во внутреннія губерніи. Паны, огражденные отъ такого рода неприятностей, спокойно оставались въ краѣ и подъ рукою продолжали мутить и руководить уличныхъ агитаторовъ. Изъ Варшавы дано знать, наконецъ, что агитаціи пора переходить въ вооруженное возстаніе, для чего-де необходимо сформир-

ровать революціонное правительство. Литовскіе *бѣлыя*, соглашавшаяся дѣйствовать, категорически требовали только *чтобы революціонная власть въ сѣверо-западномъ краѣ была сосредоточена въ ихъ рукахъ*. * Требованіе ихъ было исполнено: по губерніямъ началось формированіе революціонныхъ организацій. Къ декабрю 1862 года всѣ средства къ возстанію были готовы, и поземельное дворянство снова выступило на сцену въ качествѣ коноводовъ революціонной агитаціи: въ Минскѣ и Рогачевѣ составлены были адреса о присоединеніи сѣверо-западнаго края къ Царству Польскому; проекты подобныхъ адресовъ для Вильны и Гродны были уже въ готовности; ожидался только случай къ ихъ публичному заявленію, но рѣзня 11-го января дала новый оборотъ дѣлу возстанія.

Кто же являются главными дѣйствующими лицами въ этихъ политическихъ демонстраціяхъ?

Крупные паны и преимущественно предводители дворянства.

Начался мятежъ, и помѣстное дворянство опять явилось главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Оно открыло возстаніе въ краѣ одновременно подачей предводителями дворянства и мировыми посредниками прошеній объ отставкѣ, стало во главѣ шакѣ и гражданскихъ революціонныхъ властей, и энергически поддерживало волненіе вплоть до прибытія въ Вильну графа Муравьева. Крупный панъ графъ Плятеръ съ шайкой напалъ близъ Креулѣвки (Витебской губерніи) на транспортъ съ оружіемъ; другой не менѣ крупный панъ Светоржецкій сталъ во главѣ могилевскаго возстанія. Витебская и Могилевская губерніи, въ лицѣ польскаго дворянства, не отстаютъ отъ губерній Ковенской и Виленской.

Тайна быстро усмиренія мятежа графомъ Муравьевымъ заключается въ томъ что онъ сумѣлъ сразу потратить возстаніе въ самомъ его корнѣ: онъ направилъ всю силу своей власти *прямо противъ польщиковъ и высшаго латинскаго духовенства*, и пожаръ быстро погасъ самъ собою, за недостаткомъ топлива. Графъ Муравьевъ, какъ извѣстно, строго каралъ исключительно главныхъ виновниковъ и руководителей революціи; людей же вовлеченныхъ въ возстаніе силой или обманомъ онъ подвергалъ наказаніямъ слабымъ и всего чаще вовсе освобождалъ отъ

* Русск. Вѣстн. 1869 г., № 2, стр. 621.

взысканій. Въ силу такой системы (встрѣтившей въ кругу нашихъ полонофиловъ самую ожесточенную неприязнь), графу Муравьеву пришлось, послѣ тщательныхъ слѣдствій, подвергнуть самой строгой карѣ *преимущественно крупныя пановъ*. По его конфирмаціямъ, помѣщики графъ Леонъ Плятеръ, Вагентиѣ Бѣлосоръ, Владиміръ Корсакъ Михаилъ Оскерко и др., подверглись смертной казни, а въ числѣ сосланныхъ на каторжныя работы, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, видное мѣсто по степени участія въ мятежѣ занимаютъ паны: графъ Эдуардъ Чапскій, Ордынецъ, Мекржицкій, князь Витольдъ Гедроицъ, графъ Михаилъ Велегурскій, графъ Мечиславъ Велегурскій (оба взяты въ плѣнъ по разбитіи шайки), графъ Ярославъ Коссаковскій, невельскій предводитель дворянства Родзевичъ, и пр. По слѣдствію оказалось что эти лица были въ числѣ самыхъ ревностныхъ борниковъ вооруженнаго возстанія.

Было бы большою ошибкой полагать что революціонныя тенденціи пановъ были, во время послѣдняго мятежа, явленіемъ случайнымъ, вызваннымъ не самымъ свойствомъ польскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, а напримѣръ единственно Положеніемъ 19-го февраля. Положеніе это дѣйствительно было одною изъ причинъ вызвавшихъ послѣднее возстаніе, но возстаніе могло быть и безъ него: въ 1855 году, когда считалось возможнымъ вторженіе союзниковъ въ западное пограничное пространство, и когда не было и рѣчи объ освобожденіи крестьянъ, помѣщики сдѣлали уже всѣ подготовленія для возстанія, и еслибы вторженіе осуществилось, нѣтъ сомнѣнія что польская партія поднялась бы противъ Россіи какъ одинъ человекъ. Стоятъ только вникнуть въ характеръ польскаго землевладѣнія и въ новѣйшую исторію польскаго дворянства дабы убѣдиться что, съ одной стороны, антирусскій мятежъ въ западномъ краѣ возможенъ только по начинанію и подъ руководствомъ польскихъ помѣщиковъ, подъ какимъ бы предлогомъ мятежъ этотъ ни былъ возбужденъ, и что, съ другой стороны, пока землевладѣніе сохраняетъ польскій характеръ, волненія и потрясенія будутъ неизбѣжнымъ и естественнымъ послѣдствіемъ этого порядка вещей.

X.

Русскихъ, незнакомыхъ съ мѣстными условіями западныхъ губерній, и иностранцевъ поражаетъ обыкновенно та особенность польскаго землевладѣнія въ этомъ краѣ что оно представляетъ собой не консервативный, какъ во всемъ свѣтѣ, а революціонный элементъ края. Особенность эта была причиной того что многіе изъ нашихъ и изъ иностранцевъ, не умѣя объяснить себѣ страсти польскихъ землевладѣльцевъ къ смутамъ и потрясеніямъ, вдавались въ грубую ошибку, возлагая главную отвѣтственность за революціонныя дѣйствія на дворянскій пролетаріатъ. Впасть въ это заблужденіе было тѣмъ легче что польскіе помѣщики *въ мирное время*, изъ личныхъ разчетовъ, всѣми силами старались его поддерживать. Эта особенность польскаго землевладѣнія только кажущаяся: на дѣлѣ польское землевладѣніе въ западномъ краѣ болѣе консервативно чѣмъ гдѣ-нибудь, но *консервативно въ отношеніи не къ Россіи, а къ Речи Посполитой*, а такъ какъ возстановленіе прежней Польши возможно только на развалинахъ Россіи, то консерватизмъ польскаго дворянства является въ отношеніи къ Россіи началомъ разрушительнымъ, революціоннымъ. Дѣйствительно, съ разгромомъ Польскаго королевства, польское землевладѣніе осталось *главнымъ и единственнымъ* * учрежденіемъ тяготящимъ, по-прежнему, къ Варшавѣ и хранящимъ преданія и стремленія погибшаго государства. По присоединеніи западнаго края къ Россіи, польское землевладѣніе встрѣтило поддержку въ русскомъ правительствѣ, которое въ ту пору употребляло всѣ усилія для окончательнаго водворенія крѣпостнаго права. При содѣйствіи нашей администраціи, крестьянiniz въ западныхъ губерніяхъ окончательно обращенъ былъ въ панскаго хлопа, чего помѣщики, несмотря на всѣ хлопоты, не въ силахъ были добиться собственными средствами въ теченіи

* Хотя католицизмъ остался другимъ важнымъ памятникомъ польскаго господства, но онъ, по своему космополитическому характеру, не можетъ считаться собственно польскимъ утановленіемъ; если онъ въ настоящее время служить на пользу польской партіи, то вина тутъ не въ католицизмѣ, а въ той постановкѣ какую мы ему дали.

четырёхъ столѣтій. Князь Чарторыйскій, въ періодъ своего могущества, употребилъ все свое вліяніе на усиленіе польскаго землевладѣнія, на развитіе въ немъ угасавшаго патріотизма искусственнымъ воскрешеніемъ преданій Рѣчи Посполитой, и на политическое воспитаніе его посредствомъ школы. Успѣхъ превзошелъ его ожиданія: въ двадцатыхъ годахъ польское землевладѣніе было уже въ краѣ партій сильною по вліянію, по богатству и умственному развитію, имѣвшею поводъ, по господствовавшимъ въ ту пору въ нашихъ административныхъ сферахъ воззрѣніямъ, открыто считать себя вполне чуждою Россіи и ласкаться надеждой въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ воссоединиться съ Царствомъ Польскимъ. Уже въ ту пору польское землевладѣніе, признавая себя элементомъ чуждымъ Россіи, усвоило себѣ ту замкнутость которую сохраняетъ до настоящаго времени и стремилось къ исключительному вліянію на дѣла края, ревниво устраняя все русское отъ соприкосновенія съ мѣстнымъ населеніемъ.

Мятежъ 1831 — 1832 годовъ указалъ истинное значеніе польскаго дворянства въ качествѣ революціоннаго элемента. Несмотря на то что въ ту пору мелкое дворянство имѣло нѣсколько больше вліянія чѣмъ нынѣ, вслѣдствіе того что Виленскій университетъ былъ для него центромъ, помѣщики стали въ главѣ возстанія. Паны въ послѣдствіи отрицали предъ Русскими участіе въ мятежѣ помѣстнаго дворянства, сваливая (какъ дѣлаютъ теперь относительно мятежа 1863 года) отвѣтственность на безземельное дворянство. Но изъ пѣсни слова не выкинешь. Дѣйствительно, одинъ голый перечень главныхъ дѣйствующихъ лицъ того времени въ западныхъ губерніяхъ опредѣлитъ отношеніе крупнаго дворянства къ польскому мятежу. Въ сѣверо-западномъ краѣ, какъ извѣстно, театромъ вооруженнаго мятежа были главнѣйше губерніи Ковенская, Виленская и часть Минской; вотъ имена главнѣйшихъ агитаторовъ въ этихъ мѣстностяхъ: *въ Россіенсколжъ уездѣ* во главѣ возстанія, а затѣмъ и во главѣ шайкъ, сталъ тамошній *уездный предводитель* Іезекииль Станевичъ; слѣдующія за тѣмъ главныя роли занимали паны Стравинскій, Калиновскій, Гружевскій и др. Въ *Тельшахъ* президентомъ революціоннаго правленія былъ тоже тамошній *предводитель дворянства* Гадонъ; шайками командовали мѣстные паны: князь Гедроуць, Томкевичъ и Довборъ. Въ *Шавляхъ*

президентомъ революціоннаго правительства былъ опять *предводитель дворянства* Херубовичъ; пѣхотными шайками командовалъ Шеміотъ, конными—Гржимайло. Въ *Поневъжъ* во главѣ возстанія были: *предводитель жъс дворянства* графъ Залусскій (въ послѣдствіи командовалъ шайками нѣсколькихъ уѣздовъ) и Страшевичъ; начальниками шаякъ были Потоцкій и Пржещивевскій. Въ *Вилькомиръ* возстаніемъ руководилъ *предводитель дворянства* Паткевичъ и нарочно для мятежа вернувшійся изъ за-границы богачъ Цезарь Плятеръ съ сестрой своею Эмилией Плятеръ (она сама формировала шайку и носила мужское платье); за нимъ слѣдовали Конча и богатый панъ Лобановскій, разстрѣлянный Храповицкимъ въ Вильнѣ. Въ *Шервинтажъ* и *Нѣмечинъ* во главѣ революціи стояли Эшманъ и Гецевичъ, въ *Трокажъ*—князь Гавріилъ Огинскій, въ *Сепнуянажъ*—богатые помѣщики братья Кублицкіе, въ *Ошмянажъ*—предсѣдатель трибунала Важинскій и графъ Пржездзецкій, въ *Диснъ*—*предводитель дворянства* Гецевичъ, въ *Гроднъ*—*предводитель дворянства* Нѣмцевичъ и Билгорайскій и т. д. Въ юго-западномъ краѣ главными агитаторами и начальниками шаякъ были тоже крупные помѣщики: графъ Тышкевичъ, графъ Олизаръ, графъ Михаилъ Чацкій, братья Сабанскіе, графъ Ржевускій, братья Потоцкіе, *предводители дворянства* Головинскій и Стемпковскій и т. д. Это ли все „босоногая шляхта“? Мелкое дворянство, конечно, принимало горячее участіе въ возстаніи, былъ даже цѣлый отрядъ въ 800 человекъ изъ мальчиговъ обучавшихся въ виленскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но роль его была та же что роль рядовыхъ, тогда какъ для революціи было всецѣло въ рукахъ воеводъ, крупныхъ помѣщиковъ и преимущественно избранныхъ ими предводителей дворянства.

Съ усмиреніемъ мятежа наступилъ почти тридцатилѣтній періодъ умиротворенія края. Вышее правительство, усвоивъ систему если не коренныхъ, то все-таки весьма серьезныхъ преобразованій, энергически стремилось къ приведенію ея въ дѣйствіе. Въ систему эту входила начала которыя могли если не подорвать въ корнѣ, то по крайней мѣрѣ парализовать силу польской партіи и поднять нравственное значеніе мѣстнаго русскаго элемента: инвентари имѣли назначеніемъ вывести крестьянина изъ экономической зависимости отъ пановъ; русскія школы, соответствовавшія среднимъ учебнымъ заведеніямъ, предназначались исключительно для мѣстныхъ Русскихъ

изъ народа и имѣли въ виду выдвинуть Русскихъ изъ того при-
ниженнаго положенія въ которомъ они находились; мѣстная
администрація, по настоятельному требованію верховной вла-
сти, нѣсколько разъ повторенному, должна была состоять во
всѣхъ слояхъ ея исключительно изъ Русскихъ; преподаваніе
польскаго языка было исключено изъ учебнаго курса; раздача
конфискованныхъ имѣній, на правахъ маіоратовъ, русскимъ
помѣщикамъ должна была потрясти замкнутость польскаго
землевладѣнія и т. д. Система эта съ замѣчательною послѣ-
довательностью и настойчивостью проводилась со стороны
власти, ее предназначавшей: письменные документы свидѣ-
тельствуютъ что въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ сверху не
было ни разу ни колебаній, ни уклоненій. Но то ли вышло
что предполагалось? Инвентари обратились въ орудіе угне-
тенія крестьянъ панамъ, а русскія школы въ училища ис-
ключительно дворянскія, то-есть польскія, въ которыя былъ
даже запрещенъ доступъ русскому простонародью;* препо-
даваніе польскаго языка въ училищахъ сохранилось, съ тою
только разницей что его преподавали не свѣтскія лица, а
ксендзы, обучавшіе католиковъ закону Божию; до десятка
крупныхъ маіоратовъ дѣйствительно достались знатнымъ рус-
скимъ помѣщикамъ, которые и не жили въ своихъ имѣніяхъ.
Но все это творилось подъ личиною глубочайшаго уваженія
къ системѣ, при постоянныхъ донесеніяхъ съ мѣстъ въ Пе-
тербургъ что „водвореніе русскихъ началъ“ въ край поды-
гается впередъ быстрыми шагами, и при увѣренности выс-
шихъ властей что предназначенія ихъ приводятся въ испол-
неніе.

Сила, подъ напоромъ которой совершались эти дѣла, за-
ключалась въ крупномъ польскомъ дворянствѣ. При измѣнив-
шихся послѣ мятежа 1832 года правительственныхъ возрѣ-
віяхъ на польскую партію въ западномъ край, магнаты, ду-
шая возможности открыто дѣйствовать противъ Россіи, на-
шли что гораздо удобнѣе достигать той же цѣли руками рус-
ской администраціи. Надѣвъ личину благонамѣренныхъ кон-
серваторовъ, паны, при помощи посаженныхъ ими на слу-
жебныя мѣста польскихъ чиновниковъ, въ край и въ Петер-
бургъ, сумѣли уловить и мѣстную администрацію, и тѣ петер-
бургскія сферы которыя имѣли непосредственное вліаніе на
дѣла западныхъ губерній. Полицейская система управленія

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1869 г., № 1, стр. 121.

краемъ, имѣвшая въ основаніи не коренныя преобразованія, а преслѣдованіе отдѣльныхъ личностей, да наблюденіе чтобы въ край не возникло новыхъ безпорядковъ, была сполна въ интересахъ польской партіи, революціонныя работы которой, предпринятыя на самую широкую руку, свободно подвигались впередъ, ускользя отъ узкаго полицейскаго кругозора. Паны, хорошо понимая что вѣрнымъ масштабомъ для опредѣленія степени политической состоятельности системы управленія западнымъ краемъ служатъ отношенія мѣстной администраціи къ польскимъ помѣщикамъ, были вполне спокойны за сѣверную половину края. Тамъ въ сороковыхъ годахъ завѣтною мечтой большинства мѣстныхъ административныхъ органовъ стало стремленіе къ такъ-называемой „примирительной политикѣ“ въ отношеніи къ польскимъ помѣщикамъ: не многіе изъ нашихъ дѣятелей того времени ясно сознавали что такое стремленіе тождественно со стремленіемъ къ политической бессмыслицѣ, и что никакой организмъ, безъ риска погибнуть, не можетъ примириться съ ядомъ развѣдающимъ его внутренность. До высшихъ властей истина не достигала, и укрывательство отъ Петербурга доходило до того что сама польская партія стала предостерегать администрацію отъ увлеченія польскимъ патриотизмомъ. Въ польскомъ мирѣ извѣстенъ случай того времени когда въ семействѣ одного администратора (православнаго) велась рѣчь о позолотѣ, на собственный счетъ, статуи на Виленскомъ католическомъ кафедральномъ соборѣ, и когда католическій епископъ убѣдилъ отказаться отъ этого намѣренія, „дабы слухъ о томъ не дошелъ до Петербурга“. Когда въ половинѣ пятидесятихъ годовъ, воспитанная нашими промахами, польская партія стала наконецъ заявлять на каждомъ шагѣ свою силу, русская администрація въ край, окруженная панами и польскими чиновниками, пришла къ убѣжденію въ пользѣ возстановленія, взаимнъ Свода Законовъ, Литовскаго Статута и установленія администраціи изъ чиновниковъ польскаго происхожденія.

Помѣстное польское дворянство, при условіяхъ столь благоприятныхъ для развитія его политическаго вліянія, вполне воспользовалось своимъ положеніемъ въ періодъ 1832—1861 годовъ чтобы упрочить свое главенство надъ польскою партіей, упразднивъ всякую тѣнь нравственной самостоятельности шляхты. Въ послѣдніе годы этого періода помѣстное польское

дворянство смѣло могло сказать что польская партія въ юго-западномъ краѣ не посмѣетъ шелохнуться безъ его воли.

Это главенство, впрочемъ, досталось помѣщикамъ не безъ борьбы, хотя и слабой, съ демократическою фракціей польской эмиграціи, которая пыталась было сдѣлать малоземельное и безземельное дворянство своимъ орудіемъ въ борьбѣ съ фракціей князя Адама Чарторыйскаго. Чтобы указать на эту борьбу, надо нѣсколько остановиться на отношеніяхъ эмиграціи къ польской партіи западныхъ губерній.

Польская эмиграція въ тридцатыхъ годахъ перенесла съ собою и за границу тѣ стремленія которыя обнаруживала въ Варшавѣ: скоро разбилась она на двѣ взаимно-враждебныя партіи, *бѣлыя* (аристократическую) и *красныя* (демократическую). Обѣ онѣ стремились къ одной цѣли: „къ восстановленію Польши въ предѣлахъ 1772 года и къ подготовленію возстанія путемъ пропаганды въ крестьянской средѣ“, но стремились различными путями. Такъ какъ въ отношеніи къ Россіи и русскому населенію западнаго края обѣ партіи были въ сущности одинаково враждебны, то для насъ, очевидно, наиболее опасно изъ нихъ была та которая вѣрнѣе могла достигнуть цѣли, которая имѣла болѣе средствъ обмануть насъ.

Полагаемъ при этомъ случаѣ не лишнимъ оговориться относительно смысла терминовъ: *бѣлая* (аристократическая) и *красная* (демократическая) партіи. Въ польскомъ мірѣ, партіи эти обозначаютъ совсѣмъ не то понятіе какое обыкновенно съ ними соединяется. И красные и бѣлые одинаково принадлежатъ къ партіи аристократической, шляхетской; и тѣ и другіе подъ именемъ народа разумѣютъ исключительно совокупность польской шляхты; и тѣ и другіе одинаково враждебны народу, въ собственномъ значеніи этого слова. Относительно западныхъ губерній неприязнь эта доходитъ до того что Поляки не признаютъ за русскимъ народомъ даже права на сохраненіе своей народности и православной вѣры. Правда, между этими партіями, подраздѣляющимися на сотни неприязненныхъ одинъ другому лагерей, существуетъ жестокая вражда якобы изъ-за принциповъ, но въ сущности изъ-за власти въ польскомъ мірѣ и за сопряженную съ нею возможность для эмигрантовъ эксплуатировать въ свою пользу карманы своихъ собратій.

Бѣлая партія, во главѣ которой стоялъ въ ту пору Адамъ Чарторыйскій, опытный спеціалистъ по части интриги и вовлеченія въ обманъ русскаго правительства, дѣйствовала осторожно, медленно, но вѣрно, разчитывая не столько на собственные силы Поляковъ, сколько на ошибки правительства и на содѣйствіе дипломатіи или на политическіе перевороты. На ея сторонѣ было все помѣстное дворянство западныхъ губерній. Снабжая ее денежными средствами для веденія дѣла,* помѣстное дворянство охотно принимало отъ нея эмиссаровъ, которые благополучно совершали свои поѣздки по краю, и слѣпо слѣдовало указанной программѣ. Эмиссары Коперницкій и Булевскій посланы были Чарторыйскимъ еще въ 1833 году и успѣли учредить нѣсколько тайныхъ обществъ чисто революціоннаго характера, но прикрытыхъ самыми невинными на взглядъ программами.

Красная партія признавала польскія силы достаточными для борьбы и потому стремилась къ восстановленію Польши подготовленіями партизанской войны, успѣхъ которой, по ея мнѣнію, обезпечивался только при сочувствіи крестьянъ интересамъ польской партіи; поэтому въ программу этой партіи входило ограниченіе личныхъ и сословныхъ интересовъ помѣщиковъ. Партія эта встрѣчала себя прозелитовъ только въ Царствѣ Польскомъ и преимущественно въ Варшавѣ, гдѣ политическія партіи издавна обозначились и гдѣ онѣ имѣютъ практическое значеніе; въ западныхъ же губерніяхъ, гдѣ вся власть сосредоточена была въ рукахъ бѣлыхъ, помѣщиковъ, вліяніе красной партіи было ничтожно.

Красные, не имѣя такимъ образомъ почвы въ западныхъ губерніяхъ, пытались въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ создать ее изъ мелкаго и безземельнаго дворянства. Для достиженія этой цѣли имъ нужно было, если не вырвать шляхту изъ рукъ помѣщиковъ, то по крайней мѣрѣ вывести ее изъ рабской зависимости отъ пановъ. Въ этомъ отношеніи интересы красныхъ куріозно сходились съ интересами Россіи, съ тою, разумѣется, существенною разницей что Россіи важно было отдѣлать голѣту отъ ея центра, польскихъ помѣщиковъ, и заставить ее присоединиться къ русскому

---

* Такъ паны юго-западнаго края высылали Чарторыйскому въ тридцатыхъ годахъ ежегодно по 61.000 червонцевъ; въ послѣдствіи мѣра этой контрибуціи значительно увеличилась.

элементу въ край; краснымъ же желательно было обратить шляхту въ самостоятельное польское тѣло, которое служило бы имъ органомъ.

Въ этихъ видахъ командированъ былъ въ западный край отъ красной партіи предприимчивый эмиссаръ Симонъ Конарскій, который предъ тѣмъ успѣлъ, личнымъ своимъ вліяніемъ въ Краковѣ (1835), соединить двѣ тогдашнія фракціи красной партіи (*польскихъ карбонариевъ* и *молодой Польши*) въ одно общество подъ именемъ *Союза польскаго народа*. Онъ началъ пропаганду въ юго-западномъ край, гдѣ ему удалось прожить цѣлые два года (1836—1837), затѣмъ успѣлъ перенести свою дѣятельность и въ сѣверо-западный край, въ Минскую и отчасти Гродненскую губерніи, причемъ нѣсколько разъ посѣщалъ Вильну, гдѣ организовалъ тайное студентское общество, и во время одной изъ поѣздокъ туда былъ арестованъ и преданъ суду.

Несмотря на то что Конарскій извѣстенъ былъ польской партіи какъ демократъ и даже печаталъ статьи противъ злоупотребленій польскаго дворянства въ польскихъ заграничныхъ изданіяхъ, паны не сразу поняли суть дѣла, благодаря искусно редижированному уставу *Союза польскаго народа*, гдѣ преднамѣренно умалчивалось объ отдѣленіи крупнаго и помѣстнаго дворянства отъ мелкопомѣстнаго и безпомѣстнаго. При тогдашней затруднительности сношеній съ заграничною эмиграціею и при скудости свѣдѣній въ западныхъ губерніяхъ о фракціяхъ между эмигрантами, многіе помѣщики охотно стали оказывать содѣйствіе Конарскому и входить въ составъ формируемыхъ имъ обществъ: они видѣли въ немъ просто *Поляка-революціонера* и потому вполне сочувствовали ему, оказывая ему пособіе и нравственное, и матеріальное, и не предполагая вовсе чтобы въ домогательствахъ ловкаго эмигранта заключалась тайная цѣль ограниченія власти помѣщиковъ надъ шляхтой. Пользуясь этимъ, Конарскій успѣлъ обратить нѣкоторыя учрежденныя Булевскимъ революціонныя общества партіи бѣлыхъ въ демократическія, и былъ близокъ совершить такое же превращеніе и съ революціоннымъ центромъ бѣлой партіи въ Литвѣ, „тайнымъ“ литературнымъ обществомъ въ Вильнѣ, но не успѣлъ довести свое дѣло до конца. Паны, понявъ наконецъ истинную цѣль Конарскаго, быстро отшатнулись отъ него, но уже было поздно: весьма многіе изъ ихъ собратьевъ оказались дѣятельными сообщниками

Конарскаго, а выдать ихъ значило бы рисковать многимъ. Во многотомномъ дѣлѣ Конарскаго сквозить чувство глубокой ненависти къ этому эмиссару и видны слѣды тѣхъ нравственныхъ испытаній которымъ подвергался Конарскій, когда ему приходилось имѣть дѣло съ бѣлыми. При производствѣ слѣдствія, вызвавшаго арестованіе сообщниковъ дѣлыми сотнями, польская партія употребила всѣ усилія чтобы замаять дѣло, не давая администраціи возможности дойти до его сути. Съ казнью Конарскаго, паны энергически возстановили свое вліяніе и стали относиться къ агентамъ эмиграціи съ большею разборчивостью.

Нѣсколько лѣтъ тянулось слѣдственное дѣло о соучастникахъ Конарскаго, учредившаго дѣлаю сътъ общества не только въ юго- и сѣверо-западномъ краѣ, но и въ Дерптѣ, и даже въ Одессѣ. При допросахъ и обыскахъ открытія поражали своею неожиданностію, указывая всю силу интриги которую польская партія опутывала насъ, и обнаруживая участіе въ ней лицъ стоявшихъ до того времени внѣ подозрѣній. Сътъ тайныхъ обществъ учрежденныхъ Конарскимъ, вмѣстѣ съ сътъю обществъ учрежденныхъ партией *бѣлыхъ*, краснорѣчивѣе всякихъ доводовъ говорила о глубинѣ той пропасти въ которую, при безгласности общественнаго мнѣнія, пыталась вовлечь Россію внутренняя и внѣшняя интрига. Все вліяніе пановъ употреблено было (и весьма удачно) на сокрытіе слѣдовъ заговора и на отклоненіе слѣдователей отъ вѣрнаго пути, а въ то же время въ Петербургѣ усердно распространяемы были слухи о полицейской придирчивости и подкупности слѣдователей, разбиравшихъ дѣло соучастниковъ Конарскаго, объ ихъ жестокости въ отношеніи къ невиннымъ страдальцамъ панамъ и объ участіи въ заговорѣ одной босоногой сволочи, тогда какъ администрація преслѣдуетъ-де преимущественно помѣщиковъ. Еще слѣдствіе не было вполне кончено, а заграничная эмиграція, не обращая вниманія на участь погубленныхъ ею жертвъ, составляла уже планы новаго возстанія, которое одновременно должно было охватить Царство Польское, Галицію, Познань и Литву. Возстаніе это, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, организовано было по начинанію красной партіи; партія бѣлыхъ, долго нерѣшавшаяся принять въ немъ участіе, дала наконецъ свое согласіе, въ виду тревожнаго настроенія умовъ въ Европѣ предвѣщавшаго приближеніе переворотовъ. Въ страны входившія въ составъ

Ръчи Посполитой отправлены были эмиссары для ознакомленія съ настроеніемъ умовъ и подготовленія возстанія; въ Литву были посланы прусскій Полякъ Иванъ Реръ и Сломчевскій; глава возстанія, Мѣрославскій, руководилъ имъ изъ Познани.

Паны сѣверо-западнаго края, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ слѣдствія по дѣлу Конарскаго, не могли желать возобновленія административныхъ строгостей; къ тому же, наученные недавнимъ опытомъ, они понимали что исполнить желаніе красной партіи значило бы волей-неволей эманципировать и шляхту. Литовскіе помѣщики были рѣшительно противъ возстанія, и потому возстаніе въ Литвѣ оказалось невозможнымъ. Молодой Реръ, бредившій возстаніемъ во что бы то ни стало, объѣхалъ сѣверо-западный край и слышалъ ото всѣхъ, кромѣ нѣсколькихъ такихъ же молодыхъ какъ онъ самъ помѣщиковъ, о рѣшительномъ нежеланіи новыхъ волненій; даже тогдашній коноводъ виленской молодежи, старый докторъ и помѣщикъ Реньеръ, указанный Мѣрославскимъ какъ вполне надежное лицо и служившій главнымъ агентомъ послѣдняго, прямо утверждалъ что возстаніе въ Литвѣ невысказимо. Реръ однако обнадежилъ Мѣрославскаго въ возможности мятежа, и несмотря на увѣреніе въ противномъ Сломчевскаго, также объѣхавшаго край, вернулся въ Литву уже въ качествѣ главы возстанія. Желаніе пановъ сбылось: шляхта не посмѣла шевельнуться безъ ихъ воли, и мятежъ не состоялся. Реръ и Реньеръ были арестованы и повесели наказаніе. Агитація кончилась, какъ извѣстно, слѣдующею исторіей, арестованіемъ Мѣрославскаго и Либельта въ Познани, да кровавою расправой въ Галиціи, накликаемою самими же панами.

Вліяніе крупныхъ пановъ западнаго края на мелкопомѣстное дворянство, достигшее въ это время того развитія какое мы видимъ по сію пору, дало красной эмиграціи осязательно почувствовать что попытки поднять польскую партію въ Литвѣ могутъ быть состоятельны *единственно* при участіи *польщиковъ*. Съ этой точки зрѣнія смотреть и нынѣ вся польщизна на польскую партію западныхъ губерній.

Событія 1848—1849 годовъ и въ особенности революція въ Венгріи не могли не вызвать сочувствія польской партіи западныхъ губерній, но несмотря на глухую агитацію, край,

переполненный нашими войсками слѣдовавшими въ Венгрію, былъ въ спокойствіи, если не считать незначительныхъ по размѣрамъ революціонныхъ попытокъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ. Больше агитировалось дворянство югозападнаго края, по близости его къ театру военныхъ дѣйствій; агитация эта проявлялась преимущественно въ переходахъ шляхты въ Галицію и въ венгерскіе легіоны.

Въ Крымскую войну начало мало-по-малу обнаруживаться что сдержанное поведеніе польскаго дворянства далеко не есть еще признакъ охлажденія его къ дѣлу революціи.

Крымская война сблизила на время, для дѣйствія противъ Россіи, бѣлую и красную фракціи эмиграціи, подъ высшимъ руководствомъ первой изъ нихъ. Франція и Англія, вида въ Полякахъ полезное противъ Россіи орудіе, не могли однако вполне воспользоваться имъ, изъ опасенія встревожить Австрію и Пруссію. Поэтому французское правительство, отказавъ Чарторыйскому въ разрѣшеніи сформировать во Франціи особый польскій легіонъ, но знаменательно давая знать что первый „выстрѣлъ на Вислѣ заставитъ смолкнуть батареи направленные на Севастополь“, уполномочило Чарторыйскаго формально заявить въ польской печати чтобы Поляки тѣмъ не менѣе *„не теряли надежды и были въ готовности къ дѣйствию, когда потребуется“*. * Союзники не препятствовали однако сформированію въ Турціи такъ-называемой *польской казачьей бригады*, которая, подъ начальствомъ графа Владислава Замойскаго (племянника Чарторыйскаго), не бывъ вовсе въ огнѣ, приобрѣла скандальную извѣстность полнымъ отсутствіемъ въ ней дисциплины, хищничествомъ начальниковъ и развившимся въ ней насильственнымъ обращеніемъ православныхъ въ католицизмъ при помощи нагаекъ, прозванныхъ, по имени особенно страстнаго ихъ поклонника, полковника Куркора, куркорками. ** Формированіе этой бригады привлекло на Востокъ многихъ вожаковъ эмиграціи. Сынъ Чарторыйскаго Владиславъ, Мицкевичъ и другіе отправились въ Константинополь.

* *Wiadomosci Polskie*, 16-го іюня 1854 г. (органъ Чарторыйскаго).

** Въ полки этой бригады зачисляли русскихъ бѣглыхъ солдатъ, но даже это отребье русской арміи, какъ свидѣтельствуеть графъ Тышкевичъ, открыто возставало противъ насильственнаго

Это отвлечение массы эмиграціи на Востокъ и рекомендованная Полякамъ сдержанность значительно ослабили силу агитаціи польской партіи въ нашей западной окраинѣ. Но такъ какъ воздержаніе Поляковъ отъ открытыхъ демонстрацій и волненій было искусственнымъ и рекомендовалось единственно какъ положеніе вынужденное политическими обстоятельствами того времени, причемъ указывалось на необходимость „быть въ готовности“, то понятно что въ программу польской партіи должно было входить подготовленіе умовъ къ предстоящимъ волненіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ припасеніе матеріальныхъ средствъ къ возстанію: оружія, пороха, снаряженія, продовольствія. „Польша, при возстаніи въ настоящее время, сказано въ печатномъ органѣ князя Чарторыйскаго 1854 года, * доставила бы царю случай безъ большого труда потушить волненія; такое возстаніе парализовало бы польскія силы, *которыя позже могутъ быть употреблены съ большою пользою.*“ Въ томъ же духѣ, въ теченіе 1854 и въ началѣ 1855 годовъ, распространялись по краю прокламаціи Чарторыйскаго, напечатанныя не только на бумагѣ, но и на шелковыхъ носовыхъ платкахъ; на послѣднихъ было напечатано какимъ-то составомъ, который обнаруживался только послѣ стирки.

Разчетъ благоразумія побуждалъ помѣщиковъ въ первый періодъ войны не выходить изъ программы начертанной Чарторыйскимъ. При наружномъ спокойствіи ихъ, и вся польская партія была по наружности спокойна. Мы довольствовались этою внѣшностью, вполне удовлетворявшею требованіямъ полицейскихъ уставовъ, и не приписывали большого значенія тому что въ то же самое время въ помѣщичьей средѣ усиленно перерабатывалась мысль о томъ положеніи въ какое придется стать польской партіи относительно русскаго правительства въ близкомъ будущемъ, съ разъясненіемъ политическихъ и военныхъ обстоятельствъ.

обращенія въ латинство: „убей, не верекрежусь!“ такъ возражали наши дезертеры польскимъ офицерамъ, принявшимъ на себя роль миссіонеровъ (*Ecrits sur la Pologne contemporaine*). Поляки считали польское дѣло до того скомпрометтированнымъ поведеніемъ шляхтичей въ этой бригадѣ, что одинъ изъ нихъ, Явимокій, публично побилъ въ Парижѣ Замойскаго поляка.

* *Wiadomosci Polskie*, 14-го декабря 1854 г.

При наружной покорности властямъ, помѣщики не упускали золотого времени и дѣлали приготовленія. Изъ дѣлъ того времени видно что съ прусской и австрійской границы порохъ перевозился въ западный край десятками пудовъ, доставлялись болѣе или менѣе значительныя партіи оружія, для пополненія тѣхъ запасовъ которые хранились зарытыми въ землѣ, въ лѣсахъ принадлежащихъ къ помѣщичьимъ усадьбамъ. Разнаго рода революціонныя воззванія и революціонныя брошюрки тѣками слѣдовали отъ эмиграціи. Все это проходило къ намъ, конечно, контрабанднымъ путемъ. По сѣверо-западному краю пущень былъ слухъ изъ-за границы, будто непріятель, по занятіи Севастополя, предполагаетъ сдѣлать высадку между Полангеномъ и Либавой и двинуться на Вильну; въ то же время помѣщики юго-западнаго края увѣряли что союзная армія, овладѣвъ черноморскимъ побережьемъ, направится на Кіевъ или Каменецъ, поддержанная австрійскою арміей, которая дебушируетъ изъ Галиціи. По первому изъ этихъ плановъ, Ковенская губернія должна была сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій. Еще въ іюнѣ 1854 года до высшаго правительства доходили изъ положительныхъ источниковъ свѣдѣнія что эмигрантъ 1831 года, Цезарь Плятеръ, находился въ ту пору въ Мемелѣ, гдѣ учреждалъ тайныя сношенія для производства возмущенія; извѣстно было даже содержаніе письма его отъ 23-го іюня, писаннаго изъ Мемеля: въ письмѣ этомъ онъ сообщалъ свои революціонныя планы относительно западныхъ губерній. Въ Мемелѣ видѣли даже, какъ свидѣтельствовали лица вполне заслуживающія довѣрія, его прокламаціи. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Вильны, въ Ковенскую губернію командированъ былъ чиновникъ-Полякъ, который, по объѣздѣ Ковенской губерніи, донесъ что дошедшіе до высшаго правительства слухи не подтверждаются, что Цезарь Плятеръ не бывалъ въ Мемелѣ, что въ губерніи замѣчается совершенное спокойствіе умовъ, и что „помѣщики опасаются болѣе неповиновенія крестьянъ по поводу инвентарей нежели военныхъ дѣйствій“. „Здѣсь занимаются“, писалъ онъ изъ Ковенской губерніи, „менѣе нежели въ иныхъ мѣстахъ событіями настоящей войны, предпочитая положительныя свои выгоды отъ урожаевъ, перевозки товаровъ, наконецъ отъ контрабанды, *всѣмъ путемъ мечтаемъ несбыточной самостоятельности, къ которой, право, ниодно сословіе не имѣетъ*

здесь надобности, а еще меньше владѣльцы земель, какого бы размѣра земли эти ни были. Надо быть очень предубѣжденнымъ чтобы полагать что здѣшніе дворяне готовы всегда жертвовать собою для исторіи и славы. Мнѣніе это, очевидно, почерпнуто изъ книгъ о древнихъ Литовцахъ, вопреки настоящей истинѣ.“ Такой отзывъ довѣреннаго лица успокоилъ администрацію. Изъ Виленской губерніи имѣлись свѣдѣнія что нѣкоторые дисненскіе помѣщики заготавливаютъ оружіе и требуютъ отъ своихъ собратьевъ въ краѣ чтобы все было готово къ возстанію; назывались имена главныхъ лицъ и мѣсто дѣйствія; но извѣстія эти даже не вызвали формальнаго разслѣдованія.

Отступленіе наше на сѣверную сторону Севастополя привѣтствовалось панамъ какъ самое желанное событіе. Слухи объ этомъ со всѣхъ сторонъ долетали до свѣдѣнія администраціи, но въ ту тревожную пору на нихъ уже едва обращали и вниманіе. Съ оборотомъ военныхъ, а съ ними и политическихъ обстоятельствъ не въ нашу сторону, помѣщики, продолжая дѣйствовать по прежней программѣ, сдѣлались однако замѣтно смѣлѣе и рѣшительнѣе. Въ краѣ стала обнаруживаться агитація, сначала чисто помѣщичьяго характера, потомъ распространившаяся и на шляхту. Въ Ковенской губерніи она проявлялась въ усиленномъ заготовленіи оружія и пороха, въ громогласныхъ заявленіяхъ сочувствія успѣхамъ союзныхъ армій, въ ликованіяхъ и оваціяхъ помѣщиковъ. На одной пирушкѣ шляхтичи даже качали на рукахъ одного увѣзданаго предводителя, графа, какъ будущаго *воводу литовскаго*. По краю носились слухи что въ поневѣжскихъ и шавельскихъ лѣсахъ ужъ сформировалась шайка и занималась военными упражненіями: но изъ этой глуши, заслоненной отъ администраціи польскимъ чиновничествомъ, до правительства доходили лишь смутные, неопредѣленные слухи.

Въ Минской губерніи администраціи удалось, благодаря ревности нѣкоторыхъ лицъ изъ православнаго духовенства, въ особенности Терентія Минкевича, напасть на слѣдъ обширной революціонной организаціи, въ составъ которой входили почти исключительно *помѣщики*, и преимущественно крупные; но обстоятельства и на этотъ разъ сложились такъ что панамъ сошли съ рукъ ихъ интриги. Мы уже говорили *

* Русск. Вѣст. 1869 г., № 1, стр. 148.

о попыткѣ Рогалевича составить шайку изъ молодежи, поджечь Минскъ и ограбить присутственныя мѣста. Рогалевичъ и школьники понесли наказаніе за свои намѣренія, но въ послѣдствіи стало обнаруживаться что дѣло это не чуждо нѣкоторымъ помѣщикамъ, и что оно представляло собой лишь одну изъ частей обширнаго плана, задуманнаго къ ниспроверженію русской власти. Удача предпріятія Рогалевича должна была служить лишь сигналомъ къ волненіямъ, которыя должны были разыгратъ въ послѣдствіи. Собравшіеся у одного пана помѣщики разсудили что еще не пора дѣйствовать, и потому рѣшились оставаться въ домахъ *въ ожиданіи съдѣній о томъ что случится въ Минскѣ*. „Нѣтъ сомнѣній“, писало пять мѣсяцевъ спустя изъ Минска въ Вильну одно лицо, извѣдывшее въ ту пору Минскую губернію и близко знавшее тамошнихъ помѣщиковъ, „нѣтъ сомнѣній въ томъ что о бывшихъ въ Минскѣ затѣяхъ Рогалевича и другихъ небезызвѣстно было многимъ не обнаруженнымъ по этому дѣлу лицамъ“. Обнаружено что два сына одного очень крупнаго помѣщика, стоявшаго во главѣ движенія о которомъ будетъ говорено ниже, знали еще въ началѣ іюня о заговорѣ Рогалевича, но это открытіе не повело къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Предпріятіе Рогалевича, по наружности разбойничье, въ сущности же прежде всего политическое, было бы конечно невысказано, еслибъ оно не входило въ политическую программу господъ руководившихъ дѣйствіями польской партіи въ Минской губерніи. Послѣдствія скоро подтвердили что во главѣ агитаціи въ Минской губерніи стоитъ помѣстное дворянство, въ томъ числѣ нѣсколько весьма крупныхъ и притомъ пожилыхъ пановъ. Эти господа затѣяли произвести въ глуши южныхъ уѣздовъ Минской губерніи вооруженное возстаніе, сформировавъ шайку для партизанскихъ дѣйствій. Южные уѣзды этой губерніи, лежащіе по теченію Березины и Припечи, и смежныя съ ними сѣверныя уѣзды Волынской губерніи, лѣсныя, болотистыя, съ плохими дорогами, суть классическая страна польскихъ заговоровъ противъ правительства: тамъ безопасно укрывался и дѣйствовалъ Конарскій, тамъ заводились тайныя типографіи и производилась выдѣлка оружія, тамъ организовались тайныя общества. Мѣстность эта искони считается польскою

партіей за самую удобную для партизанской войны по пути нашихъ сообщеній съ Брестомъ.

Въ концѣ 1855 года до кievской администраціи дошли свѣдѣнія о неблагонамѣренности, въ политическомъ отношеніи, нѣкоторыхъ тамошнихъ Поляковъ. Такія же свѣдѣнія получены были въ Вильнѣ и даже въ Петербургѣ. Въ Вильнѣ имѣлись, изъ источника официальнаго и благонадежнаго, свѣдѣнія что „*полъчики и дворяне Минской губерніи, за очень малымъ исключеніемъ, имѣютъ весьма большое сочувствіе къ воюющимъ съ нами союзнымъ державамъ, и что между ними есть много такихъ за которыхъ ручаться въ политическомъ отношеніи невозможно, а иные даже, какъ должно полагать по образу ихъ мыслей, обнаруживаемыхъ въ разговорахъ, въ полной готовности, въ особенности въ ближайшихъ съ Волынїей уѣздахъ, воспользоваться малѣйшимъ удобнымъ случаемъ для содѣйствія врагамъ и силою оружія*“. Сверхъ того было извѣстно что главнѣйшіе помѣщики Мозырскаго и Рѣчицкаго уѣздовъ „имѣютъ въ распоряженіи своемъ мѣстныхъ наиболее вліятельныхъ чиновниковъ, потому что послѣдніе почти всѣ выбраны, а не опредѣлены на службу, а иные (какъ-то предводитель дворянства одного изъ уѣздовъ и судья) получаютъ отъ помѣщиковъ жалованье... Этыхъ помѣщиковъ (предводителя дворянства и судью) всѣ уважаютъ и повиноваться имъ во всемъ готовы, а какъ они были прикосновенны къ политическимъ дѣламъ, то не заслуживаютъ довѣрія правительства и могутъ быть тѣмъ опаснѣе въ политическомъ отношеніи что владѣютъ большими денежными средствами.“ Извѣстно было что одинъ помѣщикъ Игуменскаго уѣзда получилъ нѣсколько возмутительныхъ брошюръ и читалъ ихъ у такого-то пана, гдѣ въ ту пору находились такіе-то помѣщики, и гдѣ рѣшено было общимъ голосомъ: не давать этому воззванію хода потому что *еще не пора явно дѣйствовать*. Этотъ же игуменскій помѣщикъ роздалъ крестьянамъ своимъ и другимъ лицамъ наряды, на подобіе краковскихъ, шапки и охотничьи сумки для патроновъ. Извѣстно было что эти уѣзды успѣшно посѣщались эмиссарами изъ эмигрантовъ тридцать перваго года. Борисовскій уѣздъ посѣтилъ Валуцкій, бывшій переодѣтымъ въ еврейское платье, съ бородой; „во все время нахождения его тамъ, онъ былъ посѣщаемъ многими помѣщиками и дворянами“; въ Вилейскомъ уѣздѣ (Виленской губерніи) гостилъ какой-то эмигрантъ Игнатій

Блажівичъ, котораго тоже видѣли въ собраніи многихъ дворянъ, въ имѣніи Дуниковичахъ. Наконецъ имѣлось указаніе что въ Игуменскомъ уѣздѣ, въ прибрежной къ рѣкѣ Березинѣ части его, существуетъ вооруженная шайка, съ цѣлю вести при случаѣ партизанскую войну, при чемъ извѣстны были и имена главныхъ ея руководителей, крупныхъ помѣщиковъ.

Въ теченіи декабря 1855 года собирались по этому дѣлу на мѣстѣ данныя, которыя, подтверждая дошедшія до администраціи свѣдѣнія, указывали на существованіе обширнаго помѣщичьяго заговора, окинувшаго своею сѣтью всю губернію и бывшаго, судя по признакамъ, въ связи съ планами польской партіи въ другихъ губерніяхъ сѣверо-западнаго края. Дѣйствовали пока почти исключительно болѣе или менѣе богатые и вліятельные помѣщики; роль мелкой шляхты предстояла впереди, когда, по рѣшенію пановъ, окажется нужнымъ открыто водрузить польское революціонное знамя. Стеченіе обстоятельствъ вдругъ измѣнило положеніе дѣлъ: съ наступленіемъ 1856 года, въ Вильнѣ, послѣдовала перемѣна въ личномъ составѣ высшей администраціи; вслѣдъ затѣмъ заключено было между Россіей и союзниками перемиріе, а за нимъ подписанъ Парижскій трактатъ; новые интересы стали занимать вниманіе правительства и общества, и дѣло о минскомъ заговорѣ сначала было замято, а потомъ, по ходатайству изъ Вильны, предано забвенію. Въ западномъ краѣ наступилъ періодъ такъ-называемой примирительной политики, то-есть періодъ полнаго господства пановъ, и о минскомъ заговорѣ возбуждалась рѣчь развѣ только по поводу высылки въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь на покаяніе Терентія Минкевича, который донесъ правительству объ измѣнѣ, которая противъ него замышлялась.

Періодъ съ 1856 по 1860 годъ былъ для польскихъ помѣщиковъ самымъ цвѣтущимъ временемъ ихъ политическаго значенія въ краѣ. Лишь ради наружнаго приличія и личныхъ расчетовъ причисляя себя къ Имперіи, а не къ Царству Польскому, они говорили якобы отъ имени и въ интересахъ всего населенія края и были выслушиваемы какъ его представители, какъ его интеллигенція. Край, уже имѣвшій въ городахъ фізіономію скорѣе польскую чѣмъ русскую, сталъ быстро принимать вполнѣ польскую окраску, особенно съ тѣхъ поръ какъ оттуда, волей-неволей, стали выбывать одинъ

за другимъ тѣ Русскіе которые находились тамъ на службѣ, а въ замѣнъ ихъ, кромѣ нѣсколькихъ новыхъ русскихъ чиновниковъ, съ запада и востока стали стекаться въ край Поляки, которые до той поры по большей части официально признавались *политически неблагонадежными*.

Когда правительство призвало пановъ къ содѣйствию въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, они тотчасъ изъявили готовность освободить своихъ крѣпостныхъ, но требовали освобожденія только личнаго, а отнюдь не съ душевымъ надѣломъ: по ихъ проекту, крестьяне, номинально свободные, остались бы въ той же зависимости отъ помѣщиковъ въ какой были при крѣпостномъ правѣ.

Неудачный ходъ виленскаго проекта въ Петербургѣ не смутилъ пановъ, и вплоть до манифеста 19-го февраля 1861 года они не теряли надежды на осуществленіе своихъ желаній. Отъ времени до времени, въ краѣ, преимущественно въ Вильнѣ, обнаруживалось недовольство настоящимъ порядкомъ вещей и надежда на лучшее въ будущемъ будущемъ, но этого не хотѣли замѣчать. Когда еще въ 1858 году, по поводу произнесенной виленскимъ поэтомъ Кондратовичемъ въ Познани щекотливой въ политическомъ отношеніи импровизаціи, нѣкоторые изъ высшихъ правительственныхъ лицъ съ подозрѣніемъ отнеслись къ тогдашнему настроенію умовъ польской партіи, въ Вильнѣ вступились за благонадежность Поляковъ. „Позвольте удостовѣрять“, писало оттуда по этому поводу въ Петербургъ одно изъ вліятельныхъ лицъ, „что возвращеніе изъ ссылокъ преступниковъ, дарованіе полнаго прощенія удалившимся за границу по мятежу 1831 года, оказываемыя имъ по прибытіи на родину значительныя денежныя пособія, предоставленіе почти всѣмъ таковымъ лицамъ правъ коронной службы и участія въ дворянскихъ выборахъ, отмена обязательной службы молодыхъ дворянъ и многія другія милости, дарованныя щедротами Всемилостивѣйшаго Государя Императора, распространили напротивъ уже то благоприятное вліяніе, которое съ утѣшеніемъ нельзя не замѣчать въ частной и общественной жизни и вообще во всѣхъ дѣйствіяхъ жителей.“

Дѣйствительно, по наружности въ средѣ польской партіи царствовало невозмутимое спокойствіе; но это спокойствіе для опытнаго глаза не могло не быть подозрительно уже по

тому одному что въ основѣ его лежало начало несомнѣнное съ общимъ государственнымъ строемъ, начало, которое, подобно огню тлѣющему въ подвалѣ, не сегодня завтра грозило вызвать пожаръ. Наружное спокойствіе польской партіи, открыто признававшей себя чуждою Россіи по народности и тяготѣвшей къ Варшавѣ, было дѣйствительно спокойствіемъ искусственнымъ. То невозможное въ политическомъ отношеніи положеніе, въ какомъ стояла польская партія къ государству, логически вело къ открытому разрыву съ нимъ; сомнѣніе могло быть не въ неизбежности этого разрыва, а во времени когда онъ свершится. Польская партія сознательно понимала это; мы тоже, можетъ-быть, понимали, но не хотѣли тревожить себя заботой о завтрашнемъ днѣ, тѣмъ болѣе что такого рода заботы сопряжены были съ серьезною и даже непріятною дѣятельностію. А между тѣмъ, со стороны польской партіи, отъ времени до времени обнаруживались симптомы говорившіе о пробужденіи польскаго патриотизма. Симптомы эти замѣчались первоначально въ литературѣ. Въ Познани съ 1859 года стала выходить газета *Познанскій Дневникъ*, основанная на деньги помѣщиковъ и, какъ носились слухи, преимущественно тамошняго пана Дзялынскаго; въ этой газетѣ повелась рѣчь объ интересахъ Польши какъ самостоятельнаго политическаго тѣла. Въ Петербургѣ стало издаваться на польскомъ языкѣ, подъ редакціей извѣстнаго Огрызка, *Слово*, которое правительствомъ нашлось вынужденнымъ прекратить. Подъ тою же редакціей изготовлялись изданія *Volumina Legum*, какъ бы предназначавшіяся для будущаго Польскаго государства. Въ Вильнѣ, по четвергамъ, на квартирѣ одного католическаго духовнаго сановника, происходили литературные вечера гдѣ, разумѣется, рѣчь шла исключительно о польской литературѣ. Кромѣ тогдашнихъ литературныхъ извѣстностей, Ковдратовича, Малиновскаго, Ждановича, тамъ собирався весь цѣвъ виленскаго польскаго общества, въ томъ числѣ и женщины. Русскихъ, разумѣется, туда не приглашали. Отъ времени до времени являлись изданія съ цѣлью пропаганды, которыя администрація иногда была вынуждена останавливать. Такъ она остановила продажу напечатаннаго въ десяти тысячахъ экземпляровъ русско-польскаго мѣсяцеслова на 1861 годъ. До слуха администраціи доходили даже свѣдѣнія о намѣреніяхъ нѣкоторыхъ эмиссаровъ прибыть въ край. Свѣдѣнія эти

сообщались администраціей между прочимъ воимъ предводителямъ дворянства въ краѣ, „для соотвѣтственнаго съ ихъ стороны наблюденія отъ дворянства за появленіемъ такого-то злоумышленника въ помѣщичьихъ имѣніяхъ“.

Лѣтомъ шестидесятаго года стали уже обнаруживаться попытки къ произведенію агитаціи среди виленскихъ ремесленниковъ, попытки, въ которыхъ виднѣлась рука мѣстныхъ пановъ, но розыски объ этомъ производились такъ мало что не привели ни къ какому серіозному результату. При такихъ условіяхъ насталъ 1861 годъ.

XI.

Приступаемъ къ указанію роли польскихъ помѣщиковъ западныхъ губерній въ революціонной агитаціи 1861—63 годовъ. Мы не будемъ строго держаться хронологическаго порядка, а постараемся указать роль пановъ: 1) въ качествѣ членовъ русскаго дворянства, призваннаго къ участию въ управленіи краемъ (предводители дворянства и мировые посредники), и 2) въ качествѣ землевладѣльцевъ, преимущественно въ отношеніи къ крестьянамъ.

Польское дворянство западныхъ губерній всегда пользовалось тою же степенью участія въ мѣстномъ управленіи и судѣ какъ и дворянство внутреннихъ губерній. Общій для внутреннихъ и западныхъ губерній законъ относительно дворянскихъ выборовъ приобрѣлъ однако на практикѣ въ западномъ краѣ иное значеніе чѣмъ у насъ въ губерніяхъ внутреннихъ. Польскіе выборные сумѣли сдѣлать изъ своихъ должностей средство къ достиженію цѣлей чисто-политическихъ, между тѣмъ какъ наше дворянство по большей части смотрѣло на выборныя должности какъ на мѣста скорѣ почетныя чѣмъ существенно вліятельныя (говоримъ про вліяніе не личное, а по должности). Даже при тѣхъ сильныхъ средствахъ ко вліянію какія доставляются предсѣдательствомъ въ уѣздныхъ рекрутскихъ присутствіяхъ (особенно при крѣпостномъ правѣ), или завѣдываніемъ дворянскою опекой, уѣздные предводители наши не имѣли и тѣни того значенія какъ коллеги ихъ въ западномъ краѣ, бывшіе de facto политическими центрами своего уѣзда. Причина понятна:

наше дворянство, дѣйствуя безъ заднихъ мыслей, было убѣждено что его интересы солидарны съ интересами государства и не считало позволительнымъ выходить изъ программы предначертанной ему законодательствомъ; польское же дворянство видѣло въ должностяхъ лишь одну изъ предоставленныхъ ему правительствомъ прерогативъ, опираясь на которую оно удобнѣе можетъ противопоставить интересамъ государства и мѣстнаго русскаго населенія интересы польской партіи. Въ этихъ видахъ, польское дворянство дѣйствовало въ разныхъ губерніяхъ края по одной и той же программѣ. При такихъ условіяхъ, насколько русское дворянство, на выборныхъ должностяхъ, служило подспорьемъ государству и народу, настолько польское дворянство систематически стремилось къ разрушенію того что могло посягать на начинанія правительства и развитію мѣстнаго населенія.

При выборахъ своихъ собратьевъ на должности, польскіе помѣщики руководились нѣсколько иными основаніями чѣмъ помѣщики внутреннихъ губерній. При выборѣ предводителей хотя и принималась, какъ у насъ, во вниманіе степень обезпеченности помѣщиковъ, *но матеріальныя средства не стояли на первомъ планѣ*. Въ западномъ край не могло встрѣчаться недостатка въ претендентахъ на выборныя должности, ибо тамъ огромное большинство достаточныхъ помѣщиковъ не служили, какъ у насъ, а жили въ своихъ имѣніяхъ и занимались хозяйствомъ. Поэтому обыкновенно тотъ изъ конкурентовъ бралъ перевѣсъ, который, пользуясь довѣріемъ помѣщиковъ относительно преданности польскому дѣлу, умѣлъ пріобрѣсти большее вліяніе въ административныхъ сферахъ и могъ, слѣдовательно, принести этимъ пользу своимъ собратьямъ. Извѣстны даже случаи когда уѣздные предводители дворянства, выбранные изъ числа помѣщиковъ недостаточныхъ, получали отъ избравшихъ ихъ пановъ *жалованье*, разумѣется, не гласно.

Предводителямъ дворянства въ западныхъ губерніяхъ, дѣйствительно, выпадала роль вліятельная въ своемъ муравейникѣ. Предводитель становился въ полномъ смыслѣ главою польской партіи своего уѣзда, ходатаемъ предъ властями и защитникомъ ея личныхъ и имущественныхъ интересовъ. Каждый шляхтичъ былъ заранѣе увѣренъ что его домога-

тельства, согласныя съ интересами польской партіи, будутъ поддержаны *маршалкомъ* (польское названіе предводителей дворянства), хотя бы для этого пришлось обойти законы или поставить въ затрудненіе администрацію. Предводителямъ всего болѣе обязана польская партія невѣроятнымъ размноженіемъ польскихъ потомственныхъ дворянъ, какое было, напримѣръ, въ Виленской губерніи, гдѣ съ 1844 по 1857 годъ, то-есть въ 12 лѣтъ, число дворянъ утѣстилось. * Извѣстно что однимъ изъ главныхъ средствъ для такого размноженія была поддѣлка дворянскихъ документовъ, для которой еще въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ западномъ краѣ существовало нѣсколько фабрикъ гдѣ дворянскіе документы продавались по довольно низкой цѣнѣ. ** Произведенія этихъ фабрикъ прежде всего подвергались разсмотрѣнію уѣздныхъ, а затѣмъ губернскихъ предводителей, и отсюда уже отправлялись въ герольдію. Для успѣшнаго, съ польской точки зрѣнія, веденія такого рода дѣлъ необходимо былъ безусловно польскій составъ предводительскихъ канцелярій, какъ это и было на самомъ дѣлѣ. Даже въ Вильнѣ, гдѣ при графѣ Муравьевѣ и генералѣ Кауфманѣ во всѣ присутственныя мѣста назначались русскіе чиновники, въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, въ 1867 году, четверо депутатовъ и одиннадцать чиновниковъ *всѣ безъ исключенія* были Поляки. ***

Изложеніе нѣсколькихъ фактовъ лучше всего покажетъ революціонную роль польскаго помѣстнаго дворянства, въ качествѣ лицъ выбранныхъ на должности предводителей. Начнемъ съ извѣстнаго протеста виленскаго дворянства,

* См. *Моск. Вѣд.* 1866 г. №№ 183 и 184.

** Впрочемъ, обычай поддѣлывать дворянскіе документы существовалъ и гораздо ранѣе, но не имѣлъ еще столь широкаго развитія какъ въ послѣднее время. Вотъ что, напримѣръ, еще въ тридцатыхъ годахъ, показалъ про себя извѣстный по участию въ дѣлѣ Коварскаго каноникъ Тришковскій: „Въ 1820 г. дядя мой, Петръ Тришковскій, изъ Трикумъ, поддѣлаалъ себѣ дворянскія доказательства. Въ 1822 или 1823 годахъ, находясь у князей Жагелей, я наметалъ тамъ родословную книгу, издаванную Куропатницкимъ, поддѣлаалъ себѣ другія свидетельства о дворянскомъ моемъ происхожденіи, но кошъ въ 1823 или 1824 году поступилъ въ семинарію.“

*** См. *Памятную книжку Виленской губерніи* на 1867 г.

который въ іюнь 1861 года произвелъ на польскую партію потрясающее впечатлѣніе.

Въ апрѣлѣ 1861 года виленскій уѣздный предводитель, графъ Иванъ Тышкевичъ, ставшій, какъ значитса въ документахъ того времени, „во главѣ партіи агитаторовъ“, былъ по Высочайшему повелѣнію уволенъ отъ этой должности, съ обязательствомъ отправиться на жительство въ собственное имѣніе. На его мѣсто былъ временно назначенъ уѣздный судья князь Жагель, а въ іюнь дворянство Виленскаго уѣзда съѣхалось въ Вильну для выбора новаго предводителя.

8-го іюня, предъ выборами, главный начальникъ края пригласилъ къ себѣ съѣхавшихся дворянъ, и изложивъ причины вынудившія удаленіе графа Тышкевича, просилъ обратить особенное вниманіе „чтобы выборъ кандидата палъ на лицо которое вполнѣ отвѣчало бы всѣмъ условіямъ соединеннымъ съ званіемъ предводителя дворянства“. Въ числѣ съѣхавшихся на выборы 66 помѣщиковъ находилась, разумѣется, вся уѣздная знать, въ томъ числѣ и нѣсколько дворянъ титулованныхъ: князь Жагель, камеръ-юнкеръ графъ Плятеръ, четыре князя Гедроица, графъ Тызенгаузъ, а также нѣсколько членовъ бывшаго польскаго мирового института.

Помѣщики, выбравъ предводителемъ г. Ваньковича, немедленно приступили въ залахъ собранія къ открытой демонстраціи. По предложенію стараго помѣщика Вагнера (который содержалъ предъ тѣмъ аптеку и былъ въ прежнее время высланъ изъ края за политическія преступленія), дворяне подписали графу Тышкевичу благодарственный адресъ, въ которомъ заявлялось *полное сочувствіе помѣщиковъ его поступкамъ*. (Изъ числа 66 помѣщиковъ только 20 человекъ отказались отъ подписи). По закрытіи собранія нѣсколько помѣщиковъ, *въ томъ числѣ и вновь выбранный предводитель*, отправились въ имѣніе графа Тышкевича для торжественнаго поднесенія адреса.

Не беремса рѣшать, дѣйствовалъ ли въ этомъ случаѣ помѣщикъ Вагнеръ по собственному начинанію, или по просьбѣ другихъ, но вотъ фактъ уясняющій дѣло: проектъ адреса былъ *заготовленъ заблаговременно* письмоводителемъ уѣзднаго предводителя дворянства. Съ другой стороны, можетъ служить къ уясненію характера дѣла и то обстоятельство что

толки о готовившейся демонстраціи виленскихъ помѣщиковъ ходили по Вильнѣ за нѣсколько дней до выборовъ и, надо полагать, не были безызвѣстны и высшей мѣстной администраціи. Какъ бы то ни было, кромѣ г. Вагнера, главными виновниками адреса признаны были (не по слѣдствию, а по соображеніямъ мѣстной администраціи) помѣщики Боле-славъ Еленскій и Евсеій Гриневецкій.

Администрація кассировала выборъ г. Ваньковича, а трехъ названныхъ помѣщиковъ рѣшено было выслать изъ края, перваго въ Ярославль, двухъ послѣднихъ въ Петрозаводскъ.

Въ имѣніе г. Вагнера отправленъ былъ нарочный жандармъ для сопровожденія его въ мѣсто высылки, но г. Вагнеръ оказался больнымъ. Одинъ изъ чиновниковъ польскаго происхожденія, пользовавшійся въ ту пору довѣріемъ мѣстныхъ властей, извѣщалъ администрацію что „здоровье Вагнера, при столь преклонныхъ лѣтахъ, въ очень трудномъ положеніи, и едва ли скоро будетъ въ состояніи вынести труды дороги, въ особенности подъ вліяніемъ постоянной мысли что, по старости лѣтъ, онъ ужъ навсегда разстается съ семействомъ“. Ходатайство было уважено, и Вагнеръ оставленъ въ своемъ имѣніи.

Еленскій и Гриневецкій отправлены были въ Петрозаводскъ, но обоимъ имъ чрезъ полгода разрѣшено было вернуться въ Вильну.

Понятно впечатлѣніе произведенное на польскую партію этой первою публичною демонстраціей собравшагося по дѣламъ службы дворянства цѣлаго уѣзда, и притомъ исключительно помѣстнаго, въ городѣ служащемъ центромъ административной власти. Впечатлѣніе усиливалось свисходительностью съ какою мѣстная администрація отнеслась къ участникамъ, ограничившись письменнымъ внушеніемъ, которое было официально сдѣлано чрезъ губернскаго предводителя подписавшимъ адресъ помѣщикамъ. Въ этомъ внушеніи говорилось „о всемъ *неприличіи* ихъ поступка, въ которомъ объяснялось одно только единомысліе съ нарушителями общественнаго порядка и спокойствія, наносящее пятно ихъ званію, оскорбляющее ихъ собственное достоинство и роняющее благородное сословіе въ глазахъ самого правительства“.

Удобный случай для новыхъ демонстрацій открывался въ предстоявшихъ въ исходѣ 1862 года дворянскихъ выборахъ. По указанію парижскаго центрального комитета, въ Варшавѣ составлена была форма всеподданнѣйшихъ адресовъ съ цѣлюю

„заявить предъ Европой единодушное домогательство во всѣхъ западныхъ губерніяхъ выразить формальный и явный протестъ противъ настоящаго положенія *польской націи* и противъ той системы и тѣхъ порядковъ которые установлены правительствомъ“. По поводу такого протеста предполагалось „поднять на первомъ европейскомъ конгрессѣ вопросъ о страдальческомъ положеніи *десяти миллионныхъ народонаселенія, ожидающаго терпѣливо и съ покорностію присоединенія къ своему отечеству* (Царству Польскому), оставаясь до времени подъ скипетромъ того же самаго монарха“

Еще осенью 1861 года въ средѣ польскихъ помѣщиковъ не только шли объ этомъ предметѣ толки, но дѣлались уже и приготовленія. На слѣдъ этихъ приготовленій напали въ Рогачевскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи. 10-го октября, помѣщичики этого уѣзда собрались въ квартирѣ предводителя дворянства, подполковника Богуша, по случаю предстоявшихъ дворянскихъ выборовъ. По приглашенію предводителя, помѣщичики отправились въ костель, подъ предлогомъ присяги, и торжественно пропѣли тамъ революціонный гимнь. Затѣмъ, по возвращеніи пановъ на квартиру предводителя, былъ составленъ и подписанъ всѣми присутствовавшими всеподданнѣйшій адресъ къ Государю Императору. Въ этомъ адресѣ рогачевское дворянство проситъ о дарованіи дворянскому сословію тѣхъ правъ которыми оно пользовалось *при короляхъ польскихъ*; о присоединеніи Могилевской губерніи къ Литвѣ * (а съ нею, разумѣется, къ Польшѣ); о введеніи польскаго языка въ училищахъ и администраціи; о возстановленіи Виленскаго университета и пр. По дознанію оказалось что проектъ этого адреса присланъ былъ изъ другихъ губерній.

Этотъ адресъ предназначался для подавія чрезъ могилевскаго губернскаго предводителя, „когда признается это нужнымъ“. Имѣлись свѣдѣнія что такіе же адреса составлены

* Могилевская и Витебская губерніи, составлявшія прежде бѣлорусское военное губернаторство, въ 1861 году находились на общемъ положеніи губерній и были причислены въ административномъ отношеніи къ сѣверо-западному краю только въ 1863 году, по вступленіи графа Муравьева въ должность главнаго начальника края. Причисленіе это было такимъ образомъ жѣрой временною, вызванною мятежомъ.

были и въ другихъ уѣздахъ Могилевской губерніи, но справедливость этихъ слуховъ юридически не доказана.

Въ половинѣ октября 1862 года администрація имѣла свѣдѣнія что агитація объ адресахъ въ западныхъ губерніяхъ растетъ со дня на день. Ей было изъ самыхъ положительныхъ источниковъ извѣстно что планъ дѣйствій для предстоящихъ выборовъ въ Минскѣ доставленъ былъ однимъ изъ мѣстныхъ губернскихъ предводителей изъ Парижа отъ польской эмиграціи. Этотъ губернский предводитель и въ то же время одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ пановъ края ѣздилъ въ Парижъ, а осенью 1862 года находился въ безпрестанныхъ разъѣздахъ по всѣмъ пунктамъ между Варшавой, Гродной, Вильной и Петербургомъ. По выработанному плану, на предстоящихъ выборахъ въ Минскѣ слѣдовало представить Государю Императору адресъ такого же содержанія и тѣмъ же самымъ порядкомъ какъ это было сдѣлано не задолго предъ тѣмъ дворянствомъ Подольской губерніи. Всѣ прочія губерніи, Волынская, Гродненская, Ковенская, Витебская, Могилевская, Волынская и Киевская, должны были послѣдовать этому примѣру. „До полученія отъ русскаго правительства удовлетворительнаго отвѣта на всѣ требованія дворянства, рѣшено было не снимать во всей странѣ траура и избѣгать всѣхъ не только публичныхъ, но и частныхъ увеселеній.“

Около того же времени сдѣлалось извѣстнымъ дворянству западныхъ губерній о Высочайшемъ повелѣніи относительно подольскаго адреса. Подольскіе предводители, губернский и всѣ уѣздные, подписавшіе подольскій адресъ, преданы были суду правительствующаго сената, съ отрѣшеніемъ отъ занимаемыхъ ими должностей. При такихъ условіяхъ понятно что представленіе минскими дворянами адреса было преступнѣе чѣмъ поступокъ подольскихъ помѣщиковъ, ибо сверхъ противозаконности самого содержанія адреса, составленіе его было уже открытымъ неповиновеніемъ Верховной Власти.

Выборы въ Минскѣ открыты были 17-го ноября. Главный начальникъ края, котораго ожидали въ Минскѣ для ихъ открытія, задержанъ былъ въ Вильнѣ по одному случайному обстоятельству, чуждому мѣстныхъ дѣлъ. Поэтому, какъ открытіе выборовъ, такъ и высшее наблюденіе за ходомъ ихъ, предоставлено было минскому губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику Кожевникову.

Минской администраціи было извѣстно что съѣхавшіеся на выборы помѣщики собирались въ кружки, въ которыхъ горячо обсуждался проектъ и способъ подачи адреса о присоединеніи Минской губерніи къ Царству Польскому. Въ предотвращеніе скандала, минскій губернаторъ письменно предупредилъ губернскаго предводителя дворянства Лапу, что „подобнаго рода заявленія признаются правительствомъ преступными и противузаконными“.

Въ день выборовъ зала дворянскаго собранія была переполнена народомъ. Кромѣ дворянъ съѣхавшихся на выборы, присутствовало множество лицъ постороннихъ, въ томъ числѣ и дамъ, что не мало усиливало агитацію.

При открытіи собранія, губернаторъ, послѣ присяги дворянъ, сказалъ рѣчь; исчисливъ реформы вышшняго царствованія, онъ заключилъ выраженіемъ надежды что выборы падутъ на людей достойныхъ.

Когда собраніе было объявлено открытымъ, первый предметъ, къ обсужденію котораго приступило дворянство, былъ адресъ. Губернскій предводитель прочелъ тогда дворянству вышеприведенное отношеніе къ нему губернатора. Въ залѣ поднялся шумъ: одни, въ томъ числѣ помѣщикъ Наполеонъ Еленскій, мировой посредникъ Еленскій, помѣщики Оскерки (отецъ и сынъ) и маіоръ Корбутъ настаивали на составленіи адреса, не обращая вниманія на предостереженіе администраціи; другіе требовали внесенія отношенія губернатора въ протоколъ съ формальнымъ заявленіемъ что „администрація препятствуетъ представить адресъ“. Во время этихъ споровъ помѣщики Витольдъ Оскерко и Еленскій бросились предъ предводителемъ на колѣни, умоляя его допустить подачу адреса. „Это необходимо, говорили они, столько же для поддержанія нашихъ соотечественниковъ Подольской губерніи, сколько для блага и спасенія Польши.“ Подобнаго рода, прибавляли они, адреса и заявленія отъ дворянъ *вспѣхъ губерній* западнаго края послужатъ къ благоприятному исходу освобожденія Польши отъ русскаго владычества.

Разногласіе между двумя партіями заключалось въ сущности только въ формальности: одни требовали занесенія адреса въ протоколъ, другіе же, и совершенно справедливо, находили внесеніе въ протоколъ заявленія, что „дворянство Минской губерніи собралось для выборовъ съ твердымъ

нампреніемъ представить Его Императорскому Величеству адресъ, о которомъ говорится въ отношеніи губернатора“, равносильнымъ представленію самого адреса, съ тою только разницею что оно позолотитъ пиллою съ канцелярской точки зрѣнія.

При баллотировкѣ послѣднее предложеніе одержало верхъ. Въ этомъ смыслѣ составленъ былъ протоколъ, подписанный губернскимъ и всѣми уѣздными предводителями съ 255 присутствовавшими дворянами. Оскерко, Еленскій, Корбутъ и Вишневскій, не согласясь съ этою редакціей, отказались подписать протоколъ.

Во время подписи, губернской прокуроръ счелъ нужнымъ предъявить чтобы въ протоколъ былъ внесенъ его отзывъ объ адресѣ слѣдующаго содержанія: „актъ, признанный Его Величествомъ противузаконнымъ и преступнымъ въ одной губерніи (Подольской), не можетъ быть признанъ законнымъ въ другой.“ Это заявленіе губернскаго прокурора было внесено въ другой протоколъ дворянскаго собранія, съ прибавленіемъ отъ имени дворянства словъ, что „этимъ отвѣтомъ окончательно препятствуется дворянству составленіе *предполагаемаго адреса*“. Второй протоколъ тоже подписанъ былъ губернскимъ и уѣздными предводителями и 214 присутствовавшими дворянами.

Какъ ни трудно казалось сложить предъ правительствомъ отвѣтственность за агитацію по поводу адреса съ помѣщиковъ на голоту, панамы тѣмъ не менѣе пущено было нѣсколько пробныхъ шаровъ съ цѣлю приписать и этотъ случай давленію извнѣ. На двухъ-трехъ домахъ въ Минскѣ наклеено было стихотвореніе противъ магнатовъ, упрекавшее ихъ въ недостаткѣ *патріотизма*: понятно что, послѣ такого „патріотическаго“ заявленія пановъ какъ скандалъ 17-го ноября, подобное стихотвореніе служило только доказательствомъ несостоятельности нападокъ на патріотизмъ польскихъ помѣщиковъ. Кроме того, у нѣкоторыхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, квартировавшихъ въ Минскѣ, выбиты были ночью изъ оконъ стекла. О смыслѣ этого заявленія можно судить изъ слѣдующаго лаконоческаго объясненія мѣстной администраціи въ Петербургъ: „стекла были выбиты *самими постояльцами* для того чтобы, *когда представится надобность, привести случай этотъ какъ доказательство той оппозиціи которую они будто бы обнаружили* съ своей

стороны составленію адреса. "Наконецъ губернской предводитель, когда ему въ Вильнѣ напомнили объ обѣщаніи не допускать составленія адреса, отозвался что онъ выражаетъ „крайнее сожалѣніе и глубокое раскаяніе въ своей уступчивости. Убѣдясь въ невозможности оказывать дальнѣйшее противодѣйствіе, въ особенности когда нѣкоторыя лица, поддерживаемыя сильною партіей, стали домогаться составленія адреса, онъ изъ двухъ золъ предпочелъ избрать меньшее, и потому рѣшился допустить составленіе протокола, должствующаго замѣнить адресъ на Высочайшее имя.“

Тотъ же губернской предводитель четыре мѣсяца спустя, въ официальномъ документѣ посланномъ имъ въ Петербургъ, уже иначе отзывался о минскомъ адресѣ. Вотъ, между прочимъ, въ какомъ смыслѣ оправдываетъ онъ эту демонстрацію помѣщиковъ. „Боясь потерять всякому цѣнное послѣ отцовъ наследство—*народность*, оно (польское меньшинство *) осмѣлилось искать покровительства у Верховной Власти и возымѣло желаніе подать адресъ съ просьбой присоединить западныя губерніи къ Царству Польскому, не имѣя никакихъ стремленій несогласныхъ съ правами нашего Августѣйшаго Монарха и съ обязанностями вѣрноподданнической присяги, а единственно для того чтобы охранить *свою народность отъ окончательнаго разрушенія и руководствоваться законами притѣнительными къ народному характеру...*“ ** Далѣе: „дворянство наше, сравнивая свое мѣстное устройство съ устройствомъ остзейскихъ губерній, доходитъ до отчаянія, вида что оно лишено возможности развить край на экономическихъ началахъ и что *обижено въ правахъ сословныхъ и народности*“.

Такимъ ли тономъ отзывался бы объ адресѣ челоуѣкъ который ему не сочувствуетъ?

Не имѣя подъ рукою проекта минскаго адреса, помѣщаемъ проектъ адреса виленскаго дворянства, который былъ найденъ въ бумагахъ одного изъ политическихъ агитаторовъ того времени. Такъ какъ образецъ адресовъ составлялся, какъ мы указали выше, въ Варшавѣ, подъ руководствомъ

* Польская партія въ западномъ краѣ была въ одномъ документѣ названа: *меньшинствомъ*.

** То-есть не *Сводомъ Законовъ*, но Литовскимъ Статутомъ, редижированнымъ въ исключительныхъ интересахъ наполь.

парижскаго комитета, то трудно предполагать большую разницу между проектами его отъ разныхъ губерній. Вотъ этотъ адресъ:

„Всемилоствѣннѣйшій Государь!

„Драгоценнѣйшая привилегія дворянства собраннаго для выборовъ есть право повергать на Всемилоствѣннѣе Вашего Императорскаго Величества воззрѣнiе всѣ жизненные вопросы и потребности края. Пользуясь этимъ единственнымъ законнымъ путемъ, мы, дворяне Виленской губерніи, исполняемъ нашъ долгъ.

„Со времени благополучной и непримѣрной уніи * будучи соединены съ Польшею въ единый народъ, въ теченіе столькихъ вѣковъ общей жизни и славы имѣя съ ней общій языкъ, преданія, цивилизацію, единство цѣлей и стремленій къ равноправію всѣхъ исповѣданій и общественныхъ сословій, будучи между тѣмъ вопреки желанію нашему раздѣлены политически, мы чувствуемъ что возстановленіе *этого единства* есть необходимое условіе *дальнѣйшаго историческаго развитія нашего (?) края.*

„Въ этомъ-то заключается источникъ той глубокой скорби которая, не будучи подавлена дѣйствіемъ времени, преполняетъ болѣзненнымъ чувствомъ сердца *всѣхъ жителей Польши въ древнѣхъ ея предѣлахъ.* Скорбь эта проявлялась безконечнымъ рядомъ отчаянныхъ усилій и тайныхъ заговоровъ; нынѣ же, пренебрегая тайными путями, она, подобно наводненію, широко разлилась и достигла отдаленнѣйшихъ своихъ предѣловъ. Проявленіе же этой безпредѣльной скорби и отчаянія суть слѣдствія раздѣла нашего злополучнаго отечества. Отъ воли Вашего Императорскаго Величества зависитъ исторгнуть не только народъ польскій, но и само правительство изъ того ложнаго состоянія и взаимнаго недовѣрія, въ которомъ обрѣтаются оба народа почти цѣлое столѣтіе!

„Уповая на правосудіе Монарха, который призналъ уважительною одну изъ *нашихъ* главныхъ потребностей и, удовлетворяя нашимъ желаніямъ, ** далъ свободу милліонамъ крѣпостныхъ людей, мы осмѣливаемся просить о возстановленіи древней уніи Литвы съ Царствомъ Польскимъ, ибо въ этомъ заключаются нравственный залогъ нашего счастья и пламеннѣйшія желанія *нашего народа.*

„Будучи увѣрены что искреннее выраженіе чувствъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательство безпредѣльнаго уваженія благороднаго народа къ великодушному Монарху, мы подписываемъ нынѣшнее заявленіе пламеннѣйшихъ нашихъ желаній и жизненныхъ потребностей страны.“

* Люблинской.

** Желанія эти въ Вильнѣ состояли въ освобожденіи крестьянъ *безъ надѣла.*

Минскій адресъ былъ послѣднимъ *мирнымъ* заявленіемъ стремленій помѣщиковъ сѣверо-западнаго края. Не прошло мѣсяца какъ въ польскомъ мѣрѣ съ быстротой молніи пронеслась молва что наступила, наконецъ, пора взяться за оружіе. Посильныя средства къ возстанію давно были въ готовности; по общему убѣжденію, господствовавшему въ польскомъ мѣрѣ, борьба съ Россіей, несмотря на кажущуюся несоразмѣрность въ силахъ, не должна была представить особыхъ трудностей, вопервыхъ, по обширности ея театра и его удобству къ партизанскимъ дѣйствіямъ, затѣмъ вслѣдствіе неизбѣжнаго будто бы весной объявленія намъ войны, а главное, потому что русскія нравственныя силы, при тогдашнемъ отсутствіи свободной печати, казались слабыми даже для борьбы съ такою, въ сущности ничтожною, партией какова польская. Наше отрезвленіе казалось Полякамъ невысказаннымъ.

Помѣщики начали для совѣщанія собираться на сѣзды, которые со времени 1861 года сдѣлались явленіемъ до того обыкновеннымъ что составлялись открыто на глазахъ администраціи, не возбуждая даже и преслѣдованія. Такъ, напримѣръ, въ Вильнѣ, еще въ маѣ 1862 года, былъ сѣздъ до 300 человекъ помѣщиковъ, о которомъ отъ предводителей дворянства мѣстныя власти могли добиться только пролическаго отвѣта что сѣздъ составленъ „*по разнымъ экономическимъ вопросамъ*“. „Конечно, надо предполагать“, резонировалось въ виленской официальной бумагѣ по поводу этого сѣзда, „что при этомъ случаѣ не остались безъ обсуждения и политическіе вопросы относительно настоящаго положенія и будущности края.“ Наканунѣ мятежа, такихъ помѣщичьихъ сѣздовъ было нѣсколько: руководители рѣшали на нихъ животрепещущіе вопросы той минуты. Такъ 9-го января (то-есть наканунѣ варшавской рѣзни) помѣщики съ цѣлою губерніи съѣхались въ Ковну къ члену губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Гейштору, у котораго и предъ тѣмъ они нѣсколько разъ собирались. Администрація успѣла узнать только что помѣщиковъ съѣхалось болѣе ста человекъ, что нѣкоторые изъ нихъ прѣѣхали прямо съ дороги, и что послѣ трехчасоваго совѣщанія разѣѣхались уже за полночь. Въ Минской губерніи, гдѣ возстаніе открылось нѣсколько позже, одинъ изъ сѣздовъ былъ 13-го февраля у бобруйскаго помѣщика Б., по поводу свадьбы. „При этомъ случаѣ“, какъ отзывались компетентные

люди того времени, „дворяне подстрекали окрестную шляхту и сельскихъ старшинъ къ возстанію противъ правительства, обѣщая имъ доставить оружіе и порохъ“. Въ Троцкомъ уѣздѣ, въ началѣ января 1863 года, было нѣсколько стѣздовъ у помѣщика З. „У него перваго сформировалась шайка мятежниковъ, которая намѣревалась сдѣлать нападеніе на квартировавшую въ мѣстечкѣ Стравеникахъ роту воинскихъ чиновъ.“

Послѣднею общемою демонстраціей польскихъ помѣщиковъ, въ качествѣ представителей дворянства Россійской Имперіи, была рѣзкая выходка противъ правительства во время полнаго разгара волненій, заключавшаяся въ одновременной подачѣ, въ мартѣ 1863 года, предводителями дворянства и другими лицами, выбранными отъ дворянъ, прошеній объ отставкѣ.

Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ гродненскому губернскому предводителю дворянства графу Старжинскому, съ его коллегами уѣздными предводителями. За ними послѣдовали и прочія губерніи. Разчетъ заключался въ томъ чтобы поставить правительство въ затрудненіе, придать мятежу отвагу открытымъ неповиновеніемъ властямъ со стороны самыхъ крупныхъ помѣщиковъ, и въ то же время побудить враждебную намъ иностранную печать вовлекать англійское и французское правительства въ войну, предвѣщая имъ легкую побѣду. Правда, жоңдъ въ это время издалъ циркуляръ о томъ чтобы Поляки оставили русскую службу, но и самое это требованіе жоңда въ Литвѣ могло быть только выраженіемъ желанія крупнаго дворянства. Мы возвратимся къ этому предмету при разказѣ объ одновременной подачѣ отставокъ польскими мировыми посредниками, но дабы уяснить смыслъ, который придавали предводители дворянства своей просьбѣ объ отставкѣ, приведемъ, въ переводѣ съ польскаго, *официальный* циркуляръ гродненскаго предводителя графа Старжинскаго къ уѣзднымъ предводителямъ Гродненской губерніи, съ объясненіемъ причинъ побудившихъ его подать прошеніе объ увольненіи отъ должности.

„Милостивый государь!

„Когда голоса моихъ согражданъ призывали меня на должность предводителя дворянства, что состоялось при самомъ началѣ народнаго движенія, мнѣ было положительно извѣстно

что въ исполненіи возложенной на меня обязанности не мало встрѣчу затрудненій. Въ убѣжденіи, однакоже, что каждый гражданинъ любящій свое отечество и вѣрный его историческимъ преданіямъ обязанъ трудиться преимущественно надъ органическимъ развитіемъ нравственныхъ силъ края, что трудъ этотъ, при всякомъ положеніи и всякомъ правительствѣ, возможенъ и необходимъ, я принялъ возложенную на меня обязанность, въ надеждѣ что моя усердная для блага Литвы служба принесетъ ей пользу, и съ увѣренностію что искреннее высказываніе ея нуждъ не будетъ оставлено правительствомъ безъ вниманія.

„Каждому извѣстна, а потому и вамъ не чужда крайняя необходимость преобразованій и учрежденій, безъ которыхъ Литва, систематически въ развитіи своей жизни обращаема въ вопящую и задержанную, не можетъ стремиться къ лучшей или даже сносной будущности. При такомъ состояніи края, приказавъ замолчать въ сердцѣ дражайшимъ для каждаго Поляка чувствамъ, я въ теченіи двухъ минувшихъ лѣтъ старался примирить народъ съ правительствомъ, въ надеждѣ что буду въ состояніи исходатайствовать такія учрежденія и преобразованія какія каждый, даже самыхъ умѣренныхъ желаній гражданинъ, считаетъ существенными и необходимыми.

„При всемъ томъ, эту искреннюю и весьма умѣренную программу не оцѣнили надлежащимъ образомъ. Извѣстная вамъ, милостивый государь, нота поданная въ февралѣ и представленный мною меморіалъ въ декабрѣ 1862 года, а также при каждомъ удобномъ случаѣ изустныя объясненія, остались доселѣ безъ всякаго результата для Литвы. Нынѣ, при направленіи какое правительствоя власти принимаютъ въ происходящихъ событіяхъ, при наносимыхъ всему польскому элементу въ Литвѣ оскорбленіяхъ, въ виду разбросанныхъ между крестьянами возмутительныхъ воззваній, при стремленіи властей вызвать социальный переворотъ, который всѣмъ намъ угрожаетъ, прихожу къ тому убѣжденію что дальнѣйшее пребываніе мое въ должности предводителя дворянства не могло бы согласоваться долѣе съ личнымъ достоинствомъ Поляка, и что трудъ органической и имѣющей въ виду благо и развитіе народнаго богатства нынѣ невозможенъ.

„А потому, послѣ печальнаго испытанія что всѣ мои въ теченіи двухъ лѣтъ старанія тщетны, я нашелся въ необходимости нынѣшняго числа послать прошеніе объ отставкѣ. Увѣдомляя о семъ васъ, милостивый государь, прошу принять увѣреніе и т. д.

„Викторъ Старжинскій.“

„Гродно,
„16-го марта 1863 года.“

XII.

Выборъ польскими помѣщиками кандидатовъ въ мировые посредники падалъ, конечно, на такихъ только Поляковъ, преданность которыхъ польскому дѣлу не могла подлежать сомнѣнiю, а потому влiянiе администрацiи, при назначенiи одного изъ трехъ кандидатовъ, было на практикѣ ничтожное: ей приходилось выбирать лица чуть не изъ сплошной массы сомнительныхъ въ политическомъ отношенiи помѣщиковъ. Мировые посредники внутреннихъ губернiй, назначенные при такихъ же условiяхъ какъ въ западномъ краѣ, добросовѣстно приступили къ исполненiю Положенiя 19-го февраля, считая гражданскимъ долгомъ не увлекаться ни въ сторону помѣщиковъ, ни въ сторону крестьянъ. Польскiе же мировые посредники грудью стали за интересы помѣщичьи, видя въ огражденiи ихъ спасенiе преобладанiя въ краѣ польской партiи, въ которой сами они были болѣе или менѣе влiятельными членами. Понятное неудовольствiе крестьянъ на явно пристрастныя дѣйствiя польскихъ мировыхъ посредниковъ парализовалось польскою земскою полицiей. Она, въ качествѣ непосредственнаго органа русской администрацiи, имѣла возможность представлять высшимъ властямъ дѣло крестьянъ въ томъ видѣ въ какомъ желали представить его помѣщики, прямо влiять на крестьянскую среду и поддерживать домогательства помѣщиковъ даже военными экзекуцiями, столь обыкновенными въ 1861 и 1862 годахъ. Кромѣ безцеремоннаго потворства помѣщикамъ, польскiе мировые посредники употребляли предоставленную имъ правительствомъ власть на колонизацiю края и на насильственное вовлеченiе крестьянъ въ демонстрацiи и мятежъ. Въ этомъ отношенiи польскiй мировой институтъ былъ въ полномъ смыслѣ учрежденiемъ революцiоннымъ.

Мировые посредники начали свою дѣятельность съ того что ввели въ дѣлопроизводство польскiй языкъ не только у себя въ канцелярiяхъ, но и въ волостныхъ и сельскихъ управленiяхъ. „Не только шнуровыя разчетныя крестьянскiя книжки“, доносило осенью 1861 года одно изъ административныхъ лицъ того времени, „но и приговоры обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ пишутся на

польскомъ языкѣ.“ На спросъ этого административнаго лица у одного изъ мировыхъ посредниковъ Ковенскаго уѣзда, сей послѣдній отвѣчалъ будто это дѣлается съ разрѣшенія вышшихъ мѣстныхъ властей. О куріозномъ отвѣтѣ этомъ доведено было до свѣдѣнія администраціи, но, сколько извѣстно, оныъ былъ лишь принять къ свѣдѣнію, и дѣло не получило дальнѣйшаго хода.

Благодаря польскимъ мировымъ посредникамъ, западный край сталъ покрываться частою сѣтью польскихъ школокъ для крестьянскихъ дѣтей. „Фактомъ не требующимъ подтвержденія, гласитъ офиціальная бумага писанная начальникомъ сѣверо-западнаго края въ февралѣ 1863 года къ министру народнаго просвѣщенія, служить огромная переписка по управленію генераль-губернаторствомъ и Виленскаго учебнаго округа о дѣйствіяхъ мировыхъ посредниковъ, снабжающихъ сельскія школы польскими учителями и самовольно закрывающихъ тѣ училища гдѣ преподается русскій языкъ; о неутомимомъ рвеніи помѣщиковъ на одно училище отъ правительства открывать по нѣскольку на своемъ иждивеніи, съ исключительнымъ преподаваніемъ польской грамоты и польскаго катехизиса даже для дѣтей православнаго исповѣданія; наконецъ о протестахъ католическаго духовенства, которое во многихъ мѣстахъ публично во храмахъ Божіихъ грозило проклятіемъ тѣхъ изъ крестьянъ которые будутъ посылать дѣтей своихъ въ училища открываемыя правительствомъ.“ Въ томъ же документѣ говорится что мировые посредники и ксендзы старались распространять между крестьянами слухи, будто народныя училища, къ учрежденію которыхъ приступила была администрація, „имѣютъ цѣлью приготовленіе крестьянскихъ дѣтей въ рекруты“. Въ школахъ руководимыхъ помѣщиками съ ихъ семействами, ксендзами и подручною шляхтой, русскіе крестьяне обучались по польскимъ азбукамъ и ежедневно слушали отъ своихъ наставниковъ назидательныя внушенія о томъ какой грѣхъ принадлежать не къ католической церкви, а къ схизмѣ, какъ слѣдуетъ ненавидѣть Москалей и почитать Богомъ поставленныхъ властителей западнаго края Поляковъ; какъ нужно не довѣрять православному священнику, испрашивать во всемъ совѣта у ксендза; какъ Московскій царь обременяетъ бѣдный народъ податями и рекрутчиной, и какъ въ скоромъ времени польскій

круль вмѣстѣ съ крулями французскимъ и англійскимъ явится въ западныя губерніи, выгонитъ оттуда Москалей, возстановитъ унію, богато наградитъ землею и возведеніемъ въ шляхетство преданныхъ Полякамъ крестьянъ и жестоко наказываетъ непокорныхъ.

Мировые посредники были въ числѣ главныхъ проводниковъ волненій въ крестьянскую среду. Если ихъ успіаія по большей части не удавались, то этимъ мы обязаны единственно энергическому противодѣйствию православнаго духовенства, пользовавшагося довѣріемъ со стороны не только православнаго люда, но и русскихъ католиковъ. Во всѣхъ тайныхъ обществахъ, поверхностныя свѣдѣнія о которыхъ сохранились въ документахъ того времени, мировые посредники непременно являлись или главными руководителями, или самыми дѣятельными членами. Въ публичныхъ демонстраціяхъ мировые посредники шли рука объ руку съ помѣщиками, содѣйствуя поддержанію агитаціи. Въ числѣ лицъ требовавшихъ составленія минскаго адреса, несмотря на заявленія губернатора и прокурора, находился и мировой посредникъ; протоколъ объ адресѣ подписаны были двадцатью тремя посредниками. Въ архивахъ того времени хранится масса свѣдѣній о самовольной смѣнѣ мировыми посредниками волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, о замѣнѣ ихъ новыми, по своему личному выбору, и даже о самовольномъ наказаніи крестьянъ розгами. Какъ администрація нѣкоторыхъ мѣстностей относилась къ подобному самоуправству польскихъ посредниковъ можно судить по слѣдующему факту. Въслѣдствіе дошедшаго въ Вильну слуха объ одномъ изъ такихъ случаевъ, начальникъ края письменно спросилъ у губернатора объясненія; послѣдній письменно же отвѣчалъ что „о смѣщеніи старосты NN и наказаніи двухъ крестьянъ не было доведено до свѣдѣнія моего *по маловажности этихъ случаевъ*“. Понятно что, при такомъ самоуправствѣ посредниковъ съ выборными отъ крестьянъ лицами, тѣ гарантіи которыя Положеніе 19-го февраля предоставило крестьянамъ исчезали сами собою: крестьянинъ былъ отдѣленъ отъ высшей администраціи цѣлою стѣной мировыхъ посредниковъ, помѣщиковъ и земской полиціи, стѣной, за которую Положеніе 19-го февраля проникало лишь въ томъ видѣ какой согласовался съ желаніями польской партіи.

Съ исходомъ 1862 года, мѣстная администрація, послѣ двухлѣтнаго опыта, вынуждена была официально сознаться что помѣщики стоять во главѣ возстанія. Хотя серьезныхъ мѣръ противъ нихъ все-таки принято не было, но съ этихъ поръ, по крайней мѣрѣ, прежнее потворство имъ перешло въ явное охлажденіе. Такъ, по поводу военной экзекуціи въ Мозырскомъ уѣздѣ, отправленной по распоряженію одного командира отдѣльной части, въ мартѣ 1863 года, мѣстная высшая администрація письменно отозвалась объ экзекуціяхъ слѣдующимъ образомъ: „подобнаго рода мѣра въ настоящее время составляетъ лучшее средство вооружить крестьянъ противъ правительства, чего добиваются какъ сами помѣщики, такъ равно члены земскихъ и городскихъ полицій, набранные преимущественно изъ тѣхъ же польскихъ дворянъ, столь усердно дѣйствующихъ къ поддержанію революціоннаго духа и политическихъ беспорядковъ....“ Въ то же время, съ открытіемъ вооруженнаго мятежа, и высшее правительство вынуждено было принять рѣшительныя мѣры къ огражденію крестьянъ отъ помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ.

Указомъ правительствующему сенату отъ 1-го марта 1863 года крестьяне западныхъ губерній были освобождены отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ № 2 *Сѣверной Почты*, появилась обширная правительственная статья гдѣ въ яркихъ краскахъ выставались злоупотребленія польскихъ мировыхъ посредниковъ своею властію. Одновременно съ этимъ жондъ народовой издалъ циркуляръ чтобы Поляки состоящіе на службѣ коронной и по выборамъ немедленно оставили свои должности. Выше было уже показано что въ Литвѣ революціонное правительство состояло подъ руководствомъ самихъ помѣщиковъ, а потому панья были солидарны съ требованіями „Литовскаго отдѣла“ жонда. Считаая русское правительство неспособнымъ стать на путь серьезной политики и вызвать въ замѣнъ мѣстныхъ членовъ мирового института таковыхъ изъ внутреннихъ губерній, посредники, при подачѣ прошеній объ отставкѣ, разчитывали, съ одной стороны, затруднить администрацію, съ другой—заручиться для будущаго времени правомъ хлопотать о перевершеніи крестьянскаго дѣла, на томъ основаніи что оно сдѣлано безъ непосредственнаго участія польскихъ пановъ въ лицѣ мирового института и предводителей дворянства.

На официальные запросы, большинство изъ подавшихъ

прошенія объ отставкѣ мировыхъ посредниковъ, не смѣя объявить правды, отзывались будто они оскорблены упомянутою статьею *Сѣвѣрной Почты*; нѣкоторые заявляли даже что этою статьею „подорвано довѣріе крестьянъ къ польскому мировому институту“.

Зло назрѣвшее въ теченіи 1861 и 1862 годовъ, подъ вліяніемъ польскихъ мировыхъ посредниковъ, стало обнаруживаться въ яркомъ свѣтѣ съ наступленіемъ вооруженнаго мятежа.

Еще до прибытія въ Вильну графа Муравьева и въ первые дни его управленія, когда мѣстное русское населеніе не подозрѣвало еще возможности найти противъ польскихъ посредниковъ защиту въ мѣстной администраціи, нѣсколько депутацій отъ крестьянъ изъ разныхъ уѣздовъ раннею весной 1863 года явились въ Петербургъ и умоляли высшія власти оградить ихъ отъ насильственнаго вовлеченія въ возстаніе польскими мировыми посредниками. Петербургскія власти передали жалобы ихъ графу Муравьеву, который принявъ къ сердцу безвыходное положеніе мужика поставленнаго въ необходимость или записаться въ шайку, или поплатиться головой за неповиновеніе помѣщикамъ и польскимъ посредникамъ. Онъ приказалъ произвести по жалобамъ крестьянъ судебныя слѣдствія, которыя подтвердили что мировые посредники всею силой своей власти и своего вліянія нередко вынуждали крестьянъ кинуться въ возстаніе. Такимъ образомъ, прибывшіе въ Петербургъ, между прочими, крестьяне Тельшевскаго уѣзда, имѣнія графа Т., объявили что Поляки принуждаютъ ихъ съ угрозами принять участіе въ возмущеніи, и что мировой посредникъ ихъ, Полякъ, пріѣхавъ въ Добрянъ и „созвавъ всѣхъ крестьянъ, предъявлялъ имъ какую-то бумагу и требовалъ чтобъ они не читая подписали оную. Зная нерасположеніе этого мирового посредника къ правительству и подозрѣвая въ настоящемъ случаѣ намѣреніе его заставить крестьянъ подписать согласіе на мятежъ, они отказались. Тогда мировой посредникъ приказалъ старостамъ *бить непослушныхъ*, и одного изъ нихъ, Казимира С., самъ жестоко избилъ. На такія дѣйствія посредника крестьяне принесли жалобу мѣстному становому приставу, и въ то же время послали за докторомъ М. для оказанія пособія своимъ избитымъ товарищамъ. По прибытіи, лѣкарь и слѣдователь (оба

Поляки) равнымъ образомъ усовѣщевали подписать предлагаемую посредникомъ бумагу, а первый кромѣ того говорилъ имъ что они должны надѣяться только на Поляковъ, у которыхъ для ихъ же защиты противъ правительства находится много оружія и пороха привезеннаго изъ Пруссіи. Видя явное намѣреніе возмутить ихъ, крестьяне обратились тогда къ ксендзу, но слѣдователь объявилъ ему чтобъ онъ въ это дѣло не вмѣшивался. Послѣ сего они разошлись по домамъ. На другой же день снова собрали ихъ, и тогда самъ пятисотскій убѣждалъ ихъ подписаться на бумагу посредника, а когда они рѣшительно отказались отъ сего, то В. объявилъ имъ что Государь будетъ убитъ, а ихъ деревни и имуществъ будутъ выжжены.“ А вотъ и другой образецъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ въ періодъ мятежа. Польскій мировой посредникъ Кобринскаго уѣзда К., узнавъ въ маѣ 1863 года что крестьяне его волости составляютъ всеподданнѣйшее письмо съ выраженіемъ чувствъ вѣрноподданства и благодарности Государю Императору за дарованныя милости, „потребовалъ къ себѣ волостнаго старшину, ругалъ его, и прибывъ чрезъ два дня въ волостное правленіе, удалилъ отъ должности и назначилъ на его мѣсто другаго“.

Подобныхъ случаевъ можно привести вдоволь. Еслибы судить о степени участія мировыхъ посредниковъ въ мятежѣ и въ революціонныхъ организаціяхъ единственно по даннымъ перечнямъ тѣхъ изъ нихъ кто подверглись суду, ссылкамъ и разнаго рода административнымъ взысканіямъ, мы не получили бы вполнѣ вѣрнаго понятія о степени ихъ участія въ революціонной агитаціи, ибо, благодаря смутамъ, многимъ удалось скрыть свои преступленія. Въмѣсто этого, полагаемъ, гораздо удобнѣе заключить нашъ разказъ о польскихъ мировыхъ посредникахъ выборками изъ нѣкоторыхъ циркуляровъ графа Муравьева, гдѣ по свѣжимъ въ ту пору фактамъ изображено истинное значеніе ихъ для края.

Извлеченіе изъ циркуляра губернатора, отъ 7-го іюня 1863 года.*

„Имѣя въ виду что большинство отрѣшенныхъ нынѣ, по моему распоряженію, отъ должности мировыхъ посредниковъ вѣреннаго мнѣ края, постоянно старались усилить, во вредъ

* Сборникъ распоряженій графа Муравьева, составленный г. Цыловымъ, стр. 45.

крестьянамъ, вліяніе на нихъ помѣщиковъ польскаго происхожденія, и этимъ самымъ не только подавить русскій элементъ въ здѣшнихъ мѣстностяхъ, но и ограничить предоставленное крестьянамъ Положеніемъ 19-го февраля 1861 года право самоуправленія и независимость отъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ, и что по этой причинѣ самые выборы въ волостные старшины и другія должности, а также назначеніе въ волостные писаря, произведены подъ руководствомъ мировыхъ посредниковъ и подъ вліяніемъ бывшихъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, предлагаю вашему превосходительству“ и пр.

Извлеченіе изъ циркуляра губернатора, отъ 8-го августа 1863 года. *

„Изъ замѣчаній членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ повѣрочныхъ комиссій, сдѣланныхъ ими во время объѣзда волостей крестьянъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, для наблюденія за производствомъ новыхъ выборовъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, оказывается что, подъ вліяніемъ бывшихъ мировыхъ учрежденій, общественное крестьянское управленіе находилось въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: права крестьянъ, дарованныя имъ Положеніемъ 19-го февраля 1861 года, оставались имъ почти повсемѣстно неизвѣстны; вслѣдствіе сего волостные старшины, назначенные по большей части по настоянію помѣщиковъ и бывшихъ мировыхъ посредниковъ, въ видахъ огражденія ихъ личныя интересовъ и стѣсненія самостоятельности крестьянъ, распоряжались самоуправно, подъ руководствомъ ихъ или поставленныхъ отъ нихъ писарей, общественными дѣлами, а волостные и сельскіе сходы не имѣли надлежащаго значенія; сельскіе старосты были по преимуществу нарядчиками на господскія работы и ограничивались надзоромъ за ихъ исправностью; крестьяне, по распоряженію своихъ должностныхъ лицъ, подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ въ совершенно произвольномъ размѣрѣ; о волостномъ судѣ крестьяне не имѣли и понятія; дѣла спорныя между крестьянами рѣшались старшинами или волостными писарями, а судьи прикладывали только свои печати къ рѣшенію, записываемому въ книгу приговоровъ волостнаго схода; часто также крестьяне теряли время и несли напрасныя издержки, обращаясь въ своихъ спорахъ въ общія присутственныя мѣста.“

Извлеченіе изъ циркуляра губернатора, отъ 1-го мая 1864 года. **

„Многіе изъ помѣщиковъ злѣшняго края польскаго происхожденія, не заботившіеся во время существованія крѣ-

* Тамъ же, стр. 47.

** Тамъ же, стр. 225—226.

полнаго права объ образованіи своихъ крестьянъ, съ уничтоженіемъ этого права и съ началомъ мятежныхъ дѣйствій въ краѣ, принялись дѣятельно и усердно устраивать сельскія школы, въ которыхъ, при помощи католическаго духовенства и сдѣйствіи *бывшихъ мировыхъ учреждений*, состоявшихъ изъ туземцевъ польскаго происхожденія, крестьяне *обучаемы были грамотѣ на польскія буквы, а также многіе изъ православныхъ крестьянъ—римско-католическому катехизису.* Подобнаго рода дѣйствія обнаружены были и въ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ чиновники окружныхъ управленій, состоявшіе большею частію изъ здѣшнихъ уроженцевъ польскаго происхожденія, не препятствовали арендаторамъ фермъ, католическому духовенству и инымъ лицамъ распространять польскую грамотность между сельскимъ населеніемъ и допускали волостнымъ писарямъ, набраннымъ изъ шляхты, уволенныхъ и исключенныхъ студентовъ и гимназистовъ и другаго сброда людей, *вести польскую пропаганду въ ущербъ коренной русской народности*, къ которой принадлежитъ почти все здѣшнее сельское населеніе. Эта польская пропаганда усилилась наиболѣе съ того времени, когда распространители оной увидѣли что правительство, даровавъ крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости, приняло на себя дѣло образованія крестьянъ и приступило къ учрежденію сельскихъ школъ въ западномъ краѣ, въ духъ русской народности. Повсемѣстное противодѣйствіе къ открытію этихъ школъ, какъ со стороны многихъ помѣщиковъ и ксендзовъ, такъ и бывшихъ мировыхъ посредниковъ изъ туземныхъ дворянъ польскаго происхожденія, и выборъ въ сельскіе учителя дѣятельныхъ агентовъ польской партіи, поставили мѣстную власть въ необходимость, еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1862 года, сдѣлать распоряженіе о закрытіи сельскихъ школъ: учрежденныхъ безъ вѣдома и разрѣшенія училищнаго начальства и произвести строгій разборъ какъ учителей, такъ и самаго обученія въ школахъ.“

Извлеченіе изъ воззванія ко вѣстьмъ сословіямъ сѣверо-западнаго края, отъ 23-го іюня 1863 года. *

„Мировые посредники и другія лица служація по мировымъ учрежденіямъ, забывъ священныя обязанности возложенныя на нихъ правительствомъ и обществомъ—быть проводниками въ народъ учрежденій клонящихся къ устройству его благосостоянія, сдѣлались главными проводниками мятежныхъ дѣйствій; вслѣдствіе чего я быль поставленъ въ необходимость отрѣшиться ихъ отъ должностей, предать виновныхъ военному суду и закрыть большую часть мировыхъ учрежденій.“

* Тамъ же, стр. 233.

XIII.

Переходимъ къ указанію вліянія на западный край польскихъ помѣщиковъ въ качествѣ землевладѣльцевъ.

При существованіи крѣпостнаго права, польскій помѣщикъ, поддержанный шляхтой и польскими (а нерѣдко и русскими) чиновниками, имѣлъ до того рѣшительное вліяніе на судьбу подвластныхъ ему крестьянъ что только крайняя близорукость пановъ спасла массу русскихъ крѣпостныхъ отъ утраты ихъ народности. Польскіе помѣщики противъ воли сослужили въ періодъ крѣпостнаго права ту же службу русской народности какъ во время господства Рѣчи Посполитой. Какъ при бывшемъ польскомъ правительствѣ, они сами спасли ее своимъ дикимъ фанатизмомъ въ преслѣдованіи православія, фанатизмомъ возбуждившимъ въ населеніи за-таенную, но непримиримую ненависть къ Полякамъ, такъ при русскомъ правительствѣ они, вѣруя въ незыблемость у насъ крѣпостнаго права, безсознательно содѣйствовали сохраненію русской народности своимъ высокомернымъ презрѣніемъ къ хлопамъ.

Надо сознаться что этотъ, временно тяжкій для крестьянъ, но счастливый для Россіи исходъ дѣла совершился самъ собою, при содѣйствіи единственно православнаго духовенства и безъ всякой помощи со стороны правительства. Администрація старалась только, и то неудачно, оградить мужика отъ пановъ въ отношеніи экономическомъ; о поддержаніи же народности посредствомъ школы ни разу не возбуждалось и рѣчи. Помѣщики, видя въ мужикѣ лишь черно-рабочую силу, окрещенную ими презрительнымъ прозвищемъ *быдла* (скотъ), устремили все свое вниманіе на извлечение изъ этой силы выгодъ матеріальныхъ. Только нѣкоторые избранные изъ хлопозъ, попавшіе въ разрядъ панской челяди, вращаясь при панскомъ дворѣ, поблизовались и окатоличивались; роднымъ языкомъ ихъ оставался, правда, языкъ русскій, но въ разговорѣ съ Поляками они употребляли уже жаргонъ изъ смѣси польскихъ словъ съ русскими и признавали себя выше простолюдина. Оконча-

тельно обращались они въ Поляковъ только съ приобрѣтениемъ фальшивыхъ документовъ о дворянствѣ.*

Если при такихъ условіяхъ русскій мужикъ подвластный польскимъ панамъ ненарушимо сохранилъ свою народность и вѣру, то подчиненные правительственнымъ чиновникамъ казенные крестьяне усилренно вовлекались чрезъ посредство казенныхъ школъ въ польскій лагерь. Еще въ 1854 году замѣчено было что въ сельскихъ школахъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ не только преподается, вопреки дѣйствовавшему въ то время Высочайшему повелѣнію относительно западнаго края, польскій языкъ, но и что ученики этихъ школъ „снабжаются для чтенія польскими книгами вреднаго содержанія“. Началась обширная переписка. Управляющій виленскою палатою на запросъ объ этомъ отвѣчалъ, будто „польскій языкъ *общеупотребительный* между крестьянами, а для $\frac{1}{3}$ (?) изъ нихъ, слѣдующихъ римско-католическому закону, необходимо и по религіознымъ побужденіямъ.“ Генераль-губернаторъ, въ отзывѣ къ министру, тоже заявилъ что, по его мнѣнію, слѣдуетъ „преподаваніе польскаго языка въ сельскихъ приходскихъ училищахъ оставить въ томъ положеніи въ какомъ оно нынѣ находится“. Только маститый митрополитъ литовскій Іосифъ рѣшительно отозвался что „на польскомъ языкѣ въ литовскихъ губерніяхъ *говорятъ только польщики и нѣкоторая часть образованнаго и зажиточнаго класса*“, а что въ сельскихъ школахъ, по его мнѣнію, „нужно обращать преимущественно вниманіе на изученіе *русскаго языка правительственнаго и литературнаго*“. Министерство государственныхъ имуществъ, по соображеніи всѣхъ означенныхъ отзывовъ, согласилось съ мнѣніемъ генераль-губернатора, признавъ „болѣе удобнымъ оставить это дѣло въ настоящемъ положеніи“.

При такихъ условіяхъ польская грамотность въ средѣ русскаго населенія вѣдомства государственныхъ имуществъ съ 1854 года стала мало-по-малу распространяться только посредствомъ казенныхъ школъ; крѣпостные же крестьяне продолжали говорить и молиться по-русски, и развѣ лишь католическая часть ихъ бессознательно выслушивала въ костелахъ

---

* Извѣстны случаи, когда допрашиваемые на слѣдствіи челядинцы, не подозрѣвая всей важности своихъ показаній, говорили что „панъ обѣщаль возвести меня въ дворянство“.

дополнительное богослужение на польскомъ языкѣ, да поучалась отъ ксендзовъ что предъ Богомъ великій грѣхъ произносить молитву Господню такъ какъ произносятъ ее схизматики: „Отче нашъ, уже еси на небеси“, а слѣдуетъ-де читать такъ: „*Ойче нашъ, ктѹрысь естъ въ небѣси*“.

Съ 1861 года, какъ мы замѣтили выше, пань спохватились и принялись за учрежденіе массы польскихъ школокъ, имѣвшихъ назначеніемъ, разумѣется, не образованіе, а ополяченіе крестьянскихъ дѣтей: но уже было поздно. Виленскій учебный округъ съ 1862 года энергически принялся за противо-дѣйствіе школьной польской пропагандѣ и, благодаря попеченіямъ князя Ширинскаго-Шихматова, къ концу года считалось въ краѣ уже сто одиннадцать народныхъ русскихъ школъ. Графъ Муравьевъ, со вступленіемъ въ должность, окончательно разгромилъ помѣщичьи школы.

Если дѣло сохраненія русской народности всего болѣе обязано презрительному равнодушію пановъ къ своимъ хлопамъ, то подобное же равнодушіе ихъ къ матеріальному благосостоянію крестьянъ привело къ самымъ инымъ послѣдствіямъ. Въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, даже въ самыхъ скудныхъ по производительности, не имѣютъ и понятія о томъ ужасающемъ обдѣльнѣи до какого доведены были во время крѣпостнаго права крестьяне въ сѣверо-западномъ краѣ, вообще не уступающемъ по производительности нашимъ внутреннимъ губерніямъ. Еще менѣе могутъ у насъ составить себѣ понятіе о томъ безчеловѣчїи съ какимъ шляхтичи, управляющіе, арендаторы, экононы и прочій польскій сбродъ обращались съ крестьянами. Очевидцы передаютъ, какъ вымогался оброкъ посредствомъ розогъ, какъ понуждались во время голода больные и разслабленные крестьяне, питавшіеся помѣсью мякины съ корой и опилками, отправлять панцизну при поощренїи нагаекъ эконома. Шляхтой была придумана цѣлая система штрафовъ для презрѣнныхъ хлоповъ-схизматиковъ. То что у насъ во внутреннихъ губерніяхъ являлось какъ дикое, варварское исключеніе, вызывавшее общее презрѣніе, а въ большей части случаевъ и административное преслѣдованіе, считалось у польскихъ пановъ дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. То что не могло придти и въ голову русскому помѣщику, связанному съ крестьяниномъ народностью и вѣрой, было, вслѣдствіе усложненія въ западномъ краѣ крѣпостнаго права вопросомъ о національности, совершенно естественнымъ:

таково, напримѣръ, принужденіе крестьянъ къ работѣ во дни празднуемые православною церковью. Можно было бы, для примѣра, привести случаи въ родѣ принужденія польскимъ экономомъ родившей во время жатвы женщины продолжать работу, оставивъ новорожденнаго младенца подъ кустомъ. Развѣ было возможно что-нибудь подобное во внутреннихъ губерніяхъ, несмотря на всѣ творившіяся тогда и у насъ безобразія? Если нѣкоторые изъ нашихъ помѣщиковъ и смотрѣли на мужика какъ на существо низшей породы, они не могли чувствовать къ нему національной вражды. За то нигдѣ въ Россіи не возможно было встрѣтить и такого забитаго, болѣзненнаго, запуганнаго населенія какъ въ западныхъ губерніяхъ и преимущественно въ сѣверо-западномъ краѣ.

Правительство вступилось было за крестьянина въ надеждѣ оградить его отъ панскаго произвола инвентарями, но паны, поддержанные петербургскими канцеляріями, мѣстною земскою полиціей, а часто и экзекуціями, перевершили дѣло въ свою пользу. Только въ 1863 году, съ установленіемъ въ краѣ русскихъ мировыхъ учреждений, открылось что большинство помѣщиковъ отобрало у крестьянъ тѣ земли которыя были опредѣлены имъ правилами, Высочайше утвержденными въ 1852 году. Графъ Муравьевъ, получая массу жалобъ на это корыстное своеволие польскихъ помѣщиковъ, разрѣшилъ губернскимъ и уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждениямъ принимать эти жалобы крестьянъ къ разбирательству, „не допуская, впрочемъ, какъ сказано въ циркулярѣ отъ 13-го октября 1863 года, въ семь дѣлъ какихъ-либо неосновательныхъ притязаній со стороны крестьянъ. Эта мѣра, замѣчаетъ циркуляръ, оградить также помѣщиковъ края отъ дальнѣйшихъ притязаній крестьянъ, которые, получивъ поземельный надѣлъ, должны будутъ, разъ навсегда, прекратить всѣ свои иски, жалобы и споры.“*

Такія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ не разъ вызвали даже со стороны заграничной польской печати знаменательныя предостереженія. Панамъ старались внушить что ихъ жестокости съ крестьянами могутъ весьма вредно отозваться на польскомъ дѣлѣ, когда, при возстаніи, встрѣтится надобность въ крестьянахъ.

Подобный голосъ раздавался, хотя весьма рѣдко, даже

* *Сборникъ г. Цылова, стр. 79.*

со стороны самихъ помѣщиковъ. Обращикомъ такого рода протестовъ противъ злоупотребленій помѣщиковъ можетъ служить слѣдующее письмо гродненскаго помѣщика, Егора Брынка, приводимое нами въ переводѣ съ польскаго, писанное въ исходѣ 1861 года къ настоятелю Мегелянскаго костела, ксендзу Тышкевичу. Письмо это было на разсмотрѣннн виленской слѣдственной комиссiи.

„Любезный ксендзъ!

„Вчера въ это время я былъ еще въ Мегелянахъ, гдѣ я очень хорошо провелъ время. Я вспомнилъ желанiе ваше имѣть выписки изъ нѣкоторыхъ мѣстъ *Уставной Грамоты Гетуга* (неразборчиво)... Переписавъ ихъ, я съ удовольствiемъ при семъ препровождаю; я пишу не четко, а посему прикажите переписать и показывать это другимъ, объясняя и доказывая что обыватели * обязаны даровать льготы и дѣлать уступки за тысячелѣтнюю работу хлоповъ, притомъ даровья, тѣмъ болѣе что многого не требуется. Только оцѣнивъ дешево землю, нужно имъ же ее перепродать. Однимъ словомъ, *пусть паны поступаютъ съ ними такъ какъ бы хотѣли чтобы съ ними самими поступали въ подобномъ случаѣ.*

„Скажи, прошу тебя, съ амвона, что дни наши уже сочтены; можетъ, остается жить намъ одинъ, много нѣсколько дней! Довольно уже нагрѣшили мы на этомъ свѣтѣ; опомнися, и не будемъ откладывать покаянiя на завтрашнiй день. Отчего же не хотите вы поступать по-христіански чтобы и совѣсть ваша не упрекала васъ и чтобы по смерти поминали васъ добромъ и благословляли память вашу?

„Знаешь ли что, дорогой мой ксендзъ? Сердце раздирается смотря на такое тупоумiе, отсталость и эгоизмъ обывателей. Согласенъ съ тѣмъ что хлопы глупы, что это скоты не имѣющіе довѣрiя и злобные, но кто же за это отвѣтитъ Богу? Будемъ выше ихъ! Не будемъ поддаваться себялюбiю и ненависти, а сдѣлаемъ то что нужно для блага Польши, сдѣлаемъ изъ хлоповъ обывателей, хотя въ будущемъ. Дадимъ имъ хотя уголокъ земли за умѣренную цѣну и съ выгодными для нихъ условiями, убѣдивъ этимъ свѣтъ что мы для нихъ братья. Видишь ли, добрый мой ксендзъ, когда я припоминаю себѣ нашу исторiю, то у меня сердце сжимается: *тамъ ясно видно, что какъ паны продали Польшу, такъ они же пользовались ея богатствами и считали все лишь своимъ достоянiемъ; такъ и теперь, когда Польша можетъ еще двинуться, соединившись всѣми сословiями по-братски, въ эту единственную минуту, они не могутъ избавиться отъ эгоизма и расчета.* Любезный ксендзъ! проникшись всею важностiю этой знаменательной для будущности Польши

* То-есть Поляки.

эпохи, *говори съ панами, но подымай также и хлопозъ; пусть они поймутъ что будущность ихъ счастья заключается въ соединеніи съ панами, и что они должны съ ними быть заодно, что нынѣшняя свобода нисходитъ не отъ Царя, а отъ пановъ; что держа сторону правительства, они навсегда утратятъ религію и свободу; что хотя много пановъ дурныяъ, но что есть и хорошіе, и что они-то и положили начало свободѣ и поведутъ ихъ далѣе; что въ Царствѣ Польскомъ уже давно есть равенство сословій; что въ основѣ правъ у Поляковъ всегда была свобода, у Москалей же деспотизмъ и неволя.*

„Но извините что такъ заговорился; поручаю себя молитвамъ вашимъ; прошу передать мое почтеніе ксендзу Загловицу.

„Цѣлую ручки доброй тетушки. Покорнѣйшій слуга

„Юрій Брынкъ.“

„Декабря 15-го дня 1861 г.

„Цейкуніе.“

Письмо это, писанное шестидесятилѣтнимъ помѣщикомъ почти черезъ годъ послѣ изданія Положенія 19-го февраля, вызвано, какъ видно, далеко не любовью автора къ крестьянину, а единственно разумнѣемъ интересомъ польской партіи.

Вліяя въ качествѣ землевладѣльцевъ на все населеніе края, польскіе помѣщики, и преимущественно самыя крупныя, употребляли всѣ усилія къ сплоченію польской партіи въ одно политическое тѣло, крѣпкое и вліятельное настолько чтобы стать солнцемъ, вокругъ котораго вращались бы, какъ планеты, всѣ сословія края, приобрѣтая свѣтъ и теплоту по мѣрѣ приближенія къ своему свѣтилу. Задача была видимо не легкая, въ особенности послѣ манифеста 19-го февраля, которымъ призывалась къ новой, самостоятельной отъ Поляковъ жизни цѣлая масса русскаго народа въ краѣ, но удачное разрѣшеніе ея казалось панамъ возможнымъ. Увлекательный примѣръ былъ указанъ имъ въ Варшавѣ, гдѣ, по началу графа Андрея Замойскаго, положены были солидныя основы объединенія тамошнихъ сословій (за исключеніемъ впрочемъ крестьянъ), подъ руководствомъ магнатовъ, путемъ экономическихъ интересовъ.

Паны были увѣрены что правительство не воспрепятствуетъ успѣшному ходу замысла и не пойметъ что подъ пышнымъ и на первый взглядъ чуждымъ политическихъ цѣлей именемъ поощренія мѣстнаго земледѣлія, торговли и промышленности разумѣется въ сущности искусственное сосредоточеніе

управленія производительными силами западныхъ губерній въ рукахъ помѣстнаго дворянства и, въ силу такого сосредоточенія, нераздѣльное господство польской партіи надъ всѣми сословіями края. При сосредоточеніи землевладѣнія и капиталовъ въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ, и при той солидарности съ какою дѣйствуетъ, подъ руководствомъ пановъ, польская партія, не трудно было бы выхватить торговлю изъ рукъ Евреевъ (въ которыя, сказать мимоходомъ, попала она по милости пановъ же), и поставить ихъ въ такую же зависимость отъ Поляковъ какъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ Привислинскомъ краѣ, какъ извѣстно, въ періодъ демонстрацій и мятежа, Евреи волей-неволей должны были ходить на заднихъ лапкахъ предъ панамъ и, въ качествѣ „Поляковъ Моисеева закона“, открыто дѣйствовать въ духъ польскаго патріотизма. О конкуренціи со стороны русскаго населенія нечего было и заботиться: до сихъ поръ не было сдѣлано ни шагу чтобы помочь несчастному русскому люду принять участіе въ торговлѣ, если не считать такимъ шагомъ призывъ при генераль-губернаторѣ Мирковичѣ съ десятокъ русскихъ лавочниковъ въ Вильну, да открытія тамъ Русскими, послѣ мятежа 1863 года, двухъ-трехъ магазинчиковъ съ книгами и офицерскими вещами.

Для достиженія предположенной цѣли задумана была крупными панамъ обширная программа, приводить которую въ исполненіе предполагалось быстро, но съ осторожностью, подъ прикрытіемъ именъ которыя не могли бы навести и подозрѣнія на участіе въ предпріятіи крупныхъ пановъ. Изъ дѣлъ того времени видно что въ польскомъ мірѣ единогласно признавались главными руководителями предпріятія самые крупные паны края. Въ нашихъ административныхъ сферахъ имѣлись объ этомъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія. Евреи чуяли всю силу готовившейся имъ опасности, и изъ личныхъ расчетовъ не цадили трудовъ для собиранія всевозможными путями данныхъ о ходѣ помѣщичьяго предпріятія. Извѣстно было даже, что общая программа quasi-экономической работы магнатовъ сѣверо-западнаго края составлена была въ очень широкихъ размѣрахъ: разрабатывались проекты устава Кредитнаго Земскаго Общества въ Вильнѣ, учрежденія тамъ же земледѣльческаго общества, въ подражаніе варшавскому, изданія агрономическаго журнала, учрежденія огромнаго торгово-коммисіонерскаго дома, тоже наподобіе

варшавскаго, который, при поддержкѣ большинства помѣщиковъ, имѣлъ учредить во всѣхъ бойкихъ пунктахъ края склады для оптовой и розничной торговли. Одновременно съ этимъ редижировались проекты прошенія на Высочайшее имя о восстановленіи въ Вильнѣ университета, учрежденіи quasi-литературныхъ обществъ съ цѣлію поддержанія и развитія въ Литвѣ польской народности посредствомъ печати и распространенія въ народѣ польской грамотности.

Къ счастью, Поляки и въ этомъ случаѣ не измѣнили своему историческому обычаю задумывать планы широкіе, но при исполненіи обставить дѣло такими препятствіями которыя дѣлають осуществленіе предпріятія практически невозможнымъ. Планы задумали проводить свои проекты какъ разъ въ то время, когда край находился, по ихъ же милости, въ полномъ разгарѣ революціонныхъ страстей. Понятно что при такихъ условіяхъ администрація отнеслась подозрительно ко внезапно обуйавшей край экономической лихорадкѣ. Едва ли кто поручится что при иныхъ условіяхъ, напримѣръ въ 1858 или 1859 году, мы не вдались бы въ ловушку и, конечно, заплатились бы за то подороже чѣмъ въ 1863 году.

Чтобъ ознакомить читателя съ попытками помѣщиковъ осуществить свои quasi-экономическія затѣи, укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ на хлопоты ихъ объ учрежденіи въ сѣверо-западномъ краѣ торгово-коммиссіонерскаго дома.

Еще лѣтомъ 1861 года между польскими помѣщиками носились слухи о предстоящемъ учрежденіи въ сѣверо-западномъ краѣ обширнаго торгово-коммиссіонерскаго дома съ нѣсколькими конторами. Извѣстно было что въ Варшавѣ дѣятельно формируется личный составъ его и заготовляются товары, что обширное предпріятіе это, помимо экономическихъ выгодъ, повлечетъ за собой непосредственное объединеніе западнаго края съ Царствомъ Польскимъ. Шли рѣчи о томъ что этотъ домъ будетъ скупать товары непосредственно отъ помѣщиковъ, и что масса Евреевъ, жившихъ до того времени преимущественно коммиссіонерствомъ и скупомъ товаровъ изъ первыхъ рукъ, останется отнынѣ безъ дѣла и обратится поневолѣ въ покорныхъ слугъ польской партіи. Торгово-коммиссіонерскій домъ, получая мѣстныхъ произведенія изъ первыхъ рукъ, будетъ въ состояніи скупать и продавать ихъ дешевле, а помѣщики будутъ сбывать свои

произведенія безъ тѣхъ убытковъ какіе терпятъ при факторствѣ Еврея, всегда готоваго воспользоваться стѣснительнымъ положеніемъ продавцовъ.

Разчетъ былъ, безъ сомнѣнія, вѣрный, но, повторяемъ, для того чтобы привести его въ исполненіе, панамъ слѣдовало бы, во первыхъ, выбрать время поудобнѣе 1861 и 1862 годовъ, а во вторыхъ, озаботиться чтобы, по меньшей мѣрѣ, личный составъ коммисіонерскаго дома былъ сформированъ изъ людей не слишкомъ подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи. Паны упустили изъ виду оба эти обстоятельства и, какъ нарочно, для первоначальнаго руководства предпріятіемъ, выбрали изъ Царства Польскаго исключительно такихъ помѣщиковъ, предыдущая жизнь которыхъ напоминала мѣстной администраціи разнаго рода революціонные скандалы. Это послѣднее обстоятельство еще болѣе усилило подозрительность мѣстныхъ властей, а непріязненные предпріятію лица получили возможность открыто заявлять что, судя по выбору лицъ, можно догадываться объ истинной дѣлѣ дома, состоящей въ заготовленіи складовъ продовольствія и оружія для предстоящаго вооруженнаго возстанія. Послѣдствія, какъ увидимъ, отчасти оправдали прозорливость людей дѣлавшихъ эти отзывы еще въ 1861 году и слывшихъ за то алармистами.

Первый шагъ къ приведенію задуманнаго плана въ исполненіе заключался въ устройствѣ торговыхъ домовъ первоначально по линіямъ желѣзныхъ дорогъ въ Гроднѣ, Вильнѣ и Ковнѣ. Дѣйствительно, съ поздней осени 1861 года и въ теченіи 1862 года, какъ бы случайно, стали прибывать въ эти города изъ Царства Польскаго огромные транспорты товаровъ, а вслѣдъ за ними стали являться оттуда и представители торговаго дома.

Представителемъ фирмы торговаго дома объявилъ себя помѣщикъ С. Онъ проживалъ до того времени въ Суwalkахъ и принадлежалъ къ числу помилованныхъ и возвращенныхъ изъ Сибири преступниковъ. По слѣдствію и суду было обнаружено что съ 1841 по 1847 годъ С. состоялъ въ связи съ заговорщиками, которые намѣревались произвести мятежъ въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ. За дѣятельное участіе въ этомъ заговорѣ, онъ сосланъ былъ въ Сибирь въ каторжную работу на три года; въ 1853 году, по особой монаршей милости, былъ освобожденъ

отъ каторжной работы, съ переводомъ на поселеніе, а въ 1858 году возвращень на родину. Родной братъ его, также изъ числа помилованныхъ политическихъ преступниковъ, предполагалъ равномерно принять въ этомъ торговомъ домѣ участіе и просилъ разрѣшенія поселиться въ Вильнѣ.

Повѣреннымъ въ Гродно прибылъ изъ Сувалокъ, состоявшій въ ту пору подъ надзоромъ полиціи, дворянинъ Царства Польскаго Б. Не предуведомяя мѣстныхъ властей, онъ привезъ съ собою значительный транспортъ товаровъ и заявилъ что предметомъ торговли его будутъ товары самыя разнообразныя: кофе, мыло, свѣчи, разныя металлическія вещи и пр. Для складовъ онъ нанялъ три лавки въ домѣ князя Любецкаго, а въ другомъ домѣ занялъ цѣлый этажъ. Случайно или нѣтъ, но одновременно съ этимъ гродненскій помѣщикъ Ромеръ купилъ въ Гроднѣ трехъэтажный домъ и обратилъ его въ завѣсній домъ и гостиницу.

Самъ С. съ товарами прибылъ въ Вильну, объявивъ намѣреніе открыть тамъ торговый домъ. Въ Ковнѣ имѣлъ открыться такой же оптовый магазинъ подъ фирмой эмигранта 1831 г., дворянина Г.

Администрація, принявъ во вниманіе военное положеніе края и ссылаясь на извѣстныя ей политическія обстоятельства, рѣшительно отказала въ разрѣшеніи открыть эти три склада. Б., несмотря на это, остался въ Гроднѣ, за поручительствомъ тамошняго предводителя дворянства и нѣсколькихъ помѣщиковъ. Г. тоже остался въ Ковнѣ. Его предпріятіе съ теченіемъ времени стало приводиться въ исполненіе и даже получило наконецъ оборотъ благоприятный. Хотя еще въ ноябрѣ 1862 года было предписано взять съ Г. подписку въ томъ чтобъ онъ заведенія своего не открывалъ и ничего изъ склада не продавалъ, однако въ декабрѣ того же года ему разрѣшено было изъ Вильны открыть торговлю. Открытіе его склада почти совпало такимъ образомъ съ началомъ вооруженнаго мятежа.

Въ 1863 году до администраціи стали доходить свѣдѣнія что „всѣ помѣщики стали свѣзжаться въ складъ Г. для покупки хозяйственныхъ матеріаловъ“. Мѣстныя власти имѣли основаніе думать что тутъ кроются какія-то политическія цѣли. Подозрительность властей основывалась на данныхъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно было что одинъ проживавшій близъ Ковно помѣщикъ по нѣскольку разъ въ день

привзжаетъ въ складъ скупать жизненные припасы и отправляетъ ихъ въ свое имѣніе для передачи въ шайки мятежниковъ. Необходимость понудила наконецъ администрацію закрыть торговый домъ. У Г. произвели обыскъ, по которому, между прочимъ, оказалось что торговля велась въ большихъ размѣрахъ, но никакихъ установленныхъ коммерческихъ книгъ (кромя нѣсколькихъ черновыхъ), по которымъ можно было бы судить о веденіи дѣлъ, не имѣлось.

Попытки помѣщиковъ захватить въ свои руки производительныя силы западныхъ губерній посредствомъ quasi-экономической программы шли въ параллель съ ихъ постояннымъ домогательствомъ фактически сохранить свое прежнее вліяніе на крестьянъ. Революціонная агитація и въ этомъ случаѣ послужила для нихъ тормазомъ: имъ пришлось разрушать одною рукой то что они дѣлали другою. Рѣшаясь на мятежъ, паны правильно разчитывали что, въ случаѣ его удачи, прежняя власть ихъ надъ крестьяниномъ возстанетъ сама собою, а потому дѣло возстанія стояло у нихъ на первомъ планѣ. Но дабы оно пріобрѣло дѣйствительную силу, необходимо было тѣмъ или другимъ путемъ вовлечь въ него крестьянъ. Помѣщики вѣрили въ возможность парализовать довѣріе крестьянъ къ Полякамъ и ихъ преданность законному правительству, въ особенности послѣ манифеста 19-го февраля, при помощи польскаго костела, который все-таки пользовался въ глазахъ простонародья гораздо большимъ довѣріемъ чѣмъ помѣщики. Въ этихъ видахъ всего желательнѣе было для Поляковъ чтобы католическое духовенство не только пріобрѣло въ глазахъ простолюдиновъ, помимо своего религіознаго вліянія, авторитетъ правительственной власти облеченной правомъ карать и миловать, но и парализовало бы вліяніе на мужика полиціи земской. Какъ ни мудреною казалась подобная задача, польская партія попыталась разрѣшить ее введеніемъ такъ-называемыхъ „братствъ трезвости“.

Братства трезвости, на подобіе граничныхъ, стали учреждаться въ сѣверо-западномъ краѣ съ 1858 года. Они проникли туда изъ Познаня, и въ предѣлахъ Имперіи впервые появились въ Плоцкой губерніи. Вчинаніе по учрежденію этихъ обществъ въ сѣверо-западномъ краѣ принадлежало римско-католическому духовенству, а всего болѣе тогдашнимъ

представителямъ его въ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, епископамъ Волончевскому и Красинскому.

Официальная программа этихъ братствъ заключалась въ томъ чтобы принимать въ члены лицъ *добровольно* отказывающихся отъ употребленія горячихъ напитковъ. Братства учреждались при костелахъ. Братчики, предъ вступленіемъ въ общину, принимали присягу въ томъ что, „въ доказательство любви ихъ къ Богу“, они обязываются „оставшую жизнь проводить въ трезвости, святости и добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей“.

Установленіе подобныхъ братствъ безъ тайныхъ цѣлей, конечно, могло бы благотворно повліять на поддержаніе въ народѣ нравственности и на развитіе его матеріальнаго благосостоянія. Во что же обратила интрига эти прекрасныя, по принципу, учрежденія? По свидѣтельству самихъ епископовъ Волончевскаго и Красинскаго, развитіе братствъ трезвости начало подвигаться такъ успѣшно что изъ числа католиковъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерній къ братствамъ присоединилось свыше милліона душъ. Польская партія громко трубила о полезномъ содѣйствіи просвѣщенной мѣстной администраціи благимъ стремленіямъ католическаго духовенства къ искорененію пьянства въ народѣ; администрація, съ своей стороны, сначала тоже была очень довольна быстрыми успѣхами распространенія братствъ.* Лишь спустя три года послѣ ихъ учрежденія, русскія власти стали замѣчать что римское духовенство, такъ ревностно заботясь объ искорененіи пьянства, успѣло подъ этимъ предлогомъ захватить въ свои руки полицейскую власть надъ крестьянами, и что, съ наступленіемъ періода демонстрацій, оно уже стало пользоваться этою властію для насильственнаго вовлеченія крестьянъ въ волненія.

Эксплуатируя невѣжество массъ, ксендзы лишили братства характера религіозно - общественаго учрежденія въ которое члены вступаютъ добровольно, а сдѣлали изъ нихъ просто полицейскія учрежденія, которыя не только слѣдили за каждымъ шагомъ братчиковъ, но стали даже подвергать послѣднихъ разнаго рода тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ приходахъ, по мѣстечкамъ и всѣмъ селеніямъ,

---

* Объ учрежденіи подобныхъ братствъ при православыхъ церквахъ, къ сожалѣнію, не возбуждалось и рѣчи.

ксендзы учредили свою полицейскую стражу. Самозванные полицейскіе агенты-братчики, прозванные *маршалками*, обязаны были арестовать и представлять ксендзамъ не только пьяныхъ, но всѣхъ кто просто заходилъ въ питейный домъ или выпивалъ хоть чарку водки. Виновныхъ содержали первоначально подъ арестомъ въ волостныхъ управленіяхъ, за тѣмъ ихъ судили. Окончательный приговоръ надъ ними произносилъ ксендзъ, который присуждалъ провинившихся братчиковъ, по своему усмотрѣнію, къ тому или другому роду наказанія. Благодаря ревностному содѣйствию ксендзамъ со стороны помѣщиковъ и земской полиціи, крестьяне не смѣли и помыслить объ ослушаніи. Придумана была цѣлая система наказаній. Ксендзы приговаривали виновныхъ ползать на колѣняхъ вокругъ костеловъ, причемъ присутствовавшіе обязаны были всячески поносить провинившихся. Инымъ привѣшивали на шею дощечки съ надписью: *Пьяница*; другихъ раздѣвали до нага, обмазывали дегтемъ, и въ такомъ видѣ водили по базару. Особенно часты были наказанія розгами и арестъ въ холодныхъ подвалахъ костела и на колокольняхъ, на хлѣбѣ и водѣ. Все это производило между крестьянами терроръ, подъ вліяніемъ котораго они стали смотрѣть на своихъ ксендзовъ какъ на единственную законную власть въ краѣ. Вступленіе въ братство скоро сдѣлалось дѣломъ обязательнымъ для каждаго крестьянина-католика. Многіе помѣщики закрыли свои винокуренные заводы; тѣмъ же изъ нихъ кто продолжали гнать водку, посылались безыменные предостереженія. Евреи, содержащіе шинки, были, разумѣется, въ отчаяніи; на сѣтованія ихъ отвѣчали что дѣло идетъ тутъ о возвышеніи нравственности въ народѣ, и что православныхъ въ краѣ еще достаточно для того чтобы шинки не оставались праздными. Такъ продолжалось до 1863 года.

Понятно что, при такихъ условіяхъ, братства, подъ руководствомъ приходскихъ ксендзовъ, обратились въ сильное революціонное орудіе. Верховное руководство ими принадлежало духовенству высшему, что документально доказано во время начавшейся въ 1863 и 1864 годахъ въ Вильнѣ переборка старыхъ дѣлъ недавнаго прошлаго. Ксендзы, при всемъ своемъ фанатизмѣ, играли тутъ роль второсте-

пенную; они были тѣмъ же что шляхта въ отношеніи магнатовъ: покорными орудіями высшей власти.

Поддержанное вліяніемъ польскаго костела, дворянство, съ своей стороны, не упустило случая вътягивать простонародье въ волненіе. Такъ, еще въ первую пору демонстрацій въ Вильнѣ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ виленскихъ пановъ, графъ Тышкевичъ, заказалъ на праздникъ Воскресенія Христова столъ для угощенія полуторы тысячи простолудиновъ и ремесленниковъ. * Вслѣдствіе предупредительныхъ мѣръ администраціи, угощенье не состоялось, но это не воспрепятствовало графу, бывшему въ ту пору предводителемъ дворянства, лично объѣзжать съ визитами самыхъ ничтожныхъ виленскихъ ремесленниковъ и настаивать чтобъ они отвѣчали на эти визиты. Виленскій портной Каравай ѣздилъ съ нимъ по городу въ одной каретѣ и даже провелъ въ его семействѣ цѣлый вечеръ. Проживавшая въ ту пору въ Вильнѣ богатая помѣщица Свенцянскаго уѣзда, Матильда Бучинская, усердно раздавала бѣднымъ денежныя вспоможенія и продукты, обяывая ихъ за эти пожертвованія носить трауръ. Она еще въ 1859 году, по возвращеніи изъ Парижа, учредила въ Вильнѣ, вопреки категорическому запрещенію высшей администраціи, дамское общество (исключительно губернскаго высшаго круга) для пособія бѣднымъ, на подобіе общества St. Vincent de Paul. Уставъ дамскаго благотворительнаго общества напечатанъ былъ въ Варшавѣ. ** Дамамъ, входившимъ въ составъ Общества, даровалось, отъ имени папы, отпущеніе грѣховъ. Другое соотвѣтственное этому братство, существовавшее тоже для возбужденія революціонныхъ страстей въ низшихъ классахъ населенія, называлось „Общество младшихъ сестеръ нищихъ“. Какъ же отвѣчали крестьяне на панскія ухаживанья? Объ этомъ можно судить по слѣдующему случаю, бывшему въ Дисненскомъ уѣздѣ въ сентябрѣ 1861 года. Въ Міорскомъ костелѣ, въ храмовой праздникъ, нѣсколько помѣщичьихъ

* См. брошюрку: *Сигизмундъ Страковский и его казнь*, г. Цылова. Вильна, 1867 года. Въ ней сообщены по этому дѣлу нѣкоторыя подробности, извлеченныя изъ слѣдственныхъ дѣлъ.

** Общество было номинально упразднено, по распоряженію администраціи, въ апрѣлѣ 1861 года, но de facto продолжало существовать до 1863 года, подъ руководствомъ ксендза Шилейко, „духовнаго директора Братства“.

дочерей, руководимыхъ однимъ старымъ паномъ, пропѣли во время службы революціонный гимнъ. По донесенію земскаго исправника, „крестьяне, выходя изъ костела, съ неудовольствіемъ говорили: пусть паны поютъ на свою голову, а мы будемъ молиться о здравіи и многолѣтіи Государа“. Подобныхъ случаевъ тысячи, и донесенія о весьма многихъ изъ нихъ сохранились въ официальныхъ документахъ того времени.

Даже Ковенская губернія, съ ея инородческимъ населеніемъ и съ вліятельнымъ духовенствомъ, не много отстала отъ прочихъ: въ ней, несмотря на всю силу интриги пущенной въ ходъ для совращенія простолюдиновъ съ пути долга, оказалось мало крестьянъ замѣшанныхъ въ мятежъ.

Съ наступленіемъ мятежа, большинство даже крупныхъ пановъ окончательно рѣшилось сбросить маску и открыто выступить на путь революціи. Молодежь, способная носить оружіе, направилась въ шайки; люди семейные, пожилые и старики содѣйствовали повстанцамъ продовольствіемъ, снабженіемъ шакъ оружіемъ, обмундированіемъ и снаряженіемъ, а всего болѣе своими попытками повліять на умы крестьянъ. Чтобъ ознакомить съ характеромъ дѣятельности помѣщиковъ въ этомъ отношеніи, приведемъ на выдержку нѣсколько случаевъ, обнаруженныхъ въ сѣверо-западномъ краѣ въ разныхъ уѣздахъ. Для образца представимъ краткій перечень событій въ уѣздахъ, напримѣръ, Дисненскомъ * и Борисовскомъ. Избираемъ эти уѣзды именно потому что въ нихъ, по количеству русскаго населенія, нельзя не удивляться рѣшимости пановъ мутить сельское населеніе противъ правительства. Помѣщики въ такихъ мѣстностяхъ не могли же не понимать что вовлекать массу сплошь русскихъ крестьянъ идти въ шайки противъ Русскаго Царя, для помощи Полякамъ, то же что уговаривать наше войско обратиться, для доставленія побѣды непріятелю, противъ своего отечества.

Изъ Дисненскаго уѣзда, въ половинѣ февраля 1863 года, прибылъ въ Петербургъ довѣренный временно-обязанныхъ крестьянъ этого уѣзда, крестьянинъ Оома Лавриновичъ, съ просьбой объ огражденіи крестьянъ отъ насилія пановъ. Говоря о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ крупныхъ помѣщиковъ,

* Уѣзды Виленской губерніи: Дисненскій, Вилейскій и Свѣцянскій, за ничтожными исключеніями, сплошь бѣлорусскіе.

Лавриновичъ показывалъ, между прочимъ, что паны принуждаютъ крестьянъ дѣлать набѣги на русскія войска и записываться въ шайки, объявляя „что ни Государя, ни Великаго Князя Константина Николаевича въ живыхъ уже нѣтъ, что помѣщики нынѣ властители сель и деревень и избираютъ другаго царя, уже не русскаго.... Отобравъ у всѣхъ оружіе, заколачивая у избъ двери, они принуждаютъ крестьянъ присягать быть имъ вѣрными.“ Крестьяне, окруженные польскими помѣщиками, шляхтой, польскими мировыми посредниками и польскою полиціей, не имѣя свѣдѣнія объ истинномъ положеніи дѣла и подозрѣвая что ихъ вводятъ въ обманъ, обратились за совѣтомъ къ старообрядскому священнику, который успокоилъ ихъ, объявивъ что распускаемые панами слухи лживы. Это-то и побудило крестьянъ отправить въ Петербургъ депутацію, чрезъ посредство которой они „молили выслатъ въ ихъ мѣста войска для усмиренія помѣщиковъ“, заявляя при этомъ что всѣ крестьяне готовы присоединиться къ войскамъ для содѣйствія къ подавленію мятежа.

Такого же рода жалобы и мольбы раздались и изъ другихъ мѣстностей уѣзда. Обвинителями помѣщиковъ въ подстрекательствѣ явились, между прочимъ, отставной солдатъ Степановъ и мѣщанинъ Масляковъ. Оба они представляли несомнѣнные доказательства того гнета и тѣхъ соблазновъ, которые испытываютъ крестьяне отъ пановъ добывающихся втянуть ихъ въ мятежъ.

Наражено было дознаніе и слѣдствіе. Паны, по заведенному обычаю, чуть не ото всего отпирались, несмотря ни на очевидныя улики, ни на показанія нѣсколькихъ свидѣтелей, ни даже на обыски.*

Графъ Вильгельмъ Лопатинскій, владѣтель имѣнія Падулино, обвинявшійся въ храненіи оружія и подговорѣ крестьянъ къ мятежу, при допросахъ сначала пытался вывернуться отъ отвѣтственности; затѣмъ, въ виду массы уликъ, нежи-

---

* Въ слѣдственныхъ дѣлахъ того времени безчисленны случаи что, при открытіи у Поляковъ не только въ домѣ, но даже въ карманѣ разнаго рода революціонныхъ документовъ, обнаруживавшихъ принадлежность къ возстанію, удачаемый безъ стыда отзывался что документовъ этихъ онъ вовсе не знаетъ и что, вѣроятно, кто-нибудь ему подсунулъ оныя. Чистосердечныя показанія, и то

данно куда-то скрылся, и лишь чрезъ годъ получено было извѣстие что онъ тайно бѣжалъ за границу.

Привѣзавшій къ нему въ гости дворянинъ Михаилъ Сломскій, по показаніямъ многихъ крестьянъ, объявлялъ имъ что „Россія погибнетъ и Польша будетъ возстановлена“, внушалъ имъ чтобы „податей болѣе не вносить, а Царя не слушать“. Несмотря на улики, Сломскій отказывался отъ этихъ словъ, но характеръ улики былъ таковъ что обвиняемый приговоренъ былъ графомъ Муравьевымъ къ ссылкѣ на поселеніе.

Въ Дисненскомъ уѣздѣ агитаторы-помѣщики особенно заботливо старались внушать крестьянамъ что „Положеніе 19-го февраля для нихъ не существуетъ“. Такъ графъ Лопацинскій формально объявилъ нѣсколькимъ крестьянамъ въ 1863 году: „Вы думали быть вольными, а все-таки будете панскими.“

Крупная помѣщица этого уѣзда, уже пожилая, Л., дѣйствовала съ большею осторожностью, бесѣдуя съ крестьянами у себя дома и наединѣ. Такъ, при разговорѣ со своимъ старостою, она „убѣждала его къ мятежу, представляя выгоды какія будутъ для тѣхъ кто приметъ въ дѣлѣ этомъ участіе“. Хотя она говорила съ нимъ наединѣ, но во время разговоровъ въ ея комнату входила ключница З. Староста уклонился дать прямой отвѣтъ на предложеніе своей помѣщицы, и получивъ отъ нея деньги на хозяйственные расходы, ушелъ въ кухню, гдѣ нашелъ четырехъ крестьянъ, которымъ и передалъ все о чемъ ему говорила г-жа Л. Спустя полчаса, староста и эти четыре крестьянина снова были въ господскомъ домѣ, и когда стояли въ передней, ключница З., проходя мимо нихъ, обратилась къ старостѣ и означеннымъ крестьянамъ и спросила ихъ: „Что же, вы надумались уже?“ По показанію старосты, З. должна была слышать что помѣщица Л. подговаривала его къ мятежу, и потому, какъ староста, такъ и четыре тутъ бывшіе крестьянина, высказывали полное убѣжденіе „что приведенныя слова З. относились

довольно рѣдко, стали дѣлаться только при графѣ Муравьевѣ. При немъ встрѣчались, впрочемъ, и такіе случаи что повстанецъ, вызванный, по собственному побужденію, написать profession de foi, и изложилъ съ несомнѣнною искренностью всѣ подробности своей жизни и всѣ сношенія свои съ разными дѣятелями польскаго мятежа, послѣ показывалъ будто все написанное имъ въ Вильнѣ несправедливо.

къ подговору въ мятежъ“. Показанія свои крестьяне подтвердили присягой.

Въ томъ же уѣздѣ управляющій имѣніемъ Сосновки, дворянинъ Бесекерскій, съ угрозой уговаривая крестьянъ принять участіе въ мятежѣ, говорилъ имъ между прочимъ: „Какую милость для васъ сдѣлалъ Царь: вы ходите на господскую работу какъ и прежде, а земли будете имѣть столько сколько захочетъ дать помѣщикъ?“ Г. Бесекерскій имѣлъ добросовѣстность сознаться въ этомъ, объясняя, впрочемъ, что говорилъ все это „въ шутку“.

Вотъ нѣсколько случаевъ характеризующихъ подвиги помѣщиковъ въ Борисовскомъ уѣздѣ Минской губерніи.

Помѣщикъ Керсновскій и шуринъ его дворянинъ Василевскій, по показаніямъ двадцати четырехъ лицъ спрошенныхъ подъ присягой и восьми безъ присяги, уличены въ домогательствѣ воемечъ крестьянъ въ возстаніе. Оба они, для внушенія довѣрія крестьянамъ, одѣвались въ мужицкія свитки и въ этомъ нарядѣ вели свою пропаганду. Помѣщики эти еще въ мартѣ увѣряли крестьянъ будто Поляки уже отобрали нѣсколько губерній. „Идетъ“, говорилъ одинъ изъ нихъ крестьянамъ, „большая сила Поляковъ; мы ихъ ждемъ, и тогда пойдемъ воевать противъ Царя, хотимъ его *зничить**.“ Вотъ для куріоза нѣсколько обращиковъ попытокъ ихъ къ совращенію крестьянъ. Василевскій говорилъ старостѣ Купрею „что чрезъ двѣ недѣли будетъ война, пойдемъ съ Поляками на Русскихъ“. Получивъ отвѣтъ что Купрей не здоровъ, Василевскій сказалъ: „Пошли брата; если пошлешь, дамъ уволку земли.“ Вотъ еще обращикъ. Василевскій при крестьянинѣ говоритъ Керсновскому: „Жартавскіе мужики не вѣрятъ что мы дадимъ имъ землю.“ Тогда Керсновскій, ударивъ рукой по плечу находившагося при этомъ крестьянина, сказалъ: „Хоть ты и не мой, а я тебѣ дарю уволку земли когда ты съ нами пойдешь *изъ Поляки*.“

Въ томъ же уѣздѣ помѣщикъ Свѣтликъ, въ февралѣ 1863, читалъ въ Зенбинскомъ волостномъ правленіи, въ присутствіи волостнаго старшины, многихъ крестьянъ и Евреевъ, воззваніе къ повстанію. Одновременно съ этимъ помѣщикъ М. прочелъ такое же воззваніе въ Корсаковскомъ волостномъ правленіи.

* Погубить.

Въ томъ же уѣздѣ помѣщикъ Валицкій преданъ былъ военному суду за распространеніе въ февралѣ между крестьянами возмутительныхъ слуховъ и за подговоръ ихъ отправиться въ шайки. Тѣмъ изъ крестьянъ которые отправятся въ мятежъ Валицкій великодушно обѣщалъ „сто рублей, уволокъ земли и шляхетство“.

Невельскій предводитель дворянства Родзевичъ оказался по суду виновнымъ въ томъ что „подговаривалъ крестьянъ какъ своихъ, такъ и другихъ имѣній, къ содѣйствию Полякамъ“. Онъ убѣждалъ ихъ принять сторону повстанцевъ „и во всемъ помогать имъ, увѣряя что тогда будетъ имъ гораздо легче, не будутъ платить оброка, а податей очень мало; инымъ говорилъ что императоръ только разоряетъ ихъ большими налогами, и что если они не послушаютъ его, Родзевича, то Поляки ихъ перерѣжутъ.“

Въ Ковенской губерніи однимъ изъ коноводовъ мятежа, былъ, какъ оказалось по слѣдствію, графъ Эдуардъ Чапскій магнатъ, жившій въ имѣніи своемъ Вижуны, Вилькомирскаго уѣзда. Графъ обвинялся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ шайками Свраковского, Альбертуса, Касперовича и др., которыя онъ часто самъ посѣщалъ и среди которыхъ проводилъ по нѣскольку часовъ, въ снабженіи шаекъ этихъ удовольствіемъ и оружіемъ, въ уводѣ въ мятежъ двѣнадцати человекъ своей челяди и пр. Изъ слѣдствія по этому дѣлу видно что графъ Чапскій не только лично совращалъ другихъ съ пути долга, но не былъ чуждъ повѣшенія, за враждебныя отношенія къ мятежу, мѣстнаго тысяцкаго Лебедева. Вина Лебедева заключалась въ томъ что онъ, согласно требованію правительства, приступилъ къ формированію сельскаго караула. Когда жена Лебедева, Елена, узнавъ что повстанцы отыскиваютъ ея мужа съ намѣреніемъ повѣсить его, бросилась къ графу и умоляла о защитѣ, Чапскій не только не помогъ ей, но прогналъ отъ себя прочь словами: „Поди вонъ, я не король польскій.“ Онъ сдѣлалъ даже болѣе: приказалъ крестьянину Радвилу отыскать Лебедева, угрожая, въ случаѣ неповиновенія, сжечь всю деревню. За поимку Лебедева Радвилу получилъ отъ писаря графа Чапскаго 3 рубля. По показанію множества свидѣтелей, графъ Чапскій въ теченіи трехъ сутокъ не позволялъ снимать повѣшеннаго Лебедева съ дерева, а по минованіи этого срока велѣлъ похоронить

покойнаго тысяцкаго не на кладбищѣ, а на томъ мѣстѣ гдѣ былъ повѣшенъ.

Мученическая кончина Лебедева, вызвавшая при графѣ Муравьевѣ строгое слѣдствіе, послужила къ обнаруженію отношенія Чапскаго къ повстанію: онъ сосланъ былъ въ каторжную работу на восемь лѣтъ.

Не будемъ распространяться въ исчисленіи массы случаевъ, подтверждающихъ что польскіе помѣщики вовлекали крестьянъ въ возстаніе. Еслибы кто-нибудь принялъ на себя трудъ специально заняться изслѣдованіемъ этого предмета, тотъ нашелъ бы въ архивахъ западныхъ губерній неисчерпаемый источникъ фактовъ.

Вмѣсто перечня отдѣльных случаевъ, полагаемъ, полезнѣе привести обобщеніе сдѣланное графомъ Муравьевымъ въ воззваніи къ жителямъ сѣверо-западнаго края отъ 23-го іюня 1863 года, обобщеніе не голословное, но съ указаніемъ источниковъ изъ которыхъ оно было добыто:

„Изъ дѣлъ слѣдственныхъ коммиссій, донесеній военныхъ начальниковъ и показаній плѣнныхъ видно, что кромѣ мелкой шляхты, горожанъ и другой празднои челяди, не отличавшейся никогда хорошею нравственностью, большая часть лицъ принимающихъ участіе въ настоящихъ безпорядкахъ и сочувствующихъ онымъ принадлежитъ къ сословію католическаго духовенства, дворянства и помѣщиковъ здѣшняго происхожденія. Дворяне и помѣщики, ослѣпленные безразсудными мечтаніями о господствѣ надъ народомъ, который едва только успѣлъ, волею Всемилостивѣйшаго Государя нашего, освободиться изъ-подъ тяжкаго ихъ гнета, тайно и явно раздуваютъ пламя волненій и принимаютъ въ нихъ дѣятельное участіе, которое въ этомъ сословіи сдѣлалось до такой степени всеобщимъ что предводители дворянства, спрошенныя по моему приказанію, не рѣшились указать лицъ на политическую благонадежность которыхъ можно бы положить.“ *

Мы не вполнѣ очертали бы роль польскихъ помѣщиковъ относительно крестьянъ, еслибы упустили упомянуть о слѣдующей характеристической чертѣ. Силой и обманомъ стягивая русскаго мужика въ шайки для борьбы на смерть за враждебные ему интересы, помѣщики не задумывались выставить его предъ мѣстными властями злодѣемъ, грабителемъ и мятежникомъ и требовать отъ правительства возна-

* Сборникъ г. Цылова, стр. 233.

граждениа сторицею за тѣ убытки которые произошли отъ безпорядковъ затѣянныхъ панами.

Для куріоза, приведемъ два случая подобныхъ жалобъ, съ резолюціями на нихъ графа Муравьева. Въ исходѣ первой половины апрѣля 1863 года, на транспортъ съ оружіемъ, слѣдовавшій изъ Динабурга въ Дисну и конвоируемый всего восемью нижними чинами при офицерѣ, въ лѣсу близъ мѣстечка Креславки, напала шайка, подъ командой помѣщика графа Леона Плятера. Ей удалось отбить транспортъ.

Прежде чѣмъ войска наши успѣли собраться для преслѣдованія шайки, крестьяне, вооружась чѣмъ попало, напали на повстанцевъ, отбили бѣольшую часть оружіа и представили его начальству. Удивительно ли что, при неизбѣжномъ въ такихъ обстоятельствахъ раздраженіи страстей и при обыскахъ произведенныхъ крестьянами въ имѣніи Вышки, помѣщика графа Моль (куда мятежники отправили отбитое у насъ оружіе), имѣніе это было разграблено и сожжено. * Паны однако не прекращали борьбы, и шайки ихъ стали сосредоточиваться у станціи Дубно: и тутъ крестьяне разсѣяли шайку, захвативъ восемнадцать человекъ плѣнными. Зная имена пановъ участвовавшихъ въ мятежѣ и не встрѣчая пособія со стороны войска (войска прибыли нѣсколько позже), крестьяне стали дѣлать у тѣхъ помѣщиковъ кого они наиболѣе подозрѣвали обыски для открытія складовъ оружіа; при такихъ обыскахъ, встрѣчавшихъ сопротивленіе, разумѣется, мудро было ожидать большого порядка, а потому не удивительно что мебель, посуда и пр. оказались поломанными. Прибыло войско, и возстановило порядокъ.

Тогда паны обратились къ правительству съ *требованіемъ вознагражденія*. Опекунъ надъ имѣніями покойнаго помѣщика графа Плятера обратился къ виленской администраціи съ просьбой о вознагражденіи убытка, голословно показывая таковой болѣе чѣмъ на полмилліона (!) руб. сер. Графъ Муравьевъ приказалъ отвѣчать просителю „что, если дѣйствительно графъ Плятеръ понесъ столь значительные убытки, то ему слѣдуетъ войти съ прошеніемъ, съ присовокупленіемъ

---

* Въ дописаніи воеммага начальства объ этихъ дѣлахъ значитъ, что въ Креславкѣ и въ мѣстечкѣ Вышкахъ арестовано войсками 16 человекъ, въ томъ числѣ три брата графы Моль и два брата графы Плятеръ. (См. *Московскія Вѣдомости* 1863, № 92.)

надлежащихъ доказательствъ, о взысканіи понесенныхъ ими убытковъ съ *имѣній тѣхъ помѣщиковъ* которые произвели нападеніе 13-го прошлаго апрѣля на транспортъ съ казеннымъ оружіемъ и которые возбудили мятежъ въ Витебской губерніи“.

Помѣщица Динабургскаго и Рѣжицкаго уѣзда, Анеля Оскерко, также обратилась съ жалобой къ министру внутреннихъ дѣлъ, что крестьяне, 15-го апрѣля, подъ предлогомъ отысканія въ ея домѣ оружія, разломали двери, побили и порубили вещи, мебель и хрусталь цѣною болѣе чѣмъ на сто двадцать тысячъ рублей (!). Графъ Муравьевъ и этой просительницѣ приказалъ отвѣчать „что, если она дѣйствительно понесла столь значительные убытки, то должна просить, съ представленіемъ надлежащихъ доказательствъ, о вознагражденіи съ имущества *тѣхъ помѣщиковъ которые возбудили мятежъ въ Динабургскомъ уѣздѣ* и произвели нападеніе на казенный транспортъ съ оружіемъ, *какъ виновниковъ встѣхъ безпорядковъ*“.

Хотя этимъ отвѣтами просители не были лишены возможности искать вознагражденія, они однако не признали нужнымъ продолжать свои домогательства. Не споримъ что, въ жару кровавыхъ междоусобій возбужденныхъ панами, могли быть случаи грабежей и насилій со стороны крестьянъ и войскъ, но случаи эти крайне рѣдки и представляютъ собою исключеніе, между тѣмъ какъ случаи грабежей со стороны повстанцевъ были весьма многочисленны. При грабежахъ этихъ, мятежникамъ доставались иногда суммы значительныя: такъ, шайки, разграбивъ уѣздное пружанское казначейство, взяли оттуда 10.806 руб.; шайка Рогинскаго, ограбивъ денежную почту, захватила 5.546 руб. и пр. Грабежи повстанцевъ въ беззащитныхъ селеніяхъ, гдѣ мятежники захватывали лошадей, коровъ, запасы, разнаго рода общественныя суммы, хранившіяся въ волостныхъ правленіяхъ, составляли въ сложности цифру весьма почтенную.

Графъ Муравьевъ быстро прекратилъ грабежи однимъ циркуляромъ отъ 25-го іюня; онъ предложилъ губернаторамъ слѣдующее: „*Такъ какъ мятежъ въ здѣшнемъ краѣ главнѣйше поддерживается помѣщиками польскаго происхожденія,* то, считая справедливымъ оградить казну и сельскія общества отъ убытковъ, по поводу грабежа и безчинства мятежниковъ, возмещеніемъ расхищенныхъ ими капиталовъ съ

*виновнаго въ мятежъ сословія польщиковъ-Поляковъ, обяы-
ваю начальниковъ губерній немедленно привести въ положи-
тельную извѣстность: сколько расхищено мятежническими
шайками мірскихъ капиталовъ и податей которыя были собра-
ны крестьянами для взноса въ казну и отняты мятежника-
ми? По полученіи о томъ полныхъ и точныхъ свѣдѣній, про-
извести раскладку расхищенныхъ по каждому уѣзду денегъ
на имѣнія того же уѣзда принадлежація помѣщикамъ поль-
скаго происхожденія, и возложить на уѣздныхъ военныхъ на-
чальниковъ и исправниковъ исправное взысканіе этой сум-
мы по раскладкѣ.“*

Въ настоящемъ очеркѣ мы старались сгруппировать поло-
жительныя данныя, дабы, по мѣрѣ силъ, способствовать
уясненію истины что крупные польскіе помѣщики запад-
ныхъ губерній составляютъ въ край основу того револю-
ціоннаго элемента который искони былъ источникомъ
смутъ и потрясеній и который до сихъ поръ препятствуетъ
краю окончательно объединиться съ остальною Россіей. Не-
смотря на недостаточность имѣвшихся у насъ подъ руками
данныхъ, на стараніе наше не выходитъ изъ предѣловъ доку-
ментальной точности, хотя бы въ очевидный ущербъ инте-
ресу изложенія, наконецъ на преднамѣренное умолчаніе цѣ-
лой массы фактовъ, часто весьма важныхъ, но которые, не
будучи вполне доказанными, не всегда удобны для печати
по дѣламъ столь близкаго къ намъ прошлаго, мы полагаемъ что,
даже при одномъ голомъ перечнѣ приведенныхъ фактовъ и
именъ, невозможно отрицать руководящую роль польскихъ
магнатовъ въ политическихъ потрясеніяхъ западнаго края.

Важность для насъ рѣшенія вопроса о томъ гдѣ именно
кроется причина этихъ потрясеній слишкомъ очевидна: из-
лѣчить болѣзнь можно только вѣрно опредѣливъ ея корень.
Наше несчастное прошлое въ этомъ дѣлѣ служить назида-
тельнымъ урокомъ.

Ни для кого не тайна что сила польской партіи заключа-
лась не въ ней самой, а въ нашей нравственной немощи,
объясняющейся многими обстоятельствами. Проученные дол-
гимъ опытомъ, мы искони не довѣряли Полякамъ; по време-
намъ даже настойчиво преслѣдовали шляхту разнаго рода по-
лицейскими мѣрами, но въ то же время постоянно заботливо

оберегали корень зла—польское помѣстное дворянство. Такою системою отношеній къ польской партіи мы одновременно раздражали, озлобляли ее противъ насъ, помогали ей рисоваться, не говоримъ уже за границей, но и у себя дома, въ роли невинныхъ страдальцевъ за свободу, а въ то же время укрѣпляли и развивали ее силу.

Мы дѣйствовали такимъ образомъ подъ вліяніемъ убѣжденія что мятежъ свойственъ исключительно пролетариату, а что помѣщики — элементъ консервативный. Мы упустили изъ виду что подобный взглядъ вполне примѣнимъ только къ странѣ которая живетъ и развивается правильно, а отнюдь не къ политической партіи въ краѣ, которая стремится къ поглощенію *путемъ революціи*, въ добавокъ при помощи правительства, одиннадцати милліоновъ чуждаго и враждебнаго ей населенія. Вполнѣ понятно что Поляки всеми мѣрами старались поддерживать въ насъ это выгодное для нихъ заблужденіе. Указанія исторіи на насъ не дѣйствовали: со времени Чарторыйскаго вплоть до послѣдняго мятежа мы постоянно ловились однимъ и тѣмъ же силкомъ.

Главная доля вины въ этомъ случаѣ не на высшемъ правительствѣ. Съ 1831 года оно, зная истину, съ постоянствомъ и съ твердостью шло неуклонно по одному пути, ни на минуту не увлекаясь польскими мечтаніями. Тяжесть нравственной отвѣтственности лежитъ главнымъ образомъ на отдѣльныхъ административныхъ органахъ, которые, являясь исполнителями высшихъ предначертаній, весьма часто дѣйствовали въ духѣ діаметрально имъ противоположномъ. Кому удавалось слѣдить по подлиннымъ документамъ за массою хитросплетеній, которыми старались затемнить и запутать сущность польскаго вопроса, тотъ конечно не мало удивлялся сколько потрачено канцелярскихъ хитростей и громкихъ патриотическихъ фразъ на то чтобы незамѣтно выгородить изъ отвѣтственности помѣщиковъ и свалить всѣ бѣды на голоту да на приходскихъ ксендзовъ.

Между тѣмъ виленская администрація въ высшихъ ея слояхъ состояла постоянно изъ Русскихъ и притомъ, въ большей части случаевъ, изъ людей честныхъ и благонамѣренныхъ. Въ чемъ именно заключалось то магическое очарованіе, подъ вліяніемъ котораго она дѣйствовала въ интересахъ польской партіи? Помимо причинъ внѣшнихъ, во главѣ которыхъ было, конечно, вынужденное отсутствіе публичности,

при безгласности печати, помимо крѣпостнаго права и отсутствія правильного суда, главная причина немощи мѣстной администраціи заключалась въ томъ что послѣдняя поставлена была въ необходимость вести въ край борьбу одними канцелярскими да полицейскими средствами противу плотной и единомысленной массы польскаго дворянства, которое фактически признавалось въ ту пору единственною интеллигентною силой края. Въ столь неравной борьбѣ, администрація, при всѣхъ своихъ громаднѣхъ полномочіяхъ, съ первыхъ шаговъ чувствовала себя безъ опоры, безъ почвы, и невольнo уступала. Къ уступчивости этой побуждала ее дѣятельная польская работа въ разныхъ петербургскихъ канцеляріяхъ и даже въ гостиныхъ, работа подземная, еле замѣтная, но которая, въ періодъ господства у насъ антинаціональной политики, весьма осязательно давала себя чувствовать, убивала въ честныхъ дѣятеляхъ бодрость и энергію, и вынуждала ихъ съ грустью повторять пословицу что „плетью обуха не перешибешь“. На подспорье русскаго общества, которое одно въ состояніи противопоставить силѣ польскаго общественнаго мнѣнія собственную силу, рассчитывать въ ту пору администраціи было нечего. Къ тому же полномочная мѣстная администрація, всегда ревнивая ко власти, не въ состояніи была бы, по природѣ своей, и потерять независимую частную дѣятельность.

Мы живемъ при условіяхъ болѣе благоприятныхъ: послѣ мятежа 1863 года, послѣ публичной разработкы польскаго вопроса, послѣ закона 10-го декабря 1865 года, а главное, послѣ тѣхъ вполне національныхъ началъ которыя выработались въ нынѣшнее царствованіе, не можетъ уже быть тѣхъ ошибокъ которыя прежде случались по невѣдѣнію....

(Окончаніе слѣдуетъ.)

С. РАЙКОВСКІЙ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ

ЛАЖЕЧНИКОВЪ

26-го іюня нынѣшняго года, въ 3 часа утра, уснулъ вѣчнымъ сномъ одинъ изъ послѣднихъ, остававшихся въ живыхъ, представителей славнаго Пушкинскаго періода нашей литературы, главный у насъ дѣятель историческаго романа, писатель, въ свое цвѣтущее время пользовавшійся огромною популярностью и даже горячимъ энтузіазмомъ въ нашей публикѣ, слѣды котораго не совсѣмъ еще охладѣли и въ настоящее время. Писатель этотъ Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ. Онъ умеръ на семьдесятъ-пятомъ году жизни, окруженный литературнымъ поколѣніемъ во всемъ отличномъ отъ того которое, тридцать лѣтъ тому назадъ, съ восторгомъ привѣтствовало и жаждо прочитывало его романы. Содержаніе русской изящной литературы, ея сюжеты, ея тонъ и приемы, успѣли со времени *Ледянаго дома* преобразиться до совершенной неузнаваемости, и наше современное читающее общество, конечно, не можетъ уже питать къ произведеніямъ Лажечникова того сочувствія, не можетъ даже проникнуть ихъ *тѣмъ* пониманіемъ, какими они были встрѣчены во время своего появленія. Отъ шестидесятихъ годовъ произведенія эти отдѣляются періодомъ литературнаго развитія, не столько продолжительнымъ по числу годовъ, сколько знаменательнымъ по своему быстрому, безпокойному, нервѣдо болѣзненному движенію. Совершивъ это движеніе, литература нашихъ дней можетъ оглянуться на беллетристическую дѣятельность Лажечникова какъ на фактъ принадлежащій исторіи. Мы говоримъ: исторіи, а не археологіи, и никакъ не хотимъ сказать

чтобы романы Лажечникова были устарѣлыя произведенія, способныя давать пищу только любознательности ученыхъ. Нѣтъ, въ романахъ этихъ есть элементы придающіе имъ живой и теплый интересъ и для современнаго читателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ они, всѣмъ существомъ своимъ, связаны съ литературною эпохой, содержаніе которой было во всемъ отлочно отъ теперешней. Эта отдаленность эпохи тридцатыхъ годовъ отъ эпохи шестидесятыхъ, сказывающаяся въ историческихъ романахъ Лажечникова, значительно облегчаетъ задачу критики: она можетъ, не испытывая ни малѣйшаго вліянія тенденціи, ни въ одномъ изъ своихъ сужденій не обуславливаясь мѣстомъ занимаемымъ критикомъ среди арены современной литературы, отнестись къ давно написаннымъ произведеніямъ знаменитаго романиста съ тою свободой и цѣльностью взгляда, которыхъ ей такъ трудно достигнуть въ обсужденіи современнаго ей автора. Между тѣмъ какъ хронологія литературной дѣятельности Лажечникова такимъ образомъ упрощаетъ для критики трудность объективной и всесторонней оцѣнки этой дѣятельности, другія обстоятельства увеличиваютъ интересъ такой оцѣнки, дѣлаютъ ее своевременною и даже необходимою. Не только недавняя смерть славнаго романиста, которая, какъ всегда бываетъ со смертью знаменитыхъ людей, снова напомнила о его жизни, но въ особенности юбилей его 50-ти-лѣтней литературной дѣятельности, праздновавшійся недѣль за шесть предъ смертью Лажечникова (4-го мая), и привлекшій многочисленныхъ посѣтителей и вниманіе печати, снова обратили взоры читающей публики, давно уже развлекаемые пестрыми и нестройными явленіями нашего литературнаго міра, на автора, доставившаго ей столько минутъ чистаго и восторженнаго наслажденія своимъ *Последнимъ Новикомъ*, *Ледянымъ Домомъ*, *Басурманомъ*. Настала пора и для критики бросить внимательный и безпристрастный взглядъ на всю совокупность авторства Лажечникова и вывести общій результатъ его долгодѣтней, нѣкогда громкой, всегда и неизмѣнно симпатичной писательской дѣятельности. Такой критическій взглядъ не можетъ не быть глубоко-сочувственнымъ. Личность усюпшаго, сквозившая въ каждомъ изъ его произведеній, не могла не возбудить всеобщей, теплой и неподдѣльной симпатіи. Съ другой стороны, взглядъ этотъ уже не можетъ быть восторженнымъ: интересы мысли, которымъ служатъ выраженіемъ

романы Лажечникова, теперь давно уже отодвинуты на задній планъ и замѣнены другими, въ свою очередь уже смѣненными, и т. д., такъ что въ отношеніи къ романамъ Лажечникова невозможна и та непосредственная горячность чувства, которая въ критикѣ лишь затмеваетъ ясную, созерцающую мысль. Такимъ образомъ, критика относительно произведеній Лажечникова находится въ самомъ выгодномъ положеніи; она можетъ выполнить въ самомъ полномъ объемѣ свою задачу, представить историческую оцѣнку автора и мѣста занимаемаго имъ въ общемъ ходѣ русской и общеевропейской литературы.

Никогда не было литературнаго переворота глубже и рѣшительнѣе того который совершился въ западной Европѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вслѣдъ за французскою революціей. XVIII вѣкъ, особенно въ своихъ умственныхъ вершинахъ, былъ вѣкъ по преимуществу отвлеченный, философствующій. Его любимыя науки были естественныя и математическія; онъ былъ склоненъ къ [апріористическому] взгляду на общество, къ утопіямъ; искусство его было проникнуто классицизмомъ или выспреннымъ идеализмомъ. Нельзя теперь, при совершенно измѣнившейся исторической обстановкѣ, при господствѣ стремленій діаметрально противоположныхъ тогдашнимъ, не отнестись съ сочувствіемъ и даже съ благоговѣніемъ къ благороднымъ увлеченіямъ мысли, тогда столь недавно пробудившейся, не понять и не извинить ея гордости и самоувѣрія, ея упоенія недавно достигнутыми и дѣйствительно блестящими успѣхами. Но въ концѣ вѣка этому счастливому упоенію мысли былъ нанесенъ жестокій и рѣшительный ударъ. Французская революція, это любимое дѣтище теоретическаго взгляда на человечество и государство, въ своихъ послѣдствіяхъ обратилась противъ своего же источника и положила конецъ тому возрѣнію изъ котораго она произошла. Противъ деспотизма мысли возстали забытые, невѣдомые или ложно-понимаемые интересы жизни; противъ нивелирующаго, отвлеченнаго требованія идеальнаго государства возсталъ масса мелкихъ, особенныхъ, историческихъ правъ, привычекъ и преданій. Заговорили и въ концѣ концовъ отстояли себя именно тѣ начала исторической жизни съ которыми революціонный идеализмъ давно уже покончилъ въ теоріи и на бумагѣ. Сила и обаяніе прошлаго сказались тѣмъ рѣшительнѣе чѣмъ высокомѣриѣ

презирало ихъ царствовавшее дотолѣ направленіе. Къ прошлому стали обращаться съ любовью и благоговѣніемъ; его стали отыскивать съ такимъ же рвеніемъ съ какимъ недавно его отрицали и старались предать забвенію; его стала восхвалять поэзія, его стала оправдывать теорія. И если этотъ култъ прошлаго и не былъ свободенъ отъ фанатическаго пристрастія, если, особенно въ началѣ, онъ часто представлялся лишь праздною игрою чувства и воображенія, то ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать чтобъ онъ остался на поверхности вопросовъ. Напротивъ, съ теченіемъ времени эта реакція мысли все болѣе углублялась и очищалась отъ болѣзненныхъ наростовъ. *Философствующій* характеръ просвѣщенія замѣнился *историческимъ*. Отсюда, для исторіи литературы, два ближайшія послѣдствія. Къ исторіи обратилась научная литература, не въ лицѣ ученыхъ собирателей, кропотливыхъ и почтенныхъ тружениковъ безъ общихъ взглядовъ и руководящихъ идей, какъ то большею частію бывало прежде, а напротивъ того, въ лицѣ многихъ изъ своихъ звѣздъ первой величины, людей, внесшихъ въ исторію строгость философскаго взгляда и прелесть живописнаго изображенія. Разумѣется, здѣсь, предъ лицомъ науки, восторженный култъ прошедшаго скоро превратился въ спокойную критическую оцѣнку, и односторонняя тенденціозность не могла устоять противъ успѣховъ знанія. Разъяснить истинный смыслъ великихъ переворотовъ прошлаго, выикнуть въ содержаніе жизни, изъ которой произошла наша современная жизнь и которая однако столь различна отъ современной—сдѣлалось задачей исторической науки, и самый процессъ разрѣшенія этой задачи долженъ былъ имѣть отрезвляющее дѣйствіе, долженъ былъ служить цѣлебнымъ средствомъ противъ односторонняго увлеченія. Однако за эту задачу нельзя было браться безъ любви къ исторической жизни, безъ уваженія къ дѣйствительности: теплое и искреннее отношеніе къ предмету, поэтическое чутье, а не холодная и выпрѣнная отвлеченность, были необходимы историкъ для выполнения его задачи. Съ другой стороны, и изящная литература покорилась общему влеченію умовъ къ жизни прошлаго. Энтузіазмъ направленный въ эту сторону не ограничился лирическими восторгами. Движеніе изящной литературы обозначающее реакцію противъ французской революціи не остановилось на романтизмѣ—первоначальномъ и самомъ рѣзкомъ

выраженіи того культа прошлаго о которомъ здѣсь говорится. За поэтическое воспроизведеніе жизни давно минувшихъ вѣковъ принялся именно тотъ родъ изящной литературы, который составляетъ специальное и типическое достояніе новѣйшей литературы, который былъ неизвѣстенъ древности, и въ средніе вѣка получилъ только названіе, а не содержаніе и форму, данныя ему лишь новѣйшимъ развитіемъ. Этотъ родъ литературы—романъ. Роману было суждено стать самымъ полнымъ, самымъ богатымъ выраженіемъ того пробудившагося влеченія, той симпатіи къ исторіи, которая не могла удовлетвориться учеными постройками, побѣдами науки, которая искала эстетическаго органа, непосредственнаго выраженія, и нашедши такое выраженіе, наградила его безпримѣрнымъ энтузіазмомъ. Романы Вальтеръ-Скотта—неумирающіе памятники того историческаго влеченія которое явилось реакціей противъ теоретическаго направленія предыдущаго періода. Въ самой личности великаго писателя, въ его научной специальности и политическихъ убѣжденіяхъ, находятся драгоцѣнные признаки новаго направленія. Недаромъ былъ онъ юристъ и торъ. Наука, изученію которой была посвящена его молодость, жизненному приложенію которой была посвящена его многолѣтняя карьера, есть самая практическая изъ наукъ: построенная не на отвлеченномъ логическомъ принципѣ, не на вѣчныхъ законахъ природы, а на комплексѣ частныхъ правъ и постановленій, результатахъ разнообразной практической потребности, она приучаетъ умъ входить въ многообразныя, безпрестанно измѣняющіяся жизненныя условія, въ разсмотрѣніе особенностей быта, занятій, характеровъ, и такимъ образомъ подготавливаетъ умъ къ пониманію жизни не въ ея единствѣ, заключающемся въ идеѣ, а именно въ многообразности ея проявленій. Ясно что возрѣніе вырабатываемое юридическими занятіями близко сродно тому возрѣнію, господство котораго болѣе и болѣе распространялось именно во время перваго появленія Вальтеръ-Скотта. Съ другой стороны и политическая партія, къ которой принадлежалъ знаменитый баронетъ и которая держалась строго-консервативныхъ преданій, въ своей политикѣ выражала моментъ близкій къ тому который теперь сталъ получать право гражданства въ изящной литературѣ. Въ торійской политикѣ, приобрѣтшей именно во времена Вальтеръ-Скотта общее господство по

всей Европѣ, была та же любовь, къ давно установленнымъ формамъ быта, было то же благоговѣнне предъ ними, какими была проникнута и романтическая литература. Юристъ и торъ, Вальтеръ-Скоттъ, и родомъ своихъ научныхъ занятій, и своимъ положеніемъ среди политическихъ партій своей страны, былъ поставленъ какъ нельзя ближе къ той сферѣ представлений, чувствъ и принциповъ, которая теперь, когда французская революція была подавлена, получила ходъ и очередь и положила свой отпечатокъ на поэзію и даже науку эпохи. Но онъ носилъ въ самомъ себѣ и всѣ остальные условія для того чтобъ угадать духъ времени и отвѣчать на его требованія самыми художественными, самыми цѣльными и законченными произведеніями, чтобы сдѣлаться отцомъ школы и на много лѣтъ впередъ опредѣлить направленіе, которое долженъ былъ принять романъ XIX столѣтія. Онъ соединялъ въ себѣ таланты, которые такъ рѣдко соединяются въ одномъ человѣкѣ, но безъ совокупности которыхъ нельзя возвести историческій романъ на степень художественнаго созданія: чутье къ исторіи и способность къ формѣ. И если его пониманіе исторіи въ посаждствіи было опережено высшимъ развитіемъ науки, если въ его отношеніи къ прошлому всегда присутствовала доза романтизма—мировоззрѣнія нынѣ устарѣлаго—то за то второе изъ названныхъ качествъ, способность къ формѣ, у Вальтеръ-Скотта получило такое полное и гармоническое развитіе что сдѣлало его однимъ изъ величайшихъ художниковъ формы. Съ этой стороны, романы Вальтеръ-Скотта безсмертны; пусть ученая критика разоблачаетъ ихъ историческія несовершенства, пусть историческая точка зрѣнія нашего времени болѣе и болѣе расходится съ точкою зрѣнія Вальтеръ-Скотта, его произведенія всегда сохраняютъ высокое эстетическое значеніе по той удивительной ясности плана, стройности и полнотѣ композиціи, постепенному возрастанію интереса и гармоническому его удовлетворенію, благодаря которымъ они производятъ такое полное и отрадное впечатлѣніе. Внутреннее содержаніе этихъ романовъ не совсѣмъ на высотѣ ихъ внѣшней отдѣлки; послѣдняя у Вальтеръ-Скотта — совершенство изъ совершенствъ, первое же, при всей своей значительности, не представляетъ, конечно, той глубины и силы которыми поражаютъ насъ первоклассные поэты. Психологическіе мотивы у Вальтеръ-Скотта большею частью очень простые; въ характерахъ его,

при вѣрности и прелести рисунка, нѣтъ однакоже тонкаго анализа: это фигуры живыя и интересныя, но въ нихъ не сказывается высокой идеи. Мы именно потому упоминаемъ объ отсутствіи такихъ качествъ, которыхъ почти никогда и не бываетъ въ романахъ и которыя являются лишь у исключительно гениальныхъ писателей, что необычайная красота внѣшней формы у Вальтеръ-Скотта, необычайная художественность его плана и разказа дѣлаютъ до нѣкоторой степени ощутительнымъ отсутствіе столь же возвышеннаго внутренняго содержанія въ его романахъ. Впрочемъ, корень этого недостатка отчасти кроется и въ самыхъ свойствахъ историческаго романа. Нигдѣ писатель не чувствуетъ себя такъ мало на свободѣ какъ въ историческомъ романѣ. Масса чтенія, необходимая для знакомства съ описываемою эпохой; необходимость постоянныхъ справокъ, необходимость удерживать въ памяти множество политическихъ и бытовыхъ подробностей; гнетъ фактическихъ свѣдѣній, которымъ необходимо подчиняется фантазія, все это имѣетъ послѣдствіемъ что историческій романъ почти всегда обращенъ преимущественно на внѣшность, что онъ удѣляетъ слишкомъ много мѣста на костюмъ, на обстановку, что общечеловѣческое его содержаніе слабѣе. Воображеніе наше такъ сильно поражается различіемъ костюма, что намъ не всегда приходится съ головою подъ непривычнымъ для нашего глаза костюмомъ искать того же человѣка, съ тѣми же страстями и мыслями, какимъ онъ всегда былъ и каковъ онъ теперь. При всей любви нашей къ древности и среднимъ вѣкамъ, намъ, въ сущности, такъ чужды и странны эти тоги и панцири, что мы не чувствуемъ родственной, общечеловѣческой связи и съ тѣмъ сердцемъ которое бьется подъ тогою или панциремъ. Самъ Вальтеръ-Скоттъ былъ настолько повѣтъ что сказанный недостатокъ у него не переходитъ извѣстныхъ границъ, да и въ этихъ границахъ едва ли можетъ быть названъ недостаткомъ. Скорѣе слѣдуетъ удивляться тому вдохновенію съ которымъ Вальтеръ-Скоттъ умѣлъ оживлять и очеловѣчивать фигуры знакомыя ему только чрезъ посредство историческаго изученія. Но при сравненіи съ романами нравовъ и характеровъ, разница сейчасъ дѣлается ощутительнѣе: тамъ, гдѣ повѣтъ не связанъ условіями исторіи, гдѣ вниманіе его не раздроблено бытовыми подробностями и особенностями,

въ фигурахъ, при равномъ талантѣ, всегда будетъ больше индивидуальной жизни, психической правды и оригинальности.

Мы надѣемся что читатель не вѣнчитъ намъ въ вину нашей характеристики Вальтеръ-Скотта, что онъ не сочтетъ ее чуждою предмету настоящей статьи. Помимо того непосредственнаго вліянія которое Вальтеръ-Скоттъ несомнѣнно имѣлъ на Лажечникова, какъ и вообще на весь историческій романъ, котораго онъ родоначальникъ, была еще другая причина побудившая насъ остановиться на славномъ имени англійскаго романиста. Его романы у современной читающей публики почти совсѣмъ вытѣснены произведеніями позднѣйшихъ англійскихъ и французскихъ писателей, между которыми самые любимые, самые модные стояли далеко ниже творца *Айвенго* какъ по таланту, такъ и по образованію. Несправедливость моды находитъ поддержку въ несправедливости критики, на примѣръ такого авторитета какъ Гервинусъ, который въ своей *Исторіи девятнадцатаго столѣтія* произнесъ надъ Вальтеръ-Скоттомъ самый презрительный и несправедливый приговоръ. Изъ упрековъ дѣлаемыхъ Гервинусомъ великому романисту, повидимому, самый дѣльный тотъ что Вальтеръ-Скоттъ виновенъ въ изобрѣтеніи „того ненавистнаго рода историческаго романа, который художественнаго чувства не питаетъ, а историческое чувство истребляетъ“ (*Jene leidige Gattung des historischen Romans, die den Kunstsinn nicht nährt und den Geschichtssinn verzehrt*). Дѣйствительно, освѣщеніе, которое историческій романъ сообщаетъ характерамъ историческихъ лицъ, столь же измѣняетъ черты сравнительно съ исторіей, какъ и освѣщеніе театральныхъ лампъ — лица актеровъ сравнительно съ дневнымъ свѣтомъ. Та смѣсь вымысла и правды, изъ которой создается историческій романъ, не можетъ остаться механическою: правда начинаетъ вліять на вымыселъ, вымыселъ на правду, и если историческій элементъ въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ художественный, то во многихъ случаяхъ художественный, въ свою очередь, требуетъ видоизмѣненія историческаго. Но вслѣдствіе такого положенія дѣла произнести осужденіе цѣлому роду изящнаго, роду имѣющему представителями стройныя и цѣльныя художественныя произведенія, значитъ видѣть одну сторону предмета. Историческій романъ, безъ сомнѣнія, виновенъ въ безчисленномъ множествѣ переиначеній и искаженій истори-

ческихъ фактовъ: но на ряду со своими частными прегрѣшеніями онъ имѣетъ и общую заслугу, и заслуга эта едва ли не важнѣе чѣмъ всѣ его вины. Онъ родился изъ жажды погрузиться въ жизнь прошлыхъ вѣковъ, сблизиться съ этою жизнью и понять ее, и въ свою очередь много способствовалъ умственному сближенію съ прошлымъ и лучшему его пониманію читающею массою. Любовь къ исторіи произвела этотъ родъ романа, любовь же къ исторіи значительно обязана ему своимъ распространеніемъ. И если припомнить факты, если взглянуть на развитіе исторіографіи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, то-есть со времени появленія первыхъ романовъ Вальтеръ-Скотта, то никакъ нельзя признать никакого упадка въ этой отрасли литературы, а напротивъ, виденъ только великолѣпный ея ростъ, какъ въ отношеніи къ ея собственному совершенствованію, такъ и въ отношеніи къ той постепенно увеличивающейся популярности, которою пользуются серіозныя историческія сочиненія. Ясно что историческій романъ, хотя перебивавшій во множествѣ рукъ, которыя не всегда обходились съ нимъ такъ бережно и добросовѣстно какъ Вальтеръ-Скоттъ, не составляетъ конкуренціи научной исторіографіи; что историческій романъ не есть легкая и пріятная пища, которая будто бы отучаетъ желудки отъ пищи болѣе простой и здоровой—научной, что такимъ образомъ вредъ, будто бы нанесенный этимъ родомъ искусства историческому пониманію, болѣе чѣмъ сомнителенъ. Другой упрекъ, что романъ Вальтеръ-Скотта не питаетъ художественнаго чувства, слишкомъ очевидно опровергается высокою художественностью произведеній Вальтеръ-Скотта чтобы стоило серіозно на немъ остановиться. Художественная сторона этихъ романовъ, безъ всякаго сомнѣнія, преобладаетъ въ нихъ, и лишь она была причиной того огромнаго числа читателей и подражателей которое выпало на долю Вальтеръ-Скотта.

Какъ извѣстно, потрясенія охватившія политическую жизнь западной Европы въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія отразились на нашемъ отечествѣ лишь въ весьма измѣненномъ видѣ. Внутреннихъ переворотовъ, гражданской ломки у насъ не было, а съ тѣмъ вмѣстѣ не было и повода къ той реакціи которая на Западѣ сказала въ формѣ мечтательнаго и восторженнаго обращенія къ прошлому, въ формѣ *романтизма*. У насъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ не

было энциклопедистовъ, а потому и въ девятнадцатомъ не откуда было взяться романтикамъ. И дѣйствительно, то что въ исторіи русской литературы извѣстно подъ именемъ романтизма, есть не болѣе какъ блѣдное подражательство, лишенное почвы и имѣющее значеніе исключительно по отношенію къ литературной формѣ. У русскихъ поэтовъ, причисленныхъ къ романтическому направленію, не достаетъ главнаго признака этого направленія, не достаетъ того духа реакціи противъ скептически-либеральнаго просвѣщенія, духа, который одинъ въ состояніи исторически объяснить явленіе романтизма. Русскіе были и могли быть романтиками только относительно формы. Но если у насъ, въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ, да и теперь, немислимы Фридрихи Шлегели, то съ другой стороны нельзя однако сказать чтобы движеніе мысли времени, то движеніе, котораго романтизмъ былъ лишь составною частію, прошло безъ слѣда для нашего отечества. Если у насъ не было внутреннихъ политическихъ волненій, то за то была великая внѣшняя борьба, продолжительная и геройская. Народный духъ воспрянулъ, гордый и оскорбленный, не противъ непризванныхъ просвѣтителей и якобинцевъ, а противъ грознаго и счастливаго завоевателя, шедшаго на Россію. Такимъ образомъ, мы и въ Россіи видимъ, если не весь историческій процессъ который на Западѣ долженъ былъ совершиться для того чтобы въ искусствѣ могъ родиться романтизмъ, то все-таки часть этого великаго процесса: именно народную войну и борьбу за политическое существованіе противъ внѣшняго врага. Великія событія двѣнадцатаго и послѣдующихъ за нимъ годовъ пробудили у насъ, какъ войны революціи на Западѣ, національное самосознаніе, а такое сознаніе, въ мирное время, не могло не обратить испытывающаго взора на свое прошлое. И вотъ у насъ замѣчаются явленія одинаковыя съ современными имъ явленіями въ умственной жизни Запада. Раждается усиленная разработка отечественной исторіи; громадный трудъ Карамзина вѣнчается небывалымъ успѣхомъ, дѣлается любимымъ чтеніемъ цѣлаго поколѣнія; является историческій романъ. Однимъ словомъ, возникаетъ та же симпатія къ историческому прошлому которая и на Западѣ характеризуетъ начало XIX вѣка. Въ этомъ явленіи новаго, плодотворнаго направленія мысли особенно знаменательно соединеніе двухъ чертъ. Съ одной стороны, у насъ

появляется рядъ историческихъ романовъ, которые читаются съ жадностію и приобретаютъ авторитетъ, не всегда соответственный ихъ внутреннему достоинству, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполне заслуженный. Съ другой стороны, настроеніе господствующее въ этихъ романахъ есть настроеніе патріотическое; они прославляютъ побѣды русскаго оружія, славные годы тяжелой кровавой борьбы съ могущественными врагами, покушавшимися на самое существованіе нашего отечества, или же изображаютъ великіе успѣхи просвѣщенія въ Россіи, эпохи глубокихъ преобразованій, эпохи борьбы новаго свѣта со старымъ мракомъ. Появленіе и значительный успѣхъ историческихъ романовъ совпадаютъ съ выраженіемъ горячаго патріотизма, только-что вынесшаго тяжкія испытанія. Пробудившееся историческое направленіе тождественно съ пробудившимся народнымъ самосознаніемъ. Оба эти факта выразились въ одномъ и томъ же органѣ, въ русскомъ историческомъ романѣ.

Было бы увлеченіемъ поставить этотъ русскій историческій романъ на одну доску съ вальтерскоттовскимъ. Слѣдуетъ, напротивъ, признаться что онъ стоитъ на огромномъ разстояніи ниже вальтерскоттовскаго, главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: по достоинству композиціи и по степени разнообразія въ содержаніи. И здѣсь слѣдуетъ винить не личности талантливыхъ писателей, которые ввели у насъ новый родъ романа, а все наше литературное и научное развитіе, предшествовавшее ихъ романамъ. Сочиненія Загоскина и Лажечникова не стояли, какъ вальтерскоттовскія, на широкомъ фундаментѣ богатаго литературнаго прошлаго; имъ, въ ихъ отечествѣ, не предшествовали многія поколѣнія славныхъ ученыхъ и поэтовъ; это были плоды выросшіе на почвѣ несравненно бѣднѣйшей и хуже воздѣланной нежели почва англійской словесности. Поэтому историческій горизонтъ ихъ былъ тѣснѣе чѣмъ у Вальтеръ-Скотта; въ то же время и художественная форма въ нихъ не имѣетъ той ясности и зрѣлости, которыми мы наслаждаемся въ произведеніяхъ великаго Шотландца. Не говоря объ изяществѣ плана и композиціи, которое составляетъ чисто личное качество Вальтеръ-Скотта, какъ романиста, въ этой мѣрѣ не присущее никому другому изъ историческихъ романистовъ, самые языки, на которыхъ писали Вальтеръ-Скоттъ и Загоскинъ, находились въ весьма различныхъ фазахъ

своего роста. Вальтеръ-Скоттъ писалъ на англійскомъ языкѣ, проза котораго уже за два столѣтія предъ нимъ имѣла превосходные памятники, а въ столѣтіи предшествовавшемъ Вальтеръ-Скотту первенствовала въ Европѣ именно на поприщѣ романа, красуясь именами Стерна, Фильдинга, Смолета, Гольдсмита и Ричардсона: Загоскинъ же и Лажечниковъ должны были пользоваться языкомъ который только что начиналъ сбрасывать съ себя оковы школьнаго педантизма, иностранныхъ конструкцій и тяжелой искусственности. Историческія условія въ которыя были поставлены русскіе основатели историческаго романа слишкомъ невыгодны въ сравненіи съ тѣми среди которыхъ дѣйствовалъ Вальтеръ-Скоттъ; и этими-то условіями, по крайней мѣрѣ настолько же насколько и мѣрой индивидуальнаго таланта, объясняется и разница въ результатахъ которые историческій романъ далъ въ Англіи и у насъ. Тѣмъ не менѣе, въ исторіи русскаго просвѣщенія историческій романъ занимаетъ важную страницу, свидѣтельствующую не только о дарованіяхъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей, дарованіяхъ здоровыхъ, неподдѣльныхъ и симпатическихъ, но и о томъ важномъ фактѣ что у насъ въ Россіи, въ періодъ реставраціи, интересъ къ исторіи овладѣлъ массою читающей публики, возымѣлъ благотворное вліяніе на направленіе беллетристики и вызвалъ въ ней новую сторону дѣятельности, а также что этотъ интересъ къ жизни прошлаго шелъ рука объ руку съ развивающимся народнымъ самосознаніемъ, съ любовью къ своему, родному, недавно получившему новую пищу въ великихъ судьбахъ отечества и теперь отражавшеюся на всей нашей литературѣ.

Писатель, которому посвящена настоящая статья, есть живой образецъ той глубокой связи въ которой находились у насъ народное пробужденіе послѣ двѣнадцатаго года и происхожденіе историческаго романа. Самъ онъ былъ глубоко охваченъ тѣмъ потокомъ народнаго энтузіазма, который, въ двѣнадцатомъ году, изумилъ Европу своею силой и величавостью. Въ народную войну Лажечниковъ сражался за свое отечество, убѣжалъ изъ родительскаго дома чтобы сдѣлаться воиномъ. Какъ въ духѣ того новаго рода романа, на поприщѣ котораго Лажечникову суждено было стяжать славу, патриотическій энтузіазмъ долженъ былъ соединиться съ историческимъ направленіемъ, такъ и въ личности, въ судьбахъ

жизни одного изъ основателей въ Россіи этого рода литературы мы видимъ соединеніе порывовъ горячаго патріотизма съ любовью къ исторіи, съ талантомъ къ историческому роману и блестящими успѣхами на его поприщѣ. Намъ кажется что такое совпаденіе далеко не случайно, и что весьма возможно допустить сильное вліяніе этихъ грозныхъ впечатлѣній первой юности (Лажечникову въ двѣнадцатомъ году было 18 лѣтъ) на дарованіе и на направленіе дѣятельности Лажечникова. Предъ глазами 18-ти-лѣтняго юноши, талантливаго и воспріимчиваго, разыгралась одна изъ самыхъ потрясающихъ, громаднѣхъ и чудеснѣхъ трагедій исторіи. Мудрено ли что воображеніе молодаго поэта навсегда сохранило тѣ грозные образы которые его тогда поразили, и что воспоминавія видѣннаго имъ самолично и въ послѣдствіи вдохновляли его, когда онъ писалъ свои блестящія картины судебъ Россіи въ XVIII и въ XV вѣкѣ? Вліяніе *человѣка на писателя*, конечно, существуетъ въ каждомъ литераторѣ, отъ самаго великаго генія и до самой жалкой посредственности, но рѣдко даетъ оно чувствовать себя съ такою силой и очевидностью какъ въ Лажечниковѣ. Обстоятельство это можетъ только усилить наше желаніе увидать въ печати полную, обстоятельную и дѣльную біографію покойнаго. Не тотъ романическій характеръ которымъ запечатлѣны нѣкоторыя подробности изъ дѣтства и юности Лажечникова и не личныя прекрасныя качества его души, исполненной доброты и кротости, заставляютъ насъ питать это желаніе, а именно то тѣсное взаимодѣйствіе между судьбами жизни и авторскою дѣятельностью, котораго нельзя не замѣтить у автора *Послѣдняго Новика*.

Къ сожалѣнію, мы можемъ только высказать желаніе, а не взяться за его исполненіе. Мы не имѣемъ въ распоряженіи никакихъ, сколько-нибудь удовлетворительныхъ, матеріаловъ для біографіи знаменитаго писателя. Незадолго предъ своею смертію, Лажечниковъ, вѣроятно по поводу празднованія его юбилея, принялся было за составленіе автобіографическихъ замѣтокъ. Эти замѣтки, какъ видно, должны были служить матеріаломъ для біографіи маститаго писателя, которая была публично прочитана на его юбилей, * праздновавшемся 4-го

* Біографія эта напечатана въ брошюрѣ: *Празднованіе юбилея пятидесятилѣтней литературной дѣятельности Ивана Ивановича Лажечникова 4-го мая 1869 года*. Москва, 1869.

мая, въ залѣ Московской городской думы. Авторъ настоящей статьи имѣлъ счастье пользоваться подлинною рукописью этихъ замѣтокъ, внимательное чтеніе которыхъ убѣдило его что онѣ первоначально были задуманы по довольно обширному плану, оставшемуся однако неисполненнымъ. Записки Лажечникова (во многихъ мѣстахъ буквально тождественныя съ тою біографіей Лажечникова которая была прочитана на его юбилей г. Ливановымъ, въ другихъ же перефразированныя составителемъ прочитанной біографіи) съ большою подробностью останавливаются на его родителяхъ, на его дѣтствѣ, слегка упоминають о его первыхъ литературныхъ опытахъ, а затѣмъ прекращаются. Личныя воспоминанія Лажечникова, напечатанныя отчасти въ седьмомъ томѣ собранія его сочиненій, изданномъ въ 1858 году (*Новобранецъ 1812 года и Знакомство мое съ Пушкинымъ*), отчасти не вошедшія въ это собраніе (*Матеріалы для біографіи Блвинскаго*, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* за 1869 годъ № 17, *Нѣсколько замѣтокъ и воспоминаній по поводу статьи М. П. Погодина „Матеріалы для біографіи А. П. Ермолова“ въ Русскомъ Вѣстникѣ* за 1864 годъ, № 6, и *Какъ я зналъ М. Д. Магницкаго* въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1866 г., № 1), почти всегда говорятъ гораздо болѣе о другихъ лицахъ: о Пушкинѣ, о Блвинскомъ, нежели о самомъ Лажечниковѣ,—черта скромности покойнаго, о которой біографъ, отдавая ей справедливость, можетъ только глубоко сожалѣть. Въ другихъ сочиненіяхъ Лажечникова (въ особенности явственно въ *Блвинскихъ, черненскихъ и сѣренскихъ*, нѣсколько менѣе въ его романѣ *Немного лѣтъ назадъ*) проглядываютъ личныя воспоминанія автора; но эти интересныя воспоминанія опять не идутъ далѣе его дѣтства, такъ что самая интересная часть его жизни, періодъ его литературной славы, остается для біографа покрытою непроницаемымъ мракомъ. Пишущій эти строки не былъ поставленъ въ возможность превозмочь эти трудности, существующія для біографіи Лажечникова. Для устраненія ихъ всего желательнѣе было бы чтобы кто-нибудь изъ близкихъ знакомыхъ покойнаго, изъ товарищей его по службѣ или литературѣ, напечаталъ свои *воспоминанія* о Лажечниковѣ, а также чтобы были напечатаны избранныя письма его, которыя пролили бы свѣтъ на многія, теперь неизвѣстныя стороны его жизни.

По всему видно что впечатлѣнія ранняго дѣтства произвели

на Лажечникова глубокое и неизгладимое дѣйствіе. Онъ любилъ, особенно въ послѣдній періодъ своей литературной жизни, возвращаться къ этимъ впечатлѣніямъ и изображать ихъ то въ той, то въ другой формѣ. Во всей рукописи его, послужившей матеріаломъ для біографіи напечатанной въ вышеупомянутой брошюрѣ, мы не находимъ почти ничего новаго сравнительно съ тѣми свѣдѣніями которыя разбросаны по разнымъ печатнымъ его воспоминаніямъ. Разказъ объ отцѣ Лажечникова, о его заключеніи въ крѣпость, объ его освобожденіи въ день Михаила Архангела находится (хотя въ очень сокращенной формѣ) въ романѣ *Немного летъ назадъ*, одномъ изъ послѣднихъ произведеній Лажечникова (часть I, глава II). Здѣсь фамилія *Лажечниковъ* замѣнена фамиліей *Патокинъ*. Въ этомъ же романѣ мы находимъ воспитателя Лажечникова, Больё (Beaulieu), подъ прозрачнымъ переименованіемъ Гольё (тамъ же), и московскаго губернатора Обрѣзкова, подъ столь же прозрачнымъ именемъ Огрызкова, на имя котораго купецъ Патокинъ покупаетъ имѣніе *Красное село*, точно такъ же какъ въ дѣйствительности отецъ Лажечникова, купецъ, купилъ имѣніе того же названія на имя Обрѣзкова. Очерки Лажечникова *Блѣньскіе, стрѣньскіе и черньскіе* съ замѣчательною теплотою и наглядностью воспроизводили личности и мѣста среди которыхъ протекло его дѣтство. Здѣсь мы находимъ того же дядьку Ларивона, какъ и въ автобіографической рукописи и въ напечатанномъ отрывкѣ *Новобранецъ 1812 года*; находимъ городъ Коломну, переименованный въ „Холодаю“, причемъ Лажечниковъ съ добродушною шутовствомъ замѣчаетъ: „Хоть эта уловка похожа на хитрость, кажется, страуса, который, чтобъ укрыть себя отъ преслѣдованія охотниковъ, прячетъ свою голову и туловище въ дупло, а оставляетъ хвостъ наружѣ; но несмотря на то что въ вымышленномъ названіи мѣсторожденія Пшеницына виденъ хвостъ, я все-таки, по нѣкоторымъ уважительнымъ причинамъ, прячу лицо въ это дупло“. Здѣсь находимъ семейство Лажечниковыхъ подъ названіемъ Пшеницыныхъ, и знакомимся съ личностью дѣда Лажечникова, названнаго здѣсь Ильею Максимовичемъ Пшеницынъ. Но матеріалъ, который *Блѣньскіе* представляютъ для біографіи Лажечникова, опять-таки чрезвычайно скуденъ, такъ какъ въ этихъ воспоминаніяхъ самое большое мѣсто отведено „солянному приставу и его дочери“, личностямъ не

имѣвшимъ, какъ кажется, никакого вліянія на жизнь молодого Лажечникова, хотя онѣ и были знакомы съ домою его родителей. Самая интересная для біографа Лажечникова черта въ этихъ очеркахъ—тотъ неподдѣльный восторгъ съ которымъ авторъ описываетъ красивое мѣстоположеніе Коломны, города, видѣвшаго счастливые годы его дѣтства. И здѣсь мы встрѣчаемся съ тою горячею любовью Лажечникова къ этимъ раннимъ воспоминаніямъ, о которой мы говорили выше. Черта эта достойна полного и серьезнаго вниманія. Едва ли мы сильно ошибемся, если предположимъ что большая часть жизни Лажечникова была проведена имъ при самой будничной, прозаической обстановкѣ. Однообразный механизмъ губернской службы, сухость административныхъ дѣлъ, какъ кажется, на значительное время даже отвлекли Лажечникова отъ литературной дѣятельности, такъ что онъ, на апогеѣ извѣстности и популярности, пересталъ писать (въ продолженіи всѣхъ сороковыхъ и первой половины пятидесятыхъ годовъ). Но эта тусклая и будничная сфера озарялась поэтическимъ отблескомъ событій его дѣтства и юности. Богатство и роскошь отцовскаго дома, славившагося своимъ широкимъ хлѣбосольствомъ; страхъ и таинственность несчастія разразившагося надъ семействомъ Лажечникова, когда внезапно, ночью, отецъ его былъ арестованъ, отвезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость; горе матеріальнаго разоренія, постигшаго Лажечниковыхъ нѣсколько лѣтъ спустя; прелесть видовъ и пейзажей около Коломны и Краснаго сельца, прелесть, которую Лажечниковъ и старцемъ не могъ вспоминать безъ поэтическаго восторга; громы французскаго нашествія, бѣдствія войны и чудеса патріотическаго геройства и энтузіазма, которыхъ молодой поэтъ былъ свидѣтелемъ, все это забросило самую раннія впечатлѣнія въ молодую душу Лажечникова, и неудивительно что сухая, дѣловая жизнь казанскаго директора училищъ и тверскаго вице-губернатора еще выгоднѣе отбѣляла поэтическій колоритъ этихъ воспоминаній и еще болѣе усиливала любовь къ нимъ автора *Ледянаго дома*. Неудивительно также что Лажечниковъ, пиша свои воспоминанія, охотнѣе обращался къ этой эпохѣ своей жизни нежели къ подробностямъ своей службы подъ начальствомъ Магвицкаго. Едва ли будетъ слишкомъ смѣло предполагать что этотъ драматическій характеръ, свойственный ранней жизни Лажечникова, эти рѣзкіе

контрасты и трагическіе мотивы въ значительной степени повлияли на развитіе его таланта. Юношею, почти еще ребенкомъ, онъ былъ очевидцемъ потрясающей семейной катастрофы, а годъ спустя — катастрофы всемірно-исторической, грозной и величавой. Очень вѣроятно что эти впечатлѣнія научили его понимать трагическое въ жизни частнаго человека и въ жизни цѣлой націи; однимъ словомъ, что они содѣйствовали воспитанію будущаго историческаго романиста. На берегу Москвы-рѣки, среди тихихъ, идиллическихъ красотъ сѣверной природы; въ домѣ отца, сіявшемъ изысканною роскошью, гремѣвшемъ музыкой и полнымъ знатныхъ гостей, а потомъ оставленномъ разоренною семьей и проданномъ съ молотка; на полѣ битвы, при Березинѣ, подъ Бауценомъ, подъ Монмартромъ, будущій авторъ *Ледянаго дома* собралъ тѣ глубокія и поэтическія впечатлѣнія которыя послужили потомъ матеріаломъ его художественному вдохновенію. Долгая лямка гражданской службы, которую Лажечниковъ тянулъ въ продолженіи большей части своей жизни, была бессильна заглушить эти первоначальныя впечатлѣнія, какъ не могла заглушить теплаго и богатаго его дарованія. Но отъ впечатлѣній этой сухой и однообразной службы Лажечниковъ, очевидно, любилъ убѣгать мыслями въ далекое прошлое, въ дни своей тревожной, разнообразной, драматической юности.

Лажечниковъ родился 14-го сентября 1794 года. Первымъ учителемъ его былъ священникъ, но уже съ шестилѣтняго возраста его воспитаніе было поручено французскому гувернеру Больё, о которомъ Лажечниковъ говоритъ съ уваженіемъ и любовью. Съ самаго раннаго возраста Иванъ Ивановичъ почувствовалъ непреодолимую страсть къ чтенію. Въ числѣ любимыхъ писателей своего дѣтства, которыхъ онъ перечисляетъ, нельзя не замѣтить Тацита, Тита-Ливія и Платарха, которыхъ онъ читалъ во французскихъ переводахъ. Любовь къ исторіи уже жила въ душѣ ребенка, которому суждено было въ послѣдствіи вдохновляться ея образами и событіями. Несомнѣнно что, какъ воспитаніе большей части тогдашнихъ образованныхъ русскихъ людей, воспитаніе молодаго Лажечникова было проникнуто французскимъ духомъ и влияніемъ. Даже первые его литературные опыты были сдѣланы на французскомъ языкѣ: четырнадцать лѣтъ онъ написалъ по-французски описаніе *Мачкова Кургана*, что

на дорогѣ изъ Москвы въ Коломну; пятнадцати лѣтъ сочинилъ, опять по-французски, стихотвореніе; наконецъ въ слѣдующемъ году дебютировалъ уже на русскомъ языкѣ, написавъ статейку *О безопасности*, въ подражаніе манерѣ Лабрюйера, и пославъ ее для напечатанія Каченовскому, тогдашнему редактору *Вѣстника Европы*. Каченовскій, дѣйствительно, напечаталъ статью (въ 1811 году), не подозрѣвая что авторъ ея шестнадцатилѣтній мальчикъ. Замѣтивъ писательскія наклонности мальчика, родители Ивана Ивановича пригласили къ нему учителемъ риторики Побѣдоносцева; кромѣ этихъ уроковъ, молодой литераторъ сталъ посвѣщать лекціи Мерзлакова.

Мирныя занятія литературой для Лажечникова вскорѣ смѣнились тревогами войны. Несмотря на запрещеніе родителей и преодолевая всѣ трудности, которыя встрѣчалъ, Лажечниковъ, вскорѣ послѣ вступленія Наполеона въ Москву, поступилъ въ военную службу. Замѣтимъ кстату что онъ, несмотря на свои восемнадцать лѣтъ, уже давно находился на службѣ штатской. Онъ на ней числился съ 1802 года, а съ 1806 года, то-есть двѣнадцати лѣтъ, сталъ уже посвѣщать мѣсто своего служенія — московскій архивъ комиссіи иностранныхъ дѣлъ, начальникомъ котораго тогда былъ Баттышъ-Каменскій; съ 1810 же года онъ перешелъ въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора, Николая Васильевича Обрѣзкова. Обрѣзковъ былъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ отцомъ Лажечникова, который, какъ мы видѣли, и имѣніемъ владѣлъ на имя своего чиновнаго пріятели; онъ снабдилъ молодаго Лажечникова рекомендательнымъ письмомъ къ главному начальнику московскаго ополченія. Вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, судьба благоприятствовала Лажечникову въ военной службѣ. Большую часть времени, пока онъ на ней находился, онъ состоялъ адъютантомъ: въ началѣ при принцѣ Карлѣ Мекленбургскомъ, потомъ при Полуектовѣ, наконецъ при графѣ Остерманѣ-Толстомъ. Служба Лажечникова при семъ послѣднемъ, въ мирное время, давала ему много досуга, который онъ опять сталъ употреблять на литературныя занятія. Еще будучи на войнѣ, онъ велъ походныя записки, которыя потомъ и напечаталъ; но предъ тѣмъ вышелъ въ свѣтъ небольшой сборникъ, подъ заглавіемъ: *Первыя опыты въ стихахъ и прозѣ* (Москва, 1817). Въ этой книжкѣ Лажечникова находятся три

повѣсти, семь разсужденій и 27 стихотвореній. Достоинство этихъ „первыхъ опытовъ“ незначительно, и Лажечниковъ, въ 1858 году, не удостоилъ ихъ мѣста въ общемъ собраніи своихъ сочиненій; въ тогдaшнее же время такіа произведенія могли сдѣлать репутацію своему автору, и Лажечникова, за его *Первые опыты*, избрали членомъ „С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Словесности“ и „Общества Любителей Россійской Словесности“ въ Москвѣ (въ 1819 г.). Три года спустя послѣ *Первыхъ опытовъ*, въ 1820 году, вышли его *Походныя записки русскаго офицера* (С.-Петербургъ, 1820), также не помѣщенные въ собраніи его сочиненій. Около этого времени онъ покинулъ военную службу (въ 1819 г.) и женился на бѣдной, но замѣчательно красивой дѣвушкѣ, воспитанницѣ графа Остермана-Толстаго. Ее звали Авдотьею Алексѣевной; фамиліи ея мы не могли отыскать. Бракъ этотъ былъ вполнѣ счастливый и омрачился только смертью дѣтей, которые всѣ умирали въ самомъ раннемъ возрастѣ. Черезъ годъ послѣ своей женитьбы Лажечниковъ получилъ мѣсто директора пензенскихъ училищъ. Съ этого назначенія въ его литературной дѣятельности наступаетъ затишье. Въ продолженіи десяти слѣдующихъ лѣтъ изъ-подъ его пера выходятъ только двѣ небольшія статейки, напечатанныя въ альманахѣ *Радуга* (Москва, 1830) и помѣщенные въ VII томѣ собранія его сочиненій, подъ общимъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя повѣрья Мордвы*. Въ этотъ же періодъ времени была имъ написана пяти-актная драма: *Горбунъ*, помѣщенная въ изданіи его сочиненій 1829 годомъ (*Собраніе сочиненій И. Лажечникова*, изд. 1858 года, томъ VIII). Мы отлагаемъ свое сужденіе объ этомъ произведеніи до тѣхъ поръ когда будемъ говорить вообще о Лажечниковѣ какъ драматургѣ. Что касается до службы, то въ 1823 году Лажечниковъ былъ опредѣленъ директоромъ казанской гимназіи и казанскихъ училищъ; отъ первой изъ этихъ должностей онъ былъ уволенъ въ 1826 году, отъ второй въ 1831, когда получилъ мѣсто директора училищъ Тверской губерніи. Пока Лажечниковъ служилъ въ Казани, попечителемъ тамошняго округа былъ М. Л. Магницкій, и служба подъ такимъ начальствомъ оставила не слѣдствіемъ воспоминанія въ душѣ Лажечникова, такъ что онъ называлъ казанскій періодъ своей службы своимъ „казанскимъ пльномъ“. Однакоже во время этого казанскаго пльна

былъ написанъ *Послѣдній Новикъ* — произведеніе съ которымъ Лажечниковъ выступилъ на путь только что проложенный тогда Загоскинымъ, на путь историческаго романа, и вмѣстѣ съ тѣмъ на путь къ собственной славѣ, которой онъ не могъ ожидать отъ незначительныхъ произведеній до тѣхъ поръ имъ написанныхъ.

Послѣдній Новикъ можетъ служить самымъ полнымъ подтвержденіемъ того что мы выше сказали о духѣ историческаго романа. Любовь къ исторіи, стремленіе къ самому полному познанію ея, характеризующая этотъ періодъ, присутствовала и въ Лажечниковѣ: стоить вспомнить какъ горячо онъ, въ перепискѣ съ Пушкинымъ, отстаивалъ свое воззрѣніе на историческихъ лицъ въ *Ледяномъ Домѣ*, чтобы убѣдиться что Лажечниковъ какъ нельзя болѣе принималъ къ сердцу историческую часть своихъ романовъ. „Прежде чѣмъ писать мои романы“, говоритъ онъ (*Знакомство мое съ Пушкинымъ*, въ *Собр. соч. Лажечникова*, томъ VII, стр. 320), „я долго изучалъ эпоху и людей того времени, особенно главные историческія лица которыя изображалъ. Напримѣръ, чего не перечиталъ я для своего *Новика!* Могу прибавить, я былъ на столько счастливъ что мнѣ попадались подъ руку весьма рѣдкіе источники. Самую мѣстность, нравы и обычаи страны списывалъ я во время моего двухмѣсячнаго путешествія, которое сдѣлалъ, проѣхавъ Лифляндію вдоль и поперекъ, большею частью по проселочнымъ дорогамъ.“ Другое свидѣтельство этого уваженія къ исторіи находится въ прологѣ къ *Басурману*, гдѣ Лажечниковъ излагаетъ свой взглядъ на обязанности историческаго романиста. Историческій элементъ въ его романахъ всегда весьма богатъ, и какіе бы Лажечниковъ ни дѣлалъ промахи въ частностяхъ, или, пожалуй, даже въ общемъ взглядѣ на эпоху и ихъ главныхъ представителей, нельзя не видѣть въ его произведеніяхъ серьезнаго стремленія проникнуть разумнѣемъ историческую эпоху, схватить духъ ея и характеръ ея главныхъ дѣятелей. Эта честность историческаго стремленія чрезвычайно привлекаетъ читателя и располагаетъ его въ пользу читаемаго. Помимо художественной отдѣлки, читателя увлекаетъ и сырой историческій матеріалъ. Помимо изображенія Паткула или Остермана романистомъ, читатель, знакомясь съ произведеніемъ Лажечникова, научается интересоваться и *дѣйствительнымъ* Паткулемъ или Остерманомъ. Но служба

блистательнымъ примѣромъ порыва къ изученію исторіи, охватившаго тогдашнее время, *Послѣдній Новикъ* еще явственнѣе подтверждаетъ сказанное нами о другомъ признакѣ времени, о его національномъ, патриотическомъ направленіи. *Послѣдній Новикъ* есть апофеозъ любви къ отечеству. Чувство это представлено въ этомъ романѣ почти во всѣхъ формахъ своего проявленія: геройскій Вульфъ, умирающій отъ порохового взрыва, который онъ приготовилъ для враговъ его Швеціи; энергическій и неутомимый Паткуль, защитникъ правъ Лифляндіи и непримиримый врагъ королей, ее притѣснявшихъ, храбрый и добродушный Вадбольскій, непоколебимый вѣрный престолу и отечеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ негодующій на иностраннаго затѣи, вторгающіяся въ одежду, языкъ и нравы Русскихъ; всѣ эти патриотическія фигуры, изображенныя съ сочувствіемъ и любовью, которыхъ авторъ не въ состояніи скрыть, служатъ лишь ступенями къ главной фигурѣ романа, въ которой любовь къ отечеству должна была получить свое наиболѣе сильное, глубокое и страстное выраженіе. Лицо, давшее свое названіе роману, одушевляется, живетъ только однимъ чувствомъ — безграничною любовью къ своей странѣ, мучительнымъ желаніемъ увидѣть ее вновь и съ ней не разставаться. Но его разлуку съ ней невозможно прекратить; страшное преступленіе навсегда заперло для *Послѣдняго Новика* входъ въ отечество; онъ живетъ между иностранцами, среди чужой земли, гдѣ его приняли какъ своего и осыпали ласками и любовью, гдѣ онъ могъ бы вести мирную и счастливую жизнь. Ничто, однако, не въ состояніи заставить его забыть свою единственную сильную привязанность; онъ предпочитаетъ бѣдность и униженіе на родинѣ спокойной и обеспеченной жизни въ чужомъ краѣ; онъ предпочитаетъ гоненія, постоянный страхъ, опасность казни въ Россіи жизни среди друзей и съ любящею его женщиной. Русскій Фоскари, онъ не признаетъ блага, не вѣдаетъ счастья за предѣлами своего отечества. Когда, по вѣдому, все соединяется для того чтобы заставить несчастнаго отверженца вырвать изъ сердца привязанность къ старому отечеству и искать себѣ новаго, любовь къ отчизнѣ выказывается въ немъ съ такимъ пафосомъ, съ такою роковою силой, какихъ она неспособна достигнуть при иной обстановкѣ; чувство это принимаетъ величественный и трагическій характеръ, и мрачная фигура *Новика* озаряется

симпатическимъ и трогательнымъ свѣтомъ. Въ этомъ проявленіи патриотизма и заключается главнымъ образомъ поэзія *Послѣдняго Новика*. Романъ этотъ далеко не свободенъ отъ недостатковъ. Не будемъ говорить о слогѣ, который въ свое время могъ казаться простымъ и естественнымъ, а теперь кажется риторическимъ и вычурнымъ — недостатокъ, который свойственъ всѣмъ романамъ Лажечникова писаннымъ въ этомъ періодѣ, и отъ котораго отдѣлялся онъ лишь въ старости (начиная съ *Блѣнскихъ*, *Черненькихъ* и *Стрельчихъ*). Но и въ главной личности романа, въ характерѣ Новика, есть сторона съ которою нравственное чувство читателя не можетъ примириться. Средства, къ которымъ прибѣгаетъ Владиміръ для того чтобы загладить свои преступленія предъ Петромъ Великимъ, въ глазахъ Петра могли уменьшить вину Новика, но въ глазахъ читателя могутъ только ее увеличить. Читателю цареубійца не дѣлается милѣе отъ того только что онъ превратился въ шпиона и лицемера; напротивъ, онъ только падаетъ въ глазахъ читателя, и нужна вся теплота и вся поэзія автора чтобы картиною страдающей и неутолимой любви Новика къ Россіи заставить забыть тотъ способъ дѣйствій къ которому эта любовь привела героя. Неприятно также дѣйствуетъ въ изображеніи историческихъ судебъ войны слишкомъ сильное участіе постоянныхъ *dei ex machina*. Сраженіе выигрывается Русскими или потому что предъ ними какъ изъ земли вырастаетъ Владиміръ, берущійся быть проводникомъ ихъ войска, или потому что среди битвы проскакиваетъ на конѣ растрепанная Ильза и пугаетъ Шведовъ, и т. п. Бразды исторіи отданы въ руки кучеру Фрицу, маркитанткѣ Ильзѣ, шпиону Владиміру; ходъ мировыхъ событій объясняется стеченіемъ мелкихъ случайностей; насъ безпрестанно водятъ за кулисы историческаго театра, и за этими кулисами мы постоянно узнаемъ что судьбами Европы управляетъ интрига и интрига. Характеры въ *Новикѣ* вообще нарисованы удачно, если исключить склонность Лажечникова къ идеализаціи, склонность, вслѣдствіе которой онъ часто накладывалъ слишкомъ свѣтлыя краски на однѣ фигуры, слишкомъ темныя на другія: такъ въ *Новикѣ* Балдуинъ Фюренгофъ и Эліасъ Никлазсонъ — заодно черные отъ головы до пятъ, безъ малѣйшаго блага пятнышка. Напротивъ Петръ I выставленъ до того человѣколюбивымъ и сердобольнымъ что свисаетъ съ себя епанчу для того чтобы

прикрыть ея Новика, взятого ночью въ плѣнь по подозрѣнію! Эта склонность къ идеализаціи не оставляла Лажечникова пока онъ жилъ, и въ иныхъ случаяхъ вредила ему несравненно болѣе нежели въ *Новикѣ*. Что же касается до плана и разказа, то въ этихъ отношеніяхъ Лажечниковъ далеко не возвысился до уровня своего образца, Вальтеръ-Скотта. Нити интриги, въ первой части романа, такъ сложно и затѣйливо сплетаются что утомляютъ вниманіе читателя и ускользаютъ изъ его памяти; слишкомъ много такихъ дѣйствующихъ лицъ которыми читатель долженъ интересоваться, и при синхронистическомъ изложеніи ихъ судьбъ авторъ слишкомъ на долго оставляетъ ихъ и возвращается къ нимъ иной разъ тогда, когда участіе читателя уже охладѣло. При всемъ томъ, общее впечатлѣніе отъ *Послѣдняго Новика* отрадное и вполне объясняетъ тотъ энтузіазмъ съ которымъ былъ принятъ этотъ романъ, энтузіазмъ, которому не могло помѣшать даже и то обстоятельство что *Новикъ* выходилъ въ теченіи *двухъ лѣтъ* (въ 1831—1832 годахъ). Причина этого впечатлѣнія заключается не столько въ удачныхъ частностяхъ и интересѣ содержанія, сколько въ теплотѣ и задушевности общаго тона разлитаго надъ всѣмъ романомъ, въ томъ искреннемъ вдохновеніи которымъ обладалъ Лажечниковъ, въ чувствѣ горячей гуманности, не напускной и не фразистой, которое его никогда не покидало. Уже тогда, въ 1831 году, при царствѣ самой бдительной и самой придирчивой изъ цензуръ, Лажечниковъ, описывая характеръ и образъ жизни „дипломатки“ баронессы Зегевольдъ, не могъ не остановиться на бѣдственномъ положеніи крѣпостныхъ, эксплуатируемыхъ и угнетаемыхъ крестьянъ. Духъ времени вполне отразился въ осторожныхъ и вѣжливыхъ оговоркахъ, которыми Лажечниковъ постыдился обстановить свои замѣчанія о крестьянахъ; безъ этихъ оговорокъ они, вѣроятно, и не увидали бы свѣта печати, но для критика, ищущаго въ сочиненіяхъ романиста его личность, его убѣжденія и симпатіи, и это робкое заявленіе благородной, челоѣколюбивой мысли исполнено значенія.

Вступивъ на путь историческаго романа, Лажечниковъ нашелъ свое истинное призваніе. Черезъ три года послѣ *Новика* вышелъ въ свѣтъ *Ледяной доль*, второй романъ Лажечникова, произведеніе, въ которомъ видна рука значительно окрѣпшая и талантъ созрѣвшій. Типическія черты,

присущія цѣлому роду, замѣтны и въ этомъ романѣ, хотя не въ той опредѣленности какъ въ *Послѣднемъ Новикѣ*. Въ *Ледяномъ домѣ*, при всемъ богатствѣ бытового и культурно-историческаго элемента, исторія играетъ совсѣмъ не ту роль какъ въ *Послѣднемъ Новикѣ*. Въ первомъ романѣ Лажечникова историческая сторона преобладаетъ надъ романическою: здѣсь, напротивъ, романическая сторона находится на первомъ планѣ. Читая *Новика*, мы болѣе всего интересуемся величественнымъ зрѣлищемъ юной Россіи, только что пробующей свои исполнскія силы, только что возникающей въ ряду европейскихъ державъ; картиною войны и завоеванія Лифляндіи, картинами лагеря и сраженія, жизни раскольниковъ, первобытнаго Петербурга, личностями Петра и Паткуля; читая *Ледяной Домъ*, мы всецѣло увлекаемся повѣстическою личностью Маріорицы и исторіей ея любви къ Волинскому, у Лажечникова, какъ извѣстно, не имѣющему ничего общаго съ историческимъ Волинскимъ; зарожденіе любви въ героѣ и героинѣ, ея быстрое, роковое развитіе, ея различный характеръ у *него* и у *ней*, съ одной стороны безхарактерное колебаніе, съ другой неудержимая, на все готовая страсть, трагическая, преступная развязка — все это совершенно затмеваетъ собою дворъ Анны Іоанновны, Бирона съ Остерманомъ и борьбу русской партіи съ нѣмецкою. Между тѣмъ, если взглянуть именно въ историческую часть *Ледянаго дома*, то въ ней не трудно узнать проявленіе, хотя въ другой формѣ, той же идеи любви къ родному, народному, которая господствуетъ и въ *Новикѣ*. Въ *Новикѣ* мы видѣли блистательную картину побѣды русской силы надъ силой шведскою, мы видѣли торжество юной народности, выходящей впервые на болѣе обширное, обще-европейское поприще и дѣлающей большіе, увѣренные шаги на пути цивилизаціи. Мы радовались этой свѣжей, возникающей силѣ, радовались успѣхамъ этого здороваго, богатаго надеждами развитія, радовались тѣмъ болѣе что видѣли его въ изображеніи значительно польщенномъ, гдѣ мрачная и отталкивающая сторона были или искусно смягчены, или же обойдены молчаніемъ. Въ *Ледяномъ домѣ* мы видимъ тотъ же народъ, прошедшій немного десятилѣтій со времени тѣхъ побѣдъ и успѣховъ которые мы созерцали въ *Новикѣ*, но видимъ его угнетеннымъ, задавленнымъ, видимъ господство иноземныхъ временщиковъ, видимъ какъ правители этого народа уродуютъ

его жизнь и коверкаютъ его языкъ. Какой-то набѣгъ иностранныхъ царедворцевъ остановилъ благія начинанія, парализовалъ быстрое шествіе этой юной культуры: народная идея, недавно торжествующая, теперь поругана и, повидимому, погружена въ безсиліе (въ эпилогъ къ *Ледяному дождю* Лажечниковъ, какъ извѣстно, представилъ и ея окончательное торжество). Чувство любви къ отечеству, такимъ образомъ, въ первомъ изъ этихъ романовъ получаетъ пищу въ радостяхъ и побѣдѣ отечества, во второмъ—въ его скорбяхъ и бѣдствіяхъ; ясно что *Ледяной дождь* и *Последній Новикъ*, какъ выраженія этого чувства, взаимно дополняются, что они другъ къ другу составляютъ *pendant*, и что одна и та же идея выражается въ обоихъ романахъ, только въ одномъ положительно, а въ другомъ отрицательно. Исторически говоря, тутъ не обошлось безъ значительной натяжки; нельзя согласиться съ безусловною правдой картинъ Петровской и Бироневской Россіи, которыя далъ намъ Лажечниковъ: краски положенныя на вторю, можетъ-быть, и не слишкомъ черны, но во всякомъ случаѣ краски первой слишкомъ свѣтлы и вполне принадлежать ломоносовско-голиковскому взгляду на Петра I. Однако и въ этомъ нѣсколько фальшивомъ освѣщеніи заключается часть дѣйствія той народной идеи которая проникла собой нашъ историческій романъ. Художникъ бралъ не яркіе, внѣшніе симптомы времени Петра и Бирона, а именно *наше* отношеніе къ этимъ временамъ. Онъ дѣлался истолкователемъ того культа народной идеи, который въ его время, вслѣдствіе великихъ событій 12-го года, такъ живительно-тепло наполнялъ сердца и настраивалъ воображеніе. Онъ не могъ не преклониться, онъ не могъ не благоговѣть предъ двигателями этой идеи, онъ не могъ удержаться отъ нѣкоторой ихъ идеализаціи, онъ не могъ не обратиться съ лирическимъ негодованіемъ противъ ихъ противниковъ. Онъ самъ вмѣшивался въ свое произведеніе, онъ принималъ горячее участіе въ его завязкѣ и развязкѣ, онъ любилъ и ненавидѣлъ, онъ лелѣлъ и каралъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Во всѣхъ его романахъ, начиная съ *Последняго Новика* и кончая *Внучкой панцернаго боярина*, личность автора, благородная, горячая, гуманная, сквозитъ черезъ лица выведенныя имъ на сцену; а съ личностью автора сквозитъ и его время, время его молодости и первой возмужалости, время идеалистически и

патріотически настроенное, склонное къ романтизму, * богатое лирическимъ одушевленіемъ. Изображаетъ ли нашъ романистъ время великихъ реформъ Петра, его энтузіазмъ къ гениальнымъ дѣяніямъ царя-преобразователя сильнѣе его чувства художественной мѣры, и вотъ онъ прорывается въ восторженныхъ панегирикахъ пастора Глика, въ восклицаніяхъ Новика; рисуется ли онъ бѣдствія которыя испытала Россія подъ желѣзнымъ правленіемъ Бирона,—Волинскій, Зуда, Суминъ-Купшинъ, Эйхлеръ поочередно служатъ выраженіемъ того всецѣльнаго негодованія которое накапливаетъ въ душѣ автора; воспроизводитъ ли онъ великую эпоху Іоанна III, эпоху народнаго освобожденія отъ гнета варваровъ и перваго пробужденія научной и художественной дѣятельности,—историческій, эстетическій и нравственный смыслъ этой эпохи находитъ краснорѣчиваго комментатора въ лицѣ Аристотеля Фіоравенти, этого постояннаго адвоката Іоанна и поклонника изящнаго; спускается ли онъ въ изображеніе современной жизни (въ своихъ позднѣйшихъ романахъ), и тутъ ведутся цѣлые разговоры лицами, изъ которыхъ одно всегда псевдонимъ автора. Исключая, конечно, эти послѣдніе романы Лажечникова, характеръ и участь которыхъ равно отдѣляютъ ихъ отъ его историческихъ романовъ, можно съ достовѣрностью сказать что именно субъективность его дарованія, хотя для строгаго цѣнителя искусства портила его произведенія, однакоже въ массѣ способствовала ихъ огромной популярности. Масса любитъ субъективнаго писателя, потому что такой писатель всегда носитъ съ собою ключъ къ уразумѣнію его произведеній, потому онъ никогда не оставляетъ читателя въ сомнѣніи чего онъ хочетъ, къ чему стремится, а потому и читатель скоро въ немъ ориентируется и въ свою очередь научается чего хотѣть, куда стремиться. Величайшій, въ художественномъ отношеніи, недостатокъ Лажечниковскихъ романовъ сдѣлался однимъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ ихъ распространенія. Масса полюбила въ нихъ теплоту, которою они исполнены и которая дѣйствительно составляетъ ихъ прелесть; но она плѣвилась также

* Слѣды этого романтизма не трудно найти и въ Лажечниковѣ. Сюда принадлежитъ его любовь къ таинственному, къ сильнымъ контрастамъ, къ ночнымъ сценамъ, къ описанію мученій, казней; сюда, въ особенности, принадлежитъ характеръ Послѣдняго Новика, фигура чисто-романтическая.

излишнюю въ нихъ теплотою, заключающеюся именно въ отсутствіи чувства мѣры, недостаткѣ, при которомъ лица перестаютъ быть лицами и дѣлаются масками, подѣ которыми говорятъ любовь или ненависть, благоговѣніе или негодованіе, энтузіазмъ или презрѣніе самого автора.

Идеализмъ и субъективность, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе повредили *Ледяному Дому* нежели *Послѣднимъ Новикъ*, именно потому что *Ледяной Домъ* въ большей мѣрѣ художественное, въ меньшей мѣрѣ историческое произведеніе нежели *Новикъ*, а художественная неправда сносится гораздо труднѣе нежели историческая. Послѣдняя для повѣрки требуетъ справокъ, изслѣдованій, ученой работы, и обнаруживается только въ награду за эту работу; первая прямо и непосредственно бьетъ въ глаза, равно оскорбляя и ученаго, и профана. Особенно пострадали отъ идеализаціи всѣ члены русской партіи при дворѣ: Щурковъ, Перокинъ, Суминъ-Купшинъ и во главѣ ихъ, больше всѣхъ, Волинскій. *Ледяной Домъ* распадается, можно сказать, на три составныя части: исторически-бытовыя картины, исторія любви Маріорицы и исторія патриотическаго заговора со всѣми рѣчами патриотовъ. Первая часть, иллюстрація стариннаго быта, достойна лучшихъ страницъ *Послѣдняго Новика* и вновь подтверждаетъ огромный талантъ Лажечникова къ историческому роману; вторая, собственно-романическая, выказала его какъ увлекательнаго и задумчиваго поэта, въ которомъ вполне развернулись всѣ творческія силы, задатки которыхъ обозначились уже въ *Новикѣ*; третья же составная часть, въ которой авторъ пересталъ быть поэтомъ и сдѣлался адвокатомъ, хотя исполнена искренности, горячности и благородства, однако состоитъ изъ ряда изліяній вложенныхъ въ уста нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя всѣ выражаютъ одинъ и тотъ же моментъ и вритомъ въ одной и той же формѣ проявленія. Но если субъективность въ изображеніи Щуркова, Сумина-Купшина, Перокина и той половины Волинскаго которая принадлежитъ не Маріорицѣ, а отечеству, выкупается симпатическимъ содержаніемъ, невольнымъ отголоскомъ въ душѣ читателя, возвышенностью мотива, то нельзя сказать того же о субъективности легкой въ основаніе изображенія Тредьяковскаго. Лажечниковъ не упускаетъ случая преслѣдовать Тредьяковскаго своею ненавистью, клеймитъ его презрѣніемъ, выставляетъ его

въ отталкивающемъ видѣ; его вражда къ Тредьяковскому не менѣе сильна нежели его любовь къ вельможамъ-патріотамъ. И здѣсь субъективность уже не возбуждаетъ никакого сочувствія. Почтенный и неутомимый труженникъ, оказавшій русскому языку самыя несомнѣнныя заслуги, человекъ горѣвшій жаждой къ знанію и замѣчательный своею энергіей въ приобрѣтеніи ихъ, Тредьяковскій, долго бывшій непоколебимымъ авторитетомъ, именно во время юности Лажечникова снизшелъ со своего пьедестала и подвергся всякимъ насмѣшкамъ. Прискорбно что въ художественномъ произведеніи Лажечниковъ увѣковѣчилъ эту фазу литературнаго воззрѣнія, отпечатлѣвъ въ немъ ея враждебность и даже зашедши далеко за предѣлы литературной вражды. Тредьяковскій у него выставленъ подлымъ льстецомъ. Но воспѣвать сильныхъ міра сего, хотя бы самыхъ недостойныхъ, было всеобщимъ обычаемъ его времени, надъ которымъ не возвышались и великіе таланты и который едва ли можетъ быть отнесенъ къ личнымъ свойствамъ того или другаго писателя. Замѣчательно заступничество Пушкина за Тредьяковскаго, по поводу отношенія къ нему Лажечникова (см. *Знакомство мое съ Пушкинымъ въ Собраніи сочиненій И. И. Лажечникова*, 1858, т. VII). Пушкинъ и здѣсь выказалъ свой обычный, тончайшій историческій и художественный тактъ.

Ледяной Домъ составляетъ, безъ сомнѣнія, высшую точку въ творчествѣ Лажечникова. Въ дарованіи его былъ элементъ нѣжности и граціи, замѣтный въ изображеніи его лучшихъ женскихъ фигуръ (Розы въ *Новикѣ*, Маріорицы въ *Ледяномъ Домѣ*, Анастасіи въ *Басурманѣ*), но нигдѣ этотъ элементъ не выступаетъ съ такимъ обаяніемъ какъ въ характерѣ молдованской княжны, дочери бездомной Цыганки, воспитанницы роскошнаго гарема, переброшенной судьбой на дальній сѣверъ и нашедшей здѣсь такую трагическую участь. Въ характерѣ Маріорицы незамѣтно никакой идеализаціи, къ которой Лажечниковъ вообще былъ весьма склоненъ; простота, искренность и одушевленіе господствуютъ въ исполненіи этой оригинальной и симпатической фигуры, которая съ перваго появленія своего приковываетъ къ себѣ все вниманіе, весь интересъ читателя и на весь романъ бросаетъ свѣтъ яркой и роскошной поэзіи. Ни въ одномъ изъ остальныхъ произведеній Лажечникова нѣтъ того теплаго и богатаго

колорита, который личность Мариюрыцы сообщила *Ледяному дому*, и преимущество этого романа предъ остальными дѣлается особенно чувствительнымъ, если мы для сравненія возьмемъ романъ написанный Лажечниковымъ непосредственно послѣ *Ледянаго дома*, *Басурманъ*, появившійся въ 1838 году. Здѣсь опять вымыселъ и фабула отступаютъ на второй планъ; на первомъ планѣ снова господствуетъ интересъ историческій. Съ этой точки зрѣнія, *Басурманъ*, представляетъ тѣ же общіе, родовые признаки, какъ и остальные романы нашего автора. Романистъ беретъ одно изъ величайшихъ и интереснѣйшихъ царствованій нашей исторіи, одну изъ тѣхъ эпохъ, когда народная идея торжествовала надъ всѣми преградами постановляемыми ея проявленію, и изображаетъ, со свойственными ему живостью и теплотой, наиболѣе выступающія черты времени, его обычаи и повѣрья, и въ особенности характеръ великаго человѣка, наложившаго на все это время отпечатокъ своей личности, Иоанна III. Но съ этимъ, полнымъ жизни и значенія, историческимъ содержаніемъ вымышленная часть романа связана не совсемъ ловко и удачно. Разказъ начинается слишкомъ изда- лека, содержитъ вначалѣ слишкомъ подробное изложеніе вещей чуждыхъ его сюжета; есть значительныя погрѣбности противъ правдоподобія, напримѣръ въ описаніи отношеній между Антономъ-лѣкаремъ и царемъ Иоанномъ, гдѣ Антонъ выставленъ чуть не первымъ человѣкомъ въ государствѣ. Въ характерахъ опять появляется обычная идеализація; личность автора выступаетъ болѣе чѣмъ когда-либо. Аристотель Фіоравенти, распространяясь о государственныхъ доблестяхъ и подвигахъ Иоанна, высказываетъ взгляды приличествующіе развѣ только историку живущему въ XIX столѣтіи. * Анастасія, при всей своей граціи и симпатичности, есть въ сущности повтореніе прежнихъ героинь Лажечникова: та же важность и странность, то же безсиліе противиться своей любви, та же готовность на всѣ жертвы во имя этой любви. Неудачкѣ всѣхъ вышелъ сынъ Аристотеля, Андрюша: при чтеніи постоянно неудомѣваешь, вырослый ли это, или ребенокъ, и если ребенокъ, то отчего у него всѣ помыслы взрослого, а если взрослый, то отчего всѣ лица въ

* Это заходитъ такъ далеко что въ одномъ мѣстѣ онъ даже извѣщаетъ жестокости Иоанна *временамъ въ которыхъ онъ живетъ*.

романъ обращаются съ нимъ какъ съ ребенкомъ? Лажечниковъ, въ характерѣ Андриши, хотѣлъ создать какое-то идеальное дитя, необыкновенно умное, доброе и чувствительное, но какъ всѣ идеалы, результатъ этой попытки вышелъ блѣднымъ, отвлеченнымъ и даже страннымъ. Но та сила съ которою Лажечниковъ умѣлъ рисовать картины страданія и несчастія, согрѣвая ихъ своимъ горячимъ чувствомъ гуманности и придавая имъ яркость поэтическихъ красокъ, не оставила его и въ этомъ романѣ, и исполнѣ сказалась въ прологѣ *Басурмана*, въ этой удивительной картинѣ темничнаго заключенія, на нѣсколько мгновеній смѣняющагося блескомъ и пышностью царскаго двора. Этотъ прологъ, по нашему мнѣнью, одинъ изъ перловъ творчества Лажечникова; къ сожалѣнью, слѣдующій за нимъ романъ не поддерживаетъ читателя на той высотѣ настроенія на которую возвелъ его прологъ.

Басурманъ Лажечникова послужилъ поводомъ къ очень любопытной и необыкновенно парадоксальной критической статьѣ, на которой мы здѣсь остановимся, какъ на одномъ изъ признаковъ времени, какъ на подтвержденіи сказаннаго нами выше объ историческомъ направленіи умовъ вызываемъ и родъ историческаго романа. Извѣстно что Бѣлинскій отстаивалъ свободу романиста и драматурга отъ требованій исторической правды; что онъ допускалъ возможныя уклоненія отъ фактовъ исторіи, если только эти уклоненія дѣлались въ интересъ художественной правды, которая одна была для него мѣриломъ при оцѣнкѣ. Взглядъ, діаметрально противоположный тому за который ратовалъ Бѣлинскій, выразился въ статьѣ „*Басурманъ* Лажечникова“, помѣщенной въ XIV томѣ *Современника* (въ 1839 году) и подписанной Дм. Пр. Здѣсь романъ этотъ подвергается подробнѣшему анализу или, лучше сказать, провѣркѣ съ точки зрѣнія исторической вѣрности. О художественномъ исполненіи вѣтъ и рѣчи, или, вѣрнѣе сказать, о немъ заходитъ рѣчь только для того чтобы совершенно опровергнуть точку зрѣнія художественную. Историческій романистъ долженъ писать совершенно согласно съ исторіей. Его произведеніе хорошо, насколько оно не противорѣчитъ исторіи. Недостатки его могутъ заключаться только въ искаженіи фактовъ. Авторъ самъ исполнѣ сознавалъ оригинальность своихъ взглядовъ и былъ особенно доволенъ этою оригинальностью. „Можеть-

быть“, пишетъ онъ, „читатели наши удивятся, зачѣмъ, разбирая романъ, такъ исключительно занялись мы исторіей? зачѣмъ, безостановочно слѣдуя за историческими показаніями автора, мы стараемся то подтверждать ихъ, то оспаривать свидѣтельствомъ лѣтописцевъ и другихъ отечественныхъ бытописателей? Это происходитъ отъ нашихъ большихъ надеждъ на совершенствованіе литературы, когда въ ней историческіе элементы будутъ обрабатываемы отчетливо, подробно и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно. Критика другими своими требованіями не приноситъ никакой пользы искусству, и авторъ умно дѣлаеть, когда на нихъ не отвѣчаетъ. Говорить писателю о его языкѣ значитъ принимать его за школьника. Представлять въ видѣ невѣжества *умиленные* отличительности его фразъ, конструкціи, эпитетовъ, даже орѳографіи нисколько не остроумно и, можно сказать, недобросовѣстно. Нападать на его слогъ, на его колоритъ и другія особенности, въ которыхъ обыкновенно отражается самобытная дѣятельность духа, несообразно съ первымъ условіемъ искусства, требующимъ неподдѣльной жизни. Что касается до сдѣлленія разныхъ частей повѣсти, движенія событій, эпизодовъ и прочихъ принадлежностей, которыми наслаждается одно любопытство, ихъ можетъ довести до совершенства самый обыкновенный умъ, не прикоснувшись къ тому что такъ высоко цѣнятся въ созданіи художественномъ. Одни требованія съ исторической стороны выводимыя справедливы и поучительны.“

Надежды автора на „совершенствованіе литературы“ отъ рабскаго подчиненія романистовъ лѣтописямъ и историческимъ изслѣдованіямъ, какъ извѣстно, не сбылись. Литература наша дѣйствительно совершенствовалась, но только не отъ большаго соблюденія въ романѣ вѣрности исторіи. Напротивъ, даровитѣйшіе изъ писателей появившихся послѣ Лажечникова, совсѣмъ не принимаясь за историческій романъ, посвятили себя изученію современной жизни, ея нравовъ и характеровъ, и въ русской беллетристикѣ, которая вслѣдствіе такого направленія обогатилась нѣсколькими превосходными произведеніями, историческій элементъ исчезъ вовсе. Тѣмъ не менѣе парадоксы г. Дм. Пр. имѣютъ свое относительное значеніе, какъ свидѣтельство о томъ историческомъ направленіи которымъ характеризуется эпоха произведшая *Басурмана*. Тогда было возможно вѣрить что для

художественнаго исполненія, для вымысла, плана, изложенія, достаточно „самаго обыкновеннаго ума“, а для рабской копіи съ историческихъ документовъ, напротивъ того, нуженъ умъ необыкновенный. Тогда было возможно мечтать о превращеніи всего искусства въ орудіе исторіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тогда, и только тогда, были возможны и такія произведенія какъ *Шотландскіе Пуритане* и *Ледяной долъ*. И время, которое довело страсть къ художественнымъ изображеніямъ исторіи до крайностей, до куріозовъ, подобныхъ статьѣ *Современника*, было однакоже единственное время, когда могли быть достигнуты положительные и важные результаты на этомъ новомъ и знаменательномъ поприщѣ.

Съ *Басурманомъ* Лажечниковъ надолго оставилъ поприще романа. Онъ принялся было за сочиненіе четвертаго историческаго романа, *Колдунъ на Сухаревой башнѣ*, изъ эпохи непосредственно слѣдовавшей за Петромъ Великимъ, эпохи, которая Лажечникову была хорошо знакома и которой посвященъ лучший изъ его романовъ. Но этотъ романъ (долженствовавшій весь состоять изъ писемъ) остановился на четвертомъ письмѣ; если мы не ошибаемся, предъ самою смертію своею маститый романистъ вознамѣрился продолжать и окончить *Колдуня*, но не привелъ этого намѣренія въ исполненіе. При упадкѣ силъ и дарованія, который для Лажечникова наступилъ задолго до его смерти, едва ли бы мы въ оконченномъ *Колдунѣ* получили произведеніе сколько-нибудь достойное прежнихъ историческихъ романовъ автора. Что же касается до четырехъ напечатанныхъ писемъ, то по нимъ невозможно произнести никакого сужденія, развѣ то что въ первомъ и самомъ значительномъ изъ нихъ опять повторилось то же что было и съ *Воынскимъ* въ *Ледяномъ долѣ*: идеализована историческая личность которая, по тому что мы о ней знаемъ, менѣе всего заслуживаетъ уваженія или сочувствія (Ивана Алексѣевича Долгорукаго, извѣстнаго любимца Петра II). Какъ бы то ни было, но нельзя не сожалѣть о томъ что Лажечниковъ тогда же не окончилъ своего романа и не написалъ еще нѣсколькихъ на историческіе же сюжеты. Онъ не только, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, не былъ призванъ къ писанію романовъ изъ современной жизни, но, безъ сомнѣнія, имѣлъ, изъ всѣхъ нашихъ писателей, исключая развѣ Пушкина, самое большое дарованіе именно къ историческому роману. Талантъ его

носилъ характеръ спеціальный; въ той области въ которой онъ торжествовалъ, Лажечниковъ не написалъ ни одного сильно выдающагося произведенія. Для того чтобы чувствовать истинное вдохновеніе, чтобы освободиться отъ склонности къ морали, къ длиннотамъ и изысканности, Лажечникову нужно было видѣть свой предметъ въ томъ чарующемъ, полуправдивомъ, полудожномъ освѣщеніи, въ которомъ веѣмъ намъ болѣе или менѣе представляются историческіе факты. Современная жизнь его мало вдохновляла: послѣдніе романы его ясно доказали что живой интересъ, который въ ней принималъ старецъ, былъ гуманнаго и гражданскаго, а не художественнаго свойства. Но полуживость, полужагадочность историческаго явленія или лица; живописный костюмъ и обстановка прошлыхъ вѣковъ; обиліе и глубина трагическаго элемента, который въ современной жизни является рѣже, скрытнѣе и сложнѣе; наконецъ, величавый и потрясающій характеръ крупныхъ историческихъ переворотовъ, вотъ что дѣйствительно привлекало и настраивало вдохновеніе Лажечникова, вотъ гдѣ творчество его находило себѣ вполне сродный матеріалъ. Вотъ почему немногіе историческіе романы Лажечникова такъ неизмѣримо-выше всего остальнаго имъ написаннаго. Вотъ почему мы находимъ въ нихъ блестящія качества, которыхъ тщетно ищемъ въ его остальныхъ произведеніяхъ: и правдиво-очерченныя характеры, и драматизмъ положеній, и мастерство разказа, и увлекательную живость описаній, и, главное, глубину и горячую искренность чувства, котораго не въ состояніи скрыть даже изысканный и риторическій слогъ Лажечникова, которое при чтеніи охватываетъ, увлекаетъ и заставляетъ читателя восторгаться и плакать вмѣстѣ съ героями и героинями автора.

Талантъ Лажечникова былъ талантъ сильный и неподдѣльный, но односторонній. Онъ не могъ безнаказанно оставить свою сферу и вступить въ новую. Послѣ неоконченнаго *Колдуна на Суларевой башнѣ* Лажечниковъ писалъ по преимуществу романы нравовъ и драмы, но въ тѣхъ и другихъ ни разу не достигалъ замѣчательнаго успѣха, несмотря на то что на новое поприще онъ вступалъ вооруженный обаяніемъ популярнаго имени, и что расположеніе, господствовавшее къ нему въ публикѣ, было самое благоприятное. Изъ драмъ его старѣйшая (сколько намъ извѣстно) *Горбунъ*,

помѣченный въ общемъ собраніи его сочиненій 1829 годомъ (томъ VIII). Пьеса эта, отнюдь не показывая въ своемъ авторѣ глубокаго драматурга, написана довольно ловко и могла бы смотрѣться съ удовольствіемъ, хотя всѣ ея пружины внѣшнія, и характеры въ ней не отличаются ни оригинальностью, ни глубиной. Хотя въ ней и сказано что дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ девяностыхъ годовъ XVIII столѣтія, но въ пьесѣ ни одна историческая черта не является на подтвержденіе этого показанія. Вообще *Горбунъ* страдаетъ тѣмъ же отсутствіемъ индивидуальныхъ и тонко-очерченныхъ характеровъ какъ и всѣ пьесы Лажечникова; но по крайней мѣрѣ, сюжетъ этой драмы, основанный на злодѣйствѣ долго скрываемомъ съ успѣхомъ и наконецъ обнаруживающемся, дѣлаетъ ее эффектною и интересною, а потому, несмотря на устарѣлость содержанія и многихъ приемовъ, ей принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду драматическихъ опытовъ Лажечникова.

Слѣдующая по времени сочиненія драма Лажечникова, *Опричникъ*, безъ сомнѣнія, лучшая изъ его пьесъ. Она была написана въ 1842 году, но тогдашняя цензура нашла ее неудобною для печати, такъ что въ печати она явилась лишь въ 1859 году, въ *Русскомъ Словѣ*. Живость движенія и интересъ дѣйствія, которыми въ высокой степени отличается эта драма, или, какъ называлъ ее Лажечниковъ, трагедія, соединяются здѣсь съ глубоко-трагическимъ внутреннимъ содержаніемъ. Борьба между жаждой мести, съ одной стороны, и чувствомъ добра и любовью къ матери, съ другой, происходящая въ душѣ Андрея Морозова, составляетъ превосходный драматическій мотивъ и разработана весьма правдиво, изящно и интересно. Прекраснымъ фономъ для главныхъ фигуръ служитъ мрачный періодъ царствованія Грознаго, изображенный въ сильныхъ чертахъ. Характеръ самого Грознаго, впрочемъ, пострадалъ отъ того что авторъ вложилъ ему въ уста свои собственные мысли объ этомъ государѣ. Это одно можетъ объяснить неумѣстныя разсужденія о самомъ себѣ, въ которыя пускается Іоаннъ, въ отвѣтъ на жалобы Висковатаго и Федорова, неумѣстныя его сожалѣнія о томъ чѣмъ онъ могъ бы быть, еслибы не воспитаніе его испортившее, и неумѣстную чувствительность, которою онъ внезапно преисполняется. *Опричникъ* написанъ стихами, и это не послужило къ его пользѣ: версификація Лажечни-

кова жесткая и тяжелая; и пятистопный ямбъ его (на каждомъ шагу смѣняющійся шестистопнымъ), если не имѣеть свободы и непринужденности прозы, то имѣеть все ея неблагозвучіе.

Мы не можемъ съ точностью опредѣлить время написанія двухъ другихъ драматическихъ опытовъ Лажечникова, пятиактной драмы *Вся бѣда отъ стыда* и трехъ-актной комедіи *Окопировался*, которыя, вмѣствъ съ драмой *Горбунъ*, помѣщены въ VIII томѣ собранія его сочиненій, изданныхъ въ 1858 году. Вторая изъ нихъ давалась на сценѣ въ 1855 году; она принадлежитъ къ той сферѣ картинокъ изъ мелкаго и неопытнаго быта которыя около того времени стали вводиться въ нашу литературу. Жизнь мелкихъ провинціальныхъ чиновниковъ дала этой піесѣ содержаніе. Но для интереснаго или хотя бы забавнаго изображенія этой среды у Лажечникова рѣшительно не было данныхъ. Изъ всѣхъ родовъ искусства, юмористическій жанръ былъ для него самый недоступный. У него не было ни веселости, ни ѣдкости, ни наивности. Комизмъ былъ чуждъ его таланта, — стоить вспомнить тѣ фигуры его историческихъ романовъ которыя онъ тщился дѣлать смѣшными, Кульковскаго и Тредьяковскаго въ *Ледяномъ Дождѣ*, или Варфоломея въ *Басурманѣ*. Комедія Лажечникова вполне неудачна. Онъ допустилъ въ нее элементъ сантиментальности, который все портитъ, да и помимо того, его чиновники способны возбудить омерзѣніе, но смѣха возбудить не могутъ.

Драма *Вся бѣда отъ стыда* есть драма изъ современной жизни и исключительно вертится около предрасудка питаемаго обществомъ противъ лицъ еврейскаго происхожденія. Но такъ какъ дѣйствіе происходитъ не въ какіе-нибудь средніе вѣка, то пропасть между христіанами и Евреями не является достаточно глубокою для того чтобы дать поводъ къ истинно-трагическимъ столкновеніямъ. Все дѣло ограничивается довольно мелкою интригой, направленною противъ еврейской дѣвушки съ цѣлью разстроить ея свадьбу съ молодымъ человѣкомъ знатнаго рода. Хуже всего что въ этой интригѣ снова являются предъ нами тѣ Лажечниковскіе злодѣи безъ примѣси и смягченія, которыми онъ иногда надѣлалъ свои романы, но которыхъ бракъ, очевидно, не изъ дѣйствительной жизни. Павелъ Мухоморовъ и Медовицына принадлежать къ этимъ злодѣямъ, лишеннымъ жизни, правды

и характерности. Впрочемъ, не только эти, но и вообще всѣ характеры въ *Блѣдъ отъ стыда* безличны и безцвѣтны: добродѣтель и порокъ являются въ ней въ равно блѣдныхъ краскахъ, хотя наперерывъ произносятъ другъ предъ другомъ громкія и риторическія фразы. *Вся блѣда отъ стыда* слабѣйшая изъ всѣхъ піесъ Лажечникова, и, какъ намъ кажется, ея недостатки (равно какъ и недостатки комедіи *Окопировался*) прежде всего происходятъ отъ того что въ ней изображается — современная эпоха. Изображенія современности, какъ выше было замѣчено, не давалось Лажечникову, и вездѣ, гдѣ онъ стремился ее охватить и воспроизвести, онъ впадалъ въ натяжку и отвлеченность.

Матеріалы для біографіи Лажечникова рѣдѣютъ съ каждымъ десятилѣтіемъ его жизни; о послѣднихъ тридцати годахъ ея Лажечниковъ не оставилъ намъ никакихъ записокъ. Между тѣмъ, болѣе подробное знакомство съ частною жизнью Лажечникова, безъ сомнѣнія, раскрыло бы много интереснаго. Оно объяснило бы, напримѣръ, отчего Лажечниковъ въ продолженіи *четырнадцати* лѣтъ хранилъ почти непрерывное молчаніе. (*Опричникъ* былъ написанъ въ 1842 году, и лишь въ 1856 появились въ *Русскомъ Вѣстникѣ Бѣленскіе, черныскіе и степенскіе.*) Оно объяснило бы многія неровности въ его писательской дѣятельности и служило бы необходимымъ дополненіемъ при ознакомленіи съ его литературными произведеніями.

Мы оставили хронику служебной карьеры Лажечникова на назначеніи его директоромъ училищъ Тверской губерніи, въ годъ выхода *Послѣдняго Новика*, въ 1831 году. Здѣсь, въ Твери, Лажечниковъ написалъ *Ледяной Домъ, Басурмана* и *Опричника*; здѣсь онъ пользовался величайшею популярностью, которою обязанъ былъ какъ своей авторской славѣ, такъ и своимъ личнымъ качествамъ. Директоромъ училищъ онъ оставался до 1837 года, когда вышелъ въ отставку, продолжая жить въ Твери, гдѣ въ 1843 году получилъ мѣсто вице-губернатора. Съ этого года начинается продолжительный пробѣлъ въ литературныхъ трудахъ Лажечникова. *Опричникъ* остается въ рукописи, *Калдунъ на Сухаревой башнѣ* не оканчивается, за новые произведенія нашъ авторъ не принимается. Не знаемъ, разочаровала ли его цензурная неудача постигшая *Опричника*, или служба его по новому и непривычному вѣдомству оставляла ему менѣе досуга для

литературы, но Лажечниковъ, казалось, умолкъ навсегда. Въ 1852 году умерла жена Лажечникова; дѣти его отъ этого брака всѣ умерли еще раньше. Въ слѣдующемъ (1853) году Лажечниковъ вторично женился — на Марьи Ивановнѣ Озеровой. Несмотря на значительную разницу лѣтъ (Ивану Ивановичу при второй женитьбѣ было подѣ шестьдесятъ, Марья Ивановна была совершенно молодая дѣвушка), онъ нашелъ въ своей второй женѣ нѣжную и безгранично-преданную подругу, которая сдѣлалась самою благодѣтельной и самоотверженною опорой состарѣвшагося писателя. Отъ этого брака родились у Лажечникова одинъ сынъ и двѣ дочери, оставшіеся наследниками его славнаго имени.

Во время продолжительнаго литературнаго отдыха, служба Лажечникова шла успѣшно. Въ 1853 году Лажечниковъ оставилъ Тверь, будучи перемѣщенъ вице-губернаторомъ въ Витебскъ, гдѣ оставался не болѣе полугода, и вышелъ въ отставку въ 1854 году. Но и эта отставка еще не была окончательнымъ отдыхомъ его отъ долгодѣтней службы: въ 1856 году Лажечниковъ получилъ мѣсто цензора с.-петербургскаго цензурнаго комитета, которое занималъ до 1858 г., когда онъ уже окончательно оставилъ государственную службу. Около этого времени онъ опять выступилъ на литературное поприще, и первый приступъ къ этому возобновленію былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, въ 1856 году, появились очерки его: *Бѣленскіе, стрѣнскіе и черненскіе*. Нынѣ, послѣ автобіографическихъ замѣтокъ Лажечникова, приготовленныхъ имъ для своего юбилея, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ что эти очерки составляютъ родъ мемуаровъ о его собственномъ дѣтствѣ и изображаютъ лица въ дѣйствительности бывшія. Содержать ли эти очерки Лажечникова, подобно автобіографіи Гёте, *Dichtung und Wahrheit* или только *Wahrheit*, на это нельзя дать утвердительнаго отвѣта; но судя по тону этого произведенія, по многимъ подробностямъ лицахъ, съ художественной точки зрѣнія вовсе не нужныхъ для разказа, можно скорѣе предположить что авторъ не пускался въ вымыслы и ограничивался біографическими фактами. Изъ всѣхъ сочиненій написанныхъ Лажечниковымъ въ этотъ второй періодъ его дѣятельности (1856—1867 г.), *Бѣленскіе, стрѣнскіе и черненскіе* самое привлекательное и интересное. Въ немъ есть одинъ превосходный характеръ, а именно

„солянаго пристава“, этого страстнаго отца, для котораго дочь составляет единственный предметъ всѣхъ его помышлений и мечтаній, который съ нѣжною застѣнчивостью скрываетъ отъ нея свою бѣдность и, наконецъ, принужденъ принять помощь отъ нея же. Подробности о семействѣ самого Лажечникова (въ очеркахъ названномъ фамиліей Пшеничныхъ) не только біографически интересны, но и изложены съ теплотой и простотой въ высшей степени симпатичною. Къ сожалѣнію, изъ обѣщанныхъ въ предисловіи шести отдѣловъ или „тетрадей“ этихъ мемуаровъ, напечатаны были только три, и затѣмъ продолженіе этого прекрасно начатаго сочиненія точно также не состоялось, какъ и продолженіе *Колдуна на Сухаревой башнѣ*.

Все чтó написалъ Лажечниковъ послѣ *Блѣнскихъ* можетъ быть раздѣлено на два разряда: на большія беллетристическія сочиненія и на мелкія разбросанныя статьи о разныхъ лицахъ которыхъ Лажечниковъ зналъ въ молодости (Пушкинѣ, Бѣлинскомъ, Магницкомъ, Ермоловѣ). Къ первымъ принадлежатъ его два романа: *Немного лѣтъ назадъ* и *Внучка панцырнаго боярина*, а также его *Матери соперницы*. Романъ *Немного лѣтъ назадъ* появился въ 1862 году, не возбуждивъ и тѣни того вниманія и сочувствія съ которымъ во время оно принимали романы Лажечникова. Въ этомъ измѣненномъ отношеніи публики къ нѣкогда столь любимому и превознесенному автору была значительная доля справедливости. Новый романъ маститаго писателя обнаружилъ быстрое и глубокое паденіе его таланта. Отсутствие всякой *реальности* въ этомъ романѣ изъ современной, будничной жизни составляетъ его самое замѣтное качество. Лица, въ немъ появляющіяся лишены характеристическихъ чертъ людей нашего времени: они представители извѣстныхъ добродѣтелей и пороковъ, представители до крайности идеализованные и отвлеченные. Планъ романа — верхъ неудачи, и нестерпимо-длинный эпизодъ о Можайской, эпизодъ ни къ чему не ведущій и никому не нужный, составляетъ для разказа такое бремя, при которомъ онъ не можетъ быть ни живымъ, ни занимательнымъ. Склонность автора къ морали, уже и прежде дававшая себя чувствовать въ зародышѣ, здѣсь выступаетъ во всей силѣ и преслѣдуетъ читателя въ формѣ дидактическихъ разговоровъ между дѣйствующими лицами, разговоровъ, въ которыхъ эти лица какъ бы

перестаютъ существовать самостоятельно, а существуютъ только для обсуждаемаго предмета. Словомъ, въ этомъ романѣ выказалось какое разстояніе отдѣляло теперь Лажечникова-мемуариста, разказчика о видѣнномъ и слышанномъ, отъ Лажечникова-романиста. Даръ поэтическаго изобрѣтенія угасъ въ немъ безвозвратно; но у него былъ богатѣйшій запасъ воспоминаній, онъ сознательно, тепло, гуманно относился къ историческимъ сценамъ которыя нѣкогда разыгрывались предъ его глазами, онъ былъ человѣкъ со вкусомъ и съ хорошимъ образованіемъ. Вотъ почему Лажечниковъ, когда уже совершенно утратилъ прежній поэтическій талантъ, сохранилъ однакоже способность къ самымъ интереснымъ и драгоцѣннымъ мемуарамъ и воспоминаніямъ. Надобно сожалѣть что онъ писалъ ихъ урывками, отъ времени до времени, безъ общаго плана. Его интересная жизнь, его благородная и симпатическая личность могли бы дать содержаніе для весьма важной и занимательной автобіографіи. Но, во всякомъ случаѣ, и то что оставилъ послѣ себя въ этомъ родѣ Лажечниковъ обильно свидѣніями, прекрасно написано и внушаетъ величайшее довѣріе. Слогъ его въ послѣдній періодъ его авторства потерпѣлъ важныя измѣненія. Прежняя цвѣтистость и изысканность, которыми отличается, на примѣръ, *Послѣдній Новикъ*, оставлены и лишь изрѣдка кое-гдѣ прорываются. Языкъ его послѣднихъ сочиненій доказываетъ что онъ не остался чуждъ движенію нашей литературы которое произошло въ послѣднія два десятилѣтія его жизни. Но, съ другой стороны, это движеніе было доступно для него только со стороны языка. По своему содержанію, беллетристическія произведенія послѣднихъ лѣтъ Лажечникова чужды направленія современной имъ русской беллетристики. Въ Лажечниковѣ оставались прежній идеализмъ, прежняя субъективность, словомъ, прежнія качества его таланта. Недостатки, отчасти еще не вполне развитыя въ періодъ его высшаго процвѣтанія, отчасти счастливо скрытые умелно тѣмъ родомъ произведеній который онъ обработывалъ въ этотъ періодъ, въ старости его и въ опытахъ на новомъ поприщѣ обнаружилась вполне. Такимъ образомъ, невольно отдаешь преимущество предъ большими нравоописательными романами Лажечникова такимъ вещамъ какъ *Знакомство мое съ Пушкинымъ* (*Русскій Вѣстникъ* 1857 г.), *Матеріалы для біографіи Бѣлинскаго* (*Московскій Вѣст-*

никъ 1859 г.), *Какъ я зналъ Магницкаго* (Русскій Вѣстникъ 1866 г.). Первые двѣ изъ названныхъ статей содержатъ отчасти исповѣдь литературныхъ убѣжденій Лажечникова, хотя и не въ полномъ, систематическомъ изложеніи, а по поводу частныхъ случаевъ. Изъ того что высказываетъ Лажечниковъ о своихъ убѣжденіяхъ, видно что онъ всею душой былъ преданъ идеямъ Бѣлинскаго и именно Бѣлинскаго ранняго періода; и нельзя сомнѣваться въ томъ что Бѣлинскій, хотя и былъ гораздо моложе Лажечникова, имѣлъ однако на него сильное вліяніе. Что касается до формы этихъ статей, то они отличаются простотой и безыскусственностью, а послѣдняя (о Магницкомъ) даже значительнымъ беспорядкомъ изложенія. Видно что старецъ припоминалъ факты по мѣрѣ того какъ писалъ и не задавался никакими рамками—черта, которая для фактическихъ воспоминаній можетъ быть только выгодна. Несмотря на незатѣливую форму, эти статьи Лажечникова исполнены интереса, сколько по важному историческому значенію лицъ которыми онъ посвящены, по интереснымъ свѣдѣніямъ которыя имѣлъ объ этихъ лицахъ Лажечниковъ, столько и по теплотѣ и искренности которыми онъ проникнуты. Личность Лажечникова почти всегда отступаетъ въ нихъ на задній планъ; авторъ никогда не ищетъ случая поговорить о себѣ; а между тѣмъ личность его рисуется въ нихъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ и внушаетъ къ себѣ невольное уваженіе и симпатію. Но этотъ же беспорядокъ, это же отсутствіе плана и нагроможденіе эпизодовъ, которыми отличаются воспоминанія Лажечникова, прокрадываются и въ его романы, въ его *Немного лѣтъ назадъ* и *Внучку панцѣрнаго боярина*, и уже здѣсь, не выкупаемая никакимъ историческимъ интересомъ, производятъ дѣйствіе самое невыгодное. *Внучка панцѣрнаго боярина* появилась въ журналѣ *Всемирный Трудъ* за 1868 годъ. Содержаніе этого романа заимствовано изъ послѣдняго польскаго возстанія, такъ что онъ какъ бы соединяетъ въ себѣ атрибуты историческаго и современнаго романа. Но если Лажечниковъ вообще не имѣлъ въ себѣ данныхъ для нравоописательнаго романа изъ современнаго быта, то *Внучка панцѣрнаго боярина* написана имъ въ такое время, когда онъ уже не былъ въ состояніи воспользоваться средствами и особенностями и историческаго романа. *Внучка панцѣрнаго боярина* не лучше *Немного лѣтъ назадъ* и представляетъ

ту же смѣсь отвлеченной идеализаціи съ утомительнымъ дидактизмомъ, поучительныхъ разговоровъ съ безсвязными эпизодами. Въ этомъ романѣ замѣтенъ тотъ же недостатокъ единства какъ и въ предыдущемъ, и вслѣдствіе этого онъ съ такимъ же трудомъ читается. Характеры въ немъ неправдоподобны и безжизненны, лишены пластичности и естественности, совершенно какъ въ *Немного лѣтъ тому назадъ*.

Послѣ *Внучки панцырнаго боярина* Лажечниковъ написалъ еще (въ 1868 году) трагедію въ пяти дѣйствіяхъ *Матери соперницы*. Дѣйствіе этой трагедіи происходитъ въ царствованіе Іоанна III; для нѣкоторыхъ сценъ авторъ заимствовалъ содержаніе и разговоры изъ *Басурмана*. Піеса эта ничего не прибавляетъ къ тѣмъ великолѣпнымъ картинамъ прошлаго которыя написалъ Лажечниковъ въ цвѣтъ силъ и таланта; а переложеніе прозы *Басурмана* въ стихи подарило русскую литературу такими жесткими, неправильными и неблагозвучными стихами какихъ нѣтъ даже въ *Опричникъ*. Въ *Матери соперницы* Лажечниковъ является подражателемъ самому себѣ и подражателемъ холоднымъ и безцвѣтнымъ. Выбѣвъ съ двумя предыдущими романами, эта трагедія являетъ печальное зрѣлище безсилія таланта, нѣкогда столь живаго, высокаго и самобытнаго. *Матери соперницы* помѣчены числомъ 18-го іюля 1868 г., а 26-го іюня 1869 года Лажечниковъ скончался, спустя годъ по окончаніи послѣдняго изъ своихъ литературныхъ трудовъ. Закатъ его жизни озарился празднованіемъ юбилея, по поводу котораго со всѣхъ сторонъ посыпались на маститаго писателя выраженія общаго горячаго сочувствія и глубокаго уваженія. Несмотря на холодность съ какою въ послѣднее время читающая публика принимала старческія произведенія Лажечникова, въ ней сохранилась благодарная память о произведеніяхъ другаго періода его дѣятельности, когда онъ возбуждалъ всеобщій восторгъ читателей и злобу завистниковъ. Но зависть и недоброжелательство къ славному автору *Послѣдняго Повика* давно умолкли и погасли, а его историческіе романы и до сихъ поръ остаются прекрасными свидѣтельствами того благодѣтельнаго движенія которое въ началѣ тридцатыхъ годовъ охватило нашу изящную литературу и создало у насъ изящную прозу.

І. НЕЛЮВОВЪ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ РАСКОЛА *

IV.

Московскіе старообрядцы поповскаго согласія сильно заняты теперь вопросомъ, имѣющимъ болѣе общественное нежели религіозное значеніе, вопросомъ о смѣщеніи нынѣшняго попечителя Рогожскаго кладбища и объ избраніи на его мѣсто новыхъ.

По обыкновенію, издавна принятому, на кладбищѣ всегда бывало по два попечителя, и въ послѣднее время занимали эту должность два московскіе купца — Досужевъ и Бочинъ. Но въ 1866 году Досужевъ отказался отъ должности, и съ того времени попечителемъ остается одинъ Бочинъ. Бочинъ принадлежитъ къ партіи противокружниковъ и состоитъ подъ вліяніемъ Муравьева, Давыда Антипова и прочихъ. Такъ какъ званіе попечителя даетъ ему значительный вѣсъ въ обществѣ старообрядцевъ и, что всего важнѣе, открываетъ возможность свободно распоряжаться кладбищенскими капиталами, то для партіи противокружниковъ было весьма важно имѣть его на своей сторонѣ, и напротивъ, сторонники *Окружнаго Посланія* видѣли въ этомъ обстоятельстве не малую для себя невыгоду. Такъ, между прочимъ, они замѣчали что общественныя суммы употребляются на поддержаніе противузаконныхъ раздорническихъ предпріятій зъ Бѣлой Крилицѣ, на угонженіе по мѣрѣ надобности златолюбиваго Кирилла и не менѣе златолюбивыхъ руководителей его, Акиноа, Никиты и пр. Были и другіе случаи обличавшіе небрежность и неправильность распоряженія при

* См. *Русск. Вѣстн.* 1867 г. №№ 10 и 11, 1869 г. № 2.

Бочинѣ общественными суммами, и въ томъ числѣ известное похищеніе денежнаго сундука изъ рогожской конторы мошенниками переряженными въ полицейскихъ чиновниковъ, послѣ котораго состояніе кладбищенскихъ суммъ осталось для общества неизвѣстнымъ.

Все это, разумѣется, было весьма непріятно окружникамъ. Не разъ они предлагали Бочину произвести чрезъ посредство избранныхъ почетныхъ членовъ общества ревизію принадлежащихъ кладбищу суммъ и послѣ того учредить постоянный контроль за распоряженіемъ этими суммами, или же, наконецъ, если все это ему не угодно, отказаться отъ должности попечителя. Бочинѣ отклонилъ всѣ предложенія, а оставить должность отказался подъ тѣмъ предлогомъ что въ оной утверждень правительствомъ, хотя, не задолго предъ тѣмъ, Досужевъ, утвержденный въ должности попечителя также правительствомъ, не нашелъ въ этомъ обстоятельстве препятствія выйти изъ попечителей. Наконецъ общество окружниковъ рѣшилось и безъ согласія Бочина приступить къ избранію на его мѣсто новыхъ попечителей Рогожскаго кладбища. На основаніи прежнихъ примѣровъ и давняго обычая, утвержденнаго и московскою полицейскою властію, выборы попечителей производятся въ конторѣ Рогожскаго кладбища всѣмъ обществомъ прихожанъ кладбища въ присутствіи полицейскаго чиновника, назначаемого только для предупрежденія какихъ-либо могущихъ возникнуть безпорядковъ, но отнюдь не для участія въ выборахъ. Окружники, находясь въ особенныхъ обстоятельствахъ, нашли себя вынужденными и рѣшились отступить отъ принятаго порядка выборовъ. Произвести изъ въ конторѣ, гдѣ Бочинъ полный хозяинъ, и въ собраніи членовъ противокружнической партіи они находили неудобнымъ, потому что противокружники, безъ всякаго сомнѣнія, пригласили бы коломенскихъ, огородничихъ и гуслицкихъ крикуновъ своей партіи, которые, для защиты стараго попечителя, могли рѣшиться на самыя крайнія мѣры. Поэтому присудили произвести выборы въ домѣ частнаго лица, однимъ своимъ обществомъ; и такъ какъ при этомъ не предполагалось возможности какихъ-либо споровъ или безпорядковъ, то не находили нужнымъ и присутствіе чиновника отъ полиціи, считая достаточнымъ, по окончаніи выборовъ, донести кому слѣдуетъ о новоизбранныхъ попечителяхъ для утвержденія ихъ въ должности. 8-го

мая настоящаго 1869 года, окружники, въ весьма значительномъ числѣ, собрались въ домѣ купца Банкетова и, по разсмотрѣннн всего дѣла о попечителяхъ, постановили: засвидѣтельствовавъ признательность г-ну Бочину за труды его по должности попечителя Рогожскаго кладбища (это сдѣлано было въ видахъ вѣжливости и ради смягченія его гнѣва), назначить на его мѣсто двухъ новыхъ попечителей, купцовъ Лазарева и Назарова. Приговоръ этотъ подписали до полтора ста членовъ окружнической партіи, въ томъ числѣ значительнѣйшія лица изъ московскаго старообрядскаго общества, Морозовы, Бутиковы, Царскій, Свѣшниковъ, Банкетовъ и пр. Для лучшаго же объясненія всему старообрядскому обществу причинъ побудившихъ произвести выборъ новыхъ попечителей и именно указаннымъ порядкомъ, составлена была особая записка. Записка эта указываетъ между прочимъ слѣдующіе беспорядки въ распоряженіи общественными суммами, побудившіе принять мѣры къ устраненію Бочина отъ должности попечителя: „Въ февралѣ 1863 года Бочинымъ и его приближенными былъ привезенъ въ Москву блѣдокриницкій митрополитъ Кириллъ, и ему выдано было изъ общественной суммы, кромѣ расходовъ на содержаніе и путевыя издержки митрополита, наличными деньгами 5.000 рублей. * Послѣ того съ довѣреннымъ своимъ Бочинымъ Крючковымъ Бочинъ послалъ за границу къ митрополиту Кириллу болѣе 4.000 руб., за чтѣ онъ поставилъ партіи раздорниковъ епископа на Москву, названнаго новымъ Антономъ Гуслицкимъ. Затѣмъ былъ украденъ сундукъ изъ рогожской моленной, въ коемъ было 68.000 руб. Сундукъ, какъ извѣстно, послѣ отысканъ, но чтѣ въ немъ уцѣлѣло добра, про то пока еще никому неизвѣстно. Общество положительно желаетъ знать, сколько общественныхъ денегъ оставалось по отысканіи онаго сундука, и гдѣ онъ въ настоящее время находится. Но Бочинъ со своими приближенными почему-то не желаетъ подвергать и этого общественному контролю. Московское старообрядческое общество достаточно извѣстно о томъ что въ послѣднее время, именно въ январѣ 1869 года, Бочинъ съ приближенными ему, въ числѣ пяти чело-
вѣкъ, бывши въ Петербургѣ, позволили себѣ привести г-ну ***

* За это едва ли справедливо обвиняется собственно Бочинъ, такъ какъ въ то время попечителемъ кладбища былъ и Досуевъ.

непозволительный подарокъ, заключающійся въ серебряномъ сервизѣ. Это было сочтено за подкупъ и возвращено въ общество, къ крайнему конфузу, чрезъ московскую полицію обратно съ выговоромъ. Это могло лечь на цѣлое московское старообрядческое общество, тогда какъ общество объ этомъ положительно не знало, и ложно именуящимъ себя депутатами не давало никакого права дѣйствовать отъ лица общества, и пришло въ крайнее негодованіе на Бочина съ приближенными ему лицами за таковыя противныя ихъ дѣйствія.“ Причины же, побудившія произвести выборъ попечителей не въ конторѣ Рогожскаго кладбища, записка объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Зная что попечитель Бочинъ со своими приближенными, для своей поддержки, намѣревался пригласить на выборъ крестьянъ Гуслицкой волости, села Коломенскаго и другихъ мѣстъ Московской губерніи, людей грубыхъ, безпокойныхъ, производившихъ безпорядки во время общественнаго собранія въ октябрѣ 1866 года (за что бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь Валуевъ, дѣлалъ строгій выговоръ нѣкоторымъ почетнымъ прихожанамъ Рогожскаго кладбища), мы должны были предупредить неизбежное нарушеніе общественнаго спокойствія и потому собрались для выбора попечителя въ домѣ одного частнаго лица.“ Такъ какъ избранные попечители могли не иначе вступить въ свою должность какъ по утвержденію въ оной правительствомъ, то избиратели, приговоромъ состоявшимся 17-го мая, назначили изъ своей среды трехъ уполномоченныхъ депутатовъ—Бутикова, Свѣшникова и Шibaева—, ходатайствовать у господина московскаго генераль-губернатора и другихъ начальствующихъ лицъ, гдѣ укажетъ надобность, объ утвержденіи избранныхъ по общему приговору попечителей Рогожскаго кладбища.“ 20-го числа Шibaевъ, на котораго прочіе депутаты, слишкомъ занятые коммерческими дѣлами, возложили главныя хлопоты, подалъ генераль-губернатору прошеніе объ утвержденіи Лазарева и Назарова въ должности попечителей Рогожскаго кладбища, съ объясненіемъ причинъ побудившихъ сдѣлать этотъ выборъ, и притомъ безъ участія значительной половины старообрядскаго общества, преданкой Бочину.

Между тѣмъ Бочинъ, Муравьевъ и прочіе руководители раздорнической партіи ни мало не стѣснялись предпріятіями окружниковъ, будучи увѣрены что произведенный этими

последними выборъ попечителей, какъ неправильно учиненный, утвержденъ быть не можетъ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ что выборъ состоялся, они довели объ этомъ до свѣдѣнiя московскаго оберъ-полицеймейстера какъ о безпорядкѣ, какъ о дѣлѣ учиненномъ вопреки существующихъ правилъ относительно выбора попечителей Рогожскаго кладбища. Такимъ образомъ, когда Шубаевъ явился къ начальству со своею просьбой объ утвержденiи новыхъ попечителей, начальству уже было извѣстно что выборъ этихъ попечителей произведенъ неправильно, и на просьбу послѣдовалъ отказъ.

Собственно говоря, какихъ-либо строго опредѣленныхъ и утвержденныхъ правительствомъ правилъ относительно избранiя попечителей Рогожскаго кладбища не существуетъ; а нѣкоторыя частныя, на этотъ предметъ, распоряженiя московскаго начальства окружники находили возможнымъ истолковать въ пользу учиненныхъ ими выборовъ. Не считая посему рѣшенiе г. оберъ-полицеймейстера утверждающимся на законныхъ основанiяхъ, они рѣшились перенести свое дѣло на судъ вышшихъ инстанцій. Депутація отъ окружниковъ отправилась въ Петербургъ и представила г. министру внутреннихъ дѣлъ докладную записку, въ которой объяснила причины побудившiя окружниковъ приступить къ избранiю новыхъ попечителей, съ отступленiемъ отъ нѣкоторыхъ прежнихъ обычаевъ, и вмѣстѣ просила сдѣлать распоряженiе объ утвержденiи избранныхъ. Такъ какъ опредѣленныхъ и законо-утвержденныхъ правилъ относительно выбора попечителей на Рогожское кладбище дѣйствительно не оказалось, то министръ нашелъ нужнымъ назначить комиссiю для разсмотрѣнiя этого дѣла и составленiя опредѣленныхъ правилъ, которыми на будущее время должны руководствоваться старообрядцы Рогожскаго кладбища при выборѣ попечителей.

Хлопоты окружниковъ въ Петербургѣ заставили раздорниковъ призадуматься и быть насторожѣ. Въ учрежденiи комиссiи имъ чужалось нѣчто для нихъ неблагопрiятное, такъ что они рѣшились войти въ переговоры съ окружниками относительно взаимнаго примиренiя, послѣ котораго можно было бы приступить и къ избранiю попечителей по общему согласiю. Условiя примиренiя предложены были старья, заявленныя еще въ 1865 году, и именно: совершенное

уничтоженіе *Окружнаго Посланія*, какъ бы онаго и не бывало, и назначеніе двѣнадцати депутатовъ изъ числа общественныхъ лицъ, безъ согласія которыхъ духовенству ничего не дѣлать.* Раздорники давали разумѣть что, въ случаѣ принятія этихъ условій, они даже готовы признать ненавистнаго имъ Антонія (Шутова) московскимъ архіепископомъ. Какъ распорядились бы они при этомъ своимъ собственнымъ Антоніемъ (Гуслицкимъ), этого вопроса не касались; но, повидимому, они были не прочь пожертвовать и этимъ несчастнымъ Антоніемъ, и самими бѣлокриницкимъ Кирилломъ (мы увидимъ ниже что раздорники имѣли тогда причины питать неудовольствіе противъ Кирилла). Но окружники не изъявили готовности принять предложенныя условія примиренія. Тогда раздорники, въ предупрежденіе могущихъ послѣдовать неблагопріятныхъ для нихъ рѣшеній изъ Петербурга, признали нужнымъ, не заключая примиренія съ окружниками, произвести выборы попечителей издавна принятымъ порядкомъ, съ разрѣшенія правительства и въ общемъ собраніи прихожанъ Рогожскаго кладбища, то-есть съ участіемъ и окружниковъ, голоса которыхъ надѣялись легко заглушить при помощи коломенскихъ, гуслицкихъ и иныхъ громогласныхъ своихъ сторонниковъ. За разрѣшеніемъ произвести выборъ попечителей раздорники обратились къ московскому оберъ-полицеймейстеру, отъ котораго и получили оное безпрепятственно. Назначенъ былъ день выборовъ и разсланы приглашенія къ главнымъ лицамъ окружнической партіи, а также письма въ село Коломенское и другія мѣста чтобъ оттуда прислали на Рогожское кладбище къ назначенному дню „извѣстныхъ своему благонамѣренностию“ людей. Встревожились въ свою очередь окружники. Они отправили депутацію къ оберъ-полицеймей-

---

* Условія эти 11-го октября 1865 г. были подписаны и уполномоченными членами окружнической партіи, Бутиковымъ, Самыковымъ, Лебедевымъ и Царскимъ; 1-го ноября состоялось соборное постановленіе о принятіи этихъ условій, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, подъ которымъ подписались даже епископы-окружники, въ томъ числѣ Пафнутій Казанскій и Варлаамъ Ваатовскій. Оба послѣдніе, какъ извѣстно, горько расказывались потомъ въ своей подписи, и самое постановленіе не вошло въ силу (см. объ этихъ событіяхъ X ст. *Современныя движенія въ расколѣ*, издавныя отдѣльною книжкой).

стеру съ просьбой отмѣнить распоряженіе о выборѣ попечителей Рогожскаго кладбища; при этомъ они объяснили что дѣло о попечителяхъ находится теперь на разсмотрѣніи г. министра внутреннихъ дѣлъ и отдано имъ на обсужденіе особо назначенной для того комиссіи, что поэтому-то они и просятъ отмѣнить выборы до рѣшенія дѣла упомянутою комиссіей. Просьба ихъ не была принята въ уваженіе. Тогда окружники опять послали депутацію въ Петербургъ для личнаго объясненія министру всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Въ самый день назначенный для выборовъ, когда на Рогожскомъ кладбищѣ собралась уже толпа избирателей, оберъ-полицеймейстеръ прислалъ извѣстіе что онъ получилъ отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ телеграмму, содержащую распоряженіе о воспрещеніи старообрядцамъ Рогожскаго кладбища приступить къ выбору попечителей впредь до новаго о томъ распоряженія. Такимъ образомъ замыселъ раздорниковъ не удался, выборы не состоялись. Это было въ половинѣ минувшаго сентября.

Въ настоящее время правила относительно выбора попечителей Рогожскаго кладбища уже составлены и утверждены г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Сущность ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: при встрѣтившейся надобности въ выборѣ попечителей Рогожскаго богадѣльнаго дома, общество старообрядцевъ поповскаго согласія избираетъ предварительно изъ своей среды 30 человекъ довѣренныхъ или уполномоченныхъ, которымъ собственно и предоставляется право избрать *двухъ* попечителей, каковой выборъ принимается всѣмъ обществомъ безпрекословно; обязанности избранныхъ такимъ порядкомъ попечителей должны ограничиваться собственно экономическими распоряженіями по Рогожскому богадѣльному дому, и притомъ распоряженія эти подлежатъ контролю со стороны общества. Очевидно что окружники получили удовлетворительное для нихъ рѣшеніе дѣла о выборѣ попечителей: правило чтобъ отселъ въ дѣйствительномъ выборѣ попечителей принимали участіе не болѣе 30 человекъ устраниваетъ возможность тѣхъ безпорядковъ которыхъ именно опасались они отъ присутствія коломенскихъ, гуслицкихъ и прочихъ крикуновъ, преданныхъ противуокружнической партіи (хотя въ самомъ выборѣ уполномоченныхъ, имѣющемъ здѣсь существенную важность, эта опасность, повидимому, не устранена ничѣмъ). Равнымъ образомъ, строгое

ограниченіе правъ и обязанностей попечителей только дѣлами экономическими, чѣмъ пресѣкается для нихъ возможность вмѣшиваться своею властію въ прочія дѣла и особенно „церковно-іерархическія“, какъ, напримѣръ, имѣть вліяніе на ходъ борьбы изъ-за вопросовъ догматическихъ, возбужденныхъ *Окружнымъ Посланіемъ*, наконецъ, учрежденіе контроля надъ самими экономическими распоряженіями попечителей, это есть именно то чего желали окружники. По этимъ правиламъ теперь и будутъ произведены выборы новыхъ попечителей на мѣсто Досуева и Бочина, если только выборы произведенные окружниками въ маѣ мѣсяцѣ не получатъ утвержденія.

Мы изложили обстоятельства происходящей теперь между двумя партіями въ старообрядствѣ борьбы изъ-за выбора попечителей, насколько обстоятельства эти извѣстны намъ изъ нѣкоторыхъ документовъ и изъ разказовъ лицъ близко знающихъ дѣло. Для насъ собственно важно здѣсь то обстоятельство, что раздѣленіе московскихъ старообрядцевъ поповскаго согласія на окружниковъ и неокружниковъ оказалось столь прочно утвердившимся что отражается рѣшительнымъ вліяніемъ на дѣлахъ имѣющихъ значеніе по преимуществу общественное. Дѣло о выборѣ попечителей и вызвано было главнымъ образомъ существованіемъ двухъ партій явившихся со времени изданія *Окружнаго Посланія* и постоянно, ни мало не охладѣвающею борьбой между ними; связь дѣла о попечителяхъ съ религіознымъ вопросомъ объ *Окружномъ Посланіи* ясно указали сами раздорники, поставивъ условіемъ примиренія обѣихъ партій и потомъ совокупнаго, мирнаго избранія попечителей уничтоженіе *Окружнаго Посланія*. Важно и то обстоятельство что по дѣлу объ избраніи попечителей становится официальнымъ образомъ извѣстно высшему правительству о существованіи въ обществѣ московскихъ старообрядцевъ поповскаго согласія двухъ партій, имѣющихъ значительное вліяніе на ходъ дѣла въ старообрядствѣ. Это раздѣленіе поповцевъ на окружниковъ и противокружниковъ, быть-можетъ, не останется безъ вліянія и на административное рѣшеніе вопроса о порядкѣ выборовъ въ попечители Рогожскаго кладбища.

Обратимся теперь къ дѣламъ, какъ любятъ выражаться старообрядцы, іерархическимъ.

Послѣ Бѣлокриницкаго собора, происходившаго въ іюлѣ

1868 года и, къ великому торжеству раздорниковъ, еще разъ уничтожившаго *Окружное Посланіе*, въ средѣ московскихъ окружниковъ, какъ мы сообщали въ свое время, * открылась усиленная дѣятельность направленная къ уничтоженію опредѣленій этого собора. Въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года эти хлопоты окружниковъ достигли весьма значительныхъ успѣховъ: во всѣ главныя мѣста населенныя старообрядцами разосланъ былъ отъ московскаго духовнаго совѣта обстоятельный и одобренный всѣмъ обществомъ московскихъ окружниковъ разборъ бѣлокрилицкаго акта, раскрывающій всю его противузаконность. Антоній Шутовъ, дотолѣ явно благопріятствовавшій Бѣлокрилицкому собору, явился съ повинною головою къ окружникамъ и сталъ опять на ихъ сторону. Аркадій Василецкій, подписавшійся подъ бѣлокрилицкимъ актомъ, прислалъ покаянную грамоту, въ которой дѣянія Бѣлокрилицкаго собора объявилъ незаконными и свою подпись подъ соборнымъ актомъ предаль уничтоженію: изъ разныхъ мѣстъ получались отъ старообрядцевъ сочувственныя окружникамъ заявленія, съ полнымъ одобреніемъ издавнаго духовнымъ совѣтомъ разбора на бѣлокрилицкій соборный актъ. Вообще, въ это время окружники почувствовали себя настолько сильными что могли вступить въ рѣшительную борьбу съ торжествовавшими раздорниками и дѣйствительно объявили опредѣленія Бѣлокрилицкаго собора незаконными и не имѣющими силы. Оставалось сдѣлать еще одинъ, самый важный шагъ,— объявить рѣшительное отдѣленіе отъ неисправимыхъ раздорниковъ и для этого, прежде всего, отложиться отъ Кирилла, продавшаго себѣ раздорникамъ, исполняющаго всѣ ихъ желанія и велѣнія,—произвести установленнымъ порядкомъ низложеніе Кирилла, въ слухъ всего старообрядскаго міра объявить его лишеннымъ престола и епископскаго достоинства. Исполнить это важное и давно замышленное архіерейми-окружниками дѣло можно было бы, казалось, тѣмъ удобнѣе что существовалъ уже искусно составленный актъ соборнаго низложенія Кирилла, гдѣ съ большимъ тщаніемъ собраны всѣ вины учиненныя имъ во время управления митрополіей, или собственно со времени изданія *Окружнаго Посланія*,

---

* См. статью: „Изъ современныхъ дѣтописей раскола“, въ № 2 *Русск. Вѣстн.*

и на каждую вину подысканы соборныя правила, подвергающія содѣявшихъ оныя тяжкимъ наказаніямъ.

Этотъ обвинительный актъ, надъ составленіемъ котораго потрудился искусный въ дѣлахъ подобнаго рода Иларіонъ Егоровичъ, былъ приготовленъ, въ первоначальномъ его видѣ, еще въ 1866 году и тогда же Пафнутіемъ Казанскимъ взятъ былъ на предполагавшійся въ Бѣлой Кривицѣ соборъ. Послѣ неудачной попытки устроить здѣсь соборъ, прибывшіе въ Бѣлую Кривицу архіереи и депутаты окружнической партіи убѣдили Кирилла пріѣхать для соборныхъ разсужденій по крайней мѣрѣ въ городъ Боташаны, и здѣсь, на Боташанскомъ соборницѣ, было между прочимъ приступлено къ чтенію обвинительнаго акта, который и тогда уже составлялъ тетрадь въ 80 страницъ уставнаго письма. Но сторонники Кирилла дозволили прочесть одно только введеніе, а затѣмъ съ криками и угрозами заставили епископовъ-окружниковъ и депутатовъ не только оставить засѣданіе, но и совсѣмъ выѣхать изъ Боташанъ. * Такимъ образомъ изложить предъ Кирилломъ его вины, за которыя онъ подлежитъ изверженію, тогда не удалось; а объявить его изверженнымъ епископы-окружники не рѣшились безъ предварительнаго объясненія ему его тяжкихъ винъ, такъ какъ этимъ объясненіемъ надѣялись склонить Кирилла къ добровольному сложению сана, что собственно и было желательно. Впрочемъ, зная „неисцѣльность“ Кирилла, они были увѣрены что со временемъ необходимо будетъ произвести этотъ, теперь отложенный, рѣшительный судъ надъ нынѣшнимъ бѣлокриницкимъ владыкой. Они тогда же писали къ московскимъ духовнымъ властямъ: „такъ какъ къ уврачеванію слѣпотствующаго старца Кирилла митрополита не предвидится никакихъ средствъ,

---

* Вотъ что писали объ этомъ сами подвергшіеся оскорбленіямъ старообрядскіе епископы: „Во время чтенія митрополитъ измѣнялся отъ негодованія и въ порывѣ гнѣва дѣлалъ пресѣченіе чтенію, вставъ съ мѣста, и паки обращаясь садился. И только прочитала до первой вины, подѣ Стефанъ, измѣнившись отъ негодованія, вышелъ въ другую комнату, вскричалъ мужикамъ: „что вы сидите! митрополита рѣшаютъ!“ Мужики съ крикомъ вбѣжали въ комнату, осыпали епископовъ укоризнами,—одни вопіяли на нихъ: „выходите вонъ!“ другіе кричали къ нимъ же: „вы пріѣхали сюда незваны, уѣдете драмы!“ и тому подобное; всего описывать срамно.“ Писа. отъ собора въ Яссахъ собору московскому, 14-го декабря 1866 г.

то мы, смиренныя епископы, единогласно изъявляемъ наше съ подвѣдомымъ нашему смиренію духовенствомъ соизволеніе составить, согласно изложеннаго предложенія, съ дополненіемъ послѣ того отъ него же митрополита содѣянныхъ беззаконій, постановленіе, съ опредѣленіемъ конечнаго лишенія священнаго сана.“ * Неутомимый Иларіонъ Егорычъ не отказался исполнить этотъ совѣтъ: въ обвинительный актъ противъ Кирилла, или, какъ называли его заграничныя епископы, въ „предложеніе“ о Кирилловомъ изверженіи, онъ постепенно вносилъ новыя „беззаконія“, которыми владыка Кирилла не преминулъ ознаменовать свое управленіе митрополіей послѣ Ботаническаго собора. Къ концу прошедшаго года „предложеніе“ получило полную и законную форму обвинительнаго акта, въ силу котораго бѣлокрыницкій и всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ митрополитъ Кирилла подлежалъ конечному изверженію изъ сана. Итакъ оставалось дать этому акту надлежащій ходъ, ввести его въ законную силу, чему указанныя выше обстоятельства особенно благопріятствовали, и чего желали многіе изъ московскихъ старообрядцевъ. ** Этимъ былъ бы сдѣланъ со стороны окружниковъ весьма важный шагъ къ окончательному установленію ихъ отношеній къ противуокружникамъ,—шагъ, нужду и важность котораго хорошо сознавали лучшіе изъ представителей старообрядческаго духовенства. *** Но епископы-окружники и теперь не

* Тамъ же.

** Еще въ іюлѣ 1868 г. Бутиковъ писалъ своимъ знакомымъ: „мы уже рѣшились съ Австріей раздѣлиться и не знаемъ ихъ лучше; а то правительство смотрѣло на насъ съ неприязнностью“.

*** Аркадій Славскій, напримѣръ, въ 1866 г. писалъ Варлааму Батовскому „со вѣствъ освященнымъ соборомъ“: „Мы мнѣмъ заняты о корени древа злобнаго, о которомъ Іоаннъ Креститель вопіетъ: *уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ*. Мы призвали Господа Бога въ помощь, общими силами приедемъ сѣкиру окую и посѣчемъ древо, родящее плоды злы... Мы считаемъ себя виновными за нашу медленность что столько время не брали въ руки сѣкиру. Точно, мы отлагали, потому что боялись начать войну противъ церковныхъ враждебниковъ. Мы молчали и во уныніи покоились; но враги не спятъ: они огонь возгнѣщаютъ. Нынѣ время настало дѣламя, а не покоя. Мы уже (о имени Господни) нанесли ударъ посѣченія. Просимъ и васъ, препояштесь яко мужіе по чресламъ вашимъ, примитесь за оружіе всеобщими силами. Посѣчется древо изъ

сдѣлали этого рѣшительнаго шага, пропустили удобный къ тому случай, и обвинительный актъ противъ Кирилла, столь тщательно и искусно составленный, доселѣ остается безъ употребленія.

Причиной этого была, конечно, малочисленность, а еще болѣе, совершенная разрозненность существующихъ нынѣ епископовъ-окружниковъ. Аркадіи Славскій, наиболѣе способный на всякій рѣшительный шагъ, къ великому огорченію окружниковъ, умеръ,—да и умеръ противуокружникомъ, опозоривъ себя подписомъ бѣлокриницкаго соборнаго акта объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія* и не успѣвъ снять съ себя этотъ позоръ, не успѣвъ отказаться отъ своей злополучной подписи. Аркадіи Васлуйскій, хотя и принесъ покаяніе въ томъ что раздѣлилъ позоръ Аркадія Славскаго, подписавшись вслѣдъ за нимъ подъ бѣлокриницкимъ актомъ, но, во первыхъ, живетъ далеко, притомъ же человѣкъ не обстоятельный и двоедушный, мало уважаемый за то самими старообрядцами. Затѣмъ остаются въ Россіи Антоній, Пафнугій и Іовъ. Но Іовъ находится въ своей епархіи, на Кавказѣ; да еслибы находился и въ Москвѣ, не много принесъ бы пользы для дѣла о которомъ идетъ рѣчь, какъ человѣкъ храмлющій на оба колѣна. Если кто могъ бы дѣйствовать здѣсь съ авторитетомъ и увѣренностью въ успѣхѣ, такъ именно Антоній и Пафнугій въ тѣсномъ взаимномъ согласіи. Но готовность Антонія „порѣшить“ съ Кирилломъ и раздорниками подлежить еще крайнему сомнѣнію, а съ другой стороны не подлежить ни малѣйшему сомнѣнію что согласія между нимъ и Пафнугіемъ нѣтъ и быть не можетъ. Хотя Пафнугій, по требованію обстоятельствъ, и заключилъ миръ съ Антоніемъ, когда сей послѣдній явился съ повинною головою послѣ своихъ двусмысленныхъ дѣйствій относительно бѣлокриницкаго соборнаго акта, но въ дѣйствительности онъ чувствовалъ себя и чувствуетъ доселѣ отдѣленнымъ отъ Антонія цѣлою бездною.

Есть два очень любопытные документа, съ достаточною ясностью раскрывающіе какъ дѣйствительно смотритъ Пафнугій Казанскій на Антонія и какія питаетъ къ нему чувства.

корени, тогда падутъ и вѣтви; и листвіе увянетъ. Будетъ ущербъ въ народѣ; но безъ того побѣды не бываетъ. Кириллъ очарованъ до безкомечности; онъ нецѣляеъ....“ Пис. отъ 14 декабря 1866 г.

Это 1) записка о дѣйствіяхъ Антонія, которую Пафнутій оставилъ духовному совѣту, увѣжая изъ Москвы въ августѣ 1867 года, и 2) его же письмо къ попамъ Петру и Ѳедору, членамъ духовнаго совѣта, рѣшившимся сказать нѣчто въ защиту Антонія. Записка носитъ заглавіе: „Замѣчаніе уклоненій отъ іерархическаго порядка, съ нарушеніемъ церковнаго преданія и священныхъ каноновъ, учиненныхъ архіепископомъ Антоніемъ по одноличному своему произволу.“ Пафнутій дѣйствительно перечислилъ болѣе десяти противозаконныхъ распоряженій Антонія, которыя однакоже Антоній не хотѣлъ признать незаконными, несмотря на совѣты и увѣщанія прочихъ епископовъ; таковы именно: нелѣпное, чисто-безпоповское распоряженіе Антонія чтобы тѣхъ старообрядскихъ дѣтей которыя, вопреки желанію родителей, по какимъ-либо обстоятельствамъ, будутъ крещены въ великороссійской, то-есть православной церкви, и разумѣется въ три погруженія, съ призываніемъ Святыя Троицы, перекрещивать снова; изданіе наполненнаго разными нелѣпостями особаго „чинопріятія отъ инославныхъ исповѣданій“; запрещеніе вынимать изъ пятой просфоры частицу за царя; неоднократное (изъ челоуѣкоугодія) дозволеніе совершать браки въ запрещенныхъ степеняхъ кровнаго родства; рукоположеніе священниковъ за литургіей преждеосвященныхъ даровъ, и др. Исчисляя всѣ эти дѣянія Антонія, Пафнутій показалъ съ надлежащею основательностью и всю ихъ противозаконность. Особенно возмущало Пафнутія тайно и лукавымъ образомъ изданное Антоніемъ „новодогматствованіе“, якобы православные, „трема персты крестящеся, образуютъ Троицу на крестѣ страдавшу“ и чрезъ сіе впадаютъ „въ ересь богострастную“; тогда какъ двуперстное сложеніе, по словамъ Антонія, „образуетъ токмо единаго Христа, во дву естествахъ крестное смотрѣніе совершивши“. По сему случаю Пафнутій замѣчаетъ между прочимъ что „произнесенное Антоніемъ архіепископомъ оглаголаніе ересью богострастною восходитъ не на однихъ только треперстіемъ знаменующихся, но и на всю древлеправославную церковь за освѣщеніе тресвѣщціемъ и за двуперстное знаменованіе (ибо и здѣсь три пригнутые перста знаменуютъ Троицу). Таковое ли ученіе есть свѣтъ міру и соль земли? Никакъ нѣтъ, но развѣ мракъ, тма, смрадь. Таковыхъ-то учителей окаявая, Господь чрезъ пророка рече: *лютъ прорицающеи мѣ отъ сердца*

«всего, ходящия въ слѣдъ духа своего, а отнюдь не видящима!» О словахъ же Антонія что Христосъ Спаситель „въ дву естеству крестное смотрѣніе совершилъ“, то-есть страдалъ и плотію и божествомъ, Пафнутій замѣчаетъ что „ученіе сіе чуждо православныя вѣры и держаціеся такового исповѣданія не суть хрістіане: *ибо не по писанію втрующіи вси еретици.*“

Исчисливъ законпреступныя дѣянія Антонія, Пафнутій писалъ далѣе:

„Изъ всѣхъ вышепоказанныхъ замѣчаній явствуется что архіепископъ Антоній есть неисправимый во всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, усвоенныхъ имъ отъ безпоповскихъ, сожженныхъ совѣстію лжеучителей, каковыя въ издаваемыхъ отъ него рукописяхъ оказались восходящими до богохульства; при обличеніи же въ томъ, его преосвященство, не имѣя чѣмъ защититься, притворно соглашался исправить рукописи, но не исправиться во своихъ (по его поговоркѣ, начертанныхъ на скрижалѣхъ сердца) заблужденіяхъ, а только на время уступить молчаніемъ до удобнаго случая...“

„По сихъ всѣхъ простительно ли будетъ священному лицу, и вообще всякому понимающему хрістіанину, оставаться равнодушнымъ зрителемъ описанныхъ и симъ подобныхъ многосложныхъ случаевъ, что значило бы быть молчаливымъ потакатникомъ, слѣдовательно и участникомъ его преосвященству въ оныхъ своевольныхъ, въ поношеніе и порицаніе хрістіанству, паче же имени Божію, лжеученіяхъ, на пагубу душамъ пріемлющимъ и равнодушно терпящимъ таковая.“

„Терпимы быть не должны безнаказанно и по важности ихъ значенія, и потому что его преосвященство всегда дѣлаетъ одиночно, безъ надлежащаго совѣта и обсужденія, втихомолку, потаенно, и разсѣиваетъ это ученіе по выбору въ тупоумныхъ и легковѣрныхъ людяхъ, не могущихъ различити лжи отъ истины, но готовыхъ благоговѣть исходящему изъ устъ владыки Антонія всякому баснословному суевѣрію до богохульства.“

„Чаю несомнѣнно что его преосвященство за это послѣднее обличеніе его заблужденія, какъ и за прежнія, наградитъ меня по своей щедрости титуломъ еретика, оправдывающаго никоніанскую церковь.... Но безпристрастное возрѣніе благоговѣющихъ къ истинѣ на вышепоказанное разъясненіе его догмы и прежнія его богоборныхъ ужестованій обличенія оправдываетъ невинность отъ безразсуднаго оглаголанія...“

„А чтобы Антоній архіепископъ (писалъ Пафнутій въ заключеніе своей записки) какую-либо въ преступныхъ дѣяніяхъ, имъ учиненныхъ, сознавалъ погрѣшность, никогда не бывало... При таковыхъ неизвѣстно горчайшихъ обстоятельствахъ, по моему слабому характеру, я не предвижу

иныхъ средствъ къ пресѣченію и ограниченію деспотическихъ, нехристіанскихъ новоизобрѣтательныхъ Антонія архіепископа дѣйствій и производительностей, кромѣ какъ, по Апостолу, уклониться отъ безчинно ходящаго и не имѣть съ нимъ общенія, на основаніи 15 правила перво-втораго собора.“

По поводу этой записки Пафнутія, два члена духовнаго совѣта рѣшились, какъ выше замѣчено, написать ему нѣчто въ защиту Антонія. Пафнутій отвѣчалъ имъ пространнѣйшимъ письмомъ, въ которомъ еще откровеннѣе высказалъ что такое есть, по его мнѣнію, владыка Антоній. Это, писалъ онъ, человекъ неизлечимо болящій недугомъ безпоповскихъ лжеученій, — его сердце преусырено, якоже губа мокротою, ядомъ безпоповскаго богохульства, растекается смрадомъ безпоповскаго гнилобѣсія, хапиловскія впечатлѣнія * на немъ упрочены и начертаны неизгладимо“. А между тѣмъ онъ считаетъ себя непогрѣшимымъ, не хочетъ внимать никакимъ вразумленіямъ: „при всякомъ случаѣ, въ обличеніяхъ его мнѣній противныхъ церковному преданію, онъ не сознавалъ себя погрѣшившимъ, даже и въ явномъ богохульствѣ, но всячески оправдываетъ свои мнѣнія быть правильными, да еще до изступленія негодуетъ на своихъ обличителей, укоряя ихъ и обличая еретиками за то что не согласуютъ съ нимъ въ богохульствѣ.“ Его самолюбіе и властолюбіе не знаютъ предѣловъ: „никто не въ состояніи ограничить то самовластительство, которое настолько въ его необъятныхъ головахъ и сердцахъ разрослось, что онъ уже по невѣжественной слѣпотѣ и не помышляетъ объ ограниченіи имъ усвоеннаго деспотизма никакими законами и не предпочитаетъ во всемъ мірѣ ничего выше собственнаго произвола, исключая *антихристовыхъ служителей*“. ** Впрочемъ ради сохраненія за собою высокаго архіепископскаго титула онъ готовъ пожертвовать на время

---

* Известно что Антоній, бывшій первоначально сыномъ православной церкви, переkreщенъ безпоповцами въ Хапиловскомъ прудѣ, близъ котораго находится бывшее Преображенское кладбище; на это обстоятельство и намекаетъ здѣсь Пафнутій.

** Здѣсь опять намекъ на безпоповство Антонія: безпоповцы всѣхъ чиновниковъ, и особенно полицейскихъ (о которыхъ собственно и идетъ здѣсь рѣчь) называютъ обыкновенно „приставниками антихриста“.

и своими безпоповскими убѣжденіями, тѣмъ паче отказаться отъ какой бы то ни было очевидной истины: „къ поруганію святительскаго сана, за личные интересы, онъ кому угодно въ ноги поклонится“. Еще рѣшительнѣе Пафнутій говоритъ теперь и о томъ что нельзя имѣть никакой надежды на исправленіе Антонія: „кто можетъ принять на себя исправленіе такого (образовательно сказать) дерева, каковъ есть Антоній архіепископъ, при такой утолщенной застарѣлости и претворившейся уже въ гнилость кривизнѣ, при такихъ наростахъ, затвердѣлыхъ до окаменѣлости? Не вѣрю, чтобъ это самоуродливое страшилище можно было исправить... Скорѣе соглашаюсь со словами блаженной памяти инокъ Павла, не соизволявшаго на рукоположеніе Антонія, но (который) видя превозмогающихъ сторонниковъ Антоніевыхъ, наконецъ сказалъ: *изъ старыхъ золъ новыхъ благъ не бываетъ!* Теперь мы видимъ на самомъ дѣлѣ предсказанныхъ блаженнымъ отцемъ съ душевною горестію словъ горчайшее событіе“... Пафнутій выражаетъ удивленіе, какъ могли писать къ нему члены духовнаго совѣта о какихъ-то мѣрахъ къ исправленію Антонія. „Еслибы вы говорили это по крайней мѣрѣ людямъ или совѣтмъ не понимающимъ нашего дѣла, или не имѣющимъ подробныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ и характерѣ Антонія архіепископа!... Но ко мнѣ такіа слова не что иное какъ насмѣшка, именно потому что и вамъ, и мнѣ его преосвященства эгоизмъ, безхарактерность его производительностей, разслабленная шаткость, до бѣснованія упорное суевѣріе настоль извѣстны, что извѣстнѣе еще ничего представить невозможно. О какихъ же еще возможно располагать надеждахъ?“ Наконецъ Пафнутій еще рѣшительнѣе выражаетъ здѣсь свое нежеланіе и невозможность находиться болѣе въ общеніи съ Антоніемъ: „я не то чтобы подчиниться такому архипастырямъ, руководящимся надменнымъ своевольнымъ произволомъ, но даже затрудняюсь признать ихъ за истинныхъ христіанъ, дождеже они восчувствуютъ своего душепагубнаго увлеченія и не принесутъ предъ церковію подобающаго раскаянія, ибо *идеть же самопроизвольное злодѣяніе, тамо и лишеніе благодати*...“

Вотъ каковъ московскій архіепископъ Антоній по изображенію не православнаго писателя, враждебнаго расколу, но его собственнаго собрата, старообрядскаго же епископа

Пафнутія, и вотъ въ какихъ отношеніяхъ къ нему находился этотъ послѣдній въ 1867 году. Съ того времени Антоній не измѣнился ни мало, что Пафнутію извѣстно лучше нежели кому-либо, и потому примиреніе съ нимъ, учиненное въ концѣ прошлаго 1868 года по требованію обстоятельствъ, было только наружное, а дѣйствительнаго, искренняго съ нимъ общенія Пафнутій не думалъ имѣть и не имѣетъ, какъ это могутъ засвидѣтельствовать и сами старообрядцы, наблюдающіе за взаимными отношеніями того и другаго. Итакъ двое главныхъ и самыхъ вліятельныхъ между нынѣшними старообрядскими архіереями, живя въ одномъ городѣ, живутъ и дѣйствуютъ совершенно порознь, не имѣютъ ничего общаго другъ съ другомъ. Очевидно, при такомъ одиночествѣ, и Пафнутій, еслибы даже имѣлъ рѣшительное желаніе ввести въ законную силу хорошо извѣстный ему актъ о низложеніи Кирилла, не могъ отважиться на это дѣло.

Были и другія обстоятельства которыя заставляли Пафнутія обратить свои мысли не столько на бѣлокриницкаго Кирилла и раздорниковъ, сколько на свое собственное положеніе въ старообрядствѣ.

Прискорбныя для окружниковъ событія, происходившія на послѣднемъ Бѣлокриницкомъ соборѣ, имѣли рѣшительное вліяніе на судьбу нѣкоторыхъ старообрядцевъ, и прежними безобразными явленіями въ расколѣ уже доведенныхъ до сознанія его несостоятельности и необходимости навсегда съ нимъ разстаться. Теперь, видя что всѣ здравыя понятія о церкви православной, о имени *Иисусъ*, о крестѣ четырехконечномъ и пр., выраженные въ *Окружномъ Посланіи*, испровергнуты опредѣленіемъ Бѣлокриницкаго собора, и что этому опредѣленію, благопріятствующему ереси Проконя и Давыда, подчинились даже такіа свѣтила старообрядства какъ Славскій Аркадій, они не захотѣли болѣе оставаться въ расколѣ и вошли въ единеніе съ церковію. Это были именно два священноинокъ Козьма и Пафнутій и іеродіаконъ Ипполитъ,—лица очень уважаемыя въ старообрядствѣ. Изъ нихъ священноинокъ Козьма, старецъ кроткаго характера и строгой жизни, считался кандидатомъ на одну изъ празныхъ архіерейскихъ каедръ, а Ипполитъ принималъ живѣйшее участіе въ текущихъ іерархическихъ дѣлахъ и не разъ былъ отправляемъ, какъ одинъ изъ самыхъ надежныхъ людей, съ важными порученіями за границу. Такъ, еще въ

1863 году, когда Кирилломъ издана была извѣстная грамота объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*, къ подписанію которой успѣли склонить и Амвросія, Ипполитъ ѣздилъ, по порученію духовнаго совѣта, въ Бѣлую Криницу убѣждать Кирилла къ отреченію отъ упомянутой грамоты, и потомъ, вмѣстѣ съ Іустиномъ, бывшимъ епископомъ Тульчинскимъ, совершилъ путешествіе въ Цилли къ Амвросію, для объясненій по поводу той же грамоты; въ 1866 году онъ опять ѣздилъ съ Пафнутиемъ Казанскимъ въ Бѣлую Криницу, для присутствія отъ имени своего епископа Варлаама на соборѣ, который предполагалось тамъ устроить, и былъ свидѣтелемъ всѣхъ безобразій происходившихъ въ Боташанахъ, куда перенесенъ былъ соборъ. Вслѣдствіе такого близкаго знакомства съ „іерархическими“ дѣлами старообрядцевъ, родилось въ немъ рѣшительное отвращеніе отъ раскола и, по зрѣломъ разсужденію, онъ убѣдился въ необходимости послѣдовать примѣру своихъ собратій присоединившихся къ церкви. Отъ исполненія этого намѣренія удерживала его только глубокая привязанность къ Варлааму, старцу благочестивому и доброму, котораго онъ привыкъ почитать какъ отца, и который, вполне сознавая несостоятельность раскола, тѣмъ не менѣе не могъ разстаться съ нимъ на старости лѣтъ. Когда же, въ началѣ 1868 года, Варлаамъ умеръ, Ипполиту открылась свобода дѣйствовать согласно своимъ убѣжденіямъ, и онъ уже не скрывалъ предъ близкими ему людьми своего крайняго недовольства расколомъ. „Теперь,“ писалъ онъ въ мартѣ 1868 г. въ Яссы, „пріятелю“ своему Василью Омину, „теперь, когда я лишился своего утѣшителя, предобраго старца епископа Варлаама, котораго заключили уста, изъ коихъ изливались медоточивыя струи смиренномудрыхъ словесъ, теперь болѣзнь и туга сердца, опасеніе какъ бы не подпасть за богохульства бѣдственному жребію въ будущемъ, вынуждаютъ меня раскрыть терзанія совѣсти, и что я въ своемъ сердцѣ чувствую и скудостью ума моего понимаю, то и предаю на обсужденіе всякаго любящаго евангельскую истину; если же что я ошибочно объясню, въ томъ изобличите меня, чего я буду ожидать, какъ полезнаго врачеванія.“ Дальше въ письмѣ своемъ Ипполитъ указываетъ разныя, хорошо извѣстныя ему противузаконности учиненныя Антоніемъ, Кирилломъ и другими, также ереси и лжеученія утвержденныя „верховнымъ святителемъ всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“.

„Воззри же теперь,“ говоритъ онъ въ заключеніе, „безпристрастнымъ окомъ всякій нелицемѣрный человекъ, придерживающійся доселѣ австрійскаго, безблагодатнаго священства, на сіи самопроклинающіяся сонмища, и суди о своемъ безнадежномъ спасеніи.“ Ипполитъ просилъ яскаго пріятеля сообщить его письмо „господамъ іерархамъ, двумъ Аркадіямъ“, Славскому и Васлуйскому: „можетъ они сдѣлаютъ мнѣ указаніе какое о неправильности моей, или подтвердятъ, скажутъ что это правда. Итакъ, я буду ожидать полезнаго врачеванія.“ Господа іерархи, разумѣется, никакого врачеванія ему не дали. Между тѣмъ онъ пріѣхалъ изъ Балты, * гдѣ находился съ Варлаамомъ и похоронилъ его, въ Москву и вошелъ въ ближайшія сношенія съ лицами прежде присоединившимся къ церкви, особенно же съ настоятелемъ Единовѣрческаго монастыря священноинокомъ Павломъ (Прускимъ), разумныя бесѣды котораго, проникнутыя искренностью и убѣжденіемъ, имѣли на него сильное вліяніе. Теперь удерживали его въ старообрядствѣ только неотступныя просьбы Иларіона Егорыча, съ которымъ состоялъ онъ въ самой тѣсной дружбѣ, и который, не думая, впрочемъ, и не видя достаточныхъ основаній навсегда удерживать его въ расколѣ, по своему обычаю, просилъ только объ одномъ: „повременить“, выждать болѣе удобнаго времени для соединенія съ церковію, а между тѣмъ потрудиться вмѣстѣ съ нимъ на пользу драгоценнаго ему *Окружнаго Посланія*. Но когда сдѣлались извѣстны дѣянія послѣдняго Бѣлокриницкаго собора, на которомъ и „господа іерархи“ оба Аркадія пожертвовали истиной въ видахъ примиренія съ явными еретиками Прокопомъ, Давыдомъ и покровителемъ ихъ Кирилломъ, тогда Ипполитъ не захотѣлъ болѣе принадлежать къ этому жалкому старообрядству, представляемому Аркадіями, Кириллами, Антоніями. 18-го декабря, не сказавшись даже Иларіону, онъ переселился въ Никольскій единовѣрческій монастырь; съ нимъ вмѣстѣ перешелъ туда и священноинокъ Козьма, а затѣмъ и Пафнутіи. ** Пафнутіи Казанскій былъ весьма огорченъ

* Достойно замѣчанія что балтскіе старообрядцы выражали Ипполиту желаніе имѣть его своимъ епископомъ и хотѣли начать дѣло объ этомъ; но Ипполитъ искуснымъ образомъ отклонилъ ихъ нахвреніе.

** Вмѣстѣ съ Ипполитомъ перешли въ Никольскій монастырь отецъ его инокъ Авдій и пріѣхавшій съ нимъ изъ Балты инокъ Іоуа; число

извѣстїемъ о переходѣ всѣхъ этихъ лицъ въ единоувѣріе, и особенно о переходѣ Козьмы и Пафнутія, отъ которыхъ этого не ожидали (Ипполита давно уже считали непрочнымъ въ расколѣ). Еще больше огорчился Иларіонъ Егорычъ, сильно почувствовавшій теперь свое одиночество: онъ даже рѣшился уѣхать совсѣмъ изъ Москвы или, что то же, устранить себя отъ всякаго участія въ дѣлахъ старообрядства, такъ мало соответствующихъ его желаніямъ. Уѣхать изъ Москвы въ свою тихую Полосу онъ давно уже собирался, и сборамъ его наконецъ перестали вѣрять; но на этотъ разъ его намѣреніе было твердо. Въ половинѣ марта онъ уѣхалъ, и гдѣ теперь находится, этого не знаютъ даже люди очень къ нему близкіе; извѣстно только что его нѣтъ еще ни въ Клиндахъ, ни въ Полосѣ. Отъѣздъ Иларіона событіе очень важное для московскихъ окружниковъ: кто замѣнитъ имъ этого искуснаго и многосвѣдущаго писателя, когда встрѣтится надобность въ сочиненіи подобномъ обвинительному акту противъ Кирилла, или разбору на бѣлокриницкое соборное опредѣленіе? А всего чувствительнѣе разлука съ Иларіономъ была опять для Пафнутія Казанскаго: въ немъ лишился Пафнутій и самаго преданнаго ему человѣка, и лучшаго совѣтника. Пафнутій находился теперь въ совершенномъ одиночествѣ: приходилось на свободѣ серьезно поразмыслить о своемъ собственномъ положеніи въ старообрядствѣ, а также и о томъ почему бѣгутъ изъ старообрядства люди, какъ ему извѣстно, не легкомысленные и не занятые житейскими разчетами.... Итакъ Пафнутію было не до суда надъ Кирилломъ.

А между тѣмъ случилась съ Кирилломъ одна изъ тѣхъ удивительныхъ метаморфозъ какія возможны только для бѣлокриницкаго владыки всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, 8-го числа, въ Бѣлую Креницу прїѣхали изъ Формоса Проконъ Лаврентьевъ и попъ Григорій съ просительною грамотой отъ всего Формосскаго общества: какъ надлежитъ судить о тѣхъ старообрядцахъ которые не признаютъ правильнымъ бѣлокриницкій соборный актъ изданный 8-го іюля 1868 года? Вопросъ этотъ, очевидно,

---

же „священныхъ лицъ“ бѣлокриницкой іерархіи прикавшихъ единоувѣріе доходитъ теперь, вмѣстѣ съ Ипполитомъ, до десяти, а именно: епископы—Онуфрій, Пафнутій, Іустинъ, священноиноки—Іоасафъ, Козьма, Пафнутій, діаконы—Филаретъ, Мелхиседекъ и Кириллъ Семеловъ.

вызванъ былъ опредѣленіями московскаго духовнаго совѣта относительно упомянутаго акта, о которыхъ присланы были извѣстія и заграничнымъ раскольникамъ. * Формосцы, первые ревнители прокоповой ереси, желали чтобы Кириллъ сдѣлалъ какое-либо распоряженіе относительно непокорныхъ отвергающихъ значеніе Бѣлокриницкаго собора, и Кириллъ дѣйствительно вручилъ имъ грамоту, въ которой повелѣвалось съ отвергающими Бѣлокриницкій соборъ, напротивъ же приѣмлющими *Окружное Посланіе*, не имѣть никакого общенія, яко съ иновѣрными. 9-го мая формосская депутація отправилась съ этою грамотой восволси. Потомъ, одну только недѣлю спустя, Кириллъ подписалъ отвѣтъ на одно письмо полученное имъ еще 17-го марта изъ Яссы, отъ Василія Оомина. Ооминъ писалъ къ Кириллу, повидимому, о церковномъ дѣлѣ, о поставленіи новаго священника въ Яссы; но это былъ, очевидно, только одинъ предлогъ (мѣстный архіепископъ Аркадій могъ рѣшить это дѣло безъ всякихъ сношеній съ Кирилломъ), сущность письма заключалась въ слѣдующемъ вопросѣ: „нѣкоторые люди сами разумѣваютъ и прочихъ людей научаютъ тако: гдѣ написано, или начертано Христа Спасителя нашего имя съ двумя ижема, сице *Исусъ*, это есть ивъ богъ, антихристъ; скажите, владыко святыи, какъ о семъ правильно надлежитъ разумѣть“. Мнѣніе владыки Кирилла по этому вопросу давно и всѣмъ извѣстно: онъ еще на соборѣ Боташанскомъ призналъ правильнымъ ученіе Проконя, Давыда и прочихъ что *Исусъ*, въ котораго вѣруетъ церковь великороссійская, есть ивъ богъ, антихристъ; то же подтвердилъ онъ и на послѣднемъ Бѣлокриницкомъ соборѣ, уничтоживъ *Окружное Посланіе*, въ которомъ, между прочимъ, именно утверждается что великороссійская церковь подъ именемъ *Исуса* вѣруетъ въ того же истиннаго Сына Божія Которому поклоняются и старообрядцы. Зачѣмъ же Василій Ооминъ спрашивалъ Кирилла о томъ что давно извѣстно всѣмъ старообрядцамъ? Желалъ ли

* Въ январѣ настоящаго года было послано изъ Москвы въ Бѣлую Крилицу на имя Аверкія Полякова письмо, въ которомъ говорилось что „бывшій въ Бѣлой Крилицѣ, въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца 1868 года, соборъ за законный признавъ быть не можетъ“; къ письму приложенъ былъ и изданный духовнымъ совѣтомъ разборъ соборнаго акта, который поручено было прочесть самому Кириллу митрополиту.

онъ для какихъ-либо цѣлей имѣть у себя въ рукахъ подписанное самимъ бѣлокриницкимъ владыкой изложеніе его богохульнаго мнѣнія о имени *Иисусъ*, или надѣялся почему-нибудь что владыка Кирилль теперь откажется отъ своего прежняго мнѣнія, не признаетъ *Иисуса* истиннымъ богомъ? Если было действительно это послѣднее предположеніе (основаніемъ для котораго въ такомъ случаѣ служилъ, по всей вѣроятности, приличный подарокъ посланный изъ Яссы), то оно оказалось вѣрно разчитаннымъ. Вотъ какого рода отвѣтъ на указанный выше вопросъ содержался въ письмѣ которое написалъ Кирилль 27-го мая, спустя недѣлю по отъѣздѣ боташанскихъ депутатовъ: „Отвѣщаемъ вамъ слѣдующее, а именно: кто тако разумѣваетъ и прочихъ людей поучаетъ что *Иисусъ* истъ богъ, или антихристъ, таковой человекъ есть совсѣмъ чуждъ нашей правой христіанской вѣры, но есть таковой человекъ самаго жестокаго, закостѣлаго духа безпоповскаго. Мы, православніи христіане, истинно вѣруемъ и правомудруемся сице, что сколько есть въ цѣломъ мірѣ и свѣтѣ разныхъ христіанскихъ религій, не только одного восточнаго закона, но даже во всей поднебесной народы, вси они вѣрують съ нами во единаго великаго Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, но только неправо мудрствуютъ, держатъ многія разныя ереси и раздоры....“

Сказать что сколько ни есть на свѣтѣ разныхъ христіанскихъ религій, все равно восточнаго или западнаго закона, всѣ онѣ исповѣдуютъ вмѣстѣ со старообрядцами единаго Бога и Спасителя Ісуса Христа, на это отважится не каждый старообрядецъ, даже не глубоко погрязшій въ расколѣ. И вотъ теперь такое смѣлое ученіе письменно провозглашаетъ самъ бѣлокриницкій митрополитъ Кирилль, неоднократно утверждавшій Прокопово ученіе, якобы церковь великороссійская вѣруетъ во иного бога, и не далѣе какъ за недѣлю предъ тѣмъ издавшій повелѣніе не сообщаться съ окружниками, между прочимъ за то ихъ мнѣніе что великороссійская церковь исповѣдуетъ подъ именемъ Ісуса истиннаго Христа Спасителя! Въ объясненіе этой странной перемены съ Кирилломъ можно предположить одно изъ двухъ: или онъ совсѣмъ не разумѣлъ того что подписывалъ въ письмѣ къ Омину (какъ это бываетъ съ нимъ обыкновенно), или же былъ недоволенъ раздорниками, которые, по всей вѣроятности, забыли посвятить Бѣлую Криницу своими милос-

стями, не имѣя послѣ Бѣлокриницкаго собора особенной нужды въ Кириллѣ, который напротивъ получалъ и еще болѣе разчитывалъ получить приношенія отъ окружниковъ* (а деньги въ это время были очень нужны дѣдушкѣ Кириллу**). Но какъ бы ни случилось это диковинное дѣло, только письмо Кирилла, собственноручно имъ подписанное и такъ рѣшительно противорѣчившее всему чтѣ прежде онъ подписывалъ въ угоду раздорникамъ, было отправлено по назначенію. Ясскіе окружники ликовали и позаботились какъ можно скорѣе подѣлиться пріятною новостью со всѣми единомышленными старообрядскими обществами. Въ іюнѣ копіи Кирилла письма уже ходили по рукамъ въ Москвѣ, къ немалому соблазну и огорченію раздорниковъ (повтому-то, вѣроятно, они и выразили готовность пожертвовать и Кирилломъ, и своимъ Антоніемъ во время переговоровъ съ окружниками по дѣлу о выборѣ попечителей). Оминъ не преминулъ также послать копіи Кириллова письма въ главныя раздорническія общества, и прежде всего, разумѣется, въ городъ Формосъ, достопочтенному Прокону Лаврентьевичу съ братіей.

Новость, обязательно сообщенная Василиемъ Васильичемъ, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайно изумила формосскихъ раскольниковъ, еще такъ недавно получившихъ отъ Кирилла направленную противъ окружниковъ грамоту. Имъ даже не вѣрилось чтобы Кириллъ могъ подписать такое посланіе какое прислали имъ въ копіи изъ Яссы, подозрѣваяли что оно поддѣлано самими окружниками. Впрочемъ, на всякій случай, они запретили своему попу поминать Кирилла на службахъ, а между тѣмъ послали въ Бѣлую Криницу запросы съ требованіемъ объясненій по поводу яскаго письма. Отправлены были, 2-го іюня, два посланія: одно отъ попа Григорья, на имя самого митрополита, другое отъ Проконя Лаврентьева съ обществомъ, на имя покровителя раздорниковъ, Акинея Васильева. Попъ Григорій писалъ: „Прошедшаго мѣсяца мая 8-го числа текущаго года, мы были у васъ въ

* Наканунѣ Покрова въ Москву пріѣхалъ уже и посолъ отъ Кирилла къ окружникамъ, за сборомъ благостыки, молодой имокъ Никола, востриженникъ Мануиловскаго монастыря (лазковскій уроженецъ).

** Изъ Бѣлой Криницы писали что 26-го января, во время всемоушной, у Кирилла украли 3.000 гульденовъ и двое часовъ, золотые и серебряные.

митрополиі съ Прокопомъ Лаврентьевымъ и съ грамотою за подписомъ общества, и вы дали намъ грамоту въ такомъ смыслѣ чтобы съ приемиющими *Окружное Посланіе* не имѣть никакого сообщенія, какъ и съ прочими иновѣрными; но послѣ насъ того же мѣсяца 27-го числа изволили вы прислать въ Яссы письмо Василью Васильеву совсѣмъ другаго смысла. Тамъ подтверждаете что сколько въ цѣломъ мірѣ и свѣтѣ разныхъ христіанскихъ религій, не только одного восточнаго закона, но даже и во всей поднебесной народы, вси же они вѣруютъ съ нами въ единаго Бога, то-есть Жиды, и Турки, и Кальвины, и Армяне, и Татары и прочія поганскія вѣры, кромѣ идолопоклонниковъ! То слѣдовательно со всѣми намъ можно имѣть братскій союзъ во всѣхъ отношеніяхъ! Затѣмъ попъ Григорій извѣщаль Кирилла что ему запрещаютъ даже поминать его преосвященство въ богослуженіи на ектеніяхъ и просилъ наставленія какъ ему поступать теперь. Гораздо откровеннѣе и рѣшительнѣе высказался о „грамотѣ“ Кирилла, посланной въ Яссы, Прокопъ Лаврентьевъ въ письмѣ отъ Формосскаго общества. „Эта грамота, писалъ онъ, вреднѣе паче неужели *Окружное Посланіе*. Въ *Окружномъ Посланіи* признаетъ Іисуса единосущна Отцу и Святому Духу, и другое пишетъ: „господствующая въ Россіи церковь, вкупѣ и греческая, вѣруетъ не во иного бога, „но во единаго съ нами“, и такими писаньями потрясли до основанія все православіе. А въ этой, посланной въ Яссы, грамотѣ сказано: не только Россія и Греки, но сколько есть въ цѣломъ мірѣ и свѣтѣ разныхъ христіанскихъ націй, не только одного восточнаго закона, но даже во всей поднебесной народы вси вѣруютъ съ нами во единаго Бога! И таковою грамотою г. митрополитъ призналъ быть съ собою не только Россіанъ и Грековъ, но даже и Латынь, католиковъ, униатовъ, аріанъ, македоніанъ, Армянъ и прочихъ всѣхъ во всей вселенной еретиковъ, даже и лютеранъ, быть въ единовѣрїи. И такое митрополичье написаніе не только насъ, единомысленную братію вашу, тронуло и оскорбило до зѣла, но даже могутъ приѣти въ великое смущеніе самые окружники, которые имѣютъ въ себѣ искру древности. И теперь г. митрополитъ этою грамотою опровергъ всѣ соборныя грамоты законныя и правильныя, даже и клятвы святыхъ отецъ, писанныя въ заключеніяхъ соборныхъ грамотъ, привлекъ на себя, и посылаемыя г. митрополитомъ грамоты,

какъ-то въ Россію и прочія мѣста, остаются ложными. Да кому же теперь еще болѣе долженъ возгорѣться пламень, нежели отъ *Окружнаго*, въ православныхъ христіанахъ, отъ чего народы должны пріити въ раздробленіе на мелкія секты, или части, какъ было и во время Никона. "Затѣмъ Проконъ Лаврентьевъ просилъ Акинѳа разузнать, дѣйствительно ли послана „оная грамота“ въ Яссы, ибо они сему вѣры не имѣютъ, полагаютъ что это поддѣлка окружниковъ. „Изъ Яссъ, прибавлялъ онъ, повсемѣстно копіи разосланы съ великимъ торжествомъ: теперь кажется имъ что они всю вселенную побѣдили! А у насъ отъ туги, и печали, и страха вси уды наши дрожатъ и персты наши перомъ не владѣютъ.... Усколько старался угасить пламень седмилѣтній раздора церковнаго: а нынѣ сами пали паденіемъ велимъ!“

Нельзя не согласиться что замѣчанія Прокона Лаврентьева относительно Кириллова письма въ Яссы совершенно справедливы. Кириллъ дѣйствительно противорѣчилъ себѣ самымъ очевиднымъ образомъ: все сдѣланное имъ прежде и писанное въ защиту раздорниковъ опровергъ теперь своимъ яскимъ посланіемъ, а объ имени *Иисусъ* высказался даже гораздо смѣлѣе нежели авторъ *Окружнаго Посланія*. И если это послѣднее, какъ выразился Проконъ, „потрясло до основанія“ все старообрядство, то тѣмъ большаго соблазна надлежало ожидать отъ митрополичьяго письма, далеко опередившаго *Окружное Посланіе* антираскольничими воззрѣніями на христіанскія религіи. Но Кириллъ нимало не смутился формосскими письмами, несмотря на всю основательность Прокоповыхъ замѣчаній. Онъ обратилъ вниманіе только на то что письма оскорбительны для его первосвятительскаго достоинства, что въ нихъ даже приравняли его (оле ужас!) Никону патріарху.... Этого было достаточно чтобы Кириллъ, вообще весьма чувствительный къ обидамъ подобнаго рода, въ отмщеніе формосскимъ раздорникамъ, пошелъ еще дальше по новому пути. Впрочемъ, отвѣтъ на формосскія письма пришлось отложить на довольно долгое время. Кириллу понадобилось съѣздить въ Вѣну для ходатайства предъ императоромъ по общественному дѣлу. Отъ австрійскаго правительства послѣдовало распоряженіе, чтобы буковинскіе липоване, наравнѣ съ прочими подданными имперіи, поставляли молодыхъ людей для военной службы. До сихъ поръ липоване благополучно избѣгали этой повинности, прикрываясь привилегіей

данною имъ еще Иосифомъ II, въ 1783 году. * Новое распоряженіе правительства очень ихъ озаботило: военная служба, да еще въ нѣмецкихъ полкахъ, не согласуется даже съ религиозными понятіями липованъ, которые долго и упорно уклонялись, въ силу также религиозныхъ убѣжденій, и отъ такихъ требованій правительства какъ, напримѣръ, веденіе метрическихъ записей, употребленіе осповпрививанія и др. Нужно было хлопотать объ отмигнѣ распоряженія о липованскихъ рекрутахъ и о новомъ подтвержденіи, на вѣчное время, дарованной Иосифомъ II свободы отъ воинской повинности. Хлопотать объ этомъ лично предъ императоромъ, по просьбѣ общества, и отправился въ Вѣну митрополитъ Кириллъ съ тремя другими депутатами. Онъ дѣйствительно имѣлъ аудіенцію у австрійскаго императора, но никакого рѣшительнаго отвѣта на просьбу не получилъ. Въ августѣ онъ возвратился изъ Вѣны, и 13-го числа подписалъ отвѣтное посланіе къ формосскимъ раздорникамъ.

Это посланіе очень длинно и представляетъ дѣйствительно замѣчательный образецъ того какъ далеко Кириллъ, затронутый формосскими раздорниками, ушелъ въ противоположную отъ нихъ сторону, какъ будто самъ никогда и не былъ раздорникомъ, а всегда мудрствовалъ согласно *Окружному Посланію*! Какъ будто онъ и не слышалъ о ереси Прокоса и Давыда и только теперь узнаетъ что раздорники почитаютъ *Исуса* инымъ богомъ!... За это неожиданно открытое лжеученіе онъ вооружается теперь противъ нихъ тѣми самыми доводами съ которыми окружники неоднократно, и притомъ безуспѣшно, обращались къ его собственной особѣ, и наконецъ громить ихъ всякими преценіями и угрозами.

Сначала Кириллъ объявляетъ „формосскимъ христіанамъ“ что письмомъ къ Василью Омину дѣйствительно писалъ и что высказалъ въ немъ совершенную истину: „Въ той нашей грамотѣ вѣрно отъ насъ доказано, что всѣ инославныя христіанскія религіи, восточнаго и западнаго закона, сколько ихъ нынѣ находится во всемъ мірѣ, вѣруютъ онѣ не во иного бога и не въ антихриста, не такъ, какъ вы нынѣ дерзаете объ нихъ не право мудрствовать, но во истину всѣ онѣ

* Въ третьемъ пунктѣ этой привилегіи именно сказано: Gestehen Wir ihnen die Befreyung von dem Militairstande ein.

вѣруютъ съ нами во единого великаго Господа Бога и Спаса нашего Иуса Христа.... А такъ какъ, по вашему нынѣшнему мудрованію не во единого съ нами Бога они вѣруютъ, то вопрошаю нынѣ васъ: въ какихъ же другихъ боговъ они вѣруютъ, или въ какихъ именно идоловъ? древнихъ, или какихъ новыхъ? или во антихриста? Именно о семъ скажите намъ. И при семъ повелѣваю нынѣ всѣмъ вамъ, напишите намъ все сіе на бумагѣ и пришлите намъ вскорости, нимаю немедленно, на разсмотрѣніе.“ Впрочемъ, не дожидаясь отвѣта на свои вопросы, онъ обращается къ раздорникамъ, между прочимъ, съ такими обличеніями и уроками:

„Вы нынѣ находитесь въ самомъ крайнемъ заблужденіи. Своимъ ложнымъ мудрованіемъ не только вы насъ нынѣ, но и всѣхъ прежде бывшихъ благочестивыхъ предковъ нашихъ неправильно нынѣ зазираете и погибшихъ всѣхъ вмѣняете, обнажаете и до конца пуги совѣмъ сотворяете всю нашу священную хиротонію вашимъ законнѣлымъ мудрованіемъ и безповскимъ понятіемъ. Ибо нигдѣ вы во святомъ божественномъ писаніи не найдете, не представите и не докажете сего, что отъ антихриста, или другаго какого бога, или отъ идола можно принять хиротонію, или другую какую тайну въ нашу древле-православную христіанскую правую вѣру и церковь Божію.... Мы приняли перваго нашего г. митрополита Амбросія въ 1846 году, привезеннаго изъ Царяграда нашими бывшими посланниками, пречестнѣйшими иноками Павломъ и Алимпіемъ. Сію же самую священную хиротонію имѣть нынѣ и вашъ фурмосскій священникъ Григорій Симоновъ. Вы же нынѣ дерзаете неправо мудрствовать, что во инога бога, свѣтъ во антихриста, вѣруютъ христіанскія религіи восточнаго закона. Оде безразсудной и безумной дерзости вашей душепагубной! Опровергаете вы нынѣ всю нашу древле-греко-россійскую правую истинную христіанскую вѣру. Это только прилично такъ мудрствовать однимъ законнѣлымъ, жестокосерднымъ, безблагодатнымъ безповцамъ.

„Мы до сего времени ничего не понимали (!) вашихъ нынѣшнихъ законнѣлыхъ безповскихъ душевредныхъ заблужденій; нынѣ же все пресвѣтло и вельми ясно обнаружилось ваше нынѣшнее крайнее безуміе, и приспѣла истинная на васъ побѣда и одолѣніе.... Возмуцали и колебали вы нашу древле-грекороссійскую церковь семь годовъ своимъ богопротивнымъ и душевреднымъ безповскимъ понятіемъ и законнѣлымъ мудрованіемъ, да и насъ, невинныхъ (!), завсегда вы привлекали къ своему крайнему безумію и развращенному, законнѣлому заблужденію. Мы же вамъ по сіе время во всемъ вѣрили и почитали васъ всегда за истинныхъ рабовъ Христовыхъ; мы несумѣнно предполагали и вельми надѣялись на васъ что вы люди есть здравомыслящихъ понятій,

твердо и вѣрно стоите за церковь Христову. Но теперь видимъ васъ что вы нынѣ есть развращающіи пути Господни правые и прельщающіе простодушныхъ и незлобивыхъ людей, сущихъ рабовъ Христовыхъ, въ свою погибель; самые вы нынѣ оказались живые крамольники и кривотолки, ни малѣйшей нѣтъ въ васъ истинной правды....

„Подумайте же, безумніи крамольники и кривотолки, что вамъ за сіе будетъ отвѣчать предъ Богомъ.... придите въ чувство и разумъ истинный.... бойтесь Бога: умирать и вамъ будетъ надобно“, и пр.

Такого рода посланіемъ отвѣчалъ Кириллъ на формосскія письма и, для пущей извѣстности, приказалъ разослать копіи этого посланія „къ разнымъ лицамъ по разнымъ странамъ“. * Доселѣ ничего болѣе враждебнаго раздорникамъ и болѣе благоприятнаго для окружниковъ и *Окружнаго Посланія* Кириллъ еще не подписывалъ, хотя объ *Окружномъ Посланіи* въ письмѣ его не упомянуто ни разу. И если, по словамъ Прокона Лаврентьева, окружники торжествовали по случаю яскаго письма „какъ будто всю вселенную побѣдили“, то какъ они должны ликовать послѣ этого Кириллова посланія къ формосскимъ раздорникамъ! Намъ кажется, однако, что ликовать слишкомъ много нѣтъ причины. Правда, теперь бѣлокриницкій владыка объявилъ вражду раздорникамъ и явно сталъ на сторону окружниковъ; но въ существѣ дѣла важно ли это событіе? Кириллъ окружникъ! Да ужели это пріобрѣтеніе для окружниковъ? И на долго ли оно? На долго ли такая перемѣна въ бѣлокриницкомъ владыкѣ? Наступятъ другія обстоятельства, московскіе раздорники пошлютъ посольство въ Бѣлую Криницу съ потребными приношеніями, ** и тотъ же Кириллъ не задумается объявить во всеуслышаніе что его обманули, дали подписать обманныя письма,—„которую строку читали, которую пропускали“,—что онъ никогда и не думалъ признавать Иисуса истиннымъ Богомъ Спасителемъ, и пр.... Развѣ и этого съ нимъ не бывало?

* Мы имѣли подъ руками присланный въ Москву экземпляръ, собственноручно писанный знаменитымъ инокомъ Алимпіемъ, который, по всей вѣроятности, принималъ участіе и въ составленіи Кириллова посланія.

** Такое посольство, дѣйствительно, и снаряжается въ настоящее время. Во главѣ его будетъ находиться, конечно, Ефимъ Фодорычъ Крючковъ.

Болѣе разсудительные изъ окружниковъ, по всей вѣроятности, и не придають особенно важнаго значенія обращенію Кирилла: Кирилль, уже обреченный ими на изверженіе, слишкомъ упалъ въ общественномъ мнѣніи старообрядцевъ чтобы можно было обращать серіозное вниманіе на какія бы то ни было его дѣйствія. Даже старообрядцы извѣстные своею закрубѣлостью, какъ, напримѣръ, Некрасовцы, и тѣ уже относятся къ Кириллу съ величайшимъ пренебреженіемъ. Это ясно высказалось по случаю недавно происходившаго у нихъ дѣла о поставленіи епископовъ за Дунай, о которомъ не излишне сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Извѣстно что, послѣ обращенія Іустина Тульчинскаго въ единовѣріе и по смерти Аркадія Славскаго, у Некрасовцевъ не осталось ни одного епископа. Но безъ епископа обойтись нельзя,—и вотъ Некрасовцы начали хлопотать о поставленіи архіереевъ на мѣсто Іустина и Аркадія. Относительно выбора кандидатовъ на епископство они, кажется, не намѣрены были обнаруживать особенную разборчивость: хотъ бы какой-нибудь, да только былъ бы епископъ! другаго Аркадія теперь не отыщешь! Больше озабочивало ихъ то обстоятельство, кто поставитъ имъ епископовъ. Къ Кириллу послѣ Бѣлокриницкаго собора они обращаться не хотѣли, яко къ низпавшему въ ересь. Оставалось обратиться къ ближайшему изъ граничныхъ епископовъ—Аркадію Васлуйскому. Въ маѣ мѣсяцѣ ѣздилъ къ Аркадію, въ качествѣ депутата, славскій житель Иванъ Филиповъ для объясненій по этому дѣлу. Аркадій былъ въ отлучкѣ, но приближенные къ нему люди сказали Ивану Филипову что архіепископъ не иначе согласится поставить епископовъ какъ испросивъ на то благословеніе митрополита Кирилла. То же слышали и другіе Некрасовцы отъ людей знающихъ дѣло. Оказалось такимъ образомъ что Аркадій все-таки состоитъ въ общеніи съ Кирилломъ, несмотря на свое отреченіе отъ Бѣлокриницкаго собора. Поэтому Некрасовцы не нашли удобнымъ принимать епископа и отъ Аркадія, какъ состоящаго въ единеніи съ еретичествоющимъ Кирилломъ. Рѣшились обратиться за помощью въ Москву, попросить чтобъ оттуда прислали кого-нибудь для поставленія имъ епископовъ; особенно хотѣлось чтобы прислали Пафнутія Казанскаго, человѣка очень уважаемаго въ старообрядствѣ. Просительныя письма объ этомъ, въ началѣ іюня, послали въ Москву двое изъ самыхъ

значительныхъ Некрасовцевъ—Гончаровъ и Семенъ Васильевъ. Последний, между прочимъ, писалъ: „Ради Бога, вышлите епископа, какого вы сами знаете, для произведенія на задунайскую кафедру святителей; но еслибы можно Пафнутія Казанскаго, то гораздо было бы лучше, ибо всѣ Задунайцы и скитяне весьма желаютъ его для поставленія. Ибо видно по всему что, по отлагательству архіепископа Аркадія, легко можно думать что задунайская кафедра останется безъ святителей верховныхъ.“ Вскорѣ послѣ этого Гончаровъ и Васильевъ получили точныя извѣстія что Аркадіи Васлуйскій дѣйствительно отказался поставлять епископомъ на Дунай безъ благословенія на то отъ Кирилла. Это побудило ихъ снова писать въ Москву; но на этотъ разъ они уже не рѣшались просить о пріѣздѣ Пафнутія, такъ какъ узнали что недавняя попытка Пафнутія стѣздить за границу едва не кончилась большою для него неприятною; они просили уже о дозволеніи, по крайней мѣрѣ, выслать въ Москву двоихъ кандидатовъ для поставленія тамъ во епископы. Объ этихъ (еще предполагаемыхъ) распоряженіяхъ тотъ же Семенъ Васильевъ писалъ къ инокамъ Славскаго скита, и въ этомъ-то письмѣ его особенно ясно высказалось съ какимъ презрѣніемъ Некрасовцы относились тогда и къ Аркадію Васлуйскому, и особенно къ Кириллу. „Архіепископъ совершенно отказался безъ митрополита (писалъ Васильевъ): этого давно нужно было ожидать отъ него, но все вель политику. Нынѣшнія времена, видно, не одни свѣтскіе политикують; они, похоже, учатся отъ духовныхъ старѣйшинъ. Жалко, жалко до крайности, да нельзя ничего вдругъ сдѣлать, примите терпѣніе. Мы въ понедѣльникъ, или во вторникъ напишемъ еще въ Москву отъ этого отказъ. Наша мысль такая: если отвѣтятъ Москвичи что нельзя оттоль послать, такъ какъ намъ видно изъ книжки *Русскаго Вѣстника* что Пафнутію еще съ осени не удалось, * то какъ Господь поможетъ намъ кончить свое дѣло, тогда избрать человека два и послать для постановленія лучше въ Москву чѣмъ къ митрополиту. Кажется, довольно уже намъ благоговѣть предъ ними, которые за сто золотыхъ готовы въ крестъ стрѣлять, какъ Некрасовъ. Мы думаемъ что въ Москвѣ не

* Здѣсь разумѣтся III статья: *Изъ современныхъ лѣтописей раскола*. напечатанная во № 2 *Русскаго Вѣстника*.

окажется въ здравыхъ людяхъ богохульства и кресторугательства, кромѣ вольнодумства Давыдки да Крючка, * и нѣсколько подобныхъ имъ. А въ Бѣлой Криницѣ и всѣхъ православныхъ митрополита богохульная ересь, и кресторугательство съ памяти не уходитъ, а еще болѣе прирастаетъ....“

Въ Москвѣ не нашли удобнымъ посылать Пафнутія къ Некрасовцамъ, ** а также и намѣреніе выслать въ Россію кандидатовъ на епископство отклонили, изъ опасенія отвѣтственности за поставленіе епископовъ во чужія страны; посоветовали, напротивъ, не гнущаться Аркадіемъ Васлуйскимъ и даже самимъ Кирилломъ, такъ какъ онъ въ настоящее время отказался отъ единомысія съ раздорниками. Некрасовцы послушали московскихъ совѣтовъ и теперь, какъ слышно, имѣютъ уже новаго славскаго епископа, Иринарха, изъ священноинокъ Славской обители.

Н. СУББОТИНЪ.

---

* Такъ чествуются Давыдъ Антипычъ и Есимъ Федорычъ Крючковъ.

** Пафнутіи вынужденнымъ образомъ совершилъ поѣздку по Волгѣ до Астрахани и даже, какъ самъ говорилъ въ Казани, предполагалъ ѣхать и дальше; но за границу едва ли ѣздилъ. Ближайшею цѣлью его поѣздки было, какъ говорили, поставить во епископа на Хвалынскъ священноинокъ Алексѣя, избраннаго на епископство еще въ 1867 году, вмѣстѣ съ Козьмою. Впрочемъ, Пафнутіи привезъ Алексѣя въ Москву непоставленнымъ во епископа: поставленіе предполагается произвести здѣсь, въ Москвѣ.

ГУМБОЛЬДТОВЪ ПРАЗДНИКЪ

14-го сентября 1869 года Берлинъ славилъ память знаменитаго Александра Гумбольдта. Первоначально созрѣвшая въ тѣсномъ кругу естествоиспытателей мысль о достойномъ чествованіи памяти Гумбольдта нашла себѣ полное сочувствіе въ массѣ населенія; берлинская городская дума явилась выразительницей этого сочувствія, и празднества изъ частной демонстраціи превратились въ общее гражданское торжество. Изъ различныхъ проектовъ устройства празднества, организаторы его остановились на мысли положить въ годовщину рожденія Гумбольдта основаніе большому парку, которому присвоить его имя, и въ среднѣ парка воздвигнуть большую гранитную глыбу, съ вырѣзкою на ней надписью, напоминающею народу о заслугахъ Гумбольдта. Участокъ земли, необходимый для разведенія этого парка, былъ приобретенъ на городскія суммы, и сдѣланы были всѣ приготавительныя работы. Говоря словами официальнаго акта, городская община, давая своимъ согражданамъ возможность новаго наслажденія природой и способствуя юношеству познавать красоты растительнаго царства, хотѣла напоминать грядущимъ поколѣніямъ того кто такъ сильно любилъ природу, кто былъ въ такой степени одаренъ пониманіемъ ея красоты и проложилъ новые пути къ познанію не одного лишь растительнаго царства, но и всей вселенной.

Въ день празднества, съ ранняго утра, улицы, чрезъ которыя должна была пройти процессія, были украшены

флагами, цвѣточными вѣнками и гирляндами. Движеніе народа было необыкновенно живо, несмотря на то что крайне неблагоприятная погода грозила прервать все торжество и отвратила многихъ отъ присутствія на немъ. Въ 9 часовъ всѣ участники въ процессіи выстроились на Brunnenstrasse, а въ 10 часовъ, при звукахъ музыки, двинулись въ путь. Въ шествіи участвовало 14 окружныхъ представительствъ, пять обществъ рабочихъ, три ассоціаціи ремесленниковъ, Медицинское Общество, Общество Естествоиспытателей, представители студенчества и многія другія корпораціи. Прибывъ на мѣсто будущаго парка, участники размѣстились вокругъ предполагаемаго фундамента Гумбольдтова памятника.

Въ 11 часовъ прибыли главныя городскія власти, старшій бургомистръ Зейдель, президентъ коллегіи городскихъ представителей Кохганъ и др.; впереди ихъ несли большое городское знамя, по сторонамъ шли въ парадныхъ одеждахъ чины городской стражи. Величественный гимнъ Бетговена *Die Himmel rühmen des Ewigen Ehre*, исполненный нѣсколькими пѣвческими обществами, открылъ собою празднество. Затѣмъ старшій бургомистръ Зейдель подошелъ къ бюсту Гумбольдта, красовавшемуся среди собранія, на пьедесталѣ увитомъ цвѣтами, и произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ гордость Берлинцевъ своимъ великимъ согражданиномъ, перешелъ затѣмъ къ указанію великихъ заслугъ Гумбольдта не только какъ ученаго, но и какъ чловѣка служившаго образцомъ нравственной чистоты, высокой и самоотверженной дѣятельности, любви къ отечеству и общечеловѣческихъ симпатій. Ораторъ заключилъ свою рѣчь словами поэта, выразившими предчувствіе грядущихъ побѣдъ науки. Вслѣдъ за тѣмъ городской синдикъ прочелъ офиціальныи актъ, которымъ городская дума полагаетъ основаніе парку Гумбольдта (Humboldt-Hain), и указываетъ мотивы побудившіе ее къ тому. За чтеніемъ этого документа и привѣтственной телеграммы отъ наследнаго принца Прусскаго послѣдовало заложеніе фундамента памятника. Представители городского управленія и различныхъ научныхъ учрежденій и обществъ сдѣлали одинъ за другимъ обычные удары молоткомъ, произнося при томъ различныя пожеланія; свой ударъ г. Зейдель сопровождалъ новою краткою рѣчью, выразившею желаніе чтобы дѣятельность Гумбольдта была возбуждающимъ

примѣромъ для новыхъ, пробуждающихся силъ, и чтобы свѣтъ, брошенное имъ, принесло богатые плоды. По окончаніи церемоніи закладки исполненъ былъ хоръ Крейдера, вслѣдъ за тѣмъ старшина городскихъ депутатовъ, г. Кохганъ, произнесъ заключительную рѣчь, въ которой разъяснилъ смыслъ и значеніе принятаго способа увѣковѣчить Гумбольдтову память разведеніемъ парка съ памятникомъ среди его. Онъ сравнилъ этотъ планъ съ обычаемъ древнихъ Грековъ ставить статуи своихъ боговъ среди тѣнистыхъ садовъ, съ обычаемъ древнихъ Германцевъ посвящать красивѣйшія деревья богамъ, въ убѣжденіи что боги ихъ часто посѣщаютъ. Новый хоръ заключилъ собой празднество юбилея. Вечеромъ въ тотъ же день Общество Естествоиспытателей имѣло чрезвычайное засѣданіе. Вечеръ заключился роскошнымъ ужиномъ, за которымъ было произнесено нѣсколько новыхъ рѣчей, посвященныхъ памяти Гумбольдта.

Берлинская Академія наукъ въ свою очередь почтила знаменитаго ученаго, въ теченіе болѣе полустолѣтія (съ 1800) бывшаго ея членомъ, торжественнымъ воспоминаніемъ. Но такъ какъ Академія не собирается въ сентябрѣ, то было рѣшено соединить воспоминаніе о Гумбольдтѣ съ Лейбницевымъ днемъ (годишный праздникъ Академіи, 1-го іюля). Въ этотъ день извѣстный берлинскій профессоръ физико-метеорологіи Дове произнесъ замѣчательную рѣчь, въ которой обозрѣлъ ученые труды Гумбольдта. Приводимъ эту рѣчь съ небольшими сокращеніями.

„Гумбольдта часто называли гражданиномъ двухъ міровъ и великимъ Александромъ двухъ столѣтій. Если для того чтобъ опредѣлить члѣмъ былъ человѣкъ считается необходимымъ узнать какимъ путемъ онъ шелъ, то для этого у меня недостаетъ нужныхъ средствъ. Мои личные воспоминанія не восходятъ къ юношескимъ годамъ Гумбольдта. Я еще не родился, когда въ Новомъ Свѣтѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, знамя естествознанія, ярко озаренное лучами тропическаго солнца, радостно и горделиво развѣвалось въ рукѣ Гумбольдта....

„Если я ничего не могу сообщить о дѣтствѣ Гумбольдта, то его сочиненія знакомятъ насъ съ состояніемъ его духа въ возмужалые годы. Да будетъ мнѣ дозволено указать здѣсь на

одно мѣсто въ его *Ansichten der Natur*, посвященныхъ имъ въ 1807 году брату его Вильгельму,—на неподражаемое описаніе степей и пустынь, оканчивающееся слѣдующими словами: „Если въ степи тигры и крокодилы преслѣдуютъ лошадей и рогатый скотъ, то на лѣсистыхъ берегахъ пустынной Гвианы мы видимъ вѣчную борьбу человѣка противъ чело-
„ловѣка. Съ противоестественною жадностью цѣлыя племена
„упиваются кровью враговъ; другія, повидимому безоружныя,
„но готовы къ убійству, душатъ врага, омочивъ сперва ядомъ
„ноготъ большаго пальца. Болѣе слабыя орды, вступивъ на
„песчаный берегъ, тщательно сглаживаютъ руками отпеча-
„токъ своихъ робкихъ шаговъ.

„Такъ борется человѣкъ, стоящій на низшей ступени жи-
„вотной грубости; онъ борется и среди кажущагося блеска
„своего высшаго образованія. И путешественникъ, странству-
„ющій въ далекихъ земляхъ, за широкими морями, и исто-
„рикъ, проникающій мысленно въ минувшіе вѣка, всюду встрѣ-
„чаютъ на пути однообразную, безотрадную картину люд-
„скихъ раздоровъ.

„Поэтому человѣкъ ищущій среди борьбы народовъ ду-
„шевнаго покоя охотно обращаетъ взоры на тихій мѣръ рас-
„тительнаго царства и на внутреннюю жизнь таинственныхъ
„силъ природы, или же, вѣрный влеченію свойственному че-
„ловѣчеству съ раннихъ вѣковъ, устремляетъ исполненный
„предчувствій взоръ на небесныя свѣтила, которыя въ вѣч-
„ной гармоніи совершаютъ предначертанный имъ путь.“

„Лишь двадцать лѣтъ спустя узналъ я Гумбольдта, въ эпо-
ху всего болѣе соотвѣтствовавшую его душевному настро-
енію, посвященному всецѣло служенію наукъ; это было со-
рокъ лѣтъ тому назадъ, во время стѣзда естествоиспытате-
лей въ Берлинѣ. Продолжительный миръ далъ всѣмъ то ду-
шевное спокойствіе, которое необходимо для успѣховъ науки.
Всѣ радовались вниманію которымъ пользовались нѣмецкіе
поэты за границей; въ виду безграничнаго самовластія духо-
венства во Франціи, всѣ наслаждались благами религіозной
терпимости, не нарушаемой вмѣшательствомъ фанатиковъ.
Промышленность развивалась съ самоувѣренностью, кото-
рая какъ будто говорила: только не стѣсняйте меня, я са-
ма себя помогу. Лучъ просвѣщенія коснулся всѣхъ сословій....
Сознаніе что всѣ говорящіе однимъ языкомъ составляютъ

нераздѣльную націю пустило глубокіе корни и получило живое выраженіе на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей. Въ Берлинѣ они были встрѣчены всѣми сословіями съ привѣтливостію переходившею въ энтузіазмъ. Въ залѣ Пѣвческой Академіи впервые раздалась одновременно всѣ нѣмецкіе діалекты со всею ихъ оригинальностію; всѣ толпились вокругъ Окена, который общемою связью соединилъ всю Германію, не воздвигнувъ никакихъ стѣнителейныхъ преградъ и гостеприимно открывъ дверь даже иностранцамъ. И эти послѣдніе отозвались на призывъ: Скандинавы, помня старинное племенное родство съ нами и не отчужденные еще тогда отъ насъ слѣпою ненавистью, прислали лучшихъ своихъ бойцовъ: представителемъ Шведовъ былъ Берцелиусъ, Датчанъ Эрстедъ. Такимъ громкимъ именамъ необходимо былъ достойный противовѣсъ. Президентомъ былъ избранъ Гумбольдтъ, который во вступительной рѣчи заявилъ что не считаетъ оказанную ему честь наградой за его научныя заслуги, но видитъ въ этомъ вниманіи доказательство что, несмотря на его долготѣнее отсутствіе, труды его для общей цѣли, хотя и въ далекихъ странахъ, сохранили его имя въ памяти присутствующихъ. Мы же, конечно, видимъ въ оказанной ему тогда чести лишь справедливое признаніе его высокаго значенія. Дѣйствительно, могло считаться честью быть президентомъ такого собранія: представителемъ геогнозіи былъ на немъ Леопольдъ фонъ-Бухъ, взоръ котораго проникалъ во внутренность земнаго шара, какъ будто для него онъ являлся прозрачнымъ, и если не доставало Бесселя, то мѣсто его занималъ Гауссъ, на челѣ котораго можно было прочесть гордую рѣчь Парацельза: „Англичане, Французы, Италіяны, слѣдуйте вы за мною, а не я за вами!“ Въ то же время Гумбольдтъ, который любилъ съ признательностію указывать на научныя заслуги прошлаго, обратилъ вниманіе почетныхъ представителей настоящей эпохи на достославное прошедшее нѣмецкаго естествознанія, велѣвъ для этой цѣли поставить въ залѣ театра, гдѣ все общество собралось для роскошнаго пира, доску съ именами умершихъ нѣмецкихъ естествоиспытателей...

„Гумбольдтъ былъ тогда въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ; къ нему непримѣнимы были слова сказанныя Теннисономъ о Вашингтонѣ, о чьей смерти Гумбольдтъ узналъ находясь въ лѣсныхъ лѣсахъ Южной Америкы: „Oh! good grey head,

„which all men know!“ Многие изъ присутствующихъ помнятъ его, вѣроятно, такимъ какимъ описалъ его Баярдъ Тейлоръ въ 1856 году, когда его массивное чело, отягченное знаніемъ собраннымъ въ теченіе почти цѣлаго вѣка, наклонилось впередъ и покоилось на груди, какъ вполне созрѣлый колосъ. „Но если взглянуть пристальнѣе, продолжаетъ Тейлоръ, то видны были ясные голубые глаза съ выраженіемъ младенческаго спокойствія и веселія. Эти глаза выражали ту любовь къ истинѣ, ту неуывающую молодость сердца, которая давала ему возможность такъ легко сносить тягость восьмидесятисемилѣтняго возраста. Его умъ можно сравнить съ Воклюзскимъ источникомъ, похожимъ на глубокое, спокойное озеро, безъ всякаго волненія на поверхности, но дающимъ начало широкой рѣкѣ.“—„Вы много путешествовали,“ сказалъ Гумбольдтъ своему посѣтителю, „и видѣли много развалинъ; предъ вами находится еще одна.“—„Я вижу не развалину, сказалъ Тейлоръ, а пирамиду.“

„За два года до нашего знакомства Гумбольдтъ воротился въ Берлинъ послѣ восемнадцатилѣтняго пребыванія въ Парижѣ, единственною мѣстѣ гдѣ онъ могъ найти научныя пособія необходимыя для изданія его американскаго путешествія; я полагаю что онъ вернулся въ увѣренности что появленіе *Космоса* возможно лишь въ мыслящей средѣ Германіи. Могъ ли онъ вернуться ранѣе въ ту страну гдѣ, по его словамъ, ослѣпляющая гордость добытымъ знаніемъ, странный, причудливо-символическій языкъ науки, схематизмъ, подобнаго которому не вѣдало и средневѣковое человечество, увлекали ученыхъ въ веселья и быстропреходящія сатурналіи строго-идеалистическаго естествознанія и заставляли съ соболѣзнованіемъ взирать на „бѣдность умозрѣнія“ Гумбольдта, и сожалѣть что во время его попытокъ обобщать физическіе законы *идея* ускользала отъ его вниманія. Время его возвращенія было удачно выбрано, такъ какъ объ эту пору молодая Германія, какъ бы пробуждаясь отъ тяжелого сна, сбрасывала съ себя сковывавшія ее путы, и созерцаніе успѣховъ химіи, теоріи электричества, оптики, магнетизма и теплоты невольно побуждало наблюдателя повторить слова сказанныя Ламе по поводу другой духовной борьбы: „Nous laisserons le parti réduit au silence chercher une excuse de sa défaite dans le rare bonheur de ses adversaires.“

„Въ Парижѣ Гумбольдтъ вполне сроднился съ умственною

жизнью мировой столицы, но въ душѣ остался Нѣмцемъ. Хотя онъ былъ доступенъ для всѣхъ, но тѣмъ не менѣе пріѣхавшій въ Парижъ Нѣмецъ предпочтительно могъ рассчитывать на его радушное содѣйствіе. Тутъ не требовалось никакой рекомендаціи; если было возможно, Гумбольдтъ самъ отыскивалъ пріѣзжаго. Одного примѣра достаточно: я замѣсткую его изъ предисловія къ первому изданію *Органической химіи* Либиха, посвященнаго Гумбольдту.

„Въ концѣ засѣданія 22-го мая 1824 г., въ которомъ я представилъ Парижской Академіи первую свою работу по химіи, говоритъ Либихъ, я занялся уже укладкой своихъ аппаратовъ, какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ членовъ Академіи и вступилъ со мной въ разговоръ. Съ необыкновенною пріятливостію осведомился онъ о моихъ работахъ, планахъ и занятіяхъ; мы разстались, и я, по неопытности и робости, не смѣлъ спросить кто оказалъ мнѣ такое участіе.

„Этотъ разговоръ былъ краеугольнымъ камнемъ моей будущности, съ той поры я пріобрѣлъ могущественнаго и расположеннаго ко мнѣ благодѣтеля и друга.

„Я не зналъ что вы за нѣсколько дней предъ тѣмъ пріѣхали изъ Италіи, никто не былъ предупреденъ о вашемъ прибытіи. Ни съ кѣмъ незнакомый, безъ рекомендательныхъ писемъ, въ городѣ гдѣ скопленіе столькохъ людей со всѣхъ концовъ земнаго шара составляетъ величайшее препятствіе къ личному сближенію съ мѣстными даровитыми и извѣстными учеными, я, подобно многимъ другимъ, затерялся бы въ толпѣ и могъ бы окончательно погибнуть; теперь эта опасность миновала.

„Съ этого дня предо мной открылись двери всѣхъ ученыхъ учреждений и лабораторій; вашему искреннему участію я обязанъ привязанностію и дружбой моихъ незабвенныхъ учителей Ге-Люссака, Дюлона, Тенара. Ваше довѣріе открыло мнѣ путь къ поприщу на которомъ я добросовѣстно тружусь уже шестнадцать лѣтъ.

„Сколькохъ я знаю еще которые обязаны достиженіемъ своихъ научныхъ цѣлей вашему покровительству и расположенію. Химикъ, ботаникъ, оріенталистъ, путешественникъ по Персіи или Индіи, всѣ безъ исключенія пользовались одинаковыми правами и покровительствомъ. Для васъ не существовало разницы народностей или странъ. Чѣмъ наука обязана вамъ въ этомъ отношеніи, того не знаетъ свѣтъ, это напечатлѣно въ нашихъ сердцахъ.“

„Но для самого Гумбольдта случайныя встрѣчи нерѣдко превращались въ прочную связь. „Какимъ образомъ познакомились вы съ Бонпланомъ?“ спросилъ я его однажды.

„Наипростѣйшимъ образомъ,“ отвѣтилъ онъ. — „Вы знаете, что уходя изъ дому, обыкновенно обмѣниваешься нѣсколькими шутивными словами съ женой превратника, отдавая ей ключъ. При этомъ я часто встрѣчалъ молодаго человѣка съ гербаріемъ въ рукахъ. Это былъ Бонпланъ. Такъ началось наше знакомство...“

„Обыкновенно, когда рѣчь заходитъ о Гумбольдтѣ, всѣ превозносятъ его многостороннія знанія. Всякому извѣстенъ отзывъ о немъ Лапласа. „C'est toute une Academie!“ Но еслибъ въ этомъ одномъ заключалось его значеніе, то оправдались бы, къ счастью несбывшіяся, слова его обращенныя ко мнѣ въ минуту грустнаго настроенія: „Я знаю что оставляю за собою лишь слабый слѣдъ на поприщѣ науки.“ Свѣтъ мало заботится о томъ чтѣ мы знаемъ, онъ смотритъ лишь на результаты. Въ молодости мы хотимъ учиться всему; значеніе человѣка въ наукѣ начинается обыкновенно только съ той эпохи, когда мы рѣшаемся быть односторонними и стремимся предаться всецѣло одному предмету, не разбрасываясь по мелочамъ. Чѣмъ оправдываетъ Гумбольдтъ свою роль полигистора?—слово, которое въ прошедшемъ столѣтіи считалось похвалою, а нынѣ служить укоромъ, такъ какъ имъ обусловливается раздробленіе силъ. Оправданіе онъ видитъ въ томъ что поставилъ себѣ жизненною задачею открыть новый міръ на землѣ. Онъ хотѣлъ,—и это былъ смѣлый замыселъ, задуманный на томъ мѣстѣ гдѣ родился Палласъ и гдѣ нынѣ находится его скромная могила,—пойти по стопамъ этого ученаго и даже, по возможности, превзойти его. Это ему вполне удалось.

„Есть научныя системы представляющія мало точекъ соприкосновенія съ остальными, говорящія языкомъ понятнымъ лишь немногимъ и недоступнымъ большинству. Напротивъ, есть другія системы, соприкасающіяся съ самыми разнообразными отраслями человѣческаго знанія. Сюда принадлежитъ географія, такъ какъ каждое явленіе на землѣ имѣетъ естественную и историческую сторону, а потому археологія и естествознаніе выступаютъ здѣсь въ полной силѣ. Проникнутый этимъ убѣжденіемъ, Гумбольдтъ вступилъ на почву Новаго Свѣта въ качествѣ физика, астронома, гидрографа, ботаника, геогнома, филолога и историка. И въ самомъ дѣлѣ, кто, слѣдя за распространеніемъ культурныхъ растений, могъ бы оставить безъ вниманія

историческій элементъ, или же, изучая народы, забыть переселенія которыя нерѣдко приводили сыновъ дальняго сѣвера на югъ и вытѣсняли слабѣйшее племя изъ счастливаго климата въ менѣе плодородныя страны? Лишь филологически-образованному путешественнику возможно, при сравнительномъ изученіи языковъ, угадать изъ немногихъ сохранившихся звуковъ первобытную родину племени, въ которомъ не сохранилось даже воспоминанія о прежней отчизнѣ, или разобрать надписи древнихъ памятниковъ, безмолвныхъ свидѣтелей минувшаго величія. Кто бы осмѣлился начертить выпуклости какого-либо материка безъ барометра для измѣренія высоты горъ, безъ магнитной стрѣлки, служащей указателемъ не только на морѣ, когда не свѣтится ни единой звѣзды, но и во мракѣ лѣсномъ, безъ секстанта, чтобы найти надежную точку опоры для опредѣленія мѣстности? Но какъ поверхностны будутъ результаты добытые даже такимъ путемъ, если изслѣдователю чужда геологія, которая учитъ чрезъ сколько видоизмѣненій прошла наша земля прежде чѣмъ она сдѣлалась пригодною для обитанія, сколько животныхъ странныхъ формъ и громаднаго роста предшествовало тѣмъ красивымъ существамъ которыя съ легкостью движутся нынѣ по землѣ или наполняютъ собой воздухъ; если онъ не знаетъ что связь погибшихъ видовъ съ нынѣ существующими придаетъ единство органическому міру! Какой путешественникъ согласится лишиться того наслажденія которое испытываетъ ботаникъ, когда онъ, пораженный красотою растеній, роскошью ихъ красокъ, величіемъ природы, оцупываетъ цвѣты чтобы убѣдиться что все это не сонъ, а дѣйствительность? Кто отказался бы отъ радости наполняющей душу зоолога, когда онъ, проникнувъ въ дѣвственный лѣсъ, такъ тѣсно сживается съ нимъ что голоса природы, то манящіе, то угрожающіе, тоскливые или радостные, кажутся ему мелодичнѣе всѣхъ умныхъ рѣчей людскихъ, когда онъ начинаетъ понимать почему дикій сынъ пустыни счастливъ лишь тогда, когда, сбросивъ съ себя оковы европейской цивилизаціи, онъ пробирается между исполинскими деревьями и вьющеюся зеленью, преслѣдуя робкую дичь, какъ онъ дѣлалъ это прежде чѣмъ пришли бѣлокожіе, и почему сырая земля, на которую онъ ложится вечеромъ, освѣщенный зеленѣющимъ шатромъ, кажется ему болѣе роскошнымъ ложемъ чѣмъ

самая мягкая подушка которую мы могли бы ему предложить? „Усталымъ душамъ посвящаются предпочтительно эти страны,“ сказалъ однажды Гумбольдтъ. „Кто удалился отъ житейской борьбы, тотъ охотно послѣдуетъ за мной въ лѣсную чащу, въ необозримую пустыню и на высокій хребетъ Андовъ.“

„Но такія картины могутъ быть описаны лишь тѣмъ кому было дано посѣтить тропическій мѣръ. Что касается меня, то видѣ луны напоминалъ мнѣ всегда лишь начертаніе буквъ С или D, я никогда не видалъ ея въ тѣ минуты, когда она, какъ молящійся мусульманинъ, въ тиши ночной простираетъ руки къ небу. Пальмы, которыя я видѣлъ, никогда не казались мнѣ, какъ описываетъ ихъ Гумбольдтъ, лѣсомъ нагроможденнымъ надъ лѣсомъ; тайны дѣвственныхъ лѣсовъ также незнакомы мнѣ какъ и ужасы пустыни, гдѣ земля кажется огненною, а вѣтеръ уподобляется пламени. Я никогда не видалъ океана въ томъ мѣстѣ которое еще во времена Уллоа испанскіе матросы называли дамскимъ моремъ, такъ какъ, благодаря постоянному вѣтру, плаваніе по немъ было такъ легко что дѣвушка могла бы управлять рулемъ. До моего слуха никогда не долеталъ ни глухой гулъ вулкановъ, которые, какъ бы утомясь продолжительнымъ молчаніемъ, стремятся заявить наконецъ о своемъ существованіи, ни громовая побѣдная пѣснь освобожденныхъ узниковъ, когда упругіе пары прорываютъ сковывающую ихъ оболочку съ шумомъ слышимымъ отъ Барбадоса до Рио-Апуре, на разстояніи равномъ разстоянію Парижа отъ Везувія. Поэтому, для примѣра, да будетъ мнѣ позволено передать собственными словами Гумбольдта его описаніе тропиковъ.

„Отъ острова Дель-Діаманте по теченію Ориноко природа принимаетъ грандіозный и дикій характеръ. Воздухъ наполненъ безчисленными фламинго и другими водяными птицами, которыя отдѣляются отъ голубаго небосклона темною, постоянно мѣняющеюся въ своихъ очертаніяхъ тучей. Рѣчное ложе сузилось до 900 футовъ и образовало совершенно прямой каналъ, окаймленный густымъ лѣсомъ. Опущка лѣса представляла странное зрѣлище. Впереди отъ непроницаемой Почти стѣны гигантскихъ стволовъ по песчаному берегу тянулась какъ бы живая изгородь изъ ятрышниковыхъ, вышиною въ четыре фута. Казалось что видишь предъ собой подстриженную садовую изгородь, прерванную мѣстами широкими отверстіями на подобіе воротъ. Эти отверстія

проложены, безъ сомнѣнія, большими четвероногими для удобнаго подхода къ рѣкѣ; въ нихъ можно видѣть раннимъ утромъ и при захожденіи солнца американскаго тигра и тапира, ведущихъ дѣтенышей на водопой. Если ихъ потревожить плывущій мимо Индеецъ, то они не проламываютъ насильственно изгороди; можно имѣть удовольствие видѣть этихъ дикихъ животныхъ спокойно идущихъ между изгородью и рѣкой на пространствѣ отъ 400—500 шаговъ до слѣдующаго отверстія. Заключенные въ тѣсную лодку во время нашего семидесятичетырехдневнаго, почти непрерывнаго плаванія по Ореноко, Касекіаре и Ріо Negro, на протяженіи 380 географическихъ миль, мы во многихъ мѣстахъ и всегда съ одинакимъ удовольствіемъ видѣли описанное зрѣлище. Группы животныхъ всѣхъ породъ, большія млекопитающія наряду съ многоцвѣтными цаплями и гордо выступающими гокко приходили къ рѣкѣ пить, купаться и ловить рыбу. „Здѣсь мы какъ будто въ раю“, es como en el Paraíso, набожно сказалъ нашъ лоцманъ, старый Индеецъ, воспитанный въ домѣ священника.

„Мы провели ночь, какъ обыкновенно, подъ открытымъ небомъ, на песчаной равнинѣ Апуре. Къ ней примыкалъ непроходимый лѣсъ. Лунная ночь была тепловато-сыра. Много крокодиловъ вышли на берегъ, привлеченные свѣтомъ огня. Всюду царствовала глубокая тишина, прерываемая только мѣрнымъ храпѣніемъ прѣсноводныхъ дельфиновъ. Но послѣ одиннадцати часовъ въ лѣсу поднялся такой шумъ что на всю остальную часть ночи нужно было отказаться отъ надежды на сонъ. Вой звѣрей наполнилъ чащу. Между всѣми голосами, раздававшимися одновременно, Индійцы могли различить лишь тѣ которые, послѣ краткаго промежутка, слышались отдѣльно, напримѣръ однообразный жалобный вой ревуна, визгливо-тонкій голосокъ маленькаго сапажу, рычанье полосатой ночной обезьяны, ревъ большаго тигра, безгриваго американскаго льва, тиххода, и крикъ цѣлой стаи попугаевъ и другихъ птицъ изъ породы фазановъ. Если спросить Индійцевъ почему въ извѣстныхъ ночи раздается такой неумолкаемый шумъ, они съ улыбкой отвѣтятъ: „Звѣри радуются свѣтлой ночи, они празднуютъ полнолуніе“. Но голоса раздавались еще сильнѣе при проливномъ дождѣ, или когда, при сильномъ ударѣ грома, молнія озаряла внутренность лѣса. Добродушный Францисканецъ, провожавшій насъ чрезъ Апурскіе водопады до Бразильской границы, обыкновенно твердилъ, когда, при наступленіи ночи, онъ опасался грозы: „Дай Богъ намъ и лютымъ лѣснымъ звѣрямъ спокойной ночи“.

„Тишина господствующая въ полдень необыкновенно знойнаго дня представляетъ рѣзкій контрастъ съ только-что описанными сценами. Въ горной тѣснинѣ, надъ рѣкою Баррагуаномъ, термометръ, приближенный на разстояніе нѣсколькихъ дюймовъ къ возвышающейся въ видѣ башни гранитной

скалъ, поднялся на 40 слишкомъ градусовъ по Реомюру. Ни малѣйшій вѣтерокъ не тревожилъ песчаного берега. Солнце стояло въ зенитѣ, и лучи свѣта, озаряющіе рѣку и ярко отражающіеся при малѣйшемъ колебаніи волнъ, еще рѣзче отбѣняли поднимавшійся вдали красноватый туманъ. Всѣ скалы и обнаженныя глыбы камня были устланы массами большихъ чешуйчатыхъ игуановъ, ящерицъ и нестрыхъ саламандръ. Неподвижныя, съ поднятою къ верху головой и открытымъ ртомъ, онѣ, казалось, съ наслажденіемъ впитали въ себя горячій воздухъ. Большіе звѣри укрывались въ чащѣ лѣсовъ, птицы — въ тѣни древесной, или въ расщелинахъ скалъ; но если въ этой тиши прислушаться къ долетающимъ до насъ слабымъ звукамъ, то надъ самою землей, въ низшихъ слояхъ воздуха, ясно слышался глухой шорохъ, трескотня и жужжанье насѣкомыхъ. Все твердило о невидимомъ мірѣ дѣятельныхъ органическихъ силъ. Жизнь кипѣла въ каждомъ кустѣ, въ растрескавшейся корѣ древесной, въ рыхлой землѣ. Это одинъ изъ тысячи голосовъ природы, понятный набожной впечатлительной душѣ.“

„Этого довольно. „Много писано было о дѣвственныхъ лѣсахъ“, говоритъ Гумбольдтъ, „но только *Marciусъ*, *Пеннигъ* „и я видѣли настоящій *forêt vierge*“. Кто производилъ столько измѣреній, какъ Гумбольдтъ, и съ кѣмъ, несмотря на то, природа говорила такимъ поэтическимъ языкомъ, тотъ опровергаетъ упрекъ сдѣланный Ламартиномъ естествоиспытателямъ :

Ils posèrent sur la nature,
La main qui la mesure,
Et la nature se glaca.

„Результатомъ его путешествія была коллекція неогнѣннаго матеріала, не только собраннаго имъ и сложенаго въ музеяхъ, но и разработанаго или имъ самимъ, или при содѣйствіи извѣстныхъ специалистовъ. Доказательство тому видимъ въ его путешествіи къ экватору въ Новомъ Свѣтѣ, описаніе коего вышло въ 17 томахъ *in folio* и 11 *in 4°* съ 1425 снимками и на изданіе котораго имъ истрчено изъ собственныхъ денегъ до 60 тысячъ талеровъ. Къ сожалѣнію, лишь одинъ отрывокъ изъ этого путешествія былъ переработанъ для большинства публики, Германомъ Гауффомъ. Произведенныя имъ на мѣстѣ и строго провѣренныя Ольтманомъ опредѣленія мѣстностей, въ связи съ барометрическою нивелировкой, выяснили рельефъ *Новаго Свѣта*, точно также какъ изслѣдованія изложенныя въ *Центральной Азии*, и

изученіе китайскихъ источниковъ рѣшили тотъ же вопросъ для Стараго Свѣта, о чемъ до Гумбольдтова путешествія на Алтай существовали лишь самыя смутныя понятія. Онъ впервые начертилъ ясную картину рѣчной сѣти Ореноко и Амазонской рѣки, которая чрезъ Касекіаре и Рио-Негро соединены между собой; онъ первый, спускаясь съ вершины Андозъ къ Тихому Океану, открылъ, названное его именемъ, омывающее западный берегъ Америки холодное теченіе, имѣющее 5.480 футовъ глубины, une section considérable des mers polaires marchant majestueusement du sud au nord, какъ говорить Дю - Пти Туаръ. Онъ не издалъ подробнаго описанія своихъ обширныхъ гидрографическихъ трудовъ. На мой вопросъ когда они будутъ изданы, онъ уклончиво отвѣтилъ: „Я далъ свою рукопись для пользованія, а вмѣсто того она „почти буквально была напечатана.“ Подобная причина, вѣроятно, побудила Гумбольдта издать въ 1853 году свои *Kleine Schriften*. Въ предисловіи сказано что этимъ авторъ хотѣлъ предупредить появленіе плохихъ компиляцій.

„Его *Essai géognostique sur les gisements des roches dans les deux hémisphères* имѣлъ значительное вліяніе на возникшія въ новѣйшей геогнозіи мнѣнія о формации горъ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ первый приписалъ поднятіе вулканическихъ плоскихъ возвышенностей (plateaux) вліянію перекрещивающихся вулканическихъ цѣпей. Восхожденія его на Пичинчу и Чимборазо составляютъ предметъ всѣмъ извѣстныхъ монографій. Точнымъ измѣреніемъ снѣговой линіи Кордильерозъ онъ первый опредѣлилъ вершину этого свода замыкающаго растительное царство на высотѣ; онъ первый указалъ паденіе этой линіи на южномъ склонѣ Гималая. Въ области ботаники введеніе числовой оцѣнки слабло его настоящимъ основателемъ ботанической географіи, потому что послѣ слабой попытки Артура Йонга опредѣлить для Франціи границы культуры маиса, оливковыхъ деревьевъ и винограда, онъ первый собралъ всѣ отдѣльныя флоры въ полную картину поверхности земнаго шара. Онъ не принадлежитъ, говоря словами Линка, къ строгимъ классификаторамъ, систематику онъ съ полнымъ довѣріемъ предоставилъ бы своему пріятелю Кумту; но взаимъ того онъ, въ своемъ сочиненіи *Ideen zu einer Physiognomik der Gewächse*, доказалъ что всякому поясу присущи своеобразная красота, что тропикамъ свойственно равнообразіе и величіе растений, что на сѣверѣ насъ поражаетъ видъ луговъ и

несказанная прелесть природы, пробуждающейся какъ отъ тяжелаго сна при первомъ появленіи весны и призывающей и насъ къ новой жизни. Въ своемъ сочиненіи: *De distributione geographica plantarum secundum coeli temperiem et altitudinem montium*, онъ указываетъ причины того что извѣстнымъ мѣстамъ земной поверхности свойственны извѣстныя растенія, которымъ природа какъ будто говоритъ: „Распространяйтесь до сего мѣста, но не дальше.“ Точно также въ области политической экономіи его *Essai politique sur le royaume de la Nouvelle Espagne et sur l'Isle de Cuba* считается трудомъ, проложившимъ новые пути науки, тогда какъ его *Vues des Cordillères et des monuments des peuples indigènes de l'Amérique* открыли археологамъ обширную область невѣданныхъ сокровищъ, которая даже и теперь, послѣ многихъ изслѣдованій новѣйшихъ путешественниковъ представляетъ много нетронутаго матеріала.

„Странствованія воспрепятствовали Гумбольдту неуклонно слѣдовать принятому имъ чисто экспериментальному направленію, котораго онъ съ положительнымъ успѣхомъ держался въ опытахъ надъ раздраженными мускульными и нервными волокнами; но этой-то экспериментальной основѣ его наблюденія обязаны отличающею ихъ точностью, которая высказалась блестящимъ образомъ въ его изслѣдованіяхъ напряженія земнаго магнетизма,—область, въ которой въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія основаніемъ служила единица Гумбольдта, замѣненная потомъ абсолютными опредѣленіями Гаусса. Въ 1806 году Гумбольдтъ предпринялъ продолжительныя наблюденія надъ суточными колебаніями магнитной стрѣлки, наблюденія, возобновленные въ 1828 году при пособіи особо сооруженнаго магнитнаго домика, устроеннаго, безъ употребленія желѣза, въ саду принадлежавшемъ тогда Менделесову, а нынѣ памятъ господъ. Въ опредѣленные дни, въ продолженіе 44 часовъ сряду, производились одновременно наблюденія въ Берлинѣ, Петербургѣ, Казани, Николаевѣ и въ одной изъ Фрейбергскихъ шахтъ, на глубинѣ 35 сажень. Результаты этихъ наблюденій, въ которыхъ принимали участіе всѣ молодые физики Берлина, были изданы мною, съ предисловіемъ Гумбольдта, въ *Анналахъ* Поггендорфа, а одновременность возмущеній и параллельность движеній, въ октябрѣ и декабрѣ 1829 года были графически отмѣчены. Эта система наблюденій, названная, въ отличіе отъ позднѣйшей

геттингенской системы именовъ Гумбольдтовой, была скромнымъ началомъ той обширной сѣти которая, вызванная на свѣтъ рѣчью произнесенною Гумбольдтомъ въ Петербургской Академіи, проѣздомъ въ Сибирь, и письмомъ написаннымъ имъ герцогу Суссекскому, тогдашнему президенту Лондонскаго Королевскаго Общества, нынѣ покрыла землю магнитными станціями, отъ Земли Вандименовой, чрезъ Индустанъ до Канады и Ситхи, и отъ Пекина чрезъ Лиссабонъ, Св. Елену, Мысъ Доброй Надежды до Рио-Жанейро. Лишь къ прочнымъ узламъ этой сѣти могли примкнуть новѣйшія наблюденія путешественниковъ предпріятыя для провѣрки теоріи земнаго магнетизма и для пополненія пробѣловъ оставленныхъ наблюденіями Гумбольдта, Ганстена и Адольфа Эрмана; это послужило къ окончательному упраздненію двухъ важныхъ географическихъ вопросовъ: открытіе южной полярной земли, которую тщетно искалъ Кукъ и доказательству существованія сѣверо-западнаго проѣзда; послѣдній результатъ, правда, былъ купленъ цѣною жизни мучениковъ науки, отправившихся съ Франклиномъ для изслѣдованія распредѣленія магнетизма близъ сѣвернаго магнитнаго полюса.

„И въ другой отрасли науки наблюденія Гумбольдта сдѣлались краеугольнымъ камнемъ для изслѣдованій, которыя въ новѣйшія времена привели къ столь неожиданнымъ и блестящимъ результатамъ. Въ ночи съ 11-го на 12-е ноября 1799 года, въ Куманѣ, съ половины четвертаго часа утра въ продолженіи четырехъ часовъ, падали съ неба тысячи огненныхъ шаровъ и метеоровъ, въ направленіи съ сѣвера на югъ, оставляя за собою въ теченіи 7 или 8 секундъ свѣтящійся слѣдъ. Многія искрящіяся падающія звѣзды имѣли явственное ядро величиною съ дискъ Юпитера, тогда какъ самыя большіе огненные шары казались въ поперечникѣ вдвое болѣе солнца и лопались какъ бы отъ внутренняго взрыва, оставляя въ продолженіе 15 или 20 минутъ за собою широкій слѣдъ. Жители не оставались равнодушными къ этому явленію, такъ какъ за тридцать три года предъ тѣмъ подобный феноменъ предшествовалъ большому землетрясенію 1766 года. Гумбольдтъ узналъ что видѣнное имъ въ Куманѣ явленіе, представлявшее собою какъ бы блестящій фейерверкъ, давшійся отъ трехъ до шести часовъ, было наблюдаемо въ саваннахъ Варинаса, около водопадовъ Ореоко и вплоть до

экватора, на протяженіи 230 миль, и обнаружилось съ такою силой что миссіонеры отмѣтили этотъ день въ своемъ служебникѣ. На возвратномъ пути изъ Филадельфіи, Гумбольдтъ узналъ что въ тотъ же день, въ каналѣ Багама, астрономъ Элликотъ видѣлъ столько же метеоровъ сколько звѣздъ на небѣ, а въ то же время, сосланному въ Катенну, графу Марбуа небо на сѣверѣ казалось огненнымъ, такъ какъ безчисленное количество искрящихся метеоровъ всю ночь освѣщало его. Но каково было удивленіе Гумбольдта, когда, вернувшись въ Германію, онъ, находясь въ Геттингенской библіотекѣ, узналъ изъ отчетовъ миссіонеровъ что въ Лабрадорѣ и Гренландіи Эскимосы въ то же время были встревожены большимъ количествомъ огненныхъ шаровъ, изъ которыхъ многіе были величиною въ футъ! Удивленіе его возрасло еще болѣе, когда Риттеръ сообщилъ ему что пасторъ Цейзингъ, въ Изерштадтѣ, близъ Веймара, видѣлъ въ ту же ночь падающія звѣзды очень блѣднаго цвѣта, съ тянущимися за ними красноватыми полосами, длиною отъ четырехъ до шести футовъ. Такимъ образомъ метеоры были одинаково ясно видны на протяженіи 921.000 квадратныхъ морскихъ миль. Когда же, утромъ 13-го ноября 1833 года, явленіе, подобное феномену 12-го ноября 1799 года, повторилось на пространствѣ 100.000 квадратныхъ миль, между Ямайкой и Галифаксомъ, въ такихъ величественныхъ размѣрахъ, что во многихъ мѣстностяхъ назначены были общія моленія, такъ какъ народъ думалъ что насталъ уже день страшнаго суда, а одно индійское племя цѣлую ночь стрѣляло изъ длинныхъ ружей въ небо, для устрашенія злыхъ духовъ,—тогда получило полную достовѣрность мнѣніе что въ этихъ случаяхъ наука имѣетъ дѣло съ космическимъ, а не телурическимъ явленіемъ, такъ какъ видимые пути метеоровъ, будучи продолжены въ обратную сторону, указали существованіе пункта имѣющаго прочное положеніе относительно звѣздъ и слѣдовательно независимаго отъ обращенія земли. Вѣроятная періодичность этого явленія, объясненная предположеніемъ Ольберса что милліоны мелкихъ астероидовъ, обращающихся вокругъ солнца на общемъ пути, пересѣкаютъ земную орбиту, получила, благодаря изслѣдованію старыхъ хроникъ и китайскихъ источниковъ, такое несомнѣнное подтвержденіе, что Ньютонъ въ Кембриджѣ, близъ Бостона, могъ достовѣрно предугадать повтореніе феномена въ

1866 году, и дѣйствительно, ожидаемое явленіе своимъ величіемъ вполне оправдало возбужденныя надежды. Связь между туманными пятнами, кометами, падающими звѣздами, найденная Скиапарелли на основаніи ноябрьскаго феномена и августовскаго періода извѣстнаго подъ именемъ жгучихъ слезъ Св. Лаврентія, можетъ временно считаться послѣднимъ словомъ цѣлаго ряда изысканій, исходною точкой которыхъ было неутомимое стремленіе Гумбольдта соединить отдѣльныя наблюденія въ одно цѣлое. Помимо этого Гумбольдту принадлежитъ открытіе уменьшеннаго давленія воздуха близь экватора, что, при замѣченномъ Леопольдомъ фонъ-Бухомъ усиленномъ давленіи около сѣвернаго поворотнаго круга и найденной позднѣйшими путешественниками постепенности перехода отъ одной крайности къ другой, въ связи съ кругообращеніемъ земли, сводитъ пассаты къ простымъ физическимъ законамъ.

„Замѣчательнѣйшимъ изъ специальныхъ изслѣдованій Гумбольдта безспорно можно назвать его статью объ изотермическихъ линіяхъ и о распредѣленіи теплоты по поверхности земнаго шара. Она появилась въ 1817 году въ *Mémoires d'Arcueil*, журналѣ не существующемъ въ продажѣ, въ которомъ замѣчательнѣйшіе члены Парижской академіи наукъ печатали свои труды, собираясь для этой цѣли еженедѣльно на дачѣ Бертолле, въ Аркеллѣ, гдѣ они прочитывали другъ другу свои статьи. Отдѣльные оттиски трактата Гумбольдта такъ рѣдки что самъ авторъ не имѣлъ ни одного, и никакъ не могъ понять какимъ образомъ я досталъ находящійся у меня экземпляръ. Приложенная къ нему изотермическая карта замѣчательна образцовою незатѣйливостью. Въ чемъ же заключается значеніе этой статьи, напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ не ранѣе 1853 года, въ его *Kleine Schriften*?

„Пока кругозоръ народовъ не простирался далѣе странъ прилежащихъ къ Средиземному морю, климатическія различія не могли выступить рѣзко. Греки и Римляне, кажется, болѣе удивились холоднымъ зимамъ Чернаго моря нежели царствующему тамъ усиленному лѣтнему зною. Съ особенностями приморскаго климата они ознакомились лишь послѣ завоеванія Англіи, про которую Цезарь говоритъ что ея климатъ умѣреннѣе галльскаго. Только когда Европейцы поселились на Атлантическихъ берегахъ Америки, они, подъ одинаковою широтой съ только-что оставленною

родиною, нашли поразительно низкую температуру; напримеръ Гудсонъ, подъ одною широтой съ Римомъ, ежегодно замерзаетъ въ продолженіе 87 дней. Монреаль на берегу Св. Лаврентія, подъ одною широтой съ Миланомъ, имѣеть въ январѣ температуру монастыря на Сенъ-Бернарѣ. Эти явленія доставили Америкѣ репутацію такой стужи что Галлей думалъ не обращалась ли нѣкогда земля вокругъ оси идущей отъ Сѣверной Америки къ мысу Доброй Надежды. Въ 1794 году Георгъ Форстеръ впервые возсталъ противъ мнѣнія что Америка всюду соответственно холоднѣе Европы, опираясь на явленія изъ ботанической географіи; онъ доказалъ что западный берегъ Америки гораздо теплѣе восточнаго, и что если сравнить Пекинъ съ Толедо, то ту же разницу можно замѣтить и между восточнымъ и западнымъ берегомъ стараго міра. И дѣйствительно, въ саду миссіонеровъ въ Лабрадорѣ часто въ мѣѣ лежитъ снѣгъ вышиною въ 20 футовъ, между тѣмъ какъ на западномъ берегу, подъ тою же широтой, въ уступленной нынѣ Соединеннымъ Штатамъ Русской Америки, предводители Индійцевъ въ Ситхѣ носятъ изображеніе Русскаго царя, въ видѣ ордена, на голомъ тѣлѣ.

„Заслуга Гумбольдта заключается какъ разъ въ томъ что онъ приведенные выше контрасты перенесъ изъ области случайныхъ явленій въ разрядъ характеристическихъ особенностей береговыхъ странъ. Онъ указалъ способъ определять среднюю температуру какой-либо мѣстности чрезъ исключенія періодическихъ колебаній; изъ собственныхъ наблюденій вывелъ среднюю температуру экваторіальныхъ странъ и пониженіе ея по направленію къ сѣверу, и доказалъ что пониженіе это происходитъ несравненно медленнѣе на западномъ берегу Стараго чѣмъ на томъ же берегу Новаго Свѣта. Къ изученію распредѣленія теплоты на поверхности земнаго шара онъ примѣнилъ способъ, который былъ употребленъ Галлеемъ при изслѣдованіи земнаго магнетизма, то-есть соединилъ посредствомъ линій, названныхъ имъ изотермами, тѣ мѣста которыя имѣють одинаковую температуру, и показалъ что вогнутая сторона этихъ линій направлена къ восточнымъ берегамъ материковъ, выпуклая же къ западнымъ. Соединяя фактъ уменьшенія теплоты по мѣрѣ возвышенія мѣста, съ пониженіемъ температуры при большей географической широтѣ, онъ набросилъ пересѣченіе изотермическихъ поверхностей горами въ меридіанальномъ сѣченіи атмосферы.

Въ заключеніе онъ доказалъ что, если подобныя же изслѣдованія будутъ приложены къ изученію лѣтней теплоты и зимняго холода и проведемъ будетъ рядъ изотеръ и изохимень, то легко будетъ услѣдить всѣ особенности морскаго и континентальнаго климата. Онъ не провелъ самъ этихъ линій, хоть это утверждаютъ тѣ которые часто повторяютъ имя Гумбольдта никогда не читавъ его произведеній и черпаютъ свои свѣдѣнія изъ учебниковъ, рабски списывающихъ другъ у друга. Забывавъ ученіе о солнечномъ климатѣ, то есть такомъ который имѣла бы земля, еслибы дно воздушнаго океана было всюду одинаково, ученіемъ о климатѣ реальномъ, онъ сдѣлался основателемъ эмпирической метеорологіи. Особенное значеніе какое Гумбольдтъ придавалъ среднимъ выводамъ объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ что онъ наблюдалъ именно ту тропическую полосу, гдѣ въ явленіяхъ природы какъ бы сами собою отмѣчаются среднія данныя и гдѣ, повтому, онъ никогда не былъ свидѣтелемъ возмущеній возбуждаемыхъ въ тропической атмосферѣ стремительнымъ *Westindia hurricane*. Леопольдъ фонъ-Бухъ своими замѣчаніями о климатѣ Канарскихъ острововъ соединилъ область вполне правильныхъ явленій съ тою гдѣ неизмѣнность законовъ какъ будто уступаетъ мѣсто полнѣйшей случайности. Задача нынѣшней метеорологіи состоитъ въ слѣдующемъ: воздвигнуть на данной Гумбольдтомъ климатологической основѣ зданіе, громадныя размѣры котораго указывали бы на вѣрность фундамента, и гдѣ малѣйшія частности соответствовали бы плану начертанному рукою мастера.

„При производствѣ вышеупомянутыхъ изысканій, Гумбольдтъ возымѣлъ мысль составить физическое описаніе вселенной. Первый томъ *Космоса* появился въ свѣтъ въ 1845 году, при разработкѣ послѣдняго умеръ Гумбольдтъ. Книга эта переведена на семь языковъ; лучшимъ переводомъ можетъ считаться англійскій, сдѣланный многостороннѣйшимъ изъ ученыхъ, которыхъ я узналъ въ Англии, за исключеніемъ развѣ Гершеля, именно женою генерала Сабина. Содержаніе группировано весьма оригинально. Первый томъ содержитъ изложеніе всего того что мы знаемъ о состояніи вселенной, во второмъ изложено ходъ развитія человѣческой мысли, которая, начиная съ самыхъ слабыхъ попытокъ, пришла наконецъ къ добытымъ нынѣ свѣдѣніямъ. Но для того чтобы

выставить на видъ полное значеніе изслѣдованій, вникающихъ въ малѣйшія частности предмета, Гумбольдтъ дополнилъ двѣ первыя части третьею и четвертою, изъ которыхъ одна посвящена уранологической сторонѣ картины природы, а другая изображаетъ теллурическую ея сторону. Здѣсь читатель вводится въ самую внутренность храма науки, съ красивою внѣшностью котораго онъ познакомился изъ первыхъ томовъ; такимъ образомъ становится ясно сколько людей трудилось надъ сооруженіемъ этого зданія, сколько энергіи требовалось для возведенія прочныхъ фундаментовъ и сводовъ, поддерживающихъ высшія его палаты. Это обширное научное сочиненіе нельзя читать по главамъ, оно насъ увлекаетъ, для цѣльности впечатлѣнія мы должны дойти до конца. Но при этомъ порывѣ впередъ мы многого не замѣчаемъ и, наслаждаясь общимъ впечатлѣніемъ, чувствуемъ потребность повторить прочитанное. При вторичномъ чтеніи мы замѣчаемъ мѣста дотолѣ ускользавшія отъ нашего вниманія и теперь получающія новое значеніе, и такимъ образомъ, исходя изъ желанія повторить наслажденіе, доходимъ до новаго пониманія. Этотъ второй урокъ даетъ намъ самъ Гумбольдтъ. Мы уже обращаемъ менѣе вниманія на его громадную начитанность, для которой, какъ показываютъ на примѣръ критическія изслѣдованія открытія Америки, никакой языкъ не представляетъ препятствій, и которая обнимаетъ въ одинаковомъ совершенствѣ всѣ эпохи литературы; главное значеніе сочиненія заключается для насъ въ поразительный вѣрности числовыхъ данныхъ. Составленіе *Космоса* возможно было лишь тому кто принималъ дѣятельное участіе въ различныхъ физическихъ изысканіяхъ и состоялъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ тѣми людьми которымъ отдѣльныя стороны естествознанія обязаны своимъ развитіемъ.

„По смерти Гумбольдта осиротѣвшіе его товарищи и прочіе поклонники его великаго генія возымѣли желаніе воздвигнуть ему памятникъ въ его духѣ, то-есть собрать фондъ для вспоможенія путешествующимъ съ научною цѣлью. Такъ возникъ Гумбольдтовъ фондъ, въ который щедрость Прусскаго короля и благоговѣніе жителей Берлина къ великому согражданину внесли значительный вкладъ. Однако съ того времени примѣръ не нашелъ подражателей ни въ средѣ Нѣмцевъ, ни въ средѣ другихъ народовъ, не менѣе соотечественниковъ Гумбольдта пользующихся плодами его трудовъ; съ

теченіемъ времени фондъ какъ будто приходитъ въ совершенное забвеніе. Не возбудитъ ли празднество 14-го сентября воспоминанія о немъ, не воздвигнетъ ли пробужденная къ сознанію нація, на положенномъ уже основаніи, прочный памятникъ великому покойнику, вмѣсто того чтобы довольствоваться многорѣчиво-созерцательнымъ энтузіазмомъ....“

Въ дополненіе къ картинѣ ученой дѣятельности Гумбольдта, приведемъ слѣдующее извлеченіе изъ очерка его домашней жизни, сдѣланнаго извѣстнымъ путешественникомъ Шлагинтвейтомъ въ *Kölnische Zeitung*, въ двадцатыхъ числахъ сентября нынѣшняго года.

„Никто изъ насъ, пишетъ Шлагинтвейтъ, никогда не видалъ Гумбольдта иначе какъ въ черномъ фракѣ. „Фракъ“, говаривалъ онъ шуточно, „косполитическій нарядъ; въ „немъ я могу принять и притязательнаго, могущественнаго „принца, и скромнаго, любознательнаго студента“. Этотъ нарядъ онъ дополнялъ звѣздою только въ тѣхъ случаяхъ, когда ожидалъ посвѣщенія коронованныхъ особъ или важныхъ сановниковъ; обыкновенно же онъ не надѣвалъ никакихъ знаковъ отличія, даже въ петлицу не продѣвалъ ленточки.

„Кромѣ фрака и соотвѣтствующихъ ему черныхъ панталонъ, характеристическою особенностью его наряда былъ бѣлый галстукъ. Этотъ неизмовѣрно высокій галстукъ, состоявшій изъ длиннаго куска бѣлой матеріи, между слоями которой находилась толстая подкладка для придачи ему необходимой крѣпости и упругости, нѣсколько разъ окружалъ шею, такъ что изъ остающихся концовъ могъ образоваться только маленькій, незатѣливый узелокъ. Въ послѣдніе годы его жизни этотъ галстукъ поддерживалъ его усталую голову. Однажды онъ посѣтилъ насъ въ холодный, зимній день, во дворцѣ Монбжу, въ Берлинѣ, чтобы познакомиться съ выставленною нами коллекціей рѣдкостей; съ величайшимъ трудомъ могъ онъ разсмотрѣть всѣ нѣсколько высокіе предметы. Желая обозрѣть все въ подробности, онъ не охотно уступалъ нашимъ убѣдительнымъ просьбамъ не снимать шляпы хотя и въ натопленныхъ, но еще не вполне согрѣвшихся большихъ залахъ. Поля шляпы мѣшали ему что-либо видѣть, и онъ шуточно говорилъ намъ: „галстукъ мой для

меня сегодня слишкомъ низко". Въ Берлинѣ, въ квартирѣ занимаемой имъ въ теченіи многихъ лѣтъ въ *Oganiensburgerstrasse*, № 67, лицами пользовавшимися честью частыхъ свиданій съ нимъ соблюдался обычай, укоренившійся съ давнихъ временъ, не ходить по парадной лѣстницѣ, но пользоваться заднимъ ходомъ, находившимся въ непосредственной близости отъ комнаты камердинера, который немедленно ходилъ съ докладомъ. Посѣтителя вводили въ небольшую, просто, но со вкусомъ меблированную гостиную, окна коей выходили на улицу, и вслѣдъ затѣмъ, безъ всякаго замедленія, являлся Гумбольдтъ и принималъ гостя слѣдующимъ образомъ: небольшими, мѣрными шагами онъ выходилъ изъ извѣстнаго всему міру кабинета, отдѣленнаго отъ гостиной портьерой; со свойственною ему обяательною пріятливостію онъ протягивалъ гостю руку, прося его сѣсть на диванъ, между тѣмъ какъ самъ садился противъ него на принесенный имъ самимъ стулъ. Исполнивъ такимъ образомъ долгъ вѣжливости, за соблюденіемъ котораго онъ строго наблюдалъ, онъ тотчасъ прямо приступалъ къ главному предмету разговора. Если предметъ этотъ былъ ему близокъ или сильно его затрогивалъ, то обнаруживалась немногимъ, конечно, извѣстная его особенность употреблять въ разговорѣ, въ самомъ странномъ смыслѣ, слово *davon*. Это же слово нерѣдко вырывалось у него, пока онъ внимательно слушалъ разсказчика. Эта оригинальность тѣмъ болѣе замѣчательна что стиль Гумбольдта, не только въ его печатныхъ сочиненіяхъ, но даже въ самомъ простомъ письмѣ, отличался необыкновенною правильностью и изысканностью. Впрочемъ при первой встрѣчѣ никто не слышалъ отъ него этого слова.

„Въ числѣ характеристическихъ выраженій которыя онъ съ особенною любовью употреблялъ въ разговорѣ съ короткими знакомыми, я упомяну лишь о слѣдующихъ: „это „величайшая бестія!“ Если ему было некогда и онъ принужденъ былъ просить посѣтителя удалиться, онъ обыкновенно говорилъ ему: „Ну, другъ мой, теперь я долженъ васъ выгнать.“ Когда случайно упоминались имена высокопоставленныхъ лицъ, онъ нерѣдко восклицалъ: „Да, но они не имѣютъ „ни малѣйшаго вліянія!“ прибавляя къ этому частичку *davon*.

„Такъ какъ Александръ Гумбольдтъ самъ велъ свою странную переписку и никогда не имѣлъ постоянного секретаря, то приходится еще болѣе изумляться порядку въ

которомъ находились его бумаги. Важные документы или письма, уже давно имъ полученные, были у него подъ рукой при первой надобности. Его *Zettelkasten*,—рядъ картонныхъ коробокъ наполненныхъ научными замѣтками,—былъ предметомъ его нѣжной заботливости; все что онъ вынималъ въ теченіи разговора, немедленно клалось на мѣсто.

„Онъ строго требовалъ чтобы всѣ получаемыя имъ письма, которыя онъ часто давалъ знакомымъ для просмотра, отсылались къ нему обратно. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ когда онъ не требовалъ обратной присылки, онъ упоминалъ объ этомъ въ краткихъ выраженіяхъ, не всегда лестныхъ для автора письма, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ строкахъ обращенныхъ къ намъ: „Посылаю вамъ титаническія по-„полноценія г-жи Н. Прошу васъ оставить у себя это драго-„цѣнное сокровище и не присылать его обратно.“ Этимъ „драгоценнымъ сокровищемъ“, которое мы должны были оставить у себя, писавшая письмо особа хотѣла, посредствомъ Гумбольдта, склонить насъ пожертвовать ей цѣлымъ утромъ, въ продолженіи котораго она хотѣла посвятить наши коллекціи и, при этомъ случаѣ, убѣдить насъ во внутренней связи ламаизма и догматовъ христіанства.

„Между многочисленными собственноручными письмами Гумбольдта, весьма немногія обозначены числомъ, мѣстностью или годомъ. Обыкновенно онъ отмѣчалъ лишь день и часъ отправленія, напримѣръ: воскресенье утромъ, среда вечеромъ, и пр. Многія изъ его писемъ носятъ заголовокъ: полночь.

„Немногія изъ большого числа писемъ, которыя мы имѣли счастье получить отъ него, сложены вдвое; онъ имѣлъ обыкновеніе употреблять огромные, почти квадратные конверты и складывалъ листъ бумаги пополамъ. „Мои большіе конверты „космополиты“, говаривалъ онъ, „я могу употреблять ихъ когда „пишу посланникамъ, или при заказахъ какимъ-либо торгов-„цамъ. Къ тому же они берегаютъ много времени, такъ какъ „я могу складывать письма въ одинъ рядъ. Кто пишетъ такъ „много какъ я, долженъ обращать вниманіе на малѣйшія об-„стоятельства“.

„Онъ имѣлъ обыкновеніе выставлять свое имя на каждомъ отправляемомъ имъ письмѣ. „Для того“, говаривалъ онъ, „чтобы письмо вернулось ко мнѣ нераспечатанное, въ слу-„чаѣ еслибы не нашли того лица которому оно адресовано.“ Можеть-быть, онъ внутренно сознавалъ что имя его, выстав-

ленное на конвертѣ, обезпечить правильную доставку письма, даже при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, вѣркѣ любой почтовой квитанціи. Помимо этого, онъ могъ имѣть невысказанное по скромности убѣжденіе что его автографъ придастъ конверту цѣнность въ глазахъ получателя. Внѣшній видъ писемъ Гумбольдта очень характеристиченъ. Писать по прямой линіи было для него положительно невозможно; слѣва на право строки подымались все выше да выше. При этомъ онъ имѣлъ привычку при каждой новой строкѣ все болѣе и болѣе удаляться отъ края, такъ что внизу страницы часто оставалось мѣсто только для одной подписи имени.

„Широкими полями онъ обыкновенно пользовался для самыхъ важныхъ сообщеній; въ такомъ случаѣ онъ окружалъ все написанное на поляхъ чертою, имѣющею часто оригинальнѣйшую форму. Если эти замѣтки служили дополненіемъ къ тексту, то около нихъ красовался страннаго вида значокъ соотвѣтствующій такому же знаку въ самомъ текстѣ. Расстояніе между строками было такъ ничтожно что, при ихъ кривомъ направленіи, часто становилось почти невозможно разобрать почеркъ. Руку Гумбольдта, какъ извѣстно, разобрать весьма нелегко. Его почеркъ состоитъ изъ страннаго смѣшенія мельчайшихъ латинскихъ и нѣмецкихъ буквъ. Имя свое онъ подписывалъ всегда латинскимъ шрифтомъ: находящаяся въ нашихъ рукахъ нѣмецкая его подпись можетъ считаться единственною въ своемъ родѣ.

„Онъ постоянно тужилъ о своемъ дурномъ почеркѣ и въ письмахъ своихъ часто просилъ о снисхожденіи. Замѣчательно что, въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, за годъ до кончины, онъ сдѣлалъ попытку исправить свой почеркъ употребленіемъ линеванной бумаги; однакожь онъ скоро былъ принужденъ отказаться отъ нея, такъ какъ на это шло гораздо болѣе времени чѣмъ на его обыкновенную систему, къ тому же это утомляло его руку. Въ послѣдніе годы его жизни ему было не только трудно, но даже причиняло ему нѣкоторую боль держать руку въ томъ положеніи которое необходимо для писанія по прямой линіи.

„Онъ часто горько жаловался не столько на свою обширную корреспонденцію, отнимавшую у него много времени,— какъ уже сказано выше, онъ писалъ самъ, безъ помощи секретаря,— сколько на странныя требованія съ которыми обращались къ нему словесно и письменно. Онъ очень забавлялся

просьбой одной дамы, которая письменно просила его дать ей знать по телеграфу когда онъ почувствуетъ приближеніе своего послѣдняго часа, чтобъ она могла поспѣшить къ его смертному одру и, въ знакъ своего безграничнаго почитанія, оказать ему послѣдній долгъ, закрывъ ему глаза. Въ послѣдніе свои годы онъ часто въ берлинскихъ газетахъ выражалъ желаніе чтобъ его пощадили письмами, такъ какъ онъ не въ силахъ на нихъ отвѣчать.

„Почти всѣ его письма тщательно запечатаны его семейною печатью. Къ удивленію, ему доставляло положительное удовольствіе собственноручно печатать свои письма, и онъ часто радовался что даже въ старости могъ заняться этимъ. Мы нерѣдко заставляли его при этомъ занятіи, которому онъ предавался усердно и, признаться, съ нѣскольکو комическою важностью. Необходимости быть запечатанными не избѣгли, къ сожалѣнію, и тѣ письма которыя онъ далъ намъ въ 1854 году для передачи лорду Дальгоузи, тогдашнему генералъ-губернатору Индіи и многимъ другимъ высокопоставленнымъ особамъ, живущимъ въ Египтѣ, Аравіи и Индіи. Сургучъ, вслѣдствіе непомятой жары, растаялъ, и письма не только перепачкались, но такъ склеились между собой что ихъ съ трудомъ можно было отдѣлать другъ отъ друга.

„Этотъ знаменитый путешественникъ, въ молодости объѣхавшій всѣ моря и поднявшійся на вершину Андозъ, въ позднѣйшіе годы велъ самый сидячій образъ жизни: можно смѣло сказать что съ 1843 года онъ не совершилъ ни одной прогулки пѣшкомъ. Единственный моціонъ который онъ себѣ позволялъ состоялъ изъ прогулки въ каретѣ, но и это предпринималось не для удовольствія, а всегда съ опредѣленною цѣлью, напримѣръ для отдачи визита и т. д.

„Гумбольдтъ ложился и вставалъ поздно; въ послѣдніе годы его жизни онъ дурно спалъ по ночамъ. Въ его кабинетѣ и въ описанномъ выше салонѣ, въ которомъ онъ принималъ гостей, была зимою истинно тропическая жара, нестерпимая для непривычнаго къ ней, но очень пріятная для самого старца. Тепло было для него потребностью; жаркія лѣта 1857 и 1858 годовъ были ему видимо полезны.

„Истина пословицы: „вино для старика то же что молоко для ребенка“, оправдалась относительно Гумбольдта. Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни онъ утромъ, часовъ въ одиннадцать, выпивалъ большой стаканъ бургундскаго, что

очевидно подкрѣпляло его. До конца жизни онъ пользовался отличнымъ аппетитомъ. Въ послѣдніе годы онъ почти всегда обѣдалъ за королевскимъ столомъ и, если не случалось какихъ-либо царственныхъ гостей, занималъ почетное мѣсто противъ короля. Когда при этомъ присутствовали какіе-нибудь знаменитые иностранцы, ему, какъ Нестору науки, приходилось отвѣчать на всевозможные распросы.

„Особенно интересно было наблюдать за Гумбольдтомъ, когда онъ обѣдалъ у своей любимой племянницы г-жи фонъ-Бюловъ, или у своей испытанной старинной пріятельницы, г-жи Мендельсонъ, которая годами превосходила его. Я живо помню многія мелкія сцены этихъ обѣдовъ, на которые имѣлъ честь нерѣдко получать приглашеніе; я упомяну лишь о главнѣйшихъ изъ нихъ.

„Идя къ обѣду, Гумбольдтъ предлагалъ руку почтенной старушкѣ Мендельсонъ съ утонченною вѣжливостью, которая украсила бы любого юношу. Когда эти два старичка, годы которыхъ въ совокупности составляли не менѣе 178, медленно и осмотрительно, нетвердою походкой подвигались впередъ, невольно возникало опасеніе что какой-нибудь ничтожный предметъ, какая-нибудь песчинка или соломинка, случайно попавшаяся на пути изъ гостиной въ вѣсколку отдаленную обѣденную залу, заставитъ ихъ споткнуться.

„За столомъ было непринужденно и весело. Гумбольдтъ ѣлъ съ видимымъ удовольствіемъ и ѣлъ много; онъ не пренебрегалъ и хорошими винами. При этомъ онъ своимъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ, на сѣверо-нѣмецкомъ діалектѣ, дѣлалъ интереснѣйшія сообщенія, которымъ всѣ внимали съ напряженнымъ удовольствіемъ. Онъ всегда говорилъ громко, отчетливо и живо.

„Хотя Гумбольдтъ вообще не могъ жаловаться на свое здоровье, но съ 1849 года (ему было тогда 80 лѣтъ), ему приходилось употреблять лѣкарства, прописываемыя ему лейбъ-медикомъ короля Шемлейномъ. Гумбольдтъ часто выражалъ удовольствіе что ему лично никогда не приходилось ощущать потребности ѣздить на воды, частое употребленіе которыхъ составляло необходимость для его болѣе юнаго камердинера.

„Хотя Гумбольдтъ сохранилъ до конца рѣдкую силу и свѣжесть ума, но несомнѣнно что въ послѣдніе годы память его сильно пострадала. Доказательствомъ могутъ служить нѣкоторыя его письма, въ которыхъ онъ неоднократно, а

сѣдовательно не по случайному недосмотру, приводитъ не точные годы и числа; въ особенности же это подтверждается слѣдующимъ простымъ разказомъ:

„По нашемъ возвращеніи изъ сѣверной Азіи въ Берлинъ, мы имѣли счастье вступить съ нимъ въ одинъ изъ тѣхъ научныхъ разговоровъ которые для всѣхъ остались незабвенными; рѣчь коснулась сѣвовой линіи Гималая, предмета который въ прежніе дни живо его интересовалъ и занималъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Одинъ изъ первыхъ, онъ старался доказать и объяснить глубокомысленными выводами открытіе сдѣланное около 1812 года Веббомъ и Муркрофтомъ что сѣвговая линія сѣвернаго склона Гималая выше южнаго. Это не только не было признано, но было даже горячо оспариваемо, такъ что вовлекло его въ рядъ непріятнѣйшихъ научныхъ препираній. Мы радовались что могли сообщить ему какимъ блестящимъ образомъ подтвердились его воззрѣнія. „Вы ошибаетесь, друзья мои“, съ грустною улыбкой отвѣтилъ онъ, „я всю жизнь мою поддерживалъ противоположное, фальшивое мнѣніе.“ Мы были поражены удивленіемъ; отправившись въ его кабинетъ, взявъ томъ его сочиненій, мы легко, изъ собственныхъ его статей, доказали ему что онъ цѣлые годы поддерживалъ правильное воззрѣніе, за чтò навлекъ на себя много преслѣдованій, нынѣ подъ старость забытыхъ имъ. „Видите ли“, взволнованнымъ голосомъ сказалъ онъ, между тѣмъ какъ у насъ самихъ наворачивались слезы, и мы не могли найти слова утѣшенія, „видите ли, какимъ ребенкомъ становишься подъ старость“. Въ послѣдніе годы Гумбольдтъ страдалъ сильнымъ зудомъ, который иногда мучитъ стариковъ. Средства, употребленные противъ этой тягостной болѣзни, приносили ему мало облегченія. Онъ никогда не говорилъ о своихъ страданіяхъ; когда его съ участіемъ спрашивали о здоровьѣ, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „Je souffre, mais je ne me plains pas.“

„Съ его лица, которому придавали выраженіе умные глаза и быстрыя движенія, подъ конецъ исчезъ совсѣмъ румянецъ; онъ походилъ на восковую фигуру. Необыкновенно украшала его длинныя, бѣлыя, блестящіе волосы, которые покрывали его почтенную голову. Ему было суждено сохранить зрѣніе и слухъ до послѣдней минуты; очки онъ носилъ только при чтеніи мелкаго шрифта.

„Теперь я укажу на нѣкоторыя странности его, о которыхъ

я не упоминалъ до сихъ поръ. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ не бывалъ ни въ оперѣ, ни въ драматическомъ театрѣ, ни въ какомъ-либо увеселительномъ мѣстѣ. На вечерахъ, которые онъ часто посѣщалъ въ ранніе годы, онъ никогда не игралъ въ карты. По его подлиннымъ словамъ, онъ курилъ только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, находясь подъ тропиками, онъ надѣялся разогнать дымомъ сигары безпокоившихъ его москитовъ. Куреніе никогда, даже въ молодости, не доставляло ему удовольствія. Табаку онъ также никогда не нюхалъ.

„Не знаю, любилъ ли онъ когда-нибудь танцы. Несмотря на удовольствіе которое доставляли ему разговоръ и общество умныхъ и образованныхъ женщинъ, ни одна изъ нихъ никогда не произвела на него глубокаго, прочнаго впечатлѣнія. Онъ никогда не былъ женатъ; „я для этого не нашелъ времени“, шуточно говаривалъ онъ.

„На послѣдней недѣлѣ апрѣля 1859 года обнаружилась тревожные симптомы и увеличивавшаяся со дня на день слабость. Послѣ непродолжительныхъ страданій, онъ тихо угасъ въ Берлинѣ, 6-го мая 1859 года, въ 3 часа пополудни. Его тѣло похоронено въ его родовомъ имѣніи въ двухъ миляхъ отъ Берлина.“

Гумбольдтовъ день праздновался также и въ Москвѣ публичнымъ засѣданіемъ Московскаго Общества Испытателей Природы, котораго славный ученый въ теченіе многихъ лѣтъ былъ членомъ. Собраніе открылось рѣчью вице-президента Общества А. Г. Фишера фонъ-Вальдгейма, объясниваемаго дѣлъ торжества. Затѣмъ произнесены были рѣчи членами Общества, Г. А. Траутшольдомъ: *Гумбольдтъ какъ человекъ и естествоиспытатель*, Г. Е. Щуровскимъ: *Александръ Гумбольдтъ по отношенію къ Россіи*, Н. А. Любимовымъ: *Труды Гумбольдта въ области электро-физиологій*, А. А. Фишеромъ фонъ-Вальдгеймъ: *Обзоръ ботанической дѣятельности А. Гумбольдта*, Я. И. Вейбергомъ: *Александръ Гумбольдтъ и значеніе его въ физической географіи и климатологій*. Эти рѣчи составляютъ содержаніе третьяго номера *Бюллетеня Общества Испытателей Природы*, на дняхъ вышедшаго изъ печати. Приведемъ заключительныя строки рѣчи проф. Любимова, посвященной разбору сочиненія Гумбольдта *Опытъ*

надъ раздраженными мускульми и нервыми волокнами, изданнаго въ концѣ прошлаго столѣтія.

„Мы обозрѣли трудъ Гумбольдта, поставившій его на видное мѣсто въ ряду извѣстѣйшихъ ученыхъ конца прошлаго столѣтія. Это было начало длиннаго поприща. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, Гумбольдтъ стоялъ въ ряду вожаковъ научнаго движенія. Ученикъ Блюменбаха и Вернера, собесѣдникъ Вольты и Скарпы, пользовавшійся знаменитостію уже въ прошломъ столѣтіи, онъ естественно являлся, среди поколѣнія видѣвшаго его послѣдніе дни, живымъ представителемъ умственнаго преемства поколѣній, соединяя въ себѣ исторію и современность. Положеніе Гумбольдта въ ученomъ мѣрѣ было исключительное, едва ли не безпримѣрное. Едва ли какой ученый пользовался такою распространною извѣстностію и былъ окруженъ такимъ общимъ и беспорнымъ почетомъ и уваженіемъ, какъ Гумбольдтъ. „Онъ умеръ, какъ восторженно выразился Эренбергъ, чтимый и „благословляемый милліонами образованныхъ обитателей земли всѣхъ поясовъ и языковъ“. Когда вѣсть о его кончинѣ достигла Америки, въ Нью-Йоркѣ устроили громадное „Гумбольдтово погребальное торжество“, и по улицамъ потянулась безконечная процессія изъ трехъ отдѣловъ, съ пѣвчими, музыкой, траурнымъ катафалкомъ, отрядомъ войскъ и даже пушками. При жизни оказывавшееся Гумбольдту почтеніе иногда доходило до поклоненія. Американскій путешественникъ, Баярдъ Тейлоръ, такъ пишетъ о своемъ пребываніи въ Берлинѣ въ 1856 году. „Я поѣхалъ въ Берлинъ не за тѣмъ, чтобы видѣть его музеи, галереи, красоту улицы Подъ Липами, оперу и театръ, не за тѣмъ чтобы наслаждаться веселою жизнію его улицъ и салоновъ, но чтобы поговорить съ величайшимъ человѣкомъ изъ нынѣ живущихъ, Александромъ Гумбольдтомъ. По своей глубокой старости и всемірной славлѣ, онъ нынѣ какъ бы коронованный монархъ въ мѣрѣ науки. Его друзья вынуждены охранять его отъ утомляющаго его поклоненія тысячъ его подданныхъ и затруднять къ нему доступъ. Другъ и собесѣдникъ короля, Гумбольдтъ, подобно ему, имѣеть, можно сказать, собственный дворъ, съ привилегіей однакожь отложить, какъ только вздумаетъ, этикетъ, введенный необходимою.... Когда я смотрѣлъ на него, мнѣ пришелъ на память стихъ Теннисона о Вашингтонѣ: „О благородная, сѣдинами украшенная голова, которую всѣ

„знаютъ!“ Первое впечатлѣніе, производимое чертами лица Гумбольдта, есть впечатлѣніе, высокой и теплой гуманности. „Массивный лобъ, обремененный знаніями цѣлаго почти столѣтія, выдается впередъ и, какъ зрѣлый колосъ, отъбнаетъ его грудь; свѣтлые голубые глаза глядятъ спокойствіемъ и ясностію ребенка.“

Исключительное положеніе, какое Гумбольдтъ занималъ въ ученomъ мѣрѣ, нельзя объяснить однимъ абсолютнымъ достоинствомъ его ученыхъ изысканій, какъ они ни замѣчательны. Гумбольдтъ не принадлежалъ къ числу великихъ гениевъ положившихъ основы науки. Его вліяніе на умы нельзя сравнить со вліяніемъ, напримѣръ, Бекона, намѣтившаго новое направленіе науки. Самъ знаменитый старикъ говорилъ о своихъ заслугахъ съ удивительною скромностію. Въ письмѣ къ г. Гёферъ (Hoefer), редактору *Biographie Universelle*, онъ писалъ въ іюль 1858 года (по поводу біографіи показавшейся ему слишкомъ похвальною): „Дружба имѣетъ свои мѣры, но эта мѣрологія находитъ вѣрующахъ лишь въ тѣсномъ кружкѣ друзей, которые готовы смѣшивать постоянный жаръ къ труду, желаніе достигнуть цѣлей съ самымъ успѣхомъ. Долгое терпѣніе жить (*la longue patience de vivre*) увеличиваетъ извѣстность, которая не есть еще слава. Я, къ счастью, не слѣпъ относительно самого себя, такъ какъ постоянно былъ окруженъ людьми которые были выше меня. Жизнь моя была полезна наукѣ не столько тѣмъ немногимъ что я самъ произвелъ, сколько тою ревностію какую я обнаруживалъ чтобы воспользоваться выгодами моего положенія. Я всегда былъ вѣрнымъ цѣнителемъ чужаго достоинства, имѣлъ даже нѣкоторую провинительность въ угадываніи рождающагося достоинства. Мнѣ пріятно думать что пройдя, что имѣвъ ошибку пройти (*ayant eu le tort de traverser*) слишкомъ разнообразное поле научныхъ интересовъ, я оставилъ нѣкоторые слѣды тамъ гдѣ прошелъ“. Дѣйствительно, если спросить, какія великія изобрѣтенія принадлежатъ Гумбольдту, какой кругъ явленій открытъ его провинительностію, какой законъ природы указанъ и разъясненъ имъ, то отвѣтъ будетъ отрицательнаго свойства: никакого открытія, которое можно бы было назвать великимъ, не соедичено съ его именемъ. Тѣмъ не менѣе онъ пользовался всемірною славой и пользовался ею вполне заслуженно. Дѣло въ томъ, что наука не есть знаніе оконченное, не есть

только совокупность достигнутых уже результатовъ. Она зданіе воздвигаемое, она въ движеніи, въ развитіи. Наука излагается въ книгахъ, но живетъ и движется въ умахъ; міръ науки не совокупность только знаній, но и совокупность людей трудящихся надъ ихъ приобрѣтеніемъ, совокупность ученыхъ. Личный элементъ въ этомъ трудѣ созиданія имѣетъ важное значеніе. Гумбольдтъ былъ однимъ изъ главныхъ управляющихъ корпуса рабочихъ науки, собирающимъ и располагающимъ матеріалы, указывающимъ работы. Въ теченіе болѣе полустолѣтія онъ былъ однимъ изъ великихъ центровъ научнаго движенія и находился въ близкихъ сношеніяхъ со всѣмъ что только было замѣчательнаго въ ученомъ мірѣ. Его труды еще въ прошломъ столѣтіи доставили ему почетную извѣстность, возраставшую съ лѣтами. Его высокое общественное положеніе, связи, богатство, въ соединеніи съ путешествіями, дали ему повсюду доступъ и доставили ему личную близость со свѣтилами ученаго міра. Соединяя въ себѣ два столѣтія ученыхъ трудовъ, имѣя въ рукахъ, по своимъ громаднымъ сношеніямъ, всѣ нити научнаго движенія вѣка, онъ естественно являлся предъ лицомъ всего міра какъ бы официальнымъ представителемъ науки и корпуса ученыхъ, — возведенный на этотъ постъ единодушнымъ и безспорнымъ, хотя и не гласнымъ избраніемъ всего ученаго міра. И чѣмъ выше становилась самостоятельность и значеніе науки, тѣмъ выше было положеніе ея представителя. Одинъ англійскій журналъ мѣтко охарактеризовалъ положеніе Гумбольдта въ ученомъ мірѣ. „Еслибы, сказано въ немъ, ученая республика перемѣнила форму правленія и должна была избрать монарха, то, конечно, ученый скипетръ и корона были бы вручены этому необыкновенному человѣку. И не потому чтобы мы признавали за нимъ самый могущественный геній, самое блестящее имя, недосыгаемую оригинальность, но потому что не знаемъ никого кто бы могъ выставить равную съ нимъ всеобщность знаній, принять равный ему высокій полетъ и заявить столь разнообразныя права, какъ знаменитый изслѣдователь Кордильеровъ. А таковы именно, по нашему мнѣнію, существенныя требованія отъ *царя науки*.“

В.

ПАНУРГОВО СТАДО

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I. Наединѣ со своею душою.

Хвалынцевъ ушелъ. Татьяна Николаевна слышала какъ захлопнулась за нимъ выходная дверь въ прихожей,—и осталась все въ томъ же, повидимому, спокойномъ положеніи. Въ совершенную противоположность Константину, который очень плохо умѣлъ скрывать свои внутреннія ощущенія, она не любила выдавать ихъ наружу. Всѣ ея глубокія и сильныя впечатлѣнія таила она внутри и тамъ перерабатывала ихъ силою собственной сосредоточенной природы. Хвалынцеву не нужно было много словъ чтобы заставить ее уразумѣть все что такъ трудно казалось ему высказать. Достаточно было сказать одно только слово, въ одномъ словѣ: „женщина“ выразить причину столь страннаго и спѣшнаго отъѣзда съ перемѣною своей жизненной карьеры,—и Татьяна поняла все остальное своимъ чуткимъ женскимъ инстинктомъ. Эта женщина была *не она*; это была *другая*. Мгновенность и печальность такого горькаго сознанія сильно уязвили ее. Она поблѣдѣла, и эту невольную блѣдность ей невозможно было скрыть: только ею одною и выразился ударъ нанесенный Хвалынцевымъ. Понялъ ли онъ, нѣтъ ли — что ей было

до того за дѣло? Она нашла въ себѣ достаточно силъ чтобы ни словомъ, ни взглядомъ не показать ему того что съ нею дѣлалось. Она сохранила видимое спокойствіе, прощаясь съ любимымъ человекомъ не болѣе какъ съ обыкновеннымъ хорошимъ знакомымъ. Всякое другое прощаніе было бы слишкомъ тяжело и неловко для него; она чувствовала это: молча проводила его глазами до дверей, и осталась одна.

Ни слезы, ни жалобы не вырвалось у нея. Порою одно только нервное дрожаніе какой-то жилки около губъ, да трепетное появленіе легкой морщинки между бровями слабо выдавало тяжкую работу, кипѣвшую внутри.

Старая тетка вернулась домой и не замѣтила въ своей Татьянѣ ничего особеннаго.

— Новость, ma tante! спокойнымъ тономъ и между прочимъ разговоромъ сообщила она старухѣ: — Константинъ Семеновичъ пріѣзжалъ безъ васъ.

— Да?... Гдѣ же онъ?... Что съ нимъ?... Зачѣмъ ты его не оставила? съ живымъ участіемъ всполошилась добрая старуха.

— Онъ заѣзжалъ на минутку, проститься, и просилъ передать вамъ его поклонъ.

— Какъ проститься?... Куда?... Что такое?... недоумѣло пожимала та плечами.

— Чуть ли не сегодня уѣзжаетъ въ Варшаву.... Поступилъ въ военную службу.

— Да что ты морочишь меня, что ли?...

— Нѣтъ, я вамъ передаю совершенно серьезно то что онъ говорилъ.

— Господи!... Варшава... военная служба, пожимала плечами старуха:—но что же за причины, по крайней мѣрѣ?

— Этого я не знаю. Причины онъ не объяснилъ, какъ-то коротко и нѣсколько отрывисто проговорила Татьяна, не глядя на тетку.

За то тетка во всѣ глаза глядѣла на нее вопросительно и удивленно, какъ бы ожидая отъ самой Татьяны объясненія этихъ причинъ и побужденій.

— Таня, что же все это значить? послѣ нѣкотораго молчанія, тихо и какъ бы робко обратилась она къ племянницѣ.

— Не знаю, ma tante.

Опять наступило молчаніе, все съ тѣмъ же удивленнымъ взглядомъ старухи, вопросительно устремленнымъ на племянницу.

— Тая, будь со мной откровенна, еще тебе сказала наконец она, съ мягкою, родственною просьбой въ голосъ:—ты вѣрно знаешь?... Его вѣрно высылаютъ, насильно отдаютъ въ солдаты?... да?...

— Самъ идетъ, добровольно; а больше я ничего не знаю.
„Нѣтъ, тутъ что-то не то!“ домекнулась про себя старуха:—„это спокойствіе въ ней.... сдержанность эта.... что-нибудь да не то!“

— Тая.... съ робкимъ участіемъ снова обратилась она къ ней:—какъ же ты-то теперь?

— Я? вскинула та глазами, въ которыхъ отсвѣчивало какое-то равнодушное удивленіе:—а что же я?... Я какъ и была.... все по-старому....

— И это.... Это тебя не трогаетъ, не волнуетъ.

Досадливое нетерпѣніе, а можетъ и сжатая внутренняя боль чуть-чуть дрогнули на лицѣ Татьяны.

— Вотъ что, ma tante, рѣшительно сказала она:—мы больше объ этомъ говорить не будемъ.... Дай ему Богъ всякаго счастья, ну и.... довольно!

Старуха поняла что дѣвушкамъ слишкомъ тяжело говорить на эту тему, и потому, какъ ни хотѣлось ей самой узнать подробности и пружины всего этого страннаго обстоятельства,—разговоръ между ними о Хвалынцевѣ уже не возобновлялся ни разу. Бывало, нарочно, съ тайною мыслью про себя, какъ-нибудь катая прилететь старуха его имя, вспомя что вотъ это, молъ, рассказывалъ Константинъ Семеновичъ, а вотъ то-то случилось при Константинѣ Семеновичѣ, а вотъ это блюдо онъ очень любилъ, или о томъ-то вотъ такъ-то относился; но при всѣхъ этихъ случаяхъ, втайнѣ любопытный взоръ ея не могъ отыскать въ лицѣ дѣвушки ничего такого что бы хоть чуточку помогло раскрыть ей загадку. Татьяна, отвѣчая на подобныя заявленія тетки, вспоминала о Хвалынцевѣ хотя и кратко, не распространяясь, но совершенно просто и спокойно, какъ и обо многихъ другихъ хорошихъ знакомыхъ. Никогда ни малѣйшей тѣни ѣдкой горечи, злобы, жалобы, упрека или сарказма не вырвалось у нея при упоминаніи этого имени, словно и въ самомъ дѣлѣ Хвалынцевъ былъ для нея не болѣе какъ случайный, хотя и хорошій знакомый,—и только.

А между тѣмъ внутри ея творилось другое.

Она никогда не придавала Хвалынцеву особенныхъ

героическихъ качествъ и идеальныхъ добродѣтелей, ради того лишь что онъ ей нравился: она была слишкомъ положительный человекъ для этого, глядѣла на жизнь и людей слишкомъ просто и прямо. Она не изукрашивала его, не глядѣла на него сквозь радужную призму, словомъ, не творила себѣ изъ него кумира, и между тѣмъ такъ много и глубоко полюбила его, даже глубже и болѣе чѣмъ сама могла думать до дней послѣдовавшихъ за окончательною разлукой. Но какъ и за что полюбила? Ни того, ни другаго объяснить себѣ она не могла, да и не старалась, а еслибы стала объяснять, то объясненіе это было бы фальшивое, измышленное ради самообмана. А въ натурѣ ея лежало слишкомъ много искренности чтобы лгать предъ другими, и слишкомъ много твердой прямоты чтобы обманывать самое себя. Какъ полюбился онъ ей? Полюбился незамѣтно, исподволь, такъ что и слово „люблю“ ни разу не было сказано между ними, а она уже чувствовала что любить. Шло и росло это чувство такъ тихо, просто и какъ бы совсѣмъ спокойно; но чѣмъ тише и проще, тѣмъ прочнѣй и глубже пускало оно корни въ ея душу. За что полюбился онъ ей? Этотъ вопросъ, послѣ разлуки съ нимъ, она и сама себѣ задавала неоднократно, и былъ на него только одинъ отвѣтъ. Вспоминался Татьянѣ тотъ теплый, майскій вечеръ въ Славнобубенскѣ, когда въ бесѣдкѣ, обвитой густыми побѣгами павоя и хмѣля, сидя надъ шитьемъ, ожидала она обычнаго прихода Хвалынцева. Въ тотъ вечеръ былъ его послѣдній, прощальный приходъ: завтра утромъ онъ долженъ былъ ѣхать. И ясно, почти до малѣйшихъ подробностей, вспоминался ей случайный разговоръ возбужденный тогда Хвалынцевымъ. Какъ-то довольно кстати предложилъ онъ ей нѣсколько щекотливый вопросъ: „что бѣ она сдѣлала, еслибы, выйдя замужъ, глубоко полюбила въ послѣдствіи другаго?“ Отвѣтъ былъ ясенъ и простъ: „я бы не вышла иначе какъ только убѣдясь напередъ въ самой себѣ что я *точно* люблю человека, что это не блажь, не вспышка, не увлеченіе, а дѣло крѣпкое и серьезное, и послѣ этого мнѣ бы ужъ, конечно, не пришлось полюбить другаго.“

Теперь же Татьяна, къ несчастію, все болѣе и болѣе убѣждалась что ея чувство не блажь, не увлеченіе, а то крѣпкое и серьезное дѣло которое точно должно называть настоящею любовью, и при которомъ нельзя полюбить другаго.

„Да если другой-то будетъ лучше?“ задалъ ей Хвалынцевъ новый вопросъ въ тотъ вечеръ. И точно такъ же, съ полною ясностью вспоминался теперь Татьянѣ ея отвѣтъ, который былъ ея всегдашнимъ, прочнымъ убѣжденіемъ, ибо она инстинктомъ чувствовала что иначе и быть не можетъ. „Тутъ нѣтъ, мнѣ кажется, ни лучше, ни хуже“, отвѣчала она, „можетъ-быть, я даже могла бы полюбить и очень дурнаго человѣка, потому что любишь не *за что-нибудь*, а любишь просто *потому что любитъ*, да и только. И довольно полюбить разъ, да хорошо, а больше и не надо, и одного хорошаго раза на всю жизнь хватить....“

И этотъ-то *разъ* былъ теперь для нея роковымъ разомъ. Не то чтобы запало въ нее сознание что Хвалынцевъ дурной человѣкъ: то что думалось ей порою было хуже этого сознания. Ее брало сомнѣніе что онъ человѣкъ легкій, вѣтряный, поверхностный и вообще ненадежный, на котораго едва ли можно въ какомъ дѣлѣ крѣпко опереться. И эта-то ненадежность, эта нравственная, какъ казалось ей, слабость и шаткость болѣе всего наводили на нее горечь и досаду. Былъ ли таковъ Хвалынцевъ на самомъ дѣлѣ, это ужъ другой вопросъ; но ей стало иногда казаться теперь будто онъ таковъ, и въ такомъ ея взглядѣ на него, надо сознаться, чуть ли не главную роль играло эгоистическое чувство любви къ отвернувшемуся отъ нея человѣку и женское самолюбіе, по струнамъ котораго онъ больно ударилъ тѣмъ что предпочелъ ей другую, „до *такой* степени“, до полнаго самопожертванія. Взбалмошный фактъ поступленія въ военную службу и этотъ быстрый отъѣздъ, причиной котораго была „женщина“, казались ей, по невѣдѣнію настоящихъ причинъ и побужденій, фактами сумасброднаго самопожертванія. Когда она, забывъ про самое себя, или, такъ сказать, отрѣшившись отъ себя, глядѣла на этотъ поступокъ какъ бы со стороны, онъ ей даже нравился своею сумасбродною рѣшительностью: „значитъ любить“, думалось тогда Татьянѣ. Но когда уязвленная гордость, самолюбіе и пренебреженная любовь болѣзненно напоминали ей что вѣдь это она, она сама оставлена и забыта, что все это сдѣлано для какой-то другой, въ душѣ ея закипало и ревнивое чувство злобы противъ Хвалынцева, и эгоистическое умаленіе того самаго поступка который за минуту ей нравился и, можетъ, продолжалъ бы нравиться, еслибы Хвалынцевъ былъ

для нея постороннимъ, чужимъ человѣкомъ, елибѣ она любила не его, или никого не любила. Самолюбіе щемило, обиженная любовь не засыпала и, противъ воли, бродила въ ея сердцѣ; надо было убаюкать, уходить, задуть въ себя и то, и другое, и вотъ, плодомъ этого „надо“ у нея и являлось сомнѣніе въ Хвалынцевѣ, въ его надежности. Это былъ для нея своего рода отводъ, но отводъ который мучилъ ее чуть ли еще не болѣе чѣмъ все остальное. Чѣмъ бы ни казался ей порою Хвалынцевъ, она чувствовала что все-таки любить и любить не переставая, не умаляясь въ своемъ, Богъ-вѣсть почему, глубокомъ и сильномъ чувствѣ.

Вспоминалось еще Татьянѣ, какъ въ тотъ самый прощальный, майскій вечеръ, Хвалынцевъ, раздумавшись надъ ея словами, сказалъ ей что ея взглядъ на серьезное чувство, пожалуй, хорошъ, да только та бѣда что съ нимъ рискуешь иногда быть очень несчастливымъ въ жизни, если вдругъ ошибешься, да полюбишь человѣка вѣтрянаго, увлекающагося, который разлюбитъ тебя потомъ, который въ каждомъ смазливомъ личикѣ будетъ находить себя источникъ чувства или развлечения,—тогда что? спросилъ онъ въ томъ разговорѣ. „Да, тогда не хорошо!“ согласилась съ нимъ Татьяна,—и это, безспорно, величайшее несчастіе“. Да, тогда не хорошо, часто и теперь повторяла она себѣ, раздумываясь и надъ его словами, и надъ своимъ упрямымъ, невольнымъ чувствомъ. „А я говорила ему тогда что во власти самой женщины сдѣлать такъ чтобы человѣкъ *всегда* любилъ тебя, горько думалось Татьянѣ въ эти минуты:—только одну тебя! чтобъ ему и въ голову не пришло о возможности увлечься другою. Я говорила ему что это *можетъ* сдѣлать женщина, что для этого ей надо только умѣть любить, любить прежде всего и вѣрить, въ себя вѣрить. Ну вотъ, ты и вѣрила въ себя, ты и любила, и любишь, чѣмъ же ты не сдѣлала такъ чтобъ онъ не ушелъ отъ тебя, чтобъ онъ не увлекся другою, чтобъ онъ любилъ только тебя одну, чѣмъ жь ты не сдѣлала этого? Или силенки не хватило? Или мало любила еще?“ Все это были желчныя, ядовитые вопросы, полные саркастическихъ упрековъ самой себѣ, и этими бесплодными вопросами она еще пуще бередила свою больную, раненую душу. Эта глухая борьба и внутренняя работа надъ собою становилась порой слишкомъ тяжела. Нуженъ былъ какой-нибудь исходъ, какое-нибудь отвлеченіе, отдыхъ, а этого не было.

Сказать все теткѣ, подѣлиться съ ней душою Татьяна не могла, не хотѣла. Хоть и знала она что тетка сердечно, сочувственно приметъ ея исповѣдь, но какое-то внутреннее „нельзя“, „не надо“, „не къ чему“, удерживало ее отъ этого: есть натуры которыя отъ наиболѣе близкихъ, родственныхъ и любящихъ ихъ людей наиболѣе ревниво оберегаютъ тайникъ своего внутренняго міра. Татьяна чувствовала что былъ одинъ только человѣкъ къ которому она могла бы совсѣмъ разумно, совсѣмъ сердечно и просто придти и сказать свое горе, и что этотъ человѣкъ понималъ бы ее скорѣе и глубже чѣмъ всякій другой. Такимъ человѣкомъ былъ для нея Андрей Павловичъ Устиновъ. Подавляемая своими тяжелыми думами, она вспомнила теперь про него, про свою добрую дружбу къ нему. Какъ женщина и притомъ женщина чуткая, она не могла не замѣчать въ немъ то полное глубокаго, почти благоговѣйнаго уваженія чувство которое питалъ онъ къ ней. Это чувство было настолько скромно, застѣнчиво и робко что онъ какъ бы боялся не только выказать, но даже дать ей хоть сколько-нибудь замѣтить его. Татьяна межъ тѣмъ очень хорошо это видѣла и понимала что маленькій математикъ любить ее такъ же тихо и глубоко какъ она Хвалынцева. Но подмѣтивъ въ немъ это чувство, она взаимно могла дать ему только дружбу. Подъ наплывомъ своихъ воспоминаній, въ одну изъ тѣхъ, въ высшей степени рѣдкихъ у нея минутъ, когда переполненная душа настоятельно запросила подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ, Татьяна въ какомъ-то экзальтированномъ порывѣ сѣла и написала письмо Устинову. Это была полная и откровенная исповѣдь всей глухой борьбы которую она теперь столь упорно, но тщетно осиливала. Внутреннее одиночество, душевное сиротство томилъ ее, и она просила Устинова, если возможно, пріѣхать въ Петербургъ. Она знала что онъ и безъ того часто предъ ея отъѣздомъ высказывалъ намѣреніе покинуть, ради Петербурга, постылый ему Славнобубенокъ, а теперь, по первому ея призыву, явился бы сюда непременно. Только въ немъ одномъ казалось ей возможнымъ найти себѣ безкорыстную нравственную поддержку и дружеское успокоеніе. Но часъ спустя, перечитавъ свое письмо, Татьяна разорвала его на кусочки. „Не надо! рѣшила она себѣ:—ты вѣдь знала и раньше что онъ любитъ тебя; такъ зачѣмъ же не раньше, а только

теперь? Оттого что тебя больно ударили, такъ ты и бѣжишь какъ малый ребенокъ подъ крылышко няньки чтобъ она тебя утѣшила, успокоила.... А вѣдь онъ любитъ тебя такъ же какъ ты *этого*; но вѣдь онъ не подъ чье крылышко не прятался когда ты ему платила равнодушіемъ подъ видомъ дружбы; а теперь, какъ больно стало, такъ и къ нему!... Нѣтъ, не надо! Не пойду я къ нему, ни къ кому не пойду!... И никого, и ничего мнѣ не надо!"

Она рѣдко стала выходить изъ дому, развѣ только для прогулокъ, выбирая для нихъ улицы менѣ людныя, потому что ей какъ-то бессознательно досаденъ становилась весь этотъ кипучій шумъ и грохотъ, вся эта толчея бойкой городской жизни. Она съ удовольствіемъ промѣняла бы теперь этотъ Петербургъ на двухъоконную комнатку въ глухой, степной деревнюшкѣ: ей захотѣлось уйти и спрятаться отъ всѣхъ и отъ всего, а болѣе отъ самой себя, отъ своей тоски и думы. Знакомыхъ у ея тетки здѣсь было очень не много, да и тѣ стали въ тягость Татьянѣ; даже театръ, который она такъ любила, утратилъ для нея всю свою прелесть. Мало-по-малу на нее стала цѣлыми днями находить какая-то лѣнливо-сонная апатія. Но такое состояніе скоро было замѣчено ею, и она испугалась его. „Нѣтъ, надо кончить это! Надо дѣло дѣлать, а то эдакъ въ конецъ распустишь себя!“ сказала она себѣ и нравственно встрепенулась. Но какое дѣло? Въ чемъ дѣло и гдѣ найти его, это дѣло, по душѣ, по сердцу? Въ окружающей обстановкѣ данной минуты Татьяна не видѣла для себя этого спасительнаго дѣла, которое исцѣлило бы ее, да его тамъ и не было. Какъ же, наконецъ, быть-то? задала она себѣ вопросъ. Читать и учиться! больше учиться, больше читать — это все что до времени остается ей, а тамъ.... время, говорятъ, выльчить. И Татьяна остановилась на этомъ рѣшеніи.

III. Книжная торговля и кабинетъ для чтенія Луки Добронравова и К^о.

Эти слова яркими и крупными буквами были начертаны на большой выѣскѣ, прибитой надъ пятью окнами перваго этажа одного изъ большихъ домовъ, на одной изъ бойкихъ, промышленныхъ улицъ, и эти-то самыя слова случайно, во

время прогулки, попались на глаза Татьянѣ Николаевнѣ Горевой.

„Вотъ и кстати! подумала она:—дай зайдѣ, авось можно абонироваться чтобы брать книги на домъ.“

Подумала и зашла.

Обстановка магазина довольно приличная. За ясеневой конторкой стоитъ какая-то дама, весьма привлекательной наружности, съ пепсе на носу, и вписываетъ что-то въ конторскую книгу. Полурастворенная дверь позволяетъ видѣть часть смежной внутренней комнаты, которая, судя по обстановкѣ, служила кабинетомъ для чтенія. Изъ этой комнаты доносилось нѣсколько одновременно спорящихъ голосовъ, между которыми вышывался порою и голосъ женщины.

Горева обратилась къ дамѣ стоявшей за конторкой.

Она, прежде чѣмъ отвѣтитъ на ея вопросъ, оглядѣла ее всю съ ногъ до головы и, продолжая вписывать, спросила въ свою очередь:

— А вы на какія книги хотите абонироваться?

— Тамъ смотря какъ.... Это будетъ зависетьъ отъ моего выбора.

— Мы на глупыя книги не принимаемъ абонементъ, ни съ того, ни съ сего замѣтила вдругъ дама съ пепсе,—если вы на такое чтеніе думаете подписаться, такъ обратитесь лучше въ другія библіотеки.

Такая неожиданная выходка, ничѣмъ не вызванная со стороны Горевой, показалась ей по малой мѣрѣ очень странною. Она уже готовилась возразить что, по ея мнѣнію, въ книжномъ магазинѣ, ради его собственныхъ выгодъ, должны быть всякія книги, а на выборъ для чтенія тѣхъ или другихъ изъ нихъ едва ли можно налагать такія условія, какъ вдругъ въ эту самую минуту съ порога смежной комнаты громко раздавался пріятно удивленный голосъ:

— Ахъ!... Горева!... Неужели это вы? Да какими судьбами? Здравствуйте!

Татьяна Николаевна обернулась и увидѣла старую свою знакомку.

На порогѣ, съ неизмѣнною папироской въ рукахъ, стояла Лиденька Затцъ.

Въ Славнобубенскѣ онѣ были нѣсколько лѣтъ сряду хорошими знакомыми. Лиденька не безъ внутренняго удовольствія называла себя даже пріятельницею Горевой, и несмотря

на все свое подчинение авторитету Ардалиона Полоярова, не долюбивавшаго Татьяны, имѣла твердость не измѣнять къ ней своихъ отношеній, хотя отношенія эти и были чисто выѣшнія. Въ сущности Лиденька не понимала Горевой, да никогда и не задавалась мыслию понять ее; но такъ какъ разъ уже установилось между ними доброе знакомство, и такъ какъ Горева оказывала ей нѣкоторое вниманіе, всегда была очень мила и ласкова съ нею, и наконецъ, такъ какъ она, благодаря себѣ и теткѣ, была довольно хорошо и независимо поставлена въ славнобубенскомъ „обществѣ“, то Лиденька и считала за лучшее сохранять съ ней свои хорошія отношенія и по-своему даже любила ее.

Она, и теперь, повидимому, очень обрадовалась этой неожиданной встрѣчѣ и даже поцѣловалась съ Татьяной.

— Здравствуйте, миленькая моя! Какими вы судьбами забрели сюда?... Ступайте къ намъ сюда, сюда, вотъ въ эту комнату: это наша читальня! тараторила Лиденька, таща Гореву за собой.—Какъ у насъ тутъ прекрасно! Просто первый сортъ! Пойдемте, поболтаемте, я васъ съ *нашими* познакомя... Господа! вотъ вамъ Горева, моя славнобубенская пріятельница! возгласила она въ заключеніе свой болтовни, введя Гореву въ читальную комнату, гдѣ засѣдали три-четыре человѣка весьма разнообразной наружности.

— А это вотъ, продолжала Лиденька, указывая по очереди на засѣдавшихъ господъ,—Добронравовъ, Малгоржановъ, Фружкинъ и князь Багрово-Плохово, въ нѣкоторомъ родѣ благородная отрасль древняго аристократическаго рода, хотя намъ на это наплевать!

При этихъ словахъ господинъ, названный княземъ, съ поклономъ новой гостьѣ, глупо оскалил свои зубы и еще глупѣе какъ-то захохоталъ громкимъ смѣхомъ. Это „наплевать“, очевидно, весьма ему понравилось. Лука Добронравовъ, имя котораго красовалось на выѣвскѣ, былъ рябъ и вихроватъ. Желтые короткіе волосы его вихрами торчали во всѣ стороны какъ на головѣ, такъ и на лицѣ. Весьма несурazo скроенный, одѣтый въ неуклюжій пиджакъ и туфли, онъ былъ высокъ, угловатъ въ костяхъ и все какъ-то сутулался, ежился, пружился и говорилъ не иначе какъ угрюмымъ басомъ и притомъ очень воздержно, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, ограничиваясь болѣе либо выразительнымъ молчаніемъ, либо же краткимъ мычаньемъ очень глубокомы-

лезнаго свойства. Онъ сохранялъ въ себѣ явные слѣды провинціальной семинаріи добраго стараго времени. На взглядъ казался уже пожилымъ человѣкомъ, хотя ему не было еще и тридцати лѣтъ.

Малгоржановъ принадлежалъ къ расѣ „восточныхъ человѣковъ“ и немного подходилъ къ тому достолюбезному типу который извѣстенъ подъ именемъ отвратительныхъ красавцевъ. Впрочемъ, Малгоржановъ и самъ, по общей слабости восточныхъ человѣковъ, думалъ о себѣ что онъ „молодцѣ и красавица“, и что поэтому ни одна женщина противъ его красоты устоять не можетъ.

Моисей Исааковичъ Фрумкинъ, очень вертлявый молодой человѣкъ, довольно красивой наружности, постоянно старался держать себя какъ можно бойче и развязнѣе, втайнѣ желая тѣмъ самымъ скрыть свое семитическое происхожденіе, и въ силу этой же причины очень огорчался въ душѣ своей тѣмъ печальнымъ обстоятельствомъ что носилъ выдающее имя Моисея, да еще вдобавокъ Исааковича.

Князь Багрово-Плохово являлъ изъ себя тощаго, длиннаго, безбородаго юношу, съ пошленькою физиономіей и въ безукоризненномъ костюмѣ по послѣдней модной картинкѣ. Этотъ князь, повидимому, весьма гордился тѣмъ что находится въ обществѣ Малгоржанова, Фрумкина, Затцъ и Доброправова, къ которымъ охотно относился со знаками искренняго почтенія. Онъ былъ здѣсь всѣхъ моложе и всѣхъ глупѣе, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовала его физиономія. Болѣе сего сказать о немъ нечего.

Всѣ эти личности состояли членами той компаніи, для которой Лука Доброправовъ служилъ выѣской. Лиденька тараторила какъ сорока, не умолкая почти ни на минуту. Слова: „ассоціація, трудъ, капиталъ, раздѣленіе труда, дѣло, подлость, подлецы, правомѣрность, цѣлесообразность, коммунизмъ, прогрессъ, социализмъ, позитивизмъ, реализмъ“ и т. п., каскадомъ лились съ языка Лиденьки, которая съ переѣздомъ въ Петербургъ, какъ замѣтила теперь Горева, стала еще бойче и въ извѣстномъ направленіи полдированнѣе. По всему было замѣтно что общество Фрумкина и Доброправова очень хорошо отшлифовало ее относительно этого направленія. Лиденька не безъ увлеченія повѣствовала Горевой что они, вообще новые люди (то-есть и она въ ихъ числѣ), устроили свою жизнь на совершенно новыхъ началахъ, что у нихъ органи-

зовалась правильная ассоціація съ общимъ раздѣленіемъ труда и заработка, что эта ассоціація завела вотъ уже книжную торговлю и переплетную мастерскую, и теперь хлопочетъ о заведеніи швейной и типографіи, и что всѣ они, а она, Лиденька, въ особенности, ужасно теперь заняты дѣломъ, и что дѣла у ней просто по горло: „вся въ дѣлѣ, ни на минуту безъ дѣла!“ тараторила она, и Горева довольно внимательно слушала ея болтовню. Фрумкинъ вызвался руководить выборомъ ея чтенія и предложилъ на первый разъ Бокля, но Добронравовъ не одобрилъ такого выбора.

— Бокль, это такъ-себѣ.... Онъ, пожалуй, хоть и изрядный реалистъ, замѣтилъ Лука, — а все-таки швахъ! До точки не доходить.... филистеръ! А если читать—никого и ничего не читайте,—однихъ нашихъ! Наши честнѣй и послѣдовательнѣй.... ничего не побоялись, не струсили ни предъ кѣмъ.... Наши пошли гораздо логичнѣе, дальше пошли чѣмъ всѣ эти хваленые Бокли. Это, повѣрьте, такъ!

Горева присидѣла въ читальнѣ около часу. Лиденька просила ее заходить почаще и сама тоже обѣщалась какъ-нибудь завернуть къ ней. Въ концѣ концовъ ее снабдили абонементнымъ билетомъ и связкою нѣсколькихъ книжекъ, по преимуществу состоявшихъ изъ собранныхъ и переплетенныхъ воедино кой-какихъ журнальныхъ статей. Выборъ этихъ книжекъ удостоилъ сдѣлать для Татьяны самъ Лука Добронравовъ, сказавъ что эти статьи не достаточно прочесть, но надо даже изучать какъ догматы всякому порядочному и честному человѣку.

Хотя Горева и не слѣпо повѣрила на первый разъ рекомендаціи Добронравова, тѣмъ не менѣе книги были охотно приняты ею.

Теперь, казалось ей, былъ отысканъ хоть призракъ какого-нибудь дѣла: книга все же представляла нѣкоторое отвлечение отъ тяжелыхъ думъ и гнетущаго чувства.

III. Призракъ дѣла.

Черезъ нѣсколько дней, Татьяна совершенно неожиданно получила отъ Устинова письмо, гдѣ онъ сообщалъ о своемъ окончательномъ рѣшеніи бросить въ самомъ скоромъ времени службу въ Славнобубенскѣ чтобы пріѣхать въ

Петербургъ, и спрашиваеъ у Татьяны объ ея столичномъ житѣ-бытѣ, о Хвалынцевѣ, о Полоярской компаніи, о которой отзывался, хотя и вскользь, но не безъ ироніи. Горева обрадовалась случаю писать къ нему и, не откладывая въ дальній ящикъ, принялась за отвѣтъ. Вотъ что она писала между прочимъ:

„Вы спрашиваете про мое житѣ-бытѣ, да про то что я дѣлаю: что вамъ сказать на это? Стыдно сознаться, а утаить не могу, что пока ровно еще ничего не дѣлаю. Только всего и дѣла-то у меня что читаю, но это, какъ начинается мнѣ теперь казаться, еще не дѣло, а только призракъ дѣла, или, пожалуй, оно могло бы быть при случаѣ подготовкой къ дѣлу. Помните ли, моимъ всегдашнимъ убѣжденіемъ было что скучно жить на свѣтѣ безъ дѣла, что необходимо надо чтобъ у каждаго человѣка было хоть какое-нибудь дѣло, дѣль, задача въ его жизни. И—увы!—съ убѣжденіемъ такого рода, я сама ясно вижу что вотъ именно у меня-то, у меня самой, и нѣтъ ровно никакого серьезнаго, жизненнаго дѣла. Вы, мой добрый другъ, пронизываете надъ Лиденькой Затцъ и Полоярскою компаніей, а я вамъ, къ величайшему вашему удивленію, скажу на это что иронія тутъ совершенно напрасна. Я сама еще очень недавно относилась къ нимъ точно также, а теперь.... теперь у меня не хватало бы духу на это, потому что я чувствую что съ подобнымъ отношеніемъ я была бы неправа предъ ними. Можно было посмѣиваться надъ этими людьми, когда они только размагольствовали, когда все дѣло ограничивалось у нихъ одними только словами да звонкими фразами. Но хватить ли у васъ духу смѣяться, когда вы увидите что фраза не осталась фразой, что эта фраза, проникнутая вѣрой и убѣжденіемъ, переходитъ на практическую, житейскую почву, воплощается уже въ серьезномъ, насущномъ дѣлѣ? Оставимте въ сторону всѣ Полоярскія нечлѣности, да и самого Полоярова въ сторону. Но вотъ, напримеръ, открытіе книжной торговли, учрежденіе переплетной мастерской, швейной, типографіи, и все это на разумныхъ и строгихъ началахъ ассоціаціи—это уже не нечлѣность, а практическое, насущное дѣло, ведущее въ концѣ концовъ къ тому чтобъ упрочить честный трудъ на честныхъ основаніяхъ, на его свободѣ и на справедливости. Тутъ уже дѣло идетъ о вѣрномъ и честномъ кускѣ хлѣба, стало-быть о томъ чтобъ людямъ было легче и удобнѣе жить на свѣтѣ. И надъ этимъ стремленіемъ, осуществляемымъ практически, мы съ вами смѣяться, конечно, не станемъ. Все сдѣланное доселѣ въ данномъ отношеніи этими людьми не болѣе какъ первая попытка, первое зерно брошенное въ почву, но если ростъ этого зерна будетъ правиленъ, сколько блестящихъ, неоцѣненныхъ плодовъ принесетъ оно!... Я въ Петербургѣ совершенно случайно натолкнулась на этихъ „новыхъ людей“, а

еще ихъ очень мало знаю, встрѣчаюсь съ ними не особенно часто; но я стала пристальнѣй приглядываться къ нимъ и раздумываться надъ ними. Конечно, въ нихъ есть свои странныя, неуклюжія, пожалуй, и смѣшныя стороны, есть и свои крайности, но при этомъ, какъ мнѣ кажется, въ нихъ много характера.... энергіи, упорства и вѣры въ свое дѣло. Они едва ли способны на крупныя уступки и сдѣлки съ тѣмъ порядкомъ вещей, на борьбу съ которыми ихъ вызываетъ стремленіе къ своему идеалу. Все это, повторяю вамъ, мнѣ такъ кажется. Они уже тѣмъ неизмѣримо счастливѣе меня что нашли свое дѣло и идутъ своею дорогою съ твердою вѣрой и въ это дѣло, и въ свое призваніе, а я.... я все еще стою на какомъ-то распутьи и жду. А зачѣмъ стою и чего жаду, про то и сама не знаю. Вы говорите про Лиденьку Затѣ. Мы съ вами знавали ее въ Славнобубенскѣ пустою и нѣскольکو эксцентричною болтуней; но тѣмъ-то мнѣ и горше что даже эта пустельга дѣлаетъ дѣло, насколько можетъ и умѣетъ дѣлать, что даже и она нашла себѣ его, а я, грѣшная, остаюсь только при однихъ исканіяхъ да добрыхъ порывахъ, отъ которыхъ въ результатѣ все-таки нуль оказывается. Это-то вотъ горькое раздумье надъ собой, приведшее меня къ такому сознанию, и заставило меня нѣсколько иначе посмотреть на Лиденьку и ей подобныхъ. Я вглядываюсь теперь и хочу вглядѣться въ нихъ еще больше, еще пристальнѣй. Во всякомъ случаѣ, теперь я стала глядѣть на людей этой категоріи гораздо серіознѣе чѣмъ прежде.“

Такова была исповѣдь Татьяны, таковы были мотивы побудившіе ее пока, если и не къ окончательному сближенію съ ея новыми знакомцами, то къ установкѣ извѣстнаго взгляда на нихъ. Причиной этого была все-таки неопредѣленная жажда дѣятельности, стремленіе къ призраку *дѣла*, такого хорошаго, полезнаго дѣла, которому можно было бы отдать себя вполне и въ немъ уже окончательно найти забвеніе и успокоеніе душевное.

IV. Вдовушка Сусанна.

Въ Петербургѣ есть цѣлыя дома съ такимъ расположеніемъ большинства квартиръ которое какъ нельзя удобнѣе приспособлено къ устройству въ нихъ такъ-называемыхъ *chambres garnies*. Общій, наиболѣе распространенный типъ подобной квартиры непременно представляетъ длинный, полутемный корридоръ, съ двухъ сторонъ котораго идутъ дверки ведущія въ отдѣльныя комнаты. Одна или двѣ изъ такихъ

комнаты размѣрами своими всегда превосходятъ всѣ остальные и какъ бы заранѣе предназначаются „подъ хорошаго жильца“. Эти квартиры рѣдко остаются въ Петербургѣ пустыми и постоянно приносятъ хорошій доходъ какъ съѣмщикамъ, такъ и домохозяевамъ. Одна изъ подобныхъ квартиръ, въ одномъ изъ недалекихъ отъ центра кварталовъ, была занята на имя вдовы штабъ-ротмистра Сусанны Ивановны Штрома.

Сусанна Ивановна въ полномъ совершенствѣ была то что называется „интересная вдовушка“. Для того чтобы быть „интересною вдовушкой“ у нея имѣлось все: двадцать восемь лѣтъ отъ роду, очень привлекательная наружность, извѣстнаго рода лоскъ и капиталъ. Капиталъ, это главное. А капиталъ Сусанны Ивановны простирался ровно до шестидесяти тысячъ. У Сусанны Ивановны были великолѣпные, густые и длинные каштановые волосы и агатовые, каріе глаза. Это были глаза большіе, лѣнливо-томные и безконечно добрые, съ нѣсколько коровьимъ отблѣкомъ въ выраженіи, что придавало имъ только извѣстный характеръ, но отнюдь не мѣшало ихъ красивости. Та же безконечная доброта сказывалась и въ ея крупныхъ, чувственныхъ губахъ. Эти волосы и эти глаза, съ этимъ очеркомъ губъ и съ мягкою полноватостью всей ея комплексіи, при правильной соразмѣрности средняго роста, дѣлали изъ Сусанны Ивановны, какъ уже сказано, очень привлекательную женщину. Въ общемъ и наиболѣе постоянно выраженіи красиваго лица Сусанны Ивановны господствовала все та же безконечная доброта, отчасти апатичная лѣнливость и еще какая-то недалковидность. Мушкетеры, поглядывая на Сусанну Ивановну не безъ нѣкотораго своекорыстія, обыкновенно думали про себя: „а хорошо бы, чортъ возьми, поразшевелить эту бабенку!“ Даже самая недалковидность, отражавшаяся въ ея физиономіи, не вредила общему впечатлѣнію, ибо, по замѣчанію нѣкоторыхъ компетентныхъ цѣнителей, недалковидность въ иныхъ случаяхъ относится никакъ не къ недостаткамъ, но къ положительнымъ достоинствамъ женщины. Сусанна Ивановна семнадцати лѣтъ вышла замужъ за гусарскаго корнета Штрома, и притомъ вышла по самой страстной, неукротимой любви къ этому корнету. Все имущество корнета, кромѣ носильнаго платья, заключалось въ серебряныхъ ментшкетахъ да въ дорожномъ погребцѣ, при чемъ однако онъ какими-то судьбами могъ служить въ

гусарахъ: этому впрочемъ помогло необыкновенно ловкое умѣнье дѣлать долги, не теряя собственного достоинства. Сусанна Ивановна, единственная дочь и наследница очень богатаго южно-степнаго помѣщика, съ ея сто-тысячнымъ приданымъ, была блистательною приманкой и не для гусарскаго корнета. А тутъ вдругъ эта пылкая любовь къ его особѣ. Корнетъ Штромъ въ одинъ мигъ сообразилъ что съ его стороны было бы величайшею и непростительнѣйшею глупостью не воспыпать къ Сусаннѣ Ивановнѣ взаимною любовью, и воспыпалъ. И что всего замѣчательнѣе, воспыпалъ совершенно искренно. Родитель о такомъ бракѣ и слышать не хотѣлъ; тогда корнетъ Штромъ выкралъ Сусанну Ивановну изъ родительской усадьбы, увезъ ее въ эскадронъ и обвинчался экстреннымъ манеромъ. Сусанна Ивановна была въ восторгѣ, и оттого что ее увезли потайнымъ образомъ, и оттого что у нея такой хорошенькій мужъ, въ голубомъ гусарскомъ долманѣ, и на третій день послѣ столь радостнаго событія подкатила четверней къ родительскому крыльцу, вмѣстѣ съ молодымъ мужемъ, въ великолѣпномъ дормезѣ, нарочно взятомъ для этого случая у полковаго командира. Родитель было первымъ дѣломъ на дыбки: „ты, молъ, не дочь мнѣ! У меня нѣтъ болѣе дочери! Видѣть не хочу!“ и пр. А Сусанна Ивановна ему на это: „Батюшка! мы дѣти ваши! Мы любимъ!“ и т. д., словомъ, все совершенно такъ, какъ бываетъ въ театраль-ныхъ представленіяхъ, для вящаго сходства съ которыми родитель въ концѣ концовъ простеръ надъ ними руки, очень трогательно произнесъ: „Дѣти мои, будьте счастливы!“ и задалъ великолѣпный банкетъ всему гусарскому полку и всему мѣстному дворянству. Родитель даже очень полюбилъ своего зятка и, по прошествіи трехъ лѣтъ, отписалъ ему, что такъ какъ его родительское здоровье становится плохо, то и хотѣлъ бы онъ послѣдніе дни свои провести съ дѣтми и внуками, а посему выходи-ка въ отставку и перебирайся ко мнѣ въ деревню. Зять такъ и сдѣлалъ, а мѣсяцевъ десять спустя родитель скончался, и madame Штромъ сдѣлалась обладательницей богатаго наследства. Отставной штабъ-ротмистръ зажилъ широко, на гусарско-барскую ногу, и супруга была этимъ очень довольна. Прожили они такимъ образомъ, во взаимномъ мирѣ, любви и согласіи почти девять лѣтъ, считая со дня свадьбы. Самъ Штромъ за все это время успѣлъ сильно облѣниться, обрюзгнуть, растолстѣть и сталъ страдать

одышкой. Madame же Штромъ только хорошила себя на привольной помѣщичьей жизни. Было у нихъ двое дѣтей, двое мальчиковъ, и родители съ обоюднаго согласія порѣшили что пора, молъ, для мальчиковъ взять гувернера, который былъ бы заодно ужъ и учителемъ. Бонна Французенка у нихъ ужъ была, и мальчуганы хорошо болтали по-французски; къ нѣмецкому же языку и къ Нѣмцамъ самъ Штромъ, несмотря на свою германскую фамилію, питалъ непримиримое отвращеніе и учить дѣтей „тому телачьему языку“ ни за что не хотѣлъ. Поэтому рѣшено было не брать въ гувернеры ни Нѣмца, ни Француза. Случилось ему быть по дѣламъ въ Ростовѣ-на-Дону, и тутъ ему, кстати, отрекомендовали хорошаго гувернера. Отрекомендовалъ нѣкоторый нахичеванскій купецъ-Армянинъ, съ которымъ Штромъ имѣлъ дѣла по шерстяной торговлѣ. Въ качествѣ искомаго гувернера къ эксъ-гусару явился молодой человѣкъ восточнаго происхожденія и отрекомендовался студентомъ который, „по домашнимъ обстоятельствамъ“, не успѣлъ докончить университетскаго образованія. Точно ли молодой человѣкъ былъ студентомъ и на сколько въ показаніяхъ его было правды, Штромъ не справлялся, а просто молодой человѣкъ ему понравился, и онъ взялъ его въ гувернеры. Этотъ гувернеръ изъ восточныхъ человѣковъ былъ Малгоржановъ.

Этотъ Малгоржановъ, какъ сказано уже, воображалъ о себѣ что онъ „молодца и красавица“, и вдругъ—увы!—къ несчастію толстаго Штрома, Сусанна Ивановна нашла его тоже „молодцомъ и красавицей“.... Помѣщичьи хлѣба въ то время были еще хорошіе, жирные, деревенское житье привольное, спанье на пуховикахъ сладкое, деревенская скука великая, и барское, а особенно женское бездѣлье неисчерпаемое, и вотъ, въ силу этихъ совокупныхъ причинъ, а болѣе всего отъ скуки и бездѣлья, полѣзла дурь въ голову Сусанны Ивановны. А тутъ еще этотъ Малгоржановъ со своими „новыми идеями“. Онъ тотчасъ принялся „развивать“ Сусанну Ивановну, и развитіе это касалось болѣе того что жить такъ, какъ Сусанна Ивановна живетъ, для „мыслящей женщины“ невозможно, что эдакъ можно задохнуться, и Сусанна Ивановна вдругъ стала сознавать что и точно можно задохнуться, и что она уже задыхается. Потомъ Малгоржановъ сталъ увѣрять что она хотя еще и не развитая, но очень замѣчательная, „мыслящая и изъ ряду вонъ выходящая женщина“, и Сусанна Ивановна

стала чувствовать что она и мыслить, и изъ ряду выходить, хотя до Малгоржанова ни того ни другаго въ себѣ не замѣчала; но тѣмъ-то и болѣе чести этому Малгоржанову, тѣмъ-то и выше заслуга его что онъ первый подвѣтилъ въ ней это выдаваніе изъ ряду, что онъ первый „разбудилъ“ въ ней „трезвую мысль“. Сталъ Малгоржановъ говорить ей что хотя ея супругъ, быть-можетъ, и очень почтенный по-своему человѣкъ, но что онъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ ретроградный и „не понимаетъ“ своей супруги и даже не можетъ понимать ее, и Сусанна Ивановна вдругъ стала замѣчать что и въ самомъ дѣлѣ не понимаетъ и понять не можетъ, что онъ только спитъ да ѣсть, да со старостой объ овсахъ толкуеть. Малгоржановъ сталъ увѣрять ее что она, вслѣдствіе всего этого, очень несчастлива въ своей семейной жизни, что эта обстановка не по ней, и Сусанна Ивановна увѣровала что и точно она очень несчастлива, и что ей какъ можно скорѣй надо другую обстановку. Со скуки Сусаннѣ Ивановнѣ казалось даже что она очень привязана къ Малгоржанову, что безъ него она жить не можетъ, что онъ первый который „понялъ, разбудилъ и воззвалъ ее къ новой жизни“, что онъ всегда, даже и до своего появленія въ ихъ домѣ, былъ ея идеаломъ, что она всегда стремилась къ такому идеалу и только теперь обрѣла его. Сначала все было шло хорошо у нихъ въ этой новой жизни при старой обстановкѣ. Развитіе благополучно дошло до точки желанной Малгоржанову; толстый Штромъ по-прежнему ѣлъ, спалъ и толковалъ объ овсахъ со старостой, какъ вдругъ этотъ самый злодѣй староста, „жаліючи пана“, подшепнулъ ему однажды что у самой пани „съ тымъ Армяшкой щось-то таке скоромне!“ Штромъ зналъ что староста мужикъ честный, вѣрный и правдивый, который на вѣтеръ зря слова не кинетъ, тѣмъ не менѣе очень разсердился, вспылилъ, сказалъ ему дурака и каналью и съ топотомъ выгналъ изъ кабинета. Но старостино слово заронилось ему въ душу и втайнѣ стало сосать и тревожить его. Толстякъ исподоволь началъ наблюдать за женой и гувернеромъ, и вскорѣ долженъ былъ убѣдиться что старостино слово не мимо шло. Онъ, ни мало не думая, принялъ Малгоржанова въ аранники, и послѣ горячей собственноручной расправы, вытурилъ изъ дому, „чтобы черезъ часъ и духу его на десять верстъ не пахло!“ Сконфуженный Малгоржановъ удалился въ родную Нахичевань, а у Штрома

съ этой несчастной минуты пошелъ непрерывный кавардакъ въ его семейной жизни. Съ Сусанной Ивановной стали дѣлаться нервные припадки; пошли истерики, вопли, слезы, укоры, брань.... Дѣти, вида что мать чего-то вопить, тоже ревъ подымають, и идетъ этотъ ревъ и вой по всему дому. Супружескія крупныя сцены вспыхивали ежедневно, а то и по нѣскольку разъ на день. Сусанна Ивановна томилась по своему Малгоржанову и все порывалась летѣть къ нему и за нимъ хоть на край свѣта; дѣти забыты, заброшены, занеряшены и не умыты; хозяйство ползетъ врозь, всякое дѣло изъ рукъ валится, за столомъ въ горло кусокъ нейдетъ, вся домашняя прислуга съ толку сбилась и въ барскихъ комнатахъ ходитъ какъ одурѣлая, а домъ стали этотъ домъ и эта жизнь для толстаго и лѣниваго Штрома. Наконецъ Сусанна Ивановна рѣшительно объявила ему что жить болѣе съ нимъ не намѣрена и уѣзжаетъ сегодня же, что онъ съ дѣтьми можетъ оставаться въ деревнѣ, а она, съ своей стороны, такъ какъ все состояніе принадлежитъ ей, будетъ высылать ему и дѣтямъ ежегодно известнаго рода пенсію, и за симъ просить считать ее свободною во всѣхъ отношеніяхъ. Штромъ ни слова не возразилъ ей на это: онъ радъ былъ избавиться отъ домашняго ада, и Сусанна Ивановна укатила, впрочемъ очень нѣжно простясь со своими мальчиками. Черезъ двѣ-три недѣли послѣ этого она уже была въ Петербургѣ, въ сопровожденіи своего „кузена“ Малгоржанова. Однако столь рѣзкая перемена въ семейныхъ обстоятельствахъ не прошла даромъ для эксъ-гусара. Онъ затосковалъ, и съ горя, въ кругломъ безвыѣздомъ и безлюдномъ одиночествѣ, сильно сталъ придерживатся чарочки. Онъ сдѣлался еще лѣнивѣе и сонливѣе, по цѣлымъ суткамъ не сползалъ со своего дивана и кончилъ тѣмъ что черезъ полгода подобной жизни, въ одну душную ночь, хватилъ его коңдрашка; къ полудню случился второй ударъ, вечеромъ третій, и штабъ-ротмистръ Штромъ переселился въ обители горня.

Сусанна Ивановна сдѣлалась „интересною вдовушкой“.

Она сѣздила въ деревню затѣмъ чтобы надъ могилой мужа воздвигнуть приличный мавзолей, свести свои счеты да дѣла и забрать своихъ ребятъ, которыхъ намѣревалась помѣстить въ Петербургѣ на полный пансіонъ къ одному педагогу. По сведенію счетовъ оказалось что въ теченіе девяти лѣтъ прожито безъ малаго шестьдесятъ тысячъ, что, при

широкой жизни, сравнительно говоря, было еще не особенно много. Сусанна Ивановна порѣшила продать свое имѣніе, ужасно продешевилась на этой продажѣ, но все-таки въ концѣ концовъ у нея осталось наличныхъ еще около шестидесяти тысячъ, съ которыми она и прикатила опять въ Петербургъ, въ объятія восточнаго кузена. У Малгоржанова были здѣсь его старые знакомцы, съ которыми онъ сошелся еще года за два предъ симъ, въ то время какъ въ качествѣ вольнослушателя посѣщалъ университетскія лекціи. Между этими знакомцами первую роль играли Лука Добронравовъ и Моисей Фрумкинъ. Малгоржановъ уважалъ и того и другаго. Появись въ Петербургъ съ такою интересною особой какъ Сусанна Ивановна, онъ никакъ не воздержался чтобы не познакомить съ нею своихъ уважаемыхъ друзей, предъ которыми предварительно распространился о томъ какая это замѣчательная женщина, какъ онъ постарался дать ей человѣческое развитіе и затѣмъ вырвалъ изъ когтей тирана и деспота мужа. Лука съ Моисеемъ весьма благосклонно отнеслись къ кузину Малгоржанова.

Лука Добронравовъ хотя и былъ человѣкъ узкій, односторонній, но своеобразно честный. Это былъ по природѣ своей фанатикъ, и не будь онъ „новымъ человѣкомъ“, то навѣрное былъ бы самымъ суровымъ отшельникомъ-монахомъ. Онъ и теперь велъ жизнь суровую, исполненную всяческихъ, и вольныхъ, и невольныхъ лишеній. Это былъ идеалистъ реализма, или, вѣрнѣе сказать, мистикъ реализма, которому поклонялся съ фанатизмомъ индійскаго факира. И онъ глубоко вѣровалъ въ то чему поклонялся. Будучи нищъ и убогъ средствами, но твердъ и богатъ своею вѣрой, онъ упорно мечталъ о множествѣ проектовъ, ведущихъ къ пересозданію рода человѣческаго, къ обновленію соціального строя человѣческой жизни. Ему хотѣлось чтобы люди жили въ великолѣпныхъ алюминіевыхъ фаланстерахъ, предъ которыми казались бы жалки и ничтожны дворцы сильныхъ міра сего, чтобы всякій трудъ исполнялся не иначе какъ съ веселою пѣсней и пляской, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ въ день три фунта мяса къ обѣду, а между тѣмъ самъ Лука зачастую не имѣлъ куда голову приклонить, спалъ на бульварѣ, ходилъ работать на биржу когда не было въ виду ничего лучшаго, и иногда сидѣлъ безъ обѣда. Но собственные несчастія и неудачи какъ-то мало беспокоили его;

привыкъ ли онъ къ нимъ, или натура ужь у него была такая закаленная, только эти лишения и невзгоды составляли для него даже предметъ самодовольной гордости. Онъ именно какъ бы гордился тѣмъ что ему вѣсть нечего и голову приклонить некуда, и еще самъ старался увеличивать свои неудобства. Когда, напримѣръ, кто-нибудь изъ товарищей предлагалъ Лукѣ теплую комнату и мягкую постель, Лука зачастую отказывался и уходилъ спать на бульваръ или въ паркъ Петровскій.

Моисей же Фрумкинъ былъ великій практикъ въ дѣлахъ міра сего и обладалъ чисто іудейскою, увертливою и находчивою сметкой. Когда Малгоржановъ повѣдалъ двумъ своимъ пріятелямъ о подвигѣ развитія учиненномъ надъ помѣщицей Сусанной и о томъ что у этой Сусанны есть шестьдесятъ тысячъ чистоганомъ, Фрумкину вдругъ явилась блестящая идея приспособить Сусанну „къ дѣлу“. Онъ сообразилъ что хорошо было бы убѣдить эту Сусанну основать на часть ея денегъ нѣчто въ родѣ фаланстера для совмѣстнаго сожитія новыхъ людей и тутъ же кстату примкнуть швейную, переплетную и прочія блага. Эту богатую идею сообщилъ онъ Лукѣ, и Лука схватился за нее со всѣмъ жаромъ: онъ видѣлъ въ ней фактическое осуществленіе своей завѣтной мечты о перерожденіи и перевоспитаніи рода человеческого. Когда друзья посвятили Малгоржанова въ свой проектъ, то этотъ сильно поморщился, однакоже, послѣ довольно долгихъ и энергическихъ убѣжденій, боясь потерять репутацію новаго человѣка и уваженіе Луки и Моисея, склонился на ихъ доводы, склонился съ затаеннымъ сокрушеніемъ сердца, ибо втайнѣ ласкалъ себя пріятною мыслію что эти шестьдесятъ тысячъ, въ силу, такъ-сказать, нравственнаго сродства съ Сусанной, принадлежатъ и ему въ нѣкоторомъ смыслѣ. Но убѣжденный наконецъ краснорѣчивыми доводами Фрумкина, онъ разрешилъ что устройство фаланстера и прочихъ благъ потребуетъ немного, что-нибудь въ родѣ пяти-шести тысячъ, и потому, сколь ни больно это было въ сущности, далъ друзьямъ свое согласіе и обѣщалъ дѣйствовать на Сусанну заодно съ ними.

Фрумкинъ приступилъ къ интересной вдовушкѣ исподоволь, гораздо глубже и дѣльнѣе чѣмъ Малгоржановъ посвящая ее въ нѣдра новыхъ идей новаго человечества. Съ нею, впрочемъ, работы ему было немного: врожденные качества неда-

новидности и безконечной, коровой доброты, столь ярко написанныя на ея лицѣ, помогли ему въ этомъ случаѣ чуть ли не болѣе чѣмъ всѣ великія идеи и горячія убѣжденія. Вдовушка Сусанна никому никогда и почти ни въ чемъ не умѣла отказывать, а потому весьма охотно согласилась нанять на свое имя пригодную квартиру и, подъ видомъ жильцовъ, пускать въ нее на жительство тѣхъ людей на которыхъ укажетъ Малгоржавовъ и его пріатели. Трудъ и капиталъ въ этомъ случаѣ предполагались общіе, на основаніи строгой ассоціаціи, такъ что Сусанна, судя по доводамъ Фрумкина, и не могла быть въ какихъ-нибудь особенныхъ убыткахъ. Съ основаніемъ фаланстера предполагалось тотчасъ же приступить къ осуществленію прочихъ проектовъ. Мечтатель Лука, продолжая измозжать свою плоть добровольными лишеніями, былъ совершенно счастливъ, и въ это-то время написалъ къ Полодрову то немногослаголивое, но яспорѣчивое посланіе, которое побудило Ардаліона летѣть изъ Славнобубенска въ Питерь.

V. Великіе проекты продолжаютъ осуществляться.

Шатался по Петербургу безъ всякаго дѣла нѣкій юный князь Багрово-Плохово. Воспитаніе и образованіе свое съ грѣхомъ пополамъ кое-какъ окончилъ онъ въ одномъ изъ привилегированныхъ разсадниковъ „статскихъ“ дѣятелей земли Русской. Впрочемъ онъ не то чтобы даже окончилъ курсъ, а просто выдали ему изъ разсадника свидѣтельство что находился-моль въ такомъ-то заведеніи. Поэтому означенный князь въ сущности былъ то что называется любитель просвѣщенія. Естественное предназначеніе этого князя, казалось бы, должно было заключаться въ граненіи тротуаровъ Невскаго проспекта, въ посвѣщеніи французскихъ спектаклей да различныхъ Жозефинъ, Прозерпинъ и пр. Но у князя открылась вдругъ одна злосчастная слабость: онъ ощутилъ до такой степени сильный зудъ писательства что во что бы то ни стало заказалъ себѣ быть литераторомъ; это стало любимѣйшею мечтою, счастливѣйшею надеждою, неотступною идеею юнаго князя, которая преслѣдовала его и на яву, и во снѣ. Князь сочинялъ стихи, романы, очерки, драмы, поэмы, водевили, соціальныя этюды, полемическія статейки, фельетоны,

словомъ, все чѣмъ только можетъ быть богата самая разнообразная литература. Это былъ самый плодовитый отецъ своихъ твореній. Каждое изъ нихъ отдавалось отличному каллиграфу, который переписывалъ княжеское произведеніе отчетливѣйшимъ образомъ и трудился надъ затѣплымъ изукрашеніемъ заглавнаго листа, послѣ чего тетрадь поступала къ переплетчику и выходила изъ его мастерской не иначе какъ въ великолѣпной бархатной и золотомъ тисненой обложкѣ. Можно съ полною увѣренностью утверждать что ни одно изъ произведеній самыхъ величайшихъ гениевъ челоѣчества не удостоилось чести побывать въ рукахъ своего творца съ такою роскошною внѣшностью какъ произведенія князя Плохово. Но при этой неукротимой и почти болѣзненной слабости къ писательству, и при громадномъ авторскомъ самолюбіи неизбѣжно соединенномъ съ нею, князь—увы! — былъ бездаренъ и не далекъ. И эти два качества отражались въ каждомъ его произведеніи. Но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они ярко кидались въ глаза всѣмъ и каждому, исключая самого князя, который считалъ себя самымъ разнообразнымъ писателемъ, потому что можетъ писать все, отъ физиологическаго трактата до водевиля. Князь жаждалъ извѣстности и славы. Со своими роскошно отдѣланными тетрадями онъ кидался во всѣ рѣшительно редакціи. И конечно, не было въ Россіи челоѣка который бы лучше и тверже его зналъ адреса всевозможныхъ петербургскихъ редакцій. Но—увы! — не нашлось ни одной газетки, ни одного журнальчика, который рѣшился бы украсить свои страницы однимъ изъ безчисленныхъ произведеній князя Багрово-Плохово. И что же? Князь не падалъ, не унывалъ духомъ, не разочаровался, даже не озлобился ни на единую изъ редакцій! Черта похвальнаго, рѣдкаго великодушія и незлобности при авторскомъ самолюбіи князя. Онъ всячески искалъ знакомства съ российскими литераторами, зачастую назойливо являлся ко многимъ изъ нихъ на поклонъ и радъ былъ кормить ихъ обѣдами и ужинами. Охотники, конечно, находились. Князю было рѣшительно все равно какого сорта эти литераторы — лишь бы только литераторы! Онъ довольствовался счастливымъ сознаніемъ что это „писатели“ помѣщающіе статьи свои въ журналахъ. И вотъ этого-то князя, со всѣми его

слабостями, навѣтилъ себѣ однажды Моисей Исааковичъ Фрумкинъ, который въ одной изъ редакцій занимался переводами. Для Фрумкина подобный князь былъ неопытною находкой, и Фрумкинъ рѣшилъ что и его, точно также какъ Сусанну Ивановну, необходимо нужно „приспособить къ дѣлу“. Князь имѣлъ нѣкоторый капиталецъ, тысячь до тридцати. Этотъ капиталецъ можно было пустить въ предпріятіе. Фрумкинъ познакомилъ князя съ Лукою и литераторомъ Полояровымъ. Князь остался въ восторгѣ и отъ того, и отъ другаго, а особенно отъ Полоярова, который, будучи предупрежденъ Фрумкинымъ чтобы расхваливать княжескія стихотворенія, сразу огорошилъ князя такою новостью что всѣ журналисты молъ сволочь, эксплуататоры честнаго труда и вдобавокъ ни уха, ни рыла не смыслятъ, а что гораздо лучше взять да основать свой собственный, отдѣльный и независимый органъ, и въ немъ уже невозбранно печатать все чего только душа пожелаетъ. Князю необыкновенно улыбнулась идея самому быть редакторомъ и печатать въ *своемъ* журналѣ всѣ свои произведенія. На такое дѣло онъ ни минуты не призадумался бы ухлопать все свое состояньишко. Но Фрумкинъ хотя и очень сочувствовалъ такой идеѣ, однакоже находилъ что сначала практичнѣе было бы устроить дѣло книжной торговли съ общественною читальней, которая могла служить общимъ центромъ для людей своего кружка, а при книжной торговлѣ можно сперва, въ видѣ подготовительнаго опыта, заняться изданіемъ отдѣльныхъ хорошихъ книжекъ, преимущественно по части переводовъ, а потомъ уже приступить и къ журналу. Князь и отъ этой идеи остался въ восторгѣ, а такъ какъ ее поддерживалъ и Лука Добронравовъ, то ей и суждено было осуществиться ранѣе журнала. Былъ подмоканы одинъ полураззорившійся книгопродавецъ, у котораго на княжескія деньги купленъ магазинъ, и вотъ, въ одно прекрасное утро, надъ окнами этого магазина появилась извѣстная уже вывѣска: „Книжная торговля и кабинетъ для чтенія Луки Добронравова и К^о.“ Имя Луки появилось на этой вывѣскѣ по просьбѣ самого князя, который не хотѣлъ (хотя и не сознавался въ томъ) чтобъ его аристократическое имя блистало на уличной торгашеской вывѣскѣ. Фрумкинъ по этому поводу прочелъ блистательный панегирикъ его скромности. Магазинъ хотя и былъ приобретенъ исключительно

на княжескія деньги, но, по проекту Моисея и Ардалиона, все это дѣло предполагалось основаннымъ на началахъ ассоціаціи: князь внесъ капиталъ денежный, а остальные должны были внести капиталъ умственного и матеріальнаго труда, и чрезъ этотъ вкладъ сдѣлаться равноправными дольщиками. Но въ сущности, если кто и трудился неустанно и неустанно, то это одинъ только Лука Доброврововъ, который ради этого дѣла отказался отъ житья въ фаланстерѣ и поселился кое-какъ въ узенькой и темной каморкѣ, состоявшей тутъ же, при книжномъ магазинѣ. Нужды нѣтъ что каморка походила болѣе на тѣсный чуланъ чѣмъ на комнату, неприхотливый Лука былъ ею совершенно доволенъ и все свое время проводилъ при книжномъ дѣлѣ. Днемъ приводилъ въ порядокъ книги, справлялъ должность библіотекаря, конторщика, бухгалтера, прикащика и даже рассыльнаго, а ночью составлялъ каталоги, писалъ отчеты и еще успѣвалъ справляться за сторожа, для чего собственно и поселился въ каморкѣ. Онъ поутру и печи топилъ, и полъ подметалъ, и на всѣ эти работы у него какъ-то съ избыткомъ хватало времени. Однимъ словомъ, это былъ самый дѣятельный участникъ предпріятія, и имя его не даромъ стояло на вывѣсткѣ. Остальная компанія, въ ожиданіи будущихъ успѣховъ и барышей, была только пріятною компаніей, не болѣе. Впрочемъ, и вдовушку Сусанну приурочили къ дѣлу, „чтобы не даромъ ѣла хлѣбъ“. Ее поставили за магазинную конторку и, въ помощь Лукѣ, заставили продавать книги. Вдовушка, сдѣлавшись компаніонкой, отполировалась въ этой компаніи почти не менѣе Лиденьки Затцъ. Хотя и многого она не понимала, и хотя вообще „новыя идеи“ шли къ Сусаннѣ въ родѣ того какъ сѣдло къ коровѣ, тѣмъ не менѣе она съ большимъ успѣхомъ усвоила себѣ тотъ особенный тонъ и жаръ который показался такъ страннымъ Татьянѣ Николаевнѣ, когда Сусанна встрѣтила ее предположеніемъ что ей нужны, вѣроятно, глупыя книжки.

Князь былъ совершенно счастливъ. Онъ чувствовалъ живѣйшую благодарность къ Фрумкину, Лукѣ и Ардалиону, и все время плавалъ въ восторгѣ что наконецъ-то добрая судьба поставила его въ обществѣ „такихъ людей“. Моисей уверилъ его что онъ даже въ нѣкоторомъ родѣ Меценатъ и, вмѣстѣ съ Полояровымъ, сбывалъ ему очень выгодно на чистыя деньги разныя свои статейки, въ качествѣ матеріаловъ

для будущаго журнала. Этихъ матеріаловъ набралось у князя уже изрядное количество, и не мало денегъ было за нихъ переплачено двумъ даровитымъ авторамъ, а дѣло о журналѣ все еще стояло на точки замерзанія. Фрумкинъ находилъ что прежде чѣмъ затѣвать журналъ необходимо основать свою собственную типографію, въ которой онъ могъ бы печататься, и завѣдываніе этою типографіей взять въ свои собственные Моисеевы руки. И вотъ, вскорѣ и плохенькая типографія была приобретена, тоже по случаю, и Лиденька Затцъ занялась было наборщицкимъ дѣломъ, но вскорѣ впрочемъ нашла что это дѣло не по ней, и что она несравненно будетъ полезнѣе въ читальнѣ, хотя бы даже однимъ своимъ присутствіемъ.

VI. Вечеръ въ коммуѣ.

У обитателей „фаланстера“, извѣстнаго болѣе подъ именемъ „коммуны“, былъ вечеръ. Они порѣшили сообща дѣлать разъ въ недѣлю сборные вечера для знакомыхъ. Тутъ присутствовали теперь всѣ наличные обитатели этой коммуны: Лиденька Затцъ, Андцыфровъ, Полояровъ, Малгоржановъ, юный князь и вдовушка Сусанна. Мы застаемъ ихъ теперь въ „общей комнатѣ“. Эта общая комната, хотя въ ней и сидѣло теперь нѣсколько человѣкъ, все почему-то невольно напоминала какой-то нежилой покой: совершенно голыя стѣны, голыя окна, изъ которыхъ въ одномъ только висѣла, Богъ вѣсть для чего, коленкоровая стора, у стѣнъ въ беспорядкѣ приткнулись нѣсколько плетеныхъ стульевъ, въ одномъ углу валялись какія-то вещи, что-то въ родѣ столовой да кухонной посуды, какія-то картонки, какая-то литографія въ запыленной рамкѣ, сухая трава какая-то, ножка отъ сломаннаго кресла. По серединѣ комнаты стоялъ большой раздвижной столъ съ нѣсколько безалаберно приготовленнымъ чайнымъ приборомъ. Словомъ, эта „общая комната“ дѣлала такое впечатлѣніе какъ словно бы она или совсѣмъ нежилая, или въ нее только что переѣзжаютъ новые жильцы, не успѣвшіе еще устроиться. Здѣсь собралось уже нѣсколько гостей. Однимъ изъ первыхъ по времени былъ Лука Добронравовъ, который угрюмо и совершенно молча, немолдимымъ сидѣлъ въ углу на стулѣ. Вдовушка помѣщалась за чайнымъ столомъ и занималась приго-

товленіемъ чая, а о бокъ съ нею присосѣдился Василій Свѣтка и бравый конно-артиллерійскій поручикъ Бейгушъ, который довольно весело и непринужденно болталъ съ Сусанной Ивановной, къ видимому неудовольствію Малгоржанова, искоса поглядывавшаго на нихъ изъ другаго конца комнаты. Болтовня браваго поручика, очевидно, была пріятна вдовушкѣ Сусаннѣ, и это тѣмъ болѣе бѣсило восточнаго кузена. Остальные гости занимались кто чѣмъ хотѣлъ, не стѣняя ни себя, ни хозяевъ.

Въ передней раздался звонокъ возвѣщавшій новаго посѣтителя.

— Малгоржановъ! Подите, отворите двери! вскричалъ Полояровъ восточному челоуѣку.

— Сходите сами! возразилъ Малгоржановъ.

— Подите, говорю! Это къ вамъ гости.

— А почему вы думаете что ко мнѣ? А можетъ, это къ вамъ.

Звонокъ повторился.

— Малгоржановъ! Да подите же.

— Я не пойду... Ступайте вы, Анцыфровъ, коли онъ не хочетъ.

— Да это не ко мнѣ; это, вѣроятно, къ вамъ звонятъ, оловался дохленькій.

— Нѣтъ, къ вамъ.

— Нѣтъ, не ко мнѣ, потому что....

— Потому что не потому что, а я уже разъ отворялъ, и теперь очередь за другими. Пускай кто хочетъ, тотъ и идетъ.

Звонокъ повторился въ третій разъ.

— Малгоржановъ, да не спорьте же! досадливо возгласилъ Полояровъ: — по теоріи вѣроятностей, это къ вамъ, говорю

Бейгушъ, съ весьма сдержанною ироническою улыбкой слушавшій этотъ куріозный споръ сообитателей, всталъ наконецъ съ мѣста и прошелъ въ переднюю. Лиденкѣ подбѣжала къ дверямъ полюбопытствовать кого еще принесло тамъ? Бейгушъ отомкнулъ задвижку и впустилъ даму, которой весьма предупредительно помогъ снять салопъ.

— А! Горева! Здравствуйте, миленькая! Наконецъ-то вы къ намъ забралась! застрекотала Лиденка.

Полояровъ сдѣлалъ кислую гримасу.

— И на кой чортъ они ее сюда поваживаютъ! пробурчалъ онъ себѣ подъ носъ.

Татьяна Николаевна раза по два въ недѣлю заѣживала обыкновенно за книгами въ компанейскую читальню, и тамъ проводила нѣсколько времени въ разговорахъ съ ея неизмѣнными *завсегдатаями*. Въ послѣднее время это было для нея почти единственнымъ развлеченіемъ. Лиденька Затцъ вмѣстѣ съ Сусанной Ивановной чуть ли не каждый разъ приглашали ее посѣтить какъ-нибудь ихъ „коммуна“, и Горева обѣщалась, но все какъ-то не успѣвала собраться, а Лиденька между тѣмъ, безъ особенныхъ претензій, заѣзжала къ ней уже дважды. Татьяна знала что въ коммуна бываютъ вечера, и вспомнивъ что именно сегодня тамъ вечеръ, взяла и поѣхала, предваривъ тетку чтобы за нею прислали чело-
вѣка часу въ двѣнадцатомъ. Ей все еще хотѣлось разсмотрѣть поближе этихъ „новыхъ людей“, которыми она втайнѣ даже нѣсколько завидовала, воображая что они живутъ „для дѣла“ и приносятъ свою посильную пользу „насуцнымъ и честнымъ требованіямъ жизни“, а всѣ тѣ книжки и статьи которыми снабжали ее изъ читальной еще крѣпче поселяли въ ней это убѣжденіе.

— А вотъ, господа, кстати! хлопнула въ ладоши Лиденька, входя въ залу и обращаясь ко всѣмъ вообще:—дѣло касается женскаго вопроса. Сейчасъ вотъ Бейгушъ снялъ съ Горевой салопъ; имѣеть ли право мужчина снимать салопъ съ женщины?

— Отчего же нѣтъ? отозвалась вдовушка.

— А по-моему не имѣеть; потому что это униженіе женщины. Да-съ! торжественно раскланялась Лиденька:—и я бы на мѣстѣ Горевой не позволила ему. Все равно то же что и руку у женщины цѣловать! Это все поззія-съ, гниль, а по отношенію къ правамъ женщины это — оскорбленіе.... Вообще, снимаеье салона, цѣлованіе руки и прочее, это есть символъ рабства. Отчего мы у васъ не цѣлуемъ? Отчего-съ? Отвѣчайте мнѣ!

Бейгушъ съ улыбкой, въ которой выражалась явная затруднительность дать ей какой-либо отвѣтъ на это, только плечами пожалъ; но изъ двухъ „вопросовъ“, возбужденныхъ Лиденькой, возникъ очень оживленный и даже горячій споръ, въ которомъ приняла участіе большая часть присутствующихъ. И послѣ долгихъ пререканій порѣшили наконецъ на томъ что ни снимать салопъ, ни цѣловать руку мужчина женщиной отнюдь не долженъ. Лиденька искренно торжествовала.

— Новыя начала жизни вырабатываемъ, душечка! подсыла она Татьяна!

Между тѣмъ Свитка съ Бейгушемъ и Сусанной, почти съ самаго начала этого спора, устранились отъ всякаго въ немъ участія. Они, подъ прикрытіемъ большаго самовара, усадились себѣ совершенно отдѣльною группою и вели разговоры, не обращая ни малѣйшаго вниманія на прочихъ. Когда же наконецъ былъ порѣшенъ вопросъ о поцѣлуѣ и салопѣ, нестройный говоръ затихъ, и наступила минута мимолетнаго, но почти общаго молчанія, что иногда случается послѣ долгихъ и горячихъ словопреній. Въ эту-то самую минуту вниманіе нѣкоторыхъ почти невольнымъ образомъ остановилось на себѣ бравый поручикъ. Въ рукахъ у него была случайно подвернувшаяся книга, какой-то журналъ за прежніе годы, и Бейгушъ что-то читалъ по ней тихо, почти вполголоса, но выразительно-красивое лицо его было одушевлено какимъ-то особеннымъ чувствомъ, какъ будто въ этой книгѣ онъ сдѣлалъ неожиданную, но въ высшей степени пріятную находку. Вдовушка Сусанна слушала его съ апатично-привѣтливою улыбкой, но едва ли понимая что онъ читаетъ. „Когда меня ты будешь покидать“, декламировалъ Бейгушъ,—

Не говори *прощай* мнѣ на прощаньи:
 Я не хочу въ послѣдній мигъ страдать,
 И разставаясь, звать о разставаньи!
 Въ послѣдній часъ, и веселъ, и счастливъ,
 У ногъ твоихъ, волшебница, я саду,
 И вѣчное „люблю“ проговоривъ,
 Изъ рукъ твоихъ вриму я каплю яду,
 И головой склонившись моею
 Къ тебѣ на грудь, подруга молодая,
 Засну, глядясь въ лазурь твоихъ очей
 И сладкія уста твои лобзая;
 И такъ проспаю до страшнаго суда;
 Ты въ оный часъ о другѣ не забудешь:
 Съ небесъ сойдешь ты ангеломъ сюда,
 И легкою рукой меня разбудишь.
 Вновь на груди владычицы моею
 Проснусь тогда, роскошно мечтая,
 Что я дремалъ, глядясь въ лазурь очей
 И сладкія уста твои лобзая!

— А мастерски передано! съ увлеченіемъ воскликнулъ онъ, окончивъ свою декламацію.

Нѣкоторые господа еще во время чтенія недоумѣло перелазивались между собой.

— Фу! фу! фу!... Кажись поэзіей понесло откуда-то!... Батюшки мои! стихки читаетъ! смѣшливо затараторила Зятцъ, потянувъ по воздуху носомъ и тотчасъ же защемивъ себѣ ноздри двумя пальцами. Она желала этимъ игриво и мило изобразить чувство отвращенія. Многіе захохотали, взглянувъ на комическій жестъ Лиденьки и, очевидно, найдя ея выходку въ извѣстной степени остроумною.

— Что это вы за ерундищу читали? спросилъ Малгоржановъ задорнымъ тономъ пренебрежительной ироніи, которая относилась, повидимому, не къ Бейгушу, а къ стихамъ, хотя въ душѣ-то у Малгоржанова кипѣла злоба противъ самого Бейгуша.

— Ерундищу?! вскинулъ тотъ на него удивленные взоры:— это Мицкевичъ.

— Это ерунда! подтвердилъ въ отвѣтъ Малгоржановъ.

— Вы, вѣроятно, не разслышали: это, говорю вамъ, Адамъ Мицкевичъ въ великолѣпномъ переводѣ.

— Ну, такъ что жь что Мицкевичъ? И весь-то вашъ Мицкевичъ выѣденнаго яйца не стоить!

— И конечно! Что же такое Мицкевичъ? подхватили нѣкоторые, присоединяясь къ Малгоржанову въ виду удобной возможности новаго словопренія.

Легкая иронія дрогнула на губахъ Бейгуша.

— Для насъ, для Поляковъ, Мицкевичъ священное знамя, сказалъ онъ,—для насъ Мицкевичъ, пожалуй, побольше чѣмъ для Русскихъ Пушкинъ или Лермонтовъ.

— Ха-ха-ха! Значить, оба лучше! Одинъ былъ главнѣе другаго, другой былъ главнѣе одного! подхватилъ Полояровъ:— одинъ разочарованный гвардейскій моншеръ, юнкерскій поэтъ, а другой—полудурье, флюгеръ въ придворной ливреѣ. Мицкевича вашего я не знаю, а судя по этимъ стихкамъ, такъ себѣ, клубничку воспѣваетъ.

— Такъ это, по-вашему, клубничка? не безъ азарту привсталъ поручикъ съ мѣста, опираясь на столъ кулаками.

— А то что же-съ? Вѣдь онъ же тутъ про любовь что-то болтаетъ!

— Такъ послѣ этого и Венера Милосская клубничка, и Мурильевская Мадонна клубничка!

— Ну, и разумѣется клубничка! А вы какъ полагали? Батюшка вы мой, я вамъ скажу-съ, ударяя себя въ грудь и т. лххх.

тоже входя въ азартъ, говорилъ Полоярровъ,—я вамъ скажу-сь, по моему убѣжденію, есть въ мірѣ только два сорта людей: мы и подлецы! А поэты тамъ эти всѣ, артисты, художники, это все подлецы! Потому что человѣкъ воспѣвающей клубничку и разныхъ высокихъ особъ, какъ напимѣръ, Пушкинъ Петра, а Шекспиръ Елисавету, такой человѣкъ способенъ воровать платки изъ кармана!

— Ну, а Дантъ? а Гомеръ? подстрекнулъ Бейгушъ.

— Э, полноте, пожалуста! досадливо махнулъ рукою Ардалионъ.—Что вы про Гомера толкуете!... Дуракъ, обскурантъ! Вѣрилъ въ какихъ-то тамъ боговъ....

— Въ какихъ же? улыбуаяся Бейгушъ.

— Въ какихъ-сь?

Полоярровъ чутьчку замаялся.

— Да что вы экзаменовать меня что ли хотите?

— Нѣтъ, мнѣ просто любопытно знать, не болѣе.

— Ну, а я уже такими пустяками не занимался-сь. Человѣку нашего поколѣнія и нашего развитія пожалуй-что оно и стыдно бы, да и некогда заниматься подобными гаупостями. Хм! Говорятъ тоже вотъ что Шекспиръ этотъ реально смотрѣлъ на вещи! продолжалъ онъ, благо ужъ имена ему подъ руку подвернулись:—ни черта въ немъ нѣтъ реального! Вонпервыхъ, невѣжа: корабли у него вдругъ къ Богеміи пристають! Ха-ха-ха!... Къ Богеміи!

— А гдѣ это Богемія? совершенно невинно спросила вдовушка.

— Въ Германіи, мимоходомъ буркнулъ ей Полоярровъ.—А вонгорыхъ, какая же это реальность, продолжалъ онъ,—когда вдругъ вѣдьмъ повывдумывалъ, да Гамлетову тѣнь еще тамъ, да чортъ знаетъ что!... Или вдругъ относится серьезно къ такому пошлomu чувству какъ ревность, и драму на этомъ строитъ! Вѣдь узкость, узкость-то какая! А дураки ротъ развѣвають, да кричатъ ему: гениі! гениі! Плевка онъ стоить, этотъ вашъ гениі!

— Это все не то; это все праздная рѣчи! глухимъ своимъ голосомъ вмѣшался въ споръ Лука Добронравовъ, медвѣжегато выползалъ изъ своего угла.—И Пушкинъ вашъ, и всѣ эти баре, все это одинъ голый развратъ, потому что сама эстетика и это такъ-называемое искусство пресловутое тоже развратъ!

Лука Добронравовъ въ совершенно спокойномъ или въ

злющемся состояніи обыкновенно молчалъ, а если и заявлялъ свое мнѣніе, то всегда очень кратко, почти односложными словами, а то и просто мычаньемъ. Но когда онъ оживлялся,—что, впрочемъ, случалось очень рѣдко, или если его ужь черезчуръ что-нибудь за живое задѣвало, — тогда глаза его начинали сверкать, на хмуромъ лбу напряженно выступали сіяія жилы, и весь онъ такъ и напоминалъ собою фанатическаго отшельника.

— Взгляните-съ на дѣло исторически, обратился онъ къ Бейгушу, — гдѣ и при комъ испоконъ вѣковъ ютилась эта мерзость? Когда наиболѣе процвѣтало это ваше искусство, и чему оно служило? На содержаніи у разныхъ аристократовъ, у разныхъ Медичисовъ, да Меденатовъ!... Какіе сюжеты-съ? Микель-Анджело вдругъ эдакую возмутительную пошлость какъ *Страшный Судъ* изображаетъ, и не въ карикатурѣ, а серьезно-съ, трагически! вмѣсто того чтобы вести къ разоблаченію мистификаціи и предрасудковъ, онъ этою картиной еще болѣе запугиваетъ простое воображеніе, оказываетъ услугу невѣжеству и клерикальнымъ эксплуататорамъ! А всѣ эти Мурильи, Рафаэли и прочая сводочъ героевъ съ богами малюютъ, тогда какъ у нихъ подъ носомъ кшмя-кшмать такіе веселенькіе пейзажики какъ голодъ, нищета народная, невѣжество массъ, рабство и тиранія, а они, подлецы,—на-ко тебѣ! въ небесахъ витать изволятъ! Искусство, батюшка мой, только и можетъ жить при дворѣ тирановъ! Искусство, это—лизоблюдничанье, пресмыканье. Для меня эти слова синонимы. У народа нормально развитаго и свободнаго никакого искусства нѣтъ и не должно быть. А занимаешься ты искусствомъ, тебя надо либо въ больницу умалишенныхъ, либо въ исправительный домъ. У свободнаго народа вмѣсто искусства полезныя ремесла должны стать на первомъ планѣ, потому что выдѣлка хлопка или сапоги хорошо сшитые гораздо нужнѣе народу; они полезнѣе, а стало-быть и выше всѣхъ этихъ мадоннъ и Шекспировъ!

— Н-да-съ! И вотъ еслибъ Ирландцы питались вмѣсто картофеля горохомъ, визгливо запищала вдругъ ни къ селу, ни къ городу маленькій Анцыфровъ,—такъ они были бы и умнѣе, и богаче, и свободнѣе. Н-да-съ!

— А я изъ всѣхъ искусствъ признаю одно только повивальное искусство, которому и намѣрена посвятить себя! громогласно заявила Лиденька во всеобщее свѣдѣніе, хотя

всѣ и безъ того знали что она теперь хочетъ быть повитухой, какъ мѣсяцъ тому назадъ хотѣла быть наборщицей, а два мѣсяца назадъ—закройщицей. У Лиденьки вообще было очень много самыхъ разнообразныхъ, но всегда самыхъ благихъ хотѣній.

— Такъ вотъ-съ и выходитъ что вашъ священный Мицкевичъ лизоблюде въ нѣкоторомъ родѣ! нахально подступилъ къ Бейгушу ревнивый восточный кузевъ, которому все хотѣлось какъ-нибудь оборвать счастливаго своего соперника.

— По-моему выходитъ только то, что если я чего не знаю, то о томъ и спорить не буду! обидчиво, вставая съ мѣста, возразилъ поручикъ.—Я Полякъ, я патріотъ и говорю это открыто и громко, а потому мнѣ дорога каждая строка моего народнаго поста.

— О! ужъ и на патріотизмъ пошло! замахавъ руками, подхватилъ юный князь Багрово-Плохово и залился скалозубнымъ, судорожнымъ смѣхомъ.—Патріотомъ быть! ха-ха-ха! Патріотомъ!... Ой, Боже мой! До колѣкъ просто!... Ха-ха-ха! Но вѣдь это ниже всякаго человѣческаго достоинства! Ха-ха-ха-ха! Какой же порядочный человѣкъ въ наше время... Нѣтъ, не могу, ей-Богу!... Ха-ха-ха! Ой, батюшки, не могу! Патріотомъ!

И князь, сующая и слюняваясь отъ сильнаго хохота, снова покатывался на стулъ, какъ будто въ словѣ „патріотъ“ заключался для него талисманъ неистоимаго смѣха.

Бейгушъ смотрѣлъ на него сначала недоумѣло, а потомъ съ усмѣшкой грустнаго снисхожденія. На губахъ у него какъ будто шевелилось и готово уже было сорваться слово „дуракъ“, но Василій Свитка предупредительно дотронулся до него подъ столомъ ногою, и Бейгушъ воздержался отъ всякихъ изъявленій своего мнѣнія.

— А вотъ новость, господа! Новость! возопила Лиденька, вдругъ спохватившись съ этою новостью, про которую не успѣла вспомнить ранѣе:—въ нѣкоторомъ родѣ событіе, господа! Бюхверъ вышелъ! Цѣна два съ полтиной! Кто не купить, тотъ подлецъ!

— Всенепремѣннѣйше подлецъ! авторитетно скрѣпилъ Поляровъ.

— Почему же это такъ строго! съ улыбкой спросила Горева у Лиденьки.

— Потому, душенька, что одни только матеріалисты могутъ

быть честны. Объ этомъ вонъ и въ *Современномъ Словѣ* такъ пишутъ.

— Ну, *Современное Слово* еще не авторитетъ, замѣтила Татьяна.

— Нѣтъ-съ, какъ для кого, а для мыслящаго реалиста авторитетъ! И не малый! компетентно вмѣшался Полояровъ, котораго все время подмывало по старой памяти сказать Татьянѣ что-нибудь колкое.

— Это доказываетъ только что авторитеты бываютъ разные! съ миролюбивыми цѣлями, снисходительно и мягко помирила ихъ Лиденъка.

— Конечно, разные, согласился Ардаліонъ:—для иныхъ вонъ и Гумбольдтъ авторитетъ, пожалуй.

— И для меня въ томъ числѣ, съ улыбкой замѣтила Татьяна.

— Ну, а для насъ онъ только прусской службы дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ! отвѣтилъ Полояровъ съ выразительною презрительностью наперевъ на свое опредѣленіе Гумбольдта: — больно ужъ онъ разные крестики да ордена любилъ чтобы быть для насъ авторитетомъ!

— Ужь вы, кажись, нынче и Гумбольдта отрицаете? съ улыбкой прищурясь на Ардаліона, обратился къ нему Бейгушъ со своего мѣста.

Свитка опять предупредительно толкнулъ его ногой.

— Отрицаю-съ. А чтò?

— Нѣтъ, ничего.... Я только такъ.... Почему жъ и не отрицать, въ самомъ дѣлѣ?

— Всеконечно-съ! вмѣшался Малгоржановъ:—потому что отрицаніе, это сила, единственная, можно сказать, сила, а прочее все вздоръ и гиль.

— Старая истина! любезно согласился Бейгушъ:—въ этомъ родѣ еще и Репетилонъ когда-то сказалъ что „водевиль есть вещь, а прочее все гиль“.

Свитка опять толкнулъ его ногой, но на сей разъ почти напрасно, такъ какъ восточный человекъ не доめкнулся въ чемъ суть и подумалъ что дѣло идетъ, вѣроятно, о какомъ-нибудь литераторѣ стараго времени. Вскорѣ послѣ этого Свитка съ Бейгушемъ перемигнулись и взялись за шапки. Вдовушка Суоанна, съ самодовольно-лѣтливой улыбкой выслушавъ послѣднія любезности обращенныя къ ней тише чѣмъ въ полголовса, довольно крѣпко и не безъ вѣжливости пожала на прощаньи руку браваго артиллериста. Малгоржановъ же, не протягивая

руки, удостоилъ его однимъ только сухимъ поклономъ. Оба пріятели удалились, далеко не дождавшись окончанія „вечера“.

— Фу, ты, чортъ возьми! Ажно голова затрещала съ этими дурнями! широко вздохнулъ Бейгушъ, очутясь на улицѣ:— вотъ народы-то! Ей-Богу, кабы не эта вкусная вдовушка, нога моя не была бы у этой сволочи!

— Что дѣлать, мой другъ! нельзя! Надо бывать иногда, надо слѣдить, отношенія поддерживать, возразилъ Свитка.— А ты крайне неостороженъ. Я ужъ толкалъ, толкалъ: нѣтъ, нейдетъ-таки человѣку!

— Да вѣдь невыносимо же, наконецъ!... Уши вянутъ! тфу!

И поручикъ энергически плюнулъ.

— А ты пересиль себя. Я вотъ только слушаю, да услаждаюсь. Пусть ихъ врутъ себѣ что угодно и сколько угодно! Чѣмъ больше вранья, тѣмъ лучше.

— Но вѣдь въ этомъ же смысла нѣтъ человѣческаго! Какой-то хаосъ, путаница понятій, сумбуръ непроходимый!

— Этотъ сумбуръ имѣетъ теперь большой ходъ и огромное примѣненіе въ русскійскомъ обществѣ. Вѣдь это, милый мой, все „новые люди“, передовые люди, ихъ теперь слушаютъ, имъ поклоняются, ихъ даже — смѣшно сказать, а вѣдь такъ — ихъ боятся! Они теперь авторитеты. Вѣдь всю эту белиберду, самъ знаешь, они и въ журналахъ болтаютъ. Достаточно какому-нибудь Полоярлову выхватить любое уважаемое имя, заплевать его, зашвырять грязью какихъ-нибудь темныхъ намековъ собственнаго изобрѣтенія, сказать во всеуслышаніе: это, молъ, дуракъ, или это подлецъ, и что же? Вѣдь все великое всероссійское стадо, какъ одинъ баранъ, заблеетъ тебѣ: дуракъ! дуракъ! подлецъ! подлецъ! Чего же ты хочешь, если они теперь и въ самомъ дѣлѣ огромная сила въ этомъ обществѣ?

— Нечего сказать, хороша сила и хорошо общество! презрительно фыркнулъ поручикъ.

— По Сенькѣ и шанка, мой другъ! развелъ руками Свитка:— а я знаю только одно, что если они сила и большинство ихъ слушаетъ, ну, стало быть, они намъ полезны! Ну, и пользуйся ими! Пропагандируй, внушай, братъ, исподоволь, развивай незамѣтно свои идеи, долби какъ капля камень, а они ребята добрые, не бойсь: разнесутъ твою идею по бѣлому свѣту, проведутъ ее и въ печать, и въ общество, въ

массы, да еще будут думать при этомъ будто твоя идея ихъ же собственное изобрѣтеніе! ну и пускай ихъ! А ты знай себѣ только пользуйся!

— Все это очень резонно, согласился поручикъ,—да, къ сожалѣнію, черезчуръ уже скучно.

— Ну, и поскучай, а вдовушка Сусанна пусть тебѣ будетъ развлеченіемъ.

— Да! вдовушка эта — чортъ возьми! — очень-таки вкусная! улынулся поручикъ.

— А пятьдесятъ тысячъ и того еще вкуснѣе? подмигнулъ Свитка.—Ну, а что? Какъ? Кажись что крѣпость обложена, мины кой-куда подведены, и атака подвигается?

— Подвигается! самодовольно сообщилъ поручикъ.

— И стало быть, крѣпость наша возьмется штурмомъ, или сама сдастся на капитуляцію бравому пану поручику, и будемъ мы праздновать побѣду? А?

— И будемъ праздновать побѣду! весело и декламаторски заключилъ Бейгушъ.

VII. Поздній звонокъ.

— И на кой чортъ къ намъ эти разные офицершкі таскаются! ѣдко и озлобленно началъ Малгоржановъ тотчасъ по уходѣ Бейгуша:—эдакъ скоро и кварталные, и жандармы пожалуй, сдѣлаются у насъ членами!

— Бейгушъ ко мнѣ ходитъ; онъ мой гость, отозвалась вдовушка.

— То-то что вашъ! Только срамъ одинъ!... Между порядочными, честными людьми, и вдругъ эта ливрея! Вывѣска деспотизма! Его просто слѣдуетъ не пускать сюда больше!

— Я имѣю право принимать своихъ гостей, утверждала Сусанна:—мы и всѣ такъ условливались съ самаго начала.

— Нѣтъ-съ, не имѣете! Отнюдь не имѣете! Вы можете принимать только тѣхъ кого вамъ дозволить все общество.... Это только подъ контролемъ общества можно, а иначе это измѣна общему дѣлу, иначе это подлость! Почему я знаю что это за господинъ? Можетъ, онъ шпионъ какой-нибудь!

— Да вѣдь вы же сами меня съ нимъ познакомили!... Чего вы привязались?... Сами хвалили: и такой и эдакой, а теперь вдругъ—шпионъ!

Малгоржановъ, ходючи по комнатѣ, словно оступился: его совсѣмъ подскло на минуту простое возраженіе простоватой Сусанны.

— Это онъ ревнуетъ, глухо буркнулъ изъ своего угла Добровровъ.

Всѣ засмѣялись. Малгоржанову нечего было отвѣчать. Онъ только злобно окинулъ смѣющихся своими красновато-жирными, восточными глазами, и самъ принужденно засмѣялся.

— Ну-съ, граждане и гражданки! возгласилъ Полояровъ, входя въ комнату съ полными руками: въ одной рукѣ тащилъ онъ цѣлую корзину съ дюжиною пивныхъ бутылокъ, въ другой—нѣсколько тюричковъ съ разными припасами:— для гражданъ пиво, а есть и водка, и колбаса найдется; а для гражданокъ яблочки и прянички, дамскія удовольствія! Впрочемъ, если кто изъ гражданокъ возжелаетъ чего иного, хотя бы и водочки, то и это не возбраняется! Матушка Сусаннушка, не хотите ли опрокинуть стакашекъ? Хватимъ-ка заедно! Ей-Богу!... Приучайтесь къ напитку! Дѣло годящее! Потому, ежели пойдемъ во страны Сибирскія, тамъ вѣдь холодно, ну, и поневоля придется водочкой тѣлеса согрѣвать; такъ вы ужь лучше заранѣе приучайтесь.

— Я въ Сибирь не пойду; мнѣ не къ чему, апатично отозвалась Сусанна, кутая плечи въ кашмировый платокъ.

— А я такъ, вѣроятно, пойду!... Прогуляюсь! съ какою-то особенною, самодовольною похвалъбой ухмыльнулся Полояровъ.

— Нѣтъ, не пойдешь.... Что тамъ тебѣ дѣлать! замѣтилъ Лука.

Это мимолетное замѣчаніе немножко ущипнуло Ардалиона Михайловича.

— Какъ что? полушутя подмигнувъ онъ:—пойду! И всеконечно пойду! Такъ сказать, пионеромъ цивилизаціи и свободы.... Да вы что о Сибири-то думаете? Сибири-съ предстоитъ блистательная будущность: это будутъ, я вамъ скажу-съ, наши Сѣверо-Американскіе штаты, потому, сторона она здоровая, непочатая, да и закваска въ ней хорошая сидитъ, благодаря нашему брату-колонизатору. Сибири съ Россіей нечего дѣлать, въ Россіи все гниль одна! И теперича сошай они меня въ Сибирь, да я имъ первый за это великое спасибо скажу! Лучшей услуги они мнѣ и оказать не могутъ! И вы, братцы, по мнѣ не плачьте тогда, а радуйтесь!

— И что же ты там дѣлать станешь? поддразнивалъ Лука, строго храня самый невзвѣтный видъ.

— А ужъ это наше дѣло! съ глубокомысленною многозначительностью увильнулъ Полоярковъ отъ прямого отвѣта, что всегда дѣлалъ онъ когда въ головѣ прямыхъ отвѣтовъ не находилось.

— А ты не тац; ты скажи. Шпіоновъ нѣтъ вѣдь.

— Да чего ты присталъ-то ко мнѣ со шпіонами?! Чорта ли мнѣ шпіоны! Не боюсь я вашихъ шпіоновъ! Плевать!...

— Что шпіоновъ не боишься, это похвально. Да только мы вѣдь не про шпіоновъ, а про то что ты въ Сибири станешь дѣлать?

— Что дѣлать стану?... Революцію дѣлать стану! Вотъ что стану!... Чего привязался! огрызнулся Ардаліонъ, обрадовавшись во глубинѣ души тому что нашелъ подходящее слово, и пошелъ ораторствовать на тему „революціи“:—Теперь тамъ эти господа Поляки у себя въ Варшавѣ гимны все какіе-то поютъ, говорилъ онъ:—гимны!... Чортъ знаетъ что такое!... Какіе тутъ гимны, коли тутъ нужно вѣ!... Кулакъ нуженъ, а они гимны!... Тоже слышно вотъ капиталы все собираютъ, пожертванія, а никакихъ тутъ, въ сущности, особенныхъ капиталовъ и не требуется! Дайте мнѣ только десять тысячъ рублей, да я вамъ за десять тысячъ всю Россію подыму! Какое угодно пари!... Ничего больше какъ только десять тысячъ! Да и того много, пожалуй!

Татьяна Николаевна, едва скрывая улыбку, поглядѣла на Ардаліона сильно изумленными глазами.

— Вы удивляетесь?... Вы не вѣрите? подхватилъ онъ, поймавъ ея взглядъ:—я вамъ сейчасъ докажу-сь, такъ-сказать, ариеметически! По пальцамъ разочту-сь!... Десять тысячъ рублей,—и хоть какую угодно революцію сейчасъ же можно сдѣлать! Вѣдь я ужъ, матушка моя, думалъ-таки надъ этимъ предметомъ! Я разчитывалъ, и высчитывалъ, и концы съ концами сводилъ!... Н-да-сь! Не съ вѣтру говорю-вамъ! Теперь будемъ класть такъ, приступилъ онъ къ дѣлу, высчитывая по пальцамъ:—повѣдка въ Лондонъ, туда и обратно, и потомъ житье въ Лондонъ.... ну, хоть мѣсяць срокомъ; житье, конечно, самое скромное; все это обойдется триста рублей. Это разъ.

— Зачѣмъ же въ Лондонъ? Можно и въ Берлинъ. Въ Берлинъ дешевле, разсудительно замѣтила Лиденька.

— Не мѣшай ты, чортъ! буркнулъ ей Полояровъ, трякнувъ волосами:—въ Лондонѣ мы изготавимъ хорошенькую прокламацію-съ, продолжалъ онъ развивать свою тему:—да не такую какъ эти тамъ всѣ *Великороссы* да *Земля и воля*, это все слабо-съ! Ну, *Къ молодой Россіи* еще туда-сюда, подходитъ, но и та дрянъ, говоря въ сущности; а мы изготавимъ горяченькую, самую настоящую, которая была бы понятна всѣмъ сословіямъ. Ну-съ, Трюбнеръ съ Герценомъ отпечатываютъ намъ ее по дешевой цѣнѣ, а то можно убѣдить ихъ чтобъ и даромъ, потому для эдакого предпріятія не грѣхъ. Прокламацію надо будетъ отпечатать въ шестистахъ тысячахъ экземпляровъ: шестьсотъ тысячъ, это очень достаточно на всю грамотную Россію, а то можно и прибавить потомъ сколько потребуется, вторымъ изданіемъ. Прокламація должна быть кратка и отпечатана убористо, шрифтомъ боргесомъ или петитомъ, бумагу можно достать въ кредитъ, это опять же Александръ Ивановичъ съ Трюбнеромъ сварганяетъ, тѣмъ паче что печать съ бумагой будетъ единственная услуга которой Россія съ нихъ потребуетъ, потому что, по моему крайнему убѣжденію, Герценъ слишкомъ ужъ отсталъ и ни на что болѣе не пригоденъ. Итакъ, печать даромъ, а бумага въ кредитъ. Это два.

— А если не дадутъ въ кредитъ? улыбулась Горева.

— Кто это-съ?... Англичане-то?... Фи-фю! съ присвистомъ прищурился Полояровъ:—на эдакое дѣло да кредиту не сдѣлать! Нѣтъ-съ, матушка моя, Англичане слишкомъ умны чтобы не понять всѣхъ выгодъ! Рискъ тутъ для нихъ не большой, а коли предпріятіе удастся, такъ вѣдь они очень хорошо понимаютъ что тутъ вѣдь свободной торговлей пахнетъ для нихъ! Вотъ что-съ!

— Это все, конечно, такъ! вполне согласился и одобрилъ князь Плохово:—но... трудно такую массу переправить въ Россію: я ѣздилъ за границу, меня въ таможенѣ осматривали...

— Ничего тутъ труднаго нѣту! съ убѣжденіемъ возразилъ Анцыфровъ:—проходитъ же контрабанда, и *Колоколь* проходитъ, и *Молодая Россія* прошла. Можно цѣлый корабль нанять для этого.

— Ну, конечно, можно и корабль, согласился Ардалионъ;— и стоитъ это будетъ рублей тысячу. Это три. Итого, пока еще только тысяча триста.

— Но зачѣмъ же непременно въ Лондонѣ? И для чего тутъ

Лондонъ? настаивала межъ тѣмъ Лиденька Затцъ, суетливо обращаясь поочередно ко всѣмъ и каждому. — На что намъ Лондонъ? Гораздо же дешевле можно и здѣсь, у себя дома, въ своей собственной типографіи? Не такъ ли я говорю? Не правда ль?

— Въ Лондонѣ шрифты и бумага лучше, возразилъ Полоиоровъ: — и притомъ здѣсь, въ этомъ подломъ обществѣ, ты ни у чорта не достанешь въ кредитъ такого количества бумаги, да и подозрѣніе, пожалуй, возникнетъ; для чего, молъ, понадобилось вдругъ столько бумаги? А тамъ это все безопасно. Ну-съ, затѣмъ тысячи три на разъѣзды по матушкѣ Россіи, съ остановками по разнымъ городамъ, для заведенія надежныхъ агентуръ, которыя уже будутъ дѣйствовать, пускать въ народъ эти прокламаціи, и вотъ, почти что и всѣ расходы: четыре тысячи триста! Остальное въ запасный фондъ, на непредвидѣнные и экстренные расходы. Но это все одна только матеріальная часть, а теперь разберемъ шансы нравственные. Впервыхъ, вся Россія недовольна: крестьяне недовольны тѣмъ что обмануты волей, дворяне недовольны тѣмъ что крестьянъ отняли, духовенство недовольно своимъ положеніемъ, купечество недовольно разными стѣсненіями торговли и упадкомъ кредита, войско недовольно разными нововведеніями, мѣщанство налогами, чиновничество начальствомъ за оставленіе за штатомъ, да всѣ, однимъ словомъ! вся Россія недовольна! Тутъ, значить, и вари свою кашу!... Ге-ге! да дайте мнѣ эти деньги, я вамъ все предпріятіе устрою!... А вѣдь я бы могъ! съ грустно-раздумчивымъ вздохомъ прибавилъ онъ чрезъ минуту: — а бы могъ!... вѣдь у меня-съ не далѣе какъ нынѣшнею весной цѣлый капиталъ въ рукахъ былъ!... Капиталъ-съ!... Шутка сказать — двадцать пять тысячъ серебромъ!... Двадцать пять тысячъ!... Н-да-съ, кабы мнѣ теперь да эти денежки, что бы тутъ было!... И-и, Боже мой, что бы было!...

И печально покачивая головой, онъ замолкъ въ грустномъ раздумьи.

Вдругъ въ эту минуту, среди всеобщаго почти молчанія, раздался сильный звонокъ.

Полоиоровъ растерянно вздрогнулъ и даже поблѣднѣлъ немного.

Время было уже позднее: двѣнадцатый часъ ночи. Обычные посѣтители коммунныхъ вечеровъ, кажись, всѣ на лицо.

Кому бы быть въ такую позднюю пору? Этотъ неожиданный и притомъ такой смѣлый, сильный звонокъ почти на всѣхъ присутствующихъ произвелъ довольно странное впечатлѣніе: инныхъ покорило, инныхъ какъ-то жутко стало, а у койкого и легкой морозецъ по спинѣ побѣжалъ. Всѣ какъ-то невольно переглянулись, но рѣшительно ни единая душа не тронулась съ мѣста чтобъ идти въ прихожую и отворить тамъ двери.

Звонокъ повторился еще съ большею силой.

— Малгоржановъ, подите.... отворите тамъ.... смущенно проговорилъ Полояровъ.

Восточный человекъ досадливо передернулъ плечами.

— Подите сами.... Я-то съ какой стати?!.

— Эхъ, ей Богу, вѣчно вы!... Мнѣ оно не тово.... не совсѣмъ-то ловко.... Поймите же!

— Я не пойду! рѣшительно отрѣзалъ Малгоржановъ.

— Анцыфровъ, ступай ты, голубчикъ!

— Можетъ, полиція.... жандармы, весь съѣжившись, кинулъ пискунокъ робко-молящій взглядъ на своего патрона.

Почти всѣ изъ присутствующихъ сдѣлали, каждый про себя, подобное же предположеніе. Полояровъ смущенно, съ какимъ-то тревожнымъ сосаніемъ подъ ложечкой, припомнилъ себѣ что въ письменномъ столѣ его хранится завалящій номеръ *Колокола*, карточка Герцена и листокъ *Велико-росса*, невѣдомо кѣмъ подброшенный недавно къ дверямъ общежительной квартиры.

„И нужно же было оставить!... И дернула жъ нелегкая не уничтожить!“ корилъ онъ себя мысленно.

— Господа, да кто же пойдетъ наконецъ? спросила храбрая Луденька Затцъ, впрочемъ, не двигаясь съ мѣста.

— Ей-Богу, господа, жандармы!... Кому же больше? смущенно улыбаясь, прошепталъ Анцыфровъ.

— А я такъ думаю что это просто за мной пришли, сказала Горева, направляясь въ прихожую: — я распорядилась чтобы въ двѣнадцатомъ часу за мною человека прислали.

Всѣ находились въ жутко-напряженномъ ожиданіи, пока она отворяла дверь, но за то какъ же всѣ ожили, и какъ отлегло у всѣхъ отъ сердца, и вѣсть съ тѣмъ въ какое недоумѣніе пришли всѣ, когда въ прихожей вдругъ раздались два женскія восклицанія и вслѣдъ за этимъ посыпалась быстрые, звонкіе поцѣлуи.

Полояровъ первый очень храбро подлетѣлъ теперь къ двери, внимательно вглядѣлся въ новопривывшее лицо, и вдругъ, словно бы не вѣря собственнымъ глазамъ, отступилъ назадъ, еще болѣе смущенный чѣмъ за минуту предъ этимъ.

— Ба!... Лубянская.... Какими судьбами?... Вотъ сюрпризъ-то! растерянно пробормоталъ онъ, опустивъ глаза и руки.

VIII. Какими судьбами появилась Лубянская?

Дѣйствительно, это былъ сюрпризъ и не для одного Полоярова. Горева и Лиденька съ Анцыфровымъ изумились не менѣе его, когда увидѣли предъ собою Нюточку Лубянскую столь неожиданно и въ такую неурочную, позднюю пору. Татьяна первая замѣтила въ ней явные признаки какого-то волненія и разстройства. По всему было видно что она не то огорчена чѣмъ-то, не то испугана и не успѣла еще придти въ себя какъ слѣдуетъ. Лиденька Затцъ засуетилась съ чаемъ, съ яблоками, съ подѣлками, которыя у нея въ первую минуту были совершенно искренни и безразчетны, и въ то же время засыпала Нюточку сотней распросовъ. Оказалось что Лубянская не далѣе какъ сегодня утромъ одна-одинешенька прикатила въ Петербургъ изъ Славнобубенска. На дебаркадерѣ подвернулся какой-то услужливый факторъ съ предложеніемъ не нужно ли ей остановиться въ номерахъ, расхвалилъ эти номера, и ловко подхвативъ ея сакъ-воляжъ, повлекъ за собой въ нѣкую Гончарную улицу и привелъ въ какую-то грязную труппу, увѣряя что въ цѣломъ Петербургѣ лучше этихъ номеровъ она ничего не отыщетъ. Лубянской, очутившейся въ первый разъ въ жизни, совсѣмъ одинешенькой, въ совершенно незнакомомъ, чужомъ городѣ, было теперь не до комфорта. Она думала что и въ Петербургѣ, какъ въ Славнобубенскѣ, всякій знаетъ всякаго, и потому первымъ дѣломъ освѣдомилась у фактора гдѣ тутъ живетъ Лиденька Затцъ или Ардалионъ Михайловичъ Полояровъ, но факторъ только ухмыльнулся на столь странный вопросъ и объяснилъ что для такихъ надобностей въ здѣшней столицѣ адресный столъ имѣется, для чего и послалъ ее на Садовую улицу въ домъ Куканова. Въ адресномъ столѣ, за двѣ копѣйки серебромъ, Лубянской объявили что и Лиденька Затцъ, и Ардалионъ Полояровъ проживаютъ тамъ-

то и тамъ-то. Узнавъ это, она намѣревалась завтра же розыскать ихъ, а пока вернулась въ свои номера на Гончаровой улицѣ, и чувствуя сильное утомленіе съ дороги, легла отдохнуть; но какіе-то мушоны въ сосѣдней комнатѣ рѣшительно не давали ей покою: тамъ, очевидно, шло пьянство, картежъ и поминутные споры. Наконецъ, когда она вышла въ корридоръ чтобы приказать подать себѣ обѣдъ, одивъ изъ этихъ господъ нахальнымъ образомъ присталъ къ ней съ любезностями и сталъ тащить къ себѣ въ номеръ, а когда ей удалось вырваться отъ него, онъ началъ ломиться въ дверь ея комнаты. Нюточка заперлась на ключъ, съ твердымъ намѣреніемъ завтра же выбраться вонъ изъ этой труппы, но веселые сосѣди то и дѣло стучали къ ней въ дверь, которая вела къ нимъ изъ ея комнаты, просовывали въ замочную скважину гусиное перышко, прикладывали глазь къ щелкѣ, сопровождая все это безконечными двусмысленностями и циническою бранью на ея упорство. Наконецъ, уже поздно вечеромъ, у сосѣдей послышались веселые женскіе голоса, и вскорѣ все это разразилось неистовыми криками, руготней, буйнымъ скандаломъ и дракой.... Били какого-то мушону, били двухъ какихъ-то женщинъ, били бутылки и посуду.... Поднялась возня, суматоха, женскіе вопли, отчаянные крики „караулъ“!... хозяйка номеровъ бѣжала по корридору и вопила.... кто-то побѣждалъ за полиціей, кто-то накинулся на хозяйку да заодно ужъ и ее избилъ; одна женщина, обезумѣвъ отъ страха и побоевъ, въ растерзанномъ видѣ бѣжала по корридору и ревя-ревяла неистовымъ, истерическимъ голосомъ, и все это среди чада и смрада, въ туманѣ табачнаго дыма, при тускломъ свѣтѣ корридорной лампочки. Нюточка до такой степени перепугалась что, вся дрожа какъ осиновый листъ, наскоро накинула на себя платокъ да салопчикъ и, съ сакъ-воажемъ подъ полой, опрометью бросилась вонъ изъ этихъ номеровъ. Тамъ было не до нея въ ту минуту, и потому ея никто не остановилъ, никто даже и вниманія не обратилъ какъ и когда она шмыгнула изъ корридора, благо выходная дверь стояла настежь растворена. Нюточка долго бѣжала по улицѣ отъ этого вертепа, бѣжала куда глаза глядятъ, пока мало-мальски не пришла въ себя, и тогда только, при свѣтѣ фонаря, отыскала въ портмоне записку данную давеча въ адресномъ столѣ, взяла извожика и поѣхала розыскивать Ардалиона Полоярова. Кромѣ этого

она не знала ни на что рѣшиться, ни куда дѣваться ночью, среди незнакомаго города. Добрая вдовушка, узнавъ исторію всѣхъ этихъ приключеній, очень радушно предложила Лубянской свою комнату.

— Да зачѣмъ же непременно вашу? возразила Зятцъ: — вѣдь есть же еще три свободныя комнаты: Лубянская можетъ занять подѣ себя хоть любую. Она вѣдь тоже изъ нашихъ.... Что жь!... А я съ своей стороны не прочь, пожалуй, чтобъ и она жила: Вѣдь мы здѣсь живемъ коммуной, на равныхъ основаніяхъ, и другъ другу ничѣмъ не обязаны, пояснила она Нюточку, и вслѣдъ затѣмъ обратилась ко всѣмъ вообще: — Такъ какъ же, господа? Принимаете что ли новую гражданку?

Сожители дали утвердительный отвѣтъ, и лишь одинъ Полояровъ промышчалъ вѣчто неясное, не то соглашаясь, не то глухо протестуя.

— А впрочемъ, и я согласенъ, какъ-то особенно ухмыляясь, рѣшилъ онъ послѣ минутнаго соображенія.

Юный князь слонялся отъ одного гостя къ другому, глупо скаля зубы отъ удовольствія, и всѣмъ пожималъ руки, приговаривая:

— А нашего полку прибыло!... А?... Прибыло!... Га-га-га!... Прибыло вѣдь! а?... Не правда ли? а?...

Полояровъ же то похмуро пружился, туго и медленно потирая между колѣнъ свои ладони, то слегка ухмылялся какъ бы въ отвѣтъ какой-то бродившей въ немъ мысленкѣ, и больше все отмалчивался, устремляя на Нюточку изъ-подъ синихъ очковъ пытливые взгляды.

Лубянская осталась въ коммунѣ.

IX. Святые принципы Полоярова.

Гости разъѣхались. Сусанна стала хлопотать надъ устройствомъ комнаты для Нюточки, и кое-какъ приладила ей на диванѣ постель. Нюточка все время сама помогала доброй вдовушкѣ въ этихъ не особенно сложныхъ и непродолжительныхъ хлопотахъ. Менѣе чѣмъ въ четверть часа все было уже готово, и Сусанна простилась съ Лубянской, сказавъ что ей не въ моготу спать хочется, какъ всегда когда въ коммунѣ бываетъ много гостей.

Нюточка осталась одна, и медленно, въ раздумьи, стала раздѣваться. Раздумье брало ее насчетъ Полоярова: онъ такъ странно и неловко встрѣтился съ нею, какъ будто эта встрѣча почему-то была ему не понутру, почему-то досадна и неприятна; что же это значить? какъ понять все это?... А между тѣмъ.... между тѣмъ не могла же она и не прѣхать: на это вынудила крайняя необходимость. Чѣмъ же теперь все это кончится, и что дальше будетъ?

Кто-то взялся за дверную ручку и потрогалъ ее.

— Кто тамъ? окликнула Нюточка.

— Я! отозвался Полояровъ: — что это вы запираетесь-то вздумали? У насъ это совсѣмъ не принято. Отворите-ка!

— Да я уже совсѣмъ почти раздѣта.

— Ну такъ что же? Одѣта ли, раздѣта ли, это до меня нисколько не касается. Но мнѣ, пожалуй, входите сколько угодно, когда я раздѣтъ, это мнѣ все единственно. Отворяйте же что ли, говорю вамъ! Нужно мнѣ васъ.

Нюточка накинула на плечи дорожный плаедъ и впустила Полоярова.

— Скажите, какія нынче скромности у насъ! съ усмѣшкой процѣдилъ онъ сквозь зубы, кинувъ взглядъ на плаедъ, окутавшій собою всю фигуру дѣвушки, и сѣлъ на приготовленную ей постель.

— Ну, здравствуйте, Анна Петровна!

— Здравствуйте, Ардалионъ Михайловичъ.

— Что же такъ-то сухо? усмѣхнулся онъ:—давайте что ли лапу сюда, по-старому, по-бывалому; ну и того.... сольемте уста, такъ сказать, въ блаженствѣ поцѣлуя!... Ась?

И онъ потянулъ было ее къ себѣ, но Лубянская сдержанно и сухо отклонилась въ сторону. Вообще она была съ нимъ теперь какъ будто насторожѣ: это сказывалось въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ и движеніи, во всей манерѣ ея относительно Ардалиона.

— Это что же такое? скопилъ онъ на нее глаза и губы.— не желаете-съ?... И не надо! Хотите такъ хотите, а не хотите, такъ какъ хотите.

— Ардалионъ Михайловичъ, мнѣ не до поцѣлуевъ и не до шутокъ, съ какою-то горечью въ тонѣ и не глядя на него, тихо проговорила дѣвушка.

— Хм!... Вотъ какъ!... Такъ для чего же вы собственно пожаловали-то сюда?

Нюточка горько усмѣхнулась.

— А вы еще не догадались?... Мнѣ тамъ ужъ на людей совѣстно глядѣть.... Я скрывала, я пряталась пока было возможно, а теперь... мнѣ нельзя было оставаться тамъ долѣе.... поймите вы это.

— Не понимаю. Отчего же такъ?

— Да вѣдь тамъ отецъ!... А онъ ничего не знаетъ.

— Да скажите вы толкомъ: беременны вы что ли? нахму-
рясь и морщась перебилъ Подояровъ.

Нюточка покраснѣла и тихо опустила глаза.

— Э-э!... А маѣ и не вдомекъ съ перваго разу! протя-
нулъ онъ, крутя себѣ папироску.—Ну, что жь? самое нату-
ральное и простое дѣло! Естественное предназначеніе каждой
самки, что же тутъ особеннаго? Вы читали *О происхожденіи*
видовъ Дарвина?

Она съ досадливымъ сожалѣніемъ взглянула на своего быв-
шаго друга и пожала плечами.

— Я хочу говорить съ вами серьезно. Мнѣ необходимо это,
поймите вы! убѣдительнымъ тономъ проговорила Нюточка.

— Да и я вѣдь серьезно! отозвался Ардалионъ.—Я васъ къ
тому спрашиваю про Дарвина, что ежели бы вы что-нибудь
дѣльное вычитали изъ него, такъ поняли бы что это ваше
естественное назначеніе, какъ самки, и тогда бы вы не ста-
ли творить драмъ и романовъ изъ-за такого пустяка. Отецъ!...
Ну, что же такое отецъ? При чемъ онъ-то тутъ въ этомъ
процессѣ? Тутъ дѣло акушерки, а не отца! И зачѣмъ это
вдругъ понадобилось вамъ скрывать отъ него? Не понимаю!

— Что же, по-вашему, я должна была гордиться и хва-
стать?

— Ни то, ни другое, а и скрывать-то нечего: простой фи-
зіологическій процессъ, и баста!

Нетерпѣливое чувство досады отразилось на лицѣ дѣвушки.

— Ардалионъ Михайловичъ, рѣшительно сказала она, ста-
новясь предъ нимъ, — звонкихъ словъ я и прежде слышала
отъ васъ не мало. Оставьте ихъ хоть теперь-то! Я пришла
къ вамъ не за фразами, а за помощію.... Вѣдь вы же будете
отецъ этого ребенка!... Вы должны войти въ мое положеніе,
если вы честный человѣкъ!

Ардалионъ въ свою очередь досадливо передернулся на сво-
емъ стулѣ.

— Да я-то что же? возразилъ онъ, пожимая плечами:—вотъ

вы, небось, укоряете меня въ звонкихъ фразахъ, а сами еще пуще того звонкiя-то словечки въ ходъ пуцаете!... „Должны, долгъ.... честный человекъ“.... Да что такое этотъ вашъ долгъ и честь-то? Понятiе совершенно условное-сь. Австралийскiе дикари, напримѣръ, ѣдятъ человѣчину и находятъ что это вполне честно и нравственно, потому что они, побѣдители, ѣдятъ своихъ враговъ, побѣжденныхъ; а дурачье англійскiе миссiонеры говорятъ что это безнравственно, кушать себѣ подобныхъ; а мы, напримѣръ, находимъ что это ни нравственно, ни безнравственно, а просто штука въ томъ что мы не сдѣлали себѣ привычки жрать человѣчину, или предки наши почему-то отвыкли отъ этого; ну, или просто отъ того, наконецъ, что это у насъ не принято, не въ обыкновенiи, и только. Ну, и кто же тутъ правъ: дикари или миссiонеры? По-своему, пожалуй, и тѣ и другiе, потому что понятiе-то самое о нравственномъ и законномъ совершенно условное понятiе. Я могу понимать такъ, а вы иначе. И наконецъ, то что нравственно и честно для пошляковъ и филистеровъ, то по нашимъ убѣжденiямъ и безнравственно, и подло.

Лубянская поблѣднѣла и хмуро изъ-подъ сведенныхъ бровей уставилась глазами на Полоярова.

— Вы для чего же все это говорите мнѣ? медленно и тихо спросила она, подавляя въ себѣ накопъ внутренняго негодованiя и волненiя.—Какъ, наконецъ, прикажете понять все это? Такъ ли что вы отказываетесь и отъ меня, и отъ своего будущаго ребенка, и бросаете меня въ эту минуту совершенно на произволъ судьбы? Такъ что ли?

Вопросъ былъ поставленъ слишкомъ ясно и прямо. Полояровъ нѣсколько позамялся.

— Ннн, то-есть.... какъ вамъ сказать? съ трудомъ началъ онъ выматывать изъ себя слова, медленно потирая между колѣнъ свои ладоши:—если вамъ угодно будетъ припомнить факты, которыя даетъ намъ напримѣръ зоологiя, то вы увидите что въ натуральномъ бракѣ самецъ имѣетъ свое особое назначенiе, а забота о потомствѣ лежитъ исключительно на особахъ женскаго пола. Это самое естественное и потому самое рациональное. Помилуйте-сь! Я васъ считалъ за порядочную и развитую дѣвушку, а вамъ вдругъ приходится вмѣсто того такiя азбучныя истины втолковывать! Это стыдно-сь! Роль каждаго самца ограничивается только....

— Скажите же наконецъ прямо! нервно перебила его Нюточка:—вѣдь отъ всѣхъ этихъ изворотовъ вы въ моихъ глазахъ ни на волосъ не станете лучше! Говорите прямо!

— Я прямо и говорю. Я говорю что, основываясь на разумныхъ началахъ физической природы и слѣдуя ея законамъ, я имѣю право считать себя ничѣмъ несвязаннымъ, но это еще не значитъ чтобъ я отказывался помочь вамъ. Я только все еще не могу въ толкъ себѣ взять хорошенько, въ чемъ именно эта помощь?... Какого рода помощи вы отъ меня желаете? Если это законный бракъ, то я пасъ! Потому что законный бракъ противорѣчитъ всѣмъ моимъ принципамъ, и наконецъ, въ моей жизни—почемъ вы знаете?—въ моей жизни, быть-можетъ, есть, или могутъ быть такого рода предпріятія, когда человѣку впору только за одну свою голову отвѣтъ держать. Каждое честное дѣло прежде всего требуетъ свободы-сь, и я, всею душой принадлежа моему дѣлу, не имѣю права связывать себя, а иначе я подлець! Такъ вы скажите мнѣ, въ чемъ же помощь-то?

— Успокойтесь, законнаго брака я отъ васъ не потребую, твердо сказала она, бросивъ на своего собесѣдника взглядъ ледянаго презрѣнія.—Это было бы ужъ совсѣмъ безуміе!

Полояровъ недоувѣрчиво и осторожно покосился на Нюточку, желая убѣдиться въ какой мѣрѣ истинно сказанное ею. Взглянулъ и успокоился. Даже лицо его прояснилось. Словно упала съ плечъ гиря, которая тяготила его съ минуты перваго появленія Нюточки въ этой квартирѣ.

— Ну, такъ въ чемъ же, голубчикъ мой, помощь-то? Говорите, я все готовъ.... все чтò могу.... располагайте мной! заговорилъ онъ вдругъ мягко и ласково. Въ душѣ его въ эту минуту незамѣтно проползло соображеніе что къ чему же, молъ, совсѣмъ ужъ отталкивать отъ себя эту молодую и хорошенькую Нюточку?

— Я все-таки попрошу васъ прежде выслушать меня, сухимъ и сдержаннымъ тономъ начала дѣвушка: — о моемъ положеніи вы знали еще до вашего отъѣзда изъ Славнобубенска, стало-быть, для васъ это не новость. Мнѣ остается теперь нѣсколько менѣе двухъ мѣсяцевъ. Признаться отцу я не могла.... не рѣшалась.... Онъ не перенесъ бы такого позора.... Если это и убьетъ его, когда узнаетъ, ну, такъ хоть не на моихъ глазахъ! (При этихъ

словахъ въ голосъ ея дрогнули сжатые слезы.) Я довольно передумала объ этомъ, пока рѣшила себѣ какъ быть, продолжала она: — я лгала, я скрывалась пока можно было лгать и скрываться.... Далѣе ужь нельзя. Мнѣ, говорю вамъ, совѣстно на людей смотрѣть! Оставалось либо съ моста да въ воду, либо бѣжать отсюда. Все еще есть надежда, авось либо отецъ какъ-нибудь перенесетъ этотъ ударъ, что ушла-то я отъ него, а можетъ еще и скрою какъ-нибудь.... Коли перенесетъ, тогда вернусь, а то нѣтъ!... Я ушла тайкомъ; записку только оставила Устинову чтобы поберегъ безъ меня старика.... Онъ честный, я теперь убѣдилась.... Онъ это какъ-нибудь обдѣлаетъ, устроитъ.... Признаться только не могла ему.... Ну, да все равно!... Паспорта у меня нѣтъ никакого, а вѣдь это надо, кажется? Теперь, вотъ все что я попрошу у васъ: вы помогите мнѣ какъ-нибудь скрыть все это и до времени не оставьте ребенка. Можете вы мнѣ это сдѣлать, или не можете?

Полоярвъ чуточку подумалъ. „Только-то и всего?“ сказалъ онъ мысленно самому себѣ, „а я-то думалъ и не вѣсть что такое!“

— Могу! отвѣтилъ онъ рѣшительно и даже не безъ веселости:—се сонъ де пустяки! Мы всю эту штуку вамъ во какъ обдѣлаемъ! И овцы будутъ цѣлы, и волки сыты. Это я все могу, а только ты, Нюта, не сердись. Дутье-то въ сторону! А лучше протяни-ка ланку старому другу!... Честно и открыто протяни! Отъ сердца! Ну, Нюта!... Что же?... Я жду!... ласково понудилъ онъ, послѣ короткаго выжидательнаго молчанія, подставивъ ей свои ладоши:—хочешь услуги отъ меня, такъ мирися!

Дѣвушка слегка колебалась, но потомъ въ молчаніи и не глядя на него, медленно и холодно протянула ему руку. Богъ ее знаетъ, а только она и сама-то хорошенько не понимала, презираетъ ли, ненавидитъ ли, или все еще любитъ этого человѣка. А по правдѣ сказать, въ ея чувствахъ къ нему тѣллось пока еще и то, и другое, и третье....

Совсѣмъ уже прояснившійся Полоярвъ почти насильно притянулъ къ себѣ все еще безмолвную Нюточку и звонко поцѣловалъ ее.

— Ты только моихъ святыхъ принциповъ не тронь, самодовольно заключилъ онъ, облапивъ ея плечи: — а то во всемъ прочемъ я—какъ есть человѣкъ хорошій!

Х. Какимъ образомъ члены коммуны тяготы другъ друга носили.

Коммуна, какъ сказано уже, обогатилась новымъ членомъ. Дубянская осталась тамъ на житье. Вынудила ее на это самая простая и неизбежная необходимость, такъ какъ иначе что же оставалось ей, неопытной и молодой дѣвушкѣ, одишенькой въ громадномъ и совсѣмъ незнакомомъ, совсѣмъ чужомъ городѣ, почти безъ средствъ, и притомъ въ такомъ исключительномъ положеніи, которое поневолѣ устраняло всякую возможность работы ради насущнаго куска хлѣба. Она бросилась въ Петербургъ сгоряча, очертя голову, не зная какъ тамъ все это будетъ и какъ-то еще все обойдется и устроится, — бросилась на авось, съ одною темною надеждою что, вѣроятно, какъ-нибудь да обойдется, что Полояровъ ее выручитъ, что отецъ можетъ-быть и не узнаеть, что какими бы то ни было судьбами надо будетъ скрыть, обмануть его, отвести всѣ подозрѣнія; а какъ именно? Этого-то она и не знала, но только думала что тамъ Полояровъ, конечно, что-нибудь придумаетъ и устроитъ. Въ этой дѣвочкѣ всецѣло процвѣтала еще крайняя и совсѣмъ зеленая молодость. Своенравное и балованное дома дитя, она съ дѣтства еще, безъ призора матери, привыкла самостоятельно распоряжаться собою, и потому не долго думала надъ проектомъ побѣга въ Петербургъ. Этотъ проектъ созданъ молодымъ, затаеннымъ горемъ, опасностью огласки, стыдомъ предъ дѣльнымъ городомъ, мыслью о горѣ и позорѣ стараго отца, котораго она любила по-своему, дѣтски-деспотическою любовью, а съ тѣхъ поръ какъ, покинутая Полояровымъ, осталась одна со своею затаенною кручиной, полюбила его еще болѣе, глубже, сердечнѣе, серіознѣе. Словомъ, этотъ взбалмошный проектъ побѣга создало безвыходное отчаяніе. Подѣлится мыслью не съ кѣмъ, спросить совѣта не у кого, да и стыдно, и не безопасно. Что тутъ дѣлать? Явилась блаженная мысль, Нюточка за нее и ухватилась, да не долго думая, и привела въ исполненіе. Какъ ни работалъ надъ ея „развитіемъ“ Ардалионъ Полояровъ, какъ ни успѣшно

увѣнчались его труды капризнымъ порывомъ ея беззавѣтнаго увлеченія, однакоже этому ментору не удалось искоренить изъ нея того „предразсудка“ который называется двѣичью стыдливостью. Нюта боялась и стыдилась предстоящаго позора и неизбежной огласки, если все это случится въ Славнобубенскѣ. И вотъ, по ея искреннему, глубокому убѣжденію, ей оставалось одно изъ двухъ: либо съ моста въ воду, либо бѣжать на время. Чтò изъ этого выйдетъ, она не знала; но нѣкоторая смутная надежда на какой-нибудь, быть-можетъ, сносный исходъ, заставила ее выбрать побѣгъ. Безъ паспорта, съ однимъ легонькимъ сакъ-воляжемъ, да со ста рублями скопленными за долгое время изъ подарковъ отца, сѣла она на пароходъ. На дворѣ стояла уже поздняя осень, навигація, того и гляди, не сегодня, завтра прекратится, поэтому надо было спѣшить. Она оставила Устинову короткое письмо, въ которомъ, не объясняя причинъ, сообщала что непредвидѣнныя и очень важныя обстоятельства вынуждаютъ ее, безъ позволенія отца, уѣхать мѣсяца на три и умоляла устроить дѣло какъ-нибудь такъ чтобъ отецъ не очень сокрушался и беспокоился о ней, такъ какъ ей не предстоить ровно никакой опасности и пр. Пароходъ, на который сѣла Нюточка, дѣлалъ-уже чуть ли не послѣдній изъ своихъ самыхъ позднихъ рейсовъ. Она доѣхала водою до Твери, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Дальнѣйшая исторія уже извѣстна.

На другой же день, утромъ, Полояровъ открыто и совершенно неожиданно для Лубянской заявилъ членамъ коммуны о томъ что состоитъ съ нею въ натуральномъ бракѣ; но такая откровенность, къ удивленію двѣушки, никому не показалась ни странною, ни зазорною, ни неумѣстною; напротивъ, всѣ приняли это извѣстіе какъ самую простую, достойную и обыденную вещь, и только одна Лубянская сама же покраснѣла до ушей и, со слезами досады на глазахъ, не знала куда дѣваться отъ устремившихся на нее равнодушныхъ и какихъ-то словно бы оцѣночныхъ взглядовъ.

— Конфузиться, матушка, нечего, полусхутя и полувнушительно замѣтилъ ей Полояровъ:—Это въ тебѣ пошамый предразсудокъ конфузится, а ты его по сусоламъ, по сусоламъ предразсудокъ-то этотъ!.. Гони его, стервеца! Надо же было

отрекомендоваться и привести въ ясность что ты моя натуральная жена. Что жь такое!... Святое дѣло!... Эхъ, братъ, Анютка! замѣтилъ онъ ей потомъ, неодобрительно качая головой:—Совсѣмъ ты безъ меня испортилась, какъ я поглажу! То-есть вся моя работа надъ тобой словно бы ни къ чорту!... Теперь хоть сызнава начинай! А кстати: у тебя съ собою деньги-то есть? спросилъ онъ тутъ же дѣловымъ тономъ:—Сколько денегъ-то?

— Пятьдесятъ рублей съ мелочью осталось.

— Ну, такъ ты, матушка, изволь-ка ихъ сейчасъ же вручить мнѣ, для приобщенія въ общую кассу: тутъ вѣдь у насъ даромъ-то никто не живетъ, тунеядства не водится; а въ концѣ каждаго мѣсяца я всѣмъ членамъ представляю отчетъ, и тогда можешь повѣрять меня.

Лубянская вручила ему свои деньги, и Полояровъ записалъ ихъ на приходъ; но эта запись нисколько не помѣшала ему тутъ же изъ этихъ самыхъ денегъ отдать долгъ сапожному подмастерью за новыя подметки къ его собственнымъ сапогамъ, принесеннымъ въ это время.

Полояровъ распорядился кассой и вообще былъ главнымъ администраторомъ коммуны. Разъ въ мѣсяцъ онъ обязанъ былъ въ общемъ собраніи представлять членамъ-общегителямъ отчетъ во всѣхъ приходахъ и по всѣмъ расходамъ употребленнымъ на общія нужды. Поэтому у Ардаліона чаще и больше чѣмъ у другихъ водились деньги. Въ крайнемъ же случаѣ онъ всегда обращался либо къ Сусаннѣ, либо къ князю Багрово-Плохово съ просьбой дать въ долгъ на имя коммуны, и конечно никогда почти не получалъ отказа: дѣлалъ долгъ вѣдь не Ардаліонъ, а коммуна.

Странное впечатлѣніе дѣлала эта коммуна съ непривычки на Лубянскую. Она казалась ей какою-то квартирой безъ хозяевъ: живутъ-себѣ какіе-то люди словно бы и вмѣстѣ, а словно бы и порознь, одинъ съ другимъ не чинится, не церемонится, каждый творить-себѣ что хочетъ, и никому ни до чего дѣла нѣтъ. Полояровъ какъ будто распоряжается, но и онъ не хозяинъ. Квартира на имя Сусанны, но и она держитъ себя простою жилищей. По всѣмъ комнатамъ вѣчная грязь, пыль и беспорядокъ. Мебели мало, да и то какая-то сбродная и глядитъ такъ какъ будто она тутъ ровно ни къ чему непригодна. Въ одной комнатѣ помѣщается, наприкладъ, диванъ, и только; въ другой Богъ вѣсть для чего

стоитъ трюмо въ одномъ углу, а въ другомъ кожаное кресло; въ третьей, столъ да коммодъ, и тюфякъ на полу: это комната маленькаго Анцыфрова; четвертая меблирована одними только стульями; въ пятой ровно ничего нѣтъ, и вотъ все въ этомъ родѣ; а комнатъ межъ тѣмъ много. Трудно, почти невозможно опредѣлить на что именно походила эта квартира: казарма не казарма, и на *chambres garnies* не похожа. Было въ ней что-то затхлое, холодное, не жилое. Обстоятельной оспѣлости, того что называется очагомъ, не оказывалось въ ней вовсе, а все казалось словно не то въѣзжаютъ, не то выѣзжаютъ какіе-то жильцы, и такъ вотъ изо дня въ день, постоянно, неизмѣнно. Захочетъ, напримеръ, дворникъ принести дровъ и воды, ну и есть дрова съ водой, а не захочетъ, сидятъ безъ того и другаго. А въ квартирѣ холодно, ажно паръ отъ дыханія ходитъ, и чашку испить смерти бы хотѣлось. Жильцы ежатся и негодуютъ на Полоярова.

— Полояровъ! Да что же это, наконецъ, такое! пристааетъ къ нему то тотъ, то другой:—опять воды ни капли нѣту....

— Ардалионъ Михайловичъ, да что жъ это, ей-Богу! Просто руки отъ холоду коченѣютъ! Что это вы не распорядитесь! Пошли бы приказали чтобъ онъ, каналья, хоть дровъ-то притащилъ. Вѣдь такъ жить невозможно!

— А мнѣ-то что! огрызается Полояровъ, кутаясь въ свою чуйку на собачьемъ мѣху.

— Да вѣдь холодно! Таракановъ морозить что ли?

— Ну и морозьте.

— Да подите же, распорядитесь, наконецъ!

— А мнѣ-то что, говорю вамъ! Что я къ вамъ въ холу нанялся что ли? Кому зябко, тотъ и ступай, и распоряжайся, а мнѣ не холодно, мнѣ и такъ хорошо.

Обыкновенно никакой прислуги въ коммуны не водилось, потому что сколько ни нанимали ее, ни одинъ человекъ болѣе трехъ, четырехъ дней рѣшительно былъ не въ состояніи у нихъ выжить. Поживетъ, поглядитъ, да и объявитъ: „Нѣтъ, молъ, пожалуйста мнѣ мой паспортъ.“

— Что жъ такъ? Зачѣмъ вамъ паспортъ?

— Да ужъ такъ.... не рука намъ....

— Отчего же не рука? Вѣдь вы такой же человекъ какъ и мы, а мы вамъ всякое уваженіе, кажись, оказываемъ,

нравственная личность ваша здѣсь не страдаетъ, трудъ вашъ оплачивается.... Отчего же вамъ не жить?

— Да ужъ что это за жизнь!.. Помилуйте!.. Ни хозяевъ, никого и ничего нѣтъ, не знаешь кого тебѣ слушаться. Одинъ кричитъ сапоги ему чисти, а другой мыться дай; третьему въ лавочку, аль на почту бѣги, четвертому поянницу растирай, пятому полъ подмети, и все въ одно время, и всякій кричитъ, требуетъ, обижается что не исполняешь, а гдѣ жь тутъ? У меня не десять рукъ, не разорваться....

И прислуга получаетъ свой паспортъ.

— Что мало жилось? Аль не вкусно? спрашиваетъ прислугу дворникъ при заявленіи о выпискѣ.

Прислуга только рукою махнетъ.

— Что это, милый человекъ, говоритъ: — сколько ни жилаи по людямъ, а нигдѣ еще таково-то не видывали. Дураково логово какое-то, а не фатера!

— Это вы истинно такъ что дураково логово! ухмыляясь соглашается дворникъ.

И вотъ, въ силу того обстоятельства что никакая прислуга не могла выжить въ коммунѣ, и что всѣ попытки къ прочному найму и удержанію ея оставались тщетны, члены порѣшили наконецъ между собою: не нанимать болѣе никакой прислуги, а всѣ обязанности ея исправлять самимъ, для чего и распредѣлить ихъ между всѣми. Ардалионъ Полояровъ, однако, въ качествѣ главнаго администратора и артельщика, устранилъ себя отъ всякой „черной работы“. Такимъ образомъ на долю князя Багрово-Шлохово досталось выливать грязную воду и выносить помои; Андцыфровъ долженъ былъ сапоги всѣмъ чистить, что, впрочемъ, приходилось не часто, въ силу принципа исключавшаго всякій внѣшній лоскъ и щегольство; обязанность Малгоржанова заключалась въ побѣгущкахъ въ лавочку за всѣми надобностями и въ мытьѣ посуды, а Моисей Фрумкинъ подметалъ полы, въ чемъ тоже не было особенно частой потребности; Лиденька Затцъ взялась чулки штопать на всю братію и ставить самоваръ. Последняя обязанность была довольно-таки затруднительна, такъ какъ самоваръ цѣлый день почти не сходилъ съ общаго стола коммуны. Вдовушка же Сусанна должна была разливать всѣмъ чай и вести счетъ бѣлью, а для возложенія на нее такой, сравнительно весьма легкой обязанности у Полоярова имѣлись свои особыя причины и соображенія, которымъ

остальные члены противорѣчили не много и то лишь по существу всѣмъ имъ страсти противорѣчить. Причины и соображенія заключались въ томъ что карманъ вдовушки зачастую оказывалъ услуги превыше всякихъ служительскихъ обязанностей, а для того чтобы пользоваться услугами ея кармана, надобно было сдѣлать ей хоть какую-нибудь льготу, а то вдругъ, гляди, закапризничаетъ дура, да пожалуй еще не захочетъ жить въ коммуны, такъ тутъ и посядешь какъ ракъ на меду.

Что же касается обязанности отворять дверь приходившимъ, то таковая никому не была передана въ исключительное вѣдѣніе, и вотъ потому-то каждый раздавшійся у дверей звонокъ служилъ поводомъ къ постояннымъ и бесплоднымъ пререканіямъ между членами: „Подите, молъ, вы, отворите; это вѣроятно къ вамъ!“—„Нѣтъ, вы, это къ вамъ!“ и т. д. Но съ поселеніемъ на житье Нюты Лубянской, обязанность отворять двери была возложена на нее, какъ не требующая особеннаго физическаго труда, во вниманіе къ ея положенію. Ради этого Нюта большею частію должна была сидѣть дома. Такимъ-то вотъ образомъ всѣ члены-общегители, словно бы по писанію, тяготы другъ друга носили.

Иногда къ коммунистамъ приходили гости. Эти посѣтители раздѣлялись на общихъ и частныхъ. Общіе если они были со всѣми равно знакомы и появлялись на коммуныхъ вечерахъ, частные если ходили къ кому-либо изъ членовъ. На такого гостя остальными членами не обращалось уже ни малѣйшаго вниманія: если Полояровъ ходилъ въ одномъ только нижнемъ бѣльѣ, то такъ и продолжалъ ходить себѣ; если Лиденька Затцъ громко ругалась съ Анцыфровымъ, то такъ и продолжала ругаться, ни что же сумняся и не стѣсняясь ни мало присутствіемъ посторонняго человѣка. Если на столѣ стоитъ чай, то гостю никто не предложитъ стакана, пока онъ самъ не догадается взять себѣ, потому что иначе это была бы „пошлая жантильность“. Или если, напримѣръ, гость пришелъ къ Малгоржанову, а Полояровъ или Лиденька за что-нибудь противъ этого гостя зубы точили, то опять же ни мало не стѣсняясь приступали къ нему съ объясненіемъ и начинали зубъ-за-зубъ считаться, а то и до формальной ругани доходило, и Малгоржановъ не находилъ умѣстнымъ вступаться за своего гостя: „пуцай его самъ, молъ, какъ знаетъ, такъ и вѣдается!“

Вообще же такое нестыснительное отношеніе къ посвѣтителямъ коммуны образовалось изъ того принципа что весь міръ раздѣляется на *мы* и *подлецы*; то что не *мы*, то подлецы да пошляки, и обратно. Другихъ градаций нѣтъ и не допускается. Стадо-быть, пошляки и подлецы ужъ никоимъ образомъ не могли быть допущены въ кругъ коммунистическаго знакомства, а со *своими* людьми, съ *нашими* чиниться нечего: тутъ вся душа нараспашку. А ежели бы какими ни на есть судьбами и затесался случайно въ коммуны какой-нибудь подлець и пошлякъ, то съ нимъ ужъ и подавно нечего стѣсняться, а напротивъ слѣдуетъ сразу же огорошить его такъ чтобы онъ впредь ужъ и носа сюда показать не осмѣлился.

Полояровъ верховодилъ всею компаніей, хотя никто изъ нихъ не призналъ бы этого еслибъ указать имъ прямо на существованіе такихъ отношеній между имъ и членами. Напротивъ, каждый совершенно искренно, съ убѣжденіемъ и даже не безъ задѣтаго самолюбія сталъ бы увѣрять что Полояровъ для нихъ нуль, ровно что наплевать, что они всѣ совершенно равноправные члены, и никто никому и ничему не верховодить. А между тѣмъ на дѣлѣ Полояровъ распорядился всѣмъ въ коммуны чуть ли не самопроизвольно. Еслибы кто что сдѣлалъ для общей пользы помимо Полоярова, Полояровъ непременно охаетъ это и найдетъ ни къ чорту негоднымъ. Только что онъ самъ сдѣлаетъ то и безупречно, то и прекрасно, а остальные всѣ дураки, и никто ничего не можетъ, никто ничего не знаетъ и не понимаетъ: Анцыфровъ не понимаетъ какъ сапоги чистить, князь не понимаетъ какъ слѣдуетъ помои выливать, Лиденька носковъ штопать не умѣетъ, Малгоржановъ толку въ покупкахъ не смыслить, Сусанна не имѣетъ понятія о томъ какъ чай разливается, а вотъ еслибъ онъ, Полояровъ, взялся за дѣло, такъ у него все кипѣло бы.

— Ну такъ чего же вы!... Вотъ и взялись бы!...

— Я-то?... Хм!... У меня и безъ этого много дѣла! Безъ меня, небось, по моей части и одинъ-то день никто справиться не можетъ. Я, батюшка, не дармовѣдъ и не подлець чтобы своими обязанностями манкировать!

День въ коммуны и начинался, и кончался безалаберно. Съ восьми и до двѣнадцати часовъ самоваръ со стола не сходилъ, Лиденька то и дѣло раздуваетъ его голенищемъ

полоярвскаго сапога, подбавляетъ воды, углей и ругается. Вообще, какъ только коммуна проснулась, такъ и ругань въ ней подымается. Ругаются всѣ вообще и каждый порознь. Анцыфрова ругаютъ что сапоги скверно вычистилъ, князя что помои середь комнаты разлилъ, Лиденьку за то что самоваръ съ чадомъ принесла, Полоярова за то что холодно, а вдовушку за то что косички расплетаетъ да сидитъ себѣ за своими пудрами и кольдкремами, тогда какъ тутъ люди просто издыхаютъ: такъ чаю пить хотятъ! И всѣ ругаемые въ свой чередъ отругиваются изъ разныхъ концовъ и логовищъ общежительнаго обиталища. А тутъ межъ тѣмъ то и дѣло въ прихожей звонки раздаются: то къ тому, то къ другому посѣтителю являются, гости, которые вообще не были стѣсняемы временемъ своего появленія, а также и особы въ родѣ дворника, водовоза, лавочника со счетомъ, и эта послѣдняя публика претъ все больше къ администратору Полоярову, а Полоярвъ, по большей части, дома не сказывается и велитъ всѣмъ отказывать, либо же утѣшать ихъ тѣмъ что повѣхаль-де въ редакцію деньги за статьи получать.

Наконецъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, вся эта публика расходилась, а за нею немного погода и обитатели, по большей части, направляли стопы свои въ разные стороны града. Кто шелъ въ читальню или, вѣрнѣе сказать, говорильню при магазинѣ Луки Добронравова, кто въ редакцію, кто въ типографію, а кто и просто себѣ наблюдать жизнь и нравы на Невскомъ Проспектѣ и размышлять о высшей несправедливости судебъ и о подломъ устройствѣ социальныхъ отношеній. У Лиденьки Затѣчь чуть ли не каждую недѣлю являлись какія-нибудь новыя великія начинанія: то она на юридическомъ факультетѣ лекціи слушаетъ, то въ анатомическій театръ въ медицинскую академію бѣгаетъ и все поровитъ „запустить скальпель въ кадаверъ“ (Лиденька очень любить такія слова), то она швейному, то переплетному дѣлу обучается, то въ наборщицы поступаетъ, то стенографію учится, то въ акушерки готовится, то вдругъ дѣтей обучаетъ и открываетъ у себя бесплатную школу. Находятся кой-какіе несвѣдущіе родители, которые, соблазнясь, главное дѣло, бесплатностью, посылаютъ ребятешекъ къ Лиденькѣ въ науку.

А Лиденька обучаетъ слѣдующимъ образомъ: дѣти, напримѣръ, приходятъ съ букварями.

— Вы это что за книжонки принесли? Азбуку? Этого вообще не нужно! Это все потому, какъ-нибудь послѣ, а теперь главное о развитіи вашемъ надо позаботиться. Вы, мальчуганъ, напримѣръ, какъ васъ зовутъ?

— Стенкой.

— Ну, хорошо-съ. Такъ вотъ что, Стенка, въ Бога вы вѣруете?

— Вѣрую-съ.

— Это очень глупо съ вашей стороны. Почему же вы вѣруете? Сообразите-ка хорошенько и дайте мнѣ отвѣтъ: почему это вы вѣруете?

Стенка не понимаетъ и упорно молчитъ.

— Какъ вы полагаете, Богъ-то есть или нѣтъ?

— Какъ же!... Богъ есть.

— Гдѣ же онъ есть?

Мальчуганъ взглядываетъ въ уголъ, но образа не находитъ.

— Въ церкви есть, говорить онъ.

— Въ церкви Бога нѣтъ. Церковь это такой же домъ какъ и этотъ, только что архитектура въ ней особенная. Вотъ и все. Вы Бога-то видѣли.

— Видѣлъ.

— Гдѣ же вы его видѣли?

— А на иконѣ нарисованъ.

— Икона это не Богъ, а простая доска. Бога-то, миленькій мой, нѣтъ и не бывало, а если вамъ говорятъ что есть, такъ это васъ только обманываютъ.

— Зачѣмъ же обманывать? вопрошаетъ недоумѣвающий мальчуганъ.

— А затѣмъ чтобы массы держать въ невѣжествѣ и рабствѣ, и чрезъ то легче эксплуатировать ихъ. Это политика такая.

Стенка ровно ничего не понимаетъ и смотритъ выпуча глаза.

— Такъ стало, въ церковь-то ходить не надо?

— Не надо, миленькій.

— И Богу молиться не надо?

— И Богу не молитесь. Это все глупости, одна только лишняя трата времени, которое вы могли бы употребить болѣе производительно.

Потомъ развитіе продолжается слѣдующимъ образомъ:

— Когда вы, миленькій, встрѣтите на улицѣ пона, или

полицейскаго, или офицера, такъ вы плюньте или выругайтесь про себя, говоритъ Лиденъка самымъ серьезнымъ менторскимъ тономъ.

— Зачѣмъ? вопрошаетъ поучаемый.

— Затѣмъ что всѣхъ ихъ должно ненавидѣть. А ненавидѣть ихъ надо за то что всѣ они служатъ ложному принципу; они агенты грубой силы, поддержка деспотизма. Понимаете, миленькій Стенка?

Стенка конфузится и сознается что не совсѣмъ-то понимаетъ.

— Ну, это оттого что вы еще глупы, а когда разовьетесь, тогда поймете.

Впрочемъ, Стенка изъ всего поученія понялъ что молиться не надо, а на поповъ и военныхъ слѣдуетъ плевать; Лиденъка же остается довольна пока и этими первыми шагами умственного и нравственнаго развитія миленькаго Стенки. Но вскорѣ и менторство надѣваетъ ей, и потому она объявляетъ что заниматься ей некогда, и просить миленькихъ Стенокъ не приходится къ ней болѣе.

Къ первому часу дня коммуна совершенно пуста. Осталась одна только Нюточка, которую пока еще нельзя было приткнуть ни къ какому „дѣлу“, кромѣ отворанія дверей приходящимъ. Пустота царствовала въ коммунѣ вплоть до вечера, когда все населеніе ея собиралось опочить отъ многотрудныхъ и разнообразныхъ дѣлъ своихъ и предпріятій. Впрочемъ, нельзя сказать чтобы коммуна всегда оставалась пустою; иногда въ ней, безъ всякой надобности и повода, цѣлый день толклись ея обитатели, или тотъ и другой изъ нихъ, а иногда хоть возьми ее всю да и выкради.

Обѣда въ коммунѣ не стряпали, а вся братія ходила питать себя, по близости, въ одну кухмистерскую, которую содержала нѣкая дама, или дѣвица, принадлежавшая тоже къ лику „новыхъ людей“. Въ эту кухмистерскую могли имѣть доступъ только „свои“, присовокупленные къ тому же лику, а изъ постороннихъ, изъ незнакомыхъ людей, ни одинъ человѣкъ не нашель бы себѣ тамъ ни тарелки супу, ни куска мяса. Попасть въ эту кухмистерскую можно было не иначе какъ по личной рекомендаціи кого-либо изъ хорошо знакомыхъ, постоянныхъ ея членовъ-посѣтителей, и только въ этомъ случаѣ новый человѣкъ пріобрѣталъ себѣ право получать за свои тридцать копѣекъ два-три блюда и уничто-

жать ихъ въ стѣнахъ этой питальни и въ состоличествѣ ея почтенныхъ членовъ. Хотя обѣды и не всегда удовлетворяли требованіямъ доброкачественности, хотя въ грязноватомъ на видъ бульонѣ и плавали подчасъ перья или волосъ струюхи, а говядина иногда уподоблялась скорѣе жареной подошвѣ чѣмъ говядинѣ, тѣмъ не менѣе члены-состоличники стоически переваривали все это „изъ принципа“: посѣщая эту кухмистерскую, они „поддерживали принципъ“ и притомъ были увѣрены что ни одинъ пошлякъ и подлець сюда не проникнетъ и не будетъ ѣсть съ ними перловаго супа.

Въ послѣдствіи, обжившись уже въ коммунѣ и приглядѣвшись къ коммунальной жизни, Нюта невольно подмѣтила въ ней такія отношенія которыя едва ли могли удовлетворять идеалу чистаго коммунизма. Но эти отношенія обходились какъ-то всегдашнимъ молчаніемъ, словно всѣ ужъ такъ условились чтобъ о нихъ не упоминать и не замѣчать ихъ существованія. Чѣмъ долѣе и глубже вникала Лубянская въ жизнь коммуны, тѣмъ болѣе убѣждалась что всѣ эти Полояровы, Андцыфровы, Лиденъки, Малгоржановы, Фрумкины живутъ на счетъ добродушно-простоватой вдовушки Сусанны и князька-идіота. Сами же вносятъ въ общую сокровищницу очень мало или почти ничего. Въ лавкѣ, напримѣръ, забираютъ на книжку, а придетъ срокъ расплачиваться, Полояровъ идетъ къ Сусаннѣ:

— Матужка, Сусаннушка, одолжите-ка пока деньжонокъ.... вотъ, въ лавку надо платить.... а при мѣсячномъ разчетѣ коммуна съ вами сквитается.

— Сколько вамъ?

— Столько-то.

— Извольте.

— Вѣдь за вами, Полояровъ, есть уже, кажется, достаточно денегъ? вступается восточный кузень, всегда очень чуткій на карманные интересы своей кузины.

Полояровъ, въ отвѣтъ на это, считаетъ долгомъ своимъ обидѣться:

— За мною!... Что это значить „за мною“!... Я попрошу васъ не употреблять такихъ выраженій. Это глупо и пошло, потому что вы очень хорошо знаете что тутъ не я, а коммуна, стало-быть и вы, и Сусанна Ивановна, и всѣ! Я не для себя беру, а для коммуны! А по мнѣ, пожалуй, чортъ съ

вами! Распоирайтесь сами какъ знаете! Посмотрю я какъ-то вы безъ меня управитесь!

— Малгоржановъ, какъ вамъ не стыдно! накидываются на восточнаго кузена всѣ Анцыфровы, Фрумкины и Лиденъки:— это довольно даже подло съ вашей стороны! Оскорбляя Полоярова, вы насъ всѣхъ оскорбляете. Впервыхъ, не ваше дѣло мѣшаться; вовторыхъ, на основаніи ассоціаціи мы всѣ несемъ равные расходы, и всѣ вмѣстѣ обезпечиваемъ наши общіе долги. Если берутся деньги у Сусанны, такъ это ровно еще ничего не значитъ: сегодня у нея, а завтра могутъ быть у меня взяты, а тамъ у Фрумкина, у Анцыфрова, у васъ.... Стало-быть, это глупо и пошло укорять Полоярова! Мы еще должны быть благодарны Полоярову!

И вдовушка начинаетъ чувствовать во глубинѣ души что и она тоже должна быть благодарна Полоярову. Чувствуетъ ли Малгоржановъ то же самое, это остается въ неизвѣстности, но онъ во всякомъ случаѣ умолкаетъ, побѣжденный общима напоромъ ассоціаторовъ.

Точно такимъ же образомъ Полояровъ обращался за ссудами и къ князю, но кромѣ Ардаліона, къ нему обращались и всѣ остальные, если кому-либо требовались деньги на собственныя, не коммунальныя надобности. Все это забирало у князя въ счетъ будущихъ трудовъ по будущему его журналу: Лиденъка брала въ счетъ будущихъ своихъ переводовъ, Анцыфровъ въ счетъ будущихъ корректуръ, остальные въ счетъ будущихъ статей и т. д. Одинъ только Малгоржановъ былъ столь гордъ что не обращался къ князю, но за то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ исключительно и притомъ безконтрольно обращался съ глазу-на-глазъ къ своей милой и доброй кузинѣ. И въ силу этого, Малгоржановъ думалъ что онъ можетъ не знать князя. Не трудно было Лубянской подмѣтить и тѣ особенныя отношенія которыя существовали между нѣкоторыми изъ членовъ коммуны и которыя даже, „по принципу“, ни для кого не составляли тайны. Лиденъка Затцъ дружила съ плюгавенькимъ Анцыфровымъ и строго держала его въ рукахъ. Дружба между ними началась еще въ Славнобубенскѣ, немедленно послѣ отъѣзда оттуда Полоярова, и въ силу этой дружбы Лиденъка даже похитила Анцыфрова изъ Славнобубенска и увезла съ собою въ Питеръ. Полоярову же Анцыфровъ постоянно былъ нуженъ какъ самый вѣрный сеидъ, безусловно покланя-

ющійся каждому Полоярвовскому слову и дѣянію. Поэтому-то, входя въ коммуны, Полоярвъ прежде всего втащилъ въ нее и Анцыфрова, а за Анцыфровымъ, разумеется, послѣдовала туда и Лиденъка, по убѣжденію того же Ардалиона Полоярва. Лиденъкъ было пріятно и удобно дружить съ маленькимъ золотушнымъ пискунокъ, и именно потому что она его въ рукахъ держала. Когда еще въ Славнобубенскѣ она дружила съ Полоярвовымъ, то Полоярвъ деспотически и безцеремонно управлялъ ею по своему произволу, и Лиденъка подчинялась болѣе сильной натурѣ, хотя ей подчасъ и тяжело бывало такое подчиненіе. Съ отъѣздомъ же Ардалиона, она сразу эманципировалась отъ его вліянія, и подруживъ съ Анцыфровымъ, заняла относительно его ту самую деспотическую роль какую по отношенію къ ней занималъ Полоярвъ. Пискунокъ былъ самый вѣрный рабъ ея; она дѣлала съ нимъ все что хотѣла, держала его на посмыкахъ, на побѣгущкахъ, заставляла обдѣлывать разные свои дѣлшшки, а въ одну злоую минуту изливала на него свои душевныя ощущенія и капризы, такъ что въ коммунахъ не въ рѣдкость было услышать провзительный, бранящійся голосъ Лиденъки и жалобный визгъ пискуна. Она его и царапала, и щипала, и даже била порю. Положеніе его въ коммунахъ было далеко не завидное: по совершенному отсутствію какой-бы то ни было силенки и самостоятельности въ характерѣ, онъ постоянно долженъ былъ подчиняться теперь двойному вліянію и Лиденъки, и Полоярва, изъ которыхъ зачастую одно становилось прямо въ разрѣзъ другому, вслѣдствіе какого-нибудь каприза Лиденъки или Ардалиона. Угодить одному, попадешь подъ гявъъ другого, и такимъ образомъ Анцыфрову постоянно приходилось, что-называется, сидѣть между двумя стульями. Словомъ, это былъ совсѣмъ жалкій, совсѣмъ несчастный пискунокъ.

Точно такимъ же образомъ не укрылась отъ Лубянской и особенность дружбы Малгоржанова съ Сусанной. Но, увы!... эта дружба доживала свои послѣдніе дни, вися на тонкомъ волосѣ, ежеминутно готовомъ оборваться, и восточный кузень очень чутко начиналъ это чувствовать, хотя все еще продолжалъ по-старому пользоваться карманомъ кузины. Бравый Бейгущъ все чаще и чаще показывался въ коммунахъ и, не обращая на кузена ни малѣйшаго вниманія, открыто велъ свою атаку на вдовушку Сусанну. Онъ къ ней одной

ходилъ въ гости и никого больше знать не хотѣлъ. Восточный человѣкъ мучился ревностью, но какъ ревновать, если ревность признана чувствомъ позернымъ! Надо было скрывать ее, а скрывать Малгоржановъ не умѣлъ, и въ то же время чувствовалъ полное безсиліе свое предъ бравымъ поручикомъ. А между тѣмъ Сусанна оказывала поручику очень замѣтное вниманіе и даже благосклонность. Малгоржановъ увидѣлъ въ ней явную холодность и даже въ поведеніи ея сталъ подмѣчать нѣчто странное. Такъ, напримѣръ, случалось нѣсколько разъ что вдовушка манкировала своею обязанностію конторщицы и вдругъ куда-то исчезала изъ книжнаго магазина, а иные знакомые потомъ говорили что въ это самое время видѣли ее на Набережной, или въ Лѣтнемъ саду подъ руку съ какимъ-то конно-артиллеристомъ. Потомъ стало случаться и такъ что вдовушка и вечеромъ не показывается въ коммуна, а возвращается домой уже поздною ночью. Малгоржановъ, сиротствуя въ часы ея отсутствія, скрежеталъ зубами и грызъ себѣ ногти, ходючи по своей комнатѣ, и ясно предчувствовалъ начало конца. Это же общее начало конца смутно начинали уже предчувствовать и нѣкоторые другіе члены коммуны.

XI. Теорія и жизнь.

То чего ждала и чего такъ страшилась Лубянская наконецъ совершилось: она стала матерью. Полояровъ заранѣе еще уговорился на сей конецъ съ одною знакомою акушеркой, принимавшею къ себѣ на квартиру скрывающихся родильницъ, и Нюточка, въ ожиданіи предстоящаго событія, дней за пять до него, перебралась къ этой акушеркѣ. Участь ребенка, еще до его рожденія, была уже опредѣлена Ардалиономъ. Онъ порѣшилъ отдать его въ Воспитательный Домъ и на томъ покончить всѣ дальнѣйшія къ нему отношенія. Нюточка, пока еще не знала что такое мать, не противорѣчила Ардалиону и даже соглашалась съ нимъ, находя что это, конечно, всего удобнѣе, хотя въ душѣ у нея какое-то смутное чувство и шептало въ то же самое время противъ такого удобнаго разчета съ будущимъ существомъ. Однако пока ничего еще не было, все казалось и легко, и просто. Но не то почувствовала она, когда наконецъ стала матерью.

Неодолимый инстинктъ самки и нравственное, человеческое чувство матери громко заговорили въ ея сердцахъ. Когда она услышала слабый крикъ своего хилого мальчика, когда потомъ съ невольною свѣтлою улыбкой заглянула въ его младенчески сморщенное личико и вѣжнымъ осторожнымъ подвѣдуемъ прикоснулась къ его теплой пунцовой щецкѣ, она почувала что это слабое, хилое, безпомощное существо — ея ребенокъ и что разстаться съ нимъ, бросить его на произволь Воспитательнаго Дома нельзя, невозможно. Чувство женщины, чувство матери и даже простое инстинктивное чувство самки возмущались такимъ черствымъ рѣшеніемъ. Что прежде казалось такъ легко, то теперь стало неодолимо трудно. И эта нравственная метаморфоза совершилась сама собою, безъ какихъ бы то ни было вліяній: она родилась естественно вмѣстѣ съ рожденіемъ ребенка. Что предстоитъ этому ребенку далѣе? Какая судьба ожидаетъ его? Какимъ образомъ нужно будетъ распорядиться его вскормленіемъ, его воспитаніемъ? Нюточка еще не знала, но твердо и ясно знала только то что на произволь судьбы она его ни за что не броситъ. Не только Полояровъ, но и родной отецъ, и никто, и ничто въ цѣломъ мірѣ не заставили бы ее теперь отступить отъ своего ребенка. Такое рѣшеніе было въ ея силѣ, въ ея воли; оно было просто невозможно.

Ардалионъ Полояровъ межъ тѣмъ думалъ совсѣмъ иначе. Особенная, Полояровская простота воззрѣній на жизнь и человеческія отношенія дѣлала ему все и яснымъ, и легкимъ, и очень возможнымъ,—была бы лишь своя охота! Скорѣе сбуть ребенка съ рукъ было прямымъ его разчетомъ: ребенокъ этотъ, какъ ни вертись, является прямою уликой такихъ отношеній, расплатою за которыя можетъ послѣдовать законный бракъ, особенно если старый майоръ настойчиво и формально поведетъ дѣло: „а чортъ его знаетъ, можетъ и поведетъ!“ думалъ себѣ Полояровъ, и порѣшилъ: во что бы то ни стало избавиться отъ явной улики. Нельзя сказать чтобъ онъ являлъ собою особенно вѣжнаго отца и мужа. Появившись у постели Нюточки въ первый день рожденія сына, онъ въ слѣдующій разъ пожаловалъ только на четвертый и безъ дальнихъ околичностей сразу заговорилъ о томъ что ребенка пора бы ужъ и пристроить.

— Надо бы хоть окрестить-то прежде, замѣтила акушерка.

— А на что это крестить? возразил Ардалионъ и даже притворился удивленнымъ.

— Да какъ же не крестивши-то? пожалла та плечами.

— Вотъ еще глупость!... Лишній расходъ, попамъ на водку давать.

— Да все же ужъ порядокъ такой.

— Глупый порядокъ и больше ничего. Словно безъ того ужъ и жить нельзя!

— А какъ же имя-то? Вѣдь имя ему надо же?

— Ну, что жь такое имя?... Не все ли равно имя? Ну, вздумается мнѣ его чеснокомъ назвать, ну и будетъ чеснокомъ!... Чеснокъ чѣмъ не имя? Преотличное имя! И очень даже благозвучно выходитъ.

— Ну, что это, ей-Богу, вы словно ко псу мааденца приравниваете!... Вамъ дѣло говорить, а вы Богъ знаете что! Вѣдь безъ крещенія не обойдетесь, коли на то законъ такой!

— Ну, какъ сдадимъ въ Воспитательный, такъ пуцай и крестятъ его какъ хотятъ, а намъ, мать моя, некогда такими пустяками заниматься!

Нюта, у постели которой происходилъ весь этотъ разговоръ, сначала было слушала его молча, но при послѣднихъ словахъ вдругъ вспыхнула въ лицѣ и съ твердою рѣшимостью въ слабомъ больномъ голосѣ проговорила:

— Окрепцевъ онъ будетъ завтра же, а въ Воспитательный отдать его я не позволю.

— Такъ я и спросилъ вашего позволенія! полусутила возразилъ ей Полояровъ.

— Я этого не позволю, повторила она еще съ большею твердостью, разставившая слова.

— Почему же это ты не позволишь? слегка нахмурилася Ардалионъ.

— Потому что это мой ребенокъ.

— Мой ребенокъ!... Онъ столько же и мой какъ твой.

Нюта отвѣтила на эти слова какою-то странною, почти презрительною усмѣшкой.

— А я скажу, вмѣшалась акушерка, — что если ужъ сдавать маленькаго въ Воспитательный, такъ лучше теперь сдавать, а то вы, Анна Петровна, нуще привыкнете къ нему, тогда тяжелѣе будетъ. Съ непривычки-то всегда легче.

— Я ужъ привыкла, сказала Нюта все тѣмъ же тономъ который выражалъ полную внутреннюю рѣшимость.

— Хм!... Когда жь это ты успела привыкнуть? съ прятельскою проной замѣтилъ Полояровъ.

— Съ первой минуты.

— А!... Скажите пожалуйста!... Вотъ какъ!... И какъ не стыдно порядочной, развѣтой женщиной такую ерунду пороты!... Нѣтъ, братъ Анятка, погляжу я на тебя, куда-то ты не годишься!... Всѣ мои труды ни къ чорту!... Ну, разсуди, пожалуйста, логически: что ты станешь дѣлать съ этимъ лишнимъ грузомъ? Я, какъ честный человекъ, считаю съ своей стороны долгомъ предупредить тебя что я не возьму на себя ни малѣйшей заботы объ этомъ ребенкѣ, если ты вздумашь дѣлать глупости, оставлять его. Согласиться на это было бы съ моей стороны просто подло: я такъ считаю. Я не могу, не имѣю права взять на себя это! У меня, сама знаешь, и безъ того много заботъ и много серьезнаго дѣла. А это значить связывать себя!... Ужь ты тогда для дѣла, братъ, шабашъ! А я весь принадлежу дѣлу, прежде всего и болѣе всего!

Досадливо-нетерпѣливая гримаска покривила губы Дубянской.

— Оставьте вы, Христа ради, эти вѣчныя фразы о дѣлѣ! сказала она съ раздраженіемъ: — какое дѣло-то, и сами не знаете!... Васъ никто и не проситъ!... Развѣ я навязываю вамъ?... Обойдусь и безъ васъ!... Мой ребенокъ, моя и забота!

— Но вѣдь это наконецъ нелѣпо! пожимая плечами, продолжалъ онъ убѣждать и настаивать.—Ну, разсуди ты здраво, эгоистически, съ какой стати обременять себя этимъ лишнимъ грузомъ, когда забота о воспитаніи дѣтей должна бы естественнымъ образомъ лежать на прямой обязанности цѣлаго общества? Вѣдь не мнѣ и не тебѣ, не Ивану или Марьѣ, а всему обществу нужны дѣятели, граждане, ну, оно и заботься, оно и воспитывай; а разъ что ты родила, твое дѣло исполнено, и basta! Есть Воспитательный Домъ, ну, и пользуйся имъ. А то что же, наконецъ, проповѣдуемъ мы одно, а дѣлаемъ другое! Гдѣ же несѣя этого твои принципы, глупая ты коза! Гдѣ же служеніе дѣлу, идеѣ?!

— Нѣтъ у меня никакихъ вашихъ идей и принциповъ! со злобой отрѣзала ему Нюта. — Сказала разъ нѣтъ, и нѣтъ И не будетъ по-вашему! И пока жива, никогда я этого не позволю!

— Ну, ладно, ладно! какъ бы соглашаясь, замахалъ рукой Полояровъ и въ то же время выразительно подмигнулъ акушеркѣ: дескать, пусть ее болтаетъ, а мы-таки свое сдѣлаемъ.

Нюта подвѣтила этотъ взглядъ и чутко поняла его значеніе. Въ душу ея закралось тревожное опасеніе какъ бы Полоярровъ насильно или обманомъ не отнял у нея ребенка. На нее напалъ затаенный и мучительный страхъ. Что онъ въ состояніи сдѣлать это, она не сомнѣвалась, потому надо быть теперь вѣчно насторожѣ, надо, можетъ, тяжелою борьбой отстаивать свое материнское право.

По уходѣ Ардазіона, она настояла чтобы ребенокъ былъ немедленно перенесенъ въ ея комнату и положенъ рядомъ съ ея постелью. Ему кое-какъ приладили ложе изъ двухъ оставленныхъ кресель. Нюта нѣсколько успокоилась, но все-таки не покидала въ душѣ своихъ опасеній.

XII. Жизнь пересидела.

Два дня послѣ этого прошли благополучно. Полоярровъ не показывался, однакожъ Нюта не отпускала ребенка изъ своей комнаты. Подъ вечеръ третьяго благополучнаго дня она заснула, но вскорѣ ее разбудилъ легкій скрипъ двери. Все время настроенная воображеніемъ на ожиданіе недобраго, она чутко раскрыла глаза, и первый взглядъ тревожно кинула на постель ребенка. Постель была пуста. Она громко окликнула акушерку, та не откликнулась. Въ испугѣ и волненіи, стремительно вскочила больная съ кровати, и какъ была на босу ногу, опроретью кинулась вонъ изъ комнаты. Спѣшивъ перебѣжать двѣ смежныя горницы, Нюта влетѣла въ гостиную. Тамъ стоялъ Полоярровъ въ своей собачьей чуткѣ, съ шапкой въ рукахъ, а рядомъ акушеркина кухарка въ платкѣ и пугаѣ, сама же акушерка укутывала въ салопа младенца.

Съ крикомъ „не дамъ!“ кинулась на нее Нюта и стала отнимать ребенка.

— Бога ради... Что вы!... Успокойтесь... Вы себя губите!... убѣждала та, стараясь своими вразумленіями пересидить вопли матери.

Но Нюта словно обезумѣла. Она ничего не слышала, не понимала и не видѣла кромѣ своего ребенка.

— Прочь ты, сумасшедшая! гнѣвно отстранилъ ее Полоярровъ. — А вы не слушайте! дѣлайте, пожалуста, свое дѣло!... Чего стали-то?!

— Ахъ ты, Господи! Говорила же я что не надо этого дѣлать!... Послушалась сдуру!... и вышло такъ! бормотала растерянная повитуха, остановясь въ нерѣшительности.

— Дѣлайте, говорю вамъ, свое дѣло! настаивалъ Ардалионъ. — Ей ты, тетка, бери-ка ребенка да и ѣдемъ! Что тутъ ей въ зубы-то глядѣть!

И онъ подступилъ было къ Нютѣ съ тѣмъ чтобы силою взять отъ нея младенца, но та, какъ раненая волчиха, крѣпко прижавъ дитя къ своей груди, впилась въ Полоярова такими безумно-грозными, горящими глазами и закричала такимъ неустово-отчаяннымъ, истерическимъ крикомъ, что тотъ струсилъ, и зѣрово чертыхнувшись, бросился вонъ изъ квартиры.

Нюту колотила конвульсивная дрожь. Она глядѣла впередъ помѣшанными, бѣгающими глазами и съ непрерывными, всю душу раздражающими криками, жала къ груди своего ребенка. Эти страшные крики вырывались у нея совсѣмъ безсознательно, помимо ея разсудка и воли. Всѣ убѣжденія двухъ женщинъ были тщетны: она не подпустила къ себѣ ни ту, ни другую, встрѣчая обѣихъ такимъ же грознымъ, волчьимъ взглядомъ какъ и Полоярова, при малѣйшемъ ихъ подступѣ. Тѣ окончательно растерялись и перетрусили. Наконецъ, быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ встала она съ мѣста, со своею драгоценною ношей, и бросилась въ свою комнату. Тамъ, почти въ безсознательномъ, иступленномъ состояніи упавъ на постель и не выпуская изъ рукъ ребенка, несчастная разразилась страшными, истерически давящими рыданіями, а конвульсивная, судорожная дрожь между тѣмъ все болѣе, все сильнѣе подымала ея члены. Такое состояніе продолжалось болѣе часу.

Акушерка бросилась за докторомъ. Когда тотъ пріѣхалъ, больная уже стихла и, вся изнеможенная, вся въ холодномъ поту, лежала почти безъ чувствъ и совсѣмъ безъ сознанія. Только грудь высоко и медленно напрягалась и опускалась съ какимъ-то тяжелымъ, надорваннымъ хрипѣніемъ. Зубы были стиснуты, глаза закатились, а цѣпкія руки словно приросли къ ребенку. Врачъ осмотрѣлъ ее внимательно, подробно спросилъ о симптомахъ какими сопровождалось болѣзненное состояніе, и нашелъ въ больной сильное, почти безнадежное горячешное состояніе въ соединеніи съ неизбѣжнымъ помѣшательствомъ.

XIII. Новые гости прѣѣхали.

— Таня! а Таня!... Бѣги скорѣе сюда! Погляди кто прѣѣхалъ-то! раздавался изъ залы радостный и громкій голосъ Горевой теткы.

Татьяна вышла въ залу и въ радостномъ недоумѣннѣи отшатнулась назадъ.

— Андрей Павлычъ!...

— Собственною персоною! Здравствуйте!

И Устиновъ, крѣпко пожавъ протянутую ему руку, нагнувшись своею плотно стриженною головою и поцѣловалъ ее.

— Какъ вы хорошо сдѣлали что прѣѣхали! Надоело?

— Не знаю на долго ли, не знаю какъ и куда еще шатнетъ судьба отсюда, но съ Славнобубенскомъ простился.... Не въ могу!

— А вы знаете кто еще здѣсь изъ тамошнихъ? Лубянская, Нюта, сообщила тетка.

Устиновъ утвердительно кивнулъ головою.

— Знаю-съ. И вотъ именно благодаря отчасти ей и я въ Петербургъ.

— Какъ такъ? съ живымъ интересомъ спросила Татьяна.

— Я вѣдь не одинъ. Мы съ Петромъ Петровичемъ, съ маіоромъ, прикатили.

— И старикъ тоже здѣсь? спросили обѣ дамы.

— Выѣсть, говорю. Онъ за дочкой. Скажите, знаете вы что съ нею? Гдѣ она? Мы ничего этого не знаемъ.

Дамы переглянулись и помолчали.

— Она развѣ ничего не писала? уклончиво и съ нѣкоторою неловкостью спросила Татьяна.

— Ни полслова! Старикъ искалъ ее въ Москвѣ, но тамъ ни слѣда; поѣхали сюда.... Я почему-то былъ твердо убѣжденъ что она здѣсь, въ Петербургѣ. Ей иначе нигдѣ и быть нельзя, по нѣкоторымъ соображеніямъ. Видите ли въ чемъ дѣло и почему собственно я-то тутъ принимаю участіе, сталъ объяснять Устиновъ, придвинувъ поближе къ столу свое кресло: — она вѣдь убѣжала. И такъ вдругъ, неожиданно.... Отецъ и не подозрѣвалъ, и не предчувствовалъ ничего. Но вдругъ я получаю престранное и отчасти безтолковое письмо, гдѣ она проситъ меня побережечь старика и говорить

что, можетъ, вернется мѣсяца чрезъ три, а можетъ и совсѣмъ не вернется. Представьте себѣ мое-то положеніе! Думаю себѣ, что же тутъ теперь станешь дѣлать? Вонервыхъ, самъ ничего не понимаю и не знаю какъ и что тутъ произошло, вонерыхъ, и своихъ-то собственныхъ непріятностей куча, а тутъ еще старики.... Что же съ нимъ-то теперь будетъ, думаю себѣ. Вду къ старику и застаю его въ постели, совсѣмъ убитаго горемъ. Потрясло его все это ужасно, такъ что онъ пять недѣль съ постели не вставалъ, и мы ужъ было думали что конецъ; однако ничего, пересидѣлъ. Натура-то вѣдь крѣпкая еще какая!.. Вывезла! Я на все время болѣзни просто ужъ къ нему перебрался, а то вѣдь лежить, бѣдняга, одинъ и приглядѣть-то за нимъ некому; одна баба въ домѣ, да и та съ ногъ сбилась совсѣмъ. Ну, сталъ онъ тутъ, наконецъ, поправляться и говорить мнѣ какъ-то: „вы, говорить, въ Питеръ собирались; поѣдьте вмѣстѣ, я тоже хочу“, говорить. „Ужь куда тебѣ, батюшка, думаю, въ Питеръ!“ Однако не перечу. Что жъ вы думаете? Какъ только мало-мальски оправился, первымъ же дѣломъ сталъ торопить отъѣздомъ. „Поѣдьте, говорить, живую, или мертвую, а ужъ я найду ее! Какъ это такъ.... одна, безъ денегъ, безъ вида, безъ всего. Не могу я безъ нея“, говорить. Ну, вотъ и поѣхали. Въ Москвѣ прожили недѣлю, искали, справлялись, ничего! Сегодня только-что съ машины. Его-то я оставилъ пока въ номерѣ, въ гостиницѣ, а самъ вотъ, первымъ дѣломъ, къ вамъ прикатилъ. Помогите чѣмъ можете въ нашемъ дѣлѣ! Не знаете ли вы чего? обратился онъ въ заключеніе съ просьбой къ дамамъ.

— Знаю, и могу, пожалуй, дать ея адресъ, сказала Татьяна:—только надо это вамъ сдѣлать какъ-нибудь осторожнѣе, съ поспѣшною озабоченностью прибавила она:— я не знаю какія тамъ у нея отношенія съ отцомъ, но прежде чѣмъ ѣхать ему, мнѣ кажется, лучше бы вамъ самимъ сперва съѣздить къ ней и повидаться.

— Вы давно не видали ея? спросилъ Устиновъ.

— Въ послѣдній разъ недѣли съ три тому.... А съ тѣхъ поръ не видала,

— Гдѣ жъ она живетъ?

— Въ коммуѣ.

Устиновъ въ недоумѣніи взглянулъ на Гореву.

— Гдѣ? повторилъ онъ, какъ бы не разслышавъ.

— Въ коммуны, улыбнулась Татьяна.

— Въ коммуны?... Это что жь еще такое?... Какіе же тамъ коммунисты?

— Наши общіе знакомцы.... Полояровъ, Андцыфровъ, Лиденька....

— Ахъ, вотъ оно что!... Да; теперь понимаю! полупокло-вилась Устиновъ и какъ-то раздумчиво покачалъ своею большою, стриженною головою.—Стало-быть, надо, не теряя времени, ѣхать въ эту коммуны.

Горева вспомнила что отношенія между Устиновымъ и Полояровымъ съ братьею еще въ Славнобубенскѣ стали весьма натаянуты, и потому ей не хотѣлось подвергать его непріятной встрѣчѣ съ этими господами.

— Погодите, посадите-ка лучше съ нами, дайте на себя поглядѣть! весело предложила она старому своему пріятелю:—а мы лучше дѣло-то вотъ какъ устроимъ: чѣмъ самимъ вамъ ѣхать, такъ лучше я напишу къ ней записку чтобъ она пріѣзжала сейчасъ же, безотлагательно, по очень важному дѣлу, и на извозчикѣ пошлю за нею человѣка. Это будетъ гораздо удобнѣе.

Устиновъ охотно согласился.

Посланный вернулся черезъ часъ и подавъ Татьянѣ заклеенное облаткой письмо.

Молча пробѣжавъ его глазами, она какъ-то смутилась и поглядѣла на тетку и на Устинова, и опять на письмо, словно ватрудняясь передать имъ его содержаніе.

Тѣ вопросительно ожидающимъ взглядомъ глядѣли на нее.

— Ну-съ, въ чемъ дѣло? спросилъ Андрей Павловичъ.

— Прочтите, отозвалась Горева и передала ему листокъ.

Устиновъ сталъ читать про-себя:

„Миленькая Горева,—Лубянской уже нѣтъ въ коммуны. Двѣ недѣли тому назадъ она переѣхала къ знакомой акушеркѣ, такъ какъ должна была родить. Теперь она уже родила, но находится въ очень опасномъ положеніи. Если вамъ хочется видѣть ее, такъ вотъ вамъ адресъ: Пески, Слоновая улица, домъ № 00, у акушерки Степановой. Вся ваша Л. Затцъ.

„Письмо ваше къ Лубянской препровождаю обратно; а его не читала, потому что читать чужія письма считаю подлостью.“

— Ну-ну.... Сюрпризъ для старика! тихо, съ испугомъ и озабоченно проговорилъ Устиновъ:—я, признаться, и прежде

еще подозривалъ что не что иное какъ это и есть настоящая причина ея побѣга, но.... Петръ-то Петровичъ.... какъ только онъ это вынесетъ!... Я поѣду.... медлить-то нечего! чрезъ минуту подвинулся онъ съ мѣста: — дайте-ка адресъ.... Слоновая улица, Пески, у Степановой.... Хорошо; не забуду. До свиданія!..

И озабоченный Устиновъ откланялся дамамъ.

XIV. Предъ постелью больной.

Онъ поѣхалъ прямо по данному адресу и вскорѣ отыскалъ акушерку Степанову.

Въ маленькой, тѣсной комнаткѣ, съ низкимъ потолкомъ, съ кислотовато-затхлымъ воздухомъ, чудилось присутствіе тяжело больного человѣка. Устиновъ заглянулъ за ширмы и въ полумракѣ разглядѣлъ больную. Она лежала разметавшись, желтовато-блѣдная, исхудалая, въ сильномъ горячешномъ жару. Неподвижные глаза были широко раскрыты, но глядѣли бессмысленно, ничего не видя. Появленіе посторонняго человѣка не оказало на нее никакого впечатлѣнія: она была въ безпамятствѣ. Устиновъ осторожно дотронулся до ея лба. Лобъ былъ сухъ и неестественно горячъ. Неподвижные глаза за ея глядѣца въ пространство. Она не замѣтила и прикосновенія.

— Анна Петровна.... тихо произнесъ учитель. Больная не шелохнулась, не откликнулась.

„Плохо!“ подумалъ онъ со вздохомъ, и обратилась къ акушеркѣ:

— Давно ужъ такъ?

— Третьи сутки, отвѣчала та скорбнымъ шепотомъ.

— А ребенокъ гдѣ?

— Взяти! махнула она рукой. — Я еще и прежде говорила имъ чтобъ они этого не дѣлали, ну, не послушались.... А это вотъ и подѣйствовало на нее такимъ образомъ.... Ни за что, не хотѣла отдать младенца-то....

— Кто же взялъ его и куда? спросилъ Устиновъ.

— Господинъ Полояровъ-съ. Они все въ Воспитательный желали, а ей этого ни за что не хотѣлось. Въ первый-то разъ какъ пріѣхали они брать его, такъ она и Боже мой какъ противъ этого. Вырвала ребенка.... и не отдала.... и вотъ отъ этого потрясенія-то больше и случилось.

— Да какъ же вы-то, сударыня, допустили до этого?

Повитуха оробѣло поглядѣла на Устинова.

— Да я-то.... помилуйте, что же я могу?... Они вѣдь отецъ ребенка.... Я съ своей стороны какіе могла, такіе резоны имъ и представляла, ну, они и слушать ничего не желали....

— Такъ когда же онъ окончательно ребенка-то взялъ?

— А вчерашняго дня утромъ пріѣзжали въ каретѣ съ какою-то дамой. Больная въ безпамятствѣ была.... Они потребовали, стали настаивать что это необходимо, а и отдала.... Я тутъ что же-съ?... Я человѣкъ посторонній, и мнѣ ихнія семейныя дѣла неизвѣстны.... Мнѣ ужъ и то хлопотъ-то теперь столько что, кабы знала все это раньше, такъ и Господи! ни за какія деньги, кажись, не взяла бы на себя всю эту обузу!... Избави Богъ!... И то ужъ совсѣмъ съ ногъ сбилась съ нею!... Помилуйте, вѣдь я, говорю вамъ, человѣкъ посторонній, ея совсѣмъ даже и не знаю, а притомъ занятія свои тоже, практику имѣю — и все это теперь въ сторону!... Конечно, по христіанству только.... не выгнать же отъ себя коли ужъ такое горе случилось.

— И что жъ, она все одна такъ и лежитъ? Присмотръ есть ли за нею хоть какой?

— Да вотъ, приглядываю по силамъ; ужъ и то, говорю вамъ, всю практику бросила на это время.... Оставить-то не на кого.... Ну, тоже докторъ, спасибо ему, навѣщаетъ пока, а что господинъ Полояровъ, такъ очень даже мало вѣдать; я просто удивляюсь на нихъ.... Эдакой, подумаешь, ученый, умный человѣкъ, писатель, и никакого состраданія!... Какъ даже не грѣшно!... Одного я только боюсь, совсѣмъ уже тихимъ шепотомъ прибавила она, помолчавъ немного,—вида-то у ней при себѣ никакого нѣтъ, и когда я спросила про то господина Полоярова, такъ они даже очень уклончиво отвѣтили что видъ имъ будетъ, однако вотъ все нѣтъ до сей поры. А я боюсь что какъ неравно, не дай Богъ, умереть, что я съ ней тутъ стану дѣлать-то тогда безъ вида? Вѣдь у насъ такъ на этотъ счетъ строго что и хоронить, пожалуй, не станутъ, да еще исторію себѣ съ полиціей наживешь.... Боюсь я этого страхъ какъ!

— Не беспокойтесь, видъ будетъ: ея отецъ теперь пріѣхалъ, успокоилъ ее Устиновъ:—я вотъ сейчасъ съѣзжу за старикомъ и привезу его....

Въ это время тихо скрипнула дверь. Андрей Павловичъ

обернулся и увидалъ медвѣжевата входящаго на ципочкахъ Ардалиона Полоярова. Тотъ невольно остановился пораженный неожиданнымъ появленіемъ такого необычайнаго и притомъ крайне неприятнаго посѣтителя. Они въ упоръ почти вымѣряли другъ друга злобыми глазами.

— Вы здѣсь какими судьбами? шепотомъ, но грубо спросилъ Полояровъ.—Кто васъ привезъ сюда?... Чего вамъ здѣсь надо?

— Это не ваше дѣло! рѣзко, но тоже шепотомъ отвѣчалъ Устиновъ.

— Нѣтъ-съ мое, потому она на моемъ попеченіи....

— Она на попеченіи отца своего котораго я сейчасъ привезу сюда.

При этомъ неожиданномъ извѣщеніи Полояровъ вдругъ поблѣднѣлъ, смутился и насупился.

— Отца, вы говорите?

— Да, отца.... Онъ сейчасъ будетъ здѣсь.

— Ну что жь.... пуцай его! принужденно ухмыльнулся Полояровъ.

Въ душѣ Устинова кипѣла противъ него злоба.

— Я посмотрю такъ ли вы будете ухмыляться, вѣско проговорилъ онъ,—когда всѣ ваши поступки съ этою несчастною будутъ обнаружены предъ судомъ, предъ правительствомъ.... наконецъ, гласно предъ судомъ общественнаго мнѣнія.... Я посмотрю тогда!

Въ душѣ у Полоярова екнуло что-то смутное и тревожное; однако онъ постарался выдержать, на сколько могъ, свой прежній, равнодушно-пренебрежительный тонъ.

— Вотъ какъ-съ!... Предъ судомъ и гласно.... и даже предъ правительствомъ.... Больно ужъ вы, господинъ Устиновъ, любите прибѣгать подъ защиту благодѣтельнаго правительства!... Чтò жь, это какъ кому по вкусу и по наклонностямъ.... Только желалъ бы я знать, въ чемъ это вы намѣрены обвинять меня предъ вашимъ правительствомъ? Не въ томъ ли что я, совсѣмъ чужой, посторонній человѣкъ, изъ одного только простаго чувства человеческого состраданія рѣшился помочь моей старой знакомой въ ея критическомъ положеніи и сдѣлалъ для нея все чтò могъ? Въ этомъ что ли обвинять вы меня будете?

— Не забѣгайте-съ впередъ! Здѣсь не это, а ребенокъ....

— Такъ что жь что ребенокъ? удивился Ардалионъ.—Ребе-

нокъ ея, а не мой.... Мнѣ какое дѣло до ребенка? Отецъ я ему что ли?

Устинова глубоко поразила такая непредвѣльная наглость.

— Какъ, вы и отъ этого отказываетесь?

— А вы желали бы чтобъ я и это на себя взялъ?... Ха-ха-ха!... Какой вы щедрый однако! презрительно усмѣхнулся Полояровъ. — Этотъ ребенокъ столько же мой сколько и вашъ!... Почему мнѣ знать съ кѣмъ она прижила его! Можетъ и съ вами. Вѣдь вы были съ ней такой же знакомый какъ и я!...

Повитуха, не менѣе Устинова пораженная этою наглостью, даже руками всплеснула.

— Какъ!... Вчера былъ вашъ, а сегодня не вашъ? подступила она къ Полоярову. — Вы это можете при мнѣ говорить! При мнѣ, когда вы вчера, какъ отецъ, требовали отъ меня этого ребенка? Да у меня свидѣтели-съ найдутся!... Моя прислуга слышала, докторъ слышалъ какъ больная въ бреду называла васъ отцомъ! Какой же вы человекъ послѣ этого!... Отъ своего ребенка отпираться!...

Полояровъ растерялся. Онъ понялъ что, необдуманно увлекшись пререканіемъ съ Устиновымъ, попалъ теперь въ силки, что даже и юридически, пожалуй, ничего не подѣлаешь противъ совокупности очень многообразныхъ доказательствъ, между которыми были и его письмо, и его обѣщаніе жениться, и участіе какое принималъ въ родинницѣ, и наконецъ эти свидѣтели. Мигомъ же послѣ этого сообразилъ онъ что взятый маневръ не годится, что наглостью тутъ ничего не возьмешь, и потому въ глубинѣ души отрусилъ не мало.

— Ну, полноте! Все это гаупости! въ мягкомъ, примирительномъ тонѣ заговорилъ онъ Устинову, тщетно лоя для заискивающего пожатія его руку. — Вы, не повѣрите.... видя всѣ эти ея страданія, я самъ такъ пострадался, такъ измучился душою, что просто себя не помню! Не помню что дѣлаю, что говорю.... Я просто теперь какъ сумашедшій! (Онъ тяжело взялся за голову и медленно, какъ бы пробуждаясь, провелъ рукой по лбу.) Какъ добрый и порядочный человекъ, извините меня, Бога ради, если я сказалъ вамъ что-нибудь глупое или рѣзкое.... Я въ такомъ страшномъ состояніи.... Такъ тяжело мнѣ.... такъ тяжело!...

И онъ тяжело опустился на стулъ и кручинно подперъ и

закрывъ лицо облокоченными на столъ руками. Но переходъ отъ одного настроенія къ другому былъ сдѣланъ и рѣзко, и аляповато, такъ что обнаружилъ въ Полояровѣ неумѣлаго актера. Устиновъ окинулъ его гадливо-презрительнымъ взглядомъ, и не сказавъ ни слова, направился къ двери, но тамъ на минуту замедлился въ раздумьи и снова подошелъ къ Полоярову.

— Я васъ прошу удалиться отсюда заблаговременно, сказалъ онъ,—потому что чрезъ полчаса здѣсь будетъ отецъ ея.

Полояровъ показалъ видъ будто онъ на столько удрученъ тяжкимъ горемъ что даже не слышитъ обращенной къ нему рѣчи.

Устиновъ повторилъ еще вразумительнѣе свое требованіе и вышелъ изъ комнаты.

XV. При послѣднихъ минутахъ.

Мрачный и смущенный вернулся онъ въ номеръ гостиницы, гдѣ нетерпѣливо ожидалъ его майоръ Лубянской.

Взглянувъ на лицо Устинова, майоръ чутко угадалъ что тотъ, должно-быть, принесъ вѣсти недобрыя. Андрей Павловичъ молчалъ, либо старался отдѣлываться фразами и вопросами о совсѣмъ постороннихъ предметахъ, но все это какъ-то не клеилось, какъ-то неловко выходило. Онъ боялся, онъ просто духомъ падалъ предъ необходимостью раскрыть старику всю ужасную истину. „Тотъ же ножъ.... думалъ онъ:—возьми его да и ударь ему прямо въ сердце.... тоже самое будетъ!“

Но это молчаніе и усиленное стараніе заводить разговоръ о постороннихъ вещахъ еще болѣе убѣждали старика въ томъ что Устиновъ принесъ съ собою что-то недоброе.

— Да разкажите же наконецъ, приступалъ онъ къ учителю:—ну, были у Горевыхъ?... Ну, и что же?... Какъ?... Говорили вы тамъ?... Спрашивали?

— Былъ же, говорю! какъ бы нехотя отвѣчалъ тотъ.

— Ну, и что же?

— Да ничего.... Все такія же.... Вамъ клянутся....

— Да вѣтъ! Я спрашиваю, говорили ли....

— Да что говорить-то тамъ.... Такъ, говорили.... разное тамъ....

Старикъ молча прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Онъ словно сосредоточивался, словно внутренне приготовлялся, рѣшаясь на что-то важное, большое, и наконецъ сталъ предъ учителемъ, спокойно и твердо глядя ему въ глаза.

— Андрей Павлычъ, началъ онъ съ такимъ спокойствіемъ непреклонной рѣшимости которое даже поразило Устинова.— Не скрывайте, говорите лучше прямо!... Меня вы не обманете.... Я вижу, я очень хорошо вижу по вамъ что вы знаете что-то очень недоброе, да только сказать не рѣшаетесь... Ничего!... Какъ бы ни было худо что вы скажете, я перенесу.... Я уже много перенесъ.... ну, и еще перенесу.... Вы видите, я спокоенъ.... Вѣдь все равно же, рано ли, поздно ли, узнаю.... Говорите лучше сразу!

Старикъ замолкъ и ожидалъ роковаго удара все съ тѣмъ же твердымъ спокойствіемъ.

Устиновъ собрался, наконецъ, съ духомъ.

— Да что сказать-то! какъ-то глухо, подавленно началъ онъ.— Поѣдьте къ ней.... умираетъ.... Внука вамъ Богъ далъ, да скрала вчера.... въ Воспитательный отдали.

И онъ угрюмо отвернулся въ сторону, стараясь не взглянуть въ лицо старику.

И дѣйствительно, лицо его было страшно въ эту минуту. Мрачные глаза потухли, и на вискахъ и въ щекахъ, словно желѣзные, упруго и круто заходили старческіе мускулы. Майоръ только уперся напряженными пальцами въ столъ и стоялъ неподвижно. Онъ ломалъ себя нравственно, дѣлалъ надъ собою какое-то страшное усиліе, притаивъ въ самую сокровенную глубину души великій грузъ своего неисходнаго горя. Устиновъ, отвернувшись, слышалъ только какъ раза два короткимъ, невыразимо-болѣзненнымъ скрежетомъ заскрипѣли его зубы.

— Ну, поѣдьте.... Теперь я готовъ! глухо, но спокойно сказалъ старикъ чрезъ минуту.

И они отправились.

Больная была все въ томъ же безнадежномъ безпамятствѣ. У нея уже начинались признаки медленной, но мучительной агоніи.

Часъ спустя послѣ пріѣзда къ ней отца, въ этой маленькой комнатѣ тускло мерцала лампадка предъ образомъ который былъ поставленъ на предпостельный столикъ, покрытый чистою, бѣлою салфеткой.

Священникъ, въ темной рясѣ и въ старенькой епитрахили, шепталъ надъ изголовьемъ больной глухую исповѣдь. Старый майоръ, опустясь предъ постелью на колѣни и тихо склонившись лицомъ къ холодящей рукѣ дочери, молился почти безъ словъ, но какою-то глубокою, напряженною, всю душу проникающею молитвой. За нимъ, шагахъ въ двухъ, и тоже на колѣняхъ, стояла акушерка и тоже молилась набожно, но обыкновенно, въ должную мѣру. Въ дверяхъ помѣстилась кухарка и глядѣла на все съ тупымъ любопытствомъ, столь же тупо крестясь и кланяясь порою, съ быстрымъ размахомъ руки и корпуса. И тутъ же, у дверной притолки, прислонясь къ ней, стоялъ Устиновъ. Крѣпко свиснувъ пальцы сложенныхъ рукъ, онъ не молился, и по угрюмому лицу его бродили темныя тѣни какихъ-то злобныхъ, мрачныхъ и тяжелыхъ думъ.

Священникъ кончилъ свое дѣло и перекрестилъ умирающую. Она подавала еще слабые признаки жизни легкимъ хрипѣніемъ и медленною икотой, но посинѣлые пальцы рукъ и вытянутыя ноги все больше и больше холодѣли. Смерть одолевала....

Часа два спустя въ маленькой залѣ, наискось къ переднему углу, стоялъ уже столъ покрытый простынею и пахло только что накуренымъ ладаномъ.

XVI. Послѣ похоронъ.

Похороны были непышны и немногочисленны: майоръ съ Устиновымъ, Горева съ теткой, повитуха Степанова да Лиденька Затцъ со вдовушкой Сусанной, вотъ и вся публика почтившая покойницу проводами. Ардалиона Полоярова не было. Священникъ торопливо отпѣлъ надъ могилой послѣднюю литію и спѣшно удалился съ дьячкомъ для другихъ требъ; удались и Лиденька съ Сусанной читать надгробныя надписи—обыкновенное занятіе всѣхъ кто безъ особеннаго горя личной потери изрѣдка посѣщаетъ кладбища. Надъ зарываемою могилой оставались теперь только майоръ да старуха Горева. Татьяна, чтобы разсвѣять чувство дурноты и головной боли, навѣянное спертымъ воздухомъ церкви, отправилась вмѣстѣ съ Устиновымъ пройтись немного по

деревянными мостками, ведущими вдоль аллеи во глубину кладбищенской роци.

День былъ тихій, безсолнечный, съ небольшимъ морозцемъ. Между прутьями и сучьями кустовъ держались настяшіе на нихъ хлопья пушистаго снѣга. Эти хлопья изрѣдка медленно и тихо то тамъ, то сямъ падали съ вѣтвей на землю. Надъ куполомъ церкви щебетали галки, а гдѣ-то на верхушкѣ березы воронъ тихо посылалъ къ кому-то свое короткое: „кррукъ! кррукъ!...“

Могила была наконецъ зарыта. Двое могильщиковъ, снявъ шапки и медля уходить, стояли въ ожиданіи „чайка-съ“. Лубяскій далъ имъ сколько-то мелочи, и они удалились съ бесконечно-счастливыми лицами, что, повидимому, такъ противорѣчало ихъ мрачной профессіи.

— Ну, Нюта! вздохнулъ маіоръ:—теперь не моя, а Божья... Богъ далъ, Богъ и взялъ. Не хорошо, сударыня моя, прибавилъ онъ съ какою-то горькою улыбкой, обращаясь къ старухѣ:—не хорошо на старости лѣтъ дѣтей хоронить!

— Что дѣлать? Божья воля! отвѣтила та, лишь бы что отвѣтить:—надо покориться...

— Покориться! усмѣхнулся Лубяскій:—да что жь тутъ и дѣлать больше, сударыня моя, какъ не покориться!... Кабы въ человѣкѣ сила была безсмертная, ну такъ боролся бы! А это (онъ кивнулъ головой на окружающія могилы), это вѣдь сильнѣе! Да я что жь? я не ропщу! прибавилъ старикъ, помолчавъ немного:—Что ропотъ?!.. Ропотомъ согрѣшимъ, а дѣла все жь не поправишь!... Его святая воля! Зналъ что творилъ.... Можетъ, оно и лучше что умерла.... Да и что за жизнь-то ея была бы? Всѣ радости дѣвичьи, всѣ деньки-то ея красные, все это добрые люди отняли да обворовали!...

Старуха Горева, боясь какъ бы потеря дочери не произвела на старика слишкомъ сильнаго потрясенія и какъ бы онъ въ конецъ не затосковалъ въ одиночествѣ, думала хоть чѣмъ-нибудь разсѣять его на первое время, и желая чтобъ онъ больше былъ на людяхъ, предложила ему перебраться, пока что, къ ней на квартиру.

— Все же лучше чѣмъ въ трактирѣ, говорила она:—да и вамъ-то покойнѣе.

— Да что жь.... я спокоенъ, сударыня, я спокоенъ теперь, полусмутенно и благодарно говорилъ онъ:—спасибо вамъ... за ваше участіе, доброе спасибо!... Переѣхать къ вамъ, это,

полагаю, стѣснительно будетъ, да и притомъ же ужь я такъ... съ Андреемъ вотъ Павлычемъ вмѣстѣ... а посѣщать васъ почаще, это вотъ вы мнѣ позвольте.

Старуха предложила ему довести его до дому въ ея каретѣ.

— А я, тетя, пройдуся немного пѣшкомъ съ Андреемъ Павлычемъ, погода хорошая, сказала Татьяна, и подала руку Устинову.

Карета тронулась изъ кладбищенскихъ воротъ.

— Замѣчаете вы, обратилась къ нему Татьяна:—какъ спокойно старикъ-то? Я было думала что это окончательно убьетъ его, но нѣтъ, слава Богу, ничего еще пока... держится.

— Онъ ужь давно убитъ, грустно усмѣхнулся Устиновъ:— Два раза живую терять ее такъ, какъ онъ терялъ, это было тяжело чѣмъ жертвую хоронить. Еслибы вы знали, еслибы вы только могли представить себѣ все что онъ вытерпѣлъ и какъ перестрадалъ!... Если выдержалъ и не умеръ до этого, такъ теперь-то выдержитъ!... Это все же легче чѣмъ то!... Гора у него было столько, какъ не дай Богъ никому... Но теперь все это горе, знаете, выкипѣло, перегорѣло въ душѣ, и оттого онъ кажется спокойнымъ. Черезчуръ ужь глубокое, тяжелое горе всегда спокойно.

— А жаль Нюту... такъ рано и такъ ужасно умереть... раздумчиво и грустно замѣтила Горева.

— Да; въ ней многихъ жаль! нѣсколько помолчавъ и какъ бы въ отвѣтъ на какую-то свою собственную мысль проговорилъ Устиновъ.—Она, пожалуй, не годилась бы въ героини романа, но въ судьбѣ ея есть много поучительнаго. Знаете ли, меня просто злость беретъ, какъ раздумаетесь надо всѣмъ этимъ! Вѣдь что такое, въ сущности, эта Нюточка Лубянская? Самая обыкновенная дѣвушка какихъ вы встрѣтите тысячи. Были у нея добрые порывы, были стремленія къ хорошему, и потому-то вотъ мнѣ еще досаднѣе и больнѣе за всѣхъ этихъ Нюточекъ! Не встрѣтятся ей на дорогѣ господинъ Полояровъ, не то бы, можетъ, и изъ Нюты вышло. Она, коли хотите, даже хорошо сдѣлала что догадалась умереть въ-время.

Горева посмотрѣла на него вопросительно и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ! продолжалъ онъ въ отвѣтъ на ея взглядъ:— Что жь оставалось ей въ жизни? Отъ одного

берега отстала, къ другому не пристала, да и пристать-то никогда не могла бы. Вотъ эти всѣ господа Полояровы стремятся, на словахъ по крайней мѣрѣ, къ тому чтобы вывести женщину на новую дорогу. Прекрасно-съ, зачѣмъ нѣтъ? Да только дорога дорогѣ рознь. Оно, конечно, такіе казусы какъ съ Нюточкой и безъ новыхъ людей сплошь да рядомъ встрѣчаются; „отцы“ тоже маху не давали, и сущность осталась та же, но форма, внѣшняя форма, измѣнилась. Прежде брали нѣжными вздохами, блестящимъ мудиромъ, красивою рожидей, а теперь господа Полояровы берутъ на удочку новыхъ идей, приманкой „новой жизни“, благо въ женщину заронилось смутное стремленіе выбиться изъ своего тѣснаго положенія. Но вотъ что скверно-съ, что Полояровы все это въ „принципъ“ возводятъ. Сдѣлаетъ человекъ мерзость, и убѣжденъ что ему и должно такъ дѣлать! Сдѣлай ту же самую мерзость гвардейскій офицеръ, каменникъ сынокъ и вообще всякъ кого они пошлецомъ обзываютъ, всѣ Полояровы въ набатъ забьютъ, тенденціозному повѣсть напишутъ, съ гражданскою скорбью, съ циническимъ негодованіемъ, и ужъ какъ чувствительно выставятъ „несчастную жертву“ пошлеца! А сдѣлалъ вотъ то же самое не гвардейскій пошлець, а самъ господинъ Полояровъ, и объ этомъ никто изъ нихъ ни гу-гу! Промочать-съ, замажутъ, запрячутъ и проглотятъ всю суть дѣла, и Боже васъ избави назвать за это подлецомъ Полоярова! Разбой! Доносъ! Клевета! завопить на васъ все стадо, и полетѣтъ на вашу голову вся клоака самыхъ гнусныхъ мерзостей собственнаго ихъ изобрѣтенія, лишь бы доѣхать васъ не мытьемъ такъ катаньемъ! А почтеннѣйшая публика, слыша ревъ, и сама начинаетъ вторить: разбой, клевета! доносы!... Тфу, ты Господи! да что же это, наконецъ, такое! Повальный сумбуръ какой-то!

Устиновъ замолчалъ, и шелъ нѣсколько времени не проронивъ ни слова. И по его лицу, и по его тону, Татьяна замѣтила что въ немъ искренно высказывается теперь все что давно уже успѣло накопиться на сердцѣ.

— Или вотъ то же еще! снова началъ маленькій математикъ, опять увлекаясь своею темой:—какъ поглядишь, какіе все это ярые эманципаторы, всѣ эти господа Полояровы. Черезъ два слова въ третье Джонъ-Стюартъ Милль на языкѣ, угнетеніе женщины, свобода и равноправіе отношеній,

свобода чувства, безобразіе брака, и какіе вѣдь все хорошія слова, подумаешь! Даже повѣсти и романы специально на этотъ предметъ сочиняють. Но страшное дѣло! Замѣчали ль вы что во всѣхъ этихъ повѣстяхъ они тщательно избѣгаютъ дѣтей? Такъ избѣгаютъ чтобы въ головѣ читателя даже и намека на вопросъ о дѣтахъ не возникло! Я не помню чтобы которая изъ ихъ героинь имѣла ребенка. Устраиваютъ для нея новую жизнь, новое счастье, новыя отношенія, но о дѣтахъ опять-таки ни гу-гу! Что это, скажите на милость: наивная ли простота и невѣдѣніе, или же лукавое передергиваніе житейской правды? А придай-ка они любой своей героинѣ хоть одного ребенка, и конечно! тенденціознаго романа не существуетъ! И вотъ вамъ живой примѣръ та же самая Нюточка. Романъ-го, пожалуй, и вышелъ, да только совсѣмъ въ другомъ вкусѣ, и господа Полояровы этого романа не напишутъ, а и прочтутъ, такъ не одобрятъ, и изъ всѣхъ силъ поторопятся поскорѣй на весь міръ крещеный обзвать его клеветой да подлымъ доносомъ!

В. КРЕСТОВСКІЙ.

(До слѣд. №)

КОММИССІЯ УЛОЖЕНІЯ

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. IV, Спб., 1869.

Фридрихъ II писалъ однажды Екатеринѣ Великой: „Славу завоевательницы раздѣляетъ съ вашимъ величествомъ Семирамида, но изъ всѣхъ коронованныхъ женъ вамъ однимъ принадлежитъ слава законодательницы.“ Дѣйствительно, изданныя Екатериной *Учрежденіе о губерніяхъ* и *Городовое положеніе* обнимаютъ, можно сказать, все государственное устройство Россіи, весь ея административный механизмъ, и постановленія эти существовали почти безъ измѣненій цѣлое столѣтіе, а *Дворянская грамота* открыла путь къ полноправности всѣмъ гражданамъ Россіи. Но если Екатеринѣ принадлежитъ слава изданія всѣхъ этихъ узаконеній, то не слѣдуетъ забывать что ихъ разработала и подготовила *Коммиссія о начертаніи Уложенія*.

Казалось бы, если справедливо что этой Коммиссіи принадлежитъ главная роль въ первостепенныхъ законодательныхъ трудахъ той эпохи, то почему же давно не обнародованы труды этой Коммиссіи? Не слѣдовало ли бы обнародовать ихъ не только въ видахъ удовлетворенія любознательности благодарнаго потомства, но для его назиданія, для практической пользы новѣйшихъ законовѣдовъ? Такъ казалось бы; но на самыхъ важныхъ эпохахъ нашей исторіи, на самыхъ знаменательныхъ ея событіяхъ, какъ и на многихъ лучшихъ ея дѣятеляхъ долго тяготѣлъ какой-то враждебный рокъ: ихъ отрицали, унижали, стыдились; на нихъ клеветали. Клеветали и на Коммиссію Уложенія и

отрицали ея заслуги. Къ удивленію, сынъ маршала этой Коммиссіи, извѣстнаго А. И. Бибикова, въ жизнеописаніи своего отца, говоритъ: „Должно признаться чистосердечно что предпріятіе сіе было рановременно, и умы депутатовъ не были еще къ тому приуготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному ихъ дѣлу.“ Съ своей стороны, нѣкоторые иностранные писатели утверждали будто въ средѣ коммиссіи обнаружались стремленія революціонныя, вслѣдствіе чего Екатерина и увидѣла себя будто бы принужденною распустить депутатовъ, воспользовавшись открывшеюся войной противъ Турокъ. Но всѣ такія нареканія побѣдоносно опровергаетъ сама Екатерина слѣдующими словами: „Коммиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ совѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пецись должно. Они (депутаты) всѣ части закона собрали и разобрали по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлали, есибы Турецкая война не началась.“

Существуетъ и другое нареканіе на Коммиссію Уложенія: въ ней видятъ неудавшійся опытъ парламентаризма въ Россіи. Такой взглядъ основанъ на недоразумѣніи. Коммиссіи Уложенія отнюдь не было предоставлено правъ и не было на нее возложено обязанностей народнаго представительства. Она была не законодательнымъ, а совѣщательнымъ собраніемъ. Въ достопамятномъ указѣ 14-го декабря 1766 года Екатерина возвѣщала что созываетъ депутатовъ „для того, дабы лучше намъ узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа,“ а также „для заготовленія проекта новаго уложенія къ поднесенію намъ для конфирмаціи“. Ясно, слѣдовательно, что Коммиссіи указана была опредѣленная цѣль и что она была созвана на срокъ. Наконецъ въ *Обрядѣ управленія Коммиссіей* читаемъ между прочимъ слѣдующее: „Когда Коммиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія все ей порученное окончить, то доложить намъ что все окончено; и пошлется ихъ сочиненіе въ сенатъ, который прочтетъ, и согласясь или сдѣлавъ свои примѣчанія, призоветъ всѣ коллегіи и вторично прочтетъ въ ихъ присутствіи. Потомъ согласясь или сдѣлавъ примѣчанія, доложить намъ для конфирмаціи.“ Итакъ, на Коммиссію возложены были собственно подготовительныя

работы, которыя окончательно должны были разсматриваться въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Всѣ вышепомянутыя недоразумѣнія, укоренившіяся въ отношеніи Коммисіи Уложенія, охлаждали съ одной стороны желаніе изучить ея дѣятельность, а съ другой—побуждали строго охранять тайну ея засѣданій, проникнутыхъ будто бы мятежнымъ духомъ, такъ что мы лишь теперь получаемъ возможность ознакомиться съ документами до нея относящимися. Не знаемъ, кому именно, чьей просвѣщенной инициативѣ мы обязаны оглашеніемъ этихъ важныхъ матеріаловъ, но во всякомъ случаѣ Русскому Историческому Обществу принадлежитъ та честь что оно печатаетъ ихъ въ своемъ *Сборникѣ*, а г. Полѣнову, извѣстному многими учеными работами по русской исторіи,—что онъ разсматрѣлъ эти матеріалы и составилъ по нимъ отчетъ о дѣятельности нашей Коммисіи изо дня въ день. Документы, которыми пользовался г. Полѣновъ, состоятъ: изъ 1) *Дневныхъ Записокъ* о засѣданіяхъ Большаго Собранія; 2) *Депутатскихъ Голосовъ*, то-есть мнѣній читанныхъ или произнесенныхъ въ этомъ собраніи и 3) *Наказовъ* данныхъ депутатамъ ихъ избирателями.

Съ первыхъ годовъ своего царствованія Екатерина увидѣла необходимость пересмотрѣть и примѣнить къ современнымъ понятіямъ законодательство наше, въ которомъ накопилась громадная масса *новоуказныхъ статей*. Екатерина находила справедливымъ сверхъ того допустить нѣкоторое разнообразіе въ частностяхъ нашей законодательной системы, сохраняя, впрочемъ, единство и общность главныхъ основаній. Съ цѣлю опредѣлить основанія для предполагаемыхъ законодательныхъ работъ, она написала *Наказъ*, а для того чтобы начертать проектъ новаго Уложенія, основаннаго на духѣ *Наказа*, и чтобы, съ другой стороны, не впасть въ доктринерство чуждое дѣйствительнымъ потребностямъ страны, она рѣшилась создать выборныхъ людей отъ всей Россіи, по примѣру *Соборовъ*, кои созывали цари наши въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 14-го декабря 1766 года послѣдовалъ объ этомъ манифестъ съ повелѣніемъ избирать депутатовъ въ предложенную Коммисію и сочинить для нихъ указы или инструкціи. Согласно этому, весной 1767 года повсемѣстно открылись избирательныя собранія. Г. Полѣновъ слѣдующимъ образомъ описываетъ выборы бывшіе въ Петербургѣ.

„Сенатъ разослалъ повсюду, куда слѣдовало, печатные экземпляры манифеста и другія принадлежащія къ нему приложенія. 30-го декабря они получены были с.-петербургскимъ генераль-полицеймейстеромъ, который, какъ главный начальникъ города, имѣлъ отъ императрицы порученіе открыть въ Петербургѣ выборы депутатовъ. Должность эту занималъ тогда генераль-поручикъ и сенаторъ Ник. Ив. Чичеринъ. Въ тотъ же день, по его распоряженію, манифестъ былъ обнародованъ во всѣхъ городскихъ частяхъ, въ каждой въ двухъ мѣстахъ, съ барабаннымъ боемъ. Сверхъ того, экземпляры его были прибиты на видныхъ мѣстахъ, и къ нимъ приставлены были отъ полиціи канцелярскіе служители, которые обязаны были прочитывать манифестъ не умбющему читать народу. Большое число экземпляровъ манифеста роздано было обывателямъ по ихъ требованію, и наконецъ, они были читаны въ сѣзжихъ полицейскихъ дворахъ приходившимъ туда разнаго рода людямъ.

„Тогда же генераль-полицеймейстеръ приказалъ представить ему списки жителей умбующихъ дома въ Петербургѣ. На другой день, такъ какъ это было въ воскресенье, манифестъ читанъ былъ въ церквахъ и повторенъ въ послѣдующія два воскресенья 7-го и 14-го января 1767 года.

„Требуемые генераль-полицеймейстеромъ списки поданы ему были 5-го января и, по сдѣланному имъ назначенію, составлены были новые списки тѣмъ кому слѣдовало быть на выборахъ. Въ этихъ спискахъ, согласно съ изданными при манифестѣ *Обрядами*, въ началѣ показаны были женатые и умбующіе дѣтей, потомъ женатые, но бездѣтныя, затѣмъ вдовыя и наконецъ не женатыя. Внесеннымъ въ списки лицамъ приказано было объявить о назначеніи ихъ къ выборамъ и притомъ спросить, сами ли они будутъ на эти выборы, или пришлютъ отъ себя довѣренныя письма? Свѣдѣнія эти нужны были для того чтобы по нимъ сдѣлать надлежащія приготовленія. Изъ представленныхъ съ этими указаніями списковъ оказалось что число петербургскихъ жителей, изъявившихъ намѣреніе лично прибыть на выборы, простиралось до 907 человекъ.

„По случаю этихъ выборовъ, Петербургъ раздѣленъ былъ на пять отдѣленій, въ которыя вошли: въ первое—Первая Адмиралтейская и Московская части, во второе Вторая—Адмиралтейская часть, въ третье—Литейная и Выборгская; въ четвертое—Васильевская и въ пятое—С.-Петербургская.

„Одинъ изъ знаменитыхъ вельможъ нашихъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, предложилъ для предстоящихъ собраній свой великолѣпный домъ, до нынѣ принадлежащій этой фамиліи....

„Первое собраніе для выборовъ назначено было жителямъ Первой Адмиралтейской и Московской части 15-го января.... За нѣсколько дней предъ тѣмъ объявлено было отъ полиціи чтобы проживающія въ означенныхъ частяхъ лица, которымъ

слѣдуетъ быть на выборахъ, съѣзжались въ означенный домъ гр. Строганова поутру, въ 8 часу.... Вѣсть съ симъ объявлено было во всемъ городѣ, что ежели бы кто пожелалъ изъ любопытства видѣть это собраніе, то такимъ не только не сдѣлано будетъ никакого препятствія, но напротивъ, этимъ объявленіемъ посторонніе къ этому приглашаются. Генералъ-полицеймейстеръ разослалъ назначеннымъ для выбора лицамъ особое объявленіе, въ которомъ признавалъ за нужное *не въ указѣ* совѣтовать имъ чтобъ они предварительно сносились между собою и имѣли совѣщанія о томъ, какія нужды слѣдуетъ внести въ *наказъ*, который долженъ быть данъ депутату, и чтобъ они заблаговременно составили для себя о семъ записки и представили ихъ по принадлежности, когда наступитъ время для сочиненія *наказа*.

„Въ опредѣленный день жители Первой Адмиралтейской и Московской части, назначенные для выборовъ, въ числѣ ста человекъ, стали собираться въ домъ графа Строганова, поутру, въ восьмомъ часу. Каждый изъ прѣѣзжавшихъ получалъ билетъ съ номеромъ, означавшимъ мѣсто которое онъ долженъ занимать въ залѣ собранія. Въ девятомъ часу съѣхавшіеся жители приглашены были войти въ залу, которая устроена была сообразно настоящему требованію. Посреди ея поставленъ былъ портретъ государыни. Предъ нимъ стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, обшитымъ золотымъ галуномъ. На столѣ помѣщены были пять ящичковъ, покрытыхъ краснымъ бархатомъ, тоже обшитымъ галуномъ. На ящичкахъ поставлены были тарелки съ шарами, а позади ящичковъ серебряныя блюда для высыпанія шаровъ, на одноизбирательныхъ, а на другое — неизбирательныхъ. Между ящичками стояла большая серебряная чернильница съ принадлежащимъ къ ней приборомъ, а предъ нею положенъ былъ манифестъ со слѣдующими къ нему приложеніями, переплетенный въ бархатъ.

„Предъ столомъ поставлены были стулья, а за ними пять рядовъ скамей, обитыхъ зеленымъ сукномъ. На скамьяхъ наклеены были номера, соотвѣтствовавшие номерамъ на билетахъ, которые раздавались съѣзжавшимся жителямъ. Войдя съ полнымъ благочиномъ въ залу, жители размѣстились на скамьяхъ, согласно съ тѣмъ порядкомъ который указанъ былъ въ *Обрядѣ*, то-есть женатые и имѣющіе дѣтей впереди, потомъ женатые бездѣтныя, далѣе вдовыя и наконецъ холостыя. Такимъ образомъ лица высшихъ государственныхъ чиновъ сидѣли между гражданами всякаго званія. Эти сановники, дабы болѣе примѣнить себя къ бывшимъ тутъ прочимъ гражданамъ, прѣѣхали въ собраніе не имѣя на себѣ никакихъ орденскихъ знаковъ или другихъ отличій. Когда всѣ заняли свои мѣста, то генералъ-полицеймейстеръ, объявивъ собранію что будетъ читанъ высочайшій манифестъ, просилъ слушать его со вниманіемъ. Воцарилось молчаніе.

„При началѣ чтенія, всѣ присутствовавшіе поднялись съ

своих мѣсть и, когда оно окончилось, поклонились находившемуся предъ ними изображенiю императрицы. Затѣмъ генераль-полицеймейстеръ объявилъ что для избранiя городского головы * и депутата отъ города С.-Петербурга въ Комmissiю о сочиненiи проекта новаго уложенiя надлежитъ присутствующимъ отъ двухъ частей гражданамъ, выбрать изъ своей среды 18 человекъ повѣренныхъ, которые съ имѣющими быть выбранными отъ другихъ отдѣленiй составлять сто человекъ, то-есть меньшее число определенное въ *Обрядѣ* для выбора городского головы и депутата. Въ 10 часовъ началось баллотированiе. Генераль-полицеймейстеръ называлъ по имени то лицо которое стояло первымъ въ его спискѣ. Назначенные для разности шаровъ и ящичковъ офицеры брали ихъ со стола и обносили по рядамъ присутствовавшихъ въ собранiи, а послѣднiе брали съ тарелокъ по одному шару и клали его въ ящикъ по своему усмотрѣнiю. Офицеры носившiе ящики, обойдя всѣ ряды, возвращались къ генераль-полицеймейстеру, который высыпалъ изъ ящичковъ положенные въ нихъ шары—избирательные на одно блюдо, а неизбирательные на другое. Потомъ онъ называлъ по списку другое имя. Офицеры брали свободные ящики и нужное число шаровъ нарочно изготовленныхъ въ двойномъ количествѣ и обходили ряды собранiя. Между тѣмъ генераль-полицеймейстеръ считалъ высыпанные прежде шары и число избирательныхъ отмѣчалъ въ спискѣ. Такимъ порядкомъ продолжалось баллотированiе, окончившееся въ 3 часа.“

Подобнымъ же образомъ выборы повѣренныхъ производились и въ другихъ частяхъ Петербурга; но въ первомъ последовавшемъ за симъ собранiи генераль-полицеймейстеръ, заявивъ что въ Первой Адмиралтейской и Московской частяхъ избраны были исключительно лица высокаго происхожденiя и сановники, предложилъ *не въ указѣ*, не полезнѣ ли было бы выбирать людей всякаго званiя, но коротко знающихъ городскiя нужды. Всего избрано было во всемъ Петербургѣ повѣренныхъ 105 человекъ, которые должны были, собравшись 27-го января, избрать городского голову. Въ это почетное званiе избранъ былъ оберъ-комендантъ Зиновьевъ. Подъ его предсѣдательствомъ происходило избранiе депутата отъ Петербурга въ комmissiю, при чемъ большинство голосовъ получилъ графъ А. Г. Орловъ (Чесменскiй). Что касается до депутатскаго наказа, то для сочиненiя оного избрана была комmissiя, въ которую, по

* Должности городскихъ головъ и дворянскихъ предводителей были учреждены по этому случаю и первоначально на время.

большинству голосовъ, поступили: купцы Никоновъ и Галактионовъ, сенаторъ Олсуфьевъ, генералъ Мерлинъ и купецъ Цукинъ.

Сходно этому происходили выборы и въ другихъ мѣстахъ; собранія открывали губернаторы и, подъ ихъ предсѣдательствомъ, города избирали головъ, а дворянство—предводителей, которые уже и руководили дальнѣйшими дѣйствіями избирательныхъ собраній. Депутаты требовались: отъ различныхъ государственныхъ учрежденій (сената, синода, коллегій и пр.), отъ дворянства каждаго уѣзда, отъ каждаго города, отъ однодворцевъ каждой провинціи, отъ пахатныхъ солдатъ и ландмилиціонеровъ, отъ государственныхъ крестьянъ, по провинціямъ, наконецъ отъ казачьихъ войскъ и отъ кочевыхъ племенъ. Всего должно было собраться въ комиссію 564 человека.

Открытіе комиссіи было назначено на 30-е іюля 1767 года. Открывалъ ее генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, послѣ чего депутаты должны были избрать изъ среды своей маршала или предводителя для дальнѣйшаго руководства ихъ занятіями и образовать три постоянныя комиссіи: дирекціонную, экспедиціонную и для разбора депутатскихъ наказовъ. Кроме того надлежало образовать 19 временныхъ комиссій для разсмотрѣнія и составленія предположеній по разнымъ частямъ законодательства: по юстиціи, торговлѣ, земледѣлію и пр. Въ эти частныя или временныя комиссіи поступали чрезъ дирекціонную вопросы разсмотрѣнные въ общемъ собраніи, и согласно данному тамъ направленію, въ нихъ составлялись проекты законоположеній, которые опять чрезъ дирекціонную же комиссію вносились въ общее Большое собраніе. Инициатива законодательныхъ работъ могла происходить или отъ маршала, которому предоставлялось предлагать тѣ узаконенія которыя, по его мнѣнію, требуютъ измѣненій, или же отъ комиссіи для разбора депутатскихъ наказовъ, которая могла представлять общему собранію о заявленныхъ съ разныхъ сторонъ желаніяхъ и ходатайствахъ. Сверхъ того и сами депутаты не лишены были права представлять свои проекты, которые точно также положено было препровождать чрезъ дирекціонную комиссію въ соответствующую частную. Всѣ изготовленные проекты законовъ представляемы были, какъ сказано, дирекціонною комиссіей на обсужденіе общаго собранія, по утвержденіи коимъ они препровождались для составленія окончательной редакціи въ экспедиціонную.

Изъ сказаннаго явствуетъ что главный и, такъ-сказать, драматическій интересъ заключался въ общемъ или Большомъ собраніи. Въ немъ сосредоточивалась жизнь Коммисіи, и документы обнародованныя Историческимъ Обществомъ относятся главнѣйше къ засѣданіямъ общаго собранія. Въ *Дневныя записки*, которыми пользовался г. Полѣновъ, вносилось все что происходило въ каждомъ засѣданіи общаго собранія депутатовъ, не исключая и мельчайшихъ подробностей; но это записывалось въ видѣ простаго перечня, а потому, говорить г. Полѣновъ, *Дневныя записки* могутъ служить только указаніемъ порядка въ ходѣ занятій Коммисіи и сообщаютъ нѣкоторыя подробности второстепенной важности. Составленіе ихъ производилось подѣ главнымъ руководствомъ графа А. П. Шувалова. Для изученія происходившихъ въ средѣ коммисіи преній несравненно важнѣе депутатскіе указы и мѣтнія самихъ депутатовъ выраженныя въ засѣданіяхъ общаго собранія. Эти указы г. Полѣновъ помѣстилъ въ видѣ приложеній. Что касается до депутатскихъ мѣтній или *голосовъ*, то они, въ извлеченіяхъ, вошли въ самый текстъ изслѣдованія г. Полѣнова.

Засѣданія коммисіи открылись въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ*, изъ тайника которой Екатерина нерѣдко слушала происходившія тамъ пренія. Впереди депутатскихъ мѣстъ, какъ значитса въ *Обрядѣ*, находился столъ, за которымъ сидѣли маршалъ, генераль-прокуроръ и директоръ *Дневныхъ записокъ*, а для *держателей* этихъ записокъ поставлены были особые наюи. Мѣтнія депутатовъ, какъ кажется, прочитывались ими по писанному,—по крайней мѣрѣ они сохранились въ подлинникахъ,—а возраженія и замѣчанія, то-есть самыя пренія, по большей части приносились въ видѣ импровизаций. Что касается до внутренняго устройства засѣданій общаго собранія, до порядка преній, до способа возбуждать вопросы и т. п., то вотъ относящійся къ этому предмету параграфъ *Обряда управленія коммисіей*, составленнаго графомъ Шуваловымъ подѣ руководствомъ императрицы:

* Начавшись 31-го іюля 1767 года, засѣданія продолжались въ Грановитой палатѣ до 14-го декабря, послѣ чего были переведены въ Петербургъ, въ какое помѣщеніе—неизвѣстно) и происходили тамъ до 18-го декабря 1768 года, когда собраніе было закрыто.

„...Какъ соберутся (депутаты), тогда депутатскій маршалъ предложитъ имъ словесно или письменно, по важности или пространству вещей, о какомъ дѣлѣ разсуждаемо будетъ, и прикажетъ читать. Если дѣло важно, то первый разъ должно прочтено быть отъ начала до конца безмолвно, потомъ станутъ читать другой разъ, дабы всякому вольно было дѣлать свои примѣчанія; если же дѣло не важно и никто не требуетъ чтобы въ другой разъ читано было, то прочтутъ только однажды. Примѣчаніе же всякій дѣлаетъ такимъ образомъ: встанетъ съ своего мѣста и скажетъ съ учтивостію ближнему дневной записки держателю и не весьма громко, что онъ имѣетъ возраженія противу такихъ или такихъ статей. Сей скажетъ маршалу, и запишутъ имя депутата, дабы по окончаніи чтенія могъ маршалъ заставить всякаго изъ нихъ, такъ какъ кто записанъ, говорить свои сумнѣнія, не перебивая отнюдь другъ друга рѣчи; для чего имѣющій говорить депутата, вышедъ изъ своего мѣста, подойдетъ къ держателю записки, начнетъ говорить свое мнѣніе. Тотъ который говорить ведетъ рѣчь свою къ предводителю или къ генералъ-прокурору, если предводителя не будетъ; говорить же всякому кратко и ясно. Всякій депутатъ можетъ говорить свое мнѣніе съ тою смѣлостію которая потребна для пользы сего дѣла, и болѣе полчася никому не говорить, а кто больше говорить начнетъ, того недопустить; но вмѣсто того предводитель велитъ ему подать на письмѣ. Если же въ одинъ день всѣхъ возраженій невозможно окончить, то записать въ дневную записку гдѣ остановились, дабы на другой день опять оттуда начать.

„По второмъ прочтеніи если никто никакихъ возраженій и примѣчаній на прочтенное не скажетъ, и все собраніе промолчитъ, то почтется что все собраніе противъ прочтеннаго ничего сказать не имѣетъ, и въ томъ согласны... И если всѣ на оное дѣло согласны, то подпишетъ маршалъ, а когда маршалъ въ большомъ собраніи подписываетъ, то вмѣстѣ съ нимъ подписываютъ три депутата по очереди, одни послѣ другихъ. При чтеніи старыхъ законовъ, представленій и жалобъ, и при сочиненіи на оное при большомъ собраніи примѣчаній, если все собраніе и въ примѣчаніяхъ полагаемыхъ отъ однихъ съ другими будетъ не согласно, тогда маршалъ обращиваетъ оное несогласіе въ вопросъ, на который бы *да* или *нѣтъ* отвѣтствовать было можно, и громко сдѣлавъ предложеніе, спроситъ, и сочтя сколько будетъ *да* и *нѣтъ*, записываетъ обоихъ мнѣнія; а подписавъ сказаннымъ порядкомъ отошлетъ въ дирекціонную комиссію, а та отдастъ въ частную комиссію, до которой то дѣло касается, приложивъ свое разсужденіе. Что же до рѣшительныхъ положеній принадлежитъ, то если единогласіе у всѣхъ не будетъ, а иные скажутъ: *да*, напротивъ того другіе: *нѣтъ*, тогда имъ дастся еще нѣсколько времени на соглашеніе, и потомъ маршалъ

вторично спросить, и ежели еще единогласно не отвѣчаютъ, то зачнутъ собирать голоса и приступать къ балламъ.“

Коммиссія имѣла всего 203 засѣданія, но Историческое Общество напечатало пока отчетъ только о тридцати одномъ. Нѣсколько первыхъ засѣданій было посвящено избранію маршала, слушанію *Большаго наказа* (наказа составленнаго императрицей) избранію маршала и членовъ трехъ постоянныхъ Коммиссій, а нѣсколько другихъ засѣданій посвящены были обсужденію способа выразить государынѣ признательность за ея труды и попеченія о народномъ благѣ. Съ восьмага засѣданія началось чтеніе депутатскихъ наказовъ; но такъ какъ первые прослушанные указы были отъ крестьянъ и инородцевъ, которые, разумѣется, могли ходатайствовать о своихъ частныхъ потребностяхъ и нуждахъ, то пятнадцать засѣданій, посвященныхъ слушанію и обсужденію этихъ наказовъ, не представляютъ общаго интереса. Повидимому, это почувствовала и императрица, съ участіемъ слѣдившая за ходомъ занятій коммиссіи; чтеніе частныхъ наказовъ было прервано, и съ 11-го сентября началось чтеніе законоположеній касающихся дворянства, начиная съ Уложенія, послѣ чего начались и пренія объ этомъ предметѣ. Эти пренія очень любопытны. Они обнаружили что въ средѣ тогдашняго дворянства существовало сильное стремленіе не только удержать и даже расширить пріобрѣтенныя этимъ сословіемъ права (что весьма естественно), но и ограничить число лицъ ими пользующихся, и если не замкнуться въ отдѣльную, глухую касту, то сдѣлать затруднительнымъ доступъ въ свое сословіе: стремленіе несогласное ни съ исторіей Россіи, ни съ духомъ *Наказа*, провозглашавшаго однимъ изъ основаній законодательства равенство всѣхъ гражданъ предъ закономъ.

Чтеніе законовъ о дворянствѣ и пренія по этому предмету заняли 11 засѣданій. По окончаніи чтенія законовъ касательно дворянскаго сословія, въ засѣданіи 12-го сентября, депутатъ отъ дворянства Елецкаго уѣзда, Василій Бибиковъ, подалъ мнѣніе: 1) что такъ какъ въ *Наказѣ* дворянство названо „нарицаніемъ въ чести“ (почетнымъ званіемъ), то слѣдовало бы освободить дворянъ отъ пытки; 2) что изъ нѣкоторыхъ постановленій Петра I усматривается желаніе этого государя не производить въ гражданскіе чины иначе какъ дворянъ *, чѣмъ

* 1724 г. января 31-го постановлено: въ секретари не производить не изъ дворянъ.

пресѣчена была бы возможность разночинцамъ достигать дворянскаго званія; что пріобрѣтеніе этого званія чрезъ получение военнаго офицерскаго чина* было, по мнѣнію депутата, лишь временною мѣрой, вызванною Шведскою войною, и обуславливалось единственно военными отличіями сдѣланными предъ лицомъ самого государя, а потому депутатъ полагалъ что чины предоставляющіе дворянское достоинство должны быть даваемы исключительно верховною властію, для предупрежденія въ такихъ случаяхъ злоупотребленій, и что слѣдовало бы постановить „чтобы безъ отличія никто не могъ поступить въ дворянское званіе и тѣмъ нѣкоторымъ образомъ потемнить его“.

Эту мысль развилъ депутатъ отъ ярославскаго дворянства князь М. М. Щербатовъ, извѣстный историкъ и публицистъ. Онъ представилъ слѣдующія соображенія: „Извѣстно“, сказалъ онъ въ засѣданіи 12-го сентября,—

„что первое различіе между состояніями произошло отъ личной доблести нѣкоторыхъ лицъ изъ народа. Потомки ихъ равномѣрно отличались отъ другихъ, оказывая услуги тѣмъ обществамъ, которыхъ они были членами. Такимъ образомъ, повторяемая въ теченіи многихъ лѣтъ заслуги склонили народъ и государей къ одному имени и къ чести происходить отъ столь доблестныхъ предковъ, присовокупить почтеніе дворянскаго званія (sic). Итакъ, первымъ объясненіемъ имени дворянина будетъ то, что онъ такой гражданинъ, котораго, при самомъ его рожденіи, отечество, какъ бы принимая въ свои объятія, ему говоритъ: „Ты родился отъ добродѣтельныхъ предковъ; ты, не сдѣлавшій еще ничего мнѣ полезнаго, уже имѣешь знатный чинъ дворянина; поэтому ты болѣе чѣмъ другіе долженъ показать и твою добродѣтель, и твое

* Ораторъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду слѣдующее постановленіе 16-го января 1721 года: а) всѣ оберъ-офицеры и ихъ дѣти и потомки суть дворяне; б) Табель о Рангахъ: дослужившіеся до первыхъ восьми классовъ и ихъ дѣти имѣютъ быть причтены къ лучшему дворянству. Поздѣе, указомъ 23 го ноября 1760 г., постановлено не считать дворянами произведенныхъ не дворянскаго сословія въ первые офицерскіе чины, если они не состоятъ въ дѣйствительной службѣ, а относительно имѣній въ инструкціи межевщикамъ, 13-го мая 1754 г., сказано что лицамъ не изъ дворянъ и не имѣющимъ оберъ-офицерскихъ чиновъ не владѣть недвижимыми имѣніями, а въ указѣ 6-го февраля 1758 г. запрещено владѣть деревнями протокоистамъ и регистраторамъ не изъ дворянъ. Изъ газетъ того времени, въ коихъ печатались производствъ, не видно чтобы малые чины давались высочайшею властію.

„увердіе. Тебя обязываютъ данныя законами моими права, предшествовавшія твоимъ заслугамъ; тебя побуждаютъ къ тому дѣла твоихъ предковъ; подражай имъ въ добродѣтели и будешь мнѣ угоденъ“. Рожденный въ такомъ положеніи, воспитанный въ такихъ мысляхъ, человѣкъ не будетъ ли употреблять сугубыя усилія, дабы сдѣлаться достойнымъ имени своего и званія? Одно это имя и припоминаніе о славныхъ дѣлахъ своихъ предковъ довольно сильно чтобы побудить благородныхъ людей ко всякимъ великимъ подвигамъ. Эта политика у Римлянъ столь далеко простиралась что они приписывали начало знатныхъ родовъ своимъ героямъ; о чемъ, по свидѣтельству блаженнаго Августина, знаменитый римскій писатель Варронъ говоритъ что для государства весьма полезно чтобы знаменитые люди почитали себя происшедшими отъ героевъ; хотя это и не правда, но уже одна мысль о такомъ происхожденіи можетъ побудить ихъ предпринимать и оканчивать величайшія дѣла. Таковы были мысли сего просвѣщеннаго народа обо всемъ что содѣйствовало къ умноженію его силы и славы. Самый естественный разсудокъ убѣждаетъ насъ, какъ то признаютъ все лучшіе писатели, что честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ въ дворянскомъ сословіи; поэтому сіи качества имѣютъ большее вліяніе на тѣхъ которые почти съ самаго рожденія своего слышатъ о знатныхъ дѣлахъ своихъ предковъ, видятъ ихъ изображенія, вспоминаютъ тѣ подвиги какимъ они прославлялись, чѣмъ на тѣхъ которые, смотря на отцовъ своихъ, дослужившись до первыхъ офицерскихъ чиновъ по старшинству службы или по проискамъ, не видятъ ничего такого что могло бы его (ихъ) склонять къ славнымъ дѣламъ, а имена предковъ ихъ уже скрываются во тьмѣ. Не могу при семъ случаѣ не припомнить мнѣ: іа знаменитаго въ наукахъ и своимъ знаніемъ въ законахъ барона Пуфендорфа, который говоритъ: „обыкновенно чины сами собою не даютъ дворянства, но государь даетъ титулъ дворянина кому заблагоразсудитъ и пр.“

„Изъ всего мною сказаннаго видно, на чемъ я основываю мое мнѣніе, что дворянское званіе и его права не могутъ быть даруемы никѣмъ кромѣ государя. Одна изъ важнѣйшихъ принадлежностей самодержавства заключается въ изліаніи милостей и благоволенія не только на одно лицо, но и на его потомковъ и тѣмъ его, такъ сказать, изъ ничтожества и приха въ вѣчную честь обратитъ.“

„Осмѣлюсь еще присовокупить что право по которому каждый разночинецъ, получившій только офицерскій чинъ, поступаетъ въ дворянское достоинство безъ разсмотрѣнія его поступковъ и мыслей, можетъ быть поводомъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Такіе люди, дабы дослужиться до офицерскаго чина и чрезъ то приобрести званіе дворянина, зная что это зависить отъ власти каждаго командира, не откажутся льстить его страстямъ и употреблять другіе низкіе

способы для свисканія его благоволенія, что, конечно, послужитъ ко вреду нравовъ ихъ самихъ и ихъ начальниковъ. Достигши до офицерскаго чина и видя себя дворяниномъ, эти люди уже теряютъ побужденіе къ достиженію высшихъ чиновъ, а только желаютъ пріобрѣсти себѣ имѣніе, которыми бы они могли пользоваться; прискиваютъ всѣ пути, не отвергаютъ ни единого, который могъ бы скорѣе довести его до желаннаго конца. Оттого порождается издоумство, похищеніе и всякое подобное сему зло.“

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, ярославскій депутатъ предлагалъ постановить:

„1. Дабы никто изъ разночинцевъ въ чинъ и право дворянскаго иначе не могъ вступать какъ по единой монаршей власти.

„2. Что дворяне, по одному имени своему, имѣютъ преимущественное предъ другими званіями право служить отечеству съ тѣмъ чтобъ имъ, по ихъ службѣ и по преимуществамъ въ оной, опредѣлена была особая милость, соотвѣтственная достоинству сего сословія, столько разъ показавшему свое усердіе къ отечеству.

„3. Дабы дворянинъ безъ лишенія его дворянскаго званія не могъ быть подвергнутъ чрезъ катскія руки наказаніямъ. Такое право дано дворянству по воинскимъ процессамъ, части второй, главы VI, пунктъ 10-й, касательно пытки.

„4. Поелику же дворянство, какъ выше неоднократно а имѣлъ случай упомянуть, отъ чести происходитъ и честию держится, то и непристойная брань и руганіе дворянина должны быть запрещены закономъ.

„5. Право владѣнія деревнями, обяывая дворянина собственною его пользою къ службѣ отечеству, есть первый способъ содержать себя во всѣхъ мѣстахъ, куда отечество заблагоразсудитъ его употребить.“

Мнѣнія выраженные княземъ Щербатовымъ развивали и поддерживали въ слѣдующихъ засѣданіяхъ многіе депутаты. Ростовскій депутатъ дворянства, Языковъ, ходатайствовалъ объ учиненіи разсмотрѣнія дворянскимъ фамиліямъ, дабы избавить первенствующее сословіе отъ родовъ неправильно проникнувшихъ въ оное и не имѣющихъ права владѣть населенными имѣніями, и съ другой стороны, о томъ чтобы не позволять дворянамъ заводить фабрики и производить торгъ, ибо это родъ дѣятельности несоотвѣтствующій дворянству и принадлежить купечеству. Бѣжецкій депутатъ Рыкочевъ соглашался что дворянство можетъ быть пріобрѣтаемо и гражданскою заслугой, но желалъ чтобы новопожалованные дворяне не имѣли права покупать земли и деревни. Депутатъ отъ елецкихъ

однодворцевъ, Давыдовъ, заявилъ, что хотя существующіе указы и не дозволяютъ приказнымъ людямъ владѣть имѣніями, но когда кто-либо изъ такихъ людей, придя въ старость, лишится должности, ему будетъ нечѣмъ жить. Поэтому, заключая Давыдовъ, приказнымъ надо или дозволить приобретать имѣнія, или опредѣлить имъ пенсію за службу. Затѣмъ, въ засѣданіи 19-го сентября, всталъ депутатъ Гадацкаго, Миргородскаго и Полтавскаго казачьихъ полковъ, Мотонисъ, и сказалъ слѣдующее:

„Нѣкоторые господа депутаты подали мнѣнія о получающихъ дворянство по узаконеніямъ государя Петра I, посредствомъ чиновъ приобретаемыхъ ими за свои заслуги. Одни предлагаютъ чтобы сей законъ впредь уже не имѣлъ дѣйствія; другіе желаютъ чтобы оный остался въ своей силѣ. Не приступая безъ ограниченія ни къ которому изъ сихъ мнѣній, предлагаю почтенному собранію слѣдующее. Всякое поколѣніе дворянъ имѣло и имѣеть свое начало, съ тѣмъ только различіемъ что одно получило его ранѣе, другое—позже; всѣ же сходствовали въ томъ что добродѣтель и заслуги взводили ихъ на эту степень достоинства. Эти два похвальные качества могутъ быть оказаны не только во время войны, но и во время мира. Ея императорское величество изволила ясно это изобразить въ данномъ комиссіи *Наказъ*, въ XV главѣ, въ 368 статьѣ, написавъ: „что сіе достоинство можно приобретать и гражданскими добродѣтелями, такъ какъ и военными.“ И кто можетъ въ семъ сомнѣваться? Война защищаетъ государство отъ непріятелей и предпріимается не для чего иного какъ для мира. Миръ управляетъ государствомъ и его содержитъ; онъ распространяетъ многолюдство въ селеніяхъ и, такъ сказать, животворитъ всѣхъ его жителей. Какъ крѣпость и жизнь человѣка зависятъ отъ его здравія, такъ миръ сохраняетъ могущество и силу государства. До какого бѣдственнаго состоянія можетъ низойти та держава которая стала бы вести безпреставную войну? Тамъ умолкаютъ законы; правосудіе нарушается многоразличными образами; состояніе каждаго подвергается всегдашней опасности; имѣнія и народныя, и частныя или не чувствительно, или внезапно исчезаютъ; союзъ совокупающій разные роды гражданъ, изъ которыхъ состоитъ общество, разрывается; многія страны пустыютъ; нѣкоторыя, и то по большей части пустыя, достаются въ чуждое владѣніе и долгое время не приносятъ владѣльцамъ своимъ никакой пользы. Въ такихъ обстоятельствахъ весьма многіе могутъ сдѣлаться дворянами; но число прочихъ гражданъ уменьшится и придетъ въ изурнѣніе. Какъ полезно мирное время для благосостоянія государства, видно изъ того что весь помянутый вредъ и всякое нестроеніе бывають

тогда удалены. Сколько храбрость и неустрашимость духа нужны къ защитѣ во время непріятельскихъ нападений на отечество, столько же необходимо благоразуміе по управленію гражданскими дѣлами, клонящимися къ сохраненію тишины, спокойствія и благоденствія государства вообще и каждаго согражданина въ особенноти, слѣдовательно и самого воинскаго чина. Какъ за преступленія и злодѣянія законы должны подвергать одному и тому же наказанію людей всякаго чина и достоинства безъ лицепріятія, такъ равнымъ образомъ и за заслуги всякій чинъ отъ тѣхъ же законовъ ожидаетъ себѣ возмездія или чрезъ производство изъ низшаго въ высшій чинъ, или чрезъ другія приличныя награжденія. Государь, какъ отецъ, любитъ равновѣрно всѣхъ своихъ подданныхъ; люди всѣхъ состояній суть его дѣти. Онъ же смотритъ только на любовь къ отечеству каждаго, на ревность его къ службѣ и вѣрность къ своей особѣ и за отмѣнныя добродѣтели и заслуги награждаетъ возведеніемъ изъ одного чина въ высшій.... Итакъ, отечество рожденному отъ дворянскаго колѣна младенцу по справедливости можетъ сказать. „Предки твои приобрѣли сіе достоинство военными или гражданскими добродѣтелями, но ты вѣдай что я требую отъ тебя не одного воинскаго искусства; вѣдай что миръ составляетъ мое благосостояніе. Воинское искусство отвращаетъ то что можетъ мнѣ вредить; если война начинается не для то о чтобы получить чрезъ нее постоянный миръ, то она ни похвальна, ни прочна быть не можетъ. Я ожидаю отъ тебя во время войны и мира такихъ знатныхъ дѣлъ которыя потребны къ моему сохраненію; но если ты отречешься ихъ совершать или пренебрежешь ими, то у меня есть самодержица, спасительница моя и покровительница, праведная судія дѣлъ каждаго и милосердая мать, у которой великое число дѣтей, не дворянъ еще. Они гражданскими добродѣтелями и разными своими заслугами получаютъ отъ нея по справедливости и себѣ ту степень которой предки твои достигли такимъ же образомъ. Никто ихъ *подлыми* не называетъ; подлаго у меня нѣтъ никого! Земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ трудами своими, добрымъ воспитаніемъ и благонавіемъ. Подлы только тѣ которыя имѣютъ дурныя свойства, производятъ дѣла противныя законамъ, непристойныя своему званію, нарушающіе общее спокойствіе, и наконецъ, тѣ которыя, не рада о моемъ благѣ, жизнь свою препровождаютъ праздно....

„Но къ чему все сіе клонится? Намѣреніе мое показать что узаконеніе Петра Великаго не для того надобно отмѣнить что не дворяне, то-есть мѣщане и земледѣльцы, не могутъ быть такъ воспитаны какъ дворяне, что они могутъ быть скорѣе подвергнуты разнымъ порокамъ, что уже дворяне учатся и служатъ охотно и что чрезъ возведеніе въ сіе достоинство разночинцевъ, дворянскіе роды будто бы

приходятъ въ мелкость и убожество. Въ нашемъ пространномъ государствѣ можно сыскать множество людей всякаго званія которые презрѣдно воспитываютъ своихъ дѣтей, но разные бываютъ во всякомъ званіи; учатся наукамъ и художествамъ мѣщанскія и другихъ сословія дѣти, а отцы ихъ служатъ ревностно государю и отечеству. Какимъ же образомъ чрезъ возведеніе разночинцевъ въ дворянское достоинство дворяне дѣлаются убогими, я этого не понимаю. Развѣ что старинные дворяне продаютъ имъ свои деревни за ихъ деньги? Въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, что продающіе деревни свои дворянину ведущему поколѣніе свое за пятьсотъ лѣтъ, не будетъ богаче ежели за ту же цѣну продадутъ дворянину пожалованному.“

Заключеніе Мотониса состояло въ томъ чтобъ изслѣдовать, имѣеть ли уже Россія достаточно многочисленное дворянское сословіе, или же слѣдуетъ пополнять оное новыми людьми и родами.

Къ рѣзкимъ замѣчаніямъ подало поводъ упоминаніе объ указѣ 16-го января 1712 года, которымъ повелѣвалось дворянамъ, какой бы фамиліи они ни были, если они не имѣли чина, отдавать почестъ и первое мѣсто каждому оберъ-офицеру. Депутатъ отъ однодворцевъ тамбовскихъ замѣтилъ: „чтобы дворянинъ отдавалъ почетное первое мѣсто каждому оберъ-офицеру, какъ постановлено указомъ 16-го января 1712 года, то этого не бывало до сего времени, нѣтъ вынѣ, да и впредь этому быть не только бесполезно, но и вредно.“ Кашинскій депутатъ Кожинъ, защищая дворянскія права, пошелъ дальше всѣхъ своихъ предшественниковъ, и требуя чтобы для шляхетства основанъ былъ въ Москвѣ корпусъ подобный петербургскому (сухопутному), предложилъ чтобы всякій солдатъ, унтеръ-офицеръ, дворовый человекъ, помѣщичій крестьянинъ, и всякаго чина люди „не имѣющіе благородства“, между прочимъ и церковнослужители, платили на это учрежденіе по 50 к. за совершеніе брака, а благородные отъ рубля до двухъ, смотря по состоянію. На это странное предложеніе графъ А. С. Строгановъ, депутатъ отъ серпейскаго дворянства, замѣтилъ что всякій налогъ на общество долженъ служить въ пользу всего общества, а не одной его части, и что повтому шляхетскій корпусъ по справедливости долженъ быть учрежденъ и содержимъ иждивеніемъ одного дворянства. Но благоразумное замѣчаніе графа Строганова не успѣло успокоить умы которые начинали сильно раздражаться; казанскій депутатъ Есиповъ

сказалъ что умноженіе дворянскихъ родовъ не только умалаетъ достоинство этого сословія, но чрезъ то и „безпредѣльная власть государева будетъ какъ бы оскорблена“. Съ своей стороны Зарудный, депутатъ отъ Изюмской провинціи, не безъ горечи указалъ на труды, опасности и лишенія которымъ подвергаются люди добывающіе дворянство на войнѣ; слѣдовательно, сказалъ онъ, „думать объ отнятїи дворянскаго достоинства, заслуженнаго многотрудною и полезною отечеству военною службой, повесенными трудами, претерпѣнными ранами „и даже лишеніемъ жизни, равнымъ образомъ прибрѣтеннаго ежечасными трудами и честностью по статской службѣ, думать, говорю, объ отнятїи достоинства у тѣхъ кому оно уже пожаловано и утверждено, мнѣ кажется несомнѣнно ни съ общею дворянства пользою, ни съ тѣмъ благоденствіемъ, о которомъ наша всемилостивѣйшая государыня изволить прилагать попеченіе, ни съ тѣмъ наставленіемъ, которое ея величество преподала въ своемъ Наказѣ“, то-есть, „взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько „возможно.“ „Такая мысль скорѣе можетъ быть отнесена къ самолюбію, ибо подающіе мнѣніе объ ограниченїи способовъ достигать дворянства выказываютъ черезъ то желаніе, чтобы имъ однимъ и имъ подобнымъ пользоваться дворянствомъ, а прочихъ, какого бы они достоинства, честности и вѣрности къ своему государю ни были, и какихъ бы заслугъ ни оказали, лишитъ этого преимущества навсегда.“ Затѣмъ, приведя изъ *Наказа* нѣсколько мѣстъ открывающихъ доступъ въ дворянство всякой заслугъ и воспреещающихъ отнимать заслуженное иначе какъ за преступленіе, онъ сказалъ въ заключеніе: „Но слѣдуя симъ ея императорскаго величества полезнѣйшимъ наставленіямъ и не желая молчаніемъ своимъ быть причтеннымъ къ согласію съ мнѣніями противоположными какъ симъ наставленіямъ, такъ и прежнимъ узаконеніямъ о дворянствѣ, почитаю за долгъ сообщить мое мнѣніе.“ 25 депутатовъ, почти исключительно отъ городовъ, одводворцевъ и крестьянъ, объявили что они раздѣляютъ мнѣніе Заруднаго. Послѣ него всталъ депутатъ Днѣпровскаго пикиернаго полка Козельскій. „Ежели, сказалъ онъ, предки російскихъ дворянъ начало своего достоинства получили чрезъ награжденіе по своимъ заслугамъ за вѣрность и добродѣтель, а не чрезъ знатность рода, то потомки ихъ не должны бы умалать и презирать офицерскіе

чины.“ Выступая поборникомъ расширенія привилегій противъ тѣхъ которые требовали ихъ ограниченія въ тѣсномъ кругу древняго дворянства, ораторъ сказалъ:

„Нѣтъ сомнѣнїя что достоинство сіе драгоцѣнно; но кому оно было дороже, предкамъ ли, которые его сами заслужили, и ихъ потомкамъ? Если же, какъ нѣкоторые того желаютъ, умножится (возвысится?) одно только старинное дворянство и пренебрежено будетъ вновь пожалованное, то, по мнѣнію моему, это послужитъ въ подрывѣ государственной службѣ, ибо прочія, недворянскія сословія, не вида себѣ равнаго съ дворянами за службу возмездїа, будутъ служить принужденно, безъ всякой ревности и любви къ отечеству. Не имѣя въ виду заслужить въ своемъ же отечествѣ отличнаго достоинства, они сдѣлаютъ ся какъ бы не сынами отечества; о воспитанїи же своемъ, о наукахъ и о добродѣтеляхъ не будутъ имѣть повода прилагать какое-либо стараніе. Между тѣмъ какъ въ прошлое время многіе изъ простаго званія, усердствуя своему государю и отечеству, чтобы достигнуть сегѣ драгоцѣннаго достоинства, жертвовали на службѣ жизнью; иные же, посвятивъ труды свои и знанія дѣламъ гражданскимъ, заявили себя полезными членами общества. И какое же будетъ въ государственныхъ дѣлахъ благосостояніе и въ обществѣ спокойствіе, когда, вмѣсто взаимнаго человеколюбія, отъ такого явнаго небреженія къ ближнему умножится ненависть и вражда? Сверхъ того, дворянство, умноживъ высокомерїе своего достоинства, будетъ пренебрегать служащими какъ по гражданской, такъ и по военной части. Вмѣсто исправленія нравовъ, о которомъ ея императорское величество прилагаетъ попеченіе, вселится гордость и презрѣніе къ ближнему, тогда какъ въ самомъ началѣ *Наказа* изъяснено что законъ христіанскій научаетъ насъ дѣлать взаимно другъ другу добро. Изъ этого же *Наказа* мы видимъ что милосердіе ея величества простирается на всѣхъ правосудно и равно, то-есть, чтобы каждому достойному дать достойное и не имѣющимъ дворянскаго достоинства дозволить оное приобрѣтать. Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ дворянское воспитаніе предпочитается службѣ; какая же будетъ польза обществу если приобрѣтенная отъ него честь за прежнія побѣды будетъ наградою только одного стараго дворянства, и если къ чести отнесутся однѣ только дворянскія фамиліи, потому что онѣ стары? Можно будетъ тогда подумать что служба, которую несло все общество, было для прославленія однихъ дворянъ, а не для пользы отечества и сохраненія цѣлости государства; такое сужденіе хотя и было бы неосновательно, но къ нему могутъ подать поводъ выраженныя нѣкоторыми депутатами мнѣнїя. Что же принадлежитъ до воспитанія всякаго гражданина, то оно необходимо для пользы государственной, а не лично для него одного.“

Къ заявленіямъ Козельскаго присоединились 22 депутата принадлежавшіе къ сословію горожанъ, однодворцевъ, поселенныхъ полковъ и крестьянъ. Но противная сторона, несравненно болѣе многочисленная, не оставила безъ отвѣта голосовъ Мотониса и Козельскаго. Первому изъ нихъ возражали кромскій депутатъ Похвисневъ и кашинскій—Кожинъ, къ которымъ присоединилось нѣсколько другихъ; затѣмъ слово было дано князю М. М. Щербатову, который „говорилъ и кончалъ съ крайнимъ движеніемъ духа“.

„Депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка (сказалъ онъ) въ мнѣніи своемъ говоритъ что всѣ древнія русскія фамиліи произошли отъ низкихъ родовъ, и что теперь эти древніе дворяне, по надменности своей, не желаютъ допустить въ сіе званіе людей того достойныхъ. Весьма удивляюсь что этотъ господинъ депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія русскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ мнѣ довольно указать на слѣдующія событія. Одни русскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика, и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя Владиміра; другіе, выѣхавшіе знатные люди, берутъ начало свое отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи, хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма значительныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ русскимъ считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ, въ лицѣ своихъ депутатовъ, Россія слышать нареканія подлости на такіе роды которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги! Какъ не вспомнить она пролитую кровь сихъ достойнѣйшихъ людей! Будь мнѣ свидѣтелемъ, дражайшее отечество, въ услугахъ тебѣ оказанныхъ вѣрными твоими сынами — дворянами древнихъ фамилій! Вы, будьте мнѣ свидѣтелями, самыя тѣ мѣста, гдѣ мы, по волѣ нашей монархини, матери отечества, для нашего благополучія собраны! Не вы ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были ли посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто же въ гибели твоей, Россія, подаль тебѣ руку помощи? То вѣрные твои чада, древніе русскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнію, они тебя освободили отъ чуждаго ига, они приобрѣли тебѣ прежнюю вольность. Мнѣ мнится зрѣть еще текущую кровь достойныхъ сихъ мужей и напоминающую ихъ потомкамъ тоже исполнять и такъ же жертвовать своею жизнію отечеству, какъ они учинили. Вотъ первое право требованія дворянъ древнихъ родовъ, чтобы никто съ ними безъ высочайшей власти не былъ сравненъ. Но они, сею

любовію побужденные, не затворятъ надменностію врата для доблести, а хотятъ, чтобы желающіе войти къ намъ въ собратство удостоились того истинною добродѣтелью, которую бы самъ монархъ увѣнчалъ дворянскимъ званіемъ.“

Одушевленіе оратора, если не сила его доводовъ, доставило ему успѣхъ: послѣ его голоса всѣ депутаты Московской и Нижегородской губерній заявили что согласны съ его мнѣніемъ, и кромѣ того 27 другихъ депутатовъ, почти исключительно отъ дворянскихъ обществъ.

Судя по содержанію нѣсколькихъ послѣднихъ рѣчей и особенно рѣчи главнаго оратора дворянской партіи, князя Щербатова, произнесенной дрожащимъ отъ волненія голосомъ, мы въ правѣ заключать что нѣкоторыя засѣданія комиссіи были далеко не лишены драматическаго движенія, и не можемъ не пожалѣть что отчеты о нихъ дошли до насъ исключительно въ формѣ *Дневныхъ записокъ*, имѣющихъ канцелярскій характеръ. Мы должны заключить также что собраніе пользовалось достаточною по тогдашнимъ понятіямъ свободой, и это заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что маршалъ собранія, Бибиковъ, лично не сочувствовалъ разработкѣ вопросовъ посредствомъ публичныхъ преній. Въ гораздо позднѣйшія и болѣе просвѣщенныя времена едва ли не было бы принято подѣ рукою мѣръ чтобы успокоить собраніе; но мы видимъ изъ изслѣдованія г. Полѣнова что, послѣ засѣданія 21-го сентября, еще пять засѣданій было посвящено обсужденію постановленій о дворянствѣ. 24-го сентября послѣдовало нѣсколько возраженій на мнѣнія органомъ коихъ былъ князь Щербатовъ; депутатъ Терскаго казачьяго войска, Миронъ, сказалъ между прочимъ:

„Проживая на персидской границѣ, близъ горскихъ, беззаконныхъ и звѣрообразныхъ дикихъ народовъ, видимъ что они не щадятъ свой родъ, убиваютъ брать брата и самихъ родителей, а умертвить Русскаго почитаютъ святымъ долгомъ. Если Русскій кого-либо изъ нихъ убьетъ, то они того убитаго признаютъ за святаго. Показывая на насъ свирѣпость свою пуце лютыхъ звѣрей, они не столько въ сраженіяхъ какъ внезапно всегда убиваютъ. Не надѣясь чтобъ и впредь было у насъ отъ нихъ спокойно, мы находимся во вседневныхъ предосторожностяхъ, отъ главнокомандующихъ всегда подтверждается чтобы денно и пощю были во всекой готовности. По сей сторонѣ рѣки Терека, а еще болѣе за рѣку, отъ частыхъ ихъ нападеній, мы никуда безъ ружья не ѣздимъ. Какъ предки наши во вседневней войнѣ обращались,

такъ и мы не видимъ себѣ отъ этихъ варваровъ покоя. Обо всемъ этомъ извѣстны военная и иностранная коллегіи. Находясь постоянно въ воинскихъ службахъ, въ виду проливающейся крови, мы считаемъ за должное воздать возможное благодареніе тѣмъ которые бываютъ въ сраженіяхъ и ознаменовываютъ себя храбрыми поступками. Итакъ къ слабому моему мнѣнію, почитаю справедливымъ прибавить и то чтобы получившіе въ военной службѣ оберъ-офицерскіе ранги были настоящими дворянами; а впрочемъ предаю все мною сказанное на разсужденіе почтеннѣйшаго собранія гг. депутатовъ.“

Съ гласомъ Мир онова согласились тринадцать депутатовъ отъ казачьихъ и поселенныхъ войскъ и отъ городовъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи депутатъ отъ Михайловскаго дворянства, Нарышкинъ, выставляя на видъ что разночинцы, получающіе вмѣстѣ съ чиномъ и дворянство, болѣе награждаются чѣмъ природные дворяне, а это-де несправедливо въ отношеніи сословія „которое считается у насъ чѣмъ-то священнымъ, отличающимъ человека отъ прочихъ“. Становясь на ту же точку зрѣнія, курскій депутатъ Стромилловъ заявляя что „въ обширной монархіи надобно быть особому роду, который бы имѣлъ обязанность служить государству, а изъ своей среды замѣщать власти среднія, поставленныя между государемъ и народомъ.... Родъ этотъ и есть дворянство, 'то-есть родъ посвятившій себя на жертву отечеству, съ бытіемъ и благополучіемъ котораго онъ составляетъ свое бытіе и благополучіе. Онъ защищаетъ отечество на войнѣ своею кровію; онъ сохраняетъ покой его во время мира трудами и радвніемъ.“ „Мнѣ кажется, прибавилъ Стромилловъ, что прочія сословія государства, какъ-то купеческое и крестьянское, не должны завидовать дворянству въ его преимуществѣ, ибо оно не только не дѣлаетъ имъ отягощенія, но напротивъ, прилагаетъ стараніе къ сохраненію собственной ихъ безопасности.“ Поэтому ораторъ желалъ чтобы дворянство не было обременяемо новыми родами, но чтобы и лицамъ другихъ сословій, „которыя изъ низшаго состоянія превзойдутъ дѣлами свое положеніе“, даруемо было дворянское достоинство, не иначе однакожь какъ дѣйствіемъ верховной власти. Говорившій въ слѣдующемъ засѣданіи депутатъ отъ Ржево-Владимірскаго уѣзда, Игнатьевъ, жаловался что приказные, покупая деревни и заводя фабрики, дѣлаютъ подрывъ природному дворянству. Клявскій депутатъ, Орловъ, развивая мысль

ораторовъ говорившихъ за исключительность дворянства, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Какъ скоро офицеръ, не имѣющій по своему рангу рожденія дворянскаго достоинства, сказалъ онъ, не можетъ быть дворяниномъ, то при этомъ слѣдуетъ сдѣлать распоряженіе, по которому офицеры не-дворяне, высшихъ и низшихъ классовъ, не могли бы командовать дворянами, хотя бы сіи послѣдніе были и ниже классами противъ первыхъ; ибо когда уже дворянское достоинство такъ много отаичается своими преимуществами отъ прочихъ государственныхъ родовъ, то лицо, рожденное съ правами сего достоинства, не должно быть подъ командой челоуѣка пользующагося меньшими правами, а тѣмъ менѣе свосить налагаемые отъ него штрафы. Если не-дворянинъ, потому только что офицеръ, станетъ командовать дворяниномъ-солдатомъ или офицеромъ низшаго его класса, то чрезъ сіе уничтожится различіе родовъ, притомъ же достойно будетъ сожалѣнія видѣть дворянина-солдата, какъ лицо рожденное въ высшемъ достоинствѣ, наказываемаго офицеромъ не-дворяниномъ.“

Обоянскій депутатъ Глазовъ, цитую слова *Nakaza*,—„хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми,“—выводилъ изъ нихъ что „кто не изъ дворянъ, тѣхъ въ чины не слѣдуетъ производить“. Онъ требовалъ „чтобы въ полкахъ, какъ въ кавалеріи, такъ и въ пѣхотѣ, не производить въ сержанты и вахмистры никого кромѣ дворянъ“, находя, подобно предшествовавшему оратору, что дворянинъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть подъ командой челоуѣка вышедшаго изъ разночинцевъ. Это оригинальное мнѣніе вызвало строгій, но спокойный протестъ со стороны воронежскаго депутата Теофилова; онъ сказалъ:

„Г. депутатъ Глазовъ полагаетъ чтобы не только въ офицеры, но даже и въ нижніе чины, то-есть въ унтеръ-офицеры, ни изъ какого другаго званія, кромѣ дворянъ, не опредѣлять. Но такого ограниченія ни отъ предковъ ея императорскаго величества, ни отъ самой нынѣ царствующей государыни никогда не было, да оно, по моему мнѣнію, не сообразно и съ самымъ естественнымъ закономъ; потому что во всѣхъ полкахъ Россійской Имперіи, не только унтеръ-офицерскихъ, но и оберъ-офицерскихъ чиновъ одно дворянство, по обширности арміи, замѣстать не можетъ. Притомъ же г. депутатъ Глазовъ въ мнѣніи своемъ не объяснилъ, за

какое преступленіе не производитъ разночинцевъ въ нижніе чины. Возможно ли также допустить чтобы, въ случаѣ ежели въ какомъ-либо полку, за недостаткомъ дворянъ, не кого будетъ произвести въ унтеръ-офицеры, требовать на ихъ мѣста, какъ это предлагаетъ г. депутатъ Глазовъ, отъ правительствующаго сената или отъ военной коллегіи? Но до присылки ихъ кто же будетъ исправлять унтеръ-офицерскую должность? Императоръ Петръ Великій, въ генеральномъ регламентѣ, въ XXXVI главѣ, между прочимъ узаконилъ чтобы служащихъ, по мѣрѣ ихъ заслугъ, награждать высшими чинами; равноумно и премудрая наша монархиня не съ тѣмъ оказываетъ матернее свое попеченіе о вѣрныхъ сыновъ отечества, чтобъ одинъ родъ возвысится, а другой унижить, но по вдохновенной въ сердцѣ ея отъ Всевышняго премудрости, она распространяетъ на всѣхъ своихъ вѣроподанныхъ милосердыя щедроты и всѣхъ желаетъ видѣть въ такомъ благополучіи, до какого счастье человеческое достигнуть можетъ. Поэтому въ ея намѣреніи нѣтъ не только того чтобы своихъ подданныхъ не жаловать въ чины, но напротивъ, она соизволила облагодетельствовать возведеніемъ чрезъ заслуги на степень дворянства, какъ о томъ въ большомъ *Наказѣ* въ 363 и 364 статьяхъ постановлено.“

Это былъ послѣдній голосъ по вопросу о правахъ дворянства. Въ засѣданіи 2-го октября маршалъ предложилъ, по окончаніи рѣчи Теофилова, передать въ дирекціонную комиссію какъ существующіе по этому предмету законы, такъ и поданныя депутатами мнѣнія, что и было принято.

Но чрезъ нѣсколько дней послѣ этого заключенія одинъ изъ эстляндскихъ депутатовъ подалъ въ комиссію представленіе, въ которомъ излагалъ что, такъ какъ во время преній о преимуществахъ дворянства „о дворянствѣ княжества Эстляндскаго ничего не упомянуто, а оное дворянство издревле немалыя и предпочтительныя по своимъ привилегіямъ преимущества имѣетъ“, то онъ „за долгъ званія и обязательства“ своего почитаетъ „при семъ случаѣ именемъ всего ея императорскаго величества вѣроподданнаго княжества Эстляндскаго, Вирскаго крейса рыцарства“, представить и просить, „чтобы въ проектѣ новаго уложенія и о эстляндскомъ дворянствѣ упомянуто было, дабы ему въ преимуществахъ своихъ въ силу ихъ высочайше подтвержденныхъ привилегій неотмѣнно остаться, въ чемъ я не мало и увѣренъ что сіе мое прошеніе всепочтенное гг. депутатовъ собраніе за должное и справедливое почтеть соблаговолить.“

Вслѣдъ за этимъ представленіемъ подобныя же ходатай-

ства были заявлены и со стороны лифляндскихъ депутатовъ. О приемѣ, какой они встрѣтили въ средѣ коммиссіи, мы узнаемъ изъ продолженія труда г. Полѣнова; по предложенію маршала, чтеніе лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій было отложено до ноября, а нынѣ напечатанная часть онаго оканчивается засѣданіемъ 2-го октября.

По напечатаннымъ доселѣ извѣстіямъ о Коммиссіи уложенія трудно сдѣлать какія-либо общіе выводы о ея дѣятельности; но нѣкоторыя частныя замѣчанія уже возможны. Въ 11 засѣданіяхъ, содержаніе которыхъ нами пересказано, мы находимъ выраженіе мнѣній нашихъ предковъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго устройства. Если мы съ живымъ любопытствомъ принимаемъ къ свѣдѣнію мнѣнія какого-нибудь мемориста, стихотворца, сатирика, стараясь уловить въ ихъ единичныхъ воззрѣніяхъ отголосокъ современнаго имъ общественнаго мнѣнія, то въ настоящемъ случаѣ мы можемъ считать себя вполне удовлетворенными: предъ нами высказалось само русское общество 1767 года въ лицѣ наиболее образованныхъ его представителей. Въ этомъ отношеніи извѣстія предложенныя г. Полѣновымъ не имѣютъ себѣ равныхъ въ нашей исторической литературѣ; это матеріалъ первостепенной важности для исторіи русской культуры. Читая рѣчи князя Щербатова, Кожина, В. Бибикова, Глазова и мн. др., поддерживаемыхъ большинствомъ собранія, мы должны заключить что съ образомъ ихъ мыслей нельзя было правительству не считаться. Петръ приказывалъ верстать дворянъ въ солдаты и матросы—и верстали; онъ приказывалъ чтобы каждый дворянинъ отдавалъ почесть и уступалъ мѣсто оберъ-офицеру—и это исполнялось. Но при Екатеринѣ общество, очевидно, уже далеко не такъ пассивно относилось къ своимъ правамъ. Читая оживленныя пренія о дворянскихъ правахъ, мы усматриваемъ одну изъ причинъ того разлада который нерѣдко замѣчается между словами и дѣйствіями Екатерины; этотъ разладъ не безъ основанія ставятъ ей въ упрекъ, но предъ нами доказательство что въ ея время уже не такъ легко было, какъ за 50 лѣтъ предъ тѣмъ, проводить тѣ или другія реформы, ломать и созидать по усмотрѣнію. Екатерина желала произвести нѣкоторыя улучшенія въ положеніи крѣпостныхъ людей, опредѣлить ихъ отношенія къ помѣщикамъ и обезпечить ихъ

имущественныя права: желаніе ея въ этомъ отношеніи въ всакаго сомнѣнія; но, говоритъ г. Полѣновъ въ своемъ предисловіи, когда въ засѣданіи 8-го мая 1768 года депутатъ козловскаго дворянства, артиллеріи поручикъ Коробьинъ, объяснилъ что много есть такихъ помѣщиковъ которые берутъ съ крестьянъ бѣльшія подати чѣмъ слѣдуютъ, что иные, войдя въ долги, отдають людей своихъ въ заработки, что есть и такіе, которые, увидѣвъ у крестьянина небольшое нажитое трудами имущество, отнимають оное, и когда этотъ депутатъ, сославшись на *Наказъ*, заявилъ что необходимо ограничить власть помѣщика надъ имѣніемъ крестьянина, не касаясь впрочемъ правъ на личность послѣдняго, то 20 депутатовъ заявили о желаніи говорить противъ Коробьина, и только три за него.

Не забудемъ, что постановленія Коммиссіи обязывали депутатовъ быть именно органами обществъ, которыя они представляли. Для этого каждый изъ нихъ и былъ снабженъ особымъ наказомъ отъ этихъ обществъ, и г. Полѣновъ тщательно собралъ и напечаталъ ихъ. Въ лежащемъ предъ нами *Сборникѣ* еще нѣтъ наказа отъ козловскаго дворянства, и мы, слѣдовательно, не можемъ сказать, согласовалось ли мнѣніе поручика Коробьина съ образомъ мыслей его избирателей, но въ большей части случаевъ депутаты держались наставленій которыя получили при своемъ избраніи. Это видно изъ сличенія депутатскихъ мнѣній съ напечатанными уже наказами. Поэтому изученіе этихъ наказовъ, о которыхъ мы досего времени знали единственно изъ небольшой статьи профессора Соловьева, представляетъ величайшій интересъ; мы однакожъ не сочли удобнымъ дѣлать это въ настоящей статьѣ, ибо это принудило бы насъ войти въ большія и нѣсколько сухія подробности, а потому мы ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями. Тридцать напечатанныхъ г. Полѣновымъ наказовъ принадлежать исключительно дворянскому сословію и центральнымъ мѣстностямъ Россіи. Отличительная черта ихъ—практичность. Про людей составлявшихъ эти указы можно повторить слова Карамзина, что они, „не зная теорій, знали Россію“ и еще болѣе свою мѣстность. Ни фразамъ, ни выспреннимъ мыслямъ нѣтъ мѣста въ требованіяхъ этихъ дѣльныхъ земледѣльцевъ. Почтивсѣ дворянскія собранія указываютъ что ѣздить въ Москву или Петербургъ для совершенія крѣпостныхъ актовъ по случаю продажи

и покупки имѣній, для совершенія духовныхъ или закладныхъ, невыгодно и неудобно. Почти все просятъ упрощенія дѣлопроизводства въ судахъ и развитія выборнаго начала, основаніе коему было положено избраніемъ предводителей дворянскихъ собраній, которыя назначали депутатовъ въ Коммиссію. Наказы ходатайствуютъ объ улучшеніи путей сообщенія, объ однообразіи мѣръ и вѣсовъ, объ учрежденіи полиціи, о равномерной раскладкѣ земскихъ повинностей и т. п. Они настаиваютъ также на своихъ сословныхъ правахъ, и въ этомъ случаѣ впадаютъ иногда въ исключительность, но это можно сказать далеко не о всехъ наказахъ.

Вышеизложеннаго, кажется, достаточно чтобы дать понятіе о важности изслѣдованія г. Полѣнова. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ какъ онъ исполнилъ свою задачу. Вышедшая до сего времени часть его труда состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ онъ излагаетъ событія предшествовавшія открытію Коммиссіи, говоритъ о поводахъ къ составленію новаго уложенія и сочиненію наказовъ и рассказываетъ съ большою подробностію о порядкѣ избранія депутатовъ въ Коммиссію въ Петербургъ, Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Второй отдѣлъ этого труда содержитъ изложеніе хода засѣданій со дня открытія коммиссіи до 2-го октября включительно, а третій заключаетъ въ себѣ тридцать депутатскихъ наказовъ. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ говоритъ отъ своего имени; третій есть голый матеріалъ, да и второй есть не что иное какъ изложеніе мѣній или голосовъ депутатскихъ съ небольшими оговорками отъ имени автора о томъ что и какъ происходило во время засѣданій. Наказы депутатскіе онъ напечаталъ согласно съ подлинниками, измѣнивъ только, разумѣется, произвольное и неправильное правописаніе нашихъ дѣдовъ; но голоса ихъ во время засѣданія онъ передалъ своими словами: „Понимая неприятное ощущеніе которое испытываютъ читающіе старинное наше писаніе, говоритъ г. Полѣновъ, мы имѣли въ виду устранить это чувство и сдѣлать чтеніе, а притомъ и пониманіе, доступнымъ не для однихъ специалистовъ.“ Такой способъ изложенія представляетъ однакожь въ изданіи подобномъ настоящему многія неудобства. Специалисты по части русской исторіи знаютъ г. Полѣнова по нѣсколькимъ чрезвычайно почтеннымъ его трудамъ; имъ извѣстна его добросовѣстность, какъ ученаго, въ другихъ случаяхъ, а потому

они сохранять къ нему довѣріе и въ настоящемъ. Тѣмъ не менѣе желательно чтобы и никто не могъ усомниться вполне ли вѣрно и вполне ли полно, то-есть безъ всякихъ ни пропусковъ, передаетъ оны мысли ораторовъ Коммисіи уложенія? Какъ бы въ предупрежденіе подобныхъ сомнѣній, авторъ приводитъ подлинникъ нѣсколькихъ депутатскихъ мнѣній, сохраняя даже правописаніе подлинниковъ. Мы слыхали ихъ съ текстомъ г. Полѣнова и нашли ихъ совершенно сходными; но мы нашли тоже что въ этихъ подлинникахъ непріятна только ихъ орфографія, между тѣмъ какъ языкъ весьма сносенъ; а потому мы полагаемъ что лежащая предъ нами книга немного потеряла бы въ отношеніи удобочитаемости еслибъ и мнѣнія, подобно наказамъ депутатовъ, были изложены слогомъ подлинниковъ, но вышедшимъ правописаніемъ; за то она получила бы никакому сомнѣнію не подлежащій характеръ достовѣрности: а это первое условіе въ изданіи подобнаго рода, которое, что бы ни говорилъ почтенный авторъ, едва ли очень распространится между специалистами.

П. Ц.

РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Церковное пѣніе въ Россіи. (Опытъ историко-техническаго изложенія.) Изъ уроковъ читавныхъ въ Консерваторіи при Московскомъ Музыкальномъ Обществѣ профессоромъ Консерваторіи и членомъ Константинопольскаго Музыкальнаго Общества, Дим. Разумовскимъ. Три выпуска. Москва 1867—1869. VII и 368 страницъ. Цѣна 4 руб.

Недавно вышелъ третій и послѣдній выпускъ замѣчательнаго труда Д. В. Разумовскаго, труда, который посвященъ малоизвѣстному, хотя и всѣми чтимому и любимому у насъ предмету, нашему православному церковному пѣнію. Исторія и современныя свойства нашего церковнаго пѣнія рѣзко отличаютъ его какъ отъ католическаго, такъ и отъ протестантскаго; несмотря на многія различія, господствующія между двумя послѣдними, между ними есть и многія общія черты, которыхъ нельзя усмотрѣть въ нашемъ богослужебномъ пѣніи. Но техника и исторія церковнаго пѣнія въ католическихъ и протестантскихъ странахъ тщательно обработаны во множествѣ ученыхъ трактатовъ, писанныхъ какъ музыкантами специалистами, такъ и духовными лицами, знатоками церковной исторіи, между тѣмъ какъ у насъ православное церковное пѣніе составляетъ, за самыми малочисленными исключеніями, невѣдомую область для музыкантовъ, знающихъ лишь музыку Запада, а изъ отечественной только новѣйшія, почти современныя произведенія. Въ виду малоизвѣстности этого интереснаго и важнаго предмета нельзя не привѣтствовать ученаго труда отца Разумовскаго съ полнымъ сочувствіемъ. Книга его во всякое время составила бы

важное приобрѣтеніе для нашей скудной музыкальной литературы. Но важность книги особенно бросается въ глаза, если взять въ соображеніе время ея появленія. Церковное пѣніе въ нашемъ отечествѣ въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ было поставлено въ самыя невыгодныя условія для своего развитія. Обширныя права и преимущества предоставленныя придворной пѣвческой капеллѣ, или, вѣрнѣе сказать, ея директору, въ особенности исключительное право цензуры духовно-музыкальных сочиненій и раздачи дипломовъ на званіе регента, присвоенное директору капеллы, не могли не отозваться самымъ вреднымъ образомъ на нашемъ церковномъ пѣніи. Директоры придворной капеллы сами были композиторами духовныхъ сочиненій, и потому соединеніе въ ихъ званіи судьи и судимаго не могло дать никакихъ гарантій въ безпристрастіи суда и, конечно, не могло способствовать развитію частной дѣятельности на поприщѣ духовно-музыкальнаго творчества. Чтò касается до обязательства всякаго регента выдержать экзаменъ и взять дипломъ въ придворной капеллѣ, то требованіе безусловнаго выполненія его привело бы къ величайшимъ затрудненіямъ, заставило бы бѣдныхъ искаателей мѣстъ изъ Астрахани или Тобольска путешествовать въ Петербургъ для полученія диплома. Почти этими же словами покойный митрополитъ московскій Филаретъ критиковалъ возрѣніе, снабдившее директора пѣвческой капеллы такою громадною привилегіей. Въ запискѣ представленной имъ Великому Князю Константину Николаевичу, * знаменитый архипастырь отнесся какъ къ привилегіямъ, такъ и къ дѣятельности придворной пѣвческой капеллы съ замѣтною неблагоклонностью. И дѣйствительно, если всякая монополія вредна, то монополія дарованная учрежденію не заявившему себя какими-либо особыми заслугами вредна вдвойнѣ. Между тѣмъ, гармонизаціи нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ отдѣльными директорами придворной капеллы, навримврь А. О. Львовымъ, представляютъ собой лишь глубокія искаженія тональности этихъ напѣвовъ, а самостоятельныя ихъ сочиненія, для которыхъ Бортианскій (самъ бывшій директоръ капеллы) сдѣлался постояннымъ образцомъ, не только слабы по технической постройкѣ, по мысли и изобрѣтенію, но и

* Записка эта напечатана въ книгѣ г. Сущкова: *Записки о жизни и времени святителя Филарета*, приложение XXVIII, стр. 61—65.

(что въ особенности важно) противорѣчатъ своему назначенію сладковучнымъ, мірскимъ, почти салоннымъ своимъ характеромъ. Такимъ образомъ обширныя преимущества выпали на долю учрежденія которое дало всему нашему церковному пѣнію направленіе отнюдь несогласное съ его основнымъ характеромъ, съ его первоначальнымъ духомъ, и скорѣе препятствовало чѣмъ способствовало обогащенію и развитію нашего церковнаго пѣнія. Къ счастью, въ настоящее время положеніе дѣла значительно улучшилось. Когда, года четыре тому назадъ, обученіе церковному пѣнію, ограничивавшееся только духовными училищами, было распространено на начальныя народныя училища въ сѣверо-западномъ краѣ, возникъ вопросъ о томъ кто имѣетъ право заниматься такимъ обученіемъ.* По мнѣнію заявленному директоромъ придворной пѣвческой капеллы, право это принадлежало только тому кто выдержалъ въ капеллѣ экзаменъ и получилъ Высочайше утвержденный аттестатъ придворной капеллы. Для разрѣшенія этого вопроса была назначена особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича. Коммиссія нашла что правило объ экзаменѣ и аттестатѣ отъ придворной капеллы касается только регентовъ епархіальныхъ и полковыхъ хоровъ, военно-учебныхъ заведеній и женскихъ институтовъ, а отнюдь не учителей народныхъ школъ. Далѣе коммиссія признала необходимымъ составить учебникъ церковнаго пѣнія для народныхъ школъ, и нѣкоторыя переложенія изъ богослужебныхъ книгъ напечатанныхъ святѣйшимъ синодомъ, и для этой цѣли учредить особый спеціальныи комитетъ изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ назначенныхъ по Высочайшему повелѣнію, трехъ членовъ назначенныхъ святѣйшимъ синодомъ и директора придворной капеллы. Заключенія коммиссіи удостоились Высочайшаго утвержденія, которое вослѣдовало 18-го марта 1866 года. Распространеніе въ народѣ церковнаго пѣнія есть предметъ величайшей важности и освобожденіе народныхъ учителей отъ стѣснительнаго требованія экзамена въ Петербургѣ есть первый шагъ къ постепенному освобожденію нашего церковнаго пѣнія отъ постановленій вредныхъ для его преуспѣванія.

* Слѣдующія за этимъ подробности я заимствую изъ книги отъ Разумовскаго, стр. 93—95.

Между тѣмъ вниманіе къ этой сторонѣ нашего искусства было возбуждено одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Князь В. Ѡ. Одоевскій, этотъ ученый знатокъ и благородный энтузіастъ, въ послѣдніе годы своей дѣятельной жизни написалъ нѣсколько статей, вышедшихъ въ послѣдствіи отдѣльными брошюрами, въ которыхъ выказалъ, съ одной стороны, ближайшее знакомство съ теоріей и практикой нашего богослужебнаго пѣнія, а съ другой—весьма оригинальный, цѣльный и выработанный взглядъ на этотъ предметъ. Н. М. Потуловъ въ Москвѣ предпринялъ гармонизацію (или, какъ у насъ выражаются, *переложеніе*) на четыре голоса нашихъ церковныхъ мелодій, гармонизацію строгую и простую, изъ которой были бы изгнаны всѣ свѣтскія, анти-церковныя прикрасы, всякое неумѣстное сладкозвучіе и сантиментальность. Такое же направленіе обнаружилось и въ гармонизаціяхъ Г. А. Ламакина, извѣстнаго превосходнаго хороваго учителя и дирижера въ Петербургѣ. Московская Консерваторія, открывшая свои курсы въ сентябрѣ 1866 года, съ перваго же дня своего существованія учредила у себя кафедрю *исторіи церковнаго пѣнія православной церкви*, на которую и былъ приглашенъ Д. В. Разумовскій, авторъ книги, заглавіе которой выписано выше. Такое оживленное вниманіе къ предмету, которому посвящена книга отца Разумовскаго, свидѣтельствуетъ что наше церковное пѣніе, долго замкнутое въ кругъ стародавней рутины или официальной обработки, начинаетъ выходить изъ этого круга, что ознакомиться съ нимъ сдѣлалось потребностью для читающей и учащейся массы, а очистить его отъ наростовъ времени и дать ему форму болѣе согласную съ достоинствомъ священнаго искусства—сдѣлалось потребностью для знатоковъ. Дѣйствительно, теперь наступила пора отнестись къ нашему церковному пѣнію сознательно и подвергнуть его точному изученію. Глубокое противорѣчіе въ его современномъ положеніи—съ одной стороны, неистощимыя сокровища великолѣпныхъ древнихъ мелодій (заключающихся въ нотныхъ книгахъ, изданныхъ св. синодомъ, въ обиходѣ, октоихѣ, ирмологіи и праздникахъ), съ другой стороны, скудость, блѣдность и безцвѣтность гармоническихъ обработокъ (заключающихся напримѣръ, въ изданіяхъ придворной пѣвческой капеллы) заставляютъ любителя церковнаго пѣнія серьезно задуматься надъ причинами прискорбнаго факта происходящаго на его

глазахъ. Причинъ много — и я въ другомъ мѣствѣ (въ моей статьѣ *Мысли о музыкальномъ образованіи въ Россіи*, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1869 г., № 7) постарался освѣтить тѣ изъ нихъ которые относятся къ области музыкальной техники. Нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ познаніяхъ, какія у насъ есть, не можетъ быть хорошей церковной музыки, потому что не можетъ быть никакой хорошей музыки. Но примѣръ другихъ странъ показываетъ намъ до какого ничтожества можетъ доходить церковная музыка и при отличномъ состояніи музыкальной техники. Надобно, слѣдовательно, еще другое: надобно проникнуться духомъ вѣющимъ въ нашихъ подлинныхъ церковныхъ напѣвахъ, надобно прежде всего подробно ознакомиться съ этими напѣвами и ознакомиться не только эмпирически, но и сознательно, систематически. Вотъ почему *историко-техническое* изложеніе, какъ опредѣляетъ свой трактатъ отецъ Разумовскій, именно для этого предмета составляло современную потребность. Къ удовлетворенію этой потребности теперь сдѣланъ первый шагъ выходомъ въ свѣтъ изслѣдованія ученаго автора.

Трактатъ отца Разумовскаго носить на себѣ всѣ признаки добросовѣстѣйшей ученой работы. Въмѣствѣ съ покойнымъ княземъ Одоевскимъ, авторъ книги *Церковное пѣніе въ Россіи* принадлежитъ къ крайне немногимъ у насъ знатокамъ православнаго церковнаго пѣнія. Какъ знатокъ церковной археологіи, отецъ Разумовскій при составленіи своей книги былъ поставленъ въ выгодныя условія для того чтобъ освѣтить исторію нашей церковной музыки со стороны обыкновенно недоступной для музыкальныхъ изслѣдователей. Множество археологическихъ подробностей, множество хронологическихъ данныхъ могли появиться въ его книгѣ именно только благодаря его обширнымъ знаніямъ по исторіи нашей церкви. Для музыканта же его книга представляетъ особенный интересъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ система техники нашихъ гласовъ, и какъ обширный семейографическій лексиконъ. Послѣдняя сторона обработана въ приложеніяхъ, составляющихъ третій выпускъ, который вышелъ въ нынѣшнемъ году; первая составляетъ содержаніе 4, 5, 6 и 7 главъ II отдѣленія, напечатаннаго отчасти въ первомъ, отчасти во второмъ выпускѣ. Техника гласовъ набросана отцомъ Разумовскимъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, или, вѣрнѣе

сказать, ученый авторъ ограничился техникой однихъ только *гласовъ* (или того что въ древней музыкѣ соотвѣтствуетъ *тональностямъ* новѣйшей музыки), не вдаваясь въ анализъ технической постройки самихъ *мелодій*, построенныхъ на фундаментѣ церковныхъ гласовъ. Однако, эта постройка содержитъ въ себѣ много чрезвычайно любопытнаго, и было бы желательнo увидать со временемъ въ другомъ сочиненіи опредѣленіе ея главныхъ, наиболѣе постоянныхъ явленій. Что касается до семейографіи, то важность труда отца Разумовскаго въ этомъ отношеніи бросается въ глаза. На двухъ стахъ слишкомъ страницахъ третьяго выпуска изложенъ сложный и запутанный алфавитъ нашихъ церковно-музыкальныхъ *крюковъ*, которыми написаны наши богослужебныя книги, послужившія источниками для поздѣвшихъ или такъ-называемыхъ *нотно-линейныхъ* книгъ. Знаніе этой древней нотной азбуки необходимо для всякаго серьезнаго изслѣдователя нашей музыкальной старины, и нельзя не пожелать чтобы наши музыканты успѣшили обратить свои силы на изученіе важнаго предмета, для котораго Д. В. Разумовскій предлагаетъ имъ такое превосходное пособіе. Теперь, когда первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ ученымъ археологомъ, и сдѣланъ съ величайшею добросовѣстностью и осмотрительностью, стало необходимымъ чтобы второй шагъ былъ сдѣланъ не менѣе добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ, но непременно специально-музыкальнымъ изслѣдователемъ. Самая слабая часть въ книгѣ отца Разумовскаго—музыкальная. Несмотря на живое и дѣятельное участіе которое принималъ въ редакціи этой книги князь В. Ѡ. Одоевскій, снабдившій ее примѣчаніями въ выноскахъ (мы упоминаемъ объ этомъ участіи на основаніи предисловія самого автора), въ *Церковномъ пѣніи въ Россіи* можно найти не мало промаховъ противъ исторіи музыки. Несмотря на все уваженіе мое къ почтенному труду ученаго автора, несмотря на благодарность которую должны чувствовать къ нему русскіе музыканты за важное пособіе которымъ онъ обогатилъ нашу скудную литературу, я считаю себя не въ правѣ умолчать объ ошибкахъ вкрапившихся въ его сочиненіе. На 7-й страницѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ древне-греческихъ ладовъ, смѣшивая ихъ съ ладами грегорианскаго пѣнія (такъ-называемыми церковными ладами), которые однакоже никогда въ древней церкви не носили древне-греческихъ названій. Церковнымъ ладамъ

христианскаго времени эти названія присвоены лишь средне-вѣковыми теоретиками-монахами, и притомъ такъ что одинаковыя названія припелись на разныя гаммы. Такъ, напримеръ, тотъ ладъ который въ новѣйшей теоріи (по номенклатурѣ Глазеева) названъ *фригійскимъ*, у Грековъ назывался *дорійскимъ*, и наоборотъ; ладъ который мы называемъ *іонійскимъ*, въ древности назывался *лидійскимъ*, и наоборотъ, и т. д. Далѣе, на страницахъ 32—33, авторъ старается доказать что въ первыхъ вѣкахъ нашего лѣтосчисленія древніе христіане пѣли аккордами. Трудно понять почему почтенный авторъ, для поддержки своей гипотезы, приводитъ самыя гадательныя, умозрительныя доводы, когда существуютъ положительныя доказательства того что древнѣйшія гармоническія попытки (далеко еще не бывшія *аккордами*) относятся къ IX столѣтію по Р. Х. Гукбальдъ Сентъ-Аманскій былъ если не первый, то во всякомъ случаѣ одинъ изъ первыхъ которые попытались сопровождать мелодію параллельными квартами и квинтами, а между тѣмъ Гукбальдъ умеръ въ 930 году по Р. Х.; фактъ этотъ не безызвѣстенъ и самому почтенному автору, который въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 19) говоритъ: „Пѣніе всей христіанской церкви, въ продолженіе первыхъ семи вѣковъ ея, было только мелодическое. Неоднократное указаніе на это можно найти въ твореніяхъ св. отцовъ церкви.“ Слѣдуютъ цитаты. Совершенно вѣрно показаніе автора *Церковное пѣніе* на 19 страницѣ можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ неосновательной гипотезы, развиваемой на 32—33 страницахъ. Но гораздо болѣе странный промахъ случился на страницѣ 85. Здѣсь приводятся слѣдующія слова какого-то „автора теоріи музыки“, фамиліи котораго отецъ Разумовскій не сообщаетъ: „всѣ писатели согласны въ томъ что изобрѣтеніе писать ноты на пяти линіяхъ и между линіями принадлежить парижскому доктору Мурису. „Онъ жилъ въ концѣ XVI * столѣтія“, и пр. Впервыя, ноты, о которыхъ говоритъ авторъ (менсуральныя ноты), постепенно образовались въ XII вѣкѣ, а обычай писать музыкальные знаки на линіяхъ введенъ Гвидономъ Аретинскимъ еще гораздо ранѣе (Гвидонъ родился около 990 г., а умеръ около 1050). Въ среднихъ вѣкахъ нотная

* Что цифра XVI здѣсь не опечатка доказывается всею слѣдующею за нею аргументаціей.

система имѣла сначала двѣ линіи, потомъ четыре, пять, семь и болѣе (до четырнадцати), но число линій здѣсь нисколько не важно: важна форма ноты (знака, совмѣщающаго въ себѣ понятіе о *высотѣ* и понятіе о *продолжительности* звука) и приемъ ставить ноту на опредѣленную высоту нотной линіи системы. Вовторыхъ, Іоаннъ де-Мурисъ не изобрѣлъ ни ноты, ни пятилинейной системы. Втретьихъ, онъ жилъ не въ XVI столѣтіи, такъ какъ одно изъ его сочиненій помѣчено 1321 годомъ; а другое—1345. (См. Фетиса *Biographie universelle des musiciens* „второе изданіе, томъ VI, стр. 265—266.) Не можетъ также быть чтобы „авторъ теоріи музыки,“ надѣлавшій столько ошибокъ въ столь немногихъ словахъ, говорилъ о другомъ Мурисъ, такъ какъ во всей исторіи есть только одинъ музыкантъ этого имени. Послѣднія главы второго выпуска *Церковнаго пѣнія въ Россіи* (отдѣленіе III, гл. IV—VII) содержатъ сужденія автора о духовно-музыкальныхъ композиторахъ въ Россіи. Хотя съ большинствомъ этихъ отзыовъ трудно согласиться, по причинѣ ихъ необычайной снисходительности, однако здѣсь было бы слишкомъ длинно вступать съ почтеннымъ авторомъ въ преніе о достоинствахъ Бортнянскаго, Турчанинова, Львова и другихъ. Замѣчу только что у отца Разумовскаго удивительно уживаются вмѣстѣ хвалебные отзывы о Бортнянскомъ (стр. 233) съ явнымъ сочувствіемъ къ Н. М. Потулову (стр. 257—258), тогда какъ направленія этихъ двухъ дѣятелей диаметрально-противоположны и даже взаимно исключаются. Столь же странно видѣть эти похвалы Бортнянскому при неблагоприятныхъ отзывахъ о Сарти и Галуппи (стр. 226—227), тогда какъ Бортнянскій былъ лишь подражателемъ этихъ италіянскихъ композиторовъ, и сочиненія его, нисколько не возвышались надъ уровнемъ Сарти въ отношеніи религіозномъ, далеко ниже этого уровня въ отношеніи музыкальномъ. Въ главѣ VII III отдѣленія своей книги отецъ Разумовскій говоритъ о западныхъ композиторахъ времени Возрожденія, и здѣсь встрѣчаются слѣдующія невѣрности: на стр. 253 авторъ говоритъ что Палестрина первый написалъ для голосовъ мессу однимъ трезвучіями и безъ такта. Мессы Палестрины, между тѣмъ, отличаются отъ мессы его предшественниковъ только большею прелестью, большею стройностью и совершенствомъ, но по техническимъ признакамъ совершенно сходны съ мессами Климента не-папы, Жоскина, Гомберта, Голландера,

Пьера де-ла-Рю, Луазе Компера, Гаспара и мн. др., живших до Палестрины въ первой половинѣ XVI столѣтія, а по тѣмъ двумъ признакамъ которые приводитъ отецъ Разумовскій (преобладанію трезвучій и отсутствію *на бумагахъ* тактовыхъ раздѣленій) даже совершенно сходны съ мессами Дюфъ, Беншуа Бюнуа, Охенгейма, Гобрехта, жившихъ еще въ XV столѣтіи. Далѣе, на стр. 254, отецъ Разумовскій говоритъ: „Ближайшимъ послѣдователемъ Палестрины почитается величайшій изъ нидерландскихъ контрапунктистовъ *Орlando ди-Лассо*“. На дѣлѣ, Палестрина жилъ 1514—1594, а Орlando Лассо 1520—1594, и Орlando Лассо принадлежалъ совершенно къ другой школѣ (позднѣйшей нидерландской) нежели Палестрина (Палестрина былъ главою римской школы). Были, слѣдовательно, и хронологическія, и техническія причины, вслѣдствіе которыхъ Орlando Лассо не могъ сдѣлаться *послѣдователемъ* Палестрины. На той же страницѣ, нѣсколько ниже, мы читаемъ: „Композиторы вокальной церковной музыки (Нанини, Витторія, Аперіо, Аллегри, Габриелли и пр.) жившіе столѣтіемъ позднѣе Палестрины и Орlando ди-Лассо, подъ вліяніемъ успѣховъ музыкальной науки, значительно уже уклонились отъ простоты етія и главной цѣли Палестрины“. Въ этомъ отзывѣ сдѣланы ошибки: 1) противъ хронологіи; 2) относительно стиля упомянутыхъ композиторовъ. Я уже приводилъ цифры годовъ рожденія и смерти Палестрины: 1514 и 1594. Приведу также года рожденія и смерти музыкантовъ перечисленныхъ отцомъ Разумовскимъ. Іоаннъ-Марія Нанини жилъ 1540—1607 г. и *вмѣстѣ съ Палестриной* учился у Гудимеля. Ома-Лудовикъ Витторія родился около 1540, умеръ около 1608 года. Что касается до Аперіо, то извѣстны два брата этого имени: Феликсъ Аперіо, который былъ преемникомъ Палестрины въ должности капельмейстера Сикстинской капеллы, родился около 1560 г., а Іоаннъ-Францискъ Аперіо, извѣстный своею арранжировкой знаменитой Палестриновской мессы *parae Marcelli* (первоначально написанной для шести голосовъ) на 4 голоса, родился въ 1569 г.; года смерти обоихъ братьевъ въ точности неизвѣстны. Григорій Аллегри, прославившійся своимъ *Miserere*, до сихъ поръ на Страстной недѣлѣ исполняемымъ въ Сикстинской капеллѣ, родился въ 1560 г., умеръ въ 1652. Подъ именемъ Габриелли также извѣстны два композитора: Андрей Габриелли, родившійся около 1510 года и умершій въ 1586 г., и племян-

никъ его Иоаннъ Габріелли, родился въ 1557, а умеръ въ 1612 или 1613 году. Этотъ послѣдній гораздо извѣстнѣе своего дяди. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ композиторовъ всѣхъ временъ, и его, вѣроятно, имѣлъ въ виду отецъ Разумовскій. Какъ видно изъ этого перечня, не одинъ изъ упомянутыхъ авторомъ музыкантовъ не жилъ столѣтіемъ позже Палестрины, а большинство изъ нихъ были его современники. Что же касается до стиля, то слѣдуетъ сдѣлать различіе между двумя Габріелли и всеми остальными поименованными классиками. Аллегри и братья Аперіо, жившіе немного позже Палестрины, были прямые его подражатели; Наннини и Витторія, его современники, вмѣстѣ съ нимъ находились подъ вліяніемъ Гудимеля, и по стилю какъ нельзя болѣе родственны Палестринѣ (можно даже допустить что они испытали на себѣ его вліяніе). Всѣ пять художниковъ, здѣсь поименованные, принадлежатъ къ *римской* школѣ, главою которой былъ Палестрина, и какъ по духу, такъ и по фактурѣ своихъ произведеній, стоятъ гораздо ближе къ Палестринѣ нежели Орландо-Лассо, котораго отецъ Разумовскій называетъ „ближайшимъ послѣдователемъ“ Палестрины. Остаются двое Габріелли, Андрей и Иоаннъ, которые стоятъ во главѣ *венеціанской* школы, и дѣйствительно отличаются стилемъ отъ Палестрины, особенно Иоаннъ Габріелли, который съ гениальною смѣлостью ввелъ въ музыку хроматическія и диссонирующіе гармоніи, въ небывалой до него мѣрѣ. Только развѣ относительно его справедливо что онъ „подъ вліяніемъ успѣховъ музыкальной науки, значительно уклонился отъ простаго стиля Палестрины“. Но кто знаетъ великолѣпныя произведенія Иоанна Габріелли, кто на себѣ испыталъ дѣйствіе этихъ могучихъ голосовыхъ массъ, цвѣтонирующихъ смѣлыя и величавыя гармоніи *, тотъ, конечно, въ уклоненіяхъ главы венеціанской школы отъ римской трезвости и простоты не увидитъ упадка религіозной музыки, а лишь новое и драгоцѣнное для нея приобрѣтеніе послѣ Палестриновскаго стиля. Совсѣмъ другое дѣло *неаполитанская* школа, появившаяся около полутораго лѣтъ послѣ Палестрины: у той дѣйствительно, говоря словами отца Разумовскаго, „церковная

---

* Посѣтителю концертовъ Русскаго Музыкальнаго Общества въ Москвѣ въ теченіе нынѣшняго сезона, вѣроятно, услышать одно или нѣсколько произведеній этого безсмертнаго композитора.

музыка измельчала, и подпала подъ вліяніе концертной виртуозности и оперной музыки“.

Я счелъ долгомъ указать на нѣкоторые промахи въ книгѣ отца Разумовскаго, но въ заключеніе не могу не высказать что эти легко-поправимые промахи исчезаютъ предъ важными положительными сторонами его труда и его заслугами относительно области сдѣлавшейся доступною изученію лишь благодаря его ученому и добросовѣстному изслѣдованію.

ЛАРОШЪ.

ПОПРАВКА. Въ № 8 *Русскаго Вѣстника*, въ статьѣ „Пребываніе Сперанскаго въ Перми“, стр. 746, въ числѣ пермскихъ знакомыхъ Сперанскаго названъ *Д. Е. Смышляевъ*; слѣдуетъ читать: *Д. Е. Смышляевъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ВОСЕМЪДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

СЕНТЯБРЬ.

	Стр.
Самозванецъ Степанъ Малый. (Окончаніе.) <i>В. Макушева.</i>	5 ✓
Процессъ Лезюрка и вопросъ о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ. (Окончаніе.) <i>М. С. Гольденвейзера.</i>	35
Судьбы папской власти при Наполеонѣ I. <i>Е. М. Θεокτισ-това.</i>	63
Путешествіе царскаго посольства изъ Вѣны въ Москву въ 1655 году. Переводъ съ сербскаго <i>К. Петковича.</i>	137 ✓
Пембе. Разказъ изъ эпиро-албанской жизни. <i>К. Н. Леонтьева.</i>	166 ✓
Японія съ точки зрѣнія христіанской миссіи. Геромонаха <i>Николая.</i>	219
Елтонскій соляной промыселъ. <i>Д. П. Гаврилова.</i>	265
Польскіе агенты въ Царѣградѣ. Гл. II. <i>В. И. Кельсиева.</i>	290
Экономическая корреспонденція. <i>Густава де-Молинали.</i>	303
По поводу послѣднихъ законовъ о православномъ духовенствѣ въ Россіи. <i>П. К. Щербальскаго.</i>	349

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Булгамптонскій викарій. Романъ. Соч. Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. I—VIII. ✓

О К Т Я Б Р Ъ .

Стр.

Наши охранители и наши прогрессисты. <i>В. П. Безобразова.</i>	339
✓ Польская молодежь западнаго края въ мятежъ 1861—1863 годовъ. Гл. IX—XIII. <i>С. А. Раѣковскаго.</i>	487
✓ Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ. <i>Л. Нелюбова.</i>	561
✓ Изъ современныхъ лѣтописей раскола. IV. <i>Н. И. Субботина.</i>	602
✓ Гумбольдтовъ праздникъ. <i>В.</i>	633
✓ Панургово стадо. Романъ. Часть третья. Гл. I—XVI. <i>В. В. Крестовскаго.</i>	664
Коммиссія уложенія. <i>Сборникъ Русскаго Историческаго Общества</i> , т. IV. Спб. 1869 г. II. III.	746
✓ Русская музыкальная литература. <i>Церковное пѣніе въ Россіи. (Опытъ историко-театрическаго изложенія.) Г. А. Лароша.</i>	773

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

✓ Булгамптонскій викарій. Романъ. Соч. Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. IX—XVI.	
--	--

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФИИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 р.

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые полтора года его существованія. Цѣна 30 к., съ перес. 50 к.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДІЯ съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. А. Аваньева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССИИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 к., съ пересылкой 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 8 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа, Соч. академика Стефана. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудравцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

ПОЛНѢЙШІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ВСѢХЪ
НА 1870 ГОДЪ.

Изданіе Вас. Егор. Генкеля.

Календарь этотъ, предназначенный для дѣловыхъ людей всѣхъ сословій и званій, заключаетъ въ себѣ въ сжатомъ видѣ ВСѢ СПРАВОЧНЫЯ СВѣДѢНІЯ, НЕОБХОДИМЫЯ ДЛЯ КАЖДАГО ВЪ ЖИТЕЙСКОМЪ БЫТУ. Въ приложеніяхъ помѣщены: I. Портреты *Государя Императора Александра II* и *кн. Горчакова*. Президента *Гранта* и вице-президента *Кольфокса*. Короля *Георгія I* и *Ризаса-Рангаве*. Султана *Абдула-Азиса* и вице-короля *Измаила-паши*. Регента маршала *Серрано* и маршала *Прима*. Англ. министр. *Гладстона* и *Брайта*. II. Алфав.-справ. перечень государей русскихъ и замѣчательныхъ особъ ихъ крови, сост. *М. Д. Жыровымъ* (205 историко-біограф. статей). III. Некрологъ 1868—69. IV. Перечень правит. узаконеній 1868—69. V. Происшествія, случаи и открытія 1868—69.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к., въ англ. перепл. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. При требованіи 5 или болѣе экзempl. за пересылку не прилагается.

Требованія адресуются: *Вас. Егор. Генкелю*, въ С.-Петербургу, у Пѣвческаго моста, въ домъ Утина, кв. № 37.

8.820.

первой молодости положила избѣгать. Она рѣшила что не будетъ позволять ухаживать за собою, что не дастъ ни мужчинамъ, ни женщинамъ права называть ее кокеткой, что если любовь и мужъ встрѣтятся, такъ она приметъ ихъ съ благодарностью, а если не встрѣтятся, такъ пойдетъ дальше своимъ путемъ, спокойно, не жалѣя, если возможно, о томъ что не достались ей радости семейной жизни, и во всякомъ случаѣ не обнаруживая сожалѣнія. А теперь она запуталась, и нельзя сказать даже что не по своей винѣ.

Затѣмъ она рѣшила что впередъ не будетъ уже сбиваться съ пути истиннаго. Не можетъ быть чтобы женщина не могла уберечься отъ этихъ путей ухаживанья съ одной стороны и сомнѣнія съ другой, если только она будетъ твердо держаться какого-нибудь надежнаго правила. Слѣдовало сразу, не колеблясь и напрямикъ отказать Джильмору. Теперь это стало ей ясно. Нелѣпность, ради искренности человѣка держать его въ неизвѣстности и ожиданіи, для его же пользы. Нелѣпность и великое самолюбіе. Теперь дѣлать нечего какъ только ждать покуда получится отъ него извѣстіе, и тогда отвѣтить ему твердо. Послѣ всего что было, нельзя ей пойти къ нему и сказать что теперь все кончено. Онъ придетъ сегодня вечеромъ и навѣрное не скажетъ ей ни слова объ этомъ. А если заговорить, если повторить свое предложеніе, тогда она выскажется. Однако это весьма невѣроятно, и слѣдовательно созданная ею путаница останется до времени не распутанною.

Такъ разсуждая, она облокотилась на заборъ и глядѣла на кладбище: не любовалась она гробницами и памятниками, и старую, плутомъ обвитую башней, не думала о лежащихъ здѣсь покойникахъ и о живыхъ, приходящихъ сюда на молитву, а клялась себѣ что впередъ всю жизнь будетъ держаться далеко отъ дѣвичьихъ проказъ, какъ выражалась она. Какъ и другія дѣвицы, она читала много романовъ и стиховъ, но никогда не сочувствовала героинямъ которыя не сохраняли серіозности въ любви отъ начала до конца, а позволяли себѣ уклоненія отъ прямаго пути и легкомысленную шаловливость. Изъ всѣхъ героинь болѣе всего нравилась ей Розалинда, потому что, съ перваго пробужденія въ ней чувства, она знала очень хорошо чего хочетъ, и отъ души любила своего суженаго. Розалинду называла она лучшею изъ всѣхъ дѣвушекъ описанныхъ въ прозѣ или поэзіи. Ей

по-сердцу пришелся человѣкъ, и нѣтъ въ ней ни сомнѣній, ни колебаній. Но Флора Макъ-Иворъ возмутительна: дѣвушка которая дѣлаетъ шагъ впередъ и тотчасъ же отступаетъ назадъ, и хочетъ и не хочетъ, и можетъ и не можетъ, это, казалось ей, худшая изъ кокетокъ.

Пока она бранила себя, сравнивая съ Флорой, только безъ поэзіи и романтической обстановки, мистеръ Фенвикъ появился изъ-за церкви со стороны фермы Тромбула и вошелъ на кладбище черезъ калитку.

— Что это вы, Мери, такъ пристально смотрите на мѣсто гдѣ покоятся ваши отшедшіе братья?

— Я не объ нихъ думала, отвѣчала она съ улыбкой. — Мысли мои заняты были еще живущими братьями моими.

Вдругъ ей какъ будто что-то пришло въ голову, и она внезапно рѣшилась.

— Мистеръ Фенвикъ, сказала она, — вы не откажетесь пройти со мной раза два по кладбищу? Мнѣ нужно кое-что сказать вамъ.

Онъ отворилъ ей ворота, она подошла къ нему.

— Я хочу попросить у васъ прощенія и оправдаться въ вашихъ глазахъ. Я знаю что вы на меня сердитесь.

— Не сердился, а досадовалъ. Но вы такъ искренно и мило извиняетесь что не могу не простить васъ. Вотъ вамъ моя рука. Всѣ дурныя мысли я выброшу изъ головы. Желанія мои все-таки останутся при мнѣ, но я не буду дуться на васъ.

— Вы такъ добры, такъ глубоко благородны. Право, Жанета кажется мнѣ счастливѣйшею женщиной въ свѣтѣ.

— Полноте, полноте, я пришелъ къ вамъ сюда не для того чтобы слушать такія любезности.

— Да вѣдь это такъ. Впрочемъ, и я не съ тѣмъ васъ остановила, а для того чтобы сознаться въ моей винѣ и просить у васъ прощенія.

— Прощаю отъ души. Если было въ чемъ несогласіе между нами, оно будетъ забыто. Да только въ одномъ и были мы несогласны.

— И вотъ еще что, мистеръ Фенвикъ. Сдѣлайте вы это для меня. Скажите ему что я не подумавъ согласилась чтобъ онъ ждалъ. Зачѣмъ ему ждать? Конечно, ждать ему не слѣдуетъ. Когда я увижу, скажите ему такъ, и попросите оставить

все это. Я не подумала хорошенько, иначе я не дала бы ему мучить себя.

Послѣдовало молчаніе. Они шли рядомъ по дорожкѣ.

— Нѣтъ, Мери, заговорилъ онъ немного спустя, — я не скажу ему этого.

— Почему же, мастеръ Фенвикъ?

— Потому что отъ такого рѣшенія не будетъ добра ни ему, ни мнѣ, ни Жанетъ, ни вамъ самимъ наконецъ.

— Право, добро будетъ всѣмъ намъ.

— Мнѣ кажется, Мери, вы не совсѣмъ такъ понимаете. Здѣсь нѣтъ никого кто бы не желалъ чтобъ вы поселились среди насъ, сдѣлались бы настоящею булгамптонскою обывательницей. Я желаю чтобы вы стали женой моего лучшаго друга и моею ближайшею сосѣдкой. Нѣтъ на свѣтѣ мужчины котораго я любилъ бы больше чѣмъ Гарри Джильмора, и я хочу чтобъ вы вышли за него замужъ. Я и себѣ, и Жанетъ двадцать разъ говорилъ что такъ и будетъ рано или поздно. Я разсердился не за то что вы велѣли ему ждать, а за холодность вашу, что вы не рѣшились взять его сразу. Надо помнить что мы сдѣдемъ очень скоро, Мери.

Вотъ опять та же старая пѣсня которую уже слышала она отъ Гарри Джильмора, но не ожидала услышать отъ Франка Фенвика. Рѣчь клонилась къ тому что и онъ совѣтуетъ ей подождать, испытать себя. Но она уже рѣшилась и не намѣрена была отступить отъ своего рѣшенія даже по совѣту Франка Фенвика.

— Я думала, вы мнѣ поможете, сказала она очень тихо.

— Я радъ помочь вамъ сдѣлаться хозяйкой Вязниковъ, но пальцемъ не пошевелю чтобы воспрепятствовать этому. Такъ этому быть, Мери. Онъ такъ искрененъ, такъ честенъ, такъ достоинъ счастья, котораго добивается, что не можетъ не достигнуть своей цѣли. Войдемте въ домъ. Помните же, мы съ вами опять живемъ душа въ душу, что бы тамъ ни было. Признаюсь, я досадовалъ на васъ послѣдніе дни, я былъ не въ такомъ настроеніи въ какомъ слѣдуетъ проститься съ вами предъ отъѣздомъ. Я оставляю все это. Мы съ вами опять друзья, не такъ ли?

— Надѣюсь что такъ, мистеръ Фенвикъ.

— Не будетъ между нами недомолвокъ. Но дѣйствовать такъ чтобы разлучить васъ съ Джильморомъ я положительно отказываюсь. Я твердо увѣренъ что рано или поздно онъ

будетъ вашимъ мужемъ. Теперь пойдемте къ Жанетъ, а то она начнетъ считать себя покинутою Пенелопой.

Всѣмъ за тѣмъ Мери тотчасъ же отправилась на верхъ одѣваться къ обѣду. „Не уступить ли? Не надѣтъ ли голу-быя ленты которыя ему такъ нравятся?“ Ей казалось что она была бы въ состоянiи прямо сказать ему, еслибы рѣшилась уступить. Оно, правда, не совсѣмъ женственно, но все лучше чѣмъ мучить его. Она вынула голубыя ленты и стала пробовать какъ она ему скажетъ. Нѣтъ! Невозможно! Если она это сдѣлаетъ, такъ не будетъ для нея счастья въ этой жизни, да пожалуй и въ будущей. Поступить такъ значило бы солгать ему.

Она сошла внизъ въ простомъ бѣломъ платьѣ, безъ всякихъ лентъ, точь-въ-точь такъ, какъ одѣлась бы еслибы не ждала Джильмора. За обѣдомъ всѣ были очень веселы. Франкъ повелѣлъ чтобы Мери даровано было прощенье, и Жанета, конечно, повиновалась. Условiя общественной жизни требуютъ отъ хозяйина къ гостю и отъ гостя къ хозяйину любезности, доходящей чуть не до лести, и какъ часто однако посреди этихъ любезностей какъ будто слышится ненависть, насмѣшка, презрѣнiе. Какъ часто гость понимаетъ что его не любятъ, а хозяйинъ—что онъ наводитъ скуку. Въ послѣднiе два дня Мери чувствовала что присутствiе ея не вполне приятно хозяевамъ и знала что причина ихъ неудовольствiя такая которой нельзя устранить. Теперь все это кончилось: Франкъ Фенвикъ обращался съ нею какъ нельзя болѣе ласково, и Жанета слѣдовала примѣру своего повелителя.

Они опять сидѣли на лужайкѣ въ девятомъ часу, когда подошелъ къ нимъ Гарри Джильморъ. Онъ довольно любезно раскланялся съ Мери Лоутеръ, но постороннiй человекъ никакъ не подумалъ бы что онъ влюбленъ въ нее. Онъ говорилъ больше съ Фенвикомъ и за чаемъ не сѣлъ на диванъ подлѣ Мери. Скоро однако чувство его высказалось въ нѣсколькихъ словахъ.

— Какъ вы думаете что я дѣлалъ сегодня, Франкъ?

— Полагаю, убиралъ хлѣбъ.

— Уборку мы начинаемъ завтра. Я не люблю быть ни первымъ, ни послѣднимъ въ этомъ дѣлѣ.

— Лучше начать раньше днемъ чѣмъ днемъ опоздать, Гарри.

— Оставимъ это. Я ходилъ къ старому Бретю.

— Зачѣмъ?

— Почти стыдно сказать; а дѣло, однако, кажется, не дурное.

При этихъ словахъ онъ взглянулъ черезъ столъ на Мери Лоутеръ, которая, безъ сомнѣнiя, слѣдила непримѣтно за каждымъ движенiемъ его лица.

— Я заходилъ сказать ему что намѣренъ починить мельницу.

— Это по вашему желанiю, Мери, неблагоразумно сказала мистрисъ Фенвикъ.

— О, нисколько! Мистеръ Джильморъ поступилъ такъ, я увѣрена, лишь потому что самъ считалъ нужнымъ.

— Не знаю насколько оно нужно, сказалъ онъ.—Можетъ-быть, оно и не нужно бы. Эта трата не доставитъ мнѣ никакого дохода.

— Нельзя думать только о доходѣ, сказала мистрисъ Фенвикъ.

— Однако, когда строишь дома для людей постороннихъ, объ этомъ подумать не мѣшаетъ, замѣтилъ настоятель.

— Говорятъ, эта мельница самое живописное мѣсто во всемъ приходѣ, продолжалъ Джильморъ,—и что поэтому надо ее поддерживать.

Въ послѣдствiи Жанета замѣтила мужу что Мери Лоутеръ положительно называла мельницу самымъ живописнымъ мѣстомъ въ приходѣ, но что кромѣ нея, сколько извѣстно, никто не выражалъ такого мнѣнiя.

— А сверхъ того, когда я отказывался произвести починки, у Бретля были свои деньги, такъ и можно было требовать чтобъ онъ самъ починилъ мельницу.

— Теперь у него, должно-быть, денегъ немного.

— Кажется. Семейство ввело его въ большiе расходы. Онъ двухъ сыновей помѣстилъ въ торговое дѣло, и они вскорѣ умерли. И потомъ у него постоянно были въ домѣ то доктора, то похороны. Такъ я зашелъ сказать ему что сдѣлаю починки отъ себя.

— Чтò же онъ?

— Чего же ждать отъ такого медвѣдя? Онъ и говорить со мной не сталъ, а ушелъ на мельницу, сказавъ только что я могу уговориться обо всемъ съ его женой. Однако я откладывавать не буду. На будущей недѣлѣ мнѣ сдѣлають смѣту.

Стоитъ оно будетъ, я думаю, фунтовъ двѣсти или триста. Мельница, кажется, обветшала больше дома.

— Я такъ этому рада, сказала Мери.

Послѣ этого Джильморъ нисколько уже не жалѣлъ о своихъ двухъ, трехъ стахъ фунтахъ. Онъ, однако, ни слова не сказалъ Мери; только пожалъ ей руку на прощанье и оставилъ въ ней сознаніе что, можетъ-быть, она и передумаетъ къ концу назначеннаго срока. На слѣдующее утро мистеръ Фенвикъ отвезъ ее въ своемъ маленькомъ открытомъ фаэтонѣ на станцію Вестбери.

— Мы съ вами не прощаемся, сказала мистрисъ Фенвикъ.— Помните, съ какимъ нетерпѣніемъ жду я воскресныхъ обѣдовъ.

Мери на слова не отвѣтила, но проѣзжая мимо церкви, она взглянула на старую колокольню и сказала себѣ что, вѣроятно, никогда уже болѣе ея не увидитъ.

— Скажу вамъ только одно, Мери, говорилъ настоятель, прохаживаясь съ ней по платформѣ въ Вестбери.— Не забудьте что, какъ бы ни повернулись обстоятельства, у васъ есть домъ въ Булгамптонѣ, гдѣ всегда будутъ ради вамъ. Я теперь говорю не о Вязникахъ, а о нашемъ домѣ.

— Какъ добры вы ко мнѣ!

— Вѣдь и вы добры къ намъ. Друзья должны быть добры другъ къ другу. Благослови васъ Богъ, моя милая.

Оттуда она одна поѣхала домой въ Лорингъ.

IX. Миссъ Маррабель.

Если могутъ быть сомнѣнія относительно званія причисляющаго Булгамптонъ, то Лорингъ уже безспорно городъ. Въ немъ есть и рынокъ, и Большая улица, и комитетъ общественнаго здравія, и гостиница, и ратуша, и двѣ приходскія церкви, одна Св. Петра внизу, а другая Св. Ботольфа на верху. Есть верхнія улицы, и нижнія улицы, и еще нѣсколько различныхъ улицъ. Не случилось мнѣ слышать о лорингскомъ мерѣ, но нѣтъ сомнѣнія что Лорингъ городъ. Не посылалъ онъ также депутатовъ въ парламентъ, но какъ-то разъ, въ одномъ изъ множества предлагавшихся биллей, предполагалось группировать его вмѣстѣ съ Чиренстеромъ и Лехледомъ. Весь міръ, конечно, знаетъ что это никогда не

осуществилось на дѣлѣ, но пронесшійся объ этомъ слухъ, возвысилъ обывателей Лоринга въ ихъ собственныхъ глазахъ и подалъ поводъ къ шуткѣ бугамптонскаго настоятеля, будто живая собака лучше мертваго льва.

Все хорошее общество Лоринга жило, конечно, въ верхней части города, въ Олгилѣ. Нижняя часть, Лотоунъ, была не красива, грязна, посвящена торговлѣ и промышленности, и не могла похвастаться ни однимъ аристократическимъ частнымъ домомъ. Правда, тутъ былъ домъ приходскаго священника, съ большими грязновато-сѣрыми воротами и садомъ, но кромѣ приходскаго священника ни одинъ человекъ, имѣвшій имя, не жилъ въ Лотоунѣ. Тамъ были три-четыре фабрики, на которыя два раза въ день приходили толпы дѣвушекъ въ грязныхъ, изодранныхъ рабочихъ платьяхъ. А въ воскресенье всѣ эти дѣвушки являлись въ пышныхъ нарядахъ, заставлявшихъ думать что промышленность процвѣтаетъ въ Лорингѣ. Процвѣтала ли промышленность или нѣтъ, высока ли, или низка была заработная плата, дорога ли, или дешева провизія, враждовалъ ли, или ладилъ капиталъ съ трудомъ, воскресная роскошь брала свое. Какое счастье для женщинъ, да и для мужчинъ также, что прекрасному полу доставляетъ положительное удовольствіе имѣть и показывать нарядное платье. Это почти столько же смягчаетъ нравы, устраняетъ грубость, какъ изученіе изящныхъ искусствъ. Въ Лорингѣ нравы рабочихъ были вообще хороши, а это, кажется, можно въ значительной степени приписать вліянію воскресной пышности.

Истинно аристократическимъ кварталомъ Лоринга всѣ считали Парагонъ, площадку позади церкви Св. Ботольфа. Этотъ кварталъ былъ почти весь построенъ лѣтъ двадцать тому назадъ отцомъ мистрисъ Фенвикъ, который сообразилъ что какъ въ нижней части города растутъ фабрики, такъ дома для богатыхъ людей должны расти въ верхней части. Онъ и построилъ Парагонъ, и еще въ концѣ его рядъ очень красивыхъ домовъ, получившій названіе Больфуръ, и повелъ дѣла хорошо, и нажилъ деньги, и теперь покоится подъ сводами церкви Св. Ботольфа. Не малую часть своихъ удобствъ бугамптонскій приходскій домъ обязанъ былъ успѣху мистера Больфура въ сооруженіи Парагона. Изъ этого семейства никого не осталось въ Лорингѣ. Вдова отправилась жить въ Торке съ сестрой, а вторая дочь вышла замужъ за извѣстнаго

адвоката Оксфордскаго округа, мистера Квиккенгама. Мистеръ Квиккенгамъ и пріятель нашъ булгамптонскій викарій были очень дружны; но они не часто видались, такъ какъ мистеръ Фенвикъ рѣдко ѣздилъ въ Лондонъ, а мистеръ Квиккенгамъ, занятый дѣлами, не имѣлъ времени посѣщать Булгамптонъ. Обѣ сестры имѣли весьма рѣшительныя понятія о сравнительномъ достоинствѣ занятій своихъ мужей. Софія Квиккенгамъ, не обинуясь, заявляла что одно—жизнь, а другое—застой; а Жанета Фенвикъ утверждала что на ея взглядъ тутъ разниа почти такая же какъ между добромъ и зломъ. Онѣ писали другъ другу раза три въ годъ. Въ сущности, семейство Больфуръ распалось.

Миссъ Маррабель, тетка мери Лоутеръ, жила, конечно, въ верхней части города, но не въ Парагонѣ, и даже не въ Больфурѣ. Она была старушка очень не богатая. Братъ ея былъ прежде ректоромъ Св. Петра и большую часть жизни провела она въ приходскомъ домѣ съ грязновато-сѣрыми воротами. Когда братъ умеръ, и ей въ то же самое время представилось что надо взять на свое попеченіе племянницу Мери, она переѣхала въ небольшой домикъ въ улицѣ Ботольфъ, гдѣ могла жить прилично на триста фунтовъ дохода. Не надо думать что улица Ботольфъ мѣсто грязное, глухое, нехоршее. Нѣтъ, тутъ жили люди порядочные, когда еще не существовало Парагона и самого мистера Больфура. Улица была старая, узкая, квартиры дешевыя; здѣсь миссъ Маррабель имѣла возможность жить, и позвать иногда нѣсколькихъ знакомыхъ на чашку чая, и пріютить племянницу, не выходя за предѣлы своего дохода. Миссъ Маррабель сама была весьма хорошаго рода, племянница покойнаго серъ-Грегори Маррабеля; а единственная сестра ея вышла за капитана Лоутера, котораго мать считалась въ близкомъ свойствѣ съ графомъ Перривинкель. Миссъ Маррабель высоко цѣнила и свое происхожденіе, и происхожденіе племянницы. Она принадлежала къ числу тѣхъ уже немногихъ теперь дамъ которыя въ глубинѣ души убѣждены что деньги не даютъ права на высокое положеніе въ обществѣ, какъ бы ни было много ихъ, какъ бы источникъ ихъ ни былъ чистъ. Словныя отличія въ ея глазахъ не подлежали сомнѣнію и пререканію, и она точно также увѣрена была въ своемъ правѣ идти впереди жены милліонера, какъ была увѣрена въ правѣ этого милліонера тратить свои деньги какъ ему угодно.

По ея понятіямъ, сынъ джентльмена, если желаетъ сохранить свое званіе живя трудомъ, долженъ идти или въ духовное званіе, или въ адвокаты, или въ военную службу, или въ моряки. Это профессіи благородныя. Можетъ, конечно, и докторъ быть джентльменомъ, но юридическую карьеру и церковь миссъ Маррабель ставила гораздо выше медицины. Она отзывалась невѣршительно о гражданской службѣ, но какъ только человѣкъ пришелъ въ какое бы то ни было соприкосновеніе съ торговлей, онъ въ ея глазахъ терялъ право на званіе джентльмена. Онъ могъ быть человѣкъ весьма почтенный и дѣло его весьма полезное; но пивовары, банкиры и купцы не джентльмены, и свѣтъ по теоріи миссъ Маррабель совратился съ пути отъ того что люди стали забывать раздѣляющія ихъ границы.

Что же касается до самой миссъ Маррабель, то никто не могъ сомнѣваться что въ ея жилахъ течетъ благородная кровь. Она была маленькая, нѣжная, изящная старушка, еще не дурная собой, несмотря на семьдесятъ лѣтъ; пріятно было глядѣть на нее. Ноги и руки ея были чрезвычайно красивы, и она очень гордилась ими. Сѣдые волосы ея, виднѣвшіеся немного изъ-подъ чепца, были всегда весьма тщательно причесаны. Чепцы ея были совершенство своего рода. Зеленые глаза ея были свѣтлы и зорки и какъ будто говорили что она умѣетъ позаботиться о себѣ. Ротъ, носъ и подбородокъ, соразмѣрные и благообразные, не распозались по лицу какъ у нѣкоторыхъ старыхъ, да и у нѣкоторыхъ молодыхъ дамъ. Еслибъ у ней сохранились зубы, она не казалась бы старою. Здоровье ея было превосходно. Сама она говорила что ни одного дня не была больна. Одѣвалась она весьма тщательно, къ завтраку являлась не иначе какъ въ шелку; переодевалась три раза въ день, а по утрамъ носила шерстяное платьѣ. Казалось, платья ея никогда не изнашивались. Движенія ея были такъ легки и тихи, что на ней матерія казалась новою, когда у другихъ женщинъ платьѣ давнымъ давно изорвалось бы въ лохмотья. Вечеромъ она никогда не показывалась безъ перчатокъ, и перчатки ея всегда были чисты, словно новыя. Она ходила въ церковь по воскресеньямъ, зимою одинъ разъ, а лѣтомъ два раза, и каждый день посвящала нѣкоторое, весьма короткое время на чтеніе Библіи. Но въ Лорингъ ее не причисляли къ людямъ религіознымъ. Говорили даже что она весьма суетна, что въ

ея года слѣдовало бы ей читать не такія книги какія постоянно были у нея въ рукахъ. Поупъ, Драйденъ, Свифтъ, Коули, Фильдингъ, Ричардсонъ и Гольдсмитъ были ея любимые авторы. Она читала выходящія въ свѣтъ новыя повѣсти, но всегда съ невыгодными для нихъ критическими сравненіями. Фильдингъ, говорила она, описываетъ жизнь какъ она есть; а Диккенсъ создалъ какую-то искусственную жизнь, которая никогда не существовала и не могла существовать. Въ Эмондѣ есть чувство, но леди Кестльменъ ничто предъ Клариссой Гарлоу. Въ поэзіи же, Теннисонъ приторенъ, нѣтъ у него ни остроумія, ни гармоніи Попа. Всѣ современные поэты вмѣстѣ, увѣряла она, не написали бы одной его поэмы. При всей своей милостивости, она, кажется, любила нѣсколько праяую литературу. Несомнѣнно, что на верху въ шканчикѣ были у нея повѣсти Смоллета, и говорятъ даже будто ее какъ-то разъ застали съ комедіей Вичерли въ рукахъ.

Самая выдающаяся черта ея характера было презрѣніе къ деньгамъ. Не то чтобъ она не любила ихъ или отказалась бы отъ лишней сотни дохода, еслибъ явилось откуда-нибудь такое подспорье, но она въ дѣйствительности не мѣрила ни себя, ни другихъ имуществомъ. Кушая кусокъ холодной баранины или немножко рыбы, она считала себя ничѣмъ не хуже людей садящихся ежедневно за роскошный, изысканный столъ. Она не стыдилась экономіи ни предъ двумя своими горничными, ни предъ кѣмъ бы то ни было на свѣтѣ. Она любила чай, и лѣтомъ покупала къ нему сливокъ на два пенса, но когда сливки дорожали, она отъ нихъ отказывалась и брала на пенни молока. Она выпивала каждый день двѣ рюмочки марсалы и открыто сознавалась что хересь ей не по средствамъ. Но когда приглашала гостей на чай, что случалось разъ шесть или семь въ годъ, у нея всегда подавался хересь съ бисквитомъ. Въ нѣкоторыхъ вещахъ она роскошничала. Когда выѣзжала сама, она не брала простаго извозчика, а платила лишнихъ восемнадцать пенсовъ за коляску изъ Драгона. А когда Мери Лоутеръ, получавшая сама не болѣе пятидесяти фунтовъ дохода, которыхъ хватало ей на одежду и карманныя деньги, отправлялась въ Булгамптонъ, миссъ Маррабель предложила ей даже взять съ собой одну изъ горничныхъ. Мери, конечно, не хотѣла и слышать объ этомъ, и отвѣчала что лучше ужъ въ такомъ

случаѣ взять съ собой весь домъ; но миссъ Маррабель волагала что дѣвухкѣ такого хорошаго дома какъ Мери Лоутеръ неприлично вѣхать гостить безъ горничной. Сама она весьма рѣдко выѣзжала изъ Лоринга, потому что средства не позволяли, но отправившись два года тому назадъ къ морскимъ купаньямъ на двѣ недѣли, она взяла съ собой дѣвухку.

Миссъ Маррабель много слышалась о мистерѣ Джильморѣ. Мери не имѣла секретовъ отъ тетки, и отсутствіе ея, гораздо болѣе продолжительное чѣмъ предполагалось, не получило бы одобренія, еслибы не была приведена какая-нибудь достаточная причина. Много писалось по этому поводу, не только отъ Мери къ теткѣ, но и отъ мистрисъ Фенвикъ къ миссъ Маррабель, ея старой пріятельницѣ. Въ этихъ письмахъ, конечно, воспѣвалась хвала мистеру Джильмору, и миссъ Маррабель совершенно примкнула къ Джильморовой партіи. Она желала чтобы племянница вышла замужъ, но не иначе какъ за джентльмена. По ея мнѣнію, лучше было бы Мери состариться въ дѣвухахъ чѣмъ отдать руку свою человѣку запятанному торговлей. Положеніе мистера Джильмора было именно такое которое казалось миссъ Маррабель лучшимъ въ Англіи. Онъ сельскій дворянинъ, живущій на своей землѣ, мировой судья; и отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ его занимали то же самое положеніе. Такой бракъ для Мери совершенно приличенъ; а въ теперешнее время такъ часто приходится слышать о бракахъ не то чтобы неприличныхъ, но не соответствующихъ. Джильморъ же по своему положенію, какъ ей казалось, имѣлъ право искать руки такой дѣвицы какъ Мери Лоутеръ.

— Да, другъ мой, я рада что вы воротились. Разумѣется, мнѣ было скучненько, но я это выношу лучше многихъ другихъ. Благодаря Бога, глаза у меня еще хороши.

— Вы такая бодрая съ виду, тетушка Сарра.

— Я здорова. Не знаю какъ это другія женщины все хвораютъ; мнѣ жаловаться грѣшно.

— И такая хорошенькая, сказала Мери, цѣлуя ее.

— Какъ жаль, душа моя, что вы не молодой кавалеръ.

— Вы такая свѣжая, такая милая! Я бы желала чтобъ у меня всегда былъ такой видъ какъ у васъ.

— Чтѣ сказали бы мистеръ Джильморъ?

— Ахъ, мистеръ Джильморъ! Мистеръ Джильморъ! Надобно ужъ онъ мнѣ, мистеръ Джильморъ!

— Надоѣлъ, Мери?

— То-есть, я сама себѣ надоѣла изъ-за него. Онъ всегда держалъ себя прекрасно, а о себѣ я не могу этого сказать. Я все разкажу вамъ, только теперь мнѣ это ужъ наскучило. Покажите-ка какія у васъ новыя книги? *Литая сталь!* Неужели вы уже дошли до этого?

— Я этого читать не буду.

— А я прочту, такъ не отсылайте дня два. Я очень, очень люблю Фенвиковъ, и жену, и мужа. Они почти совершенство, если не совсѣмъ. И при всемъ томъ я рада что вернулась домой.

Х. Гонимая нельзя достать.

Высадивъ миссъ Лоутеръ на станціи Вестберн, мистеръ Фенвикъ намѣревался вернуться чрезъ Левингтонъ чтобы навести справки о человѣкѣ съ поврежденнымъ плечомъ, но разстояніе показалось ему слишкомъ велико, и онъ оставилъ свое намѣреніе. Затѣмъ не было у него ни одного свободнаго дня до середины слѣдующей недѣли, такъ что онъ обратился къ левингтонскому констеблю и доктору не раньше какъ черезъ двѣ недѣли послѣ стычки въ саду. Отъ доктора онъ ничего не узналъ. Къ нему не являлся ни одинъ такой больной. Но констебль, хотя и не видалъ этихъ двухъ человѣкъ, однако слышалъ объ нихъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Борроусъ, часто посѣщавшій прежде Левингтонъ и извѣстный подъ прозвищемъ Джака Точильщика, перебивалъ во всѣхъ тюрьмахъ Вильтшейра и Сомерсетшейра, но, по словамъ констебля, въ теченіе двухъ лѣтъ не показывался въ Левингтонъ. Его, однако, видѣли съ товарищемъ, и оба они были не въ такомъ состояніи въ какомъ люди ходятъ на работу. Онъ ночевалъ въ кабакѣ и потомъ отправился далѣе. Разказывалъ онъ что упалъ съ телеги и жаловался на ушибы, но серьезнаго поврежденія у него, очевидно, не было. Изъ всего этого мистеръ Фенвикъ вывелъ почти несомнѣнное заключеніе что человѣкъ, съ которымъ онъ боролся, былъ не кто иной какъ Джакъ Точильщикъ, и что спина этого джентльмена выдержала ударъ свинчатки. О товарищахъ Точильщика нельзя было добиться никакихъ свѣдѣній. Люди которыхъ видѣли въ кабакѣ выѣхали изъ Левингтона по дорогѣ къ Девизу, и больше ничего объ нихъ

не было извѣстно. Когда настоятель шепотомъ назвалъ Сема Бретля, левингтонскій констебль покачалъ головой. Онъ зналъ хорошо Якова Бретля и считалъ стараго мельника человекомъ весьма почтеннымъ. Однако при имени Сема Бретля констебль покачалъ головой. Собравъ такіа свѣдѣнія, настоятель поѣхалъ домой.

Два дня спустя, въ пятницу, Фенвикъ завтракалъ въ своемъ кабинетѣ, приготовляя проповѣдь къ слѣдующему воскресенью, когда ему доложили что старая мистрисъ Бретль желаетъ его видѣть. Онъ тотчасъ же всталъ и пошелъ въ залу, гдѣ засталъ гостью въ разговорѣ съ женой. Мистрисъ Бретль не часто ходила въ домъ священника, и ее всегда принимали съ почетомъ. Стоялъ августъ, погода была жаркая, старушка пришла пѣшкомъ черезъ мокрые луга и устала. Ей подали вина съ сухаремъ и, прежде распросовъ о дѣлѣ которое привело ее, уговорили посидѣть и поболтать немного. Былъ весьма пріятный предметъ для разговора: землевладѣлецъ собирался чинить мельницу. Мистрисъ Бретль какъ будто пугалась предстоящей возни. „Мельница простояла бы нашъ вѣкъ, говорила она. А чтѣ послѣ насъ будетъ, кто знаетъ? Пожалуй, мельница достанется Сему. А возня съ перестройкой будетъ страшная! Какъ намъ жить это время, куда дѣться?“ Оказалось однако что все это уже устроено. Мельницу, конечно, останавятъ на мѣсяць, или недѣль на шесть. „Да, должно-быть, и вплоть до зимы молоть не будемъ“, говорила мистрисъ Бретль. Сначала починятъ мельницу, а потомъ, когда приступятъ къ перестройкѣ дома, такъ семейство какъ-нибудь помѣстится въ большой комнатѣ мельницы, пока нельзя будетъ вернуться въ домъ. Мистеръ Фенвикъ со свойственною ему добротой предложилъ приютить мистрисъ Бретль и Фанни у себя въ домѣ, но старушка отказалась со многими заявленіями благодарности. „Никогда не оставяла я своего старика, говорила она, и теперь не оставлю. Погода еще постоитъ теплая, какъ-нибудь устроимся.“ Между тѣмъ вино было допито, и настоятель, помня свою проповѣдь, повелъ гостью въ кабинетъ. Она пришла сказать что Семъ наконецъ воротился домой.

— Зачѣмъ вы не привели его съ собою, мистрисъ Бретль?

Хорошъ вопросъ старушкѣ, не имѣвшей рѣшительно ни малѣйшей власти надъ сыномъ! Семъ въ послѣднее время сталъ такъ самоволецъ что едва обращалъ вниманіе на слова

отца, человѣка умѣвшаго какъ нельзя лучше внушать повиновеніе, а что мать говорить, что вѣтеръ свищетъ, ему было рѣшительно все равно.

— Я просила его чтобъ онъ сходилъ къ вамъ хоть не со мною, а такъ, одинъ, да онъ сказалъ что вы знаете гдѣ найти его, если вамъ его нужно.

— Этого-то именно я и не знаю. Впрочемъ, если онъ теперь дома, такъ я пойду къ нему. Только было бы гораздо лучше еслибъ онъ пришелъ ко мнѣ.

— Я ему такъ и говорила, мистеръ Феввикъ, право, говорила!

— Все равно. Я пойду къ нему, только не сегодня. Я обѣщала свозить жену въ Чарайкотъ. Приду завтра утромъ, какъ только позавтракаю. Вы думаете, онъ еще будетъ дома?

— Навѣрное будетъ, мистеръ Феввикъ. Они съ отцомъ теперь такъ ладятъ что любо смотреть. Никого изъ дѣтей отецъ не любилъ такъ, какъ Сема.... Только одну.... (Тутъ бѣдная женщина заплакала и закрыла лицо платкомъ.) Онъ въ половину такъ не дорожитъ моею Фанни, у которой нѣтъ ни одного недостатка.

— Если у Сема хватить выдержки, ему будетъ хорошо.

— Удивительно какъ онъ занялся этими починками, мистеръ Феввикъ. Онъ за всѣмъ присматриваетъ. Отецъ говоритъ, онъ такъ хорошо все знаетъ что могъ бы, кажется, самъ сдѣлать все это изъ своей головы. Отцу всегда нравилось когда кто силенъ и уменъ.

— Можетъ-быть, подрадчикамъ эскайра это не понравится. Мичель производить работу?

— Оно вѣдь не такъ дѣлается, мистеръ Феввикъ. Эскайръ дастъ 200 фунтовъ, а отецъ дѣлаетъ какъ знаетъ. Только мистеръ Мичель, конечно, присмотритъ чтобы все было сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

— Скажите же мнѣ, мистрисъ Бретль, что дѣлалъ Семъ все время какъ его не было дома?

— Этого я не могу сказать вамъ, мистеръ Феввикъ.

— Да вѣдь спрашивалъ же его отецъ?

— Если спрашивалъ, такъ мнѣ не сказалъ, мистеръ Феввикъ. Я не люблю впутываться между ними, будто подозреваю. Фанни говоритъ, онъ былъ на работѣ гдѣ-то около Ливингтона, да она, должно-быть, и сама не знаетъ.

— Приличный былъ у него видъ, когда онъ пришелъ домой?

— Ничего. Онъ какъ-то всегда умѣетъ казаться приличнымъ. Не правда ли?

— Были у него деньги?

— Сколько-то было. Когда работалъ онъ на перестройкѣ, тоскалъ бревна, словно поденщикъ, онъ послалъ мальчика за пивомъ; я видѣла какъ онъ далъ ему деньги.

— Не хорошо это. Я желалъ бы чтобъ онъ вернулся безъ гроша, мучимый голодомъ, въ лохмотьяхъ; чтобъ онъ узналъ всю тягость бродячей жизни.

— Какъ блудный сынъ, мистеръ Фенвикъ?

— Именно, какъ блудный сынъ. Онъ не вернулся бы къ отцу, еслибъ ему не пришлось за пороки свои жить со свиньями.—Видя что слезы навертываются на глаза бѣдной матери, настоятель прибавилъ болѣе ласковымъ голосомъ:— Можетъ-быть и теперь дурнаго еще нѣтъ ничего. Будемъ по крайней мѣрѣ надѣяться. Завтра я увидаюсь съ нимъ. Вы не говорите ему что я приду, а то онъ спроситъ гдѣ вы были.

Затѣмъ мистрисъ Бретль ушла, а настоятель окончилъ свою проповѣдь.

Послѣ обѣда онъ повезъ жену въ гости къ нѣкоторымъ знакомымъ въ Чарликотъ, и на пути туда и обратно не могъ удержаться чтобы не говорить о Бретляхъ. Впервыхъ, онъ полагалъ что Джильморъ напрасно не производитъ работы на мельницѣ отъ себя.

— Конечно, онъ увидитъ на чтò пойдутъ деньги, и этимъ способомъ дѣло обойдется ему двадцатью, тридцатью фунтами дешевле, но Бретли недостаточно привязаны къ этому мѣсту чтобы поручить имъ такое дѣло.

— Вѣроятно, старику такъ хотѣлось.

— Старику не слѣдовало слушать. Я ужасно тревожусь за Сема. Какъ я ни люблю его, по крайней мѣрѣ прежде любилъ, мнѣ кажется, онъ становится, а можетъ быть ужъ и сталъ совсѣмъ негодяемъ. Чтò тѣ двое были разбойники, это также несомнѣнно какъ что ты тутъ сидишь, и я увѣренъ что онъ былъ съ ними гдѣ-нибудь около Левингтона, или Девиза.

— Но, можетъ-быть, онъ не участвовалъ ни въ одной изъ ихъ продѣлокъ.

— Человѣкъ узнается по товарищамъ съ которыми водится. Я бы самъ не повѣрилъ этому, еслибы не засталъ его

съ этими людьми и не выслабдилъ ихъ. Ты видишь что этотъ Точильщикъ, безъ сомнѣнiя, тотъ самый человекъ котораго я ударилъ. Я прослѣдилъ его до Левингтона. Тамъ онъ жаловался на ушибы. Не диво что онъ ушибенъ. Лошадиное должно-быть у него сложенiе что онъ отдѣлался однимъ ушибомъ. Ну, такъ этотъ человекъ несомнѣнно былъ съ Семомъ въ нашемъ саду.

— Будь свисходителемъ къ нему, Франкъ.

— Конечно, буду свисходителемъ, на сколько могу. Я все готовъ сдѣлать чтобы спасти его. Но не могу же я не знать того что знаю.

Предъ женою онъ отзывался легко объ опасности угрожавшей ихъ дому. Но внутренно онъ неволью чувствовалъ что опасность есть. Жена принесла ему въ приданое, между прочимъ, довольно значительное количество дорогаго серебра, какое, вѣроятно, не часто встрѣчается въ домахъ сельскихъ священниковъ, и это обстоятельство было, безъ сомнѣнiя, извѣстно Сему Бретаю. Еслибы люди проникше въ садъ хотѣли только обобрать фрукты, они не рискнули бы подойти такъ близко къ окнамъ дома. Съ другой стороны, очевидно что Семъ не показывалъ имъ дорогу. Настоятель не зналъ что думать объ этомъ. Ясно было ему только то что слѣдуетъ остерегаться.

Въ тотъ же вечеръ, пройдясь по кладбищу, онъ завернулъ къ сосѣду своему, фермеру. Прислонившись къ забору, онъ поглядѣлъ гдѣ Хватай. Хватая было не видно и не слышно. Настоятель вошелъ на дворъ и пошелъ къ задней двери, единственному входу въ домъ фермера. Была и передняя дверь, выходившая въ запущенный садикъ, но она всегда была заперта, никто въ нее не ходилъ. Настоятель постучался въ заднюю дверь. Ему отворилъ самъ фермеръ. Мистеръ Фенвикъ зашелъ узнать досталъ ли ему Тромбулъ, какъ обѣщавъ, брата Хватая, который, какъ говорили, отличался необыкновенною злостью и бдительностью по ночамъ.

— Нѣтъ, дѣло не сладилось.

— Почему же, мистеръ Тромбулъ?

— А потому что очень ужъ много толковъ пошло о ворахъ, никто и не хочетъ разстаться съ такимъ другомъ. Правда, у мистера Крикля въ Имберѣ есть другая большая собака, настоящая меделанка, но онъ говорить что Гоняй лучше

меделянки и не отдасть его ни за какія деньги. Я знаю что я ни за что не отдалъ бы Хватаю.

Мистеръ Фенвикъ отправился домой, раздумывая, не слѣдуетъ ли, за отсутствіемъ Гоняя, ему самому покарать ночью и поглядывать за ящикомъ съ серебромъ.

XI. Не хлопчите обо мнѣ.

На слѣдующее утро мистеръ Фенвикъ отправился на мельницу. Была тропинка вдоль рѣчки, по ней онъ и пошелъ. Проходя мимо многихъ мѣстъ гдѣ лавливалъ рыбу, онъ вспоминалъ о томъ какъ часто Семъ Бретль здѣсь рядомъ съ нимъ закидывалъ удочку. Тогда Семъ очень любилъ его, считалъ большою честью для себя удить съ настоятелемъ и оказывалъ ему почтительное послушаніе. Теперь Семъ не хочетъ даже придти къ настоятелю, когда его просятъ. Фенвикъ заступался за него предъ эсквайромъ, когда Сема обвиняли въ кражѣ дичи; заступался за него предъ отцомъ, когда онъ провинялся дома; заступался даже предъ констеблемъ, когда на Сема взоидились болѣе серіозныя обвиненія. Потомъ пришло время, когда Фенвикъ сказалъ отцу, что если сынъ его не перемѣнится, то доживетъ до бѣды, и отецъ и сынъ оба обидѣлись. Отецъ сказалъ настоятелю въ глаза что самъ онъ совратилъ Сема съ пути истиннаго, а сынъ въ отищеніе привелъ разбойниковъ къ дому своего стараго друга.

„Не слѣдуетъ ждать благодарности отъ людей, говорилъ себѣ мистеръ Фенвикъ, раздражаясь немного подобными размышленіями.—Я не оставляю его, пока могу, хотя бы ради старухи-матери и той бѣдной дѣвушки которую всѣ мы любили.“ Онъ вспомнилъ молодой, свѣжій, сладкій голосъ, который такъ пріятно было ему слышать въ церковномъ хорѣ, и густыя кудри, на которыя такъ пріятно было глядѣть. Онъ бывало радовался на Карри Бретль, а теперь Карри Бретль пропала совсѣмъ и, по всей вѣроятности, никогда уже не покажется въ церкви. Много пострадали эти Бретли, надо имѣть терпѣніе съ ними, какъ бы ни тяжело подчасъ приходилось.

Когда подходилъ онъ къ мельницѣ, уже издали слышались стукъ рабочихъ. Снимали соломенную крышу, на телѣгахъ подвозили глину, кирпичи, дѣся, и увозили старый хламъ. Переходя поспѣшно рѣчку по скользкимъ камнямъ, Фенвикъ

увидѣлъ стараго Якова Бретля стоящаго предъ мельницей, засунувъ руки въ карманы. Онъ уже состарился для работы, для работы непривычной, и только поглядывалъ печально, будто предъ нимъ совершалось дѣло разрушенія, а не возобновленія.

— Вы здѣсь скоро устроитесь на славу, мистеръ Бретль, сказалъ настоятель.

— Не знаю, мистеръ Фенвикъ. Строеніе, правда, валилось, а все-таки, думается мнѣ, оно простояло бы мой вѣкъ. Еслибъ эсквайръ сдѣлалъ это лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я бы поблагодарилъ его, а теперь не знаю что и сказать. Время неудобное; теперь бы началась самая работа. Чтобы хоть въ юль-то приняться. Да всегда ужъ такъ, все выходитъ насупротивъ.

Послѣ этой рѣчи, произнесенной медленно, вялымъ, глухимъ голосомъ, мельникъ отвернулся и ушелъ въ домъ.

Позади мельницы, верхомъ на высунувшемся бревнѣ, со всею энергіей молодости помогая стаскивать крышу, сидѣлъ Семъ Бретль. Мистеръ Фенвикъ замѣтилъ что Семъ видѣлъ его. Но молодой человѣкъ тотчасъ же отвернулся и продолжалъ свою работу. Настоятель не сейчасъ заговорилъ, а подошелъ, шагая чрезъ обломки, подъ самое бревно на которомъ помѣщался Семъ. Тутъ онъ кликнулъ его, и Семъ принужденъ былъ отвѣтить:

— Да, мистеръ Фенвикъ, я здѣсь. Работаю, какъ видите.

— Вижу и желаю вамъ успѣха. Оставьте работу на десять минутъ и сойдите поговорить со мной.

— Я теперь такъ приладился, мистеръ Фенвикъ, что желалъ бы продолжать, если вы позволите.

Но мистеръ Фенвикъ, пришедшій нарочно чтобы видѣться съ молодымъ человѣкомъ, не могъ такъ легко отступить отъ своего намѣренія.

— Все равно, приладитесь опять чрезъ четверть часа. Я пришелъ къ вамъ нарочно. Мнѣ надо поговорить съ вами.

— Надо! отозвался Семъ весьма сердито.

— Да, надо. Не дуруйте. Вы знаете что я не желаю вамъ вреда. Неужели вы такой трусъ что боитесь меня? Слѣзьте.

— Чего мнѣ бояться! Подождите минуту, мистеръ Фенвикъ, я сейчасъ сойду къ вамъ, хоть впрочемъ изъ этого ничего не выйдетъ.

Онъ тихонько слѣзъ съ бревна и спустился во внутренность мельницы.

— Чтѣ же вамъ угодно, мистеръ Фенвикъ? Вотъ я пришелъ. Будьте увѣрены что я нисколько не боюсь васъ.

— Гдѣ провели вы послѣднія двѣ недѣли, Семъ?

— По какому праву спрашиваете вы меня, мистеръ Фенвикъ?

— По праву старой дружбы, а можетъ-быть отчасти и по тому праву которое дала мнѣ послѣдняя встрѣча съ вами. Чтѣ случилось съ Борроусомъ?

— Съ какимъ это Борроусомъ?

— Съ Джакомъ Точильщикомъ, котораго я ударилъ по спинѣ, когда захватилъ васъ. Какъ вы думаете, хорошо было съ вашей стороны пробраться въ полночь ко мнѣ въ садъ съ такимъ негодяемъ, перебивавшимъ во всѣхъ тюрьмахъ графства? Знаете ли вы что я могъ бы тотчасъ же арестовать васъ и отправить въ тюрьму?

— Я знаю что вы не могли сдѣлать этого.

— Вы знаете что я этого не желалъ, Семъ; что это очень огорчило бы меня. Но вы понимаете, что еслибы теперь случилось въ графствѣ какое-нибудь воровство, мы не могли бы, по крайней мѣрѣ я не могъ бы не подумать на васъ. А говорить что воровства замышляются, Семъ. Замышаны ли вы въ этихъ продѣлкахъ?

— Нѣтъ, не замышанъ, отвѣчалъ Семъ рѣзко.

— Хотите ли вы сказать мнѣ, зачѣмъ зашли вы въ мой садъ съ этими людьми?

— Мы ходили на кладбище. Ворота были отперты, мы и вошли; вотъ и все. Еслибы мы что-нибудь замышляли, мы не такъ бы пришли, да и не въ такое время. Вѣдь еще не было двѣнадцати часовъ.

— Но зачѣмъ былъ съ вами этотъ негодяй Борроусъ? Развѣ слѣдуетъ знаться съ такими людьми, Семъ!

— Я думаю, всякій можетъ знаться съ кѣмъ хочетъ, мистеръ Фенвикъ.

— Да, можетъ потомъ кончить и висѣлицей, чтѣ и предстоитъ вамъ, Семъ.

— Очень хорошо. Вы кончили? Такъ я пойду опять на работу.

— Подождите минуту, Семъ. Я не совсѣмъ еще кончилъ. Я въ ту ночь захватилъ васъ въ такомъ мѣстѣ гдѣ вамъ не

слѣдовало быть, и ради отца вашего и матери, а также ради старыхъ воспоминаній, я отпустилъ васъ. Можеть-быть, васъ отпускать не слѣдовало, но объ этомъ толковать ужь нечего.

— Вы все только объ одномъ этомъ и толкуете.

— Я не стану принимать никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ.

— Да никакихъ мѣръ и нельзя принять, мистеръ Феввикъ.

— Я вижу, вы хотите перечить мнѣ, и считаю обязанностью предупредить васъ что я буду слѣдить за вами.

— Не хлопчите обо мнѣ, мистеръ Феввикъ.

— И если я услышу что эти негодяи, Борроусъ и тотъ товарищъ его, опять здѣсь, я увѣдомлю полицію что они ваши пріатели. Я еще не совсѣмъ дурнаго мнѣнія о васъ, Семъ; а еще не думаю чтобы вы захотѣли опозорить старость отца, сдѣлавшись воромъ и разбойникомъ; но васъ подолгу не бываетъ дома, и никто не знаетъ гдѣ вы, и оказывается что вы живете безъ дѣла и бродите по ночамъ съ разбойниками и злодѣями. Невольно становится страшно за васъ. Знаете ли что эсквайръ узналъ васъ въ ту ночь точно такъ же какъ я?

— Мнѣ никакого дѣла нѣтъ до эсквайра. Если вы кончили, мистеръ Феввикъ, такъ я пойду на работу.

Съ этими словами Семъ опять взлѣзъ на крышу, а настоятель, смущенный, вернулся къ передней части строенія. Онъ не намѣревался видѣться ни съ кѣмъ изъ семейства, но когда онъ шелъ по мосту, намѣреваясь, на пути домой, завернуть въ Вязники, его остановила Фанни Бретль.

— Надѣюсь, теперь все уладится, мистеръ Феввикъ, сказала дѣвушка.

— Надѣюсь и я, Фанни. Но вамъ съ матерью надо слѣдить за нимъ, чтобы знать когда онъ уходитъ и возвращается. Я думаю, пока онъ занятъ этими работами, ничего дурнаго не случится. Но хуже всего что онъ можетъ когда угодно по ночамъ уходить изъ дому, и никто этого не знаетъ. Надо всегда его спрашивать, какъ бы ни злился онъ. Скажите это матери отъ меня.

ХП. Хватай и его хозяинъ.

Оставивъ мельницу, мистеръ Феввикъ пошелъ къ эсквайру и, какъ бы въ противорѣчіе тому что говорилъ Сему Бретлю, сталъ заступаться предъ землевладѣльцемъ за молодого

человѣка. Теперь, во всякомъ случаѣ, онъ прилежно работаетъ и, кажется, намѣренъ не оставлять работы. Онъ обнаружилъ чувство собственнаго достоинства, которое нравилось настоятелю, хотя оно было выражено нѣсколько оскорбительно для него. Джильморъ никакъ не соглашался съ другомъ.

— Зачѣмъ очутился онъ въ вашемъ саду? Зачѣмъ прятался за заборомъ Тромбула? Когда я вижу людей скрывающихся ночью въ оврагахъ, я не могу предположить что они затѣваютъ что-нибудь похвальное.

Мистеръ Фенвикъ представилъ нѣкоторыя слабыя оправданія и для этихъ проступковъ. Можетъ-быть, Семъ не зналъ вполне преступности людей съ которыми связался и зашелъ въ садъ за фруктами. Вопросъ этотъ обсуждался весьма обстоятельно, и эсквайръ обѣщалъ наконецъ подождать еще какой-нибудь провинности со стороны Сема прежде чѣмъ произнести надъ нимъ окончательный приговоръ.

Въ тотъ же вечеръ или, лучше сказать, ночью, ибо было уже безъ малаго двѣнадцать часовъ, Фенвикъ ходилъ по саду съ женой. Мѣсяца не было, ночь была очень темна. Они остановились у калитки ведущей на кладбище, и Хватай очевидно почувалъ ихъ, ибо началъ издавать глухое рычанье, хорошо уже знакомое настоятелю.

— Хорошая собака! Хорошая собака! сказалъ настоятель въ подголоса.—Желалъ бы я имѣть такую же.

— Она бы только рвала платья горничнымъ и кусала бы дѣтей, отвѣчала мистрисъ Фенвикъ.—Терпѣть не могу что-бы въ домѣ было такое злое животное.

— Но какъ приятно было бы поймать разбойника. Я становлюсь кровожаденъ съ тѣхъ поръ какъ узналъ что ударъ моей свинчатки не убилъ того негодяя.

— Я знаю, Франкъ, что ты думаешь объ этихъ мошенникахъ больше чѣмъ говоришь.

— Я сейчасъ думалъ, что еслибъ они пришли и увесли все серебро, бѣда была бы не велика. Мы купили бы приборы изъ новаго серебра, и никто не замѣтилъ бы разницы.

— А еслибъ они всѣхъ насъ перерѣзали.

— Этого никогда не бываетъ. Теперь разбойники не тѣ что прежде. Они идутъ только туда гдѣ есть навѣрное чѣмъ поживиться и безъ большой опасности. Не думаю

чтобы теперь разбойники кого-нибудь рѣзали. Они слишкомъ дорожатъ собственною шеей.

Потолковавъ еще немного, они порѣшили, если слухи о разбояхъ не прекратятся, отослать серебро на храненіе въ Салисбери. Затѣмъ они отправились спать.

На слѣдующее утро, въ воскресенье, за нѣсколько минутъ до семи часовъ, слуга разбудилъ настоятеля, постучавшись въ дверь спальни.

— Что такое, Роджеръ?

— Бога ради вставайте! Были разбойники и убили мистера Тромбула.

Мистрисъ Фенвикъ закричала, настоятель вскочилъ и одѣлся въ полминуты. Въ полминуты также мистрисъ Фенвикъ, накинувъ пеньюаръ, бросилась на верхъ къ дѣтямъ. Ей представилось, конечно, что убійцы, покончивъ Тромбула, тотчасъ же отправились къ ней въ дѣтскую. Мистеръ Фенвикъ не вѣрилъ этой вѣсти. Если кто-нибудь ушибется на охотѣ, всегда разказываютъ что онъ убитъ до смерти. Если въ кухнѣ выкинетъ въ трубу, всегда говорятъ что домъ сгорѣлъ до основанія. Однако что-нибудь, вѣроятно, случилось у фермера Тромбула, и настоятель устремился садомъ, огородомъ и кладбищемъ со всею скоростью на какую были способны его ноги. На дворѣ фермы онъ засталъ толпу людей и, между прочимъ, обоихъ констеблей и нѣкоторыхъ изъ главныхъ торговцевъ селенія. Прежде всего бросился ему въ глаза трупъ Хватая. Собака лежала окоченѣвъ; ее отравили.

— Что съ мистеромъ Тромбуломъ? спросилъ онъ у перваго встрѣчнаго.

— Господи! Развѣ вы не слышали? Ему разбили голову молоткомъ. Онъ тутъ же и умѣръ.

Настоятель вошелъ въ домъ. Сомнѣнія нѣтъ. Фермеръ былъ убитъ, и деньги его похищены ночью. Наверху мистеръ Фенвикъ протѣснился въ спальню фермера. Вотъ лежитъ тѣло. Тутъ былъ мистеръ Криттендонъ, сельскій врачъ, и толпа мужчинъ, и двѣ-три старухи. Между женщинами была сестра Тромбула, жена сосѣдняго фермера, пришедшая съ мужемъ не задолго до мистера Фенвика. Тѣло нашли на лѣстницѣ, и очевидно было что фермеръ отбивался отчаянно, пока не нанесли ему удара который свалилъ его.

— Я говорила ему, не разъ говорила, а онъ все упрямылся держать деньги при себѣ.

Такъ говорила сестра Тромбула, мистрисъ Будль.

Оказалось что у Тромбула было больше полутора ста фунтовъ, все почти золотомъ, и что онъ держалъ ихъ въ своей спальнѣ въ шкадулкѣ. Одна изъ служившихъ у него женщинъ, — онъ былъ вдовъ и бездѣтень, — заявила что онъ вынималъ на ночь шкадулку изъ шкафа и бралъ съ собою въ постель. Она сама видала ее не разъ, принося ему теплое питье, когда ему нездоровилось. На первый спросъ она отвѣчала что не помнитъ, говорила ли объ этомъ кому-нибудь: кажется, никому не говорила; а потомъ она готова была поклясться что не проронила ни слова никому на свѣтѣ. Она пользовалась хорошей репутаціей, принадлежала къ порядочному семейству и извѣстна была мистеру Фенвику. Звали ее Агнеса Попъ. Другая служанка была женщина пожилая, всю жизнь прожившая въ домѣ фермера, но, къ сожалѣнію, глухая. Она знала о деньгахъ и всегда о нихъ беспокоилась, часто говорила объ этомъ съ хозяиномъ, но никогда ни слова съ Агнесой. Дѣвушка, спавшая съ нею, разбудила ее, какъ оказывалось, въ эту ночь около двухъ часовъ, и сказала ей что слышитъ шумъ, будто кто-то возится, будто возится множество людей. Долго, можетъ-быть съ часъ, лежали онѣ, боясь пошевелиться. Наконецъ старуха зажгла свѣчу и сошла внизъ съ чердака, на которомъ онѣ спали. Сразу бросилось ей въ глаза тѣло хозяина въ рубашкѣ, лежащее на лѣстницѣ. Тутъ она позвала единственнаго человѣка бывшаго въ домѣ кромѣ ихъ, пастуха, который всю жизнь прожилъ у Тромбула. Онъ отперъ домъ, пошелъ за помощью и нашелъ на дворѣ мертвую собаку.

Къ десяти часамъ событія эти стали извѣстны всѣмъ, и вскватръ явился на мѣсто преступления. Убійца или, какъ полагали, убійцы, вошли въ переднюю дверь, представляющую весьма легкій доступъ въ домъ, тогда какъ задняя дверь, въ которую всѣ ходили, была тщательно заперта и замкнута. Вошли, вѣроятно, чрезъ кладбище, въ заднія ворота, ибо они оказались отпертыми, а ворота выходившія на большую дорогу найдены были запертыми. Фермеръ самъ весьма тщательно запиралъ и тѣ и другія, выпуская Хватаю на ночь. Бѣдный Хватай заманень былъ къ гибели кускомъ

отравленнаго мяса, который ему бросили, вѣроятно, задолго до нападенія.

Кто же убійцы? Вотъ что, разумѣется, спрашивалось прежде всего. Нужно ли говорить съ какою грустью на сердцѣ Фенвикъ обсуждалъ этотъ вопросъ съ эсквайромъ? Конечно, надо освидомиться какимъ образомъ Семъ провелъ ночь. Боже! Что будетъ съ бѣднымъ семействомъ, если онъ замѣшанъ въ такомъ дѣлѣ? Тутъ настоятель вспомнилъ что не разъ въ воскресенье видѣлъ онъ вмѣстѣ Сема Бретля и Агнесу Попъ. Въ безпокойствѣ своемъ, онъ, весьма неблаго-разумно, пошелъ къ дѣвушкѣ и сталъ ее спрашивать.

— Ради васъ самихъ, Агнеса, скажите мнѣ, увѣрены ли вы что вы никогда не говорили объ этомъ ящикѣ съ деньгами Сему Бретлю?

Дѣвушка покраснѣла и колебалась, а потомъ сказала что положительно не говорила ничего. Она съ Семомъ и десяти словъ не перемолвила съ тѣхъ поръ какъ узнала объ этомъ.

— Но десяти словъ достаточно, Агнеса.

— Эти слова не были сказаны, отвѣчала дѣвушка.

Однако она все краснѣла, и смущеніе какъ будто улучало ее въ глазахъ настоятеля.

Настоятелю надо было идти въ церковь; но эсквайръ, какъ мировой судья, отправился на мельницу съ двумя констеблями. Тамъ нашли они Сема съ отцомъ, матерью и сестрой. Никто съ мельницы не ходилъ въ церковь въ этотъ день. Къ нимъ пришла вѣсть объ убійствѣ, и всѣ они чувствовали, хотя и не говорили другъ другу, что могутъ быть какъ-то связаны съ этимъ дѣломъ. Семъ ни слова почти не говорилъ съ тѣхъ поръ какъ услышалъ о смерти Тромбула. Однако, видя что отецъ молчитъ, какъ пораженный какимъ-то внезапнымъ страхомъ, онъ сказалъ старику чтобъ онъ поднималъ голову и не смущался. На такія слова старый Бретль не отвѣчалъ ничего, а только сѣлъ въ свои кресла и молча сидѣлъ, пока не пришелъ судья съ констеблями. Не много было народу въ церкви, и мистеръ Фенвикъ сократилъ службу. Онъ не могъ произнести проповѣдь которую приготовилъ, а сказалъ нѣсколько словъ объ ужасномъ событіи совершившемся такъ близко отъ всѣхъ ихъ. Этотъ человѣкъ, который теперь въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда лежитъ съ разможенной головой, вчера вечеромъ былъ здоровъ и крѣпокъ. Въ мирномъ селеніи появились злодѣи, приведенные

лѣнью къ праздности, а праздностью къ преступленію.... Всѣ мы знаемъ какія слова сказалъ настоятель и догадываемся съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ они были выслушаны. Этотъ человекъ былъ близокъ всѣмъ присутствовавшимъ, поэтому гибель его всѣхъ поразила и наполнила тревогой, вѣроятно, не безъ примѣси, увы! и нѣкотораго чувства удовольствія. Но проповѣдь, если слова настоятеля могли называться проповѣдью, была весьма коротка, и кончивъ ее, настоятель самъ тотчасъ же отправился на мельницу.

Уже было открыто что Семъ уходилъ изъ дому ночью. Онъ сначала не признавался въ этомъ, говорилъ что легъ спать послѣ всѣхъ, часовъ въ одиннадцать, но ночевалъ дома и не выходилъ изъ мельницы до поздняго утра. Но сестра слышала какъ онъ вставалъ и видѣла какъ проходилъ онъ въ темнотѣ мимо ея окна. Она не слышала какъ онъ вернулся, а вставъ въ шесть часовъ, застала его уже дома. Онъ не обнаружилъ досады на нее, когда она дала такое показаніе, и сознался что уходилъ изъ дому и прошелся до большой дороги, объясняя откровенно свое первое заирательство желаніемъ, ради отца и матери, скрыть это обстоятельство, могущее, какъ ему извѣстно, подать поводъ къ подозрѣніямъ которыя смертельно огорчатъ ихъ. Онъ однако увѣрялъ что не ходилъ далѣе поворота дороги противъ вязниковской сторожки, откуда идетъ тропа на мельницу. Что же онъ тамъ дѣлалъ? Ничего не дѣлалъ, а сидѣлъ и курилъ на изгородкѣ. Не видалъ ли онъ проѣзжихъ? Тутъ онъ запнулся, но потомъ сказалъ что слышалъ звукъ колесъ и шагъ пони на дорогѣ. Экипажъ, какой неизвѣстно, должно быть, только что проѣхалъ къ Булгамptonу, когда онъ пришелъ къ дорогѣ. Не пошелъ ли онъ вслѣдъ за этимъ экипажемъ? Нѣтъ, онъ и намѣревался пойти, но не пошелъ. Не догадывается ли онъ кто это проѣхалъ? Предъ тѣмъ много догадокъ было уже высказано вслухъ о Джакѣ Точильщикѣ и его товарищѣ, и стало извѣстно всѣмъ что настоятель нѣсколько дней тому назадъ столкнулся съ этими людьми въ своемъ саду. Семъ, допрашиваемый неотступно, сказалъ что ему приходило въ голову не телѣга ли это Точильщика проѣхала. Онъ не зналъ что Джакъ собирался быть въ Булгамptonѣ въ эту ночь, но слышалъ какъ онъ выражалъ намѣреніе обобрать персики въ саду настоятеля. Спрашивали его и о деньгахъ Тромбула. Онъ заявилъ что не слышалъ никогда

что фермеръ держитъ деньги въ домѣ. Онъ зналъ что фермера считали очень бережливымъ человекомъ, и только. Онъ увѣрялъ что не менѣе другихъ удивленъ случившимся несчастіемъ. Еслибы разбойники повернули въ другую сторону и ограбили настоятеля, онъ бы не такъ удивился. Онъ признавался что называлъ настоятеля навязчивымъ сплетникомъ въ присутствіи этихъ людей.

Все это кончилось, разумѣется, арестомъ Сема. Онъ зналъ это самъ напередъ и уговаривалъ мать не вѣшать головы и не унывать. „Не надолго, матушка,“ говорилъ онъ. „У меня нѣтъ этихъ денегъ, и ни въ чемъ меня не уличать.“ Его увели въ Гайтсбери на эту ночь, чтобы поставить предъ сѣзды судей, который собирался тамъ въ четвергъ. Теперь его велѣлъ арестовать эсквайръ Джильморъ.

Настоятель, послѣ ухода Сема, остался нѣкоторое время со стариками, но скоро убѣдился что присутствіе его лишнее. Мельникъ не хотѣлъ говорить, а старуха была убита горемъ мужа.

— Не знаю какъ и думать объ этомъ, сказалъ Фенвикъ вечеромъ женѣ.—Улики весьма сильныя, но я еще не пришелъ ни къ какому опредѣленному мнѣнію.

Въ это воскресенье не было вечерней проповѣди въ Булгамптонѣ.

ХІІІ. Капитанъ Маррабель и отецъ его.

Еслибъ отъ писателя повѣсти не требовалось чтобъ онъ вполнѣ удовлетворительно словами объяснилъ всѣ обстоятельства своего разказа, я бы изобразилъ здѣсь прилично раскрашенное родословное древо семейства Маррабель. Семейство Маррабель весьма древнее въ Англіи; первый баронетъ этого имени получилъ титулъ свой отъ Якова I; Маррабелы, какъ извѣстно всѣмъ, внимательно занимавшимся исторіей Англіи, играли видную роль въ войнахъ Алой и Бѣлой Розы, и потомъ принимали дѣятельное участіе въ религиозныхъ гоненіяхъ при преемникахъ Генриха VIII. Не знаю всегда ли были они послѣдовательны въ своихъ дѣйствіяхъ, но они пользовались нѣкоторымъ значеніемъ и принадлежали къ числу людей извѣстныхъ въ странѣ. При Карлѣ I и Кромвеллѣ они примыкали къ партіи кавалеровъ, какъ прилично было людямъ благороднымъ, но нѣтъ свидѣтельствъ чтобъ они

приносили большія жертвы политическимъ убѣжденіямъ, и когда воцарился Вильгельмъ III, они безъ сопротивленія и ропота покорились новому порядку вещей. Одинъ сэръ-Томасъ Маррабель былъ членомъ парламента за свое графство при Георгѣ I и Георгѣ II и пользовался прибыльнымъ для него довлѣіемъ Вальполя. Затѣмъ явился другой, буйный и безпутный сэръ-Томасъ, который игрою и кутежомъ значительно разстроилъ состояніе, такъ что сэръ-Грегори, дѣдъ нашей миссъ Маррабель, наследовавшій титулъ въ началѣ царствованія Георга III, не могъ уже считаться человѣкомъ богатымъ. Двое сыновей его, сэръ-Грегори второй и генераль Маррабель, умерли задолго до того времени о которомъ мы пишемъ: сэръ-Грегори въ 1815, а генераль въ 1820 году. Этотъ второй сэръ-Грегори былъ дядя нашей миссъ Маррабель, а генераль былъ отецъ ея, и также отецъ мистрисъ Лоутеръ, матери Мери. Третій сэръ-Грегори владѣлъ титуломъ и имѣніемъ во время нашего разказа, джентельменъ весьма старый, имѣвшій единственнаго сына, четвертаго Грегори. Жилъ онъ въ Донриппель-паркѣ, въ графствѣ Ворстертшейръ, на самой границѣ Ворвикшейра. Имѣніе было небольшое по титулу владѣльца, тысячи въ три съ чѣмъ-нибудь фунтовъ стерлинговъ дохода. Для настоящаго поколѣнія Маррабелей не было уже ни мѣстъ въ парламентѣ, ни скаковыхъ лошадей, ни сезонныхъ въ столицѣ. Сэръ-Грегори былъ человѣкъ весьма тихій, и единственный сынъ его, лѣтъ уже сорока, жилъ почти постоянно дома и занимался древностями. Онъ былъ необыкновенный знатокъ отечественной исторіи, и въ Обществѣ любителей древности, въ Археологическомъ и другихъ обществахъ уже лѣтъ двадцать ожидали появленія его книги, въ которой онъ намѣревался изложить новое воззрѣніе на происхожденіе старинныхъ каменныхъ памятниковъ въ Англіи. Таковы были два единственные представителя старшей вѣтви рода. Но у сэръ-Грегори было два брата: младшій былъ священникъ Джонъ Маррабель, теперешній ректоръ церкви Св. Петра въ Лотоунѣ, хозяинъ дома съ тяжелыми грязновато-сѣрыми воротами, гдѣ жилъ онъ холостякомъ, какъ жилъ прежде него его родственникъ, покойный ректоръ; а старшій братъ былъ полковникъ Маррабель. У полковника Маррабеля былъ сынъ, капитанъ Вальтеръ Маррабель—имъ и кончается рядъ Маррабелей, съ которыми мы нашли нужнымъ познакомить сбитаго съ толку читателя.

Просвѣщенный читатель, конечно, уразумѣлъ уже что миссъ Мери Лоутеръ и капитанъ Вальтеръ Маррабель остояли другъ съ другомъ въ троюродномъ родствѣ, и сообразилъ также, если сдѣлалъ внимательно за изложенною нами генеалогіей, что ректоръ Джонъ Маррабель вступилъ въ должность по смерти родственника, принадлежавшаго къ одному съ нимъ поколѣнію, но къ младшей отрасли рода. Такъ и было дѣйствительно. Изъ этого видно какъ мало могъ сдѣлать теперешній сэръ-Грегори для своего брата, и можно, пожалуй, заключить, что и самъ лотоунскій священникъ не былъ въ состояніи занять особенно видное мѣсто въ обществѣ. Онъ былъ однако благодушный, добрый, простой старикъ, не особенно даровитый, не блестящій проповѣдникъ, но любимый всеми, и держалъ помощника, несмотря на незначительность получаемаго имъ дохода. Случилось такъ, что капитанъ Вальтеръ Маррабель пріѣхалъ погостить къ дядѣ ректору около того же самаго времени какъ Мери Лоутеръ вернулась въ Лорингъ.

— Вы вѣдь помните Вальтера? спросила миссъ Маррабель племянницу.

— Нисколько. Помнится, что былъ какой-то Вальтеръ, когда я была въ Донриппелъ, но этому уже десять лѣтъ, а мальчики мало знаютъ со своими юными кузинами.

— Онъ, должно-быть, тогда былъ уже юношей, а вы ребенкомъ.

— Онъ кончалъ курсъ въ школѣ. Онъ семью годами старше меня.

— Онъ пріѣхалъ погостить у Джона.

— Неужели, тетушка? Что же такому человѣку дѣлать въ Лорингъ.

Затѣмъ тетушка Сарра объяснила все что знала и даже позволила себѣ нѣсколько намековъ на то чего не знала. Вальтеръ Маррабель поссорился съ отцомъ своимъ, полковникомъ, съ которымъ впрочемъ ссорился всякій носившій имя Маррабель, и котораго миссъ Маррабель считала воплощеніемъ зла. Онъ вѣчно былъ въ долгу, уморилъ съ горя жену, звался съ дурнымъ обществомъ, позорилъ семейство, не разъ попадался подъ арестъ, истощилъ на себя всю протекцію какую могли доставить связи родственниковъ, такъ что на долю другихъ членовъ семейства ничего уже не осталось,

игралъ и пилъ и совершалъ всѣ порочныя дѣла какія только можетъ совершать старый полковникъ живущій въ Портсмутѣ. До сихъ поръ миссъ Маррабель смотрѣла на сына едва ли благосклоннѣе чѣмъ на отца. Она вообще не ждала ничего хорошаго отъ этой отрасли рода. Капитанъ Маррабель долго жилъ съ отцомъ и слѣдовательно не могъ не развратиться. Вообще миссъ Маррабель всю жизнь не совсѣмъ въ ладу жила со своими родственниками. Отецъ ея Вальтеръ былъ, по ея мнѣнью, обиженъ братомъ, и тяжба велась когда-то между ректоромъ Джономъ и сэръ-Грегори. Миссъ Маррабель уважала сэръ-Грегори какъ главу семейства, но не ѣздила къ нему въ Донриппель и не зналась съ его наслѣдникомъ. О священникѣ Джонѣ она была весьма не высокаго мнѣнія, пока онъ не пріѣхалъ въ Лорингъ. Но съ тѣхъ поръ какъ онъ тутъ поселился, она поняла, какъ сама выражалась, что кровь гуще воды, и теперь они находились въ весьма дружескихъ отношеніяхъ. Услышавъ что капитанъ Маррабель пріѣзжаетъ вслѣдствіе ссоры съ отцомъ, она рѣшила что нѣтъ причины избѣгать встрѣчи съ этимъ почти незнакомымъ ей родственникомъ.

— Какъ вамъ нравится ваша кузина? спросилъ старый священникъ племянника послѣ отъѣзда обѣихъ дамъ, обѣдавшихъ у ректора. Тутъ въ первый разъ послѣ пріѣзда своего въ Лорингъ Вальтеръ Маррабель встрѣтился съ Мери.

— Я помню ее въ Донриппелѣ какъ вчера. Она тогда была дѣвочка и казалась мнѣ самою красивою дѣвочкой въ мірѣ.

— Всѣ мы и теперь считаемъ ее очень красивою.

— Она дѣйствительно очень мила, только, кажется, не особенно разговорчива. Я помню, она и дѣвочкой все молчала.

— Когда захочетъ, она, я думаю, умѣетъ разговаривать. Только не влюбитесь въ нее, Вальтеръ!

— Постараюсь не влюбиться.

— Впервыхъ, она почти что помолвлена съ однимъ чело-
вѣкомъ очень порядочнаго состоянія въ Вильтшейрѣ, а во-
вторыхъ—у ней нѣтъ ни гроша.

— Не беспокойтесь! Я теперь не расположенъ ухаживать, еслибъ и было у нея состояніе и еслибъ она не была ни съ кѣмъ помолвлена. Должно-быть современемъ это пройдетъ, но теперь я чувствую себя неспособнымъ сказать ласковое слово кому бы то ни было.

— Ну вотъ! Это пустяки, Вальтеръ. Смотрите на вещи хладнокровно. Все скоро устроится, а если и не устроится, такъ вамъ легче будетъ.

Такова была философія ректора Джона; чтобы вдуматься въ нее на свободѣ, капитанъ закурилъ сигару и вышелъ за грязновато-сѣрыя ворота.

Въ первой главѣ нашего разказа было сказано, что мистеръ Джильморъ одинъ изъ героевъ, дѣянія которыхъ мы взяли изложить и, можетъ-быть, даже дано было почувствовать читателю что онъ любимый герой нашъ. Однако, капитанъ Маррабель другой герой, и надо, слѣдовательно, сказать о немъ слова два. Онъ былъ мужчина, конечно, болѣе красивый чѣмъ Джильморъ, хотя наружность его съ перваго взгляда не такъ располагала въ его пользу. Въ Джильморѣ всякій сразу видѣлъ честнаго, прямого, добропорядочнаго сельскаго дворянина, на слово котораго можно слѣпо положить, пожалуй немного упрямаго и своевольнаго, но неспособнаго на несправедливый, дурной поступокъ. Онъ былъ именно такой человѣкъ которому осмотрительная мать тотчасъ же согласилась бы вѣрить дочь свою. А у Вальтера Маррабель была совсѣмъ другаго рода наружность. Онъ служилъ въ Индіи, вслѣдствіе чего цвѣтъ лица его, отъ природы смуглый, еще болѣе потемнѣлъ. Черные волосы его вились кудрями, но кудри на лбу уже сильно рѣдѣли, какъ будто лѣта уже сказывались на немъ, хотя онъ былъ годами пятью моложе Джильмора. Брови у него были густыя, нависшія, и глаза казались черными. Глаза эти двигались мало, и когда они глядѣли на васъ пристально, что случалось нерѣдко, въ нихъ какъ будто проглядывало что-то враждебное, вызывающее. Отъ этого многіе его боялись, а многіе не любили за нѣкоторую жесткость выражавшуюся въ его лицѣ. Онъ не носилъ ни бороды, ни бакенбардъ, а только густые, черные усы, совершенно скрывавшіе его верхнюю губу. Носъ его былъ длиненъ и прямъ, ротъ великъ, подбородокъ нѣсколько выступалъ впередъ. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ красивый. Онъ казался высокимъ, хотя въ сущности былъ двумя дюймами ниже средняго роста въ шесть футовъ. По ширинѣ плечъ, по крѣпкой осанкѣ, немногіе пошли бы на драку съ нимъ, а самъ онъ казался готовымъ на драку. Отъ природы онъ былъ не сварливаго характера, но онъ претерпѣлъ много невзгодъ. Не къ чему разказывать подробно какъ

разстроились его денежные дѣла. Ему предстояло наследовать, и онъ дѣйствительно наследовалъ отъ родныхъ матери состояніе, которое отецъ ухитрился отнять у него. Только мѣсяцъ тому назадъ узналъ онъ что отецъ завладѣлъ большею частью принадлежавшихъ ему денегъ, а можетъ-быть и всѣми. Отецъ, съ сигарою въ зубахъ, объяснилъ сыну что это военное счастье, что еслибы не обдѣлили его при женьтибѣ, эти деньги достались бы ему; что ему, право, очень жаль, но дѣлать уже съ этимъ нечего. Сынъ назвалъ отца обманщикомъ и мошенникомъ, что и было вполне справедливо, хотя сыну, конечно, не слѣдовало такъ говорить со своимъ родителемъ. Отецъ погрозилъ сыну хлыстомъ. Такъ они разстались чрезъ десять дней послѣ возвращенія Вальтера изъ Индіи.

Вальтеръ писалъ обоимъ дядямъ своимъ, спрашивая ихъ совѣта какъ спасти остатокъ имущества, если еще можно было спасти что-нибудь. Сэръ-Грегори отвѣчалъ что онъ человекъ старый, что недоразумѣніе это крайне огорчаетъ его, и что повѣренные семейства—гг. Блокъ и Корлингъ. Ректоръ Джонъ пригласилъ племянника къ себѣ въ Лорингъ. Капитанъ Маррабель повидался съ Блокомъ и Корлингомъ, не услышалъ отъ нихъ ничего утѣшительнаго, и принялъ приглашеніе дяди.

Не далѣе какъ три дня спустя послѣ первой встрѣчи капитана со своею кузиной, они подъ вечеръ гуляли вмѣстѣ по берегамъ Лорвели, маленькой рѣчки, принимающей около Лоринга то видъ канала, то видъ широкаго потока. Рѣчка эта судоходна, сообщается съ системой Кеннета и Авона, и часто встрѣчаются на ней длинныя, грузныя барки съ сопливыми, грязными проводниками, медленно влекомыя изнуренными, запаленными лошадьми. Мѣстами рѣчка очень красива: крутые, известковые берега, множество шлюзовъ, и зелень луговъ подходитъ къ самому бечевнику. Но въ ближайшихъ окрестностяхъ города теченіе прямо и не живописно. Мѣстность ровная, повсюду разбросаны маленькіе, четверугольные домики, которые сами по себѣ такъ неизящны что уничтожаютъ всякую живописность ландшафта.

Ректоръ Джонъ, всегда называемый такъ въ отличіе отъ его родственника, прежняго священника, достопочтеннаго Джемса Маррабель, при случаѣ разказалъ миссъ Маррабели какой несправедливости подвергся его племянникъ, а миссъ

Маррабель пересказала Мери. Обѣимъ дамамъ дѣло это показалось до такой степени ужаснымъ — отецъ обобралъ роднаго сына—что суровая злость медленно движущихся глазъ найдена была простиительною, и сердца ихъ исполнились, если не любви, то жалости къ обиженному. Двадцать тысячъ фунтовъ должны были достаться Вальтеру Маррабель по смерти одного родственника матери. Неужели же не дать ничего отцу? Еще будучи въ Индіи, по просьбѣ полковника, Вальтеръ подписалъ нѣкоторыя роковыя бумаги, вслѣдствіе чего отецъ завладѣлъ чуть ли не всѣмъ капиталомъ и обмылъ его неизвестно куда. Теперь спрашивалось, нельзя ли спасти какія-нибудь пять тысячъ фунтовъ. Если окажется возможнымъ, Вальтеръ намѣревался остаться въ Англіи, если нѣтъ, онъ хотѣлъ отправиться опять въ Индію, или, какъ самъ онъ выражался, къ чорту.

— Не говорите такъ, убѣждала Мери.

— Хуже всего то, отвѣчалъ онъ,—что я такъ разстроены денежнымъ вопросомъ. Мнѣ стыдно за себя. Муштина долженъ въ такихъ случаяхъ владѣть собою. Но это скверно во всѣхъ отношеніяхъ.

— Вы, кажется, собою владѣете.

— Нѣтъ. Я не владѣлъ собою, когда назвалъ отца мошенникомъ. Я не владѣлъ собою, когда поклялся что засажу его въ тюрьму за то что онъ обокралъ меня. Я и теперь не владѣю собою, когда постоянно думаю объ этомъ. Но Индія противна мнѣ, я было такъ твердо рѣшился никогда не возвращаться въ нее. Еслибъ я не зналъ что это состояніе должно мнѣ достаться, я могъ бы какъ-нибудь скопить денегъ.

— Развѣ вы не можете жить здѣсь своимъ жалованіемъ?

— Нѣтъ, не могу, отвѣчалъ онъ, будто разсердясь на нее.— Еслибъ я съ дѣтства привыкъ къ самой строгой экономіи, можетъ-быть, я бы и могъ. Вѣдь живутъ же люди. Но мнѣ привыкать уже поздно. Остается только застрѣлиться или вѣхать назадъ.

— Вы не такой безнравственный человѣкъ чтобы застрѣлиться.

— Не знаю. Чтѣ жь тутъ такого безнравственнаго? Еслибъ я этимъ повредилъ кому-нибудь, тогда другое дѣло.

— А семейство?

— Чтѣ за дѣло сэръ-Грегори до меня? Я когда-нибудь покажу вамъ его письмо. Не вижу чтѣ было бы дурнаго развѣзаться сразу со всѣми этими господами.

— Я увѣрена что вы этого не сдѣлаете, капитанъ Маррабель.

— Подумайте, какво видѣть въ отцѣ своемъ мошенника. Это, можетъ-быть, хуже всего. Можно ли послѣ этого говорить или думать о семействѣ. Я люблю дядю Джона. Онъ очень добръ и предложилъ мнѣ взаймы 150 фунтовъ, которые онъ не въ состоянїи бросить и которые совѣсть не позволяетъ мнѣ взять. Но и онъ не понимаетъ въ чемъ дѣло. Онъ называетъ это несчастіемъ и, безъ сомнѣнїя, завтра же пожалъ бы руку своему брату.

— Да вѣдь и вы пожали бы руку отцу, еслибъ онъ серіозно раскаялся.

— Нѣтъ, Мери. Ничто на свѣтѣ не убѣдитъ меня добровольно встрѣтиться съ нимъ. Онъ испортилъ мнѣ всю жизнь. Я отдалъ бы ему половину и слова бы не сказалъ. Когда писалъ онъ мнѣ въ жалобныхъ письмахъ какъ его обдѣлили, я порѣшилъ предоставить ему половину дохода въ пожизненное пользованіе. Чтобъ онъ не нуждался до моего возвращенїя, я и далъ ему средства сдѣлать то что онъ сдѣлалъ. А онъ отнялъ у меня все, до послѣдняго шиллинга. Не знаю, отдѣлаю ли когда-нибудь отъ этой мучительной мысли?

— Конечно, отдѣлаетесь.

— Теперь сердце мое какъ будто свинцомъ обложено.

Когда они шли домой, она коснулась его руки и просила взять назадъ угрозу.

— Зачѣмъ мнѣ брать ее назадъ? Кто жалветъ обо мнѣ?

— Всѣ мы жалвемъ. Тетушка жалветъ, я жалвю.

— Угроза эта ничего не значить, Мери. Кто высказываетъ такую угрозу, тотъ не приводитъ ея въ исполненіе. Конечно, я буду терпѣть. Хуже всего то что это такъ разстраиваетъ, такъ раздражаетъ меня. Попробую справиться съ собой.

Мери Лоутеръ казалось что онъ хорошо переноситъ несчастіе.

XIV. Родственныя отношенія.

Мери Лоутеръ гуляла съ троюроднымъ братомъ въ понедѣльникъ вечеромъ, а во вторникъ утромъ она получила слѣдующее письмо отъ мистрисъ Фенвикъ. Она тогда ничего еще не слыхала о булгамптонской трагедіи.

Повѣдѣніе, 1-го сентября 186..

„Милая Мери!

„Полагаю, вы уже слышали о совершившемся здѣсь ужасномъ убійствѣ, которое насъ такъ перепугало что мы и теперь еще не опомнились. Трудно сказать почему случай вблизи сильнѣе дѣйствуетъ на насъ, однако это такъ. Еслибы это случилось въ другомъ приходѣ, или и въ нашемъ приходѣ, только подальше, я, кажется, не была бы такъ поражена. Да и всѣ мы такъ хорошо знали старика. И что всего хуже, мы не можемъ отдѣлаться отъ подозрѣнія что чловѣкъ знакомый намъ, котораго мы любили, принималъ участіе въ этомъ преступленіи.

„Мистеръ Тромбуль былъ убитъ въ ночь на воскресенье, должно-быть, около двухъ часовъ; во всякомъ случаѣ между часомъ и тремя. Полагаютъ по нѣкоторымъ признакамъ что убійца было трое. Помните, какъ мы, бывало, шутили надъ собакой бѣднаго Тромбула. Ее первую отравили, вѣроятно, часомъ раньше чѣмъ вломилась въ домъ. Оказалось что безразсудный старикъ держалъ большую сумму денегъ при себѣ въ шкатулкѣ, и что эту шкатулку онъ всегда бралъ съ собою въ постель. Женщина, жившая у него въ домѣ, часто видала ее. Безъ сомнѣнія, воры слышали объ этомъ, и Франкъ и мистеръ Джильморъ оба полагаютъ что разболтала Агнеса Попъ, дѣвушка которую вы, должно-быть, помните въ хорѣ. Она жила у мистера Тромбула, и мы всѣ считали ее дѣвушкою порядочною, хотя она слишкомъ любезничала съ Семомъ Бретлемъ.

„Полагаютъ что мошенники не замыслили убійства, а доведены были до него упорною обороною старика. Тѣло его найдено было не въ комнатѣ, а на лѣстницѣ, высокъ былъ разбитъ ударомъ молотка. Молотокъ лежалъ тутъ же и оказался принадлежащимъ Тромбулу. Мистеръ Джильморъ говоритъ будто это показываетъ большую ловкость со стороны разбойниковъ что они воспользовались орудіемъ какое попало подъ руку, а не принесли его съ собою. По молотку ихъ, конечно, нельзя разыскать.

„Они унесли шкатулку съ полутора ста фунтами, и больше ничего не тронули. Всѣ увѣрены что они знали объ этихъ деньгахъ, и что когда мистеръ Джильморъ засталъ ихъ ночью на углу кладбища, они высматривали какъ пробраться въ домъ фермера, а не къ намъ. Франкъ думаетъ что Семъ завелъ ихъ къ намъ съ какимъ-то дикимъ намѣреніемъ обобрать садъ, а что они пришли только съ цѣлю осмотрѣть домъ. Оба утверждаютъ что виновные должны быть непременно тѣ же самые люди. Тутъ возникаетъ ужасный вопросъ, участвовалъ ли Семъ Бретль, сынъ доброй старой мельничихи, въ этомъ преступленіи? Онъ наканунѣ весь день былъ дома и работалъ прилежно за перестройкой, которая

производится по вашему приказанію, моя милая; но положительно извѣстно что онъ выходилъ изъ дома въ субботу ночью.

„Трудно добиться отъ кого бы то ни было настоящаго мнѣнія о такомъ дѣлѣ, но какъ мнѣ кажется, ни Франкъ, ни мистеръ Джильморъ не думаютъ чтобъ онъ былъ при убійствѣ. Франкъ говоритъ что ему будетъ плохо; мистеръ Джильморъ отдалъ его подъ арестъ. Онъ велъ себя какъ нельзя лучше и совершенно перемѣнился въ обращеніи со стариками. Я была на мельницѣ сегодня утромъ. Бретль самъ не говорилъ со мною, но я просидѣла часъ съ его женой и съ Фанни. Еще грустѣе какъ-то становится, какъ видишь кругомъ разбросанный хламъ, а работы остановлены.

„Фанни Бретль держала себя отлично. Она сказала что братъ ея выходилъ ночью. Мистеръ Джильморъ говоритъ что, когда ей былъ предложенъ при немъ вопросъ объ этомъ, она отвѣчала со свойственнымъ ей спокойствіемъ, совершенно просто, не колеблясь ни минуты, но потомъ не переставала утверждать что братъ ея навѣрное не причастенъ ни къ убійству, ни къ покражѣ. Еслибы не она, мистрисъ Бретль, кажется, не вынесла бы такого удара. Фанни твердить то же отцу. Онъ бранить ее и велитъ молчать, но она продолжаетъ и, кажется, это дѣйствуетъ даже на него. Вся усадьба представляетъ картину разоренія. Вы бы умерли съ горя, еслибъ увидали. А потомъ, какъ поглядишь на отца и на мать, такъ вспомнишь и о той дочери ихъ, — невольно спрашиваешь себя за что такіа несчастія постигаютъ людей честныхъ, скромныхъ, трудолюбивыхъ. Не въ самомъ ли дѣлѣ наказуется человекъ и на землѣ за невѣріе? Когда я сказала это Франку, онъ накинулся на меня и разбилъ, говоря что я мѣряю Всемогущаго Бога своимъ аршиномъ. А вѣдь однако мы видимъ въ Священномъ Писаніи, что люди наказывались за невѣріе. Вспомните отца Крестителя. Но я не смѣю говорить съ Франкомъ о такихъ вещахъ.

„Я такъ занята этимъ дѣломъ Тромбула и такъ тревожусь о Семѣ что не могу писать ни о чемъ другомъ. Скажу только что нельзя было дѣйствовать лучше нежели Гарри Джильморъ, которому пришлось исполнять обязанности судьи. Бѣдная Фанни Бретль отправляется завтра въ Гайтсбери, какъ свидѣтельница. Сначала хотѣли везти и отца, но рѣшили пока оставить его въ покоѣ.

„Семѣ, надо сказать вамъ, говорилъ что онъ познакомился съ этими людьми около Девиза, гдѣ работалъ кирпичи. Онъ побранился съ отцомъ и взялъ тамъ работу за большое жалованье. Онъ хаживалъ съ ними по ночамъ и сознается что вмѣстѣ съ Борроусомъ укралъ выводокъ цыцарокъ, которыхъ одному птичнику хотѣлось купить. Онъ говоритъ что смотрѣлъ на это какъ на шутку. Затѣмъ оказывается что онъ злился за что-то на Тромбулову собаку, и что этотъ

Борроузъ пришелъ сюда нарочно чтобъ эту собаку увести. Вотъ, по его словамъ, все что онъ знаетъ объ этомъ человѣкѣ. Онъ утверждаетъ будто въ эту именно ночь онъ и не подозревалъ что Борроузъ въ Булгамптонѣ, пока не услышалъ на дорогѣ стукъ знакомой ему телеги. Я пишу вамъ все это потому что вы навѣрное раздѣлите наше безпокойство объ этомъ молодомъ человѣкѣ, ради его матери и сестры.

„Прощайте, милая Мери. Франкъ поручаетъ выразить вамъ его любовь. И другой человѣкъ далъ бы мнѣ такое же порученіе, еслибъ я взялась исполнить его. Постарайтесь вспоминать о Булгамптонѣ съ такимъ удовольствіемъ чтобы вамъ захотѣлось поселиться здѣсь. Обнимите отъ меня тетушку Сарру.

„Вашъ искренній другъ
„Жанета Фенвикъ.“

Мери принуждена была два раза перечесть письмо чтобы вполне понять его. Тромбуль убитъ! Она хорошо знавала старика, всегда заговаривала съ нимъ, встрѣчаясь у воротъ фермы, шутила надъ Хватаемъ и слышала какъ онъ выражалъ увѣренность въ совершенной безопасности своей отъ разбойниковъ не далѣе какъ за недѣлю до ночи въ которую его убили. Правду говорить мистрисъ Фенвикъ, случай близкій дѣйствуетъ сильнѣе. Мери много слыхала и о Семѣ Бретлѣ, и вотъ теперь этотъ человѣкъ въ тюрьмѣ, его подозреваютъ въ убійствѣ. Она сама учила пѣть Агнесу Попъ, которая теперь обвиняется въ нѣкоторомъ содѣйствіи ворами; сама замѣчала ей что неблагоразумно съ ея стороны бродить по окрестностямъ фермы съ Семомъ Бретлемъ. Все это очень близко было Мери.

Въ тотъ же день она разказала всю исторію капитану Маррабель. Теткѣ она, конечно, сообщила еще прежде, и онѣ все утро вмѣстѣ обсуждали дѣло. Имя мистера Джильмора было упомянуто въ разговорѣ съ капитаномъ Маррабель, но одно только имя. Тетушкѣ Саррѣ однако уже приходило въ голову, не лучше ли сказать Вальтеру о состоявшейся на половину помолвкѣ. Мери выражала глубокое состраданіе къ троюродному брату, и тетушка Сарра начинала опасаться чтобъ это состраданіе не смѣнилось болѣе нѣжнымъ чувствомъ, а тетушкѣ Саррѣ вовсе не хотѣлось чтобы Мери влюбилась въ человѣка главная привлекательность котораго заключалась въ томъ что онъ разоренъ былъ роднымъ отцомъ, хотя человѣкъ этотъ былъ Маррабель. Опасность,

можетъ-быть, уменьшится, если сообщить капитану въ какихъ отношеніяхъ Мери находится къ Джильмору и объяснить какъ желателенъ для нея подобный бракъ. Но колебанія совѣсти удерживали тетушку Сарру. Она сомнѣвалась въ правѣ своемъ разказывать это безъ согласія Мери; да и не было настоящей помолвки. Она знала, правда, что Джильморъ не разъ дѣлалъ предложеніе, но знала также что предложеніе его не было еще принято, и чувствовала что, изъ уваженія къ нему, такъ же какъ и къ Мери, слѣдуетъ молчать. Правда, родственнику можно сказать то чего не станешь говорить постороннему молодому человѣку; однако она не могла рѣшиться, даже съ хорошею цѣлью, на поступокъ сомнительный въ ея глазахъ.

Въ этотъ вечеръ Мери опять гуляла съ Вальтеромъ по бечевнику вдоль рѣки. Они уже разъ пять встрѣчались и сблизились совершенно. Родственныя отношенія, безъ сомнѣнія, весьма пріятны дѣвушкамъ; и можетъ-быть, чѣмъ дѣвушка лучше и чище, тѣмъ они пріятнѣе ей. Въ Америкѣ дѣвушка можетъ вступить въ дружескія отношенія съ какимъ ей угодно молодымъ человѣкомъ, и хотя, можетъ-быть, надъ ней, при случаѣ, пошутятъ, такія отношенія не вредятъ ея репутаціи. Тамъ за дѣвушкой признано право повеселиться съ молодыми людьми. Цѣлая дюжина друзей не составляетъ помѣхи, когда является настоящій поклонникъ, желающій жениться и имѣющій на это средства. Дѣвушка ѣздитъ верхомъ со своими друзьями, гуляетъ, переписывается съ ними, отправляется съ ними на балы и пикники и, вернувшись, отпираетъ себѣ дверь дома ключомъ который носить въ карманѣ, а папенька съ маменькой спятъ спокойно. Если много можно сказать противъ такого обычая, то онъ имѣетъ и хорошую сторону. На материкѣ Европы дѣвушкамъ и не снится подружиться съ мужчиной. Родственникъ для нихъ въ этомъ отношеніи все равно что совершенно посторонній человѣкъ. Въ строгихъ семействахъ дѣвушкѣ едва позволяется выѣзжать съ братомъ, и мнѣ случалось встрѣчать матерей которыя находили что неприлично отду показываться одному съ дочерью въ театрѣ. При такихъ возрѣніяхъ дружба между мужчиной и женщиной возможна только послѣ замужества. Въ Англіи существуетъ къ-что среднее. Отношенія дѣвушекъ къ молодымъ людямъ на столько свободны что онѣ имѣютъ случай испытать какъ

пріятно иногда забыть условныя стѣсненія, какъ отрадно обмѣниваться мыслями въ свободномъ разговорѣ съ равными себѣ по уму, чувствуя при томъ, на половину безсознательно, что, когда сходятся юноши и дѣвушки, они могутъ научиться любить. Это одна изъ главныхъ радостей молодости, это вполнѣ естественно, вполнѣ умѣстно, вполнѣ согласно съ назначеніемъ, даннымъ человѣку Творцомъ. Однако въ Англіи есть ограниченія. Рѣдко дѣвушка можетъ вступить въ истинно дружескія отношенія съ мужчиной, если онъ не вдвое старше ея, или, если онъ не женихъ ея. Родство представляетъ выходъ изъ-подъ строгости этого правила. Родственниковъ зовутъ Томомъ, и Джакомъ, и Джорджемъ, и Дикомъ. Родственникамъ, вѣроятно, извѣстны всѣ ваши маленькіе семейные секреты. Родственники бѣгали съ вами, и брали васъ, и шалили съ вами въ дѣтствѣ. Родственники почти то же что братья, а могутъ сдѣлаться и обожателями. Родственныя отношенія, несомнѣнно, весьма пріятны.

У Мери Лоутеръ не было брата. Ни брата, ни сестры. Съ перваго дѣтства она не знала другихъ родственниковъ кромѣ тетки и стараго ректора Джона. Услышавъ впервые что Вальтеръ Маррабель въ Лорингъ, она нисколько не обрадовалась. Ей и въ голову не пришло сказать себѣ: „Теперь будетъ у меня человѣкъ съ которымъ я могу подружиться и который можетъ современемъ стать мнѣ вмѣсто брата.“ Что слышала она прежде о Вальтерѣ Маррабель, не говорило въ его пользу. Про отца его разказывали все дурное, и она соединила въ одно отца съ сыномъ въ смутныхъ понятіяхъ какія составила себѣ о нихъ. Но теперь, послѣ этихъ свиданій, Вальтеръ Маррабель сталъ дорогимъ ей родственникомъ, которому она сочувствовала, которымъ гордилась, котораго горе дѣлила, которому она считала возможнымъ весьма скоро сообщить великую заботу своей жизни, дѣло съ Джильморомъ, какъ будто родному брату. Ей нравились его темные, неподвижные глаза, устремлявшіеся на нее всегда какъ будто съ уваженіемъ. Они нравились ей, можетъ-быть, особенно потому что дѣйствительно любовались ею, хотя Мери сама и не сознавала этого. По его требованію, она стала звать его Вальтеромъ. Онъ съ перваго же раза называлъ ее по имени, словно такъ и слѣдовало, и она обрадовалась этому. Но она не осмѣлилась звать его такъ же пока онъ самъ не потребовалъ; теперь онъ дѣйствительно

сталъ близокъ ей. Капитанъ Маррабель въ настоящее время ждалъ съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Блока и Корлинга. Удастся ли спасти 5.000 фунтовъ, или ему опять ѣхать въ Индію и оставить навсегда родную Англію? Мери не была такъ нетерпѣлива какъ капитанъ, но и ее сильно занимали ожидаемыя письма. Въ этотъ день, однако, разговоръ шелъ преимущественно объ извѣстіяхъ полученныхъ изъ Булгамптона.

— Вы, конечно, увѣрены что Семъ Бретъ одинъ изъ убійць? сказалъ капитанъ.

— О, нѣтъ, Вальтеръ.

— Или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ воровъ.

— Да вѣдь и мистеръ Фенвикъ, и мистеръ Джильморъ считаютъ его невиннымъ.

— Я не вижу этого изъ письма вашей пріятельницы. Она говоритъ, ей кажется что они такъ думаютъ. Сверхъ того, онъ очевидно бродилъ вокругъ мѣста съ тѣми самыми людьми которые совершили преступленіе; онъ могъ слышать о дѣльгахъ и, по всей вѣроятности, слышалъ; наконецъ онъ выходилъ изъ дому въ ту же ночь.

— Все-таки мнѣ это не вѣрится. Еслибы вы знали какіе люди отецъ и мать его! (Капитану Маррабель невольно, должно-быть, пришло въ голову, что если у честнаго джентльмена отецъ можетъ быть мошенникъ, такъ и у честнаго мельника можетъ быть сынъ разбойникъ.) И еслибъ вы видѣли ихъ усадьбу! Я чрезвычайно люблю ее.

— О! въ такомъ случаѣ молодой человекъ, конечно, долженъ быть невиненъ.

— Не смѣйтесь надо мной, Вальтеръ.

— Отчего же вы такъ любите это мѣсто?

— Сама не знаю хорошенько. Мнѣ нравятся отецъ и мать, и сестра. Они, по-своему, такіе хорошіе люди. И у нихъ столько было горя, большаго горя. И мѣсто такое свѣжее, красивое, все окруженное рѣчками и старыми ивами; крыша соломенная, спускающаяся мѣстами почти до земли, наконецъ, я ничего не слыхала пріятнѣе звука мельничнаго колеса.

— Будемъ надѣяться что онъ невиненъ, Мери.

— Я надѣюсь что онъ невиненъ! Мои друзья принимаютъ большое участіе въ этомъ семействѣ. Фенвики ихъ очень любятъ, а мистеръ Джильморъ ихъ хозяинъ.

— Онъ и судья?

— Да, онъ судья.

— Какой онъ человѣкъ?

— Очень хорошій человѣкъ. Такой хорошій что подобнаго ему и не найдешь.

— Въ самомъ дѣлѣ? И у него такая же безподобная жена?

— Мистеръ Джильморъ не женатъ.

— Какихъ онъ лѣтъ?

— Лѣтъ тридцати съ чѣмъ-нибудь.

— Съ хорошимъ состояніемъ и не женатъ! Какой случай вы упустили, Мери!

— Развѣ, по-вашему, порядочная дѣвушка должна идти за человѣка потому только что онъ человѣкъ хорошій, съ состояніемъ и не женатъ?

— Такъ обыкновенно бываетъ, не правда ли?

— Надѣюсь, вы этого не думаете. Выйти замужъ за мистера Джильмора было бы счастьемъ для всякой дѣвушки, еслибы только она любила его.

— А вы не любите?

— Я не о себѣ говорю, и вамъ не слѣдуетъ предлагать мнѣ такіе вопросы.

Эти родственныя прогулки по берегамъ Лорвели едва ли содѣйствовали осуществленію надеждъ мистера Джильмора.

XV. Полиція сбивается.

Судьи засѣдали въ Гайтсбери во вторникъ, и Семъ не былъ оправданъ. Мистеръ Фенвикъ позаботился доставить ему защитника. Настоятель въ понедѣльникъ вечеромъ отправился на мельницу, и настойчиво доказывалъ мельнику необходимость для его сына законной помощи. Сначала мистеръ Бретль оставался мраченъ, неподвиженъ и какъ бы глухъ. Онъ сидѣлъ на лавочкѣ за своею дверью, устремивъ глаза на разрушенную мельницу, устало качая головой и, повидимому, съ отвращеніемъ и досадою слушалъ обращенныя къ нему слова; мистрисъ Бретль тѣмъ временемъ стояла въ дверяхъ и молча слушала. Если священникъ не можетъ убѣдить его, то можетъ ли она надѣяться какими бы то ни было словами помочь дѣлу. И она стояла тамъ, утирая слезы, съ умоляющимъ взглядомъ, а мужъ даже не подозрѣвалъ объ ея

присутствіи. Наконецъ онъ поднялся съ своего мѣста и позвалъ.

— Меджи! крикнулъ онъ,—Меджи!

Она приблизилась и положила руку на его плечо.

— Принеси мѣхъ, мать, кошелекъ, сказалъ онъ.

— Этого совсѣмъ не нужно, сказалъ настоятель.

— Джентльмены ничего не дѣлаютъ даромъ для такихъ людей какъ нашъ сынъ, сказалъ мельникъ. — Принеси мѣхъ кошелекъ, мать, говорю я тебѣ. Въ немъ немного, но есть однако нѣсколько гиней, которыя, можетъ-быть, пригодятся. Во всякомъ случаѣ употребите ихъ такъ или иначе.

Мистеръ Фенвикъ, конечно, отказался взять деньги. Онъ дасть понять адвокату что его хорошо вознаграждать за его трудъ, и этого пока достаточно. Но ему необходимо, объяснялъ священникъ, имѣть на это полномочіе отъ отца, потому что, если объ этомъ зайдетъ рѣчь, то для молодого человѣка будетъ лучше если защитникъ доставленъ ему отцомъ, а не постороннимъ человѣкомъ.

— Понимаю, мистеръ Фенвикъ, сказалъ старикъ, понимаю.—Вы поступаете какъ добрый сосѣдъ. Но лучше бы вы оставили насъ гаснуть какъ нагорѣвшая свѣча.

— Отецъ, сказала Фанни,—мнѣ больно слышать что вы такъ говорите и считаете Сема виноватымъ, когда этого еще никто не доказалъ.

Мельникъ опять покачалъ головой и болѣе ничего не сказалъ, а настоятель, получивъ желаемое согласіе, возвратился домой.

Адвокатъ былъ представленъ, но Семъ не былъ оправданъ. Противъ него не было явныхъ уликъ, и ничего нельзя было доказать, пока не будетъ арестованъ другой человѣкъ, котораго искали. Полиція прослѣдила двухъ людей до коттеджа, въ пятнадцать мильхъ разстоянія отъ Булгамптона, въ которомъ жила старая женщина, мать Точильщика. У мистрисъ Борроусъ нашли молодую женщину, которая недавно у ней поселилась, и которая, какъ говорили сосѣди, была Точильщикова жена.

Но о Точильщикѣ узнали только что онъ былъ въ коттеджѣ утромъ въ воскресенье, и потомъ, по своему обыкновенію, ушелъ. Старуха божилась что онъ провелъ дома всю ночь съ субботы на воскресенье, но полиція, конечно, не повѣрила ей показанію. Когда же видно чтобы полицейскій

чему-нибудь повѣрилъ? Старуха увѣряла что ничего не знаетъ о лошади и телѣгѣ. У ея сына, сколько ей извѣстно, нѣтъ ни лошади, ни телѣги. Потомъ она говорила что и сына своего она мало знаетъ, потому что онъ никогда не жилъ съ ней; а женщину она приняла къ себѣ изъ состраданія, недѣлю двѣ тому назадъ. Мать и не думала утверждать что сынъ ея честный человѣкъ и честнымъ образомъ добываетъ хлѣбъ. Поведеніе Точильщика было слишкомъ извѣстно чтобы даже мать могла защищать его. Но она утверждала что сама она честная женщина и привнесла къ окну нѣсколько бутылочъ и черствыхъ сухарей чтобы доказать что она живетъ приличною, честною торговлей.

Семь, конечно, былъ оставленъ подъ арестомъ. Главный констебль округа потребовалъ еще недѣлю чтобы навести справки, и высказалъ твердую увѣренность что онъ овладѣетъ Точильщикомъ и его товарищемъ ранѣ исхода недѣли. Гайтсберійскій адвокатъ сдѣлалъ слабую попытку доказать что Семь можетъ-быть отпущенъ на поруки, потому что, вслѣдствіе его показанія, „на него не падаетъ ни малѣйшей тѣни подозрѣнія“. Но бѣдный Семь былъ опять препровожденъ въ тюрьму, чтобы провести тамъ еще недѣлю. Въ слѣдующій вторникъ произошла опять точно такая же сцена: Точильщикъ не былъ арестованъ, и потребовалась новая отсрочка. Лицо главнаго констебля въ этотъ разъ было длиннѣе чѣмъ прежде, и голосъ не такъ самоувѣренъ. Онъ полагалъ что Борроусъ захватилъ одинъ изъ утреннихъ воскресныхъ поѣздовъ и добрался до Бирмингама. Потребовалась новая отсрочка на недѣлю, и ясно было что, если будетъ нужно, она опять возобновится. Въ этотъ разъ гайтсберійскій адвокатъ настойчиво требовалъ освобожденія Сема, говорилъ о *habeas corpus* и о несправедливости ареста безъ доказанной вины. Но судьи не придали большаго значенія его словамъ. „Когда мнѣ говорятъ что молодой человѣкъ прятался въ канавѣ возлѣ дома убитаго, за нѣсколько дней до убійства, развѣ это не улика противъ него, мистеръ Джонсъ?“ сказалъ сэръ-Томасъ Чарлейсъ, изъ Чарликота.

— Совсѣмъ не улика, сэръ-Томасъ. Еслибы меня напали спящимъ въ той канавѣ, это не было бы уликой противъ меня.

— Нѣтъ было бы, и очень сильною, и я не колеблюсь велѣлъ бы васъ арестовать, мистеръ Джонсъ.

На это мистеръ Джонсъ отвѣчалъ остроумнымъ возраженіемъ, но ничто не помогло, и Семъ былъ въ третій разъ отправленъ въ тюрьму.

Въ первые десять дней послѣдовавшіе за убійствомъ, на мельницѣ не производилось никакихъ работъ. Работники нанятыя Бретлемъ перестали приходить, вѣроятно по собственному нежеланію, и мельница оставалась въ томъ положеніи въ какомъ осталась послѣ ухода рабочихъ въ субботу вечеромъ. Что-то ужасно горькое было для старика въ томъ что у него не осталось даже предлога пойти поработать на мельницу, и дома не находилось никакого дѣла къ которому онъ могъ бы приложить руки. По прошествіи десяти дней Джильморъ пришелъ на мельницу и предложилъ на свой счетъ продолжать и окончить перестройку. Если нельзя будетъ работать на мельницѣ, то у старика не останется средствъ къ существованію и къ уплатѣ ренты. Во всякомъ случаѣ не надо позволять этому великому горю омрачить все до такой степени чтобъ обратить трудъ въ бѣдствіе, а стѣсненныя обстоятельства въ нищету. Но сквайру пришлось испытать какъ трудно ладить съ мельникомъ. Сначала старый Бретль не хотѣлъ ни отказать, ни согласиться. Когда сквайръ сказалъ что не можетъ оставить своей собственности въ такомъ положеніи, мельникъ объявилъ что готовъ выйти на дорогу, лечь тамъ и умереть, но не ранѣе того времени когда срокъ его аренды придетъ къ концу.

— Не думаю чтобъ я вамъ былъ долженъ что-нибудь до будущаго Михайлова дня, а теперь еще сѣно на лугу.

Джильморъ, необыкновенно терпѣливый человѣкъ, увѣрялъ его что не имѣлъ никакого намѣренія намекнуть на ренту и не упоминаетъ о ней даже тогда когда придетъ срокъ, если и тогда мельникъ будетъ нуждаться въ деньгахъ. Но не лучше ли, во всякомъ случаѣ, поправить мельницу?

— Конечно такъ, сквайръ, сказала мистрисъ Бретль.—Это бездѣйствіе убиваетъ его.

— Придержи свой болтливый языкъ, грозно сказалъ мельникъ, обернувшись къ ней.—Тебя не спрашиваютъ. Я самъ посмотрю что нужно будетъ сдѣлать, сквайръ, завтра или послѣзавтра.

По прошествіи еще двухъ или трехъ дней бездѣйствія на мельницѣ, сквайръ опять пришелъ, и привелъ съ собой настоятеля, и имъ сообща удалось уладить чтобы немедленно

возобновить работы перестройки. Мельницу рѣшили перестроить, а домъ оставить до слѣдующаго лѣта. Что касается до самого Бретля, то, хотя онъ далъ согласіе, его нисколько не интересовало что они сломають и что построятъ.

— Дѣлайте какъ хотите, сказалъ онъ, — а теперь ничто. Женщины выгоняють меня изъ моего дома, будто у меня тамъ нѣтъ никакого дѣла.

И такимъ образомъ опять слышались звуки топоровъ и лопатъ, а старый Бретль сидѣлъ и безмолвно смотрѣлъ на работающихъ людей. Однажды, увидавъ что два человѣка и мальчикъ тащили лѣстницу, онъ со смѣхомъ повернулся къ женѣ и сказалъ: „Семь скорѣе согласилася бы умереть чѣмъ попросить у кого-нибудь помощи изъ такихъ пустяковъ.“

Мистрисъ Бретль говорила послѣ этого мистрисъ Фенвикъ что двое заблудшихъ дѣтей не выходили у него изъ ума ни утромъ, ни въ полдень, ни ночью. „Когда я заговарю съ нимъ о Джоржѣ“, который былъ фермеромъ близъ Фордингъ-Бриджа, „или о мистрисъ Гей“, которая была женой купца въ Варминстерѣ, — „онъ нисколько ими не увѣщается“, говорила мистрисъ Бретль. „Я думаю, онъ не заботится о нихъ именно потому что они могутъ ходить съ поднятыми головами.“

По прошествіи трехъ недѣль Точильщикъ все еще не былъ найденъ, и многіе, въ особенности мистеръ Джонсъ, адвокатъ, начали утверждать что Семъ Бретль будетъ выпущенъ изъ тюрьмы. Мистеръ Фенвикъ былъ твердо увѣренъ что его не будутъ долѣе задерживать, если явится поручитель за него. Сквайръ былъ разсудительнѣе, и говорилъ что освобожденіе его можетъ помѣшать полиціи попасть на слѣдъ настоящаго убійцы. „Онъ, безъ сомнѣнія, знаетъ болѣе того что сказалъ“, говорилъ Джильморъ, „и надо ожидать что онъ наконецъ признается во всемъ.“ Полиція думала что Семъ по крайней мѣрѣ присутствовалъ при убійствѣ, и что его необходимо держать въ заключеніи до суда надъ нимъ. Полицейскіе придумывали странныя средства чтобы найти улики противъ него. Его сапогъ, говорили они, приходится къ слѣду оставшемуся въ грязи, на дворѣ фермы. Мѣрка же была снята въ воскресенье. Потомъ они нѣсколько разъ допрашивали Агнесу Попъ и выпытали у бѣдной дѣвушки признаніе что она любитъ Сема болѣе всего во всемъ обширномъ мірѣ. Если ему суждено остаться въ тюрьмѣ, она готова идти къ нему въ тюрьму. У нея нѣтъ тайны въ которой

бы она ему не призналась, но она божилась что никогда не говорила ему о шкатулкѣ Тромбула. Она не помнитъ говорила ли о ней съ кѣмъ-нибудь, но готова дать клятву на смертномъ ложѣ что никогда не говорила о ней съ Семомъ Бретлемъ. Главный констебль объявилъ что онъ никогда не встрѣчалъ болѣе упрямой и хитрой дѣвушки. Сэръ-Томасъ Чарлейсъ открыто высказывалъ свое мнѣніе что какое поручительство не будетъ принято. Дали еще недѣлю отсрочки, съ намекомъ что, если въ это время не будетъ открыто ничего важнаго, и два другія подозрѣваемые лица не будутъ арестованы, Семъ будетъ отпущенъ на поруки, на хорошія, существенныя поруки, въ 400 ф. съ него и по 200 съ cadaго изъ поручителей.

— Кто за него поручится? спросилъ сквайръ, возвращаясь со своимъ другомъ настоятелемъ изъ Гайтсбери.

— Въ поручителяхъ, вѣроятно, недостатка не будетъ.

— Но кто же однако? Вопервыхъ, его отецъ?

— Его братъ Джоржъ и Гей изъ Варминстера, мужъ его сестры.

— Не думаю чтобъ они пошли, сказалъ сквайръ.

— Онъ не долженъ имѣть недостатка въ поручителяхъ; если понадобится, я буду однимъ изъ нихъ. Онъ долженъ быть отпущенъ на поруки. Если встрѣтится затрудненіе, Джонсъ поручится за него. Его не должно притѣснять такимъ образомъ.

— Никто и не думаетъ притѣснять его, Франкъ.

— Его будутъ притѣснять, если его братья не захотятъ поручиться за него. А если они не захотятъ, такъ не потому чтобы считали его виноватымъ, а потому что такіе люди какъ бараны идутъ туда куда ихъ гонять. Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ яснѣе вижу что онъ не принималъ никакого участія въ убійствѣ.

— Никогда не встрѣчалъ я человѣка который бы такъ часто мнѣялъ свои мнѣнія какъ вы, сказалъ Джильморъ.

Въ продолженіи трехъ недѣль визиты главнаго констебля въ коттеджъ мистрисъ Борроусъ повторялись чаще чѣмъ бы того желала старушка. Коттеджъ находился въ пяти миляхъ разстоянія отъ Девиза, на границѣ прихода, и въ полумилѣ отъ большой дороги которая ведетъ изъ этого города въ Марльборо. Тамъ есть, или былъ годъ или два тому назадъ, довольно значительный участокъ свободной земли, а

въ мѣстечкѣ называемомъ Пикрофтскою общиной, стояла небольшая группа коттеджей, представлявшая деревушку самаго жалкаго разряда. Тамъ не было дома болѣе затѣдливаго чѣмъ маленькая пивная лавка, которая вполне удовлетворяла потребности Пикрофтцевъ въ общественной жизни. Другахъ же лавокъ тамъ никакихъ не было, кромѣ булочной, содержателю которой рѣдко приходилось продавать много хлѣба, и кабачка, который содержала мистрисъ Борроусъ. Обитатели болѣею частью были трудящіеся люди, нѣкоторые лѣтомъ занимались выдѣлкой кирпичей; но въ окружности утвердилась мысль что Пикрофты занимались незаконною работою и нечестнымъ ремесломъ. Однако рента за коттеджи выплачивалась исправно, иначе обитателей ихъ давно бы изъ нихъ выгнали. Мистрисъ Борроусъ жила въ своемъ ужь лѣтъ пять или шесть, и славилась въ сосѣдствѣ своею чистоплотностью и желаніемъ жить прилично. Лѣтомъ подлѣжина подсолнечниковъ росла на клочкѣ земли называвшемся садомъ; возлѣ двери красовались розовый кустъ и жимолость, въ углу стоялъ старый пенъ, изъ котораго выходили новые побѣги, а вокругъ него росли ягоды. Когда констебль Тоффи прѣвзжалъ къ ней, она встрѣчала его вѣжливыми словами, потому что она ни за что не согласилась бы показать что утреннія посѣщенія его ей не совсѣмъ пріятны.

Мы уже говорили что въ то время мистрисъ Борроусъ жила не одна, а съ молодою женщиною которую мистеръ Тоффи считалъ женой Ричарда Борроусъ, иначе Точильщика. Въ первое свое посѣщеніе Пикрофта, мистеръ Тоффи, безъ сомнѣнія, имѣлъ цѣлю раззнать, извѣстно ли старухѣ гдѣ скрывается ея сынъ, но второй, третій и четвертый визиты были сдѣланы скорѣе младшей изъ женщинъ нежели старшей. Тоффи, можетъ-быть, узналъ изъ своей долгой и обширной опытности что люди подобные Точильщику довѣряютъ болѣе молодымъ женщинамъ чѣмъ старымъ, и что тѣмъ не менѣе молодая женщина скорѣе способна измѣнить довѣрію чѣмъ старая, отчасти по безразсудству и отчасти — увь! — по непостоянству. Но если младшая мистрисъ Борроусъ знала что-нибудь о послѣднихъ дѣянiяхъ Точильщика, то она не была ни безразсудна, ни непостоянна. Мистеръ Тоффи ничего не могъ выпытать у ней. „Думаетъ что не обязана говорить гдѣ жила прежде чѣмъ поселилась

въ Пикрофтѣ; жила не съ мужемъ, да мужа и не было, а еслибъ и былъ, такъ не обязана говорить этого. Дѣтей нѣтъ, да и на что ему спрашивать. Пріѣхала изъ Лондона; теперь живетъ здѣсь, для чего же ему знать откуда она? Какое ему дѣло какъ ее зовутъ? Ея имя Анна Борроусъ, если ему угодно будетъ такъ называть ее. Больше она не отвѣтитъ ему ни на одинъ вопросъ. Какъ звали до замужства, этого она не скажетъ.“

Мистеръ Тоффи имѣлъ свои причины распрашивать бѣдную женщину, но онъ не далъ никому понять что это были за причины. Онъ однако не могъ узнать ничего, кромѣ того что заключалось въ вышеприведенныхъ отвѣтахъ, которые большею частью были правдивы. Ни мать, ни младшая женщина не знали гдѣ можно найти героя событія, Точильщика, и вся полиція Вильтшейра начала опасаться что ее перехитрили.

— Вы, мнѣ кажется, никогда не были въ Булгамптонѣ съ вашимъ мужемъ, спросилъ мистеръ Тоффи.

— Никогда, отвѣчала предполагаемая жена Точильщика.— А вамъ-то какое дѣло до того гдѣ я была?

— Не смѣй больше отвѣчать ему, сказала старая мистрисъ Борроусъ.

— И не буду.

— Были вы когда-нибудь въ Булгамптонѣ, спросилъ мистеръ Тоффи.

— Боже мой, Боже мой! воскликнула младшая.

— Мнѣ кажется, вы были тамъ одинъ разъ.

— Да вамъ-то до того какое дѣло, спросила мистрисъ Борроусъ старшая. Пожалуста, оставьте насъ. Вы не имѣете права здѣсь оставаться и не останетесь. А если вы не уберетесь, я разобью вамъ голову. Мнѣ нѣтъ дѣла до полиціи, или до кого другаго. Мы не сдѣлали ничего дурнаго. Если онъ разбилъ голову джентльмену, такъ мы въ этомъ не виноваты, ни она, и ни я.

— А я все-таки думаю что мистрисъ Борроусъ была въ Булгамптонѣ.

Ни одного слова не произнесла болѣе такъ-называемая мистрисъ Борроусъ младшая, и констебль Тоффи удалился. Онъ однако вынесъ убѣжденіе, что гдѣ бы ни были убійцы,—сообщникъ, или сообщники Сема Бретля въ убійствѣ, ибо въ виновности Сема онъ былъ твердо убѣжденъ,—то ни мать,

ни предполагаемая жена не знаютъ гдѣ эти люди находятся теперь. Онъ мысленно обвинялъ полицію Варвикшейра, Глостершейра, Ворстершейра и Сомерсетшейра въ томъ что Точильщикъ не арестованъ. Онъ особенно обвинялъ полицію Варвикшейра, потому что былъ увѣренъ что преступникъ находится въ Бурмингамъ. Еслибы полиція въ тѣхъ графствахъ исполняла свое дѣло такъ какъ она исполняла свое въ Вильтшейрѣ, то Точильщикъ былъ бы давно задержанъ. Но самъ онъ теперь не можетъ ничего сдѣлать. И мистеръ Тоффи съ тяжестью въ сердцѣ оставилъ Пикрофтскую общину.

XVI. Миссъ Лоутеръ проситъ совѣта.

Всѣ эти изслѣдованія объ убійствѣ мистера Тромбуа и арестъ Сема Бретля происходили въ сентябрѣ, и въ этомъ же мѣсяцѣ энергія двухъ другихъ законовѣдовъ была обращена на совершенно другой предметъ. Могутъ ли гг. Блокъ и Корлингъ поручиться капитану Маррабель что часть его наслѣдства можетъ быть спасена, или его безжалостный отецъ дѣйствительно лишилъ его всего состоянія? Не было сомнѣнія что если осталось хоть что-нибудь, то не по деликатности полковника. Полковникъ горячо принялся за дѣло, расплачивался съ кредиторами которые накинулись на него какъ только онъ получилъ въ руки деньги, игралъ на большія суммы, давалъ векселя, однимъ словомъ, употребилъ всѣ силы чтобы какъ можно скорѣе истратить все. Но оставалась еще надежда спасти сумму въ 5.000 фун., которые, по видимому, перешли къ нѣкоторой леди, увѣрившей что очень нуждается въ этихъ деньгахъ. Гг. Блокъ и Корлингъ считали это возможнымъ, но не были вполне увѣрены. Это, можетъ-быть, будетъ возможно, если капитанъ согласится представить дѣло въ судъ присяжныхъ, причемъ, конечно, будетъ доказана вся безчестность его отца. Можетъ быть также что, пригрозивъ, удастся принудить друзей леди возвратить сумму и ограничиться вознагражденіемъ за то изъ этой суммы.

— Мы предложимъ имъ 50 фун. и они, можетъ-быть, помнутся на 500 фун., говорили господа Блокъ и Корлингъ.

Все это раздражало капитана. Онъ чувствовалъ отвращеніе

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1870 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1870 г. стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, тринадцать рублей пятьдесятъ коп., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи пятнадцать рублей.

Желающіе могутъ подписываться также и на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., а съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 7 р. 75 к., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 85 к.

Заграничные высылаютъ за доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почт. Союза — 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загражскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невской проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1870 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1870 году, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, пятнадцать рублей сер.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города пятнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ)
на Страстномъ бульварѣ

